

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ЯНВАРЬ.

1887 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Январь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Київ, 24-го декабря 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1887 г.

- I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.
V. ХУДОЖНИКЪ. 1.
- II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ Г. ВЛАДИМІРЪ-
ВОЛЫНСКОМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.—Е. Дверниц-
наго. 36.
- III. РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННОКА О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ СЪ
НИМЪ ВО ВРЕМЯ «КОЛИВИЩИНЫ», *съ предисловіемъ* В.
Рыльского 51.
- IV. ТУРЪ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.—Н. Ф. Сумцова. . . 65.
- V. НЕИЗДАННЫЙ РАЗСКАЗЪ Г. Ф. КВИТЕН (Основьяненка). . 91.
- VI. СУДЬБА КРАСАВИЦЫ (Софія Глявоия - Витте - Потоцкая).
—*Разказъ д-ра* Антонія І. 99.
- VII. ИНСТРУКЦІЯ ГЕТМАНА ДАНИЛА АПОСТОЛА МАЛО-
РОССІЙСКИМЪ СУДАМЪ.—Сообщ. А. А. Федотовъ-Чеховскій. 139.
- VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по
Екатеринославской губерніи. Томъ II. Бахмутскій уѣздъ.
Екатеринославъ. 1886 годъ.—б) Кустарные промыслы въ кур-
ской губерніи, сост. Н. А. Добротворскимъ. Курскъ. 1886 г.—
в) Крачуны-Корочуны Шухардта (Archiv für slavische Philologie.
1886 г.—Н. С.—г) Степь. Херсонскій беллетристичный збир-
никъ. 1886.—В. Я. 162.
- IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Картина В. Е. Маковского
«Мать и Дочь»,—Н. С.—б) Къ біографіи Г. И. Теплова.—
А. Барсукова.—в) Рѣчь малороссійскаго генералъ-губерна-
тора кн. Репнина къ дворянству черняговской и полтавской
губерній.—Сообщ. А. С. Лашкевича.—г) Бракоразводный
вазусъ конца XVI ст.—Сообщ. А. А. Федотовъ-Чеховскій.—
д) Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи.—В. Васи-
ленка.—е) Коляды и шедривки.—ж) Къ портрету гетмана
И. С. Мазепы. 197.
- X. ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ гетмана И. С. Мазепы (*снимокъ съ
современнаго стѣннаго изображенія въ великой церкви кіево-пе-
черской лавры, съ факсимиле Мазепы*).
- XI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изд. 1882 г.

Четыре тома, въ больш. 8°, до 160 печатныхъ листовъ, болѣе 2500 стр.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст., проф. *В. Б. Антоновича*. Паны Ходьки, воротили городского самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII ст., *его же*. Уманскій сотникъ *Ив. Гонты*, *его же*. Дневникъ *Освѣцима*, переводъ съ польскаго, *его же*. Поѣздка въ Бѣлую Церковь, *Н. И. Костомарова*. Матеріалы для исторіи Колиивщины, *его же*. Матеріалы для біографіи Шевченка, *Н. М. Бьлззерскаго*. Люди Старой Малороссіи (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки), *А. М. Лазаревскаго*. Сулиминскій фамильный архивъ. *его же*. Украинская деревня половины настоящаго ст., *Е. М. Крыжановскаго*. Малорусскій вертепъ (съ нотами и рисункомъ вертепнаго ящика), съ предисловіемъ *Г. И. Галагана*. Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія въ харьковской губ., *А. Л. Шиманова*. Старинный южно-русскій театръ, проф. *Н. И. Петрова*. Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей (литерат. памятникъ XVIII ст.), *его же*. Забытыя иноческія обители (монастыри холмскій и замостьскій), *его же*. Кіевское представительство прежняго времени, *Н. Князья Ружинскіе*, *И. П. Новицкаго*. Кіевскій митрополитъ *Петръ Могила*, проф. *Ф. А. Терновскаго*. Альбомъ *М. А. Максимовича*, *С. И. Пономарева*. Южнорусскіе архіереи XVI и XVII в., *О. И. Левицкаго*. Соцініанство въ Польшѣ и юго-западной Руси, *его же*. Къ исторіи крестьянскихъ волненій 1835 года въ кіевской губерніи: а) Посмертный разсказъ свящ. *А. Ковальскаго*, б) Изъ воспоминаній потерпѣвшаго, прот. *В. Сикорскаго*. Къ характеристикѣ *Д. Г. Бибикова*, *Н. Почаевская Успенская Лавра*, кв. *Н. С. Голыцкаго*. Образцы обличительной литературы Малороссіи, *П. С. Ефименка*. Смыслныя малороссіяне въ Архангельской губ. (1708—1802), *его же*. Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши послѣ ея раздѣла, *Е. К. Поляки и Русины* (къ исторіи ихъ отношеній), *Л. Мацьевича*. Архіерейскія печали, *К. Березы*. Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ, *П. И. Житецкаго*. Внутренніе распорядки Запорожья, *А. А. Скальковскаго*. Умань и Софіевка, *А. Смоктя*. Переписка гр. Румянцева о возстаніи въ Украинѣ 1768 г.—Кромѣ того до 50 отзывовъ о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и болѣе 100 разныхъ разсказовъ и замѣтокъ. Приложены портреты: *Богдана Хмельницкаго*, *Гонты*, *Саввы Туптала* и *Петра Могила* и видъ Кіевск. Академіи и ея студентовъ 1697—1702 г.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изд. 1883 г.

Три больших тома, 160 печатных листовъ, 2566 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность, *Н. И. Костомарова*. Жидотрепаніе въ началѣ XVIII в. (хроника), *его-же*. Серапионъ, митрополитъ кievскій, проф. *Ф. Терновскаго*. Фрески кievо-кириллоновской церкви XII в., проф. *А. В. Пухова*. Забѣтки объ украинской народной словесности, *М. Т—ова*. Письма Шевченка къ Брон. Залесскому, съ пред. *его-же*. Двѣ южнорусскія интермедіи начала XVII ст., съ пред. *его-же*. Записки Карла Хоецкаго, съ пред. проф. *В. В. Антоновича*. Судьба одного галицко-русскаго дѣтеля (И. Н. Вагилевича), *Я. Головацкаго*. Печерскіе антики (изъ воспоминаній о Кіевѣ), *Н. С. Льскова*. Неизвѣстный доселѣ гетманъ (Д. Барабашъ), проф. *В. В. Антоновича*. Анна-Алоиза, кн. Острожская, монографія *О. И. Левицкаго*. Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и рассказамъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ картъ и вида Дунавца), *Ө. Кондратовича*. Удѣльный періодъ и его изученіе, *Д. И. Багалъя*. Генеральная опись Малороссіи, *его-же*. Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVII—XVIII ст., *его-же*. Галагановскій фамильный архивъ, *А. М. Лазаревскаго*. И. П. Забѣла, знач. войсковой товарищъ, *его-же*. Смѣна народностей въ южной Руси, *И. Житецкаго*. Волынская революція первой четверти XIX ст. (обширный современный мемуаръ). Ириней Фальковскій, коадьюторъ кievскій, *Г. Булашева*. Воспоминанія о Шевченкѣ, *А. Смоктія*. Картинки народной жизни, *его-же*. Записки барона Тодта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., съ пред. *С. Е. Украинскія женщины* (съ польскаго), рассказы д-ра *Антонія І.* Страшный Юсифъ (съ польскаго), *его-же*. Г. Ө. Квитка, историко-литературный очеркъ, *Н. Маркова*. Харьковскій Вертеръ, *А. Барымова*. Происхожденіе думы о Самойлѣ Кишкѣ, *В. П. Науменка*. Колонизація Кубанской области, *Ф. Щербини*. Бѣглецы и крѣпостные въ Черноморіи, *его-же*. Ребѣ-Лейбѣ-Суресъ (еврейскія легенды), *А. Турнавскаго*. Украинскій Соломонъ (по фамильнымъ воспоминаніямъ), *С. Д. Носа*. Предсмертная поземельная борьба Запорожья, *А. Шиманова*. Судъ надъ вѣдьмами въ Малороссіи, *П. С. Ефименка*. Шпитали въ Малороссіи, *его-же*. Братства и союзы нищихъ, *его-же*. Куплетныя формы южнорусской пѣсни, *Ц. Г. Неймана*. Семень Гаркуша, *К. Кошовика*. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни, *Ө. Николайчика*. Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обычаевъ, проф. *Н. Ө. Сумцова*. Посѣщеніе Кіева в. кн. Павломъ

Петровичемъ (современное описание г. ~~Разновидности Марциановыхъ~~ Ганусковой горѣлки (рецепты малорусскихъ ~~печеній~~, соленій и настоекъ по рукописи XVIII ст.). Херсонесъ Таврической (по поводу ~~обледа~~). В. Ястребова. По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской Лавры, А. Тарнавскаго. Къ 300-лѣтнему юбилею Ив. Оедорова, перваго русскаго печатника, В. Ястребова. Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго, В. П. Горлема. Изъ бумагъ холмскаго архива. Допросъ Григ. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазены, съ пред. А. П. Барсукова. Переписка гр. Румянцева о возстаніи 1768 г. Обугскихъ козакахъ, А. Скалковскаго. Запорожскіе выборы и порядки (по современ. описаніямъ), А. Андриевскаго. Покровская церковь въ Переяславлѣ, А. Т. Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ, С. Ц. Кафельные памятники XVIII в. Національные типы въ украинской словесности. Малорусскія эпитафіи XVIII в., А. Маркевича. Клады въ кievской губерніи по рукописи XVIII ст. Гетманъ Ив. Куцковичъ, А. С—ка. О Кіевской Десятинной церкви. Кіевская пертурбація 1786 г. Анатолій Мартыновскій, архієпископъ могилевскій, д-ра Пирожкова. Восемь писемъ Т. Г. Шевченка къ разнымъ лицамъ. Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому. Письма С. Т. Аксакова, Мерзлякова, Раича, кн. Одоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова и др. къ М. А. Максимовичу, письма Г. О. Квитки, митрополита Евгенія Болховитинова и др.; помѣщены также письма князя Конст. Конст. Острожскаго и холмскаго епископа Якова Суши; до 150 рецензій и мелкихъ замѣтокъ по исторіи и этнографіи Малороссіи. Портреты: задунайскаго запорожца А. Коломыйца, жены Гонты, кн. Конст. Конст. Острожскаго, знаменитаго ревнителя православія и жены его, княгини Софіи.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изданіе 1884 года.

Три тома, 2486 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Неизданная повѣсть Т. Г. Шевченка «Княгиня». Записки гофмейстера П. Д. Селецкаго (1821—1846 гг.). Записки сенатора А. Я. Стороженка. Хроника кievской общественной жизни 1804—1824 гг. по дневнику митрополита Серапіона, проф. Ф. А. Терновскаго. Семейная хроника и воспоминанія кн. Б. И. Куракина (рукопись XVII—XVIII в.), съ предисловіемъ проф. Терновскаго. Записки А. С. Пищевича о Новороссійскомъ краѣ. Происхожденіе запорожскаго коза-

чества, *Л. П. Топографическій очеркъ Запорожья, Д. И. Эварницкаго*. Число и порядокъ запорожскихъ сѣчей, *его же*. Посмертныя бумаги архієпископа могилевскаго *Анатолія Мартыновскаго*. Змієвы валы въ предѣлахъ кіевской земли, проф. *В. В. Антоновича*. Стороженки—фамиліальная лѣтопись. Иннокентій Гизель, проф. *Н. О. Сумцова*. Іоанникій Галяттовскій, *его же*. Матеріалы для исторіи штунды, *П. Л—ва*. Историческія замѣтки о Кіевѣ, *его же*. Изъ прожитыхъ на Волыни дней, *Н. И. Костомарова*. Люди старой Малороссіи (Марковичи), *А. М. Лазаревскаго*. Кобзари и лирники, *В. Горленка*. Первые козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой, *О. Н.* Самоуправленіе у кубанскихъ козаковъ, *О. Щербини*. Черты внутренняго строи западно-русской церкви XVI и XVII ст., *О. И. Левичкаго*. Путевые очерки Подолья, *К. М. Церковъ* и византіѣство, проф. *О. И. Миллера*. Воплъ Мазепы, *С. Исаевича*. Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владимира для испытанія вѣр. Письма графа А. А. Аракчеева къ Г. И. Лисаневичу (о военныхъ поселеніяхъ на югѣ Россіи). Малорусскіе колонисты на Кавказѣ, *И. С. Слободское украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. О. Квитки*. Судъ Божій надъ душой грѣшника (южнорусская драма конца XVII ст.), съ пред. *Ц. Неймана*. Къ исторіи бунта въ Малороссіи 1687 г., проф. *И. В. Луцицкаго*. О царскихъ скиѣахъ, *О. Г. Мищенко*. О работахъ козаковъ по прорытію ладожскаго канала. Нѣжинскій журналъ Гоголя, *С. Пономарева*. Малорусскій пѣсенникъ, *Ц. Неймана*. Загадочные портреты, *Д. Сапожникова*. Очаковская зима по современному описанію, *В. Ястребова*. Приглашеніе къ открытію университета св. Владимира и правила поступленія въ оный, сообщ. графъ *Г. А. Милорадовичъ*. Кіевскій пещерникъ XVIII ст., сообщ. *А. Лашкевичъ*. Художникъ В. Л. Боровиковскій, три о немъ замѣтки: *И. Боровиковскаго, В. Горленка, и И. Н. Божерянова*. О. М. Новацкій (некрологъ). Митрополитъ Іосифъ Симашко, прот. *А. Мацкевича*. Судьба одного кіевскаго сооруженія (строющійся Владимірскій соборъ), *А. К.* Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсвѣтъ ложные слухи, *П. Ефименка*. Къ исторіи малорусскихъ нравовъ XVIII ст., *Н. Стороженка*. Домашнее воспитаніе начала XIX ст., *В. Ястребова*. Роковое чтеніе псалтыри (изъ быта кіевскихъ „спудеевъ“), *К. Цыбульскаго*. П. П. Чубинскій (некрологъ), проф. *А. О. Кистяковскаго*. Населеніе Кіева въ прошломъ ст., *Д. Т. Вымирающіе типы украинской деревни, Л. Кисилевича*. 107 лѣтъ южно-русской этнографіи, *В. Г. Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ, А. Селиванова*. VI археологическій сѣздъ въ Одессѣ. Школьныя воспоминанія о Кіевѣ, *Н. Барановскаго*. Еврейскій плѣнъ въ Запорожьѣ, *А. Скальковскаго*. Волынская бывальщина, *И. О. Древнія мозаики въ*

кієво-софійскомъ соборѣ, *П. Д—ва*. Забѣтки о запорожской старинѣ, *А—ва*. Воспоминанія священника о жизни въ военномъ поселеніи, *П. Павловича*. Великій грѣшникъ (малор. сказка). Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи, *А. Маркевича*. Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ, *В. Бучневича*. Лиментанція кієво-братскихъ монаховъ конца XVII ст. Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ коллекціи кн. Вишневецкихъ, *В. Горленка*. Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ, *В. Науменка*. Нѣмецко-хохлацкая штунда, *Б. Познанскаго*. Народные разказы о кладахъ, *О. К.* Изъ слѣдовательской дѣятельности *А. П. Стороженка*. Оскорбленіе гетманской чести, *А. Андриѣвскаго*. Эпизодъ изъ авторско-издательской дѣятельности *Т. Г. Шевченка*. *Б. М. Маркевичъ* въ роли сельскаго педагога, *Б. Д—ра*. До 50 рецензій, 30—35 мелкпхъ въ каждомъ томѣ забѣтокъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніи Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753). Портреты виновниковъ уніи Ипатія Потѣя, кіев. уніатскаго митрополита, и Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго. Портретъ дочери в. кн. Ярослава Мудраго, королевы французской Анны.

Цѣна 8 р. 50 коп. съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ИЗДАНИЕ 1885 ГОДА.

Три тома, 2358 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Старосвѣтскіе батюшки и матушки, повѣсть *И. С. Левинскаго* (Нечуд). Иванъ Подкова, историч. разказъ д-ра Антонія І. Воронежскіе хохлы,—забѣтки и наблюденія *Б. С. Познанскаго*. Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1863 года на Украйнѣ, *его-же*. Воспоминанія о школѣ и грамотности въ кіевской губ., *его-же*. Воспоминанія о *Т. Г. Шевченкѣ*, *Суханова-Подколзина*. Автобіографія *Т. Г. Шевченка*, по рукописи *П. А. Кулпша*. На могилу *Шевченка*, *Ф. И. Каминскаго*. Къ біографіи *Т. Г. Шевченка* (его письма). Народная пѣсня о *Т. Г. Шевченкѣ*. Эпизодъ пзъ жизни *Т. Г. Шевченка*. Памяти *Н. И. Костомарова*: а) очеркъ его жизни и дѣятельности, б) библиографическій указатель его произведеній, *Ф. Николайчика*, в) *Н. И. Костомаровъ*, какъ историкъ, проф. *В. Б. Антоновича* и г) *Н. И. Костомаровъ*, какъ этнографъ, *В. П. Науменка*. Нѣсколько встрѣчъ съ *Н. И. Костомаровымъ*, *М. А. Кулишъ*. Воспоминанія о *Н. И. Костомаровѣ*, *В. Л. Беренштама*. Случай пзъ жизни *Н. П. Костомарова*, *Н. Даръ* пятиде-

святницы и наши первоучители (памяти Н. И. Костомарова), проф. *О. И. Миллера*. Некрологъ А. Θ. Клястяковскаго, проф. *И. В. Луцицкаго*. Очеркъ научной дѣятельности А. Θ. Клястяковскаго, *Д. Бьлоричъ-Котляревскаго*. Очеркъ исторіи юго-западной Руси, *К. М. Адамъ Кисель*, воевода кievскій (историко-біографическій очеркъ), *И. П. Новицкаго*. Охочекомонный полковникъ И. Θ. Новицкій, монографія *Н. В. Стороженка*. Гетманство Брюховецкаго, *С. Е. Іоаннъ Вышенскій* (южнорусскій полемистъ XVII ст.), историко-литературное изслѣдованіе проф. *Н. Θ. Сумцова*. Южнорусскій дворянинъ XVIII в., *Н. Н. Бакая*. Баптизмъ пли штунда въ кievской губерніи, *П. Д—ва*. Малорусскія фампльныя прозванія, проф. *Н. Θ. Сумцова*. Автобіографія южнорусскаго священника XVIII ст., сообщ. *П. А. Лукашевичъ*. Художникъ К. И. Гловачевскій (біографич. очеркъ), *И. Н. Божерянова*. Коппные суды въ лѣвобережной Украинѣ, *А. Е.* Къ исторіи театра въ юго-западномъ краѣ. О началѣ кievской академіи, проф. *С. Т. Голубева* и *П. Д—ва*. Старѣйшія русскія драматическія сцены, *П. Кузьмичевскаго*. Воеводскія вѣстовыя отписки, *Н. Н. Оглобина*. Пѣснь на случай открытія университета св. Владимира. Прилудскій асаулъ Михайло Мовчанъ и его записная книга, проф. *В. Б. Антоновича*. Характеристика южнорусской литературы XVII в., проф. *Н. Θ. Сумцова*. Религіозно-міѳическое значеніе малорусской свадьбы, *сю-же*, Къ исторіи колонизаціи Новороссіи. Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтителы (къ ихъ юбилею). Проектъ казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ. Новелла Боккачіо въ южнорусскомъ стихотворномъ пересказѣ, *В. П. Науменка*. Воззваніе конфедератовъ къ русскому народу. Давыдова боженка (къ лѣтописной топографіи кievскаго Полѣсья), *М. Андріевскаго*. Польско-русскія соотношенія XVII вѣка въ современной польской призмѣ (по поводу повѣсти Г. Сенкевича «Огнемъ и мечемъ»), проф. *В. Б. Антоновича*, На память тысячелѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителы, проф. *Θ. Успенскаго*. Пророкъ «Многовѣръ» и судъ надъ нимъ, *О. И. Левинкаго*. Пекельный Марко, сообщ. *Зуйченк*. Романовское староство и судьба его жителей. Малороссія на передвижныхъ выставкахъ картинъ, проф. *Н. Θ. Сумцова*. Къ исторіи екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, проф. *Д. И. Багалъя*. Малорусская похоронная причеть, *С. Браиловскаго*. Двѣ украинскія пѣсни и по поводу ихъ, *Б. С. Познанскаго*. Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины, *А. А. Скальковскаго*. По поводу возстановленія кievо-межигорскаго монастыря, *А. А. Андріевскаго*, Шуточные стихи начала прошлаго вѣка, *В. П. Науменка*. Стефанъ Яворскій въ

двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы, *его-же*. Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ, *В. Василенка*. Кобзарь Кроковскій (некрологъ), *В. П. Горленка*. Запись о кладѣ XVIII ст., проф. *В. Б. Антоновича*. На могилѣ А. П. Стороженка, *Н. В. Стороженка*. Археологическія раскопки въ екатеринославской и кievской губерніяхъ, *Д. И. Эварницкаго*. Запорожская пещера надъ Днѣпромъ, *его-же*. Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ, проф. *В. Б. Антоновича*. Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи, *Н. В. Стороженка*. Чума 1813 г. въ херсонской губ., *Н. И. Южнорусскіе священники*, отыскиваюшіе права дворянства, *А. Зальскаго*. Старинная малорусская эпитафія, *А. М. Лазаревскаго*. Черты въ продажѣ, *Прибыльскаго*. Малорусская историческая шарада. Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ п возвращеніи запорожцевъ, *В. Василенка*. О началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ, *И. Матченка*. Кураковскій договоръ 1625 года, *И. Никифорови*. Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года, *И. Ревы*. Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла. Наслѣдники запорожскихъ земель, проф. *Д. И. Багалъя*. Кіевская актовая рѣчь 1841 г., сообщ. *Е. Попруженко*. Мазепа князь него гербъ, кн. *А. В. Дабижчи*. Изъ фамильныхъ преданій, *Н. В. Стороженка*. Къ характеристикѣ шляхетско-козацкаго быта XVIII в., *Ф. Н. Кіевъ* въ 1799 году, *В. Горленка*. Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст., *С. Н. Исавича*. Гетманскій городъ, *В. Е. Буневича*. Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ, *А. И. Лончевскаго*. Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій (графъ Потоцкій), *В. Познанскаго*. Пещера въ Лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ Лебединскомъ монастырѣ, *М. Васильева*. Изъ народныхъ рассказовъ Новороссіи. Народныя преданія о запорожцахъ. *Я. Новицкаго*. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки, *Д. Синицкаго*. Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почтѣ, *С. Бѣлинскаго*. Два письма Богдана Хмельницкаго къ Сапѣгѣ. Воспоминанія о маневрахъ подъ Елсаветградомъ, *Ф. Перепелицы*. Народныя рассказы о слободско-украинскихъ помѣщикахъ, *А. Катружина*. Старинныя орудія наказанія и исправленія, *И. Новицкаго*. Вольныя литературныя упражненія въ судахъ XVII ст., *П. Шоболдаева*. Запрещеніе купальскихъ огней. *И. Ефименка*. Русская святыня на западѣ Европы. Волынская бывальщина, *И. Шафарука*. Слѣды запорожцевъ въ Сванетіи, *Г. Лебединца*. Императоръ Александръ I въ Кіевѣ, *Л. Мацѣевича*. Сербы въ Кіевѣ. О мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы, проф. *П. Б. Антоновича*. О времени смерти кн. К. К. Острожскаго, *Д. Гродецкаго*. Малорусскія пѣсни по латыни, *Я. Новицкаго*. Польское привѣтствіе отъ лица Бѣлоруссіи Наполеону I, *С. Исавича*. Дарствек-

ная запись вн. К. Острожскаго. Вероника Крепсѣ, сообщ. *Ц. Г. Нейманъ*. Французъ-путешественникъ на Украинѣ, *В. П. Горленка*. Сверхъ того въ каждомъ томѣ по 16 рецензій на новыя книги и много мелкихъ замѣтокъ, пѣсенъ, думъ и проч.; въ приложеніи Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753) и портреты: композитора Д. С. Бортиянскаго (гравюра акад. Боброва) и кievскаго воеводы А. Киселя. Цѣна 8 р. 50 коп., съ пересылкой 10 р. с.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Издание 1886 года.

Три тома, 2678 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Неизданныя произведенія *Т. Г. Шевченка*: Слѣпая (поэма), Варнакъ, Наймишка и Близнецы (повѣсти). О. Хортица на р. Днѣпрѣ (поѣздка по запорожскимъ урочищамъ), *Д. И. Эварницкаго*. Вѣдьма, польскій разсказъ, *Э. Оржешико* (переводъ съ польскаго). Дневникъ Теодора Евлашевскаго, съ предислов. проф. *В. Б. Антоновича*. Люди Старой Малороссіи (Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Левенцы, Лѣспницкіе), *А. М. Лазаревскаго*. Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка, *Н. В. Стороженка*. Что слышалось и что видѣлось, воспоминанія *Б. С. Познанскаго*. Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности, *И. Кузьмичевскаго*. Колядки, шедривки, коломийки, пьяницкія пѣсни, проф. *Н. Θ. Сумцова*. Досвѣтки и посидѣлки, *его-же*. Малорусская географическая номенклатура и мѣстныя названія въ украинской народной словесности, *его-же*. Записки ново-оскольскаго дворянина *И. О. Острожскаго-Лохвицкаго* (1771—1846). Кіево-печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи, *П. Л—ва*. Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе въ южной Руси къ концу XVI в., проф. *Архангельскаго*. Къ исторіи перваго крымскаго похода, *А. Востокова*. Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ, монографія *Θ. Лаикова*. Мазепа и его «прекрасная Елена», *И. М. Каминина*. Кіевскія смуты прошлаго столѣтія, *А. А. Андриѣвскаго*. Кармелюкъ, перев. съ польскаго, разсказъ д-ра *Антонія І.* Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ, *В. Горленка*. Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка, *И. Р.* Изъ эпохи крестьянской реформы, *П. Ефименка*. О вліяніи греческаго и римскаго ритуала на малорусскую свадьбу, проф. *Н. Θ. Сумцова*. Секретная переписка запорожскаго коша, *А. Скалковскаго*. Къ исторіи Запорожья, *Д. И. Эварницкаго*. О началѣ кievской Академіи, *Н. Оглоблина*. Михаилъ Чайковскій (Садыкъ-паша) и козакофильство. Историческая геогра-

фія южнорусскихъ степей, *П. Я. Бурачкова*. Житіе Сковороды, соч. друга его М. И. Ковалѣнскаго, съ предисл. проф. *Н. Θ. Суццова*. Письма Д. П. Трощинскаго къ кн. Лобанову-Ростовскому, сообщ. *Н. С—ко*. Колдовство въ югозападной Руси въ XVIII ст., *А. Стлецкаго*. Изъ исторіи слободской Украины, *Евг. Максимова*. Волынская бывальщина, *И. О—ва*. Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарнавскаго, *В. Горленка*. Къ воспоминаніямъ г-жи Смирновой о Гоголѣ, *его-же*. Гоголь въ гадячской ратушѣ, *А. Луговаго*. Изъ записокъ А. С. Пишчевича. Бугскіе козаки и украинскіе уланы, *его-же*, сооб. *В. Я. О «дикомъ попѣ»*, *Л. Мицкевича*. Судь въ Сѣчи Запорожской, *А. Скальковскаго*. Изъ записной книжки южно-русскаго священника XVIII ст., сообщ. проф. *В. Б. Антоновичъ*. Поимка Гаркущи въ Ромнѣ, *Н. С. Гайдамацкій бандуристъ*, *В. Ястребова*. Скельскій монастырь, *А. Твердохлѣбова*. «Мазепа» Чайковскаго, *В. Горленка*. Къ родословной Мазепы. Глушковская сукодная фабрика, *Н. Добротворскаго*. Пѣвческая школа къ Глуховѣ. Забчателный праздникъ въ г. Холиѣ, *О. П.* Къ исторіи малорусскихъ ремесленнихъ издѣлій, проф. *Н. Θ. Суццова*. Колоколь «Кизикермень», *В. Бучневича*. Родъ Слуницъ и помѣстье ихъ Куна, *С. В—го*. Къ исторіи черниговской типографіи, сообщ. *А. М. Лазаревскій*. Доббушевъ кладъ, *Θ. Федьковича*. О Кармелюкѣ (воспоминанія и замѣтки), *С. Венерженовскаго и Ю. Олтаржевскаго*. Харьковскіе коцари, *А. Т.* Былъ-ли Геродотъ въ южной Россіи, *Θ. Г. Миценка*. Семейная драма въ уманскомъ военномъ поселеніи, *В. Г.* Къ исторіи кievскихъ золотыхъ воротъ. *Д. И. Сапожникова*. Археологическая экскурсія въ г. Владиміръ-Волынской.—Въ приложеніи: Роспись рода Горленковъ, кн. *А. В. Дабижчи*. Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753 гг.). Три вида великой церкви кievо-печерской лавры XVII и XVIII ст. и портретъ охочекомоннаго полковника Иліи Ѳедоровича Новицкаго. Сверхъ того 48 рецензій на вновь выходящія книги и много мелкихъ замѣтокъ по южнорусской исторіи и этнографіи.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

Желающіе пріобрѣсти журналъ за прежніе годы пользуются значительной уступкой, а именно: получающіе на мѣстѣ, безъ пересылки, уплачиваютъ: за два года 16 р. 30 коп., за три года 21 р. 70 коп., за четыре года 27 р. 20 коп., за пять лѣтъ 32 р., за все шесть лѣтъ 40 р. 50 к., а выписывающіе съ пересылкой платятъ: за два года 18 р., за три года 25 р. 50 коп., за четыре года 32 р., за пять лѣтъ 37 р. 50 коп., за все шесть лѣтъ 47 р. 50 коп.

Въ конторѣ редакціи журнала «Кіевская Старина» продаются слѣдующія отдѣльныя изданія редакціи:

1) Записки ново-оскольскаго дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго (1771—1846 гг.). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

2) Записки гофмейстера П. Д. Селецкаго (1821—1846 г.). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

3) Старосвѣтскіе батюшки и матюшки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Нечуя). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

4) Адамъ Кисель, воевода кіевскій (съ портретомъ) И. П. Новицкаго. Ц. 80 коп., съ пер. 1 р.

5) Семейная хроника и воспоминанія кн. В. И. Куракина (1676—1727 гг.). Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу Дневникъ хоружаго Н. Ханенка (1728—1753 г.). Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Всѣ изданія при выпискѣ одновременно уступаются за семь р. на мѣстѣ; съ пересылкой—за восемь руб.

Портреты: 1) Композитора Д. С. Бортнянскаго, гравюра академика В. И. Боброва. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

2) Ипатія Потѣя, кіев. уніат. митрополита. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

3) Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго. Ц. 50 к., съ пер. 60 коп.

4) Гетмана И. С. Мазепы. Ц. 30 коп., съ пер. 40 коп.

5) Жены уманскаго сотника Ив. Гонты. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

6) Охочекомоннаго полковника И. О. Новицкаго (съ пояснит. текстомъ). Ц. 30 к. съ пер. 40 к.

7) Ананія Коломыйца, послѣдняго изъ задунайскихъ запорожцевъ, жившаго еще въ 1883 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 коп.

За всѣ портреты 2 р. 50 коп., съ пер. 3 р.

Владимиръ Владимировичъ
Владимировъ
1

Приложение къ «КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ» 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

V.

ХУДОЖНИКЪ.

(АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ).

Великій Торвальдсенъ началъ свое блестящее артистическое поприще вырѣзываніемъ орнаментовъ и тритоновъ съ рыбьими хвостами для тупоносыхъ копенгагенскихъ кораблей. Герой мой тоже, хотя и не такъ блестящее, но тѣмъ не менѣе артистическое поприще началъ растираніемъ охры и муміи въ жерновахъ и крашеніемъ половъ, крышъ и заборовъ. Безотрадное, безнадежное начинаніе! Да и много ли васъ счастливецевъ геніевъ-художниковъ, которые не такъ начинали? Весьма и весьма немного! Въ Голландіи, напримѣръ, во время самаго блестящаго золотого ея періода, Остаде, Бергемъ, Тенъберъ и цѣлая толпа знаменитыхъ художниковъ, кромѣ Рубенса и Ванъ Дейка, въ лохмотьяхъ начинали и кончали свое великое поприще. Несправедливо было бы указывать на одну только меркантильную Голландію. Разверните Вазари и тамъ увидите тоже самое, если не хуже. Я говорю «хуже» потому, что тогда даже политика намѣстниковъ святого Петра требовала изящной дежорации для ослѣпленія толпы и затмѣнія еретическаго ученія Виклефа и Гуса, уже начинавшаго воспитывать неустрашимаго доминиканца Лютера. И тогда, говорю, когда Левъ X и Леонъ II спохватились и сыпали золото встрѣчному и поперечному маляру и каменьщику, и въ то золотое время умирали великіе художники съ голоду, какъ напримѣръ Корреджіо и Цампіери. И такъ случалось къ несчастію

весьма нерѣдко, всегда и вездѣ, куда только проникало божественное животворящее искусство; случается и въ нашъ девятнадцатый просвѣщенный вѣкъ, вѣкъ филантропіи и всего, клонящагося къ пользѣ челоѳчества, при всѣхъ его средствахъ отстранить и укрыть жертвы,

Карающей богинѣ обреченныя.

За что же, вопросъ, этимъ олицетвореннымъ ангеламъ, этимъ представителямъ живой добродѣтели на землѣ выпадаетъ всегда такая печальная, такая горькая доля! Вѣроятно за то, что они ангелы во плоти.

Эти разсужденія ведутъ только къ тому, что отдаляютъ отъ читателя предметъ, который я намѣренъ ему представить, какъ на ладони.

Лѣтнія ночи въ Петербургѣ я почти всегда проводилъ на улицѣ или гдѣ нибудь на островахъ, но чаще всего на академической набережной. Особенно мнѣ нравилось это мѣсто, когда Нева спокойна и, какъ гигантское зеркало, отражаетъ въ себѣ со всѣми подробностями величественный портикъ Румянцевскаго музея, уголь сената и красныя занавѣси въ домѣ графини Лаваль. Въ зимнія длинныя ночи этотъ домъ освѣщался внутри, и красныя занавѣси, какъ огонь, горѣли на темномъ фонѣ, и мнѣ всегда досадно было, что Нева покрыта льдомъ и снѣгомъ и декорація теряетъ свой настоящій эффектъ.

Любилъ я также лѣтомъ встрѣчать восходъ солнца на Троицкомъ мосту. Чудная, величественная картина! Въ истинно художественномъ произведеніи есть что-то обаятельное, прекраснѣе самой природы—это возвышенная душа художника, это божественное творчество. За то бывають и въ природѣ такія чудныя явленія, предъ которыми поэтъ-художникъ падаетъ ницъ и только благодарить Творца за сладкія, душу чарующія, мгновенія.

Я часто любовался пейзажами Щедрина, и въ особенности плѣняла меня его небольшая картина «Портичи передъ закатомъ солнца». Очаровательное произведеніе! Но оно никогда не очаровывало меня такъ, какъ видъ съ Троицкаго моста на Выборгскую сторону передъ появленіемъ солнца.

Однажды, насладившись вполне этою нерукотворенною картиною, я прошелъ въ Лѣтній садъ отдохнуть. Я всегда, когда мнѣ

случалось бывать въ Лѣтнемъ саду, не останавливался ни въ одной аллеѣ, украшенной мраморными статуями: на меня эти статуи дѣлали самое дурное впечатлѣніе, особенно уродливый Сатурнъ, пожирающій такое же, какъ и самъ, уродливое свое дитя. Я проходилъ всегда мимо этихъ неуклюжихъ богинь и боговъ и садился отдохнуть на берегу озерка и любовался прекрасною гранитною вазою и величественною архитектурою Михайловскаго замка.

Приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ большую аллею пересѣкаетъ поперечная аллея и гдѣ въ кругу боговъ и богинь Сатурнъ пожираетъ свое дитя, я чуть было не наткнулся на живого человѣка въ тиковомъ грязномъ халатѣ, сидящаго на ведрѣ, какъ разъ противъ Сатурна.

Я остановился. Мальчикъ (потому что это дѣйствительно былъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати) оглянулся и началъ что-то прятать за пазуху. Я подошелъ къ нему ближе и спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ.

— Я ничего не дѣлаю, отвѣчалъ онъ застѣнчиво: иду на работу, да по дорогѣ въ садъ зашелъ,—и немного помолчавъ, прибавилъ; я рисовалъ.

— Покажи, говорю, что ты рисовалъ.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи четверку сѣрой писчей бумаги и робко подаль мнѣ. На четверкѣ былъ назначенъ довольно вѣрно контуръ Сатурна.

Долго я держалъ рисунокъ въ рукахъ и любовался запачканнымъ лицомъ автора. Въ неправильномъ и худощавомъ лицѣ его было что-то привлекательное, особенно въ глазахъ умныхъ и кроткихъ, какъ у дѣвочки.

— Ты часто ходишь сюда рисовать? спросилъ я его.

— Каждое воскресенье, отвѣчалъ онъ: а если близко гдѣ работаемъ, то и въ будни захожу.

— Ты учишься малярному мастерству?

— И живописному,—прибавилъ онъ.

— У кого же ты находишься въ ученьи?

— У комнатнаго живописца Ширяева.

Я хотѣлъ распросить его подробнѣе, но онъ взялъ въ одну руку ведро съ желтой краской, а въ другую желтую же обтертую большую кисть и хотѣлъ идти.

— Куда ты торопишься?

— На работу. Я и то ужъ опоздалъ, хозяинъ придетъ, такъ достанется мнѣ.

— Зайди ко мнѣ въ воскресенье по утру и, если есть у тебя какіе нибудь рисунки своей работы, то принеси мнѣ показать.

— Хорошо, я приду; только гдѣ вы живете?

Я записалъ ему адресъ на его же рисунокѣ и мы разстались.

Въ воскресенье по утру рано я возвратился изъ всенощной своей прогулки и въ корридорѣ передъ №-мъ своей квартиры встрѣтилъ меня мой новый знакомый, уже не въ тиковомъ грязномъ халатѣ, а въ чемъ-то похожемъ на сюртукъ коричневаго цвѣта, съ большимъ сверткомъ бумаги въ рукахъ. Я поздоровался съ нимъ и протянулъ ему руку. Онъ бросился къ рукѣ и хотѣлъ поцѣловать. Я отдернулъ руку, меня сконфузило его раболѣпіе. Я молча вошелъ въ квартиру, а онъ остался въ корридорѣ. Я снялъ сюртукъ, надѣлъ блузу, закурилъ сигару, а его все еще нѣтъ въ комнатѣ. Я вышелъ въ корридоръ, смотрю, пріятеля моего, какъ не бывало; я сошелъ внизъ, спрашиваю дворника: не видалъ такого?—Видѣлъ, говоритъ, малаго съ бумагами въ рукѣ, выбѣжалъ на улицу. Я на улицу—и слѣдъ простылъ. Мнѣ стало грустно, какъ будто я потерялъ что-то дорожное мнѣ. Скучалъ я до слѣдующаго воскресенья и никакъ не могъ придумать, чтобы такое значилъ внезапный побѣгъ моего пріятеля.

Дождавшись воскресенья, я во второмъ часу ночи пошелъ на Троицкій мостъ и, полюбовавшись восходомъ солнца, пошелъ въ Лѣтній садъ, обошелъ всѣ аллеи—нѣтъ моего пріятеля, хотѣлъ было уже идти домой, да вспомнилъ Аполлона Бельведерскаго, т. е. пародію на Бельведерскаго бога, стоящаго особнякомъ у самой Мойки. Я туда, а пріятель мой какъ тутъ.

Увидя меня, онъ бросилъ рисовать и покраснѣлъ до ушей, какъ ребенокъ, пойманный за кражею варенья. Я взялъ его за дрожащую руку и, какъ преступника, повелъ въ павильонъ и мимоходомъ велѣлъ трактирному заспанному гарсону принести чаю.

Какъ умѣлъ, обласкалъ я моего пріятеля и, когда онъ пришелъ въ себя, я спросилъ его, зачѣмъ онъ убѣжалъ изъ корридора.

— Вы на меня разсердились, и я испугался, отвѣчалъ онъ.

— И не думаль я на тебя сердиться, сказалъ я ему; но мнѣ непріятно было твое униженіе. Собака только руки лижетъ, а человѣкъ этого не долженъ дѣлать.

Это сильное выраженіе такъ подѣйствовало на моего пріятеля, что онъ опять было схватилъ мою руку. Я размѣялся, а онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и стоялъ молча, потупя голову.

Напившись чаю, мы разстались. На разставанье я сказалъ ему, чтобы онъ непременно зашелъ ко мнѣ или сегодня или въ слѣдующее воскресенье.

Я не имѣю счастливой способности сразу разгадывать чело-вѣка; за то имѣю несчастную способность быстро сближаться съ чело-вѣкомъ. Потому, говорю, несчастную, что рѣдко быстрое сбли-женіе мнѣ обходилось даромъ, въ особенности съ кривыми и косыми. Эти кривые и косые дали мнѣ знать себя! Сколько не случалось мнѣ съ ними сталкиваться, хоть бы одинъ изъ нихъ порядочный чело-вѣкъ, начисто дрянъ; или это ужъ мое такое счастье.

Всего третій разъ я вижу моего новаго знакомаго, но я уже съ нимъ сблизился, я уже къ нему привязанъ, уже полюбилъ его. И дѣйствительно, въ его фізіономіи было что-то такое, чего нельзя не полюбить. Фізіономія его, сначала некрасивая, съ часу на часъ дѣлалась для меня привлекательнѣе. Вѣдь есть же на свѣтѣ такіа счастливья фізіономіи!

Я пошелъ прямо домой, боясь заставить пріятеля своего ждать себя въ корридорѣ. Что же, вхожу на лѣстницу, а онъ уже тутъ, въ томъ же коричневомъ сюртучкѣ, умытый, причесанный, улыбаю-щійся.

— Ты порядочный скороходъ, сказалъ я: вѣдь ты еще заходилъ къ себѣ на квартиру? какъ же ты успѣлъ такъ скоро?

— Да я торопился,—отвѣчалъ онъ,—чтобы быть дома, какъ хо-зяинъ отъ обѣдни придетъ.

— Развѣ у тебя хозяинъ строгій? спросилъ я.

— Строгій и....

— И злой, ты хочешь сказать.

— Нѣтъ, скупой, хотѣлъ я сказать. Онъ побьетъ меня, а самъ радъ будетъ, что я опоздалъ къ обѣду.

Мы вошли въ комнату. У меня стояла на мольбертѣ копія со «Старика Веласкеза», что въ Строгоновой галлерей, и онъ прильнулъ къ ней

глазами. Я взялъ у него изъ рукъ свертокъ, развернулъ и сталъ разсматривать. Тутъ было все, что безобразить Лѣтній садъ, отъ вертлявыхъ, сладко улыбающихся богинь до безобразнаго Гераклита и Праклита, а въ заключеніе нѣсколько рисунковъ съ барельефовъ, украшающихъ фасады нѣкоторыхъ домовъ, въ томъ числѣ и барельефы изъ купидоновъ, украшающихъ домъ архитектора Монферана, что на углу набережной Мойки и Фонарнаго переулка.

Одно что меня поразило въ этихъ болѣе чѣмъ слабыхъ контурахъ, это необыкновенное сходство съ оригиналами, особенно контуры Праклита и Гераклита. Они выразительнѣе были своихъ подлинниковъ, правда, и уродливѣе, но все-таки на рисунки нельзя было смотрѣть равнодушно.

Я въ душѣ радовался своей находкѣ. Мнѣ и въ голову тогда не пришло спросить себя, что я буду дѣлать при моихъ больше нежели ограниченныхъ средствахъ съ этимъ алмазомъ въ кожухѣ? Правда, у меня и тогда мелькнула эта мысль, да тутъ же я окунулъ въ поговорку: «Богъ не безъ милости, козакъ не безъ доли».

— Отчего у тебя нѣтъ ни одного рисунка оттушеваннаго?—спросилъ я его, отдавая ему свертокъ.

— Я рисовалъ всѣ эти рисунки по утру рано до восхода солнца.

— Значить, ты не видалъ ихъ, какъ они освѣщаются?

— Я ходилъ и днемъ смотрѣть на нихъ, но тогда нельзя было рисовать: люди ходили.

— Что же ты намѣренъ теперъ дѣлать: остаться у меня обѣдать или идти домой?

— Онъ съ минуту помолчалъ и, не поднимая глазъ, едва внятно сказалъ:

— Я остался бы у васъ, если вы позволите.

— А какъ же ты послѣ раздѣлаешься съ хозяиномъ?

— Я скажу, что спалъ на чердакѣ.

— Пойдемъ же обѣдать.

У мадамъ Юргенсъ посѣтителей еще никого не было, когда мы пришли, и я былъ очень радъ: мнѣ неприятно было бы встрѣтить какую нибудь чиновничью вычурную физіономію, бессмысленно улыбающуюся, глядя на моего, далеко не щеголя, пріятеля.

Послѣ обѣда вздумалъ было я повести его въ академію и показать ему «Послѣдній день Помпей», но не все вдругъ. Въмѣсто того я предложилъ ему или идти гулять на бульваръ, или читать книгу;

онъ выбралъ послѣднее; я же, чтобы проэкзаменовать его и въ этомъ предметѣ, заставилъ его читать въ слухъ. На первой страницѣ знаменитаго романа Диккенса «Никласъ Никлби» я заснулъ; но въ этомъ ни авторъ, ни чтець не повинны, мнѣ просто хотѣлось спать, потому что я ночью не спалъ.

Когда я проснулся и вышелъ въ другую комнату, мнѣ какъ то пріятно бросилась въ глаза моя отчаянная студія; ни окурковъ сигарь, ни табачнаго пеплу нигдѣ не было замѣтно; вездѣ все было убрано и выметено, даже палигра, висѣвшая на гвоздѣ съ засохшими красками, и она была вычищена и блестяла, какъ стеклышко; а виновникъ всей этой гармоніи сидѣлъ у окна и рисовалъ маску знаменитой натурщицы Торвальдсена Фортунаты.

Все это было для меня чрезвычайно пріятно. Эти услуги ясно говорили въ его пользу. Я однакожь, не знаю почему, не далъ ему замѣтить моего удовольствія; но поправилъ ему контуръ, проложилъ тѣни, и мы отправились въ «Капернауумъ» чай пить. Капернауумъ— сирѣчь трактиръ «Берлинъ» на углу шестой линіи и академическаго переулка; такъ окрестилъ его, кажется, Пименовъ во времена своего удалаго студенчества. За чаемъ мой пріятель разсказалъ мнѣ про свое житье-бытье. Грустный, печальный разсказъ! Но онъ разсказалъ его такъ наивно-просто, безъ тѣни ропота и укоризны. До этой исповѣди я думалъ о средствахъ къ улучшенію его воспитанія, но выслушавши исповѣдь, и думать пересталъ: онъ былъ крѣпостной человѣкъ.

Меня такъ озадачило это грустное открытіе, что я потерялъ всякую надежду на его переобразование. Молчаніе длилось по крайней мѣрѣ полчаса. Онъ разбудилъ меня отъ этого столбняка своимъ плачемъ. Я взглянулъ на него и спросилъ, чего онъ плачетъ.

— Вамъ непріятно, что я....

Онъ не договорилъ и залился слезами.

Я разувѣрилъ его, какъ могъ, и мы возвратились ко мнѣ на квартиру.

Дорогой встрѣтился намъ старикъ Венеціановъ. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ пристально посмотрѣлъ на моего товарища и спросилъ, добродушно улыбаясь:

— Не будущій ли это художникъ?

Я сказалъ ему и да и нѣтъ. Онъ спросилъ причину. Я объяснилъ ему шепотомъ. Старикъ задумался, пожалъ мнѣ крѣпко руку, и мы разстались.

Венеціановъ, взглядомъ своимъ, пожатіемъ руки, какъ бы упрекнулъ меня въ безнадежности. Я ободрился и, вспомнивъ нѣкоторыхъ художниковъ, учениковъ и воспитанниковъ Венеціанова, увидѣлъ, правда, неясно, что-то въ родѣ надежды на горизонтѣ.

Protégé мой въ вечеру, прощаясь со мною, просилъ у меня какого нибудь эстампика срисовать. У меня случился одинъ экземпляръ, въ то время только что напечатанный, Геркулесъ Фарнейскій, выгравированный Служинскимъ по рисунку Завьярова и еще Аполино Лосенка. Я завернулъ оригиналы въ листъ петергофской бумаги, снабдилъ его итальянскими карандашами, далъ наставленіе, какъ предохранять ихъ отъ жесткости, и мы вышли на улицу. Онъ пошелъ домой, а я къ старику Венеціанову.

Не мѣсто да и не кстати распространяться здѣсь объ этомъ человѣколюбцѣ-художникѣ. Пускай это сдѣлаетъ одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ его, который подробнѣе меня знаетъ всѣ его великодушныя подвиги на поприщѣ искусства.

Я рассказалъ старику все, что зналъ о моей находкѣ, и просилъ его совѣта, какъ мнѣ дѣйствовать на будущее время, чтобы привести дѣло къ желаемымъ результатамъ. Онъ, какъ челоѣкъ практическій въ дѣлахъ такого рода, не обѣщаль мнѣ и не совѣтоваль ничего положительнаго; совѣтоваль только познакомиться съ его хозяиномъ и по мѣрѣ возможности ступшевывать его настоящее жесткое положеніе.

Я такъ и сдѣлалъ. Не дожидаясь воскресенья, я на другой день до восхода солнца пошелъ въ Лѣтній садъ. Но увъ! не нашель тамъ моего пріятели; на другой день тоже, на третій тоже, и я рѣшился ждать, что воскресенье скажетъ.

Въ воскресенье по утру явился мой пріятели и на спросъ мой, почему онъ не былъ въ Лѣтнемъ саду, сказалъ мнѣ, что у нихъ началась работа въ Большомъ театрѣ (въ то время Кавось передѣлываль внутренность Большаго театра) и что по этой причинѣ онъ не можетъ посѣщать Лѣтній садъ.

И это воскресенье мы провели съ нимъ, какъ .прошедшее. Въ вечеру уже, разставаясь, я спросилъ имя его хозяина и въ какіе часы онъ бываетъ на работѣ.

На слѣдующій же день я зашелъ въ Большой театръ и поз-
накомился съ его хозяиномъ. Расхвалилъ безмѣрно его трафараты
и потолочные чертежи собственной его композиціи, чѣмъ и поло-
жилъ прочный фундаментъ нашему знакомству.

Хозяинъ моего пріятеля былъ цеховой мастеръ живописнаго и ма-
лярнаго цеха; держалъ онъ постоянно трехъ, а иногда и болѣе замара-
шекъ въ тиковыхъ халатахъ подъ именемъ учениковъ и, смотря по надоб-
ности, отъ одного до десяти нанималъ, поденно и помѣсячно, костром-
скихъ мужиковъ—маляровъ и стекольщиковъ, слѣдовательно онъ былъ
въ своемъ цеху не послѣдній мастеръ и по искусству, и по капиталу.
Кромѣ помянутыхъ матеріальныхъ качествъ, я у него увидѣлъ нѣ-
сколько гравюръ на стѣнахъ Одрана и Вольпато, а на комодѣ нѣ-
сколько томовъ книгъ, въ томъ числѣ и путешествіе Анахарсиса
Младшаго. Это меня ободрило. Но увы! когда я ему издалека на-
мекнулъ объ улучшеніи состоянія его тиковыхъ учениковъ, онъ
удивился такой дикой мысли и началъ мнѣ доказывать, что это по-
вело бы ни къ чему больше, какъ къ собственной ихъ гибели.

На первый разъ я ему не противорѣчилъ, да и напрасно бы-
ло бы увѣрять его въ противномъ: люди матеріальные и неразви-
тые, прожившіе свою скучную юность въ грязи и испытаніяхъ и
кое какъ выползшіе на свѣтъ Божій, не вѣруютъ ни въ какую те-
орію; для нихъ не существуетъ другихъ путей къ благосостоянію,
кромѣ тѣхъ, которые они сами прошли, а часто къ этимъ грубымъ
убѣжденіямъ примѣшивается еще грубѣйшее чувство: меня, дес-
кать, не гладили по головкѣ, за что я буду гладить.

Мастеръ живописнаго цеха, кажется, не чуждъ былъ этого
античеловѣческаго чувства. Мнѣ однако со временемъ удалось уго-
ворить его, чтобы онъ не препятствовалъ моему protégé посѣщать
меня по праздникамъ и въ будни, когда работы не бываетъ, на-
примѣръ зимою. Онъ хотя и согласился, но все таки смотрѣлъ на
это, какъ на баловство, совершенно ни къ чему не ведущее, кромѣ
погибели. Онъ чуть-чуть не угадалъ.

Минуло лѣто и осень, настала зима. Работы въ Большомъ театрѣ
были окончены. Театръ открытъ и очаровательница Тальони начала свои
волшебныя операціи. Молодежь изъ себя выходила, а старичье просто
бѣсновалось. Одни только суровыя матроны и отчаянныя львицы упорно
дулись и во время самыхъ неистовыхъ аплодисментовъ съ презрѣніемъ

прозносили »*mauvais genre*», а неприступныя пуританки хоромъ воскликнули: «развратъ! развратъ! публичный развратъ!» И всѣ эти ханжи и лицемѣрки не пропускали ни одного спектакля Тальони, а когда знаменитая артистка согласилась быть *Princesse Trabikon*, онѣ первыя оплакивали великую потерю и осуждали женщину за то, чего сами не могли сдѣлать при всѣхъ косметическихъ средствахъ.

Карль Великій (такъ называлъ покойный Василій Андреевичъ Жуковскій покойнаго же Карла Павловича Брюлова) безгранично любилъ всѣ прекрасныя искусства, въ чемъ бы они не проявлялись, но къ современному балету онъ былъ почти равнодушенъ и если говорилъ онъ иногда о балетѣ, то не иначе, какъ о сахарной игрушкѣ. Въ заключеніе своего триумфа Тальони протанцовала качучу въ балетѣ «Хитана». Въ тотъ же вечеръ разлетѣлась качуча по всей нашей Пальмирѣ, а на другой день она уже владычествовала и въ палатахъ аристократіи, и въ скромномъ уголкѣ коломенскаго чиновника. Вездѣ качуча—и дома, и на улицѣ, и за рабочимъ столомъ, и въ трактирѣ, и... за обѣдомъ и за ужиномъ, словомъ: всегда и вездѣ качуча. Не говорю уже про вечера и вечеринки, гдѣ качуча сдѣлалась необходимымъ дѣломъ. Это все ничего: красотѣ и юности все это къ лицу; а то почтенныя матери и даже отцы семействъ и тѣ туда же. Это просто была болѣзнь св. Вита въ видѣ качучи. Отцы и матери вскорѣ опомнились, и нарядили въ Хитанъ своихъ едва начинающихъ ходить малютокъ. Бѣдныя малютки, сколько вы слезъ пролили изъ-за этой проклятой качучи! Но за то эффектъ былъ полный, эффектъ, дошедшій до спекуляціи. Напримѣръ, если у амфитріона не имѣлось собственнаго карапузика, то вечеринка украшалась карапузикомъ Хитаномъ, взятымъ на прокатъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Въ самый разгаръ качучеманіи посѣтилъ меня Карль Великій (онъ любилъ посѣщать своихъ учениковъ), сѣлъ на кушеткѣ и задремалъ. Я молча любовался его умной и кудрявой головой. Черезъ минуту онъ быстро поднялъ глаза, засмѣялся и спросилъ меня:

— Знаете что?

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— Сегодня Губеръ (переводчикъ Фауста) обѣщаль мнѣ дать билетъ на Хитану, пойдѣте.

— Въ такомъ случаѣ пошлите своего Лукьяна къ Губеру, чтобы онъ досталъ два билета.

— Не сбѣгаетъ ли этотъ малый, сказалъ онъ, показывая на моего протеже.

— И очень сбѣгаетъ, пишите записку.

На лоскуткѣ сѣрой бумаги онъ написалъ итальянскимъ карандашемъ: «Достань два билета. К. Брюловъ». Къ этому лаконическому посланію я прибавилъ адресъ, и Меркурій мой полетѣлъ.

— Что это у васъ модель или слуга? спросилъ онъ, показывая на затворяющуюся дверь.

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ я.

— Физіономія его мнѣ нравится—не крѣпостная.

— Далеко не крѣпостная, а между тѣмъ.... Я не договорилъ и остановился.

— А между тѣмъ онъ крѣпостной? подхватилъ Брюловъ.

— Къ несчастью такъ, прибавилъ я.

— Барбаризмъ, прошепталъ Брюловъ и задумался. Послѣ минуты раздумья онъ бросилъ на полъ сигару, взялъ шляпу и вышелъ, но сейчасъ же воротился и сказалъ:

— Я дождусь его: мнѣ хочется еще взглянуть на ея физіономію,— и закуривъ сигару, сказалъ: покажите мнѣ его работу!

— Кто вамъ подсказалъ, что у меня есть его работа?

— Должна быть, сказалъ онъ рѣшительно.

Я показалъ ему маску Лаокоона, рисунокъ оконченный, и слѣпокъ Микель Анджело, только проложенный. Онъ долго смотрѣлъ на рисунки, т. е. держалъ рисунки въ рукахъ, а смотрѣлъ, Богъ его знаетъ, на что онъ смотрѣлъ тогда.

— Кто его господинъ? спросилъ онъ, поднявъ голову.

Я сказалъ ему фамилію помѣщика.

— О вашемъ ученикѣ нужно хорошенько подумать. Лукьянъ обѣщался угостить меня ростбифомъ, приходите обѣдать.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ двери и опять остановился:

— Приведите его когда нибудь ко мнѣ. До свиданья!

И онъ вышелъ.

Черезъ четверть часа возвратился мой Меркурій и объявилъ мнѣ, что они, т. е. Губеръ, хотѣли сами зайти къ Карлу Павловичу.

— А знаешь ли ты, кто такой Карлъ Павловичъ? спросилъ я его.

— Знаю, отвѣчалъ онъ; только я его никогда въ глаза не видалъ.

— А сегодня?

— Да развѣ это онъ былъ?

— Онъ.

— Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали, я хоть бы взглянулъ на него, а то я думалъ такъ просто какой нибудь господинъ. Не зайдетъ ли онъ къ вамъ еще когда нибудь? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не знаю, сказалъ я и началъ одѣваться.

— Боже мой, Боже мой! Какъ бы мнѣ на него хоть издали по-смотреть!—Знаете, продолжалъ онъ: я, когда иду по улицѣ, все объ немъ думаю и, смотря на проходящихъ, ищу глазами его между ними. Портретъ его, говорятъ, очень похожъ, что на «Послѣднемъ днѣ Помпеи».

— Похожъ, а ты все-таки не узналъ его, когда онъ былъ здѣсь. Ну, не горюй, если онъ до воскресенья не зайдетъ ко мнѣ, то мы въ воскресенье съ тобой сдѣлаемъ ему визитъ. А пока вотъ тебѣ билетъ къ м-ше Юргенсъ: я сегодня дома не обѣдаю.

Сдѣлавши такое распоряженіе, я вышелъ.

Въ мастерской Брюлова я засталъ В. А. Жуковскаго и М. Ю. графа Віельгорскаго. Они любовались еще неоконченной картиной «Распятіе Христа», писанной для лютеранской церкви Петра и Павла. Голова плачущей Маріи Магдалины уже была окончена, и В. А. Жуковскій, глядя на эту дивную плачущую красавицу, самъ заплакалъ и, обнимая Карла Великаго, цѣловалъ его, какъ бы созданную имъ красавицу.

Не рѣдко случалось мнѣ бывать въ Эрмитажѣ вмѣстѣ съ Брюловымъ. Это были блестящія лекціи теоріи живописи; и каждый разъ лекціи заключались Теньеромъ и въ особенности его «Казармой». Передъ этой картиной надолго, бывало, онъ останавливался и, послѣ восторженнаго, сердечнаго панегирика знаменитому фламандцу, говаривалъ: «для этой одной картины можно пріѣхать изъ Америки». Тоже самое можно теперь сказать про его «Распятіе» и въ особенности про голову рыдающей Маріи Магдалины.

Послѣ объятій и поцѣлуевъ Жуковскій вышелъ въ другую комнату. Брюловъ, увидѣвши меня, улыбнулся и пошелъ за Жуковскимъ. Черезъ полчаса они возвратились въ мастерскую, и Брюловъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, улыбаясь: «фундаментъ есть». Въ это самое время дверь отворилась и вошелъ Губеръ уже не въ путей-

скомъ мундирѣ, а въ черпомъ щегольскомъ фракѣ. Едва успѣлъ онъ раскланяться, какъ подошелъ къ нему Жуковский и, дружески пожимая ему руку, просилъ его прочесть послѣднюю сцену изъ Фауста, и Губеръ прочесть. Впечатлѣніе было полное, и поэтъ былъ награжденъ искреннимъ поцѣлуемъ поэта. Вскорѣ Жуковский и графъ Віельгорскій вышли изъ мастерской, Губеръ на просторѣ прочесть намъ новорожденную Терпсихору, послѣ чего Брюловъ сказалъ:

— Я рѣшительно не ѣду смотрѣть Хитану.

— Почему? спросилъ Губеръ.

— Чтобы сохранить вѣру въ твою Терпсихору.

— Какъ такъ?

— Лучше вѣровать въ прекрасный вымыселъ, нежели...

— Да ты хочешь сказать, прервалъ его поэтъ, что мое стихотвореніе выше божественной Тальони. Мизинца, ногтя на ея мизинцѣ она не стоитъ, Богомъ тебѣ божусь! Да, я чуть было не забылъ, мы сегодня у Александра ѣдимъ макароны и стофато съ лакрима-кристи. Тамъ будетъ Несторъ, Миша ѣтс., etc..., и въ заключеніе Пьяненко. Ѣдемъ!

Брюловъ взялъ шляпу.

— Ахъ, я чуть было не забылъ... продолжалъ Губеръ, вынимая изъ кармана билеты; вотъ тебѣ два билета, а послѣ спектакля къ Нестору на биржу (такъ въ шутку назывались литературные вечера Кукольника).

— Помню, отвѣчалъ Брюловъ, и надѣвая шляпу, подаль мнѣ билетъ.

— И вы съ нами? сказалъ Губеръ, обращаясь ко мнѣ.

— И я съ вами, отвѣчалъ я.

— Ѣдемъ, сказалъ Губеръ, и мы вышли въ корридоръ. Лукьянъ, затворяя дверь, проворчалъ:

— Вотъ тебѣ и ростбифъ!

Послѣ макаронъ, стофато и лакрима-кристи компанія отправилась на биржу, а мы, т. е. я, Губеръ и Карлъ Великій пошли въ театръ. Въ ожиданіи увертюры, я любовался произведеніями моего протеже. Для всѣхъ орнаментовъ и арабесковъ, украшающихъ плафонъ Большаго театра, рисунки были сдѣланы имъ по указаніямъ архитектора Кавоса. Это сообщилъ мнѣ не самъ онъ и не честолюбивый его хозяинъ, а машинистъ Карташевъ, который присутствовалъ постоянно при работахъ и по утрамъ рано угощалъ чаемъ моего протеже. Я хотѣлъ было сказать Брюлову про ара-

бески своего ученика, но увертюра грянула, всё, въ томъ числѣ и я, устремили глаза на занавѣсъ. Увертюра кончилась; занавѣсъ вздрогнула и поднялась; начался балетъ. До качучи все шло благополучно: публика держала себя, какъ и всякая благовоспитанная публика. Съ первымъ ударомъ кастаньетъ все вздрогнуло и затрепетало. Аплодисменты тихо, какъ раскаты грома вдали, пронеслись по залѣ, потомъ громче и громче, когда же качуча кончилась, раздался громъ рукоплесканій. Благовоспитанная публика, въ томъ числѣ и я, грѣшный, взбѣленилась: реветъ, кто во что гораздъ, кто bravo, кто да саро, а кто только стонетъ, да руками и ногами работаетъ. Послѣ перваго припадка взглянулъ я на Карла Великаго, а у него бѣднаго потъ катить градомъ, работаетъ руками и ногами и что есть духу кричить: да саро!—Губеръ тоже. Я немного перевелъ духъ, да и себѣ ну валять за учителемъ.

Мало по малу ураганъ началъ стихать и въ десятый разъ вызванная чаровница выпорхнула на сцену и послѣ нѣсколькихъ, самыхъ граціозныхъ, присѣданій исчезла.

Тогда Карлъ Великій всталъ, вытеръ потъ съ чела и, обращаясь къ Губеру, сказалъ:

— Пойдемъ на сцену, познакомъ меня съ ней.

— Пойдемъ, сказалъ Губеръ восторженно, и мы пошли за кулисы. За кулисами уже роилась толпа поклонниковъ, состоящая большею частью изъ почтенныхъ лысинъ, очковъ и биноклей. Мы и себѣ пристроились къ толцѣ. Не безъ труда просунулись мы въ центръ этой массы. И Боже мой, что мы тамъ увидѣли! Порхающая, легкая, какъ зефиръ, очаровательница лежала въ вольтеровскихъ креслахъ съ разинутымъ ртомъ и раздутыми, какъ у арабской лошади, ноздрями, а по лицу, какъ весной, текутъ мутные ручьи, смѣшанные съ потомъ,—бѣлила и румяна.

— Отвратительно! сказалъ Карлъ Великій и обратился вспять; я за нимъ, а бѣдный Губеръ, вонистину бѣдный,—онъ только что кончилъ приличный случаю комплиментъ и, произнося фамилію Брюлова, оглянулся вокругъ себя, а Брюловъ исчезъ. Не знаю, какъ онъ выпутался изъ бѣды.

Оставался еще одинъ актъ балета, но мы оставили театръ, чтобы не портить десерта капустой, какъ выразился Брюловъ. Не

знаю, посѣщаль ли онъ балетъ послѣ Хитаны; знаю только, что онъ никогда не говорилъ о балетѣ.

Обращаюсь къ моему герою. Послѣ словъ, сказанныхъ мнѣ Брюловымъ: «фундаментъ положенъ», въ воображеніи моемъ надежды начали принимать болѣе опредѣленныя формы. Я началъ думать, чѣмъ бы лучшимъ занять своего ученика; домашнія средства мои ничтожны. Я думалъ объ античной галлерей; Андрей Григорьевичъ, смотритель галлерей, пожалуй и согласился бы, да въ галлерей статуи такъ освѣщены, что рисовать невозможно. Послѣ долгихъ размышленій я съ двугривеннымъ обратился къ живому Антиною, натурщику Тарасу, чтобы онъ въ неклассные часы пускалъ моего ученика въ гипсовый классъ. Такъ и сдѣлано. Впродолженіи недѣли онъ и обѣдалъ въ классѣ, нарисовалъ голову Люція Верра, распутнаго наперстника Марка Аврелія и голову Генія—произведенія Кановы. Потомъ перевелъ я его въ фигурный классъ и велѣлъ ему на первый разъ нарисовать *Антиноя* съ четырехъ сторонъ. Въ свободное время я приходилъ въ классъ и поощрялъ неутомимаго труженика фунтомъ ситника и кускомъ колбасы, а постоянно онъ обѣдалъ кускомъ чернаго хлѣба съ водою, если Тарасъ воды принесетъ. Бывало, и я полюбуюсь Бельведерскимъ торсомъ да не утерплю и сяду рисовать. Дивное, образцовое произведеніе древней скульптуры! Не даромъ слѣпой Микель Анджело оцупью восхищался этимъ кускомъ отдыхающаго Геркулеса. И странно! Нѣкій господинъ Герсевановъ въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ такъ художнически вѣрно оцѣниваетъ педагогическое произведеніе Микель Анджело, «Страшный судъ», фрески божественнаго Рафаэля и многія другія знаменитыя произведенія скульптуры и живописи, а въ Аполлонѣ Бельведерскомъ видитъ только кусокъ мрамора, ничего больше. Странно! Послѣ Антиноя мой пріятель сдѣлалъ рисунокъ Германика и танцующаго Фавна, и въ одно прекрасное утро я его представилъ Карлу Великому. Восторгъ моего ученика былъ неописанный, когда Брюловъ ласково и снисходительно похвалилъ его рисунки.

Я въ жизнь мою не видалъ веселѣе и счастливѣе челоѣка, какъ онъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

— Неужели Брюловъ всегда такой добрый, такой ласковый? спрашивалъ онъ меня нѣсколько разъ.

— Всегда, отвѣчалъ я.

— И эта красная комната любимая его комната?

— Любимая, отвѣчалъ я.

— Все красное! комната красная, диванъ красный, занавѣси у окна красныя, халатъ красный и рисунокъ красный! Все красное. Увижу ли я его еще когданибудь такъ близко?

И послѣ этого вопроса пріятель мой начиналъ плакать. Я, разумѣется, не утѣшалъ его; да и какое участіе, какая утѣха можетъ быть выше этихъ счастливыхъ, этихъ райскихъ, божественныхъ слезъ?—Все красное! повторялъ онъ сквозь слезы.

Красная комната, увѣшанная большею частью восточнымъ дорогимъ оружіемъ, сквозь прозрачныя красныя занавѣси освѣщенная солнцемъ, меня, привыкшаго къ этой декораціи, на минуту поразила, а ему она осталась памятной до гроба. Послѣ долгихъ и страшныхъ испытаній, забылъ онъ все: и искусство, и духовную жизнь свою, и любовь, отравившую его, и меня, искренняго друга своего, все и все забылъ. Красная декорація и Карлъ Павловичъ было послѣднимъ его словомъ.

На другой день послѣ этого визита встрѣтился я съ Карломъ Павловичемъ, и онъ спросилъ меня адресъ, имя и фамилію господина моего *protégé*. Я сообщилъ ему. Онъ взялъ извозчика и уѣхалъ, сказавши мнѣ: вечеромъ зайдите.

Въ вечеру я зашелъ.

— Это самая крупная свинья въ торжовскихъ туфляхъ!—такими словами встрѣтилъ меня Карлъ Павловичъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я его, догадавшись, о комъ идетъ рѣчь.

— Дѣло въ томъ, что вы завтра сходите къ этой амфибии, чтобы онъ назначилъ цѣну вашему ученику.

Карлъ Великій былъ не въ духѣ. Долго ходилъ онъ молча по комнатамъ, наконецъ плюнулъ и проговорилъ: вандализмъ!

— Пойдемте на верхъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и мы молча пошли въ верхнія комнаты, гдѣ помѣщались его спальня, библіотека и вмѣстѣ столовая.

Онъ велѣлъ подать лампу, попросилъ меня читать чтонибудь вслухъ, а самъ сѣлъ кончать рисунокъ сепіей «Спящая одалиска» для альбома, кажется, Владиславлева.

Мирныя занятія наши однакожь продолжались не долго. Его, какъ видно, все еще преслѣдовала свинья въ торжовскихъ туфляхъ.

— Пойдемте на улицу, сказалъ онъ, закрывая рисунокъ.

Мы вышли на улицу и долго ходили на набережной, потомъ вышли на Большой Проспектъ.

— Что онъ у васъ теперь дома? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; онъ у меня не ночуетъ.

— Ну, такъ пойдемте ужинать, и мы зашли къ Дели.

Я видѣлъ не мало на своемъ вѣку разнаго разбора русскихъ помѣщиковъ, и богатыхъ, и средней руки, и хуторянъ. Видѣлъ даже такихъ, которые постоянно живутъ во Франціи и въ Англїи и съ восторгомъ говорятъ о благосостояніи тамошнихъ фермеровъ и мужиковъ, а у себя дома послѣднюю овцу у мужика грабятъ. Видѣлъ я много оригиналовъ въ этомъ родѣ, но такого оригинала, русскаго человѣка, который бы грубо принялъ у себя въ домѣ К. Брюлова, не видалъ.

Любопытство мое въ сильной степени было возбуждено, я долго не могъ заснуть: все думалъ и спрашивалъ самъ себя, что это такое за свинья въ торжовскихъ туфляхъ. Любопытство мое однако-жъ охладѣло, когда я на другой день по утру сталъ надѣвать фракъ; благоразуміе взяло верхъ. Благоразуміе говорило мнѣ, что эта свинья не такая интересная рѣдкость, чтобы изъ-за нея жертвовать собственнымъ самолюбіемъ, хотя дѣло требовало и большой жертвы. Но вотъ вопросъ: а если и я, по примѣру моего великаго учителя, не выдержу пытки? тогда что?

Подумавши немного, я снялъ фракъ, надѣлъ свое повседневное пальто и отправился къ старику Венеціанову. Онъ практикъ въ подобныхъ дѣлахъ: ему вѣрно не разъ и не два приходилось имѣть стычки съ этими оригиналами, стычки, изъ которыхъ онъ выходилъ съ честью.

Венеціанова я засталъ уже за работой. Онъ дѣлалъ тушью рисунокъ собственной же картины «Мать учитъ дитя молиться Богу». Рисунокъ этотъ предназначался для альманаха Владиславева «Утренняя Заря».

Я объяснилъ ему причину несвоевременнаго визита и сообщилъ адресъ амфибіи. Старикъ оставилъ работу, одѣлся, и мы вышли на улицу. Онъ взялъ извозчика и уѣхалъ, а я возвратился на квартиру, гдѣ и засталъ уже моего веселаго, счастливаго ученика. Веселость его и счастливостъ какъ будто омрачались чѣмъ-то;

онъ былъ похожъ на человѣка, который желаетъ подѣлиться съ пріателемъ великой тайной, но и боится, чтобы эта тайна не сдѣбалась не тайной. Прежде чѣмъ я снялъ пальто и надѣлъ блузу, я замѣтилъ, что съ моимъ пріателемъ что-то такъ да не такъ.

— Ну, что у тебя новенькаго? спросилъ я его: что ты дѣлалъ вчера въ вечеру? какъ поживаетъ твой хозяинъ?

— Хозяинъ ничего, отвѣчалъ онъ, запинаясь: я же читалъ Андрея Савояра, пока не легли спать, а потомъ зажегъ стеариновую свѣчу, что вы мнѣ дали, и рисовалъ.

— Что же ты рисовалъ? спросилъ я его:—съ эстампа? или такъ чтонибудь?

— Такъ, сказалъ онъ, краснѣя.—Я недавно читалъ сочиненія Озерова, и мнѣ понравился «Эдипъ въ Афинахъ», такъ я пробовалъ компоновать.

— Это хорошо. Ты принеси съ собою свою композицію? Покажи мнѣ ее.

Онъ вынулъ изъ кармана небольшой свертокъ бумаги и дрожащими руками развертывая его и подавая мнѣ, проговорилъ:

— Не успѣлъ перомъ обрисовать.

Это было первое его сочиненіе, которое съ такимъ трудомъ рѣшился онъ показать мнѣ. Мнѣ понравилась его скромность или, лучше сказать, робость: это вѣрный признакъ таланта. Мнѣ понравилось также и самое сочиненіе его по своей несложности: Эдипъ, Антигона и вдали Полиникъ, только три фигуры. Въ первыхъ опытахъ рѣдко встрѣчается подобный лаконизмъ; первоначальные опыты всегда многосложны, Молодое воображеніе не сжимается, не сосредоточивается въ одно многоговорящее слово, въ одну ноту, въ одну черту, ему нуженъ просторъ; оно паритъ и въ пареніи своей часто запутывается, падаетъ и разбивается о несокрушимый лаконизмъ.

Я похвалилъ его за выборъ сцены и посоветовалъ читать, кромѣ поэзіи, исторію больше всего и прилежнѣе срисовывать хорошіе эстампы, какъ напримѣръ Рафаэля, Вольпато или Пуссена Одрана.—И тѣ и другіе, говорю, есть у твоего хозяина, вотъ и рисуй въ свободное время, а книги я тебѣ буду доставать.—И тутъ же снабдилъ его нѣсколькими томами «Исторіи древней Греціи».

— У хозяина, проговорилъ онъ, принимая книги, кромѣ тѣхъ, что висятъ на стѣнахъ, полный портфель эстамповъ, но онъ

мнѣ не позволяеть рисовать съ нихъ: боится, чтобы я не испортилъ. Да... продолжалъ онъ улыбаясь, я сказалъ ему, что вы водили меня къ Карлу Павловичу и показывали мои рисунки и что... (тутъ онъ запнулся) и что они... да впрочемъ я самъ тому не вѣрю.

— Что-же? подхватилъ я; онъ не вѣрить, что Брюловъ похвалилъ твои рисунки?

— Онъ не вѣрить, чтобы я и видѣлъ Карла Павловича и называлъ меня дуракомъ, когда я его увѣрялъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то говорить, какъ въ комнату вошелъ Венеціановъ и, снимая шляпу, сказалъ, усмѣхаясь:

— Ничего не бывало! Помѣщикъ, какъ помѣщикъ! Правда, онъ меня съ часъ продержалъ въ передней; ну, да у нихъ ужъ обычай такой. Что дѣлать, обычай—тотъ же законъ. Принялъ онъ меня у себя въ кабинетѣ. Вотъ кабинетъ мнѣ не понравился. Правда, все это роскошно, дорого, великолѣпно, но все это по японски великолѣпно. Сначала я повелъ рѣчь о просвѣщеніи вообще и филантропіи въ особенности. Онъ молча долго меня слушалъ со вниманіемъ и наконецъ прервалъ: «да вы скажите прямо, просто, чего вы хотите отъ меня съ вашимъ Брюловымъ? Одолжилъ онъ меня вчера, этотъ настоящій американскій дикарь!» И онъ громко захохоталъ. Я было сконфузился, но вскорѣ оправился и хладнокровно, просто объяснилъ ему дѣло.

— Вотъ такъ бы давно сказали, а то филантропія, какая тутъ филантропія! Деньги и больше ничего! прибавилъ онъ самодовольно.—Такъ вы хотите знать рѣшительную цѣну? Такъ ли я васъ понавля?

— Я отвѣтилъ: дѣйствительно такъ.

— Такъ вотъ же вамъ моя рѣшительная цѣна: 2,500 рублей, согласны?

— Согласенъ, отвѣчалъ я.

— Онъ человѣкъ ремесленный,—продолжалъ онъ, при домѣ необходимый... и еще что-то хотѣлъ говорить, но я поклонился и вышелъ. И вотъ я передъ вами, прибавилъ старикъ, улыбаясь.

— Сердечно благодарю васъ.

— Васъ сердечно благодарю, сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.—Вы мнѣ доставили случай хоть чтонибудь сдѣлать въ

пользу нашего прекраснаго искусства и видѣть наконецъ чудака, который называетъ нашего великаго Карла американскимъ дикаремъ.

Старикъ добродушно засмѣялся.

— Я, послѣ смѣха сказалъ онъ, положилъ свою лепту, теперь за вами дѣло, а въ случаѣ неудачи я опять обращусь къ алиецкому клубу. До свиданья пока!

— Пойдемте вмѣстѣ къ Карлу Павловичу, сказалъ я.

— Не пойду, да и вамъ не совѣтую. Помните пословицу: не во время гость хуже татарина, тѣмъ паче у художника, да еще и по утру; это бываетъ хуже цѣлой орды татаръ.

— Вы меня заставляете краснѣть за сегодняшнее утро, проговорилъ я.

— Нисколько. Вы поступили, какъ истинный христіанинъ. Для труда и отдыха мы опредѣлили часы, но для добраго дѣла нѣтъ назначенныхъ часовъ. Еще разъ сердечно благодарю васъ за вашъ сегодняшній визитъ. До свиданья! Мы сегодня обѣдаемъ дома, приходите. Бельведерскаго, если увидите, тащите и его за собой,— прибавилъ онъ, уходя (Бельведерскимъ называлъ онъ Аполлона Николаевича Мокрицкаго, ученика Брюлова и страстнаго поклонника Шиллера).

На улицѣ разстался я съ Венеціановымъ и пошелъ сообщить Карлу Павловичу результатъ собственной дипломатіи. Но увы! даже Лукьяна не нашелъ. Липинъ, спасибо ему, выглянулъ изъ кухни и сказалъ, что они ушли въ портикъ. Я въ портикъ и тамъ заперто. (Портикомъ у насъ называлось зданіе за теперешнимъ академическимъ садомъ, гдѣ помѣщались мастерскія: Брюлова, барона Клодта, Заурвейда и Басина). Черезъ Литейный дворъ я вышелъ на улицу и, проходя мимо лавки Давицети, увидѣлъ въ окнѣ кудрявый профиль Карла Великаго. Увидя меня, онъ вышелъ на улицу.

— Ну что? спросилъ онъ.

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете? спросилъ я.

— Не знаю, а что?

— А вотъ что, говорю я, пойдемте къ Венеціанову обѣдать; онъ вамъ такія чудеса расскажетъ про амфибію, какихъ вы навѣрное никогда не слышали да никогда и не услышите.

— Хорошо, пойдемъ, сказалъ онъ, и мы отправились къ Венеціанову.

За обѣдомъ старикъ разсказалъ намъ исторію своего сегодняшнего визита и, когда дошла рѣчь до американскаго дикаря, всѣ мы захотали, и обѣдъ кончился истерическимъ смѣхомъ.

Между Большимъ и Среднимъ Проспектомъ, въ 7-й линіи, въ домѣ Кастюринна нанималась большая квартира обществомъ поощренія художниковъ для своихъ пяти пансіонеровъ. Кромѣ комнатъ, занимаемыхъ пансіонерами, тамъ еще были двѣ учебныя залы, украшенныя античными статуями, какъ то: Венерой Медицейской, Аполлономъ, Германикомъ и группою гладіаторовъ. Этотъ пріютъ, вмѣсто гипсоваго класса, подъ покровительствомъ Тараса натурщика, я прочилъ для своего ученика. Кромѣ сказанныхъ статуй, тамъ былъ еще человѣческій скелетъ, а познаніе скелета для него было необходимо, тѣмъ болѣе, что онъ наизусть рисовалъ анатомическую статую Фишера, а о скелетѣ не имѣлъ понятія.

Съ такою-то благою цѣлью, на другой день послѣ обѣда у Венеціанова, сдѣлавъ я визитъ бывшему тогда секретарю общества В. И. Григоровичу и испросилъ у него позволеніе моему ученику посѣщать пансіонерскія учебныя залы.

Обязательный Василій Ивановичъ далъ мнѣ въ видѣ билета на входъ записку къ художнику Головни, живущему вмѣстѣ съ пансіонерами въ видѣ старшины.

Не слѣдовало-бы мнѣ останавливаться на такомъ жалкомъ явленіи, какъ художникъ Головня, но какъ онъ явленіе рѣдкое, тѣмъ болѣе рѣдкое между художниками, то я и скажу о немъ нѣсколько словъ.

Сильно, рѣзко нарисованная фигура Плюшкина блѣднѣетъ передъ этимъ анти-художникомъ Головней. У Плюшкина по крайней мѣрѣ была юность, а слѣдовательно и радость, хоть не полная, не ликующая радость, но все таки радость, а у этого бѣдняка ничего и похожаго не было на юность и на радость.

Онъ былъ пансіонеромъ общества поощренія художниковъ и когда, по конкурсу академіи художествъ, онъ долженъ былъ исполнить программу на вторую золотую медаль (сюжетъ программы былъ: Адамъ и Ева надъ трупомъ своего сына Авеля) и для исполненія картины понадобилась женская модель, а ея въ Петербургѣ не легко, а главное не дешево достать можно, то парень смекнулъ дѣло и отправился къ щедрому покровителю художни-

ковъ и тогдашнему президенту общества поощренія художниковъ Кикину просить вспомошествованія, т. е. денегъ для найма натурщицы и, получивши сто-рублевую асигнацію, зашилъ ее въ тюфякъ, а перевозданную красавицу нарисовалъ съ куклы, которую употребляютъ живописцы для драпировокъ.

Кто знаетъ, что значить золотая медаль для молодого художника, тотъ пойметъ отвратительную душонку юноши-скареды. Предъ нимъ Плюшкинъ просто мотыга.

Этому-то нравственному уроду представилъ я при запискѣ моего нравственно прекраснаго найденыша. На первый разъ я самъ вынулъ изъ шкафа скелеть, усадилъ его на стулѣ въ позиціи самаго отчаяннаго кутилы и, легкими чертами означивши общее положеніе скелета, предложилъ ученику своему нарисовать подробности.

Черезъ два дня я съ великимъ удовольствіемъ сравнивалъ его рисунокъ съ анатомическими литографированными рисунками Басина и находилъ подробности отчетливѣе и вѣрнѣе. Но это, можетъ быть, увеличительное стекло виновато, въ которое я смотрѣлъ на своего найденыша. Какъ-бы то ни было, только мнѣ его рисунокъ нравился.

Онъ продолжалъ въ разныхъ положеніяхъ рисовать скелеть и, подъ покровительствомъ натурщика Тараса, статую повѣшеннаго Аполлономъ Мидаса. Все шло своимъ чередомъ; своимъ же чередомъ зима проходила, а весна близилась. Ученикъ мой замѣтно сталъ худѣть, блѣднѣть и задумываться.

— Что съ тобой? спрашивалъ я его; здоровъ-ли ты?

— Здоровъ, отвѣчалъ онъ печально.

— Чего-же ты плачешь?

— Я не плачу, я такъ.

А слезы ручьемъ лились изъ его прекрасныхъ выразительныхъ очей. Я не могъ разгадать, что все это значить и начиналъ уже думать, не стрѣла-ли злого амура поразила его непорочное, молодое сердце; какъ въ одно почти весеннее утро онъ сказалъ мнѣ, что ежедневно посѣщать меня не можетъ, потому что съ понедѣльника начнутся работы и онъ долженъ будетъ опять заборы красить.

Я какъ могъ ободрялъ его, но о намѣреніяхъ Карла Павловича не говорилъ ему ни слова, и болѣе потому, что самъ не зналъ положительно ничего такого, на чемъ - бы можно было основать надежду.

Въ воскресенье посѣтилъ я его хозяина съ тѣмъ намѣреніемъ, что нельзя - ли будетъ замѣнить моего ученика обыкновеннымъ простымъ маляромъ.

— Почему нельзя? Можно, отвѣчалъ хозяинъ, пока еще живописныя работы не начались, а тогда ужъ извините: онъ у меня рисовальщикъ, а рисовальщикъ, вы сами знаете, что значить въ нашемъ художествѣ. Да вы какъ полагаете, продолжалъ онъ: въ состояніи ли онъ будетъ поставить за себя работника?

— Я самъ поставлю работника.

— Вы? съ удивленіемъ спросилъ хозяинъ. Да съ какой радости, съ какой корысти вы-то хлопочете?

— Такъ, отвѣчалъ я, отъ нечего дѣлать, для собственнаго удовольствія.

— Хорошо удовольствіе—зря сорить деньгами! Видно, у васъ ихъ и куры не клюютъ, замѣтилъ мой собесѣдникъ и улыбувшись самодовольно, продолжалъ:

— Напримѣръ, по сколько вы берете за портретъ?

— Каковъ портретъ? отвѣчалъ я, предугадывая его мысль, и каковъ давалецъ. Вотъ съ васъ, напримѣръ, я болѣе ста рублей серебра не возьму.

— Ну, нѣтъ, батюшка, съ кого угодно берите по сту цѣлковыхъ, а съ насъ кабы десяточекъ взяли, такъ это еще куда ни шло.

— Такъ лучше-жъ мы сдѣлаемъ вотъ какъ, сказалъ я, подавая ему руку; отпустите мнѣ мѣсяца на два вашего рисовальщика— вотъ вамъ и портретъ.

— На два, проговорилъ онъ въ раздумьи, на два много, не могу. На мѣсяць можно.

— Ну, хоть на мѣсяць, согласенъ, сказалъ я. И мы, какъ барышники, ударили по рукамъ.

— Когда же начнемъ? спросилъ онъ меня.

— Хоть завтра, сказалъ я, надѣвая шляпу.

— Куда же вы? а могорычу-то?

— Нѣтъ, благодарю васъ; когда кончимъ, тогда можно будетъ.
До свиданія!

— До свиданія!

Что значить одинъ быстрый мѣсяць свободы между многими тяжелыми длинными годами неволи? Въ четверикѣ маку—одно зернышко. Я любовался моимъ пріятелемъ въ продолженіи этого счастливаго мѣсяца. Его выразительное юношеское лицо сіяло такою свѣтлою радостью, такимъ полнымъ счастьемъ, что я, прости меня Господи, позавидоваль ему. Бѣдная, но пріятная и чистая его костюмировка казалась мнѣ щегольскою; даже фризловая шинель его казалась мнѣ изъ байки, самой лучшей русской байки. У м-ше Юргенсъ во время обѣда никто не посматриваль искоса то на него, то на меня: значить не я одинъ въ немъ видѣль такую счастливую перемѣну. Въ одинъ изъ этихъ счастливыхъ дней мы шли вдвоемъ къ м-ше Юргенсъ и встрѣтили на Большомъ Проспектѣ Карла Павловича.

— Куда вы? спросилъ онъ насъ.

— Къ мадамъ Юргенсъ, отвѣчалъ я.

— И я съ вами. Мнѣ что-то вдругъ ѣсть захотѣлось, сказалъ онъ и повернулъ съ нами въ третью линію.

Карль Великій любилъ изрѣдка посѣтить досужую м-ше Юргенсъ: ему нравилась не сама услужливая мадамъ Юргенсъ и не служанка ея, Олимпиада, которая была моделью для Агари покойному Петровскому,—ему нравилось, какъ истинному артисту, наше разнохарактерное общество. Тамъ онъ могъ видѣть и бѣднаго труженика сенатскаго чиновника, въ единственномъ, весьма не щегольскомъ вицъ-мундирѣ, и университетскаго студента, тощаго и блѣднаго, лакомившагося обѣдомъ м-ше Юргенсъ за деньгу, полученную имъ отъ богатаго бурша кутилы за переписку лекцій Фишера. Тутъ многое и многое онъ видѣль такое, чего онъ не могъ видѣть ни у Дюме, ни у Санжоржа.

Юргенсъ предлагала ему въ особенной комнатѣ накрытый столъ и особенное какое нибудь кушанье, наскоро приготовленное, отчего онъ, какъ истинный социалистъ, всегда отказывался. Но въ этотъ разъ не отказался и велѣлъ накрыть столъ въ особой комнатѣ на три прибора и послалъ Олимпиаду къ Фоксу за бутылкой Джаксона.

Мадамъ Юргенсъ земли подъ собой не слышала; такъ забѣгала, засуетилась, что чуть чуть было свой новый парикъ не сдержала вмѣстѣ съ чепцомъ, когда вспомнила, что надо чепецъ перемѣнить для столь дорогого гостя.

Для нея Брюловъ былъ дѣйствительно дорогой гость. Съ того самого дня, какъ онъ въ первый разъ посѣтилъ ее, нахлѣбники у нея стали множиться со дня на день, и какіе нахлѣбники,—не шушера какаянибудь—художники, студенты да двугривенные сенатскіе чиновники, а люди, для которыхъ нужна была бутылка Медоку и какойнибудь особенный бефъ-стексъ. И это весьма естественно. Если платять четвергакъ за то, чтобы посмотрѣть даму изъ Амстердама, то почему же не заплатить тридцать копѣекъ, чтобы посмотрѣть вблизи на Брюлова? И м-ше Юргенсъ вполне это понимала и по мѣрѣ возможности пользовалась.

Ученикъ мой молча сидѣлъ за столомъ, молча и блѣдный выпилъ стаканъ Джаксона и молча пожалъ руку Карла Великаго, и на квартиру пришелъ молча, а дома уже не раздѣваясь упалъ на полъ и проплакалъ остатокъ дня и цѣлую ночь.

Еще недѣля оставалась его независимости, но онъ на другой день послѣ описаннаго мною обѣда свернулъ въ трубку свои рисунки и, не сказавши мнѣ ни слова, вышелъ за двери. Я думалъ, что онъ пошолъ по обыкновенію въ седмую линію, а потому и не спрашивалъ его, куда онъ идетъ. Пришло время обѣда,—его нѣтъ, и ночь пришла,—его нѣтъ. На другой день я пошелъ къ его хозяину, и тамъ нѣтъ. Я испугался и не зналъ, что думать. На третій день передъ вечеромъ онъ приходитъ ко мнѣ болѣе обыкновеннаго блѣдный и разстроенный.

— Гдѣ ты былъ? спрашиваю я; что съ тобою? ты боленъ? ты нездоровъ?

— Нездоровъ, едва внятно отвѣчалъ онъ.

Я послалъ дворника за Жадовцевымъ, частнымъ лекаремъ, а самъ принялся раздѣвать его и укладывать въ постель. Онъ, какъ кроткій ребенокъ, повиновался мнѣ. Жадовцевъ пощупалъ пульсъ и посоветывалъ мнѣ отправить его въ больницу, потому, говорить, что горячку при вашихъ средствахъ дома лечить опасно.

Я послушался его и въ тотъ же вечеръ отвезъ своего бѣднаго ученика въ больницу св. Маріи Магдалины, что у Тучкова моста.

Благодаря вліянiю частнаго лекаря Жадовцева, больного моего приняли безъ узаконенныхъ формальностей. На другой день я даль знать хозяину его о случившемся, и форма была исполнена со всѣми аксесуарами.

Я посѣщаль его каждый день по нѣскольку разъ, и всякій разъ, когда я выходилъ изъ больницы, мнѣ становилось грустнѣе и грустнѣе. Я такъ привыкъ къ нему, я такъ сроднился съ нимъ, что безъ него я не зналъ, куда дѣваться. Пойду бывало на Петербургскую сторону, сверну въ Петровскій паркъ (въ то время еще зачинавшійся), выйду къ дачамъ Соболевскаго и опять назадъ въ больницу, а онъ все еще горитъ огнемъ. Спрашиваю у сидѣлки: что, не приходитъ въ себя?—Нѣтъ, батюшка.—Не бредить?—Одно только: красный и красный.—Ничего больше?—Ничего, батюшка. И я опять выхожу на улицу, и опять прохожу Тучковъ мостъ и посѣщаю дачу г. Соболевскаго и опять возвращаюсь въ больницу.

Такъ прошло восемь дней. На девятый онъ пришелъ въ себя и, когда я подходилъ къ нему, онъ посмотрѣлъ на меня такъ пристально, такъ выразительно, такъ сердечно, что я этого взгляда никогда не забуду. Хотѣлъ онъ сказать мнѣ что-то и не могъ, хотѣлъ протянуть мнѣ руку и только заплакалъ. Я ушелъ.

Въ корридорѣ встрѣтившійся мнѣ дежурный медикъ сказалъ что опасность миновала, что молодая сила взяла свое.

Успокоенный добрымъ медикомъ, я пришелъ къ себѣ на квартиру. Закурилъ сигару. Сигара какъ-то плохо курилась; я бросилъ ее, вышелъ на бульваръ. Все что - то не такъ, все чего - то не достаетъ для моей радости. Я пошелъ въ академію, зашелъ къ Карлу Павловичу, его нѣтъ дома. Выхожу на набережную, а онъ стоитъ себѣ у огромнаго сфинкса и смотреть, какъ по вскрывшейся Невѣ скользятъ яликъ съ веселыми пассажирами, а за нимъ тянется длинная тоненькая серебрянная струйка.

— Что, вы были у меня въ мастерской? спросилъ онъ меня, не здороваясь.

— Не былъ, отвѣчалъ я.

— Пойдемте.

И мы молча пошли въ его домашнюю мастерскую. Въ мастерской застали мы Липина. Онъ принесъ съ свѣжими красками палитру и, усѣвшись въ спокойномъ креслѣ, любовался еще не вы-

сохшимъ подмалевкомъ портрета В. А. Жуковскаго. При входѣ нашемъ бѣдный Липинъ соскочилъ, переконфузился, какъ школьникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Спрячьте палитру: я сегодня работать не буду, сказалъ Карлъ Павловичъ Липину и сѣлъ на его мѣсто; по крайней мѣрѣ съ полчаса молча смотрѣлъ онъ на свое произведеніе и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Взглядъ долженъ быть мягче: его стихи такіе мягкіе, сладкіе. Не правда-ли?

И, не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ:

— А знаете-ли вы назначеніе этого портрета?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

Еще минутъ десять молчанія; потомъ онъ всталъ, взялъ шляпу и проговорилъ:

— Пойдемте на улицу, я расскажу вамъ назначеніе портрета.

Выйдя на улицу, онъ сказалъ:

— Я раздумалъ, объ этихъ вещахъ не рассказываютъ прежде времени. При томъ-же я вполнѣ увѣренъ, что вы не любопытны, прибавилъ онъ шутя.

— Если вамъ такъ хочется, сказалъ я, пусть это останется загадкой для меня.

— Только до другаго сеанса.—Ну что вашъ протеже, лучше - ли ему?

— Началъ приходить въ себя.

— Стало быть, опасность миновала?

— По крайней мѣрѣ такъ медикъ говорить.

— До свиданья, сказалъ онъ, протягивая руку, зайду къ Гильбергу.—Едва - ли онъ, бѣдный, встанетъ, прибавилъ онъ грустно, и мы расстались.

Меня чрезвычайно заинтересовалъ этотъ таинственный портретъ. Я издалека догадывался о его назначеніи; и какъ сильно ни хотѣлось мнѣ убѣдиться въ истинѣ моей догадки, однако я имѣлъ столько мужества, что даже не намекнулъ о ней Карлу Великому.

Правда въ одно прекрасное утро сдѣлалъ я визитъ В. А. Жуковскому подъ предлогомъ полюбоваться сухими контурами Корнелиуса и Петра Гессе, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, не провѣдаю - ли чего о таинственномъ портретѣ. Однакожъ я ошибся.

Кленць, Валгала, Пинакотэка и вообще Мюнхенъ заняты все утро, такъ что даже о Дюссельдорфѣ не было помянуто ни одного слова, а портрета просто на свѣтѣ не существовало.

Восторженные похвалы германскому искусству незабвеннаго Василя Андреевича были прерваны приходомъ графа М. Ю. Віельгорскаго.

— Вотъ вина и причина теперешнихъ хлопотъ вашихъ, сказала Василій Андреевичъ, указывая на меня графу.

Графъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку. Я сдѣлалъ уже прокъ на вопросъ, какъ вошелъ слуга и проговорилъ какую-то незнакомую мнѣ превосходительную фамилію. Я нашелъ свой прокъ неудобноисполнимымъ, раскланялся и вышелъ, какъ говорится, съ носомъ.

А между тѣмъ молодое здоровье брало свое. Мой ученикъ, какъ тотъ сказочный пресловутый богатырь, оживалъ и крѣпчалъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ въ какую нибудь недѣлю послѣ двухнедѣльной горячки сталъ на ноги и ходилъ, хотя придерживаясь за свою койку, но такой скучный и невеселый, что я, не взирая на наставленія медика—не говорить съ нимъ объ отвлеченныхъ предметахъ, спросилъ его однажды:

— Ты здоровѣешь? тебѣ весело? чего-же ты скучаешь?

— Я не скучаю, мнѣ весело, но я не знаю, чего мнѣ хочется... мнѣ хотѣлось-бы читать.

Я спросилъ у медика, можно-ли ему дать читать что нибудь.

— Не давайте, тѣмъ болѣе чтенія серьезнаго.

— Что-же мнѣ съ нимъ дѣлать? Сидѣлкой его я не могу быть, а болѣе ему помочь нечѣмъ.

Въ этомъ тяжеломъ раздумьи вспала мнѣ на память «Перспектива» Альберта Дюрера съ русскимъ толкованіемъ, которую я во время оно изучалъ, изучалъ, да и бросилъ, не добравшись толку. И странно, я вспомнилъ о путаницѣ Альберта Дюрера и совсѣмъ забылъ о толковомъ, прекрасномъ курсѣ линейной перспективы нашего профессора Воробьева. Чертежи этого курса перспективы у меня были въ портфель (правда въ беспорядкѣ). Я собралъ ихъ и, сначала посоветовавшись съ медикомъ, отдалъ ихъ ученику своему вмѣстѣ съ циркулемъ и треугольникомъ, и тутъ-же прочиталъ ему первый урокъ линейной перспективы. Второй и третій уроки

перспективы нечего мнѣ уже было толковать ему: онъ какъ быстро выздоравливалъ, такъ быстро и понималъ эту математическую науку, не зная впрочемъ четырехъ правилъ ариѳметики.

Уроки перспективы кончились. Я просилъ старшаго медика выписать моего ученика изъ больницы, но медикъ растолковалъ мнѣ, что для окончательнаго излѣченія ему необходимо еще пребыть подъ медицинскимъ надзоромъ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Скрѣпя сердце, я согласился.

Въ продолженіи этого времени часто я встрѣчался съ Карломъ Павловичемъ, видѣлъ раза два или три портретъ В. А. Жуковскаго послѣ второго сеанса. Въ разговорѣ съ Карломъ Павловичемъ замѣчалъ я неумышленные намеки на какой-то секретъ, но не знаю, почему я самъ отстранялъ его откровенность. Я какъ будто чего-то боялся, а между прочимъ почти угадывалъ секретъ.

Гайна вскорѣ открылась. 22 апрѣля 1838 года по утру рано получаю я собственноручную записку В. А. Жуковскаго, такого содержания:

Милостивый государь

N. N.

Приходите завтра въ одиннадцать часовъ къ Карлу Павловичу и дожидаетесь меня у него; дожидаетесь меня непременно, какъ-бы я поздно не пріѣхалъ.

В. Жуковскій.

P. S. Приведите и его съ собою.

Слезами облилъ я эту святую записку и, не довѣряя ее карману, сжалъ въ кулакѣ и побѣжалъ въ больницу. Швейцаръ, хотя и имѣлъ приказаніе пропускать меня во всѣ часы дня, на этотъ разъ однако-жъ не пустилъ, сказавши: «рано, ваше благородіе, больные еще спятъ». Меня это немного охолодило; я разжалъ кулакѣ, развернулъ записку, прочиталъ ее чуть-чуть не по складамъ, бережно сложилъ ее и положивъ въ карманъ, степенными шагами воротился на квартиру, въ душѣ благодаря швейцара за то, что онъ остановилъ меня.

Давно, очень давно, еще въ приходскомъ училищѣ украдкою отъ учителя читалъ я знаменитую «Перелицовану Энеиду» Котляревскаго и

Коли чого въ рукахъ не маєшь,
То не кажи, що вже твое.

Эти два стиха такъ глубоко мнѣ врѣзались въ память, что я и теперь, повторяя ихъ, часто примѣняю къ дѣлу. Эти-то два стиха и пришли мнѣ на память, когда я возвращался на квартиру. И въ самомъ дѣлѣ, зналъ - ли я навѣрно, что эта святая записка относится къ его дѣлу? Не зналъ, только предчувствовалъ, а предчувствіе часто обманываетъ. А что, если-бъ оно и теперь обмануло? Какое - бъ я страшное сдѣлалъ зло и кому еще, любимѣйшему человеку! Я самъ себя испугался при этой мысли.

Въ продолженіи этихъ длиннѣйшихъ сутокъ я разъ двадцать подходилъ къ двери Карла Павловича и съ какимъ-то непонятнымъ страхомъ возвращался назадъ; чего я боялся, и самъ не знаю. Въ двадцать первый разъ я рѣшился позвонить и Лукьянъ, выглянувши въ окно, сказалъ: «ихъ нѣтъ дома». У меня какъ гора съ плечъ свалилась, какъ будто я совершилъ огромный подвигъ и наконецъ вздохнулъ свободно.

Бодро выхожу я изъ академіи на третью линію, и какъ тутъ Карлъ Павловичъ на встрѣчу. Я совершенно растерялся и хотѣлъ было бѣжать отъ него, но онъ остановилъ меня вопросомъ.

— Вы получили записку Жуковскаго?

— Получилъ, едва внятно отвѣтилъ я.

— Приходите - же ко мнѣ завтра въ одиннадцать часовъ. До свиданья! Да... если онъ можетъ, приведите его съ собой, прибавилъ онъ, удаляясь.

— Ну, подумалъ я, теперь ни малѣйшаго сомнѣнія, а все таки

Коли чого въ рукахъ не маешъ,

То не кажи, що вже твое.

Прошло нѣсколько минутъ, и это мудрое изреченіе выпарилось изъ моей весьма не практической головы. Мною овладѣло непреодолимое желаніе п привести моего больного завтра къ Карлу Павловичу. А позволить ли медикъ? вотъ вопросъ. И чтобы разрѣшить его, я пошелъ къ доктору на квартиру, засталъ его дома и рассказалъ ему причину моего внезапнаго визита. Докторъ привелъ мнѣ нѣсколько фактовъ умопомѣшательства, причиною котораго были внезапная радость или внезапное горе. А тѣмъ болѣе, заключилъ онъ, что вашъ протеже не совсѣмъ еще оправился послѣ горячки. На такіе аргументы отвѣчать было нечѣмъ, и я, поблагодаривши доктора за добрый совѣтъ, откланялся и вышелъ на улицу.

Долго шлифоваль я мостовую безъ всякаго намѣренія; хотѣлъ было зайти къ старику Венеціанову, не скажетъ ли онъ мнѣ чего опредѣленнаго, но было уже за полночь; а онъ не нашъ братъ холостякъ, слѣдовательно и думать нечего о полуночномъ посѣщеніи. Не пойти ли мнѣ, подумаль я, на Троицкій мостъ полюбоваться восходомъ солнца? Но до Троицкаго моста не близко, а я началъ уже чувствовать усталость. Не ограничиться ли мнѣ безмятежнымъ сидѣніемъ у сихъ огромныхъ сфинксовъ? Вѣдь все равно та же Нева. Та же, да не та. И подумавши, я направился къ сфинксамъ. Сѣвши на гранитную скамью и прислонясь къ бронзовому грифону, я долго любовался на тихоструйную красавицу Неву.

Съ восходомъ солнца пришелъ на Неву за водой академическій швейцаръ и разбудилъ меня, приговаривая въ родѣ поученья: благо еще люди не ходятъ, а то подумали-бъ какой гуляціи.

Поблагодаривъ гривенникомъ швейцара за услугу, я отправился на квартиру и заснулъ уже настоящимъ, какъ говорится, хозяйскимъ сномъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ явился я на квартиру Карла Павловича, и Лукьянъ, отворяя мнѣ дверь, сказалъ: «просили подождать». Въ мастерской въ глаза мнѣ бросилась только по славѣ и Миллерову эстампу знаемая, знаменитая картина Цампieri «Іоаннъ Богословъ». Опять недоумѣніе: не по случаю ли этой картины пишетъ мнѣ Василій Андреевичъ? Зачѣмъ же онъ пишетъ: «приведите и его съ собой». Записка была при мнѣ, я досталь ее и прочитавши нѣсколько разъ P. S., не много успокоился и подошелъ къ картинѣ поближе, но проклятое сомнѣніе мѣшало мнѣ вполне насладиться этимъ въ высшей степени изящнымъ произведеніемъ.

Какъ не мѣшало мнѣ сомнѣніе, однакожь я не замѣтилъ, какъ вошелъ въ мастерскую Карлъ Великій въ сопровожденіи графа Вiельгорскаго и В. А. Жуковскаго. Я съ поклономъ уступилъ имъ свое мѣсто и отошелъ къ портрету Жуковскаго. Они долго любовались великимъ произведеніемъ бѣднаго мученика Цампieri, а я замиралъ отъ ожиданія. Наконецъ Жуковскій вынулъ изъ кармана и подаль мнѣ форменно сложенную бумагу. ✓

Я развернулъ бумагу, — это была отпускная нашего общаго *protegè*, засвидѣтельствованная графомъ Вiельгорскимъ, Жуковскимъ и К.

Брюловымъ. Я набожно перекрестился и трижды поцѣловаль эти знаменитыя рукоприложенія.

Благодариль я, какъ могъ, великое и человѣколюбивое тріо и раскланявшись, какъ попало, вышелъ въ корридоръ и побѣжалъ прямо къ Венеціанову. Старикъ встрѣтилъ меня радостнымъ вопросомъ: что новаго? Я молча вынулъ изъ кармана драгоценный актъ и подаль ему.

— Знаю, все знаю, сказалъ онъ, возвращая мнѣ бумагу.

— Да я то ничего не знаю! Ради Бога, расскажите мнѣ, какъ это все совершилось.

— Слава Богу, что совершилось, а мы сначала пообѣдаемъ, а потомъ я примусь рассказывать: исторія длинная, а главное прекрасная исторія.

И, возвыся голосъ, онъ пропѣвалъ стихъ Жуковскаго:

Дѣти, овсяный кисель на столѣ, читайте молитву!

— Читаемъ, папаша, раздался женскій голосъ, и въ сопровожденіи А. Н. Мокрицкаго вышли изъ гостиной дочери Венеціанова, и мы сѣли за столъ.

За обѣдомъ противъ обыкновенія какъ-то было шумѣе и веселѣе. Старикъ воодушевился и рассказалъ исторію портрета В. А. Жуковскаго и почти не упомянулъ о собственномъ участіи въ этой благородной исторіи. Только въ заключеніе прибавилъ:

— Да я только былъ простымъ маклеромъ въ этомъ великодушномъ дѣлѣ.

А самое то дѣло было вотъ какъ.

Карлъ Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, а Жуковскій и графъ Вельгорскій этотъ самый портретъ предложили августѣйшему семейству за 2,500 руб. ассигн. и за эти деньги освободили моего ученика, а старикъ Венеціановъ, какъ онъ самъ выразился, разыгралъ въ этомъ добромъ дѣлѣ роль усерднаго и благороднаго маклера.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? спрашивалъ я; когда и какъ мнѣ объявить ему эту радость?

Венеціановъ говоритъ мнѣ то же самое, что и врачъ сказалъ, и я совершенно убѣжденъ въ необходимости этой предосторожности. Да какъ-же я утерплю! Или прекратить свои посѣщенія на нѣкоторое время? Нельзя: онъ подумаетъ, что я тоже заболѣлъ или покинулъ его, и будетъ мучиться. Подумавши, я вооружился всею си-

лою воли, пошелъ въ больницу Маріи Магдалины. Первый сеансъ выдержалъ, какъ лучше не надо, за вторымъ и третьимъ визитомъ я уже началъ его по немногу готовить. Спрашивалъ медика, какъ скоро его можно выписать изъ больницы; медикъ не совѣтовалъ торопиться, и я опять началъ мучиться нетерпѣніемъ.

Однажды по утру приходитъ ко мнѣ бывшій хозяинъ моего больного и безъ дальнихъ околичностей начинаетъ упрекать меня, что я его ограбилъ самымъ варварскимъ образомъ, что я укралъ у него лучшаго работника и что онъ черезъ меня теряетъ по крайней мѣрѣ не одну тысячу рублей. Я долго не могъ понять, въ чемъ дѣло и какимъ родомъ я попалъ въ грабители. Наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что вчера призывалъ его помѣщикъ, рассказалъ ему весь ходъ дѣла и требовалъ отъ него уничтоженія контракта, и что вчера - же онъ былъ въ больницѣ и что больной ничего про это не знаетъ.

— Вотъ тебѣ и предосторожности! подумалъ я.

— Чего-же вы теперь отъ меня хотите? спросилъ я у него.

— Ничего, хочу узнать только, правда-ли все это.

Я отвѣчалъ: правда, и мы разстались.

Я былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла: больной теперь уже приготовленъ и можетъ принять это извѣстіе спокойнѣе, чѣмъ прежде.

— Правда-ли? можно-ли вѣрить тому, что я слышалъ? такимъ вопросомъ встрѣтилъ онъ меня у дверей своей палаты.

— Я не знаю, что ты слышалъ.

— Мнѣ говорилъ вчера хозяинъ, что... я...

И онъ остановился, какъ бы боясь окончить фразу, и, помолчавши не много, едва слышно проговорилъ: что я отпущенъ. что вы... И онъ залился слезами.

— Успокойся, сказалъ я ему: это еще только похоже на правду.

Но онъ ничего не слышалъ и продолжалъ плакать.

Черезъ нѣсколько дней онъ выписался изъ больницы и поселился у меня на квартирѣ совершенно счастливый.

Много, неизчислимо много прекраснаго въ божественной безсмертной природѣ, но торжество и вѣнецъ безсмертной красоты это оживленное счастьемъ лице человѣка. Возвышеннѣе, прекраснѣе въ природѣ я ничего не знаю. И этою-то прелестью разъ въ жизни моей удалось мнѣ вполне насладиться. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мой ученикъ былъ такъ счастливъ, такъ прекрасенъ, что

я не могъ смотрѣть на него безъ умиленія. Онъ переливалъ и въ мою душу свое безграничное счастье. Восторги его смѣнялись тихой улыбающеюся радостью. Во всѣ эти дни хоть онъ и принимался за работу, но работа ему не давалась, и онъ, было, положить свой рисунокъ въ портфель, вынетъ изъ кармана отпускную, прочтаетъ ее чуть не по складамъ, перекрестится, поцѣлуетъ и заплачетъ. Чтобы ствлечь его вниманіе отъ предмета его радости, я взялъ у него отпускную подъ предлогомъ засвидѣтельствованія ея въ гражданской палатѣ, а его каждый день водилъ въ академическія галлерей, а когда было готово платье, я, какъ нянька, одѣлъ его, и пошли мы въ губернское правленіе. Засвидѣтельствовавши священный актъ, сводилъ я его въ Строгонову галлерей, показавъ ему оригиналь Веласкеза, и тѣмъ кончились въ тотъ день наши походы.

На другой день часу въ десятомъ утра одѣлъ я его снова и отвелъ къ Карлу Павловичу и, какъ отецъ любимаго сына передаетъ учителю, такъ я его передалъ безсмертному нашему Карлу Павловичу Брюлову. Съ того дня онъ началъ посѣщать академическія классы и сдѣлался пансіонеромъ общества поощренія художниковъ.

Давно уже собирался я оставить нашу сѣверную Пальмиру для какого нибудь смиреннаго уголка гостепріимной провинціи. Въ текущемъ году желанный уголокъ опростался при одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ, и я не преминулъ воспользоваться имъ. Во время оно, когда я посѣщалъ гипсовый классъ и мечталъ о странѣ чудесъ, о всемірной столицѣ, увѣнчанной куполомъ Буонаротти, въ то время, если-бы мнѣ предложили мѣсто рисовальнаго учителя при университетѣ, я бросилъ-бы карандашъ и воскликнулъ: стоитъ-ли послѣ этого изучать божественное искусство! А теперь, когда уравновѣсилось воображеніе съ здравымъ смысломъ, когда въ грядущее не сквозь радужную призму, а такъ просто смотришь, то противъ воли лѣзетъ въ голову поговорка: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки».

Еще зимою мнѣ слѣдовало отправиться на мѣсто, но кое-какія собственныя дѣлишки, а въ особенности дѣло ученика, теперь уже не моего, а К. П. Брюлова, меня задержали въ столицѣ; потомъ болѣзнь его и продолжительное выздоровленіе и наконецъ финансы. Когда все это пришло къ благополучному концу, я, какъ

сказаль уже, пріютилъ своего любимца подь крыломъ Карла Великаго и въ первыхъ числахъ мая оставилъ и надолго оставилъ столицу.

Оставляя возлюбленнаго моего, я передалъ ему свою квартиру съ мольбертомъ и прочею мизерною мебелью и со всѣми гипсовыми вещами, которыхъ тоже нельзя было взять съ собою, и совѣтоваль ему до слѣдующей зимы пригласить товарища къ себѣ, съ тѣмъ, что зимой пріѣдетъ къ нему Штернбергъ. Послѣдній былъ тогда въ Малороссіи и я, условившись встрѣтиться съ нимъ у одного общаго знакомаго нашего въ прилуцкомъ уѣздѣ, намѣревался при этой встрѣчѣ просить его, по возвращеніи въ столицу, поселиться съ моимъ пріятелемъ на квартирѣ, что и случилось къ величайшей радости. Совѣтоваль я еще моему возлюбленному посѣщать Карла Павловича, но осторожно, чтобы не надоѣдать ему частыми визитами, совѣтоваль также не манкировать классами и, какъ можно больше, читать, а въ заключеніе просилъ его писать мнѣ чаще письма и писать такъ, какъ-бы онъ писалъ отцу родному.

И поручивши его покрову Предвѣчной Матери, я разстался съ нимъ и увь! разстался на вѣки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Археологическія изслѣдованія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ.

Въ нашей періодической печати прошлаго года появилось нѣсколько замѣтокъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ въ г. Владимірѣ-Волынскомъ относительно его древнихъ храмовъ. Болѣе полныя свѣдѣнія объ этихъ изысканіяхъ помѣщены, къ сожалѣнію, отрывочно, въ ежедневномъ провинціальномъ періодическомъ изданіи, прекратившейся кіевской газетѣ «Заря» и легко могутъ затеряться, замѣтки же, помѣщенные въ другихъ изданіяхъ, напр. въ «Вѣстникѣ Европы» и «Недѣли», или не полны или расходятся съ истиной. Считаемо поэтому не лишнимъ сгруппировать какъ уже появлявшіяся въ печати и разбросанныя по разнымъ изданіямъ, такъ и намъ лично доступныя свѣдѣнія о тѣхъ археологическихъ раскопкахъ и изслѣдованіяхъ, какія были произведены лѣтомъ минувшаго года въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Въ свое время мы сообщали читателямъ «Кіевской Старины» объ открытіи во Владимірѣ-Волынскомъ особой комисіи для подготовительныхъ работъ по обновленію въ этомъ городѣ древняго Успенскаго кафедральнаго собора и о приглашеніи въ составъ этой комисіи профессоровъ; В. Б. Антоновича и А. В. Прахова и члена-секретаря кіевской археографической комисіи О. И. Левнцаго, а равно представили краткій обзоръ первыхъ дѣйствій комисіи и полученныхъ отъ того результатовъ¹⁾, Здѣсь мы не только пополнимъ сообщен-

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1886 г., апрѣль, стр. 837—39 и августъ, стр. 766—69.

ныя раньше свѣдѣнія, но скажемъ по тѣхъ работахъ комисіи, которыя выступали за предѣлы первоначальной спеціальной ея задачи и имѣютъ несомнѣнный научный интересъ.

Исходнымъ и главнымъ пунктомъ изслѣдованій владимірово-волинской комисіи былъ, какъ мы уже сказали, лежащій въ развалинахъ Мстиславовскій кафедральный соборъ во имя Успенія Божіей Матери. Съ которой стороны вы не подъѣзжали бы къ Владимірово-Волинскому, васъ поражаетъ громадная, господствующая надъ городомъ, руина съ величественнымъ фронтономъ и башнями древняго храма. Этотъ фронтонъ, пристроенный къ храму въ половинѣ XVIII вѣка и прорубленные тогда же въ стѣнахъ огромныя окна, въ стилѣ возрожденія, придаютъ зданію видъ католическаго костела; но достаточно взглянуть поближе на задѣланные въ его стѣнахъ узкія окна древняго византійскаго стиля, на остатки фресокъ въ алтарной части храма, а главное на кирпичъ и цементъ его стѣнъ, и вы убѣдитесь, что предъ вами несомнѣнно древнее сооруженіе княжескаго періода нашей исторіи. Относительно кладки стѣнъ этого храма мы позволяемъ себѣ привести высказанное въ засѣданіи комисіи, вполнѣ компетентное, мнѣніе пр. Прахова: «храмъ, говоритъ пр. Праховъ, сохранился настолько, что ближайшій анализъ его частей не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ сооруженіемъ XII в. Руководствуясь древнею кладкою, господствовавшей въ древней Руси въ теченіи X—XIII в. и рѣзко отличающеюся не только отъ современной, но и отъ той, которая употребительна была послѣ XIII в., размѣромъ, вымѣсомъ и цвѣтомъ кирпича, цвѣтомъ и толщиной известковыхъ швовъ, можно безошибочно опредѣлить въ существующей величественной развалинѣ древнія части XII в. отъ всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ, передѣлокъ и прибавокъ, которыя составляютъ незначительную часть цѣлага сравнительно съ частями, принадлежащими XII вѣку».

Эти, такъ сказать, фактическія доказательства древности храма подтверждаются и лѣтописными сказаніями. Въ Ипатской лѣтописи подѣ 1172 годомъ (стр. 382) говорится, что Мсти-

славъ Изъяславовичъ, вел. кня. кіевскій, впослѣдствіи владиміро-волынскій, погребенъ «въ святѣи Богородици въ епископѣи, юже бѣ самъ созда въ Владимѣри». На князя Мстислава Изъяславовича, какъ на строителя этого храма, указываютъ и другія лѣтописи. Живое преданіе о времени построения Успенскаго храма сохранилось до позднѣйшаго времени въ описаніи владиміро-волынскихъ церквей, составленномъ въ 1695 г. по распоряженію высшаго униатскаго духовенства и хранящемся до настоящаго времени въ мѣстной соборной церкви; въ немъ говорится, что этотъ каедральный соборъ «знаменито построенъ болѣе 500 лѣтъ назадъ». Мстиславовскій храмъ, какъ каедра старѣйшей епископѣи въ западнорусской окраинѣ, со времени своего построения, считался главной святыней края и служилъ усыпальницей владиміро-волынскихъ князей и владыкъ. Въ теченіе своей 600 лѣтней жизни онъ не разъ подвергался разоренію, но благодаря усердію къ этому храму князей и частныхъ благотворителей, надѣлавшихъ его десятками населенныхъ недвижимыхъ имѣній, храмъ тотчасъ же обновлялся и украшался вновь. Послѣ разрушенія его въ 1491 г. крымскими татарами, храмъ былъ обновленъ и украшенъ иконами и церковными сосудами епископомъ Вассіаномъ въ 1494 г. (Супрасльская лѣтоп., стр. 140). Къ числу иконъ, пожертвованныхъ этимъ епископомъ, слѣдуетъ, полагаемъ, отнести образъ Богоматери пре-краснаго греческаго письма, высокочтимый впослѣдствіи и сохранившійся до настоящаго времени въ мѣстной соборной церкви. Второй разъ, какъ видно изъ описанія владиміро-волынскихъ церквей 1695 г., этотъ храмъ обновленъ послѣ страшнаго пожара 1683 г., истребившаго весь городъ Владиміръ съ его церквями и замками; въ это время на соборѣ сгорѣла крыша и обрушились башни, щиты и своды. Послѣдней и самой капитальной перестройкѣ храмъ подвергся въ 1753 г., при униатскомъ епископѣ Теофилѣ Гудебскомъ, который пристроилъ къ нему съ западной стороны прекрасный фронтоны, въ стилѣ поздняго *ренессанса*, положилъ новый полъ изъ каменныхъ плитъ и прорубилъ въ стѣнахъ его новыя окна; на горнемъ мѣстѣ при немъ устроено

возвышеніе для уніатскаго алтаря съ величественнымъ балдахиномъ, который поддерживался двумя золочеными колоннами, находящимися въ настоящее время въ мѣстномъ монастырѣ. Въ то же время сѣверный и южный придѣлы алтаря были отдѣлены отъ остальной церкви сплошною стѣною, къ которой пристроены уніатскіе алтарики.

Эти пристройки и передѣлки, измѣнившія внѣшній и внутренній видъ храма, не измѣнили размѣровъ и деревяго его плана. Мстиславовскій храмъ трехкорабельный, длина его 47 арш., кромѣ наружной паперти, пристроенной въ 1753 г.; ширина $23\frac{1}{2}$ арш.; стѣны сложены изъ тонкихъ широкихъ кирпичей на толстомъ слоѣ темнорозоваго цемента. Надъ его очень высокими стѣнами съ западной стороны возвышаются двѣ осьмиугольныя башни, служившія основаніемъ западныхъ куполовъ; двѣ остальные башни, надо полагать, не возобновлялись послѣ пожара 1683 г., разрушившаго ихъ. Фундаментъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ изслѣдованъ, оказался болѣе 4-хъ аршинъ глубины.

Своды храма поддерживались 6 громадными «столпищами», пилонами, по 3 съ каждой стороны храма. Къ западной стѣнѣ во всю ея ширину пристроены хоры; они занимаютъ все пространство между этою стѣною и первыми двумя «столпищами» и тянутся вдоль сѣверной и южной стѣны до среднихъ «столпищъ». Столпища эти сохранились до настоящаго времени, за исключеніемъ одного, средняго, съ сѣверной стороны. Вслѣдствіе неудачной попытки прорубить въ немъ ходъ къ проповѣднической каедрѣ, столбъ рухнулъ, за нимъ рухнули своды и храмъ пришелъ въ запустѣніе. Случилось это въ 1782 г. (Описание собора 1806 г.).

Обломки сводовъ, столповъ и крыши образовали огромную груду мусора, покрывшуюся со временемъ перегноемъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, въ складъ которыхъ былъ обращенъ соборъ его блюстителями, и заросшую бурьяномъ и кустарниками; ко времени очистки мусора на мѣстѣ иконостаса успѣла вырости огромная рябина, на горнемъ же мѣстѣ цѣлая

клуба бузины. По вырубкѣ деревьевъ и кустарниковъ и уборкѣ мусора открылся мостъ, покладки 1753 г., изъ широкихъ каменныхъ плитъ зеленоватаго и фіолетоваго цвѣтовъ, такой же точно, какой и въ настоящее время можно видѣть въ почасвской лаврѣ и пѣкоторыхъ церквяхъ и костелахъ Волыни. Помостъ этотъ лежалъ на толстомъ слое мусора, отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аршина, смѣшаннаго съ костями, а подъ нимъ во многихъ мѣстахъ сохранился древній кафельный, цѣпниный, полъ, состоящій изъ поливныхъ желтаго, зеленаго, чернаго, краснаго и синяго цвѣта кирпичиковъ отъ $1\frac{2}{3}$ —3 вершковъ длины, въ формѣ прямоугольниковъ, треугольниковъ и параллелепипедовъ, положенныхъ на такомъ же, какъ и въ стѣнахъ, розовомъ цементѣ.

Въ разныхъ мѣстахъ храма въ полу образовались впадины, указывавшія мѣста завалившихся склеповъ; одинъ изъ нихъ въ юго-западномъ углу, возлѣ хода на хоры, оказался открытымъ и пустымъ; по срединѣ же церкви валялась разбитая на нѣсколько частей огромная плита чернаго мрамора, болѣе 3-хъ аршинъ длины и около $1\frac{1}{2}$ арш. ширины, съ сохранившеюся, хотя не вполне, польскою надписью, изъ которой видно, что она была надгробіемъ Анны Сангушковны-Коширской, по мужу Сапѣжинной, воеводины витебской, умершей во 2-й половинѣ XVI вѣка. При очисткѣ мусора, наполнявшаго пространство между двумя помостами, найдены: на мѣстѣ царскихъ вратъ древній византійскій мѣдный крестъ, 3 дюйм. вышины, и въ юго-западной части храма бронзовое золоченое Распятіе.

Изслѣдованіе подземныхъ частей храма начато со склепа уніатскихъ епископовъ, устроеннаго въ 1-й половинѣ XVII в. третьимъ по порядку уніатскимъ епископомъ Ваковецкимъ. Склепъ этотъ, длиною сколо 18 аршинъ, находится подъ южнымъ придѣломъ храма, діаконникомъ. Вообще сохранившійся входъ въ этотъ склепъ устроенъ противъ южнаго алтарика. Гроба епископовъ стоятъ вдоль стѣнъ склепа и покрыты для защиты отъ сырости толстымъ слоемъ песку. Одинъ изъ гробовъ оказался открытымъ; на черепъ покойника сохранилась скуфья,

облаченіе валяется въ клочкахъ въ безпорядкѣ; нѣтъ ни креста, ни евангелія, ни другихъ какихъ либо принадлежностей епископскаго сана. Осмотръ этого гроба и всѣхъ другихъ, найденныхъ въ Успенскомъ храмѣ, убѣждаютъ въ томъ, что въ его подземельяхъ рылись и хозяйничали многіе темные изслѣдователи. Второй склепъ, самый близкій къ общей усыпальницѣ уніатскихъ епископовъ, находится между амвономъ и царскими воротами; этотъ очень просторный склепъ, въ которомъ, судя по духовному завѣщанію перваго уніатскаго епископа и митрополита Ипатія Поцѣя, долженъ быть погребенъ этотъ пріобрѣтшій печальную извѣстность сановникъ церкви, оказался пустымъ, если не считать валявшихся въ немъ обломковъ кафель, шпекъ, глиняныхъ трубокъ, бутылокъ и другихъ предметовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ епископскою гробницею. Изъ этого склена прорубленъ ходъ въ сосѣдній съ сѣверной стороны склепъ, оказавшійся тоже пустымъ; въ этомъ склепѣ завѣщатель похоронить себя преемникъ Потѣя, 2-й уніатскій епископъ, Іоакимъ Мораховскій. Судя по находкѣ въ этихъ скленахъ, рядомъ съ бутылками, пиками и трубками, 15 гривенниковъ времени императрицы Екатерины II, слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что оба склена были очищены еще во время владычества въ краѣ уніи и послѣ запусчтія храма служили притономъ разныхъ нескателей приключеній. Противъ сѣвернаго прѣдела открытъ склепъ съ 3 пустыми гробницами, изъ которыхъ въ одной лишь найдены остатки атласной скуфы.

По сторонамъ главнаго, западнаго входа въ храмъ высѣчены въ стѣнахъ полукруглыя ниши, аркасолин, мѣста княжескихъ гробницъ; три изъ нихъ въ сѣверной стѣнѣ, двѣ въ южной и одна въ западной, на лѣво отъ входа. Три ниши открыты, но оказались пустыми, другія замурованы и подверглись передѣлкѣ. Размѣръ нишъ $2\frac{3}{4}$ арш. ширины, $1\frac{1}{4}$ арш. глубины и $2\frac{1}{4}$ арш. вышины. Возлѣ первой отъ входа сѣверной ниши открытъ, при раскопкѣ, разрушенный и заваленный мусоромъ склепъ и въ немъ, кромѣ множества смѣшанныхъ въ безпорядкѣ съ мусоромъ костей, деревянный асфальтированный

гробъ. Крышка его развалилась и въ немъ засыпанный мусоромъ лежалъ женскій скелетъ. на черепѣ котораго сохранились вѣлки русыхъ волосъ; въ этомъ же гробѣ валялись остатки туфель, разбитое зеркало въ шелковой рамѣ, куски плотной шелковой матеріи, большой изъ тонкаго кружева воротникъ и куски чернаго бархата, вѣроятно часть головного убора, шитаго золотомъ, шелками и крупнымъ бисеромъ; узоръ шитья изображалъ бѣгущихъ оленей. Въ мусорѣ, выброшенномъ изъ этого гроба, найдено 2 золотыхъ кольца: одно массивное кольцо съ небольшою овальной печатью изъ горнаго хрусталя, положенной на красной эмали; на печати, изображающей скачущаго всадника съ поднятымъ мечемъ, вырѣзаны буквы: А. S. К.; по сторонамъ всадника «1570», на внутренней же сторонѣ кольца изображено сердце и буквы А—Z; второе кольцо изъ тонкой проволоки, меньше перваго, на немъ посажено отличной работы изображеніе собаки и къ ней на цѣпочкѣ привѣшена крошечная гирька; на внутренней сторонѣ кольца надпись: *sic fides*. Сличая гербъ Гедиминовичей на печати кольца съ такимъ же гербомъ на надгробной плитѣ, найденной по срединѣ церкви, и буквы А. S. К. съ надписью на этой плитѣ, профессоръ Антоновичъ пришелъ къ заключенію, что описанный гробъ принадлежитъ Аннѣ Сангушковой-Коширской, надгробіе которой, неизвѣстно къмъ и для какой надобности сдвинуто съ гроба и отброшено на средину церкви.

Кромѣ этихъ главныхъ склеповъ, было изрыто и изслѣдовано подполье храма во многихъ мѣстахъ и вездѣ приходилось натываться на остатки гробницъ и покойниковъ. Гробницы стояли рядами одна надъ другою, соприкасаясь въ нѣкоторыхъ мѣствхъ съ верхнимъ церковнымъ помостомъ; всѣ онѣ деревянные, развалившіяся, нѣкоторыя изъ нихъ тройныя асфальтированныя: досчатый, обитый внутри шелковою тканью, гробъ помѣщался въ другомъ досчатомъ гробѣ, а тотъ былъ вставленъ въ верхній асфальтированный, большею частью дубовый, долбленный гробъ. Переполненіе гробами церковнаго подполья и находимые въ этихъ гробахъ и мусорѣ куски дорогихъ тканей до-

казываютъ, что Мстиславовъ храмъ служилъ усыпальницей не только князей и епископовъ, но и мѣстной волынской знати.

Изъ всѣхъ погребеній, открытыхъ въ этомъ храмѣ, сохранились лучше другихъ 2 гробницы въ алтарной его части, каждая изъ нихъ въ отдѣльномъ склепѣ. Одна помѣщена между престоломъ и горнимъ мѣстомъ, другая на право отъ нея у стѣны діакона. Крышки надъ головами этихъ покойниковъ, надо полагать, важныхъ сановниковъ церкви, рассыпались и въ образовавшіяся отверстія ихъ можно разсмотрѣть: въ первомъ гробѣ черепъ съ остатками рыжеватыхъ волосъ на головѣ и бородѣ, во второмъ голову покойника, закрытую лентой. На крышкѣ этого гроба найденъ полуистлѣвшій, деревянный осмиконечный крестъ. Болѣе подробное изслѣдованіе этихъ погребеній, по независимымъ отъ комисіи обстоятельствамъ, отложено до слѣдующаго года, а до того времени всѣ отверстія склеповъ закрыты деревянными осмоленными щитами, поверхъ которыхъ наваленъ мусоръ и приняты мѣры противъ доступа въ гробницы воздуха и сырости.

Въ обычныхъ мѣстахъ княжескихъ погребеній, въ аркасоліяхъ, гробницъ, какъ мы уже говорили, не найдено, но при позднѣйшемъ изслѣдованіи одного изъ нихъ, въ сѣверо-западномъ углу храма, надъ склепомъ, въ которомъ найденъ гробъ Анны Сангушковой-Коширской, профессору Прахову удалось открыть вырубленное въ стѣнкѣ, служившей основаніемъ аркасоліи, и замурованное сверху помѣщеніе для костей. Длина этого ящика около 1¹/₂ арш., ширина менѣе аршина; въ немъ сложены 4 скелета: два мужскихъ, одинъ женскій и одинъ дѣтскій. Мѣсто храненія этихъ скелетовъ, тщательное сбереженіе ихъ сравнительно съ другими, наконецъ находеніе на одномъ изъ скелетовъ поврежденія, которое не могло быть случайнымъ и на которое находится указаніе въ лѣтописи, при описаніи кончины одного изъ владимірскихъ князей, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія. Изъ Ипатской лѣтописи (стр. 570, 574, 601—604) извѣстно, что въ Мстиславовскомъ храмѣ, кромѣ строителя его, погребены, въ числѣ другихъ князей, князь Василько Романо-

вичъ, въ 1271 г., жена его Елена въ 1265 г., и сынъ ихъ Іоаннь-Владимірь, скончавшійся 10 дек. 1289 г. Лѣтописецъ подробно описываетъ наружность этого князя, болѣзнь, отъ которой онъ умеръ, и его погребеніе: это былъ человѣкъ очень большаго роста, «плечами великъ», скончался отъ рака нижней челюсти («челюсть бородняя перегни») и погребенъ „въ отнѣ гробѣ“. Въ числѣ скелетовъ, найденныхъ подъ аркасолю, одинъ выдается очень крупнымъ размѣромъ костей и имѣетъ только лѣвую половину нижней челюсти, почернѣвшіе края которой указываютъ на какое-то патологическое прижизненное перерожденіе кости. Храненіе, повторяемъ, этихъ скелетовъ подъ аркасолю и сохранившіяся на одномъ изъ нихъ примѣты, допускаютъ предположеніе, что этотъ скелетъ принадлежитъ князю Владиміру Васильковичу, и если слова «въ отнѣ гроба» употреблены лѣтописцемъ не въ обширномъ смысловомъ, означавшемъ Мстиславовъ храмъ, а означаютъ родовой склепъ, то очень вѣроятно, что въ числѣ остальныхъ скелетовъ находятся скелеты кн. Василька и Елены, что родовымъ склепомъ этихъ князей служилъ склепъ, въ которомъ въ настоящее время покоится Анна Сангушкѣвна-Коширская, для погребенія которой всецѣльная въ то время ея родня очистила княжескій склепъ; но что изъ уваженія къ памяти покойниковъ кости ихъ бережно были сложены и замурованы надъ родовымъ склепомъ.

При археологическихъ изслѣдованіяхъ Мстиславова храма желательно, конечно, было выяснитъ мѣсто постройки болѣе древняго, каедральнаго собора въ г. Владимірь-Волынскомъ, созданнаго въ X в. основателемъ города, св. Владиміромъ, въ честь Богоматери. При этомъ было обращено вниманіе на холмъ, находящійся въ 2-хъ верстахъ отъ города, возлѣ дер. Феодоровицы, и носящій названіе «Старой Каедры». Въ описаніи владимірскихъ церквей 1695 г. говорится, что на этомъ мѣстѣ въ 1683 г. стояла деревянная церковь св. Феодора, названная въ описаніи «стародавней каедрой» владимірскихъ епископовъ, и что въ этомъ году она отъ давности сгнила и обру-

шилась. Эти преданія, сохранившіяся въ рукописи и устахъ народа, дали мѣсто предположить, что первый кафедральный соборъ въ г. Владимірѣ существовалъ въ означенномъ урочищѣ и что слѣдовательно Мстиславовъ храмъ поставленъ на новомъ мѣстѣ. Для провѣрки этого предположенія приступлено къ раскопкѣ холма. По раскопкѣ его оказалось, что холмъ покрываетъ собою низы большаго каменнаго храма около 36 арш. длины и 24 арш. ширины; двѣ стѣны, сѣверная и западная, сохранились болѣе сажени въ вышину, южная же часть, за исключеніемъ паперти, вся обрушилась въ р. Лугъ, надъ обрывомъ котораго построенъ храмъ. По остаткамъ восточной стѣны видно, что храмъ былъ трехъ-корабельный, стѣны положены изъ кирпича, употреблявшагося въ княжескій періодъ нашей исторіи и похожаго на тотъ кирпичъ, съ котораго построенъ Мстиславовъ храмъ, соединеннаго толстымъ слоемъ свѣтлорозоваго цемента. Фундаментъ не глубокой и состоитъ частью изъ кирпича, положеннаго на необыкновенно крѣпкомъ цементѣ сѣраго съ бѣлыми крапинками цвѣта, частью же изъ очень твердой бѣлой глины или мѣлу. Снаружи стѣны украшены полукруглыми кирпичными колонками. Въ архитектурномъ отношеніи въ этой церкви поражаетъ обиліе голосниковъ (резонаторовъ) въ стѣнахъ и необыкновенное разнообразіе формъ и размѣровъ кирпичей, употреблявшихся, судя по ихъ формѣ, для постройки колоннъ, сводовъ и разныхъ архитектурныхъ деталей и доказывающихъ затѣйливость постройки. По мнѣнію пр. Прахова, этотъ храмъ построенъ въ лучшую эпоху русскаго строительнаго искусства, въ XI—XII вѣкѣ. При расчисткѣ отъ мусора восточной стѣны храма найденъ низъ какой-то стѣны, не имѣющей, по видимому, никакой связи со стѣнами храма и значеніе которой намъ совершенно непонятно. Построена она полукружіемъ такого радіуса, какъ средній корабль церкви; начало ея въ алтарѣ возлѣ горняго мѣста, гдѣ она пересѣкается алтарною стѣною, за алтарною стѣною она тянется аршина на три и затѣмъ пропадаетъ безслѣдно. Сложена она изъ необыкновенной крѣпости кирпичиковъ менѣе $\frac{1}{2}$ вершка толщины, $3\frac{1}{2}$ вер. длины и $2\frac{2}{3}$ в. ширины. Скрѣплявшій ее цементъ совсѣмъ вывѣтрился

и кирпичики свободно отдѣляются одинъ отъ другаго. Внутренность церкви раздѣлена на 3 части: алтарь, среднюю часть и внутреннюю паперть или бабинець; послѣдняя отдѣляется стѣною отъ остальной церкви. Въ стѣнахъ этого храма устроено 5 нишъ—аркасолей, шириною въ $3\frac{1}{4}$ арш. и около $1\frac{1}{4}$ глубины; изъ нихъ 3 ниши въ бабинцѣ, 2 въ сѣверо-западномъ углу средней части храма. Эти ниши, какъ и весь бабинець, росписаны фресками, которыхъ въ остальныхъ частяхъ храма мы не находили. На кускахъ отвалившейся съ фресками штукатурки попадаются отдѣльные буквы, по которымъ видно, что надписи были на славянскомъ языкѣ. Все подполье бабинца занято склепами, судя по кирпичу, съ котораго онѣ сложены, болѣе поздняго происхожденія. Склеповъ этихъ на небольшомъ пространствѣ бабинца 7, ширина ихъ отъ 14 вер. до $3\frac{1}{2}$ арш., длина же и глубина всѣхъ склеповъ одинакова: $3\frac{1}{2}$ арш. и 1 аршинъ. Эти склепы обзались наполненными мусоромъ, смѣшаннымъ съ человѣческими костями, безъ всякихъ признаковъ гробовъ; въ одномъ изъ нихъ найденъ черепъ взрослога человѣка, пробитый гвоздемъ въ теменѣ. Съ такимъ же точно четвереугольнымъ отверстіемъ въ теменѣ и торчащимъ въ немъ гвоздемъ найденъ въ г. Владимірѣ другой черепъ, при раскопкѣ пр. Праховымъ урочища Михайловщины. Этой находкой подтверждается преданіе о прободеніи черепа татарами, какъ казни, которой они подвергали плѣнныхъ. Такіе точно черепа съ гвоздями, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, находили въ недавнее еще время въ окрестности г. Владимира, въ ур. Житани, извѣстной, по лѣтописи, стоянкѣ татарскихъ полчищъ. Въ алтарной части храма, при изслѣдованіи надписей, найдены остатки четырехъ деревянныхъ столбовъ, окружавшихъ престолъ и поддерживавшихъ, вѣроятно, навѣсъ надъ престоломъ, киворій. Въ алтарѣ сохранилась часть древняго кафельнаго пола, въ другихъ мѣстахъ храма кафли, составлявшія полъ, валялись въ безпорядкѣ въ мусорѣ. Въ бабинцѣ и средней части церкви, судя по находимымъ тамъ кафлямъ, полъ состоялъ изъ кафель въ формѣ щитковъ и треугольниковъ, толщиною отъ $\frac{3}{4}$ —1

вершка, ширина же щитковъ $5\frac{1}{2}$ вершка; окраска ихъ чернаго и очень яркаго желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Кафли алтарнаго пола вполонину тоньше остальныхъ, выдѣланы въ формѣ прямоугольниковъ около $2\frac{3}{4}$ вер. ширины и равностороннихъ трехъугольниковъ разныхъ величинъ, отъ $1\frac{1}{3}$ — $2\frac{1}{3}$ вершка. Сохранившаяся въ алтарѣ часть пола состоитъ изъ трехъугольниковъ, ряды которыхъ лежатъ полукружїями, параллельно полукружїю восточной алтарной стѣны. Полива этихъ кафель отличается красотою и разнообразїемъ красокъ: преобладаетъ полива перламутровая, за тѣмъ желтаго яркаго цвѣта, темнозеленаго съ золотистымъ отливомъ, темно и свѣтлоричневаго цвѣта. Квадратныя кафли большею частью темнокоричневаго, почти чернаго цвѣта росписаны желтою, зеленою и бѣлою красками, при чемъ легко отличить по изяществу рисунка древнїя кафли отъ кафель съ грубымъ рисункомъ болѣе поздняго происхожденїя. Обрушившїйся храмъ образовалъ изъ мусора, какъ мы говорили, холмъ, вышина котораго достигала 7 аршинъ отъ уровня церковнаго пола; на этомъ холмѣ и была, вѣроятно, построена небольшая деревянная Феодоровская церковь, вся же не занятая часть холма служила кладбищемъ; по этому при раскопкѣ холма приходилось наткаться на цѣлыя ряды сгнившихъ и развалившихся гробовъ и человѣческихъ костей, сложенныхъ въ нѣсколькихъ ярусахъ. Въ верхнемъ слоѣ мусора найденъ литой, мѣдный, наперный католическій крестъ, мѣдный овальный небольшой образокъ съ обозначенїемъ 1600 г., мѣдное большое кольцо съ печатью и звѣздою на ней, а въ одномъ изъ череповъ три бѣлыхъ буса; въ нижнемъ слоѣ, кромѣ строеваго матеріала и разбитыхъ кувшиновъ, никакихъ предметовъ не найдено. Въ числѣ кирпичей, разбросанныхъ по стѣнамъ, найденъ на югозападномъ столпѣ кирпичъ съ рисункомъ, нацарапаннымъ на сырой глинѣ, надо полагать, при формовкѣ кирпича. Рисунокъ изображаетъ, какъ видно, строителя храма, въ видѣ воина въ латахъ, съ большими шпорами; голова его не покрыта, волосы проборомъ по срединѣ головы, борода маленькая клиномъ; одѣтъ онъ въ длинную съ шитьемъ одежду. Обѣ руки подняты вверхъ; въ одной изъ нихъ булава, возлѣ другой крестъ. Рисунокъ грубый, но поя-

вленіе его на сыромъ кирпичѣ доказываетъ развитіе въ мѣстномъ рабочемъ художественнаго вкуса.

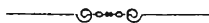
Въ этихъ развалинахъ древняго храма, открытаго въ урочищѣ «Старая Каеэдра», было-бы естественно видѣть остатки храма, по преданію, построеннаго св. Владиміромъ по введеніи христіанства на Волыни и при основаніи имъ же епископской каеэдры во Владимірѣ. Мы не считаемъ, однако, возможнымъ настаивать на достовѣрности подобной догадки, и прежде всего на основаніи топографическихъ соображеній. По нашему мнѣнію, если и допустить, что во Владимірѣ былъ когда-либо храмъ, построенный просвѣтителемъ Руси, то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ храмъ, надо искать въ самомъ городѣ, а не на чертѣ его; урочище же «Старая Каеэдра», по своему мѣстоположенію, никогда не могло входить въ черту города, который, судя по сохранившимся остаткамъ валовъ, группировался возлѣ двухъ болѣе защищенныхъ отъ непріятельскихъ нападеній холмиговъ: на одномъ изъ нихъ стояли окруженные валами княжескіе терема съ церковью Іоакима и Анны, на другомъ Мстиславовъ соборъ съ епископскимъ домомъ, окруженные высокою каменною стѣною. Изучая внимательно положеніе древняго г. Владиміра, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ немъ не было другаго болѣе удобнаго мѣста для построенія перваго каеэдральнаго собора, какъ то, на которомъ въ настоящее время стоитъ соборъ Мстиславовъ, что существовавшій въ г. Владимірѣ до начала княженія Мстислава Изяславовича каеэдральный храмъ былъ безъ сомнѣнія деревянный и, вѣроятно, разрушился отъ ветхости, и на мѣстѣ его Мстиславъ воздвигъ новый величественный храмъ. Что же касается вопроса, какая именно церковь открыта въ урочищѣ «Старая Каеэдра», то мы находимъ нѣкоторое основаніе предполагать, что это была церковь св. Дмитрія. Кѣмъ и когда построена въ г. Владимірѣ Дмитріевская церковь, мы не встрѣчаемъ указанія въ лѣтописяхъ, но объ ней упоминается уже въ XIII в. Въ Ипатской лѣтописи (ст. 608—609) говорится, что кн. Владиміръ Васильковичъ (1272—1289 г.) «списа святого Дмитрея

всего, и съсуды служебные серебряные скова, и икону пресвятыя Богородица окова серебромъ съ камнемъ дорогимъ и заефсы золотомъ шиты, а другие оksamитные съ дробницею и всѣми узорочьи украси ю»... Изъ этихъ словъ мы видимъ, что церковь св. Димитрія была росписана, и тоже находимъ въ церкви «Старой Кааедры»; въ томъ, что эта церковь росписана не одновременно съ ея постройкою, убѣждаетъ насъ двойной слой штукатурки, находимый подъ фресками. Изъ тѣхъ же словъ лѣтописи слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что Димитріевская церковь была одна изъ лучшихъ въ городѣ. Въ лѣтописныхъ преданіяхъ сохранилась память о самыхъ незначительныхъ церквяхъ древняго г. Владиміра и указываются мѣста ихъ построенія, память же о Димитріевской церкви совершенно изгладилась въ народѣ. Объяснить это странное обстоятельство можно только тѣмъ путемъ, что на мѣстѣ этой церкви, разрушенной во время какого нибудь непріятельскаго нашествія, построена была новая церковь въ честь св. Θεодора, имя котораго изгладило въ народной памяти названіе церкви болѣе древней. Подтвержденіе, хотя очень слабое, своего предположенія о тождественности Димитріевской церкви съ развалинами храма въ урочищѣ «Старая кааедра» мы видимъ еще и въ томъ обстоятельстве, что на ручкахъ кувшиновъ, найденныхъ въ мусорѣ при раскопкѣ храма «Старой Кааедры», мы находили отчетливо вырѣзанную букву Д, что могло означать инициалъ названія церкви, которой принадлежали кувшины.

Независимо отъ археологическихъ работъ, связанныхъ съ задачами мѣстной комисіи, пр. Антоновичъ и Праховъ посвятили часть свободнаго времени на археологическія изслѣдованія, не входившія въ программу комисіи. Пр. Антоновичъ изслѣдовалъ древній, разбросанный на громадномъ пространствѣ, могильникъ возлѣ с. Зимно, въ окрестностяхъ Владиміра, и остатки валовъ въ самомъ Владимірѣ, которые огибали городъ съ трехъ сторонъ, упираясь на югъ концами въ р. Лугъ; это послѣднее изслѣдованіе имѣетъ большое значеніе для опредѣленія гра-

ницъ древняго города. Пр. Праховъ успѣлъ осмотрѣть нѣсколько болѣе замѣчательныхъ храмовъ во владимірскомъ уѣздѣ, именно: церковь въ с. Зимно, по преданію, построенную св. Владиміромъ, церковь св. Георгія въ м. Любомлѣ, построенную, по словамъ Ипатской лѣтописи, въ XIII в. кн. Владиміромъ Васильковичемъ, монастырь Загоровскій, построенный въ XVI вѣкѣ и замѣчательный прекрасною фресковою живописью, и церковь въ с. Нискиничяхъ, построенную въ XVII вѣкѣ извѣстнымъ ревнителемъ православія въ здѣшнемъ краѣ, Адамомъ Киселемъ (описание памятника и гробницы Киселя въ апр. кн. «Кіев. Ст.»). При этомъ пр. Праховымъ сняты фотографически не только самыя церкви съ ихъ архитектурными и художественными деталями и фресками, но и всѣ предметы въ нихъ найденные и представляющіе археологическій интересъ. Кромѣ того пр. Праховымъ приглашены спеціалисты-лѣтписики, которые, по его указанію, приготовили слѣпки всѣхъ болѣе замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи предметовъ, сохранившихся въ этихъ храмахъ. Въ г. Владимірѣ пр. Праховъ приступилъ къ изслѣдованію древнихъ урочищъ: Михайловщины, на которомъ стоялъ въ древности Михайловскій монастырь, мѣсто насильственной смерти и погребенія въ XIV в. кн. Войшелга, и мѣстность, окружающую древнюю Васильевскую церковь; но эти изслѣдованія, по недостатку времени, не могли быть окончены въ настоящемъ году. Желательно, чтобы они были доведены до конца и чтобы изслѣдованія коснулись и другихъ древнихъ урочищъ Владиміра-Волынска, которыми усѣянъ весь городской берегъ р. Луга. Что касается газетныхъ слуховъ о томъ, что пр. Праховъ приступилъ уже къ обновленію древнихъ церквей въ с. Зимно и Васильевской въ г. Владимірѣ, то слухи эти лишены основанія. Пр. Праховъ изслѣдовалъ только гладку стѣнъ церкви с. Зимно, для опредѣленія времени ея построенія и, на сколько намъ извѣстно, призналъ ее постройкою XVI вѣка.

Е. Дверницкій.

РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННОКА

о приключеніяхъ съ нимъ во время „Коліивщины“.

Между бумагами покойнаго дѣда моего, Оедора, находится прилагаемая здѣсь въ дословномъ переводѣ съ польскаго записка о приключеніяхъ отца его, Ромуальда, во время «Коліивщины». Она списана сыномъ, Оедоромъ, со словъ отца на основаніи замѣтокъ, которыя дѣлалъ онъ и его сестры во время разсказа, что и выражено въ рукописи. Весь разсказъ ведется отъ перваго лица съ очевиднымъ желаніемъ возстановить его въ формѣ, въ которой онъ былъ устно высказанъ.

Разсказъ относится ко времени, когда, по словамъ поэта, «замучени руки розвязались—и кровь за кровь, и муки за муки». Надъ головой разсказчика пронеслась гроза событій того времени, но онъ вышелъ изъ нихъ благополучно. 14-тилѣтній мальчикъ полякъ, ученикъ базилианъ бѣжитъ изъ обреченнаго на гибель Умани и отыскивая убѣжище, наталкивается на суровыя проявленія народнаго возбужденія, но въ концѣ концовъ изъ тѣхъ-же «замученихъ рукъ» получаетъ и пищу и одежду, въ сердцахъ людей противной среды находитъ и человѣческое состраданіе къ его личному печальному положенію. Въ родномъ селѣ Соколовкѣ онъ, вмѣстѣ съ другими, подпадаетъ грозной народной расправѣ, но его спасаетъ любимая народомъ пѣснь: «Пречистая Диво-Мати русьскаго краю», которую онъ изучилъ у базилианъ и которую поетъ, привязанный къ столбу для разстрѣліянія. При звукахъ этой пѣснѣ козацкій старшина проливаетъ слезы и даетъ помилованіе остальной, обреченной на казнь, шляхтѣ и евреямъ.

Эти черты человѣчности среди возбужденной въ высшей степени народной массы проливаютъ смягчающій свѣтъ на общую грозную картину возстанія и составляютъ, полагаю, не безцѣнные указанія для изучающихъ коллективную народную психологію.

Не лишенымъ интереса кажется мнѣ и общій тонъ разсказа. Разсказъ ведется съ той степенью объективности, которую трудно было предположить у человѣка, котораго жизни угрожали данныя событія.

Это; конечно, не объективизмъ социолога, изучающаго данный моментъ общественной эволюціи—это объективизмъ простаго, незатѣйливаго человѣка, смотрящаго на факты во всей ихъ простотѣ. Объективизмъ этотъ истекаетъ, кажется, изъ двухъ источниковъ: частнаго и болѣе общаго, но тотъ и другой представляютъ нѣкоторый общественный интересъ.

Разсказчикъ поневолѣ столкнулся ближе съ народной средой, а добрая половина предрасудковъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ вытекаетъ изъ незнанія народной жизни, что не мѣшаетъ тому, чтобы и въ наше время въ глазахъ весьма обширной публики всякая серьезная попытка изучить ее представлялась чѣмъ-то особенно предосудительнымъ.

Но личныя впечатлѣнія разсказчика не устраняютъ въ немъ міровоззрѣнія его среды и времени. Сблизившись съ народной жизнью поневолѣ, онъ не извлекаетъ изъ данныхъ обстоятельствъ матеріала для сознательной переработки своего общественнаго міровоззрѣнія: онъ не расстаётся съ сознаниемъ своей отдѣльности отъ «простацтва», для него вполне ясно, что его нельзя смѣшивать съ людьми „простой кондиціи“, доброта крестьянъ и ихъ расположенность къ господамъ для него однозначущи, но онъ съ видимымъ удовольствіемъ подчеркиваетъ обращаемыя къ нему слова: «добре по-нашому говоришь», онъ трогается проявленіями личной доброты по отношенію къ нему, для него вполне повитва защита его родственницы гайдамацкимъ атаманомъ, въ виду ея доброты для бѣдныхъ и защиты крестьянъ отъ наказаній пана. Однимъ словомъ для него и данный легальный порядокъ, и данная ему реакція представляются, такъ сказать, въ порядкѣ вещей.

Міровоззрѣнію этому не достаетъ сознанія о переходности даннаго порядка вещей и потому оно страдаетъ односторонностію, предполагая инстинктивно принципа, которому противорѣчитъ вся исторія человѣчества, принципъ неподвижности общественныхъ отношеній отдѣльнаго историческаго момента.

Но дѣйствительно-ли мы ушли такъ далеко отъ подобнаго міровоззрѣнія? Не ограничивается-ли вообще нашъ эволюціонизмъ преимущественно примѣненіями къ отдаленному прошлому? А по отношенію къ данному, специально мѣстному общественно-національному антагонизму представляется-ли мысли современнаго намъ общества удовлетворительный исходъ? Не извлекаемъ-ли мы изъ прошедшаго болѣе традиціонныхъ инстинктовъ, чѣмъ уразумѣванія общаго направленія жизненныхъ явленій? Ясно-ли для насъ, что антагонизмы отдѣльныхъ общественныхъ группъ могутъ быть исчерпаны только дальнѣйшимъ

развиваніемъ той демократизаціи общественныхъ отношеній, постепенное усиленіе которой представляется и какъ результатъ наблюденія прошедшаго, и какъ этический постулатъ развивающейся человѣческой мысли?

Не будемъ же слишкомъ горделиво смотрѣть на міровоззрѣніе отошедшихъ поколѣній; пусть лучше изученіе условій ихъ общественной жизни и того ряда преобразеній, которому она подверглась, послужитъ для насъ матеріаломъ для уразумѣванія современности и нѣкотораго предвидѣнія будущаго.

Эту работу мысли вызываетъ неминуемо всякое серьезное изученіе исторіи. Прилагаемый здѣсь рассказъ, можетъ быть, составитъ маленькое привнесеніе къ матеріаламъ этой науки.

Фадей Рыльскій.

Однажды лица, находившіяся въ домѣ родителей моихъ, обратились къ моему отцу съ просьбой, чтобы онъ имъ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ во время уманской рѣзни. Мой отецъ удовлетворилъ ихъ просьбу и, призвавъ меня и жившихъ въ то время моихъ сестеръ, Гонорату и Юзефу, разсказалъ слѣдующее:

«Я воспитывался въ уманской базилианской школѣ; мнѣ было тогда лѣтъ 14. Такъ какъ я имѣлъ голосъ хорошій и сильный, то я часто пѣлъ во время богослуженія. Въ тотъ день, какъ взбунтовавшіеся козаки приблизились къ Умані, я вмѣстѣ съ меньшимъ моимъ братомъ Антоніемъ прислуживалъ при богослуженіи въ униатской церкви священнику униату, Евстафію Тарнавскому (священникъ этотъ вмѣстѣ съ другими униатами подписалъ въ 1768 г. 22 декабря манифестъ, помѣщенный въ житомирскихъ актахъ, въ которомъ разсказывается о тираніи гайдамацкой и о вліяніи игумена Мелхиседека Яворскаго, проживавшаго въ мотронинскихъ лѣсахъ). Въ то время Евстафій Тарнавскій жилъ за городомъ. Во время богослуженія козаки ворвались въ церковь, при видѣ ихъ всѣ пришли въ трепеть. Я уповалъ только на Бога, къ которому и обратился съ горячей молитвой. Послѣ богослуженія я взялъ миссаль, мой братъ, Антоній, орнатъ и другія ризы и мы вышли вмѣстѣ съ священникомъ изъ церкви. Намъ приходилось проходить около палисада, окружавшаго Умань. Тамъ стояла козацкая стража. Священника пропустили, но насъ задержали и направивъ на насъ копья, сказали: «а то ляшки, чортови диты», но священникъ ска-

заль, что мы его домашніе и такимъ образомъ спасъ нашу жизнь. Когда мы пришли домой, священникъ сказалъ намъ: «я не могу васъ припрятать, такъ какъ я и самъ не знаю, какая участь меня постигнетъ. Пусть васъ Богъ ведетъ и охраняетъ». При этомъ слезы появились на глазахъ почтеннаго священника. Онъ далъ намъ простую (крестьянскую) одежду, хлѣба и сала и перекрестивъ, къ вечеру отправилъ насъ въ путь.

Съ этого времени начинаются мои ужасныя приключенія.

Мы долго раздумывали съ братомъ, куда намъ направиться среди такихъ опасныхъ обстоятельствъ. Я зналъ добрыхъ стариковъ, проживавшихъ въ Грековомъ лѣску, что вблизи Умани; гуляя я часто заходилъ къ нимъ. Но мы знали, что около этого лѣска взбунтовавшіеся козаки расположились таборомъ. Но что - же дѣлать? Призвавъ Бога на помощь, мы рѣшились пробраться туда. Шли мы окольнымъ путемъ, ярами, окруженными скалами, то и дѣло прячась за скалы и прислушиваясь, и только эхо стонъ и криковъ отражалось отъ скалъ; но мы дошли благополучно до перваго пункта нашего бѣгства. Здѣсь надѣялись мы спрятаться у знакомыхъ намъ добрыхъ стариковъ, но къ несчастію въ хатѣ никого не было. Не теряя времени, мы направились дальше, придерживаясь правой стороны Умани, чтобы такимъ образомъ удалиться отъ Грековаго лѣска. По дорогѣ присоединился къ намъ нашъ родственникъ Воюдзкій, молодой человѣкъ, тоже воспитанникъ базилианской школы.

Ночь и слѣдующій день мы провели среди хлѣбовъ, у пасъ же при томъ былъ пока запасъ харчей. Но запасъ нашъ былъ не великъ и нужно было идти дальше. Когда насталъ вечеръ, мы пошли дальше окольными путями и набрали на какой-то ярокъ. Въ яркѣ былъ ставокъ, гребля и млынокъ.

Издали мы увидали огонекъ въ мельницѣ; мы подошли къ ней потихоньку и увидали тамъ человѣка, спавшаго около огня. Свита его загорѣлась отъ огня. Намъ стало жаль его и, вбѣжавъ въ мельницу, мы стали топтать ногами горѣвшую свиту. Этимъ мы разбудили спавшаго пьянаго человѣка. Проснувшись, онъ сталъ кричать; «а, вы вражи диты, хтили свитою мене задушити», Напрасно мы старались объясниться, напрасно указывали на обгорѣвшую свиту; онъ схватилъ топоръ и хотѣлъ меня ударить по

головѣ. Но я имѣлъ перевѣсъ въ борьбѣ съ выпившимъ человѣкомъ, отнялъ у него топоръ и бросилъ въ воду. Тогда онъ схватилъ лежавшій вблизи колъ и такъ меня ударилъ по головѣ, что я упалъ, лишившись чувствъ. Не знаю, какимъ образомъ я уцѣлѣлъ. Къ утру только я пришелъ въ себя. Моего брата и моего родственника уже здѣсь не было и я не зналъ, что съ ними случилось. Я еле поднялся на ноги и потянулся въ глубину хлѣбовъ. Тамъ я отдохнулъ, поблагодарилъ Бога за мое спасеніе и подкрѣпилъ свои силы зерномъ, вытертымъ изъ колосьевъ, такъ какъ другой пищи у меня не было.

Здѣсь я прерву рассказъ о дальнѣйшихъ моихъ приключеніяхъ для того, чтобы объяснить настоящее.

Въ то время, когда я лежалъ безъ чувствъ возлѣ гребли, тамъ шелъ одинъ изъ «директоровъ» уманской школы. Увидавъ мертвое тѣло, онъ сталъ присматриваться къ нему при свѣтѣ луны и узналъ меня. Послѣ, желая придать больше достовѣрности своему объ этомъ рассказу, онъ сообщилъ и мое школьное прозваніе Ромуальдъ Шестопалекъ, меня-жь дѣйствительно такъ называли, такъ какъ у меня два большіе пальца на правой рукѣ. Присматриваясь, онъ перевернулъ меня и помогъ мнѣ такимъ образомъ прійти въ себя, передвинувъ на болѣе влажное мѣсто. Изъ его рассказа видно, что и мельникъ, считая меня убитымъ, выволокъ меня изъ мельницы».

Этимъ и окончилъ мой отецъ рассказъ того дня, такъ какъ онъ подвергся нервному припадку. Это съ нимъ случалось до самой смерти со времени случая, о которомъ рѣчь.

На другой день мой отецъ такъ продолжалъ свой рассказъ:

«Потерявъ около мельницы скромный запасъ харчей, данный мнѣ уніятюмъ и чувствуя потребность подкрѣпить свои силы чѣмънибудь болѣе существеннымъ, чѣмъ зерно, вытираемое изъ колосьевъ, къ вечеру я сталъ приближаться къ одному селу. Выглядывая изъ хлѣбовъ, я замѣтилъ хату, стоящую въ сторонѣ. Я направился къ ней, но лишь только я приблизился къ воротамъ, выскочилъ небольшой хлопчина съ головой, завязанной окровавленнымъ платкомъ и вооруженный длиннымъ «ожогомъ». Это былъ дрючокъ (колъ), заостренный по образцу копья и обожженный на концѣ. Мальчикъ бѣжалъ, направивъ на меня свой дрючокъ, какъ бы желая меня заколоть. Но стоявшая вблизи женщина схватила мальчика на руки, отнесла его въ избу и

заперла. Ободренный поступкомъ этой женщины, я стоялъ на мѣстѣ. Женщина подошла ко мнѣ и спросила, чего я желаю.

— Пищи и убѣжища, отвѣтилъ я,

— Пищи я дамъ, но укрыть тебя не могу, да и не совѣтую искать здѣсь убѣжища. Всѣ село взбунтовано и вооружено въ списы, ножи и ружья, а младшіе подѣлали себѣ ожоги въ родѣ того, что ты видѣлъ у моего сына, и колютъ жидовъ и ляховъ.

Женщина вывела меня за свою усадьбу и велѣла мнѣ тамъ поджидать, пока не принесетъ харчей. Я не довѣрялъ ей обѣщанію, перешелъ на другую сторону лѣска и поглядывалъ изъ-за кустовъ. Но скоро я увидѣлъ, что она идетъ одна и несетъ завернутый обильный запасъ пищи. Ободренный, я направился на указанное мнѣ мѣсто, а она пришедши положила узелокъ на землѣ и сказала: вотъ тебѣ пища. Тамъ былъ борщъ съ кашей, хлѣбъ, сало и фляшка горѣлки. Выпивъ чарку водки, я принялся за яство съ возбужденнымъ аппетитомъ. Оставшійся хлѣбъ и сало женщина приказала мнѣ забрать съ собою и совѣтовала не задерживаться долго, такъ какъ она боится, что ее выдастъ ея сынокъ.

Въ то время, когда я ѣлъ, она разговаривала со мной ласков, по-русски; я ей отвѣчалъ на томъ - же языкѣ. Улыбаясь, она мнѣ сказала:

— Почему не говоришь ты по-польски? Хотя ты одѣтъ и по мужицки, никто тебя не признаетъ за мужика: ты выглядишь совсѣмъ не такъ, какъ наши, ты не загорѣлъ, да при томъ будь ты мужикъ, тебѣ - бы не зачѣмъ и укрываться.

Не желая, чтобы она оставалась при этомъ мнѣніи, я сказалъ, что я служилъ дворовымъ человѣкомъ и перешелъ въ католическую вѣру, а потому и скрываюсь. Она и этому не повѣрила, но сказала: — Кто-бы ты ни былъ, уходи дальше и да ведетъ тебя Господь благополучно!

Послѣ этого она ушла.

Такая доброта и обходительность этой женщины среди взбунтовавшагося люда меня тронула, но я долженъ былъ послушать ея совѣта. Уйдя подальше, я забрался въ глубь хлѣбовъ на ночлегъ и помолившись легъ спать. Послѣ вкусной пищи и чарки водки я уснулъ такъ крѣпко, что на другой день проснулся только съ восходомъ солнца.

Вставши, я пошелъ по тропинкѣ, пролегавшей около мѣста моего ночлега. Ставъ на дорогѣ, я началъ разсматривать мѣстность. Я хотѣлъ пробраться въ с. Соколовку, которую арендовала моя тетка. Я тамъ бывалъ во время вакацій и зналъ тамошнихъ крестьянъ. Они мнѣ казались добрыми и расположенными для «двора» людьми; у нихъ я надѣялся найти убѣжище.

Разсматривая мѣстность, я и не замѣтилъ, какъ изъ близъ лежащаго ярка приближался ко мнѣ пароконный возъ. На немъ ѣхали крестьянскія бабы, лошадкой погонялъ дюжіи мужицкій парень. Бѣжать было слишкомъ поздно. Я посторонился и, ставъ спиной къ дорогѣ, началъ креститься по православному обряду и бить поклоны. Но и это не помогло.

— Гей хлопче! закричалъ возница, сдержавъ лошадей и соскочивъ съ воза.

Я оглянулся.

— А ты ляшокъ, вражіи сыну! сказалъ возница, посмотрѣвъ на меня строго.

Я отвѣтилъ, тоже по-русски, что онъ ошибается.

— Брешешь, сякій-такій сыну; не такъ выглядаешь, якъ наша вира, сказалъ онъ въ отвѣтъ и обратясь къ одной изъ женщинъ, крикнулъ:

— Ярино, дай по мени ножа, спрятну цѣго ляшка!

— Женщины начали упрекать, ругать и просить его, говоря, что онѣ не дозволяютъ проливать кровь невинную. Онѣ увѣрили, что я несомнѣнно ихъ вѣры, иначе не говорилъ бы такъ хорошо на ихъ языкѣ. Не смотря на это, парубокъ ударилъ меня крѣпко кнутовищемъ по плечамъ и стянулъ съ меня свиту и сапоги; а затѣмъ, доставъ изъ воза жидовскій «лапсердакъ» съ висящими внизу «торочками» и накинувъ на меня, сказалъ:

— Осъ въ цимъ тоби до-ладу, бо ты чортъ знае якои виры. Подякуй цимъ жинкамъ, що тебе оборонили одъ смерти. А якъ що ты нашои виры, то не повиненъ ты у твоихъ литахъ литомъ ходить у чоботахъ.

Тутъ послѣдовалъ взрывъ смѣха со стороны женщинъ, осматривавшихъ мой костюмъ. Взглянувъ на себя, я и самъ вторилъ имъ мимовольно.

На прощанье возница ударилъ меня нѣсколько разъ кнутомъ и тронулъ лошадей, я-же, скрываясь отъ людей, спрятался въ хлѣбахъ и провелъ цѣлый день безъ пищи.

Къ вечеру бросивъ «лапсердакъ», я пошелъ мановцами (окольнымъ путемъ) и приблизился къ какому-то хутору. Тамъ я замѣтилъ старика, сидящаго въ пасѣкѣ. Голодъ понуждалъ меня къ смѣлости. Подойдя къ плетню, я сказалъ: «добрывечирь! Слава Богу!» и просилъ старика подойти ко мнѣ. Добродушный видъ старика осмѣлилъ меня. Я рѣшился просить у него какую-нибудь свитку, рассказывая, что я посыльный и что на дорогѣ украли у меня свиту, а спѣшить мнѣ необходимо. Старикъ слушалъ терпѣливо мой рассказъ, распрашивая, откуда и куда меня послали. Я отвѣчалъ, какъ могъ. Старикъ покачалъ головою и сказалъ:

— Добре по-нашому говоришь, але то не правда. Ты не вашей виры, видно по тоби. Але ты мене не бійся; я не гайдамака; я маю душу.

Онъ далъ мнѣ свитку, хлѣба и сала и отпустилъ меня, говоря:

— Иди собі зъ Богомъ, бо и тутъ крутяться недобри люди.

Переночевавъ въ хлѣбахъ, по утру я направился къ цѣли моего путешествія. Къ полдню я уже былъ въ Соколовкѣ.

Проходя селомъ, я никого не замѣтилъ на улицѣ, но такъ какъ это былъ воскресный день, то я догадывался, что я застану всѣхъ около корчмы и направился туда смѣло. Около корчмы было дѣйствительно много народа. Я началъ привѣтствовать знакомыхъ. Всѣ, порядочно уже выпившіе, закричали:

— А то панычъ! треба и ёго такъ почакувати, якъ иншихъ ляхивъ и жидивъ.

Меня окружили, толкали, тянули за волосы, давали мнѣ прозвища. Легко догадаться, какихъ прозвищъ можно ожидать отъ пьянаго и взбунтованнаго «простацтва». Корчма была уже пуста; я не видѣлъ никакой возможности спастись. Просьба, напоминанія знакомства, плачь—все это не дѣйствовало. Ожиданіе неминуемой смерти огняло у меня всѣ силы, я стоялъ, какъ мертвый. Среди громады стоялъ старикъ, опершись на посохъ.

— Панове-громада, сказалъ онъ, вашего пануванья симъ днівъ, а вишанья буде на симъ литъ.

— Не знати, що старый говорить; старість помишала ёму вже умъ, закричали всѣ и прибавили, что такъ какъ я ихній паничъ, то

они меня сами не лишать жизни, а поплютъ въ Умань и попросятъ кого нибудь изъ старшинъ, чтобы имъ прислали кого для расправы.

Старикъ покачалъ головою, говоря: «таки по-моёму буде» и поплелся потихоньку.

Послѣдняя надежда на мое спасеніе исчезла. Меня схватили за волосы и бросили въ погребъ, находившійся вблизи корчмы, заперевъ двери его на замокъ. Погребъ былъ переполненъ жертвами разнаго возраста и пола изъ шляхты и жидовъ. Насилу я могъ пробраться въ глубь его. Я долженъ былъ стоять, такъ какъ сѣсть было негдѣ. Въ темнотѣ слышались только стоны и плачь. Такъ провели мы ночь, молясь и вручая себя Божію милосердію.

По утру отперли дверь нашей узницы. Поочередно вытягивали изъ погреба за волосы по одной жертвѣ. Остававшимся въ погребѣ слышны были выстрѣлы, раздававшіеся всякій разъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ кто-то сказалъ: «а де-жъ нашъ панычъ? пора вже прыйшла и на него, нехай не мучиться въ лёху». Меня отыскали и вытянули изъ погреба такимъ же образомъ, какъ и другихъ, а затѣмъ привели къ развалившейся клунѣ, изъ которой остались одни столбы. Тутъ я увидѣлъ нѣсколько козаковъ съ «янчарками» и вздрагивавшіе еще трупы убитыхъ. Мнѣ завязали глаза и привязали къ столбу. Въ то время, когда у меня еще были руки свободны, я перекрестился, предавая душу мою Богу. И дѣйствительно я испыталъ дѣйствиіе чудотворнаго Его заступничества.

— Чекайте, я вамъ щось скажу, закричалъ я.

Старшій изъ козаковъ, надѣясь, вѣроятно, что я открою какое нибудь сокровище, велѣлъ развязать мнѣ глаза. Тогда, по вдохновенію Провидѣнія, я началъ пѣть русскую пѣсню, которую я пѣвалъ въ церкви у базилиановъ: «Пречистая Диво—Мати руського краю». Я повторялъ ее безъ перерыва нѣсколько разъ. Пѣснь эта такъ тронула старшаго козака, что слезы у него хлынули изъ глазъ. Онъ велѣлъ отвязать меня отъ столба и сказалъ:

— Шкода ёго губити; визьмитъ соби ёго за дячка, нехай вамъ у церкви спивае.

Онъ велѣлъ пропѣть еще разъ пѣсню, погладилъ меня по головѣ и рекомендовалъ быть вѣрнымъ. Я обѣщался, благодаря за помилованіе. Громада спросила козака, что дѣлать съ остальными, оставшимися въ погребѣ.

— Напилисьмося вже доволи крови, отвѣчалъ онъ; пустить и тихъ, та нехай ёму подякують, цю своєю писнею спасъ ихъ одъ смерти.

Трогательно было смотрѣть съ одной стороны на освобожденныхъ жертвы, которыя болѣе походили на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ и, рыдая, бросались къ стопамъ атамана и моимъ, благодаря за ихъ спасеніе, съ другой на лежавшую кучку не остывшихъ еще труповъ. Я имѣлъ такимъ образомъ и то удовольствіе, что голосомъ своимъ спасъ отъ гибели столько людей.

Этимъ и окончились приключенія мои въ тотъ день. Козаки уѣхали, а меня завели въ церковь и отдали подъ надзоръ старшему дяку.

Я очень недолго исправлялъ обязанности дячка. Послѣ усмиренія гайдамачества російскими войсками, дяки изъ окрестныхъ сель ходили въ російскій лагерь «колядовать». Пришла очередь и на Соколовку. Мой ближайшій начальникъ зазвалъ и меня вмѣстѣ съ цѣлымъ кружкомъ своихъ подчиненныхъ и рекомендовалъ пѣть хорошо, угрожая въ случаѣ ослушанія церковнымъ наказаніемъ. Поневоля я долженъ былъ идти. Когда мы очутились въ лагерь, я напрягалъ всю силу моего голоса, чтобы угодить моему начальнику. Мой голосъ заинтересовалъ капитана команды; онъ слушалъ съ удовольствіемъ и велѣлъ повторить мнѣ одному спѣтую пѣсню. Капитанъ внимательно ко мнѣ присматривался, потомъ спросилъ, какъ меня зовутъ.

— Романъ Рыліенко, подхватилъ мой начальникъ.

— Молчи, дуракъ, не тебя спрашиваютъ, крикнулъ капитанъ.

Дякъ замолчалъ, опустилъ голову. Капитанъ велѣлъ мнѣ говорить, прибавляя, чтобы я не боялся, что онъ видитъ, что я не «простой кондациі» и что онъ беретъ меня подъ свое покровительство. Ободренный рѣчью капитана, я сказалъ ему свою фамилію и приключенія, вслѣдствіе которыхъ я долженъ былъ оставаться дячкомъ. Этотъ разговоръ удивилъ его и, казалось, тронулъ. Онъ разругалъ сурово моего начальника, велѣлъ ему идти прочь, а меня оставилъ въ своей палаткѣ.

Но не долго продолжалась обманчивая учтивость капитана. Узнавъ, что я играю на «торбанѣ», онъ переодѣлъ меня козачкомъ, велѣлъ пѣть, плясать, играть на гитарѣ и отдалъ подъ надзоръ своимъ деньщикамъ. Съ ними я долженъ былъ и жить. Наконецъ

капитанъ заявилъ мнѣ, что такъ какъ я круглый сирота, потому что мои родители и родственники. по его словамъ, погибли будто-бы всѣ во время рѣзни, то онъ изъ состраданія возьметъ меня къ себѣ въ имѣніе въ курскую губернію, недалеко отъ г. Рыльска. Онъ обѣщаль, что мнѣ тамъ будетъ хорошо, что я тамъ познакомлюсь съ моими однофамильцами, князьями Рыльскими, лишь бы я хорошо исполнялъ должность надсмотрщика за его имѣніемъ. Бѣжать изъ лагеря было не возможно, и я обѣщаль исполнять въ точности его порученія.

На другой день капитанъ отправилъ меня въ кибиткѣ съ своимъ собственнымъ кучеромъ, давъ на дорогу полтинникъ и обѣщаль хорошее годовое жалованье. Сердце у меня сжималось въ виду новаго моего положенія, и я не питаль уже никакой надежды на освобожденіе изъ этой неволи; потому передъ кучеромъ я старался казаться веселымъ и очень довольнымъ предложеніемъ капитана. Кучерь, вѣроятно наученный, расхваливалъ доброту, щедрость и богатство своего барина. Такъ обманывая другъ друга, мы доѣхали до Елисаветграда.

Снискавъ довѣріе моего надсмотрщика, я попросилъ у него позволенія пойти на базаръ для покупки вяленой рыбы. Онъ далъ мнѣ десять грошей на харчъ, говоря, что это онъ дѣлаетъ по порученію своего господина. При этомъ онъ повторялъ похвалы его щедрости и доброты, хвалилъ и меня за то, что я добрый малый и умѣлъ снискать его расположеніе.

На базарѣ какой-то господинъ замѣтилъ меня и подошелъ, говоря: «здравствуй, Ромуальдъ!» Я не помнилъ этого лица и боясь какой нибудь новой измѣны, отказался отъ своего имени. Тогда онъ сказалъ мнѣ мою фамилію и прибавилъ, что онъ высланъ Квиткевичемъ отыскивать его родственниковъ и друзей, что братъ мой Антоній и родственникъ Воюзкій находятся въ домѣ здѣшняго управляющаго. Этотъ рассказъ возбудилъ во мнѣ довѣріе къ рассказчику и я сдался на его попеченіе. Онъ привелъ меня въ домъ управляющаго, гдѣ я съ радостію увидѣлъ своихъ родственниковъ. Отсюда управляющій отправилъ меня къ моимъ родителямъ, которыхъ я засталъ въ живыхъ. Капитанскій кучерь, не дождавшись моего возвращенія, ворвался, было, за мною въ домъ управляющаго;

но тамъ, отколотивъ порядкомъ, прогнали его. Благодаря Провидѣнію, этимъ и окончились мои приключенія».

Что настоящій рассказъ моего отца вѣрно и точно записанъ, я ручаюсь, такъ какъ за время рассказа я вмѣстѣ съ моими сестрами дѣлалъ замѣтки, по которымъ и списалъ настоящій рассказъ.

Кромѣ этого рассказывалъ мой отецъ о несчастномъ случаѣ, постигшемъ въ то - же время сестру его, Елену Воюдзкую, мать упоминаемаго здѣсь Воюдзкаго.

Во время уманской рѣзни она бѣжала было къ родственникамъ своимъ на Воынь. У нея было два грудныхъ ребенка—близнецы. На дорогѣ она остановилась въ одной корчмѣ. Въ это время въ корчму прибѣжала шайка гайдамаковъ-козаковъ. Хорошая кормилица, желая спасти ее, отдала ей свое платье, сама - же, взявъ на себя одежду госпожи, бѣжала съ дѣтьми въ близлежащій кустарникъ. Но это не помогло. Красота Воюдзкой выдала ее. Прибѣжавшіе козаки начали приставать къ Воюдзкой, сидѣвшей въ корчмѣ въ одеждѣ кормилицы. Они заставляли ее пить съ ними водку, а когда она отказывалась, стрѣляли надъ ея головой, угрожая смертію. Одинъ изъ козаковъ, узнавъ Воюдзкую, обратился къ ней со словами: «здорова, Галько!» Слезы ея и память добрыхъ ея поступковъ тронули козака. Онъ началъ рассказывать другимъ, какъ она помогала бѣднымъ, какъ часто своими просьбами освобождала людей отъ наказаній. При этомъ онъ заявилъ, что не дозволить, чтобы съ ней случилось малѣйшее зло. На это грозное заявленіе—это былъ атаманъ шайки—одинъ изъ козаковъ сказалъ: «коли даруешь життя матери, отдаймо - жь їй и дити». Козаки разбѣжались сейчасъ отыскивать дѣтей, и одинъ изъ нихъ принесъ ребенка на копьѣ и бросилъ къ ногамъ матери. Атаманъ наказалъ его сейчасъ же «по-козацки». Изнывающая, съ сердцемъ, переполненнымъ отчаянія, бѣдная мать должна была продолжать путь съ оставшимся въ живыхъ ребенкомъ и кормилицею. Защитившій ее козакъ проводилъ ее нѣсколько миль до мѣста, откуда она безопасно могла продолжать свой путь.

Въ память чудеснаго спасенія моего отца, я прилагаю упоминаемую пѣснь, которую онъ пѣлъ, и ноты.

Пре - чи - ста - я Ди - во Ма - ти русь - ко - го
 На не - бе - си и на зем - ли тя ве - ли

кра - ю. Ты гриш ны - кивъ зъ тяж - кой му - ки
 ча - ю

че - резъ тво - и збав - ляешь ру - ки, — не дай про - пасти!
 Пречистая Диво, Мати руського краю,

На небеси и на земли Тя величаю:

Ты гришныкивъ зъ тяжкой муки

Черезъ свои збавляешь руки,

Не дай пропасти!

Тоби вси святги служатъ родице Бога,

И мы гришни славимъ Тебе вси, яко мога,

Цылымъ сердцемъ. Нехай мило

Тоби служить душа, тило,

Мати чистая!

Хто невдяченъ ласки твоей, скажи, которыи

Зъ-пидъ каменя для збавленья идуць до горы?

Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ

Очищаешь тамъ притомныхъ—

Прошу жъ, и мене

Май въ бачности и милости вирного слугу,

Не дай мени упадати въ велику тугу.

Скажи-жъ теперь—колибъ знати:

Що зъ гришныкомъ будешь дилати,

Пани ласкава!

Утикающихъ къ Тоби во всякой потреби

Знаешь и ихъ вспомогаешь, хотяй живешь у неби.

Не выпускай же на вики

Зъ Твоей пресвятой оики

Мене гришного!

Подай руку въ тяжкѣй биди и утрапленью,
Даруй ласку просящему мени ку збавленью.

Ратуй, всимъ намъ оборона,

Просить Тя наша корона,

Яко царици.

Зъ Сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласкава,

Которому нехъ съ Тобою поклонъ, честь, слава

Во вѣкъ вѣковъ не престане,

Поки сѣго свита стане—

Одъ всихъ слугъ твоихъ!

ТУРЬ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Историко-зоологическія свидѣнія о турѣ.

Въ древности въ Европѣ жили двѣ породы дикихъ быковъ: зубръ (*bos priscus*) и туръ (*bos primigenius*). Зубръ до сихъ поръ сохранился въ Бѣловежской пуцѣ, въ гродненской губерніи. Бѣловежская пуца—громадный сплошной лѣсъ или лѣсной островъ, отдѣленный отъ другихъ лѣсовъ Литвы селеніями и обработанными полями. Правительство заботливо охраняетъ зубровъ. Лѣсная стража ежегодно провѣряетъ ихъ число, заготовляетъ для нихъ на зиму сѣно, уничтожаетъ хищныхъ животныхъ. За умышленное убійство зубра виновный судится, какъ за уголовное преступленіе. Туръ принадлежитъ къ числу совершенно вымершихъ большихъ травоядныхъ животныхъ, и память о немъ сохранилась въ мѣстныхъ названіяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ.

О зубрѣ писали много¹⁾, и самого зубра можно видѣть въ лучшихъ европейскихъ зоологическихъ садахъ. О турѣ писали мало, и всѣ свидѣнія о внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни тура мы почерпаемъ изъ старинныхъ книгъ, изъ замѣчаній, оброненныхъ мимоходомъ древними писателями.

Плиній говоритъ: «Скѣіа очень бѣдна животными и въ Германіи ихъ немного; но замѣчательны два вида дикихъ быковъ, именно, украшенный гривой бизонъ и отличающійся силою и бы-

¹⁾ Усовъ, „Зубръ“ (монографія); *Brehm*, *Thierleben*, II, и др.

стротою урь». Плиній прибавляетъ къ этому, что несвѣдущій народъ называетъ урвь буйволами» (*bubalus*).

Сенека говоритъ: «пестрые тигры даютъ тебѣ перси, мохнатые бизоны и дикіе уры съ широкими рогами хребты». Сенека здѣсь ясно различаетъ бизоновъ и урвь чертами, характерными для обоихъ животныхъ.

У Марціала въ одномъ стихѣ поставлены рядомъ бизонъ и урь, но послѣдній подъ именемъ *bubalus*: *illi cessit atrox bubalus atque bison*.

Юлій Цезарь въ своемъ сочиненіи *De bello Gallico*, въ описаніи Герцинскаго лѣса, говоритъ объ урѣ.

Сентъ-галенскій монахъ Эксгартъ, умершій въ 1070 г., перечисляя мясную пищу, которую употребляли въ его монастырѣ, указываетъ на *wizent* и *ug*, какъ на двухъ разныхъ животныхъ ¹⁾.

Существованіе тура въ Россіи, преимущественно, южной и западной, подтверждается многими свидѣтельствами, русскими и польскими. Въ поученіи Владиміра Мономаха, вставленномъ въ Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1096 г., а составленномъ, по вѣроятному соображенію Погодина, въ 1099 г. ²⁾, находится слѣдующее выраженіе Владиміра: «Тура мя два метали на розѣхъ и съ конемъ» ³⁾. Изъ поученія видно, что мѣстомъ охоты на тура въ данномъ случаѣ были лѣса нынѣшней черниговской губерніи. Эпитетъ Всеволода въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» «яръ-туръ» получаетъ особенную силу и значеніе, если принять во вниманіе отзвѣвы Плинія, Сенеки и Марціала объ урѣ, какъ о животномъ сильномъ, быстромъ и жестокомъ. Выраженіе храбрости война посредствомъ сравненія его съ туромъ, можно думать, было довольно обычно въ древности, можетъ быть, было общимъ эпическимъ выраженіемъ. Въ началѣ Волинской лѣтописи по Ипатьевскому списку, въ характеристикѣ кн. Романа Галицкаго, сохранившей обрывки древнихъ поэтическихъ мотивовъ, находится выраженіе: «храборъ бо бѣ, яко и туръ» ⁴⁾.

¹⁾ Усовъ, Зубръ, стр. 82—83.

²⁾ *Извѣстія* Акад. Наукъ, т. X, вып. 3.

³⁾ *Лѣтопись*, изд. 1872 г., стр. 24.

⁴⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 43.

Матвѣй Мѣховскій въ трактатѣ о Сарматіяхъ 1521 г. говоритъ о дикихъ быкахъ или турахъ, какъ животныхъ, водившихся въ литовскихъ лѣсахъ ¹⁾. Послѣ трактата Мѣховскаго въ исторіи знаній, относящихся къ міру животныхъ восточной Европы, замѣтно выступаетъ сочиненіе Іовія. Іовій замѣчаетъ, что въ Литвѣ, въ той ея части, которая примыкаетъ къ Пруссіи, водились туры (*uri ingentes et ferocissimi taurorum specie*). Повидимому, Іовій смѣшивалъ тура съ зубромъ, потому что послѣ приведенной фразы замѣчаетъ: *quos Bisontes vocant* ²⁾. Наиболѣе цѣнныя извѣстія о турѣ находятся въ Запискахъ Герберштейна о Московіи. Изъ подробнаго описанія зубра и тура у Герберштейна видны особенности того и другаго. «Кромѣ тѣхъ звѣрей, которыя водятся въ Германіи, говоритъ Герберштейнъ, Литва имѣетъ еще бизонтовъ (*bisons*), буйволовъ (*urus*), лосей (*alce*), которыхъ иные называютъ онаграми, лѣсными лошадьми. Бизонта литовцы называютъ на своемъ языкѣ зубромъ, германцы неправильно зовутъ его *Aurax* или *Ura*... Бизонты съ гривой; шея и плечи ихъ косматыя; борода, висящая съ подбородка; волоса пахнутъ мускусомъ; голова короткая; глаза большіе, впалые, какъ-бы пылающіе; лобъ широкій... Спина зубра приподнимается въ видѣ горба, такъ что передняя и задняя части животнаго ниже середины». Далѣе слѣдуетъ описаніе охоты на зубра. «Буйволы, продолжаетъ Герберштейнъ, водятся только въ одной пограничной съ Литвой Мазовіи. На туземномъ языкѣ называются турами, а у германцевъ настоящее имъ имя Угох. Это въ самомъ дѣлѣ лѣсные быки, нисколько не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, развѣ только тѣмъ, что всѣ они черны и имѣютъ черную съ бѣлымъ полосу вдоль хребта. Ихъ не очень много, и на нѣкоторыя деревни возложены уходъ и присмотръ за ними; наблюдаютъ за ними почти такъ же, какъ въ какихъ-нибудь звѣринцахъ. Они случаются съ домашними коровами, но это сопровождается дурными послѣдствіями для нихъ, ибо потомъ прочіе буйволы не допускаютъ ихъ въ стадо, какъ обезчестившихся (*infames*); да и телята, рождающіяся отъ этого смѣшенія, не живучи. Король Сигизмундъ Августъ подарилъ мнѣ, когда я былъ у него

¹⁾ *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 269.

²⁾ Тамъ-же, стр. 277.

посломъ, одного выпотрошеннаго буйвола, котораго доби́ли охотники, когда онъ полуживой былъ выгнанъ изъ стада; у него была вырѣзана кожа, которая покрываетъ лобъ, и я думаю, что это сдѣлано было не даромъ... Извѣстно, что пояса, сдѣланные изъ буйволово́й кожи, цѣнятся дорого, и въ народѣ вѣрятъ, что опоясываніе ими помогаетъ въ родахъ. По этой причинѣ королева Бона, мать Сигизмунда Августа, подарила мнѣ два такихъ пояса, изъ которыхъ одинъ благосклонно приняла въ подарокъ отъ меня моя пресвѣтлѣйшая государыня, королева римская» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Герберштейнъ говоритъ, что самогиты употребляли буйволовы рога вмѣсто чашъ ²⁾.

Лаврентій Сурій, писатель половины XVI в., говоритъ: «заблуждаются тѣ, которые урвь зовутъ бизонами, ибо бизоны многимъ отличаются отъ урвь ³⁾».

Блэзъ де Виженеръ въ «La Description du Royaume de Poloigne» 1573 г. упоминаетъ о турахъ, причемъ руководствуется Записками Герберштейна. Блэзъ де Виженеръ говоритъ, что туры отличались отъ домашнихъ быковъ величиной, уступая въ этомъ отношеніи только слонамъ. Цвѣтъ ихъ черный, съ бѣлой полосой на хребтѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ держали въ большихъ деревянныхъ оградахъ или паркахъ, что вполне согласуется съ показаніями Герберштейна ⁴⁾.

Граціанъ де Бурго, конца XVI ст., также упоминаетъ объ урахъ и бизонахъ.

Нѣмцевичъ издалъ въ 1821 году дневникъ Муканте, бывшаго секретаремъ папскаго нунція при польскомъ дворѣ въ 1595 году. Здѣсь Муканте говоритъ, что онъ посѣтилъ большой королевскій паркъ близъ Варшавы, гдѣ были бизоны и туры.

Воевода Острогоръ, писавшій въ XVI ст. многія сочиненія, касающіяся охоты и сельскаго хозяйства, написалъ руководство къ устройству охотничьихъ парковъ, гдѣ совѣтуетъ не содержать въ одномъ и томъ же паркѣ бизоновъ и урвь, ибо вслѣдствіе враж-

¹⁾ Герберштейнъ, Записки о Московіи, перев. Анонимова, стр. 168.

²⁾ Замысловскій, Герберштейнъ, стр. 306. Примѣчаніе.

³⁾ Усовъ, Зубръ, стр. 85.

⁴⁾ Кулишъ, Исторія возсоед. Руси, т. II, стр. 450.

дебной антипатіи эти животныя часто дрались бы. Кромѣ того, о турѣ упоминаютъ другіе писатели XVI вѣка, Мартынь Кромеръ, Туанъ и Іоаннъ Богеръ, въ своихъ историческихъ и статистическихъ описаніяхъ Литвы¹⁾.

Писатели XVII вѣка, Генебергеръ, Гарткнохъ, Московій уже смѣшиваютъ зубра и тура и все, относящееся къ зубру, относятъ къ туру, или обратно.

Общій смыслъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ писателей XVI ст. о турѣ состоитъ въ томъ, что въ это время туръ становился рѣдкостью. Его уже оберегаютъ отъ истребленія, содержатъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, обязываютъ населеніе извѣстныхъ мѣстностей охранять стада туровъ. Цѣль охраненія туровъ могла быть различной: охота высокопоставленныхъ лицъ, снабженіе лучшими экземплярами королевскихъ парковъ, полученіе изъ кожи убитыхъ туровъ ремней съ суевѣрными врачебными цѣлями. Какъ-бы то ни было, охраненіе тура не спасло его отъ окончательнаго вымиранія, и въ XVII ст. совсѣмъ исчезъ *Vos primigenius* въ восточной Европѣ.

Герберштейнъ и Блэзъ де Виженеръ оставили рисунки тура; рисунокъ Герберштейна, между прочимъ, помѣщенъ въ монографіи Усова о зубрѣ; рисунокъ Блэза де Виженера въ концѣ 2 тома «Исторіи возсоед. Руси» П. А. Кулиша. Голова тура въ рисунокѣ Блэза отчасти напоминаетъ голову зубра; рисунокъ Герберштейна, повидимому, вѣрнѣе передаетъ оригиналь.

II.

Филологическія разысканія о турѣ.

Въ санскритскомъ *sthira*—быкъ, въ смыслѣ прилагательномъ обозначаетъ понятія крѣпкій, сильный, неподвижный, понятія, такъ подходящія для характеристики быка. Корень слова *stha* (*stare*) встрѣчается во всѣхъ арійскихъ языкахъ. Отсюда въ санскр. *sthura*—сильный человекъ, *sthaura*—сила, *sthaurin*, *sthurin*, *sthorin*—сильная лошадь. Къ этому разряду словъ относятся зендское *staora*—вьючное животное, осетинское *stur*—большое животное вообще, готское *situr*, англ-саксонское *steor*, *styre*, древне-верхне-нѣмецкое *stiuri*,

¹⁾ Усова, Зубръ, стр. 87, 88.

sturi, ново-нѣмецкое stier—воль, быкъ, названіе, до сихъ поръ напоминающее stark—сильный, крѣпкій. Во всѣхъ этихъ словахъ ясно обнаруживается опредѣленіе животнаго по силѣ, какъ главному качеству его.

Въ разныхъ языкахъ въ глубокой древности уже обнаружилась потеря начального S. Такъ въ греч. thauros, латинск. taurus, сканд. thior, швед. tiur, датск. tyg, древне-слав. тоуръ, русск. туръ.

Любопытно, что эти арійскія названія для быка, домашняго или дикаго, встрѣчаются у народовъ семитическихъ: халдеевъ toga, сирійское tauro, араб. thaur. Трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи находится эта группа семитическихъ словъ къ арійскимъ наименованіямъ быка. Можно думать, что въ данномъ случаѣ заимствовали семиты 1).

Въ славянскихъ языкахъ встрѣчается одна форма названія туръ, безъ начальной s 2).

Нѣмецкое названіе для тура ur, uroh производятъ отъ общаго ведическаго названія быка и коровы usga. Это слово обозначало лучъ, свѣтъ и быковъ съ шерстью красноватаго оттѣнка. Среднее s могло ассимилироваться слѣдующему затѣмъ въ usga g. Странно, однако, что животное чернаго цвѣта получило наименованіе отъ слова, означающаго красный цвѣтъ, и этой несообразности не устраняетъ предположеніе Пикте, что основной смыслъ слова usga былъ потерянъ германцами и кельтами 3). Любопытно, что у славянъ слово оуръ въ древности имѣло совсѣмъ особое значеніе, именно означало героя, доблестнаго воина, богатыря. Такъ, въ одной древней болгарской рукописи, заключающей въ себѣ переводъ греческихъ сказаній о троянской войнѣ, находятся выраженія: грѣцкыѣ воеводы и саракинстѣи оурове, царѣ и оурове грѣцстѣи 4).

У сербовъ и хорватовъ туръ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «дивій воль» 5), напоминающимъ малорусскій эпитетъ тура—олена «дивное звѣря». Положеніе слова туръ въ малорусскомъ языкѣ неизвѣстно. Лексикальная сторона малорусскаго языка почти со-

1) Pictet, Les origines indo-europeennes, т. I, стр. 397.

2) Miklosich, Lexicon palaeoslavico—gr.—latinum, 1015.

3) Pictet, Les origines, т. I, стр. 339.

4) Miklosich, Lexicon palaeoslavico—gr.—latinum, 1063.

5) Linde, Słownik, V.

всѣмъ неизслѣдована. Съ словомъ турь сходны многія областныя великорусскія слова; но въ большинствѣ случаевъ это сходство случайное. Нѣтъ основаній, ни филологическихъ, ни логическихъ, связывать слово турь съ такими словами, какъ турлыкать (напѣвать, чаще курлыкать; слово звукоподражательно «журавли курлыкаютъ»), турусы (пустословіе), турухтань (драчунъ куликъ, *tringa ripnax*), туркотъ (порода голубей, слово звукоподражательное отъ турчатъ). Можетъ быть, въ родственной связи съ туромъ находятся слова: турить, турнуть (тамб., костром. и др.) въ значеніи гнать, туркій (нижегор.) въ значеніи быстрый, туровить (волог., перм.) въ значеніи торопить, туровый (волог., новг.)—скорый, быстрый, турлукъ (рязан.)—чостоколь, плетень, турыкала или турыбала—охотникъ про себя, турыбала (тверск.)—неловкая, неуклюжая баба, турышко (волог.)—ведерце, турь или турокъ (арханг.)—печной столбъ, коего окончаніе, или нога, расписывается пестро красками. Последнее слово встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ сѣвернаго края, напримѣръ: туру ногу пишетъ¹⁾.

Народъ часто даетъ названіе одного животнаго другому, когда перваго животнаго нѣтъ въ той мѣстности, гдѣ живетъ другое, но гдѣ первое животное было нѣкогда и воспоминанія о немъ сохранились. Такъ, неизвѣстно, къ какому виду рода *sevus* относилось исчезнувшее слово елень. Измѣнившись въ елень, оно относится къ двумъ разнымъ животнымъ, именно: на Сѣверѣ и въ Сибири оленемъ просто называется *Sevus tarandus*, сѣверный олень (эпитетъ сѣверный приданъ зоологами); на югѣ Россіи оленемъ называютъ *Sevus claphus*. Эти два вида животныхъ въ Россіи сходятся только въ одномъ мѣстѣ, именно Сибири, и тамъ тотчасъ же оба вида пріобрѣтаютъ два различныя видовыя названія; за первымъ остался олень, второй получилъ названіе изюбрь. Названіе серна также относится къ двумъ различнымъ видамъ, даже разныхъ семействъ, именно: серною называютъ козулю, *Sevus cargeolus*, и собственно серну *Capella hircapra*. Подобный же переносъ названія съ одного животнаго на другое обнаруживается въ словѣ турь. Гдѣ не сошлись *Bos primigenius* и *Bison sive bison*, названіе тура могло отно-

¹⁾ Даль, Толковый словарь, т. IV, стр. 406; Дополненія къ нему, изд. Акад. Наукъ.

ситься къ тому и другому; тамъ же, гдѣ оба вида сходились вмѣстѣ, напр. въ Литвѣ и Польшѣ, тамъ явилось и два видовыхъ названія: туръ и зубръ¹⁾. На Кавказѣ туромъ называется дикій, каменный или горный баранъ, сарга caucasica. Ученые туромъ назвали большаго жука, оленя или рогача²⁾. Въ Литвѣ растение Hierochlea vegetalis называется зубровкой и туровкой³⁾.

III.

Туръ въ личныхъ именахъ.

Извѣстно, что у народовъ, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, личныя имена происходятъ отъ названій предметовъ физическаго міра, преимущественно названій растений и животныхъ. У дикихъ и варварскихъ народовъ, напримѣръ, американскихъ индѣйцевъ, обычны личныя имена Волкъ, Лисица, Змѣя и т. п. Несомнѣнно, славяне въ языческую пору также употребляли названія растений и животныхъ для обозначенія людей, какъ личныя имена. Замѣчательнымъ переживаніемъ служатъ сохранившіяся у сербовъ и болгаръ личныя имена по растеніямъ и животнымъ, напримѣръ, имя извѣстнаго сербскаго этнографа Караджича Вукъ, т. е. Волкъ. У болгаръ въ настоящее время встрѣчаются слѣдующія личныя имена по растеніямъ: Босилко (мужское) и Босилка (жен.), Вишнѣ (муж.) и Вишна (жен.), Врбанъ (муж.) и Врбана или Верба (жен.), Гроздѣ (муж.) и Грозда или Гроздана (жен.), Данко или Дѣбко (муж.), Лозана (жен.), Цвѣтанъ (муж.) и Цвѣтана или Цвѣтка (жен.), Билина, Дафна (греч. лавръ), Дуля (груша, айва), Карамфила (турец. гвоздика), Маслина (въ западной Болгаріи), Ружа, Ракита, Трендафила (греч. роза), Чиреша—все женскія личныя имена, и слѣдующія личныя имена по животнымъ, исключительно мужескія: Вляко, Волко, Влячо, Влячанъ, Вѣко, Куртъ (турец. волкъ), Меца и Мечка (медвѣдь), Паунъ, Павлинъ, Рако, Славей. Въ западной Болгаріи встрѣчается женское личное имя Зазуля⁴⁾. Въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчается слово туръ въ значеніи юнака, богатыря, Туре Влахине богатырь

¹⁾ Усовъ, Зубръ, стр. 92—93.

²⁾ Далъ, Толковій словарь, т. IV, стр. 406.

³⁾ Усовъ, Зубръ, стр. 92.

⁴⁾ Каравеловъ, Памятники народ. быта болгаръ, т. I, стр. 1861.

Волохъ, соотвѣтственно съ буй туръ Всеволодъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ».

Въ русскихъ лѣтописяхъ находятся указанія, что въ древній періодъ русской исторіи русскіе славяне имѣли личныя имена, произведенныя отъ названія животныхъ и, въ частности, тура. Въ первоначальной лѣтописи подь 980 г.: Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотъскѣ, а Туры въ Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася»²⁾. Основателемъ Турова дѣйствительно могъ быть князь Туръ, согласно съ обычаемъ называть города по имени основателей. О древности этого обычая можно судить по тому, что на первыхъ страницахъ первоначальной лѣтописи уже встрѣчаются города Владиміръ, Ярославль, Святополчь, Борисовъ. Основателемъ Турова могъ быть князь славянскаго происхожденія. Въ лѣтописи встрѣчаются несомнѣнно русско-славянскіе люди съ личнымъ именемъ Туръ. Такъ въ лѣтописи, приписываемой Нестору, или первоначальной, подь 1097 г. упоминается владимірецъ Турякъ. Въ Ипатьевской лѣтописи подь 1208 г. упоминается Петръ Туровичъ. Бѣльшаго довѣрія заслуживаетъ, однако, другое предположеніе, что основателемъ Турова былъ варягъ, по имени Туръ, землякъ упоминаемаго рядомъ съ нимъ Рогъволода. Нужно думать, что воинственные варяги любили личное имя по сильному быку, туру. Слово Туръ было довольно обычнымъ въ именахъ варяжскихъ. Оно встрѣчается въ именахъ нѣсколькихъ варяжскихъ дружинниковъ въ договорѣ Игоря съ греками 945 года, какъ-то Турдовъ, Турбидъ, Турбенъ, отъ скандинавскаго *thiog.* швед. *tiug.* На народномъ славянскомъ языкѣ какой-либо Турдовъ или Турбидъ обращался въ Тура. Вообще, въ этой области личныхъ именъ славяне сходились съ норманнами, такъ какъ названія тура у тѣхъ и другихъ были почти тождественны въ фонетическомъ отношеніи.

Какъ извѣстно, русскій народъ уже въ древности, XII и XIII ст., оставилъ старинныя личныя имена по растеніямъ, животнымъ или нравственнымъ качествамъ и принялъ всецѣло личныя имена святыхъ, почитаемыхъ православною церковью, безъ различія отъ степени ихъ извѣстности или благозвучности.

¹⁾ *Лѣтопись* по Лавр. сп., 1873, стр. 74.

Въ настоящее время встрѣчаются фамиліяныя прозванія Туровъ, Туренко, Туранскій, Туринскій и т. п. Весьма сомнительно, чтобы въ основаніи ихъ лежало названіе животнаго тура, давно уже вымершаго.

IV.

Турь въ мѣстныхъ названіяхъ.

Мѣстныя собственныя имена, происшедшія отъ тавра—тура, указываютъ, въ какихъ мѣстностяхъ водились туры въ большомъ количествѣ. Слово таврусъ встрѣчается во многихъ мѣстныхъ названіяхъ греческихъ и римскихъ. Къ этому разряду мѣстныхъ собственныхъ именъ принадлежатъ наименованія: Таврида, Taugasia или Augusta Taurinorum, нынѣ Туринъ въ сѣверной Италиі, Таврополиумъ—храмъ Діаны на островѣ Икаріи, Taurinum—городъ въ нижней Панноніи, нынѣ Бѣлградъ¹⁾. Нельзя не признать, однако, крайнимъ произволомъ сваливаніе въ одну кучу и приуроченіе къ туру всѣхъ наименованій странъ и народовъ, гдѣ только слышится слово туръ или сходное съ нимъ,—сваливаніе, замѣтное въ Словарѣ Ходалковскаго²⁾, въ книгѣ «Божества древнихъ славянъ» г. Фаминцына и въ особенности въ статьѣ г. Безсонова «Мнимый туранизмъ русскихъ», напечатанной въ «Чтеніяхъ москов. общ. ист. и древ. россійскихъ» (1885 г., кн. II). Древній народъ ады или уты и туръ—это два кита, на которыхъ держится вся филологія, этнографія, этнологія и археологія г. Безсонова. У г. Безсонова туръ переплетается съ тигромъ, этрусками, тюрингенцами, буй-туръ «Слова о Полку Игоревѣ» отождествляется съ британскимъ Артуромъ, и все это сводится къ туру (стран. 101); кентавръ—коне—туръ (101); этруски, туррены, туссагеты, туринги, тирольцы, турки, по словамъ г. Безсонова, «конечно изъ помянутаго тура». Мало того: «имя татаръ, продолжаетъ г. Безсоновъ, редупликація или удвоеніе корня тр, являющагося уже въ извѣстныхъ намъ наименованіяхъ: тигръ, туръ, тавръ»³⁾. Сравнительная славянская филологія и мифологія все терпятъ. Въ этой области, загроможденной всякаго рода

¹⁾ *Кронбергъ*, лат.-рус. словарь, стр. 523.

²⁾ *Погодинъ*, Русск. историч. сборникъ, 1844 г., т. VII.

³⁾ *Чтенія* въ общ. ист. и древ. росс., 1885 г., т. II, стр. 110.

хламомъ, весьма полезной является стротая и суровая критика, въ родѣ уничтожающей рецензiи проф. Будиловича въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенiя на «Славянскiй мiръ» генерала Риттиха.

Слово турь входитъ во многiя славянскiя мѣстныя названiя. Такъ сюда относятся словинскiя: Турье, Турякъ, Турянци, Турья Глава, хорватскiя: Турини, Турянско, Турополье, Туриново село. сербскiя: Турiя, Турье, Турица, Туряке, чешскiя: Туржи, Тура, Турице, Туровъ, Турова, Туровець, Туровище, Туровка, Турско, Турна, Тура луна, Турополе, польскiя: Турь, Туржець, Туры, Туржа, Туржынъ, Туревъ, Турово, Туровице, Туростово, Турова воля. Турже поле¹⁾. Въ Великороссiи находимъ мѣстныя названiя: Тура (рѣчка въ лух. уѣз. костр. губ.), Турья (рѣчка въ серп. уѣз. моск. губ.), Туринино (село въ калуж. губ.), Турово (село въ твер. и въ новгор. губ.), Тураево (село въ калуж. губ.), Турова (село въ яр. губ.), Волотурь (тул. губер.), Верхотурье (перм. губ.)²⁾. Турь-озеро (въ кур. губер.), Туриково (въ костр. губ.), Туромша (въ ряз. губ.), Туренка (рѣчка въ тул. губ.), Туровскiй лѣсъ (въ ряз. губ.), Турская (село въ новг. губ.), Итурова пустошь (въ новг. губ.), Отурицы (въ новг. губ.), Обо-Турово (въ костр. губ.), Оботуринъ (рѣчка въ твер. губ.), Туровское озеро (въ костр. губ.), Туренка (рѣчка въ орл. губ.), Туровская (въ тамб. губ.), Туровъ логъ (въ кур. губ.). По замѣчанiю Ходаковского, «обыкновенно являются сiя названiя при нашихъ городищахъ»³⁾.

Въ западной и юго-западной Россiи, въ Галицiи и Польшѣ сохранилось много мѣстныхъ названiй, произведенныхъ отъ тура. Эти страны, въ особенности Литва и Волинъ, въ древности были покрыты дремучими лѣсами, отчасти сохранившимися до настоящаго времени, и тутъ, нужно думать, водилось много туровъ и зубровъ. Такъ, въ волинской губерни находимъ Турьи горы, въ кремен. уѣз., подъ Городищемъ, въ Загайцахъ, Турье поле, во владим. у. подъ Городищемъ, что въ Зимнѣ, Турiйскъ, Тура (притокъ р. Припети). Въ кiевской губ. Турiя, Турова божница. Въ черниговской

1) Miklosich, Die slavisch. Orstnamen, т. II, стр. 110.

2) Фаминцынъ, Боги славянъ, т. I, стр. 233.

3) Поодникъ, Русск. истор. сборн., т. VII, стр. 375.

губ. р. Турья, притокъ Снови. Въ Галиціи Турочки, Тураньско¹⁾. Названіе рѣки Стырь, можетъ быть, происходитъ отъ слова турь, въ готской его формѣ *stiur*, древне-нѣм. *stiuri*, *sturi*²⁾.

Отраженіе тура въ мѣстныхъ названіяхъ не представляетъ хронологическаго интереса. По этимъ названіямъ нельзя опредѣлить время исчезновенія тура въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мѣстныхъ названій могли возникнуть отъ личнаго и фамильнаго прозванія перваго поселенца, причѣмъ самое прозваніе могло на нѣсколько столѣтій пережить тура, отъ котораго первоначально произошло. Во всякомъ случаѣ многія мѣстныя названія, произведенныя отъ тура, возникли въ глубокой древности и встрѣчаются уже на первыхъ страницахъ древней лѣтописи. Городъ Туровъ кievской области, нынѣ село Турово минской губ., встрѣчается подъ 980 г. Подъ 1097 г. упоминается Турійскъ, гор. владимірской обл., нынѣ мѣст. волынской губерніи на рѣкѣ Турьѣ. Подъ 1146 г. упоминается Турова божница близъ Кіева; подъ 1283 г. село Турово курской области. Городъ Турь на рѣкѣ Нѣманѣ упоминается въ числѣ древнихъ городовъ литовскихъ.

Нѣкоторыя мѣстныя названія отъ тура могли возникнуть потому, что, какъ мы уже видѣли, на обязанности жителей нѣкоторыхъ селъ лежало охраненіе этого животнаго³⁾.

V.

Турь въ малорусскихъ поговоркахъ.

Поговорки бываютъ разнаго рода. Однѣ поговорки вышли изъ пѣсенъ, и въ пѣсняхъ нужно искать ихъ полнаго значенія. Другія поговорки представляются результатомъ простаго наблюденія надъ міромъ физическимъ и имѣютъ самостоятельное происхожденіе и самостоятельную цѣну. Малорусскія поговорки о турѣ принадлежатъ къ послѣднему разряду поговорокъ народныхъ. Онѣ не повторяютъ пѣсенныя выраженія, пѣсенныя характеристики тура, а прибавляютъ къ нимъ новыя, оригинальныя черты народной наблю-

¹⁾ Тамъ же, стр. 343; *Головацкій*, Пѣсни, т. I, *Фамицынъ*, т. I, стр. 233.

²⁾ *Pictet*, *Les origines indo-europeennes*, т. I, стр. 336.

³⁾ *Лѣтопись* по Лавр. сп., 1872 г., стр. 74, 258, 457; *Фамицынъ*, стр. 233; *Барсовъ*, *Матеріалы*, стр. 202.

дательности и народныхъ воспоминаній объ этомъ животномъ. Малорусскія поговорки о турѣ немногочисленны; но онѣ любопытны и цѣнны по вѣрной характеристикѣ тура въ главныхъ, существенныхъ его свойствахъ.

1) Гримъ такой, що хочь туры гони, такъ не почують (Во-лынь).

2) Лемигъ такой, или глухе таке, що хочь туры гони, то не почують (тамъ-же).

3) Зъ тобою ходити, якъ зъ туромъ водитись (вариантъ, якъ зъ гованомъ). (Подолія).

4) Баба, якъ туръ (встрѣчается у Илькевича).

5) Ззираются, якъ на тура (говорять въ Галиціи и Подоліи).

6) Тутъ, туре, грузько (встрѣчается въ рукописи начала XIX ст., заключающей въ себѣ приказки изъ Уманщины).

7) У него натура, якъ у тура (у Илькевича и Войцицкаго).

8) Хорошъ и той пидъ тура (изъ Уманщины).

9) Выгонимъ сирого тура зъ луга (у Войцицкаго).

10) Сидить, якъ туръ у горахъ (запис. въ Кіевѣ¹⁾).

Всѣ эти поговорки народнаго происхожденія; всѣ записаны въ юго-западномъ краѣ и въ Галиціи, и это обстоятельство не лишено значенія при рѣшеніи вопроса, гдѣ водились на югѣ Россіи туры и гдѣ они долѣе всего держались. Поговорки вѣрно передаютъ намъ основную особенность тура, его величину, тяжесть и цвѣтъ шерсти. Извѣстно, что цвѣтъ шерсти тура черный, но на спинѣ животнаго шла бѣлая полоска, и потому малорусскій эпитетъ тура сѣрый представляется вѣрнымъ. Въ особенности любопытны 9 и 10 поговорки, указывающія на пребываніе тура въ лѣсахъ Кіевщины и Волини и на покрытыхъ лѣсами горныхъ отрогахъ Карпатъ въ Подоліи и Галиціи. Данныя о турѣ, находящіяся въ поговоркахъ, подтверждаются малорусскими пѣснями, представляющими нѣсколько новыхъ характерныхъ чертъ тура, точнѣе воспоминаній о турѣ.

Туръ изрѣдка встрѣчается въ малорусскихъ заговорахъ, на-примѣръ, въ заклинаніи противъ кровотеченія: «тамъ на горѣ туры орали, красну рожу сіяли»²⁾....

¹⁾ *Герберштейнъ*, въ пер. Анонимова, стр. 168.

²⁾ *Номисъ*, Украинскіи приказки, §§ 562, 645, 2662, 7813, 8587, 13323, 13328, 13338, 5296 и 1353.

VI.

Турь въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ или думахъ нѣтъ тура. Въ то время, когда слагались думы, въ XVII ст., тура уже не было въ южной Россіи. Турь сохранился въ болѣе древнихъ малорусскихъ пѣсняхъ, именно въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ колядкахъ говорится, что «хорошая жена мыла пеленки или ризы Спасителя на краю Дуная надъ синимъ моремъ и сушила ихъ въ тура на рози»¹⁾. Здѣсь примѣшался христіанско-легендарный мотивъ о Богоматери. Въ другихъ колядкахъ (напримѣр. Голов. II, 18) рѣчь идетъ вообще о бѣлой кошулѣ, или сорочкѣ славимаго домохозяина.

Одинъ изъ самыхъ обычныхъ, въ высшей степени распространенныхъ пріемовъ народной мысли въ созданіи пѣсень состоитъ въ мультипликации или увеличеніи числа предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ пѣсни, увеличеніи, большею частію выражающемся въ троеніи предмета. Въмѣсто одной дороги, одной травы, одного богатыря, является три дороги, три травы, три и болѣе богатырей. Повидимому, это формальное явленіе народной поэзіи обнаруживается въ тѣхъ мѣстахъ колядокъ, гдѣ говорится про девять рововъ тура-олена. Газдынонька, т. е. домохозяйка, смотритъ въ чистое поле:

Ой высмотрѣла дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-олена.
На головцѣ жъ му та девять рожкивъ²⁾.

Въ другой галицко-русской колядкѣ зеленая дуброва шумить:

Бо въ себѣ чую дивное звѣря,
Дивное звѣря, тура-олена,
Що на головцѣ девять рожечкивъ,
А на десятомъ теремъ збудованъ,
А въ томъ теремѣ кгречная панночка³⁾....

1) *Ефименко*, Малор. заклинанія, стр. 13.

2) *Kolberg*, *Pokucie*, т. I, стр. 100.

3) *Головацкій*, т. II, стр. 48.

Этотъ мотивъ довольно часто встрѣчается въ колыдкахъ, и въ сущности въ немъ нѣтъ ничего страшнаго, если принять во вниманіе съ одной стороны громадныя рога тура, съ другой свойственный народной поэзіи гиперболизмъ, *poetica licentia*. Извѣстно, что туръ часто смѣшивался съ зубромъ въ сообщеніяхъ иностранныхъ путешественниковъ и, можно думать, въ народныхъ разсказахъ, причемъ нѣкоторыя черты зубра или разказы о немъ переносились на тура. Герберштейнъ говоритъ: «рога зубровъ большею частію были широки и расположены такъ, что въ промежуткѣ между ними могутъ устѣться три хорошо сложенныхъ человѣка; этотъ опытъ былъ сдѣланъ, какъ утверждаютъ, королемъ польскимъ Сигизмундомъ, отцомъ нынѣ царствующаго Сигизмунда Августа, который, мы знаемъ, былъ хорошаго и крѣпкаго сложенія, вмѣстѣ съ двумя другими, которые были не меньше его»¹⁾. Тутъ, очевидно, есть преувеличеніе. Сказка эта тѣмъ болѣе любопытна, что повторяется въ сочиненіи Гусовіана о бизонтѣ (1523 г.)²⁾. Въ старинное время вѣроятно существовали подобнаго рода преувеличенные разказы о величинѣ роговъ тура, проникшіе даже въ пѣсни. Судя по приведеннымъ колыдочнымъ мотивамъ, въ южно-русскомъ народѣ ходилъ преувеличенный разказъ о громадномъ быкѣ турѣ съ теремомъ на головѣ между рогами, причемъ въ разказѣ могли быть дополнительныя, не дошедшія до насъ подробности о томъ, кто построилъ теремъ и съ какой цѣлью. Замѣчаніе о томъ, что въ теремѣ находится «кречная панночка», даетъ поводъ предположить, что весь разказъ о турѣ съ теремомъ на головѣ былъ приуроченъ къ извѣстнымъ сказкамъ восточнаго происхожденія о томъ, какъ отецъ оберегаетъ сына или дочь отъ змѣя, колдуновъ, злыхъ людей. Подобнаго рода разказъ находится въ повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ. Близайшимъ образомъ могло оказать вліяніе какое-нибудь житійное сказаніе или легенда, въ родѣ легенды о св. Христинѣ. Св. Христина, дочь благородныхъ, но нехристіанскихъ родителей, заключена въ башню вмѣстѣ съ 12 служанками и идолами³⁾.

«Необходимо помнить, говоритъ А. Н. Веселовскій, что не все мифическое или кажущееся таковымъ, необходимо древнее, исконное,

¹⁾ *Головацкій*, т. II, стр. 84, 612.

²⁾ *Герберштейнъ*, Записки, стр. 167.

³⁾ *Усовъ*, Зубръ, стр. 85.

⁴⁾ *Киртвичиковъ*, Греческіе романы въ новой литературѣ, стр. 221.

принадлежащее къ сути того или другаго эпическаго лица или образа, а могло приклеиться къ нему и впоследствии, случайно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше, въ порядкѣ хронологіи или географически, пѣсня или преданіе отошли отъ своего источника. Переселившись на новое мѣсто, оторванная отъ живыхъ корней, пѣсня легче подвергается превращеніямъ, особливо, когда она полюбилась, пришла къ дому; въ такихъ случаяхъ она не только обростаетъ сказочными и миѣческими подробностями, но приурочивается на-ново: захожато богатыря начинаютъ считать своимъ»¹⁾. Посмотрѣвши съ такой точки зрѣнія на «гречную панночку» малорусской колядки, мы можемъ сопоставить съ ней жену Святогора. Видитъ Илья Муромецъ:

Ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
 Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
 На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,
 Отмыкаль ларецъ золотымъ ключемъ;
 Выходитъ оттоль жена богатырская.
 Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ.
 Не видано и не слыхано²⁾.

По замѣчанію М. Е. Халанскаго, «въ сказаніяхъ о Святогорѣ указано такъ много элементовъ книжныхъ (о сумочкѣ переметной, о смерти Святогора), что вопросъ о литературномъ происхожденіи былинъ объ этомъ богатырѣ кажется близкимъ къ положительному рѣшенію. Замѣчательно, что сами былины не присвояютъ русской землѣ этого богатыря»:

Святогоръ былъ Богомъ данный, не русскій,
 И жилъ Святогоръ въ землѣ не русскія³⁾.

Другой изслѣдователь былевой поэзіи г. Ждановъ указалъ на связь Святогора съ Самсономъ⁴⁾. И В. Ягичъ и А. Н. Веселовскій также обратили вниманіе на эту связь. Въ былинахъ жена Святогора влюбляется въ Илью и, въ то время, когда мужъ ея спитъ, заставляетъ Илью сотворить съ нею любовь. Въ этомъ отношеніи

1) *Веселовскій*, въ Запискахъ, Академіи Наукъ, т. 45, стр. 350.

2) *Рыбникова*, Пѣсни, т. I, стр. 37.

3) *Халанскій*, Великорус. былины, стр. 184.

4) *Ждановъ*, Къ литер.-ист. рус. былевой поэзіи, стр. 118.

она напоминаетъ коварную и развратную жену Соломона апокрифическихъ сказаній. При всемъ томъ, связь ея съ «гречной панночкой» колядки и Святогора съ туромъ представляется темной, и невольно напрашивается на мысль сначала одно предположеніе, что малорусскія колядки о турѣ и былины о Святогорѣ сложились подъ вліяніемъ разныхъ апокрифическихъ сказаній, затѣмъ другое предположеніе, что былъ одинъ, общій для этихъ колядокъ и былинъ житійный или легендарный источникъ; но при этомъ въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ нужно признать добавочныя наслоенія апокрифическихъ сказаній о Самсонѣ и Соломонѣ.

Въ галицко-русскихъ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ сохранились весьма любопытныя воспоминанія объ охотѣ на тура. Въ колядкѣ «гордый молодецъ».

Коня сѣдлае, гадку гадае:
 Коню мій сивый, будь ми счастливый!
 Поѣдемъ жь мы въ чистое поле,
 Въ чистое поле, та въ темный лѣсокъ,
 За чорнымъ туромъ, за грубымъ звѣромъ.
 Та якъ надыбавъ чорного тура,
 И спокоекъ стрилокъ... ¹⁾

Въ свадебной пѣснѣ, записанной въ жолковскомъ уѣздѣ:

Въ луженьку калиновомъ
 Два дзвоны малесеньки,
 Але голосеньки:
 Выдзвонили и выголосили
 Сѣраго тура зъ луга.

Далѣе слѣдуетъ уподобленіе: бояре жениха Ивана «вымовили Касуню видъ батенька» ²⁾).

Цвѣтъ тура опредѣленъ въ пѣсняхъ вѣрно. Также совершенно вѣрно опредѣлено любимое мѣстопробываніе туровъ—темные лѣса. Туръ названъ грубымъ, т. е. большимъ и свирѣпымъ. Но самое цѣнное въ свадебной пѣснѣ—воспоминаніе объ охотѣ на тура. Употребленіе колокольчиковъ, свистковъ, гудковъ на охотѣ вообще въ старину было обычно въ приложеніи къ разнымъ животнымъ.

¹⁾ Головацкий, т. II, стр. 69.

²⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 238.

Польскій писатель начала XVI ст. сообщаетъ описаніе охоты татаръ за сайгой. «Когда, говоритъ онъ, въ какомъ-нибудь полѣ замѣтятъ стадо сайгъ, ханъ или предводитель татаръ съ множествомъ своихъ слугъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадахъ и, скрываясь въ очень высокой травѣ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ поле. Какъ только начинаютъ бить въ литавры (*timpanis*), сайги, объятые страхомъ, чрезвычайно быстро начинаютъ бѣгать отъ однихъ людей къ другимъ, приходятъ въ изнеможеніе, и тогда татары ихъ убиваютъ»¹⁾. Нѣчто подобное, нужно думать, продѣлывали на охотѣ за туромъ. Нужно было оцѣпить извѣстное количество лѣса, гдѣ были туры, и шумомъ выгнать звѣря на удобное для охоты мѣсто. Условія охоты могли измѣняться сообразно съ мѣстностью. Въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстахъ охота на тура вѣроятно производилась такъ же, какъ и охота на зубра, а послѣдняго рода охота описана Герберштейномъ; рисунокъ охоты на зубра находится въ книгѣ Блэзъ де Виженера. Дѣло происходило такъ. Для охоты выбиралось удобное мѣсто, гдѣ деревья стояли бы въ извѣстныхъ промежуткахъ другъ отъ друга; стволы ихъ должны были не слишкомъ толсты, чтобы не трудно было ходить около нихъ, и не слишкомъ тонки, чтобы за нихъ могъ спрятаться человѣкъ. У этихъ деревьевъ располагаются охотники по одному и зубръ, встревоженный преслѣдующими его собаками, выгоняется на это мѣсто и стремительно бросается на перваго попавшагося изъ охотниковъ, тотъ укрывается за деревомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вонзаетъ въ него охотничье копьё. Звѣрь еще не падаетъ, не смотря на сыплющіеся на него удары, но свирѣпѣетъ все болѣе и болѣе, потрясаетъ рогами и языкомъ, который у него такъ шероховатъ и жестокъ, что онъ схватываетъ и притягиваетъ охотника однимъ прикосновеніемъ языка къ его одеждѣ; тутъ онъ уже не оставляетъ человѣка, прежде чѣмъ убьетъ его. Если кто хочетъ отдохнуть, уставши бѣгать кругомъ и бить, то бросаетъ животному красную шапку, которую оно топчетъ и терзаетъ рогами. Когда же кто-нибудь другой захочетъ принять участіе въ этомъ бою, пока еще животное не свалено, что необходимо сдѣлать, если они желаютъ воротиться

¹⁾ *Замисловскій*, Герберштейнъ, стр. 275.

цѣлыми, тотъ легко вызываетъ его противъ себя, крикнувъ хоть одинъ разъ лу—лу—лу (*sono barbaго Lululu*)¹⁾.

Вообще въ малорусскихъ поговоркахъ и пѣсняхъ обнаруживается непосредственное и близкое знакомство народа съ туромъ. Самыя пѣсни объ охотѣ на тура относятся къ древнему времени, по меньшей мѣрѣ къ XVI ст., вообще къ тому отдаленному времени южно-русской исторіи, когда туръ былъ обычной дичью. Приведенныя выше галицко-русскія колядка и свадебная пѣсня заключаютъ въ себѣ такія древнія бытовые черты, что возникаетъ предположеніе о современности ихъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ охотамъ Владиміра Мономаха, т. е. о возникновеніи этихъ мотивовъ въ до-монгольской южной Руси.

VII.

Туръ въ великорусскихъ былинахъ.

Туръ встрѣчается почти исключительно въ былинахъ о Добрынь и Маринкѣ, въ былинахъ о Василии Игнатьевичѣ и въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичу. Марина оборачиваетъ Добрыню въ гнѣдаго тура и посылаетъ его въ поле, гдѣ пасутся девять туровъ, все оборотни, изъ прежнихъ жениховъ ея. Когда Добрыня былъ обращенъ въ тура, то былъ всѣмъ турамъ атаманъ²⁾. Въ побывальщинѣ Марина беретъ Добрыню за кудри и перекидываетъ его черезъ плече, приговаривая: «Гдѣ былъ Добрыня Никитичъ, тутъ стань златорогій туръ!»³⁾. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ Марина говоритъ:

Обверну Добрыню я сорокою,
Обверну Добрыню я вороною,
Обверну Добрынюшку я свиньєю,
Обверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!»⁴⁾.

и затѣмъ по очередно обращаетъ его въ этихъ животныхъ. Большею частью Добрыня обращается только въ тура.

¹⁾ *Герберштейнъ*, Записки, стр. 167.

²⁾ *Киреевскій*, Пѣсни, т. II, стр. 47, 57, 58.

³⁾ *Рыбникова*, Пѣсни, т. I, стр. 173.

⁴⁾ *Гильфердингъ*, Онежскія быliny, стр. 833.

У ней было въ полѣ тридевять туровъ,
 Сбылся въ полѣ тридесятый туръ.
 Рожки у тура да въ золоти;
 Ножки у тура да въ серебри,
 Шерсть на туру да рыта бархата (Гильф., 833).

Въ одномъ вариантѣ (Гильфердингъ, стр. 26) Добрыня туръ топчетъ въ полѣ стада гусиное, лебединое, овечье, коровье и лошадиное, и потому узнають въ немъ богатыря. Въ другомъ вариантѣ (Гильф., стр. 1206) Марина посылаетъ Добрыню—тура «къ турецкому морю», въ третьемъ вариантѣ (Гильф., стр. 1251) «во темные лѣса».

Въ былинахъ о Василии Игнатѣвичѣ туры приурочиваются къ Кіевщинѣ.

Изъ подъ бѣлыя березы кудревастенькой,
 Изъ подъ чуднаго креста Леванидова,
 Выходила турица златоругая
 Со своими со турами со дѣтушками.
 Случилось идти турамъ мимо Кіевъ градъ,
 Мимо тую стѣну городовую... ¹⁾

Въ вариантѣ былины о Василии Игнатѣвичѣ «шли четыре тура златорогіе» ²⁾).

Въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ туръ упоминается мимоходомъ въ описаніи корабля Соловья, бока котораго были выведены «по туриному» (Гильф., стр. 173, 952, 977). Любопытнымъ представляется лишь слѣдующее мѣсто въ одномъ, рѣдкомъ вариантѣ былины о Соловьѣ Будиміровичѣ:

.... бѣжить тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей со единымъ.
 Единый корабликъ передомъ бѣжить,
 Передомъ бѣжить, какъ соколь летить;
 Высоко его головка приаздынута;
 Носъ—корма была по звѣриному,
 А бока сведены по туриному,

1) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 174.

2) Тамъ же, т. II, стр. 39.

Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура Литовскаго ¹⁾).

Послѣднія слова въ пѣсни показываютъ, что русскій народъ считалъ тура «заморскимъ» звѣремъ, точнѣе литовскимъ. Положеніе тура въ былинахъ довольно неопредѣленное. Во многихъ вариантахъ былинь о Добрынь и Маринкѣ тура совсѣмъ не встрѣчается; его замѣняетъ лошадь (у Кирѣев., т. II, стр. 43), сѣрый волкъ (у Гильф., стр. 116), жаба (Ив., стр. 1327). Вездѣ туръ называется гнѣдымъ, тогда какъ въ дѣйствительности туръ былъ чернаго цвѣта. Слово гнѣдый означаетъ темно-рыжій цвѣтъ. Повидимому, подъ туромъ былинь скрывается зубръ, на что указываетъ не только названіе тура литовскимъ, но и постоянный эпитетъ гнѣдой. Еще Аристотель, описывая зубра, замѣтилъ, что у него «шерсть блѣдно-бурая, желтоватая». Цвѣтъ шерсти зубра мѣняется по времени года. Зимой коротковолосыя части тѣла темно-бураго цвѣта; шея и плечи значительно свѣтлѣе съ исѣбра-желтоватымъ налетомъ; конечности темно-бураго, почти чернаго цвѣта. Лѣтомъ цвѣтъ шерсти свѣтлѣе и впадаетъ въ желтовато-сѣрый тонъ. Вообще, зубръ безошибочно можетъ быть названъ гнѣдымъ.

Что представленіе сказателей былинь о турѣ смутно, видно изъ выраженія «морской туръ», встрѣчающагося въ одной онежской былинь ²⁾).

Предполагая, что основные мотивы былинь о Добрынь и былинь о Василии сложились на югѣ Россіи въ до-монгольское время, можно допустить, что въ это время вошелъ въ былины и туръ, и загѣмъ, съ переходомъ былинь о Добрынь и Маринѣ и былинь о Василии Игнатьевичѣ на сѣверъ, обезличился и потерялъ присущія ему природныя черты.

Появленіе тура въ былинахъ о Соловьѣ Будамировичѣ, можетъ быть, произошло случайно, независимо отъ мѣста и времени возникновенія былинь этого разряда, на основаніи дѣйствительнаго бытоваго факта. Извѣстно, что скандинавы морскимъ судамъ придавали форму животныхъ. Мы не склонны думать, что былины о Со-

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 318.

¹⁾ Гильфердингъ, стр. 1327.

ловьѣ Будиміровичѣ выработалась изъ свадебныхъ пѣсенъ ¹⁾ и, опираясь на большую устойчивость былинъ и на многія историко-бытовыя варяжскія черты былинъ о Соловьѣ, придерживаемся стараго, высказаннаго еще Ѡ. И. Буслаевымъ мнѣнія, что въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранилось воспоминаніе о смѣломъ варяжскомъ гостѣ, воинѣ-купцѣ.

Ученыхъ миеологическаго направленія соблазняли золотые рога тура. Въ народной поэзіи эпитетъ золотой прикладывается къ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Такъ, въ малорусской поэзіи съ эпитетомъ золотой встрѣчаются сѣдло, грива лошади, человѣческіе волоса, челнокъ, весло, столъ, ножъ, тарелка, перстень, соха, серпъ и многіе другіе предметы. Большою частію эпитетъ этотъ вообще означаетъ доброкачественность предмета, вмѣсто прозаическаго слова хорошій. Говорятъ-же и въ настоящее время въ интеллигентномъ обществѣ: золотой человѣкъ, золотое сердце, не связывая съ словомъ золотой ничего таинственнаго. Выраженіе »туръ—золотые рога« и происшедшее отсюда выраженіе «злато-рогій туръ» только показываетъ, что слухъ о громадныхъ рогахъ литовскаго зубра зашелъ на далекій русскій сѣверъ. Нужно замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ съ золотыми рогами является не только туръ, но и олень. Въ галицко-русскихъ колядкахъ часто встрѣчается только «туръ - олень»; въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчается «бѣлый олень золотые рога» ²⁾.

VIII.

Туръ въ обрядахъ.

Такъ какъ *bos primigenius*—туръ оставилъ послѣ себя слѣды въ личныхъ и мѣстныхъ именахъ, въ поговоркахъ и пѣсняхъ народныхъ, то нужно отыскать его еще въ обрядахъ, въ томъ почти всегда вѣрномъ предположеніи, что всякій предметъ, укоренившійся въ народной поэзіи, проникаетъ и въ обряды народные, въ силу внутренней органической связи обряда и пѣсни, происхожденія изъ одного и того-же родника народнаго духа.

¹⁾ *Халанскій*, Великорус. былины, стр. 147.

²⁾ *Шейнъ*, Рус. нар. пѣсни, т. I, стр. 448.

Предположеніе это оправдывается въ приложеніи къ туру. Нельзя сказать, чтобы многіе обряды связаны были съ туромт; напротивъ, число такого рода обрядовъ незначительно, и всѣ они одного характера, сходны между собою по времени исполненія и внѣшнимъ его формамъ.

Въ разныхъ странахъ, въ древнее и новое время, на рождественскихъ святкахъ соблюдается обычай ряженія. Ученые миеологической теоріи объясняютъ этотъ обычай обряднымъ выраженіемъ перемѣнъ времянь года или языческихъ боговъ. Ученые, придерживающіеся теоріи литературнаго и бытоваго заимствованія пѣсенъ и обрядовъ, усматриваютъ въ святочныхъ ряженіяхъ и маскахъ остатки римскихъ Врумалій. Наиболѣе распространено ряженіе козю: это встрѣчается въ Россіи, Болгаріи, Румыніи, Норвегіи, Англии и Германіи. Къ распространеннымъ принадлежатъ также маски коня и тура: нѣм. Fasnachtschimmel, «бѣсовская кобылка» древнихъ русскихъ колядокъ, «турица» дубровницкой масляницы. А. Н. Веселовскій думаетъ, что «Туръ Сатана» колядскихъ игрищъ, о которомъ говоритъ авторъ Синописа, представлялъ животную маску: въ Польшѣ и Галиціи еще недавно водили на святкахъ по домамъ царня, наряженнаго туромъ-быкомъ¹⁾. Въ львовскомъ Номоканонѣ XVII в. упоминаются языческія игрища Туры. Весенній праздникъ до сихъ поръ называется у славянъ Турище. Въ Галиціи Турицы празднуютъ въ началѣ мая или на Зеленой педѣлѣ²⁾. Тоже обыкновение встрѣчалось у словаковъ и поляковъ³⁾.

Происхожденіе и значеніе обрядныхъ животныхъ или, точнѣе сказать, животныхъ обрядовъ можетъ быть различно. Въ основаніи обрядныхъ представленій животныхъ лежатъ древнія религіозно-миеическія воззрѣнія народа на природу, или олицетвореніе ея силъ и явленій въ образѣ животныхъ (солнце—жаръ птица, птица веретеница, вѣтеръ—орелъ или соколъ), или въ большинствѣ случаевъ жертвоприношеніе животныхъ богамъ, преимущественно богамъ покровителямъ земледѣлія и брака. Обычай приносить животное въ жертву смѣнился разнообразными символическими и обряд-

¹⁾ *Веселовскій*, Записки Акад. Наукъ, т. 45, стр. 128.

²⁾ *Аванасьева*, Поэтич. возвр. слав. на прир., т. I, стр. 664.

³⁾ *Miklosich*, Die Ortsnamen, т. II, стр. 110; *Linde*, Słownik, V.

ными его выраженіями въ быту народномъ. Можно думать, что въ основаніи всѣхъ обрядовъ съ свиньею, косою, бараномъ, пѣтухомъ скрывается древнее жертвоприношеніе богамъ этихъ животныхъ; въ рѣдкихъ сравнительно обрядахъ съ лошадыю и быкомъ скрывается или жертвоприношеніе, или символическое выраженіе купли продажи невѣсты.

Обряды съ туромъ, повидимому, имѣютъ особое значеніе. «Грубый звѣрь, черный туръ» не могъ быть жертвеннымъ животнымъ. Нужно думать, туръ въ обрядахъ замѣнилъ быка, корову или козу; другими словами, онъ попалъ въ обряды случайно, изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, доставляемаго преувеличеніемъ предмета, гиперболизмомъ, проникъ въ обряды въ тѣхъ именно мѣстностяхъ Европы, гдѣ водился въ значительномъ количествѣ.

Обрядовое значеніе тура преувеличено покойнымъ Аѳанасьевымъ до сверхъ-естественнаго значенія, а г. Фаминцынымъ до значенія божества.

«Въ памяти нашего народа, говоритъ Аѳанасьевъ, сохранились отрывочныя воспоминанія о яромъ турѣ—свѣтломъ, весеннемъ плодотворящемъ быкѣ бога-громовника. Эпитетъ ярый указываетъ на творческія силы весны и роднитъ тура съ именемъ древне-славянскаго божества Ярила (Перуна—плодотворителя)». Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасьевъ говоритъ, что «славяне чествовали тура, какъ воплощеніе божества»¹⁾.

Аѳанасьевъ находитъ, что съ названіемъ тура нераздѣльны понятія о быстромъ движеніи и стремительномъ напорѣ: туровый, туркій, турить и проч. Это вѣрно, но нельзя понять, при чемъ тутъ богъ-громовникъ. Болѣе или менѣе отвлеченныя понятія источникомъ имѣютъ всегда простые предметы внѣшней природы, и понятія о быстромъ движеніи и стремительномъ напорѣ самымъ естественнымъ образомъ могли образоваться отъ «грубаго звѣря», яраго и стремительнаго тура.

Аѳанасьевъ замѣчаетъ далѣе, что народныя «весеннія пѣсни вспоминаютъ Тура—удалаго молодца и соединяютъ его имя съ другими прозваніями Перуна: ой, Туръ-Дидь-Ладю!» Здѣсь все сомнительно и спорно, начиная отъ пѣсни, откуда взять припѣвъ и кончая каждымъ именемъ изъ этихъ трехъ именъ въ припѣвѣ.

¹⁾ *Аѳанасьевъ*, Поэтич. возвр. славянъ, т. I, стр. 662—663.

Появленіе тура—удалого молодца въ весеннихъ пѣсняхъ такъ-же легко и просто объясняется, какъ Туре-Влахинче сербскихъ пѣсень, какъ буй-туръ Всеволодъ Слова о полку Игоревѣ,—эпитемомъ молодца, по сильному *vos primigenius*, туры.

Аѳанасьевъ выдвигаетъ затѣмъ мѣстныя названія. «Именемъ тура, говоритъ онъ, народъ окрестилъ многія географическія мѣстности». Это также вѣрно, но снова нужно добавить, мѣстныя названія не имѣютъ значенія для мифологическаго толкованія обряднаго тура. Какую натяжку допускали иногда мифологи, видно изъ слѣдующихъ словъ Аѳанасьева: «Особенно любопытны названія озеръ: Волотуръ, Воловье око, Туръ-озеро. На метафорическомъ языкѣ древняго славянина озеро—эта свѣтлая, зеркальная масса воды, заключенная въ округлой рамкѣ береговъ, уподоблялась глазу быка... Такъ какъ съ одной стороны тучи представлялись небесными источниками, а съ другой самое созданіе земныхъ водъ приписывалось Перуну, низводителю дождевыхъ ливней, то очевидно, что въ указанныхъ названіяхъ озеръ кроется языческое вѣрованіе въ происхожденіе этихъ водоемовъ отъ тура громовника» (663). Изъ возможныхъ многихъ объясненій предмета здѣсь ученый избралъ самое затѣйливое и мудреное объясненіе. Гораздо проще предположить, что приведенныя выше названія озеръ произошли по той причинѣ, что вблизи ихъ водились туры, на подобіе того, какъ произошли названія озеръ Лебязье, Кабанье, Медвѣжье.

Наконецъ Аѳанасьевъ указываетъ на то мѣсто Синописа, гдѣ говорится, что «простолюдины» на своихъ законопротивныхъ сборищахъ нѣкоего Тура-сатану и прочія богомерзкія скареды измышляюще—вспоминаютъ», Что разумѣль Иннокентій Гизель подъ Туромъ-сатаной, нельзя сказать съ полной точностью. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе А. Н. Веселовскаго, что здѣсь скрывается обличеніе святочнаго ряженія туромъ, ряженія, нѣкогда обычнаго въ Малороссіи и до сихъ поръ сохранившагося въ Галиціи. Самое слово «скареды» указываетъ на святочные игры, гаданія и переряживанія, съ точки зрѣнія духовнаго лица «богомерзкія».

Г. Фаминцынъ своимъ обширнымъ изслѣдованіемъ «Божества древнихъ славянъ» создалъ цѣлый славянскій Олимпъ и тура также помѣстилъ въ общество боговъ. «Близко родственнымъ Ярилѣ божествомъ, говоритъ г. Фаминцынъ, былъ на Руси и несомнѣнно

также у южныхъ и западныхъ славянъ Турь, имя котораго въ первоначальномъ смыслѣ означало быка, представителя бога солнца и обусловливаемого симъ послѣднимъ плодородія» (стр. 233). Главной фактической опорой г. Фаминцына служатъ мѣстныя названія, въ особенности Турова божница близъ Кіева. Авторъ не допускаетъ предположеній, что названіе церкви могло произойти отъ построения въ Туровомъ, наполненномъ турами лѣсу, или отъ имени строителя-жертвователя Тура, и полагаетъ причиной названія божество Тура. Фактическія данныя, приведенныя уже Аванасьевымъ въ пользу мнѣнія о сверхъ-естественномъ значеніи тура, г. Фаминцынъ увеличиваетъ приведеніемъ нѣсколькихъ пѣсенныхъ выраженій о златорогомъ турѣ, причѣмъ усмариваетъ въ этихъ выраженіяхъ «солнечную природу Тура» (стр. 237).

Изслѣдованіе г. Фаминцына произвело неблагоприятное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Проф. А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ: «Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ», напечатанной въ ССХІ части Журн. Минист. Нар. Просвѣщенія, замѣтилъ: «строго говоря, изъ всѣхъ боговъ русскихъ непоколебимо можетъ вынести критику только одинъ Перунъ» (стр. 65).

Общій выводъ настоящей статьи можетъ быть резюмированъ въ немногихъ словахъ: *Vos primigenius*, грубый звѣрь—черный туръ существовалъ въ южной и западной, быть можетъ въ средней и сѣверной Россіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка включительно. Какъ животное очень крупное и сильное, на котораго охота сопряжена была съ большими опасностями, и какъ животное, рогами и кожей котораго пользовались для домашнихъ подѣлокъ и съ суевѣрными лѣчебными цѣлями, туръ производилъ сильное впечатлѣніе на мысль и воображеніе народа и вошелъ въ народные обряды, поговорки и пѣсни, сохранившіеся отчасти, въ силу консерватизма народной жизни, до настоящаго времени.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

НЕИЗДАННЫЙ РАЗСКАЗЪ Г. Θ. КВИТКИ.

Лѣтомъ 1885 года харьковскій городской голова И. О. Фесенко передалъ мнѣ небольшой рассказъ Г. Θ. Квитки, въ письмахъ, на русскомъ языкѣ, съ содержаніемъ изъ харьковской жизни. Подписи автора нѣтъ, но по тону, по изложенію, по языку и, главное, по почерку рассказъ несомнѣнно написанъ Г. Θ. Квиткой. Письмо Квитки красивое, четкое. Рукопись звлючаетъ въ себѣ два листа простой, желтоватой писчей бумаги. Время сосгавленія рассказа—тридцатые годы. Въ небольшомъ рассказѣ Квитки находится краткая, но мѣткая характеристика женъ и дочерей стариннаго харьковскаго дворянства, изложенная въ формѣ переписки. Приводимъ здѣсь этотъ рассказъ цѣликомъ.

С.

П И С Ь М О 1-е.

Отъ 2-жи Перепеловской къ 2-жѣ Клунь-Ятровской.

Крутогоровка, 2 сентября 183... года.

Милой мой другъ, матушка сестрица Настасья Карповна!

Первое мое дѣло, возвратясь съ ярмонки, зная, что у тебя во многихъ вещахъ запасъ давно вышелъ и ты безъ всего этого сидишь и даже безъ чаю, поспѣшить отправить изъ купленныхъ мною для тебя покупокъ, что понужнѣе, а именно то и посылаю: чаю 1 ф., кофею 10 фунтовъ, сахару 1 пудъ, мыла простого 2 пуда, сальныхъ, граненыхъ свѣчей 20 фунтовъ. Канальскіе цѣны на все! А содержаніе, такъ ужасъ! Вообрази, что я за двѣ комнаты, правда, на Сумской улицѣ, недалеко отъ театра и благороднаго собранія, платила восемь рублей въ сутки, да содержаніе де-

вяти лошадей, восьми человекъ прислуги и для насъ провизіи, стоило двѣнадцать рублей въ сутки. Такъ вотъ, какъ хочешь, двадцать рублей въ день, кромѣ театра, куда всякой день должны были везти дѣтей! Спасибо, въ благородное собраніе дамъ впускаютъ даромъ; но все нужны и тамъ издержки. Какъ-бы ни было, надобно-же и имъ свѣтъ и ихъ свѣту показать, хотя Дуничка еще и ребенокъ. Да таки не даромъ ихъ вывозили: у насъ что-то наклюнулось. Управившись съ домашними хлопотами, немедленно поспѣшу по долгу моему къ тебѣ, матушка сестрица, прійхать, порассказать и заблаговременно посоветоваться. Проклятой сахаръ замучилъ меня! Зная, что на разъ-ярмовкѣ все бываетъ дешевле, я отложила его покупать до послѣдняго дня; думала, куплю, уложу и въ тотъ-же день выѣду. Что-жъ! на мою бѣду и возвышся цѣна! Былъ сорокъ два съ полтиною и всѣ такъ покупали; а тутъ вдругъ сорокъ три! Что мнѣ дѣлать! Три дня лишняго прожила уже безъ всякаго дѣла, все ходила изъ лавки въ лавку, билась, билась, торговалась, торговалась, сорокъ три да сорокъ три, хоть въ руки не бери! До слезъ дошло! И какъ-же иначе: проживаюсь, трачусь и не могу выторговать. Спасибо уже одинъ купецъ уважилъ меня, къ нему я пристала и ровно полтора дня выторговывала. Онъ, видя мои хлопоты, сжалился и уступилъ по сороку два съ полтиною, и то, думаю, потому, что сразу брала два пуда и таки ему и надобла; однако-жъ нужды нѣтъ, не отстала отъ людей и не переплатила лишняго. Свѣчи отличныя, рекомендую, береги, матушка сестрица, для большихъ гостей, божился купецъ, что не текутъ и запаха не слышно. Вотъ ужъ мыло съ душикомъ, ну такъ дешево, а въ хозяйствѣ сойдетъ, какъ и хорошее, но въ цѣнѣ разнища. Всей покупкѣ подробный счетъ пришлю вмѣстѣ съ прочею покупкою, которой съ подводами завтра ожидаю. Все рачитаю и остальныя деньги, когда прійдется, пришлю; я твоего не захочу; Богъ съ нимъ, матушка сестрица! У Фомки, спроси, особо въ бумагѣ запечатанная осьмушка сахару; неоставало въ головахъ до полнаго пуда, но я таки вытребовала. Чай Майюконъ отличный, пять рублей за фунтъ, чуть было тебя не промотала, не взяла и другаго фунта, — ужъ куды-бы ни шло, — да побоялась, не прикинула-бы мнѣ

назадъ. Прошу тебя, матушка сестрица, кушать все посылаемое на здоровье и вспоминать объ усердіи покупавшей,
вреданной тебѣ сестры
Ефимьи Перепеловской.

П И С Ь М О 2-ое.

Отъ той-же къ той-же.

По-титулъ

4 сентября.

Только что хотѣла послать къ тебѣ Ваську съ покупками, какъ и Фомка воротился съ отвѣтомъ отъ тебя. Какъ жаль, что твой чай испортили, положивъ его въ ящикъ съ мыломъ! Ей-Богу, этому не я причиною: это все проклятая Аѳроська! Сколько она у меня добра перевела, а съ малыхъ лѣтъ за мной ходить и ничего не смыслить. Впрочемъ эту бѣду можно исправить: прикажи, матушка сестрица, чай положить въ сѣно на сутки, — тотчасъ мыльный запахъ отобьетъ, а ежели нѣтъ, такъ мадамѣ и дѣтямъ прикажи выдавать; помаленьку изойдетъ и деньги не пропадутъ. Дѣточекъ же у тебя, слава Богу! по чашкѣ; такъ шесть чашекъ.

Охъ, дѣти, дѣти! теперь меня раздумье беретъ и съ одной подростшею дѣвченкой, а у тебя ихъ двѣ на возрастѣ, да еще каши сколько! Только мы и жили пока въ дѣвкахъ; а тамъ заботы, попеченіе все объ нихъ и для нихъ, а черезъ нихъ истинно! во вдовствѣ и люди насъ обѣгали. Хоть-бы и погнался кто за выгоднымъ имѣніемъ нашимъ, такъ какъ поглянетъ на длинный нашъ хвостъ, что малъ-мала меньше, такъ и раздумаетъ; а мы и сиди, да няньчись съ ними. Они, они заѣдаютъ нашу молодость, да еще увидимъ, что отъ нихъ дальше будетъ, когда, ничего не видя, Пазинька часто твердить: батинькина деревня, да сколько доходовъ получается съ батинькиной деревни? Поглядишь, нынче дѣти смысленнѣе насъ и нашихъ отцевъ. Богъ съ ними!

Посылаю при семь всю прочую покупку и щеть въ двухъ стахъ рубляхъ, отъ тебя данныхъ. Сдѣлай одолженіе, матушка сестрица, повѣрь пожалуста сама, или поручи кому сочитать повѣрнѣе, не ошиблась-ли я? Я выкладывала на щетахъ, а Пазинька арифметикою, только я все что-то сомнѣваюсь. Ужасное дѣло! Столько покупокъ, а будго должно еще оставаться два рубли трид-

пать четыре копѣйки. Я все сама записывала и думала, что свои передержала, а выходить, что надобно доплатить. Волосы дыбомъ становятся! Еще повторяю убѣдительнѣйшую просьбу, повѣрь повѣрнѣе, и ежели я обочлася, то передачу пришли через сего. Послѣ ярмонки въ чувство не приду, поиздержалася ужасно! А еще расходы предстоятъ... ты просишь, чтобы я объяснила, что у насъ наклонилось? Хотѣла было къ тебѣ сама ѣхать и посоветоваться, какъ съ истиннымъ моимъ другомъ и съ сестрою, которую я съ малолѣтства привыкла чтить и обязана ей за многое и которой я всѣмъ жертвовать готова; но не могу теперь навѣстить тебя и милой моей крестницы Лизаньки ко дню ея ангела, потому что завтра во всемъ домѣ располагаю мыть полы и потому боюсь отлучиться: каналы, все не такъ вымоютъ, какъ при глазахъ преданной тебѣ сестры

Евгении Перепеловской.

При семь посылаю ярморочнаго твоимъ дѣткамъ: Фесинькѣ и Лизанькѣ по аршинцу атласной ленточки моднаго цвѣта, Стешинькѣ и Любинькѣ полную бумагу кедровыхъ орѣшковъ, Глашинькѣ каменную куколку, а Митенькѣ гремушечку. Пусть помнятъ ласки любящей ихъ тетки.

ПИСЬМО 3-е.

Отъ Пазиньки Перепеловской къ Фесинькѣ Клунь-Ятровской.

Крутогоровва. 4 сентября 183... г.

. Милая моя ма сшеге Фесинька!

У меня такъ много рассказать тебѣ, что было-бы на цѣлый день. Я съ нетѣрпѣніемъ ожидала, что моя ма сшеге поѣдетъ къ твоей ма сшеге на имянины Лизаньки, но вышло напротивъ. Какъ это справедливо, что *l'homme meure, а Dieu dispose*. Ма сшеге очень озабочена: завтра будутъ во всемъ домѣ мыть полы, потомъ рѣзать птицу, бучить столовое бѣлье, также и постельное, пересыпать гостинные пуховики... *Vous demanderai*: вѣрно будутъ гости? А я тебѣ отвѣтствую: *oui*, ма сшеге, будутъ... Ахъ!.. ты можешь отгадать, зачѣмъ?.. Я всѣ дни въ большемъ смущеніи! *Pourquoi*-же я не Васька! Я бы теперь поѣхала къ тебѣ и все рассказала, но за неимѣніемъ возможности рассказать изустно, расскажу тебѣ въ сихъ строкахъ.

Во первыхъ, милая моя ma chere Фесинька, въ твою грудь передаю важную тайну моего сердца. Узнай! Я чувствую, что я..... влюблена! Такъ я уже ношу зародышъ сего гибельнаго пламени въ сердцѣ моемъ. О amour, amour! Ни одинъ смертный не избѣгнетъ судьбы, возлагаемой на него оковами любви.

Онъ уланскій капитанъ и очень comme il faut! Росту высокаго, строень, ахъ какъ строень! прелесть! бѣлокуръ, краснощекъ..... а усики! Усики, что нынѣ дѣйствуетъ одинаково съ древними стрѣлами амура..... Эти усики сама любовь насадила, аврора, поливая ихъ своими слезами во время его сна, возрастила, игры и смѣхъ, въ нихъ поселившись и ежечасно играя ими, образовали эти восхищающія завигки, а лукавый купидонъ, скрываясь въ нихъ, обращаетъ наше вниманіе на его розовыя губки и общаетъ невыразимое блаженство тѣмъ, чьи уста прильнуть къ нимъ. Глаза..... Hebas! глаза точно такіе, какъ помнишь, мы, читая новый романъ: *Матери-соперницы*, воображали графа Росманда. Тотъ - же огонь, таже выразительность, таже очарованіе. Еп un mot, онъ весь совершенство, прелесть, нѣчто неземное. Третій день выѣзда моего на ярмонку былъ роковой для твоей ma chere Пазиньки! Въ тотъ день я потеряла свободу и pour toujours!..... Выѣхавъ съ ma chere mere въ ряды и пришедъ въ ту лавку, гдѣ собирается весь bon monde, мы начали ради скуки пересматривать кое - какіе товары, какъ вдругъ звукъ шпоръ и громъ сабли, такъ сильно плѣняющій насъ дѣвицъ и изъ дали, поразилъ слухъ мой и произвелъ во мнѣ какое-то невыразимое чувство. Оборачиваюсь—вижу..... его! Довольно было и видѣть его, но онъ кинулъ на меня взглядъ, который очень громко договорилъ въ моемъ сердцѣ. Что потомъ было, я не могу тебѣ дать отчета, потому что я была въ величайшемъ смущеніи отъ того, что онъ не спускалъ съ меня глазъ и пожиралъ меня пламенными своими взглядами. Ma chere скоро перешла въ серебрянную лавку и съ намѣреніемъ, видя, что и онъ скоро за нами туда же вошелъ, спрашивала самыхъ богатыхъ вещей, годныхъ только для приданаго и будто располагала ихъ купить. Онъ стоялъ тутъ же посматривалъ на серебро, но на меня смотрѣлъ очень внимательно. Что то такое спросилъ онъ у ma chere mere и потомъ il adresse ко мнѣ: «не холодно-ли вамъ, сударыня?»—Увы, послѣднее слово сказано было съ такимъ очарованіемъ!..... Погода точно была сы-

рая, при холодномъ вѣтрѣ, но я очень поняла, что онъ чрезъ то хотѣлъ сказать, не холодно - ли мое сердце? и потому, приведя на память всѣхъ героинь читанныхъ мною романовъ, вошла въ ихъ характеръ и въ мое положеніе, дабы не отразить его при первой встрѣчѣ и не ввергнуть въ отчаяніе, я отвѣчала томнымъ голосомъ, сообразно чувствамъ сердца моего: «холодъ мнѣ не свойственъ», потупила глаза и покраснѣла съ самодовольнымъ видомъ, что не уронила себя и показала, что я дѣвушка съ воспитаніемъ и очень умѣю разобратъ, что и къ чему говорится. Потомъ онъ и началъ отборными словами разспрашивать: гдѣ мы живемъ, давно-ли пріѣхали и т. под. Я едва переводила духъ, отвѣчала хотя и въ замѣшательствѣ, но каждое слово украшая фразой изъ какого нибудь романа. Ма сего теге вмѣшалась и вела съ нимъ рѣчь, а я стояла..... и была вся зрѣніе и вниманіе. Это свиданіе, рѣшившее судьбу сердца и чувствъ моихъ, продолжалось не такъ долго, какъ бы я желала. Мы уѣзжали и онъ, сажая насъ въ карету, спросилъ, какъ я замѣтила, трепещущимъ голосомъ, будемъ - ли мы въ театрѣ. Я поспѣшила успокоить его; восторгъ былъ написанъ на его лицѣ и мы разстались.

Въ театрѣ я тотчасъ замѣтила его. Онъ съ однимъ коннымъ адъютантомъ очень прилежно осматривали всѣ ложи. Къ сожалѣнію, моя ма сего теге взяла ложу въ нижнемъ ярусѣ и они не скоро насъ замѣтили, но, узнавъ, тотчасъ поспѣшили къ намъ притти. Адъютантъ наговорилъ намъ тѣму привѣтствій и тотчасъ подсѣлъ къ ма сего теге. Во весь спектакль онъ не умолкалъ: слова лились у него обильною рѣкою. Безъ памяти любить своего товарища и только лишь о немъ все говорилъ. Разказывалъ, что у него двѣ тысячи душъ въ Кавказскихъ горахъ, полторы тысячи въ Сибирскихъ степяхъ и пребогатѣйшія рыбныя ловли въ Черномъ морѣ. Хвалилъ качества души его и сердца. Жалѣлъ, что ежели онъ женится, такъ ревность его замучитъ; потому что онъ желалъ - бы, чтобы онъ никогда съ нимъ не разлучался, а ежели онъ дойдетъ до того несчастія, что онъ женится, то онъ, оставшись совершенно одинъ въ мірѣ, затоскуется до смерти. Меня до слезъ тронула такая между ними дружба и всѣ слова его, ты можешь вообразить, съ какою жадностью глотала..... Онъ-же нашель мѣсто подлѣ меня, говорилъ, разумѣется тихо, много любовныхъ сладостей и все въ

относительномъ смыслѣ, но я очень умѣла постигнуть прямую цѣль его предметовъ, но однако-же ничего ему не отвѣчала, краснѣла и смущалась.

Imajinez же, что вышло? Съ нами въ ложѣ была Дуничка и заглядѣвшись на театръ, такъ расхохоталась, что и не уймется. Всѣ обратились на нашу ложу и онъ спросилъ меня: «что это за дѣвочка?» Я посовѣстилась назвать ее сестрою и только сказала: «это наша... такъ»... и отвлекла его вниманіе на другую матерію. Наши кавалеры проводили насъ до кѣляски съ милою заботливостію.

Hebas! если-бы я описывала тебѣ всѣ мои чувства, мысли и воображенія, услаждавшія меня во всю слѣдовавшую потомъ ночь, то исписала-бы пол-дести бумаги, но ты можешь все вообразить, ты была въ подобномъ положеніи... и знаешь все по опыту.

На другой день мы нашли его въ лавкахъ одного; онъ насъ ожидалъ и ведя меня изъ лавки въ лавку, гордился, когда я называла его *mon chevalier*. Ахъ! какъ мнѣ хорошо было съ нѣмъ вездѣ! Онъ ангажировалъ меня въ Собраніи на первую кадрили, куда мы и поспѣшили пріѣхать и—а *propos*—я такъ была щегольски одѣта, что сама себя не помнила отъ радости. Моя милая *ma chere mere* не пожалѣла денегъ, а модная мадамъ истощила все свое искусство, только снуровка была немного тѣсновата и я едва дышала. Все было хорошо.... но начинаются танцы,—собираются кадрили, я стала съ нимъ, начинаютъ... *imajinez* же мое смущеніе? Фигура кадрили новая, презапутанная, пренепонятная; я смѣшала всѣхъ, разстроила и принуждена была выйти изъ круга. *Imajinez!* Русскихъ кадрили уже вовсе не танцуютъ, а всѣ французскія, пребезтолковыя, которыхъ безъ танцмейстера нельзя выучиться. Къ довершенію моего горя, послѣ нѣсколькихъ кадрилией, танцовали котильонъ, а ты знаешь, что я отъ полнокровія не могу долго кружиться, и тотчасъ потеряю кадансъ, слѣдовательно я просидѣла весь вечеръ безъ танцевъ и, что пуще всего, онъ порхалъ, какъ зефиръ, съ другими граціями, а его Душенька *etc abandonnée: Que faire!* За то онъ былъ со мной на другой и слѣдующіе дни; для меня, онъ говорилъ, жилъ въ рядахъ, для того, чтобы тамъ видѣть меня, а на квартиру *ma chere mere* его не приглашала, потому что наша квартира была прегадкая и тѣсна, чтобы принять такого гостя. Прощаясь, при послѣднемъ свиданіи, онъ сказалъ, что скоро надѣется

быть у насъ въ деревнѣ и повергнетъ судьбу свою къ ногамъ моимъ. Не ясно-ли это?

Pour cela мы и ожидаемъ его на сихъ дняхъ. И такъ, поѣздка наша въ Харьковъ была не даромъ. En fin je serai marié. Первое мое дѣло по выходѣ замужъ будетъ способствовать любви твоей и отвергнувъ всѣ препятствія, довести тебя къ **желаемой** тобою цѣли, хотя-бы и противъ воли, даровавшей тебѣ жизнь. Но qui est lui хорошее на закуску: il est Alexice, Prince Bourminsky. Ah! ma chere Фесинька, votre chere cousine sera mariée et sera princesse.

Pour toujours votre Pasinka.

ЗАПИСКА.

Отъ князя Бурминскаго къ пріятелю.

Харьковъ. 2-го Сентября 183...

Съ полученіемъ сего **приказа**: mon cher Basile, моему Филькѣ, собравъ весь мой княжескій гардеробъ, скакать, сломя голову, ко мнѣ въ Харьковъ. Суди его деньгами для найма, не болѣе какъ верховаго коня. Благодаря моей философіи, все мое княжеское имущество можно на такомъ экипажѣ перевести на край свѣта. Да будетъ вѣдомо тебѣ и кому о томъ вѣдать надлежитъ, что подмѣченная нами перепелочка, она же и Пазинька, морившая насъ въ ложѣ своими романическими возгласами, не смотря на свою глупость и немилостивость, точно имѣетъ отцовскихъ триста душъ и пропастное приданое; въ этомъ меня увѣрилъ близкій по деревнѣ сосѣдь ея и который, выслушавъ описаніе моихъ владѣній въ Кавказскихъ горахъ, Сибирскихъ степяхъ и въ глубинѣ Чернаго моря, какъ одолженія себѣ, проситъ взять себя сватомъ и ручается за успѣхъ, а потому мы и спѣшимъ скорѣе увѣнчать пламенную мою любовь. Дабы же мнѣ еще болѣе плѣнить мою ma chere Пазиньку, пришли мнѣ романы нашей полковой поповны; изъ нихъ я долженъ научиться съ ma chere Пазинькою и отвѣчать ей въ томъ-же тонѣ.

Знай и объявляй, что какъ скоро женюсь, тотчасъ плачу долги тебѣ и всему свѣту.

Твой Алексѣй.

Наставъ пожалуста Фильку рассказывать въ домѣ невѣсты о моемъ несмѣтномъ богатствѣ, ежели ты не забылъ сочиненнаго тобою о немъ описанія. Здѣшнимъ машер-мерамъ оно одно только и нужно.

СУДЬБА КРАСАВИЦЫ.

(Софія Глявоне-Витте - Потоцкая)¹⁾.

Въ апрѣлѣ 1778 года маіоръ Витте, сынъ каменецъ-подольскаго коменданта, вѣзжалъ въ Жванецъ во главѣ отряда артиллеріи, подъ сильнымъ эскортомъ кавалеріи разнаго рода. Цѣлю похода было привѣтствіе королевскаго посла Боскампа Лясопольскаго, возвращавшагося изъ Турціи. Посланникъ только чрезъ два мѣсяца прибылъ на берега Днѣстра; собравшаяся здѣсь шляхта встрѣтила его торжественно.

Посоль имѣлъ въ своей свитѣ двухъ молодыхъ дивной красоты гречанокъ: одну пятнадцатилѣтнюю, которой даже имени не знаемъ, другую тринадцатилѣтнюю, Софію, родную сестру первой. Современныя извѣстія утверждаютъ, что Боскампъ везъ ее для короля, потому что хотя официально занималъ высшія должности, но при дворѣ исполнялъ различныя двусмысленныя порученія; вѣроятно и въ этотъ разъ онъ везъ для короля эту прелесть, пріобрѣтенную у бѣдной торговки въ Цареградѣ. Почему онъ не взялъ ее съ собой въ Варшаву, а оставилъ на границѣ—трудно объяснить. Возвращаясь къ тѣмъ же извѣстіямъ, слѣдовало бы повторить, что Боскампъ хотѣлъ сначала своимъ описаніемъ красавицы поджечь любопытство въ коронованномъ вѣтренникѣ и выговорить для себя двойное вознагражденіе. Намъ же кажется, что побудило его оставить это сокровище на границѣ государства путешествіе черезъ Австрію, гдѣ царствовала набожная, съ пуританскими воззрѣніями на нравственность, Марія Терезія.

¹⁾ Переводъ съ польскаго. Изъ истор. разсказовъ д-ра Антонія І.

Гдѣ первоначально поселились красавицы, сказать не сумѣемъ, вѣроятно въ Хотинѣ. Здѣсь скоро онѣ обратили на себя вниманіе молодаго маіора Витте, проникнутаго либерализмомъ и уже надлежащимъ образомъ просвѣтившагося въ тогдашней Варшавѣ, куда отецъ такъ часто посылалъ его. Сначала онъ сталъ ухаживать за старшей, но скоро она наскучила ему; онъ бросилъ увлеченную и отыскалъ ей мужа. Хотя мы нигдѣ не встрѣчаемъ затѣмъ отмѣтки о ней въ каменецкихъ метрическихъ книгахъ о бракахъ, но знаемъ, что чрезъ десять лѣтъ она была первой женой хотинскаго паши.

Второй—Софія суждено было сыграть болѣе блестящую роль въ судьбахъ нѣсколькихъ семействъ, занимавшихъ выдающееся положеніе въ падающей Польшѣ въ послѣдній ея моментъ.

Иосифъ Витте перенесъ свою любовь со старшей сестры на младшую. «Потомъ, выучивши ее не скоро польскому и французскому языкамъ, по словамъ «манifestа» Каролины Витте, обвинчался съ нею по обряду римско-католической церкви, такъ какъ она, предупрежденная судьбой сестры и совѣтами подкомандныхъ офицеровъ, не хотѣла иначе отвѣчать на его страсть».

Первая наставница, которая «отсала Софію Витте отъ новогреческихъ манеръ и познакомила съ тономъ высшаго общества», была жена подполковника Лоская. Софія сохранила къ ней благодарность до смерти: сначала выдала ее замужъ за Грохольскаго, брацлавскаго воеводу, подаривши ему нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ, а когда Грохольскій умеръ, взяла къ себѣ вдову и заботливо пеклась о ней; какъ о матери, до самой ея смерти.

Учиться долго у Лаской она не могла. Мы знаемъ, что Ласкопольскій съ Софіей прибылъ въ Жванецъ 21 іюня 1778 года,² а 3 апрѣля слѣдующаго года она была уже въ Каменцѣ.

«Константинопольская madame только недѣлю тому назадъ пріѣхала сюда, ожидая изъ Варшавы какихъ-то резолюцій», пишетъ съ сарказмомъ старикъ Витте къ Дѣдушинскому, большому своему пріятелю.

Ему, старыхъ христіанскихъ убѣжденій воину, не по вкусу было это новаторство; не ожидалъ бѣднякъ, что вскорѣ долженъ будетъ называть ее невѣсткой! 14 іюня 1779 года ксендзь Антоній Хмелевскій, каноникъ кафедральный каменецкій, благословилъ этотъ

бракъ въ зиньковецкомъ костелѣ (предмѣстїи старой крѣпости), съ согласїя Адама Красинскаго, каменецкаго бискупа: вѣнчались Юсифъ Витте, шефъ пѣхотнаго полка, съ Софьей Клявона, свидѣтелями были: Игнатій Прыбышевскій, капитанъ того же полка, и Симеонъ Квятковскій, мѣстный житель.

Старикъ комендантъ ничего не зналъ о бракъ, и этому не слѣдуетъ удивляться; обстоятельство это объясняется неудовольствїемъ бискупа Красинскаго: имѣли они между собою счеты еще со времени барской конфедераціи. Отецъ впрочемъ скоро простилъ сына, да и что-жь наконецъ онъ могъ бы сдѣлать? И вотъ уже 26 іюня, спустя двѣнадцать дней послѣ злосчастнаго брака, пишетъ онъ къ зятю своему полковнику Берtrandу:

«День именинъ (св. Іоанна) провели, какъ поминки, такъ какъ въ этотъ день я долженъ былъ уступить просьбамъ сына и простилъ его за то, что безъ вѣдома родителей женился на той чужестранкѣ, которую его милость Боскампъ привезъ себѣ въ жены. И вотъ Боскампу вѣнецъ гороховый, а намъ крапивный. Надо, значить, и это испытаніе принять отъ Бога. Стоялъ уже, по милости Бога, на такой ступени, съ которой могъ достичь лучшаго положенія; но если онъ хочетъ довольствоваться и этой долей, пусть имъ Богъ даетъ счастье».

Грустью и разочарованїемъ вѣетъ отъ этихъ словъ. Въ утѣшеніе старику отцу говорили, что Лясопольскій привезъ Софію съ намѣренїемъ жениться на ней (будущую жену развѣ оставилъ бы на границѣ?), что происходила она изъ стариннаго греческаго рода Геличи или Маврокордато, а воспитывалась въ домѣ французскаго посла въ Стамбулѣ. Однако мы видимъ, что метрика опровергаетъ эти басни.

Каролина Витте рассказываетъ, что прекрасная Софія сама просила на колѣняхъ стараго коменданта о прощенїи и благословенїи сына и ея мужа. Она была дивно хороша: въ большихъ черныхъ очахъ виднѣлись тоска и страстность; въ движенїяхъ ея было столько невыразимой прелести, на губахъ столько покорности и мольбы, что генераль, извѣстный своей суровостью и энергїей, уступилъ.

— Встань, моя милая, воскликнулъ онъ; ты такъ хороша, что не удивляюсь сыну, сдѣлавшему глупость. Встань! Прощаю и благословляю.

Мать была тверже, а можетъ и тщеславнѣе: она не могла простить сыну mesaliansa, слегла въ постель и уже больше не вставала; въ ноябрѣ (24) слѣдующаго года закрыла глаза. Сынъ, видно, не ожидалъ смерти матери, такъ какъ въ маѣ 1780 года выѣхалъ въ Францію съ красавицей женой.

Въ Парижѣ Софія пріобрѣла лоскъ, который еще больше увеличилъ ея прелести. Тамъ, она, семнадцатилѣтняя, разсталась съ «предразсудками», которые удерживали ее еще на пути нравственности и супружеской вѣрности. «Тамъ, говоритъ Хронщевскій, народная молва прославляла ея красоту, а monsieur, позже король Людовикъ XVIII, боготворилъ ее и преклонялся предъ ея красотой».

Въ Парижѣ у молодого супружества родился первый сынъ; въ книгахъ о рожденіяхъ, хранящихся въ каедральномъ каменецкомъ костелѣ, мы находимъ вшитую метрику на французскомъ языкѣ, дословный переводъ которой приводимъ здѣсь: «17-го декабря 1781 года родился въ Парижѣ въ улицѣ..... въ домѣ..... Иванъ, сынъ Іосифа и Софіи Витте, законныхъ супруговъ. Совершалъ обрядъ крещенія надъ ребенкомъ, съ разрѣшенія епископа Бомонъ, настоятель прихода св. Евстафія, священникъ (подпись неразборчива).

Въ 1782 году молодая пара уже вернулась въ Каменецъ. Софія съ той поры вмѣстѣ съ Аксамитовской Теклей, сестрой мужа ¹⁾, принимаютъ всегда участіе во всѣхъ мѣстныхъ торжествахъ. Красавица-гречанка кружить головы офицерамъ и сводитъ съ ума всю окрестную молодежь. Въ домѣ шефа всегда полно гостей; въ день св. Іосифа и св. Станислава (королевскіе именины) бывали балы съ иллюминаціями, фейерверками и пушечной пальбой. Софія кокетни-

¹⁾ Въ Каменцѣ осталось преданіе, что и дочь Ивана Витте, Текля, вышла замужъ противъ воли родителей за славнаго каменецкаго армянина Аксамитовскаго, и по этому поводу каменецкіе жители, въ насмѣшку надъ надменно-стію коменданта, сочинили такую пѣсенку:

Czy wy wiecie,
Panie Wice,
Wasza curka
W axamicie.

Примѣч. переводч.

часть съ волокитами; со всякимъ обращается одинаково любезно и вызывающе. На блестящихъ вечерахъ въ коменданствѣ, съ претензіями на французскую галантность и вкусы, первый разъ ученица подполковницы Лоскай начинаетъ пробовать свои собственные силы, примѣняя вывезенную изъ Парижа теорію къ практикѣ. Очарованная шляхта теряетъ голову; даже старикъ комендантъ начинаетъ вѣрять въ дипломатическія способности невѣстки.

Въ 1784 году Богъ далъ имъ другаго сына. Вотъ выпись изъ метрическихъ книгъ: «2 декабря я, ксендзъ Хмелевскій, каноникъ кафедральный каменецкій, совершилъ таинство крещенія надъ новорожденнымъ Корнелемъ, Іосифомъ, Станиславомъ, сыномъ Іосифа де-Витте, шефа пѣхотнаго полка, и Софіи «Челече», законныхъ супруговъ; воспріемниками были» и т. д.

Здѣсь уже, какъ видимъ, выступаетъ фамилія Челече, выдуманная для успокоенія пустаго тщеславія стараго коменданта. Однако и внукъ, и дѣдъ скоро умерли, одинъ за другимъ. Послѣдній разстался съ жизнію въ декабрѣ 1785 года. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Іосифъ сталъ комендантомъ крѣпости, а жена всемогущей госпожей гарнизона, города и окрестностей.

Іосифъ Витте смотрѣлъ на ухаживанья за его женой сквозь пальцы, не принимая въ соображеніе, что супруга честолюбива, безъ всякихъ убѣжденій и испорчена похвалами, а самъ онъ некрасивъ и уже не первой молодости. Софія поставила цѣлью своей жизни, будь, что будетъ, стать высоко. Тихій городъ, населенный главнымъ образомъ армянами, мало соотвѣтствовалъ ея видамъ. Наконецъ, не разъ долетало до ея ушей, что ея мужъ, достигшій генеральскаго чина, сынъ мѣстнаго жителя, т. е. мѣщанина, а о его армянскомъ происхожденіи и говорить было нечего: довольно было посмотреть на эту мѣшковатую фигуру, съ кривыми ногами, смуглымъ лицомъ, огромнымъ приплюснутымъ носомъ, небольшою головою, покрытой шерстистыми, завивающимися въ кудри волосами—все это только раздражало красивую комендантшу, ознакомившуюся съ парижской жизнью.

Надоѣли ей слишкомъ грубоватыя и угловатыя ухаживанія пограничныхъ паничей, и она подумывала о Погоцкомъ. Только что полученное имъ генеральство отъ артиллеріи было предложено къ визиту. Но визитъ не удался, и вотъ она повернула къ русскимъ, стоявшимъ постоянно лагеремъ на границѣ

Рѣчи - Посполитой. Тѣ, какъ извѣстно, охотно принимали всякую услугу, платя за нее щедро, но, что самое пріятное, никогда не поднимали носа. Надо признать, что русскіе Екатерининскіе генералы отличались большою галантностію и особенной податливостію къ прекрасному полу.

М-ше Витте имѣла передъ глазами не одинъ готовый примѣръ того, какъ играли въ политику, и жаждала подражать такимъ примѣрамъ, не задумываясь надъ тѣмъ, насколько это нравственно. Первые ея шаги на этомъ пути покрыты тайственностію. Современные мемуары говорятъ подробно, что она была въ Вѣнѣ, въ Стамбулѣ, гдѣ посѣтила французскаго посла Шуазеля, въ русскомъ лагерѣ, наконецъ въ Петербургѣ, что оказала большія услуги русскому правительству и что Екатерина, вознаграждая прекрасную гречанку, отдала ей въ вѣчное владѣніе порядочное имѣніе въ Бѣлоруссіи, прирѣзанной къ Россіи по первому раздѣлу Польши.

Постараемся хоть немного разяснить этотъ періодъ въ жизни Софіи.— Война турецкая, въ которой принимала участіе каменецкая комендантша, объявлена была въ 1788 г., а окончена миромъ въ Яссахъ 1792 года. По источникамъ, какіе имѣемъ подъ рукою, можемъ утвердительно сказать, что наша героиня представлялась царицѣ въ Крыму, а въ іюнѣ 1787 г. сѣла въ Херсонѣ на корабль и вмѣстѣ съ Мнишковой, во главѣ двѣнадцати женщинъ, отправилась въ Константинополь. Мѣнчевскій охранялъ путешественницъ. М-ше Витте имѣла цѣлью этого вояжа посѣщеніе старой бѣдной матери. Это во всякомъ случаѣ дѣлаетъ ей честь: родительница была не очень чувствительнаго сердца, если продала дочь; но дочь не отплатила взаимностью, хотя имѣла на то право. Свиданіе впрочемъ продолжалось не долго, потому что уже осенью Софія была во Львовѣ. Измученная ревностью мужа, она рѣшилась поселиться здѣсь на долго. «Но Витте скоро узналъ о ея возвращеніи и полетѣлъ къ ней мириться; вымаливалъ у нея прощенія за прежнія оскорбленія и въ будущемъ обѣщалъ быть деликатнѣе. Покорность мужа смягчила ее, и она дала себя упросить къ дальнѣйшему сожителству».

Поведеніе гречанки, преобразившейся въ польскую генеральшу, заставило мужа забыть дисциплину. Узнавши, что Софія не думаетъ двинуться изъ Львова, онъ просилъ короля позволить

ему поѣхать за нею. Вотъ какъ Станиславъ Августъ отвѣчалъ ему 4-го сентября: «и не думай оставлять крѣпости изъ-за своей жены. Вѣдь ты надѣлалъ-бы и себѣ, и намъ стыда, оставляя свой постъ въ самую критическую минуту. Во всякомъ случаѣ, твоя жена скоро должна возвратиться. Довѣрься ея уму; она сама придумаетъ, какимъ образомъ и куда ей наилучше и найприличнѣе будетъ возвратиться». Витте не послушалъ приказа короля и поѣхалъ. Это сошло ему безнаказанно, а потому впоследствии онъ рѣшился на другой, болѣе продолжительный, вояжъ, тоже безъ разрѣшенія, въ погоню за легкомысленной женой. Но не будемъ предупреждать событій.

Въ началѣ 1788 года Софія опять вернулась въ Каменецъ. Изъ современныхъ записокъ мы узнаемъ, что она гостила въ лагерѣ Салтыкова, осаждавшаго въ маѣ того-же года съ австрійскими войсками хотинскую крѣпость. Очарованный ея красотой, генераль, расположившійся въ лагерѣ подъ Брагой, давалъ блестящіе въ честь ея балы, но главное, до того поддался ея чарамъ, что даже поступилъ военною честью.

Вотъ что пишетъ участникъ этой войны, Энгельгардтъ. Салтыковъ донесъ фельдмаршалу Потемкину, собиравшемуся тогда осадить Очаковъ, что Хотинъ сдается на капитуляцію, просить только о трехдневномъ перемиріи. Фельдмаршалъ, ожидая вѣсти о сдачѣ, приказалъ зарядить пушки, чтобы объявить о новой побѣдѣ; но новый курьеръ пріѣхалъ съ новымъ рапортомъ, въ которомъ Салтыковъ доноситъ, что согласился на трехдневное перемиріе. Потомъ еще два раза возобновлялъ перемиріе. Потемкинъ этимъ былъ очень недоволенъ. Говорили тогда довольно громко, что причиной лѣтней осады Хотина и больше чѣмъ девятидневнаго перемирія была любовь Салтыкова къ красивой женѣ каменецкаго коменданта Витте, которая часто пріѣзжала въ русскій лагерь. Сестра ея, какъ первая жена паши, жила въ Хотинѣ. Салтыковъ, поддаваясь мольбамъ возлюбленной, постоянно посылалъ письма черезъ парламентаря отъ ш-ше Витте въ Хотинскую крѣпость и отвѣты, оттуда принесенные, вручалъ прекрасной Софіи. Этотъ первый успѣхъ заохотилъ нашу героиню къ дальнѣйшимъ шагамъ. Можетъ быть, наконецъ, Салтыковъ, желая умѣрить гнѣвъ Потемкина и зная его сла-

бость къ красивымъ женщинамъ, послалъ ему гречанку, какъ удовлетвореніе за уступку, сдѣланную туркамъ подъ Хотиномъ.

Не знаемъ уже, отъ Потемкина-ли, или изъ Каменца поѣхала красавица въ Варшаву. По недостатку свѣдѣній, слѣдовало-бы предположить, что она взяла въ столицу Польши русскія предложенія. Россія, занятая войной съ Турціей, не желала перемѣнъ въ Рѣчи-Посполитой. М-ше Витте не способна была, конечно, отвратить ихъ, но могла присмотрѣться ко всему и потомъ отдать подробный отчетъ Потемкину, такъ какъ онъ велъ политику на собственный страхъ, независимо отъ петербургскаго кабинета, всегда заботясь, надо отдать ему справедливость, объ истинныхъ пользахъ своего отечества.

Какъ-бы то ни было, а Нѣмцевичъ, бывшій тогда въ Варшавѣ, такъ описываетъ madame Витте:

«Хороша, какъ богиня Грида. Одѣвалась разъ по гречески, другой по европейски. Гдѣ показывалась, приводила всѣхъ въ восторгъ; толпы тѣснились къ ней; многіе вскакивали на скамьи, чтобъ только ее видѣть».

«Въ это-то время увидѣлъ ее Щенный Потоцкій и влюбился въ нее страстно. Но, будучи разсерженъ, что сеймъ его не слушаетъ, отложилъ свою любовь до болѣе благоприятнаго времени». Софія однако вернулась изъ столицы неудовлетворенная. Слишкомъ много слышала она въ ней протестовъ противъ Россіи; король обошелся съ нею болѣе чѣмъ равнодушно, а Потоцкій хоть, казалось, пожиралъ ее глазами, былъ молчаливъ и пасмуренъ болѣе обыкновеннаго: страсть и надменность боролись въ немъ съ любовью къ отечеству. Паденіе было близко; можетъ быть, онъ предчувствовалъ его!

«Командантша, пишетъ одинъ изъ офицеровъ каменецкаго гарнизона, Дальке, очень недовольна Варшавой; его милость король едва проговорилъ къ ней нѣсколько словъ; цѣлый дворъ отворачивался отъ нея». — «Предпочитаю эту крѣпость столицѣ», такъ по крайней мѣрѣ говорила она. Но surronitug, что эта птичка изъ клѣтки скоро улетитъ». И дѣйствительно, улетѣла, потому что уже въ 1789 году встрѣчаемъ ее въ лагерѣ подъ Очаковымъ и въ свитѣ князя Потемкина въ Яссахъ. А блестящая въ самомъ дѣлѣ была эта свита, почти королевская; среди русскихъ генераловъ тутъ

были: князь Ангальтъ-Бернбургскій, принцъ де-Линь, графъ Браницкій, князь Нассау, Иосифъ Понятовскій, графъ д'Амеасъ и много австрійскихъ офицеровъ.

Изъ женщинъ Потемкина окружали: невѣстка (bratowa) фельд-маршала, графиня Самойлова, графиня Браницкая, графиня Долгорукова, графиня Головина, графиня Гагарина, словомъ: цвѣтъ аристократіи. Безпрестанные празднества и балы, театръ, балетъ и концерты, подъ управленіемъ знаменитаго артиста Сарти,—роскошь невиданная доселѣ....

Императрица стала равнодушна къ своему старому фавориту, вся привязанность ея перешла на молодаго Валеріана Зубова; но она позволяла все таки Потемкину черпать а discretion изъ казначейства; и князь, разочарованный, предчувствуя свое паденіе, видя свое вліяніе пошатнувшимся, не жалѣлъ казны, желая забыться въ безумной роскоши.

Натурально, madame Витте померкала въ этой плеядѣ звѣздъ первой величины, но держалась «за новую клямку» крѣпко, предчувствуя, что на ея сторонѣ скоро будетъ побѣда. Мужъ не умѣлъ внушить ей привязанности къ падающей Польшѣ, да и самъ ее не любилъ, если, тоскуя по Софѣ, въ августѣ 1789 года полетѣлъ за ней подъ Очаковъ, не спросивъ на это разрѣшенія у своего начальства. За такое самовольство онъ былъ отставленъ отъ должности каменецкаго коменданта, но, должно бытъ, не очень сожалѣлъ объ этомъ и остался при русской арміи. Благодаря вліянію жены, онъ добился у Потемкина того, что тотъ создалъ для него должность коменданта въ Херсонѣ, съ жалованьемъ въ 6,000 р. с., куда онъ и отправился въ началѣ 1791-го года. Пробывъ на этой должности до 1797 года, Витте уже генераль-лейтенантомъ вернулся въ Подолію и поселился въ имѣніи, которое получилъ отъ Потоцкаго за проданную жену.

Сближеніе прекрасной Софіи съ Щенскимъ началось въ Яссахъ, куда недовольные королемъ заглядывали часто, ведя переговоры съ Потемкинымъ, а потомъ съ Безбородко. У насъ въ рукахъ почти доказательство того, что m-me Витте выступила здѣсь въ роли политическаго агента, кокетствомъ склоняя колеблющагося Потоцкаго принять предложенія «сѣверной союзницы». На человѣка съ небольшимъ умомъ слишкомъ много было разставлено здѣсь сѣтей;

прежде всего щекотали спѣсь, поддерживали олигархическія убѣжденія, а тутъ еще самая красивая женщина, ангель или сатана во плоти, вѣшается ему на шею, нашептывая сладкія слова любви, и съ свойственной восточнымъ націямъ образностью рисуеъ ему будущее счастье его отечества, а его самого въ этомъ отечествѣ—первымъ гражданиномъ, можетъ быть королемъ, котораго благословятъ подданные. Была это идиллія на изнанку, если можно такъ такъ выразиться. Какъ во Франціи придворные играли въ Аркадію и чувствительныхъ пастушковъ, не предвидя кровавого зарева революціи и воздвигнутой ею гильотины, такъ въ то же время и надменный польскій шляхтичъ старался принаровить эти буколическія затѣи къ своимъ убѣжденіямъ, залегшимъ въ его узкомъ умѣ; онъ жаждалъ Аркадіи, но такой, чтобъ она лежала у его ногъ и чтобъ настоящіе пистушки играли на флейтахъ на мотивы его тщеславія. Потоцкій долженъ былъ пасть. Эту печальную страницу исторіи расскажем въ нѣсколькихъ словахъ: задыхаешься, читая эти выцвѣтшіе документы; хотя они и доказываютъ больше глупости, нежели подлости, все же въ сердцѣ мимо воли закипаетъ негодованіе къ виновникамъ катастрофы. Мы воспитаны еще подъ вліяніемъ могущественной традиціи; мы съ молокомъ матери всосали убѣжденіе въ измѣнничествѣ тарговицкой «троицы»; пѣли намъ объ этомъ надъ колыбелью пѣсенки, поражавшія дѣтское воображеніе, а народъ въ полѣ проклиналъ въ тоскливой пѣснѣ «воеводскаго сына».

Внуки тарговичанъ кончили скверно, и свидѣтели ихъ смерти шептали намъ устрашающую сентенцію: «даромъ пропадетъ за вину дѣда, тарговичанина». И въ общественномъ мнѣніи конфедерация—преступленіе, за которое не достаетъ уже наказанія въ уголовномъ кодексѣ. Тульчинецкія богатства уменьшались, таяли изъ за Тарговицы; линія тульчинецкая, имѣвшая во главѣ гетмановъ, захудала страшно—за Тарговицу. Громъ за громомъ ударялъ въ это гнѣздо орловъ, лившихъ свою цѣнную кровь за отечество, богъ мщенія низвергалъ во адъ гордыхъ, а потому падшихъ ангеловъ. То были впечатлѣнія первыя—отроческія; потомъ юноша, читая «Библію Тарговицкую» и Колонтая «Объ упадкѣ конституціи 3-го мая», укрѣплялся въ увѣренности въ преступленіи. Въ настоящее время, когда новые матеріалы выхо-

дять изъ подъ спуда, при чтеніи этихъ полинявшихъ документовъ конца XVIII-го вѣка, отрывочно, но ярко, искренно, безъ обмана рисующихъ эпоху, закрадывается невольное сомнѣніе; изстари вкоренившееся убѣжденіе «объ измѣнѣ магнатовъ» исчезаетъ; выступаютъ обстоятельства смягчающія, уменьшающія мѣру преступленія. Тяжесть его падаетъ не на трое плечей, а на большинство народа; троица же—это козлы отпущенія... Таково наше нынѣшнее убѣжденіе о конфедерации. Но у насъ нѣтъ силы обставить его подробнѣйшими доказательствами, потому что хладнокровіе безпристрастнаго рассказчика насъ оставляетъ, традиція беретъ перевѣсъ, мысль путается по слѣдамъ молвы и партіозныхъ мнѣній. Закроемъ нашъ портфель, повторяя, можетъ быть, сотый разъ, что еще не пора говорить о тѣхъ временахъ.

Возвращаясь къ разсказу, прибавимъ, что Потоцкій сошелся окончательно съ Софіей въ Яссахъ. По началу мужъ удовлетворялся скромнымъ вознагражденіемъ; но чтобы и это не имѣло ясныхъ признаковъ продажи, сохранилъ наружное приличіе: взялъ будто на себя доставку пшеницы въ Молдавію для русскихъ войскъ отъ 15 до 30 т. корцевъ. Деньги ему заплатилъ Потемкинъ. Пшеница совсѣмъ не была доставлена, Потоцкій же черезъ нѣсколько лѣтъ заплатилъ казначейству все, что взялъ Витте.

Прекрасная Софія, подъ знаменемъ тарговицкимъ и покровительствомъ Россіи, вѣзжала съ своимъ возлюбленнымъ въ Польшу въ маѣ 1792 года, но тайно; въ обществѣ не показывалась, скрывалась въ Тульчинѣ, гдѣ пребывалъ маршалъ конфедерации съ своимъ штабомъ, хотя всѣ уже знали объ ихъ отношеніяхъ, даже жена маршала Юзефина Потоцкая, жившая тогда въ Петербургѣ.

Первый разъ ловкая гречанка открыто является въ обществѣ могущественнаго Потоцкаго въ Гроднѣ. По окончаніи конфедерации она выѣзжаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Россію въ мартѣ 1793-го года. Ужасное было тогда положеніе маршала конфедерации: отечество гибнетъ; въ сердцѣ предчувствіе проклятій, въ глазахъ зрѣлища руинъ вмѣсто фантастическаго грандіознаго зданія золотой старо-шляхетской вольности. И, еслибы не любовь къ Софіи, можетъ быть, въ другой разъ онъ поднялъ бы на себя руки. Но дома его ожидала улыбающаяся, тоскующая, прекрасная, какъ ангелъ, любовница, чувствовавшая уже себя матерью, шептавшая ему, что

онъ долженъ жить для нея! Бѣдный маршалъ, всегда игравшій въ идиллію, но теперь уже дѣйствительную, а не шляхетскую, повѣрилъ любви Софіи, забывъ, что красивая гречанка въ лагеряхъ Салтыкова и Потемкина вступила на путь супружеской невѣрности. Поэтому сейчасъ онъ входитъ въ условія съ женой, заключаетъ съ нею такъ называемую «комплианцію», которую императрица Екатерина утвердила 23-го мая 1793 года. Состоитъ она изъ девятнадцати пунктовъ. Содержаніе ихъ такое: Потоцкій, больной неизлечимой болѣзью, выѣзжаетъ за границу, все имѣніе отдаетъ своей женѣ, передаетъ ей опеку надъ дѣтьми, жена же обязывается выплачивать ему ежегодно 50 т. голанд. черв. въ два срока (1-го іюля и 2 января), а послѣ его смерти ту же сумму обязана давать въ продолженіи двухъ лѣтъ тому лицу, которое укажетъ Потоцкій.

Покончивъ такимъ образомъ съ своими дѣлами, Потоцкій въ обществѣ м-ше Витте и нѣсколькихъ своихъ придворныхъ, между которыми были: бригадиръ Рудницкій, адъютантъ Метцель, камердинеръ Бистецкій и парикмахеръ Дудзинскій, переименованный въ казначея, двинулся въ Гамбургъ, съ намѣреніемъ никогда больше не возвращаться на родину.

Жена его, Маріанна Юзефина Потоцкая влѣхала на Украину. Отмѣчаемъ здѣсь еще одинъ фактъ, очень любопытный. Софія Витте «за непристойную жизнь была обжалована Юзефиной изъ Мнишковъ Потоцкой предъ императрицей. Императрица именнымъ указомъ осудила ее на заключеніе въ монастырь», но та своевременно успѣла улизнуть за границу. Щенскій не ставилъ женѣ въ укоръ этого ея поступка; онъ умѣлъ прощать ей не разъ предъ тѣмъ, а теперь самъ столько-же нуждался въ прощеніи.

II.

Влюбленная пара поселилась въ Гамбургѣ. Не очень весело провела тамъ Софія два съ половиною года вмѣстѣ съ Щенскимъ, въ обществѣ его придворныхъ,

Послѣ блестящихъ баловъ подъ Очаковымъ, послѣ безумныхъ оргій въ Гроднѣ, пребываніе въ нѣмецкомъ городѣ, хотя - бы и въ такомъ торговомъ, какъ Гамбургъ, можно было сравнить только съ монастырской жизнью. Прибавьте къ этому пасмурное по природѣ настроеніе маршала и сумасшествіе бригадира Рудницкаго, кото-

рый, тоже входя въ составъ свиты, считалъ себя духомъ изъ другаго міра, а на пребываніе на землѣ смотрѣлъ, какъ на изгнаніе, какъ на адъ и наказаніе за отступничество отъ своего знамени.

Потоцкій также сгибался подъ тяжестью обвиненій. Родина вновь раздѣлена; затѣмъ революція Костюшки съ кровавымъ эпизодомъ народнаго движенія въ Варшавѣ, съ тѣми висѣлицами, на которыхъ возлѣ Коссаковскаго, Ожаровскаго, Забѣловъ, Четвергинскаго, Боскампа были повѣшены родственники и его пріятелей, потомъ паденіе Рѣчи - Посполитой и собственное разореніе. Соберите все это, и вы будете имѣть понятіе о жизни этихъ добровольныхъ изгнанниковъ на чужбинѣ.

Гречанка не могла противиться ударамъ, направленнымъ на судно, править которое взялъ на себя ея возлюбленный. Часто потомъ повторяла она, что смѣло можетъ грѣшить, такъ какъ въ Гамбургѣ за всѣ будущія прегрѣшенія она принесла покаяніе съ излишкомъ.

Одиночество тутъ чувствовалось полное.

Потоцкій силился всѣми способами выйти изъ этого положенія, запрашивалъ къ себѣ путешествующихъ русскихъ и соотечественниковъ, но и тѣ, и другіе избѣгали непріятной встрѣчи, а потому онъ рѣшился войти въ сношенія съ гражданами Гамбурга, сдѣлалъ «славетнымъ райцамъ» визиты и, пользуясь первымъ торжественнымъ днемъ, запросилъ ихъ къ себѣ на пышный балъ.

Въ назначенный день никто изъ мѣстныхъ сановниковъ не явился. Это униженіе въ высшей степени оскорбило могущественнаго владѣльца Тульчина.

А тутъ бѣда стала заглядывать въ глаза, денегъ изъ имѣнія не высылали, надо было продавать излишки, цѣнные фамильные вещи шли жидамъ въ залогъ, на письма въ имѣніе не получалъ отвѣта.

Печальное положеніе, не правда ли?

Чтобы надлежащимъ образомъ понять его, надо вернуться назадъ. Мы знаемъ, что Щенсный, оставляя Петербургъ, заключилъ «комплианацію», по которой жена обязана была выплачивать ему ежегодно 50 т. червонцевъ; за то цѣлое имущество переходило къ ней и ея дѣтямъ. По утвержденіи императрицей Екатериной

этого договора, Юзефина Потоцкая сейчас же уѣхала въ Тульчинъ для принятія имѣнія въ управленіе и приведенія дѣлъ въ порядокъ. Именно къ этому времени относятся имѣющіяся у насъ до дюжины ея писемъ въ Гамбургъ, которыя подробно рисуютъ печальное положеніе края. Считаемъ необходимымъ извлечь изъ нихъ въ дополненіе нѣсколько подробностей.

Пройдемъ молчаніемъ отношенія супруговъ, хотя удивляться надо тому достоинству и деликатности, съ какой Юзефина отнеслась къ отъѣзду мужа и къ поздней его страсти. Помимо воли приходится повѣрить въ искренность двустушія, сложеннаго въ ея честь и очень тогда популярнаго въ Польшѣ:

Твое мѣсто въ брачныхъ узахъ другая заступила,
Но ее свѣтъ презираетъ, а твоя память намъ мила.

Но пойдёмъ дальше.

Не забывайте, что дѣло происходитъ между вторымъ и третьимъ раздѣломъ Польши. Громадныя имѣнія Потоцкаго остались за кордономъ, т. е. въ той части земли, которая была присоединена къ Россіи, между тѣмъ всѣ имущественные интересы этихъ провинцій улаживались въ Дубнѣ, на Волини, принадлежавшей еще урѣзанной недавно Рѣчи Посполитой. Большое было это затрудненіе, потому что дубенскіе контракты составляли главный рынокъ, а капиталисты не хотѣли заключать никакихъ сдѣлокъ (1793, 1794, 1795 гг.), не будучи увѣрены въ будущемъ.

Потоцкій владѣлъ тремя милліонами морговъ¹⁾ пахатной и степной земли, но главный доходъ имѣнія составляла продажа водки. Новое правительство обложило ее податью, на которую тульчинское имѣніе теряло 30 т. ежегодно, а такъ какъ на имѣніяхъ тяготѣли долги (восемь милліоновъ) и касса тульчинецкая не въ состояніи была выплачивать проценты, то поднялся большой ропотъ между кредиторами, пожелавшими возвращенія долговъ.

Потоцкая, незнакомая съ дѣлами, очутилась сначала въ очень непріятномъ положеніи и потому писала обо всемъ мужу. Маршалъ сталъ сейчасъ искать займа, обратился въ Амстердамъ, прося сто тысячъ червонцевъ подъ залогъ всего имѣнія; но банкиры ему отказали. Потоцкіе, видно, пользовались уже плохимъ кредитомъ на

¹⁾ Моргъ=1317 квад. саж.—Примѣч. перев.

заграничныхъ биржахъ: фирма Прота пошатнулась тогда, и многіе потеряли. Винцентій Потоцкій, жившій въ Немировѣ, задолжалъ 787 т. голандскихъ червонцевъ и не въ состояніи былъ выплатить ихъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что Щенный не нашель кредита у капиталистовъ. Желая наконецъ быть аккуратнымъ, онъ задумалъ продать все имѣніе за 300 тысячъ червонцевъ, но купца не нашель. Посудите сами, моргъ украинской земли предлагали купить по «два злотыхъ польскихъ», и охотниковъ не нашлось. Трудно это понять, особенно теперь, когда за аренду этого морга платимъ 30 и 40 злотыхъ польскихъ въ годъ. И однакожь я тутъ ничего не прибавлю; всѣ данныя для разсказа я черпаю изъ многихъ и достовѣрныхъ записокъ и корреспонденцій.

Потоцкая, въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ, опустила руки, забрала фамилные брильянты и серебро, полученное въ приданое, выѣхала въ Петербургъ, приобрѣла тамъ красивый домъ и стала въ немъ жить. Не имѣя доходовъ, она не могла ими дѣлиться съ мужемъ; а этотъ послѣдній тратился изо дня въ день, проживая послѣднее.

За то господа комиссары имѣній, подстаросты, стали потомъ магнатами, и теперь не одиныхъ внуковъ разбогатѣвшаго такимъ образомъ офиціалиста даже не хочеть догадаться, что дѣдушка тихонько пользовался изъ кассы Потоцкаго.

Не смотря на бѣду и недостатки, навѣрно Щенный не вернулся бы на родину, еслибъ не Іосифъ Внтге, законный супругъ его возлюбленной Софіи, въ то время уже носившій титулъ «графа». Наскучило ему комендантство на херсонскихъ степяхъ; онъ хотѣлъ еще пожить въ свое удовольствіе, да денегъ не хватало. У этого стараго вертопраха все было для продажи; все продавалъ онъ очень выгодно и, не смотря на то, его карманъ всегда былъ дырявый. Такъ и теперь нѣсколько десятковъ разъ онъ напоминалъ Потоцкому, но, не получая отвѣта, послалъ ему грозный ультиматумъ, потребовавъ жену, на что конечно имѣлъ право.

Прелестная Софія задрожала; предъ ея глазами стоялъ грозный мужъ, съ точки зрѣнія турка смотрящій на жену, плачемъ и лаской заставила она возлюбленнаго вернуться.

Онъ привезъ гречанку во Львовъ, а самъ отправился на Украину. Львовъ однако не пришелся по вкусу эксъ-комендантшѣ.

Тамъ жила тогда родственница маршала, Екатерина Коссаковская, урожденная Потоцкая, извѣстная кастелянша каменецкая; она не любила Щенскаго, не могла поэтому ласково относиться и къ его подружѣ. Надменная вдова сурово смотрѣла на ихъ отношенія, не освященныя таинствомъ, и ея жизнь была доказательствомъ ея убѣжденій.

Сраженная этой первой своей неудачей, Софія начала хлопотать о разводѣ съ мужемъ. Архіепископъ львовскій отказалъ ей; въ Люблинѣ постигла ее также неудача. Одинъ изъ адвокатовъ предложилъ ей обратиться къ «судамъ шляхетскимъ»; тѣ дѣйствительно согласились признать разводъ, но только на извѣстныхъ условіяхъ, а именно: primo, если жена дастъ присягу, что принуждена была вступить въ бракъ; secundo, если мужъ въ продолженіи шестнадцати дней противъ этого протестовать не будетъ. Снабженная такимъ документомъ, прекрасная сепаратка, считавшая уже себя таковой, пріѣхала въ Каменецъ. Здѣсь она нашла столько напоминавшаго ея прошлое, нашла и хорошаго знакомаго, летичевского бискуца Сѣраковскаго, тарговицкаго совѣтника, назначавшагося когда-то ея посланникомъ въ апостольскую столицу, словомъ пріятеля дома Потоцкихъ. Къ нему-то поспѣшила Софія съ своимъ дѣломъ. Натурально, прелать размѣялся ей въ глаза и посовѣтовалъ примириться съ Витте. Онъ увѣренъ былъ, что они скоро и легко поладятъ другъ съ другомъ.

Испуганная гречанка поспѣшила въ Умань.

Щенсный тѣмъ временемъ старался уничтожить фатальное для него условіе, извѣстное подъ именемъ «комплианціи», и уговорить жену къ разводу.

Во дворцѣ Пилявитовъ жилъ въ то время генераль-фельдмаршалъ Суворовъ, предводитель войскъ, расположенныхъ въ южныхъ губерніяхъ. Взялъ онъ на себя роль посредника и миротворца между супругами. Генераль насколько былъ отважнымъ воиномъ, на столько плохимъ дипломатомъ. Желая помирить стороны, онъ еще больше поссорилъ ихъ. Напросился онъ къ Потоцкимъ на обѣдъ. Супруги конечно были очень рады; сѣли къ обѣду вмѣстѣ съ своимъ медиаторомъ. Сначала рѣчь шла о вещахъ постороннихъ, но въ концѣ фельдмаршалъ ребромъ поставилъ вопросъ о разводѣ.

Юзефина молчала; Щенный легко протестовалъ, а генераль все больше и больше входилъ въ свою роль.

— Ну, эта ваша Витиха! воскликнулъ онъ: я проучилъ бы ее! Вотъ что сдѣлала съ человѣкомъ!—и прибавилъ, указывая на маршала: потерялъ зубы отъ большой любви, состарѣлся, пожелтѣлъ! Отошлите вы Витиху мужу въ степи, а сами возвращайтесь сюда, потому что любовь—это глупость, когда есть одинадцать душъ дѣтей и уже такихъ взрослыхъ.

Потоцкій сидѣлъ, какъ на иголкахъ, наконецъ не могъ вынести колкостей, закрылъ лице платкомъ, показывая видъ, что пошла кровь носомъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Умань.

Между тѣмъ дѣло прекрасной Софіи окончательно было выиграно, хотя она очень боялась этого свиданія въ Тульчинѣ. Щенный возвратился съ рѣшительнымъ намѣреніемъ окончательно порвать связи съ женой. Послѣдняя сейчасъ опять вернулась въ Петербургъ, но не хотѣла согласиться ни на уничтоженіе «комплиаціи», ни на разводъ.

Легче дѣло пошло съ Витте, потому что тутъ деньги могли все сдѣлать, и медиаторъ нашелся ловкій и хитрый—Антоній Новина Злотницкій, другъ дома, вскормленный хлѣбомъ Потоцкихъ, и теперь хоть генераль-комендантъ Каменца и украшенный орденами, но все таки въ имущественномъ отношеніи бѣднякъ, а потому заискивающей у тульчинскаго «королька».

Пригласилъ онъ Витте изъ Херсона въ Ободовку, село подъ Уманью, которую держалъ въ «бесплатной арендѣ»; сюда пріѣхала и Софія, и ея хмурый обожатель. «Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пишетъ въ своемъ реманифестѣ Новина Злотницкій, шли торги съ большими заботами для меня и неприятностями отъ Витте. Наконецъ, хотя Потоцкій и поручилъ мнѣ предложить ему два милліона, которые онъ ему уже давалъ три года тому назадъ; но я всевозможными способами уговорилъ Витте получить 500 т. польскихъ злотыхъ, нѣсколько тысячъ корцевъ пшеницы и ту сумму, которую прежде подарилъ madame Витте». Въ дѣйствительности было это нѣсколько иначе.

Витте старался на сколько возможно выгодно продать «продуктъ», купленный двадцать лѣтъ назадъ за сравнительно дешевую цѣну (самъ онъ заплатилъ Боскампу за прекрасную Софію

лишь тысячу червонныхъ золотыхъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшили поскорѣе покончить продажу, такъ какъ этотъ продуктъ въ образѣ красивой женщины начиналъ уже старѣться. Софіи тогда уже считали тридцать лѣтъ. а это не мало для женщины, родившейся на востокѣ.

Торговались крѣпко. Потоцкій ничего не хотѣлъ прибавить. Витте не уступалъ, а предметъ торгова совсѣмъ этимъ не оскорблялся, наоборотъ: льстили этой женщинѣ и цѣна, и купецъ. Не забывайте, что она воспитывалась почти на порогѣ гарема и что первыя впечатлѣнія вынесла оттуда.

Послѣ долгихъ споровъ супруги пришли къ соглашенію. Любопытный этотъ договоръ такъ начинается.

«Графъ де Витте, генераль-поручикъ войска ея императорскаго величества, кавалеръ ордена св. Станислава, съ одной стороны, и Софья графиня де Витте съ другой, въ силу основанныхъ на каноническихъ правилахъ и другихъ важныхъ обстоятельствахъ трехъ декретовъ бракоразводнаго львовскаго суда отъ 17-го ноября 1795 г., 19 января и 26 янв. 1796 г., признають справедливыми и ненарушимыми слѣдующія условія, заключенныя между ними по добровольному соглашенію» и т. д.

Суть этихъ условій слѣдующая.

Жена уступаетъ мужу права на Бѣлорусскія имѣнія и 150 т. золотыхъ, дарованныхъ ей Потоцкимъ по векселю: кромѣ этого, даетъ ему еще 400 т. золотыхъ на покупку Грушевскаго ключа, который принадлежитъ Потоцкому въ Ушицкомъ уѣздѣ. Имѣніе это должно быть куплено на имя сына, но отецъ имѣеть на него права пожизненнаго владѣнія. Потоцкій квитиуетъ всѣ долги Витте, въ томъ числѣ и долгъ за недоставленную въ Яссы пшеницу, суммою до 450 т. золотыхъ; наконецъ Потоцкій обязывается воспитывать сына графа Ивана Витте, въ то время пятнадцатилѣтняго мальчика. Согласитесь, что тутъ больше двухъ милліоновъ. Ниже мы увидимъ, что старый развратникъ не остановился на этомъ.

Условія подписаны 18 февраля 1796 г. Витте такъ радъ былъ удачной сдѣлкѣ, что, побуждаемый чувствомъ благодарности, купилъ у Злотницкаго Демшинъ, село подъ Каменцемъ, прилегающее къ Грушевскому ключу, заплативъ за него довольно щедро—150 т. Злотницкій въ свою очередь отправился въ Петербургъ и, послѣ долгихъ трудовъ, уничтожилъ «комплианцію», но только уже по смерти

Екатерины, которая защищала Юзефину. Ему однако не удалось принудить ее къ разводу, и только скоропостижная смерть Юзефины въ началѣ 1798 г. положила конецъ распрѣ.

Любовники были обвѣнчаны 17-го апрѣля того же года. Бракъ совершенъ тихо, почти безъ свидѣтелей, въ церкви на предмѣстьи Тульчина (Нестерваркѣ). Вѣнчалъ мѣстный пріоръ доминиканъ по латинскому обряду.

Епископъ Сѣраковскій предлагалъ свои услуги и хотѣлъ пріѣхать въ Тульчинъ на бракъ, но Щенскій ловко отклонилъ предложеніе. Не приходилось какъ-то такъ скоро послѣ смерти второй жены праздновать свадьбу торжественно и шумно; оставшіеся послѣ нея дѣти все же были и его дѣти.

Новожены стали играть въ идиллію, съ той только разницей, что маршалъ принялъ ее въ серъезъ, а жена его приступила къ этой комедіи съ извѣстнымъ легкомысліемъ.

Потоцкіе поселились въ Умани. Здѣсь-то Щенскій развелъ садъ, который въ память возлюбленной третьей своей жены Софіи назвалъ «Софіевкой». Съ лихорадочной поспѣшностью старался онъ кончить его. Метцель, извѣстный артиллеристъ и отчасти инженеръ, нѣкогда адъютантъ маршала и товарищъ его по путешествію въ Гамбургъ, распоряжался работами. Денегъ не жалѣли. Игрушка эта, возбуждая увивленіе посѣтителей и до сихъ поръ, стоила восемь милліоновъ. Развѣ это не идиллія?—только въ большихъ размѣрахъ, какъ все, что ни дѣлалъ Потоцкій.... Если дарилъ онъ Рѣчи Посполитой, то цѣлый полкъ съ значительнымъ запасомъ пушекъ; если устраивалъ конфедерацію, то Тарговицкую; если заводилъ садъ, то Софіевку!

Но въ этомъ громадномъ саду пастушеская простота, хотя дорогой цѣной купленная, прежде всего. Здѣсь луга, рощи, скалы, ручьи, а среди этой красоты три разбитые обелиска:

. ukochane cienie

Wam na cześć: Konstantemu, Mikule, Helenie,

Bez względu na małżeństwo zamknął los do tru p. i. y.
Wielkie domu nadzieje i przyszłe kolumny¹⁾.

Однимъ словомъ,—это были памятники троихъ дѣтей Потоцкаго отъ Софіи, умершихъ въ младенчествѣ.

На берегу тихаго ручья поставленъ бюстъ Трембецкаго, возлѣ котораго Щенскій Потоцкій на красной мраморной доскѣ написалъ слѣдующее осмысленное, единственное его поэтическое созданіе, извѣстное публикѣ:

Płyn, strumyku, cichym biegiem,
Te na zawsze rzucaj cienie,
Z kwiecistym się żegnaj brzegiem,
Dzikie skrapiać spiesz kamienie.
Tak szczęśliwy dzień uchodzi,
Choć zbyt rzadki dla człowieka,
Ledwie się go ujrzeć godzi,
Tylko błysnie i ucieka²⁾.

Нашелся наконецъ и пѣвецъ, который воспѣлъ чудаеса этой Софіевки. Коснулся онъ всего: перечель заслуги семейства, о теперешнемъ устройствѣ этого чудеснаго уголка выразился дипломатически, отдѣлываясь двустилишемъ:

A co czynił dla kraju, co dla swoich ziomeków,
Na osobnej to karcie damy dla potomków³⁾.

¹⁾ Милыя тѣни, вамъ на честь: Константину, Николаю и Еленѣ. Безпощадно для родителей заключила судьба во гробъ семья великія надежды и въ будущемъ ожиданья.

²⁾ Въ теченьи тихомъ пльви, мой ручеекъ,
Бросай на вѣкъ тѣ тѣни,
Съ цвѣтистымъ берегомъ прощайся
И дикіе спѣши кропить каменья.
Такъ счастья день для насъ проходить:
Опъ рѣдкій гость для человѣка,
И чуть узрѣтъ его удастся,
Какъ онъ мелькнетъ и въ мигъ уходитъ.

³⁾ А что дѣлалъ онъ для края, для своихъ единосѣмьковъ,
Мы особо о томъ скажемъ для потомковъ.

Но обѣщаніемъ и ограничился: не хватило у него смѣлости тогда, послѣ погрома, выступить съ масляной вѣтвью мира, со словомъ примиренія, а можетъ—и прощенія. За то о Софіи распространялся широко. Прежде, двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда Софія проѣзжала, какъ генеральша Витте черезъ Варшаву за границу, вызывая своей красотой всеобщій крикъ удивленія, тотъ-же придворный пѣвецъ почтилъ ее стихомъ удивленія не безъ примѣси ироніи:

Sliczna Zofio, twoje nawiedziny
 Wiodą mi na myśl obaloną Troję,
 Z podobnej ona zginęła przyczyny,
 Jakżę się słusznie o Kamieniec boję¹⁾.

Теперь, когда та же Софія стала Потоцкой, а королевскій пѣвецъ перешелъ на содержаніе тульчинскаго владѣльца, онъ нѣсколько иначе выразилъ свой восторгъ:

. To miejsce, Zofio, więcej sdbisz sama,
 Podobniejsza niebiankom Adama.
 Ciebie tu spuścił Olimp, chcąc trudy nadgrodić
 I chcąc takiego męża ważne troski słodzić.
 Godne są w jego domu wiek utwierdzać złoty
 Twe wdzięki, twe piękności, twe łagodne cnoty,
 A póki między rodem ludzkim raczysz gościć,
 Poł świata cześć cię będzie, drugie poł zazdrościć²⁾.

Маршалъ принималъ это за чистую монету. Онъ щедро награждалъ Трембецкаго, давъ ему за поэму, въ которой восхвалялась Софіевка и добродѣтели его жены, двѣ тысячи червонныхъ золотыхъ! Никогда самый гениальный поэтъ не получалъ такого гонорара!

¹⁾ Твои посѣщенія, прелестная Софія, приводятъ мнѣ на мысль осажденную Трою. Отъ подобной причины она погибла,—какъ же мнѣ серьезно не бояться за Каменецъ?

²⁾ Это мѣсто, Софія, сама ты больше украшаешь, подобясь небожителямъ Адама. Тебя Олимпъ сюда спустилъ, чтобы награждать труды мужа и улаживать его великія скорби. Твои чары, твои прелести, твои высокія качества способны въ его домѣ золотой вѣкъ утвердить. И пока въ родѣ людскомъ гостишь будешь, всегда половина свѣта будетъ поклоняться, а другая завидовать тебѣ.

Какой-то досужій высчиталь, что камергеръ получилъ за каждый стихъ по четыре червонца. Все произведеніе состояло изъ пяти-сотъ стиховъ; впрочемъ не было у насъ терпѣнія провѣрить счетъ.

Графъ де Лагардъ перевелъ на французскій языкъ «Софіевку», а въ прибавленіи написалъ удивительную исторію самой Софіи, подъ заглавіемъ: «Прекрасная фанаріотка», въ которой Каменецъ сравнилъ съ Троей, а Софію съ Еленой. Должно быть, его наградили еще щедрѣе, чѣмъ камергера. А почтенная наша литература съ вѣрой приняла эту сказку. Dziennik domowy, выходившій въ Познани, повторилъ ее на своихъ страницахъ.

Забавлялись, какъ видимъ, въ Умани, потому что дѣйствительность была печальна.

Щенскій изъ семи дочерей, оставшихся послѣ Мнишковой, пять выдалъ замужъ, а двѣ остались дома; сыновья учились въ Петербургѣ. Кругомъ держали аренды ех-тарговичане и друзья: Гулевичъ, Мощинскій, Злотницкій, Томашевскій и скромный Рудницкій, у котораго помѣшателство перешло въ тихую меланхолію. Иногда заглядывалъ сюда старикъ гетманъ Браницкій, нѣсколько генераловъ изъ Августовской эпохи, кое-кто изъ русскихъ властей, даже окрестная шляхта.

Жизнь, слѣдовательно, тянулась сносно, относительно даже весело, еслибъ не новое несчастье, которое было слѣдствіемъ легкомысленныхъ и непостоянныхъ наклонностей супруги.

Старшему сыну маршала, Юрію Щенскому, любимцу отца было тогда 22 года. Это былъ красивый мужчина, необузданный, избалованный матерью, съ шаткими убѣжденіями; да и неудивительно: екс-піаръ Тросколавскій, самъ не высокой нравственности чело-вѣкъ, воспитывалъ его съ самаго дѣтства и конечно не могъ вкоренить ихъ въ немъ. И вотъ этотъ любимецъ родителей, ставши камеръ-юнкеромъ при царскомъ дворѣ, поселился въ Петербургѣ. Началь онъ при дворѣ пошлавать: карты, женщины и мотовство стали единственной цѣлью его жизни; а гулялъ онъ такъ шумно, съ такимъ увлеченіемъ, что этимъ обратилъ на себя вниманіе императора Павла. Узнавъ, что паничъ въ теченіи года сдѣлалъ на два миліона золотыхъ долговъ, царь такъ разсердился, что сейчасъ же

выслалъ съ фельдъегеремъ мота-сына къ отцу подъ опеку. Это случилось въ 1799 г.

Маршаль заплатилъ безъ жалобы долги сына, которыхъ было, должно быть, больше указанной сейчасъ цифры, потому что новые кредиторы безпрестанно посылали свои жалобы въ Тульчинь чрезъ мѣстныхъ генераль-губернаторовъ. Не поражало это Щенснаго нисколько: наоборотъ, желая представить новое доказательство своей привязанности къ расточителю, онъ купилъ на его имя, кромѣ выдѣленной части, Немировское имѣніе (у Винцентія Потоцкаго), въ которомъ считалось 10 тыс. душъ; затѣмъ подарилъ ему Могилевскій ключъ съ прилегающими селами, въ 6 тыс. душъ.

Но молодой вѣтренникъ скучалъ послѣ столичной жизни; уманскій дворецъ казался ему тюрьмою. Одно оставалось ему: по примѣру всѣхъ окружающихъ его, играть въ идиллію; и онъ началъ эту игру, избравъ предметомъ пастушеской любви тридцатипятилѣтнюю мачиху.

Сначала отецъ легкомысленно относился къ этимъ заигрываніямъ, потому что, подозрительный ко всѣмъ вообще, вѣрилъ безусловно, до идолопоклонства, женѣ.

Можетъ быть причиною этого была спѣсь? Онъ, истинное короляtko польское, поднявшій бѣдную невольницу изъ уличной пыли до такого высокаго положенія, могъ ли допустить, что она, ставши его женой, подумаетъ объ измѣнѣ? А между тѣмъ здѣсь повторилась очень обыкновенная въ жизни исторія. Всѣ уже давно догадывались о сближеніи пасынка съ мачихой, только онъ одинъ ничего не зналъ. Можетъ быть, неудачи внѣ дома сдѣлали Потоцкаго слѣпымъ для всего того, что дѣлалось вокругъ него.

А между тѣмъ въ это время его alter ego во всѣхъ его политическихъ дѣяніяхъ, Антоній Злотницкій, разсерженный за отказъ ему въ арендѣ, разоблачалъ съ неизвинительнымъ цинизмомъ, въ манифестахъ и реманифестахъ, старательно переписываемыхъ шляхтой, всѣ тайны, всѣ интриги тульчинскаго магната, изображая его еще болѣе черными красками, чѣмъ тѣ земляне-сосѣди, которые учились исторіи недавняго прошлаго по пѣснямъ и пасквильамъ.

Въ этихъ отвратительныхъ писаніяхъ мелкаго пограничнаго шляхтича, осыпаннаго благодѣяніями семейства Потоцкихъ, вліяніе которыхъ сдѣлало его богатымъ паномъ и значительнымъ чиновни-

комъ, Щенный представляется громадной силой, которая изъ-за родового тщеславія разрушила зданіе Рѣчи-Посполитой и погребла подъ его развалинами независимость и свободу ея сыновъ. Это было слишкомъ тяжелое обвиненіе для человѣка, который самъ признавалъ за собой вину, объясняя ее заблужденіемъ. Но толпа, всегда склонная побить камнями за малѣйшую вину, тѣмъ охотнѣе забрасывала грязью золотой крестъ Пилявитовъ и плевала въ глаза съ ненавистью, презрѣніемъ и проклятіемъ.

Вокругъ гордаго магната все больше и больше росло число непріятелей и во главѣ ихъ онъ видѣлъ своихъ бывшихъ товарищей, со сжатыми кулаками грозящихъ обвиняемому. Должно быть, предполагали они, что злословіе поможетъ имъ обмытъ въ слезахъ обиженныхъ свои собственныя одежды, загрязненныя недавней продажностью. Вѣроятію и Злотницкій придерживался того же мнѣнія, потому что онъ слишкомъ громко кричалъ, чтобъ его слушала темная шляхетская толпа.

Потоцкій на это поруганіе отвѣтилъ съ достоинствомъ—потомъ замолчалъ.

Пока онъ еще жилъ подъ родной кровлей, подъ той великолѣпной кровлей, и доблесть была не чужда дому, въ то время золотая надпись на тульчинскомъ дворцѣ, по крайней мѣрѣ, на половину не была анахронизмомъ; теперь объ этомъ и разговора не было.

У него жена—купленная невольница; не ея то вина, что созданная баядеркой, она заняла мѣсто матери у домашняго очага въ семействѣ самомъ знатномъ въ цѣлой Польшѣ.

Но Потоцкій любилъ, а потому вѣрилъ и былъ слѣпымъ. Поэтому, когда въ жизни общественной встрѣчали его горечь и обманъ, онъ шель къ своей кролевѣ и госпожѣ, чтобы подлѣ нея найти успокоеніе и отраду. Шель и засталъ ее въ объятіяхъ любимѣйшаго сына! Нѣтъ злодѣянія, которое заслуживало бы такого наказанія!

Маршаль окаменѣлъ, онъ заперся между четырехъ стѣнъ. Ревность, гордость, слѣсъ наталкивали его на самые противурѣчивые планы; онъ оттолкнулъ отъ себя жену и сына, какъ нѣкогда оттолкнуло его отъ себя общество.

Въ это время Іосифъ Витте съ цинизмомъ торгаша написалъ письмо къ Потоцкому, донося ему, что знаетъ о «приключеніи», но вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ поправить его старую ошибку, предлагая купить у него другую жену, гораздо моложе прежней и равную по красотѣ; что же касается цѣны, то обѣщаль быть даже болѣе умѣреннымъ.

Не хочется вѣрить всему этому, и однако мы не прибавляемъ ни одного слова лишняго къ тому, что намъ даютъ достовѣрные современные источники.

И въ эту-то тяжелую пору безнадежной печали явился передъ Потоцкимъ человекъ изъ другого совершенно міра.

То былъ Гадеушъ Грабянка, ливскій староста, подолянинъ, мистикъ, основатель и глава Авиньонской секты, теперь ищущій пріюта въ чужихъ домахъ.

И онъ имѣлъ значительное состояніе, но пожертвовалъ имъ для своего ученія; предъ нимъ лежала открытою дорога къ чинамъ и почестямъ, но онъ отрекся отъ нихъ, во имя высшихъ цѣлей; у него была жена любящая, дѣти привязанные, но и ихъ онъ оставилъ для идеи.

Эта идея невѣдомой силой толкала его, со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ были какіе-то таинственные и непонятные для толпы знаки, въ среду чужихъ людей, проникнутыхъ матеріализмомъ. Ничто не смущало его: ни грозная инквизиція, ни облитая кровью гильотина... Онъ всегда оставался самимъ собою, вѣрный убѣжденіямъ, которыя пропагандировалъ.

Такимъ его видѣли въ Авиньонѣ, гдѣ за нимъ ухаживали королевскіе сыновья и принцы крови, такимъ онъ былъ и теперь, отвергнутый всѣми, безъ гроша въ карманѣ, въ скромномъ и потертомъ платьѣ. Въ полныхъ огня глазахъ его выражалась вѣра, въ улыбка спокойствіе и чарующая прелесть, въ манерахъ кротость и мягкость. Такія двѣ противоположности встрѣтились теперь и хотя обѣ шли по ложнымъ дорогамъ, но иллюминатъ Грабянка имѣлъ перевѣсъ надъ Тульчинскимъ магнатомъ, которымъ руководило самолюбіе почти во всю его жизнь. Теперь однако, когда все вокругъ разбито и разломано, онъ схватился, какъ утопающій за соломенку, за новаго пророка. Вѣроятно, онъ сталъ бы мистикомъ, еслибъ наконецъ не смиловалась смерть надъ нимъ, самымъ

богатымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Щенный умиралъ одинокимъ; у ногъ его стоялъ на колѣняхъ всегда вѣрный Бистецкій, старый и испытанный другъ, у изголовья почтенный докторъ Гриколевскій.

Ни сынъ, ни жена не имѣли мужества предстать передъ этимъ застывающимъ лицомъ, носившимъ уже признаки смерти.

Сынъ въ сосѣдней комнатѣ заливался слезами, а жена, скрывая въ складкахъ полога, закрывавшаго кровать ея господина и повелителя, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ его послѣднему дыханію.

Въ испуганныхъ черныхъ горящихъ глазахъ выразалось угрызение совѣсти за вѣроломство; представлялся ей кожаный мѣшокъ, принимала уже дрожь отъ холодной морской воды. Удивительно похожа она была въ это время на гаремную рабыню,

Щенный Потоцкій, маршалъ тарговицкой конфедерациі, генералъ-аншефъ русской арміи, кавалеръ ордена Александра Невского и обоихъ польскихъ, умеръ 15 марта 1805 г.

Великолѣпные похороны устроили ему дѣти.

Третій сынъ покойнаго Ярославъ, двадцатилѣтній въ то время юноша, занялся устройствомъ этой печальной церемоніи. Немного явилось шляхты, чтобы отдать послѣдній долгъ магнату; но за то громадными толпами собрался народъ и несъ на своихъ плечахъ останки своего благодѣтеля.

Положили ихъ въ костелъ доминикановъ въ Тульчинѣ; по этой причинѣ это скромное деревянное зданіе родственники покойнаго снесли и на его мѣстѣ построили великолѣпный каменный монастырь, оконченный 1819 г.

Печальна однакожь была судьба Потоцкаго и по смерти; даже праху его не суждено было узнать покоя. Въ 1833 г. костелъ доминикановъ былъ передѣланъ въ православную церковь, и останки маршала были перенесены въ кладбищенскую каплицу. Зоры забрались туда, выбросили тѣло изъ гроба, сняли съ него богатый мундиръ, ордена и медальонъ съ изображеніемъ Гертруды Комаровской, который пріятели повѣсили ему на шею, потому что онъ объ этомъ просилъ передъ смертью: не разставаясь съ нимъ во всю свою жизнь, онъ и по смерти хотѣлъ имѣть его возлѣ себя.

III.

Не долго длился трауръ въ тульчинскомъ дворцѣ по смерти маршала. Прекрасная вдовушка, тревожившаяся за будущее, теперь вздохнула свободно. Прежде всего она занялась приведеніемъ въ порядокъ имущества; стала понимать стоимость денегъ; хотѣла обезпечить себѣ старость независимую и спокойную. Ей уже стукнуло 40-й годъ, и хотя она была все еще хороша собой, однакожь отлично понимала, что въ очень недалекомъ будущемъ красота ея угаснетъ безвозвратно и что поэтому прежде всего надо позаботиться о матеріальномъ обезпеченіи. И не трудно было это сдѣлать, потому что ея мужъ не оставилъ духовнаго завѣщанія, притомъ она имѣла дѣло съ наслѣдниками, удивительно уступчивыми и равнодушными ко всякимъ денежнымъ расчетамъ: они такъ много наслѣдовали, что больше или меньше получаютъ послѣ отца, все таки останутся богачами въ полномъ значеніи этого слова. Поэтому сейчасъ-же вмѣстѣ съ пасынкомъ она поѣхала въ Петербургъ, чтобы привести дѣла въ порядокъ.

«Тогдашній министръ Сперанскій невѣрно доложилъ императору Александру, что по статуту литовскому вдова, оставшаяся послѣ мужа, у котораго отъ первой жены остались дѣти, должна получить равную часть съ пасынками и своими дѣтьми, и то не пожизненно, а въ вѣчное владѣніе».

«На основаніи такого толкованія закона, Потоцкая получила 8-ю часть имущества, наравнѣ съ четырьмя пасынками и тремя своими сыновьями».

«Позже узналъ императоръ, что былъ обманутъ, и Сперанскій попалъ къ немилости» (прибавимъ отъ себя: совсѣмъ не потому, что онъ сдѣлалъ одолженіе Потоцкой).

«Вышелъ именной указъ, чтобы для другихъ порядокъ наслѣдованія по литовскому статуту былъ сохраненъ; но Потоцкая удержала за собой имѣніе».

Такъ пишетъ Хронцевскій, наилучше знакомый съ мѣстными отношеніями.

Въ концѣ 1805-го вернулись обою, Софія и Юрій, изъ столицы. Съ этого момента началась сумасшедшая жизнь въ Тульчинѣ. Ма-

чиха въ объятіяхъ пасынка была царицей въ толпѣ шулеровъ и сорвиголовъ, стекавшихся сюда чуть-ли не изъ цѣлой Европы. Во главѣ этой толпы былъ извѣстнѣйшій Гадзевичъ (Хадзевичъ—называетъ его Хронщевскій); за нимъ слѣдовалъ князь Адамъ Понинскій, генераль временъ Рѣчи-Посполитой, посоль на Гродненскомъ сеймѣ, стоявшій въ рядахъ оппозиціи, сынъ не блаженной памяти подскарбія, который обыкновенно о себѣ говаривалъ, что, хотя онъ и безъ страха (*sans peur*), но ужъ вовсе не безъ упрека (*sans reproche*). Третьимъ въ этомъ триумвиратѣ былъ Кантонъ, французъ, умѣвшій съ картами продѣлывать всевозможные фокусы. На второмъ планѣ группировались: салонный Валицкій рядомъ съ грубоватымъ Міенчинскимъ и циникомъ Гуровскимъ, сыномъ извѣстнаго вора;—просимъ извиненія за слишкомъ жесткое выраженіе, но мы любимъ называть вещи ихъ собственными именами. Оберпровіантмейстеръ русской арміи Обольяниновъ, квартировавшій въ Тульчинѣ, довѣрялъ измѣнчивой картѣ не мало денегъ, даже старый Трембецкій оставлялъ на зеленомъ столѣ свой эмеритурный пенсіонъ. За нимъ шла цѣлая шеренга мѣстныхъ шулеровъ: играли здѣсь всѣ—посессоры, комиссары, подскарбіи, лакеи, повара, кучера.

Распутный Гадзевичъ, пользовавшійся европейской извѣстностію, какъ плутъ, и проведеншій даже извѣстнаго французскаго министра Фуше, умѣлъ раздуть эту пагубную страсть. Желая идти «на вѣрняка», какъ онъ самъ выражался, т. е. желая на вѣрняка обыграть молодого тульчинскаго владѣльиа, онъ не нашелъ лучшаго средства для этого, какъ развратить всѣхъ его окружающихъ.

Въ одну почти минуту нѣсколько милліоновъ перешло въ руки счастливыхъ или пронырливыхъ.

Потоцкій передалъ управленіе имѣніемъ подчиненнымъ, самъ же цѣлые дни и ночи проводилъ за «фараономъ»; забылъ даже о своей страсти къ мачихѣ. При бѣшеной и поджигаемой страсти къ выигрышу пламенная любовь къ женщинѣ таяла и гасла. Это былъ первый ударъ для гречанки, столько лѣтъ торжествовавшей. Она увидѣла себя брошенной, а это навело ее на многія мысли, припомнило ей приближающееся время отцвѣта и одинокую осень. И сердце ея сжалось отъ боли, запылало ненавистью къ виновникамъ этого охлажденія.

Съ особеннымъ упрямствомъ она стала греслѣдовать Гадзевича, но нашла въ немъ отважнаго противника! Онъ отбивался на каждомъ шагѣ. Когда однажды, пишетъ Генрихъ Ржевудкій, она упрекала его въ жадности за то, что онъ нахально требовалъ слѣдующія ему деньги отъ ея пасынка, котораго довелъ до раззоренія, постоянно его обыгрывая, онъ ей на это отвѣтилъ:

— Вашъ пасынокъ былъ гораздо болѣе меня жаденъ: то, что я хотѣлъ у него выиграть, не доведеть его до нищеты; а онъ, имѣя отъ предковъ два милліона дохода въ годъ, хотѣлъ взять у меня послѣднихъ триста червонныхъ золотыхъ, потому что, начиная со мною играть, хорошо зналъ, что больше ничего у меня нѣтъ. А впрочемъ мы съ вами должны поддерживать другъ друга, потому что обоихъ насъ привезли на пагубу этого семейства: васъ моремъ, а меня сухимъ путемъ.....

Это былъ намекъ на происхожденіе Софін.

Въ другой разъ она спросила его, когда онъ намѣренъ оставить Тульчинъ.

— Я имѣю большое сходство съ нарывомъ, милая графиня: я прорываюсь лишь тогда, когда достаточно наполнюсь.

Эти мелкія стычки повторялись безпрестанно; въ борьбѣ обѣ стороны не всегда употребляли честныя средства; а страдалъ отъ этихъ ссоръ по преимуществу человѣкъ, котораго не интересовали эти дразги; страдалъ вдвойнѣ, потому что терялъ здоровье и раззорялъ состояніе.

Хронцевскій въ своихъ неоконченныхъ мемуарахъ отчетливо рисуетъ всѣхъ участниковъ этихъ оргій. Когда еще жилъ маршалъ, въ тульчинскомъ дворцѣ почти не употребляли картъ, одинъ только разъ подскарбій Понинскій, толкуя съ нимъ о покупкѣ галицкихъ имѣній, подговорилъ его сыграть въ азартную игру и впродолженіи двухъ часовъ выигралъ у него 30 тысячъ червонцевъ. Щенный тогда-же далъ слово больше двухъ золотыхъ на карту не ставить, и сдержалъ его.

За то въ домахъ «граціалистовъ» и пріятелей дома, которыхъ поселилось въ Тульчинѣ очень много, «фараонъ» процвѣталъ; особенно были извѣстны вечеринки, которые устраивалъ у себя Клембовскій. Весело на нихъ проводили время. Клембовскій пріѣхалъ въ Тульчинъ на возахъ съ вещами Юзефины Потоцкой.

Этотъ широкоплечій и высокій блондинъ былъ дворецкимъ у своей барыни и постояннымъ ея фаворитомъ. Иногда она забывала о немъ; но онъ не оскорблялся этимъ, терпѣливо выжидалъ, былъ готовъ явиться по первому требованію и опять попадалъ въ милость.

Клембовскій научился красиво, т. е. каллиграфически, писать, и потому обязанностью его стало веденіе корреспонденцій. По смерти своей балгодѣтельницы онъ остался въ Тульчинѣ и немногимъ ее пережилъ, въ концѣ 1799 г. умеръ скоропостижно, оставивъ много движимаго имущества, какъ то: серебра, часовъ дорогихъ, красиваго оружія, и забавнѣе всего, въ списокѣ тѣхъ вещей, составленномъ официально, стоитъ больше «тысячи колодъ картъ» и погребъ съ большимъ запасомъ винъ. Кромѣ всего этого по немъ осталась аренда двухъ сель, Русавы и Александровець, въ ямпольскомъ уѣздѣ.

Если-бы все это цѣнить по нынѣшней стоимости, то имущество Клембовскаго превышало 500 тысячъ злотыхъ.

Не смотря на то, что администрація искала наслѣдниковъ, ихъ вовсе не нашлось; никто не признавалъ его своимъ родственникомъ, хотя, если вѣрить Хронщевскому, Клембовскій оставилъ родственниковъ много.

У него-то молодой Юрій, подъ надзоромъ гувернера, пробовалъ свои первыя силы на зеленомъ полѣ. Всегдашнимъ ихъ партнеромъ былъ Сѣраковскій, летичевскій, потомъ каменецкій бискупъ. Еще будучи каноникомъ въ Варшавѣ, проигрывалъ онъ тихую и пѣтую обѣдню, часто посохъ и инфулу отдавалъ жидамъ въ закладъ, чтобы добыть нужную копѣйку на фараона! Да и такія ли еще средства употреблялъ этотъ «князь церкви», чтобы добыть деньги? О немъ безъ колебанія можно сказать, что все у него было продажно.

По смерти маршала его первородный сынъ ввелъ карточную игру въ самый дворецъ, потому что не было уже надобности скрываться. Въ это-то время и началась въ Тульчинѣ «холостая жизнь», во всемъ значеніи этого слова!

Софія въ лагеряхъ научилась вольному лагерному обращенію. Чтобы попасть въ эту компанію, не надо было доказательствъ о происхожденіи, объ общественномъ положеніи, приличныхъ манеръ,

соотвѣтствующей одежды, ничего, кромѣ кошелька, наполненнаго деньгами, и готовности играть цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы.

Но можете вамъ любопытно знать, кто побѣждалъ? Были такіе счастливы! Гадзевичъ выигралъ два милліона золотыхъ, князь Поинскій половину этой суммы, Кантонъ 500 тысячъ золотыхъ, Томашъ Вигурскій, адвокатъ, брацлавскій совѣтникъ во время Тарговицы, болѣе 700 тысячъ золотыхъ.

Эта скотина вела себя по кабацки: поссорившись съ Трембецкимъ, онъ ударилъ его по лицу, а вызванный оскорбленнымъ на дуэль, донесъ о вызовѣ полиціи. Бѣдный поэтъ, огорченный, впалъ въ тихое помѣшательство и уже до смерти не приходилъ въ сознаніе.

Думаете ли, что передъ Вигурскимъ заперли двери тульчинскаго дворца? Какое! Остался постояннымъ его гостемъ: вѣдь у него столько было денегъ для игры!

Съ отвращеніемъ рисуемъ картину этого упадка, не имѣя права пропустить ее, такъ какъ она представляетъ нѣсколько лѣтъ изъ жизни женщины, которая хотя и носила вдовій чепецъ, но, не соображаясь съ своимъ положеніемъ, неистовствовала, какъ вакханка.

Вѣроятно къ этой эпохѣ относятся разнообразныя вирши, рисующія ея поведеніе. Можеть не повѣрите, что изъ этихъ писаній, пачкающихъ Софію, можно бы составить порядочный томикъ? Расхотились они по шляхетскимъ домамъ въ формѣ эпиграммъ, разсказовъ или діалоговъ. Такая была тогда мода. Наиболѣе же мы встрѣчаемъ здѣсь четверостишіи особаго рода, имѣвшихъ значеніе въ тогдашнемъ обществѣ.

Начало эта литература получила у насъ давно, но особенно стала развиваться въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Яна Казимира. Во время саксонской династіи она носитъ характеръ тяжелый и неуклюжій, на половину пасквиля, на половину сатиры. Четырехлѣтній сеймъ былъ кульминаціонной точкой ея развитія; но и времена сеймовъ 1784—1786 гг. уже были избытны этими произведеніями, по крайней мѣрѣ, много этихъ летучихъ строфъ я нашель въ архивѣ Грабянокъ. Не мало тамъ рѣчи о Софіи Витте, а потомъ Потоцкой.

Старостина ливская, Терезія Грабянка урожденная Стадницкая, принадлежала къ другому лагерю, а потому ея приверженцы доставляли ей все, что было писано о Тульчинѣ и его обитателяхъ. Не

смотря на искреннѣйшее наше желаніе, мы не можемъ помѣстить здѣсь и маленькаго отрывка, потому что всѣ они безъ исключенія для печати не годятся.

Презрительное ли отношеніе къ ней общества, равнодушіе ли любовника, или наконецъ солидный возрастъ толкнули Софію на путь благоразумія?

Ея объятія, ея ласки, страстный огонь ея сгубили уже не одну жизнь. Послѣдняя жертва трепетала у ея ногъ. Гетманскій правнукъ цариль здѣсь, на этомъ рубежѣ, не отвагой, не добродѣтелями, не совѣтами, какъ его дѣды, а распущенностью, развратомъ и пьянствомъ. Жертва должна была погибнуть, какъ погибли и многіе другіе.

Вслѣдъ за ликвидаціей любовной, вслѣдъ за появленіемъ въ сердцѣ симптомовъ банкротства, настала и имущественная ликвидація. И здѣсь раззореніе полное. Могилевскій ключъ проданъ еще въ 1806 году; другія имѣнія покупали счастливые партнеры, или старые товарищи отца и согрудники по послѣдней конфедераціи: Мощинскій, Гулевичъ, Вигурскій, Юковскій, Лещинскій, Моссаковскій. На остальныхъ имѣніяхъ тяготѣли большіе долги. Годъ, два такой жизни, и громадное состояніе, оставшееся послѣ Щенснаго, пошло бы съ молотка.

Надо было его спасать.

Юрій отдавалъ всю свою часть кредиторамъ, т. е. 30 тысячъ крѣпостныхъ, серебро большой стоимости и очень цѣнную галерею картинъ, купленную у Винцентія Потоцкаго. Точный счетъ показалъ, что всего этого будетъ мало. Бѣдный безумецъ въ первый разъ взглянулъ въ пропасть, разверзшуюся передъ нимъ, и оцѣнѣнѣлъ отъ ужаса; отозвалось въ немъ благородное чувство, извѣстная честность Потоцкихъ взяла перевѣсъ; здѣсь шло дѣло не столько о немъ самомъ, сколько о кредиторахъ, съ которыми разсчитаться онъ не могъ, и о братьяхъ, которыхъ довѣренностью злоупотреблялъ, какъ опекунъ.

— Я тебя спасу, отозвалась въ то время Софія: я возьму твои долги на себя, хотя они простирѣются до 13 милліоновъ злотыхъ съ лишнимъ; но съ однимъ условіемъ....

— Согласенъ на все съ охотой, воскликнулъ обрадованный.

— Мое условіе, чтобы ты сейчасъ же навсегда оставилъ страну.

Юрій остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Не понимаю, прошепталь онъ.

— Чтобы сейчасъ навсегда оставилъ страну, повторила Софія и, не давая ему проговорить слова, продолжала дальше:

— Выѣдешь сегодня, или завтра, или наибольше черезъ недѣлю; я буду тебѣ платить ежегодно по 50 тысячъ червонцевъ до моей смерти, а послѣ смерти эта обязанность перейдетъ на дѣтей. Это послѣднее мое слово. Подумай и выбирай между униженіемъ и разлукой.

И вышла, оставляя пораженнаго любовника.

Никакія просьбы не могли поколебать ея рѣшимости; осталась неумолимой до конца.

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ оскорбить любовь старѣющей женщины, обмануть послѣднее ея чувство.

Это происходило въ 1809 г. Юрій Щенный скоро оставилъ страну. Спустя годъ, онъ умеръ въ Берне, во Франціи, одинокій, съ чувствомъ сожалѣнія о жизни, такъ необдуманно испорченной. Предсмертное его воззваніе къ младшимъ братьямъ полно глубокой горести.

Въ предсмертной исповѣди онъ подводитъ какъ бы итогъ всей своей жизни, въ поученіе тѣмъ, которыхъ былъ опекуномъ; въ концѣ искренно прощается съ Софіей, выражая ей благодарность и благословеніе. Ей онъ совѣтоваль остепениться. Хотя преждевременная смерть есть какъ бы удовлетвореніе и расплата за безумно проведенную жизнь, но онъ ожидаетъ ее во всякомъ случаѣ съ раскаяніемъ во всѣхъ проступкахъ и съ большимъ сожалѣніемъ, что такъ легкомысленно растратилъ сокровища, данныя ему отъ Бога.

Что случилось съ его товарищами?

Князь Понинскій и Кантонъ окончили жизнь въ Тульчинѣ, Юковскій также умеръ, скоропостижно. Трембецкій еще нѣсколько лѣтъ догораль, забытый и оставленный всѣми. Въ минуты сознанія, онъ брался писать дѣянія Рѣчи-Посполитой и собирать документы, оправдывающіе поведеніе Щенснаго Потоцкаго во время Тарговицкой конфедераціи.

Умеръ онъ въ 1812 г., завѣщавъ бумаги Софіи. Но бумагъ послѣ его смерти найдено немного, да и тѣ не имѣли никакой

цѣнности. Осталось еще нѣсколько хроникъ, на которыхъ онъ подѣлалъ помѣтки. У насъ было такихъ два фоліанта Гваньина и Кромера; но отмѣтки, сдѣланныя на нихъ авторомъ «Софіевки», не заключали въ себѣ ничего достойнаго вниманія.

Изъ всей этой плеяды картежниковъ доля Гадзевича была самая печальная. Мстительная гречанка, при помощи связей и своего вліянія, достигла того, что его выслали въ глубь Россіи, а деньги его расплылись. Жена Гадзевича, дѣвушка простаго званія, которую онъ вымѣнялъ на ключъ и называлъ Сойкой, осталась вѣрной ему до конца. Она лично просила Александра I объ освобожденіи мужа. Императоръ былъ очень удивленъ, потому что даже ничего не зналъ о ссылкѣ, и приказалъ освободить Гадзевича, но было уже поздно: онъ умеръ въ корчмѣ подъ лавкой, распившись отъ огорченія.

Послѣдній періодъ жизни Софіи Потоцкой начался въ 1810 г. и продолжался до ея смерти. Эти послѣдніе годы были какъ-бы раскаяніемъ ея въ грѣхахъ. Провела она эти годы въ постоянныхъ и добросовѣстныхъ трудахъ; все время ея уходило на благотворенія, на заботливое воспитаніе дѣтей и подготовленіе ихъ будущаго положенія. Съ лѣтами прошла легкомысленность, но гречанка не стала и ханжой. Напротивъ, не перестаетъ она быть веселой; жизнь ведетъ роскошную, но не раззорительную; сначала живетъ въ Тульчинѣ, но, поссорившись съ сыномъ, переезжаетъ въ Умань. И тамъ не избѣгаетъ она общества, охотно въ немъ бываетъ, приобрѣтаетъ важность, свойственную нашимъ матронамъ, окружаетъ себя бѣдняками и заботится о нихъ, тайно помогаетъ обѣднѣвшимъ шляхетскимъ семействамъ, которыя прежде служили Потоцкимъ, словомъ, становится совсѣмъ другой, нравственно хорошеетъ.

Важность и приличіе господствуютъ въ Умани, а потому окрестныя сосѣдки начинаютъ посѣщать вдовушку, входя съ ней въ ближайшія сношенія; здѣсь ужъ нѣтъ больше мѣста баламъ, импонирующимъ своей роскошью, недавнихъ оргій и безумія, время въ этомъ маломъ кружкѣ проходитъ очень пріятно, и сюда съѣзжается много сосѣдей и сосѣдокъ.

Въ нашей коллекціи есть портретъ Софіи именно отъ этого времени. Это пятидесятилѣтняя матрона, со слѣдами былой красоты; лицо выразительное, не смотря на бурно проведенную жизнь.

Не тѣ уже черныя, полныя огня, очи, притѣненные длинными шелковистыми рѣсницами; теперь они подернуты уже мглой, но смотрятъ на свѣтъ Божій весело; волосы причесаны гладко, только на вискахъ завиты въ пукли и тронуты сѣдиной; не блестятъ они уже, какъ прежде, не разсыпаны небрежно на прикрытыхъ роскошныхъ плечахъ. На губахъ—выраженіе добродушія и внутренняго самодовольствія, какъ бы эти губы, принося присягу, никогда не нарушали ее ни однимъ грѣшнымъ поцѣлуемъ, ни одной кокетливой улыбкой.

Одежда на ней тоже скромная: голубой бархатный капоть, опушенный мѣхомъ; шея обрамлена тонкимъ кружевнымъ воротникомъ; прекрасная Софія одной рукой подперла щеку, а въ другой держитъ яблоко.

Не имѣлъ ли въ виду художникъ представить символъ вѣроломства Евы прародительницы? А что портретъ, представленный здѣсь, есть дѣйствительно изображеніе Софіи Потоцкой, вотъ доказательство. Достался онъ намъ изъ первыхъ рукъ, изъ небольшой коллекціи Іосифа Витте и снабженъ его подписью.

Присматриваясь къ этимъ яснымъ и спокойнымъ чертамъ, мимовольно задаешь себѣ вопросъ: неужели эта женщина грѣшила, не сознавая грѣха? Или она подчинялась первому увлеченію, не соображая даже съ тѣмъ, какія послѣдствія повлечетъ оно за собой.

Какъ бы тамъ ни было, но лицо Софіи на портретѣ полно того спокойствія, какое дается только внутреннимъ представленіемъ о честно проведенной молодости, о лѣтахъ прожитыхъ согласно съ заповѣдями. Еще разъ повторяемъ, что сердце этой женщины навсегда останется неразгаданной психологической загадкой.

Можетъ быть, и тогдашнія обстоятельства вліяли на настроеніе Софіи. Все то общество, среди котораго она провела самыя лучшія минуты жизни, по очереди стало прощаться съ нею, переходя въ иной лучшій міръ. Закрыла она глаза полковницѣ Лоскай, послѣ женѣ брацлавскаго воеводы Грохольскаго, своей первой учительницѣ. Послѣдняя утрата была для нея очень чувствительна; она сама утверждала, что особенно ее опечалила смерть двухъ лицъ: этой импровизированой воеводижи и князя Потемкина Таврическаго и что этого любовника своего она жалѣла, какъ роднаго отца.

Почтенный генералъ Орловскій, тогдашній каменецкій комендантъ, былъ очень удивленъ, слыша это признаніе изъ устъ ш-е Витте.

Тарговицкая старшина также по очереди ложилась во гробъ; мы говоримъ здѣсь о лицахъ близкихъ и связанныхъ съ Щенскимъ Потоцкимъ не только политическими убѣжденіями, но и интимностью и сосѣдными отношеніями, всегда окружавшихъ извѣстнаго рода почтеніемъ вдову своего принципала.

Бискупъ Сѣраковскій и бригадиръ Рудницкій при жизни ея мужа въ одинъ и тотъ же годъ разстались съ этимъ міромъ (1812), а по смерти маршала и другіе очень скоро потянулись за нимъ.

Шеренгу эту началъ собой безсчастный противникъ конституціи 3-го мая, завзятый сторонникъ шляхетской вольности, Янъ Сухоржевскій, бѣднякъ, искавшій пріюта по зажиточнымъ домамъ шляхты. Онъ, можетъ быть, сотый разъ прибылъ въ Тульчинъ погостить и тутъ сложилъ свои измученныя косточки (1807); скончались затѣмъ гетманы: Северинъ Ржевускій (1811 г. въ Вѣнѣ), Францискъ-Ксаверій Браницкій (1819 г. въ Бѣлой Церкви), заступавшіе мѣсто маршала Михаилъ Вилевскій (1816), Антоній Пулавскій (1820), совѣтники брацлавскіе и подольскіе: Бенедиктъ Гулевичъ (1818), Томашъ Вигурскій, Северинъ Качковскій, Людвикъ Гольнскій, Адамъ Мошинскій (1822 г.), братья Моссаковскіе, — маіоръ и предназначенный посломъ къ Портѣ Оттоманской. Изъ всей этой толпы возвысившихся изъ комиссаровъ до званія воеводскихъ сановниковъ, а позже тульчинскихъ и уманскихъ посесоровъ, пережили ее только Антоній Новина Злотницкій, Бонча, Дызма-Томашевскій и Клеменсъ Лещинскій.

Первый участвовалъ въ войнѣ съ Персіей и со времени недоразумѣній, упомянутыхъ нами выше, не сходилъ уже больше съ Потоцкими. Второй писалъ неудачные георгики и неустанно работалъ надъ отыскиваніемъ, если не доказательствъ, оправдывавшихъ прошедшее поведеніе, то по крайней мѣрѣ смягчающихъ обстоятельствъ. Шурияъ его Хронщевскій собралъ все это въ одно, но все таки этого недостаточно, чтобы вынести оправдательный вердиктъ. Томашевскій не переставалъ бывать въ Тульчинѣ и Умани, всегда съ надлежащимъ почтеніемъ къ Софіи Потоцкой. Клеменсъ Лещинскій, преобразившійся изъ подстаростія въ полковника, а

потомъ въ богатого помѣщика, предводительствовалъ съ честью въ Вишницкомъ уѣздѣ. До конца остался онъ вѣренъ семейству, которое вывело его въ люди, служилъ совѣтомъ вдовѣ, на плечахъ которой всегда было много заботъ по имѣніямъ.

И первый мужъ Софіи предупредилъ ее на пути ко гробу; умеръ онъ въ 1814 году, дождавшись почтенной старости, и хотя не разъ выходили между ними недоразумѣнія, но у Софіи въ сердцѣ всегда оставалась благосклонность къ нему. Боялась она его, какъ мужа, и всегда старалась пріобрѣсти его дружбу. Эта благосклонность выражается съ достаточною степенью въ оставленномъ ею духовномъ завѣщаніи: упоминая о сынѣ отъ перваго брака и о записи, сдѣланной въ его пользу, она прибавляетъ: «хотя онъ сынъ отъ другаго отца, но всегда былъ и теперь искренно привязанъ къ своимъ братьямъ и сестрамъ, а потому надѣюсь, что сыновья и дочери Потоцкіе, почитая Іосифа Витте, какъ отца своего, не будутъ мнѣ ставить въ вину этого новаго доказательства привязанности моей къ сыну отъ перваго брака».

Около 1820 г. здоровье Софіи стало надламываться; но она привѣтствовала старость спокойно и съ улыбкой. Одна дочь вышла замужъ за графа Киселева; сынъ Александръ, любимецъ и гордость матери, былъ уже ротмистромъ гвардіи. А что онъ былъ «гордостью» дѣйствительно, это онъ доказалъ всею своею послѣдующею жизнію. Вотъ какъ изображаетъ его Хронцевскій.

«Дослужившись чина, онъ укрылся въ тишинѣ частной жизни, весь отдаваясь музыкѣ, чтенію и самому ласковому и простому общенію съ сосѣдями. Получивши въ молодости громадное состояніе, онъ пользовался имъ очень скромно, ограничивая по возможности свои собственныя потребности, не для собиранія богатствъ, которымъ не придавалъ особеннаго значенія, а для доставленія себѣ большей возможности дѣлать добро. Помогалъ онъ матери выпутаться изъ долговъ Юрія-Щенснаго, а остальное посвятилъ въ награду людямъ, служившимъ его семейству, и на помощь семействамъ, достойнымъ состраданія».

Второй сынъ, самый младшій, былъ еще почти ребенокъ, дочь Ольга, впоследствии графиня Нарышкина, славившаяся своей красотой и добротой сердечной, была уже невѣста. Наконецъ долги

стали уменьшаться, Софія приобрѣла кредитъ, извѣстность и, если хотите, даже всеобщее уваженіе. Наше общественное мнѣніе такъ снисходительно къ счастливымъ!

Но не все однѣ удачи: пришла и болѣзнь; сначала незначительныя страданія, потомъ они приняли грозный характеръ; нестерпимыя боли отгоняли сонъ, предчувствіе приближающейся смерти переходило въ увѣренность. Надо было подумать о послѣднемъ распоряженіи.

Съ этой цѣлью Софія, передъ выѣздомъ за границу, отправилась въ 1822 г. въ Петербургъ и тамъ составила духовное завѣщаніе. Въ этомъ цѣнномъ документѣ отражается вся женщина, не та прежняя баядерка, но преобразившаяся, важная, суровая и даже нравственно прекрасная.

Опекунами дѣтей Софія просила быть графа Милорадовича, петербургскаго генераль-губернатора, убитаго въ декабрскіе дни 1825 г., и князя В. Витгенштейна, командовавшаго второй арміей; въ свидѣтели пригласила пять сановниковъ: сенатора князя Куракина, Ланскаго, адмирала Мордвинова, вице-адмирала Шипкова и знаменитаго графа Аркадія Моркова.

Духовное завѣщаніе состояло изъ двадцати пунктовъ. Повторять все мы не видимъ надобности, тѣмъ болѣе, что тамъ есть упреки, которые должны остаться семейной тайной. Мы сдѣлали только нужныя выписки, чтобы закруглить нашъ разговоръ о Софій Поточкой.

Въ началѣ она уничтожаетъ духовное завѣщаніе, составленное 1809 г. «Единственною цѣлью его, говорить, было обезпечить судьбу умершаго графа Юрія, самаго старшаго наслѣдника отъ перваго брака и самаго любимаго сына блаженной памяти моего мужа, который, скоро потерявши все состояніе свое, оставленный, скажу я, своими братьями отъ перваго брака, безъ всякихъ средствъ, уѣхалъ за границу. Принимая во вниманіе такое печальное его положеніе, я изъ одного состраданія, а еще больше изъ почтенія къ памяти его отца, а моего милаго мужа, считала святою обязанностью своею и дѣтей моихъ обезпечить ему приличное содержаніе въ его крайней нищетѣ. Не долго пользовался принесенной ему жертвой Юрій Щенный, потому что не больше какъ черезъ годъ умеръ за

границей, выражая въ своей духовной глубокоую благодарность за оказанную ему помощь».

Это воспоминаніе Софіи есть какъ бы платежъ долга пасынку, преждевременно погибшему по ея винѣ.

Дальше въ завѣщаніи идутъ уже распоряженія имущественныя. А состояніе у Софіи было порядочное: 37 тысячъ душъ, поселившихся на соотвѣтственномъ количествѣ земли, кромѣ того 40 тысячъ морговъ степи (пастбища), дворецъ въ Умани со всѣмъ хозяйствомъ, серебро и картинная галлерей, оцѣненные въ 100 тысячъ червонцевъ, и на столько же наличныхъ денегъ (хотя на имѣніи было долга 20 милліоновъ злотыхъ), наконецъ громадное стадо расовыхъ лошадей, состоявшее изъ 600 матокъ, стада воловъ, овецъ (мериносовъ матокъ 3 тысячи) и т. д. Не слѣдуетъ забывать, что это было состояніе самой Софіи, исключительно ей принадлежавшее.

Имѣніе раздѣлялось на три части, причемъ уманская часть доставляясь Александру, назначалась на уплату долговъ. Сыновья, каждый изъ своей части, обязаны были выплатить по 3 мил. приданого своимъ сестрамъ, сверхъ того Ольгѣ, еще тогда дѣвушкѣ, 20 тысячъ на приданое и сыну отъ перваго брака 100 тысячъ червонцевъ. Остатокъ назначался на пенсіонъ нѣкоторымъ лицамъ и на госпиталь.

«Не будучи въ состояніи, говорить далѣе Софія Потоцкая, приступить къ приведенію въ исполненіе желаній своихъ, прошу, чтобъ какъ въ имѣніяхъ сына моего Александра, такъ тоже и Болеслава Потоцкихъ, были основаны госпитали, подъ надзоромъ шаритокъ, на пятьдесятъ больныхъ каждый, и чтобъ на содержаніе госпиталей было ассигновано по 20 тысячъ злотыхъ на каждый въ годъ, на вѣчныя времена, кромѣ построекъ, которыя должны быть произведены на счетъ основателя, и дровъ, доставляемыхъ изъ лѣса на подводахъ колляторовъ».

Въ концѣ завѣщанія Софія проситъ, чтобъ ее похоронили въ Умани скромно, безъ всякой пышности, давая понять, что наследники лучше сдѣлаютъ, если раздадутъ милостыню бѣднымъ, которые молились бы «объ испрошеніи милосердія за всѣ прегрѣшенія».

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе документа.

Послѣ его составленія Потоцкая лишь нѣсколько дней еще гостила въ Петербургѣ. Въ концѣ мая она выѣхала въ Берлинъ,

ища помощи у знаменитостей того времени, Гуфланда и Горна. Тѣ не обѣщали ей жизни, и потому она просила лишь объ облегченіи страданій.

22-го ноября 1822 г. Софія Потоцкая отдала Богу душу на 58 году жизни.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ жизнь женщины, прослывшей на Украинѣ своей красотой и легкомысліемъ.

И какая поразительная противоположность!

Тринадцатилѣтняя дѣвочка, дочь бѣдной нищенки, въ скромной и оборванной юбочкѣ, сидѣвшая на чемоданахъ Гускампа во время его переправы черезъ Днѣстръ, а въ концѣ жизни важная матрона, носящая самую громкую фамилію въ странѣ, утопающая въ княжеской роскоши.

Не авантюристка это, гоняющаяся за судьбой; напротивъ, не она шла за счастіемъ, а само счастье шло ей на встрѣчу! Довольно было этому ребенку съ улицы, проданному собственной матерью, стать ногой на почву Рѣчи-Посполитой, чтобъ господствовать и очаровывать! Всѣмъ обязана она тому личику, на которомъ, вмѣстѣ съ пламенной страстью, выражалась скромность, доходящая до наивности.

Первые ея владѣльцы,—будемъ называть вещи ихъ именами,—хотѣли воспитать изъ нея вѣтренницу; поэтому удивляться надо, что хотя подъ конецъ жизни, руководимая собственнымъ инстинктомъ, она оказалась такой, какою я ее представилъ. А что я не прибѣгалъ къ яркимъ краскамъ, а наоборотъ слишкомъ рѣзкія линіи старался смягчить, на это найдется достаточно доказательствъ въ запискахъ современниковъ.

ИНСТРУКЦІЯ ГЕТМАНА ДАНИЛА АПОСТОЛА МАЛОРОССІЙСКИМЪ СУДАМЪ.

По смерти Скоропадскаго, въ 1722 г. Петръ Великій замѣнилъ гетманское управленіе въ Малороссіи коллегією этого имени. Главной причиною такой перемѣны выставлялись злоупотребленія полковой старшины и чинимыя ею козакамъ и посольству притѣсненія, какъ въ административномъ, такъ еще болѣе въ судебномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Коллегія не искоренила зла, которое всего менѣе зависѣло отъ формы режима и имѣло болѣе глубокія основанія въ прошедшемъ страны. Въ цѣломъ рядѣ указовъ того и послѣдующаго времени находимъ указанія на тѣ же злоупотребленія, особливо на пристрастіе, воловиту и взятничество въ судахъ, которыми старшина пользовалась между прочимъ для захвата земель у козаковъ и превращенія ихъ въ своихъ подданныхъ. Вся вина валилась лишь на судящихъ, о другой, болѣе дѣйствительной, причинѣ неправосудія, о неустройствѣ судовъ, о разнообразіи законовъ и противорѣчій однихъ другимъ, что собственно и открывало широкій путь къ злоупотребленіямъ, повидимому не догадывались.

Гетманъ Данило Апостоль, вскорѣ послѣ своего назначенія, обратилъ вниманіе на эту сторону въ управленіи странюю и вслѣдствіе его представленія Верховный Тайный Совѣтъ призналъ необходимымъ пересмотрѣть и свести въ одинъ кодексъ источники законовъ, по которымъ судился малороссійскій народъ (Литовскій Статутъ, Магдебургское право и Саксонское Зерцало), съ переводомъ ихъ на великороссійскій языкъ, а для того образовать особую комиссію изъ свѣдущихъ въ законахъ людей. Указъ объ этомъ послѣдовалъ 23 апрѣля 1728 года, но работа

коммисія затянулася на долго, трудъ ея, оконченный лишь черезъ 15 лѣтъ, положенъ подъ сукно и хотя вопросъ о «сводѣ правъ» выдвигался еще не разъ, но и готовый сводъ никогда не былъ примѣненъ къ дѣлу. А между тѣмъ запущенные въ то время суды требовали исправленія и улучшенія, и если сама коммисія по «своду правъ» въ самомъ началѣ своихъ работъ просила у гетмана для себя особой инструкціи, то тѣмъ болѣе такая инструкція нужна была для отправляющихъ правосудіе судовъ.

Среди такихъ обстоятельствъ явилась помѣщаемая ниже инструкція гетмана Апостола малороссійскимъ судамъ. Она помѣчена 13 іюля 1730 г., т. е. явилась спустя два года послѣ учрежденія коммисіи «свода правъ». Очень можетъ быть, что она и выработана въ этой самой коммисіи, какъ составленной изъ «искусныхъ и знающихъ людей»; на это указываютъ отчасти дѣлаемые въ ней своды однородныхъ постановленій по данному вопросу изъ Статута, Магдебургскаго права и Саксонскаго Зерцала, а также изъ сборника «Порядокъ правъ».

Инструкція не упоминаетъ вовсе о судахъ земскихъ и подкоморныхъ, какъ возстановленныхъ позже, но только о судахъ войсковыхъ и отчасти городскихъ и сельскихъ, опредѣляетъ составъ судей, порядокъ судопроизводства, вводитъ нѣкоторыя гарантіи для судящихся, нѣкоторыя облегчительныя и предохранительныя отъ поборовъ мѣры и ясно, опредѣленно чертитъ идеаль суды скорога, праваго и безубыточнаго. Инструкція поэтому представляетъ собою памятникъ несомнѣнной исторической важности, давая намъ понятіе какъ о внѣшней формальной, такъ и внутренней идеальной сторонѣ суда въ Малороссіи до окончательной отмѣны отдѣльнаго управленія ею. Воспроизводимъ списокъ инструкціи съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей языка и правописанія того времени.

Инструкція о судахъ, 13-го іюля 1730 года.

Понеже ея всепресвѣтлѣйшее величество, Анна Іоановна, императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилостивѣйшая, милосердую о вѣрныхъ своихъ подданныхъ народа нашего малороссійскаго, всемилостивѣйше соизволила содержать насъ при прежнихъ правахъ и вольностяхъ, какъ о томъ именно въ пунктахъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго изображено, и такіе права и вольности наши въ нынѣшнемъ

1730-мъ году, во время бытности насъ, гетмана, въ великомъ градѣ Москвѣ, подтвердила своею императорскою жалованною грамотою; а прошлаго 1728 году, по указу блаженна и вѣчно достойна памяти Петра второго, его императорского величества, въ верхнемъ тайномъ совѣтѣ на поданное наше прошеніе учинено рѣшеніе, въ которомъ рѣшеніи первой пунктъ о судахъ имѣется тако: «Его императорское величество всемилостивѣйше соизволяетъ въ Малой Россіи гетмана и всѣхъ подданныхъ своихъ содержать по прежнимъ ихъ правамъ и вольностямъ и то имъ подтвердить своею императорскою жалованною грамотою, и суду и расправѣ у нихъ въ Малой Россіи указалъ его императорское величество быть по прежнему ихъ обыкновенію, какъ именно въ пунктахъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго изображено, по которого пунктамъ подтвержденія сами они просятъ, и быть тѣмъ судьямъ изъ ихъ народа и отправлять въ городѣхъ на ратушахъ и сотникамъ и полковой старшинѣ и полковникамъ, которіе-бъ были въ тѣхъ чинахъ люди добріе и правдивые, чтобъ народъ отнюдь никакими неправдами судомъ ни отъ кого отягощенъ не былъ; когда же кто изъ обиднихъ тѣмъ судомъ не будетъ доволенъ, тому дается позволеніе чинить апелляцію на неправіе и подозрительные суды: на сотенніе къ полковникамъ, а на полковниковъ въ Глуховъ къ генеральному суду; а понеже напредъ сего на тотъ генеральній судъ отъ малороссійского народа многіе жалобы къ его императорскому величеству и челобитнія бывали въ неправихъ ихъ судахъ, что чинятся тѣ суди съ великими наклады і взятки і отъ того бѣдніе козаки и посполство і зъ правдою обвинени бываютъ, и его императорское величество, милосердуя къ народу малороссійскому и яко Главній Судія всероссійской имперѣи, желая вездѣ между подданными своими установить правосудіе, соизволяетъ для лутшого между іми малороссійского народа въ судахъ доброго порядка, быть при томъ генеральномъ судѣ великороссійскимъ тремъ персонамъ, да ізъ малороссійскихъ тремъ же персонамъ, которымъ великороссійскимъ разсматривать дѣла обще съ ихъ малороссійскими судьями и решить тѣмъ великороссій-

скимъ и малороссійскимъ судіямъ по ихъ малороссійскимъ правамъ, токмо безъ накладовъ и взятковъ и разореній народа, и отпралять имъ тотъ судъ съ сообщенія гетману, яко президенту того суда, и по разсмотрѣнію дѣлъ ежели явится, что судіи нижнихъ судовъ обвинили кого неправедно ізъ взятковъ или для какого похлѣбства, за то тѣхъ судей въ томъ генеральномъ судѣ штрафовать, по разсмотрѣнію судей и по разсмотрѣнію гетманскому, и изъ взятого отъ нихъ судей штрафу чинить обидимымъ награжденіе, и не бивъ прежде челомъ въ нижнихъ судахъ по порядку, въ генеральномъ судѣ никому ни на кого ни въ какомъ иску не битъ челомъ и челобитень нигдѣ не подавать, ежели же кто генеральнаго суда рѣшеніемъ не будетъ доволенъ, и такимъ бить челомъ ея императорскому величеству въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ: того ради, во исполненіе такового милостиво состоявшагося его императорскаго величества указа, въ согласіе же и примѣръ прежнихъ правъ и обыкновенія, хотячи мы, гетманъ, дабы надлежащій въ судахъ малороссійскихъ содержанъ былъ порядокъ, оніе суда латвѣ бы въ самую правду произвождени быть могли, велѣлисмо сочинить сию инструкціи пунктами, по которымъ имѣють по всѣхъ полкахъ рейменту нашего тие жъ совершатися суда таковымъ порядкомъ.

I.

Въ судѣ полковомъ надлежитъ быть безъ перемѣни всегда судіи и при немъ писару судовому, а съ ними въ ономъ судѣ засѣдать съ полковой старшины обозному, асауламъ двомъ, хоружимъ двомъ и значковому товариству почережно, то есть тромъ персонамъ, двомъ изъ означенной старшины, а третьему значковому товаришу, по чверти года. А онаго суда всегда полковникъ долженъ смотрѣть, такъ чтобъ за его вѣдомомъ и соизволеніемъ и за подпискою руки всѣ дѣла вершилися, и въ приключающихся крѣминальныхъ и иннихъ значнихъ, подлежащихъ суду полковому, справахъ долженъ самъ полковникъ со всею купно старшиною присудствовать суду и вершеніе справи

учиня, зъ старшиною согласно, подписоватся, ибо многіе давніе декреты или письма судовіе имѣются въ людей разныхъ чиновъ за руками и печати прежнихъ полковниковъ, зъ которыхъ показуется, что въ судахъ полковыхъ самы полковники зъ старшинами присудетвовали и по приговору и согласію общему разніе дѣла вершили.

2.

Понеже все судебное дѣло найпаче залежитъ на судіи да на писару, почему и титуломъ тимъ славится судія; того ради должны быть судія, кромѣ природнаго добронравія, совѣтливое, уміе и въ писаніи искусвія, найпаче права знающіе, чтобъ не названіемъ толко, но і вещь можно было таковыхъ почитать за судьей, и се по праву, а особливѣ въ Статутѣ внижества литовского, въ раздѣлѣ 4, арт. 1-мъ положенному, якую должность ихъ и присяга на томъ же мѣстѣ въ Статутѣ обширно показуеть. И ктому въ книзѣ «Порядка» на листѣ 8-мъ, въ части 1, написано тако: «судія долженъ имѣть въ себѣ тѣя добродѣтели: боязнь Божию, правду, искусство (mądrość), ростропность, умѣренность (mierność), во всемъ равную любовь (miłość), права умѣтность, могущество (mązość), а имѣть судити безъ квапливости, безъ гнѣва, ненависти, любви, пріязнѣ, даровъ и протчого», и въ книги правовой «Зеркала саксоновъ», подъ словомъ судъ и судія, на листѣ 357. Такожъ и писару при оныхъ судахъ быть искусному и присяжному по информации—на помянутомъ же ономъ листѣ, въ Статутѣ имѣющемся; ибо хотя писари судовіе въ дѣлахъ судовихъ не имѣють голосу до чиненя приговоровъ, по тѣе залежать на судіи и на протчихъ, присядячихъ ему, и противъ челобытя естли отъ кого проізідетъ на судъ няжпій о неправомъ (рѣшеніи) въ висномъ судѣ, то судія съ другими сосидящими въ судѣ, а не писарѣ должны отвѣтствовать, се же по статутскому праву, въ раздѣлѣ четвертомъ, артик. 48-мъ, параграфѣ 1-мъ положенному; однакъъ въ томъ ихъ писарей должность есть, чтобъ отъ жалобливой и отвѣтующей стороны прилагаеміе къ доводу или оправданію своему рѣчи

и дѣла, такожъ и приговори вѣрно, обстоятельно и исправно записовали, понеже не токмо за неисправность въ ихъ дѣлѣ, но и за помылку ихже обвиняеть тое жъ статутское право, въ раздѣлѣ 4-мъ, артикулѣ 4-мъ, параграфѣ 3-мъ тако имѣющеся: «писарь можетъ подписа или двоухъ, албо сколько ему потребно будетъ, имѣть и шидно того смотрѣть, дабы вѣрне и правдиве, безъ продолженія, до книгъ записывано было, а где бы помылка въ справѣ отъ нихъ была, неповинни правуючесь подписковъ смотрѣть, но на самомъ писару за ту помылку шкоды своей доходити имѣють.' Да судовому жъ писаревѣ, по силѣ присяги своей, которою обовязался въ званіи своемъ, не смотрѣти на высокие и подліе лица, на власти и достоинства и безъ власти зостающихъ, на богатого и убогого, на тудейшого и на гостя, на вревного и на далекого, на друга и недруга, и проч., надлежитъ же ему писару всякую справу по цумерамъ и числамъ, когда какая къ суду приточится, судимъ докладать и совѣтовать, дабы безъоткладно розискивана, слушана и сужена была чтобъ чрезъ тое не имѣло быть людемъ, найпаче убогимъ, воловны и въ судахъ продолженія, и для того имѣеть быть всякихъ сумѣль или жалобливыхъ доношеній реестръ съ краткою запискою.

3.

Въ сотенихъ судахъ, гдѣ пѣть магистрату, засѣдать всегда безъ перемѣни сотнику, атаману городовому, писару, хоружему, войту и бурмистрамъ; а где атамана городского нѣтъ, тамъ атаманамъ курѣннымъ быть и употреблять, особливо къ знатнымъ дѣламъ, сколько пристойно, отъ знатного сотенного товариства. А где есть,—майстрать особно, а сотенній судъ особно-жъ дѣла свои отправлять имѣють.

4.

И суди оне производить, найпаче въ криминальныхъ и ишнихъ знатнѣйшихъ дѣлахъ, такимъ образомъ: перво слушать и читать жалобливаго сумѣльгу или доношеніе, потомъ противъ

оной суцлѣви по пунктамъ, въ якихъ сила и справа содержится, допрашиватя обжалованого, то есть отвѣтчика, и что въ допросахъ скажетъ, оніе вопросіе рѣчи записивать, туюжъ записку выразнимъ вычитанемъ читать добре ему обжалованному, чтобъ виразумѣль до подлѣнна, и казать на онихъ допросахъ, перво начерно сочиненнихъ, подписоватся, а потомъ и на бѣло переписанныхъ руки прикладывать, а хто писать не умѣеть, во мѣсто себѣ о подпись упрашиваль бы, кого можетъ, а крестами не подписоватся, понеже много того бываетъ, что упрамни такого своего крестами подпису запираются. Но совершеніи жъ онаго отвѣтного допросу, якую въ томъ жалующійся постережетъ неправость, долженъ обличать оную и своей правды доводить явленіемъ достовѣрныхъ писемъ или, не имѣючи о нихъ писемъ, ссилатся на свидѣтельство людей честныхъ и неподозрительныхъ въ воровствѣ или прелюбодѣянніи и другихъ безъчинияхъ, также непрестарѣлихъ, младолѣтнихъ и проч., какъ о свѣдителяхъ поучаютъ особливо правніе артикули, и на кого тая отсылка будетъ, найначе когда на тыхъ же свѣдителей ссилатимется и отвѣтчикъ, то і тую общую ссилку записать и на записцѣ велѣтъ имъ подписыватся выше означеннымъ, какъ и на отвѣтѣ, образомъ. Ежели-жъ обжалованній, не ссилаючись на тыхъ свѣдителей, покажетъ другіе своему оправданію доводи писменніе, или свѣдителемъ, отъ челобитчика представляемымъ, дастъ правную въ подозрѣнніи или о свойствѣ съ нимъ челобитчикомъ причину, или другихъ отъ своей стороны покажетъ достовѣрнѣйшихъ свѣдителей; то тое также записовать и на оной записцѣ взаимно подписоватся казать ему отвѣтчику, явленіе же въ доводъ писма принимать отъ обонхъ сторонъ подлинніе, а взявши зъ тыхъ за ихъ руками копіи, подлинніе по росправѣ, ежели правіе и неподозрительніе суть, отдавать возвратно съ росписками, а ежели зъ доводу на судѣ являтсѣ якіе пѣсма, чили свѣдательства и мунѣмента, албо декрета не право сочиненіе, или измипленніе и подозрительніе, то на онихъ помѣчатъ рукамы судящихъ, что суть неправіе и настоящимъ судомъ скасованніе, съ изображеніемъ браткимъ того уничто-

женія причинъ, и воспятъ судимымъ отдавать же съ росписками, а особливо въ декретахъ означать о тихъ неправихъ писмахъ, чего ради скасованы и не должны имѣть своей сили. А ежели отъ обоихъ сторонъ не будетъ показано ни писемъ, ни свѣдителей, то обжалованному, естли не зазорній человекъ, а не жалующемуся, приговоривать присягать, ибо право, на многихъ мѣстцахъ положенное, а особливо въ «Порядку», гдѣ починаются артикули права магдебурского, на листахъ 17 и 19, въ сумнительнихъ рѣчахъ къ отводу и оправданію своему ближшимъ чинить отвѣтчика, нежели къ доводу челобитчика, кромѣ дѣла объ вradeжъ, забойство и прочіе преступства, которіе дѣла надлежить не присягою рѣшить, но, смотрячи по состоянію дѣла, доводовъ лицъ и другихъ околичностей, пристрастною пробою допитоватся, чего надлежить однакъ уживать не сквапливо, но съ опаснимъ и прилѣжнымъ разсмотреніемъ (опрочъ случаевъ, продолженія времени не терпящихъ, о чемъ ясная наука изображена въ правѣ статутскомъ, розд. 1, арт. 26, параг. 2 и ктому въ «Порядку», въ правахъ цесарскихъ виписанномъ подъ нумерами 1, 2, 3 и 4, на листахъ 2, 3, 4, 5 и 6). Свѣдителей же, кому подлугъ права надлежить метъ ставить, прежде ихъ свѣдительства должны судящіе приводить къ присязѣ, тамже въ судебномъ дому, на такой имянно ротѣ, которая написана въ «Порядку», въ части 3, на л. 8, или во мѣсто тоей присязи имѣють судіи упоминати онихъ свѣдителей страхомъ страшнаго суда Божія и казни временной и вѣчной, ложнихъ свѣдителей не минутъ имѣющей. Да онихъ же свѣдителей допрашивать каждого порознь, а при допросѣ и свѣдѣтельствѣ тожь имѣеть присуствовати и сторона, противъ которой представлени будутъ тѣ свѣдѣтелѣ, якъ о семъ въ томже «Порядку» на выше означенномъ мѣстѣ изображено. А по розиску во всякихъ заводнихъ и кримѣнальныхъ дѣлахъ, винайшовши приличніе правніе артикули, за общимъ всѣхъ судящихъ лицъ согласиємъ, декретовати и рудками всѣхъ же тотъ декретъ закрѣплять.

5.

До приговору же или до вершенія всякаго дѣла искать перво артикуловъ приличныхъ всегда въ Статутѣ княжества литовскаго по которыхъ обыкновенію въ Малой Россіи суды производятся, которіе книги такожъ въ Малой Россіи отъ древнихъ лѣтъ до судовъ употребляются, и по онимъ правамъ, а не по своему собственному и правамъ противному миѣнію, дѣла вершить; о чомъ поучаетъ тое-жъ право статутское, въ раздѣлѣ 4, арт. 54 имѣющоесъ въ такой силѣ: «всякій судящій ничего съ домыслу и миѣнія своего, такожъ и и зъ вѣдомости своей судити и рѣшиты не мѣсть и не будетъ силенъ, только по тому статуту и артикулахъ, въ немъ описанныхъ, подлугъ споровъ и суду обоихъ сторонъ, а где чего въ томъ Стату(тѣ) не доставало-бъ, тогда судіи, прихилиячись до болшей справедливости, по совѣсти своей и иныхъ правъ, прикладомъ христіанскихъ тое отправлять и судить имѣють». А естли въ котормъ знатномъ дѣлѣ на сотенныхъ судахъ и аа необысканіемъ правныхъ артикуловъ зайдетъ къ вершенію дѣла сумнѣніе и трудность, о томъ доносить въ полковій судъ, описавшы оное дѣло со всякимъ обстоятельствомъ, и рѣшенія просить.

6.

Сочиненніе-жъ и закрѣпленіе вышеозначеннымъ образомъ декрета, записавши въ книгу начисто, отдавать полковій старшинѣ съ притисненіемъ настоящаго суду печати. А оніе записанніе держать при судѣ, также и ііііе черніе и бѣліе допроси и сказки, которіе за руками судимыхъ или свѣдителей крѣплены, имѣть въ судовой архивѣ, что чинитимется по правамъ и по древнему обыкновенію, ибо и нынѣ по вѣкоторыхъ городахъ, где прежніе суть урядники, таковіе книги отъ древнихъ временъ имѣются.

7.

Съ полковихъ судовъ ни по якимъ жалобамъ, заразъ за предложеніемъ онихъ въ судъ, никуда никого не посылать на

розискъ, но перво принявши жалобу и противъ оной допрощившы, по вышеписанному сей инструкціи 4 пункту, обжалованного, если обидвѣ стороны ссилатымутся, или хочай една якая, на которыхъ свѣдителей, а оныхъ свѣдителей, за множествомъ числа, или за слабостію ихъ, або за далекимъ разстояніемъ, сискивать къ суду неподатно будетъ и тіежь стороны сами если требоватымутъ кого о висилку на розыскъ, тогда, усмотря на тое розищиковъ добрихъ людей, въ писмѣ и въ правахъ искуснихъ, опредѣлять съ инструкцією ясною, о чомъ іменно надлежитъ розискивать и на томъ розиску свѣдителей оныхъ допрашивать, а что по тихъ допросахъ покажется, должны означенніе розищики записовать такіе допроси; и велѣтъ свѣдителямъ, которымъ право свѣдѣтельствовать не возбраняеть, всякому на своемъ допросѣ подписоватся умѣющимъ, писать самимъ, а неумѣющимъ упрошовать о подписѣ вмѣсто себе другого, писать вмѣющого; потомъ розищики оные жъ допроси или розискъ імѣють закреплять своими руками и привозить албо присилать въ судъ полковій для вершенія и приговору: а вершить дѣла самимъ розищикомъ не поручать, ибо отъ такого порученія могутъ производить многіе трудности и дѣла маліе разводиться въ великіе, на большій обидимимъ убытокъ и воловиту. А если заводніе стороны сами въ частныхъ своихъ дѣлахъ поточнихъ (кромѣ воровства и убійства и другихъ важныхъ дѣлъ), не входячи въ большій заводъ, доброволне схотятъ при розищикахъ примиритися, то должны обидвѣ стороны дать одна другой росписки за руками своими и за руками-жъ зъ обоихъ сторонъ по два свѣдители, а въ кого могутъ быть и запечатаны, якъ о семъ поучаетъ право въ Статутѣ княжества литовскаго, въ розд. 4, арт. 25, и розищики такимъ развѣ образомъ могутъ споръ ихъ окончити, а другіе-жъ такіе росписки присилать албо привозить въ судъ, съ которого послани, а судъ оній тое примиріе ихъ долженъ конфирмовать и тогда конфирмацію требующей сторонѣ выдавать.

8.

А содержать помянутыхъ розициковъ требующой онихъ сторонѣ на своемъ пристойномъ коштѣ, въ общей же ссилыцѣ обомъ сторонамъ по половинѣ. Посильщикамъ же, особливо съ позвами, платить по копѣйцѣ за версту съ поворотомъ, а свѣдителей зисковать въ судъ и sustentовать такожь пристойнымъ коштомъ требующой стороны, которій коштъ, какъ на розициковъ, такъ на свѣдителей, и на писарей, и на посильщиковъ выложенній, опослѣ сторона, какая обвиненна будетъ, наградить должна, а то по праву, изображенному въ «Порядку», арт. 43, на листѣ 27 и части 3, на стр. 106-й, і зверхъ оной надлежащей sustentации неповинни розицики, ни писарѣ нѣчого большъ у сторонъ витягать и всякихъ иныхъ вимисловъ и взятковъ собою на убытокъ имъ чинить, особливо, когда обѣдвѣ стороны требоватимуть розициковъ въ дѣлахъ размежованія грунтовъ, то избѣрать тогда найпаче розициковъ, въ писмѣ и правѣ искуснихъ, которіе-бъ могли, о чемъ имъ будетъ молѣцено, совершенно управиться. А управиться имъ въ томъ межевомъ дѣлѣ такъ, какъ поучаетъ о подкоморихъ право въ Статутѣ, въ розд. 5, въ арт. 2, 3, 5, 6, 7 и 8.

9.

Вишеозначеннимъ судовимъ особамъ въ судѣ засѣдать и оній производить три днѣ въ тиждень, въ понедѣлокъ, среду і пятокъ. А того ради не по вся дни, чтобъ мощно было вправиться въ описаніи обстоятелномъ дѣлѣ по вишеозначенному 4 пункту; во дни же неделіе и праздничніе, а ктому особливо предъ празденствомъ Рождества Христова, отъ 22 декабря до праздника Богоявленія, такожь въ седмицы сирную и первую до второй недѣлѣ великого поста, отъ Лазаревой субботы до неделѣ Оуминой і во всю неделю пятидесятную Сошествія Святого Духа до неделѣ всѣхъ святыхъ, также во дни государственныхъ торжествъ и ктому въ лѣтное рабочее и ванигулярное время, отъ 15 юля до 15 августа, судебніе дѣла отстав-

лять, кромѣ нужнихъ дѣлъ о убійствѣ, разбои и о другихъ, которіе по правамъ называются горячими учинками і продолженія времени терпѣть не могутъ, о чемъ поучаетъ право въ «Порядку», въ части 2, на листѣ 78 положенное. Паче же всего дѣла судовіе должны судящіе производить со тцаніемъ самою сущою истиною, безъволокитно, безъ лицезрѣнія и безъ всякихъ накладовъ і взятковъ, указами запрещеннихъ и правамъ противнихъ.

10.

Кто по такому суду явится быть виноватымъ, особливо за побой, за безчестіе і за другіе преступленія, то приговоровать оплачивать надлежащую обидимому, подлугъ права статутского, на разнихъ мѣсцяхъ положенного, навязку и гвалтъ, и ежели кому по справедливосты которій искъ присужденъ будетъ, то тотъ искъ означать імянно, что на комъ доправитъ и на не імѣющемъ готовихъ денегъ доправлять зъ его пожитковъ по оцѣнки настоящею цѣною съ торгу, а безъ оцѣнки нѣчого въ грабѣжъ самоволно не брать. Что же многіе представляютъ свое сумнѣніе сторони навязки, козакамъ подобающей, такъ ли на оплату оной приговоривать, какъ шляхтичамъ въ Статутѣ положено, то козаки, кои найпаче толко за шляхту признаватись должны, такъ шляхетскую и навязку имъ приговоривать надлежить, понеже примѣромъ шляхти войсковіе службы Ея императорскому величеству отправуютъ і за тое по милости Ея ви сочайшей особливими жалованни волностми. А компанѣйцамъ, яко платнимъ и наемнимъ людямъ, жолнѣрамъ приличная навязка, подлугъ тогожъ статутского права, приговороватись имѣеть.

11.

По совершеніи нижняго суда, кто бы онимъ нижнимъ же судомъ не былъ контентъ, въ вишшій судъ не возбраняеть апелювати, подлугъ указу Ея императорского величества, въ рѣшительномъ 1-мъ пунктѣ изображеннаго, такожъ подлугъ права статутowego, въ розд. 4, арт. 86, парагр. 1, кромѣ причинъ, въ

томъ же розд. 4, арт. 88 вписанныхъ, и естли по апелациі въ вишномъ судѣ неправость низшаго суда явится, то оніе судящіе непременно имѣють быть обвинени по важности дѣла, какъ въ 1-мъ рѣшительномъ пунктѣ о томъ показано. А понеже многіе напрасно апелацию для убытку и далшей вологиты обидимаго нарочно чинить обикли, то когда по апелациі покажется въ вишномъ судѣ, что напрасно кто апеліоваль бы і тоєю апелациєю напрасно судящихъ опорочилъ, таковій самъ долженъ подлежати штрафу и наказанію, какъ о томъ поучаетъ право въ Статутѣ княжества литовскаго, въ розд. 4-мъ, арт. 40, парагр. 3 и арт. 89, такожъ въ розд. 9-мъ, арт. 7, то есть имѣеть по онихъ артикулахъ опороченному собою неслушне судове нижнему 12 рублей денегъ. а противной сторонѣ своей всѣ убытки уплатить: а кого такожъ доведется въ судѣ полковомъ приговорить на смертную казнь, или на лишеніе чести, особливо надъ знатными персонами, о томъ отписоваться съ мнѣніемъ напередъ къ намъ гетману і въ судѣ войсковій енеральній, а не отписавшись ꙗ не получивши рѣшенія, экзекуціи въ той смертной казни нѣ надъ кимъ и въ лишеніи чести надъ знатными людьми не производить.

12.

Понеже писарамъ судовимъ особливо для сусентаціи нѣтъ опредѣленія, безъ котораго имъ въ званіи своемъ прожите трудно, ибо въ суду полковомъ одинъ писарь и управиться не можетъ, но принужденъ держать себѣ въ помощь и другихъ подписковъ, а хотя въ такой сусентаціи онихъ правное описано доходовъ опредѣленіе въ томъ же Статутѣ, въ розд. 4, арт. 6, однакъ что тотъ доходъ, яко весьма малій и доволить онихъ писарей въ препитаніи и одеждѣ не можетъ, понеже теперь по сей інструкціи болше дѣла имъ въ запискахъ и перепискахъ и въ протчемъ прибавится, того ради, какое впредъ учинится опредѣленіе о заплатѣ полковимъ писарамъ и канцеляристамъ и прочимъ полковимъ служителямъ, потому і объ ихъ судовихъ писарахъ разсмотрѣніе быть должно. Ктому всякіе челобитчики, кому слу-

чится писать свои челобитніи где ни будь или въ тихже судахъ, въ которыхъ требуютъ своимъ дѣламъ рѣшенія, то за тіе сундѣлки платить имъ писарамъ отъ полуаркушовъ и страницъ по пять копѣекъ, то есть на которой сундѣцѣ будетъ списана одна страница полуаркушевая, за тую пять копѣекъ, а за писане двухъ полуаркушевыхъ страницъ гривню, за цѣлій же аркушь, на которомъ всѣ четыре страницы будутъ списаны, двѣ гривнѣ. А смотри по убожеству судимого, мощно и менчимъ награжденіемъ имъ писарамъ доволствоватись, и отъ приговорныхъ писемъ, которіе называются декретами и даются обыкновенно сторонѣ правой, взимать имѣють писари, смотри по дѣлу малому и великому, отъ страницы одной по гривнѣ; только они писары для своего взиску и убытку судимимъ не должны выше потребности въ написанѣ тихъ сундѣлокъ, допросовъ и декретовъ ширить рѣчи, но писать обыкновенными перѣдкими строками, для болшаго тимъ писемомъ страницъ заняться, чего сами судіи постерѣгать и не допускать имѣють.

13.

По селахъ, въ выдѣнній сотенной и городской старшины обретающихся, на судъ сходиться велѣтъ къ атаману или войту, не въ шинковіе дома, і емужъ атаману засѣдать съ двома или трома товаришами, а войту тожъ зъ двома или трома людьми трезвыми и розсудними, по маетностѣхъ же державскихъ, когда жалоба будетъ отъ мужика на козака, судъ той содержать атаману съ товариствомъ знатнѣйшимъ, и когда жалоба зайдетъ отъ козака на мужика, то судить старостамъ і войтамъ въ справахъ мелкихъ поточныхъ и судить тожъ не въ шинкахъ, не пьянимъ, но трезвимъ, безъ всякихъ накладовъ и взятковъ. А кто зъ нихъ виннимъ покажется, атаману-жъ съ козака, а старшинѣ и войту съ мужика подлежащую чинить росправу: чего же разсудить не могутъ по селамъ, то отсылать въ судъ сотенній или кто где вѣдомъ, а самовольства и грабительства безправно отнюдь бы нѣхто нѣ надъ кимъ нѣгде чинити не важился, подъ правними неопустными винами, въ Статутѣ, въ розд. 3,

арт. 37 выраженными. А когда бы тамъ, где кто вѣдомъ, не дана была жалобливому управа, наипаче когда державца якій зъ подданного своего козаку, или хочай посполитому человѣку, неподчиненному себѣ справедливость не покажетъ, то жалобливій на полковомъ судѣ съ свѣдѣтельствомъ нижняго суда искать оной справедливости долженъ, и судъ полковій тое дѣло имѣеть рѣшить безъ волокиты, кромѣ всякаго лицезрѣнія, по первомъ и пятнадцатомъ рѣшительномъ пунктамъ и подлежащимъ правамъ.

14.

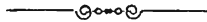
Сотенніе и городовіе, где майстрату нѣтъ, урядники, а где майстратъ есть, выдавать имѣють майстратовіе требующимъ людямъ купчіе записи въ продажи грунтовъ знатныхъ великой суммы, такожъ протесты и духовніе записи сочинять и выдавать, по правамъ, безъ взятковъ, противныхъ праву, а въ продажи грунтовъ самой меньшей сумми мощно чинить и выдавать и по селамъ кѹпчіе записи и духовниці, и тіе купчіе и духовниці, такъ городовіе, какъ и селскіе, писать съ обстоятельнымъ грунтовъ ограниченіемъ, съ свѣдѣтельствомъ помежниковъ продаемому грунту; такожъ протести или атестаціи, которіе въ сотенныхъ или городовыхъ урядахъ будутъ отправляться, видани были-бъ за подписомъ рукъ тоей сотенной и городской старшины, а по селлахъ за руками парохіальныхъ священниковъ, дьячковъ, атамановъ, войтовъ и другихъ вѣри годныхъ людей, а барзѣй самихъ продавцовъ і тѣхъ, которіе добра свои духовною распоразятимуть (толко-бъ слушне и непротивно праву оніе распоразжени были), и всѣ помянутіе персони на такихъ запискахъ подписовались бы по вышеозначенному сами, а хто писать не умѣеть, во мѣсто себе упрошывали-бъ о подписъ умѣючихъ писать, а крестами не подписоватся. Голословно же, безъ купчихъ писемъ, отъ сего времени жадныхъ грунтовъ нѣгде не продавать, ни покуновать, понеже черезъ такіе голословніи купчіи и продажи не маліе у народѣ устають тяжбы и въ судахъ дѣется трудность въ томъ, что кгрунта отколко десять лѣтъ проданіе по писемной купчой, а дѣти и средственики про-

давцовъ, вмняючи оніе заставленніе, усилвуются откупать і тѣмъ какъ позванную сторону прыводять до убытку, такъ и судъ напрасно затрудняютъ. Только въ дачи купчихъ записовъ помянутіе урядники должны опасно смотрѣть: 1) чтобъ пеннихъ и спорнихъ грунтовъ едни другимъ не продавали, 2) чтобъ какъ въ селахъ за державцами імѣющихся, такъ въ городахъ и вездѣ всякіе мирскіе люде духовнымъ особамъ, по 18 рѣшителъному пункту, а особливо козаки мужикамъ угодій и ни якихъ грунтовъ отнюдь не продавали, ибо черезъ таковіе продажи, за сходомъ по продажи козаковъ, войсковая служба умаляется, а мужики въ селахъ державскихъ ни козакамъ, чтобъ и посполитая не умалялась служба, ни другъ другу, безъ вѣдома державци своего, не імѣють продавать, да и у отходящихъ и отшедшихъ зъ сель козаковъ и мужиковъ, которіе обыкли тайно продавать свои грунта, такovýchъ грунтовъ отнюдь никому не покупать подъ потераніемъ денегъ, за тѣ грунта даннихъ, и жестокимъ наказаніемъ, чтобъ за такою непокупкою могли тіе отшелцы паки на свои оніе возвратитися грунта. Въ Глуховѣ, іюля 13-го, 1730 году.

На подлинномъ подписался:

Ея императорскаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ рукою властною.

Сообщ. А. А. Федотовъ-Чеховскій.

Библиографія.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по екатеринославской губерніи. Томъ II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославъ. 1886 г.

Что лучше люди земства сознають важность основательнаго изученія экономическаго и сельско-хозяйственнаго положенія крестьянъ, доказываютъ многочисленныя, но, къ сожалѣнію, малоизвѣстныя земскіе сборники, матеріалы, труды. Кто, напримѣръ, знаетъ, что бессарабское земство издало 95 томовъ сборника свѣдѣній о сельско-хозяйственномъ и экономическомъ положеніи бессарабскаго края, что подобнаго рода изданія сдѣлали многія другія земства, херсонское, черниговское, екатеринославское? Теперь передъ нами лежитъ толстая претолстая книга, съ вышеприведеннымъ заглавіемъ, изданная статистическимъ отдѣленіемъ екатеринославской губернской земской управы. Первый томъ, заключающій въ себѣ описаніе ростовскаго уѣзда, вышелъ немного ранѣе. Теперь дошла очередь до бахмутскаго уѣзда. Въ сборникѣ собраны свѣдѣнія о населеніи уѣзда, формахъ и условіяхъ землевладѣнія, земледѣліи, скотоводствѣ, арендѣ, промыслахъ, семейныхъ раздѣлахъ, грамотности, денежныхъ платежахъ и доходахъ. Нѣкоторые отдѣлы изложены подробно, другіе кратко, и однимъ изъ наиболее слабыхъ представляется отдѣлъ грамотности. Правда, и тутъ много цифръ, но за цифрами не видно живого народнаго тѣла.

Оставляя въ сторонѣ $\frac{9}{10}$ содержанія сборника, мы остановимся только на одной, небольшой третьей главѣ перваго отдѣла общихъ свѣдѣній объ уѣздѣ, заключающей въ себѣ «историческій очеркъ заселенія бахмутскаго уѣзда» (стр. 19—52).

Очеркъ этотъ составленъ 1) на основаніи печатныхъ источниковъ и пособій, статистическихъ и историческихъ статей А. Скальковскаго

В. Павловича, И. Бѣляева, В. Семезскаго и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, 2) рукописныхъ, именно списка инструкціи императрицы Елисаветы Бибикову о заселеніи Славяносербіи и списка ландкарты Славяносербіи 1754—1756 гг. и 3) устныхъ разсказовъ старожиловъ, собранныхъ статистическимъ отдѣленіемъ на мѣстахъ.

Въ началѣ «Очерка» говорится объ историческихъ судьбахъ края до XVI в. и заселенія уѣзда въ періодъ времени съ начала XVI до половины XVIII в., а затѣмъ слѣдуютъ обзоры колонизаціи народною, иностранною, казенно-слободскою, горно-заводскою и помѣщичьею. Аборигенами мѣстности, составляющей бахмутскій уѣздъ, являются малороссы, козаки-запорожцы. Преобладающій процентъ засельниковъ въ колонизаціонную эпоху падаетъ также на украинскіхъ выходцевъ малороссовъ. Въ составъ остальной части поселенцевъ вошли представители разныхъ племенъ и народностей, главнымъ образомъ великороссы, потомъ валахи, молдаване, сербы, венгерцы, поляки и другіе. Но большинство ихъ еще въ самомъ началѣ, а главнымъ образомъ въ послѣдствіи смѣшались съ малороссами и съ теченіемъ времени многіе почти вовсе утратили свои бытовые и племенные особенности. Въ настоящее время господствующій, а мѣстами почти исключительный типъ крестьянскаго населенія бахмутскаго уѣзда малорусскій. Правда, въ нѣкоторыхъ мелкихъ и большихъ селеніяхъ и теперь преобладаютъ великороссы, а мѣстами валахско-молдаванское населеніе, но и тутъ господствующій элементъ не удержался во всей своей чистотѣ и цѣлости и постепенно поглощается малорусскою народностью (стр. 52).

Количество крестьянскаго населенія уѣзда въ 1858 г. было 127,225 душъ обоюгаго пола, въ 1884 г. 173,006 человекъ.

Инструкція императрицы Елисаветы инженеру Бибикову, главныя пункты которой впервые напечатаны въ разсматриваемомъ историческомъ «Очеркѣ», касается перваго поселенія сербовъ и молдаванъ въ бахмутскомъ уѣздѣ въ 1753—1755 гг., подъ предводительствомъ Шевича и Прерадовича. Повелѣно было поселить ихъ отъ Бахмута до р. Лугани, причемъ Прерадовичу, какъ пришедшему ранѣе Шевича, дать лучшія земли, начиная отъ Бахмута, а Шевичу менѣе населенныя отъ Лугани. Переселенцамъ дана была земля, незанятые дома, по карабину и парѣ пистолетовъ, и назначено жалованье за военную службу. Правительство было озабочено, «дабы сей новоприходящій народъ въ имперію не только не огорченъ и не отгоняемъ былъ въ другую сторону, но по возможности оному показуемымъ благоволеніемъ и выгодами къ подданству и вѣрности могъ бы пріохоченъ быть». Австрійскіе выходцы заняли сѣверо-восточную часть бахмутскаго и западную славяносербо-

скаго уѣздовъ. Болѣзни, происшедшія отъ переменъ климата и воды и отъ недостатка или тѣсноты квартиръ, уничтожили значительную часть новоприбывшихъ. Въ добавокъ, татары въ 1768 г. сильно опустошили бахмутскую провинцію.

Весьма любопытными представляются воспоминанія стариковъ о прошлыхъ крѣпостныхъ временахъ и въ частности о помѣщичьей колонизаціи края. Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ было въ самой жизни, есть и жестокіе, и добрые помѣщики. Общій смыслъ воспоминаній тотъ, что до раздачи земель помѣщикамъ мужики жили привольно и свободно. Такъ въ с. Бѣлогоровкѣ сохранилось преданіе, что первымъ паномъ былъ Ларинъ и что крестьяне, привыкшіе относиться къ пану, какъ къ равному, долго не подчинялись ему. Для того, чтобы заставить крестьянъ работать на барщинѣ болѣе одного дня, помѣщикъ объявлялъ имъ небывалые царскіе указы, предписывавшіе, напримѣръ, спѣшить съ уборкою господскаго хлѣба. Впослѣдствіи крестьяне стали работать 3 дня, а въ концѣ тридцатыхъ годовъ были переведены на полную барщину. Крестьяне с. Бѣлокузьминовки сохранили воспоминаніе о первомъ владѣльцѣ села, офицерѣ морской службы, Кузьмѣ Котельниковѣ, какъ о человѣкѣ добромъ и заботливомъ о крестьянахъ, во время котораго въ хозяйствѣ многихъ крестьянъ было до 10 паръ воловъ, 150 овецъ, 8—10 коровъ, 150 колодокъ пчелъ. Крестьяне работали на помѣщика три дня, а при наслѣдникахъ Кузьмы Котельникова перешли на полную барщину и обѣдѣли. Память народная до сихъ поръ сохранила мельчайшія подробности добрыхъ отношеній Котельникова—простоты обращенія и заботливости о крестьянскомъ благосостояніи.

Вообще, историческій очеркъ заселенія бахмутскаго уѣзда составленъ хорошо и представляется вполне умѣстнымъ въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о бахмутскомъ уѣздѣ. Желательно, чтобы статистическія описанія уѣздовъ всегда сопровождались подобнаго рода историческими очерками и чтобы очерки эти издавались также отдѣльно, въ видѣ оттисковъ или брошюръ. Въ такомъ видѣ они нашли-бы болѣе читателей.

Н. С.

Кустарные промыслы курской губерніи, сост. Н. А. Добротворскимъ. Курскъ. 1886 г.

Въ послѣдніе два, три года правительство и земство обратили серьезное вниманіе на кустарные промыслы, подавляемые, въ ущербъ народному благосостоянію, крупнымъ заводскимъ и фабричнымъ произ-

водствомъ. Однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ стремленій земствъ въ настоящее время является стремленіе уяснить современное состояніе мелкой кустарной промышленности, поддержать ее матеріально и внести въ нее техническія улучшенія. Въ послѣдніе годы статьи о кустарныхъ промыслахъ появились во всѣхъ журналахъ и газетахъ и земствами издано нѣсколько спеціальныхъ монографій по этому предмету. Къ сожалѣнію работы по этой части не получаютъ достаточной извѣстности въ образованной части общества, не смотря на важное ихъ значеніе, экономическое и даже историческое. Въ лучшихъ изслѣдованіяхъ о кустарной промышленности часто попадаются весьма любопытные факты для исторіи мѣстной краевой промышленности.

Такого рода черты, между прочимъ, находятся въ изслѣдованіи Н. А. Добротворскаго о кустарныхъ промыслахъ курской губерніи, изданномъ курскимъ губернскимъ земскимъ статистическимъ бюро, на основаніи матеріала, добытаго во время статистическаго описанія губерніи въ 1884 и 1885 гг. Въ изслѣдованіи г. Добротворскаго находится обзоръ статистическихъ и экономическихъ данныхъ о производствѣ кожевенномъ, сапожномъ, каменотесномъ, овчинномъ, различныхъ подѣлкахъ изъ дерева и другихъ мѣстныхъ производствахъ. Трудъ г. Добротворскаго обладаетъ многими цѣнными достоинствами, какъ-то обиліемъ фактическихъ данныхъ, яснымъ и простымъ изложеніемъ и точной формулировкой того, что нужно сдѣлать для улучшенія того или другаго производства и для поднятія благосостоянія кустарей.

Для «Кіевской Старины», какъ спеціальнаго историческаго и притомъ областного историческаго журнала, представляютъ интересъ лишь тѣ историческія черты, которыя относятся къ кустарнымъ промысламъ малоруссовъ суджанскаго и грайворонскаго уѣздовъ курской губерніи, именно двумъ промысламъ, кожевенно-сапожному и иконописному.

Районъ кожевенно-сапожнаго производства тянется по всей южной окраинѣ курской губерніи и переходитъ на востокъ въ воронежскую, на югъ и западъ въ сѣверную часть харьковской губерніи. До развитія въ этомъ районѣ кожевенно-сапожнаго производства, т. е. до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія главнѣйшими занятіями здѣшнихъ крестьянъ были винокуреніе и бондарство. Винокуреніе было совершенно свободно отъ регламентаціи со стороны закона. Крестьянинъ оставшійся отъ годоваго употребленія излишекъ хлѣба перегонялъ въ водку и въ такомъ видѣ продуктъ достигалъ рынка. Винокуреніе было промысломъ весьма выгоднымъ и имъ занималась большая часть здѣшнихъ крестьянъ. Сильнымъ развитіемъ винокуренія вызвано было процвѣтаніе бондар-

ства. «Время вольнаго винокуренія, говоритъ г. Добротворскій, было золотымъ вѣкомъ для Борисовки, Мирополья, Ольшанки и другихъ слободъ южныхъ уѣздовъ, вошедшихъ нынѣ въ составъ курской губерніи. Здѣшніе крестьяне до сихъ поръ не забыли его и, вынимая изъ скринь по праздничнымъ днямъ для своихъ скромныхъ пирушекъ старинные серебряные и золотые стаканы и чарочки, вспоминаютъ о томъ, какъ хорошо жилось во время оно ихъ дѣдамъ, пользовавшимся правомъ безплатно курить горилку» (стр. 56). Когда право свободнаго винокуренія было потеряно, т. е. съ 1772 года, винокуры и бондари должны были бросить свои занятія. Они начали приставать къ сапожникамъ и учиться у нихъ кожевенному и сапожному производству. Благодаря обилію сыраго матеріала п большому спросу на сапожныя издѣлія на всѣхъ рынкахъ Украины, кожевенно-сапожное производство начало быстро развиваться. Высшаго разцвѣта это производство достигло въ 50 и 60-хъ годахъ, когда украинскія ярмарки были завалены сапогами здѣшняго издѣлія. Затѣмъ послѣдовалъ быстрый упадокъ кожевенно-сапожнаго производства, вслѣдствіе малоземелія, увеличенія податей и въ особенности вслѣдствіе проведенія Курско - Харьковской и Курско - Кіевской желѣзныхъ дорогъ. вмѣстѣ съ разными ситцами, сукнами, кушаками и другими издѣліями московскихъ и владимірскихъ мануфактуръ, желѣзныя дороги внесли въ степныя окраинныя губерніи и кимрскій и московскій сапоги, которые, по своей добротности и дешевизнѣ сразу заняли видное мѣсто на всѣхъ южныхъ рынкахъ и сдѣлались опасными конкуррентами курскаго сапога, почему и цѣна на послѣдній значительно понизилась.

Иконное производство свило себѣ гнѣздо въ сл. Борисовкѣ, граворонскаго уѣзда. Изготовляемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и достигаютъ даже Болгаріи и Сербіи. Извѣстный въ исторіи церковной живописи Боровиковскій учился живописи въ сл. Борисовкѣ. Квитка-Основьяненко въ одной своей повѣсти замѣтилъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ «наилучши богомазы, иконописцы и усйки маляри» (107). Возникновеніе борисовскаго иконнаго производства связываютъ съ возникновеніемъ Борисовскаго женскаго монастыря, основаннаго въ 1714 г. знаменитымъ сподвижникомъ Петра I Борисомъ Петр. Шереметевымъ. Шереметевъ прислалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ и для обученія борисовскихъ жителей иконописному мастерству.

Въ исторіи развитія кожевенно-сапожнаго и иконописнаго производствъ въ южной части курской губерніи среди малороссовъ, по мнѣнію г. Добротворскаго, важное значеніе имѣли прислан-

ные сюда помѣщиками изъ велико-русскихъ губерній ремесленники. Весьма возможно, что приходившіе изъ Великороссіи ремесленники вносили въ среду малороссіянъ кое-какія ремесленныя свѣдѣнія; но во всякомъ случаѣ малороссіане имѣли въ этомъ отношеніи также знающихъ людей. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, что великорусскіе ремесленники могли научить чему-нибудь полезному «козаковъ, въ большинствѣ случаевъ ничего не знавшихъ до тѣхъ поръ (начала XVIII ст.), кролѣ войны и набѣговъ» (стр. 55). Въ старинной Малороссіи многія отрасли кустарной промышленности находились въ превосходномъ состояніи. Гончарныя издѣлія отличались художественной отдѣлкой. Коцарскій, или ковровый промыселъ занималъ много рукъ. Малорусскихъ садоводовъ вызывали въ Москву, какъ знатоковъ своего дѣла. Иконное и вообще малярное производство также процвѣтало; весьма цѣнные памятники старинной малорусской иконописи находятся въ Музеѣ кievской духовной академіи, въ церквяхъ Галиціи и Малороссіи и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Павелъ Аленискій, бывшій въ Малоросіи въ половинѣ XVII ст., чрезвычайно хвалитъ одну икону кисти малорусскаго живописца.

Насколько измѣняется бытъ малоруссовъ крестьянъ съ переходомъ ихъ, въ значительномъ количествѣ семей одного и того же села, отъ земледѣлія къ кустарной промышленности, можно отчасти видѣть на крестьянахъ богатаго и промышленнаго села Борисовки, грайворонскаго уѣзда. Населеніе Борисовки состоитъ исключительно изъ малоруссовъ; но, по словамъ г. Добротворскаго, здѣсь уже нельзя встрѣтить того сосредоточеннаго и замкнутаго хохла, котораго видимъ обыкновенно въ мелкихъ деревняхъ. Малороссъ здѣсь очень подвиженъ, живъ и расторопенъ. Характеръ его напоминаетъ обыкновеннаго городского обывателя ремесленника. За словомъ онъ въ карманъ не полѣзетъ, шапки ни передъ кѣмъ не ломаетъ; на ближайшее начальство, въ родѣ старшины, урядника и даже становаго и священника, смотритъ съ усмѣшкой... Чтобы рѣзче отдѣлиться отъ «чернаго народа», онъ рѣдко употребляетъ свой природный языкъ и старается говорить по русски, «какъ господа говорить», и подражаетъ этимъ послѣднимъ во всемъ—въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ etc. Въ домѣ у него всегда чистота и опрятность; на окнахъ дешевыя коленкоровыя занавѣсочки съ кружевами домашняго приготовления, и нѣсколько горшковъ съ цвѣтами—геранью, фуксіей и т. п., на полу постланъ коврикъ также домашняго приготовления, на лавкѣ, въ переднемъ углу, подъ «свитомъ»—старательно вычищенный самоваръ, а въ столовомъ ящикѣ—цѣлая дюжина чайныхъ чашекъ, такъ какъ живописецъ обязательно пьетъ чай по два раза въ день. Онъ «не дуракъ выпить», не прочь кутнуть въ праздничный день съ пріятелями; но при этомъ онъ не пойдетъ въ кабакъ вмѣстѣ

съ «сѣрымъ народомъ», а выпьетъ дома, тихо, скромно, или въ крайнемъ случаѣ зайдетъ въ трактиръ, но никогда не напьется до самозабвенія, не дойдетъ до мордобитія, стеклобитія и т. п. безобразій. Одѣвается онъ въ пиджакъ, пальто, брюки и смазные сапоги. Пѣсни поются здѣсь городскія: «Подъ вечеръ осенью ненастной», «Тамъ гдѣ море» и т. п.; знаютъ даже «Стрѣлочку» и «Ночной зефиръ». Свои народныя малороссійскія пѣсни всѣ забыты. Грамотныхъ среди живописцевъ насчитывается около 50 % общаго количества, нѣкоторые изъ мастеровыхъ читаютъ даже книжки и газеты, доставая ихъ въ училищной библіотекѣ и у духовныхъ» (стр. 125).

Слабыя стороны подобнаго рода быта обусловлены не столько внѣшними культурными вліяніями, сколько односторонностью въ ихъ воспріятіи.

Н. С.

Крачунъ-Корочунъ, Шухардта (Archiv für slavische Philologie. 1886 г. Т. XI 3. 527).

Крачуномъ въ Галиціи называется рождественскій праздникъ и относящійся къ нему огромный бѣлый хлѣбъ. Крачунъ готовятъ наканунѣ праздника съ большою торжественностью и обрядностью. На столъ ставятъ разныя кушанья и среди нихъ хлѣбъ крачунъ. Ъдятъ его, съ появленіемъ звѣзды, хозяева и рабочіе вмѣстѣ за однимъ столомъ, а по окончаніи ужина хозяинъ дѣлаетъ въ окно пистолетный выстрѣлъ (Терещ., Бытъ рус. нар., VII., 20). Значеніе слова «крачунъ» темпо. Гуго Шухардтъ въ послѣдней книжкѣ «Архива слав. филологіи» предложилъ по этому поводу небольшую замѣтку. Шухардтъ указываетъ на то, что слово «крачунъ» неизвѣстно лужичанамъ, полякамъ славинцамъ и хорватамъ, и вообще его употребленіе въ славянствѣ настолько ограничено, что нельзя считать его славянскимъ словомъ по происхожденію. Слова «крачунъ» и «карачунъ» встрѣчаются у великоруссовъ, малоруссовъ, словаковъ и сербовъ. Шухардтъ предполагаетъ, что эти народы заимствовали слово «крачунъ» у румынъ. Румынское сгăciun — Рождество Христово, съ краткимъ а. Ближе всего къ этому слово подходит малорусское «керечунъ». Гуцульское «корочунъ» приобрѣло русскую полногласную форму. Указаніе на румынскій источникъ слова «крачунъ» представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что восполняетъ еще одной чертой исторію живаго и тѣснаго общенія южно-руссовъ съ румынами.

Н. С.

Степъ. Херсонскій беллетристичный сборникъ. 1886.

Названіе данного сборника «беллетристичнымъ» не вполне точно характеризуетъ его составъ, такъ какъ въ него, кромѣ произведеній изящной литературы: рассказовъ и стихотвореній, вошло и нѣсколько статей научныхъ, а также небольшое собраніе народныхъ свадебныхъ пѣсенъ. Что касается беллетристическаго отдѣла въ собственномъ смыслѣ, то по достоинствамъ внутреннимъ—резвому реализму, этнографической колоритности и чисто народному юмору, равно и по живому, безыскусственному языку, первое мѣсто въ сборникѣ принадлежитъ рассказу Ив. Левицкаго «Невинна». Подобно тому, какъ въ раннихъ произведеніяхъ его, извѣстныхъ «Бабѣ Палажкѣ» и «Бабѣ Параскѣ»,— и здѣсь рассказъ ведется отъ имени деревенской бабы, откровенно повѣствующей матушкѣ, почему прослыла она «злодійкою» на селѣ; она божится, присягаетъ, готова земли съѣсть, что ни въ чемъ «невинна ѿ невинна»; вся бѣда пошла оттого, что не она, а мужъ ея кралъ; правда, каждый разъ, когда приносилъ онъ поживу—то кукурузы, то проса, то сала,—она, какъ вѣрная подруга, и не смѣя перечить мужу, все «притуляла» къ своему, а когда принесъ пшеницы, то просто скрыла, ибо притулять было не къ чему, а потомъ ухитрилась потихоньку смолоть и испекла паску; правда и то, что идя черезъ Кушниренковъ дворъ и увидя поросятъ, взяла одного и поглядѣла, хотѣла «погратись», а въ огородѣ сосѣдки Марты забрала яйца, думая, что ихъ снесла ея собственная курица, постоянно летавшая туда; былъ наконецъ еще одинъ случай съ рассказчицей: купила она образъ, понесла святить и посвятивши, по забывчивости не заплатила «шести шагивъ», но за то и покаралъ же ее Богъ невыносимыми мученіями совѣсти, которыя привели ее на исповѣдь къ священнику: «але, кажу. батюшко—разсказывала баба—ей Богу, я невинна».—Рассказъ Даниила Мордовца «Будякъ» представляетъ собою нѣчто въ родѣ «стихотворенія въ прозѣ», на манеръ тургеневскихъ, но не отличается оригинальностью мысли, хотя, при теплотѣ тона, читается не безъ удовольствія. Далѣе, въ сборникѣ находимъ четыре рассказа Дмитрія Марковича «Изъ уголовщины», привлекающихъ къ себѣ горячимъ гуманнымъ чувствомъ автора къ несчастнымъ, выброшеннымъ изъ колеи людямъ, въ которыхъ онъ умѣетъ подмѣтить искру Божію; рассказъ М. Заволоки «Бядна дивчина» съ большой правдой и даже съ извѣстной тонкостью изображаетъ душевное состояніе дѣвушки, народной учительницы, дочери пьянаго чиновника, забитой, запуганной и некрасивой, въ моментъ, когда она рѣшается покончить жизнь самоубійствомъ. Впрочемъ, языкъ

этого разсказа не лишень искусственности и потому тяжелъ: такъ, на-примѣръ, врядь ли удобны такія слова «оповидання» г. Марковича: колотнеча, обметыця, пагосы, тислытця, вона звопыла, латво (було), хить, перебаранчить, выпадокъ, чавыла (смерть ея) и проч. Три миниатюрныхъ «оповиданья» А. Браунера запечатлѣны живою любовью къ степной природѣ: отъ его разсказовъ «Идилія въ плавняхъ» и «Тырса» вѣетъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и живительнымъ дуновѣніемъ рѣки. О разсказѣ Пенчукивця «Тарасенко» нельзя сказать ничего особенно хорошаго, ни особенно дурного... Наконецъ въ разбираемъ альманахъ вошла драма недавно выступившаго въ литературѣ талантливаго И. Карпенка, «Бондаривна», создавая на основѣ известной исторической пѣсни, напечатанной въ сборникѣ въ двухъ вариантахъ. Для того, чтобы быть краткими и не повторять сказаннаго другими объ этой драмѣ, по поводу недавно вышедшаго его «Збирника творивъ», ограничимся слѣдующими замѣчаніями. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ «Бондаривны», какъ равно и остальныхъ пьесъ г. Карпенка, слѣдуетъ отнести безподобный по своей чистотѣ, образности и музыкальности языкъ и художественный драматизмъ положеній, къ отрицательнымъ же качествамъ—нѣкоторую саптиментальность и недостатокъ въ комическомъ элементѣ, который разнообразилъ бы дѣйствіе и оживлялъ его.—Кромѣ «оповиданъ» и драмы, въ сборникѣ помѣщены стихотворенія П. Тулуба, Днепровой Чайки, А. Конощенка и П. Залознаго; стихотвореніе послѣдняго «Сыротина» лучше другихъ.—Вообще о беллетристическомъ отдѣлѣ можно сказать, что онъ составленъ не дурно, что нѣкоторыя вещи въ немъ положительно хороши, но достоинство его пострадало отъ дробности матеріала, неизбѣжной впрочемъ въ такого рода изданіяхъ; по прочтеніи беллетристики «Степа» остается впечатлѣніе въ родѣ того, какъ будто цѣлый вечеръ угощали васъ одними бисквитами и не дали ничѣмъ запить ихъ. Еще лишній разъ слѣдуетъ сказать, что краткость и художественность совмѣщаются удачно только подъ перомъ крупныхъ дарованій.

Иное слѣдуетъ сказать о научномъ отдѣлѣ «Степа»; въ немъ находимъ также небольшія по объему статьи, но онѣ даютъ почтенный вкладъ по специальнымъ вопросамъ этнографіи и статистики. Статья Маріи Ганенка мѣтко очерчиваетъ семейно-имущественныя отношенія крестьянъ елисаветградскаго уѣзда: крестьянскіе раздѣлы, власть родителей и отношеніе къ нимъ младшихъ членовъ семьи, заключеніе брака, „братанье“ (побратимство у великороссовъ), вторичные браки, нарушеніе вѣрности, разводы, незаконныя дѣти, приданое, усыновленіе и опеку. Намъ думается однако, что слѣдовало бы подробнѣе изобразить

вліяніе города на крестьянскую семью, вліяніе о которомъ авторъ свазалъ только нѣсколько словъ въ началѣ статьи. Въ статьѣ К. Шрама передъ читателемъ является украинская деревня—по драмамъ гг. Старицкаго и Кропивницкаго: въ ней выясняется генезисъ извѣстнаго «глитая» («кулака» у великоруссовъ), существенныя черты его социальной политики, очерчивается положеніе труда въ современной сельской жизни по сравненію съ жизнью крѣпостной, причемъ выводы получаютъ авторомъ глубоко безотрадныя для современности; въ заключеніе говорится о нравственномъ, въ положительномъ смыслѣ, значеніи вечерницъ. Въ концѣ помѣщена статья А. Русова, посвященная вопросу о роли и значеніи земской статистики.

Изданъ сборникъ чистенько и цѣна ему не высокая. Можно надѣяться и во всякомъ случаѣ слѣдуетъ желать, чтобы онъ привлекъ къ собѣ вниманіе читающей публики.

В. Я.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

Картина В. Е. Маковского „Мать и Дочь“.

Имя Владиміра Егоровича Маковского давно уже извѣстно, какъ имя одного изъ лучшихъ современныхъ художниковъ. Родился онъ въ Москвѣ въ 1846 г., образованіе получилъ въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія, въ 1873 г. удостоенъ званія академика. Картины В. Е. Маковского извѣстны публикѣ по передвижнымъ выставкамъ, гдѣ онѣ всегда привлекаютъ вниманіе зрителей, по разнообразію сюжетовъ и въ особенности по бытовой ихъ правдивости.

Въ послѣдніе два года въ художественной дѣятельности В. Е. Маковского обнаружилась перемѣна относительно избираемыхъ художникомъ сюжетовъ. На первыхъ двѣнадцати передвижныхъ выставкахъ мы видѣли картины общаго буржуазнаго содержанія, преимущественно съ сюжетами изъ городского чиновничьяго и купеческаго быта. На XIII передвижной выставкѣ изъ 17 картинъ, принадлежащихъ кисти Маковского, шесть малорусскаго содержанія, и лучшія картины были изъ числа этихъ шести, въ особенности крупныхъ размѣровъ картина «Шинокъ». На XIV выставкѣ изъ десяти картинъ В. Е. Маковского лучшею по идеѣ и содержанію была также съ малорусскимъ сюжетомъ картина «Мать и дочь». О ней-то мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Написана эта картина на слова малорусской пѣсни:

Ище солнце не зходило,
 Щось до мене та приходило;
 Приходила моя матинка,
 Приходила моя ридная,
 Порадонька моя вирная.

Не нужно быть спеціалистомъ художникомъ, чтобы при внимательномъ разсматриваніи этой картины не замѣтить погрѣшностей въ технической отдѣлкѣ передней ея части. Зеленое поле набросано слишкомъ поспѣшно, небрежными мазками и потому представляется монотоннымъ и грязноватымъ. Нѣкоторое недоразумѣніе вызываетъ также головной покровъ старухи крестьянки, нѣчто широкое, съ длинными концами, въ родѣ западно-русской коруны. Коруна—головной уборъ замужнихъ женщинъ у малороссіянъ сѣдлецкой губерніи; это бѣлая, тюлевая, иногда изъ тонкаго полотна лента, нагофренная и пришитая къ болѣе широкой полотняной лентѣ, которая называется «биндаль». Коруны окаймляютъ верхнюю часть лица и придерживаются платкомъ, иногда пришиваются къ чепчику ¹⁾). Народное употребленіе этого головнаго убора ограничивается извѣстной мѣстностью, и въ восточной Малороссіи ничего подобнаго корунѣ не встрѣчается. Исключительная особенность головнаго убора старухи даетъ вниманію зрителя одностороннее направленіе и отвлекаетъ его на мелочь въ ущербъ общему содержанію картины. А между тѣмъ это общее содержаніе картины заслуживаетъ полнаго вниманія.

Вложенная художникомъ въ картину народная идея о благотворномъ значеніи матери въ семьѣ такъ глубока и поэтическая сторона картины такъ увлекательна, что зритель забываетъ мелкіе техническіе недостатки картины и любитъ ея, какъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ, затрогивающимъ тонкія струны человѣческаго сердца. Содержаніе просто: раннее утро; заря чистая, яркая, но солнце еще не взошло; вдали разстилается малорусское село и едва видны его крайнія хатки. Миръ и тишина. Небо ясное, чистое, обѣщающее хорошій, жаркій лѣтній день. За «цариной», въ полѣ, лицомъ къ зрителю, стоитъ молодая женщина, грустная и печальная. Она внимательно слушаетъ, что ей говоритъ старушка, ея мать, а послѣдняя говоритъ что-то важное, съ выраженіемъ доброты и заботливости, съ выраженіемъ ласки и многолѣт-

¹⁾ Языкъ Малорусская грамматика, стр. 116.

ней житейской опытности. Это дѣйствительно «порадонька вирная», мать любящая, заботливая, откуда-то пришедшая навѣстить свою злополучную дочь, пришедшая на разсвѣтъ, чтобы никто ее не увидѣлъ и не передалъ объ ея приходѣ злой свекрови или мужу молодой женщины.

Всматриваясь въ картину, мы догадываемся, въ чемъ состоитъ горе молодой женщины, и къ намъ съ полотна сходятъ слова утѣшенія, сказанныя ея вѣрной «порадонькой», матерью. Молодая женщина, можно навѣрно сказать, бѣдная жена, притѣсняемая пьяницей мужемъ, можетъ быть, въ добавокъ злой свекровью. И не проста она такъ рано вышла за околицу села. Нужно думать, молодая женщина въ данномъ случаѣ одна изъ тѣхъ жертвъ семейнаго нестроенія, которыя яркими чертами обрисовали «свою нудугу, свои печали» въ народныхъ пьяницкихъ пѣсняхъ.

Винь въ двери—я утикаю,
Викномъ, дверима утикаю;
У садочку ночлигъ маю,
До мисяца розмовляю (Чубин. т. V, стр. 1092).

Всматриваясь въ заботливое и добродушное выраженіе лица старухи, сколько можно разсмотрѣть его въ профиль, принимая во вниманіе вообще весь ви́шній обликъ старухи матери и ея дочери, нельзя допустить, чтобы она выдала замужъ свою дочь противъ ея воли. Въ печальномъ и сосредоточенномъ выраженіи лица молодой женщины сквозить другая мысль, на слова народной пѣсни:

Нихто не виненъ, тилько я,
Щомъ полюбила гульгая...
Не виненъ отецъ и мати,
Не силовали мене отдати (Чубин. т. V, стр. 217).

Въ малорусской народной поэзіи находится множество указаній на мать, какъ «порадоньку вирную». Въ думѣ про Коновченка мать совѣтуетъ ему не высказывать впереди войска и не бросаться въ битву первымъ. Въ думѣ про вдову и ея трехъ сыновей кара Божія постигаетъ крестьянскія семьи, не признавшія въ лицѣ матери «вирной порадоньки». Въ колядкахъ, свадебныхъ и семейно-родственныхъ пѣсняхъ мать, какъ «порадонька вирная», даетъ сыну благожелательныя, исполненные глубокаго жизненнаго

опыта совѣты о выборѣ дѣвушки-невѣсты, чтобы онъ бралъ убогую и трудолюбивую, потому что не въ богатствѣ и знатности рода счастье, а въ трудолюбіи и смиреніи сердца.

Мать, какъ вѣрная порадонька, тѣма въ высшей степени благодарная для художественнаго творчества, и В. Е. Маковскій удачно ею воспользовался. Старуха-мать производитъ на зрителя пріятное и успокаивающее впечатлѣніе, какъ олицетворенное выраженіе житейской опытности, сердечности и добродушія. Сморщенное лицо старушки показываетъ, что много лѣтъ ею прожито, много прочувствовано и пережито, и при всемъ томъ она сохранила любящее, отзывчивое сердце, и теперь спокойно, мягко успокаиваетъ и утѣшаетъ свою, очевидно, горемычную дочь.

Въ картинѣ В. Е. Маковского заслуживаетъ еще вниманія контрастъ между радостной природой и печальнымъ человѣкомъ. Раннее утро такъ свѣжо, заря такъ чиста; село еще дремлетъ и ничто не нарушаетъ торжественной тишины ранняго лѣтняго утра, и среди этого мира и тишины выдаются вставшія чуть свѣтъ и выгнанныя за околицу села тайнымъ домашнимъ горемъ любящая старуха мать и обездоленная, горемычная ея дочь. Природа равнодушна къ страданіямъ и горю человѣка. Это давно почувствовали и созналъ человѣкъ и сталъ искать нравственной опоры въ духовныхъ силахъ своихъ и всего человѣчества, въ религіи, въ искусствѣ, въ поэзіи, въ семейно-родственныхъ связяхъ. Творецъ великими сокровищами украсилъ внѣшній міръ; но еще большія сокровища вложилъ въ человѣческую душу и далъ ей способность раскрывать эти сокровища въ мірѣ поэзіи и искусства, въ дѣлахъ любви и милосердія.

Блаженъ, кто въ себѣ дальновидно скопилъ
 Въ часы одиночества, мысли сурово,
 Избытокъ душевныхъ и умственныхъ силъ
 Для жизни духовной средь шума мірскаго (Сырокомля).

Такого рода избытокъ душевныхъ и умственныхъ силъ обнаружилъ художникъ въ картинѣ «Мать и дочь», равно какъ въ цѣломъ рядѣ другихъ картинъ, и, какъ всегда бываетъ въ сферѣ умственныхъ интересовъ и отношеній, этотъ избытокъ личныхъ духовныхъ силъ поднимаетъ средній уровень духовныхъ силъ общества,

поднимаетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что укрѣпляетъ въ обществѣ чувство гуманности и пробуждаетъ въ немъ новые интересы народности.

Въ частности, нельзя не порадоваться появленію картины «Мать и дочь», какъ первому довольно удачному опыту художественнаго воспроизведенія малорусскихъ народно-поэтическихъ мотивовъ. Это непочатый уголь для художественнаго вдохновенія и творчества. Не даромъ-же такой безпристрастный судья, какъ И. В. Ягичъ въ статьѣ о Дунаѣ (Archiv, 1876, т. I) называетъ малорусскую поэзію самой богатой и задушевной славянской поэзіей, а другой писатель, нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ гораздо ранѣе г. Ягича, въ 1845 г., замѣтилъ, что въ Малороссіи «дерево народной поэзіи принесло величественные плоды».

Н. С.

Къ біографіи Г. Н. Теплова.

Личность Г. Н. Теплова, этого особаго и особымъ образомъ воспитаннаго совѣтника при гетманской особѣ, автора извѣстной записки «О пе порядкахъ въ Малороссіи», играетъ столь не ясную и вмѣстѣ столь важную роль въ исторіи послѣднихъ дней ея, что всякая новая архивная справка о немъ будетъ не лишнею для его біографіи.

Такою справкою тѣмъ болѣе можетъ быть найденная нами въ архивѣ департамента герольдін его записка о своей службѣ. Вотъ подлинный ея текстъ.

«По оказаніи успѣховъ въ наукахъ, которыхъ обучался въ Санктпетербургскихъ училищахъ, въ 1736 году по именному покойной императрицы Анны Іоановны указу опредѣленъ въ академію наукъ коллежскимъ переводчикомъ.

Въ 1743 году по именному-жь указу покойной императрицы Елисаветы Петровны, будучи при томъ адъюнктомъ въ исторіи натуральной, посланъ былъ въ университеты нѣмецкіе для продолженія наукъ и усмотрѣнія университетскихъ въ чужихъ краяхъ порядковъ. Въ 1745 г., именнымъ же ея величества императрицы Елисаветы Петровны указомъ пожалованъ ассесоромъ коллежскимъ и присутствовалъ въ канцеляріи академіи наукъ, будучи при томъ членомъ той же академіи.

Въ 1750 г. именнымъ ея величества указомъ пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ и былъ у отправленія по ея же указу гегманскихъ малороссійскихъ дѣлъ.

Въ 1758 г. пожалованъ отъ ея величества, покойной императрицы, стагскимъ совѣтникомъ, а въ 1762 году бывшимъ императоромъ, при вступленіи его на престолъ, пожалованъ голстинскаго двора камергеромъ, а послѣ стагскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ.

Въ томъ же 1762 году, при благополучномъ вступленіи на престолъ ея императорскаго величества, нынѣ царствующей государини императрицы, находился при дѣлахъ, отъ ея собственныхъ повелѣній зависящихъ, а потомъ въ 1763 году особливымъ ея величества именнымъ указомъ, объявленнымъ въ сенатѣ, опредѣленъ точно для отправленія собственныхъ ея величества дѣлъ и къ принятію челобитень, подаваемыхъ ея величеству въ собственные руки.

Въ 1765 г. сентября 22 пожалованъ орденомъ святыя Анны, а въ нынѣшнемъ 1767 г. сентября 22 дня пожалованъ въ тайные совѣтники».

(Собственноручно:) Григорей Тепловъ.

Декабря 26 дня
1767 г.

Записку эту Тепловъ представилъ въ Герольдію на предметъ изготовленія для него диплома на дворянство и герба. Начало записки весьма неопредѣленно и неточно. Выставленный 1736 годъ какъ будто бы указываетъ на время опредѣленія Теплова въ академію наукъ переводчикомъ; въ дѣйствительности же опредѣленіе это состоялось въ 1740 году и не по именному высочайшему указу, а по резолюціи кабинетъ-министровъ. Это видно изъ имѣющагося при дѣлѣ герольдіи слѣдующаго донесенія академіи наукъ въ кабинетъ ея императорскаго величества, отъ сентября 1740 года:

«Прошедшаго августа 18 дня сего 1740 года, поданнымъ доношеніемъ въ академію наукъ просилъ семинаріи покойнаго Феофана, архіепископа новгородскаго, ученикъ Григорій Тепловъ о опредѣленіи его при академіи наукъ, къ чему годенъ явится, и дабы при томъ случаѣ имѣть могъ въ наукахъ вящее искусство себѣ получить. И хотя по освидѣтельствованію его, Теплова, какъ въ языкѣ латинскомъ, такъ и въ разныхъ наукахъ, уже имѣющаго добраго искусства, онъ при академіи наукъ не безъ пользы быть имѣеть,

однакоже академія безъ указу ея императорскаго величества онаго опредѣлить не можетъ, и для того чрезъ сіе о милостивой на то резолюціи всеподданнѣйше просить. А по мнѣнію академіи наукъ, помянутый Тепловъ опредѣленъ быть можетъ на мѣсто умершаго переводчика Ильинскаго въ переводчики-жъ, съ опредѣленіемъ жалованья по 180 рублевъ въ годъ, для перевода книгъ изъ латинскаго на російскій языкъ; а со временемъ, по уповательному его, Теплова, къ наукамъ ревностному прилежанію, онъ въ ея императорскаго величества службѣ, куда заблагоразсуждено будетъ, себя вѣще способнымъ учинить можетъ».

Донесеніе подписали: Бревернъ, Гольдбахъ и Шумахеръ.

Тепловъ опредѣленъ былъ въ академію слѣдующею резолюціею кабинетъ министровъ (Андрея Остермана, князя Алексѣя Черкаскаго и Алексѣя Вестужева-Рюмина), отъ 3 октября 1740 года:

«По сему доношенію вышеозначеннаго ученика Григорья Теплова, когда онъ въ той академіи быть потребенъ, то его на мѣсто помянутаго умершаго переводчика Ильинскаго съ жалованіемъ по 180 рублей опредѣлить».

Относительно отпращиванія Теплова за границу въ томъ же дѣлѣ герольдіи находится слѣдующій указъ сената академіи наукъ, отъ 7 марта 1743 года:

«Сего марта 4 дня, ея императорское величество, именнымъ, за подписаніемъ собственныя ея императорскаго величества руки, указомъ всемилостивѣйше указать соизволила: академіи наукъ адъюнкта Григорья Теплова, по прошенію его, для дальнѣйшаго и совершеннаго обученія и усмотрѣнья въ чужестранныхъ академіяхъ установленныхъ наилучшихъ порядковъ и учреждений, отправить въ чужестранныя академіи, а имено въ виртембергское княжество въ городъ Тубингъ, а оттуда въ Парижъ, и для того опредѣлить ему жалованья по 600 рублей на годъ, которое на нынѣшній годъ, и сверхъ того на дорожный проѣздъ 400 руб., выдать ему изъ штатсъ-конторы; а впредь, какъ онъ тамо прибудетъ, получать ему оное жалованье отъ пребывающаго при дворѣ французскомъ російскаго министра».

Въ ассесоры академической канцеляріи Тепловъ былъ пожалованъ не въ 1745 году, какъ сказано въ его запискѣ, а въ 1746 году, іюля 1 дня.

Въ коллежскіе совѣтники пожалованъ не въ 1750 году, а 1 марта 1751 года, именнымъ указомъ сенату слѣдующаго содержанія:

«Пожаловали мы академіи нашей ассесора Григорья Теплова за его прилежаніе и труды въ положенныхъ на него дѣлахъ въ коллежскіе совѣтники. А понеже просилъ насъ гетманъ, дабы ему дать для правленія домашнихъ его гетманскихъ дѣлъ онаго Теплова, того ради всемилостивѣйше повелѣли Мы помянутому совѣтнику Теплову быть при гетманѣ въ Малороссіи всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ благоусмотритъ по его чину, и получать свое удовольствіе отъ него гетмана».

Александръ Барсуковъ.

Рѣчь

малороссійскаго генераль - губернатора кн. Н. Гр. Репнина къ дворянству черниговской и полтавской губерній.

Послѣдній малороссійскій генераль-губернаторъ, князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, былъ высоко гуманнымъ и благонамѣреннымъ администраторомъ. Онъ искренно любилъ ввѣренный ему край, заботился о благосостояніи всего ея населенія, охранялъ интересы крѣпостнаго люда и энергично отстаивалъ уцѣлѣвшія еще права козаковъ, чѣмъ навлекъ даже на себя подозрѣніе въ сепаратизмъ, не согласное повсюду съ его возвышенными стремленіями, ни съ духомъ и обстоятельствами того времени.

Указанныя черты дѣятельности Н. Гр. Репнина сквозятъ и въ помѣщаемой здѣсь его рѣчи, не смотря на ея оффиціальныи, по тому времени напыщенный и искусственный характеръ, и дають ей право на мѣсто въ историческомъ изданіи. Рѣчь эту произносилъ онъ, по случаю дворянскихъ выборовъ, дважды, въ Полтавѣ 3-го, въ Черниговѣ 20-го генваря 1818 года. Приводимъ ее по современному печатному экземпляру, уцѣлѣвшему въ фамильномъ архивѣ Лашкевичей.

Чѣмъ стану привѣтствовать васъ, почтенные дворяне, въ торжественный день собранія вашего? Какія слова достойны важности предмета, вамъ предстоящаго? Мои были-бы слабы; но обратимся къ тѣмъ, на коихъ основаны права наши, къ тому залогу любви и милосердія, который далъ намъ всеавгустѣйшій императоръ въ первые дни царствованія своего:

(Здѣсь прочтенъ манифестъ отъ 2 апрѣля 1801 года, восстанавлиющій права дворянства).

Такъ вѣщала царь нашъ, взошедши на престоль предковъ своихъ. Надежда вселилась въ сердца наши при сей зарѣ благоденствія. И сколь величественно она исполнилась!

Гдѣ грозныя чучи, носившіяся надъ Россіею?—Онѣ исчезли. Гдѣ враги ея?—Всевышній низвергъ ихъ, поборствуя царю, уповающему на него, изпедшему на брань съ крестомъ въ сердцѣ и воззавшему къ народу съ отеческою любовію.

Россія блаженствуетъ, торжествуетъ, *за не царь ея по сердцу Божію и Господь есть на всѣхъ путехъ его.*

Какихъ великихъ событій были мы, почтенные дворяне, свидѣтелями и соучастниками! Сими знаменитыми родами будутъ гордиться и дальніе потомки наши; но да увидятъ они въ насъ примѣръ не только добродѣтелей воинственныхъ, но и гражданскихъ; пожертвованія наши да не прекратятся со днями опасности; но и во дни покоя почтемъ собственныя выгоды ничтожными въ сравненіи съ благомъ общимъ. Тогда только можемъ быть достойными подданными великаго и кроткаго Александра и сопутствовать ему въ памяти потомства.

Вы, почтенные дворяне, повинувась гласу царя, не знали преградъ своимъ жертвованіямъ, не считали вы достойній своихъ, не помышляли о женахъ и дѣтяхъ вашихъ,—себя, все что имѣли, приносили въ жертву отечеству. Всевышній благословилъ усилія ваши, и всемогущій государь удѣлилъ вамъ часть славы своей, сказавъ: «дворянство есть вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа».

Вникните въ сіи царскія слова, и да послужать онѣ вамъ путеводителемъ въ будущихъ вашихъ дѣланіяхъ.

Право, предоставленное россійскому дворянству избирать изъ среди себя какъ судей, такъ и чиновниковъ, пекущихся о внутреннемъ спокойствіи есть знакъ величайшаго довѣрія правительства къ нашему сословію: оправдаемъ оное, и да неуклонится никто изъ васъ отъ возлагаемой на него обязанности; да не падетъ избраніе ваше на иныхъ, какъ на людей достойныхъ и опытныхъ, и да не возжелаетъ никто мѣста выше силъ своихъ.

Отличительная черта въ русскомъ дворянинѣ есть безпрестанное его служеніе отечеству. Онъ не считаетъ, какъ иноплеменникъ, что сойдя съ поля брани, сложивъ съ себя какое либо званіе гра-

жданское, прекратились его обязанности, что онъ уже заплатилъ дань отечеству; нѣтъ, онъ пребываетъ вѣрнымъ его сыномъ до конца дней своихъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ верховныхъ властей.

Теперь предлежитъ вамъ еще величественное поприще содѣйствовать отцу отечества и въ попеченіи его о устроеніи внутренняго благоденствія. Всякій, исполняющій долгъ свой съ ревностію, жертвующій собственнымъ спокойствіемъ и личными выгодами для пользы общей, можетъ гордиться сею мыслию. И щедрый и справедливый царь нашъ не оставитъ заслуги его въ тунѣ.

Всегда сія пожертвованія были легки для васъ, благородное малороссійское дворянство! но теперь онѣ будутъ восхитительны при воспоминаніи о тѣхъ торжественныхъ дняхъ, въ кои удостоились мы видѣть всемилостивѣйшаго государя среди насъ. Кто можетъ вспомнить безъ восторга милостивое его снисхожденіе къ каждому, попеченіе о благѣ общемъ, награды, коими онъ удостоилъ сочленовъ вашихъ?

И такъ, ничтожны для васъ будутъ всѣ трудности, подлежащія вамъ въ исполненіи возлагаемыхъ на васъ обязанностей.

Вы, кои хъ удостоить почтенное дворянство своимъ избраніемъ, вступая въ судилища, оставьте за прагомъ оныхъ всѣ прежнія сношенія ваши. Да будутъ мечь и злоба чужды сердець вашихъ, но да и не поколеблять васъ тоже связи родственныя и дружескія; со страхомъ Божиимъ въ сердцахъ будьте тверды, не бойтесь мощныхъ на земли, а възщите сирыхъ и убогихъ: *Возлюбите правду судящій земли: мудрствуйте о Господь во благостыни, и въ простотѣ сердца възщите его.* (Премуд. Солом. гл. I, ст. I).

Но и тѣмъ изъ васъ, почтенные дворяне, кои останутся свободными отъ служенія общественнаго, предстоитъ въ помѣстьяхъ вашихъ служеніе отечеству и подражаніе милосердому царю нашему чрезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ вамъ крестьянъ. Вспомните паки слова его: «мы несомнѣнно увѣрены», вѣщаетъ всемилостивѣйшій государь, «что дворянство увеличитъ заботы и попеченіе его о благосостояніи вѣренныхъ ему Богомъ и законами, достойныхъ любви его домочадцовъ. Мы увѣрены, что забота наша о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ предупредится попеченіемъ о нихъ господь ихъ. Существующая издавна между ими, русскимъ правамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и

нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадѣхъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтають добронравныя и благополучныя семейства».

Благородное дворянство! сіе воззваніе отца отечества уже на вѣрно глубоко напечатлѣлось въ сердцахъ вашихъ: вамъ не трудно будетъ оное исполнить, да и собственное благосостояніе ваше того требуетъ.

Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть тоже отличительная черта рускаго народа: у иноземцовъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставляютъ. Онъ изгоняетъ наемниковъ своихъ, коль скоро найдетъ предлагающихъ ему болѣе; не умолимъ онъ бываетъ ни воплями семей, ни отчаяніемъ земледѣльцовъ, лишаемыхъ того крова, подъ коимъ родились, отдаляемыхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ покоится драгоцѣнный прахъ ихъ предковъ. Но сколь и пагубны отъ сего послѣдствія! Пришли враги, и за родину никто не принесъ себя въ жертву. Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны, и память бы ихъ исчезла въ смертномъ снѣ, въ коемъ они были погружены, ежели бы народъ, вѣрный Богу, вѣрный царю не возбудилъ ихъ. Сіе справедливое изображеніе бывшаго въ глазахъ нашихъ побудитъ васъ не подражать имъ; корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердець вашихъ; вы не будете измскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его: напротивъ вы изыщете способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли, вы займетесь нравственностію подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго, и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, помѣстья ваши будутъ уподобляться добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ.

Но сіи отеческія попеченія ваши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой: оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. Помѣстнымъ познаніемъ вашимъ изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы было обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Черезъ сію единственно мѣру, предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя по несчастію еще доселѣ случаются, избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго.

Не новое предлагаю я вамъ, почтенные дворяне: иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили, другіе своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ весьма къ сему сблизились; но да будетъ сіе подвигомъ общимъ и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ умомъ и душою народа!

Симъ великимъ привѣтствіемъ царя нашего началъ и кончу изложеніе обязанностей вашихъ; важность предмета, о коемъ я обращался къ вамъ, полагаетъ преграды моему вѣщанію; но порывъ благодарности заставляеть нарушить оныя, и я дерзаю еще нѣсколько мгновеній занять васъ изъясненіемъ чувствъ, наполняющихъ сердце мое.

Въ сей день, малороссійское дворянство, когда я нахожусь среди почтеннаго собранія вашего, чувствую наиболѣе всю важность служенія, милостію монаршею на меня возложеннаго. Онъ довѣрилъ мнѣ пещись о вашемъ благосостояніи, быть исполнителемъ велѣній его, блюстителемъ порядка и правосудія въ краѣ семъ, столь знаменитомъ своими воспоминаніями, столь значительномъ и нынѣ въ общей связи государственной.

Священныя обязанности возложены на меня; но не въ силахъ моихъ и частію бы оныя исполнить, естлибъ не осчастливленъ я былъ содѣйствіемъ вашимъ. Память истекшаго года неизгладима изъ сердца моего, многіе изъ васъ удостоили меня своей дружбою и своимъ довѣріемъ; всѣ оказали новые опыты приверженности къ царю и отечеству: отъ щедротъ вашихъ основывается здѣсь учи-

лице,—новый памятникъ того стремленія къ просвѣщенію, которое всегда отличало малороссійское дворянство.

Вы, почтенные сотрудники мои, избранные отъ дворянства мужи, коимъ вручило оно жезлъ предводительства, вы истинно заслужили отличное мое уваженіе и благодарность. Я часто обращался къ вамъ и всегда находилъ въ васъ усерднѣйшихъ подданныхъ государю, защитниковъ чести и спокойствія вашихъ согражданъ, мнѣ же дѣятельнѣйшихъ помощниковъ, не скрывающихъ отъ меня никогда зла и говорящихъ мнѣ всегда правду.

Малороссіяне! течетъ уже другой годъ, какъ я среди васъ. Уповаю, что не чужды уже я вамъ и что вы сохраните память приверженности моей и въ то время, ежели волею монаршею перемѣнится мое служеніе: буде же нѣкогда прекратится оное, то среди же васъ буду искать себѣ успокоенія; дружба и уваженіе ваши будутъ и тогда лестнѣйшею для меня наградою отечества.

Теперь, почтенные дворяне, приглашаю васъ отправиться въ храмъ Господень, принести предъ престоломъ Всевѣдущаго священный обѣтъ въ нелицепріятномъ избраніи изъ среди себя судей правыхъ, чиновниковъ дѣятельныхъ, мнѣ же сотрудниковъ, достойныхъ моего уваженія.

Сообщ. А. С. Лашневичъ.

Бракоразводный казусъ конца XVI ст.

Извѣстно, что въ южной Руси, со временъ литовскаго и польскаго владычества, выработался въ русскомъ православномъ обществѣ особый взглядъ на брачный союзъ, по которому въ бракѣ ясно различался такъ называемый *шлюбъ*, по нинѣшнему гражданскій бракъ или брачный договоръ, и *всселе, весилля*, т. е. вѣчанье, совершеніе таинства брака вмѣстѣ съ торжественнымъ празднованіемъ онаго и начала брачнаго сожительства. Брачный договоръ основывался на взаимномъ согласіи жениха и невесты, скрѣпляемаго согласіемъ родителей, если таковые были, присутствіемъ свидѣтелей и записью договора въ актовья книги въ городскомъ судѣ или магистратѣ, при чемъ въ классахъ имущихъ вписывалось въ книги и все то имущество, которое обѣ стороны приносили для совмѣстной жизни. Вѣчаніе, «веселье» обыкновенно слѣдовало за брачнымъ договоромъ и большею частію не вдругъ, а по истеченіи двухъ, трехъ и болѣе недѣль. Случалось, хотя рѣдко, и на обо-

ротъ; но въ такомъ случаѣ, если предположенный договоръ почему либо разстраивался, обвинянные не считались мужемъ и женою и свободно расходились, заявляя о семъ письменно въ книгахъ городскихъ или магистратскихъ, иногда въ присутствіи священника. Подобнымъ порядкомъ добровольно расходились и жившіе нѣсколько лѣтъ въ супружествѣ, заключая новые браки. Хотя священники и приглашались иногда для присутствія при заключеніи указаннымъ порядкомъ бракоразводныхъ актовъ, но вообще разрѣшеніе духовной власти на расторженіе брака не требовалось, такъ какъ особаго послѣдованія или чина церковнаго на это не было и нѣтъ, юридическое же постановленіе о семъ очевидно присвоилось не духовному, но гражданскому суду, да и этотъ послѣдній, при добровольномъ согласіи расторгающихъ бракъ, являлся только свидѣтелемъ или маклеромъ въ ихъ сдѣлкѣ, которую принималъ для записи и свѣдѣнія всѣмъ, имѣвшимъ въ томъ надобность. Существованіе такого порядка разводныхъ актовъ отнюдь не означало упадка и распущенности нравовъ. Въ Статутѣ Литовскомъ и другихъ судебныхъ, которыми руководствовались суды того времени, за преступленія противъ брака назначались такія наказанія, которыя поражаютъ насъ своею суровостію; но законъ и судъ оставляли мѣсто и добровольнымъ сдѣлкамъ супруговъ, въ предположеніи, что они лучшіе судьи въ своемъ дѣлѣ.

Оригинальнѣйшій случай развода въ такомъ родѣ имѣлъ мѣсто на Волыни въ концѣ XVI ст.—Нѣкто Иванъ Венедиктовичъ Глинскій, шляхтичъ или мѣщанинъ, женился на нѣкоей Катеринѣ Криковнѣ. Послѣдняя и въ самомъ началѣ супружества «перлась» своего мужа и не хотѣла съ нимъ жить, а полюбивши нѣкоего Щаурскаго, перешла на жительство къ нему. Мужъ словесно заявилъ о томъ владимірскому городскому суду и съ разрѣшенія его, разыскавши въ г. Владимірѣ жену, засадилъ ее въ тюрьму. Жена взмолилась и, при посредствѣ своихъ и мужа пріятелей, просила его освободить ее отъ брачныхъ съ нимъ узъ, предоставивъ ей жить съ Щаурскимъ, при чемъ и она предоставляла мужу взять себѣ другую жену. Мужъ, не видя въ женѣ любви къ себѣ, согласился, и въ этомъ смыслѣ, 14 февраля 1581 г., между имъ и женою заключенъ былъ разводный актъ въ городскомъ владимірскомъ судѣ. Одно выговаривалъ себѣ Иванъ Глинскій, чтобы «выпускаемая» имъ «изъ стану малженского» Катерина Криковна, въ случаѣ смерти новаго мужа ея Щаурскаго, отнюдь не выходила замужъ за человѣка цыганской націи, но только за православнаго или католика. И Катерина Криковна принимала на себя это обязательство, подвергая себя въ противномъ случаѣ «караню на горлѣ», т. е. смертной казни чрезъ отсѣченіе головы. Глинскій и Щаурскій въ

обезпеченіе заключенной сдѣлки представили каждый по двѣсти копѣ грошей литовскихъ, и въ пользу короля по столько же, обезпечивая сверхъ того другъ другу «всякій покой и безпечность здоровья».

Вотъ отъ слова до слова этотъ актъ, какъ онъ записанъ на листѣ 1-мъ въ книгѣ гродской владимірской, хранящейся въ кievскомъ центральному архивѣ подь № 342.

«Янушъ Бенедиктовичъ Глинскій, не будучи ни отъ кого примушонъ, самъ доброволне а устне до книгъ кiродскихъ володимерскихъ, передь вiядниками кiродскими: подстаростимъ и судьею, вызналъ тыми словы, ижъ штомъ былъ, за посланемъ вашей милости, пане подстарости, потрахвивши тутъ, въ месте володимерскомъ, зъ слугами в. м., жону свою, на имя Катерину Криковну, тутъ ку вашей милости привелъ и до везеня осадити далъ, которая жона моя теды мене, яко мужа своего, перво ся перла, але другого мужа себе, Ивана Щауръского, бытъ менила, а потомъ зась, узнавшися и взявши Бога въ серъце, мене за мужа себе признала и мене черезъ приятелей, такъ своихъ, яко и моихъ, въ томъ просила, абымъ я ей то все, што колвекъ она мне чинила, пробачылъ и отпустилъ, а ее зъ малжонства своего выпустилъ. Я, поважаючи прозбу приятелей ее и своихъ, и тежъ видечи то, же она милости правое малжонское а счирого серъца ку мне не маеть, ее отъ себе зъ стану того малжонского на часы векуистые волною передь в. м. чиню и вже напотомъ вечне жадного дела до нее мети не маю и мочы не буду, а ни ее о жадную речъ поискивати; волна она съ тымъ мужемъ своимъ, которого теперъ маеть, Иваномъ Щаурскимъ, яко властнымъ шлюбнымъ, въ стане малженскомъ поты, поки воля Божая будетъ, мешкати; а если же бы тотъ мужъ ее Щаурскій, ижъ каждый человекъ теды есть смертелный, напередъ нижъ она умеръ, теды она, то есть тая Катерина Криковна, маеть за мужъ за нацею нашу ити, одно за человека закону греческого або римъского и иншихъ; якожъ и тая Щаурская, тутъ же стоячи очевисте, на то все, яко ся звышъ поменило, зезволила и того истого Януша Бенедиктовича зъ стану своего малжонского выпустила и волнымъ учинила на часы вечные и дала ему волность другою жоною ся оженить, обечуючи ему въ томъ жадное трудности и шкоды не задавати, подъ заклады на обедве стороны по двесте копѣ грошей литовскихъ, а на его королевскую милость другими двесте копѣ грошей.

И то тежъ тая Катерина сознала: кде бы тому постановенью досыть не вчинила, а по смерти мужа своего Щаурского если бы ся оставши за нацею народу цыганского пошла за мужъ, тогда ничимъ иншимъ, одно горломъ, маеть быти карана, а врядъ каждый ее въ томъ караню боронити не маеть, или еще выдати маеть. А по тыхъ обу вознаняхъ стоячы передо мною очевисто Иванъ Щаурскій созналъ и шлюбобавалъ тому Янушу Бенедиктовичу самому, братьи, прятелемъ, слугамъ и подданнымъ ихъ за вшелякій покой и безпечность здоровья, а Янушъ также тому Щаурскому шлюбобавалъ подь тыми ся заклады звышъ поменеными. И просили зъ обудвухъ сторонъ, абы то все для памяти до книгъ кгородскихъ записано было. Я то записати велель».

Подписи судьи нѣтъ, но это былъ или подстаростій Константинъ или заступавшій мѣсто судьи Лазаря Иваницкаго Ѳедоръ Курцевичъ, какъ то видно изъ послѣдующихъ актовъ въ той же книгѣ.

Сообщ. А. А. Федотовъ-Чеховскій.

Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи.

Во всей южной Руси съ незапамятныхъ временъ укоренился, Богъ вѣсть откуда заимствованный, обычай праздновать, сверхъ воскресенья и другихъ установленныхъ церковію праздниковъ, еще нѣкоторые особые дни въ недѣли. Такою честію пользуются изстари пятницы, четвергъ и понедѣльникъ. Пятницъ и четверговъ, особо чествуемыхъ, считается въ году по 10-ти,—это дни, предшествующіе большимъ праздникамъ и постамъ. Что касается понедѣльника, онъ не пріурочивается къ праздникамъ, а празднуется самостоятельно и безъ очереди,—понятно, тѣми, кто имѣеть охоту его праздновать. Достоиню вниманія, что празднованіе этихъ трехъ дней практикуется только среди женщинъ, исключительно замужнихъ и преимущественно не молодыхъ. Чествованіе того или другого изъ дней состоитъ въ молитвѣ, постѣ и воздержаніи отъ работъ, особливо продолжительныхъ и тяжелыхъ, и опять таки женскихъ, какъ напр. пряденъе.

При оскудѣніи мотивовъ религіозныхъ, благочестивыхъ, молитва и постъ устраняются и остается просто ничего недѣланъе. Мы нашли мѣстность, гдѣ именно въ этомъ смыслѣ сохраняется «понеделкованъе» съ незапамятныхъ временъ и, что всего замѣчательнѣе,

входитъ особою статьею въ предбрачный договоръ; другими словами: льгота ничего не дѣлать въ понедѣльникъ выговаривается невѣстою у жениха до вступленія въ бракъ на всю послѣдующую жизнь. Такимъ мѣстомъ, и единственнымъ намъ пока извѣстнымъ, является м. Борисполь, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда. Вотъ въ какомъ видѣ существуетъ тамъ этотъ обычай.

Во время «сватанья», когда «запиваютъ могоричъ», родители невѣсты объявляютъ сватовьямъ, какое именно приданое даютъ за дочерью, и вмѣстѣ съ тѣмъ выговариваютъ для послѣдней право «понедилкувать», т. е. быть свободной въ понедѣльникъ отъ обычныхъ работъ и занятій. По установившемуся обычаю, самый строгій и взыскательный супругъ не имѣетъ права заставить жену исполнять хозяйственныя работы въ понедѣльникъ, если она сама добровольно не откажется отъ своего права. Такъ установилось «съ предковъ» и поддерживается теперь, хотя въ послѣдній десятокъ лѣтъ, по словамъ туземцевъ, нѣкоторыя рачительныя хозяйки уже сами добровольно работаютъ по понедѣльникамъ. Вышедшія въ замужество за бориспольцевъ дѣвицы изъ другихъ сель имѣютъ право «понедилкувать» наравнѣ съ туземками, но бориспольскія дѣвицы не пользуются этимъ правомъ при выходѣ замужъ въ другія селенія.

Въ Борисполѣ обыкновенно водится такъ, что жена имѣетъ въ своемъ безотчетномъ распоряженіи «жиноцъке» хозяйство, къ которому относятся «дробина» (мелкая домашняя птица), продукты огородничества, конопля и ленъ (волокно и сѣмена), мука и крупа для харчей, молочные скопы и сало. Вся выручка отъ этихъ предметовъ поступаетъ въ распоряженіе жены и предназначается спеціально для заготовленія приданаго дочерямъ; сыновьямъ же ничего не удѣляется, и нужды ихъ пополняются отцемъ изъ общаго хозяйства.

При такомъ порядкѣ, женщины не стѣсняются припасать къ понедѣльнику для продажи небольшое количество (торбинку или кошикъ) муки, гороху, фасоли и т. п. Выходи въ понедѣльникъ на базаръ для распродажи, женщины усаживаются въ ряды, избирая сосѣдство съ кумушками, свахами и пріятельницами. Послѣ распродажи своихъ продуктовъ, нѣкоторыя дѣлаютъ кое-какія покупки, между прочимъ почти всегда мясо въ скоромные дни, и за тѣмъ

въ компаніи отправляются для выпивки. Въ лѣтнее время всѣ эти «понедилкующія» женщины усаживаются на открытомъ воздухѣ, а зимой въ хатѣ, и начинается круговая... Многія остаются въ компаніи весь день, а домашніе иногда сидятъ безъ обѣда, если нѣтъ въ домѣ дѣвочки, способной сварить обѣдъ. Весьма часто мужья заходятъ также выпить, подъ предлогомъ зазвать жену домой, если они живутъ между собой болѣе или менѣе сносно; строптивый же или ревнивый мужъ въ бабью компанію не пойдетъ, иначе его осмѣютъ и наговорятъ ему съ три короба всякой всячины.

На поддержаніи «понедилкуванія» особенно настаиваютъ матери, высказывая, что ихъ «бабки ѣ матери понедилкували, та ѣ намъ заказали».

Въ Борисполѣ бывають базары ежедневно (не исключая воскресеній), но по понедѣльникамъ и пятницамъ базары именуется «торгами» и отличаются тѣмъ, что въ эти дни обыкновенно наѣзжаютъ «крамари» (торговцы) изъ Кіева, Переяслава, Козельца и Остра съ разными товарами, такъ что базаръ имѣетъ характеръ ярмарки болѣе или менѣе многолюдной. Пьянство въ Борисполѣ на столько вкоренилось, что нѣкоторыя бабы не просто «понедилкуютъ», но положительно пьянствуютъ и послѣднее представляется какъ-бы общимъ правиломъ.

«Понедилкуванье» въ этой своеобразной формѣ не пошло далѣе Борисполя, и даже въ ближайшихъ селахъ не существуетъ; пьянство же бабъ въ базарные дни вообще встрѣчается во многихъ мѣстечкахъ по всей Полтавщинѣ.

Повидимому въ Борисполѣ въ прежнее время существовало женское братство, и еще не такъ давно дѣлались сборы на «муроносицъ» и на складочныя деньги покупались «ставники» для приходскихъ церквей; но теперь это уже вывелось.

В. Василенко.

Коляды и щедривки.

Старинныя обрядныя рождественскія пѣсни еще живутъ въ южно-русскихъ деревняхъ и распѣваются подъ окнами хатъ и въ ту минуту, какъ предаются печати эти строки. Много текстовъ ихъ записано соби-

рателями (къ сожалѣнію только рѣдко съ музыкальными мотивами), но есть еще возможность собрать кое-что невѣдомое по этой части и теперь, въ особенности въ глухихъ углахъ, гдѣ всякія пѣсни, въ томъ числѣ и обрядныя, сохраняются чище и лучше. Печатаемыя десять пьесъ доставлены намъ изъ сосницкаго уѣзда черниговской губерніи. Въ примѣчаніяхъ мы обозначили томы и страницы тѣхъ этнографическихъ сборниковъ, гдѣ встрѣчаются ихъ варианты. Нѣкоторыхъ пьесокъ въ сборникахъ не оказалось совсѣмъ. Послѣднія четыре щедривки, изъ печатаемыхъ ниже, по сообщенію записавшаго ихъ лица, поются исключительно дѣтми. Какъ видно изъ нашихъ справокъ, нѣкоторыя изъ щедривокъ поются иногда въ видѣ колядь, т. е. съ другимъ припѣвомъ, что доказываетъ, что между тѣмъ и другимъ рядомъ пьесъ не всегда существуетъ строго намѣченная разница.

I.

Ой рано, рано да до церкви звонять,
Святый вечеръ!
А раніе того (имя рекъ) встала,
Умывалася, убиралася,
Клала на себе серебро да злото,
На челядочки все китаечки...
До церкви йшла—якъ зоря зойшла,
У церкви стала—церковь сяла.
Изъ церкви йшла красною панною,
За ею йшли два стари мужи—
Измагаются, закладаются:
Одинъ каже: царевна иде,
А другій каже: королевна иде.
И батенько осьмихається:
«Се моя дочка иде (имя рекъ)»).

Ср. Труды“ Чубинск., т. III, стр. 395—399 (14 вариантовъ).

II.

Зажурилась каменна гора,
Святый вечеръ!
Що не вродила шовкова трава,
А уродило зелено вино.
Що у виногради дивочка (имя рекъ)

Да вина стерегла,
 Крипко заснула,
 Ничого не чула.
 Налетили до ѳи,
 Чорныя галочки, райскія пташечки,
 Вино попили, чашки побили.
 Якъ проснулася дивочка (имя рекъ)—
 Райскія пташечки, чорныя галочки!
 Ой на що жъ бо вы
 Вино попили, чашки побили?...

Чубинск. т. III, стр. 399—402 (10 варіантовъ). Тамъ же въ щедривкахъ
 стр. 458.—O. Kolberg, Rokucie, т. I, стр. 105, 116 и 119. Сборн. Головацкаго, ч. II
 стр. 93.

III.

Отъ Кіева до Ильмова тамъ лежала дорога,
 Святый вечеръ!
 На тій дороги свитлонька стояла,
 А въ тій свитлоньки молодая шинкарка торговала—
 Торговала вона медомъ и виномъ, солодкимъ пивомъ.
 Пришло до ѳи три козаченьки.
 Медъ, вино пьютъ и грошей не даютъ.
 Одиъ же каже: дорогимъ подаркомъ подарю,
 А другій каже: ще дорогшимъ подаркомъ наддарю,
 А третій каже: ще и славу изроблю!
 Первый казавъ—золотый перстень дамъ,
 А другій казавъ—коня вороного,
 А третій каже—гостру шабельку...
 Перстень золотенькій на руку надила,
 А вороного коня батеньку отдала,
 А гостру шабельку ридному братику...
 Да бувай здорова, красна панна,
 Зъ Иисусомъ Христомъ, святымъ Рождествомъ!

Чубинск.. т. III, стр. 391—392. Два варіанта. Сборн. Головацкаго, т. II,
 стр. 88, т. IV, стр. 38.

I.

Що въ бору бору да волохи поють,
Щедрый вечерь! (3)
Пречистая Божа Мати,
Щедрый вечерь!

Поють, поють, церковь будують
И збудовали зъ трома окнами,
Зъ трома дверями.
Въ перве оконечко вскочило сонечко,
Въ друге оконечко мисець усвитивъ,
Въ трейте оконечко ангель улетивъ,
На престоли сивъ, слизоньку уронивъ.
А зъ тыеи слизоньки да потекли риченьки,
А зъ тыеи риченьки розлився Дунай.
Дивка (имя рекъ) по водицю йшла
Да забачила ангела на води—
Плыви, плыви, ангелу, близше къ берегу.
Я тоби, ангелу, и голивку змыю,
Коску заплету, золотомъ обведу
Да и на воду пущу.
Плыви, плыви, ангелу, на чужую сторону,
Хвали мене, ангелу, царямъ,
Князьямъ, да боярскимъ сынамъ!

Въ сборникѣ Чубинскаго эта пѣсня отнесена къ колядкамъ. См. т III, стр. 305—307 и 434. (Варианты изъ уѣздовъ кievскаго, радомысльскаго, борзенскаго и васильковскаго). Сб. Головацкаго, т. II, стр. 12 (тоже колядка).

II.

Що у пана хазяина на ёго двори,
Щедрый вечерь! и проч.
Тамъ стояла яблонька тонка, висока,
Пидь тыею яблонькою все столы стояли,
По за тыми столами седять паны рядами,
Пишуть перами. Помижъ тыми панами
Молодець (имя рекъ) у дудочку грае, хороше спивае.
У ёго паны выпытували:
Хто тебе навчивъ у дудочку грать,

Хороше спивать?
 Навчила мене моя матинка,
 Темной ночи не всыпаючи,
 На билыхъ ручкахъ выхитуючи.

III.

Самъ Исусъ Христосъ да по морю йшовъ,
 Щедрый вечеръ! и проч.
 Мостивъ кладки да въ три рядки,
 По тихъ кладкахъ Божа Мати йшла, ризы несла.
 Ризы несла, замочила.
 Повисила ризы та на дереви,
 Да на дереви да на кедрови.
 Де взялися ангелята, да взяли ризы да на крилята,
 Понесли ризы да у церковку,
 Положили ризы да на престоли, на святомъ Николи.
 —Хто въ сіи ризы буде убираться?
 Самъ Исусъ Христосъ буде убираться,
 Буде служить службу за пана хозяина,
 За пана хозяина, ще и за его жену,
 За его жену и за его дитокъ...
 Да бувай здоровъ, панъ хозяинъ!

Чубинск., т. II, стр. 329, 442—444 и 449 (Варианты изъ губерній черняговской, волынской, кievской, полтавской и подольской).

IV.

Що изъ пидъ гаю, гаю зеленого,
 Щедрый вечеръ,
 Добрый вечеръ,
 Добрымъ людямъ
 На здоровье!

Выбигае коникъ вороненькій,
 Нихто ёго не поймае...
 Да поймае молодець,
 Да поймае, осидлае,
 До тещеньки поизжае.
 Теща каже: мій зять ѓде—

Мій зять ѣде, дивку везе!
 Да взяла его за рученьку,
 Повела его у свѣтлоньку,
 Посадила его на скамейку,
 Піднесла ему меду, вина,
 А конику овса ще й сина...
 Бувай здоровъ молодець (имя рекъ)!

V.

Що на гори да на гирочци,
 Щедрий вечеръ! и проч.
 Дивка (имя рекъ) садъ садила, поливала—
 Поливала, примовляла:
 Рости, саду винограду
 Выше плоту, краще злоту,
 Выше мене, краще себе...
 Оришечки на втишечки,
 А яблочки на закусочки,
 А холстинки на хусточки,
 А хусточки на подарочки...
 Бувай здоровъ (имя рекъ)!

VI.

Летивъ, летивъ сизъ голубонько,
 Щедрий вечеръ! и проч.
 Прилетае до свѣтлоньки,
 Кватирочку очиняе,
 У свѣтлоньку заглядае...
 Ще й свѣтлонька не метена,
 Дивка (имя рекъ) не чесана.
 Плели косу—не вгодили,
 Черевички шили—помалили,
 Шубку шили—вкоротили,
 Зовсимъ дивку розгнивили.

VII.

Що на гори да на гирочци,
 Щедрий вечерь! и проч.
 Молодець Иванко собиравъ вѣско.
 Назбиравъ вѣско—земли важко....
 Ще поухавъ да на гирочку, да по дивочку.
 Стрила темна ничка и метеличка
 Его молодого, коня вороного...
 Да бувай здоровъ молодець Иванко!

Къ портрету гетмана И. С. Мазепы.

Личность гетмана И. С. Мазепы на столько общеизвѣстна, что было бы излишне говорить объ немъ по поводу только его портрета. Достаточно указать на обширную о немъ монографію Н. И. Костомарова, хотя въ ней изображена лишь политическая жизнь Мазепы, а частная почти совсѣмъ не тронута.

Политическая измѣна Мазепы и суровое по этому отношенію Петра В. къ нему и ко всему, что напоминало объ немъ, а также преслѣдованіе его сообщниковъ, которыхъ выискивали долгое время и въ послѣдующія царствованія, были причиною того, что до насъ дошло сравнительно ничтожное число портретовъ этого гетмана, да и тѣ до такой степени не сходны между собою, что невозможно уловить въ нихъ одинъ общій типъ изображаемаго лица, который схватывается такъ легко въ массѣ напр. портретовъ Петра В., или Богдана Хмельницкаго. Нашъ уважаемый профессоръ В. Б. Антоновичъ выложилъ однажды предъ нами шесть фотографическихъ карточекъ и мы нашли, что на нихъ представлены совершенно различныя лица, когда на самомъ дѣлѣ это были снимки съ разныхъ портретовъ одного и того же Ивана Степановича Мазепы. Что есть портреты, никогда не изображавшіе Мазепу, лучшимъ примѣромъ можетъ служить наиболѣе распространенный съ именемъ Мазепы портретъ, находящійся въ академіи художествъ, о которомъ дана намъ двукратная справка изъ записей академіи, что онъ долгое время *смылъ* за портретъ Мазепы, на самомъ же дѣлѣ изображаетъ совсѣмъ другое лицо, а какое—неизвѣстно.

Есть серія портретовъ такъ называемаго польскаго источника, на которыхъ Мазепа изображенъ человѣкомъ весьма преклонныхъ лѣтъ (а онъ умеръ 64—69 лѣтъ), съ клинообразною сѣдою раздвоенною бородою (а гетманы и козаки носили лишь усы), при томъ очень дряхлымъ и изможденнымъ (что не соотвѣтствуетъ энергіи, которую онъ обнаруживалъ до послѣднихъ дней своей политической карьеры). На одномъ изъ такихъ портретовъ (снимокъ съ стариннаго оригинала въ альбомѣ де-ля-Флиса, въ церковно-археологическомъ музеѣ при кiev. духов. академіи) вмѣсто Мазепы мы видимъ какое-то старое гороховое чучело, которымъ только воробьеви пугать.

Есть однако другой рядъ портретовъ Мазепы, мало кому извѣстныхъ и на столько сходныхъ между собою, что въ нихъ можно уже уловить общія черты лица. Таковы: 1) два гравированныя изображенія конца XVII в., работы извѣстнаго гравера кievо-печерской лавры Иннокентія Щирскаго, которыхъ клише сохранились доселѣ, 2) снимокъ съ стариннаго портрета, приложенный къ Исторіи Малороссіи Бангышъ-Каменскаго, 3) поясной портретъ масляными красками, сохранившійся въ родѣ Горленковъ и принадлежащій В. П. Горленку, 4) современное (1705—1709 г.) изображеніе Мазепы, вмѣстѣ съ портретомъ Петра В., на иконѣ Покрова Божіей Матери, хранившейся въ этой церкви до прошлаго года, а въ мартѣ этого года принесенной пр. Іоанномъ полтавскимъ въ даръ вел. князю Николаю Николаевичу Младшему и имъ увезенной въ Петербургъ, и 5) современное же стѣнное во весь ростъ изображеніе масляными красками, удѣлѣвшее въ великой церкви кievо-печерской лавры на заломѣ стѣны, противъ лѣваго клироса. Съ послѣдняго изображенія сдѣланъ и нашъ снимокъ, прилагаемый къ настоящей книжкѣ.

Общія черты лица Мазепы на портретахъ послѣдней серіи суть слѣдующія: типичный трехъугольный складъ передней части головы, прямой продолговатый носъ, отнюдь не выдавшіяся скулы, широкій открытый лобъ, правильно очерченные глаза, брови и губы, болѣе или менѣе длинные висячіе усы, вообще типъ чисто малорусскій, въ частности весьма близкій къ типу бѣлоцерковскому, выраженіе лица спокойное и пріятное, взоръ сосредоточенный и въ добавокъ—никакой рѣзкой, выдающейся черты въ лицѣ и его выраженіи.

Принадлежность Мазепѣ того портрета, съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ, удостовѣряется подписью: *Иванъ Степановичъ Мазепа гетманъ*, которая была еще три года назадъ сему и о существованіи которой свидѣтельствуютъ нѣсколько лицъ изъ начальствующей лаврской братіи. Древность этого изображенія видна по пошибу его письма, вполне сходному съ изображениями XVII в. и не имѣющему ничего общаго съ остальными изображениями лаврской церкви позднѣйшей работы. О близости его къ подлиннику можно заключить, какъ по высокому положенію лица, съ котораго писанъ портретъ, и учрежденія, для котораго онъ писанъ, такъ и по сходству его съ тѣми гравированными изображениями, какія дѣлалъ Щирскій для поднесенія Мазепѣ. Не могъ Щирскій дѣлать свои гравюры какъ нибудь, не могъ и рисовать какъ нибудь неизвѣстный авторъ портрета стѣннаго, а что первый былъ искусный граверъ, а второй не менѣе искусный маляръ, это видно и по ихъ работѣ. Возможность появленія портрета Мазепы на стѣнѣ великой лаврской церкви объясняется какъ общимъ тогда обычаемъ имѣть въ церквахъ портреты правящихъ и благотворящихъ лицъ, такъ и особливими въ пользу лавры жертвами Мазепы, который обвелъ ее высокою каменною стѣною, построилъ въ ней каменную церковь на экономскихъ воротахъ и сдѣлалъ много приношеній въ ризницу. Иное дѣло, какъ могъ уцѣлѣть этотъ портретъ послѣ извѣстной катастрофы съ Мазепою и начавшагося изъ году въ годъ повсюднаго его анаематствованія, а также послѣ пожара 1718 г., истребившаго иконостасъ и большую часть утвари великой лаврской церкви. Но и это легко объясняется мѣстомъ изображенія Мазепы: оно написано на обращенномъ къ западу заломѣ главной лѣвой стѣны церкви, куда не заходили ни свѣтъ, ни огонь. И теперь въ этомъ уголкѣ совершенный мракъ, и изображеніе Мазепы можно разглядѣть только при нарочитомъ освѣщеніи.

Есть еще одно обстоятельство, говорящее какъ-бы не въ пользу подлинности портрета или его сходства: Мазепа представленъ здѣсь молодежавымъ, лѣтъ 45-ти, когда гетманство принялъ въ возрастѣ за 50 лѣтъ; притомъ на портретѣ нѣтъ вовсе отличій гетманскаго званія—булавы, шапки съ перомъ и пр. Но портретъ могъ быть снятъ съ него еще въ ту пору, когда онъ былъ генеральнымъ асауломъ, или скопированъ съ портрета, снятаго въ

то время, внѣшнія же отличія извѣстнаго званія далеко не всегда являлись на портретахъ.

Недавно получено нами свѣдѣніе, что въ Румянцевскомъ музеѣ, въ архивѣ Н. А. Маркевича, въ отдѣлѣ рукописей Лукашевича есть рукопись середины XVIII ст., заключающая въ себѣ перечень и описаніе всѣхъ иконъ и стѣнныхъ изображеній, какія находились тогда въ великой лаврской церкви. О снятіи для насъ списка съ этой рукописи мы уже снесли съ Москвой и если въ ней окажется изображеніе Мазепы, то это будетъ новымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ принадлежности Мазепѣ сохранившагося доселѣ стѣннаго портрета съ его именемъ. О результатахъ такой справки мы не преминемъ сообщить нашимъ читателямъ.

Въ свое время газеты оповѣстили, что съ этого портрета академикъ Дмитріевъ-Кавказскій готовитъ гравюру для «Кіевской Старины». Гравюра дѣйствительно готовилась для насъ еще съ апрѣля м. г., но не удалась, и намъ остается лишь сожалѣть объ этомъ. Настоящій снимокъ есть такъ называемая автотипія, и мы можемъ только засвидѣтельствовать о вѣрности ея съ сдѣланнымъ для насъ снимкомъ, а послѣдняго съ оригиналомъ.

Ред.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина“ выходитъ неизменно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *должны* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглобина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Марьинова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гянтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обязана редакция.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

1887 г. (VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой. выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, выходящи въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроника, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 выхожденъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣсть 8 руб. 50 к., за границу 11 руб.

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

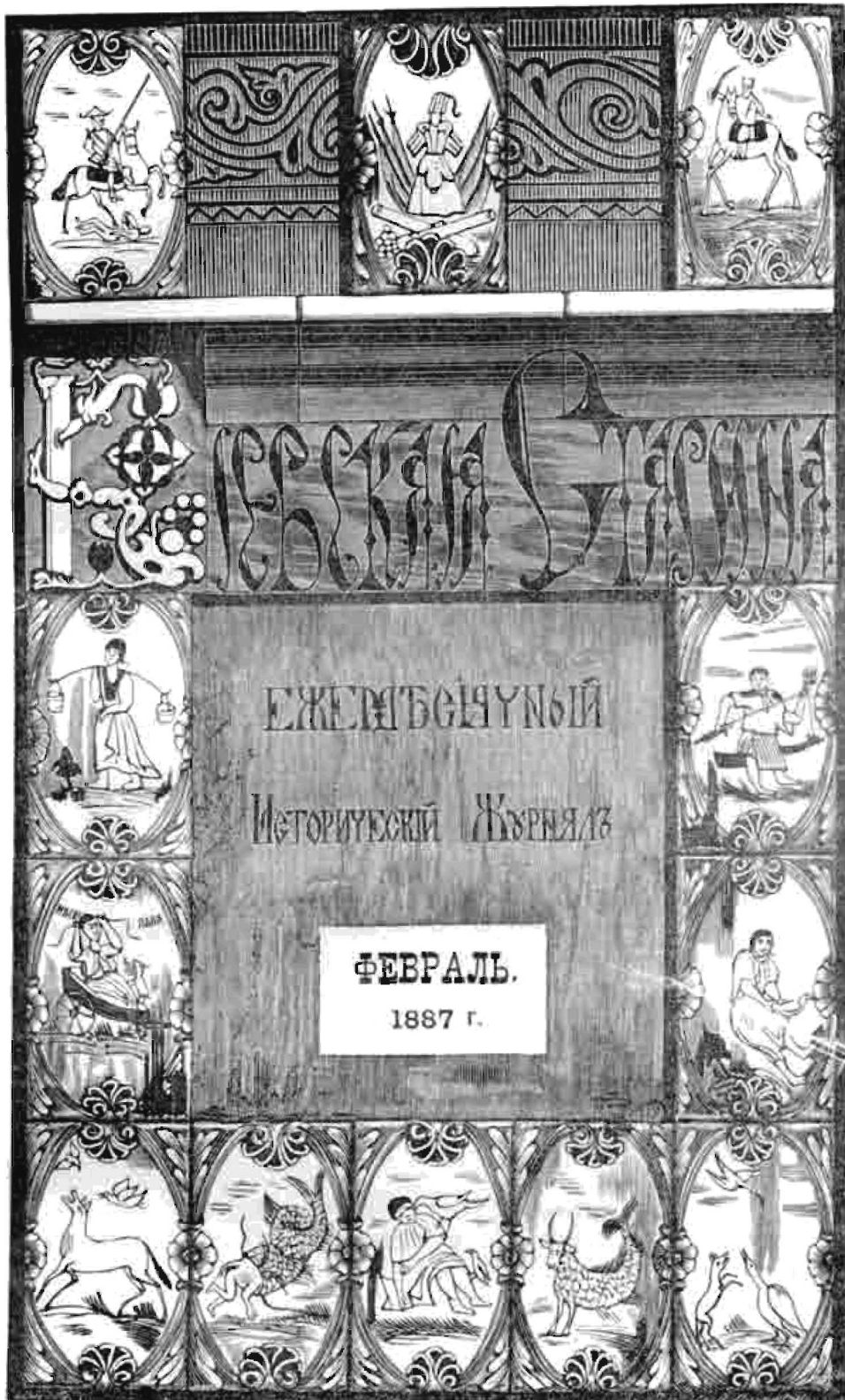
1) Записки гофмейстера Н. Д. Селецкого (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосѣвскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Печуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воєвода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Адресъ: Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ф. Г. Лебединцевъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Ф е в р а л ь .

1887 г.

К І Е В Ъ .

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Київ, 29-го январа 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1887 г.

- I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. V. ХУДОЖНИКЪ. (*Продолженіе*) 198
- II. ГОРЛЕНКИ. (Очерки прилуцкой старины).—Князь А. Дабжи. 237
- III. КОЗЕЛЕНЦКАЯ РАДА 1663 ГОДА.—А. Востокова 269
- IV. ЗАПИСКИ И. М. СВИТНЕВА. (Изъ времени учрежденія на Воливи и Подоли русскихъ школъ въ замѣнъ польскихъ, послѣ возстанія 1831 г.) 285
- V. ЗАПИСКА ПРЕОСВ. АНАТОЛІЯ, АРХІЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО (О сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края).—Сообщ. К. Береза. 313
- VI. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Матеріалы «для оцѣнки земель херсонской губерніи. Томъ II. (Статистико-экономическое описаніе елисаветградскаго уѣзда). Сост. статист. отдѣленіемъ при херсонск. губ. земск. управѣ. Съ двумя картами и 10 прилож.—Херсонъ. 1886.—В. Н.—б) Три пьесы Ив. Карого. Херсонъ. 1886 г.—Г.—в) Коротка исторія литературы рускои, Омельяна Огоновскаго.—Н. С.—г) Виленскій календарь на 1887 годъ. Четвертый годъ изданія. Вильна. 1886.—И. Мажмиевскію. 339
- VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гетманская усыпальница.—Александра Ксензенка.—б) Каштелянъ брацлавскій, Василій Загоровскій, въ полонѣ у татаръ.—Сообщ. А. А. Федотовъ-Чезовскій.—в) Къ родословной Полуботковъ.—Д. Онацкаго.—г) Вниманію археологовъ.—Ею же.—д) Два акта для исторіи «руины» правобережной Украйны (1672—1682 г.г.).—Сообщ. Ал. Лазаревскій.—е) Еще о портретѣ И. С. Мазепы.—Андря Цимбалистова.—ж) Справка ъ Г. П. Тепловъ.—В. Г.—з) Не научные приемы въ научномъ дѣлѣ.—К. Цыбульскаю.—и) Гдѣ находился кievскій домъ Саввы Тучтала соотника?—Л. П. 353
- VIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

НЕИЗДАНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ХУДОЖНИКЪ.

(Продолженіе)¹⁾.

Первыя письма моего пріятеля однообразны и похожи на подробный и монотонный дневникъ школьника, и только для меня они интересны, ни для кого больше. Въ послѣдующихъ письмахъ началъ проявляться и складъ, и грамотность, и содержаніе, какъ напримѣръ слѣдующее девятое его письмо.

Сегодня въ девятомъ часу утра свернули мы на валь картину «Распятіе Христово», и я съ натурщиками отправилъ ее въ лютеранскую Петропавловскую церковь. Карлъ Павловичъ поручилъ мнѣ сопровождать ее до самой церкви; черезъ четверть часа онъ и самъ пріѣхалъ, при себѣ велѣлъ натянуть опять на раму и поставить на мѣсто. Такъ какъ она не была еще покрыта лакомъ, то издали и не показывала ничего, кромѣ темнаго матоваго пятна. Послѣ обѣда пошли мы съ Михайловымъ и покрыли ее лакомъ. Вскорѣ пришелъ и Карлъ Павловичъ; сначала онъ сѣлъ на передней скамейкѣ, но, недолго поглядѣвши, перешелъ на самую послѣднюю. Тутъ и мы подошли къ нему и тоже сѣли. Долго онъ сидѣлъ молча и только изрѣдка приговаривалъ: «вандалы! ни одного луча свѣту на алтарь. И для чего имъ картины?»

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., январск. кн., стр. 1—35.

— Вотъ если бы, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ и показывая на арку, раздѣляющую церковь: если бы во всю величину этой арки написать картину распятія Христа, то это была бы картина, достойная Богочеловѣка.

О, если бы хоть сотую, хоть тысячную долю могъ я передать вамъ изъ того, что я отъ него тогда слышалъ. Но вы сами знаете, какъ онъ говорить. Его слова невозможно положить на бумагу, они окаменѣютъ. Онъ тутъ же сочинилъ эту колоссальную картину со всѣми мельчайшими подробностями, написалъ и на мѣсто поставилъ. И какая картина! Николая Пуссена «Распятіе»—просто суздальщина, а про Маргенса и говорить нечего.

Долго онъ еще фантазировалъ, и я слушалъ его съ благоговѣніемъ; потомъ онъ надѣлъ шляпу и вышелъ, а вслѣдъ за нимъ и я съ Михайловымъ. Проходя мимо статуй апостоловъ Петра и Павла, онъ проговорилъ: «куклы въ мокрыхъ тряпкахъ, а еще съ Торвальдсена!»—Проходя мимо магазина Даціаро, онъ вмѣшался въ толпу зѣвакъ и остановился у окна, увѣшаннаго раскрашенными французскими литографіями. Боже мой, подумалъ я, глядя на него, и этотъ самый геній, который сей часъ только такъ высоко парилъ въ области прекраснаго искусства, теперь любитъ приторными красавицами Греводока. Непонятно! А между прочимъ правда. Сегодня первый разъ я не былъ въ классѣ, потому что Карлъ Павловичъ не пустилъ меня: усадилъ насъ съ Михайловымъ за шанки, двоихъ противъ себя одного, и проигралъ намъ коляску на три часа. Мы поѣхали на острова, а онъ остался дома дожидать насъ ужинать.

P. S. Не помню, въ прошедшемъ письмѣ писалъ ли я вамъ, что я въ сентябрьскій третной экзаменъ переведенъ изъ первыхъ въ натурнй классъ за «Бойца».

Если бы не вы, мой незабвенный, и чрезъ годъ меня бы не перевели въ натурнй классъ. Я началъ посѣщать анатомическія лекціи профессора Буяльскаго; онъ теперь читаетъ остовъ. И тутъ вы причина, что я знаю наизусть остовъ. Вездѣ и вездѣ вы мой единственный, мой незабвенный благодѣтель. Прощайте!

Всѣмъ существомъ моимъ преданный вамъ N. N.

Я намѣренъ досказать исторію моего пріятеля собственными его письмами, и это будетъ тѣмъ болѣе интересно, что въ письмахъ своихъ

онъ часто описываетъ занятія и почти всеневный домашній бытъ Карла Павловича, котораго онъ былъ и любимымъ ученикомъ, и товарищемъ. Для будущаго біографа К. Брюлова я со временемъ издамъ всѣ его письма, а теперь помѣщу тодько тѣ, которыя непосредственно касаются его занятій и развитія на поприщѣ искусства и развитія его внутренней высоко нравственной жизни.

Вотъ уже октябрь мѣсяцъ въ исходѣ, а Штернберга все нѣтъ, какъ нѣтъ. Я не знаю, что мнѣ дѣлать съ квартирою: она меня не обременяетъ, я плачу за нее пополамъ съ Михайловымъ; я почти безвыходно нахожусь у Карла Павловича, только ночевать прихожу домой, а иногда и ночую у него, а Михайловъ и на ночь домой не приходитъ. Богъ его знаетъ, гдѣ онъ и какъ живетъ. Я съ нимъ встрѣчаюсь только у Карла Павловича, да иногда въ классахъ. Онъ очень оригинальный, добраго сердца человекъ. Карлъ Павловичъ предлагаетъ мнѣ совсѣмъ къ нему перейти жить, но мнѣ и совѣстно, и боюсь вамъ сказать. Мнѣ кажется, что я свободнѣй при своей квартирѣ, а во вторыхъ мнѣ ужасно хочется хоть нѣсколько мѣсяцевъ прожить вмѣстѣ съ Штернбергомъ, потому собственно, что вы мнѣ такъ совѣтовали, а вы мнѣ дурного не посовѣтуете.

Карлъ Павловичъ чрезвычайно прилежно работаетъ надъ копіей съ картины Доминикино «Іоаннъ Богословъ». Копію эту заказала ему академія художествъ. Во время работы я читаю. У него порядочная своя бібліотека, но совершенно безъ всякаго порядка; нѣсколько разъ мы принимались дать ей какой нибудь толкъ, но только все безуспѣшно. Впрочемъ недостатка въ чтеніи нѣтъ. Карлъ Павловичъ обѣщался сдѣлать рисунокъ Смирдину для его «Ста литераторовъ», и онъ служитъ ему всею своею бібліотекою. Я прочиталъ уже почти всѣ романы Вальтеръ Скотта и теперь читаю «Исторію крестовыхъ походовъ» Мишо. Мнѣ она нравится лучше всѣхъ романовъ, и Карлъ Павловичъ тоже говоритъ. Я начертилъ эскизъ, какъ Петръ Пустынникъ ведетъ толпу первыхъ крестоносцевъ черезъ одинъ изъ германскихъ городовъ, придерживаясь манеры и костюмовъ Печи; показалъ Карлу Павловичу, но онъ мнѣ строжайше запретилъ брать сюжеты изъ чего бы то ни

было, кромѣ библіи, древней греческой и римской исторіи. «Тамъ, сказалъ онъ, все простота и изящество, а въ средней исторіи безнравственность и уродство». И у меня теперь на квартирѣ, кромѣ библіи, ни одной книги нѣтъ. Путешествіе Анахарсиса и Исторію Греціи Галиса я читаю у Карла и для Карла Павловича, и онъ всегда слушаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ. И если бы вы видѣли, съ какимъ вниманіемъ, съ какой сердечною любовью кончаетъ онъ свою копію. Я просто благоговѣю передъ нимъ, да и нельзя иначе. Но что значить волшебное, магическое дѣйствіе оригинала? Или это просто предубѣжденіе, или время такъ очаровательно ступсвало эти краски, или Доминикино... Но нѣтъ, это грѣшная мысль, Доминикино никогда не могъ быть выше нашего божественнаго Карла Павловича. Мнѣ иногда хочется, чтобы скорѣе унесли оригиналь.

Какъ то разъ за ужиномъ зашла рѣчь о копіяхъ, и онъ сказалъ, что ни въ живописи, ни въ скульптурѣ онъ не допускаетъ истинной копіи, т. е. воссозданія, и что въ словесной поэзіи онъ знаетъ одну единственную копію, это «Шильонскій узникъ» Жуковскаго, и тутъ же прочелъ его наизустъ. Какъ онъ дивно стихи читаетъ! Ей Богу, лучше Брянскаго и Каратыгина! Кстати о Каратыгинѣ. На дняхъ зашли мы случайно въ Михайловскій театр; давали «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», переселенная драма, какъ онъ выразился. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ онъ ушелъ за кулисы и одѣлъ Каратыгина для роли нищаго. Публика бѣсновалась, сама не зная отчего. Что значить костюмъ для хорошаго актера!

Тальони уже пріѣхала въ Петербургъ и вскорѣ начнетъ свои волшебные полеты. Онъ однакожь что-то ея не жалуется. Ахъ, если бы скорѣе Штернбергъ пріѣхалъ! Я не видавши полюбилъ его. Карлъ Павловичъ для меня слишкомъ колоссаленъ и, не смотря на его доброту и ласки, мнѣ иногда кажется, что я одинъ. Михайловъ прекрасный благородный товарищъ, но ничѣмъ не увлекается, никакая прелесть, кажется, его не чаруетъ. А можетъ быть я его не понимаю. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Я въ восторгѣ! Давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый мною Штернбергъ наконецъ пріѣхалъ. И какъ внезапно, нечаянно!

Я испугался и долго не вѣрилъ своимъ глазамъ, думалъ, не видѣніе ли? Я же въ то время компоновалъ эскизъ: «Іезекииль на полѣ, усѣянномъ костями». Это было ночью, часу въ второмъ. Я углубился въ «Іезекиіля» и двери забылъ запереть на ключъ. Вдругъ двери растворяются и является въ шубѣ и теплой шапкѣ человѣческая фигура. Я сначала испугался и самъ не знаю, какъ проговорилъ: «Штернбергъ!»—«Штернбергъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, и я, не давъ ему шубу снять, принялся цѣловать его, а онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ-же. Долго мы молча любовались другъ другомъ, наконецъ онъ вспомнилъ, что ямщикъ у воротъ дожидается, и пошелъ къ ямщику, а я къ дворнику—просить принести вещи въ квартиру. Когда все это было сдѣлано, мы вздохнули свободно. И странно! Мнѣ казалось, что я встрѣтилъ стараго знакомаго, или, лучше сказать, вижу васъ самихъ передъ собою. Пока я спрашивалъ, а онъ рассказывалъ, гдѣ и когда онъ васъ видѣлъ, о чемъ говорили и какъ разстались,—пока все это было, и ночь минула. Мы тогда только разсвѣтъ замѣтили, когда увидѣли упавшую отъ подсвѣчника ярко голубую тѣнь.

— Теперь, я думаю, можно и чаю напитокъ, сказалъ онъ.

— Я думаю—можно, отвѣчалъ я, и мы пошли въ «Золотой Якорь».

Послѣ чаю уложилъ я его спать, а самъ пошелъ сказать о моей радости Карлу Павловичу, но онъ тоже спалъ. Дѣлать нечего, я вышелъ на набережную и не успѣлъ пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ встрѣтилъ Михайлова, тоже, кажется, всю ночь не спавшаго; онъ шелъ съ какимъ-то господиномъ въ пальто и въ очкахъ.

— Левъ Александровичъ Элькинъ, сказалъ Михайловъ, указывая на господина въ очкахъ.

Я сказалъ свою фамилію, и мы пожали другъ другу руку. Потомъ я сказалъ Михайлову о приѣздѣ Штернберга, и господинъ въ очкахъ обрадовался, какъ прибытію давно жданнаго друга.

— Гдѣ же онъ? спросилъ Михайловъ.

— У насъ на квартирѣ, отвѣчалъ я.

— Спитъ?

— Спитъ.

— Ну, такъ пойдѣмъ въ «Капернаумъ», тамъ вѣрно не спятъ, сказалъ Михайловъ.

Господинъ въ очкахъ въ знакъ согласія кивнулъ головою, и они, взявшись подъ руки, пошли, и я въ слѣдъ за ними.

Проходя мимо квартиры Карла Павловича, я замѣтилъ въ окнѣ голову Лукьяна, изъ чего заключилъ, что маэстро уже всталъ. Я простился съ Михайловымъ и Элькиномъ и пошелъ къ нему. Въ корридорѣ я встрѣтилъ его со свѣжею палитрою и чистыми кистями, поздоровался съ нимъ и возвратился назадъ: теперь я не только въ слухъ, и про себя читать былъ не въ состояніи. Походивши немного по набережной, я пошелъ на квартиру. Штернбергъ еще спалъ, я тихонько сѣлъ на стулъ противъ его постели и любовался его дѣтски непорочнымъ лицомъ; потомъ взялъ карандашъ и бумагу и принялся рисовать спящаго вашего, а слѣдовательно и моего друга. Сходство и выраженіе вышло порядочное для эскиза, и только я очертилъ всю фигуру и назначилъ складки одѣяла, какъ Штернбергъ проснулся и поймалъ меня на мѣстѣ преступленія. Я сконфузился, онъ это замѣтилъ и засмѣялся самымъ чистосердечнымъ смѣхомъ.

— Покажите, что вы дѣлали? сказалъ онъ.

Я показалъ; онъ снова засмѣялся и до небесъ расхвалилъ мой рисунокъ.

— Я когда нибудь отплачу вамъ тѣмъ же, сказалъ онъ смѣясь и, вскочивъ съ постели, умылся и, развязавши чемоданъ, началъ одѣваться.

Изъ чемодана изъ-подъ бѣлья вынулъ онъ толстый портфель и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Тутъ все, что я сдѣлалъ прошлымъ лѣтомъ въ Малороссіи, кромѣ нѣсколькихъ картинокъ масляными красками и акварелью. Посмотрите, если время позволяетъ, а мнѣ нужно кое-куда съѣздить.

— До свиданья! сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.— Не знаю, что сегодня въ театрѣ, я ужасно за нимъ соскучился. Пойдемте вмѣстѣ въ театръ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! сказалъ я: только вы зайдите за мною въ натурный классъ.

— Хорошо, найду, сказалъ онъ уже за дверями.

Если бы не пришелъ за мною Лукьянъ отъ Карла Павловича, мнѣ обѣдъ и на мысль не пришелъ-бы; мнѣ даже досадно было, что

для Лукьяновскаго ростбифа я долженъ былъ оставить портфель Штернберга.

За обѣдомъ я сказалъ Карлу Павловичу о моемъ счасти, и онъ пожелалъ видѣть Штернберга. Я сказалъ ему, что мы условились съ нимъ быть въ театрѣ. Онъ изъявилъ желаніе сопутствовать намъ, если дадутъ что нибудь порядочное. Къ счастью, въ тотъ день на Александрійскомъ театрѣ давали «Заколдованный домъ». Въ концѣ класса Карль Павловичъ зашелъ въ классъ, взялъ меня и Штернберга съ собою, усадилъ въ свою коляску, и мы поѣхали смотрѣть Людовика XI. Такъ кончился первый день.

На другой день по утру Штернбергъ взялъ свой толстый портфель, и мы отправились къ Карлу Павловичу. Тотъ былъ въ восторгѣ отъ вашей однообразно-разнообразной, какъ онъ выразился, родины и отъ задумчивыхъ земляковъ вашихъ, такъ прекрасно-вѣрно переданныхъ Штернбергомъ. И какое множество рисунковъ и какъ все прекрасно! На маленькомъ лоскуткѣ сѣренькой обверточной бумаги проведена горизонтально линія; на первомъ планѣ вѣтряная мельница, пара воловъ около телѣги, наваленной мѣшками; все это не нарисовано, а только намекнуто, но какая прелесть! очей не отведешь. Или подъ тѣнью развѣсистой вербы у самаго берега бѣленькая, соломою крытая хатка—вся отразилась въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Подъ хаткою старушка, а на водѣ утки плаваютъ,— вотъ и вся картина, и какая полная, живая картина!

И такихъ картинъ или лучше сказать живо трепещущихъ очерковъ полно въ портфель Штернберга. Чудный, неподобный Штернбергъ! Не даромъ его поцѣловалъ Карль Павловичъ.

Невольно вспомнилъ я братьевъ Чернецовыхъ. Они недавно возвратились изъ путешествія по Волгѣ и приносили Карлу Павловичу показать свои рисунки: огромная кipa Ватманской бумаги, по нѣмецки аккуратно перышкомъ исчерченная. Карль Павловичъ взглянулъ на нѣсколько рисунковъ и, закрывши портфель, сказалъ (разумѣется не братьямъ Чернецовымъ): «Я здѣсь не только ма-тушки - Волги, и лужи порядочной не надѣюсь увидѣть». А въ одномъ эскизѣ Штернберга онъ видитъ всю Малороссію. Ему такъ понравилась ваша родина и унылыя фізіономіи земляковъ вашихъ, что онъ сегодня за обѣдомъ построилъ уже себѣ хуторъ на берегу Днѣпра, близъ Кіева, со всѣми угодами

въ самой очаровательной декорации. Одно, чего онъ боится и чего никакъ устранить отъ себя не можетъ,—это помѣщики или, какъ онъ называетъ ихъ, феодалы-собачники.

Онъ совершенное дитя, со всею прелестью дитя! И сегодняшній день мы заключили спектаклемъ. Давали Шиллеровскихъ «Разбойниковъ». Оперы почти не существуетъ, изрѣдка появится или «Робертъ» или «Финелла». Балетъ или, лучше сказать, Тальони все уничтожила. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ мы живемъ вмѣстѣ съ несравненнымъ Штернбергомъ, и живемъ такъ, какъ дай Богъ, чтобы братья родные жили. Да и какое же онъ доброе кроткое созданіе! Настоящій художникъ! Ему все улыбается, какъ и онъ всему улыбается. Счастливый, завидный характеръ! Карлъ Павловичъ его очень любитъ. Да и можно ли, зная, не любить его!

Вотъ какъ мы проводимъ дни и ночи: по утру въ девять часовъ я ухожу въ живописный классъ (я уже дѣлаю этюды масляными красками и прошедшій экзаменъ получилъ третій номеръ), Штернбергъ остается дома и дѣлаетъ изъ своихъ эскизовъ или рисунки акварелью или небольшія картины масляными красками. Въ одиннадцать часовъ я или захожу къ Карлу Павловичу, или прихожу домой, и завтракаемъ съ Штернбергомъ, чѣмъ Богъ послалъ; потомъ я опять ухожу въ классъ и остаюсь тамъ до трехъ часовъ. Въ три часа мы идемъ обѣдать къ мадамъ Юргенсъ, иногда и Карлъ Павловичъ съ нами, потому что я почти каждый день въ это время заставлялъ его у Штернберга; онъ часто отказывался отъ роскошнаго аристократическаго обѣда для мизернаго демократическаго супа. Истинно необыкновенный человѣкъ! Послѣ обѣда я отправляюсь въ классы, а къ семи часамъ въ классы приходитъ Штернбергъ, и мы или идемъ въ театръ, или, не много погулявши по набережной, возвращаемся домой, и я читаю что-нибудь вслухъ, а онъ работаетъ, или я работаю, а онъ читаетъ. Недавно мы прочитали «Вудстокъ» Вальтеръ Скотта. Меня чрезвычайно заинтересовала сцена, гдѣ Карлъ II Стюартъ, скрывающійся подъ чужимъ именемъ въ замкѣ стараго баронета Ли, открывается его дочери Юліи Ли, что онъ король Англій, и предлагаетъ ей при дворѣ

своемъ почетное мѣсто наложницы. Настоящая королевская благодарность за гостепрѣимство. Я начертилъ эскизъ и показалъ Карлу Павловичу. Онъ похвалилъ мой выборъ и самый эскизъ и велѣлъ изучить Павла-де-ля-Роша.

Штернбергъ недавно познакомилъ меня съ семействомъ Шмидта. Это какой-то дальній его родственникъ, прекрасный человекъ, а семейство его—это просто благодать Господня. Мы часто по вечерамъ бываемъ у нихъ, а по воскресеньямъ и обѣдаемъ. Чудное, милое семейство! Я всегда выхожу отъ нихъ какъ будто чище и добрѣе. Я не знаю, какъ и благодарить Штернберга за это знакомство.

Еще познакомилъ онъ меня въ домѣ малороссійскаго аристократа, того самаго, у котораго вы съ нимъ встрѣтились прошедшее лѣто въ Малороссіи. Я рѣдко тамъ бываю, и то собственно для Штернберга: не нравится мнѣ этотъ покровительственный тонъ и подлая лесть его неотесанныхъ гостей, которыхъ онъ кормитъ своими роскошными обѣдами и поитъ малороссійскою сливянкой. Я долго не могъ понять, какъ это Штернбергъ терпитъ подобныя картины. Наконецъ дѣло открылось само собой. Однажды онъ возвратился отъ Тарновскихъ совершенно непохожъ на себя, т. е. сердитый; долго молча ходилъ по комнатѣ, наконецъ легъ въ постель, всталъ и опять легъ, и это повторилъ раза три, наконецъ успокоился и заснулъ. Слышу, во снѣ онъ произноситъ имя одной изъ племянницъ Тарновскаго. Тутъ я началъ догадываться, въ чемъ дѣло. На другой день Виля мой опять отправился къ Тарновскому и возвратился поздно ночью въ слезахъ. Я притворился, будто не замѣчаю этого. Онъ упалъ на диванъ и, закрывъ лицо руками, рыдалъ, какъ ребенокъ! Такъ прошло по крайней мѣрѣ съ часъ: потомъ поднялся онъ съ дивана, подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, поцѣловалъ и горько улыбнулся, сѣлъ около меня и рассказалъ мнѣ исторію любви своей. Исторія самая обыкновенная: онъ влюбился въ старшую племянницу Тарновскаго, та хотя и отвѣчала ему тѣмъ же, но въ дѣлѣ брака предпочла ему какого-то лысаго доктора Бурцева. Самая обыкновенная исторія. Послѣ исповѣди онъ немного успокоился, и я уложилъ его въ постель.

На другой и третій день я его почти не видѣлъ: уйдетъ рано, придетъ поздно, а гдѣ онъ проводитъ дни, Богъ его знаетъ. Пробо-

валь я съ нимъ заговорить, но онъ едва мнѣ отвѣчаетъ; предлагаль посѣтить Шмидтовъ, но онъ отрицательно кивнулъ головой. Въ воскресенье по утру предложилъ я ему поѣхать въ оранжерею ботаническаго сада, и онъ, правда, принужденно, но согласился. Оранжерея на него подѣйствовала благотѣльно. Онъ повеселѣлъ, началъ мечтать о путешествіи въ тѣ волшебные края, гдѣ растутъ эти всѣ удивительныя растенія, какъ у насъ чертополохъ.

Выйдя изъ оранжереи, я предложилъ ему пообѣдать на Крестовскомъ въ нѣмецкомъ трактирѣ; онъ охотно согласился. Послѣ обѣда мы послушали тирольцевъ, посмотрѣли, какъ съ горъ катаются, и поѣхали прямо къ Шмидту. Шмидты въ тотъ день обѣдали у Фицтума, инспектора университета, и вечеръ тамъ остались. Мы туда. Насъ встрѣтили восклицаніемъ: гдѣ мы пропадали! У Фицтума насладились мы квинтетомъ Бетховена и сонатою Моцарта, гдѣ солировалъ знаменитый Бемъ, и часу въ первомъ ночи возвратились на квартиру. Бѣдный Виля опять задумался. Я не утѣшаю его, да и чѣмъ я его могу утѣшить.

На другой день, по порученію Карла Павловича, я пошелъ въ магазинъ Смирдина и между прочими книгами взялъ два номера «Библиотеки для чтенія», гдѣ помѣщенъ «Никласъ Никльби», романъ Диккенса. Я задумалъ устроить литературные вечера у Шмидтовъ и пригласилъ Штернберга. Какъ затѣяно, такъ и сдѣлано. Въ тотъ же день, послѣ вечернихъ классовъ отправились мы къ Шмидтамъ съ книгами подъ мышкой. Выдумка моя была принята съ восторгомъ, и послѣ чаю началось чтеніе. Первый вечеръ читалъ я, второй Штернбергъ, потомъ опять я, потомъ опять онъ, и такъ мы продолжали, пока кончили романъ. Это имѣло прекрасное вліяніе на Штернберга. Послѣ «Никласа Никльби» такимъ же порядкомъ прочитали мы замокъ «Кинельвортъ», потомъ «Пертскую красавицу» и еще нѣсколько романовъ Вальтеръ Скотта. Часто просиживали мы за полночь и не видали, какъ и рождественскіе праздники наступили. Штернбергъ почти пришелъ въ себя, по крайней мѣрѣ работаетъ и меньше груститъ; дасть Богъ, и это пройдетъ. Прощайте, мой отецъ родной! Не обещаю писать вамъ въ скоромъ времени, потому что праздники наступаютъ, а я уже сдѣлалъ себѣ, по милости Штернберга, кромѣ Шмидтовъ, еще нѣкоторыя знакомства, и знакомства, которыя слѣдуетъ поддерживать. Сдѣлалъ

я себѣ къ празднику новую пару платья и изъ англійской байки пальто, точно такое, какъ у Штернберга, чтобы не даромъ насъ Шмидгы называли Касторъ и Поллуксъ; а къ веснѣ думаемъ заказать себѣ камлотовыя шинели. У меня теперь деньги водятся. Я началъ рисовать акварельные портреты, сначала по пріятельски, а потомъ и за деньги. Только Карлу Павловичу еще не показываю: боюсь. Я больше придерживаюсь Соколова; Гау мнѣ не нравится: приторно сладкій. Думаю еще заняться французскимъ языкомъ: это необходимо. Предлагала мнѣ свои услуги одна пожилая вдова съ тѣмъ, чтобы я ее сына училъ рисовать. Взаимное одолженіе, но мнѣ оно не нравится, во первыхъ потому, что далеко ходить (въ Эртелевъ переулокъ), а во вторыхъ возиться два часа съ избалованнымъ мальчуганомъ—это тоже порядочная коммиссія. Лучше же я эти два часа употреблю на акварельный портретъ и заплачу учителю деньги. Я думаю, и вы скажете, что лучше. У Карла Павловича есть Гиббонъ на французскомъ языкѣ, и я не могу смотрѣть на него равнодушно. Не знаю, видѣли ли вы его эскизь или, лучше сказать, небольшую картину «Посѣщеніе Рима Гензерихомъ»; теперь она у него въ мастерской.—Чудная! какъ и все чудное, что выходитъ изъ подъ его кисти. Если не видали, то я сдѣлаю небольшой рисунокъ и пришлю вамъ. Бахчисарайскій фонтанъ тоже приплю. Это, кажется, еще при васъ начато.

Ахъ, да! чуть чуть было не забылъ, готовится необыкновенное событіе: Карлъ Павловичъ женится; послѣ праздника свадьба. Невѣста его—дочь рижскаго почетнаго гражданина Тима. Я не видѣлъ ея, но, говорятъ, удивительная красавица. Брата ея я встрѣчаю иногда въ классѣ; онъ ученикъ Заурвейда, чрезвычайно красивый юноша. Когда все это совершится, то я опишу вамъ съ самоемъчайшими подробностями, а пока еще разъ прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Вотъ уже два мѣсяца, какъ я не писалъ вамъ. Такое долгое молчаніе непростительно. Но я какъ будто нарочно выжидалъ, пока кончится интересный эпизодъ изъ жизни Карла Павловича. Въ послѣднемъ письмѣ писалъ я вамъ о предполагаемой женитьбѣ, теперь опишу вамъ подробно, какъ это совершилось и какъ разрушилось.

Въ самый день свадьбы Карль Павловичъ одѣлся, какъ онъ обыкновенно одѣвается, взявъ шляпу и, проходя черезъ мастерскую, остановился передъ копіей Доминикино, уже оконченной; долго стоялъ онъ молча, потомъ сѣлъ въ кресла (кромѣ его и меня въ мастерской никого не было); молчаніе длилось еще нѣсколько минутъ, потомъ онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Цампіери какъ будто говорить мнѣ: не женись—погибнешь!

Я не нашелся, что ему сказать, а онъ взявъ шляпу и пошелъ къ своей невѣстѣ и во весь этотъ день не возвращался къ себѣ на квартиру. Приготовленій къ празднику не было совершенно никакихъ, даже ростбиѳа Лукьянъ не жарилъ въ этотъ день, словомъ ничего похожего не было на праздникъ. Въ классѣ я узналъ, что будетъ онъ вѣнчаться въ восемь часовъ вечера въ лютеранской церкви св. Анны, что въ Кирочной. Послѣ класса взяли мы съ Штернбергомъ извозчика и отправились въ Кирочную. Церковь уже была освѣщена и Карль Павловичъ съ Заурвейдомъ и братомъ невѣсты былъ въ церкви. Увидя насъ, онъ подошелъ, подаль намъ руку и сказалъ: женюсь.

Въ это самое время вошла въ церковь невѣста, и онъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Я въ жизнь мою не видалъ да и не увижу такой красавицы. Въ продолженіи обряда Карль Павловичъ стоялъ, глубоко задумавшись; онъ ни разу не взмѣнулъ на свою прекрасную невѣсту. Обрядъ кончился, мы поздравили счастливыхъ супруговъ, проводили ихъ до кареты и по дорогѣ заѣхали къ Клею, поужинали и за здоровье молодыхъ выпили бутылку Клико. Все это происходило 8 генваря 1833 года. И у Карла Павловича свадьба кончилась бутылкой Клико; ни въ тотъ, ни въ послѣдующіе дни не было никакого праздника.

Черезъ педѣлю послѣ этого событія встрѣтился я съ нимъ въ корридорѣ какъ разъ противъ квартиры графа Толстого, и онъ завалъ меня къ себѣ и оставилъ обѣдать. Въ ожиданіи обѣда онъ что-то чертилъ въ своемъ альбомѣ, а меня заставилъ читать Квентинъ Дорварда. Только что я началъ читать, какъ онъ остановилъ меня и довольно громко крикнулъ: Эмилія!

Черезъ минуту вошла ослѣпительная красавица, жена его. Я неловко поклонился ей, а онъ сказалъ:

— Эмилія, на чемъ мы остановились? или нѣтъ, садись, ты сама читай. А вы послушайте, какъ она мастерски читаетъ по-русски.

Она сначала не хотѣла читать, но потомъ раскрыла книгу, прочитала нѣсколько фразъ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ, захохотала, бросила книгу и убѣжала. Онъ позвалъ ее опять и съ нѣжностью влюбленнаго просилъ ее сѣсть за фортепіано и спѣть знаменитую каватину изъ «Нормы». Безъ малѣйшаго жеманства она сѣла за инструментъ и послѣ нѣсколькихъ прелюдій запѣла. Голосъ у нея не сильный, не эффектный, но такой сладкій, чарующій, что я слушалъ и самъ себѣ не вѣрилъ, что я слушалъ пѣніе существа смертнаго, земнаго, а не какой нибудь воздушной феи. Или это магическое вліяніе красоты, или она дѣйствительно хорошо пѣла, теперь я вамъ не могу сказать основательно, только я и теперь какъ будто слышу ея волшебный голосъ. Карлъ Павловичъ тоже былъ очарованъ ея пѣніемъ, потому что сидѣлъ онъ, сложя руки надъ своимъ альбомомъ и не слышалъ, какъ вошелъ Лукьянъ и два раза повторилъ: кушанье подано.

Послѣ обѣда на тотъ-же столъ подаль Лукьянъ фрукты и бутылку Лякрима-Кристи. Пробыло пять часовъ, и я оставилъ ихъ за столомъ и ушелъ въ классъ. На прощанье Карлъ Павловичъ подаль мнѣ руку и просилъ приходить къ нимъ каждый день къ обѣду. Я былъ въ восторгѣ отъ такого приглашенія.

Послѣ классовъ встрѣтилъ я ихъ на Набережной и присоединился къ нимъ. Вскорѣ они пошли домой и меня пригласили къ себѣ. За чаемъ Карлъ Павловичъ прочиталъ «Анжело» Пушкина и рассказалъ, какъ покойный Александръ Сергѣевичъ просилъ его написать съ его жены портретъ и какъ онъ безцеремонно отказалъ ему, потому что жена его косая. Онъ предлагалъ Пушкину съ самого его написать портретъ, но Пушкинъ отплатилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ послѣ этого поэтъ умеръ и оставилъ насъ безъ портрета. Кипренскій изобразилъ его какимъ-то денди, а не поэтомъ.

Послѣ чаю молодая очаровательная хозяйка выучила насъ въ «гальбе-цвельфъ» и проиграла мнѣ двугривенный, а мужу каватину изъ «Нормы», и сейчасъ-же сѣла за фортепіано и расплатилась. Послѣ такого великолѣпнаго финала я поблагодарилъ очаровательную хозяйку и хозяина и отправился домой; это уже было далеко за полночь. Штернбергъ еще не спалъ и дожидался меня. Я, не

снимая шляпы, разсказаль ему свои похождения, и онъ назваль меня счастливецемъ.

— Позавидуйте и мнѣ, сказалъ онъ: меня приглашаегь генераль-губернаторъ оренбургскаго края къ себѣ въ Оренбургъ на лѣто; я былъ сегодня у Владиміра Ивановича Даля, и мы условились уже на счетъ поѣздки. На будущей недѣлѣ прощай!

Меня это извѣстіе ошеломило; я долго говорить не могъ и, придя въ себя, спросилъ его.

— Когда же это ты такъ скоро успѣлъ все обдѣлать?

— Сегодня, отвѣчалъ онъ, часу въ десятомъ присылаетъ за мною Григоровичъ; я явился. Онъ предлагаетъ мнѣ это путешествіе, я соглашаюсь, отправляюсь къ Далю, и дѣло кончено.

— Что же я буду безъ тебя дѣлать? какъ же я буду жить безъ тебя? спросилъ я его сквозь слезы.

— Такъ, какъ и я безъ тебя: будемъ учиться, работать и одиночества не замѣтимъ.— Вотъ что, прибавилъ онъ, завтра мы обѣдаемъ у Іоахима. Онъ тебя знаетъ и просилъ меня привести тебя къ себѣ. Согласенъ?

Я отвѣчалъ: согласенъ, и мы легли спать.

На другой день мы обѣдали у Іоахима. Это смнѣ извѣстнаго каретника Іоахима, веселый, простой и прекрасно образованный нѣмецъ. Послѣ обѣда показываль онъ намъ свое собраніе эстамповъ и между прочимъ нѣсколько тетрадей только что полученныхъ превосходнѣйшихъ литографій Дрезденской галереи. Такъ какъ это было въ субботу, то мы и вечеръ провели у него. За чаемъ какъ-то рѣчь зашла о любви и о влюбленныхъ. Бѣдный Штернбергъ, какъ на иглокахъ, сидѣлъ. Я старался перемѣнить разговоръ, но Іоахимъ какъ нарочно раздуваль его и въ заключеніе про самого себя разсказаль слѣдующій анекдотъ.

Когда я былъ влюбленъ въ мою Адельгейду, а она въ меня нѣтъ, то я рѣшился на самоубійство. Я рѣшился умертвить себя угаромъ: приготовилъ все, что слѣдуетъ, какъ то: написалъ записки нѣсколькимъ друзьямъ и между прочимъ ей (и онъ указаль на жену), досталь бутылку рому и велѣлъ принести жаровню съ холоднымъ угольемъ, лучины и свѣчу. Когда все было готово, я заперъ на ключъ двери, налилъ стаканъ рому, выпилъ, и мнѣ началъ гресться «Пиръ Валтасара» Мартенса. Я повторилъ дозу, и мнѣ уже

ничего не грезилося. Увѣдомленные о моей преждевременной и трагической смерти, друзья сбѣжались, выломали двери и нашли меня мертвецки пьянаго. Дѣло въ томъ, что я забылъ уголья зажечь, а то бы непременно умеръ. Послѣ этого происшествія и она сдѣлалась ко мнѣ благосклоннѣе и наконецъ рѣшилась сдѣлать меня своимъ мужемъ.

Разсказъ свой заключилъ онъ добрымъ стаканомъ пунша.

Іоакимъ мнѣ чрезвычайно понравился своей манерой, и я вмѣнили себѣ въ обязанность навѣщать его, какъ можно чаще.

Воскресенье мы провели у Шмидта. Въ одинадцать часовъ возвратились на квартиру и уже раздѣваться начали; вдругъ Штернбергу понадобился носовой платокъ, онъ сунулъ руку въ карманъ и вмѣсто платка вынулъ афишу.

— Я и забылъ, сегодня въ Большомъ театрѣ маскарадъ, сказалъ онъ, развертывая афишу; поѣдемъ!

— Пожалуй, поѣдемъ: спать рано, сказалъ я, и мы, надѣвши вмѣсто сюртуковъ фраки, поѣхали сначала къ Полицейскому мосту въ магазинъ костюмовъ, взяли капюцины и черныя полумаски и отправились въ Большой театръ. Сіяющій залъ быстро наполнялся замаскированной публикой, музыка гремѣла, и въ шумѣ общаго говора визжали маленькіе капюцины. Скоро сдѣлалось жарко и маска мнѣ страшно надоѣла; я снялъ ее, Штернбергъ тоже; можетъ быть, инымъ показалось это страннымъ, да намъ-то какое дѣло.

Мы пошли въ верхнія боковыя залы вздохнуть отъ тѣсноты и жару. Ни одна маска, хоть бы на смѣхъ, не преслѣдовала насъ. Только на лѣстницѣ встрѣтилъ насъ Элькинъ, тотъ самый господинъ въ очкахъ, что встрѣтился мнѣ однажды съ Михайловымъ. Онъ меня узналъ, Штернберга тоже и, хохоча во все горло, заключилъ насъ въ свои объятія: въ это время подошелъ къ нему молодой мичманъ, и онъ отрекомендовалъ намъ, называя его своимъ искреннимъ другомъ Сашею Оболонскимъ. Былъ уже третій часъ, когда мы поднялись на верхъ. Въ одной изъ боковыхъ залъ накрытый столъ и жующая публика возбудили во мнѣ аппетитъ. Я это сообщилъ Штернбергу попотомъ, а онъ вслухъ изъявилъ согласіе. Но Элькинъ и Оболонскій противъ этого протестовали и предложили ѣхать къ неизмѣнному Клею и поужинать, какъ слѣдуетъ.

— А то, прибавилъ Элькинъ, здѣсь не накормятъ, а возьмутъ въдесятеро.

Мы единодушно изъявили согласіе и отправились къ Клею.

Молодой мичманъ понравился мнѣ своею разбитною манерою. До сихъ поръ встрѣчался я только съ своими скромными товарищами, а свѣтскаго юношу еще въ первый разъ видѣлъ вблизи. Каламбурами и островами такъ и сыплеть, а водевильныхъ куплетовъ безъ счету, просто прелесть юноша.

Мы просидѣли у Клея до разсвѣта, и какъ удалой мичманъ былъ не много подгулявши, то мы взяли его къ себѣ на квартиру, а съ Элькинымъ разстались въ трактирѣ.

Вотъ какъ я нынче живу: по маскарадамъ шляюсь, въ трактирахъ ужинаю, деньги, какъ попало, трачу, а давно ли, давно ли сіяло надъ Невой то незабвенное утро, въ которое вы нашли меня въ лѣтнемъ саду передъ статуей Сатурна. Незабвенное утро! незабвенный мой благодѣтель! Чѣмъ и какъ я достойно возблагодарю васъ? Кромѣ чистой сердечной слезы-молитвы, я ничего не имѣю.

Въ девять часовъ я по обыкновенію пошелъ въ классъ, а Штернбергъ съ гостемъ остался дома; гость еще спалъ. Въ одиннадцать часовъ зашелъ я къ Карлу Павловичу и получилъ милѣйшій выговоръ отъ милѣйшей Эмили Карловны. До второго часу играли мы въ «гальбе-цвельфъ». Они хотѣли, чтобы я до обѣда оставался съ ними; и я уже началъ было соглашаться, но Карлъ Павловичъ замѣтилъ мнѣ, что манкировать не должно, и я, сконфуженный по уши, пошелъ въ классъ. Въ три часа я опять явился, а въ пять часовъ оставилъ ихъ за столомъ и опять ушелъ въ классъ.

Такъ проводилъ я всѣ дни у нихъ, какъ вышеописанный, кромѣ субботы и воскресенья. Суббота была посвящена Іоакиму, а воскресенье Шмидту и Фицтуму. Вы замѣчаете, что всѣ мои знакомые—нѣмцы, но какіе прекрасные нѣмцы! Я просто влюбленъ въ этихъ нѣмцевъ. Штернбергъ въ продолженіи недѣли хлопоталъ о своемъ путешествіи и вѣрно что нибудь забылъ: это въ его натурѣ. Въ субботу мы отправились къ Іоакиму, встрѣтили тамъ старика Кольмана, извѣстнаго акварелиста и учителя Іоакима.

Послѣ обѣда Кольманъ заставилъ ученика своего показать намъ свои этюды съ деревьевъ, на что ученикъ неохотно согласился. Этюды сдѣланы чернымъ и бѣлымъ карандашомъ на сѣрой бумагѣ

и сдѣланы такъ превосходно, такъ отчетливо, что я не могъ налюбоваться ими. За одинъ изъ этюдовъ онъ получилъ вторую серебряную медаль, и добрый Кольманъ хвалилъ этотъ рисунокъ до небесъ, какъ торжество ученика своего, и всѣмъ святымъ божился, что онъ самъ не нарисуетъ такъ прекрасно. Такъ какъ Штернбергу оставалось только дня два, не болѣе, провести съ нами, то Иоакимъ и спросилъ у него, какъ онъ намѣренъ распорядиться этими днями. Штернбергъ, кажется, объ этомъ и не подумалъ. Иоакимъ предложилъ вотъ что: завтра, т. е. въ воскресенье, посѣтитъ галереи Строгонова и Юсупова, а въ понедѣльникъ Эрмитажъ. Проектъ былъ принятъ, и на другой день заѣхали мы къ Иоакиму и отправились въ галерею Юсупова. Доложили князю, что такіе-то художники просятъ позволенія посмотрѣть его галерею; на это вѣжливый хозяинъ велѣлъ сказать намъ, что сегодня воскресенье и прекрасная погода, а потому и совѣтуетъ онъ намъ, вмѣсто изящныхъ произведеній, насладиться лучше великолѣпной погодой. Намъ, разумѣется, осталось поблагодарить хозяина за обязательный совѣтъ, и больше ничего. Чтобы не выслушать подобнаго совѣта и у Строгонова, мы отправились въ Эрмитажъ и часа три наслаждались, какъ истинные поклонники прекраснаго искусства. Обѣдали у Иоакима, а вечеръ провели въ театрѣ.

Въ понедѣльникъ по утру Штернбергъ получилъ записку отъ Даля. Владиміръ Ивановичъ писалъ ему, чтобы онъ въ три часа былъ готовъ къ выѣзду. Штернбергъ поѣхалъ проститься съ своими друзьями, а я принялся укладывать его вещи въ чемоданъ. Къ тремъ часамъ мы уже были у Даля, а въ четыре мы поцѣловались съ Штернбергомъ у средней рогатки, и я одинъ возвратился въ Петербургъ чуть-чуть не въ слезахъ. Думалъ было заѣхать къ Иоакиму, но мнѣ хотѣлось уединенія и въ тоже время не хотѣлось ѣхать къ себѣ на квартиру: я боялся пустоты, которая меня поразила дома. Отпустивши извозчика у заставы, я пошелъ пѣшкомъ. Пространство, пройденное мною, не утомило меня, какъ я этого ожидалъ, и я долго еще ходилъ по набережной противъ академіи. Въ квартирѣ Карла Павловича свѣтился огонь. Вскорѣ огонь погасъ, и черезъ минуту вышелъ онъ съ женою на набережную. Я, чтобы не встрѣтиться съ ними, ушелъ къ себѣ и, не зажегши огня, раздѣлся и легъ въ постель.

Я теперь почти не бываю дома: скука и пустота без Штернберга. Михайловъ опять поселился со мною и по прежнему не сидитъ дома. Онъ тоже гдѣ-то познакомился съ мичманомъ Оболенскимъ, вѣроятно у Элькина. Оболенскій часто приходитъ ночью, и если Михайлова нѣтъ дома, то онъ ложится спать на его постели. Юноша этотъ мнѣ начинаетъ менѣ нравиться, чѣмъ прежде: или онъ дѣйствительно однообразенъ, или это мнѣ такъ кажется, потому что я самъ теперь на себя не похожъ. И въ самомъ дѣлѣ, классы посѣщаю я по прежнему исправно, но работаю вяло, что и Карлъ Павловичъ замѣтилъ; мнѣ это досадно, и я не знаю, какъ исправиться.

Эмилія Карловна со мною по прежнему любезна и по прежнему играетъ со мною въ гальбе-цвельфъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Штернберга Карлъ Павловичъ велѣлъ мнѣ приготовить карандаши и бумагу. Онъ хочетъ нарисовать 12 головокъ съ жены своей въ разныхъ поворотахъ для предполагаемой картины изъ баллады Жуковского «12 спящихъ дѣвъ». Бумага и карандаши однакожь лежатъ безъ всякаго употребленія.

Это было въ концѣ февраля, я по обыкновенію обѣдалъ у нихъ. Въ этотъ роковой день жена Карла Павловича показала мнѣ особенно очаровательною; за обѣдомъ она потчивала меня виномъ и была такъ любезна, что когда пробило пять часовъ, то я готовъ былъ забыть про классъ; однако-жь она сама мнѣ про него напомнила. Дѣлать было нечего, я всталъ изъ-за стола и ушелъ не прощаясь, обѣщая зайти изъ класса и непременно обыграть ее въ гальбе-цвельфъ.

Классы кончились; захожу я по обѣщанію къ нимъ. Меня въ дверяхъ встрѣчаетъ Лукьянъ и говоритъ, что барянь никого принимать не приказали. Я не мало удивился такому превращенію и пошелъ къ себѣ на квартиру. Противъ обыкновенія засталъ я дома Михайлова и удалого мичмана. Вечеръ пролетѣлъ у насъ въ веселой болтовнѣ. Часу въ двѣнадцатомъ они пошли ужинать, а я легъ спать.

На другой день по утру изъ класса захожу я къ Карлу Павловичу, вхожу въ мастерскую, и онъ встрѣчаетъ меня весело такими словами:

— Поздравьте меня, я холостой человѣкъ!

Сначала я его не понял, онъ повторилъ мнѣ тоже еще разъ. Я еще не вѣрилъ, и онъ прибавилъ совсѣмъ не весело:

— Жена моя вчера послѣ обѣда ушла къ Заурвейдовой и не возвращалась.

Карлъ Павловичъ велѣлъ потомъ Лукьяну сказать Липину, чтобы тотъ подаль ему палитру и кисти. Черезъ минуту все было подано, и онъ засѣлъ за работу. На станкѣ стоялъ неоконченный портретъ графа Мусина-Пушкина. Карлъ Павловичъ принялся за него. Какъ ни старался онъ казаться равнодушнымъ,—работа ему сильно измѣняла. Наконецъ онъ бросилъ палитру и кисти и проговорилъ какъ-бы про себя:

— Неужли это меня такъ тревожить? работать не могу.

И онъ ушелъ къ себѣ на верхъ.

Во второмъ часу я ушелъ въ классъ, все еще не совсѣмъ увѣренный въ случившемся. Въ три часа я вышелъ изъ класса и не зналъ, что дѣлать: идти ли мнѣ къ нему, или оставить его въ покоѣ. Лукьянъ встрѣтилъ меня въ корридорѣ и разрѣшилъ мое недоразумѣніе, сказавши: «баринъ проситъ обѣдать».—Обѣдалъ одна-кожъ я одинъ. Карлъ Павловичъ ни до чего не дотронулся, даже за столъ не сѣлся, жаловался на головную боль, а самъ курилъ сигару. На другой день онъ слегъ въ постель и пролежалъ двѣ недѣли; въ это время я не отходилъ отъ него. Въ немъ по временамъ показывался горячечный бредъ, но онъ ни разу не произнесъ имя жены своей. Наконецъ онъ началъ поправляться и въ одинъ вечеръ пригласилъ брата своего Александра и просилъ его рекомендовать ему адвоката, чтобы хлопотать о формальной разводной. Теперь онъ уже выходитъ и заказалъ Довиціели большой холстъ: думать начать картину «Взятіе на небо Божіей Матери» для Казанскаго собора, а въ ожиданіи холста и лѣта началъ портретъ во весь ростъ князя Александра Николаевича Голицына и Федора Ивановича Прянишникова. Старикъ будетъ изображенъ въ сидячемъ положеніи, въ Андреевской лентѣ и въ сѣромъ фракѣ.

Не пишу вамъ о слухахъ, какіе ходятъ о Карлѣ Павловичѣ въ городѣ и въ самой академіи. Слухи самыя нелѣпыя и возмутительныя, и повторяютъ ихъ грѣшно. Въ академіи общій голосъ называетъ авторомъ этихъ вѣстей Заурвейда, и я имѣю основаніе этому вѣрить. Пускай все это немного постарѣетъ, и тогда я вамъ

сообщу мои подозрѣнія, а пока скопятся и выработаются матеріалы. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Р. С. Отъ Штернберга изъ Москвы получилъ я письмо. Добрый Виля! онъ и васъ не забываетъ, кланяется вамъ и просить, если случится вамъ встрѣтить въ Малороссіи племянницу Тарновскаго, госпожу Бурцеву, то засвидѣтельствуйте ей отъ него глубочайшее почтеніе. Бѣдный Виля! онъ все еще помнить ее.

Слѣдующее за этимъ письмо я не помѣщаю потому, что оно, кромѣ нелѣпныхъ сплетенъ и самой гнусной клеветы, адресованной на имя Карла Великаго, ничего въ себѣ не заключаетъ; а такія вещи не должны имѣть мѣста въ сказаніи о благороднѣйшемъ изъ людей. Несчастное его супружество кончилось любовной сдѣлкой, т. е. разводомъ, за который онъ заплатилъ ей 13,000 рублей ассигнаціями. Вотъ и весь интересъ письма.

Петербургскаго сѣренякаго лѣта какъ не бывало. На дворѣ сырая, гнилая осень, а въ академіи нашей блистательная выставка. Что бы вамъ пріѣхать взглянуть на нее, и я бы на васъ полюбился. По части живописи изъ ученическихъ работъ особенно замѣчательнаго ничего нѣтъ, кромѣ программы Петровскаго «Явленіе ангела пастухамъ». За то скульпторы отячились: Рамазановъ и Ставасерь, особенно Ставасерь. Онъ исполнилъ круглую статую молодого рыбака и какъ исполнилъ! просто прелесть, особенно выраженіе лица: затаивши дыханіе, живое лицо слѣдитъ за движеніемъ поплавка. Я помню, когда статуя была еще въ глинѣ, Карлъ Павловичъ нечаянно зашелъ въ кабинетъ Ставасера и, любясь его статуею, посоветовалъ ему вдавить немного нижнюю губу рыбака. Онъ это сдѣлалъ и выраженіе измѣнилось. Ставасерь готовъ былъ молиться на великато Брюлова.

О живописи вообще скажу вамъ, что для одной картины Карла Павловича стоило пріѣхать изъ Китая, а не только изъ Малороссіи. Чудо богатырь: за одинъ присѣсть и подмалевалъ, и кончилъ, и теперь угощаетъ алчную публику своимъ дивнымъ произведеніемъ. Велика его слава и необъятенъ его геній!

Что мнѣ вамъ про самого себя сказать? Получилъ первую серебрянную медаль за эгюдь съ натуры. Еще написалъ небольшую картинку маслянными красками: «Сиротка мальчикъ дѣлится милостыней съ собакою подъ заборомъ», вотъ и все. Въ продолженіи лѣта постоянно занимался въ классахъ и рано по утрамъ ходилъ съ Іоахимомъ на Смоленское кладбище лопухи и деревья рисовать. Я болѣе и болѣе влюбляюсь въ Іоахима. Мы съ нимъ почти каждый день видимся; онъ постоянно посѣщаетъ вечерніе классы.

Хорошо сошелся съ Карломъ Павловичемъ, и часто бываютъ другъ у друга. Иногда мы позволяемъ себѣ прогулки па Петровскій и Крестовскій острова съ цѣлью нарисовать черную ель или бѣлую березу. Раза два ходили пѣшкомъ въ Парголово, и тамъ познакомилъ я его со Шмидтами. Они лѣтомъ живутъ въ Парголовѣ. Іоахимъ чрезвычайно доволенъ этимъ знакомствомъ; да кто не будетъ доволенъ семействомъ Шмидта!

Раскажу вамъ еще одно презабавное происшествіе, недавно со мною случившееся. Въ одномъ этажѣ со мною поселился недавно какой-то чиновникъ съ семействомъ. Семейство его: жена, двое дѣтей и племянница, прекрасная дѣвушка, лѣтъ пятнадцати. Какимъ родомъ я узналъ всѣ эти подробности, я вамъ сейчасъ расскажу. Вы помните хорошо вашу бывшую квартиру: изъ крошечной прихожей дверь отворяется въ общій корридоръ. Однажды я отворяю эту дверь и, представьте мое изумленіе, предо мною стоитъ прекрасная дѣвушка, сконфуженная и покраснѣвшая до ушей. Я не зналъ, что сказать ей, и съ минуту помолчавши, поклонился, а она, закрывъ лице руками, убѣжала и скрылась въ сосѣдней двери. Я не могъ понять, чтобы эго значило, и послѣ долгихъ догадокъ и предположеній пошелъ въ классъ. Работалъ я плохо: все мнѣ мѣшала загадочная дѣвушка. На другой день она встрѣтила меня на лѣстницѣ и вспыхнула, какъ и прежде, я тоже остолбенѣлъ; черезъ минуту она захохотала такъ дѣтски, такъ чисто-сердечно, что я не утерпѣлъ и началъ ей вторить. Чья-то шаги послышались на лѣстницѣ и уняли нашъ смѣхъ. Она приложила палецъ къ губамъ и убѣжала. Я тихо поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ свою квартиру, еще болѣе озадаченный, чѣмъ въ первый разъ. Она мнѣ нѣсколько дней покою не давала; я поминутно выходилъ въ корридоръ въ надеждѣ встрѣтить знакомую незнакомку, но

она если и выбѣгала въ корридоръ, то такъ быстро пряталась, что я не успѣвалъ даже кивнуть ей головой, а не то чтобы порядочно поклониться. Въ такомъ положеніи прошла цѣлая недѣля. Я уже началъ было ее забывать. Только слушайте, что случилось. Въ воскресенье, въ десятомъ часу утра, входитъ ко мнѣ Іоакимъ, и угадайте, кого онъ ввелъ за собою? Мою таинственную раскраснѣвшуюся красавицу.

— Я у васъ поймалъ вора, говорилъ онъ, смѣясь.

При взглядѣ на загадочную шалунью я самъ сконфузился никакъ не меньше пойманнаго вора; Іоакимъ это замѣтилъ и, выпуская руку красавицы, лукаво улыбнулся. Освобожденная красавица не исчезла, какъ можно было предполагать, а осталась тутъ же и поправивши косыночку и косу, осмотрѣлась и проговорила:

— А я думала, что вы какъ разъ противъ дверей сидите и рисуете, а вы вонъ гдѣ, въ другой комнатѣ.

— А если бы противъ дверей онъ рисовалъ, тогда бы что? сказала Іоакимъ.

— Тогда бы я смотрѣла въ дырочку, какъ они рисуютъ.

— Зачѣмъ въ дырочку? Я увѣренъ, что товарищъ мой настолько вѣжливъ, что позволить оставаться въ комнатѣ во время работы.

И я въ подтвержденіе словъ Іоакима кивнулъ головою и предложилъ стулъ гостьѣ. Она, не обративъ вниманія на мою вѣжливость, повернулась къ стоявшему на станкѣ, недавно мною начатому портрету госпожи Соловой, и только что начала приходить въ восторгъ отъ нарисованной красавицы, какъ послышался рѣзкій голосъ въ корридорѣ:

— Гдѣ же это она пропала! Паша!!

Гостья моя вздрогнула и поблѣднѣла.

— Тетенька, прошептала она и бросилась къ дверямъ; у дверей остановилась и, приложивши пальчикъ къ губамъ, съ минуту постояла и скрылась.

Посмѣявшись этому оригинальному приключенію, отправились мы съ Іоакимомъ къ Карлу Павловичу.

Приключеніе это само по себѣ ничтожно, но меня оно какъ будто-бы беспокоитъ; оно у меня изъ головы не выходитъ, я объ немъ постоянно думаю. Іоакимъ иногда подтруниваетъ надъ моею

задумчивостью, и мнѣ это не нравится, даже досадно, зачѣмъ онъ случился при этомъ приключеніи.

Сегодня я получила письмо отъ Штернберга. Онъ собирается въ какой-то походъ на Хиву и пишетъ, чтобы не ждать его къ праздникамъ, какъ онъ прежде писалъ, въ Петербургъ. Мнѣ скучно безъ него: онъ для меня ничѣмъ не замѣнимый. Михайловъ уѣхалъ къ своему мичману въ Кронштадтъ, и я уже болѣе двухъ недѣль его не вижу. Прекрасный художникъ, благороднѣйшій человекъ и, увы, самый безолаберный! На время его отсутствія я пригласилъ къ себѣ, по рекомендаціи Фицтума, студента Демскаго. Скромный и прекрасно образованный и въ добавокъ бѣдный молодой полякъ. Онъ цѣлый день проводитъ въ аудиторіи, а по вечерамъ занимается со мною французскимъ языкомъ и читаетъ Гиббона. Два раза въ недѣлю по вечерамъ я хожу въ зало вольнаго экономического общества слушать лекціи физики профессора... Хожу еще разъ въ недѣлю, вмѣстѣ съ Демскимъ, слушать лекціи зоологій профессора Куторги. У меня, какъ вы сами видите, даромъ время не проходитъ; скучать совершенно некогда, а я все таки скучаю: мнѣ чего-то не достаетъ, а чего, я и самъ не знаю. Карлъ Павловичъ теперь ничего не дѣлаетъ и почти дома не живетъ. Я съ нимъ вижуся весьма рѣдко и то на улицѣ. Прощайте, мой незабвенный, мой благодѣтель! Не общаюсь вамъ писать вскорѣ: время у меня проходитъ скучно, монотонно, писать не о чемъ, а я не хотѣлъ-бы, чтобы вы дремали надъ моими однообразными письмами такъ, какъ я дремлю надъ этимъ посланіемъ. Еще разъ прощайте!

Я обманулъ васъ: не общалъ вамъ писать вскорѣ, и вотъ не прошло еще и мѣсяца послѣ послѣдняго моего посланія, а я опять принимаюсь за посланіе. Событіе поторошило, оно - то обмануло васъ, а не я. Штернбергъ заболѣлъ въ хивинскомъ походѣ; умный добрый Даль посовѣтовалъ ему оставить военный лагерь и возвратиться во сяюси, и онъ совершенно неожиданно явился предо мною 16 декабря ночью. Если-бы я былъ одинъ въ комнатѣ, то я принялъ-бы его за видѣніе и, разумѣется, испугался-бы, но мы были съ Демскимъ и переводили самую веселую главу изъ «Брата Якова» Поль-де-Кока, слѣдовательно явленіе Штернберга мнѣ пока-

залось почги естественнымъ явленіемъ, хотя удивленіе и радость мои отъ этого нисколько не уменьшились. Послѣ первыхъ объятій и лобзаній отрекомендовалъ я ему Демскаго, и, какъ еще было только десять часовъ, то мы отправились въ «Берлинъ» выпить чаю. Ночь, разумѣется, прошла въ разспросахъ и разказахъ. На разсвѣтѣ Штернбергъ изнемогъ и заснулъ, а я, дождавшись утра, принялся за его портфель, такой-же полный, какъ и тотъ, что прошлаго года онъ привезъ изъ Малороссіи. Но здѣсь уже не та природа, не тѣ люди; хотя все такъ же прекрасно и выразительно, но совершенно все другое, кромѣ меланхоли; впрочемъ это, можетъ быть, отраженіе задумчивой души художника. Во всѣхъ портретахъ Ванъ Дейка господствующая черта умъ и благородство, и это объясняется тѣмъ, что Ванъ Дейкъ самъ былъ благороднѣйшій умница. Такъ и я толкую себѣ общую экспрессію прекрасныхъ рисунковъ Штернберга. О, если-бъ вы знали, какъ весело, какъ невыразимо быстро и весело мелькають для меня дни и ночи. Такъ весело, такъ быстро, что я не успѣваю выучивать мињятюрнаго урока Демскаго, за что и грозитъ онъ вовсе отъ меня отказаться. Но Боже сохрани, я себя до этого не доведу. Знакомства наши не уменьшились, не увеличились, все тѣ-же, но всѣ они такъ распѣли, такъ повеселѣли, что мнѣ просто не сидится дома. Хотя, правду вамъ сказать, у меня дома тоже не безъ прелести, не безъ очарованія. Я говорю о сосѣдкѣ, о той самой воровкѣ, что у дверей поймалъ Іоакимъ. Что это за милое, невинное созданіе! Настоящій ребенокъ, и самый прекрасный, неиспорченный ребенокъ! Она ко мнѣ каждый день нѣсколько разъ забѣжитъ, попрыгаегъ, полепечегъ и выпорхнетъ, какъ птичка. Просить меня иногда рисовать ея портретъ, но никакъ болѣе 5 минутъ не высидитъ, просто ртуть! Не давно понадобилась мнѣ женская рука для дамскаго портрета, я попросилъ ее поддержать руку; она, какъ добрая, и согласилась, и что-жъ вы думаете, секунды не поддержитъ спокойно—настоящій ребенокъ! Такъ я бился, бился и наконецъ долженъ былъ пригласить модель для руки. Что-жъ вы думаете? Только что я усадилъ модель и взялъ палитру въ руки, вбѣгаетъ въ комнату сосѣдка, какъ всегда рѣзвая, смѣющаяся, и только увидѣла натурщицу, вдругъ окаменѣла, потомъ зарыдала и, какъ тигренокъ, бросилась на нее. Я не зналъ, что и дѣлать; по счастью случилась у меня

малиновая бархатная мантилья той самой дамы, съ которой я портретъ писалъ; я взялъ мантилью и накинулъ ей на плечи. Она опомнилась, подошла къ зеркалу, полюбовалась на себя съ минуту, потомъ бросила на полъ мантилью, плюнула на нее и выбѣжала изъ комнаты! Я отпустилъ модель, и рука по прежнему осталась неоконченною.

Три дня послѣ этого происшествія не показывалась сосѣдка въ моей квартирѣ; если встрѣчалась со мной въ корридорѣ, то закрывала лице руками и убѣгала въ противоположную сторону. На четвертый день только что я пришелъ изъ класса домой и началъ готовить палитру какъ входитъ сосѣдка, скромная, тихая, я просто не узналъ ея. Молча обнажила она по локоть руку, сѣла на стулъ и приняла позицію изображаемой дамы. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, взялъ палитру, кисти и принялся за работу. Черезъ часъ рука была готова. Я разсыпался въ благодарности за такую милую услугу, но она хоть бы улыбнулась, встала, опустила рукавъ и молча вышла изъ комнаты. Меня это, признаюсь вамъ, задѣло за живое, и я теперь ломаю голову, какъ восстановить мнѣ прежнюю гармонию. Такъ прошло еще нѣсколько дней, гармонія начала видимо восстанавливаться. Она уже не бѣгала отъ меня въ корридорѣ, а иногда даже улыбалась. Я уже начиналъ надѣяться, что вотъ-вотъ дверь растворится и влетитъ моя птичка красноперая. Дверь однако-жъ не растворялась, и птичка не показывалась. Я начиналъ беспокоиться и придумывать силокъ для коварной птички. И когда разсѣянность моя стала дѣлаться несносною не только мнѣ самому, но и добрѣйшему Демскому, въ это самое время, какъ ангель съ неба, является ко мнѣ Штернбергъ изъ Киргизской степи.

Теперь я живу совершенно съ однимъ Штернбергомъ и для одного Штернберга, такъ что еслибъ сосѣдка не попадалась мнѣ иногда въ корридорѣ, то можетъ быть, я бы совѣмъ ее забылъ. Ей ужасно хочется забѣжать ко мнѣ, но вотъ горе: Штернбергъ постоянно дома, а если уходитъ со двора, то и я съ нимъ уйду. На праздникахъ она однако-жъ не утерѣла, и такъ какъ насъ по вечерамъ дома не бываетъ, то она замаскировалась днемъ и прибѣжала къ намъ. Я притворился, что не узнаю ея. Она долго вертѣлась и всячески старалась показать, чтобы я узналъ ее; но

я упорно стоялъ на своемъ. Наконецъ она не вытерпѣла, подошла ко мнѣ и почти въ слухъ сказала:

— Несносный, вѣдь это я!

— А когда вы снимете маску, сказалъ я шопотомъ, тогда я узнаю, кто вы.

Она немного замялась, потомъ сняла маску и я отрекомендовалъ ей Штернберга.

Съ того дня у насъ пошло по прежнему. Со Штернбергомъ она не церемонится точно также, какъ и со мною, мы балуемъ ее разными лакомствами и обращаемся съ нею, какъ добрые братья съ родною сестрою.

— Кто она такая? однажды спросилъ меня Штернбергъ.

Я не зналъ, что отвѣчать на этотъ внезапный вопросъ. Мнѣ никогда и въ голову не приходило спросить ее объ этомъ.

— Должно быть, сирота, или дочь самой безпечной матери, продолжалъ онъ; во всякомъ случаѣ она жалка. Умѣетъ ли она хоть грамотъ?

— И этого не знаю, отвѣчалъ я нерѣшительно.

— Давать бы ей читать что нибудь, сказалъ Штернбергъ; все-бы голова не совсѣмъ была пуста. А кстати, узнай, если она читаетъ, то я ей подарю весьма моральную и мило изданную книгу: «Векфильдскій священникъ», Гольдсмита. Прекрасный переводъ и прекрасное изданіе!

А минутой спустя онъ продолжалъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкою:

— Ты замѣчаешь, я сегодня чувствую себя въ припадкѣ морали. Напримѣръ, вопросъ такого рода: чѣмъ могутъ кончиться визиты этой наивной рѣзвухи?

По мнѣ пробѣжала легкая дрожь, но я сейчасъ же оправился и отвѣчалъ:

— Я думаю, ничѣмъ.

— Дай Богъ! сказалъ онъ и задумался.

Я всегда люблюю его благородной, дѣтски беззаботной физиономіей; но теперь эта милая физиономія мнѣ показалась совсѣмъ не дѣтскою, а созрѣвшей и прочувствовавшей на свою долю физиономіей. Не знаю почему, но мнѣ невольно на мысль пришла Тар-

новская, и онъ какъ бы подстеречь мою мысль, посмотрѣлъ на меня и глубоко вздохнулъ.

— Береги ее, мой другъ. сказалъ онъ, или самъ берегись ея. Какъ ты самъ чувствуешь, такъ и дѣлай, только помни и никогда не забывай, что женщина—святая и неприкосновенная вещь и вмѣстѣ такъ обольстительна, что никакая сила воли не въ силахъ противустать этому обольщенію. Только чувство самой возвышенной евангельской любви, оно одно только можетъ защитить ее отъ позора, а насъ отъ вѣчнаго упрека. Вооружись же этимъ прекраснымъ чувствомъ, какъ рыцарь желѣзнымъ панциремъ, и иди смѣло на врага.

Онъ на минуту замолчалъ.

— А я страшно постарѣлъ съ прошлаго года, сказалъ онъ, улыбаясь: пойдѣмъ лучше на улицу; въ комнатѣ что-то душно, кажется.

Долго молча мы ходили по улицѣ, молча возвратились на квартиру и легли спать.

По утру я ушелъ въ классъ, а Штернбергъ остался дома. Въ одинадцать часовъ я прихожу домой и что же вижу?! Вчерашній профессоръ морали нарядилъ мою сосѣдку въ бобровую съ бархатнымъ верхомъ и золотою кистью татарскую шапочку и какой-то красный шелковый татарскій же шугай, а самъ, надѣвши башкирскую остроконечную шапку, наигрываетъ на гитарѣ *качучу*, а сосѣдка, что твоя Тальони, такъ и отдѣлываетъ соло.

И, разумѣется, только всплеснулъ руками, а они хотъ бы тебѣ глазомъ повели: продолжаютъ себѣ качучу, какъ ни въ чемъ не бывало. Натанцовавшись до упаду, она сбросила шапочку и шугай и выбѣжала въ корридоръ, а моралистъ положилъ гитару и захоталъ, какъ сумасшедшій. Я долго крѣпился, но наконецъ не вытерпѣлъ и такъ чистосердечно завторилъ, что приму заглушилъ.

Нахотавшись до упаду, усѣлись мы на стульяхъ одинъ противъ другого. Съ минуто помолчавъ, онъ первый заговорилъ:

— Она самое увлекательное созданье; я хотѣлъ было нарисовать съ нея татарочку, но она не успѣла нарядиться, какъ принялась танцовать качучу, а я, какъ ты видѣлъ, не утерпѣлъ и вмѣсто карандаша и бумаги схватилъ гитару, а остальное ты знаешь. Но вотъ что ты не знаешь: до качучи она рассказала мнѣ свою исторію, разумѣется, лаконически, да подробности едва ли она и сама

знаеть; но все-таки, если бъ не эга проклятая шапка, она бы не остановилась на половинѣ разказа, а то увидѣла шапку, схватила, надѣла, и все забыто. Можетъ быть, она съ тобою будетъ разговорчивѣе, выспроси у нея хорошенько; ея исторія должна быть самая драматическая исторія. Отець ея, говоритъ она, умеръ въ прошломъ году въ Обуховской больницѣ....

Въ это время дверь отворилась и въ комнату вошелъ давно невиданный Михайловъ, а за нимъ удалой мичманъ. Безъ дальнихъ околичностей Михайловъ предложилъ намъ завтракъ у Александра. Мы переглянулись съ Штернбергомъ и, разумѣется, согласились. Я заикнулся было на счетъ классовъ, но Михайловъ такъ неистово захохоталъ, что я молча надѣлъ шляпу и взялся за ручку двери.

— А еще хочешь быть художникомъ! Развѣ въ классахъ образуются истинные великіе художники? торжественно произнесъ неугомонный Михайловъ.

Мы согласились, что лучшая школа для художника—таверна, и въ добромъ согласіи отправились къ Александру.

У Полицейскаго моста мы встрѣтили Элькина, прогуливающагося съ какимъ-то молдаванскимъ бояриномъ и разговаривающаго на молдаванскомъ нарѣчій. Мы взяли и его съ собой.

Странное явленіе этотъ Элькинъ: нѣтъ языка, на которомъ-бы онъ не говорилъ, нѣтъ общества, въ которомъ-бы онъ не встрѣчался, начиная съ нашей братіи и кончая графами и князьями. Онъ, какъ сказочный волшебникъ, вездѣ и нигдѣ: и на Англійской набережной, у конторы пароходства, пріятеля за границу провожаетъ, и въ конторѣ дилижансовъ, или даже у средней рогатки тоже провожаетъ какого нибудь задшевнаго москвича, и на свадьбѣ, и на крестинахъ, и на похоронахъ, и все это впродолженіи одного дня, который онъ заключаетъ присутствіемъ своимъ во всѣхъ трехъ театрахъ. Настоящій Пинетти! Его иные остерегаются, какъ шпіона, но я въ немъ не вижу ничего похожаго на подобное созданіе. Онъ въ сущности неумолкаемый говорунъ и добрый малый и въ добавокъ плохой фельетонистъ. Его еще въ шутку называютъ вѣчнымъ жидомъ, и этотъ титулъ онъ самъ находитъ для себя приличнымъ. Онъ со мною иначе не говоритъ, какъ по фран-

цузски, за что я ему весьма благодаренъ, такъ какъ это для меня хорошая практика.

Вмѣсто завтрака у Александра мы плотно пообѣдали и разошлись во свояси. Михайловъ и мичманъ у насъ переночевали и по утру уѣхали въ Кронштадтъ. Святки прошли у насъ быстро, значить весело. Карлъ Павловичъ велитъ мнѣ приготовляться къ конкурсу на вторую золотую медаль. Не знаю, что - то будетъ. Я такъ мало еще учился, но съ Божьей помощью попробуемъ. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Не имѣю сказать вамъ ничего болѣе.

Ужъ и масляница, и великій постъ, и наконецъ праздники прошли, а я вамъ не писалъ ни одного слова. Не подумайте, мой безцѣнный, незабвенный благодѣтель, что я забываю васъ. Боже меня сохрани отъ подобнаго грѣха! Во всѣхъ помышленіяхъ, во всѣхъ начинаніяхъ моихъ вы, какъ самое свѣтлое, самое отрадное существо, присутствуете въ моей благодарной душѣ; причина же моего молчанія очень проста, не о чемъ писать—однообразіе. Нельзя сказать, чтобы это однообразіе было скучное, монотонное, напротивъ, дни, недѣли и мѣсяцы для меня летятъ незамѣтно. Какое благодѣтельное дѣло—грудь! особенно если онъ находитъ поощреніе. А я, слава Богу, въ поощреніи не нуждаюсь: на экзаменахъ я постоянно не сажусь ниже 3 - го №; Карлъ Павловичъ постоянно мною доволенъ, какое-же можетъ быть отрадиѣе, существеннѣе поощреніе для художника? Я безгранично счастливъ! Эскизъ мой на конкурсѣ приняли безъ малѣйшей перемѣны, и я уже принялся за программу. Сюжетъ я полюбилъ, онъ мнѣ совершенно по душѣ, и я весь ему предался; это сцена изъ Иліады: Андромаха надъ тѣломъ Патрокла. Теперь только я совершенно понялъ, какъ необходимо изученіе антиковъ и вообще жизни и искусства древнихъ грековъ и какъ мнѣ въ этомъ случаѣ пригодился французскій языкъ. Я не знаю, какъ благодарить добраго Демскаго за эту услугу.

Мы очень оригинально встрѣтили праздникъ Христова Воскресенія съ Карломъ Павловичемъ. Оиъ днемъ еще говорилъ мнѣ, что намѣренъ идти къ заугрени въ Казацкій соборъ, чтобы посмотрѣть

свою картину при огненномъ освѣщеніи и крестный ходъ. Въ вечеру велѣлъ подать чай въ десять часовъ. Чтобы незамѣтнѣе прошло время, я налилъ ему и себѣ чаю, онъ закурилъ сигару, легъ на кушетку и началъ читать въ слухъ «Пертскую красавицу», а я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Только и помню; потомъ слышу неясно, какъ будто громъ, открываю глаза,—въ комнатѣ свѣтло, лампа едва горитъ на столѣ; Карлъ Павловичъ спитъ на кушеткѣ; книга на полу лежитъ, а я сижу въ креслахъ и слушаю, какъ изъ пушекъ стрѣляютъ. Погасивши лампу, я тихонько вышелъ изъ комнаты и пошелъ къ себѣ на квартиру. Штернбергъ еще спалъ. Я умылся, одѣлся и вышелъ на улицу. Люди уже съ освященными пасхами выходили изъ Андреевской церкви. Утро было настоящее праздничное. И знаете, что меня больше всего занимало въ это время?—Совѣстно сказать, а сказать необходимо, необходимо потому, что мнѣ было бы грѣшно скрывать отъ васъ какую бы то ни было мысль или ощущеніе. Я былъ въ это время настоящій ребенокъ. Меня больше всего занималъ тогда мой непромокаемый плащъ. Не странно ли, меня тѣшить праздничная обнова? А если подумать, такъ и не странно. Глядя на полы своего блестящаго плаща, я думалъ: давно ли я въ затрапезномъ, запачканномъ халатѣ не смѣлъ и помышлять о подобномъ блестящемъ нарядѣ, а теперь! Сто рублей бросаю за какойнибудь плащъ, просто Овидіево превращеніе! Или, бывало, промыслишь какънибудь эту бѣдную полтину и несешь ее въ раекъ, не выбирая спектакля, и за полтину, бывало, такъ чистосердечно нахожусь и горько наплачусь, что иному во всю жизнь свою не прійдется такъ плакать и такъ смѣяться. И давно ли это было? Вчера, не дальше,—и такая чудная переменѣ! Теперь я уже иначе не иду въ театръ, какъ въ кресла и рѣдко когда въ мѣста за креслами, и иду смотрѣть не что попало, а нарочно попасть или на бенефисъ, или на повтореніе бенефиса, или хоть и старое чтонибудь, но всегда съ выборомъ. Правда, что я утратилъ уже тотъ непритворный смѣхъ и искреннія слезы, но мнѣ ихъ не жаль. Вспоминая все это, я васъ вспоминаю, мой незабвенный благодѣтель, и то святое утро, въ которое васъ самъ Богъ навелъ на меня въ Лѣтнемъ саду, чтобы взять меня изъ грязи и ничтожества. Праздникъ встрѣтилъ я въ семействѣ Уваровыхъ, не подумайте графовъ, Боже сохрани, мы еще такъ высоко

не летаемъ. Это простое скромное семейство, но такое доброе, милое, гармоничное, что, дай Богъ, чтобы всѣ семейства на свѣтѣ были таковы. Я принять у нихъ, какъ самый близкій родной. Карлъ Павловичъ тоже ихъ не рѣдко посѣщаетъ.

Праздникъ провели мы весело. Въ продолженіи недѣли ни разу не обѣдали у ш-ше Юргенсъ, а все въ гостяхъ, то у Иоахима, то у Шмидта, то у Фицтума, а вечера или въ театрѣ, или у Шмидта. Сосѣдка наша по прежнему насъ посѣщаетъ, и все такая же шалунья, какъ и прежде была. Жаль, что она не можетъ служить мнѣ моделью для Андромахи: слишкомъ молода и сублина, если можно такъ выразиться. Я удивляюсь, что это за женщина ея тетенька. Она, кажется, и не думаетъ о своей шалунѣ племянницѣ. Она иногда у насъ бѣсится часа два сряду, а тетенькѣ и нуждушки нѣтъ. Странно! Штернбергъ досказалъ мнѣ ея исторію. Матери она не помнитъ, а отецъ ся былъ какой-то бѣдный чиновникъ и, какъ кажется, пьяница, потому что когда они жили въ Коломнѣ, то онъ каждый день приходилъ съ должности краснехонькой, какъ она сама выразилась, и сердитый; если у него были деньги, то онъ посылалъ ее въ кабакъ за водкой, а если денегъ не было, то посылалъ ее на улицу просить милостыню, а виць-мундиръ носилъ всегда съ прорванными локтями. Тетка, ея теперешняя покровительница, а его родная сестра, иногда приходила къ нимъ и просила его, чтобы онъ Пашу отдалъ ей на воспитаніе; но онъ и слышать не хотѣлъ. Долго-ли они такъ жили въ Коломнѣ, она не помнитъ; только однажды зимою онъ съ должности не пришелъ ночевать на квартиру; она одна ночевала дома и ничего не боялась. На другую ночь онъ тоже не приходилъ, а на третій день уже пришелъ за нею отъ отца изъ Обуховской больницы служитель. Она пошла къ нему, и служитель дорогою ей рассказалъ, что отца ея будочники подняли ночью на улицѣ и отправили въ часть, а изъ части уже на другой день въ горячкѣ привезли его въ больницу и что прошлой ночью онъ не надолго пришелъ въ себя, сказалъ свою фамилію, рассказалъ, гдѣ его квартира, и просилъ привести ее къ себѣ. Больной отецъ не узналъ ея и прогналъ отъ себя. Тогда она пошла къ теткѣ и осталась у нея. Вотъ и вся ея грустная исторія. На дняхъ подарилъ ей Штернбергъ «Векфильдскаго священника». Она схватила книгу, какъ дитя хватаетъ хорошенькую иг-

рушку, и, какъ дитя, поиграла ею, посмотрѣла картинки и бросила на столъ, а уходя и не вспомнила о книгѣ. Штернбергъ почти рѣшительно увѣренъ, что она безграмотна, я тоже думаю, судя по ея печальному дѣтству. У меня даже родилась мысль, если она дѣйствительно безграмотна, выучить ее по крайней мѣрѣ читать. Штернбергу мысль моя понравилась, и онъ вызвался помогать мнѣ. Онъ такъ увѣренъ въ ея безграмотности, что въ тотъ-же день пошелъ въ книжную лавку и купилъ азбуку съ картинками. Но благой проэктъ нашъ только проэктомъ и остался, и вотъ почему: на другой день, когда мы хотѣли приступить къ первой лекціи, пріѣхалъ изъ Крыма Айвазовскій и остановился у насъ на квартирѣ. Штернбергъ съ восторгомъ встрѣтилъ своего товарища, но мнѣ, не знаю почему, на первый разъ Айвазовскій не понравился. Въ немъ есть, не смотря на его изящныя манеры, что-то не симпатическое, не художническое, а что-то вѣжливо-холодное, отталкивающее. Портфеля своего онъ намъ не показываетъ: говоритъ, оставилъ въ Θεодосіи у матери, а дорогой ничего не рисовалъ, потому что торопился застать первый заграничный пароходъ. Онъ прожилъ съ нами однако-жъ слишкомъ мѣсяць, не знаю по какимъ обстоятельствамъ. И въ продолженіи этого времени сосѣдка насъ ни разу не поѣтила: она боится Айвазовскаго, и я его за это готовъ каждый день проводить за границу. Но вотъ мое горе—съ нимъ вмѣстѣ и мой безцѣнный Штернбергъ уѣзжаетъ.

Еще прошло нѣсколько дней, и мы проводили моего Штернберга до Кронштадта. Около него собралось насъ человѣкъ десять, а около Айвазовскаго ни одного. Странное явленіе между художниками! Въ числѣ провожавшихъ Штернберга былъ и Михайловъ, и одолжилъ-же онъ насъ! Послѣ дружескаго веселаго обѣда у Стюарта онъ заснулъ богатырски. Мы хотѣли его разбудить, но не могли и, взявши пару бутылокъ Кликко, отправились съ Штернбергомъ на пароходъ. На палубѣ «Геркулеса» выпили вино, вручили нашего друга г. Тыринову, надальнику парохода, простились и возвратились уже вечеромъ въ трактиръ. Михайловъ уже полупроснулся. Мы принялись рассказывать ему, какъ провожали мы Штернберга,—онъ молчалъ,—и какъ были на пароходѣ,—онъ все молчалъ, и какъ выпили двѣ бутылки Кликко.—Негодян! проговорилъ онъ при словѣ Кликко, не разбудили товарища проводить.

Скучно мнѣ безъ моего милаго Штернберга, такъ скучно, что я не только отъ квартиры, гдѣ мнѣ все его напоминаетъ, но даже отъ рѣзвой сосѣдки своей готовъ бѣгать. Не пишу вамъ теперь ничего больше: скучно, а я не хочу навести на васъ скуку своимъ монотоннымъ посланіемъ. Примусь лучше за программу. Прощайте!

Лѣто у меня такъ быстро промелькнуло, быстрѣе, чѣмъ у празднаго денди одна минута. Я послѣ выставки едва только замѣтилъ, что оно уже кануло въ вѣчность. А между прочимъ въ продолженіи лѣта мы съ Іоахимомъ нѣсколько разъ посѣщали на Крестовскомъ островѣ старика Кольмана, и подъ его руководствомъ я сдѣлалъ три этюда: двѣ елки и одну березу. Добрѣйшее созданіе этотъ Кольманъ! Шмидты возвратились уже въ городъ, и они-то мнѣ напомнили своими упреками, что уже прошло лѣто. Я ихъ ни разу не посѣтилъ. Далекое, а у меня всѣ дни и ночи были отданы программѣ. За то какъ они искренно поздравляли меня съ успѣхомъ! Да, съ успѣхомъ, мой незабвенный благодѣтель! Какое великое дѣло для ученика программа! Это пробный камень, и какое великое для него счастье, если онъ на этомъ камнѣ оказался неподдѣльнымъ и истиннымъ художникомъ! Я это счастье испыталъ вполне. Не могу описать вамъ этого чуднаго, этого безпредѣльно сладкаго чувства. Это продолжительное присутствіе всего святаго, всего прекраснаго въ мірѣ въ одномъ человѣкѣ. За то какое горькое, какое мучительное состояніе души предшествуетъ этой святой радости—это ожиданье. Не смотря на то, что Карлъ Павловичъ увѣрялъ меня въ успѣхѣ, я такъ страдалъ, какъ страдаетъ преступникъ передъ смертною казнью,—нѣтъ, больше. Я не зналъ, умру ли я, или останусь въ живыхъ, а это по моему тягостнѣе. Приговоръ еще не былъ произнесенъ, и въ ожиданіи этого страшнаго приговора зашли мы съ Михайловымъ къ Дели сыграть партію въ биліардъ, но у меня дрожали руки и я не могъ сдѣлать ни одного шара, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ и рѣжетъ; а вѣдь онъ тоже былъ подъ судомъ: его программа стояла рядомъ съ моею. Меня бѣсило такое равнодушіе; я бросилъ кій и ушелъ къ себѣ на квартиру. Въ корридорѣ встрѣтила меня смѣющаяся, счастливая сосѣдка.

— Что? спросила она меня.

— Ничего, отвѣтилъ я.

— Какъ ничего? Я убрала вашу комнату, какъ для свѣтлаго праздника, а вы идете такой скучный.

И она тоже хотѣла сдѣлать скучную мину, но никакъ не могла. Я поблагодарилъ ее за вниманіе и просилъ въ комнату. Она такъ дѣтски непритворно начала утѣшать меня, что я не выдержалъ и расхохотался.

— Ничего еще неизвѣстно: экзаменъ еще не кончился, сказалъ я.

— Такъ зачѣмъ же вы меня обманули, безсовѣстный! Еслибъ я знала, не убирала-бъ и комнату.

И она надула розовенькія губки.

— У Михайлова, продолжала она, небось я не убрала; пускай себѣ съ своимъ мичманомъ валяются, какъ медвѣди въ берлогѣ, мнѣ какое дѣло.

Я поблагодарилъ за предпочтеніе и спросилъ ее, будетъ ли она рада, если Михайловъ медаль получить, а я нѣтъ.

— Я ему руки переломаю, глаза выпарапаю, я его убью до смерти.

— А если я?

— Я тогда сама умру отъ радости.

— За что же мнѣ такое предпочтеніе? спросилъ я ее.

— За что?... за то... за то... что вы меня обѣщались зимой грамотѣ учить.

— И я сдержу свое слово, сказалъ я.

— Идите же въ академію, сказала она, и узнайте, что тамъ дѣлается, а я васъ подожду въ корридорѣ.

— Зачѣмъ же не здѣсь? спросилъ я.

— А если придетъ мичманъ, что я тогда буду дѣлать?

Правда, подумалъ я и, не говоря ни слова, вышелъ въ корридоръ. Она замкнула дверь и ключъ спрятала въ карманъ.

— Я не хочу, замѣтила она, чтобы они безъ васъ вошли въ вашу комнату и чтонибудь испортили.

Съ чего она взяла, что они у меня чтонибудь испортятъ, подумалъ я, — такъ просто дѣтскій капризь.

— До свиданья! сказалъ я, спускаясь по лѣстницѣ: пожелайте мнѣ счастья.

— Отъ всей души, сказала она восторженно и скрылась.

Я вышелъ на улицу. Войти въ академію я боялся: академическія ворота показались мнѣ разинутою пастью какого то страшнаго чудовища. Побродивши однако-жь до поту по улицѣ, я перекрестился и пробѣжалъ въ страшныя ворота. Во второмъ этажѣ, въ корридорѣ.

какъ тѣни у Харонова перевоза, блуждали мои нетерпѣливые товарищи; въ толпу ихъ вмѣшался и я. Профессора уже прошли изъ цыркуля въ конференцъ-залу, ужасная минута близилась! Андрей Ивановичъ (инспекторъ) вышелъ изъ круглой залы, я ему первый попался на встрѣчу, и онъ, проходя мимо меня, шепнулъ мнѣ: поздравляю! Въ жизнь свою я не слыхалъ да и не услышу такого сладкаго, такого гармоническаго звука. Я стремглавъ бросился домой и въ восторгѣ разцѣловалъ мою сосѣдку. Хорошо еще, что никто не видѣлъ, потому что это было на лѣстницѣ. Хотя я здѣсь ничего предосудительнаго не вижу, но все-таки, слава Богу, что никто не видалъ.

Такъ, или почти такъ совершился этотъ душу потрясающій экзаменъ. И все то, что я вамъ написалъ, теперь это только темный силуэтъ съ живой природы, слабая тѣнь настоящаго происшествія: его ничѣмъ нельзя выразить—ни перомъ, ни кистью, ни даже живыми словами. Михайлову экзаменъ не удался. Боже сохрани, если бы со мной случилось подобное несчастье. Я бы съ ума сошелъ, а опъ какъ ни въ чемъ не бывало, зашелъ на квартиру, надѣлъ теплое пальто и уѣхалъ къ своему мичману въ Кронштадтъ. Я не знаю, что у него за симпатія къ этому мичману; я въ немъ совершенно не нахожу ничего привлекающаго, а онъ отъ него безъ души. Сначала, правда, онъ и мнѣ понравился, но это не на долго, а бѣдный мой учитель Демскій—вотъ истинно симпатическій человекъ! Онъ, бѣдный, боленъ и неизлечимо боленъ: чахотка въ послѣднемъ періодѣ. Онъ еще ходитъ, но едва-едва ходитъ. На дняхъ зашелъ поздравить меня съ медалью, и мы съ нимъ провели вечеръ въ самой сладкой дружеской бесѣдѣ. Онъ мнѣ предсказывалъ мое будущее съ такимъ убѣжденіемъ, такъ натурально, живо, что я невольно ему вѣрилъ. И бѣдный Демскій, онъ и не подозрѣваетъ своей болѣзни; онъ такъ искренно увлекается своимъ будущимъ, какъ можетъ увлекаться только полный здоровья юноша. Счастливецъ, если можно назвать мечту счастьемъ. Онъ говоритъ, что главное и самое трудное уже уничтожено, т. е. нищета, что онъ не обязанъ уже просиживать ночи надъ кафедрой лекцій за какойнибудь рубль, что онъ теперь ~~самостоятельно~~ независимъ отъ нищеты, можетъ предаться собой ~~любимой наукой~~ ~~любимой наукой~~, что онъ, если не превзойдетъ своего идола Лелева въ ~~счете~~

ственной исторіи, то по крайней мѣрѣ сравняется съ нимъ и что будущая его диссертация откроетъ ему всѣ средства осуществить свои блестящія надежды; а между тѣмъ бѣднякъ кашляетъ кровью и старается это скрыть отъ меня. И, Боже мой, чего бы я не далъ за осуществленіе его пламенныхъ желаній! Но увы! совершенно никакой надежды, едва ли проживетъ онъ и до вскрытія Невы.

Въ минуту самыхъ сердечныхъ изліяній Демскаго съ шумомъ отворилась дверь и вошелъ удалой мичманъ.

— Что Мишка у себя? спросилъ онъ, не снимая шапки.

— Онъ вчера еще уѣхалъ къ вамъ, отвѣчалъ я.

— Значить мы съ нимъ разѣхались; пусть его прогуляется, а между прочимъ я у васъ ночую.

И онъ вошелъ въ комнату Михайлова. Я ему подаль свѣчу. Что мнѣ было дѣлать? Я предложилъ Демскому постель Михайлова въ совершенной надеждѣ, что у насъ ея никто не завоюетъ. Демскій замѣтилъ мое невыгодное положеніе, улыбнулся, взялъ шапку и протянулъ мнѣ руку. Я тоже молча взялъ шапку и вышелъ съ нимъ на улицу, предоставивъ мичмана самому себѣ. Проводивши Демскаго до его квартиры, я весьма неохотно возвратился назадъ, и чтоже застаю дома? Сосѣдка моя не знала, что меня дома нѣтъ, и забѣжала въ мою комнату, а удалой полураздѣтый мичманъ схватилъ ее и хотѣлъ было дверь на ключъ запереть, но въ это время я подошелъ къ двери и помѣшалъ ему. Сосѣдка вырвалась у него изъ рукъ, плюнула ему въ лицо и убѣжала.

— Настоящая ртуть, сказалъ онъ, утираясь.

Меня эта сцена оскорбила, но я этого не далъ ему замѣтить и какъ еще было не поздно, то безъ церемоніи оставилъ его на квартирѣ, а самъ пошелъ искать лучшаго товарища коротать осенній вечеръ.

Визиты мои товарищамъ были неудачны: я кланялся только замкамъ дверей. Къ Шмидтамъ идти было поздно; Карла Павловича тоже не было дома, и я не зналъ, что съ собою дѣлать; меня мучилъ проклятый мичманъ; я ненавидѣлъ его. Не знаю, была ли то ревность, или просто чувство отвращенія къ человѣку, который поругалъ святое чувство скромности въ женщинѣ. Женщинѣ, какая бы она ни была, мы обязаны если не уваженіемъ, такъ по крайней мѣрѣ приличіемъ. А мичманъ пренебрегъ и то и другое: онъ

просто пьянъ или въ глубинѣ души мерзавецъ. Я какъ-то невольно вѣрую въ послѣднее. Въ квартирѣ Карла Павловича засвѣтился огонь, и я зашелъ къ нему и у него переночевалъ. Карлъ Павловичъ замѣтилъ однако-жъ мое ненормальное состояніе, но былъ такъ любезенъ, что не сдѣлалъ мнѣ ни одного вопроса, велѣлъ сдѣлать мнѣ постель въ одной комнатѣ съ собою и самъ сѣлъ читать въ слухъ. То была книга Вашингтона Ирвинга «Христофоръ Колумбъ». Читая, онъ тутъ же импровизировалъ картину, какъ неблагодарные испанцы выводятъ съ баркаса на берегъ обремененнаго цѣпями великаго адмирала. Какая грустная, поучительная картина! Я предложилъ ему лоскутокъ бумаги и карандашъ; но онъ отказался и продолжалъ читать.

Однажды во время ужина, рассказывая свое путешествіе по древней Элладѣ, Карлъ Павловичъ набросалъ чудную картину подъ названіемъ: «Аѳинскій вечеръ». Картина представляла аѳинскую улицу, освѣщенную вечернимъ солнцемъ. На горизонтѣ вчернѣ оконченный Парфенонъ, но еще лѣса не убраны. На первомъ планѣ среди улицы пара буйволовъ везутъ мраморную статую «Рѣка Илизъ» Фидіа; съ боку самъ Фидій, встрѣчаемый Перикломъ и Аспазіей и всѣмъ, что было славнаго въ Перикловыхъ Аѳинахъ, начиная съ знаменитой гетеры и до Ксантипы. И все это освѣщено лучами заходящаго солнца. Великолѣпная картина! Что аѳинская школа передъ этой животрепещущей картиной!? А онъ именно потому только ея и не исполнилъ, что уже существуетъ Аѳинская школа. И сколько подобныхъ картинъ онъ оканчиваетъ или вдохновеннымъ словомъ или вершковымъ эскизомъ въ своемъ весьма не великолѣпномъ альбомѣ. Такъ, напримѣръ, прошедшей зимой онъ начертилъ нѣсколько самыхъ миниатюрныхъ эскизовъ на одну и ту же тему. Я ничего не могъ понять и только дагадывался, что великій мой учитель замышляетъ что-то великое; и я не обманулся въ своихъ догадкахъ.

Нынѣшнее лѣто я сталъ замѣчать, что онъ до восхода солнечнаго ежедневно началъ уходить въ свою мастерскую, въ портикъ, въ своей сѣрой рабочей курткѣ, и оставался тамъ до самаго вечера. Одинъ Лукьянъ только зналъ, что тамъ совершается, потому что онъ приносилъ ему воду и обѣдъ. Я тогда работалъ надъ программой и не могъ предложить ему услугъ книгоченія, хотя и былъ

увѣренъ, что онъ охотно принялъ бы такую услугу, потому что онъ любитъ чтеніе. Такъ прошло три недѣли. Я трепеталъ отъ нетерпѣнія. Никогда онъ такъ постоянно не посѣщалъ свою студию. Должно быть что нибудь необыкновенное; да и что обыкновенное создастъ такой колоссальный геній.

Однажды я передъ вечеромъ, отпустивъ натурщика, хотѣлъ выйти на улицу. Въ корридорѣ встрѣтился мнѣ Карлъ Павловичъ съ небритой бородой. Онъ пожелалъ видѣть мою программу. Я съ трепетомъ ввелъ его въ свой кабинетъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько не важныхъ замѣчаній и сказалъ: «теперь пойдемъ смотрѣть на мою программу», и мы пошли въ портикъ.

Я не знаю, рассказывать ли вамъ, что я тамъ увидѣлъ. Рассказать я вамъ долженъ, но какъ я расскажу неразсказываемое?!

Отворились двери въ мастерскую, и мнѣ представилось огромное темное полотно, натянутое на раму. На полотнѣ черной краской написано: «пач. 17 іюня», за полотномъ музыкальный ящикъ игралъ хоръ Ноблей изъ «Гугенотовъ». Съ замираніемъ сердца прошелъ я за полотно, оглянулся и у меня дыханіе захватило: предо мною стояла не картина, а со всѣмъ ужасомъ и величіемъ живая «Осада Пскова». Вотъ гдѣ смыслъ крошечныхъ эскизовъ! Вотъ для чего онъ прошедшее лѣто дѣлалъ прогулку въ Псковъ! Я зналъ о ег^о предположеніи, но никогда не могъ вообразить себѣ, чтобы это такъ быстро исполнилось. Такъ быстро и такъ прекрасно! Пока я сдѣлаю для васъ небольшой контуръ съ этого новаго чуда, опишу вамъ его, разумѣется, весьма ограниченно.

На правой сторонѣ отъ зрителя, на третьемъ планѣ картины, взрывъ башни; немного ближе проломъ въ стѣнѣ и въ проломѣ рукопашная схватка, да такая схватка, что смотрѣть страшно. Кажется, слышишь крики и звонъ мечей о желѣзные ливонскіе, польскіе, литовскіе и, Богъ знаетъ, еще о какіе желѣзные шлемы. На лѣвой сторонѣ картины, на второмъ планѣ, крестный ходъ съ хоругвями и съ иконой Божіей Матери, торжественно спокойно предшествуемый епископомъ съ мечемъ святаго Михаила, князя псковскаго. Какой удивительный контрастъ! На первомъ планѣ, въ срединѣ картины, блѣдный монахъ съ крестомъ въ рукѣ, верхомъ на гнѣдой лошади. По правую сторону монаха издыхающій бѣлый конь Шуйскаго, а самъ Шуйскій бѣжитъ къ пролому съ поднятыми

вверхъ руками. По лѣвую сторону монаха благочестивая старуха благословляетъ юношу, или, лучше сказать, мальчика, на супостата. Еще лѣвѣе дѣвушка поить водою изъ ведра утомленныхъ воиновъ, а въ самомъ углу картины полуобнаженный умирающій воинъ, поддерживаемый молодою женщиной, быть можетъ будущей вдовой. Какіе чудные разнообразныя эпизоды! И я вамъ ихъ и половины не описалъ: мое письмо было бы бесконечно и все таки не полно, если бы я вздумалъ описывать всѣ подробности этого совершенства искусства.

Удовольствуйтесь на первый разъ хоть этимъ прозаическимъ очеркомъ въ высшей степени поэтическаго произведенія. Со временемъ пришлю вамъ контуръ съ него, и вы тогда яснѣе увидите, что это за божественное произведеніе.

О чемъ же мнѣ еще писать вамъ, мой незабвенный благодѣтель! Я такъ рѣдко и такъ мало пишу вамъ, что мнѣ совѣстно. Упреки ваши, что я лѣнивъ писать, не совѣмъ справедливы. Я не лѣнивъ, но не мастеръ объ обыденной жизни своей рассказывать увлекательно, какъ это другіе умѣютъ дѣлать. Я недавно (собственно для писемъ) прочиталъ Кларису, переводъ Жюль Жиньяка, и мнѣ понравилось одно только предисловіе переводчика, а самыя письма такія сладкія, такія длинныя, что изъ рукъ вонъ. И какъ это достало терпѣнія у человѣка писать такія бесконечныя письма! А письма изъ-за границы мнѣ еще менѣе понравились: претензіи много, а толку мало, педантизмъ и больше ничего. Я, признаюсь вамъ, имѣю сильное желаніе выучиться писать, да не знаю, какъ это сдѣлать. Научите меня. Ваши письма такъ хороши, что я ихъ наизусть выучиваю, а пока овладѣю вашимъ секретомъ, буду вамъ писать такъ, какъ сердце продиктуетъ, и моя простосердечная откровенность пускай пока замѣнитъ искусство.

Переночевавши у Карла Павловича, я часу въ десятомъ весьма неохотно пошелъ къ себѣ на квартиру. Михайловъ былъ уже дома и наливалъ въ стаканъ едва проснувшемуся мичману какое-то вино, а моя вѣтренная сосѣдка, какъ ни въ чемъ не бывало, выглядывала изъ моей комнаты и хохотала во все горло. Никакого самолюбія, ни тѣни скромности! Простая ли это естественная наивность, или это слѣдствіе уличнаго воспитанія? Вопросъ для меня неразрѣшимый, неразрѣшимый потому, что я къ ней безотчетно привя-

зань, какъ къ самому милому ребенку. И, какъ настоящаго ребенка, я посадилъ ее за азбучку. По вечерамъ она твердить склады, а я что нибудь черчу или съ нея же портретъ рисую. Головка просто прелесть! И замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ она начала учиться, перестала хохотать, а мнѣ смѣшно становится, когда я смотрю на ея серьезное дѣтское личико. Отъ нечего дѣлать въ продолженіи зимы я думаю написать съ нея этюдъ при огненномъ освѣщеніи, въ такомъ самомъ положеніи, какъ она сидитъ съ указкою въ рукѣ, углубившись въ азбучку. Это будетъ очень миленькая картинка à la Грезъ! Не знаю, совладаю ли я съ красками; въ карандашѣ она порядочно выходитъ.

На дняхъ я познакомился съ ея тетушкой и весьма оригинально. По обыкновенію, въ одинадцать часовъ утра, возвращаюсь изъ класса, въ корридорѣ встрѣчаетъ меня Паша и именемъ тетеньки проситъ къ себѣ на кофе. Меня это изумило, я отказываюсь. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ войти въ незнакомый домъ и прямо на угощеніе? Она однако-жъ не даетъ мнѣ выговорить слова, тащитъ меня за рукавъ къ своимъ дверямъ, какъ упрямаго теленка; я, какъ теленокъ, упираюсь и уже чуть-чуть не освободилъ свою руку, какъ раскрылась дверь и явилась на помощь сама тетенька. Не говоря ни слова, схватываетъ она меня за другую руку и втаскиваютъ въ комнату, двери на ключъ и просятъ быть какъ дома.

— Прошу покорно, безъ церемоніи, говорить, запыхавшись, хозяйка: не взыщите на простотѣ. Пашенька, что-же ты ротъ разинула? Неси скорѣе кофей!

— Сейчасъ, тетя! отозвалась Паша изъ другой комнаты и черезъ минуту явилась съ кофейникомъ и чашками на подносѣ, настоящая Геба.

Тетя тоже немного смахивала на тучегонителя.

— Намъ съ вами давно хотѣлось познакомиться, такъ начала гостепріимная хозяйка: да все какъ-то случай не выпадалъ, а сегодня, слава Богу, я таки поставила на своемъ. Ужъ вы насъ извините за простоту. Не угодно ли чашечку кофею? Давно что-то нашей охтянки не видать, а въ лавочкѣ сливки такая дрянь, да что будешь дѣлать? Ко мнѣ Паша давно уже пристааетъ, чтобы я познакомилась съ вами, да вы-то такой нелюдимъ, настоящій затворникъ, и въ корридоръ-то вы лишній разъ не выглядываете. Кушайте еще

чашечку. Вы съ нашей Пашенькой просто чудо сотворили: мы ее просто не узнаемъ: съ утра до ночи за книжкой, воды не заму-тить, такъ что даже любо. А вчера, вообразите наше удивленіе, достала съ картинками книжку, ту самую, что вашъ товарищъ подарилъ ей, раскрыла и принялась читать; правда еще не совсѣмъ бойко, но понимать совершенно все можно. Какъ бишь называется эта книга?

— «Бекфильдскій священникъ», сказала Паша, выходя изъ-за перегородки.

— Да, да, священникъ, какъ онъ бѣдный, и въ острогѣ сидѣлъ, какъ онъ и дочь свою безпутную отыскивалъ,— всю книжку, какъ есть, прочитала—куда и сонъ дѣвался! Кто выучилъ тебя? спрашиваю я ее. Она говоритъ: вы. Вотъ ужъ, правду сказать, одолжили вы насъ. Кирило Афанасичъ мой если не въ должности, такъ дома сидитъ за бумагами. Настанетъ вечеръ, мы и примемся за молчанку, и вечеръ тебѣ годомъ кажется, а теперь, да я просто и не видала, какъ онъ пролетѣлъ! Не угодно ля еще чашечку?

Я отказался и хотѣлъ уйти; не тутъ-то было. Самымъ нецеремоннымъ образомъ хозяйка схватила меня за руку и усадила на свое мѣсто, приговаривая: нѣтъ, у насъ (не знаемъ, какъ у васъ) такъ не дѣлаютъ,—вошелъ и вышелъ. Нѣтъ, просимъ покорно побесѣдовать съ нами да закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Отъ закуски и отъ бесѣды я однако-жъ отказался, ссылаясь на боль въ животѣ и на колотье въ боку, чего у меня, слава Богу, никогда не бывало. А дѣло въ томъ, что мнѣ нужно было идти въ классъ: первый часъ уже былъ въ исходѣ.

На честное слово я былъ отпущенъ до семи часовъ вечера. Вѣрный данному слову, въ семь часовъ вечера я явился къ гостепріимной сосѣдкѣ. Самоваръ уже былъ на столѣ, и она меня встрѣтила со стаканомъ чаю въ рукахъ. Послѣ перваго стакана чая она отрекомендовала меня *хозяину* своему, какъ она вырази-лась, лысому въ очкахъ старичку, сидѣвшему въ другой комнатѣ за столикомъ надъ кипюю бумагъ. Онъ всталъ со стула, поправилъ очки и, протянувши мнѣ руку, сказалъ: «прошу покорно садиться». Я сѣлъ. Онъ снялъ съ носа очки, протеръ ихъ платкомъ, надѣлъ ихъ опять на носъ, сѣлъ молча на свое мѣсто и по прежнему углубился въ свои бумаги. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Я не

зналъ, что мнѣ дѣлать, положеніе мое становилось смѣшнымъ. Хозяйка, спасибо, меня выручила.

— Не мѣшайте ему, сказала она, выглядывая изъ другой комнаты. Идите къ намъ, у насъ веселѣе.

Я молча оставилъ трудолюбиваго хозяина и перешелъ къ хлопотунѣ хозяйкѣ. Смирenniца Паша сидѣла за «Векфильдскимъ священникомъ» и разсматривала картинки.

— Видали нашего хозяина? сказала хозяйка, — вотъ онъ всегда такой; такъ онъ привыкъ къ этимъ бумагамъ, что минуты безъ нихъ не прожить.

— Я сказалъ какой-то комплиментъ трудолюбію его и попросилъ Пашу, чтобы она читала вслухъ.

Довольно медленно, но правильно и внятно прочитала она страницу изъ «Векфильдскаго священника» и была награждена отъ тетеньки стаканомъ чаю въ накладку и панегирикомъ, котораго и на трехъ страницахъ не упишешь, а мнѣ, какъ ментору, кромѣ безконечной благодарности, предложено было рому съ чаемъ. Но какъ онъ былъ еще у Фогта и Паша должна была за нимъ сбѣгать, то я отказался отъ рому и отъ чая, къ немалому огорченію гостеприимной хозяйки. Въ одинадцатомъ часу поужинали, и я ушелъ, давши обѣщаніе навѣщать ихъ ежедневно.

Не могу вамъ ясно опредѣлить, какое впечатлѣніе произвело на меня это новое знакомство. А первое впечатлѣніе, говорятъ, весьма важно въ дѣлѣ знакомства. Я доволенъ этимъ знакомствомъ потому только, что знакомство мое съ Пашей до сихъ поръ казалось мнѣ предосудительнымъ, а теперь все это какъ-бы устранилось и наша дружба какъ будто бы скрѣпилась этимъ нечаянно новымъ знакомствомъ.

Я сталъ бывать у нихъ каждый день и черезъ недѣлю былъ уже, какъ старый знакомый, или, лучше сказать, какъ свой семьянинъ. Они мнѣ предложили у себя столъ за ту самую цѣну, что и у м-ше Юргенсъ, и я измѣнилъ доброй м-ше Юргенсъ, охотно принявъ предложеніе сосѣдки. И не раскаиваюсь: мнѣ наскучила беззаботная холостая компанія, у нихъ же мнѣ такъ хорошо, тихо, спокойно, все это по домашнему, все это такъ въ моемъ характерѣ, такъ въ гармоніи съ моею миролюбивою натурою. Пашу я называю сестрицей, а тетеньку ея своей тетенькой называю, а дяденьку никакъ не называю, потому что я его только и вижу за

обѣдомъ. Онъ, кажется, и по праздникамъ ходитъ въ должность. Мнѣ такъ хорошо у нихъ, что я почти никуда не выхожу, кромѣ Карла Павловича. У Іоахима, не помню, когда и былъ, у Шмидтовъ и Фицтума тоже. Самъ вижу, что не хорошо дѣлаю, но что же дѣлать: не умѣю врать передъ добрыми людьми. Недостатокъ свѣтскаго образованія—ничего больше.

Въ слѣдующее воскресенье сдѣлаю имъ всѣмъ визиты, вечеръ у Шмидта проведу, а то какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не раззнакомиться. Все это ничего, все это какъ нибудь уладится, а вотъ мое горе: не могу поладить съ Михайловымъ, т. е. собственно не съ нимъ, а съ его сердечнымъ другомъ мичманомъ: онъ почти каждую ночь ночуетъ у насъ. Это-бы еще ничего, а то наведетъ съ собою, Богъ знаетъ, какихъ людей, и на пролетъ всю ночь карты и пьянство. Не хотѣлось-бы мнѣ перемѣнять квартиры, а кажется придется, если эти оргіи не прекратятся. Хотѣ-бы скорѣе весна настала, пускай-бы себѣ ушелъ въ море этотъ несносный мичманъ. Началъ я этюдъ съ Паши красками при огнѣ. Очень миленькая выходитъ головка, жаль только, что проклятый мичманъ мѣшаетъ работать. Хотѣлось-бы къ празднику кончить и начать что нибудь другое, да едва-ли. Я пробовалъ уже у сосѣдокъ расположиться съ работой, да все какъ-то не ловко. Мнѣ такъ понравилось огненное освѣщеніе, что, окончивши эту головку, я думаю начать другую съ Паши-же—Весталку. Жаль только, что теперь нельзя достать бѣлыхъ розъ для вѣпка, а это необходимо; но это еще впереди.

Паша начинаетъ уже хорошо читать и полюбила чтеніе; это мнѣ чрезвычайно пріятно, но я затрудняюсь въ выборѣ чтенія для нея. Романы, говорятъ, не хорошо читать молодымъ дѣвушкамъ, а я право не знаю, почему нехорошо. Хорошій романъ изоощраетъ воображеніе и облагораживаетъ сердце, а сухая какая нибудь, хотя и умная, книга, кромѣ того что ничему не научить, пожалуй еще и поселить отвращеніе къ книгамъ. Я ей на первый разъ далъ Робинзона Крузо, а послѣ предложу Путешествіе Араго или Дюмонъ Дюрвиля, а потомъ опять какой нибудь романъ, а потомъ Плуларха. Жаль, что нѣтъ у насъ переведеннаго Вазари, а то бы я ее познакомилъ и съ знаменитостями нашего прекраснаго искусства. Хорошъ-ли мой планъ? какъ вы находите? Если имѣете что

нибудь сказать противъ него, то сообщите мнѣ въ слѣдующемъ письмѣ, и я вамъ буду сердечно благодаренъ. Меня она теперь занимаетъ, какъ будто что-то близкое, родное. Я на нее грамотную теперь смотрю, какъ художникъ на свою неоконченную картину, и великимъ грѣхомъ считаю для себя предоставить теперь ей самой выборъ чтенія или, лучше сказать, случай чтенія, потому что ей не изъ чего выбирать: лучше было не учить ее читать. Я надоѣлъ вамъ своими сосѣдками, но что дѣлать? По пословицѣ: что у кого болить, тотъ о томъ и говорить; а если правду сказать, то у меня теперь и говорить больше не о чемъ. Нигдѣ не бываю и ничего не дѣлаю. Не знаю, что-то мнѣ судьба готовить въ будущее лѣто, а я его не безъ трепета ожидаю; да и можно ли его ожидать иначе? Будущее лѣто должно положить настоящій фундаментъ избранному мною, или, лучше сказать, вами поприщу. Карлъ Павловичъ говорить, что вскорѣ послѣ праздникова будетъ объявлена программа на первую золотую медаль. Со мной чуть-чуть не дѣлается обморокъ при одной мысли объ этой роковой программѣ. Что если мнѣ удастся? Я съ ума сойду. А вы? Неужели вы не приѣдете посмотреть трехгодовую выставку и взглянуть на мою одобренную програму и на смиреннаго творца ея, какъ на свое собственное созданіе? Я увѣренъ, что вы приѣдете. Напишите мнѣ о вашемъ приѣздѣ въ слѣдующемъ письмѣ, и я буду имѣть благовидный предлогъ отказать Михайлову отъ квартиры. Мичманъ, кажется, и ему уже надоѣлъ. Хорошо еще, что я имѣю пріютъ у сосѣдокъ, а то пришлось бы бѣгать собственной квартиры. Напишите, сдѣлайте милость, что вы приѣдете, тогда я все разомъ покончу. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу вамъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ моей ученицы и о слѣдствіяхъ предстоящаго конкурса. Прощайте!

Р. С. Бѣдный Демскій уже изъ комнаты не можетъ выйти. Не пережить ему весны.

(Окончаніе стѣдуетъ.)

ГОРЛЕНКИ.

(Очерки прилущкой старины) ¹⁾.

Посвящается княгинь Анастасіи Александровнѣ Дабижѣ, рожденной Горленко.

„Полягла козацька молодецька голова,
Якъ отъ витру на степу трава;
Слава не вмре, не поляже:
Лыцарство козцьке всякому роскаже“!
(Изъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ).

На опушкѣ дубовыхъ и березовыхъ чащъ, чрезъ которую протекаетъ, минуя одинокіе лѣсные поселки и хутора, проселочная дорога изъ Черниговщины въ Полтавщину, открывается широкое степное раздолье. Привольно раскинулось оно въ даль и ширь своими нивами и заливными лугами, кое-гдѣ отмѣченными яркими полосами бѣлѣющихъ на солнцѣ песковъ, да темными пятнами селеній и роцей, постепенно сливающихся съ прозрачной дымкой горизонта.

Привѣтливо пестрѣтъ въ темной зелени предмѣстій, на обрывистомъ берегу Удая, городокъ, съ тонущими въ садахъ стройными силуэтами колоколенъ. Шаловливая игра лѣтнихъ облаковъ неуловимыми переливками свѣта и тѣни скользитъ по этой мирной картинѣ, то разсыпая снопы солнечныхъ лучей, то дробясь и сверкая въ легкой рѣчной ряби и стеклахъ город-

¹⁾ Собранные матеріалы являются частичной попыткой къ осуществленію завѣтнаго желанія незабвеннаго М. А. Максимовича, мечтавшаго о созданіи полной картины „минувшей жизни прилущкой Украины“ (Сочиненія, т. I, стр. 325).

скихъ оконъ, то загораясь бѣглыми искрами на церковныхъ крестахъ и въ блестящей листвѣ пирамидальныхъ тополей, словно на стражѣ стоящихъ у старинныхъ земляныхъ валовъ. Это—родовое Горленковское гнѣздо, древняя малорусская крѣпость Прилуки, когда-то резиденція полковой старшины славнаго войска запорожскаго, нынѣ уѣздный городъ полтавской губерніи.

Живая страница изъ скорбной лѣтописи Украйны, Прилуки, впервые упомянуты въ духовной Владиміра Мономаха, видѣли въ своихъ стѣнахъ чуть ли не всѣ враждебныя Россіи народности, начиная съ половцевъ и кончая шведами. Уже въ отдаленную эпоху нашей исторіи этотъ городъ былъ яблокомъ раздора между Мономаховичами и Ольговичами: въ 1138 г. великаго князя Ярослава Владиміровича правнукъ, Всеволодъ Ольговичъ, съ братьями и половцами городъ «военною рукою бралъ» ¹⁾ и Прилуки окончателью остались за черниговскими князьями. Нашествіе Батя не пощадило ихъ: въ 1239 году городъ съ окрестностями подвергся страшному разгрому и опустошенію. Завоеванный Гедиминомъ, въ XIV вѣкѣ, онъ перешелъ въ руки литовскихъ князей, а въ 1604 году, входя въ составъ громадныхъ украинскихъ маестностей Вишневецкихъ, былъ разоренъ московскою ратью. По изгнаніи изъ Малороссіи князя Іереміи, воеводы русскаго, перваго изъ Вишневецкихъ измѣнившаго «пратеческому благочестію», Прилуки стали полковымъ городомъ войска запорожскаго и управлялись, за непродолжительными перерывами, болѣе полувѣка, полковниками изъ семейства Горленковъ.

Среди родовой малороссійской аристократіи, вышедшей изъ рядовъ «значной» козацкой стержины, Горленкамъ, въ теченіи четырехъ поколѣній давшимъ Малороссіи двухъ наказныхъ гетмановъ и трехъ полковниковъ, безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣсть, какъ по значенію, которое они имѣли въ гетманщинѣ, такъ и по давности признанія за ними правъ

¹⁾ Лѣтопись Нестора.

дворянства. Выясненіе исторической роли этого старшаго козацкаго рода является цѣлью настоящаго изслѣдованія.

I.

Семейныя преданія Горленковъ считаютъ своихъ предковъ выходцами «изъ Венгровъ»¹⁾ въ славную Сѣчь запорожскую²⁾.

Дошедшіе до насъ письменные памятники не упоминаютъ о нихъ ранѣе половины XVII столѣтія, что легко объясняется хаотическимъ состояніемъ края, во время котораго на вѣки погибла масса драгоценныхъ документовъ. За то украинская *дума*, поэтическая исторія страны, сохранила память объ одномъ изъ членовъ этой фамиліи, повидимому сподвижникъ доблестныхъ гетмановъ Свѣрговскаго и Зборовскаго, козацкихъ мучениковъ послѣдней трети XVI вѣка.

«Ой, панъ пышный, панъ Свѣрговскій,¹⁾

«А ще другій—панъ Зборовскій,²⁾

«А ще третій—Морозенко,

«А четвертый—панъ Горленко»³⁾!

Не даромъ, вѣроятно, имя пана Горленка стоитъ на ряду съ именами излюбленныхъ народной поэзіей героев;⁴⁾ но, за отсутствіемъ историческихъ данныхъ, остаются лишь болѣе или менѣе гадательные выводы, основанные на старинныхъ Горленковскихъ «помянникахъ», конца XVII—начала XVIII столѣтія, въ которыхъ передъ «убіеннымъ Лазаремъ» стоятъ имена Теофора и Лукьяна⁴⁾.

1) Подъ именемъ „Венгерской земли“ часто подразумѣвалась *Угорская Русь*, область населенная древне-славянскимъ племенемъ *русиновъ*, откуда, спасаясь отъ иновѣрскаго гнета, выходило въ козацкую вольницу не мало отважныхъ поборниковъ православной вѣры и русской народности.

2) Роспись рода Горленковъ, см. „Кіевск. Стар.“ за іюнь 1836 г.

3) Замучень турками подь Киліей 1574 г.

4) Обезглавлень въ Краковѣ канцлеромъ Замойскимъ 1584 г.

5) *Максимовичъ*, Украинскія народныя пѣсни, т. II, стр. 73.

6) Родъ его милости пана Дмитрія Горленка, полковника прилучнаго (Семейный архивъ).

«Лазарь Горленко, полковникъ войска его царского пресвѣтлаго величества запорожского прилуцкій», какъ титуловался онъ въ современныхъ актахъ, открываетъ собою рядъ дѣятелей, данныхъ родинѣ семьей Горленковъ.

Далеко раздавшійся кличъ къ отчаянной борьбѣ за существованіе, бурнымъ дыханіемъ пронесшійся по Украинѣ, и грянувшее вслѣдъ за нимъ имя Зиновія Богдана Хмельницкаго застали Лазаря въ рядахъ прилуцкаго полка, не задолго передъ тѣмъ возникшаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ основались Горленки. Все поднялось на тотъ призывъ со стихійной, неудержимой силой и молодой козакъ беззавѣтно ринулся въ водоворотъ бранной жизни. Въ битвѣ подъ Зборовымъ, столь знаменательной по своимъ послѣдствіямъ для козачества, прилуцкіе полчане кровью освятили добытыя ими на полѣ сраженія права. 19 августа 1649 г., они были утверждены знаменитымъ Зборовскимъ договоромъ, заключеннымъ въ интересахъ реестроваго козачества. Численность послѣдняго опредѣлялась въ 40,000. Имена этихъ избранныхъ были вписаны въ такъ называемые «Реестры войска запорожскаго», что въ ту пору давало каждому простому реестровому козаку права равныя со шляхтой. Въ представленной королю Яну Казиміру V, въ Варшавѣ, книгѣ реестровъ, имя Лазаря Горленка въ числѣ первыхъ занесено было въ списокъ второй прилуцкой городской сотни ¹⁾.

Въ суровой боевой школѣ проходило военное воспитаніе Горленка; въ ней выковалась и закалилась его желѣзная натура, надломить которую не могли ни годы, ни испытанія. Слишкомъ десять лѣтъ дѣлилъ онъ съ освободителями Украины ихъ воинскіе труды, удачи, невзгоды и превратности. Походы смѣнялись походами. Опустошенная и объята пламенемъ столица Молдавіи, Яссы, кровавымъ заревомъ освѣтила возобновленіе войны съ поляками, завершившейся роковымъ пораженіемъ козаконъ

¹⁾ *Бодянский*, Реестры войска запорожскаго, Читенія моск. общ. ист. и др. рос., 3, стр. 305. Сотникомъ въ ней значился Проценко, а полковникомъ прилуцкимъ былъ извѣстный Тимошею Носачъ, впоследствии наказной гетманъ.

подъ Берестечкомъ, гдѣ палъ прилуцкій полковникъ Шкурать. Изнемогавшая подъ бременемъ нескончаемыхъ войнъ, Малороссія снова очутилась во власти непріятелей. Вся страна была въ огнѣ, возстанія подавлялись со страшной жестокостью и жители, бросая все, что имѣли, толпами спасались въ великорусскія окраины.

Тяжесть переживаемыхъ бѣдствій отразилась на народномъ міровоззрѣніи и сказалась общимъ упадкомъ духа, усиленнымъ необычайными небесными явленіями. Съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣли украинцы на солнечное затмѣніе, считая его предвѣстникомъ новыхъ кровопролитій, пожаровъ, наводненій, голода и мора. Зараза дѣйствительно появилась весной 1652 года на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и свирѣпствовала въ прилуцкомъ полку отъ Троицына дня до самой зимы. Въ Прилукахъ и ихъ окрестностяхъ вымерло все почти населеніе; люди бросали жилища и бѣжали въ лѣса; по опустѣлымъ селамъ бродили хищные звѣри, терзая непогребенные трупы¹⁾.

Въ конецъ обезсиленная Украина, опутанная кознями и измѣной бывшихъ союзниковъ, очутилась въ безвыходномъ положеніи, приведшемъ ее къ Переяславской радѣ. 8-го января 1654 года, Лазарь Горленко, наравнѣ съ прочимъ «товариствомъ», присягнувъ перейти «подъ высокоу Государеву руку»²⁾ послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смута, попеременно бросавшая сбитыхъ съ толку малороссянъ въ лживыя объятія Турціи, Польши, Швеціи, Седмиградскаго и Придунайскихъ княжествъ, не прекратилась со смертью Богдана Хмельницкаго, а шаткая и безпокойная политика его преемниковъ поддерживала внутреннее неустройство Малороссіи.

Прилуцкій полкъ держался стороны Выговскаго въ его борьбѣ съ Пушкаремъ, полковникомъ полтавскимъ, изъ-за Богданова наслѣ-

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, стр. 32: Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Ригельмана, стр. 173—174.

²⁾ Въ январѣ того-же года прилуцкій полкъ былъ приведенъ къ присягѣ бояриномъ Бутурлинымъ.

дія, но когда гетманъ поддался Польшѣ, то прилуцкому полковнику, извѣстному впоследствии Петру Дорошенку, удалось увлечь за собой лишь часть своихъ полчанъ. Остальные, отказавшись поднять оружіе противъ единовѣрной Москвы, вернулись домой и ходатайствовали предъ царемъ о назначеніи имъ другаго полковника. Высланный противъ Выговскаго князь Ромодановскій до полученія отвѣта изъ Москвы поставилъ въ Прилукахъ Воронченка, а къ зимѣ 1658 г. былъ избранъ и утвержденъ полковникомъ Ѳедоръ Терещенко¹⁾,

Въ это уже время Горленко, въ званіи сотника сребрянскаго²⁾ правившій одною изъ главныхъ сотень прилуцкаго полка, бывшей театромъ ожесточенныхъ битвъ и междоусобій, и также оставившій Дорошенка, сталъ быстро выдвигаться изъ среды полковыхъ старшинъ³⁾ и, замѣняя отсутствующаго Терещенка въ званіи наказнаго полковника, осенью слѣдующаго года первый сдѣлалъ шагъ къ сближенію съ Москвой. 6 сентября 1659 г. къ воеводѣ князю Трубецкому, шедшему изъ Путивля къ Переяславлю, на Прилуки, явилась депутація съ представителями духовной и свѣтской власти прилуцкаго полка. Во главѣ ея были иченскій протопопъ Адамовичъ, попъ Давидъ и сотники прилуцкій и иченскій. Они привезли боярину грамоту отъ наказнаго полковника прилуцкаго Лазаря Горличенка⁴⁾, который отъ имени своего и всего полка билъ челомъ царю, чтобы тотъ «отдалъ прилуцкимъ жителямъ ихъ вины» и дозволилъ «по прежнему быть въ вѣчномъ его подданствѣ». Принявъ присягу отъ депутатовъ и одаривъ ихъ «великаго государя жалованьемъ», Трубецкій отправилъ съ ними въ Прилуки Неплюева «привести къ вѣрѣ полковника и всякихъ жи-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IV, стр. 160; Ригельманъ, т. II, стр. 8 и 9.

²⁾ Значительное и богатое мѣстечко *Срибное* или *Сребное*, лежащее на р. Удаѣ, по инвентарю кн. Іер. Вишневецкаго, было населеннѣйшимъ пунктомъ въ прилуцкомъ полку.

³⁾ Протестація Димитрія Горленка (Архивъ В. П. Горленка).

⁴⁾ Вариантъ фамиліи Горленковъ, встрѣчающійся въ статейныхъ спискахъ середины XVII столѣтія.

телей и обнадежить ихъ милостью великаго государя ¹⁾). Примѣру прилуцкаго полка послѣдовали и сосѣдніе полки и, сойдясь въ Переяславъ на раду «войскомъ, дали булаву» сыну покойнаго Хмельницкаго Юрію ²⁾).

Неудачный походъ новаго гетмана на Волынь, окончившійся переходомъ его къ Польшѣ, осенью 1660 г., имѣлъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ отпаденіе прилуцкаго полка отъ московской державы. Послѣ пораженія Шереметева подъ Чудиновымъ, прилучане отчаянно врубались въ сплошныя массы окружающихъ ихъ татаръ и проложили себѣ дорогу къ главнымъ козацкимъ силамъ. Перейдя Днѣпръ въ качествѣ союзниковъ Ю. Хмельницкаго, польскія войска покрыли сътыю своихъ отрядовъ всѣ лѣвобережныя полки, начиная съ прилуцкаго. Горько отзывалась на послѣднемъ каждая изъ политическихъ перемѣнъ; въ краѣ уже разоренномъ во время предшествовавшихъ войнъ такъ похозяйничали на зимнихъ квартирахъ ляхи и татары, что, какъ доносилъ царю нѣжинскій полковникъ, въ немъ «ужь мало чего цѣлаго осталось ³⁾).

Зловѣщія тучи безъ просвѣту стучались надъ несчастной, раздираемой внѣшними и внутренними врагами страной; носились слухи о близкой кончинѣ міра и пришествіи съ востока антихриста⁴⁾, а усобица и смута росли и заполняли собой всю Украйну. Однако къ веснѣ 1661 года усилія немногихъ сторонниковъ Москвы, убѣжденіями и силой приводившихъ къ покорности отложившихся, увѣнчались успѣхомъ: поляки отступили повсюду. Прилуцкій полкъ, предпочитавшій подчиненію Москвѣ польское главенство, на основаніи гадячскаго договора 1658 года, сдался на краснорѣчивыя увѣщанія наказнаго гетмана Сомка и, обнадеженный обѣщаніемъ «милостиваго жалованья и отпущенія преступленія, хотя невольнаго, со всѣми воло-

1) Акты, т. IV, стр. 249, 251.

2) Ibid.

3) Акты, т. V, стр. 44.

4) Лѣтопись Величка, т. II, стр.17.

стями своими наклонился подъ высокоу государеву руку». Санкціей этаго шага явилась царская оберегательная «отъ всякихъ наѣздовъ» грамота, за государственной большой печатью, исходятайствованная Сомкомъ¹⁾).

Въ это самое время Лазарь выступилъ на политическую арену, какъ самостоятельный дѣятель, смѣнивъ на прилуцкомъ полковничествѣ своего предшественника. Съ тѣхъ поръ, съ незначительными промежутками, около тридцати лѣтъ правилъ онъ полкомъ, занимая этотъ важный постъ до самой своей смерти.

II.

«Въ Малой Россіи, говоритъ Шафонскій, три главные паны или командиры почитались: гетманъ, полковники и сотники»²⁾).

Дѣйствительно, эти лица, не смотря на выборный характеръ войсковыхъ должностей, пользовались столь обширной, нерѣдко переходившей въ произволъ, властью, что фактически господствовали почти неограниченно въ сферѣ своего управленія.

«Малороссійскій полковникъ», по свидѣтельству того же автора, «въ разсужденіи чина по войсковой генеральной старшинѣ первое занималъ мѣсто, а въ разсужденіи власти по самомъ гетманѣ *первымъ* почитался въ Малой Россіи начальникомъ». Не было отрасли управленія, на которую не распространялось бы его вліяніе. Прочно утвердившись на своемъ урядѣ, во главѣ военнаго и гражданскаго строя ввѣренной ему области «полковникъ былъ такимъ же властелиномъ, какъ и средне-вѣковой феодалъ. Въ его рукахъ соединялись высшія инстанціи судебная, административная и экономическая. Онъ былъ въ одно и тоже время военачальникомъ и градоначальникомъ, правителемъ всѣхъ военныхъ, полицейскихъ и земскихъ дѣлъ, президентомъ полковаго суда и командиромъ полковой артиллеріи³⁾». Какъ въ

¹⁾ Акты, т. V, стр. 53.

²⁾ Описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 91.

³⁾ Ibid., стр. 110, 111.

военное, такъ и въ мирное время онъ распоряжался у себя самовластно: имѣлъ право пожалованій, взималъ подати, творилъ судъ и расправу, водилъ своихъ полчанъ на врага и подъ часъ, выступая представителемъ какого-либо самостоятельнаго политическаго движенія, бравировалъ авторитетомъ самаго гетмана.

Неотъемлемыми знаками полковничьяго достоинства были такъ называемые «полковые клейноты»: знамя, жезлъ или *търначъ* и литавры, всегда находившіеся при особѣ полковника; къ получаемымъ имъ сначала 100 голландскимъ ефимкамъ годоваго жалованья и мельницѣ, вскорѣ были прибавлены «на рангъ» деревни и хутора, въ которыхъ тысячное населеніе работало на содержаніе своего господина¹⁾. Понятно, что званія этого, часто служившаго переходомъ къ гетманству, домогались даже генеральные старшины, стоявшіе по служебной іерархіи степенью выше полковниковъ.

Будучи, такимъ образомъ, по своему значенію вторымъ лицомъ въ войскѣ, полковникъ управлялъ своимъ полкомъ на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ гетманъ правилъ всей Малороссіей. Какъ и тотъ, онъ имѣлъ свою канцелярію, въ которой предсѣдательствовалъ, а въ отсутствіе свое посылалъ въ нее предложенія, имѣлъ и старшинъ: обознаго, судью, писаря, двухъ асауловъ и хорунжаго, резидировавшихъ «при его боку», въ полковомъ городѣ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, но на дѣлѣ бывшихъ въ полной отъ него зависимости. Полковнику подчинялись еще начальники отдѣльныхъ *сотень*, входившихъ въ составъ полка, какъ административной и населенной территориальной единицы, имѣвшихъ въ свою очередь особыя знамена «корогвы», свои канцеляріи, свою старшину и подраздѣлявшихся на *курени*, которыми завѣдывали атаманъ. Въ иной сотнѣ числилось до тысячи козаковъ: она заключала въ себѣ города и села и называлась по имени значительнаго мѣстечка.

¹⁾ Описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 64.

Подобныхъ сотень въ прилуцкомъ полку было сначала двадцать¹⁾, а впоследствии одиннадцать²⁾. Онѣ располагались по теченію р. Удая и въ нихъ, вромѣ укрѣпленнаго главнаго города Прилукъ, находилось восемь большихъ мѣстечекъ, 35 сель и деревень и 547 хуторовъ.

При Богданѣ Хмельницкомъ прилуцкій полкъ былъ по числу козаковъ однимъ изъ самыхъ людныхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра: въ немъ считалось по статьямъ Зборовскаго договора однихъ *реестровыхъ* 2,106 человекъ. Число ихъ значительно возросло съ теченіемъ времени³⁾, такъ какъ по величинѣ и пространству прилуцкіа полкъ принадлежалъ къ самымъ обширнымъ: территорія его охватывала нынѣшній прилуцкій уѣздъ, южную часть нѣжинскаго, борзенскаго и копотопскаго, западную роменскаго и сѣверную пирятинскаго и лохвицкаго уѣздовъ.

Положеніе Прилукъ въ населенномъ и промышленномъ⁴⁾ центрѣ лѣвобережной Украйны, въ краѣ хлѣбородномъ, на большомъ военномъ трактѣ изъ Великороссіи въ Заднѣпровье, дѣ-

¹⁾ Въ 1649 г. прилуцкій полкъ имѣлъ слѣд. сотни: прилуцкихъ 3, шура-тову 1, варвинскихъ 2, срибрянскую 1, дѣвицкую 1, галицкую 1, переволочанскую 1, иченскихъ 2, городенскую 1, иваницкую 1, монастырскую 1, корибутовскую 1, краснянскую 1, голенскую 1, гузовскую 1 и кропивелскую 1 (Реестры Войска Запорожскаго).

²⁾ Прилуцкая 1, иченская 1, переволочанская 1, монастырищенская 1, иваницкая 1, голенская 1, журавская 1, красноколядинская 1, срибрянская 1, первоварвинская 1, второварвинская 1. Корибутовская сотня, слившаяся было съ красноколядинской, въ 1739 г. снова отдѣлилась отъ нея (Шафонскій. Описаніе черниговскаго намѣстничества).

³⁾ По ревизіи 1764 г. на 69,169 д. населенія числилось 20,550 козаковъ. Ibid).

⁴⁾ Въ 1665 г. въ прилуцкомъ полку, какъ видимъ изъ лѣтописи Грабяки, бывало 9 ярмарокъ: въ Прилукахъ: на сырой недѣлѣ, на Рождество Предтечи и св. Димитрія, въ Ичнѣ въ Петрово заговѣнье и Ильинъ день, въ Варвѣ въ Петровъ день, въ Красномъ на Николу осенняго и Петрово заговѣнье и въ Срибномъ на Николу осенняго.

дало ихъ однимъ изъ завидныхъ урядовъ. Земледѣліе, скотоводство и пчеловодство всегда процвѣтали въ полку, но особенно прибыльными статьями были винокуреніе, коневодство и селитровареніе. Окрестности Прилукъ издревле славились у великороссіянъ какъ «мѣста жилия и хлѣбныя, въ которыхъ людскихъ и конскихъ кормовъ вездѣ много»¹⁾. Въ слѣдствіе легкости продовольствія и удобствъ сообщенія, Прилуки сдѣлались пунктомъ, чрезъ который направлялись ратные царскіе люди на Переяславль, Кіевъ и Чигиринъ. Это-же былъ обычный путь слѣдованія московскихъ пословъ и гонцовъ, ѣхавшихъ въ гетманщину на Путивль и порубежные города.

Теченіемъ Удая, Прилуки дѣлились на двѣ части.

Въ главной, надъ правымъ нагорнымъ берегомъ господствовала древній «земляной городъ», обведенный высокими на сыпными валами. Глубокій, сухой ровъ опоясывалъ линію укрѣпленій; въ центрѣ высилась цитадель или «замокъ», вмѣщавшій въ своихъ стѣнахъ «дворецъ» полковника и присутственный мѣста. Тутъ-же стоялъ старинный храмъ во имя св. Ниболая Чудотворца²⁾.

Четверо крѣпостныхъ воротъ выходили на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, къ Глухову, Пирятину, Ромнамъ и Кіеву. Сторожевыя надворотныя башни носили каждая имя соотвѣтствовавшей дороги. Съ высоты зубчатыхъ двойныхъ стѣнъ и бойницъ полковая «гармата» грозно глядѣла на ютившіяся подъ защитой городскихъ валовъ пестрыя и шумныя предмѣстья, на сверкающіе въ зеленой рамкѣ береговъ серебристые изгибы Удая, да на раскинувшуюся кругомъ узорную сѣть пригородныхъ дорогъ, вьющихся по косогорамъ и греблямъ, между колосающимися пажитями и дальними хуторами, и теряющихся гдѣ-то тамъ, въ безпредѣльныхъ стѣняхъ, протянувшихся къ западу и юго-востоку. Только къ сѣверу горизонтъ замыкался разбросан-

¹⁾ Акты, т. X, стр. 155.

²⁾ Шафонскій, Описаніе черняговскаго намѣстничества.

ными по «яркамъ» рощами и лѣсками, постепенно соединявшимися въ одну непрерывную синѣющую цѣпь, зубчатой стѣной вырѣзывавшуюся на блѣдномъ небосклонѣ.

Выѣзды южные и западные раеходились радіусами изъ города въ открытую степь; къ сѣверному путь круто спускался подъ гору, къ водѣ, проходилъ черезъ самый земляной валъ и оттуда лежалъ плотинной чрезъ рѣку, среди шумящихъ вербъ и очерета, и развѣтвляясь на противоположномъ берегу, шель влѣво, чрезъ сотенный «городъ» Ичню, въ Борзну, и вправо, на Глуховъ, чрезъ Ланицы и сотенное мѣстечко Иваницу.

Верстахъ въ семи отъ города, тамъ, гдѣ иваницкій шляхъ, миновавъ пески, углублялся въ лѣса, дорога внезапно сворачивала въ сторону отъ главнаго пути и спускалась въ красивую лѣсную ложбину. Здѣсь, среди яркой и сочной зелени болотныхъ зарослей, на поросшемъ дремучимъ боромъ островѣ, омываемомъ причудливо-извивающимися разливами Удая, надъ кудрявыми верхушками вѣковыхъ дубовъ и липъ, мирно сіяли въ глубокой небесной лазури церковные кресты; отсюда, изъ дикой лѣсной глуши доносился протяжный благовѣсть, вторившій отдаленному перезвону прилуцкихъ церквей и нарушавшій торжественное безмолвіе чащи. Въ этомъ глубокомъ уединеніи, за зеленымъ лѣснымъ пологомъ, укрылась отъ людскихъ взоровъ и суеты мірской скромная обитель, прославившаяся не сокровищами своихъ храмовъ и ризницъ, а богатствомъ духовнымъ, благодаря которому ей суждено было стать оплотомъ православія и разсадникомъ просвѣщенія во всей восточной Украинѣ.

Свято-Троицкая Пустынно-Густынская обитель, облагодѣтельствованная Горленками и впродолженіи двухъ вѣковъ служившая имъ родовой усыпальницей, возникла на рубежѣ XVI и XVII столѣтій. Четверо аеонскихъ иноковъ, прельстившись дикою красотой мѣстности, основали здѣсь «пустынь», развели фруктовый садъ, устроили пасѣку, а лѣтъ четырнадцать спустя, при помощи прилуцкихъ благодѣтелей и набожной княгини Вишневедкой, созданъ монастырь на островѣ, носившемъ въ народѣ прозваніе «Густыни» отъ покрывавшей его *густой*, не-

проглядной чащи¹⁾. Съ тѣхъ поръ продолжалъ онъ нерушимо стоять среди бурь и пламени, охватившихъ окрестный край, превозмогая всѣ невзгоды, гоненія и бѣдствія, и стяжалъ себѣ громкую извѣстность въ лѣтописяхъ южно-русской церкви.

Подъ покровительствомъ государей московскихъ и гетмановъ малороссійскихъ²⁾, считавшихъ нравственнымъ долгомъ поддерживать народную святыню, Густынская обитель росла, развивалась и богатѣла, постепенно увеличивая свои владѣнія и доходы. Монастырскіе грунты, сѣножати, лѣса и млины были разбросаны по различнымъ сотнямъ прилуцкаго полка, а заселявшаяся вокругъ мѣстность, съ возникавшими по берегамъ Удая слободами, становилась въ зависимость отъ монастыря и была обязана въ пользу его различными повинностями³⁾, характеръ и размѣръ коихъ опредѣлялись полковникомъ, тщательно регулировавшимъ отношенія своихъ полчанъ къ монастырскимъ властямъ.

Въ тѣсной связи съ Густынею находился получившій отъ нея свое начало Покровскій Ладинско-Подгорскій монастырь, основанный въ 1619 году, въ живописномъ гористомъ мѣстоположеніи надъ Удаемъ, близъ сотеннаго прилуцкаго мѣстечка Журавки. Вскорѣ онъ былъ преобразованъ въ женскій и первой его игуменьей была сестра извѣстнаго густынскаго настоятеля и подвижника, въ послѣдствіи митрополита кievскаго, Исаи Копинскаго.

¹⁾ Лѣтопись св. Троицкаго Пустынно-Густынскаго монастыря. 1849 г. М.

²⁾ Архивъ Густынскаго монастыря содержитъ значительное число прекрасно сохранившихся привилегій, грамотъ, универсаловъ и листовъ князей Михаила Корибута и Іереміи Вишневецкихъ, княгини Регины (Могилянки) Вишневецкой, князя Симеона Лыка, царя Алексѣя Михайловича, короля Яна Казимира, гетмановъ: Богдана Хмельницкаго, Выговскаго, Брюховецкаго, Дорошенка, Многогрѣшнаго, Самойловича, Мазепы, Скоропадскаго, Данила Апостола и графа Разумовскаго, полковниковъ прилуцкихъ: Дорошенка, Терещенка, Чернявскаго, Лазаря Горленка, Машенка, Третьяка, Стороженка, Дмитрія Горленка и другихъ, воеводы князя Трубецкаго, полковника полтавскаго Жученка и т. д.

³⁾ Главнѣйшими были поддержка и починка монастырскихъ гребель (плотинъ), служившихъ единственнѣмъ сообщеніемъ острова съ берегомъ, но ежегодно размываемыхъ Удаемъ.

Первоначальными строителями и защитниками Густынского и Ладинского монастырей были тогда (еще православные и могущественные князья Вишневецкіе, а затѣмъ охранителями ихъ интересовъ сдѣлались полковники прилуцкіе, къ уряду которыхъ естественно тяготѣли обѣ обители, въ частности всегда бывшія особенно близкими семейству Горленковъ.

III.

Въ началѣ мая 1661 года, въ третье воскресенье послѣ Пасхи, происходила на большемъ полѣ подъ Нѣжиномъ, при громадномъ стеченіи народа, торжественная присяга на вѣрно-подданство царю Алексѣю Михайловичу покорившагося прилуцкаго полка. Вмѣстѣ со своими полчанами и полковникъ Горленко «цѣловаль предъ св. Евангеліемъ крестъ на вѣрную службу», въ присутствіи наказнаго гетмана Сомка и царскихъ представителей, кн. Ромодановскаго, стольника Зміева, другихъ воеводъ и старшинъ всего войска запорожскаго.

По окончаніи церемоніи, было приступлено къ выборамъ гетмана, что возбудило сразу страстныя пререканія. Голоса раздѣлились: нѣжинцы требовали избранія своего полковника, Золотаренка, а за доблестнаго Якимъ Сомка стояли все прочіе полки, въ томъ числѣ и прилуцкій, гдѣ онъ «полковникуваль» одно время ¹⁾). Споры были неожиданно прерваны извѣстіемъ о приближеніи Ю. Хмельницкаго, который шелъ на Переяславль съ крымскимъ ханомъ и поляками, провѣдавъ о готовившемся ему соперникѣ въ лицѣ избираемаго гетмана. Пришлося радѣ поспѣшно разойтись, ничѣмъ не покончивъ и не успѣвъ, «противъ обычая давняго, того гетмана обратъ, кого все войско любить». Общимъ совѣтомъ рѣшено было, отложивъ раду до болѣе благопріятнаго времени, немедленно отправить въ Москву представителей вновь присягнувшихъ полковъ съ челобитьемъ, въ которомъ Сомко, Горленко и пять остальныхъ «вѣрныхъ» полковниковъ, просили царя о назначеніи имъ гетмана и о при-

¹⁾ Величко, т. I, стр. 119.

сылкѣ на раду особы «отъ боку своего», а въ названные полки воеводъ съ ратными людьми ¹⁾).

Прямо изъ-подъ Нѣжина Лазарь со своими козаками поспѣшилъ на югъ, для прегражденія непріятелю пути въ полтавскій полкъ, гдѣ еще держались послѣдніе мятежники. 16-го мая предводители дѣйствовавшаго двадцатитысячнаго отряда, Горленко, Животовскій и воевода Косаговъ сообщили Сомку, изъ лагеря на греблѣ Шиповой, радостную вѣсть объ окончательномъ умиротвореніи края: Полтава сдалась безъ боя, бывшій полковникъ Жученко принесъ повинную, а новоизбранный, со всѣми жителями города, былъ приведенъ къ присягѣ Горленкомъ и капитаномъ солдатскаго строя Толстымъ ²⁾).

Похвальная царская грамота отъ 29-го мая была наградой прилуцкому полковнику за военныя заслуги.

Все слѣдующее лѣто, осень и зима прошли въ непрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и только въ концѣ весны, послѣ неудавшейся вторичной попытки избрать гетмана, полученъ былъ указъ великаго государя объ учиненіи «полной» рады. Мѣстомъ ея предполагалось назначить Прилуки ³⁾ и уже были разсланы приглашенія по всѣмъ полкамъ, какъ новое вторженіе Ю. Хмельницкаго заставило опять козаковъ взяться за оружіе.

Въ то время, какъ съ переменнымъ счастьемъ шло единоборство Москвы съ Польшей изъ-за обладанія Украиной, внутренняя рознь и несогласія не переставали разъѣдать войско малороссійское. Въ средѣ его происходила ожесточенная борьба партій «городоваго» и «сѣчеваго» козачества, представителей началъ аристократическаго и демократическаго,—борьба не прекращавшаяся съ того самаго 1660 года, когда запорожцами былъ выдвинутъ въ качествѣ кандидата на гетманскую булаву кошевой атаманъ Брюховецкій. Ловкій и смѣлый честолюбецъ

¹⁾ Акты, т. V, стр. 56, 57, 60.

²⁾ Ibid., т. V, стр. 64, 69.

³⁾ Акты, т. V, стр. 106

искусно повелъ игру, опираясь, съ одной стороны, на свою приверженность къ московскому правительству, а съ другой— на преданность интересамъ народной массы. Въ короткое время онъ съумѣлъ пріобрѣсти среди простыхъ козаковъ большую популярность; въ вліятельной старшинѣ онъ уже издавна заискивалъ, не скупясь на тонкую лесть, щедрыя общанія и подарки. Почувявъ опаснаго соперника, враждовавшіе полковники тѣснѣе сплотились вокругъ Сомка и въ соборной церкви прилуцкаго сотеннаго мѣстечка Ични присягнули ему на гетманство ¹⁾. Однако льстивыя посланія Брюховецкаго къ знаменитому «пану полковнику прилуцкому» сдѣлали свое дѣло и посѣяли смуту въ Прилукахъ, до сихъ поръ вѣрныхъ Сомку: къ сношеніямъ Горленка съ Запорожьемъ отнеслись подозрительно и послѣдствіемъ этого въ концѣ 1662 года было появленіе въ званіи прилуцкихъ полковниковъ, сначала Терещенка, а вскорѣ затѣмъ и Дмитрія Чернявскаго ²⁾.

Но развязка близилась: дни противниковъ Брюховецкаго уже были сочтены.

Собравшаяся подъ Нѣжиномъ въ іюнѣ 1663 года кровавой памяти «черная рада» по своему рѣшила вопросъ въ пользу запорожскаго кошеваго, провозглашеннаго «вольными голосами» гетманомъ Малороссіи. Въ рѣшительную минуту приверженцы Сомка были покинуты своими полками и схвачены подъ предлогомъ измѣны царю, частью отданы на войсковую расправу, частью сосланы въ Москву, а оттуда въ Сибирь ³⁾. Послѣдней участи подвергся и прилуцкій полковникъ Чернявскій.

Новоизбранный гетманъ лѣвой стороны Дибпра шагнулъ къ власти чрезъ трупы казненныхъ имъ соперниковъ. Трудно опредѣлить роль Горленка въ разыгравшейся въ Борзнѣ трагедіи, но извѣстно, что въ числѣ судей, изрекшихъ смертный приговоръ злосчастному Сомку и его друзьямъ, уже находился по-

1) Лѣтопись Самовидца, стр. 72, 74.

2) Архивъ Густынскаго монастыря и архивъ Маркевича, № 341.

3) Самовидецъ, стр. 77.

ставленный Брюховецкимъ въ Прилукахъ новый полковникъ, Данило Песоцкій ¹⁾).

Судьба, казалось, сама хотѣла уничтожить всякое воспоминаніе о столь трагически завершившемся гетманствѣ Якимъ Сомка: страшный пожаръ испепелилъ Ичню и ту церковь, гдѣ за годъ передъ тѣмъ наказной гетманъ принялъ присягу отъ прилуцкаго полка, въ тотъ самый день, какъ Сомко и его единомышленники были взяты подъ стражу.

IV.

Временно заслоненный быстро смѣнявшимися событіями, Лазарь Горленко вскорѣ былъ снова вынесенъ силою ихъ теченія на сцену малорусской исторіи, въ тотъ бѣдственный ея періодъ, который запечатлѣлся въ памяти народной подъ характернымъ эпитетомъ «руины».

На первыхъ же порахъ своего гетманства, Брюховецкому пришлось считаться съ выдвинутымъ Польшей вмѣсто Хмельницкаго новымъ претендентомъ. Польскій ставленникъ, Павелъ Тетеря, перешелъ Днѣпръ и вторгся въ прилуцкій полкъ лютой зимой 1663 года. «Въ ту зиму», по образному выраженію современника, «на плечахъ козацкихъ и всей Украины были король съ короннымъ, литовскимъ и нѣмецкимъ войскомъ, Чарнецкій, три салтана съ ордой и Тетеря съ измѣнниками» ²⁾. Янъ-Казиміръ V съ полчищами хана Мехметъ-Гирея проникъ въ самое сердце лѣвобережной Украины. Его военачальники, коронный гетманъ Потоцкій, Янъ Собѣскій и кровожадный Чарнецкій, хорошо памятный своими страшными неистовствами въ Брацлавщинѣ въ 1653 году, огнемъ и мечемъ обозначали свой слѣдъ. На пути ихъ одни за другими, послѣ ожесточеннаго отпора, падали города и мѣстечки прилуцкаго полка. Взяты Монастырище, Ичня и Прилуки, гдѣ Тетеря, оставивъ «залогъ», двинулся далѣе на сѣверъ, по глуховской военной дорогѣ, къ

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. XI.

²⁾ Акты, т. V, стр. 256.

Ичнѣ, на соединеніе съ королевскимъ войскомъ. Сотенное мѣстечко Монастырище, въ наказаніе за геройское сопротивленіе было выжжено и разграблено польскими жолѣбрами и козаками Тетери, а населеніе его огуломъ отдано въ полонъ татарамъ, не смотря на заступничество передавагося полякамъ прилуцкаго полковника Песоцкаго ¹⁾. Подъ Глуховымъ счастье измѣнилось наконецъ непріятелямъ; Брюховецкій и Ромодановскій нанесли имъ рѣшительный ударъ и заставили въ безпорядкѣ отступить за Днѣпръ, куда былъ такимъ образомъ перевесенъ центръ военныхъ дѣйствій.

По измѣнѣ Песоцкаго, прилуцкое полковничество было возвращено Горленку, мужественно бившемуся съ Чарнецкимъ и буджацкой ордой и блистательно заявившему свои военные качества во время заднѣпровскихъ походовъ къ Чигирину. Однако въ концѣ октября 1664 года, когда перевѣсъ оказался на сторонѣ превосходнаго по численности непріятеля, прилуцкому полку, оставленному «залогѣй» въ очищенной отъ поляковъ мѣстности, пришлось очень плохо. Занявшіе Лысянку ²⁾ со своими козаками Горленко и Витязенко, отрѣзанные отъ главныхъ силъ, очутились въ отчаянномъ положеніи. Гетманъ, запертый въ Каневѣ, не могъ выручить отряда, тщетно умолявшаго чрезъ перебѣжчиковъ о настоятельной помощи и въ свою очередь усиленно просилъ царя Алексѣя Михайловича о подкрѣпленіяхъ, «дабы», какъ писалъ онъ, «закрой Боже, въ Лысянкѣ какая отъ непріятелей поруха не учинилась» ³⁾.

Цѣлыхъ пять недѣль отбивался Горленко, «не щадя головы своей и не сдаваясь ни на какія непріятельскія предести и подсылки» осаждавшихъ его Чарнецкаго и Тетери ⁴⁾. Стойкость прилучанъ и безуспѣшность приступовъ охладили пылъ нападав-

¹⁾ Самовидецъ, стр. 80; Ригельманъ, т. II, стр. 72.

²⁾ Укрѣпленное мѣстечко звенигородскаго уѣзда кievской губерніи, гдѣ въ 1639 году населеніе было поголовно вырѣзано поляками.

³⁾ Агты, т. V, стр. 233—234.

⁴⁾ Жалованная на дворянство грамота Горленку 1665 г. (Семейн. архивъ).

нихъ и въ декабрѣ поляки, снявъ осаду и отступивъ къ Кіеву, дали Горленку возможность соединиться съ гетманомъ.

Военныя дѣйствія затягивались, такъ какъ враги расположились зимовать на Украинѣ.

Положеніе «матери городовъ русскихъ», самого Кіева, становилось весьма критическимъ. Охваченный желѣзнымъ кольцомъ непріятельскихъ отрядовъ, городъ былъ совсѣмъ изолированъ: запасы истощились, подвозу не было ни откуда. Слабый и до того кіевскій гарнизонъ рѣдѣлъ съ каждымъ днемъ, съ голодухи перебѣгая къ непріятелямъ. Ратнымъ людямъ, уже девятнадцать мѣсяцевъ не получавшимъ ни кормовыхъ денегъ, ни жалованья, нечего было ѣсть, даже начальныя, не выдержавъ лишеній, стали передаваться полякамъ или, чтобы какъ-нибудь прокормиться, распродавали оружіе, амуницію, лошадей и послѣднее платье. Къ довершеною бѣды, кіевляне, потерявъ надежду на помощь и видя, что съ голоднымъ, едва прикрытымъ отъ холода людомъ, вдобавокъ изнуреннымъ постоянной караульной службой, не удержать ветхихъ полуразвалившихся укрѣпленій, стали сноситься съ непріятелями черезъ проникавшихъ въ городъ лазутчиковъ и польскихъ купцовъ. Воеводѣ кіевскому Чаадаеву, сидѣвшему безъ денегъ и хлѣба, поповолѣ приходилось быть безсильнымъ свидѣтелемъ полной деморализаціи подвластнаго ему города ¹⁾).

Жалкое положеніе Кіева обратило наконецъ вниманіе государя и по его требованію гетманъ 25 генваря отправилъ въ Кіевъ хлѣбныя запасы, а на усиленіе гарнизона отрядилъ изъ Канева, по царскому указу, Горленка съ его полкомъ, предписавъ ему пробиться къ Кіеву и стать на Подолѣ, чтобы съобща съ ратными людьми «чинить промыслы» надъ непріятелемъ и отвлечь его силы къ Полѣсью ²⁾).

Не прошло и пяти сутокъ со дня выступленія Горленка, какъ отъ него прибылъ въ Каневъ гонецъ съ письмомъ, возбу-

¹⁾ Акты, т. V, стр. 235. Донесеніе полковника Гамильтона.

²⁾ Акты, т. V, стр. 246.

дившимъ въ главномъ лагерѣ Брюховецкаго сильнѣйшее негодованіе.

Горленко писалъ гетману, что въ Кіевѣ козаковъ встрѣтилъ столь неожиданный пріемъ, что они «никогда такого безчестія на себя быти не чаяли». Оказалось, что кіевскій воевода, по внушеніямъ мѣстнаго войта, не ладившаго съ Брюховецкимъ ярымъ противникомъ городовыхъ привиллегій, и опасавшагося козацкой стоянки чуть-ли не болѣе непріятельскаго нашествія; не только приказалъ затворить городскія ворота передъ прилуцкимъ полкомъ, не велѣвъ пропускать «ни единого изъ товариства, какъ измѣнниковъ его царскаго просвѣтлаго величества», но даже отказался ихъ «на малый часъ» впустить, для временной стоянки «на своихъ харчахъ». Самого полковника, Лазаря, настойчиво требовавшаго объясненій у воеводы, Чаадаевъ едва согласился принять у себя, въ Печерской крѣпости, и тутъ произошелъ у нихъ разговоръ, «какъ у волка съ овцой». Думный дворянинъ, давно уже возстановленный противъ Брюховецкаго, не стѣсняясь высказалъ Горленку, что онъ гетмана и его распоряженія не ставитъ ни во что ¹⁾.

Письмо было помѣчено «31 генваря изъ подъ Кіева на лугу».

Такимъ образомъ, отрядъ посланный на помощь Кіеву, очутился между двухъ огней. Прилучанамъ, «какъ нетребникамъ какимъ», пришлось етать на выгонѣ, подъ городскими стѣнами, на лютой зимней стужѣ, безъ съѣстныхъ запасовъ и конскаго корму. Повсюду кругомъ были непріатели ¹⁾, со дня на день грозившіе раздавить и уничтожить отрядъ прилуцкаго полковника. Со всѣхъ сторонъ получались вѣсти о приближеніи Чарнецкаго, уже занявшаго Мотовиловку и творившаго звѣрскую расправу съ сопротивлявшимися, не давая пощады ни полу, ни возрасту. Сотники бориспольскій и воронковскій письменно убѣждали Горленка не медлить болѣе, въ виду подозритель-

¹⁾ Акты, т. V, стр. 251. Письмо Горленка.

²⁾ Въ Васильковѣ, Новоселахъ, Безрадицахъ, Бояряхъ, Димерѣ и т. д.

поведенія печерскихъ чернецовъ, переговаривавшихся съ врагами и поспѣшить занять укрѣпленія печерской горы, а кievляне и слышать не хотѣли о томъ, чтобы пустить козаковъ въ городъ ¹⁾).

Такъ какъ всѣ отписки и запросы гетмана къ Чаадаеву оставались безъ отвѣта, то Брюховецкій, близко принявъ къ сердцу оскорбленіе, нанесенное войску запорожскому въ лицѣ Горленка, обратился прямо къ государю, увѣдомляя его о пресшедшемъ и препроводивъ къ нему собственное письмо Лазаря. Принося жалобу на воеводу, дерзнувшаго не оказать довѣрія и противиться посланному именемъ царскимъ полковнику, гетманъ привлекалъ вниманіе государя на то, что великое безчестіе это было нанесено военачальнику особенно избранныму, извѣстному всѣмъ своими заслугами и непоколебимой преданностью царю. «Лазарь Горленко, полковникъ вѣрнаго войска вашего царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго прилуцкій», писалъ онъ, «вѣрне вашему царскому пресвѣтлому величеству служаши, прошлыя зимы, по отходѣ короля польскаго, тое стороны заднѣпровскіе города, отчину вашего царскаго пресвѣтлаго величества отъ непріятеля очищалъ и, не щадя здоровья своего, за достоинство пресвѣтлаго престола и благородныхъ наслѣдниковъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества... противъ непріятеля стоячи, многи на себѣ раны отнесъ» ²⁾).

Чаадаевъ въ свою очередь не жалѣлъ обвиненій противъ гетмана и его козаковъ, приписывая даже прекращеніе подвоза хлѣба не столько страху предъ поляками, сколько безчинствамъ гетманскихъ людей, грабившихъ по большимъ дорогамъ. «Волокита» тянулася, время уходило и прилуцкій полковникъ, вмѣсто того, чтобы съ кievлянами ударить на общаго врага, продолжалъ стоять въ бездѣйствіи, «на луку», не взирая на представляемыя имъ воеводѣ письма и копии съ царскихъ указовъ. Уже поляки, узнавъ, въ чемъ дѣло, пріостановили свое отступленіе и гетманъ выражалъ царю опасеніе, что надъ слу-

¹⁾ Пид.

²⁾ Акты, т. V, стр. 250. Письмо Брюховецкаго отъ 3 февраля.

чившимся враги «не токмо тѣшнѣтся будутъ», но стануть смѣло тѣснить Кіевъ и другіе города ¹⁾).

Скоропостижная смерть Чарнецкаго положила конецъ продолжавшемуся цѣлый мѣсяць безъвыходному положенію Горленка.

V.

Весной 1665 года, съ замѣной умершаго Чарнецкаго княземъ Яблоновскимъ, дѣла поляковъ пошли хуже. Въ апрѣлѣ сдался Корсунь, причѣмъ попало въ плѣнъ важное лице—наказной гетманъ Тетери Носачъ, бывшій при Хмельницкомъ полковникомъ прилуцкимъ, а 21-го мая самъ Яблоновскій подъ Бѣлой Церковью былъ разбитъ на голову соединенной велико и малорусской ратью, съ помощью пришедшей съ Хитровымъ калмыцкой орды. Торжествовавшій гетманъ, «наскоро» снарядивъ въ Москву своего гонца, Селецкаго, извѣстилъ государя, что отправляетъ къ нему «Лазаря полковника прилуцкаго», который объявить его царскому пресвѣтлому величеству о радостномъ событіи и «объ иныхъ дѣлахъ постране» ²⁾).

26-го мая козацкое посольство, съ Горленкомъ во главѣ, выѣхало изъ Канева и, переправившись чрезъ Днѣпръ у Переяславля, прослѣдовало чрезъ Прилуки и Нѣжинъ въ Великороссію. Въ свитѣ посла находился старшій сынъ его, Петръ, несшій уже боевую службу подъ руководствомъ отца и только что побывавшій на Запорожьѣ—въ воинской школѣ тогдашней молодежи ³⁾). Въ посольскомъ обозѣ ѣхали, подъ крѣпкой охраной, живые подарки царю—взятые въ плѣнъ подъ Бѣлой Церковью нѣмцы и поляки, между которыми былъ капитанъ солдатскаго строя и пять шляхтичей различныхъ хоругвей.

Около 20-го іюня посольство совершило свой вѣздъ въ столицу и ударило челомъ отъ имени гетмана и всего войска запорожскаго царю Алексѣю Михайловичу, царевичамъ, ближ-

¹⁾ Акты; т. V, стр. 252.

²⁾ Ibid., т. VI, стр. 281.

³⁾ Акты, т. VI, стр. 283.

нему боярину Салтыкову, вологодскому намѣстнику и другимъ приближеннымъ вельможамъ. Въ аудіенціи малороссійскій посоль принесъ его царскому пресвѣтлому величеству поздравленія «съ значной надъ лихами побѣдой, идѣже гусарскаго, рейтарскаго панцырнаго, козацкаго и нѣмецкаго люду не мало на вступномъ бои пропало», и благодарилъ государя за присылку вспомогательныхъ калмыцкихъ войскъ.

По принятому въ Москвѣ обычаю, Горленко съ товарищами посѣтили завѣдывавшаго приказомъ Малой Россіи, думнаго дьяка Ивана Поликарповича и были спрашиваемы о политическихъ событіяхъ на югѣ. Приведенные плѣнные «языки» также подверглись «распроснымъ рѣчамъ» ¹⁾.

Изложивъ общій ходъ военныхъ дѣйствій въ Полѣсьѣ и на Украйнѣ и коснувшись затѣмъ состоянія Польши и Крыма, Горленко указалъ на затруднительное положеніе гетмана, ведущаго войну на свой страхъ и рискъ, съ далеко недостаточными силами. То обстоятельство, что ему уже два года не присылали московскихъ ратныхъ людей, поколебало его авторитетъ и истолковывалось его недоброжелателями въ смыслѣ неблаговоленія московскаго правительства; отступленіе къ Бѣлгороду стряпчаго Тухачевскаго являлось какъ-бы оправданіемъ этихъ злонамѣренныхъ слуховъ и еще болѣе смущало малороссіянъ. Прося, вслѣдствіе этого, ускорить присылку подрѣзанныхъ, прилучивъ полковникъ сослался на благопріятный оборотъ, принятый дѣлами съ приходомъ 7000 калмыцкой орды. По его словамъ, козаки очень цѣнили своихъ дикихъ союзниковъ и всячески ухаживали за ними, продовольствуя ихъ «добрымъ товаромъ, овечками, хлѣбомъ, медомъ, пивомъ, виномъ, тютюномъ» ²⁾. Дѣйствительно, эти страшные на видъ кочевники, къ тому же не-

¹⁾ Акты, т. VI, стр. 283.

²⁾ Интересно сопоставить донесеніе Горленка съ свидѣтельствомъ Самовида, характеризующаго видъ калмыковъ слѣдующимъ образомъ: „а потрава онымъ всякій зѣръ, що есть на свѣтъ; ничѣмъ ся не бридятъ: и мишь, жаба, свиня, только сирѣчь рака единого не люблять и бридятся ракомъ“. (Самовидецъ, стр. 88).

примиримые враги крымцевъ, однимъ своимъ появленіемъ приводили татаръ въ какой-то суевѣрный ужасъ. Сынъ Лазаревъ, молодой Горленко, замѣтилъ, что бывши въ Запорожской Сѣчи, онъ видѣлъ побѣдопосное возвращеніе остальной части калмыцкой орды изъ-подъ Перекопа, гдѣ она, вмѣстѣ съ извѣстнымъ кошевымъ атаманомъ Сѣркомъ, разгромила шедшаго было на Украину мурзу Карачъ-бея и сожгла татарскіе улусы по черноморскому побережью ¹⁾).

Возложенная на Лазаря Горленка дипломатическая миссія требовала не только извѣстной подготовки и опытности, но и предполагала основательное знакомство съ возбуждаемыми ею разнообразными вопросами. Данныя ему письменныя инструкціи были весьма обширны: въ тринадцати пунктахъ «информаціи» были перечислены дѣла, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, о которыхъ посоль былъ уполномоченъ вести переговоры съ царемъ и его совѣтниками ²⁾). Брюховецкій поступался уже своими и всей страны правами съ цѣлью укрѣпить собственное непрочное положеніе. Горленку поручено было хлопотать о присылкѣ въ кievскую митрополію великорусскихъ духовныхъ властей изъ Москвы, «дабы», какъ говорилось въ «информаціи», «чинъ духовный кievскій къ лядскимъ митрополитамъ не метався и изъ послушанія святѣйшихъ патріарховъ московскихъ не удалился», но чтобы тѣмъ самымъ «Русь Малая, услышавъ о присланіи русскаго на митрополію строителя, утверждалась и подъ высокою его царскаго пресвѣтлаго величества рукою укрѣплялась». Вмѣстѣ съ тѣмъ Горленко просилъ обуздать малорусскихъ «поповъ», безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго, вѣздящихъ въ Москву «выправлять себѣ маетности» на счетъ козаковъ, чтобы затѣмъ ихъ же самыхъ, «которые головы свои, съ непріятелями бьются, полагають» — облагать новинностями и изгонять изъ своихъ помѣстій ³⁾). Кроме того инструкціи касались спеціальныхъ вопросовъ ратнаго

¹⁾ Акты, т. VI, стр. 283.

²⁾ Ibid., стр. 281.

³⁾ Акты, т. VI, стр. 281, § 8 и § 12.

дѣла, между прочимъ, основанія селитренныхъ майдановъ для снабженія войскъ порохомъ, вопроса продовольственного, вопросовъ о жалованьи, подкрѣпленіяхъ, а также соображеній, намѣреній и плановъ гетмана относительно начавшейся компаніи.

Не забыто было, ни Брюховецкимъ, ни Горленкомъ, одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ въ управленіи гетманскомъ,—вопросъ о городскихъ привиллегіяхъ, данныхъ королями польскими по магдебургскому праву нѣкоторымъ украинскимъ городамъ,—привиллегіяхъ, ограничивавшихъ гетманскую власть и послужившихъ исходной точкой несогласій между гетманомъ и кievскимъ воеводой, защитникомъ интересовъ горожанъ. Жалобы на неправды и насилія Чаадаева были перечислены въ двухъ особыхъ параграфахъ и Горленко не преминулъ довести до свѣдѣнія государя «о своемъ и всего полгу прилуцкаго безчестія, которое отъ думнаго дворянина пріялъ, чѣмъ непріятель радовался, а войско запорожское въ смятеніе пришло было, что купцовъ львовскихъ и иныхъ ляцкихъ въ Кіевъ пускали, а вѣрныхъ людей государевыхъ, которые кровь свою проливаютъ, пустити не хотѣли» ¹⁾).

Оскорбленіе, нанесенное прилуцкому полковнику и его полчанамъ, не осталось безъ возмездія: замѣна Чаадаева княземъ Львовымъ была ближайшимъ послѣдствіемъ миссіи Горленка, а вскорѣ бывший кievскій воевода, «по слезной челобитной», былъ окончательно отозванъ въ Москву и уволенъ вовсе отъ должности ¹⁾).

Тревожныя вѣсти изъ Малороссіи ускорили возвращеніе Лазаря и его товарищей.

VI.

Снова зашумѣло, заволновалась козачество на Украйнѣ.

На смѣну сошедшему со сцены правобережному гетману Тетерѣ выступилъ новый противникъ союза съ Москвою, искатель гетманской булавы. Это былъ хорошо знакомый прилучанамъ

¹⁾ Акты, т. VI, стр. 281.

²⁾ Акты, т. VI, стр. 287

Петръ Дорошенко, бывшій у нихъ въ 1657—59 годахъ полковникомъ, имѣвшій когда-то «великіе бои» съ Ромодановскимъ, Куракинымъ, Шереметевымъ и Трубецкимъ¹⁾).

Не смотря на наступившія на правой сторонѣ Днѣпра смутныя обстоятельства, грозившія замѣшательствомъ и въ лѣво-бережной Украйнѣ, Брюховецкій не счелъ возможнымъ долѣе откладывать свою поѣздку въ Москву, куда его не переставали звать, и рѣшилъ лично представиться царю, чтобы разрѣшить нѣкоторые неотложные вопросы, отчасти уже подготовленные предшествовавшей миссіей Горленка.

Во время своего отсутствія, Брюховецкій поставилъ въ Каневѣ, служившемъ ему наблюдательнымъ пунктомъ и операціоннымъ базисомъ на правой сторонѣ, наказнымъ гетманомъ своего любимца, переяславскаго полковника Ярмоленка, съ прилучкимъ и другими тремя полками²⁾).

Отсутствіе желѣзной руки, сдерживавшей козацкую «шатость» и своеволие, сказалось очень скоро по отъѣздѣ гетмана и старшинъ. Въ Каневѣ началось броженіе, принимавшее все большіе размѣры, въ виду угрожающаго положенія Дорошенка, готовившагося совместно съ крымской ордой къ набѣгу на лѣвую сторону Днѣпра. Бывшіе при Ярмоленкѣ лѣвобережные полковники, опасаясь за свои дома, стали разѣзжаться по своимъ полкамъ, чтобы приготовиться къ ихъ защитѣ, да и простыхъ козаковъ едва можно было удержать въ Каневѣ. Оставленные подъ начальствомъ наказнаго полковника Стычиискаго прилучане на отрѣзъ отказались повиноваться и не пошли въ Полѣсье, куда ихъ посылалъ наказной гетманъ, для охраны отъ непріятелей важнаго пункта—переправы близъ Дымера³⁾).

Между тѣмъ гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій прибылъ 13 сентября наступившаго 1666 (по старому лѣтоисчисленію) года въ Москву съ блестящей свитой изъ 500 съ

¹⁾ Ibid., т. V, стр. 251.

²⁾ Акты, т. VI, стр. 61.

³⁾ Акты, т. VI, стр. 41. Костомаровъ, Монографіи, т. XV, стр. 94.

лишнимъ лицѣ и былъ принять съ большимъ почетомъ и пышностью, какъ высокая владѣтельная особа. Тутъ-то онъ отъ имени своего, генеральной старшины и полковниковъ «ударилъ челомъ всѣми малороссійскими городами и мѣстами и мѣстечками и съ слободами и съ уѣздами и со всякими доходы»¹⁾.

Царскія милости не замедлили щедро посыпаться на участниковъ этого рѣшенія, осуществившаго завѣтныя стремленія московской политики. Гетманъ былъ возведенъ въ небывалое на Украинѣ боярское достоинство, бывшіе съ нимъ старшины, а также вліятельнѣйшіе изъ отсутствовавшихъ, пожалованы вотчинами и россійскимъ дворянствомъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ Горленко, лично извѣстный государю и московскому правительству²⁾.

По грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 17 ноября 7174 г. (1665 г.), данной «въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ»³⁾, Лазарь Горленко, полковникъ прилуцкій, «за многія службы, храбрость и непоколебимую вѣрность... написанъ во дворяне» и пожалованъ «селомъ Ольшаною⁴⁾, въ прилуцкомъ полку, въ 50 дворовъ, со всѣми угодіи»⁵⁾.

¹⁾ Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, т. I, стр. 613. По списку, представленному царю, въ прилуцкомъ полку числились слѣд. города, или крупныя мѣстечки, обведенныя рвами, валами и деревянными укрѣпленіями: Прилуки, Ичня, Красный (Колядинъ), Сребное, Варва, Иваница, Переволочная и Журавка; послѣдняя была совсѣмъ разорена. (Акты, т. VI, стр. 19).

Уполномоченными отъ прилуцкаго полка при гетманѣ были сотникъ прилуцкій Тищенко и сотникъ краснянскій Сычъ. (Ригельманъ, ч. II, стр. 88).

²⁾ Акты, т. VI, стр. 15.

³⁾ Подлинникъ хранится въ губернскомъ черниговскомъ архивѣ.

⁴⁾ Нынѣ село прилуцкаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ Прилуки; населенія свыше 300.

⁵⁾ Божією милостію, мы, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ (слѣдуетъ большой титулъ), пожаловали есмь нашего царскаго величества Войска Запорозскаго, прилуцкаго полковника, Лазаря Горленка, за его къ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, многія службы. Какъ подъ нашею государскою высокодержавною рукою учинилась въ подданствѣ предковъ нашихъ, великихъ государей, князей россійскихъ и нашего царскаго величества отчина, Малая Россія, и онъ, Лазарь, служилъ намъ, великому государю, нашему

На память о пребываніи въ гостяхъ у великаго государя малороссіане получил: богатые подарки. Царь прислалъ каждому изъ полковниковъ по драгоценному кубку, сороку сободей въ 80 р. сорокъ, куску дорогой шелкъовой матеріи и штукъ англійскаго сукна.

царскому величеству, по своему общанію вѣрно и противъ непріятелей стоялъ твердо и мужественно, не склонился ни на какія непріятельскія прелести и на подсылки и бился, не щадя головы своей, и поиски многіе надъ непріятели чинилъ, и за тѣ его многія службы, мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали его, Лазаря, вѣли написать во дворяне и сію пашу, царского величества, жалованную грамоту на дворянство дати. И билъ челомъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, оцъ, Лазарь, чтобъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, пожаловати его, велѣть ему дать въ прилуцкомъ полку село Ольшаное, въ немъ 50 дворовъ, со всѣми угодіи, да два вешняка (мельницы, работающія весной, въ половодье): и мы великій государь, наше царское величество, пожаловали въ прилуцкомъ полку село Ольшаное, 50 дворовъ крестьянскихъ, со всѣми угодіи, опричь казачьихъ дворовъ и земель, и два вешняка дать ему велѣли, и по нашей государской милости, полковнику Лазарю Горленку тѣмъ селомъ Ольшанымъ со крестьяни и со всѣми угодіи, опричь казачьихъ дворовъ и земель, и вешняками владѣть и доходы съ нихъ надлежащія имати, и ему, Лазарю, видя къ себѣ нашу государскую милость и жалованье, служити намъ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и нашимъ государскимъ дѣтямъ: благовѣрному цесаревичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и благовѣрному царевичу и великому князю Феодору Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и благовѣрному царевичу и великому князю Симсону Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и нашимъ государскимъ наследникамъ вѣрно и всякаго добра хотѣти и наше государское повелѣніе исполняти по своему общанію. Дана сія наша, царскаго величества, жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7174, ноября 17-го дня.

Божією милостію великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Россіи самодержецъ.

Примѣчаніе. Первыми русскими дворянами изъ козаковъ были сдѣланы 12 лицъ: генеральный судья Забѣла, генеральный писарь Гречанинъ, полковники: прилуцкій Горленко, кіевскій Дворецкій, черниговскій Многогрѣшный (будущій гетманъ), полтавскій Витязенко, миргородскій Апостоль, переяславскій Ярмоленко, нѣжинскій Гвицтовъ, лубенскій Гамалѣя и стародубовскій Острианинъ и войсковою писарь Шибкевичъ (тогда же лишенный дворянства и сосланный въ Сибирь).—Акты, т. VI, стр. 15.—Кажется, что потомство первыхъ московскихъ дворянъ въ Малороссіи сохранилось только въ лицахъ Горленковъ, Забѣлъ и Гамалѣевъ.

На Украинѣ извѣстіе о пожалованныхъ старшинамъ отличіяхъ, возведшихъ ихъ на степень «пановъ» и юридически вводившихъ въ Малороссіи крѣпостное право, встрѣчено было общими неудовольствіемъ. Усилію его еще болѣе способствовали надменность и произволь боярина-гетмана, вернушагося къ Рождеству съ царскими воеводами изъ Москвы, гдѣ онъ изъ личныхъ видовъ столь легко поступился интересами духовенства, мѣщанства и посольства. Жалованныя дворянскія грамоты возбуждали сильный ропотъ козаковъ «У насъ» твердили они, «съ предковъ бояръ и дворянъ не бывало: всѣ мы равны». Новые дворяне не только не смѣли чваниться своимъ привилегированнымъ положеніемъ, но дѣлали видъ, что нисколько имъ не до рожать, говоря, что имъ-де дворянства не надобно и что они по старому козаки!¹⁾ Болѣе всѣхъ были раздражены бывшіе друзья Брюховецкаго, запорожцы, и громко осуждали неслыханныя нововведенія, угрожавшія старымъ народнымъ вольностямъ.

Первая вспышка произошла вскорѣ въ переяславскомъ полку.

Въ срединѣ лѣта Горленко получилъ предписаніе какъ можно скорѣе идти въ сосѣдній Переяславль, на выручку недавно назначеннаго воеводой Вердеревскаго. Въ городѣ вспыхнуло возмущеніе, грозившее, по словамъ Брюховецкаго, «разгорѣться въ большой огонь»²⁾.

Переяславцы поднялись, изрубили ненавистнаго имъ полковника и осадили въ мѣстномъ „замкѣ“ великороссійскаго резидента. Подосланный Горленко съ сосѣдними полками и людьми стольника князя Щербатова разогналъ возставшихъ и преслѣдовалъ ихъ до Золотоноши. Окруженные со всѣхъ сторонъ переяславцы послали за помощью къ Дорошенку, чутко слѣдившему за событіями лѣвобережной Украины, и тотъ не замедлилъ увѣдомить крымскаго хана, что настало удобное время для пораженія Москвы. По первому его призыву, 30,000 отборной орды, всегда готовой къ войнѣ и грабежу, перешло къ

¹⁾ Костомаровъ, Монархія, т. XV, стр. 125.

²⁾ Акты, т. VI, стр. 129.

1 октября Днѣпръ, подъ предводительствомъ трехъ ханскихъ братьевъ, Нуреддина, Махмета и Саломета-Гиреевъ.

Прежде всего враги массою устремились подъ Переяславль, на укрѣпленный лагерь главныхъ козацкихъ силъ, думая захватить его врасплохъ, но были отбиты со значительнымъ урономъ Горленкомъ и другими вождями и отступили, потерявъ «много значныхъ людей»¹⁾. Побѣдители воспользовались замѣшательствомъ сторонниковъ Дорошенка и поспѣшили занять стратегическіе пункты у Днѣпровскихъ переправъ. Чтобы отрѣзать непріятелю отступление, Горленко двинулся изъ подъ Переяславля «шляхомъ татарскимъ» со своимъ «товариствомъ» и рейтарами князя Щербатова²⁾.

Однако, отброшенные отъ Переяславля, татары разбились на три отряда и одинъ изъ нихъ сокрушительнымъ потокомъ прорвался къ сѣверу, въ незащищенные лѣвобережные полки. Пользуясь отсутствіемъ козацкихъ силъ, Салометъ Гирей немилосердно выжегъ, разорилъ и опустошилъ окрестности Борзны, Нѣжина и Прилукъ. 9 октября «чамбулы» его вторглись въ прилуцкій уѣздъ и горожане, твердо надѣявшіеся на войско, стоявшее подъ Золотоношей, съ ужасомъ увидали внезапно показавшіяся изъ лѣсовъ пестрыя шайки татаръ, облежавшія со всѣхъ сторонъ городъ. Лазарь Горленко со своимъ полкомъ былъ далеко «на великаго государя службѣ», а новый московскій воевода, Загряжскій, имѣя при себѣ ничтожную горсть людей³⁾, не только въ случаѣ нападенія, не могъ бы дать отпора, но укрывшись съ жителями и ихъ семьями въ «замкѣ», не имѣлъ никакихъ сообщеній съ окрестностями и не зналъ, что кругомъ дѣлается⁴⁾. Къ счастью, набѣгъ былъ кратковременный и брѣвныи города взять не рѣшились, но за то безнаказанно

1) Акты т. VI, стр. 155.

2) Акты т. VI, стр. 156.

3) 1 прапорщика и 50 чел. солдатъ (Ibid.).

4) Иченцы захватили одного татарина и привезли его въ Прилуки, откуда воевода препроводилъ его въ Москву, въ качествѣ „языка“. (Ibid.).

опустошили всѣ поселенія прилуцкаго полка, сожгли хлѣбъ и дворы и, разграбивъ все, что могли, угнали за Днѣпръ громадную толпу несчастныхъ, не успѣвшихъ скрыться за прилуцкими валами ¹⁾).

Подобныя набѣги были обыденнымъ явленіемъ въ Малороссіи суроваго XVII вѣка. Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы едва вздохнувшая послѣ иноземныхъ нашествій Украина не стонала снова подъ копытами татарскихъ коней. Вихремъ налетали шайки свирѣпыхъ хищниковъ, на своихъ степныхъ скакунахъ, на беззащитныя поселенія и дикіе зловѣщія клики «алла!» похороннымъ звономъ отдавались въ ушахъ обезумѣвшихъ жителей. Мусульмане ураганомъ проносились по странѣ: сразу уничтожались долготѣніе труды, цвѣтущіе хутора обращались въ пепелъ, нивы вытаптывались, табуны и стада угонялись и столь же быстро, при первомъ появленіи козаковъ, птицами исчезали татары въ необъятныхъ степяхъ, на лету подхватывая своихъ раненныхъ и убитыхъ, гоня передъ собой тысячный «ясырь» и избивая плѣнниковъ, затрудняющихъ ихъ бѣгство. Назадѣ оставались трупы да дымящіяся, обугленные развалины. Уцѣлѣвшимъ, безъ пищи и крова, оставалось лишь умирать съ голоду, сбитаясь по лѣсамъ подобно звѣрямъ, или становиться жертвами свѣжихъ ордъ, появлявшихся на мѣсто ушедшихъ и загонами рассыпавшихся по краю. Особенно терроризована была ими правая сторона Днѣпра и горемычные ея обитатели, обнищавшіе, голодные, нагіе, «какъ овцы» ¹⁾), въ паническомъ страхѣ, бѣжали на лѣвый берегъ и разказами о мучительствахъ басурманъ распространяли ужасъ въ народѣ. Благодатнѣйшій край, славившійся изобиліемъ и богатствомъ, превращался въ безлюдную пустыню. Десятки тысячъ лучшей украинской молодежи томились въ крымскихъ цѣняхъ и наполняли восточные рынки, а малорусскихъ неволь-

¹⁾ Акты, т. VI, стр. 155, 156. Донесеніе Загрязскаго; Самовидецъ, стр. 92; Грабянка, стр. 191; Ригельмапъ, т. II, стр. 98.

²⁾ Акты, т. VI, стр. 63.

никовъ встрѣчали на побережьи Адріатики и даже въ Испаніи...
 Прошли года, десятки лѣтъ, столѣтія, мрачныя событія того
 желѣзнаго вѣка стали преданіемъ далекаго прошлаго, а болѣз-
 нивный стонъ несчастливцевъ все еще чудится въ современной
 думѣ, поминающей страданія украинскаго народа:

«Зажурилась Украина, що негдѣ ся дѣти:
 Вытоптала орда коньми уси мали дѣти,
 Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
 А середніи забрала,—у полонъ погнала...¹⁾»

Князь А. Дабижа.

(Продолженіе слѣдуетъ)

¹⁾ Максимовичъ: Украинскія народныя пѣсни, т. II, стр. 108.—Полагають, что въ теченіи XVII и XVIII ст. до 150,000 малороссіянъ было уведено въ татарскій полонъ.

КОЗЕЛЕЦКАЯ РАДА 1662 ГОДА.

Знаменитый бытописатель Малороссии Н. И. Косгомаровъ, много занимаясь собираніемъ матеріаловъ для своихъ работъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, о чемъ свидѣтельству- ютъ многочисленныя въ его произведеніяхъ цитаты изъ докумен- товъ этого архива, не коснулся однако одного отдѣла архивныхъ документовъ, гдѣ онъ могъ-бы почерпнуть очень много матеріаловъ для исторіи Малороссіи. Это документы Сибирскаго приказа. Разу- мѣется, и самое названіе: «сибирскій приказъ» не могло побудить его, занятаго Малороссіей, заглянуть въ дѣла этого приказа, а по- тому, конечно, игнорированіе этихъ документовъ нельзя поставить ему въ вину, тѣмъ болѣе, что и другой знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, писавшій *общую* исторію Россіи и тоже много за- нимавшійся въ архивѣ, совершенно упустилъ изъ виду этотъ от- дѣлъ документовъ. Такъ какъ документы сибирскаго приказа, отно- сящіеся къ исторіи Малороссіи ¹⁾, принадлежатъ конечно къ числу тѣхъ, которые потомъ были распределены между главнымъ архи- вомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и архивомъ министерства юстиціи, то, понятно, они восполняютъ тѣ пробѣлы въ исторіи Ма- лороссіи, которые сдѣлали оба историка въ своихъ трудахъ, поль- зуясь лишь извѣстными въ обоихъ архивахъ матеріалами. Къ числу такихъ пробѣловъ принадлежитъ извѣстіе о Козелецкой радѣ, со- стоявшейся 19 апрѣля 1662 г.

Вотъ что пишетъ о ней С. М. Соловьевъ.

«Весною 1662 г. въ Москвѣ узнали, что въ Козельцѣ была рада для избранія гетмана, и немедленно объ этой радѣ пришли

¹⁾ Обозрѣніе этихъ документовъ со временемъ будетъ представлено на страницахъ „Кіевской Старшны“.

различныя извѣстія: съ одной стороны писалъ Сомко и преданные ему полковники, что на радѣ былъ епископъ Меѳодій, полковники, сотники и асаулы сей стороны Днѣпра, а черни и всего посольства не было; черни и посольству Сомко быть не велѣлъ потому, чтобъ городу большихъ убытковъ не было; на радѣ выбрали въ гетманы Сомка до указа великаго государя, а какъ великаго государя указъ будетъ о полной радѣ, то на этой полной радѣ гетманъ велить быть всему посольству и черни. Когда послѣ рады присутствовавшіе разѣхались по домамъ и пріѣхали въ Нѣжинъ епископъ Меѳодій и Василій Золотаренко, то послѣдній епископу говорилъ, что Сомко принялъ гетманство самовольствомъ, а онъ, Василій, съ своимъ полкомъ ни въ какихъ расправахъ его слушать не хочетъ... И далѣе: «легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Москвѣ подобныя грамоты: Сомко и приверженцы его писали безсмыслицу (?), за которую скрывалось какое-то незаконное дѣло: что это была за рада въ Козельцѣ безъ черни и посольства? Гетманъ выбранъ, зачѣмъ-же еще нужна новая рада? Чтонибудь одно: или рада въ Козельцѣ была незаконная, или новая рада не нужна!»¹⁾).

«Ожидая вновь нашествія Хмельницкаго, пишетъ Н. И. Костомаровъ, Сомко, 23 апрѣля 1662 года, оповѣстилъ раду въ Козельцѣ, какъ-бы для совѣщанія о средствахъ обороны. Онъ надѣялся, что здѣсь, между прочимъ, состоится выборъ его въ гетманы, и тогда останется только просить царскаго утвержденія.... Когда одна часть козаковъ желала имѣть его гетманомъ, другая, настроенная Меѳодіемъ и Золотаренкомъ, кричала, что онъ недостойнъ, что онъ измѣнникъ, сносятся съ Юраскомъ, дружить полякамъ. Преданная ему партія составила избирательный актъ; приложены были руки и печати; другіе, подстрекаемые Меѳодіемъ, не признавали законнымъ этого акта. Сомко остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не болѣе. Постановили просить царя о присылкѣ рати, а тѣмъ часомъ дѣйствовать сообща противъ Хмельницкаго, *избраніе-же отложить* до того времени, когда прибудетъ царскій посланникъ. Съ тѣхъ поръ приверженцы Сомка полагали, что избраніе въ Козельцѣ совершилось: присланному отъ царя не останется ничего, какъ только утвердить

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. II, гл. 2, стр. 126—127. Изд. 2-е.

состоявшееся избраніе; но противники ихъ говорили, что никакого избранія отнюдь не было, и оно должно произойти снова при царскомъ посланникѣ, и не иначе, какъ черною радюю, то есть, гдѣ-бы участвовали громады козаковъ и посольства».

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя намъ историками о Козелецкой радѣ; въ дѣйствительности дѣло происходило нѣсколько иначе.

Съ измѣною Ю. Хмельницкаго подѣ Слободищами открылась кандидатура на званіе гетмана его пресвѣтлаго царскаго величества войска запорожскаго и кандидаты, разумѣется, не замедлили явиться; это были: Якимъ Сомко, полковникъ переяславскаго полка, выбранный послѣ измѣны Хмельницкаго наказнымъ гетманомъ, Василій Золотаренко, полковникъ нѣжинскій, и Иванъ Брюховецкій, кошевой атаманъ запорожскаго войска. Всѣ три кандидата искали поддержки у Меѳодія, епископа мстиславскаго и оршанскаго, блюстителя кievской митрополіи. Меѳодій, ставленникъ Москвы, имѣлъ большое вліяніе на малорусскія дѣла, какъ человѣкъ, которому больше, чѣмъ кому нибудь, довѣряло московское правительство, не знавшее, на кого изъ малороссіянъ можно положиться, кому можно довѣрять. Рекомендаціи Меѳодія имѣли большое значеніе въ Москвѣ; поэтому всѣ полковники, вѣрныя Россіи, со всѣми просьбами обращались къ нему, искали у него совѣта и одобренія своимъ дѣйствіямъ. Человѣкъ хитрый, честолюбивый, Меѳодій, преслѣдуя свои личныя цѣли, старался, сколько могъ, для московскаго правительства: поддерживалъ между полковниками согласіе, вставлялъ одного помогать другому, собиралъ вѣсти о непріятеляхъ, раздавалъ кому нужно подарки и деньги, разумѣется, получая за то вдвое съ правительства. Видя троихъ кандидатовъ на гетманскую булаву, Меѳодій до поры до времени не хотѣлъ никому изъ нихъ отдать преимущество: обнадеживая Сомку въ своей помощи, онъ увѣрялъ въ своей дружбѣ Золотаренка и въ то же время переписывался съ Брюховецкимъ, удерживая его отъ крайнихъ поступковъ, которые могли-бы повредить ему въ глазахъ правительства. Но нѣтъ сомнѣнія, что Брюховецкій давно уже былъ желаннымъ для него кандидатомъ, Меѳодій самъ могъ рассчитывать на него впослѣдствіи, какъ на человѣка, который всецѣло обязанъ ему своимъ выборомъ, и при содѣйствіи его достигъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился. И вотъ начинается комедія: дружа, повидимому, съ Сомкомъ, онъ натра-

вливаеъ его на Золотаренка, который служитъ де ему помѣхой, чтобы сдѣлаться гетманомъ, доказательствомъ чему была Быховская рада, на которой лишь Золотаренко воспротивился избранію Сомка въ гетманы; въ то же время онъ совѣтуеъ Золотаренку избавиться отъ опаснаго конкуррента доносами на него въ Москву; наконецъ, по его-же совѣту, Брюховецкій пишеъ доносы въ Москву и на Сомка, обвиняя его въ измѣнѣ, и на Золотаренка, обвиняя его въ бездѣтельности.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда зашла рѣчь о Козелецкой радѣ.

Въ февралѣ 1662 г. Сомко дружески бесѣдовалъ въ Кіевѣ съ епископомъ Меодіемъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи. Между прочимъ Сомко просилъ Меодія отписать государю, чтобы скорѣе былъ присланъ бояринъ для выбора гетмана. По этому поводу въ Кіевѣ 21 февраля состоялась рада, на которой присутствовали полковники: пѣжинскій Золотаренко, черниговскій Іоанникій Силинъ съ сотниками и козаками, а отъ имени Сомка, не явившагося на раду, были полковники: барышпольскій Григорій Гаркуша и воронковскій Даніиль Кириловъ. На этой радѣ было постановлено: послать къ государю просьбу о присылкѣ боярина, который-бы присутствовалъ на радѣ при избраніи гетмана и чтобы на раду былъ приглашенъ и гетманъ войска запорожскаго Иванъ Брюховецкій. Такое челобитье и было послано 27 марта съ барышпольскимъ полковникомъ Григоріемъ Гаркушею съ товарищами.

Крѣпко не понравилось Сомку то обстоятельство, что на радѣ долженъ присутствовать Брюховецкій, такъ какъ это былъ опасный конкуррентъ ему; за Брюховецкаго было многое: за нимъ было много козачества, такъ какъ онъ проповѣдывалъ всеобщее равенство козаковъ, чѣмъ въ особенности была обольщена чернь, за него былъ Меодій, о чемъ не могъ не догадываться Сомко, и наконецъ за него было правительство, настроенное въ его пользу Меодіемъ. Надо было такъ или иначе отдѣлаться отъ этого соперника, а единственнымъ исходомъ было собраніе рады прежде, чѣмъ явится Брюховецкій. Къ этому могло побуждать и то обстоятельство, что Сомко не находилъ себѣ соперниковъ среди полковниковъ, которые должны были присутствовать на радѣ; игру съ Золотаренкомъ Меодій велъ такъ тонко, что никто не могъ видѣть въ немъ кандидата на гетманство, въ

Меодіи-же Сомко былъ увѣренъ, такъ какъ въ руки его не мало попало отъ Сомка «вкладовъ по душѣ», въ чемъ впоследствии Меодій оправдывался передъ московскимъ правительствомъ. Будучи увѣренъ въ удачномъ исходѣ задуманнаго предпріятія, Сомко созываетъ въ огбитый имъ у поляковъ городокъ Козелець полковниковъ, «чтобы поговорить о нужныхъ великаго государя дѣлахъ и порадиться, какъ-бы лучше прогивъ непріятелей стоять», приглашая ихъ явиться лишь съ немногими людьми, «человѣкъ по десяти съ собой имѣючи»; такъ объ этомъ приглашеніи писалъ потомъ въ Москву епископъ Меодій, тоже приглашенный на раду «для всякой порады». Опасаясь противодѣйствія своему избранію со стороны воеводъ, Сомко ни одного изъ нихъ не пригласилъ на раду и, выѣхавъ изъ Переславля въ Козелець 5 апрѣля, не увѣдомилъ даже переславскаго воеводу, кн. В. Волконскаго о предстоящей радѣ. Но этотъ послѣдній, будучи въ неладахъ съ Сомкомъ и въ то же время вслѣдствіе постоянныхъ доносовъ на Сомка, обвинявшихъ его въ измѣнѣ, имѣвшей по порученію правительства строгій надзоръ за его поступками, послалъ въ Козелець стрѣлецкаго голову Никифора Батюшкова съ приказаніемъ шагъ за шагомъ слѣдить за всѣмъ, что произойдетъ въ Козельцѣ. Батюшковъ пріѣхалъ въ Козелець 13 апрѣля и нашелъ тамъ полковниковъ: черниговскаго, нѣжинскаго, полтавскаго, миргородскаго и прилуцкаго; дожидали лишь Меодія, чтобы открыть раду. Между тѣмъ переславскій воевода князь В. Волконскій, тотчасъ-же по выѣздѣ изъ города Сомка, поставилъ карауль къ его дому и арестовалъ многихъ козаковъ, распространяя повсюду слухъ, что «Сомко поѣхалъ изъ Переславля великому государю измѣною, а не для рады, хотя скарбъ свой и кошь, по мѣстечкамъ ѣздя, испродать, а испродавъ, отѣхать къ ляхамъ». Слухъ объ этомъ дошелъ и до Козельца и сильно возмутилъ собравшихся полковниковъ.

«Съ листовъ Тимоѳея Гуляницкаго», писали полковники кн. Волконскому, «судьи войскового, съ Переяславля до пана Якима Сомка, гетмана наказного, писанныхъ, вѣдомо намъ учинилося, что вы, пріятель нашъ, усумнѣваетесь о томъ, что той-же панъ гетманъ наказный съ нами вкупѣ въ дѣлахъ его царскаго величества и всему православію полезныхъ на съѣздѣ въ Козельцѣ, и безъ бытности гетманской не малое въ Переяславлѣ смущеніе починаетъ быти. Потомъ вамъ, пріятелю нашему, буди вѣдомо о томъ,

что мы всё на семь боку будущіе полковники, какъ прежде сего вѣрно Богу и великому государю нашему, его царскому величеству, головъ своихъ не щади, служили и за достоинство его царского величества отпоръ бусурманомъ, и измѣнникомъ, и ляхомъ, по силѣ нашей, давали, такъ и нынѣ не для чего иного союзный съѣздъ учинили есмь, токмо для того, чтобъ, поговоря съ паномъ гетманомъ наказнымъ, промыслъ о цѣлости всего боку, великому государю нашему, его царскому пресвѣтлому величеству, вѣрно радѣючи, учинили есмь и общее отъ того бочнаго непріятеля безопаство симъ краемъ умыслили есмь, чтобъ на семь-же съѣздѣ видимое радѣніе и дружелюбную въ той мѣрѣ рѣчь между собою учинивъ, не подаватись врагомъ государевымъ и нашимъ въ третью безхлѣбную осаду; зачѣмъ вы, пріятель нашъ, не усумнѣвайтесь о томъ съѣздѣ нашемъ и до ушей своихъ словъ, любовь нашу развращающихъ, не допускайте..... всякія вражды на пана гетмана наказного и на насъ всѣхъ вѣрныхъ его царскому величеству подданныхъ покиньте и дружелюбно въ Переяславлѣ съ миромъ извольте, кромѣ всякаго прекословія, жити..... А если-бы вы, пріятель нашъ, нашу братолюбную пріязнь его царскаго величества людямъ развращати допускали и съ боку прелестниковъ вѣру яли и до не належащаго себѣ дѣла утруждалися, задаючи пану гетману наказному и намъ всѣмъ оскорбленіе, тогда въ той скорби нашей будемъ бити челомъ великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству».

Въ такомъ-же родѣ послалъ нѣсколько писемъ къ Волконскому и Сомко; писалъ къ нему и Меѳодій 13 апрѣля, собираясь на раду: «лучшей-бы, государь мой, вѣдалъ и зналъ ты о наказномъ гетманѣ, кака-бъ его неправда передъ великимъ государемъ была, потому что живешь съ нимъ въ одномъ мѣстѣ, а нежели тамъ въ такомъ далекомъ разстояніи вѣдати о томъ. Я мню, что есть то неправда и есть отъ непріятелей нашихъ такія наносныя слова на наказнаго гетмана, которые непріятели хотятъ насъ до ссоры довести. Молю тя, государя моего, съ великимъ усердіемъ, Бога ради тѣхъ присланныхъ козаковъ утѣшай и про наказнаго гетмана все съ ними добро говори и къ запорожскому кошевому гетману, къ Ивану Брюховецкому, пожалуй изволь отписать отъ себя съ ними о службѣ и о вѣрности, которую вѣдаешь къ великому государю наказнаго гетмана Якима Сомка, чтобъ ихъ въ соединеніе привести и тѣмъ не

ссорити и великаго государя дѣлу порухи не учинить. И тебя, государя моего, и паки молю, пожалуй, Господа ради, съ наказнымъ гетманомъ поживи въ любви и въ совѣтѣ добромъ, какъ изначала, такъ и до конца, а ссорныхъ словъ безъ подлиннаго сыску ни отъ кого не слушай. Да молю тя, государя моего, повторе и по десяте, пожалуй, Господа ради, изволь отписать къ Ивану Брюховецкому съ уничиженіемъ, чтобъ онъ теперь подождать и ничего не починалъ до зупольной рады, чтобъ обрали себѣ досконалаго гетмана войскомъ; а великій государь боярина для рады вскорѣ пришлетъ».

Послѣ оказалось, что вся эта переписка возникла по слѣдующему поводу: Брюховецкій прислалъ въ Переяславль съ своими козаками письмо, въ которомъ обвинялъ Сомка въ измѣнѣ; письмо попало въ руки товарища Волконскаго, воеводы Ив. Чаадаева, который немедленно распорядился поставить карауль у дома Сомка, объявляя, что Сомко измѣнникъ. Что бы однако не послужило поводомъ къ такому оскорбленію Сомка, оскорбленіе это произвело сильное впечатлѣніе на собравшихся полковниковъ и невольно привело ихъ къ мысли, что этого не случилось бы, если бы у нихъ былъ гетманъ, защищавшій ихъ права и свободу отъ насилій московскихъ воеводъ. Переговоры въ этомъ родѣ уже происходили въ Козельцѣ, когда прибылъ туда Меѳодій, какъ видно изъ его письма къ Волконскому, не подозрѣвавшій умысла Сомка.

О томъ, что произошло по пріѣздѣ Меѳодія въ Козелець, имѣются три, болѣе или менѣе отличающіяся одно отъ другаго извѣстія: донесенія стрѣлцаго головы Никифора Батюшкова, письма къ государю Якимѣ Сомкѣ и письма епископа Меѳодія. Чтобы судить, на чьей сторонѣ правда, разберемъ всѣ эти сообщенія.

«И апрѣля въ 16 день», пишетъ въ статейномъ спискѣ Батюшковъ, «пріѣхалъ въ Козелець изъ Кіева Меѳодій, епископъ, и всѣ полковники: нѣжинскій Василей Золотаренокъ, да черниговскій полковникъ Аникій Силинъ, прилуцкой Лазарь Горличенко, лубенской Андрей Пирской, миргородскій Павель Царенко, зинковской Василей Шабанъ и сотники и ясаулы съ казаками, которые за ними полковниками пріѣхали изъ городовъ, человекъ по тридцати, и по двадцати, и по пятнадцати нарочитыхъ людей, а ждалъ онъ къ себѣ на раду епископа, и съ ними совѣтовали и думали, кому у нихъ быть надъ ними старшиною до государева указу и полнымъ гетма-

номъ. И того числа полковники и сотники и ясаулы приговорили, чтобы надъ ними полковниками, и сотниками, и казаками, и всѣхъ государевыхъ черкасскихъ городовъ надъ мѣщаны, старшиною и полнымъ гетманомъ бы: Якимъ Самку, и о томъ они полковники и сотники и ясаулы и всѣ козаки, бывъ у епископа, пришедъ на дворъ къ наказному гетману Якимъ Самку и учали словесно говорить, чтобы онъ, Якимъ Самко, надъ ними былъ старшиною и полнымъ гетманомъ *до государева указу*, а не наказнымъ. И Якимъ Самко тѣмъ полковникамъ и сотникамъ и казакамъ въ гетманствѣ отказывалъ и старшиною быть у нихъ не хотѣлъ. Полковники, и сотники, и казаки учали говорить наказному гетману Якимъ Самку, что окромѣ де намъ тебя Якима Самка старшиною и полнымъ гетманомъ выбрать некого. И гетманъ Якимъ Самко, по ихъ мирскому выбору и словесному приговору, съ ними полковники, и ясаулы, и козаки пошли въ соборную церковь къ епископу крестъ цѣловать великому государю въ службѣ своей и въ правдѣ. И епископъ Меодій въ соборной церкви гетмана Якима Самка и всѣхъ полковниковъ и сотниковъ, и ясауловъ и козаковъ къ крестному цѣлованію не приводилъ и говорилъ гетману Якимъ Самку и всѣмъ полковникамъ и сотникамъ, ясауламъ и козакамъ: приводить де я васъ ко кресту безъ государева указу не смѣю, потому что писано у насъ прежде сего къ великому государю къ Москвѣ, кому укажетъ великій государь быть въ своихъ государевыхъ черкасскихъ городахъ гетманомъ, и изъ соборныя церкви всѣхъ, не приводя къ вѣрѣ, выслалъ. И въ то время учалъ ему епископу говорить нѣжинскій полковникъ Вас. Золотаренокъ, при всѣхъ полковникахъ и казакахъ: ты де епископъ нашего воинскаго дѣла не знаешь, зналъ бы де ты свой монастырь и молилъ за великаго государя Бога и спасалъ душу свою; а на насъ де нынѣ и на его государевы города наступаютъ вскорѣ изъ за-Днѣпра государевы непріатели, и государевы города хотятъ разорить, а насъ погубить всѣхъ безъ остатку, а намъ, безъ старшины будучи и безъ гетмана, управиться съ тѣми государевыми непріатели не кѣмъ, для того де мы и выбираемъ себѣ старшину и полнога гетмана *до государева указу* Якима Сомка, чтобы намъ, собрався съ войскомъ, стать подлѣ Днѣпра, чтобы государевыхъ непріателей въ государевы украинные города не пропустить. И апрѣля въ 18 день полковники и сотники, ясаулы

и казаки совѣтовали и ходили къ епископу на дворъ, чтобъ ихъ благословиль выбирать себѣ *до государева указу* старшину и гетмана и къ вѣрѣ-бѣ ихъ въ государственой службѣ привелъ. И того числа епископъ Меодій ихъ полковниковъ, и сотниковъ, и казаковъ благословиль и велѣлъ имъ выбрать *до государева указу* гетмана. И они полковники и сотники, ясаулы и казаки выбрали гетманомъ его-жъ Якима Сомка.

А въ то время было у Якима Сомка въ городѣ въ Козельцѣ введено пѣшихъ людей сотъ съ шесть и больше и велѣлъ по городу, въ которую пору выбирали гетмана и договоръ былъ, поставить по воротамъ караулъ человекъ по сту и больше и выпускать никого изъ города не велѣлъ, а у его Якимова двора и на дворѣ, гдѣ у нихъ былъ договоръ, столлъ караулъ же человекъ со сто и больше и нарядъ, собравъ съ городской стѣны, поставленъ былъ у его жъ двора у воротъ.

И выборъ полковники на себя за своими руками и печатями ему Якиму Сомку дали, что во всемъ его гетмана великаго государя въ дѣлахъ и службахъ и во всякихъ справахъ слушать и ни въ чемъ не огуряться, а станемъ де мы писать и бить челомъ великому государю вообще, чтобъ великій государь насъ пожаловалъ и велѣлъ ему Якиму Сомку прислать свое жалованье—знакъ и булаву».

Далѣе Гатюшковъ рассказываетъ о приводѣ Меодиёмъ ко кресту новообраннаго гетмана, полковниковъ и казаковъ и о собрании послѣ того полковниковъ у Сомка, причемъ онъ потребовалъ, чтобы полковники дали ему согласіе, въ случаѣ непослушанія, «каратъ ихъ горломъ, не отписываясь къ великому государю». Полковники передали Сомку, каждый отъ своего полка, и именныя списки казаковъ, общее число которыхъ простиралось до 35 тысячъ.

Совсѣмъ иначе рассказываетъ объ этихъ событіяхъ епископъ Меодій. «Вѣдомо тебѣ, государю моему, чиню», пишетъ онъ кн. Волконскому, «что гетманъ Якимъ Сомко обманулъ всѣхъ насъ, меня и полковниковъ, такимъ обычаемъ: писалъ къ полковникамъ, чтобъ съѣхались въ Козелець не съ большими людьми, человекъ по десяти съ собою имѣючи, не для рады и не для избранія гетмана совершеннаго, только чтобъ поговорить о нужныхъ великаго государя дѣлахъ и poradиться, какъ бы лучше противъ непріятелей

стоять; также и ко мнѣ писалъ, чтобъ я пріѣхалъ въ Козелець къ нимъ для всякой порады. И какъ съѣхались полковники и я къ нимъ въ Козелець пріѣхалъ, и онъ не подалеку потаенное войско, сколько тысячъ имѣючи козаковъ пѣхоты, въ городъ впривадилъ и замкнулъ городъ, а замкнувши почалъ говорить полковникамъ, чтобъ совершеннаго обрали гетмана. И я ему много въ томъ противился, чтобъ до указа великаго государя и до пріѣзду посланцовъ полковника Гаркуши съ товарищи такъ бы онъ не чинилъ и гетманомъ бы совершеннымъ сильно, безъ указа его царскаго пресвѣтлаго величества, не учинился и безъ совершенной рады, также и безъ запорожскихъ козаковъ; и онъ меня не послушалъ, а полковникамъ грозилъ смертью, а найпаче полковникамъ: нѣжинскому, черниговскому и прилуцкому. И я такое насильство и неправду видячи, изъ церкви выгналъ было гетмана Якимъ Сомка, а потомъ боячись, чтобъ не погубилъ полковниковъ, а найпаче нѣжинскаго Василья Золотаренка, на котораго онъ весь ядъ свой обращалъ, мусилемъ (долженъ былъ) позволить, чтобъ невинные люди, а найпаче великіе великому государю доброхоты не пропали, также и не боронилъ таковаго разбойническаго обранія ему на гетманство, гдѣ онъ учинился сильно гетманомъ неправдою и лукавствомъ; а еще и на полковникахъ присягу вымучилъ, чтобъ его во всемъ слушали и ему бѣ грамоту, и знамя, и булаву на вѣчное гетманство у великаго государя выправили, что учинилъ противъ Бога и великаго государя и всего войсковаго давняго звичаю».

Чтоже говорить самъ новообранный гетманъ о событіяхъ въ Козельцѣ?

«Понеже», пишетъ онъ къ государю, «нынѣшняго времени слышачи непріятель объ отступленіи изъ Украйны войскъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества въ великороссійскіе края, знаячи насъ пребывающихъ опричь всякаго порядку и звичайныхъ въ войскѣ нашемъ запорожскомъ поступковъ, почался собирать и къ намъ сближати, зачѣмъ всѣ полковники наши зднѣпровскіе, забѣгаючи такому непріятельскому замыслу и не хотя до остатного упадка и спустошенья чрезъ урядъ придти, умыслили то, какъ бы, съѣхавшись и вкупѣ собравшись, всякій порядокъ на вѣрную службу вашего царскаго пресвѣтлаго величества, совокупясь, учинити и постановити, и, сложивши въ мѣстечкѣ Козельцѣ раду, съѣхались

всѣ полковники, сотники и чернь войска вашего царскаго величества запорожскаго, на который съѣздъ и я прибылъ для достовѣрнѣйшаго всѣхъ справъ совершенья, и упросили есмо сполне велебнаго господина отца Меѳодія Филимоновича, епископа мстиславскаго и прочая. И такъ за прїѣздомъ его къ намъ въ Козелець учинили полковники, сотники и вся чернь такое постановленіе, что безъ совершеннаго старшаго никакой порядокъ доброй не можетъ быть, про то надѣясь на неизреченную милость вашего царскаго пресвѣтлаго величества, что имъ того поступка въ гнѣвѣ почитати не изволишь, учинивъ раду на обраніе гетмана совершеннаго, единомысленно всѣ меня просили на тотъ урядъ. И я, имѣючи многія свои причины: одно, ижъ есмо о томъ о всемъ до вашего царскаго пресвѣтлаго величества посланцовъ своихъ послали, другое, что недужство силъ моихъ подъ таковое время не можетъ понести того бремени, третее, что большая, чтобъ тѣмъ милостиво жалованья вашего царскаго пресвѣтлаго величества (не лишиться), чрезъ дни многіе всѣми силами отговаривался, а понеже великая наступила просьба и единодушное изволеніе полковниковъ, сотниковъ и всей черни и всего посполства, не могъ я того наложеннаго уряду отговорити и чтобъ то постоянное было и непоколебимое обраніе гетманства, присягою, такъ я на вѣрное подданство вашего царскаго пресвѣтлаго величества, какъ и всѣ полковники на тожъ и мнѣ на послушенство, при бытности г. отца Меѳодія Филимоновича, епископа мстиславскаго и многихъ духовныхъ и отеческихъ, въ церкви соборной всемилостиваго Спаса въ Козельцѣ, утвердили есмо, о чемъ о всемъ тѣжъ полковники, собрався тогчасъ до войска, будутъ вашему пресвѣтлому царскому величеству челомъ бить. А нынѣ отецъ епископъ, яко самовидецъ всего того дѣла, пространно вашему царскому пресвѣтлому величеству объявить чрезъ отца протопопа кїевского Василья Барскаго и списки присяги моей и полковницкой посылаетъ».

Сопоставляя эти три разсказа объ избраніи гетмана, большую достовѣрность слѣдуетъ придать сообщенію Натюшкова, какъ потому, что онъ былъ постороннимъ свидѣтелемъ, не заинтересованнымъ лицомъ при избраніи, такъ и потому, что, зная нерасположеніе Волконскаго къ Сомку, въ своемъ статейномъ спискѣ сообщилъ бы скорѣе такіе факты, которые говорили бы противъ Сомка; онъ и упоминаетъ о ввѣдѣ Сомкомъ 600 своихъ козаковъ въ городъ, ко-

торые охраняли городскія ворота и дворъ, гдѣ происходила рада. По разсказу Батюшкова можно представить такую картину: полковники, собравшіеся въ Козельцѣ еще до прїѣзда Меѳодія, пришли къ заключенію, что въ виду наступленія такого времени, когда удобно начать военныя дѣйствія, и ожидая нападенія со стороны непріятелей, необходимо имѣть надъ собою одного начальника, который согласоваль бы ихъ дѣйствія въ борьбѣ съ врагами; а между тѣмъ ожидать прибытія отъ царя боярина, который присутствовалъ бы на радѣ при избраніи гетмана, казалось невозможнымъ, такъ какъ о такой присылкѣ не было ни слуху, ни духу; такой царскій посланецъ могъ явиться въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, когда было бы не до выборовъ, какъ это и было раньше. Когда прїѣхалъ Меѳодій и полковники сообщили ему свое намѣреніе, онъ, какъ настоящій слуга московскаго правительства, заботящійся о водвореніи порядка и согласія между полковниками, не могъ отказать имъ въ своемъ благословеніи избрать начальника, ограничивая однако свое согласіе двумя условіями, именно: чтобы выборъ былъ *словесный*, а не письменный, и чтобы избранный начальствовалъ лишь *до государева указу*. Этими двумя условіями онъ отнималъ всякую дѣйствительность выборовъ: избранный гетманъ гетманствовалъ бы лишь до прїѣзда государева боярина, а отсутствіе письменнаго выбора предоставляло полную свободу выборщикамъ подавать свои голоса на будущей радѣ за кого они похотѣли бы. Дѣйствуя такимъ образомъ, Меѳодій достигалъ двухъ цѣлей: оставался вѣрнымъ слугою Москвы и оставлялъ открытымъ путь къ гетманству своему кандидату Брюховецкому. Но Сомко, разумѣется, не желалъ удовлетвориться предоставляемымъ ему положеніемъ: ужъ выбирать такъ выбирать совершеннаго гетмана съ соблюденіемъ всѣхъ условій, какія существовали относительно выбора гетмановъ, съ составленіемъ выборной записи и съ принятіемъ присяги на послушаніе ему. И вотъ, принявши выборъ, онъ прежде всего потребовалъ принятія присяги полковниками въ вѣрности. Требованіе законное, поддержанное и соперникомъ Сомка—Василіемъ Золотаренкомъ, заставлявшимъ Меѳодія привести ихъ къ присягѣ. Но Меѳодій вовсе этого не хотѣлъ: обязавши полковниковъ присягою на вѣрность *совершенному гетману*, онъ отнималъ возможность у Брюховецкаго искать этого уряда: поэтому онъ на отрѣзъ отказалъ въ приведеніи

ко кресту. Это было 16 апрѣля. На другой день Меѳодій, разумѣясь, постарался убѣдить полковниковъ, что они затѣяли нехорошее дѣло, выбирая гетмана безъ царскаго указа; намекнулъ Золотаренку на то, что теперь путь къ гетманству ему будетъ отрѣзанъ, и полковники готовы были взять назадъ свой выборъ. Тогда-то Сомко прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: ввелъ своихъ козаковъ въ городъ, поставилъ у воротъ караулы и, быть можетъ, угрожалъ Меѳодію и Золотаренку насиліемъ. Будучи вынужденъ такимъ поступкомъ Сомка къ тому, чтобы утвердить выборъ его въ гетманы приведеніемъ его и полковниковъ къ присягѣ, Меѳодій сразу-же по выѣздѣ изъ Козельца указалъ на эту вынужденность, а отсюда и недѣйствительность присяги; а чтобы объяснить свою перемѣну къ Сомку, доселѣ бывшему его другомъ, сталъ обвинять его въ измѣнѣ на основаніи писемъ Брюховецкаго, которымъ самъ двѣ недѣли тому назадъ просилъ Волконскаго не вѣрять. Обвиненіе въ измѣнѣ было необходимо, потому что съ формальной стороны выборъ былъ обставленъ правильно и никто изъ присутствовавшихъ на радѣ не протестовалъ, кромѣ Золотаренка; напротивъ, всѣ полковники прямо изъ Козельца отправились подъ Быховъ, гдѣ и собрали свои полки подъ начальствомъ Сомка. Можно вообще сомнѣваться, чтобы со стороны Сомка были употреблены насильственные мѣры при выборахъ: не сталъ-бы онъ поручать Меѳодію писать отчетъ о выборѣ его въ гетманы къ государю, если бы тотъ явно показывалъ свое неудовольствіе на выборъ; безъ сомнѣнія Сомко имѣлъ-бы полное основаніе сомнѣваться въ вѣрности сообщенія Меѳодія о выборахъ, если-бы тотъ сильно противился этому. Да и съ извѣстіемъ о выборѣ былъ посланъ въ Москву отъ Сомка кievскій протопопъ Барскій, подчиненный Меѳодію, который, конечно, не пощадилъ-бы Сомка при распросахъ въ Москвѣ, и Сомко не послалъ-бы его, если-бы не былъ увѣренъ въ правильности своего выбора. Законность этого выбора признавала и вся Малороссія, кромѣ Меѳодія и Золотаренка; послѣдній самъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 27 мая просить поскорѣе прислать бояръ для избранія гетмана, «что-бы за скорымъ поспѣхомъ боярскимъ въ Козельцѣ попованныя рѣчи вскорѣ направить и чтобы тѣхъ рѣчей въ разширеніе, не малую болѣзнь нужному малороссійскому народу наносячее, не допускати»; и далѣе: «если затѣмъ тѣ

бояре и окольнічіе не поси́лшати и въ скоромъ времени не пріѣдутъ, тогда козельская злоба не токмо умѣряться и уменьшаться не будетъ, но развѣ большую смуту прибавитъ и горшее разширеніе»..... Но голосъ Золотаренко былъ единичнымъ, никто къ нему не присоединялся, всѣ признавали Сомка гетманомъ; обвиненія-же въ измѣнѣ опровергались удачными военными дѣйствіями Сомка, при которомъ находились восемь полковниковъ: переяславскій, ирклевскій, лубенскій, прилуцкій, кременчугскій, миргородскій и гадячскій съ 20 тысячами козаковъ; черниговскій полковникъ былъ посланъ подъ Гомель.

Какъ-же отнеслось къ выбору въ гетманы Якимъ Сомка московское правительство?

Въ документахъ, которыми мы пользуемся, нѣтъ указанія на то, какому изъ трехъ сообщеній оно повѣрило. Оно было поставлено въ затруднительное положеніе: не признать Сомка совершеннымъ гетманомъ было опасно, потому что за нимъ стояла значительная сила; признать, значитъ возбудитъ неудовольствіе Золотаренка и еще болѣе опаснаго челоуѣка, Ивана Брюховецкаго, которому было обѣщано участіе въ выборѣ гетмана и который самъ, какъ объ этомъ было извѣстіе, добивался этого уряда; при томъ постоянныя увѣренія Брюховецкаго, Золотаренка и Меѳодія, что Сомко измѣнникъ, заставляли относиться къ нему съ большою осторожностью. Москва вышла изъ затрудненія съ свойственной ей изворотливостью: «писаль ты гетманъ съ кievскимъ протопопомъ Васи́лемъ Барскимъ, на нынѣшней де козельской радѣ, по прошенію всѣхъ полковниковъ, которые съ тобою для нашихъ великаго государя дѣль въ томъ вышеписанномъ городѣ Козельцѣ съѣздъ имѣли для наступленія непріятельскаго на наши великаго государя украинные города, учинился ты Іоакимъ Сомко совершеннымъ гетманомъ; а нынѣшняго-жь 170 г. (1662) присланы къ намъ великому государю какъ отъ богомольца нашего Меѳодія, епископа мстиславскаго и оршанскаго и блюстителя митрополиі кievской, нѣжинскій протопопъ Семіонъ, такъ и отъ васъ гетмана и полковниковъ посланцы барышпольскій полковникъ Григорій Горкуша съ товарищи съ желательнымъ и нижайшимъ челобитьемъ, чтобъ мы, великій государь, васъ пожаловали, для обороны отъ непріятельскихъ

приходовъ, указали съ бояриномъ нашимъ или съ инымъ съ кѣмъ прислати къ вамъ на помочь ратныхъ людей; да къ вамъ же бы прислати для обранія гетмана, кого мы, великій государь, укажемъ; да намъ же великому государю велѣти-бъ послати нашь государевъ указъ на Кошъ къ гетману къ Ивану Брюховецкому и къ козакамъ, чтобъ онъ для гетманскаго обиранья на раду ѣхаль, или отъ всего войска прислалъ къ вамъ посланцовъ съ полною мочью, а безъ запорожскихъ низовыхъ кошевыхъ козаковъ гетманское обиранье быти не можетъ.... А нынѣ ты, гетманъ, не дожидаясь, противъ челобитья *своего*, отъ насъ великаго государя милостиваго указу и высланнаго боярина нашего и воеводы на полную раду для гетманскаго обиранья приѣзду, также и изъ Запороговъ полковника нашего Ивана Брюховецкаго, или отъ него посланцовъ присылки, и, мимо вашего стародавняго войска запорожскаго обычая, смѣль дерзнуть учинился гетманомъ въ маломъ городкѣ и не на полной радѣ безъ совѣту всего войска запорожскаго, при немногихъ полковникахъ, самоизволомъ, забывъ нашу великаго государя милость и жалованье.... И какъ къ тебѣ гетману сія наша великаго государя грамота прійдетъ, а бояринъ..... съ вами сблизится, и тебѣ-бъ *наказному* гетману..... учинить полную раду, гдѣ пристойно».....

Далѣе въ грамотѣ сказано, что если его, Сомка, на полной радѣ выберутъ, то государь пришлетъ ему знамя и булаву, а за теперешнюю вѣрную службу его «милостиво похваляютъ». Вышло такимъ образомъ, что Сомко побилъ себя своимъ собственнымъ оружіемъ; онъ же просилъ о присылкѣ боярина для гетманскаго обиранья, онъ же указалъ на необходимость присутствія на радѣ депутатовъ отъ коша запорожскаго, и самъ же нарушилъ эти условія. Мало того, онъ, блюститель правъ и привилегій малороссійскихъ козаковъ, нарушилъ исконный козацкій обычай—собирать раду для выбора гетмана *въ поле*, а не въ городѣ. Таковаго же содержания грамоты, съ указаніемъ на *незаконность рады*, а не на *правильность* выбора Сомка въ гетманы, были посланы и всѣмъ полковникамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они приглашались явиться на пол-

ную раду для выбора гетмана съ соблюденіемъ всѣхъ установившихся обычаевъ.

Гетманство Сомка продолжалось всего одинъ мѣсяць, а затѣмъ, по справедливому замѣчанію Н. И. Костомарова, «онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не болѣе». Три раза ускользала у него изъ рукъ гетманская булава, въ четвертый разъ онъ сложилъ за нее голову на плахѣ.

А. Востоковъ.

Москва.

15 декабря 1886 г.

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

Авторъ предлагаемыхъ записокъ, Иванъ Матвѣевичъ Сбитневъ, родился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, воспитывался въ тамошней же гимназіи, изъ которой, по окончаніи полного курса, въ 1816 году поступилъ въ харьковскій университетъ по физико-математическому факультету. Окончивъ здѣсь курсъ со степенью кандидата, Сбитневъ былъ назначенъ учителемъ гимназіи въ Екатеринодарѣ, а оттуда въ 1820 году переведенъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію учителемъ математики. Въ 1832 г. опъ, въ числѣ другихъ учителей, былъ употребленъ учебнымъ начальствомъ для дѣла устройства учебныхъ заведеній въ юго-западномъ краѣ на новыхъ началахъ.

Какъ извѣстно, здѣсь, со времени присоединенія края къ Россіи, царила система польскаго образованія, поддерживаемая всѣми силами польскаго общества и такихъ выдающихся его дѣятелей, какъ Адамъ Чарторыйскій и Фаддей Чацкій, и широко сѣяла польскій духъ, симпатіи и традиціи въ средѣ кореннаго русскаго населенія. Съ обнаруженіемъ польскаго возстанія, подготовленнаго главнымъ образомъ путемъ школы, императоръ Николай повелѣлъ закрыть всѣ польскія учебныя заведенія въ цѣломъ краѣ, чтобы образовать въ замѣнъ ихъ русскія. Въ эти новыя заведенія требовались новые дѣятели, которыхъ рѣшили выбрать изъ среды русскихъ учителей; кромѣ того надо было привести въ точную извѣстность средства существованія прежнихъ училищъ, исключительно частныя, т. е. дарственные записи польскихъ пановъ, такъ называемые фондуши. Для этой то цѣли и былъ избранъ, въ числѣ другихъ, авторъ настоящихъ записокъ, И. М. Сбитневъ,

прежде исполненія сего послѣдняго порученія назначенный инспекторомъ новообразованной русской гимназiи въ г. Каменцѣ-Подольскомъ.

Записки Сбитнева обнимаютъ время 1832—1835 г. и касаются самой темной поры въ мѣстной исторiи народнаго образованiя. Этимъ опредѣляется немаловажное историческое ихъ значенiе. Сущность даннаго Сбитневу порученiя заключалась въ открытiи школьныхъ фундушей и актуальномъ ихъ установленiи для такъ называемыхъ приходскихъ училищъ въ Подолiи и на Волинн; въ свѣдѣнiяхъ объ этомъ и главный интересъ его записокъ. Но этимъ не исчерпывается содержанiе ихъ: авторъ съ большою подробностiю говоритъ о выборѣ дѣателей народнаго образованiя для юго-западнаго края и о своемъ переходѣ туда на службу, а при этомъ нерѣдко, хотя мимоходомъ, даетъ весьма интересныя свѣдѣнiя, рисующiя современное положенiе школьнаго дѣла, его предшествующую судьбу и главныхъ его дѣателей. Автору не достаетъ широты кругозора; ему неизвѣстны ни правительственные планы во всей ихъ широтѣ, ни ихъ политическая основа, ни частности дѣла, къ которому онъ вмѣстѣ съ другими призывался, онъ смутно представляетъ это дѣло и съ боязнiю смотритъ на предстоящую ему службу въ край, который всѣ считали еще польскимъ; но что доступно было его вѣдѣнiю и наблюденiю, то онъ отмѣчаетъ тщательно и исполнѣ добросовѣстно.

Ведя свои записки въ формѣ путевыхъ замѣтокъ и наблюденiй, авторъ разнообразитъ и пополняетъ свой рассказъ описанiемъ, иногда же и краткою исторiею посѣщенныхъ имъ мѣстъ—отъ Новгородъ-Сѣверска до Харькова и отъ Харькова до Каменца-Подольскаго и отдаленныхъ сѣверныхъ пунктовъ Волини. Это придаетъ запискамъ живость, которую они утратили бы, еслибы представлены были въ формѣ официальнаго отчета.

Помимо историческаго интереса записки Сбитнева не лишены и нѣкоторыхъ литературныхъ достоинствъ; авторъ ихъ въ свое время пописывалъ въ столичныхъ журналахъ и въ запискахъ его замѣтно видѣляются литературные приемы того времени.

И. М. Сбитневъ былъ вообще образованнымъ и развитымъ чело-вѣкомъ своего времени. Многочисленные ученики его сохранили самую свѣтлую о немъ память за его гуманное съ ними обращенiе; онъ былъ врагъ педантизма того времени, защищалъ своихъ учениковъ въ совѣтѣ гимназiи, старался развить въ нихъ вкусъ къ литературному чтенiю и пониманiе высшихъ интересовъ жизни. Прослуживъ болѣе опредѣленнаго срока, онъ вышелъ въ отставку, поселился снова въ Новгородъ-Сѣверскъ и умеръ здѣсь въ августѣ 1856 года.

Записки начинаются призывомъ ихъ автора въ командировку и оканчиваются съ исполненiемъ даннаго ему порученiя.

3-е іюля 1832 года. Новгородъ - Сѣверскъ.

Наконецъ наступило время отдыха, которое введено въ учебныя заведенія министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1803 году. Кто изъ насъ не вспомнить о тѣхъ сладкихъ минутахъ, которыя мы имѣли въ юности нашей при наступленіи лѣтняго отдохновенія! Бывало, съ какою быстротою мы собирались въ путь, съ какимъ трепетаніемъ сердца приближались къ нашимъ домамъ, съ какою радостію бросались въ объятія родителей, принимали ласки домочадцевъ!...

Дѣти, послѣ годичной разлуки, вносили въ дома своихъ родителей или отраду, или огорченіе. Праздникъ въ семействѣ, если дитя явилось къ нимъ на вакацію съ похвалою, наградою отъ училищнаго начальства и переводомъ въ высшій классъ; скука, огорченіе родителямъ, если свидѣтельства обнаружатъ шалость, лѣнь и нерадѣніе ихъ дѣтей.

Въ народныхъ училищахъ, основанныхъ еще въ царствованіе Екатерины Великой, до означеннаго выше времени были два экзамена для учениковъ: одинъ предъ праздникомъ Рождества Христова и двѣ недѣли для отдохновенія, а другой, окончательный, въ іюлѣ мѣсяцѣ, и—одна только недѣля для вакаціи. Но въ замѣнъ того было гораздо болѣе праздничныхъ дней въ году, въ которые не было ученія. Число этихъ праздничныхъ дней значительно превышало число дней нынѣшней лѣтней вакаціи.

Введеніе мѣсячной вакаціи въ учебныя заведенія несравненно полезнѣе для учащихся и учащихъ, чѣмъ прежнія, прерывчатая отдохновенія во время множества церковныхъ праздниковъ. Дѣти, проводя въ кругу своихъ родныхъ самое лучшее время въ году, имѣютъ благодѣтельный случай, при постоянной свободѣ, отдохнуть, укрѣпить свои силы; за то послѣ вакаціи они уже предаются занятіямъ наукою охотнѣе. Но лишь только начнутся перемежки, праздники, святки, дѣти станутъ развлекаться, слабѣть въ трудахъ. Подлинно, каждый изъ преподавателей не могъ не замѣтить, что дѣти, начиная отъ послѣднихъ чиселъ декабря до истеченія святокъ Свѣтлаго праздника,

учатся не такъ ужъ успѣшно, и только приближеніе грознаго годичнаго отчета, рѣшающаго ихъ судьбу, снова пробуждаетъ въ нихъ заснувшее усердіе, рвеніе къ успѣшному прохожденію науки. Тогда въ одинъ день они дѣлають несравненно болѣе успѣховъ, чѣмъ прежде сего въ недѣлю. Но ослабленіе въ трудахъ, въ усердіи къ наукѣ, проявляющееся между воспитанниками, не происходитъ ли также отъ ослабленія въ трудѣ и недостатка въ усердіи самыхъ воспитателей?—Воспитатели обыкновенно любятъ обвинять дѣтей, будучи иногда сами виновны. Рѣдко, очень рѣдко, въ теченіи моей долговременной службѣ по учебному вѣдомству, случалось мнѣ замѣтить, чтобы дѣти за нашъ теплый трудъ въ преподаваніи науки, за наше къ нимъ усердіе, заплатили намъ лѣнностію, нерадѣніемъ и не успѣхами. Итакъ мы, воспитатели, отвѣчаемъ предъ Богомъ, закономъ и родителями за половину юнаго поколѣнія, которое поступило къ намъ или съ малымъ приготовленіемъ въ наукѣ, или со слабыми способностями. Обязанность добросовѣстнаго наставника состоитъ въ занятіяхъ не съ дѣтьми, хорошо приготовленными, одаренными воспріимчивостію, но съ дѣтьми, которыя имѣють слабыя способности, наклонны къ разсѣянію, испорчены. За первыми должно только наблюдать, развивать; послѣднихъ нужно руководить, лелѣять, помогать, поощрять и только въ случаѣ нужды карать, до тѣхъ поръ, пока не привьется къ нимъ любовь, теплота къ наукѣ, къ труду, пока не вырвется у нихъ съ корнемъ порча нравовъ, дурныя привычки, пока не разовьются у нихъ умственныя силы. Вотъ гдѣ трудная обязанность наставника, которая не даромъ названа святою! За то какъ сладокъ бываетъ для него лѣтній покой, если онъ, въ продолженіи академическаго года, прошелъ свой предметъ добросовѣстно и успѣшно для большаго числа своихъ воспитанниковъ!

Наставникъ только въ лѣтнія вакаціи можетъ свободно обработать свои лекціи для будущаго академическаго года, на досугѣ устранять свое благосостояніе, свидѣться съ близкими родными, приучить себя къ условіямъ, принятымъ въ общежитіи

и отвыкнуть отъ особенныхъ привычекъ, которыя прививаются незамѣтно отъ продолжительнаго обращенія съ дѣтьми и которыя, по забвенію, проявляются иногда тамъ, гдѣ бы этого не слѣдовало. Не правда ли, что долговременное служеніе чиновника по учебному вѣдомству налагаетъ на его личность особенную печать, дѣлаетъ его эксцентрическимъ, не ловкимъ въ пріемахъ, принятыхъ въ свѣтѣ. Но за то бесѣда его будетъ пламенной, восторженной въ обществѣ томъ, гдѣ любятъ поговорить о наукѣ, которою онъ преимущественно занимался!

Сегодня вечеромъ я простился съ моимъ почтеннымъ начальникомъ, директоромъ Н. Ѳ. Тимковскимъ. Вотъ и онъ окончилъ уже свою годовую отчетность и располагаетъ завтра отправиться въ деревню на лѣтній отдыхъ.

Опять повторяю: великое дѣло для чиновника имѣть отдыхъ на цѣлый мѣсяцъ, безъ контроля, безъ подчиненности, быть властителемъ своего времени, своихъ занятій, безъ зова училищнаго колокольчика, отъ котораго бываетъ иногда очень грустно. Мнѣ кажется, ни на кого звукъ его не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на чиновника учебнаго вѣдомства! Не правда ли, онъ напоминаетъ преподавателю мгновенно, вереницею, всѣ его обязанности въ отношеніи къ начальству, къ учащимся, отвѣтъ предъ Богомъ, государемъ и обществомъ? Особенно онъ невыносимъ при началѣ академическаго года!

Такимъ или подобнымъ размышленіямъ предавался я по окончаніи еще одного года моей службы, намѣреваясь и самъ предаться отдыху, когда 3 іюля 1832 г., въ три часа по полудни, прибѣжавшій ко мнѣ въ поныхахъ училищный служитель объявилъ мнѣ, что г. директоръ проситъ меня пожаловать къ нему тотчасъ и что получена какая-то важная бумага съ почты. Я немедленно отправился къ директору, гдѣ уже засталъ двухъ моихъ товарищей: Македонскаго, учителя русской словесности, и Красковскаго, учителя историческихъ наукъ.

— А, и вы здѣсь? обратился я къ нимъ въ смущеніи.— Не знаете ли, для чего насъ позвали? Какая получена бумага?

Мои товарищи пожали плечами и отвѣчали мнѣ, что ничего не знаютъ, а между тѣмъ и сами не скрывали отъ меня своего недоумѣнія и безпокойства, которыя родились у нихъ отъ такого неожиданнаго призыва.

Въ ожиданіи появленія директора, мы почти съ часъ просидѣли въ залѣ, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Директоръ Илья Федоровичъ Тимковскій имѣлъ иногда привычку потомить своихъ подчиненныхъ ожиданіемъ выхода, особенно въ случаяхъ важныхъ. Это обстоятельство еще болѣе смущало насъ и дѣлало безмолвными.

Наконецъ директоръ вышелъ къ намъ съ бумагою въ рукахъ и объявилъ намъ слѣдующее: «Вы, господа, должны всѣ трое отправиться въ Харьковъ, немедленно, по дѣламъ службы. Вотъ бумага, которую я сегодня получилъ отъ ректора университета Еллинскаго; извольте ее прочесть». Нужно ли описывать, съ какимъ нетерпѣніемъ мы желали поскорѣе узнать смыслъ этой бумаги? Содержаніе бумаги было короткое, но таинственное. Ректоръ писалъ директору слѣдующее: «Покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе немедленно распорядиться объ отправкѣ учителей ввѣренной вамъ гимназіи: Сбитнева, Македонскаго и Красковскаго въ Харьковъ, по дѣламъ службы, которые обязаны явиться ко мнѣ непременно къ 9-му іюлю».

Директоръ и мы изумлялись отъ такого необыкновеннаго и поспѣшнаго требованія, тѣмъ болѣе, что о прогонахъ не было ничего упомянуто.

Какъ ни старались мы увѣрить себя, что намъ нечего страшиться, что мы не чувствуемъ за собой никакой вины, но не хочу скрывать, что мы все таки были встревожены такимъ строгимъ требованіемъ, непримѣрнымъ для чиновниковъ учебнаго вѣдомства, по крайней мѣрѣ до этихъ поръ. Бывало, хочеть чиновникъ служить и служить лѣтъ 40 на одномъ мѣстѣ, даже до смерти; желаетъ выйти въ отставку, его увольняютъ; вздумаетъ перемѣстяться въ другое мѣсто, его перемѣщаютъ бозпрекословно, если есть вакансія.

Бывало, учителя по полугоду болѣютъ, достигаютъ глубокой дряхлой старости, придерживаются плохой, обветшавшей методы въ преподаваніи своихъ лекцій,—все имъ прощалось. Начальство снисходительно смотрѣло даже на значительнѣйшіе недостатки и неспособности чиновника. «Совѣстно обидѣть бѣднаго несчастнаго чиновника, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, получающаго такой ограниченной окладъ жалованья!» говорили обыкновенно члены училищнаго комитета, если доходили къ намъ частныя, даже оффиціальныя свѣдѣнія о какомъ либо непригодномъ къ службѣ учителѣ. И не потому ли въ то время родители высшаго круга не питали совершеннаго довѣрія къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ и поручали воспитаніе своихъ дѣтей иноземнымъ пришельцамъ?..

Но я уклонился отъ предмета. Насъ занимало, насъ даже смущало таинственное требованіе, которое надо было выполнить въ самократчайшее время и въ совершенной точности. Словомъ, мы должны были спѣшить отправиться въ неблизкій путь.

Поѣздка въ Харьковъ.

Въ одинъ день я собрался въ дорогу; ко мнѣ присталъ Красковскій. Прогоновъ намъ не выдали, потому что отъ Новгородъ-Сѣверска до Харькова считается всего только 400 верстъ. Поэтому мы рѣшились отправиться въ путь на долгихъ и ужъ конечно на свой счетъ.

Лишь только вербы глуховской дороги скрыли отъ насъ Новгородъ-Сѣверскъ, вдругъ съ сѣвера начала подниматься черная туча, гонимая сильнымъ вѣтромъ; она заволокла весь горизонтъ и скрыла отъ насъ солнце; густая пыль, поднявшись столбомъ до облаковъ, ослѣпляла насъ, свергнула молнія, грянулъ громъ, и тяжелая туча разразилась проливнымъ дождемъ, измочившимъ насъ до нитки. Неужели разлука моя съ семействомъ, подумалъ я, подвергнетъ жизнь мою внѣшнему бурному вліянію, изломить, запятнать ея теченіе, до тѣхъ поръ покойное и счастливое? Крупный дождь мочилъ насъ до самой Богдановки, гдѣ мы рѣшились имѣть нашъ первый ночлегъ и высушиться. Къ

счастью нашему, на другой день настала ясная погода и не измѣняла намъ до самаго прибытія нашего въ Харьковъ.

Мы проѣхали Шостенскій пороховой заводъ. Прямая, ровная улицы, однообразные дома, построенные на кирпичныхъ основаніяхъ, красивыя ворота при въѣздѣ и выѣздѣ, съ позолоченными орлами, симметрическая посадка деревьевъ по улицамъ, ясно показывали, что надъ этимъ многолюднымъ поселеніемъ господствуетъ заботливая военная власть. Красивый Гамалѣевскій женскій монастырь навѣялъ на насъ набожныя чувства. Мы зашли въ церковь и помолились усердно, тепло; да выпутаетъ насъ Творецъ милосердый благополучно изъ нашихъ таинственныхъ обстоятельствъ! Прелесть глуховскихъ равнинъ, съ одной стороны безпредѣльныхъ, а съ другой окаймленныхъ лѣсистыми горами, разогрѣла нашу душу къ принятію живыхъ впечатлѣній, къ ослабленію нашей грусти, которая по временамъ неволью западала въ мою душу, какъ отъ грознаго призыва въ Харьковъ, такъ и отъ разлуки съ родиною и семьей.

За Глуховомъ, въ 6-ти верстахъ отъ деревни, прекрасный ландшафтъ представился намъ по обѣимъ сторонамъ дороги и такъ плѣнилъ насъ, что мы остановились здѣсь кормить лошадей, хотя еще было рано.

Вотъ небольшая рѣка Клевань! Она составляетъ рѣзкую границу между гетманщиною (Малороссією) и Великою Россією. За нею иные жители, иная рѣчь, иная дѣятельность, иные обычаи; даже замѣтна разность въ природѣ физической: вмѣсто песчаныхъ иолей, пересѣгаемыхъ частыми лѣсами, единообразная степь, состоящая изъ чернозема, съ роскошною растительностію, простирается до небосклона отдаленнаго.

Отъ чего единообразіе степи скоро наскучаетъ человѣку? Тамъ за легкій трудъ—богатая награда. Отъ чего гористыя мѣста, разрѣзываемыя бурными ручьями, поросшія густыми лѣсами, чаруютъ его душу? Тутъ и трудъ, и опасность, и малая награда, и препятствія. Отъ чего мирное, единообразное теченіе жизни нашей черствитъ умственные наши способности и отъ чего сила ихъ проявляется только въ жизни дѣятельной и въ

борьбѣ съ препятствіями?—Подобные вопросы мы задавали одинъ одному въ Путивлѣ, въ городѣ замѣчательномъ въ эпоху борьбы Россіи съ властолюбіемъ Польши, и каждый изъ насъ рѣшалъ эти вопросы по своему убѣжденію.

Кто любитъ натуральные ландшафты, пусть въ Путивлѣ пойдетъ на городскую площадь, станетъ на самомъ краю утеса и посмотритъ на луговую сторону р. Сейма: тотъ, я увѣренъ, не равнодушно проведетъ часъ времени!

Вотъ торговой городъ Сумы. Онъ построенъ на самой срединѣ необъятной и предестной равнины, омываемой р. Пселомъ.

Вотъ нагорное и лѣсистое урочище, называемое Образъ, потому, что въ красивой каплицѣ, которая сооружена возлѣ лѣса, хранится чудотворная икона Матери Божіей. Это урочище своими мрачными дубравами, дикими и глубокими ярами, пробудило въ товарищѣ моемъ воспоминаніе о наѣздничествѣ и удалствѣ гайдамакъ, которые когда-то скрывались въ этихъ лѣсныхъ трупцахъ. Онъ неравнодушно воспоминалъ о поэтической жизни этихъ суровыхъ сыновей пустынь слободско-украинскихъ, и въ честь ихъ спѣлъ, съ значительною восторженностію, пѣсню: «Лита орель, лита сизый».

Тѣ счастливы, кому досугъ и богатство позволяли почаще посѣщать различныя страны, меньше подвергаются сильнымъ впечатлѣніямъ; но мы, домошды, на все смотрѣли съ юношескимъ любопытствомъ. Насъ сильно занимали и особенности украинцевъ, рослыхъ и тяжелыхъ на подъемъ, и наивность ихъ женщинъ, опрятныхъ и привѣтливыхъ, и чистота избъ украинскихъ; выбѣленныхъ и кой-гдѣ желтою глилкою покрашенныхъ, и вообще приволье въ жизни украинской. Всякое укрѣпленіе, всякій курганъ, лежащіе въ степи, живо рисовали въ нашемъ воображеніи битвы русскихъ съ крымцами, бродячую жизнь запорожцевъ, ловкихъ, удалыхъ, и неволью приводили намъ на память мудрую и неусыпную дѣятельность русскихъ самодержцевъ, оградившихъ эти пустыни отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ и вольницы, давшихъ средства основать села, мѣстечки и города, нынѣ уже значительно процвѣтающіе.

Впрочемъ, скажу мимоходомъ, тотъ сильно ошибется, кто потребуетъ отъ насъ многихъ дѣльныхъ замѣтокъ о нашемъ путешествіи отъ Новгорода Сѣверскаго до Харькова, на разстояніи почти 400 верстъ! Въ должностныхъ поѣздкахъ, спѣшныхъ, срочныхъ, сидя всякій день по пяти часовъ на повозкѣ до обѣденнаго отдыха и часа по четыре до ночлега, не много увидишь, узнаешь интереснаго о пройденной странѣ!.. Одно воображеніе, насыщенное историческими воспоминаніями, оживляло нашу дорогу.

Наконецъ, въ бореніи любопытства и страха, мы увидѣли съ Холодной горы Харьковъ, 9-го іюля, именно въ тотъ день когда намъ велѣно явиться къ начальству университета...

Харьковъ.

Харьковъ многолюдный, красивый, богатый и торговый городъ. Вотъ что намъ тотчасъ бросилось въ глаза, когда мы ѣхали по длинной Екатеринославской улицѣ, обстроенной прекрасными зданіями! Намъ казалось, что жизнь въ немъ кипитъ несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ либо, потому, можетъ быть, что мы долго засидѣлись въ скромномъ Новгородъ - Сѣверскѣ, гдѣ по главнымъ улицамъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, не увидишь часто ни одного человѣка! Отъ ѣзды множества экипажей надъ Харьковомъ висѣла густая пыль, для насъ не выносимая. Она и спирала наше дыханіе, и ослѣпляла наши глаза. Мы остановились на квартирѣ на постояломъ дворѣ, дрянномъ, неопрятномъ домикѣ, который стоялъ надъ самою р. Лопанью противъ круглаго трактира, въ близкомъ разстояніи отъ университета, и немедленно занялись приготовленіемъ къ предстоявшему на другой день утреннему визиту.

Ректоръ университета Елинскій принялъ насъ милостиво, обязательно и объявилъ намъ чистосердечно, что попечитель харьковскаго учебнаго округа Филатевъ, бывшій еще въ ту пору въ Петербургѣ, предписалъ совѣту университета, чтобъ выбравъ лучшихъ преподавателей изъ округа, отправилъ ихъ на службу въ имѣющія открыться учебныя заведенія въ подоль-

ской и волынской губерніяхъ; при томъ онъ добавилъ, что этотъ выборъ сперва повѣритъ лично самъ попечитель, а потомъ отъ тѣхъ чиновниковъ, на которыхъ падеть жребій, никакія отговорки, никакія причины не будутъ приняты въ уваженіе, исключая только тяжкихъ неизлечимыхъ болѣзней. «Имъ, говорилъ онъ, выдадутъ, сверхъ прогоновъ, денежные пособія на путевыя издержки; увеличатъ окладъ жалованья, несравненно большій противъ настоящаго, дадутъ въ послѣдствіи и другія награды, и вообще тамъ служба гораздо виднѣе, чѣмъ здѣсь». «Для этой то цѣли и списокъ избранныхъ наставниковъ препроводится, добавлялъ онъ, на высочайшее усмотрѣніе государя императора»...

Скоро намъ ясны стали обстоятельства, приведшія въ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, равно и самый ходъ дѣла, къ которому мы призывались.

Въ 1830 году, въ началѣ осени, зашумѣли буйныя головы сперва въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ нашихъ западныхъ провинціяхъ. Поляки, подстрекнутые французами, захотѣли отвергнуть мирную жизнь подъ мудрымъ правленіемъ русскихъ самодержцевъ и произвели войну кровопролитную. Но Варшава пала, анархія подавлена; буйныя головы удалились во Францію и Англію, а легкомысліе присмирѣло. Тогда-то наше правительство вознамѣрилось дать юношеству западныхъ губерній воспитаніе прочное, въ духѣ господствующаго народа и самодержавія. Для этой цѣли оно отправило, осенью 1831 года, въ кievскую, подольскую и волынскую губерніи попечителя харьковскаго учебнаго округа Филатьева и двухъ профессоровъ харьковскаго университета: Кронеберга и Архангельскаго. Первымъ занятіемъ ихъ было закрыть всѣ существующія въ нихъ училища, озникомиться съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрать мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на новыхъ началахъ, такъ, чтобъ онѣ вполне удовлетворяли требованіямъ правительства. Проектъ ихъ по сему предмету представленъ былъ министру просвѣщенія Шишкову, а въ слѣдъ за проектомъ отправился въ Петербургъ и самъ попечитель, для личнаго совѣщанія о новомъ устройствѣ училищъ.

Мы узнали, что, кромѣ насъ, почти въ одно время явились въ Харьковъ чиновники изъ гимназій: курской, воронежской, черниговской, скатеринославской, херсонской и астраханской. Вытребовано было всѣхъ чиновниковъ 52 человѣка.

Я нашелъ въ Харьковѣ многихъ моихъ товарищей по университету, а именно: Елинскаго, ректора университета и профессора хирургіи, Тюрина, директора херсонской гимназій, Черняева, профессора ботаники, Затеплинскаго, профессора астрономіи, Бойкова, профессора агрономіи, Федорова и Яковлева, старшихъ учителей воронежской гимназій, Калицовскаго, старшаго учителя астраханской гимназій, и Пригару, штатнаго смотрителя борзенскаго училища.

Свиданіе наше было умилятельно! Мы оставили университетскія скамьи около 15-ти лѣтъ тому назадъ, въ полной молодости, съ теоретическимъ воззрѣніемъ на свѣтъ, съ выгоднымъ мнѣніемъ о своихъ достоинствахъ. Мы надѣялись играть значительную роль въ обществѣ, получивъ высшее образованіе; мы были увѣрены, что будемъ пользоваться полнымъ уваженіемъ лицъ, не видѣвшихъ стѣнъ университета. Однако скоро мы разочаровались въ нашихъ мечтахъ в ожиданіяхъ! Скучный окладъ жалованья, встрѣча съ невѣжествомъ богатымъ, съ невѣжествомъ, гордившимся своимъ высокимъ происхожденіемъ, нежеланіе примѣняться къ пустымъ обычаямъ жителей, требовательныхъ и упорныхъ, особенно въ малыхъ городахъ, доставляли намъ много непріятностей и горя. Обзаведшись семействомъ, мы еще болѣе усилили нашу незавидную долю. Недостатки и предосудительное поведеніе нашихъ предшественниковъ помогали невниманію къ намъ даже во мнѣніи порядочныхъ и благомыслящихъ людей. При томъ мы состарѣлись; нѣкоторые изъ насъ стали терять къ себѣ довѣріе, другіе совершенно пали духомъ. Однако мы все-таки много обязаны были наступившимъ событіямъ, хоть тѣмъ, что они помогли намъ свидѣться; безъ нихъ этого никогда не могло бы случиться. Забывъ настоящую дѣйствительность, для многихъ изъ насъ незавидную, мы, при нашихъ сходкахъ, бросались въ воспоминанія о быломъ, о на-

шей университетской жизни, полной наслажденій, мечтаній, надеждъ и очарованій. Въ общество наше часто приходили любимые нами профессора: Компишенскій и Павловскій; Пригара былъ мастеръ одушевлять нашу бесѣду разказами о козакахъ, которые надѣлали ему много хлопотъ, и живымъ изображеніемъ тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ говорилъ, въ рѣчахъ, тѣлодвиженіяхъ и привычкахъ ихъ. Мы смѣялись много, какъ бывало, смѣялись въ то время, когда были студентами! Черняевъ и Затеplinскій описывали намъ свое свиданіе съ знаменитыми учеными въ Германіи, Франціи и Англии, развитіе сельскаго домоводства, промышленности, цивилизаціи и просвѣщенія въ этихъ государствахъ. Они путешествовали за границую три года на счетъ суммъ харьковскаго университета. Тюринъ, который не задолго предъ симъ визитировалъ полуденныя учебныя заведенія харьковскаго округа, живо изображалъ намъ свои впечатлѣнія, которыя произвели на его душу величественный Эльборусъ, господствующій надъ цѣпью кавказскихъ горъ¹⁾. Эту цѣпь онъ уподоблялъ черной тучѣ, охватившей далекій горизонтъ, каменной стѣнѣ, преграждающей свободный путь въ прелестную Малую Азію, богатую историческими событіями, роскошью растительности и, къ сожалѣнію, варварствомъ жителей. Калиновскій рассказывалъ намъ про любопытную Астрахань, въ которой проживаютъ образчики почти всѣхъ азійскихъ народовъ, съ ихъ богослуженіемъ, привычками и костюмами, наводилъ на насъ грусть, которую онъ самъ чувствовалъ, проѣзжая песчаную приволжскую пустыню, мѣстами населенную юртами калмыковъ. Я вспоминалъ мое двухъ-годичное пребываніе между черноморскими козаками, ихъ битвы съ горскими народами, о сопкахъ на Таманѣ и въ Крыму, о рѣзкихъ слѣдахъ существованія заморскаго царства и о моей храброй выходкѣ съ заржав-

1) Вѣдомству харьковскаго учебнаго округа принадлежали тогда гимназій: симферопольская, ставропольская, екатеринодарская и астраханская со всѣми низшими училищами въ этихъ губерніяхъ. Полтавская и черниговская губерніи принадлежали тоже харьковскому округу.

ленной саблею, противъ напавшей на Екатериноградъ ватаги черкесовъ,—выходкѣ, заставившей расхотаться всю широкоштанную усатую батарею черноморцевъ. Потомъ снова разнообразили нашу бесѣду душевнымъ разсказомъ о нашихъ семействахъ, нашихъ предпріятіяхъ, надеждахъ, лишеніяхъ, потеряхъ и горестяхъ; хвалились пріобрѣтеніемъ опытности, тяжкими страданіями. И тутъ-то мы подмѣтили, что у многихъ изъ насъ уже показались сѣдины, начатки разрушенія организма! А много ли мы сдѣлали?!

Такимъ образомъ, не чувствительно для насъ протекло двѣ недѣли со времени нашего прибытія въ Харьковъ; а между тѣмъ не было никакихъ вѣстей ни о пріѣздѣ попечителя, ни о его распоряженіяхъ.

Университетское начальство, для того, чтобы мы не соскучились, озаботилось открыть намъ свою библіотеку и всѣ свои кабинеты; намъ позволяли пользоваться книгами, показывали намъ рѣдкіе и любопытные предметы и объясняли свойства ихъ. Эти учебныя пособія содержались въ отличномъ порядкѣ, но число предметовъ въ нихъ было пока не велико. Ежели университетъ имѣлъ тогда слишкомъ ограниченныя матеріальныя пособія, то чего же должно было ожидать отъ гимназій, уѣздныхъ училищъ?

Скоро потомъ профессора: Кронебергъ, Комлишенскій, Архангельскій, Бойковъ и Чановъ начали приглашать къ себѣ, по утрамъ, по очереди, по два или по три человѣка изъ вызванныхъ чиновниковъ. Имъ предлагались вопросы или изъ наукъ, которыми они преимущественно занимались, или изъ современныхъ событій, общественнаго быта, общей литературы, рѣшеніе которыхъ всѣмъ доступно. Профессора внимательно слѣдили за точностію отвѣтовъ, образомъ объясненія и пріемами въ обращеніи. Мой товарищъ Красковскій справедливо замѣтилъ, что эта бесѣда имѣла видъ испытанія, потому что гг. профессора тотчасъ дѣлали свои отмѣтки. Впрочемъ Македонскій и я были изъяты отъ этого испытанія.

Надобно замѣтить, что Кроненбергъ и Архангельскій отлично отзываются всегда объ учителяхъ школъ въ западныхъ провинціяхъ; поэтому видно, что экзаменаторы этимъ испытаніемъ желали замѣнить тѣхъ преподавателей такими, которые не уступали бы имъ ни въ ловкости обращенія и находчивости, ни въ развитіи наукою.

Вслѣдъ за тѣмъ мы узнали, что эти испытанія производились по поводу письма, полученнаго ректоромъ отъ попечителя изъ Петербурга. Въ этомъ письмѣ онъ извѣщалъ также и о скоромъ своемъ возвратѣ въ Харьковъ.

Прошла еще недѣля! Нѣтъ попечителя, нѣтъ мѣръ для рѣшенія нашей участи. Уже и наши средства содержанія стали истощаться, потому что мы взяли изъ дому не много денегъ, полагая недолго прожить въ Харьковѣ. Мы стали уже скучать и скука наша проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ прежде живѣе было удовольствіе отъ свиданія съ школьными товарищами. Уже стали мы замѣчать, что иное товарищъ въ школѣ, иное человѣкъ въ свѣтѣ....

Наконецъ, 4-го августа, часу въ четвертомъ по полудни, пріѣхалъ попечитель, котораго скоро посѣтилъ ректоръ университета. Итакъ, мгла нашихъ финансовыхъ затрудненій разсѣялась, давъ мѣсто овладѣть душою нашею надеждѣ на скорое рѣшеніе нашей участи!

Дѣйствительно, на другой день насъ оповѣстили, чтобы мы 6-го августа собрались въ университетскую церковь для выслушанія обѣдни, а потомъ явился бы къ его превосходительству.

И вотъ, мы, вызванные чиновники, въ 9 часовъ 6-го августа, всѣ прибыли въ церковь въ полныхъ мундирахъ, за нами многіе профессора и ректоръ университета, а потомъ и самъ попечитель. Обѣдня тотчасъ началась. Конечно молитва наша была теплая, усердная. Послѣ обѣдни ректоръ повелъ насъ въ залу, къ его превосходительству. Чрезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ попечителя позвали Кулжинскаго и Рудановскаго. Когда они возвратились къ намъ, то по радос-

нымъ лицамъ ихъ видно было, что имъ сдѣлано было назначеніе очень пріятное. Дѣйствительно, первый назначень директоромъ, второй инспекторомъ въ луцкую гимназію. Учителями въ ту же гимназію опредѣлены Морачевскій и Калиновскій. За сими вслѣдъ позвали меня и Македонскаго. Его превосходительство съ минуту пытливо смотрѣлъ на насъ, не говоря ни слова. Потомъ онъ милостиво объявилъ намъ, что одинъ изъ насъ долженъ отправиться инспекторомъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, гдѣ опредѣленъ уже директоромъ Телешевъ, а другой въ житомирскую, гдѣ есть уже директоръ Бокщанинъ. Македонскій просилъ иопечителя предоста- вить ему службу въ житомирской гимназіи, по той причинѣ, что въ Житомирѣ служилъ его братъ, слѣдовательно, на мою долю досталась служба въ Каменецъ-Подольскѣ. И я принялъ мой жребій съ живѣйшею благодарностію его превосходительству за его милостивое вниманіе ко мнѣ. Учителями въ подольскую гимназію назначены: Китченко, Науменко и мой товарищъ Красковскій, а въ житомирскую приглашены два чиновника изъ Петербурга. Въ винницкую гимназію опредѣлены: директоромъ Фо- вицкій, инспекторомъ Рябоконовъ, а учителемъ Яковлевъ. Всѣмъ прочимъ вызваннымъ чиновникамъ велѣно отправиться къ своимъ должностямъ, а намъ ожидать пока дальнѣйшихъ распоряженій.

И такъ только 12 человекъ было избрано дѣятелями великаго дѣла преобразованія молодаго поколѣнія въ губерніяхъ кievской, подольской и волынской, вмѣстѣ съ чиновниками кievской гимназіи, куда издавна опредѣляли уже чиновниковъ православнаго исповѣданія. И это избраніе послѣдовало въ день Преображенія Господня, какъ бы въ ознаменованіе того, что и мы должны облечься въ новую одежду труда и тонкаго благоразумія, содѣйствуя видамъ правительства!

Мы простились съ товарищами нашей юности со слезами на глазахъ. Они пожелали намъ успѣха въ предполагаемой цѣли, а мы, проводивъ ихъ, пожелали имъ лучшей участи, здоровья и долготѣней жизни. Разлука наша была также уми-

лительна, какъ и самое свиданіе. Свидимся ли мы снова еще въ этой жизни?...

10 августа и наша судьба рѣшена окончательно. Попечитель приказалъ намъ, по полученіи ирогоновъ, отправиться къ мѣстамъ нашей службы, гдѣ мы должны ожидать предписанія объ отъѣздѣ въ западныя провинціи, выдачи прогонныхъ денегъ и сверхъ того значительнаго денежнаго пособія на подъемъ. Того же числа мы оставили Харьковъ. Время покроетъ туманомъ забвенія наше необыкновенное посѣщеніе этого города, посѣщеніе, которое сильно занимало жителей его! Это событіе замѣнится приливомъ свѣжихъ важнѣйшихъ произшествій; время также поглотитъ въ волнахъ забвенія и наше существованіе, замѣнивъ его другими дѣятелями по учебному вѣдомству, съ иною цѣлью, иною предприимчивостію!

Не равнодушно мы взглянули съ дергачевскихъ горъ, можетъ быть въ послѣдній разъ, на высокую харьковскую колокольню, которая начала уже скрываться въ туманной выси. Слеза закрыла глаза мои. Я всегда любилъ и теперь люблю Харьковъ, гдѣ въ юности, воспріимчивой, цвѣтущей, беззаботно взиралъ на будущее, гдѣ я имѣлъ много свѣтлыхъ отрадъ: и родственную привѣтливость моихъ наставниковъ, и наслажденія въ наукѣ, дружбѣ, и сильныя біенія сердца къ существу, которому не суждено было сопутствовать мнѣ въ жизни. Эти воспоминанія всегда слѣдили меня, и нынѣ слѣдятъ въ минуты моего одиночества, отдохновенія, и будутъ слѣдить до послѣдняго моего дыханія...

Красковскій долго стоялъ неподвижно, глядя на Харьковъ. Потомъ, глубоко вздохнувъ, отеръ глаза и сказалъ: «пора ѣхать! пора! поѣдемъ»!

Новгородъ-Сѣверскъ. 1832 года.

1-го декабря дирекція гимназіи получила предписаніе отъ училищнаго комитета харьковскаго университета объ отправленіи меня въ Каменецъ-Подольскій на должность инспектора гимназіи и вмѣстѣ преподавателя высшей части математики,

Македонскаго въ гимназію житомирскую на должность инспектора и преподавателя русской словесности, а Красковскаго преподавателемъ латинскаго языка, присовокупляя при этомъ, что гимназіи подольская и житомирская должны открыться непременно 1-го генваря 1833 года. И такъ это предписаніе есть послѣднее звѣно, соединявшее меня съ родною гимназією, гдѣ я прежде учился, а потомъ служилъ!

Директоръ замедлилъ отправкою насъ, потому, что не скоро были высланы подорожнія отъ черниговскаго гражданскаго губернатора, а въ то время не имѣлось подорожень по казенной надобности. Судя по заботливости Тимковскаго о надзорѣ за гимназією, ему ввѣренною, которую этотъ превосходный начальникъ желалъ сдѣлать образцовою, это замедленіе для него было очень пріятно, потому что гимназія отъ недостатка трехъ преподавателей могла ослабѣть, а ихъ не только въ то время, да и теперъ замѣнить другими, наличными, было почти не возможно.

Наконецъ, 6-го генваря, мы получили прогонныя деньги, подорожнія и подъемныя: Македонскому и мнѣ назначили по 300 руб. ассиг., а Красковскому 150 руб. асс. Мы простились съ нашимъ начальникомъ, глубоко нами уважаемымъ, который постоянно, не усypно заботился, какъ онъ всегда выражался, о своей гимназіи, умѣлъ подчинить насъ къ себѣ душевно, входилъ съ живымъ участіемъ во все обстоятельства нашей частной жизни, наблюдая и укрѣпляя насъ къ неослабному исполненію служебныхъ обязанностей нашихъ. Новгородсѣверскую гимназію онъ называлъ своею еще потому, что онъ преобразовалъ ее въ 1808 году изъ главнаго народнаго училища, будучи посланъ для этой цѣли отъ университета визитаторомъ. Сверхъ того, еще въ бытность свою профессоромъ университета, участвовалъ и голосомъ и властію въ необходимости имѣть гимназію въ такомъ пунктѣ, отъ котораго-бы прочія гимназіи отстояли почти на двухъ-сотъ-верстномъ разстояніи. Эту мѣру вполне одобрилъ бывший министръ просвѣщенія, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, который, посѣщая, лѣтомъ 1809 года,

новгородсѣверское главное народное училище, остался доволенъ и способностями преподавателей и успѣхами учащихся, и многолюдствомъ и благонаравіемъ ихъ, и прелестнымъ положеніемъ города.

Подлинно, существуютъ также стратегическіе пункты для устройства учебныхъ заведеній, подобно тому, какъ существуютъ стратегическія мѣста, важныя въ военномъ отношеніи. Гдѣ много живетъ въ окрестности мелкопомѣстныхъ дворянъ, тамъ учебное заведеніе будетъ непременно многолюдно. Устройте училище въ киргизскихъ степяхъ, снабдите его превосходными пособиями, дайте ему отличныхъ преподавателей, оно будетъ пусто. По этому не удивительно, если новгородсѣверская гимназія была всегда многолюдна и пользовалась постоянно хорошею репутаціею, по причинѣ достойныхъ чиновниковъ, въ ней служившихъ и служащихъ.

Я простился съ моими сотрудниками по новгородсѣверской гимназіи. Нѣкоторые изъ нихъ были моими наставниками, а другіе когда-то дѣлили со мною дѣтскія игры, потомъ раздѣляли со мною трудные, святыя подвиги на поприщѣ воспитанія юношества.

Поѣздка въ Каменецъ-Подольскій.

10-го генваря, 1833 года, объявъ мое семейство, я оставилъ Новгородсѣверскъ. Малолѣтнія дѣти мои не понимали еще этой разлуки. Я не могъ и не считалъ благоразуміемъ разомъ подняться со всѣмъ моимъ семействомъ, потому болѣе, что, какъ я думалъ тогда, опасно было пріѣхать въ страну, гдѣ недавно кипѣли смуты и брани, и потому, что было неудобно переѣзжать съ дѣтьми въ холодную пору, и еще потому, что сперва нужно устроить квартиру, обзавестись разными потребностями, обыкновенными въ семейномъ быту.

Пріѣздомъ моимъ въ Кролевецъ я обрадовалъ тамошняго судью, Капитана Долинскаго. Этотъ чиновникъ былъ мой родственникъ, съ которымъ видѣться въ кааникулярное время было непременно моею обязанностію. Онъ участвовалъ въ борьбѣ

Александра Благословеннаго съ Наполеономъ, а потому всякій разъ свиданіе съ нимъ было для меня интересно. Къ тому-же онъ былъ мастеръ рассказывать пламенно, увлекательно, подробности о томъ, что самъ видѣлъ, слышалъ, про отечественную войну, о которой еще не доходило къ намъ никакихъ описаній. Я пробылъ у него однако не болѣе двухъ часовъ. Ночевалъ въ Алтыновкѣ на станціи, гдѣ въ комнатѣ безъ ошибки можно было опредѣлить болѣе 10° и ниже точки замерзанія.

На другой день я проѣхалъ Батуринъ, бывшій долгое время столицею малороссійскихъ гетмановъ, а теперь деревня, построенная на живописномъ мѣстѣ. Имѣлъ ночлегъ въ Борзнѣ у тамошняго штатнаго смотрителя Пригары, о которомъ я упомянулъ уже прежде. Я прозябъ до костей отъ сильнаго мороза, но Пригара меня согрѣлъ и теплотою своей пріязни, и горячимъ чаемъ, и своими рассказами, всегда забавными. Однако среди нашего веселія прививалась ко мнѣ порою грустная мысль о разлукѣ съ семействомъ и родиною, гдѣ душа отдыхала, обращаясь къ предметамъ знакомымъ, и наслаждалась воспоминаніемъ о быломъ!

Правда, и на родинѣ не всегда свѣтитъ солнце истины, не всегда цвѣты надеждъ прозябаютъ, не всегда ласкаютъ благовонные зефиры усердія и радушія. Гдѣ-же лучше, однако, укрыться отъ непогодъ и грозныхъ явленій нравственнаго міра, какъ не въ родимомъ уголкѣ своемъ? Горько уподобляться стеблю оторванному отъ своего корня, стеблю, который сохнетъ въ отдаленіи! Горько влачить жизнь безъ пріязненныхъ движеній души, услаждающихъ наше бытіе и которыя рѣдко встрѣчаемъ на чужой сторонѣ!...

Хотя Борзна стоитъ на московской дорогѣ, однако мало обнаруживаетъ признаковъ благосостоянія. Этотъ городъ богатъ больше естественными произведеніями, чѣмъ деньгами и промышленностію, а потому жители его обитаютъ по большей части въ домахъ съ кровлями соломенными. На третій день я прибылъ въ Нѣжинъ, населенный греками, имѣющій высшую гимназію, устроенную иждивеніемъ князя Безбородка въ 1820 году. Это

заведеніе и торговля сдѣлали его значительнымъ городомъ въ имперіи; Нѣжинъ славится вареньями, табакомъ, огурцами, сливами, вишнями и греческими колбасами. Здѣсь я видѣлся съ гимназическимъ врачомъ. Федоровичемъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ, и Билѣвичемъ, бывшимъ моимъ сослуживцемъ, а теперь профессоромъ въ гимназіи. Последнему я былъ когда-то полезенъ своими связями по Харькову, а въ Нѣжинѣ, на перепутьи, онъ въ свою очередь оплачивалъ мнѣ своимъ родственнымъ радушіемъ. Федоровичу я также много обязанъ и покойнымъ пріютомъ, и дружескимъ привѣтомъ, и гостепріимствомъ. Кто не воспоминаетъ во все продолженіе своей жизни съ живѣйшею благодарностію о вниманіи тѣхъ лицъ, которые успокоивали насъ отъ путевыхъ трудовъ съ теплымъ участіемъ и заботою!

Оставляя броварскую станцію, я забылъ усталость тѣлесную. Можно ли равнодушно приближаться къ Кіеву, особенно въ первый разъ, какъ я тогда, этому богатому нѣкогда городу, гдѣ развилось ядро государственнаго быта Россіи, началось христіанство, быстро разлившееся по славянскимъ племенамъ! Съ чувствомъ благоговѣнія я посѣтилъ печерскую лавру, поклонился святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ; посѣтилъ также софійскій, михайловскій и николаевскій соборы и братскій монастырь. Съ трепетомъ, съ благоговѣйнымъ чувствомъ приближался я къ тому мѣсту въ оврагѣ, гдѣ князь Владиміръ крестилъ народъ свой въ христіанство. Почти въ одинъ день ознакомился я съ Кіевомъ, знаменитымъ по стратегическому своему положенію, въ военномъ отношеніи, и по историческимъ событіямъ, въ немъ совершившимся.

Любопытны, величественны и очаровательны и окрестности его, если смотрѣть на нихъ или съ крѣпостнаго вала, или съ главной площади, обсаженной стройными тополями, или съ Андреевской горы.

При всемъ томъ, я долженъ сознаться, что внутренность Кіева разочаровала меня. Множество избъ ветхихъ, полуразваленныхъ, на Печерскомъ, Крещатикѣ и Старомъ Кіевѣ, и толпы

жидовъ слишкомъ безобразятъ городъ. Если отнять отъ него великолѣпные соборы и монастыри, зданія въ крѣпости, присутственные мѣста, гимназіи и десятка два частныхъ домовъ; то Кіевъ сдѣлается ничтожнымъ городомъ. Одинъ только Подоль заслуживаетъ названія очень порядочнаго города. Могъ ли я думать, чтобъ этотъ многолюдный городъ, посѣщаемый жителями почти всей Россіи, стоящій на такой богатой судоходной рѣкѣ, существующій почти пятнадцать вѣковъ, бывший долгое время столицей великихъ князей, такъ мало двинулся во внутреннемъ благоустройствѣ? Харьковъ почти въ шесть разъ моложе его, но Харьковъ богатствомъ частныхъ домовъ гораздо выше Кіева. Причиною медленнаго шествія Кіева къ благосостоянію, на которое онъ имѣетъ полное, заслуженное право, полагаю, частыя разрушенія отъ татаръ, междоусобія князей, а особенно притѣсненія отъ Польши, подъ властію которой онъ долгое время стоналъ. Нужны и долгое время и сильныя средства на уврачеваніе глубокихъ язвъ, для движенія къ улучшенію его благосостоянія. Эти сильныя средства уже примѣнилъ къ Кіеву государь императоръ Николай I-й. Основаніе университета св. Владиміра, сооруженіе крѣпости, кадетскаго корпуса, института благородныхъ дѣвицъ, льгота дарованная купечеству—быстро двинули его къ цвѣтущему состоянію. Кіевъ въ послѣдніе 15 лѣтъ сдѣлалъ гораздо болѣе успѣха въ своемъ благоустройствѣ, чѣмъ прежде въ 15 вѣковъ.

Окончивъ осмотръ города, я посѣтилъ моего товарища по университету, Абрамова. Онъ и я разстались съ Харьковомъ почти въ одно время: его отправили въ кіевскую гимназію, а меня въ скатеринодарскую, а потому въ теченіи 15-ти лѣтъ мы не видались одинъ съ другимъ и немного состарѣлись. Можно догадаться, что намъ было кое-что рассказать! Отъ него-то я узналъ, что уже открытъ новый учебный округъ, котораго попечителемъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке. Итакъ, разлучась съ харьковскимъ округомъ, мы должны были ознакомиться съ новымъ начальствомъ, совершенно насъ не знавшимъ. У товарища моего

я увидѣлся также съ Петровымъ, блестящимъ молодымъ человекомъ по образованію, уму и службѣ.

Уже ударило 12 часовъ, я поспѣшилъ изъяснить мое уваженіе генеральшѣ Александрѣ Ивановнѣ Семенютиной. Въ домѣ отца ея, профессора харьковскаго университета, Каменскаго, я былъ принятъ почти какъ родной и участвовалъ въ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей его. Съ нею я также не имѣлъ чести видѣться около пятнадцати лѣтъ. Предъ отъѣздомъ моимъ въ Черноморію, я оставилъ ее въ Харьковѣ дѣвицею, которая, по отличному воспитанію въ наукахъ, блестящему таланту въ музыкѣ, считалась первою дѣвицею въ Харьковѣ. Случайная поѣздка ея въ Кіевъ рѣшила тамъ ея судьбу. Но тѣ годы, въ которые мы не видѣлись, оставили на ея лицѣ, тогда цвѣтущемъ, прекрасномъ, неизгладимыя морщины!... Сестры ея, бывшія мои ученицы, также замужнія, приняли меня съ теплымъ радушіемъ, вспомнили о своихъ маленькихъ дѣтскихъ продѣлкахъ, въ полномъ убѣжденіи, что я оныхъ тогда вовсе не замѣтилъ.... Тутъ-то я имъ сознался, что мое незамѣчаніе было притворное, потому что онѣ были скромныя дѣвицы, а къ такимъ дѣвицамъ всегда есть снисхожденіе, даже въ дѣлахъ серьезныхъ.

Я возвратился отъ моихъ знакомыхъ на квартиру, бывшую на почтовой станціи, въ 3 часу вечера. Они и на другой день приглашали меня къ себѣ; я обѣщалъ, но не исполнилъ, потому что хотѣлъ скорѣе достигнуть цѣли моего путешествія. Я рѣшился выѣхать изъ Кіева. Станціонный писарь совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Каменецъ-Подольскій чрезъ Винницу. «И ближе и дешевле, чѣмъ чрезъ Житомиръ», говорилъ онъ. Совѣтъ его я принялъ охотно; въ Винницѣ, думалъ я, найду моихъ товарищей, которые мнѣ сообщать свои наблюденія надъ обывателями, съ которыми доведется мнѣ жить, и дадутъ опытный совѣтъ, какъ успѣшнѣе, ловче, безъ противоборства, достигнуть цѣли, для которой начальство отправило насъ въ эти мѣста.

Въ 10 часовъ ночи я мчался уже по направленію Крещатика, потомъ переѣхалъ чрезъ Лыбедь, поднялся на гору, быстро переѣхалъ чрезъ дремучій лѣсъ и наконецъ почти въ полночь очутился на станціи въ Васильковѣ. Чрезъ полъ-часа я оставилъ этотъ историческій, но незавидный городъ, построенный на скатѣ горы, богатый нечистою и неопрятными жиновскими корчмами. Свѣтлая луна, тихая, безморозная ночь, очень содѣйствовали и поощряли меня къ продолженію пути; потомъ предметы стали слабѣе мелькать въ глазахъ моихъ, думы и впечатлѣнія стали гаснуть мало по малу, наконецъ погасли. Словомъ, я заснулъ и спалъ крѣпкимъ сномъ до самой Бѣлой-Церкви, построенной на большой равнинѣ. Это мѣстечко памятно тѣмъ, что въ немъ приговорены къ казни Искра и Кочубей, павшіе въ д. Борцаговкѣ отъ сѣкиры, которую направили злоба и мщеніе Мазепы.

На другой день, не взирая на слѣгъ, валившій хлопьями, я видѣлъ на пути своемъ деревни съ ветхими деревянными церквами, на перекресткахъ кресты съ распятіемъ нарисованнымъ, съ распятіемъ вырѣзаннымъ изъ дерева. И такъ мнѣ довелось видѣть три уѣздныхъ города за Днѣпромъ: Васильковъ, Сквиру и Липовець, въ который я прибылъ въ 6 часовъ вечера. Боже мой! Что это за города? Это собраніе корчемъ, поставленныхъ безъ порядка, плана, по произволію домохозяевъ-жидовъ, на кривыхъ улицахъ, на которыя гнѣваются, кажется, и самыя корчмы, глядя на нихъ искоса, на эти улицы, на полнепныя навозомъ и нечистою, предназначенныя, казалось, болѣе для стойла скоту, чѣмъ для сообщенія людямъ.

Изъ Липовца нѣтъ почтовой дороги до Винницы. Я рѣшился здѣсь переночевать, а утромъ поискать фурмана, который бы свезъ меня въ Винницу короткимъ путемъ.

Уже мнѣ поданъ самоваръ, а за нимъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, явился и самъ хозяинъ еврей, такой благообразный, щеголевато одѣтый, такъ приличенъ въ обращеніи и, казалось, такой добрый, безкорыстный! Я предложилъ ему ста-

кавъ чаю и при этомъ объявилъ ему, что нуждаюсь въ фурманѣ, который бы свезъ меня въ Винницу.

— Извольте ваше превосходительство, ваше благородіе, васъ панъ! Звините, я не знаю, какъ васъ назвать», затараторилъ предо мною еврей съ быстрымъ жестомъ.—«Ну, и у меня есть лошади, не почтовые, а мои. И бакія лошади! молодые, крѣпкія, а летять, какъ змѣи, извольте ѣхать хоть сей-часъ! За три часа мѣста будете въ Винницѣ. Ночь свѣтлая, дорога славная, панъ и не опомнитесь, какъ будете на мѣстѣ».

Я положился на увѣренія хитраго еврея и тутъ же сторговался съ нимъ за три рубля серебромъ.

Неохотно разставался я съ чистою и теплою моею квартирою, какъ будто предчувствовалъ бѣду, которая случится со мною въ эту ночь!... Пара лошадей уже были заложены; кучеръ, жидъ, сиди въ саняхъ, ожидалъ меня. Меня однако удивило, что лошади при самомъ выѣздѣ со двора едва-едва тронули съ мѣста. Сначала я подумалъ, что это кучи наваленнаго на дворѣ навозу затрудняютъ ихъ прыть; но послѣ оказалось, что еврей надулъ меня, давъ мнѣ тощихъ, старыхъ и лѣнливыхъ лошадей. Что-жь однако было дѣлать? Не возвращаться же назадъ, сдѣлавши уже нѣсколько верстъ! Но тутъ новая бѣда: не успѣли мы проѣхать и 15 верстъ отъ Липовца, какъ на самомъ почти рубежѣ подольской губерніи, густая туча, нахлынувъ, заслонила свѣтлый мѣсяцъ и скрыла нашу дорогу. Потомъ поднялась вьюга; снѣгъ билъ намъ въ лице и засыпалъ дорогу; лошади стали утомляться, наконецъ мы потеряли дорогу. Неужели, подумалъ я, это грозное естественное явленіе есть предзнаменованіе нравственной невзгоды, которая встрѣтитъ меня въ подольской губерніи, во время моей тамъ службы? Неужели это мнѣ предсказываетъ нравственную вьюгу, которая омрачить, замедлитъ мой путь, мое стремленіе къ исполненію государственной мѣры, къ улучшенію моего быта? Но сильный вѣтеръ, насквозь продувшій меня, но сильный снѣгъ, засыпавшій меня, выкинувъ всякую думу, со всѣми ея предчувствіями, изъ головы моей, заставилъ меня заботиться о самохраненіи, искать приста-

нища, гдѣ бы можно было укрыться отъ ненастья и согрѣться. Едва, едва усталыя лошади дотащили меня до какой-то корчмы, стоявшей въ лѣсу, неопрятной, холодной, находившейся въ двѣнадцати верстахъ отъ Винницы. Подъ шубой, на полу, на соломѣ, отогрѣвая мои окоченѣлыя члены, я крѣпко жалѣлъ объ оставленномъ ночлегѣ, тепломъ и съ удобствами. О самоварѣ здѣсь и думать было нельзя! Эта корчма, со времени своего основанія, никогда не имѣла этой машинки.

По утру, часовъ въ 10, я прибылъ въ Винницу и остановился въ чистой корчмѣ, находившейся почти противъ гимназіи. Оправившись отъ всѣхъ страданій, потерпѣнныхъ въ прошедшую ночь, я немедленно пошелъ къ Яковлеву, учителю русской словесности, куда скоро прибылъ и инспекторъ гимназіи Рябоновъ. Отъ нихъ я узналъ, что винницкая гимназія открыта 6-го декабря, слѣдовательно, существуетъ въ новомъ видѣ почти полтора мѣсяца; они же сообщили мнѣ свои наблюденія надъ воспитанниками, рассказали о своихъ свиданіяхъ съ ихъ родителями и о желаніяхъ сихъ послѣднихъ. Почетный попечитель Држевецкій руководствовалъ ихъ на первыхъ порахъ, чтобы выиграть общественное мнѣніе и такимъ образомъ собрать большее число учащихся. Стали искать просторныхъ квартиръ, куда-бъ можно было помѣщать побольше учениковъ гимназіи, для лучшаго за ними надзора. Инспекторъ каждый день предъ начатіемъ ученія водилъ ихъ въ костелъ, для выслушанія «цихой» мши, которую отправлялъ латинскій законоучитель гимназіи. Эти приемы очень понравились обществу, потому что такъ дѣлалось въ прежнихъ школахъ. Въ самомъ дѣлѣ, благо-разумно, очень дѣльно поступаютъ тѣ преобразователи, которые, не торопясь, придерживаясь хотя нѣсколько прежнихъ обыкновеній, привычекъ, вводятъ мало по малу свои, новыя, согласныя съ предназначенною цѣлію. При воспитаніи юношества вездѣ, и особенно въ странѣ, не выгодно къ намъ предубѣжденной, необходимо общественное довѣріе, приобретаемое не однимъ честнымъ трудомъ, но вмѣстѣ угожденіемъ родителямъ и дозволеннымъ снисхожденіемъ къ дѣтямъ.

Изъ разсказовъ моихъ товарницей я смекнулъ, въ чемъ дѣло, а потому и поспѣшилъ оставить Винницу въ тотъ же день.

Въ сумерки проѣхалъ я Литинъ, городъ, подобный городамъ, которые я видѣлъ въ кievской губерніи: тѣже корчмы, таже нечистота, тѣже жидаы. Въ 9 часовъ вечера я пріѣхалъ въ Летичевъ и остановился почевать на почтовой станціи, теплой, опрятной и просторной.

Утро 19 гевваря встрѣтилъ я радостно, потому, что въ этотъ день наставалъ конецъ моему путешествію. Десятидневная моя поѣздка извурила меня, приливъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ чувствованій утомили мою душу.

Когда я выѣхалъ изъ прелестной роуци, лежащей за Летичевомъ, вправо мелькнули мнѣ зубчатыя стѣны Меджибожа, бывшія когда-то опорой отъ набѣговъ турокъ и татаръ. Адамъ Чарторійскій потерялъ этотъ замокъ и илючь богатыхъ его имѣній, лежащихъ по р. Бугу, за участіе въ послѣднихъ польскихъ смутахъ. Если зимою становится весело душѣ, глядя на деревни и лѣса, расположенныя по берегамъ Буга, то какъ очаровательны должны быть эти мѣста лѣтомъ! Трудно найти равнину красивѣе, плодоноснѣе, роскошнѣе этой равнины!

При выѣздѣ изъ Проскурова съ особеннымъ любопытствомъ зриаешь на холмистую равнину, теряющуюся въ далекомъ небосклонѣ; ее уподобить можно громаднымъ волнамъ необозримаго океана, взволнованнаго бурей. Это значить, я въѣхалъ въ отрасль Карпатовъ. На 25-й верстѣ отъ Проскурова, влѣво отъ дороги, простирается широкая долина, на которой построена деревня и господскій домъ, принадлежащіе князю Дульскому. Эта фамилія замѣчена исторіею по связямъ ея съ честолюбивымъ Мазеною.

Какое милое мѣстечко Ярмолинцы! И въѣзжаешь въ него, и выѣзжаешь изъ него по аллеѣ, усаженной многолѣтними топо-

лями. Оно обстроено каменными, красивыми корчмами, которыя содержатся чисто. Огражденный каменною стѣною базаръ украшаетъ базарную площадь, а эта площадь господствуетъ надъ обширную холмистою равниною, изрѣдка окаймленную лѣсами.

Вотъ уже мелькнуло мѣстечко Тинное съ великолѣпнымъ костеломъ, возлѣ котораго поставленъ изваянный изъ камня образъ Матери Божіей, во весь ростъ. Вотъ показалась деревня Нѣгинъ, огражденная справа и слѣва высокими каменными утесами. Наконецъ, съ высотъ горы, на которой отведены православное и латинское кладбища, свѣтлая луна озарила блѣдыми лучами Каменецъ-Подольскій, въ глубокой безднѣ лежащій, и возлѣ него замокъ, съ высокими и острыми башнями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКА ПРЕОСВЯЩЕННАГО АНАТОЛІЯ, АРХІЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО.

(О сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края).

Имя преосвященнаго Анатолія (Мартиновскаго) довольно извѣстно постояннымъ читателямъ «Кіевской Старины» по напечатаннымъ въ ней нѣкоторымъ его запискамъ и письмамъ и сообщеннымъ при томъ біографическимъ о немъ свѣдѣніямъ, а также по теплomu воспоминанію о немъ доктора Пирожкова. Помимо высокихъ качествъ ума и сердца, отличавшихъ его симпатичную личность, это былъ, можно сказать, духовный публицистъ въ высшемъ значеніи этого слова и приобрѣлъ себѣ извѣстность своими смѣлыми, откровенными и правдивыми до рѣзкости проэктами, записками и перепискою съ выдававшимися іерархами его времени. Это была пламенная душа, горѣвшая неугасимою ревностію о благѣ церкви русской вообще, заботою о своей паствѣ, скорбію о примѣчаемыхъ тамъ и здѣсь пуждахъ и недостаткахъ, доходившею по временамъ до рѣзкаго обличенія, до вопля и отчаянія. Уроженецъ Подолія, онъ большую часть жизни своей провелъ въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ, съ дѣтства былъ свидѣтелемъ прииженности и подавленности здѣсь православнаго населенія, возмущался при видѣ гордаго и сильнаго католичества, особенно же дѣйствій католической пропаганды и болѣлъ сердцемъ въ виду недостатка средствъ для борьбы съ нимъ, невниманія или равнодушія тѣхъ, кого это наиболѣе касалось. Будучи не только безпристрастнымъ, но даже строгимъ судьею всего своего, онъ всѣ силы напрягалъ къ возвышенію православія, къ поднятію образованія и нравственности въ духовенствѣ и народѣ и пользовался для этого удобными случаями, выступая съ проэктами и записками по возбуждаемымъ и назрѣвшимъ вопросамъ нашей церковно-общественной жизни и управленія.

Такою именно заботою вызвана была и прилагаемая здѣсь записка «о сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края». Она была представлена покойному императору Александру II, собственноручно написавшему на ней: «обсудить въ учрежденномъ комитетѣ при Синодѣ». Записка относится къ 60-мъ годамъ, когда учрежденный въ 1858 году комитетъ по обезпеченію быта православнаго духовенства западнаго края, былъ расширенъ въ Главное Присутствіе при Синодѣ по тому же пред-

мету для всей имперіи и когда открыли свои дѣйствіи учрежденные для той же цѣли губернскіе комитеты.

Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, записка утратила значительную часть своего практическаго интереса, но тѣмъ болѣе возросло ея историческое значеніе, какъ памятника свѣтлаго и оригинальнаго взгляда по данному вопросу, какъ памятника заботы святителя о своей паствѣ и какъ авторитетнаго его свидѣтельства о положеніи духовенства данной мѣстности въ ту пору. По этимъ соображеніямъ мы и даемъ мѣсто запискѣ на страницахъ нашего изданія.

Кому неизвѣстно благотворное участіе, которое принимало православное духовенство въ исторіи и образованіи Россіи и кто не знаетъ неудовлетворительной степени нынѣшняго его состоянія? Стѣсненное въ средствахъ къ жизни, униженное нравственно и отстраненное отъ содѣйствія въ историческомъ развитіи народа русскаго, духовенство наше дошло нынѣ до того положенія, что утратило всякую почти возможность дѣйствовать на него съ пользою.

Не смотря однакоже на очевидность и многозапамятность совершившейся перемѣны, никто не возвыситъ правдиваго голоса, чтобы уяснить настоящія причины нравственнаго безсилія нашихъ пастырей въ дѣлѣ религіознаго вліянія на паству.

Въ брошюрахъ, появляющихся по этому предмету за границею, высказывается только преднамѣренная мысль выставить на общее посмѣяніе, въ увеличенномъ и искаженномъ видѣ, недостатки и особенности лицъ духовнаго сословія; духовная же власть наша, тѣсно связывая самобытное значеніе своего сословія съ неприкосновенностію церковныхъ уставовъ, упорно защищаеетъ эту связь и старается доказать пользу въ ненарушимости родовыхъ правъ своихъ, въ томъ убѣжденіи, что видоизмѣненіе этихъ правъ, или ослабленіе нѣкоторыхъ несовременныхъ привилегій, нанесетъ вредъ самой церкви. Выраженіемъ подобныхъ, ни на чемъ не основанныхъ доводовъ, духовенство наше вредитъ само себѣ и общему дѣлу образованія еще болѣе, чѣмъ желчныя выходки нашихъ заграничныхъ огщепенцевъ и безсознательныя и скудоумныя розказни людей свѣтскихъ, мало знакомыхъ съ сущностію этого дѣла.

Записка эта составлена съ искреннимъ желаніемъ восполнить, въ общихъ чертахъ, хотя отчасти, недостатокъ положительныхъ

свѣдѣній о сельскомъ духовномъ сословіи нашемъ, показать истинную степень его нравственнаго и матеріальнаго быта и опредѣлить средства къ его вызвышенію и, такъ сказать, возрожденію.

Въ ней не говорится о монашествующемъ и бѣломъ духовенствѣ столицъ и коренныхъ русскихъ губерній, но разсматривается это сословіе только въ одной сторонѣ юнаго православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ отношеніи его вліянія на паству, а также, по возможности, уясняются явленія духовной жизни возсоединеннаго отъ уніи народа, во время и послѣ перемѣны исповѣданія.

Анализъ этихъ явленій можетъ дать болѣе точное понятіе о западномъ духовенствѣ нашемъ, указать средства къ улучшенію его быта и разрѣшеніемъ этого *частнаго*, важнаго для той мѣстности вопроса, помочь, быть можетъ, и вопросу *общему*: о духовенствѣ русскомъ.

Когда церковь наша торжествовала соединеніе съ нею до 1½ милліона уніатовъ, древнихъ ея послѣдователей, тогда каждый русскій, видя въ этомъ торжествѣ православія укрѣпленіе за Россією Бѣлоруссіи и Литвы неразрывными узами общей вѣры, предвидѣлъ для западнаго края лучшую будущность.

Но не прошло и 20 лѣтъ со времени возсоединенія уніатовъ, какъ въ томъ же самомъ народѣ уже явились мысли обращенія въ латинство, которое и совершилось бы въ обширныхъ размѣрахъ, если бы правительство не преграждало путей совращенія.

Спрашивается: чему приписать такое явленіе? Отъ чего достаточно было одного духовнаго слова уніатскихъ священниковъ, чтобы 1½ милліона людей отказались отъ религіи, наслѣдованной отъ отцовъ и исповѣдуемой въ странѣ около 250 лѣтъ, чтобы идти безропотно въ слѣдъ за своими пастырями, и отъ чего тотъ же народъ, руководимый тѣми же пастырями, принявшими съ ними одновременно православіе, сталъ думать о переходѣ въ латинство, къ религіи для него непонятной и ему чуждой?

Потому, и потому единственно, что зъ этомъ періодѣ времени возсоединенное духовенство утратило свое нравственное, вѣковое вліяніе на паству.

И какъ могло оно удержать его, когда съ переходомъ въ православіе было оставлено на произволь случая?

Помѣщики того края, поддерживавшіе его матеріально, навсегда устранились отъ него, купечества православнаго тамъ нѣтъ, правительство не могло дѣлать жертвы, какія требовались. въ пособіяхъ изъ духовныхъ капиталовъ ему отказывалось,—и оно должно было искать помощи отъ одной своей паствы. Но что могъ дать барщинный крестьянинъ, который не имѣлъ никогда и никакой собственности? Онъ, можетъ быть, не отказалъ бы въ лептѣ добровольной, въ посильныхъ жертвахъ, но на него наложили обязанность нести новую барщину въ пользу духовенства, непонятную ему до того времени, его заставили обрабатывать священническія земли, давать причту дома, хлѣбъ, топливо, строить церкви, а духовенство, утративъ то, что получало отъ щедротъ помѣщика, обратилось къ народу и стало вынуждать плату за требы съ прихожанъ. Словомъ, тѣ самые священники, которые, во время уніи, были пастырями духовными, обратились въ какихъ-то новыхъ поземельныхъ владѣльцевъ, съ правами на трудъ народный, и въ сборщиковъ податей и повинностей.

Мало этого: уніатское духовенство состояло только изъ священника и наемнаго дьячка, а Базиліанскій орденъ не имѣлъ и сего послѣдняго, но по образцу латинской церкви нанималъ органиста. Съ приведеніемъ же уніатовъ къ православію, назначены по всѣмъ приходамъ дьячки, а по многимъ діаконы, пономари и просфирни. Образовалось огромное духовное сословіе, которое поселяне должны были, какъ и священниковъ, содержать и продовольствовать. Послѣдствія всего этого извѣстны: духовенство обѣднѣло, въ народѣ возбудился ропотъ, между пастыремъ и паствою явились унизительныя для перваго столкновенія, а наконецъ, при неудовольствіи со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ имѣній, устраненныхъ отъ патронатства надъ бывшими уніатскими приходами, и при проискахъ недремлющей пропаганды латинской, умѣющей пользоваться всѣми случаями для совращеній, явились и первыя попытки къ переходу бывшихъ уніатовъ въ латинство.

Но это одна только сторона упадка западнаго нашего духовенства, сторона матеріальная; есть другая, нравственная.

Уніатское духовенство, какъ и прежнее латинское, состояло большею частию изъ лицъ дворянскаго происхожденія, владѣвшихъ собственными, хотя небольшими, помѣстьями. Это давало ему мѣсто,

по рожденію, въ ряду дворянъ того края, и какъ въ то время не было другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ духовныхъ школъ, то сыновья священниковъ воспитывались въ однихъ и тѣхъ же училищахъ съ дѣтьми другихъ дворянъ, а дочери ихъ нерѣдко получали воспитаніе съ дочерьми помѣщичьими. Словомъ, общественная жизнь этихъ двухъ сословій была близка одна къ другой, какъ по степени образованія и воспитанія, такъ и по общимъ сословнымъ интересамъ.

По воссоединеніи же уніатовъ, духовенство подчинено общимъ правиламъ организаціи православнаго духовенства въ Россіи. Сыновьямъ священниковъ стѣсненъ доступъ воспитанія въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ: ихъ, по образцу коренныхъ русскихъ губерній, замкнули, съ семилѣтняго вѣзраста, въ семинаріи; дочерей же они должны были воспитывать на свой счетъ, потому что помѣщики не принимали въ нихъ прежняго участія и не допускали ихъ въ свои семейства. Между тѣмъ священники, не имѣя возможности давать дочерямъ своимъ того воспитанія, какое получали ихъ матери, стали прибѣгать къ унижительнымъ для сана ихъ средствамъ,—они вслѣдствіе заискивали расположенія помѣщиковъ, дабы только не лишать дочерей общества ихъ.

Что могутъ подобныя дѣти православія внести въ народный и свой семейный бытъ?

Сыновья, послѣ продолжительнаго семинарскаго заточенія, являюся, въ 19-лѣтнемъ возрастѣ, не тѣми пастырями духовными, которые съ любовію къ паствѣ соединяли бы кротость и терпѣніе, но какими то недоученными педантами, отвергающими всякое сообщество съ прихожанами внѣ церкви и исполненія духовныхъ требъ, или впадають въ другую крайность: они сближаются съ простымъ народомъ до того, что сами подчиняются вліанію его грубыхъ привычекъ и склонностей, а чрезъ такую неразумную популярность скоро невозвратно теряють къ себѣ всякое уваженіе прихожанъ. Въ особенности это случается съ тѣми, которыхъ въ самомъ началѣ матеріальный недостатокъ заставляетъ искать помощи у прихожанъ ¹⁾.

¹⁾ Святѣйшій синодъ созналъ самъ вредъ, какой приносятъ церкви рукоположеніе въ іереи людей, только что оставившихъ скамью, и опредѣлялъ рукополагать студентовъ семинаріи втораго разряда во священника по прошествіи

Дочери священниковъ, или остаются безъ всякаго образованія и тогда мало отличаются отъ простыхъ поселенковъ, или воспитываеь, какъ выше упомянуто, подъ вліяніемъ помѣщиковъ, усваиваютъ польскія начала и огчуждаются отъ всего русскаго.

Если на такой низкой степени стоятъ семейства священниковъ, то какое можно составить себѣ понятіе объ образованіи семействъ прочаго причта: діаконовъ, дьячковъ, пономарей?

Весь клиръ, безъ преувеличенія можно сказать, есть ничто иное, какъ сословіе какихъ то землепашцевъ, въ прямомъ значеніи этого слова, не отличающихся ничѣмъ отъ крестьянъ, кромѣ большаго развитія мертвой грамотности.

Какъ послѣ этого удивляться, что простой народъ, пересталь вѣрить духовнымъ словамъ и убѣжденіямъ пастырей своихъ? Видя ихъ какъ бы переродившимися и сравнивая ихъ съ ксендзами, образованными разумно и въ мѣру, популярными и поставленными въ независимое отъ прихожанъ состояніе, онъ невольно долженъ вспоминать то время, когда принадлежалъ къ униі, и не имѣя возможности возвратиться къ прежнему своему исповѣданію, обращаетъ взоры на схожее съ нимъ, по наружной формѣ, хотя и непонятное ему католичество, которое и благолѣпіемъ своихъ костеловъ, и вкрадчивымъ вниманіемъ ксендзовъ къ народу, и расположенностію помѣщика къ отщепенцу отъ православія, старается поддерживать и усиливать въ немъ это стремленіе.

Вотъ почему необходимо преобразование въ организациі нашего духовнаго сословія западныхъ губерній: не одной Бѣлоруссіи, но и Литвы, и Подолія, и Волыни, потому что и тамъ православное духовенство и народъ находятся въ одинаковой степени правственнаго и матеріальнаго упадка, а латино-польскій элементъ повсемѣстно силенъ и настойчивъ.

Когда въ началѣ этого года сдѣлалось извѣстнымъ, что правительство обратило наконецъ вниманіе на улучшеніе быта нашего духовенства, хотя въ одномъ матеріальномъ отношеніи, и вѣрно

ими низшихъ степеней, причетнической и діаконской. Нельзя не пожалѣть, что эта благодѣтельная мѣра не распространена на всехъ студентовъ, выходящихъ изъ семинаріи и что она является, когда уже церковь наша перенесла много золъ отъ недостатка истинныхъ пастырей.—Примѣч. автора.

обсудить вопросъ этотъ особымъ губернскимъ комитетамъ, всѣ желающіе пользы нашей церкви съ особымъ любопытствомъ и вниманіемъ слѣдили за его разрѣшеніемъ, но вскорѣ пришли къ заключенію, что мѣра, предложенная правительствомъ, благотѣльная въ своемъ принципѣ, не приведетъ его къ цѣли, къ которой оно стремится.

По общему сознанію правительство лучше бы сдѣлало, если бы, высказавъ свою идею, предоставило ея развитіе и примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ губернскимъ комитетамъ и позволило имъ разсмотрѣть прежнюю систему обезпеченія духовенства вполне; но оно, давъ комитетамъ программу и указавъ только на тѣ пункты, которые предполагается измѣнить, стѣснило тѣмъ комитеты въ выраженіи своихъ мыслей.

Другими словами правительство предположило измѣнить однѣ повинности натуральныя, какія несли доселѣ прихожане, въ денежные; но оно не приняло въ соображеніе: нужны ли эти повинности? могутъ ли прихожане исполнить ихъ? облегчать ли они положеніе прихожанъ и самаго духовенства, или по прежнему будутъ тяготить ихъ?

Конечно, нельзя и винить правительство въ непредусмотрительности. Оно не знало, какъ будетъ велика цифра этихъ повинностей, потому что точное число всѣхъ лицъ духовнаго сословія могло быть извѣстно одной духовной власти, а дѣломъ обезпеченія духовенства занялось гражданское начальство, которому, къ чести его, принадлежитъ и первая мысль возвышенія этого сословія.

Теперь съ увѣренностію можно сказать, что правительство ужаснется, когда придется положить новый налогъ на гражданъ.

Для примѣра укажемъ на одну Витебскую губернію, гдѣ для обезпеченія духовенства комитетомъ исчислено ¹⁾ ежегоднаго расхода 141,346 р. и одновременнаго пожертвованія отъ прихожанъ 468,342 р. ²⁾.

¹⁾ См. прилож. лит. А.

²⁾ Здѣсь еще не исчислено расхода на монашествующихъ, воспитанниковъ семинарій и наставниковъ ихъ, на ожидающихъ назначенія на мѣста и живущихъ праздно, на женъ и вообще на семейства священно-церковнослужителей, которыхъ содержать также прихожане, но изъ добровольныхъ пожертвованій, приносимыхъ алтарю и церкви.

Витебская (полоцкая) епархія одна изъ меньшихъ по численности православнаго народонаселенія и духовенства; сколько же нужно полагать въ кievской и другихъ губерніяхъ, гдѣ издревле существуетъ православіе, на устройство и содержаніе духовныхъ лицъ?

Ни одно изъ иновѣрцкихъ духовенствъ западныхъ губерній не можетъ сравниться *по численности* съ православнымъ. Не говоря о латинскомъ, какъ безсѣйномъ, даже лютеранское не составляетъ и 20-й доли, сравнительно съ православнымъ, по отношенію къ числу прихожанъ, хотя также обезпечивается послѣдними; та же разница и въ средствахъ содержанія обоихъ этихъ духовенствъ ¹⁾.

Безошибочно можно сказать, что наше православное духовенство въ десять разъ тягостнѣе для народа, чѣмъ лютеранское, а между тѣмъ въ десять разъ бѣднѣе его.

Но оставимъ матеріальныя жертвы и тягость повинностей, обратимся къ самому духовенству.

Наше духовенство, изъ котораго образовалась каста, съ каждымъ годомъ увеличивается численностию въ огромной пропорціи. Ни одно изъ сословій государства не можетъ соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи, потому что оно, оставаясь въ одномъ извѣстномъ кругу дѣятельности, не подвергается многимъ условіямъ убыли, какъ дворянское и податное. Неизбѣжное послѣдствіе этой неподвижности есть общее его обѣдненіе, потому что средства къ его содержанію однѣ и тѣже, между тѣмъ какъ численность его годъ отъ году увеличивается.

Сознавая свое положеніе, духовенство наше старается скрыть оное отъ вниманія правительства, опасаясь реформы, которая можетъ нарушить его сословныя и родовыя права.

Кто повѣритъ, на примѣръ, что въ мѣстностяхъ, значительно населенныхъ православными, есть приходы (и ихъ много), имѣющіе менѣе 100 душъ и имъ данъ особый священникъ съ причетникомъ; есть также приходы, гдѣ существуетъ въ одномъ и томъ же селеніи три церкви: одна древне-православная, другая бывшая уніатская и третья обращенная изъ католической въ православную съ

¹⁾ См. прилож. лит. Б, сравнительный выводъ.

причтомъ для каждой изъ нихъ, и на всѣ три церкви прихожанъ не менѣе 300 душъ! И это (какъ извѣстно изъ несомнѣнныхъ данныхъ) допускается, между прочимъ, для того, чтобы дать возможность размѣстить безпріютныхъ воспитанниковъ семинаріи, полуграмотныхъ причетниковъ и просфирень вдовъ!

При настоящей системѣ, хотя законъ и допускаетъ дѣтямъ священниковъ и діаконѡвъ вступать въ гражданскую и военную службу, но этимъ дозволеніемъ духовенство не можетъ пользоваться по недостатку средствъ; при томъ въ гражданской и военной службѣ, при настоящемъ направленіи, требуется болѣе или менѣе предварительнаго спеціальнаго образованія, котораго не получаютъ воспитанники духовныхъ училищъ и семинарій; кромѣ того личныя преимущества дворянства, посвящающаго себя также службѣ, отодвигаютъ семинаристовъ на второй планъ: по этому нѣкоторые изъ нихъ не выходятъ изъ духовнаго сословія, опасаясь остаться одними тружениками на поприщѣ служебномъ, а между тѣмъ нерѣдко случается, что оставляютъ духовное званіе и поступаютъ въ свѣтское такіе семинаристы, которые, не успѣвая въ духовныхъ школахъ, боятся попасть въ причетники, или такіе, которые за предосудительные поступки исключаются изъ заведенія. Остальные готовы бороться со всѣми нуждами, лишь бы сохранить духовный санъ, освобождающій ихъ отъ налоговъ и повинностей государственныхъ.

Болѣе всего увеличиваетъ духовное сословіе классъ причетниковъ, причисленныхъ къ духовному званію, которыхъ и дѣти, окончившіе курсъ въ семинаріи, имѣютъ равное право на рукоположеніе съ дѣтьми священниковъ. Это равенство, по праву, имѣетъ свою вредную сторону, потому что бѣдность не позволяетъ причетникамъ готовить дѣтей къ высокому званію священника. Получая въ семинаріи одно схоластическое образованіе и не усвоивая, предварительно, въ дому родителей началъ нравственнаго воспитанія, причетническія дѣти рѣдко являются настоящими пастырями церкви.

Все это приводитъ къ сознанію не только одной необходимости улучшенія матеріальнаго быта духовенства, но и неотложной потребности ограниченія коренныхъ и родовыхъ его правъ и привилегій, несомнѣстныхъ ни съ духомъ настоящаго времени, ни съ собственною пользою духовенства.

Здѣсь вопросъ о сельскомъ духовенствѣ распадается на двѣ стороны, одинаковыя въ принципѣ, но расходящіяся въ порядкѣ и средствахъ своего исполненія: на улучшеніе матеріальнаго его быта и на нравственное его возвышеніе.

Но какъ упадокъ нравственнаго быта духовенства вредить успѣхамъ православія въ западномъ краѣ, возбуждая справедливыя нареканія народа, и служить поводомъ къ злонамѣреннымъ толкамъ болѣе еще, чѣмъ матеріальное его униженіе, то, измѣняя послѣдовательность изложенія въ этой запискѣ, обратимся прямо къ вопросу о нравственномъ возвышеніи духовенства.

Главнѣйшая причина упадка духовенства заключается *въ кастовой* его организаціи и въ *замкнутости* этого сословія въ отношеніи его правъ и образованія.

Уяснимъ теперь, по возможности, въ краткомъ очеркѣ, исторію образованія у насъ родоваго духовнаго сословія и разрѣшимъ вопросъ, существуютъ ли какія либо каноническія правила, утверждающія это родовое начало въ русской церкви.

Св. апостолы, избранные Спасителемъ изъ разныхъ колѣнъ Израиля, не установляя особаго сословія для служенія Богу, какъ это было въ ветхозавѣтной церкви въ колѣнѣ Левининомъ, рукополагали во всѣ должности, отъ епископской до діаконской, людей разнаго званія и состоянія. Они даже какъ бы не желали (въ противоположность ветхозавѣтной церкви), чтобы организовалось это сословіе когда либо, потому что не положили священнодѣйствующимъ обязательнаго условія на бракъ, но, напротивъ того, воспретили имъ въ этомъ званіи вступать въ супружество, дозволяя это однимъ чтецамъ и пѣвцамъ, готовящимся въ священство и діаконство, и то только однимъ желающимъ¹⁾.

Таковому правилу св. апостоловъ слѣдовали первые учителя церкви и всѣ вселенскіе соборы, которые прошли молчаніемъ о необходимости брачной жизни для лицъ священнодѣйствующихъ, и хотя на первомъ Никейскомъ соборѣ одинъ старецъ²⁾ и заявилъ эту мысль, но соборъ не сдѣлалъ никакого о томъ постановленія, предоставляя безбрачное состояніе (клириковъ) волѣ cadaго.

1) 26 правило св. апостолъ и VI вселен. собора 6 п.

2) Преподобный Пафнугій.

Вопросъ о безбрачности священнослужителей былъ въ послѣдствіи нѣсколько разъ возбуждаемъ, но церковь восточная, по прежнему, не воспрещая женатымъ поступать въ клиръ, не стѣсняла тоже и свободы священнослужителей оставаться безбрачными. Въ ея правилахъ брачная жизнь духовенства является вездѣ какъ *разрѣшеніе*, а не какъ *обязанность*. Изъ двухъ крайностей, брачной жизни и безбрачія, она избрала средній путь: желающимъ брака не препятствовать вступленію въ оный до рукоположенія, что окончательно и утверждено ею въ Константинополь, на соборѣ трульскомъ (622 года)¹⁾, который, допуская бракъ для поступающихъ въ клиръ, предоставилъ съ другой стороны болѣе свободы къ безбрачію, дозволивъ, въ видахъ строгаго благочестія, даже брачнымъ священникамъ расходиться съ женами своими и жить особо.

По перенесеніи православія въ Россію и при занятіи у насъ митрополіи греческими первосвященниками, правила эти соблюдались и у насъ; но какъ въ это время происходили между восточною и латинскою церквами сильнѣйшіе религіозные споры, то изъ опасенія безпорядковъ, какими наполнена исторія латинская, по безженству латинскаго духовенства, въ княженіе великаго князя Ярослава, первый русскій митрополитъ Іоаннъ 2-й, въ церковномъ правилѣ или посланіи къ черноризцу Іакову, постановилъ, между прочимъ, чтобы желающихъ степеней діаконской и священнической не постанавливать иначе въ санъ, какъ при условіи, если они оженятся. Правило это, внесенное у насъ въ Кормчую книгу, но православнымъ духовенствомъ другихъ странъ *не признанное за каноническое*, пріобрѣло въ Россіи такую силу, что даже женатымъ, но овдовѣвшимъ священникамъ запрещалось священподѣйствовать (Столг. соб.). Хотя запрещеніе это и было уничтожено, но оно оставило еще слѣдъ прежняго порядка дѣлъ въ общепринятомъ обычаѣ: не возводить вдовыхъ діаконовъ въ священники.

Въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна 2-го, а болѣе еще въ преданіяхъ и мѣстныхъ обычаяхъ, лежитъ основаніе организациі нашего духовенства въ отдѣльнве сословіе, къ которому причислялись не только дѣйствительно состоящіе на службѣ свя-

¹⁾ Правила трульскаго собора, 13.

ценнослужители. но и ихъ дѣти, пользовавшіеся особыми правами въ древнемъ обществѣ ¹⁾).

Хотя по малому числу священниковъ и были, по временамъ, невозбранно рукополагаемы въ священнослужители лица всѣхъ состояній, даже крѣпостные помѣщичьи крестьяне, а также духовенству нашему предоставлялась полная свобода въ избраніи для себя рода занятій ²⁾, однакоже недостатокъ образованнаго духовенства и усилившійся расколъ вызвали (въ 1731 г.) положительный законъ, которымъ повелѣно было: дѣтей священническихъ и причетническихъ набирать въ духовныя школы, съ воспрещеніемъ поступленія въ другія званія. Это узаконеніе довершило замкнутость духовнаго сословія. Но до послѣднихъ дней царствованія Екатерины II, при обязательной системѣ воспитанія, духовенство не пользовалось полнотою нынѣшнихъ своихъ правъ: дѣти не только причетниковъ, а даже и священниковъ, были сдаваемы въ военную службу и духовенство подвергалось тѣлеснымъ наказаніямъ. Съ этой только эпохи и въ законодательствѣ нашемъ въ первый разъ встрѣчается слово «духовное званіе». Въ царствованіе Павла I, Александра I и Николая I духовенство наше окончательно изолировалось отъ прочихъ сословій и достигло своей громадной числительности. Однако причетники и ихъ семейства хотя и приобрѣли званіе духовное, но права свои не слили съ правами лицъ священнодѣйствующихъ; имъ только дано позволеніе считаться духовными, съ присвоеніемъ однихъ правъ низшаго податнаго сословія; имъ возбраненъ доступъ въ гражданскую ³⁾ и военную службу и они за преступленія подвергаются наказаніямъ наравнѣ съ лицами податныхъ сословій ⁴⁾. Слѣдовательно они не получили преимуществъ *полнаго* духовнаго родоваго званія, какъ священнослужители, ни *полной* свободы избирать рода жизни и занятій, какъ лица другихъ сословій, а только привилегіи на неплатежъ податей и повинностей государству. Такое двуличное и аномальное положеніе класса причетниковъ стѣснительно и для нихъ самихъ, и для государства.

¹⁾ См. уст. Ярослава, ханскіе ярлыки, уст. Всеволода.

²⁾ Въ законодательствѣ царя Алексѣя Михайловича видимъ, что духовенство наше занималось торговлею и промыслами.

³⁾ Свод. зак., т. III, изд. 1857 г., ст. 4.

⁴⁾ Уложеніе о наказаніяхъ уголов. и исправ., ст. 19, прим. 1, изд. 1857 г.

Этотъ краткій очеркъ убѣждаетъ, что родовыя сословныя права нашего духовенства, организація его въ отдѣльную касту, непремѣнное обязательство брачной жизни для поступающихъ въ священнослужители и присвоеніе духовнаго званія причетникамъ, созданы, такъ сказать, русскою церковью съ утвержденія только правительства, которое вызвано было къ этому политическими и религіозными случайностями минувшаго времени; но теперь, когда обстоятельства измѣнились, когда дарованныя и усвоенныя привилегіи тяготятъ само духовенство и вредятъ правильному теченію народной жизни, наступила, кажется, святѣйшему синоду пора подвергнуть пересмотру случайныя установленія русской церкви, не основанныя на каноническихъ правахъ, и измѣнить ихъ сообразно съ новыми потребностями духовенства и народа.

Укажемъ теперь тѣ мѣры, которыя представляются, по крайнему нашему разумѣнію, необходимыми и возможными въ настоящее время для преобразованія духовнаго сословія въ западномъ краѣ, съ цѣлю нравственнаго и матеріальнаго возвышенія.

Прежде всего слѣдуетъ озаботиться объ *уменьшеніи* духовнаго сословія и въ этихъ видахъ, оставивъ прирожденными только *пастырей церкви*, присвоить послѣднимъ ту высоту значенія духовнаго сана, какую въ общемъ понятіи должно имѣть лице служащее алтарю.

Хотя по духу учрежденій апостольскихъ посвященіе въ духовный санъ можетъ невозбранно быть произведено надъ каждымъ членомъ церкви, но, принимая во вниманіе установившееся у насъ съ давнихъ временъ рукоположеніе преимущественно надъ лицами духовнаго сословія, не слѣдуетъ измѣнять этого вѣковаго обычая, имѣющаго, быть можетъ, и другое высшее значеніе. А потому, предоставляя іерейскія и діакопскія мѣста священнослужительскимъ дѣтямъ, приготовленнымъ къ пастырскому поприщу воспитаніемъ и имѣющимъ къ нему *призваніе*, слѣдуетъ измѣнить прежнюю обязательную систему какъ *въ этомъ отношеніи*, такъ и *по непремѣнному вступленію въ супружеское состояніе*, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые будутъ предназначаться въ званіе *миссіонерозъ*, т. е. возстановить у насъ вполнѣ апостольскія правила и соборныя постановленія, соблюдаемыя и доннынѣ православною церковію на востокѣ.

Если каждый родъ занятій требуетъ къ нему особаго призванія, то оно болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимо для пастыря церкви, который, независимо отъ высокости и вмѣстѣ съ тѣмъ скромности предстоящаго ему поприща, долженъ ежечасно бороться съ невѣжествомъ, терпѣть безропотно лишеніе и въ то же время утверждать въ другихъ добрыя правила нравственности.

Одного опредѣленія возраста недостаточно для того, чтобы дать церкви изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ истинныхъ пастырей, если поступающій на это святое поприще не будетъ проникнуть глубокимъ къ нему призваніемъ.

Въ этихъ видахъ тѣмъ изъ дѣтей священнослужителей, которые не чувствуютъ призванія къ духовному сану, слѣдуетъ предоставить полную свободу гражданскаго образованія, принятаго у насъ, и открыть имъ большій доступъ къ службѣ государственной и къ занятіямъ спеціальнымъ.

Въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ должны воспитываться одни священнослужительскія дѣти¹⁾, слѣдуетъ уничтожить замкнутость воспитанія, или такъ называемыя *бурсы*, семинаристамъ позволять жить во время учебное на квартирахъ²⁾, выдавая казеннокоштнымъ воспитанникамъ квартирныя деньги, какъ это принято нынѣ для студентовъ университетовъ, стараться, чтобы будущіе пастыри церкви знакомились со всѣми условіями жизни народной, изучали ее не по учебникамъ однимъ, или словамъ преподавателей, а повѣряли бы ее наглядно, собственными опытами. Для этого воспитаніе юпошества въ семинаріяхъ поручить преимущественно бѣлому духовенству, которое по собственному опыту можетъ передать дѣтямъ—будущимъ пастырямъ церкви то, что ожидаетъ ихъ

1) Въ Константинополь и Аѳинахъ юношество православ. исповѣданія, желающее посвятить себя духовному служенію, воспитывается въ университетахъ, гдѣ учреждены особыя богословскіе факультеты; но въ послѣднее время, на островѣ Халки, учреждена также духовная академія. У насъ приличнѣе всего воспитывать духовенство въ семинаріяхъ и академіяхъ, которыя необходимо только преобразовать въ отношеніи преподаванія и ввести для гражданскихъ наукъ свѣтскихъ преподавателей, съ утвержденіемъ мѣстнаго преосвященнаго.

2) Всего лучше помѣщать ихъ на общихъ квартирахъ, какъ это принято уже въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, гдѣ и воспитанники менѣе стѣснены и болѣе можно имѣть за ними надзора.

на пути предстоящаго имъ служенія. Для усиленія духовнаго элемента въ воспитанникахъ семинарій, будущихъ пастыряхъ церкви, самое опредѣленіе и увольненіе свѣтскихъ учителей предоставитъ духовной мѣстной власти, по примѣру опредѣленія и увольненія преподавателей въ римско-католическихъ семинаріяхъ и академіи ¹⁾. Монашествующему духовенству предоставитъ въ дѣлѣ воспитанія наблюдать за правильностію, ходомъ и единствомъ преподаванія духовныхъ предметовъ.

Для дочерей священнослужительскихъ открыть особыя въ каждой епархіи училища, предоставивъ воспитываться въ женскихъ гимназіяхъ и другихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ только тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ родители предпочитаютъ званіе свѣтское; но однако не возбраняеть и кончившимъ курсъ ученія въ гимназіяхъ дѣвицамъ духовнаго званія выходить замужъ за священнослужителей, если они того пожелаютъ.

Какъ ни однимъ изъ каноническихъ постановленій не даруется причетникамъ (т. е. дячкамъ и пономарямъ) духовнаго значенія, соборъ-же трульскій, замѣтивъ, что въ церкви Армянской принимаютъ въ клиръ только происходящихъ изъ священнаго сословія, по примѣру ветхозавѣтной церкви, не одобрилъ этого обычая, а велѣлъ смотрѣть не на родъ поставляемаго, но на его достоинство (прав. 33), то и уничтоженіе дарованныхъ причетникамъ свѣтскою властію правъ не нарушитъ правъ церкви, а будетъ только мѣрою административною, вполне справедливою и въ высшей степени полезною.

По примѣру введенія наемныхъ причетниковъ въ имѣніяхъ бывшихъ пахатныхъ солдатъ, въ полковыхъ церквахъ и при заграничныхъ миссіяхъ, слѣдовало-бы уничтожить нынѣшнее фальшивое положеніе священника къ причту, положеніе, которое составляетъ одну изъ главныхъ причинъ безпорядковъ въ нашей церкви и тѣхъ постоянныхъ раздоровъ, кои существуютъ почти въ каждомъ приходѣ, по случаю ограниченія власти священника въ отношеніи причетниковъ и подчиненія послѣднихъ прямо епархіальной власти.

Въ этихъ видахъ, причетниковъ держать съ найма и предоставить ихъ въ распоряженіе и большую зависимость отъ священ-

¹⁾ 105 ст. т. II, уст. дух. дѣлъ иностран. исповѣданій.

никовъ. Не присвоивать имъ никакого духовнаго значенія, а предоставить только общія права по рожденію; освободить ихъ отъ поступленія въ военную службу на все то время, пока будутъ состоять въ причетническомъ званіи, не изъемя отъ платежа другихъ государственныхъ повинностей.

Дѣтямъ ихъ открыть доступъ въ гимназіи и спеціальныя учебныя заведенія и дозволить имъ поступленіе на службу, но не иначе, какъ по полученіи ими ученыхъ степеней, какъ это предоставлено и мѣщанскому сословію.

Но здѣсь можетъ быть предложенъ вопросъ: низведя половину членовъ нашего духовнаго сословія въ состояніе податное, можно-ли будетъ найти достойныхъ служителей церкви въ этомъ послѣднемъ званіи, которое не усвоило себѣ даже простой, мертвой грамотности, и не будетъ-ли церковь загроудняться въ пріисканіи причетниковъ, а въ послѣдствіи этотъ недостатокъ не вызоветъ-ли правительство на новыя имъ привиллеіи? Также не образуется-ли изъ такихъ причетниковъ (которыхъ въ настоящее время въ 9 западныхъ губерніяхъ считается 9,323 человекъ, исключая ихъ семействъ) особаго класса пролетаріевъ?

Предлагаемыя реформы служатъ къ уменьшенію духовной касты въ *будущемъ*; въ настоящее-же время необходимо сохранить причетникамъ преимущество занять эти должности по найму, но оставить при церкви только тѣхъ изъ нихъ, которые съ честію проходятъ прежнее свое служеніе. Всѣхъ ихъ, какъ остающихся на своихъ мѣстахъ, такъ и заштатныхъ, не облагать лично податями и освободить отъ всѣхъ прочихъ повинностей и на всю жизнь; дѣтей-же причетническихъ приписывать къ податнымъ сословіямъ до 20 лѣтняго возраста безъ обложенія податями, а потомъ подчинить общимъ условіямъ мѣщанскаго быта. При такихъ основаніяхъ *въ первое время* церковь не будетъ имѣть недостатка въ причетникахъ; нынѣшніе достаточно обезпеченные предпочтутъ остаться на своихъ мѣстахъ; но разница въ томъ, что останутся только достойнѣйшіе изъ нихъ. *Въ будущемъ-же* духовенство должно само озаботиться приготовленіемъ служителей церкви изъ молодаго поколѣнія сельскаго класса, образованіе котораго находится въ рукахъ его. Правительству при томъ слѣдуетъ только ввести въ курсъ сельскихъ школъ обязательное преподаваніе церковныхъ предме-

товъ. Поселяне, имѣя въ виду пользу своихъ дѣтей, для которыхъ откроются честныя и вѣрныя средства къ жизни, и льготы, которыя можетъ предоставить имъ правительство (наприм. освобожденіе отъ рекрутства на время служенія церкви), охотно будутъ готовить дѣтей своихъ въ причетники.

Но за всѣмъ этимъ скрывается цѣль высшая, болѣе нравственная и политически-важная въ настоящее время, именно: развитіе въ народѣ соревнованія къ изученію церковности и надежда быть на ближайшемъ служеніи церкви возвысить духъ его, укрѣпить въ вѣрѣ и положить въ самомъ народѣ преграду соблазнамъ и проискамъ иновѣрныхъ пропагандъ и либеральныхъ стремленій. Между тѣмъ дѣти причетниковъ, освободясь отъ замкнутости настоящаго своего положенія, обратятся къ другому рода занятіямъ, по склонности и своему образованію, и найдутъ сами въ себѣ силы къ обезпеченію своего существованія; при томъ-же имъ не возбраняется готовиться и въ причетники, по желанію родителей.

Изложивъ такимъ образомъ необходимость измѣненія тѣхъ правъ православнаго духовенства, которыя имѣютъ связь съ каноническими установленіями нашей церкви и которые въ разрѣшеніи зависятъ отъ св. синода, перейдемъ къ мѣрамъ необходимымъ для матеріальнаго обезпеченія духовенства, изысканіемъ коихъ занимается нынѣ особо учрежденный при св. синодѣ комитетъ.

Для этого необходимо прежде всего дать помѣщеніе священникамъ¹⁾, чтобы вывести ихъ изъ крестьянскихъ хатъ и жидовскихъ корчемъ, гдѣ въ настоящее время многіе изъ нихъ живутъ по необходимости. *Оградить бытъ священниковъ* отъ всякой посторонней зависимости *увеличеніемъ содержанія* по крайней мѣрѣ до 500 руб. сер., чтобы тѣмъ хотя нѣсколько приблизить ихъ въ средствахъ къ жизни къ пастырямъ другихъ исповѣданій. Оставить

¹⁾ Это было всегда заботою нашего правительства. Въ указѣ Петра 1722 года запрещено духовенству коренныхъ губерній имѣть свои собственные дома, а велѣно было покупать и строить оныя на счетъ духовныхъ суммъ. Въ царствованіе Николая I составлено въ 1842 году положеніе объ устройствѣ въ западныхъ губерніяхъ домовъ причтамъ.

имъ изъ церковнаго участка въ надѣлѣ 15 дес. удобной земли для того, чтобы они въ первыхъ хозяйственныхъ нуждахъ не прибѣгали къ пособію прихожанъ, могли бы содержать лошадь для развѣдовъ по приходу и имѣли приличную прислугу.

Предоставить св. синоду изыскать средства къ обезпеченію престарѣлыхъ священниковъ, выслужившихъ 35 лѣтній срокъ, а также оставляющихъ служеніе по болѣзни и увѣчью, и ихъ семействъ приличнымъ пенсіономъ (по крайней мѣрѣ не менѣе получаемаго нынѣ гражданскими чиновниками), безъ котораго они остаются однимъ бременемъ для поступающихъ на ихъ мѣста.

Діаконовъ, какъ необходимыхъ только для большей торжественности служенія, оставить при однихъ только городскихъ церквяхъ, гдѣ прихожане болѣе состоятельны, чѣмъ въ селеніяхъ, и слѣд. могутъ, безъ собственнаго обремененія, дать имъ приличное содержаніе; при сельскихъ же приходахъ оставить ихъ только тамъ, гдѣ прихожане того пожелаютъ, или тамъ, гдѣ устроены или устраиваются поселянскія училища ¹⁾).

Въ обоихъ сихъ случаяхъ содержаніе ихъ должно быть отнесено на счетъ прихожанъ; а чтобы избѣжать особыхъ расходовъ на устройство домовъ для діаконовъ, то давать имъ помѣщенія при сельскихъ школахъ.

Причетникамъ, при содержаніи ихъ съ найма, производить жалованья по 150 р. сер. въ годъ, ограничить число ихъ *однимъ* на приходъ, устроить для нихъ при домахъ священниковъ одну

¹⁾ Въ настоящее время, когда польская литература провозглашаетъ во всѣ голоса и на всѣ тоны свою національность, стараясь увѣрить, что западныя области наши до Смоленска и Пскова составляютъ исконную Польшу, когда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ учреждаются сельскія школы, гдѣ, по примѣру, данному австрійскимъ правительствомъ въ Галиціи, вводятъ учебники на мѣстномъ русскомъ нарѣчій, печатанные польскимъ шрифтомъ, и когда латинское духовенство и помѣщичьи прикащики внушаютъ крестьянамъ мысль, что они поляки, а не русскіе, необходимо болѣе, чѣмъ когда либо, открытіе при церквяхъ поселянскихъ безмездныхъ школъ для распространенія русской грамотности и точныхъ историческихъ свѣденій о западномъ краѣ, искони русскомъ. Эти элементарныя и въ высшей степени полезныя школы поручить діаконамъ, у которыхъ болѣе свободнаго времени, чѣмъ у священниковъ; но съ тѣмъ, чтобы діаконы были изъ окончившихъ курсъ семинаріи.

особую комнату съ перегородкою ¹⁾), чтобы во всякое время они были въ распоряженіи священника.

Должность особыхъ просфирней упразднить вовсе, возложивъ обязанность заготовленія просфоръ на вдовъ и дочерей дѣвицъ священнослужительскихъ. Бывшимъ же просфирнямъ, не дѣлая ни какого пособія отъ прихожанъ, назначить пенсіонъ изъ духовныхъ суммъ, соотвѣтственно званію ихъ мужей, такъ какъ должность эта предоставлялась только однимъ вдовамъ священниковъ и діаконовъ.

Послѣ этого остается рѣшить вопросъ: гдѣ найти должный источникъ для увеличенія жалованья священникамъ и наемнымъ псаломщикамъ?

По внимательномъ соображеніи тѣхъ средствъ, которыя предоставляли, до настоящаго времени, прихожане и правительство духовенству, утвердительно можно сказать, что не только достаточно будетъ этихъ средствъ, но даже представится возможность освободить простой сельскій классъ отъ всѣхъ почти повинностей, кромѣ устройства помѣщеній для причта (и то въ половину меньшемъ размѣрѣ) и содержанія въ благолѣпіи сельскихъ церквей, которыя находятся нынѣ еще въ болѣе бѣдственномъ положеніи, нежели самое духовенство.

Денежныя средства на этотъ предметъ можно образовать изъ тѣхъ суммъ, какія жертвуетъ ежегодно правительство на жалованье духовенству и изъ дохода церковной земли, которая останется отъ надѣла священниковъ 15 дес. пропорціею. Землю эту слѣдуетъ облустровать повсемѣстно, для того, что-бы прихожане и правительство знали цыфру матеріальнаго состоянія духовнаго сословія и при всякой перемѣнѣ политико-экономическихъ условій государства могли тотчасъ же явиться на помощь духовенству и увеличить его содержаніе до необходимой нормы.

Но чтобы и тутъ избавить духовенство отъ всякихъ личныхъ столкновеній съ прихожанами, полезно было-бы образовать приходскіе совѣты изъ почетнѣйшихъ прихожанъ по выбору членовъ всего прихода. На совѣты эти возложить обязанность облустриро

¹⁾ Объ одной комнатѣ.

ванія земли, т. е. вѣрпаго исчисленія съ оной дохода, завѣдываніе кружечнымъ и свѣчнымъ сборами и отсылкою ихъ по назначенію, содержаніе въ приличномъ благолѣшиіи храмовъ и утвари церковной, уплату духовенству доходовъ съ земли, по исчисленнымъ предварительно окладамъ, и раскладку, а также взыскаііе съ каждаго недостающаго для полнаго обезпеченія духовенства количества денегъ, устройство училищъ и богоугодныхъ заведеній и вообще попечительство о церквахъ и духовенствѣ.

Совѣты эти должны состоять въ вѣденіи губернскихъ комитетовъ по обезпеченію духовенства. Во всѣхъ поименованныхъ предметахъ и сборахъ должны участвовать не только одни поселане, но и прихожане всѣхъ вообще сословіи, такъ какъ отношенія ихъ и нужды въ дѣлахъ вѣры одинаковы съ сельскимъ классомъ.

Подробный расчетъ указанныхъ средствъ на содержаніе духовенства и порядокъ распредѣленія оныхъ изложены въ особомъ приложеніи лит. В.

Но не одинъ матеріальный расчетъ жизни имѣется въ виду. Нравственное преобразование духовенства, возвышеніе его на степень самостоятельныхъ пастырей, уменьшеніе и со временемъ окончательное уничтоженіе касты, прекращеніе народнаго ропота и польза общаго нравственнаго его исправленія, котораго должно ожидать отъ предлагаемыхъ реформъ, выше всѣхъ расчетовъ.

Реформы эти только въ началѣ могутъ пугать духовенство, но оно скоро пойметъ пользу ихъ; въ православномъ же народѣ западныхъ губерній они произведутъ даже благое впечатлѣніе, потому что результаты этихъ мѣръ облегчатъ бремя повинностей и будутъ представлять подобіе прежней организациі униатскаго духовенства до воссоединенія съ православіемъ.

Правительство, улучшая такимъ образомъ и одновременно участь простаго народа уменьшеніемъ налоговъ и бытъ духовенства увеличеніемъ средствъ его содержанія, дастъ священникамъ возможность посвящать болѣе времени паствѣ. Безъ новыхъ, тяжкихъ въ настоящую минуту для государственной казны, пожертвованій оно пріобрѣтетъ истинныхъ пастырей-руководителей народныхъ; вызвавъ же изъ неподвижности праздную и бесполезную массу

причетниковъ, оно получить новыхъ дѣятелей на поприщѣ гражданскаго развитія государственныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать народному образованію средства къ желаемому преуспѣянію. Сравнивъ по содержанію наше западное духовенство съ пастырями другихъ исповѣданій, правительство возродитъ въ нашихъ священникахъ самостоятельную дѣятельность, необходимую въ западномъ краѣ для охраненія православнаго народа отъ происковъ латино-польской партіи, упогребляющей тамъ всѣ мѣры къ униженію нашего духовенства въ глазахъ паствы и къ привлеченію послѣдней въ католичество.

Предложенныя реформы, не нарушая ни политическихъ, ни гражданскихъ законовъ имперіи, ни каноническихъ правилъ церкви, и будучи собственно мѣрами административными и исполнѣ справедливыми, могутъ со временемъ быть примѣнены и къ великороссійскимъ губерніямъ, гдѣ матеріальный и нравственный бытъ духовенства требуетъ также улучшенія, хотя содержаніе его отъ прихожанъ возбудитъ тамъ менѣ ропота, чѣмъ въ западномъ краѣ, потому что сельское населеніе коренныхъ русскихъ губерній богаче, болѣе привязано къ церкви и искони привыкло къ порядку, тамъ давно существующему, но новому для приходо́въ запада.

Ограниченіе числа сельскихъ приходо́въ, наемъ причетниковъ, дозволеніе рукополагать (въ видахъ уменьшенія духовной касты) въ священнослужители безъ обязательнаго условія брака, реформа семинарій, учрежденіе женскихъ школъ, увеличеніе средствъ содержанія священниковъ безъ обремененія прихожанъ и государственной казны новыми налогами, устройство для нихъ приличныхъ помѣщеній, обезпеченіе престарѣлыхъ священниковъ, образованіе приходскихъ совѣтовъ и наконецъ открытіе при церкви поселянскихъ училищъ—вотъ мѣры къ дѣйствительному и прочному утверженію православія на западѣ Россіи.

Утвержденіе это въ настоящую минуту болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо; ибо полная въ Россіи вѣротерпимость при автономіи, къ которой стремятся иностранныя исповѣданія, желающія выбросить изъ нашего законодательства прерогативы господствующей вѣры, не принесетъ намъ пользы, ни въ смыслѣ истиннаго

прогресса, ни въ видахъ утвержденія предрержащей власти. И потому развитіе православныхъ элементовъ, при благоразумной оставкѣ западныхъ іезуитскихъ, либеральныхъ, протестантскихъ и другихъ чуждыхъ намъ стремленій, сохранить нашему отечеству, при всѣхъ перемѣнахъ, его ожидающихъ и чрезъ которыя съ Божіею помощію оное пройдетъ мирно и невредимо, мощную силу и историческую доблесть царелюбивыхъ предковъ нашихъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Лит. А. Витебскимъ губ. комитетомъ для обезпеченія православнаго духовенства полоцкой епархіи исчислено: одновременнаго расхода на постройку для причтовъ 468,342 р. и расхода ежегоднаго 29,370 р., на вознагражденіе священниковъ за необработку ихъ земель 26,700 р., за наемъ квартиръ для духовенства, пока не построятся дома, 14,205 руб. и 1071 руб. на пособіе духовенству при поступленіи въ должность. Всего ежегоднаго расхода 71,346 руб., а съ присоединеніемъ ежегодно ассигнуемой изъ казны на жалованье духовенству суммы до 70 т. р. будетъ 141,346 р., если же принять въ расчетъ предположенія того комитета о возвышеніи содержанія священникамъ до 500 р., тогда потребовалась-бы сумма ежегоднаго расхода до 195/т. р., а именно: на жалованье 267 священникамъ 133,500 р., на наемъ квартиръ до постройки домовъ 26,700 р. и до 35/т. на жалованье прочему причту.

Лит. Б. По витебской (полоцкой) епархіи на 124/т. душъ прихожанъ 267 священниковъ, 42 діакона, 270 дьячковъ, 186 пономарей и 225 просфирней, всего 990 человекъ, составляющихъ причтъ перковный. На каждаго священника среднимъ числомъ причтается 468 душъ и на каждый такой приходъ болѣе 3¹/₂ членовъ причта; въ смежной же съ витебскою губерніею, лифляндской, по лютеранскому консисторіату, на 525,654 души прихожанъ только 111 пасторовъ и на каждаго изъ нихъ круглымъ счетомъ причтается 5,276 душъ.

Лютеранскіе пасторы и адъюнкты-пасторы лифляндской губерніи среднимъ числомъ получаютъ слишкомъ 775 р. серебромъ¹⁾; православ-

¹⁾ Пасторы получаютъ не менѣе 1000 руб., а нѣкоторые и до 3000 руб.; цифра же эта умевьшается до 775 руб., потому что въ общій расчетъ вошли

ные же священники витебской губерні отъ 100 до 180 р., т. е. почти въ 7 разъ менѣ первыхъ. Если даже и существующія натуральныя повинности прихожанъ обратить въ денежные, то и тогда священникъ получить только до 270 р. въ годъ, или въ три раза менѣ пастора.

Лит. В. До настоящаго времени правительство ассигновало ежегодно полоцкой епархіи до 70/т. р., а повинности прихожанъ, по переложеніи ихъ на деньги, составляли (по исчисленію губернскаго комитета) 71/т., всего 141/т. р. сер., и при такихъ пожертвованіяхъ содержаніе священника, какъ объяснено въ приложеніи лит. Б, достигало едва до 270 р. сер. въ годъ, сумма очевидно едва достаточная для самой бѣдной жизни одинокаго человѣка, а священники наши большею частію имѣють значительныя семейства.

Если оставить при сельскихъ приходахъ только священниковъ и наемныхъ псаломщиковъ и назначить жалованье первымъ 500 р., а послѣднимъ по 150 р., то при настоящемъ состояніи епархіи изъ 267 приходоѡ потребовалась-бы сумма 173,550 р., или на 32/т. болѣе той, которая жертвовалась донинѣ. Для восполненія этой послѣдней суммы нужно было-бы прибѣгнуть къ новому налогу прихожанъ; но объясненныя въ запискѣ обстоятельства положительно доказываютъ, что не только увеличеніе налога не возможно, но необходимо озаботиться объ уменьшеніи повинностей прихожанъ, чтобы возстановить должныя отношенія между пастыремъ и паствою.

Въ этихъ послѣднихъ видахъ и въ цѣли лучшаго обезпеченія духовенства, необходимо соединить православныя приходы такъ, чтобы при каждомъ среднемъ числѡмъ состояло до 600 душъ ¹⁾ прихожанъ и тогда, при православномъ народонаселеніи полоцкой епархіи 124/т. душахъ, составилось бы въ той епархіи, вмѣсто 267, только 206 приходоѡ и на содержаніе при нихъ 206 священниковъ и столькихъ же псаломщиковъ потребовалось бы суммы 133,900 р. сер., т. е. 8/т. менѣ отпускаемой нынѣ ежегодно.

адъюнкты-пасторы (викаріи), лица безсемежныя и потому получающія меньшее содержаніе.

¹⁾ Не стѣсня прееосвященныхъ непремѣннымъ требованіемъ, чтобы каждый приходъ былъ не менѣ 600 душъ, слѣдуетъ, кажется, назначить только число приходоѡ въ епархіи и предоставить мѣстной духовной власти сообразоваться въ подробностяхъ съ условіями края, не запрещая разрѣшать образованіе приходоѡ и менѣ 600 душъ, но такъ, чтобы по всей епархіи не выходить изъ общаго, утвержденного святѣйшимъ синодомъ, числа прихожанъ.

Но чтобы еще болѣе облегчить сельскій классъ въ повинностяхъ, было бы полезно ввести слѣд. мѣры: церковную землю, за исключеніемъ 15 дес. въ надѣлъ священнику, отмежевавъ особо, облустровать и исчисленный доходъ съ оной обратить въ итогъ суммы, требуемой для содержанія духовенства.

Священникъ, имѣя землю въ 15 дес. и получая 500 р. сер. ежегодно жалованья, если не вполне будетъ обезпеченъ, то вдвое противъ прежняго улучшить свой бытъ и значительно приблизился бы, по независимости своихъ средствъ, къ священникамъ другихъ исповѣданій; а прихожане если не совершенно могли бы освободиться отъ повинностей въ пользу духовенства, то, съ причисленіемъ дохода съ земель церковныхъ, значительно были бы въ повинностяхъ этихъ облегчены. При этихъ мѣрахъ получены были бы слѣдующіе результаты:

По витебской (полоцкой) епархіи состоитъ нынѣ въ пользованіи духовенства удобной земли 12,604 десятины; для надѣла каждого изъ 206 священниковъ по 15 дес. потребовалось бы 3,090 дес., и въ остаткѣ 9,514 десят.; каждая десятина принесетъ въ той губерніи минимумъ валоваго дохода 10 р. 50 к. сер.¹⁾, изъ коихъ, отсчитывая $\frac{2}{3}$ на обработку и содержаніе рабочихъ, получится чистаго дохода 6 р. 20 к. сер., а съ 9,514 дес. 58,986 р. 80 к. сер. Прибави къ этому сумму, жертвуемую правительствомъ ежегодно до 70/т. р. сер., составитя 128,686 р. 80 к., менѣе требуемой до полной суммы на жалованье 4,913 р. 20 к., по раздѣленіи которой на 206 приходовъ будетъ причитаться на каждый по 23 р. 25 к., а на 600 человекъ прихожанъ причиталось бы къ платежу съ каждого около 4 к. сер. въ годъ. Если же принять въ соображеніе, что и 70/т. руб., жертвуемая правительствомъ, собираются съ тѣхъ же прихожанъ, то по раздѣленіи этой суммы на 124/т. душъ будетъ причитаться по $56\frac{1}{8}$ к., а всего съ каждого прихожанина по $60\frac{1}{2}$ коп. сер.,—налогъ очень незначительный и противу прежняго въ половину меньшій, а что всего важнѣе, не будетъ посягательства на личный трудъ поселнина. Но какъ количество земли церковной неравномѣрно, не только отдѣльно по приходамъ, но даже и въ каждой

¹⁾ Считая съ каждой десятины чистаго урожая, за отдѣленіемъ на посѣвъ $3\frac{1}{2}$ зерень, съ одной десятины будетъ $3\frac{1}{2}$ четверти хлѣба, полагая каждую четверть въ 3 руб. сер., получится 10 р. 50 к. Строгая повѣрка этихъ данныхъ на мѣстѣ приведетъ безъ сомнѣнія еще къ лучшимъ экономическимъ результатамъ.

губерніи, такъ-что въ одной губерніи на приходъ причтается 60 дес., а въ другой доходитъ до 200 дес., то люстрацію церковныхъ земель произвести посредствомъ приходскихъ совѣтовъ одновременно по всѣмъ 9 губерніямъ и исчислить вообще валовый доходъ ихъ, какой будетъ подлежать съ земли, и особо чистый доходъ, за отчисленіемъ расходовъ на обработку; этотъ послѣдній доходъ распределить по числу всѣхъ приходовъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, и если общая сумма дохода съ земель, съ присоединеніемъ къ ней суммы, жертвуемой правительствомъ, будетъ менѣе суммы, нужной на содержаніе духовенства, считая за норму 650 р. сер. на каждый приходъ, тогда недостающее количество распределить между прихожанами по числу душъ такъ, чтобы повинности эти и жалованье духовенству по каждой губерніи были одинаковы, не возбраняя приходскимъ совѣтамъ, по желанію ихъ, увеличивать содержаніе своего духовенства, по своему усмотрѣнію; если же сумма эта будетъ превышать нормальную сумму содержанія духовенства, то остатокъ предоставить въ распоряженіе губернскихъ комитетовъ по обезпеченію духовенства, раздѣливъ по ровну на каждую губернію, для увеличенія жалованья священникамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по особымъ обстоятельствамъ, какъ-то: по дороговизнѣ, по многосемейности и т. п., необходимо сдѣлать прибавку къ 650 р. сер.

Сборъ денегъ, слѣдующихъ съ прихожанъ, производить на слѣдующемъ основаніи: приходскіе совѣты, получа ежегодно свѣдѣнія изъ губерн. комитета, сколько слѣдуетъ къ сбору денегъ, а также сколько по уваженію совѣта нужно собрать на мѣстные приходскіе расходы, какъ-то: на поддержаніе церквей, училищъ, постройки домовъ и т. д., обязаны сдѣлать у себя внутреннюю раскладку, какъ найдутъ удобнѣе, по числу ли душъ, или по средствамъ каждаго прихожанина, и потомъ исчисливъ, сколько будетъ слѣдовать къ сбору съ податныхъ сословій, сообщить эти свѣдѣнія губерн. комитету для взысканія съ податныхъ лицъ по той системѣ, какая будетъ принята правительствомъ нашимъ по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; неподатныя же лица должны вносить упадающія на нихъ суммы прямо въ совѣтъ, который и обязанъ слѣдующія деньги въ жалованье священникамъ и причетникамъ отсылать въ уѣздныя казначейства, а изъ остальныхъ за тѣмъ суммъ удовлетворять прочіе расходы.

Въ совѣтахъ этихъ должны присутствовать и приходскіе священники на равнѣ съ прочими членами прихода, представлять совѣту о нуждахъ церкви и указывать на нужды приходскія.

Жалованье же какъ священники, такъ и причетники должны получать прямо изъ уѣздныхъ казначействъ; а чтобы надѣль земельный 15 дес. не стѣснялъ духовенство въ исполненіи его обязанностей къ паствѣ и не давалъ повода къ новымъ нареканіямъ его на бѣдность, предоставить ему на волю принять и обрабатывать землю, или отказаться и передать прихожанамъ, отъ которыхъ получить за нее люстраціонный доходъ.

Сообщилъ К. Береза.

Библіографія.

Матеріали для оцѣнки земель херсонской губерніи. Томъ II. Елисаветградскій уѣздъ. (Статистико-экономическое описаніе уѣзда). Составлено статистическимъ отдѣленіемъ при херсонск. губ. земск. управѣ. Съ двумя картами и 10 прилож.—Херсонъ, 1886.

Новый трудъ херсонскихъ статистиковъ отличается отъ вышедшей три года тому назадъ книги объ одесскомъ уѣздѣ большею полнотою въ разработкѣ деталей по вопросамъ оцѣночнаго содержанія и добавкою подробностей относительно экономического положенія сословныхъ группъ; все остальное: группировка данныхъ, добытыхъ при изслѣдованіи, методъ разработки оцѣночныхъ свѣдѣній и пр. осталось безъ измѣненія. Настоящая книга представляетъ томъ въ 547 страницъ текста и 85 страницъ приложений. Въ нее вошли свѣдѣнія о елисаветградскомъ уѣздѣ слѣдующаго содержанія: территория и населеніе, землевладѣніе и земледѣліе, сельско-хозяйственныя угодыя и ихъ производительность, и въ заключеніе помѣщенъ сводъ оцѣночныхъ данныхъ. Съ точки зрѣнія специальныхъ задачъ историческаго журвала для насъ представляются болѣе важными данныя о заселеніи уѣзда, вошедшія въ составъ названной книги, въ видахъ историческаго обоснованія происхожденія разныхъ формъ землевладѣнія и видовъ экономическихъ отношеній между общественными группами. Очеркъ по исторіи колонизаціи названной области не великъ (127—141 стр.), но заключаетъ указанія, не обращающія на себя вниманія старыхъ историковъ новороссійскаго края и нашедшія себѣ мѣсто и получившія соотвѣтствующее освѣщеніе въ изданіи статистическаго отдѣленія, именно, благодаря специальнымъ задачамъ послѣдняго.

По справкѣ о распредѣленіи населенія елисаветградскаго уѣзда по національнымъ группамъ видно, что 72⁰/₁₀₀ всего населенія составляютъ малороссы, за ними слѣдуютъ молдаване, великороссы, евреи, болгары, нѣмцы, поляки и др. Согласно съ этими цифровыми данными въ разбираемой главѣ обращено больше прежняго вниманіе на колонизацію запорожцевъ и малороссовъ, бѣжавшихъ изъ польскихъ областей, и на помѣщичью колонизацію,—колонизаціи же заграничной, преимущественно сербской, отведено заслуженное мѣсто на заднемъ планѣ картины. При составленіи этого очерка статистич. отдѣленіе пользовалось, кромѣ давно извѣстныхъ и отчасти устарѣвшихъ трудовъ г. Скальковскаго, недавно изданными мемуарами С. Пишчевича, также статьями разныхъ специальныхъ изданій, Полнымъ Собраніемъ законовъ и наконецъ матеріалами, почерпнутыми изъ устъ народа и изъ мѣстныхъ церковныхъ архивовъ.

Относительно запорожской колонизаціи указывается, что въ правобережныхъ приднѣпровскихъ степяхъ, кромѣ запорожскихъ зимовниковъ, гдѣ жили, какъ извѣстно, холостые казаки, были и слободы, населенныя семейнымъ посольствомъ, которое составляло подданство запорожскаго войска. По этому поводу небезынтереснымъ считаемъ замѣтить, что основаніе такихъ слободъ сдѣлалось особенно популярнымъ у запорожцевъ въ послѣдніе годы существованія Сѣчи, въ то время, когда на ихъ земляхъ поселены были сербы и другіе иностранные выходцы, а на южной окраинѣ Новой Сербіи учреждено Ново-козацье слободское поселеніе, составленное главнѣйше изъ бѣглыхъ малороссовъ, жившихъ дотолѣ на мѣстахъ, отведенныхъ сербамъ, отчасти изъ великороссовъ-раскольниковъ и изъ молдаванъ. Изъ сочиненія академика Гильденштедта, путешествовавшаго по елисаветградской провинціи въ 1774 г., и изъ «Примѣчаній на новороссійскій край» А. Пишчевича видно, что эти слободы запорожцами заводились по окраинѣ слободскаго поселенія; Гильденштедтъ говоритъ, что каждую весну запорожцы производили набѣги на слобожанъ, мѣшали имъ въ сельскихъ работахъ, угоняли рабочій скотъ и вводили въ свои новозаведенныя слободы самихъ слобожанъ. Такимъ образомъ эта колонизація запорожцевъ имѣла какъ-бы стратегическій характеръ, а ихъ слободы служили имъ форпостами въ предсмертной, отчаянной борьбѣ съ колонизаціей, приходившей извнѣ на ихъ земли.

Бѣглыми, въ качествѣ колонизаціоннаго матеріала, пользовалось и правительство, и помѣщики. Примѣры Ольшополя, Новоархангельска, Петроострова и Новомиргорода—поселеній, основанныхъ бѣглыми малороссами при поддержкѣ русскаго правительства,—примѣры, взятые ав-

торами разбираемой книги изъ бумагъ, нынѣ уже опубликованныхъ А. А. Андріевскимъ, далеко не единственные въ этомъ родѣ; такихъ поселеній основано было значительное число, и они служили поводомъ постоянныхъ раздоровъ между русскими и поляками, изъ которыхъ послѣдніе были сильно заинтересованы въ удержаніи населенія отъ побѣговъ на новыя мѣста, такъ какъ сосѣднія съ русскими владѣніями польскія области и сами заселены были недавно, и побѣги составляли большое мѣсто ихъ, а новопоселяемыя слободы за польскимъ рубежомъ часто служили убѣжищемъ для гайдамакъ и всѣмъ, чѣмъ могли, помогали послѣднимъ въ набѣгахъ на Польшу, за которые поляки отплачивали той же монетою.

Колонизація такого рода должна была прекратиться только съ изданіемъ въ 1827 и 1828 г. указовъ «о прекращеніи бродяжничества въ новороссійскомъ краѣ», коими бѣглецы обизывались принисываться къ помѣщикамъ, въ казенныя селенія и въ мѣщане; послѣдніе снимали землю у помѣщиковъ, чаще всего «за десятую», отъ чего и получили названіе «десятинщиковъ». Въ послѣднее время, послѣ воли, снова начали переходить въ елисаветградскій уѣздъ крестьяне изъ губерній кievской и подольской и поляки изъ тѣхъ же мѣстъ, а параллельно съ этимъ начинается эмиграція крестьянъ изъ елисаветградскаго уѣзда въ другія мѣста. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ приходится 28.44 души на 1 квадр. версту; онъ населенъ рѣже уѣздовъ, лежащихъ сѣвернѣе его, и гуще одесскаго, положеннаго южнѣе.

Помѣщичья колонизація пользовалась, въ качествѣ матеріала для заселенія своихъ дачъ, отчасти бѣглецами, какъ мы сказали выше, отчасти крѣпостными, переводя ихъ изъ другихъ имѣній и покупая у другихъ владѣльцевъ; такъ обр. сюда переходили крѣпостные изъ полтавской, черниговской, кievской, подольской, харьковской, курской, тамбовской, орловской, рязанской и другихъ губерній.

Отъ сербовъ въ настоящее время не осталось никакого слѣда, ни памяти въ уѣздѣ; они вполне поглощены болѣе сильной средой и обрусѣли. Держатся еще другія національности, но также неизбѣжно идутъ къ обрусѣнію, только медленнѣе тѣхъ. Сильнѣйшимъ средствомъ ассимиляціи народностей, населяющихъ уѣздъ, какъ и вездѣ, служатъ смѣшанные браки. Болгары избѣгаютъ смѣшанныхъ браковъ и охотнѣе женятся на молдаванкахъ, чѣмъ на малороссіянкахъ: послѣднія слишкомъ самостоятельно и независимо поставлены въ семьѣ, чѣмъ коренныя болгарки и чѣмъ молдаванки, и сверхъ того болгары особенно цѣнятъ въ женщинѣ умѣнье прясть, вышивать, дѣлать сукна и ковры, каковыми добродѣтелями болѣе отличаются молдаванки, чѣмъ малорос-

ісянки, обыкновенно покупающія эти предметы домашняго хозяйства на базарѣ. Молдаване, входя въ близкія сношенія съ малороссами, легче ассимилируются съ ними, но замѣчается, что молдаванки выходятъ замужъ за малороссовъ охотнѣе, чѣмъ малороссіянки за молдаванъ. Малороссы нерѣдко женятся на молдаванкахъ и на болгаркахъ, но чаще на великороссіянкахъ. Только нѣмцы составляютъ исключеніе, не смѣшиваясь съ другими народностями и не поддаваясь чуждымъ вліяніямъ. «Въ общемъ же можно сказать, что все населеніе, за исключеніемъ нѣмцевъ (на обрусѣніе послѣднихъ сильно вліяетъ въ послѣднее время всеобщая воинская повинность), постепенно теряетъ свои національные признаки, все болѣе и болѣе сливаясь съ малоруссами, которые, въ свою очередь, приспособляются къ своимъ сосѣдямъ, принимая въ свой языкъ много чуждыхъ ему словъ (молдавскихъ, великорусскихъ и болгарскихъ) и нѣсколько видоизмѣняя свои обычаи».

Къ разбираемой книгѣ приложены двѣ карты елисаветградскаго уѣзда: на первой обозначены густота населенія, пункты сбыта, движенія грузовъ и цѣны за доставку имъ, на второй—величина поселеній и распредѣленіе частнаго и мірскаго землевладѣнія. Въ «приложеніяхъ» находимъ метеорологическія таблицы и таблицы о населеніи, образцы условій найма на полевая работы и пр.

В. Я.

Три пьесы Ив. Карого. Херсонъ. 1886 г.

Съ предоставленіемъ въ послѣдніе годы нѣкоторыхъ правъ малорусской сценѣ, стала пополняться крайне бѣдный до той поры ея репертуаръ. Пьесы г. Карого являются въ немъ послѣдней новинкой. Онѣ появились на сценѣ въ началѣ 1886 года, а въ печати—во второй его половинѣ. Сценичность ихъ и способность автора схватывать новыя явленія жизни обратили на себя вниманіе. Въ вышедшемъ сборникѣ помѣщены одна историко-бытовая пьеса и двѣ изъ современной сельской жизни. Въ современныхъ пьесахъ замѣтна живая наблюдательность и характеры, не обычные въ малорусской драматургіи. Тѣневые краски—лучшія на палитрѣ г. Карого. Эгоизмъ, кулачество, будничная зурядность—вотъ явленія, которыя онъ замѣчаетъ всего удачнѣе. Лица идеальныя и героическія ему не удаются. На смѣну правдивыхъ красокъ выступаютъ фразеологія и слащавость..

«Бондаривна»—драма историческая только по имени. Мало въ ней общаго и съ извѣстной народной балладой этого названія, хотя

главныя лица тѣ-же, что и въ балладѣ. Трудно понять, по какимъ соображеніямъ авторъ отступилъ такъ далеко отъ народнаго преданія. Оно исполнено глубокаго драматизма, характеры лицъ, насколько они намѣчены въ пѣснѣ и разказахъ, занимательнѣе и сложнѣе. Фабула зиждется не на мотивахъ отдаленнаго политическаго гнета эпохи Хмельницкаго, къ которой приурочилъ г. Карый свою драму, а на болѣе близкомъ намъ, во всемъ сходномъ съ крѣпостнымъ правомъ, угнетеніи правобережныхъ пановъ середины прошлаго вѣка. Панъ староста каневскій, Николай Потоцкій, насколько выяснилась его личность, былъ самодуръ съ своеобразнымъ польско-козакофильскимъ от тѣнкомъ, отчасти вольтерьянецъ. У г. Карого это заурядный сластолюбецъ, да и роль его почти ступешвана. Активнымъ лицомъ въ несчастной судьбѣ Бондарыни является присиѣшникъ старосты, Герцель, мелодраматическій злодѣй, вкусившій отъ Шекспира. Дочь Бондаря Тетяна, по намѣренію автора, должна олицетворять типъ героической козачки стараго времени. Она плѣняется разказами запорожца Тараса о военныхъ подвигахъ и готова стать его женой, въ то время, какъ староста покидаетъ ее и убиваетъ, съ досады, что она ему не досталась. Рѣчи ея и Тараса занимаютъ въ драмѣ всего болѣе мѣста. Несмотря на обиліе словъ, мы не видимъ людей. Характеры ихъ «сдѣланы». Слова ихъ красивы, но холодны.

Пьеса лишена историческаго колорита. Мы не имѣемъ въ виду мелкихъ бытовыхъ подробностей и архаизмовъ. Надо, чтобъ въ людяхъ выведенной эпохи чувствовался опредѣленный историческій моментъ, тотъ «духъ времени», который сообщитъ свою печать всему остальному. Авторъ можетъ указать на Лессинга, который не высоко ставилъ спеціальныя условія исторической драмы и требовалъ только, чтобъ театръ поучалъ тому, «что всякій человѣкъ извѣстнаго характера сдѣлаетъ при данныхъ обстоятельствахъ». Но при этомъ условіи рѣчь о вѣкахъ и эпохахъ стала бы пустымъ звукомъ, и пьесы всѣхъ временъ и народовъ были бы похожи другъ на друга.

Сельская драма «Хто вынень» основана на мотивѣ несходства характеровъ жены и мужа и на угнетеніи невѣстки свекровью. Здѣсь лучше всѣхъ вводное лицо разбитной Варьки, любящей Гната (герой пьесы) и ради этой страсти совершенно спокойно разбивающей жизнь своей соперницы. Этотъ характеръ вылился цѣликомъ. Недурень и Гнатъ, заурядный человѣкъ, и злой, и добрый, смотря по условіямъ, въ какія ставитъ его жизнь, и по вліяніямъ, подъ какими находится. Типъ свекрови-матери не новъ. Пьеса вообще этимъ характеромъ напоминаетъ замѣчательный, тоже малорусскій, реалистическій этюдъ Сте-

ценка «Доля». Но нельзя ставить этого г. Карому въ вину. Мотивъ семейнаго гнета очень распространенъ въ самой народной поэзии и слѣдовательно есть отголосокъ явленія слишкомъ обычнаго въ сельской жизни. Какъ вырабатывается этотъ типъ домашней тиранки въ малорусской женщинѣ, вообще любящей и доброй? Эта, столь извѣстная, старческая придирчивость свекровей, доводящая иногда до семейнаго ада, является, можетъ быть, результатомъ утомленія трудовою жизнью, наслѣдіемъ прожитой невзгоды. Обстановка крестьянской жизни придаетъ ей мелочныя, тяжелыя формы... Надо сказать, что непріязнь къ невѣсткѣ, какою она выведена у г. Карого, сообщается отчасти и читателю. До того нервно-плаксива и слащава его Софія. Таковы же и другія добродѣтельныя лица пьесы. Зато дивчата и парубки въ народныхъ сценахъ нарисованы чрезвычайно правдиво.

Наиболѣе интересна по темѣ и по лицамъ комедія «Розумный и дурень». На сценѣ современное и дѣйствующее поколѣніе, выросшее въ пореформенную эпоху.

Старый Окунь честно нажилъ когда-то добро чумачествомъ. Теперь онъ мирно доживаетъ вѣкъ при дѣтяхъ. У него два сына,—двѣ совершенно разныя натуры. Старшій, Михайло, заправляетъ всѣмъ хозяйствомъ. Это человѣкъ инстинктовъ наживы, глубоко постигшій тѣ пружины, съ помощью которыхъ можно прожить и обогатиться сельскій людъ, пользуясь его довѣрчивостью и невѣдѣніемъ. При содѣйствіи мелкобуржуазнаго «аблаката» онъ устраиваетъ выгодныя аферы съ шинками, взявъ право торговли на свое имя и перепродавъ его евреямъ. Онъ настраиваетъ отца противъ младшаго брата и достигаетъ передачи всего имущества себѣ «для удобства управленія». Данило, меньшій братъ, кой чему учился, кой что прочелъ. Это человѣкъ совѣстливый, направленный на добро. Онъ становится поперекъ дороги брату, и тотъ принуждаетъ его покинуть домъ и идти на заработки.

У Данила есть невѣста, на которую засматривается и старшій братъ. Онъ не столько любитъ ее,—къ любви такіе люди не склонны,—сколько очарованъ ея умомъ, однимъ изъ тѣхъ самородковъ, какими поражаетъ иногда наше крестьянство. Самой Маринѣ больше по душѣ Данило. Но его лишили наслѣдства, а она бѣдна и выросла «въ злыдняхъ». За Михайломъ она забудетъ нужду, станетъ богатой хозяйкой, всѣми уважаемой. Борьба сердечныхъ стремленій съ крутыми условіями жизни кончается торжествомъ «благоразумія».

Теперь она вѣрная помощница мужа во всѣхъ хитрыхъ его затѣяхъ, вся преданная культу благополучія, выше всего цѣнящая достатокъ. «Цилуй, тильки не помны одежи!» Вся она въ этихъ словахъ.

Одна изъ плутней Михайла разоблачена. Отець, отъ имени котораго совершена сдѣлка, долженъ или платить крупный штрафъ, или сѣсть въ острогъ. Практическіе сынъ и невѣстка уговариваютъ старика избрать этотъ дешевый способъ отдѣлаться отъ штрафа. Въ это время возвращается Данило и освобождаетъ отца отъ позора своими заработанными деньгами. Онъ застаётъ свою невѣсту женою брата.

Михайло, Марьяна и старики—живыя лица. Блѣднѣе идеалистъ Данило. Изъ царства тѣней взята также пораженная стрѣлой Купидона Марта, своею любовью наполняящая совѣмъ ненужный четвертый актъ, гдѣ рисуются сцены на рыбныхъ промыслахъ.

Блѣдность идеальныхъ лицъ у г. Карого зависитъ оттого, что главная его сила въ наблюденіи, а такія лица сочиняетъ онъ по готовымъ образцамъ. Въ малорусскихъ пьесахъ накопились отъ старыхъ временъ нѣкоторыя черты сентиментализма и условности, которыя давно пора оставить. Ихъ фальшивый тонъ нисколько не маскируется для насъ народной рѣчью. Народными сельскія пьесы должны быть не по языку только, но по складу изображаемыхъ людей, по формѣ ихъ мысли, по типу ихъ развитія. Г. Карый имѣетъ всѣ данныя, чтобъ стать правдивымъ, не связаннымъ никакой условностью, наблюдателемъ народной жизни. Къ защитѣ высшаго духовнаго строя, къ лицамъ «добродѣтельнымъ» также строго должны примѣняться требованія правды и реализма, какъ и къ другимъ. Иначе г. Карый заставитъ, пожалуй, согласиться съ старымъ афоризмомъ, по которому самая скучная вещь на свѣтѣ—добродѣтель.

Г.

Коротка исшорія литературы руской, Омеляна Огоновскаго.

Имя профессора львовскаго университета Ом. Огоновскаго въ Галиціи и въ Россіи пользуется почетной извѣстностью. Въ Галиціи г. Огоновскаго знаютъ и цѣнятъ преимущественно за его полезную общественную дѣятельность, какъ человека, словомъ и дѣломъ отстаивающаго жизненные интересы русскаго населенія. Въ Россіи извѣстность г. Огоновскаго не выходитъ за предѣлы ученаго міра, и здѣсь въ лицѣ проф. Огоновскаго признаютъ крупнаго научнаго дѣятеля, обогатившаго науку нѣсколькими полезными работами. Наибольшей извѣстностью пользуются слѣдующія сочиненія г. Огоновскаго:

1) *Слово о полку Игоревѣ*. Львовъ. 1876 г. Предисловіе въ началѣ изслѣдованія небольшія замѣчанія о состояніи русской образованности въ XII в., г. Огоновскій далѣе опредѣляетъ историческую и по-

этическую сторону Слова, предлагает замѣчанія объ авторѣ Слова и характеристику Игоря, говоритъ о языкѣ и поэтическихъ мотивахъ Слова, изданіяхъ и переводахъ и наконецъ предлагаетъ самый текстъ памятника, переводъ на галицко-русскій языкъ, и массу интересныхъ объясненій на отдѣльныхъ мѣста Слова. Не смотря на то, что литература Слова громадна, что надъ разясненіемъ этого памятника работали лучшіе ученые въ Россіи и что г. Огоновскому, писавшему свое изслѣдованіе во Львовѣ, не были извѣстны нѣкоторые цѣнные русскія изслѣдованія по этому предмету, трудъ г. Огоновскаго оказался на высотѣ современныхъ научныхъ требованій и внесъ много новаго, любопытнаго и полезнаго.

2) *O przyimkach w językach starosłowiańskim, ruskim i polskim* въ V т. журнала краковской академіи наукъ: «Rozprawy i sprawozdania» 1879 г.—Проф. А. А. Кочубинскій въ своемъ сочиненіи «Итоги славянской и русской филологіи», на стр. 89, такъ отзывается объ этомъ сочиненіи г. Огоновскаго: «Трудолюбивая компіляція по отношенію къ старославянскому языку, съ экскурсіями въ сравнительную грамматику, сравнительная главнымъ образомъ по Миклошичу. Вообще, полезный обзоръ предлоговъ въ сказанныхъ трехъ языкахъ, съ ихъ этимологическимъ и синтаксическимъ значеніями».

3) *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache* (Lemberg, 1880.) являются третьимъ крупнымъ по объему и весьма цѣннымъ въ научномъ отношеніи изслѣдованіемъ г. Огоновскаго. Въ началѣ изслѣдованія находятся главнѣйшія историко-литературныя данныя о географической распространенности малорусскаго языка и его нарѣчійхъ. Затѣмъ слѣдуетъ специальное изслѣдованіе о звукахъ, словообразованіи, именахъ, глаголахъ и предлогахъ. Ясность въ изложеніи и систематичность въ группировкѣ филологическихъ фактовъ составляютъ крупныя достоинства г. Огоновскаго, какъ филолога. Для всякаго, приступающаго къ специальному изученію малорусскаго языка, «Studien» Огоновскаго могутъ служить ариадниной нитью на извилистыхъ путяхъ филологической науки. Изученіе этого сочиненія принесло бы пользу также малорусскимъ писателямъ, поставивъ на твердую научную почву ихъ практическое знаніе языка, не всегда свободное отъ недоразумѣній и ошибокъ въ частныхъ случаяхъ. «Studien» проф. Огоновскаго тѣмъ болѣе цѣнны, что въ области изученія звуковъ и формъ малорусскаго языка и въ области синтаксиса сдѣлано немного и немногими учеными, Миклошичемъ, Потемней, Житецкимъ, П. Лавровскимъ и Смаль-Стоцкимъ. Многое совсѣмъ не затронуто; такъ, не опредѣлено значеніе церковнославянскаго языка въ южной Руси, нѣтъ историческаго словаря мало-

рускаго языка, не опредѣлены его заимствованія изъ языковъ татарскаго, румынскаго, нѣмецкаго, ни степень его вліянія на языки румынскій и бѣлорусское нарѣчіе, нѣтъ критики литературныхъ памятниковъ, нѣтъ порядочнаго толковаго словаря.

Небольшія историко-литературныя статьи г. О. Огоновскаго разбросаны въ лучшихъ изданіяхъ галицкихъ, въ «Зорѣ» и «Дѣлѣ».

Въ «Зорѣ» прошлаго 1886 года напечатана «Краткая исторія» кіево-галицкой литературы съ древнѣйшихъ временъ по XIX ст. Изъ объявленія редакціи «Зори» объ изданіи журнала на 1887 годъ видно, что въ предстоящемъ году въ «Зорѣ» будетъ напечатана «Исторія русской литературы XIX в.» Эти новые труды проф. Огоновскаго представляютъ первый опытъ систематическаго изложенія южнорусской письменности съ древнихъ временъ до настоящаго времени. Въ краткомъ, но ясномъ и живомъ предисловіи въ 1 № «Зори» авторъ опредѣляетъ общій ходъ развитія южнорусской литературы, отношеніе книжной письменности къ безыскусственной народной поэзіи и раздѣляетъ исторію южнорусской литературы на пять періодовъ: 1) Отъ начала южнорусской литературы, т. е. отъ XI в. до нашествія татаръ (1440). Это славянско-русскій періодъ. 2) Отъ татарскаго нашествія до соединенія южной и западной Руси съ Польшею (1386). Это періодъ упадка литературной жизни на Руси. 3) Отъ соединенія Руси съ Польшею до основанія Петромъ Могилей въ Кіевѣ коллегіи (1632 г.),—періодъ польско-русскій. 4) Отъ основанія коллегіи до Ивана Котляревскаго, — періодъ схоластическій и 5) отъ Ивана Котляревскаго до настоящаго времени,—періодъ народный. Это дѣленіе южнорусской литературы на пять періодовъ нельзя признать вполне удачнымъ. Недоразумѣніе читателей вызываетъ третій періодъ, почему-то называемый авторомъ польско-русскимъ. Появленіе въ этомъ періодѣ «Перестроги» и посланій Іоанна Вишенскаго и выдающееся положеніе въ системѣ народнаго обученія греко-славянскихъ наукъ не оправдываетъ наименованія этого періода русско-польскимъ. Національное самосознаніе южнорусскаго народа въ это время было весьма развито, что выразилось и въ тогдашней литературѣ, и въ этой именно области противоположеніе всего русскаго польскому (въ языкѣ, вѣрованіяхъ и бытѣ) было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ схоластическій періодъ южнорусской литературы. Основательнѣе было бы назвать этотъ періодъ греко-русскимъ, по сильному вліянію византійской школы на русскую и по случаю появленія въ южной Руси конца XVI и начала XVII ст. такихъ дѣятелей изъ грековъ, какъ Никифоръ и Теофанъ.

Въ №№ 2—6 «Зори» находится историческій очеркъ русской литературы съ XI до половины XIII ст., о м. Иларіонѣ и Данилѣ Мнихѣ,

о сборникахъ Святослава, Печерскомъ Патерикѣ, Русской Правдѣ, Поученіи Владиміра Мономаха, Лѣтописи Нестора и Лѣтописи кievской и наконецъ о Даниилѣ Заточникѣ и Словѣ о Полку Игоревѣ. Для русскихъ ученыхъ эта часть изслѣдованія г. Огоновскаго не представляетъ интереса, какъ краткая компиляція на основаніи обширной русской научной литературы о древне-русской письменности.

Въ №№ 7—8 говорится о южно-русской литературѣ времени татарскаго ига, о м. Кириллѣ, Серапіонѣ и м. Кипріанѣ, затѣмъ о Кормчей, Пчелѣ, Златой цѣни, апокрифахъ древнихъ списковъ, воыно-галицкой лѣтописи и княжескихъ грамотахъ. Принадлежность м. Кипріана и въ особенности владимірскаго еп. Серапіона южнорусской литературѣ представляется весьма сомнительной.

№№ 8—16 находится сначала общій историческій и литературный обзоръ жизни южнорусскаго народа въ XV, XVI и въ первой половинѣ XVII ст. и затѣмъ статьи о м. Фотіѣ (какъ намъ кажется, напрасно отнесенномъ въ число южнорусскихъ писателей), Григоріѣ Цимблакѣ, Спмеонѣ Будномъ, Христофорѣ Бронскомъ, Мелетіи Смотрицкомъ, Иванѣ Вишенскомъ, Кириллѣ Транквилионѣ-Ставровецкомъ, Захаріи Копыстенскомъ, Лаврентіи Зизаніи и Исаяѣ Ёоинскомъ. Далѣе слѣдуетъ статья о первыхъ типографахъ, Фіолѣ, Скоринѣ, Ѳедоровѣ и Слезкѣ, и о рукописныхъ переводахъ Библии. Это одна изъ лучшихъ главъ въ изслѣдованіи г. Огоновскаго, по полнотѣ и фактичности. Также хорошо составлена слѣдующая затѣмъ глава о грамматикахъ, словаряхъ, лѣтописяхъ и законодательныхъ памятникахъ XV и XVI ст. Разсмотрѣніе «польско-русскаго» періода завершается обзоромъ повѣстей и сказокъ: о Соломонѣ и Китоврасѣ, Александрѣ Македонскомъ, Троянской войнѣ, Стефанитѣ и Ихнилатѣ, Индіи богатой, Дмитріѣ Басаргѣ, Девгечіи Акритѣ, Синагрипѣ, Варлаамѣ и Юсафѣ. И въ этой главѣ, составленной преимущественно по Пышину, есть любопытные факты и указанія, наир. указаніе на малорусскій переводъ повѣсти о Варлаамѣ и Юсафѣ XVII ст.

Въ №№ 17—24 находится обзоръ, большею частью компилятивный, южно-русской схоластической литературы XVII и XVIII ст. Слѣдлавъ предварительно общую характеристику южнорусской образованности и литературы XVII в., г. Огоновскій предлагаетъ статьи о Петрѣ Могилѣ, Іоанникіѣ Галитовскомъ, Лазарѣ Барановичѣ, Иннокентіѣ Гизелѣ, Симеонѣ Полоцкомъ и Дмитріѣ Тупталѣ Ростовскомъ. Далѣе слѣдуетъ статья о южнорусскихъ мистеріяхъ, интермедіяхъ и вертепной драмѣ, и статья о лѣтописяхъ и хроникахъ Ин. Гизеля, Леонтія Боболинскаго, Самовидца, Григорія Грабянки, Самойла Велички, Лукомскаго, Ханенка, Симоновскаго, Конисекаго и Ригельмана. Эти двѣ

статьи—однѣ изъ лучшихъ по группировкѣ историко-литературныхъ фактовъ. Послѣдняя заключительная или точнѣе сказать переходная глава къ предстоящему изслѣдованію о новой южнорусской литературѣ посвящена Климентію, Зиновію и Гр. Сковородѣ, которые уже отчетливо обнаружили наклонность выйти, по выраженію автора, «на шляхъ широкій, далекій, на шляхъ народной просвѣты».

Вообще «Краткая исторія русской литературы» г. Огоновскаго полезный трудъ, особенно для галичанъ. Ничто такъ не поднимаетъ національнаго самосознанія, какъ знакомство съ литературой и словесностью роднаго народа, выражающихъ идеальныя стремленія лучшихъ людей. Изученіе литературы не только углубляетъ и расширяетъ чувство уваженія къ народу, какъ коллективной нравственной личности, но и обосновываетъ это чувство на твердыхъ разумныхъ основаніяхъ. Соотвѣтственно съ тѣмъ расширяется міросозерцаніе и улучшается моральная сторона интеллигентныхъ индивидуумовъ. Въ итогѣ возникаетъ взаимное пониманіе и нравственная связь между интеллигенціей и народомъ, городомъ и селомъ, паномъ и мужикомъ, жизнь того и другаго начинаетъ улучшаться и облагораживаться, по мѣрѣ ихъ взаимнаго сближенія и общей дѣятельности на поприщѣ цивилизаци и культуры.

Н. С.

*Виленскій календарь на 1887 годъ. Четвертый годъ изданія.
Вильна. 1886 г.*

Въ замѣткѣ о «Виленскомъ календарѣ» на прошлый годъ, помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» за февраль минувшаго года, мы указали на то, что изданіе «Виленскаго календаря» выдается между многими этого рода изданіями по строго обдуманному плану, связывающемуся какъ на составѣ общихъ календарныхъ статей и справочныхъ свѣдѣній, такъ и на подборѣ разнаго рода восполнительныхъ статей, имѣющихъ мѣстный интересъ—историческій и современный, религіозный, общественный, экономическій и т. под. Съ удовольствіемъ констатируемъ, что этотъ планъ настойчиво и умѣло выдерживается и въ изданіи календаря на текущій 1887 г. Въ самомъ составѣ календарныхъ статей и справочныхъ свѣдѣній общаго свойства примѣчается желаніе редакціи восполнить отдѣлы этихъ статей и свѣдѣній внесеніемъ въ оныя такихъ частей, которыми округляется содержаніе ихъ за прежніе годы, такъ что календарь каждаго года удерживаетъ свою относительную пригодность, календарь минувшаго года не утрачиваетъ интереса при календарѣ новаго года и въ свою очередь не ограничиваетъ интереса ново-

годняго календаря перестановкою цифръ въ святцахъ и т. п. Какъ на примѣръ полезнаго восполненія обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній въ Виленскомъ календарѣ на 1887 г., укажемъ въ частности на статистическій отдѣлъ и здѣсь—на часть его, озаглавленную: «Образованіе въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи» (стр. 168—172). И для посторонняго наблюдателя назидательно всматриваться въ цифры, представляемыя статистикою образованія въ сѣверо-западномъ краѣ, дающею видѣть несомнѣнные успѣхи его и возбуждающею пожеланія дальнѣйшаго развитія этой силы, на могуществовѣ которой прежде всего покоятся надежды русскаго дѣла въ краѣ. Впрочемъ не останавливался на тѣхъ отдѣлахъ и статьяхъ календаря, которые болѣе или менѣе входятъ въ общій составъ всякихъ изданій этого рода, отмѣтимъ помѣщенные въ Виленскомъ календарѣ на 1887 г. статьи литературнаго характера, представляющія тотъ или другой мѣстный интересъ, во многомъ общій юго-западному краю съ сѣверо-западнымъ.

Въ церковномъ отдѣлѣ, въ видѣ продолженія историческихъ, назидательныхъ чтеній, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ, теперь помѣщены свѣденія о чудотворныхъ иконахъ, особенно объ иконахъ мѣстныхъ и вообще всей западно-русской окраины ¹⁾. Помимо общей религіозной назидательности этого рода чтеній, сказанія о мѣстныхъ иконахъ и святыняхъ имѣютъ большое значеніе для исторіи края, въ особенности исторіи церкви, судьбы православія въ борьбѣ съ иновѣріемъ, исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, даже лицъ и семей, въ немалой также степени и для исторіи народнаго быта, народныхъ преданій и вѣрованій. Безъ сомнѣнія, въ сказаніяхъ о мѣстныхъ иконахъ и святыняхъ всегда было и останется немало легендарнаго, уже по тому, что основою этихъ сказаній очень нерѣдко служатъ устные рассказы и преданія. Но это не умаляетъ указаннаго выше интереса этихъ сказаній. Авторъ статьи объ иконахъ не одинъ разъ ссылается на монастырскія или церковныя записки, содержащія эти сказанія. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ, отъ имени редакціи, приглашаетъ приходскихъ священниковъ доставлять ей имѣющіяся на мѣстѣ свѣдѣнія о чудотворныхъ иконахъ, съ тѣмъ, чтобы они основаны были на историческихъ данныхъ и т. д. Полагаемъ, что работа какъ надъ собраніемъ и изданіемъ существующихъ письменныхъ сказаній, уже извѣстныхъ, но неизданныхъ, такъ и надъ отысканіемъ и приведеніемъ въ извѣстность другихъ, была бы полезна и въ смыслѣ разработки матеріаловъ для исторіи края въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ его.

¹⁾ Къ календарю приложены снимки четырехъ иконъ: мниской, колошской, билиничской и супрасльской.

Послѣ статьи, представляющей оживленное описаніе отраднѣйшаго событія для края въ минувшемъ году, какимъ было посѣщеніе его ихъ императорскими величествами, государемъ императоромъ и государынею императрицею, съ августѣйшими дѣтьми и прочими особами царствующаго дома, слѣдуютъ въ календарѣ историческіе очерки изъ прошлой судьбы края, какъ-то: 1) *Религіозное состояніе Литвы предъ появленіемъ въ ней іезуитовъ и начало дѣятельности ихъ въ Вильнѣ*, 2) *Историческій очеркъ городского населенія въ Западной Россіи* и 3) *Вильна и Виленцы въ 1812 г.* Первая двѣ статьи дѣльно обработаны въ научномъ отношеніи, съ признаками болѣе самостоятельнаго отношенія къ предмету въ послѣдней статьѣ. Нѣтъ нужды говорить о современной назидательности такихъ историческихъ воспоминаній, какія вызываются обоими очерками. Но по силѣ живой современной назидательности еще болѣе замѣчательна статья: *Вильна и Виленцы 1812 г.* Виленскіе эпизоды этого года давно были рассказаны Кукольниковъ; въ статьѣ «Виленскаго календаря» рассказъ этотъ кое въ чемъ пополненъ. Какъ было бы желательно, что бы эти эпизоды почаще припоминались самими потомками тѣхъ, которые были участниками ихъ въ 1812 году! Съ полнымъ правомъ авторъ статьи: *Вильна и Виленцы 1812 г.* могъ заключить свой рассказъ выраженіемъ такой надежды: «будемъ надѣяться, что тяжкія внушенія историческихъ событій и давняго прошлаго и не столь отдаленнаго времени, не пропадутъ безслѣдно, будемъ чаще приводить себѣ на память это прошлое и заимствовать у него уроки благоразумія, честнаго отношенія къ своей родинѣ, вѣрѣ и Богомъ данному правительству».

Какъ и въ прошломъ году, въ календарѣ помѣщены некрологи скончавшихся въ минувшемъ году лицъ изъ служившихъ въ западномъ краѣ Всѣхъ некрологовъ 14. Не повторимъ того, что было въ прошлый разъ сказано нами о живомъ интересѣ этого рода некрологическихъ очерковъ, интересѣ, возбуждаемомъ особенностями службы, служебнаго и жизненнаго положенія русскихъ людей, проходившихъ все свое жизненное поприще или часть его въ сѣверо-западномъ краѣ. Нѣкоторые изъ некрологовъ представляютъ особенно назидательныя характеристики; начертаны онѣ, какъ видно, лицами, проникнутыми тѣмъ-же духомъ вѣрнаго служенія долгу, который одушевлялъ почившихъ дѣателей и не изнемогалъ среди постигавшихъ ихъ испытаній. время которыхъ, къ счастью, миновало для продолжателей ихъ трудовъ. Отчетливѣе другихъ составлены некрологи Виноградова, Зюзюкина, Малиновскаго, кн. Оболенскаго, еп. Смарагда, протоіерѣя Чудовскаго, уч. Шолковича и Юшкевича. Чудовскій, памятный и намъ

еще по Жировицамъ и немалое время по его служенію въ Новгородѣ, могъ-бы своею личностью и своею дѣятельностью представить, кажется намъ, и болѣе обильный матеріалъ для біографической характеристики, если-бы авторъ не стѣснялся предѣлами очерка въ формѣ некролога.

Въ календарѣ на 1886 годъ помѣщена была статья: „Необходимыя условія для прибыльнаго земледѣлія въ Россіи“. Новый опытъ въ томъ-же направленіи представляетъ помѣщенная въ календарѣ 1887 г. статья: «Жизнь растений, какъ основной источникъ знаній для земледѣлія». Въ предисловіи авторъ статьи превосходно выясняетъ ту простую, но большинствомъ не усматриваемую, сознаваемую лишь немногими истину, что упадокъ земледѣлія, вызывающій общія сѣтованія и жалобы, наиболѣе существенную причину имѣетъ именно въ недостаткѣ сельско-хозяйственныхъ научныхъ знаній, въ неумѣннхъ хозяйничать и отчасти въ жизни не по средствамъ, расточительности. Въ глубокомъ сознаніи этой истины и предприняты авторомъ эти научно-популярныя изложенія по вопросамъ о земледѣліи, имѣющія продолжаться и въ слѣдующихъ изданіяхъ календаря. Дай Богъ, чтобы это доброе и разумное слово науки падало не на каменистую почву: впрочемъ капля и камень пробиваетъ!

И. Малышевскій.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

Гетманская усыпальница.

Ученый изслѣдователь украинской старины никогда бы не пожалѣлъ о потраченномъ времени, если бы вздумалъ посѣтить мѣстечко Сорочинцы полтавской губерніи, миргородскаго уѣзда. Сорочинцы, нѣкогда полковой городъ, сохраняютъ доселѣ остатки земляныхъ валовъ, насыпанныхъ когда-то вокругъ мѣстечка въ цѣляхъ военныхъ, а нынѣ раскапываемыхъ обывателями въ совершенно мирныхъ цѣляхъ. Уцѣлѣвшій валъ съ восточной стороны представляетъ довольно значительную крутизну; на ней храмъ старинной постройки, внизу тихо струится одинъ изъ рукавовъ рѣки Псла, такъ называемый Затонъ, отражая въ своихъ хрустальныхъ водахъ лазуревыя облака Украйны. Съ противоположной стороны Затона, которая представляетъ собою низменность, именуемую Оболонью, церковь и крутые, отвѣсныя берега вала очаровательны. Церковь, простой и вмѣстѣ изящной архитектуры, носитъ на себѣ печать далекой старины. При взглядѣ на нее въ душѣ зрителя невольно и незамѣтно возникаетъ цѣлый рядъ воспоминаній о давно минувшихъ временахъ, людяхъ, событіяхъ. Все это было и прошло, пронеслось и исчезло, остался храмъ, нѣмой свидѣтель превратности судьбы, пережившій событія и людей для того, чтобы служить живой связью прошлаго съ настоящимъ, напоминать грядущимъ поколѣніямъ о быломъ ихъ родины, ихъ предковъ.

Это сорочинская Преображенская церковь; построена она бывшимъ полковникомъ миргородскимъ Даниломъ Павловичемъ Апостоломъ, не задолго до его смерти; въ лѣтописи Самовидца подъ 1734 годомъ читаемъ: «Въ року же наставшемъ 1734, генваря 17 дня, гетманъ и кавалеръ Даниль Апостоль въ Глуховѣ умеръ въ покои, при вѣрности ея императорскому величеству, которого тѣло проважено было до Сорочинець и тамъ въ *новоооруженной* отъ него жъ каменной церквѣ погребено архіепископомъ кievскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ, съ церемоніею преизрядною, февруаря 5 дня». Церковь каменная о пяти главахъ, древняго византійскаго стиля, отштукатурена какъ внутри, такъ и снаружи, причемъ снаружи по карнизамъ и пилястрамъ отдѣлана множествомъ лѣпныхъ украшеній чрезвычайно оригинальнаго и довольно древняго рисунка; ни фронтоновъ, ни портиковъ, ни колоннъ нѣтъ. На доколь церковь не поднята вовсе, такъ что уровень ея помоста приходится въ уровень съ землей. Когда смотрите на церковь извнѣ, она представляется зданіемъ весьма значительныхъ размѣровъ, могущимъ вмѣстить большое число молящихся; но когда входите во внутрь ея, васъ поражаетъ какъ незначительность ея объема, такъ и толщина ея стѣнъ и сводовъ. По всему видно, что она предназначалась не для прихода, но для небольшой, именно гетманской, семьи—служить ей при жизни мѣстомъ молитвы, по смерти мѣстомъ вѣчнаго упокоенія. Утративъ давно первое значеніе, церковь сохранила второе, и ее нельзя иначе пазвать, какъ «гетманскою усыпальницею».

Церковь о трехъ престолахъ; главный—во имя Преображенія Господня, сѣверный во имя Покрова Пресв. Богородицы и южный—во имя Животворящей Троицы. Полъ въ церкви желѣзный, изъ кованыхъ квадратныхъ плитъ. Иконостасъ деревянный, рѣзной, покрытый сусальной позолотой; рисунокъ его довольно кудрявій, изображающій вѣтви деревъ и растеній со множествомъ листьевъ и цвѣтовъ. Живопись на иконостасѣ также старая; при этомъ только лики святыхъ и обнаженныя части ихъ рукъ и ногъ писаны маслянными красками; все-же остальное на иконахъ, какъ-то: одежды, вѣнцы, сіянія на главахъ святыхъ и прочія части вырѣзаны, лишь отчасти представляющія слабый рельефъ и покрытыя, смотря по вдохновенію мастера, то матовой, то полированной и потому когда-то ярко блиставшей позолотой. Теперь и та и другая позолота

сильно потускнѣла. Позади обоихъ клиросовъ, къ пилонамъ, поддерживающимъ главные своды и главный куполь, придѣланы особыя мѣста, предназначавшіяся, вѣроятно, для избранныхъ молящихся. Мѣста эти, для 4-хъ, 5-ти человекъ каждое, подняты на одну ступеньку выше общаго пола церкви, отгорожены отъ остальнаго пространства покрашенной, массивной рѣшеткой съ дверькой; внутри имѣютъ двѣ лавочки, прикрѣпленныя къ стѣнамъ пилоновъ, а стѣны этихъ послѣднихъ обиты темно-зеленымъ съ черными мелкими цвѣточками сукномъ, начиная отъ пола до вышины роста человека. Здѣсь надъ правымъ мѣстомъ на стѣнѣ хранится рѣзное деревянное, раскрашенное въ нѣсколько цвѣтовъ, изображеніе фамильнаго герба гетмана Данила Апостола, на щитъ котораго, на красной орденской лентѣ, возложенъ крестъ ордена св. Александра Невскаго; въ полѣ щита, въ видѣ полукруга, рельефными буквами славянскаго шрифта, девизъ ордена: «*за труды и отечество*». Далѣе въ церкви около южныхъ дверей, съ боку царскихъ вратъ южнаго престола, стоитъ деревянный крестъ, съ рѣзнымъ рельефнымъ изображеніемъ Распятія Христа въ натуральную величину. Въ стѣнѣ, рядомъ съ правымъ клиросомъ, противъ южнаго престола, вдѣлана бѣлая металлическая доска, на которой вырѣзана надгробная надпись, свидѣтельствующая, что здѣсь гдѣ-то, подъ церковью, или около церкви, похороненъ генералъ-майоръ Георгій Лесли. Доска двумя продольными чертами раздѣлена на три части, и надпись вырѣзана на нихъ на трехъ языкахъ: налѣво отъ зрителя на польскомъ, по срединѣ на русскомъ и на послѣдней на латинскомъ. Надпись русская написана силлабическими стихами. Подъ текстомъ, слѣва символическое изображеніе, въ срединѣ гербъ, надо полагать, самого Георгія Лесли, справа часовой циферблатъ съ цифрами и стрѣлкой, показывающей цифру VIII, а надъ циферблатомъ латинская надпись: «*ita cursum consumavi*» и славянскій ея переводъ: «*такое теченіе совершихъ*». Русская надпись имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Всепресвѣтлѣйшаго императорскаго российскаго маестату* высокоблагородному и высокопревосходительному генералу майору Георгію Лесли, 11-го дня февраля, при берегу Днѣпровомъ, сильно отъ варваръ атакованному, безмѣрно израненному и мужественно умершему, въ незабвенную память *Эпитаціонъ* или *гробное надписаніе*.

Слѣдуетъ за тѣмъ самая эпитафія въ объемѣ 44 силлабическихъ стиховъ, въ которыхъ, по общему масштабу, воспѣваются добродѣтели Лесли отца, убитаго въ войну съ Турціею въ 1737 г. и Лесли сына, попавшаго въ плѣнъ при защитѣ отца. Мы опускаемъ эти тяжелые стихи, какъ не дающіе никакого историческаго факта, не заключающіе ни искорки поэзіи.

Въ ризницѣ церковной не много уцѣлѣло предметовъ древности. Особое вниманіе обращаютъ на себя: 1) Фелонь серебрянной парчи, съ серебрянными пуговками на бокахъ; риза эта шита на чрезвычайно плотнаго и высокаго человѣка, почему теперешними и не такъ давно бывшими здѣшними священно-служителями не надѣвается вовсе; 2) Серебрянный вызолоченный напрестольный крестъ 1765 года; 3) Евангеліе въ бархатномъ переплетѣ, обдѣланное въ массивную серебрянную вызолоченную оправу, напечатанное въ 1717 году въ Москвѣ и 4) Типиконъ, печатанный въ 1755 году. Понятно, что все это даръ самаго строителя церкви и членовъ его семьи. Болѣе важный въ историческомъ отношеніи остатокъ древности составляетъ, безъ сомнѣнія, фамильный склепъ гетмана Даниіла Аноглола, устроенный подъ поломъ въ самой церкви. Это усыпальница собственно гетмана и его семьи; но, какъ утверждаютъ старожилы, здѣсь же хоронили и другихъ, близкихъ имъ или знатныхъ людей. Прежде доступъ въ склепъ постороннимъ лицамъ для осмотра его былъ довольно свободенъ и разрѣшался властью мѣстнаго настоятеля церкви; но это вело къ разнымъ неудобствамъ, а иногда и къ прямымъ злоупотребленіямъ. Отъ слишкомъ частаго открыванія склепа и дѣйствія атмосфернаго воздуха покойники въ гробахъ стали весьма быстро и сильно разлагаться; притомъ любопытствующіе не ограничивались простымъ осмотромъ, а пытались иногда брать «на память» части одежды покойниковъ, пуговицы, позументъ, украшавшіе одежды и т. п. Такимъ образомъ историческіе памятники расхищались и пропадали безслѣдно. Все это заставило епархіальное начальство наложить свое *вето*, и доступъ въ склепъ всѣмъ безъ исключенія былъ воспрещенъ. Теперь склепъ открывается лишь въ промежутки времени лѣтъ черезъ 10—15, когда церковный надъ нимъ поль требуетъ ремонта. Счастливымъ случаемъ осмотрѣть склепы представился мнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ минувшаго года; по поводу починки пола, вслѣдствіе гнилости балокъ,

въ той именно части, которая закрывала входъ въ гетманскую усыпальницу, склепъ былъ открытъ, и желающіе осматривать оный были свободно допущены туда, а въ числѣ ихъ и я.

Склепъ—каменный, устроенъ подь поломъ, какъ разъ по срединѣ церкви, подь большимъ паникадиломъ; онъ имѣетъ форму четырехсторонней камеры со сводчатымъ, въ видѣ арки, потолкомъ, значительно удлиненной въ восточномъ и западномъ направленіи. Внизъ онъ углубляется на десять ступенекъ ниже уровня церковнаго пола, т. е. приблизительно аршина на три или немного меньше. Ступеньки ведущія туда тоже каменные. Конечно, склепъ можно было осматривать только при помощи плохаго освѣщенія восковыми свѣчами, такъ какъ не только въ немъ, но и въ самой церкви довольно темно. Длина склепа аршинъ восемь, ширина аршина четыре, высота немного выше роста человѣческаго. При входѣ, съ послѣдней ступеньки вы видите по правую и по лѣвую сторону сложенные гробы, именно по два гроба подь обѣими стѣнами въ рядъ и поверхъ ихъ еще по одному на каждомъ, т. е. всего четыре гроба. Затѣмъ, все остальное пространство впереди, т. е. восточная часть завалена самымъ беспорядочнымъ образомъ всевозможныхъ размѣровъ гробами и ихъ остатками. Здѣсь находятся и дѣтскіе гробы, длиною менѣе аршина, и гробы среднихъ размѣровъ. Вообще все въ склепѣ представляетъ самый хаотическій видъ. Большинство гробовъ совершенно развалились отъ гнилости и представляются въ видѣ гнилыхъ обломковъ съ кой-гдѣ уцѣлѣвшими обрывками обивочной матеріи; сосчитать поэтому число всѣхъ покойниковъ въ склепѣ невозможно; лишь приблизительно можно сказать, что всѣхъ гробовъ въ немъ 15—18 или 20.

Такъ какъ болѣе или менѣе сохранились только первые четыре гроба, стоящіе тотчасъ у входа, то мы и занялись подробнымъ осмотромъ только ихъ однихъ. Гробъ, стоящій направо отъ входа, на полу, хранитъ въ себѣ останки самого гетмана Данила Апостола. Длинною гробъ около трехъ аршинъ; онъ дубовый на точеныхъ ножкахъ, обитъ чернымъ бархатомъ; крышка его по краямъ обгнила, и обивка на ней сохранилась только кой-гдѣ; но самый гробъ сохранился хорошо, за исключеніемъ его дна, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прогнило. Снаружи, на изголовьи гроба, прибита четырехугольная металлическая дощечка около 5 вершковъ въ

квадратѣ; на ней масляными красками нарисованъ большой кругъ, изображающій часовой циферблатъ съ одной только стрѣлкой, поставленной на цифрѣ V; на правой сторонѣ его написаны римскія цифры, начиная отъ XII до V включительно; на лѣвой-же цифрѣ нѣтъ, но значится написанное по окружности славянскимъ шрифтомъ слово «*преста*». Въ большомъ кругѣ нарисованъ еще малый кругъ, а въ немъ ландшафтъ, изображающій заходъ солнца, въ видѣ человѣческаго лица, съ сіяющими лучами. Очевидно, что эта надпись и рисунокъ есть аллегорическое изображеніе времени дня, когда послѣдовала кончина гетмана. Когда была приподнята крышка гроба, то взорамъ представился довольно высокаго роста покойникъ, одѣтый въ кафтанъ, достигающій колѣнъ. Мягкія части головы и лица совершенно исчезли, превратившись отчасти въ похожую на сажу пыль, въ избыткѣ покрывающую костный скелетъ головы и лица. Кафтанъ изъ парчи, первоначальный цвѣтъ которой, а также рисунокъ ея тканья опредѣлить, конечно, невозможно; все это сильно измѣнилось отъ времени; теперь кафтанъ имѣетъ цвѣтъ зеленовато-грязный, застегнутъ на правой сторонѣ на нѣсколько металлическихъ пуговицъ, имѣющихъ оливкообразную форму и еще кой-гдѣ уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія; рукава довольно длинныя, съ обшлагами, къ кистямъ рукъ постепенно суживающіеся. На головѣ изъ такой-же парчи, какъ и кафтанъ, небольшая шапочка, по покрою напоминающая священническую скуфью; отъ времени, а быть можетъ и отъ чрезмѣрнаго усердія къ древностямъ многихъ прежнихъ посѣтителей гетманской усыпальницы отдѣлка шапочки сильно пострадала; замѣтно, что она была украшена узорчатымъ шитьемъ или чѣмъ-либо подобнымъ, что потомъ исчезло. Черезъ лѣвое плечо широкая лента, несомнѣнно орденская. На лѣвой сторонѣ груди на кафтанѣ нашита золотомъ звѣзда ордена св. Александра Невскаго, которымъ покойникъ былъ пожалованъ въ 1731 г.; въ кружкѣ ея девизъ ордена: «*за труды и отечество*». Остальныя принадлежности костюма совершенно разложились; сохранились только на ногахъ кожаные туфли. Мягкія части рукъ и ногъ также совершенно разложились, превратившись въ маркую черную пыль, покрывающую обнажившіяся кости.

Второй гробъ стоитъ сверху сейчасъ описаннаго; обивка его почти совершенно исчезла. Въ немъ покоятся останки какого-то военнаго савовника. Всѣ мягкія части тѣла и здѣсь совершенно разложились и превратились въ черную, пылеобразную, въ видѣ сажи насѣвшую массу. Покойникъ одѣтъ въ короткій мундиръ со стоячимъ высокимъ воротникомъ и расходящимися полами. Воротникъ расшитъ золотымъ шитьемъ, а полы, карманные клапаны на бокахъ полъ и рукавные обшлага обшиты позументомъ, изображающимъ дубовыя листья; по бортамъ полъ, на клапанахъ и обшлагахъ металлическія плоскія пуговицы. На рукахъ шелковыя вязанныя перчатки; на ногахъ длинныя шелковыя чулки и кожаные башмаки. Очень можетъ быть, что это и есть останки того генераль-маіора Георгія Лесли, о которомъ гласитъ упомянутая выше эпитафія. Третій гробъ, нижній съ лѣвой стороны, обитъ шелковой полосатой матеріей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поистрепаннейшей; гробъ довольно длинный, также на точеныхъ ножкахъ. Заключенные въ немъ останки покойника накрыты кускомъ черной матеріи, изъ одежды болѣе или менѣе сохранился только длинный шелковый, чернаго цвѣта, шлафрокъ съ рукавами, а на ногахъ башмаки; покойникъ сильно разложился; за исключеніемъ костнаго скелета, все остальное исчезло. Можно предполагать, что въ этомъ гробѣ похоронена женщина, а шелковая обивка гроба и такой-же шлафрокъ указываютъ, что женщина эта принадлежала къ высшему богатому кругу. Очень можетъ быть, что это прахъ жены гетмана Апостола. Наконецъ, четвертый гробъ, стоящій на верху третьяго, также съ лѣвой стороны у входа, заключаетъ въ себѣ останки и одежды на столько разложившіяся и измѣнившіяся, что болѣе или менѣе ясное представленіе ихъ и описаніе почти невозможны. Гробъ этотъ также сильно обгнилъ. Остальные гроба, развалившіяся и согнившія, свалены въ беспорядочную кучу щепъ, обломковъ, выпавшихъ ножекъ и массы древесной пыли; заняться осмотромъ ихъ было невозможно, да и самый осмотръ, вѣроятно, не далъ-бы ничего интереснаго. Я оставилъ покойниковъ почивать въ мирѣ и ждать трубнаго гласа...

Александръ Ксензенно.

Каштелянъ брацлавскій, Василій Загоровскій, въ полонѣ у татаръ.

«Родъ Загоровскихъ, пишетъ авторъ статьи: «Мазепа и его прекрасная Елена»¹⁾, принадлежитъ къ числу старинныхъ южно-русскихъ дворянскихъ родовъ на Волыни... Роду Загоровскихъ принадлежало не малое число сель и деревень. При большомъ богатствѣ семья пользовалась и знатностью: нѣкоторые изъ членовъ этого рода исполняли важныя государственныя должности, являясь напр. въ качествѣ королевскихъ пословъ при иноземныхъ дворахъ, или занимая выдающіяся должности въ своемъ воеводствѣ. Обезпеченные прекрасно въ матеріальномъ отношеніи, нѣкоторые изъ нихъ испытывали однакоже невзгоды въ семейной жизни. Надъ Загоровскими точно тяготѣлъ какой-то злой рокъ. Особенно извѣстенъ семейными неудачами Василій Загоровскій, брацлавскій каштелянъ и владимірскій городничій, послѣ развода съ первою своею женою, княжною Марушею Збаражскою, женившійся вторично и брошенный также и второю женою, княжною Екатериною Чарторійскою».

Объ этомъ Васи́лїи Загоровскомъ въ актовыхъ книгахъ Центрального Архива при университетѣ св. Владиміра (кн. грод. владим., № 939, л. 37—39) мы нашли документъ, въ краткихъ чертахъ воспроизводящій его злосчастную жизнь и, быть можетъ, самый конецъ оной. Дѣло происходитъ въ началѣ послѣдней четверти тревожнаго XVI вѣка.

Богатый и знатный дворянинъ, занимавшій важную должность каштеляна брацлавскаго воеводства, которому жить-бы да поживать, въ довершеніе всѣхъ невзгодъ семейныхъ, попадаетъ въ полонъ къ татарамъ, при отраженіи, надо полагать, одного изъ набѣговъ татарскихъ, такъ частыхъ въ то время. Незадолго предъ этимъ его бросила жена,—первая или вторая, не знаемъ. Имѣнія, дѣти, домъ—всѣе осталось на произволъ случая. Томясь въ неволѣ, испытывая всѣ ужасы заключенія у дикарей, мучась неизвѣстностью собственной судьбы, зависящей отъ произвола хана, его прибли-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., ноябрьск. кн., стр. 523.

женныхъ, даже стражи, Загоровскій останавливается на выкупѣ, какъ единственномъ средствѣ отвратить постигшую его бѣду. Онъ предлагаетъ за себя 400 червонныхъ, поступалъ даже 500 и надѣялся, что такая или иная сумма была бы принята. Но гдѣ и какъ добыть ее? Имѣнія его были, какъ видно, въ разстройствѣ и дома въ наличности погребной суммы не было. И вотъ Загоровскій плетъ письмо къ своему сосѣду и благопріятелю, бѣглецу московскому, князю Андрею Курбскому, прося его дать ему въ займы и прислать въ мѣсто его заключенія 500 червонцевъ. Но что если смерть постигнетъ скорѣе выкупа? Плѣнникъ спокойно вѣрять судьбу свою волѣ Божіей; но его тревожитъ судьба дѣтей, оставленныхъ матерью, гуляющею на волѣ, и онъ поручаетъ ихъ опекѣ и покровительству князя Курбскаго и своего близкаго родственника Яна Бокия, котораго братъ томился съ нимъ въ неволѣ, ближайшее же попеченіе о дѣтяхъ и управленіе домою и имѣніемъ вѣрять женѣ брата своего, а ихъ крестной матери, Загоровской, по всей вѣроятности, вдовѣ. Съ особенною заботливостію онъ проситъ ее и опекуновъ позаботиться объ обученіи и воспитаніи его дѣтей и не допускать къ нимъ его жены, а ихъ матери, во избѣжаніе, конечно, дурнаго вліянія; но онъ не только не хочетъ насиловать естественнаго чувства дѣтей, когда они придутъ въ возрастъ, а напротивъ самъ завѣщаетъ имъ оказывать ей, какъ матери, почтеніе и любовь. Прописавъ и еще о какихъ-то, вѣроятно, имущественныхъ дѣлахъ своихъ съ войтомъ владимірскимъ, извѣстныхъ кн. Курбскому и вообще высказавъ всѣ свои желанія и распоряженія какъ-бы въ предсмертнѣйшій часъ, Загоровскій даетъ всему письму своему видъ и значеніе духовнаго завѣщанія и проситъ князя въ этомъ смыслѣ вписать оное въ книги гродскія владимірскія, въ замѣнъ же печати, которой у него не оказалось, присокупляетъ подпись своего союзника Федора Бокия.

Письмо дышетъ тѣмъ трогательнымъ тономъ и чувствомъ, которые такъ естественны въ положеніи человѣка, утратившаго все, что дорого было ему въ жизни и самую свободу и въ вопросѣ о ней, какъ и о самой жизни борющагося между надеждою и отчаяніемъ. Въ письмѣ отразились черты времени и вся трагическая судьба его автора; тутъ въ завѣткѣ цѣлая драма, которая можетъ

быть восполнена другими, столь же случайно попадающимися документами.

Вѣроятно, внесеніе частнаго письма въ гродскія книги, въ качествѣ духовнаго завѣщанія, встрѣчало какія либо формальныя препятствія, для устраненія которыхъ кн. Курбскій прибѣгъ къ посредничеству всесильнаго тогда князя Константина Острожскаго, старосты владимірскаго. По письму послѣдняго къ владимірскому подстаростѣ Краевскому и было вписано въ гродскія владимірскія книги письмо Загоровскаго, котораго текстъ приводимъ здѣсь.

Лѣта по роженію Иуса Христа, Сына Божого, тисеча пятьсотъ семьдесятъ сегого, месеца априля, двадцать второго дня.

Приездилъ на врьдъ кгородскій, въ замокъ господарьскій володимерьскій, до мене Станислава Кграевскаго, столника подляского, подстаростего володимерского, его милость князь Андрей Михайловичъ Курпскій ярославскій, зъ листомъ его велможное милости, князя Костентина Острозского, воеводы киевского, маршалка земли волынское, старосты володимерского, до мене писанымъ, и съ копейю зъ листу его милости пана Василя Загоровскаго, кашталяна браславского, маршалка его королевское милости, городничого володимерского, до его милости писаного, подъ печатю княжати, его милости, для записаня до книгъ, до мене писаного, и просиль мене его милость князь Курпскій, абымъ я, ведлугъ писаня листу княжати его милости, тую копейю въ книги кгородские записати казаль. А такъ я тое копейю огледевши и достаточне ее вычитавши, слово отъ слова въ книги кгородские вписати велель, которая такъ ся въ себе маеть.

Копейя зъ листу пана Загоровскаго властною рукою писана.

«Милостивый государь, княжо Андрей Курпскій!

Убогии вязень всего добраго вашмости, въ милосердью Божскомъ, властне яко пану и добродѣю своему, уживати зычу.—Тотъ унадь мой въ руки людей царевича его милости крымского, а меновите князя Девлея мурзы, до котораго-мъ пришоль зъ ласки Божское, справедливымъ судомъ Его светымъ за грехи мое на службе Речи Посполитое, вязнемъ въ руки; мамъ за то, ижъ до сего часу у его ми-

лости не есть тайно; толко ижъ о то идетъ, абы человекъ бедный хотя и въ убогомъ жилищу, толко бы въ прирощеной волности кости свои озле гробовъ родителей своихъ въ гробъ за часомъ воли Бозское погребъ. Про то покорне, а унижене вашности, моему милостивому пану, чоломъ бью, утри мое слезы кривавые, а въ томъ упаде моемъ стань мнѣ милостибымъ отцомъ и добродеемъ. Хотя жъ еще окупю за мене не менять, але до цара его милости откладываютъ: ведже уже я чоломъ билъ, абы отъ мене, яко чоловека убогого, чотыреста золотыхъ чирвоныхъ взяли, а на остатокъ и пятсотъ поступовалемъ; про то вашей милости, моего милостиваго пана и добродея, покорне, а унижене прошу: часу тое моее пригоды, покажи хрестиянскую любовь надо мною, а золотыхъ пятсотъ червоныхъ, ослобожуючи мене съ тое тяжкое неволи, позычити мне пожалуѣ, которые, скоро ме Богъ милостивый съ тое неволи вызволить, шлюбую и обещаю цнотливымъ словомъ моимъ, съ покорнымъ, а униженнымъ подякованемъ, вашей милости отдати и вечне заслужовати, а особливе Богъ милостивый то вашей милости будетъ платити. А если пакъ се zde душу мою Богъ съ тѣла моего озметъ, тогда, яко ми ся вашность обещалъ и руку на томъ далъ, ижъ сполечне съ паномъ Яномъ Бокиемъ детки и убогий домокъ мой въ опеце и обороне своей до летъ ихъ держати, а потомъ гды сподобить ихъ Богъ летъ годныхъ науце дойти, на науку ихъ дать: тогда, якъ и теперь, тымъ писанемъ властное руки моей вашихъ милостей дву, то есть особу вашности и пана Яна Бокия, брата моего, опекунами и оборонцами деткамъ и убогой маетносце моей обираю и прикладаю подъ тымъ способомъ, абы детки мои, до болшихъ летъ ихъ, ее милость, пани Александровая Загоровская, яко matka ихъ хрыщоная, въ дому моемъ выховывала и сама домокомъ моимъ, убогою маетносткою редила, а кды летъ таковыхъ, науце годныхъ, дойдутъ, же бы ихъ ку вашности на науку дала и што заплаты на учителемъ приходити будетъ, же бы позбираючи платила, а рады вашности во всемъ держала, и тотъ долгъ пятьсотъ червоныхъ золотыхъ, або въ нихъ часть именечка моего, што бы за то стояло, вашности въ тыхъ пенезехъ пяти сотъ чирвоныхъ золотыхъ въ заплате за то дала, а отъ всѣхъ кривдъ, которые бы ся отъ кою колвекъ деяли, чоломъ бью, рачъ милостивую оборону

деткамъ и убозству моему делати. Звлаца еслибы войтъ володимерскій зъ войтовства, которое, безъ певного зо мною постановеня и дубникъ, не можетъ квалтомъ отнимать, тосды, где бы квалтовне съ того выбиль, прошу, абы урядовне противко нему вашмость поступили, а до книгъ замковыхъ то записавши и вознымъ обведши, правомъ противо нему, яко и я самъ, попирати рачъ, бо съ книгъ листь судовый у писара кгородского, што зо мною право dokonчene взялъ, роскажешъ вашмость подъ печатью урядовою взять: ведже я и милосердье вделати близокъ, толко бы листь таковые, яко обещаль, мне отъ него дошли. Жена тежъ моя, которая, отъ мене, мужа своего, и отъ детокъ нашихъ отъ часу немалого отъехавши, по своей воли живеть, а присязе своей досыть не чинить, тая абы и теперь въ дому моемъ убогомъ до детокъ моихъ нехай не бывала бы: ведже кды дасть Богъ летъ они зъполнихъ доростуть, нехай ее, яко матку свою, водлугъ повинности своее, честують и ей услугують: але поколь лѣтъ еще мети не будутъ, кды жъ мною и ими взгордила, нехай въ домъ мой къ нимъ, а ни до наименшое убогое маетности моее ничего не маеть. А тые золотые, кды будетъ воля вашмости до тое потреби моее, а праве горячое и слезное, не боронити, толко рачъ ихъ вашмости на руки пану Бокию дати, до которогомъ писалъ, абы съ тымъ окупомъ, который за брата своего пана Федора Бокия способитъ, и тие пять сотъ золотыхъ, черезъ слугу моего Марка при якомъ купцу, до Крыму, або где царъ будетъ, послали.—За тымъ поручамъ се милостивой ластце вашмости, чоломъ бью и повторе слезне чоломъ бью, не опускай же мя въ той моей тяжкой неволи, а стань ми отцомъ и добродеемъ, бо ширень ку вамъ писать не могу, часу столко, яко то бидному вязню, не стало, толко чоломъ бью повторе и портете, для Бога, для Бога змилуйтеся надо мною, своимъ слугою.

Данъ на полю, недалеко Пыкова, въ недѣлю четвертую, вступивши въ постъ велики, року семдесятъ сегого. И тотъ листь и поручене мое за властный кгрунтовный тестаментъ вамъ у себе ховати, а на уряде велѣти записати рачъ: бомъ ачъ печати, будучи въ неволи, не мель, алемъ его всего самъ моею рукою писалъ, до которого на свидѣцтво и панъ Федоръ Бокий и свою руку подписалъ.

Слуга вашности поволне Василей Загоровскій властною рукою.
Федоръ Бокии Печихвостскіи рукою властною».

Сообщ. А. А. Федотовъ-Чеховскій.

Къ родословной Полуботковъ.

Черниговской губерніи, глуховскаго уѣзда, въ с. Ховзовкѣ, въ приходской церкви есть и теперь синодикъ, писанный въ 1776 году и хранящій въ себѣ имена славнаго нѣкогда въ Малороссіи рода Полуботковъ, отрасли котораго существуютъ доселѣ. Появленіе здѣсь помянника Полуботковъ, а быть можетъ и самое сохраненіе его въ теченіе столь долгаго времени, объясняется тѣмъ, что при ховзовской церкви было нѣсколько священниковъ изъ фамиліи Кирицкихъ, или Кириѣцкихъ, родоначальникъ которыхъ Василій состоялъ на службѣ при Василѣ Полуботкѣ, полковникѣ переяславскомъ; онъ-то, въ благодарность за какія либо благодѣянія, самъ, или чрезъ сына, и завелъ синодикъ его для вседашняго поминовенія. Синодикъ начинается замѣткой объ этомъ Полуботкѣ и служившемъ при немъ Кирицкомъ:

«Полуботокъ, при коемъ Кириѣцкой отъ 747 по 768 иуны 29-е находился въ первыхъ дѣлахъ».

Замѣтка эта сдѣлана рукою сына или внука упомянутаго Кирицкаго и глухо указываетъ на поводъ и время учрежденія поминовенія. За симъ, послѣ словъ: *Помяни Господи*, вписаны слѣд. имена рода Полуботковъ:

Леонтія, Павла, Андрея, Маріи, Василія, Катерины, Софіи, Анны, Александра (бригадиръ коробовскій), Парасковіи (жена его коробовскаго, а сестра Василіева ¹⁾), была прежде за Лѣсевцкимъ), Иоанна Миклашевскаго (за коимъ была Софія), Димитріа ⁴⁾ (за коимъ была Анна).

Кромѣ сдѣланныхъ уже здѣсь вставокъ и поясненій, составитель помянника сдѣлалъ еще слѣд. дальнѣйшія поясненія:

1) Т. е. Василія Полуботка.

2) Дочь его же.

3) Другая дочь его же.

4) Изъ слѣдующей за этимъ именемъ фамиліи первой буквы разобрать не возможно, а за тѣмъ читается: *асковъ*.

Леонтій, полковникъ переясловскій, Павелъ полковникъ чернѣговскій и вице-гетманъ, Андрей, бунчуковый товарищъ, Василій, праправнукъ Леонтиевъ, полковникъ, имѣлъ двѣ жены: Катерину, генерала Владимира Васильевича Измайлова дочь, съ нею жилъ 22 года, имѣвъ 2 сына и 2 дочери, почитая мертво родившіе, умерла бездѣтна¹⁾, другую Марву Матвѣеву, дочь полковника Куликовскаго, и съ ней полтора года живъ, 768 года пуля 29 дня (умре); осталась жена бездѣтна.

Очевидно, составитель помянника былъ близокъ къ Полуботкамъ и интересовался ихъ родомъ не ради одного молитвеннаго поминовенія, а потому и сообщаемыя имъ о семь родѣ свѣдѣнія можно считать достовѣрными.

Изъ другихъ помѣтокъ на томъ же синодикѣ видимъ, что Кирнѣцкій Михайлъ былъ священникомъ ховзовской церкви, что ирешняя церковь сгорѣла, но въ 1776 году уже была готова новая, существующая доселѣ, что послѣ Михаила Кирнѣцкаго былъ Іоаннъ Верещинскій; но въ 1772 г. былъ «произведенъ во иерея» сынъ Михаила Андрей Кирнѣцкій; Іоаннъ же «началъ жить у монастырѣ Петропавловскомъ» (1½ вер. отъ с. Ховзовки).

Д. Онацій.

Вниманію археологовъ.

Верстахъ въ четырехъ отъ большой дороги, идущей изъ Глухова въ Путивль, расположено небольшое с. Ховзовка, глуховскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Клевени, которая здѣсь служить границей между курской и черниговской губерніями. Приблизительно въ полуверстѣ къ с.-з. отъ Ховзовки въ Петропавловскій монастырь, находится давно забытое, никому невѣдомое «Городище», извѣстное и у мѣстныхъ жителей подъ этимъ именно названіемъ. Говорятъ, что на этомъ мѣстѣ, Богъ вѣсть когда, былъ укрѣпленный городъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что это слѣдъ одного изъ тѣхъ древнеславянскихъ укрѣпленій, остатки которыхъ сохранились до нашего времени въ Приднѣпровьѣ подъ именемъ «городищъ». Не мѣшало бы археологамъ заглянуть сюда и покопаться.

1) Последняя, малопонятная фраза, по всей вѣроятности, поставлена на не на мѣстѣ и относится ко второй женѣ Маврѣ.

Что нибудь да нашли бы здѣсь. Вѣдь это и путь и мѣстность вполне историческія.

«Городище» тянется отъ запада къ востоку приблизительно на 250 шаговъ, въ видѣ довольно высокаго съ двумя уступами вала, примыкающаго съ западной стороны къ широкому, ровному полю, еще очень недавно представлявшему роскошныя лѣса съ могучими вѣковыми дубами. На восточной своей оконечности валъ спускается чрезвычайно круто стѣною къ лѣвому берегу Клевени. Повышеніе его идетъ постепенно въ направленіи къ западу, гдѣ валъ заканчивается чрезвычайно высокою могилою, задняя стѣна которой опускается въ когда-то существовавшій очень широкой и глубокой ровъ. Вдоль всего вала, въ томъ же направленіи, идетъ сначала одинъ, а потомъ два ряда углубленій, сближающихся между собою; на самой же могилѣ въ юго-западной ея части находится небольшое отверстіе, какъ лисья нора. Говорятъ, что года 3—4 тому назадъ отверстіе это было настолько большое, что чрезъ него можно было человѣку пройти въ могилу, а теперь и головы туда просунуть нельзя. Тщетно небольшое деревцо, выросшее какъ разъ надъ отверстіемъ, съ нѣжностью матери распростираетъ свои молодыя вѣтви, чтобы закрыть его отъ злой непогоды: непогода беретъ свое и забиваетъ отверстіе... Говорятъ, что ховзовское крестьянское общество приступило было къ раскопкѣ могилы; но потомъ... дѣло какъ-то разстроилось.

Въ населеніи тѣхъ мѣсть сохранилось слѣдующее преданіе.

Въ могилѣ хранится дорогой кладъ, когда и кѣмъ зарытъ—лишь Богъ про то вѣдаетъ, а что есть тамъ кладъ, такъ это вѣрно. Охотника лишь нѣтъ, чтобы достать его. А достать его можно только на первый день Христова Воскресенья, когда крещеный людъ съ краснымъ яичкомъ слѣшитъ въ храмъ Божій къ святой заутрени. Былъ одинъ смѣльчакъ когда-то, давно, не за нашей памяти,—дьячекъ одинъ, да нѣтъ! не судилось видно. Только зазвонили къ заутрени, онъ и пошелъ къ отверстію... вздрогнуло тѣло, да дѣлать нечего! Вошелъ въ могилу—темно и страшно... Подходить къ двери, а она сама собой растворяется. Подходить къ другой, третьей... и всѣ такъ же. Наконецъ растворилась послѣдняя дверь (по счету двѣнадцатая), и какія груды серебра, золота и иныхъ каменьевъ блеснули разомъ въ глазахъ дьячка! Но тутъ... о

ужась!.. глядѣть, какъ разъ у тѣхъ грудь на толстыхъ цѣпяхъ сидятъ двое чертей съ хвостами и стерегутъ заклѣтое добро. «Голову давай!» съ страшнымъ гуломъ отдалось подъ сводомъ могилы, когда дьякъ сдѣлалъ шагъ, чтобъ денегъ набрать. Отъ страха дьякъ не помнитъ, какъ онъ бросился вонъ бѣжать; только слышалъ, какъ быстро захлопывалась дверь, чрезъ которую онъ пробѣгалъ. Счастливъ еще онъ, что не затворило его тамъ; только послѣдняя дверь полу одну притворила—такъ и отнесло всю полу... «Въ рукахъ былъ кладъ, да взять не умѣлъ, прибавляютъ рассказчики; съ старыми людьми нужно было посовѣтоваться. Когда черти стали говорить: «давай голову!»—ну и бросилъ бы имъ хоть куриную головку,—правъ бы вышелъ».

Д. Опацкій.

Два акта для исторіи „руины“ правобережной Украины. 1672—1682 г.г.

Предлагаемые два акта, списанные съ подлинниковъ¹⁾, дополняютъ исторію заупустѣнія Малороссіи праваго берега Днѣпра, разсказанную Костомаровымъ въ его «Руинѣ».

I.

Петро Дорошенко гетманъ зъ войскомъ запорожскимъ. Пану полковникови черкасскому, сотникомъ, атаманомъ городовымъ и всему старшому и меншому товариству, войтомъ и всѣмъ посполитимъ людямъ, такъ въ мѣстѣ Черкасахъ, яко и по иншихъ того полку местахъ мешкаючымъ, добраго здоровья и щасливаго повоженя отъ Господа Бога мѣти зычимъ.

Южъ насъ повторе вѣдати доходить, же прочане частокротъ пересмыкаются зъ сего боку на тамъ тую сторону. Яко теды въ першомъ нашомъ унѣверсалѣ послалисмо о томъ заказъ войсковый, такъ и теперь знову сурово приказуемъ, же бысте на всѣхъ шляхахъ, въ полку своемъ найдуючыхся, уставичную мѣючи сторожу,

¹⁾ Первый актъ изъ собранія А. С. Лашкевича, а второй - В. В. Тарновскаго.

жадного живого духа, опрочъ купцовъ, на тамтую сторону прочанъ не пускали; а мѣли бы надъ заказъ нашъ силоватися, теды маетки и всю худобу у таковыхъ отбирати, самихъ зась до вязени брати позволяемъ и росказуемъ. А если бы, за нечулостю старшихъ, мѣли бы переходити отъ того часу прочане, теды таковыхъ старшихъ и меньшихъ, хто не будетъ пилно сего росказу нашего пилновати, не толко на маеткахъ, але и на здоровю карати кажемъ суду войсковому. Що все иначе абы не было, повторе, подъ неласкою войсковою, приказуемъ.

Затымъ поручаемъ Господу Богу и звыкляю нашу вамъ засылаемъ зычливость. Зъ Чегирина, 27 февруарія, року 1672.

Петъро Дорошенко гетманъ рука власная. (М. II.)

II.

Іо Дука, зъ ласки Божей господаръ земель молдавскихъ и земель украинскихъ.

Всѣмъ вовець і каждому зособна, кому о томъ вѣдать будетъ палежне потреба, меновите всякого стану и кондиціи людемъ, живучимъ при святой обители Лебединской (ознаймуемъ), ижъ поглядаючи господарство мое на хвѣючоесе (шаткое) здання ваше, же и въ недавномъ часѣ распустными руками допустилисте законниковъ Божиихъ брати зъ-межи васъ и зъ панства нашего украиннекого достоенства найяснейшого цесара, его милости, въ заграничное панство провадити: прето тимъ нашимъ универсаломъ васъ упевняемъ, абисте нѣ въ чомъ наймнѣй не вонтнили, а нѣ къ кому иному склонятися мѣли, кромѣ щикгулнои прихилности ку намъ и защиту нашому, при спокойномъ помѣшкаю, о которое горливе старалемся и учинилемъ и волности стародавніе уконфѣрмовалемъ, такъ ижъ кримскіе, ногайскіе, бѣлгородскіе и тигинскіе (sic) орди и иншіе заграничніе, пріятелскіе и непріятелскіе, войска на Украину и ногою не поставутъ. Слушне упевнивши васъ, и повторе документомъ тимъ при той святой обители на слободу звиваемъ на лѣтъ пять заживати вшелякихъ волностей, помножати собѣ впелякихъ достатковъ гандлемъ, якимъ хто зхочетъ, сиченнямъ медовъ, вареннямъ пивъ, куреннямъ горѣлокъ и паханнямъ поля, хто чимъ звикъ, при зуполной волности. Для тимъ далшого валіору руку мою власную

подписавши, печать притиснути розказалемъ. Данъ въ Церекунувцѣ 1 іюля, 1682.

Іо Дука. (М. П.),

На оборотъ: «унѣверсаль Іо Дука, господара земель молдавскихъ и украинскихъ, позволяющий людемъ слободу на пять лѣтъ, при монастырю Лебединскому селячимся, данний року 1682».

Собщ. Ал. Лазаревскій.

Еще о портретѣ И. С. Мазепы.

(Изъ письма въ редакцію).

Въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» на нынѣшній годъ (стр. 188—191) помѣщена замѣтка о портретахъ Мазепы, по поводу найденнаго на стѣнѣ великой церкви кіево-печерской лавры, снимокъ съ котораго приложенъ къ помянутой книжкѣ «Кіевской Старины».

При чтеніи этой замѣтки мнѣ припомнилось, что какое-то свѣдѣніе о портретѣ Мазепы есть въ старыхъ моихъ бумагахъ, а мнѣ теперь 75 лѣтъ.

На дняхъ, перебирая запыленные мои шпаргалы давно прошедшаго времени, я нашелъ между ними клочекъ бумаги, касающійся портрета Мазепы, находившагося въ кіево-братскомъ монастырѣ и уничтоженнаго митрополитомъ кіевскимъ Самуиломъ Миславскимъ. Это коротенькій расказецъ о портретѣ Мазепы извѣстнаго въ свое время любителя и знатока старины, Максима Ѳеодоровича Берлинскаго, переданный одному изъ моихъ соучениковъ по гимназіи въ 1829 году. Въ то давно прошедшее время я былъ ученикомъ кіевской гимназіи, а М. Ѳ. Берлинскій преподавалъ естественныя науки: минералогію, ботанику и зоологію. Какъ извѣстно М. Ѳ. Берлинскій издалъ въ 1820 году описаніе Кіева и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ ученымъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ.

Въ упомянутой выше замѣткѣ «Кіевской Старины» сказано: «есть серія портретовъ такъ называемаго польскаго источника, на которыхъ Мазепа изображенъ человекомъ весьма преклонныхъ лѣтъ (а онъ умеръ 64—69 л.) съ клинообразною, сѣдою, раздвоенною

бородою (а гетманы и козаки носили только усы)». По свидѣтельству Берлинскаго, на бывшемъ на стѣнѣ кіево-братскаго монастыря портретъ Мазепа изображенъ также съ бородою.

Какъ-бы то ни было; но забытый съ 1829 года листокъ посылаю при семъ въ редакцію «Кіевской Старины», на тотъ конецъ, не пригодится-ли онъ почему либо редакціи. Это записка, писанная ко мнѣ въ 1829 г. А. Я. Р.

Андрей Цимбалистовъ.

Вотъ отъ слова до слова текстъ этой записки.

«Я сейчасъ спрашивалъ у Максима Ѳедоровича о портретъ Мазепы; но по несчастію митрополитъ Самуилъ лишилъ насъ удовольствія видѣть его. Максимъ Ѳедоровичъ рассказывалъ мнѣ вотъ какимъ образомъ «что онъ былъ нарисованъ въ Братскомъ монастырѣ возлѣ дверей; по словамъ прежнихъ стариковъ, былъ онъ скоженъ (sic) съ Гетманомъ очень, съ бородою и усами сѣдыми, съ густыми и большими бровями, въ зеленой шинели съ небольшимъ воротникомъ, и собою былъ очень прекрасенъ. Митрополитъ Самуилъ, пріѣхавши въ Кіевъ, велѣлъ сей портретъ разбить въ прахъ; но въ Исторіи Баятышъ-Каменскаго нарочно сдѣланъ для презрѣнія такимъ дурнымъ и безъ бороды (*Слѣдуютъ тщательно замазанныя два-три слова*). Братскій монастырь, также Никольскій и колокольню Софійскую онъ выстроилъ.—Максимъ Ѳедоровичъ обѣщаль мнѣ дать свои записки о Малороссіи».

Записка писана на лоскуткѣ, составляющемъ 16-ю долю листа обыкновенной писчей бумаги, когда-то бѣлой, теперь совершенно пожелтѣвшей. Счастливой случайности, которая сберегла отъ утраты этотъ лоскутокъ, и любезному сообщенію почтеннаго старца г. Цимбалистова мы обязаны свѣдѣніемъ, которое безъ сего погибло бы, какъ и доселѣ оставалось въ совершенной неизвѣстности, именно, что въ Кіевѣ, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, существовалъ, кромѣ написаннаго на стѣнѣ великой лаврской церкви, другой еще портретъ гетмана Мазепы, въ большой церкви братскаго монастыря, тѣмъ же Мазепою сооруженной. Особенность этого свѣдѣнія та, что въ противоположность лаврскому портрету Мазепа изображенъ былъ здѣсь старцемъ, съ бородою, а не одними усами. Зеленая шинель съ собольимъ воротникомъ—это таже эпанча, что и на лаврскомъ изображеніи. Братскій портретъ, полагать надо, написанъ былъ также на стѣнной штукатуркѣ и къ ней-то конечно

относится выраженіе записки: «велѣлъ сей портретъ *разбитьъ изъ праха*», совсѣмъ неприложимое къ портрету, писанному на холстѣ и только висѣвшему на стѣнѣ. Митрополитъ Самуиль, «лишившій насъ, говоря словами записки, удовольствія видѣть этотъ портретъ», будучи уроженцемъ Кіева и воспитанникомъ кіевской академіи, многіе годы служилъ на сѣверѣ Россіи и когда подъ конецъ прибылъ на кафедру кіевской митрополіи, то былъ пораженъ тѣмъ, что даже профессора академіи не могли говорить правильно и съ соблюденіемъ надлежащаго акцента по русски. Съ жаромъ онъ принялся руссифировать и вообще реформировать устарѣвшую академію. Не мудрено, что въ такомъ настроеніи онъ не придалъ значенія историческому памятнику и уничтожилъ оный навсегда; притомъ въ его время, во всей силѣ своего феноменальнаго голоса, анаеменовалъ Мазепу знаменитый кіевскій протодіаконъ Заградскій, по рассказамъ старожиловъ, приведшій въ испугъ своею гортанью Великую Екатерину, а при митр. Евгеніѣ глубокимъ старцемъ садившійся на ступенькахъ амвона, когда владыка садился на свою кафедру. Рассказъ о братскомъ портретѣ Мазепы Берлинскій могъ слышать отъ очевидцевъ и въ этомъ отношеніи свидѣтельство записки едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Иное дѣло ея выраженія о сходствѣ портрета съ самимъ Мазепой и что этотъ послѣдній «собой былъ очень прекрасенъ»; этой части преданія, очень удаленнаго отъ времени Мазепы, нельзя придавать значенія, а прибавка о портретѣ Мазепы въ Исторіи Б.-Каменскаго совсѣмъ не заслуживаетъ опроверженія и можетъ считаться лишь выраженіемъ сожалѣнія о портретѣ безвозвратно погибшемъ.

Ред.

Справка о Г. Н. Тепловѣ.

Въ предвидущей книгѣ «Кіев. Старинны» г. Барсуковъ напечаталъ документы, представляющіе интересную параллель. Это—записка Теплова о своей службѣ и свѣдѣнія о томъ же предметѣ изъ архива департамента герольдіи. Вымѣтки изъ дѣлъ герольдіи на каждомъ шагѣ противорѣчатъ словамъ Теплова, желающаго какъ можно преувеличить давность своихъ служебныхъ заслугъ. Записка составлена Тепловымъ на склонѣ лѣтъ и подтверждаетъ какъ нельзя

болѣ отзывъ о немъ Безбородка: «Тепловъ исчезаетъ отъ лѣтъ и болѣзней, но лжетъ еще больше на старости»¹⁾).

Съ развязной уклончивостью Тепловъ обходитъ вопросъ о своемъ происхожденіи, забываетъ упомянуть о годѣ рожденія и начинаетъ свою исторію прямо съ шестнадцатилѣтняго возраста. Отдѣльной біографіи ментора Разумовскаго еще нѣтъ; но имя его мелькаетъ чуть не на каждой страницѣ исторіи середины прошлаго вѣка. Записки современниковъ, преданія и разрозненныя замѣтки гласятъ слѣдующее: Григорій Тепловъ, родившійся 1720 г., былъ сынъ жены истопника въ псковскомъ архіерейскомъ домѣ и воспитанникъ Теофана Прокоповича. Такъ какъ у него не было фамиліи, то Прокоповичъ избрѣлъ ему таковую, съ намекомъ на общественное положеніе матери²⁾. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ, учрежденной Теофаномъ при Александро-Невской лаврѣ, а потомъ долгое время, но еще въ отрочествѣ, учился за границей. Шестнадцати лѣтъ онъ пристроился уже къ академіи наукъ, хотя переводчикомъ сталъ только въ 1740, а не въ 1736, какъ увѣряетъ въ своей запискѣ.

Въ вѣкъ Екатерины II въ ходу были въ высшемъ кругу такъ называемыя сатирическіе каталоги. Составлялась роспись книгъ дѣйствительно существующихъ или вымышленныхъ. Заглавія ихъ заключали указанія на особенность или смѣшную сторону лица, выставяемаго авторомъ. Одинъ изъ такихъ каталоговъ, вышедшій изъ придворныхъ сферъ, напечаталъ когда то М. Лонгиновъ³⁾. Въ этой росписи досталось порядкомъ всѣмъ. Кириллу Разумовскому приписана была книга Мирабо «L'ami des hommes» (брошюра трактующая объ умноженіи народонаселенія), такъ какъ у гетмана за одиннадцать лѣтъ родилось десять человѣкъ дѣтей. Тепловъ выставленъ сочинителемъ книги «Le je ne sais quoi»... (не знаю что...), съ намекомъ, конечно, на его таинственное происхожденіе. «Теплова, комментируетъ г. Лонгиновъ, считали то сыномъ Теофана Прокоповича, то какого-то истопника».

¹⁾ „Кн. Безбородко“ Григоровича, стр. 253.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамят. людей“, т. V, стр. 133; Helbig, „Russische Günstlinge“, стр. 313; Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, т. I, стр. 15.

³⁾ Русск. Архивъ 1871 г., № 8.

Похожденія его отъ молодыхъ лѣтъ поразительны, и поразительна также ловкость, съ какою онъ выходилъ изъ самыхъ трудныхъ положеній. Честолюбіе толкало его во всѣ рискованныя предпріятія, но всегда во время, съ самоувѣреннымъ нахальствомъ, онъ успѣвалъ стать на ту сторону, куда клонился успѣхъ. Шестнадцати лѣтъ онъ былъ уже запутанъ въ дѣлѣ Волинскаго. На допросѣ въ тайной канцеляріи, въ цѣпяхъ, онъ смѣло утверждалъ, что разрисовалъ только пресловутое генеалогическое древо въ домѣ Волинскаго, ничего не зная о цѣли рисунка. Самообладаніе спасло его. Гельбигъ приписываетъ ему главную инициативу въ дѣлѣ Мировича. По свидѣтельству нѣмецкаго мемуариста, въ искусственно произведенной смутѣ, трагически кончившейся, Мировичъ будто бы игралъ только исполнительную роль. Онъ увѣренъ былъ въ своей безопасности и, такъ какъ его не разувѣряли до послѣдней минуты, онъ улыбаясь шелъ и на казнь¹⁾.

Періодъ могущества Теплова начинается съ временемъ возвышенія Разумовскихъ. Войдя въ довѣріе Алексѣя Разумовскаго, онъ выбранъ былъ имъ воспитателемъ для младшаго брата и сопровождалъ будущаго гетмана за границу. Пробывши два года въ чужихъ земляхъ, Кирилль Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ и восемнадцати лѣтъ былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ. Истиннымъ президентомъ сталъ конечно Тепловъ и подъ его жесткой рукой запищали и Ломоносовъ и Тредьяковскій. За какую то критику его книжки «Знанія, вообще до философіи касающіеся», Тепловъ ругалъ пѣту «изрядно» и угрожалъ проколоть шпагой²⁾.

Съ возстановленіемъ гетманства для Кирилла Разумовскаго, Тепловъ сдѣлался негласнымъ правителемъ Малороссіи. Официально онъ былъ завѣдующимъ гетманской канцеляріей, но въ сущности политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ и менторомъ ясневельможнаго и совершенно взялъ въ руки «бразды правленія». По выраженію Соловьева, «Тепловъ стоилъ четверыхъ великороссійскихъ членовъ прежней малороссійской коллегіи³⁾. Онъ мало съ кѣмъ ладилъ, но пользовался неограниченнымъ довѣ-

¹⁾ „Русск. Старина“ 1886 г., № 10. стр. 20.

²⁾ Васильчиковъ, т. 1, стр. 186.

³⁾ „Истор. Россіи“, т. XXIII, стр. 47.

ріемъ гетмана. Этого довѣрія не могли поколебать даже постоянныя просьбы старухи матери гетмана, съ женскимъ инстинктомъ разгадавшей Теплова и постоянно умолявшей сына удалить его отъ себя. Бывшій воспитатель вершилъ большинство дѣлъ. Самъ гетманъ и жена его, рожденная Нарышкина, скучали въ Глуховѣ и въ Батуринѣ и постоянно рвались въ Петербургъ, къ покинутой свѣтской и придворной жизни. Къ этому времени относится знаменитая записка Теплова «О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи». Но о ней ниже.

Въ 1768 году Теплово становится статсъ-секретаремъ Екатерины II. Тутъ онъ измѣняетъ Разумовскому и придумываетъ противъ него по истинѣ предательскій планъ. Онъ подбуждаетъ гетмана просить о дарованіи потомству его наслѣдственнаго гетманскаго достоинства, побуждая его собирать старшинъ для поддержки такого требованія, и въ то же время представляетъ правительству объ опасности, грозящей отъ такого волненія и отъ намѣреній гетмана. Тогда приняты были мѣры противъ замысловъ гетмана, и Разумовскому велѣно было подать въ отставку, въ ноябрѣ 1764 года¹⁾.

Современникъ этихъ событій, таинственный авторъ «Исторіи Руссовъ», передалъ рассказъ о первой встрѣчѣ Теплова съ Разумовскимъ во дворцѣ послѣ этого событія. Теплово встрѣтилъ опальнаго вельможу объятіями, а бывшій тутъ Григорій Орловъ произнесъ въ слухъ: «И лобза, его же предаде!»

По свидѣтельству всѣхъ историковъ, Теплово игралъ видную роль въ событіяхъ воцаренія Екатерины II. Незадолго передъ тѣмъ онъ пожалованъ былъ Петромъ III чиномъ статскаго совѣтника и камергерствомъ. Теплово былъ авторомъ перваго манифеста Екатерины II и формулы присяги. Онъ же былъ секретаремъ чрезвычайнаго совѣта, собиравшагося въ первые дни ея правленія. Черезъ нѣсколько времени Бестужевъ открылъ, что когда то онъ доносилъ о перепискѣ Екатерины II съ Разумовскимъ, предшествовавшей событіямъ воцаренія²⁾.

Безпримѣрная перемѣнчивость «коварника», какъ называлъ его Ломоносовъ, находитъ нѣкоторую аналогію въ характерѣ и

¹⁾ Вантышъ-Каменскій, Соловьевъ и всѣ историческія свидѣтельства.

²⁾ Соловьевъ, т. XXV, 102.

образѣ дѣйствій его воспитателя. Высоко талантливый Прокоповичъ менѣе всего грѣшилъ стойкостью привязанностей и убѣжденій. Онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ принаравливался къ каждой перемѣнѣ власти. Въ 1709 году онъ превозносилъ Меншикова, называя его Иосифомъ и Давидомъ и клялся «всегда на прославленіе добродѣтелей его подвигатися», а въ слѣдъ за паденіемъ вельможи называлъ его «воплощеннымъ порокомъ, негоднѣйшимъ изъ всѣхъ двуногихъ существъ нечестивцемъ, вышедшимъ изъ пигмеевъ»¹⁾. Извѣстно также его коварство по отношенію къ Лопатинскому и Стефану Яворскому.

Уступая въ талантѣ и способностяхъ Прокоповичу, Тепловъ былъ щедро одаренъ природою и владѣлъ выдающимся образованіемъ. Не удивительны его политическая роль и появленіе при дворѣ Екатерины, гдѣ, по словамъ Грабовскаго, «вельможи при Государинѣ бывшіе, кромѣ князя Потемкина, не знали русскаго правописанія».

Тѣмъ не менѣе императрица не любила его и тяготилась его присутствіемъ при дворѣ. Онъ нылъ и стоналъ о своихъ недостаткахъ и, будучи уже очень богатымъ владѣльцемъ, писалъ кн. Щербатову: «Весьма ложною я нахожу пословицу: «за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ». Таланты и качества часто за безцѣнокъ идутъ въ свѣтъ, и мнѣ кажется счастливъ тотъ, кто самъ для себя проворствуетъ. Не родился я ни богатъ, ни знатенъ и вижу, что въ такую же нищету потомки мои возвращаются, въ которой я родился»²⁾. А между тѣмъ, кромѣ пожалованной Тепловки и другихъ имѣній, «Тепловъ не упустилъ уже тогда примечать къ своей землѣ землю Лизогубовъ, верстъ на десять въ окружности»³⁾. Государыня отдала отъ себя Теплова между прочимъ вслѣдствіе жалобъ, поступившихъ отъ сосѣдей его крестьянъ. Вѣроятно вспоминая это, онъ въ томъ же письмѣ называетъ «малороссіянцевъ» дураками и ябедниками.

Образцемъ чисто іезуитской казуистики можетъ служить его знаменитая «Записка о не порядкахъ», такъ превосходно разобран-

1) Письмо къ герцогу Карлу Фридриху Голштинскому.—Труды К. Дух. Ак., 1865 г., № 3).

2) Русск. Архивъ, 1869 г., стр. 216.

3) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 560.

ная Максимовичемъ. Подъ видомъ защиты «правъ и обыкновений, грамотами подтвержденныхъ», онъ рекомендуетъ уничтоженіе каждаго изъ нихъ. Записка его не встрѣтила полнаго успѣха и многое утвержденное старымъ правомъ и обычаемъ сохранялось, какъ извѣстно, для такъ называемыхъ «малороссійскихъ губерній» еще долгое время. Особенно ненавистно было Теплову выборное начало и вольный переходъ крестьянъ, «отъ котораго бѣдные помѣщики часть отъ часу въ большую бѣдность приходятъ». Есть всѣ основанія думать, что первая мысль о закрѣпощеніи малороссійскихъ крестьянъ заронена была Тепловымъ, хотя осуществленія ея онъ не увидѣлъ уже. Тепловъ умеръ въ 1779 году.

В. Г.

Пенаучные приемы въ научномъ дѣлѣ.

(По поводу одного газетнаго извѣстія о рѣдкомъ портретѣ Мазепы).

Въ № 6-мъ газеты «Кіевлянинъ» на нынѣшній годъ помѣщена замѣтка неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «Рѣдкій портретъ Мазепы». Сказавъ о томъ, что къ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» нынѣшняго года приложенъ снимокъ съ портрета Мазепы, написаннаго масляными красками на стѣнѣ великой церкви кіево-печерской лавры, и что «крайне сомнительно, чтобы этотъ портретъ дѣйствительно изображалъ Мазепу», авторъ, въ противоположность сему «столь ипокрифическаго характера» портрету, «позволяетъ себѣ напомнить о старинномъ гравированномъ портретѣ Мазепы, работы извѣстнаго варшавскаго гравера конца XVII и начала XVIII ст. Норблина, въ значительной степени болѣе соответствующемъ историческимъ даннымъ о Мазепѣ». Онъ представляетъ затѣмъ и самое описаніе гравюры Норблина. Это, говоритъ, «маленькое поясное изображеніе, всего въ 9,1 сантим. вышины и 8,3 сантим. ширины. Мазепа изображенъ дряхлымъ старикомъ. Надвинутая почти на самые глаза гетманская шапка, узкіе глаза, продолговатый носъ, большой ротъ, при чемъ разстояніе отъ верхней губы до носа весьма значительно; усомъ нѣтъ, а вмѣсто бороды два рѣдкіе клочка волосъ на подбородкѣ. Взглядъ

острый, принципіальный, съ какимъ обыкновенно представляютъ старыхъ іезуитскихъ патеровъ. На гетманѣ накинутъ плащъ, спереди котораго двѣ застежки. На шеѣ медаль, висящая на цѣпи. На медали изображеніе какого-то бюста, весьма можетъ быть, изображеніе Петра I».

Замѣтка имѣеть, по видимому, цѣль научную. Отъ чего въ самомъ дѣлѣ не указать читающей публикѣ на историческую недостоверность только что изданнаго редакціею «Кіевской Старины» портрета Мазепы и на существованіе другаго, гораздо болѣе достовернаго, но мало кому извѣстнаго и чрезвычайно рѣдкаго портрета того же историческаго лица? Но недостаточно только указать, а надо еще доказать. Что же авторъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія о томъ и другомъ портретѣ Мазепы?

О портретѣ лаврскомъ, изданномъ «Кіевскою Стариною», онъ говоритъ только, что «не существуетъ никакихъ положительныхъ указаній на то, чтобы этотъ портретъ дѣйствительно изображалъ Мазепу; напротивъ, многое заставляетъ предполагать, что если даже неизвѣстный художникъ пытался изобразить портретъ Мазепы на стѣнѣ лаврской церкви, то этого онъ не достигъ, такъ какъ ни одна изъ чертъ лица не отражаетъ въ себѣ характера той исторической личности, которая такъ прекрасно очерчена въ извѣстной монографіи покойнаго Н. И. Костомарова «Мазепа и Мазепинцы».

Относительно портрета Мазепы, представляемаго гравюрою Норблина, авторъ замѣчаетъ, что онъ «въ значительной степени болѣе соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ о хитромъ, умномъ, крайне двуличномъ и вѣроломномъ характерѣ того лица, съ именемъ котораго народное преданіе связываетъ понятіе объ измѣнѣ и проклятіи». И далѣе: «все изображеніе Мазепы (въ гравюрѣ Норблина) производитъ впечатлѣніе челоука лукаваго, жестокаго, самаго подлаго характера, какимъ въ дѣйствительности былъ Мазепа».

И такъ въ основу сужденія объ исторической подлинности портрета вообще и въ частности портрета Мазепы авторъ замѣтки ставитъ не историческія данныя о внѣшнемъ видѣ изображаемаго историческаго дѣятеля (чертахъ его лица, цвѣтѣ самаго лица, глазъ, волосъ и т. п., равно возрастѣ, ростѣ, фигурѣ, костюмѣ

и проч.), какія данныя имѣемъ мы напр. о кievскомъ князѣ Святославѣ и отчасти даже о самомъ Мазепѣ (свидѣтельство шведскаго мемуариста, показаніе Герцика, показанія генеральной старшины, спрошенной по дѣлу о портретѣ Мазепы на иконѣ въ каменскомъ монастырѣ), и не тѣ же данныя о его національности, происхожденіи, образѣ жизни и дѣятельности, основныхъ чертахъ его характера и т. д.; съ другой стороны и не свѣдѣнія о томъ, когда и гдѣ жилъ художникъ, писавшій извѣстный портретъ и могъ ли онъ написать портретъ точный (т. е. могъ ли видѣть и знать изображаемое лице, или имѣть хорошій его портретъ, равно владѣлъ ли своимъ искусствомъ въ достаточной степени), но только непремѣнное требованіе, чтобы портретъ, будь онъ писанъ за 150 или 200 лѣтъ, представлялъ изображаемое лице съ отраженіемъ тѣхъ чертъ характера, какія находятъ въ немъ современная намъ исторія. Требованіе странное, не выполнимое и ужъ конечно совсѣмъ не научное. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ неизвѣстный художникъ, писавшій портретъ Мазепы на стѣнѣ лаврской церкви, знать то, что напишетъ о немъ Костомаровъ спустя около 200 лѣтъ. Если Норблинъ до нѣкоторой степени предбугадалъ то, что сказалъ авторъ замѣтки о его гравюрѣ, перефразируя отзывъ Костомарова о Мазепѣ, или же автору замѣтки удалось прозрѣть то, что думалъ о Мазепѣ Норблинъ, то это въ одинаковой степени одно лишь недоразумѣніе... На самомъ дѣлѣ оба современные художники, пиша портреты Мазепы задолго до его измѣны, представляли его себѣ конечно не такимъ, какимъ онъ объявленъ послѣ обнаруженія измѣны, какимъ явился въ представленіи народномъ послѣ слишкомъ полуторастолѣтняго ежегоднаго его анаѣемствованія и какимъ представляетъ его себѣ авторъ замѣтки, прочитавши монографію о немъ Костомарова. Они должны были считать Мазепу такимъ же, какимъ вообще считали его современники, а современники въ большей части представляли его себѣ человѣкомъ умнымъ, любезнымъ, сладкорѣчивымъ, властолюбивымъ и твердымъ, но вмѣстѣ и гибкимъ, даже набожнымъ и благочестивымъ, такъ какъ онъ благодѣтельствовалъ монастырямъ, строилъ много церквей, и никто, кромѣ жертвъ его неаивисти и мести, не видѣлъ въ немъ «человѣка лукаваго, жестокаго, самаго подлаго характера». Автору замѣтки до всего этого дѣла нѣтъ; онъ знаетъ одно, что Мазепа

измѣнникъ, что онъ проявилъ въ своей жизни хитрость, лукавство, вѣроломство, коварство и что разъ эти качества были присущи его душѣ, то должны были отражаться и на его лицѣ, ибо лице зеркало души. Нужды нѣтъ, что не всякое лице одинаково подвижно и выразительно и что нѣтъ данныхъ, говорящихъ о томъ, что на лицѣ Мазепы отражались именно перечисленные выше качества; авторъ убѣжденъ, что Мазепа долженъ глядѣть старымъ иезуитскимъ патеромъ и что тотъ портретъ, на которомъ онъ представленъ инымъ, не имѣетъ исторической достовѣрности. Такимъ онъ и объявляетъ портретъ, написанный на стѣнѣ лаврской церкви; не найдя въ немъ выраженія хитрости, лукавства и проч., онъ не входитъ уже въ разсмотрѣніе соображеній и доводовъ, приведенныхъ редакціей «Кіевской Старины» въ подтвержденіе принадлежности этого портрета Мазепѣ и сходства съ нимъ. Намъ нѣтъ надобности повторять эти соображенія предъ нашими читателями, автору же замѣтки мы рекомендовали бы вновь прочесть ихъ и представить соотвѣтственное опроверженіе, иначе мы вправѣ считать и считаемъ его заявленіе о лаврскомъ портретѣ неосновательнымъ, а приемы сужденія о немъ совсѣмъ не научными.

Не иное же значеніе имѣетъ и сообщеніе его о гравюрѣ Норблина. Авторъ ни чѣмъ не подтверждаетъ принадлежности этого портрета Мазепѣ и сходства съ нимъ, кромѣ надписи *Mazepa* въ верхней части гравюры, съ правой стороны; а это въ связи съ самымъ портретомъ напоминаетъ отчасти того малорусскаго маляра, который, нарисовавши льва и опасаясь, чтобы его не признали за другое животное, счелъ нужнымъ надписать: *се левъ, а не собака*. Напрасно авторъ говоритъ: «несомнѣнно, что данныя для изображенія Мазепы у Норблина были, и притомъ онъ легко могъ ихъ собрать, такъ какъ личность Мазепы была хорошо извѣстна въ Варшавѣ, гдѣ въ молодости гетманъ занималъ выдающееся мѣсто при дворѣ короля Яна Казимира». При этомъ дворѣ Мазепа занималъ мѣсто камеръ-пажа и оставилъ Варшаву еще въ 1663 г., гравюра жъ Норблина, какъ говоритъ авторъ, сдѣлана въ 1703—5 годахъ. Если по истеченіи 40 съ лишнимъ лѣтъ и были въ Варшавѣ лица, которыя хорошо помнили Мазепу, то конечно они помнили его не такимъ, какимъ онъ представленъ на гравюрѣ Норблина. На ней нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни той красоты, которою Мазепа

несомнѣнно обладалъ въ молодости, ни той бодрости и энергіи, которыя онъ сохранялъ и въ старости, ни тѣхъ типичныхъ чертъ его лица, о которыхъ сохранились свидѣтельства современниковъ. Какъ портрету источника польскаго, гравюрѣ Норблина ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдано предпочтеніе предъ портретами мѣстными, писанными или гравированными въ Кіевѣ, быть можетъ съ натуры, или образцовъ съ нею свѣренныхъ. О гравюрѣ Норблина можно и должно упоминать при перечисленіи портретовъ Мазепы; но придавать этому портрету значеніе достовѣрнаго, близкаго къ оригиналу, нѣтъ никакого основанія. Хитрость, лукавство, подлость—черты внутреннія и установлены за Мазепою, такъ сказать, заднимъ числомъ; судить же о сходствѣ портрета съ изображеннымъ лицомъ только по одной подписи никто не рѣшится. Въ коллекціи напр. карточекъ Мазепы, находящейся у проф. В. Б. Антоновича, есть портретъ съ выраженіемъ также взгляда «остраго и пронизательнаго», но до такой степени напоминающій извѣстнаго писателя П. А. Кулиша, что для устраненія неизбѣжнаго смѣшенія этихъ двухъ лицъ, раздѣленныхъ чуть не двумя столѣтіями, слѣдовало бы надписать на немъ: *се Мазепа, а не Кулишъ*. Нѣкоторое *а не* не мѣшало бы, можетъ быть, добавить и къ надписи на гравюрѣ Норблина...

Изъ-за чего же авторъ названной замѣтки такъ превозноситъ эту гравюру? Изъ за чего онъ такъ зываетъ, и не одинъ разъ, къ собственнику гравюры профессору Бецу, чтобы тотъ издалъ ее или далъ на то свое согласіе? Что вызвало съ его стороны упрекъ по адресу двухъ киевскихъ ученыхъ, совсѣмъ по видимому неповинныхъ въ дѣлѣ гравюры Норблина? «Крайне странно, говоритъ онъ, что такой знатокъ исторіи Малороссіи, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, и собиратель малороссійскихъ древностей А. М. Лазаревскій, несомнѣнно знающіе о существованіи гравюры Норблина, не обратили на нее вниманія». Чего онъ хотѣлъ отъ почтенныхъ ученыхъ, мы право недоумѣваемъ. Ужъ если «нынѣшній владѣлецъ гравюры Норблина, проф. В. А. Бецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ нѣсколько портретовъ гетмановъ изъ извѣстной коллекціи В. В. Тарновскаго», то что мѣшало бы ему принять на себя изданіе и «малоизвѣстнаго и рѣдкаго экземпляра портрета Мазепы», которому онъ, или авторъ замѣтки, придаетъ «особенный интересъ»? Но и въ послѣднихъ словахъ своей замѣтки авторъ все-таки зываетъ, чтобы проф. Бецъ далъ

(кому. неизвѣстно) на изданіе столь рѣдкаго портрета свое согласіе. По неволѣ подумаешь, что «умыселъ тутъ былъ иной»...

Впрочемъ авторъ замѣтки, насчитывая три экземпляра гравюры Норблина, допустилъ, кажется, ошибку, за которую не можетъ поблагодарить его кievскій собственникъ столь рѣдкаго портрета Мазепы. Дѣло въ томъ, что въ бібліотекѣ гр. Красинскихъ (а не Красицкаго) въ Варшавѣ хранится шелковый платъ, на одной сторонѣ котораго оттиснута плащаница, а на другой портретъ Мазепы, что конечно не однородно съ гравюрою Норблина; портретъ же Мазепы, бывшій у г. Иваницкаго и подаренный имъ краковскому музею, принадлежитъ болѣе позднему времени и есть произведеніе придворнаго художника короля Станислава Августа Понятовскаго. Тѣмъ большую поэтому рѣдкость представляетъ гравюра, составляющая собственность проф. В. А. Беца; она просто *unica*...

Но одна рѣдкость въ этомъ, какъ храбрость въ военномъ, дѣлѣ не составляетъ всего. Большую напр. рѣдкость составляетъ въ настоящую пору фотографическій снимокъ съ портрета Мазепы, находящагося на стѣнѣ лаврской церкви, сдѣланный однимъ изъ кievскихъ фотографовъ при освѣщеніи магніемъ для одного высокопоставленнаго лица въ Москвѣ. Мы видѣли портретъ въ натурѣ, фотографный снимокъ въ негативѣ и тотъ-же снимокъ послѣ перевода на бумагу, и не нашли ничего общаго между этимъ послѣднимъ и оригиналомъ, какъ не находятъ и другіе, видѣвшіе и снимокъ и оригиналь. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что получить съ помощью фотографіи ясный и опредѣленный снимокъ съ стараго законченнаго портрета, давно угратившаго яркость красокъ, дѣло чрезвычайно трудное, едва достижимое, при томъ не иначе, какъ съ помощью самой добросовѣстной и искусной ритгушевки, при тщательной повѣркѣ по оригиналу. Видѣнный нами негативъ далъ лишь самый слабый отпечатокъ изображенія Мазепы, въ которомъ, не говоря о выраженіи лица, трудно было отличать даже главныя его линіи и черты. Снимокъ отдѣлалъ, можно сказать просто сдѣлалъ ремесленникъ ритгушеръ по собственному вдохновенію, не справляясь съ оригиналомъ, и получились не тотъ складъ и поворотъ головы, не тѣ черты лица, не то выраженіе,—вышло, какъ выразился одинъ изъ видѣвшихъ оригиналь, «ничто; напоминаю-

щее короля зулусовъ, Ситевайо»... Усердный ритушеръ всадилъ даже въ шапку Мазепы огрызокъ какого-то пера, котораго и признаковъ нѣтъ въ натурѣ. И что же? Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, забудутся обстоятельства и время изготавленія снимка, снимокъ перейдетъ въ десятыя руки съ переименованными о немъ свѣдѣніями, придетъ, пожалуй, кому нибудь охота сдѣлать по нему гравюру и явится новый рѣдкій портретъ Мазепы, работы какого нибудь новѣйшаго Норблина. *И будутъ послѣдняя горшка первыхъ.*

Н. Цыбульскій.

Гдѣ находился кievскій домъ Саввы Туптала сотника?

Въ № 19 «Кіевлянина» за текущей годъ, въ статьѣ подъ названіемъ *Историческій домъ*, рассказывается, будто въ Кіевѣ, на углу Хоревой и Межигорской улицъ, находится домъ кievскаго сотника Саввы Туптала и что въ этомъ домѣ родился его сынъ, св. Димитрій, бывшій митрополитъ ростовскій, извѣстный не только святостію жизни, но своими историческими и проповѣдническими сочиненіями.

Для предохраненія кievлянъ отъ заблужденія, въ которое могутъ вводить авторы подобныхъ замѣтокъ, считаемъ не лишнимъ сообщить достовѣрныя свѣдѣнія о вышеупомянутомъ домикѣ и о домѣ, въ которомъ дѣйствительно жительствоваали родители св. Димитрія Ростовскаго.

Старинный двуэтажный домикъ на углу Хоревой и Межигорской улицъ на Подолѣ извѣстенъ намъ съ 1833 года, т. е. 53 года. Въ то время онъ былъ не жилой и покрытъ былъ не желѣзомъ, какъ нынѣ, а по старинѣ—черепицею; въ нижнемъ его этажѣ со сводами имѣлись желѣзныя двери и желѣзныя ставни, а на углу, по карнизу, отдѣляющему нижній этажъ отъ верхняго, росъ кустъ красной смородины, красовавшійся здѣсь нѣсколько лѣтъ до перехода этого дома во владѣніе купца Калинникова. Глядя на этотъ старинный домъ, семинарсты и студенты академіи дѣйствительно называли его иногда домомъ св. Димитрія ростовскаго; но изъ кievскихъ старожиловъ никто не усвоилъ его ни св. Димитрію, ни родителю его, кievскому сотнику Саввѣ Тупталѣ. За болѣе точною справкою мы обращались къ жительствовавшему на противоположномъ углу Хоревой и Межигорской улицъ 97-лѣтнему

старцу, протоіерею о. Іоакиму Игнатовичу, который учился въ кievской академіи въ концѣ прошлаго столѣтія; но и онъ, прожившій почти столѣтіе въ Кіевѣ, на сей же уездѣ, не слыхалъ о принадлежности этого дома родителю св. Дмитрія ростовскаго, хотя могъ бы объ этомъ знать не только отъ другихъ, но и отъ своего тестя, протоіерея воскресенской церкви Маниковскаго, въ приходѣ котораго находился этотъ домъ. Покойный протоіерей Игнатовичъ называлъ этотъ домъ домою *Артемилы*, а въ Дневникѣ митрополита кievскаго Серапіона († 1822 года) значится, что Артемилка была кievская гражданка, славившаяся въ прошломъ столѣтіи искусствомъ готовить извѣстное кievское варенье. Вотъ и вся достовѣрная исторія этого стариннаго дома. Внутренность его мнѣ извѣстна потому, что около 1838 года въ немъ въ лѣтнее время квартировалъ мой товарищъ по семинаріи А. Крушій.

Что касается родины св. Дмитрія ростовскаго, то она извѣстна всякому, мало мальски знакомому съ мѣстной исторіей; родился онъ не въ Кіевѣ, а въ м. Макаровѣ, находящемся въ 40 вер. отъ Кіева и въ 5-ти верстахъ вправо отъ кievо-житомирскаго шоссе, въ чемъ можно удостовѣриться изъ Дневника св. Дмитрія. Въ томъ же дневникѣ значится, что домъ Саввы Туптала находился подлѣ кievо-подольской Притиско-Николаевской церкви, противъ нея, и таковой дѣйствительно существовалъ между этою церковью и кievо-флоровскимъ монастыремъ въ дворѣ бывшемъ кушца Курлюкова, а нынѣ кушца Новикова. Одноэтажный этотъ домъ, въ видѣ каменницы со сводами, сломанъ уже въ 40 годахъ кушцемъ Курлюковымъ, о чемъ мы знаемъ отъ покойнаго инженеръ-полковника Чеснока, владѣвшаго тѣмъ дворомъ послѣ Курлюкова.

Столь же невѣрно въ названной статьѣ извѣстіе объ основаніи іорданскаго женскаго монастыря родственниками св. Дмитрія послѣ поступленія его въ настоятели кievо-кирилловскаго монастыря. Іорданскій николаевскій женскій монастырь извѣстенъ еще съ XVI вѣка и чуть ли не былъ тѣмъ монастыремъ св. Николая, въ которомъ въ XI вѣкѣ постриглась мать преподобнаго Феодосія печерскаго.

Л. П.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина“ выходитъ неизменно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *должны* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикотиченныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглобина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Марьинова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гянтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обязана редакция.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

1887 г. (VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой. выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, выходящи въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроника, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 выхожденъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣсть 8 руб. 50 к., за границу 11 руб.

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

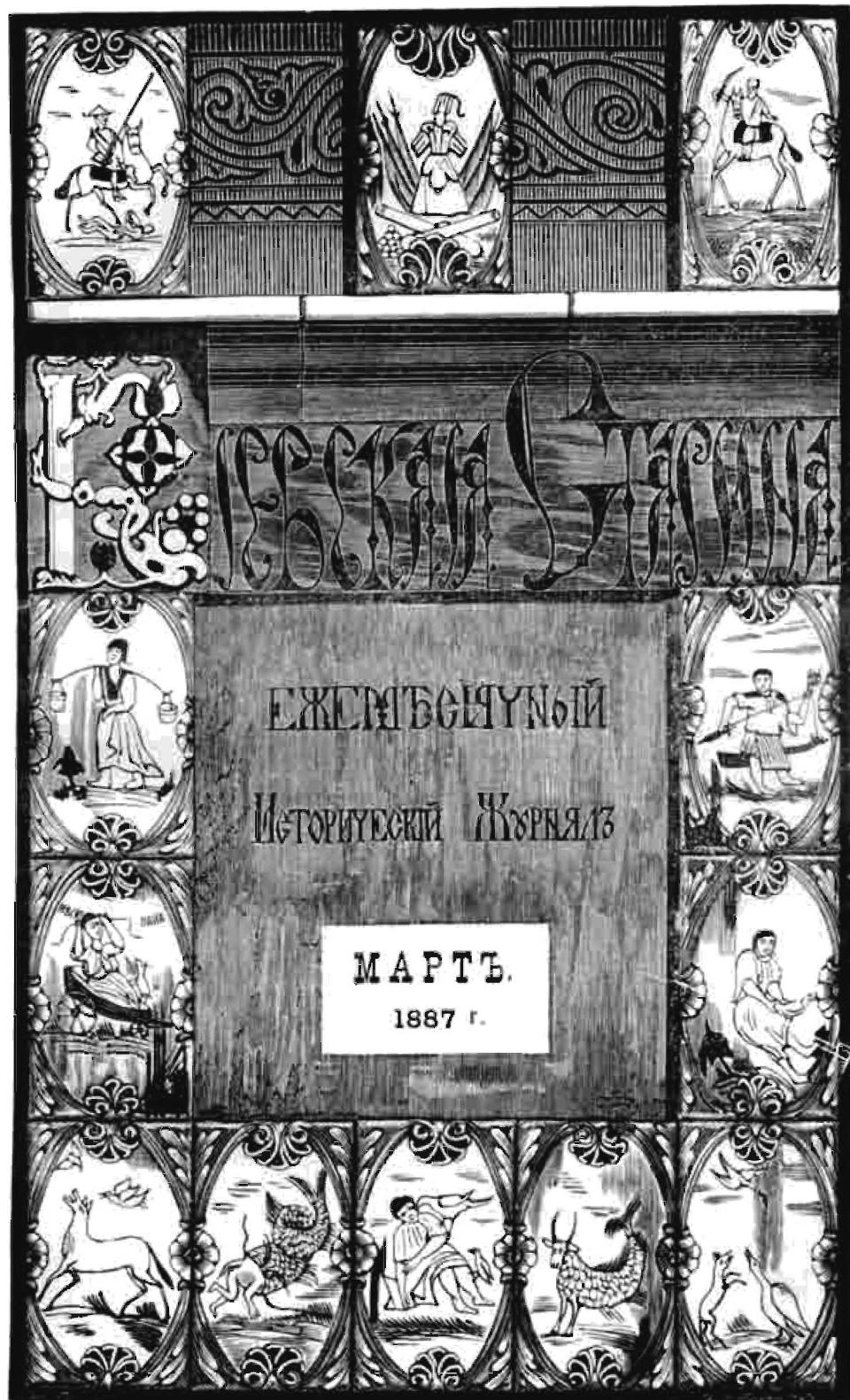
1) Записки гофмейстера Н. Д. Селецкого (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосѣвскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Печуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воєвода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Адресъ: *Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Г. Лебединцевъ.**

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

М а р т њ .

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1887 г.

I.	НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. ХУДОЖНИКЪ. (<i>Окончаніе</i>)	385
II.	МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.—П. Кузьмичевскаго.	412
III.	ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВѢВИЧА СБИТНЕВА. (Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школь, въ замѣнъ польскихъ). (<i>Продолженіе</i>).	459
IV.	СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО.—С. Венгрженовскаго.	469
V.	ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКЪ ЧЕРНОМОРСКОМЪ.—А. М. Туренна	494
VI.	ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО КІЕВА конца XVIII ст.—Сообщ. С.Писаревъ	537
VII.	БИБЛОГРАФІЯ: а) Полтавскій адресъ-календарь на 1887 г. Составленный подъ редакціею секретаря полтав. губерн. стат. комитета Д. А. Трощинскаго.— <i>Н. Н. Бакал.</i> —б) Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. ворон. губ. стат. комитета. Воронежъ. 1886 г. т. I—II.— <i>Н. С.</i> —в) A. v. Schweiger Lerchenfeld. Zwischen und Kaukasus. Wien. Pest. Leipzig. 1886. (А. ф. Швейгеръ Лерхенфельдъ. Отъ Дуная до Кавказа).— <i>В. Я.</i> —г) Харьковскій календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложение къ календарю). Изд. харьков. губерн. стат. комит. подъ редакціей П. С. Ефименка.— <i>Д. Чеп—аю.</i> —д) В. Шеврокъ. Ученическіе годы Гоголя. Москва 1887 г.— <i>В. Г.</i>	545
VIII.	ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ исторіи одного при-сеймскаго села.— <i>Н. Доброворскаго</i> —б) Архивная справка по поводу «Записокъ И. М. Сбитнева».— <i>Н. Сумцова.</i> —в) Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни.— <i>О. Л—ю.</i> —г) Изъ записной книжки.— <i>М. Комарова.</i> —д) Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березнѣ.—Сообщ. <i>В. К—шз.</i> —е) Маленькое поясненіе къ «Кобзарю» Т. Г. Шевченка.— <i>А. Г.</i> —ж) Коротенькое воспоминавіе о Т. Г. Шевченкѣ.— <i>Н. М. Кибальничъ.</i> —з) По поводу 25-ти лѣтія «Филологическихъ Записокъ».— <i>Н. С.</i>	565

Продолжается подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ХУДОЖНИКЪ.

(ОКОНЧАНИЕ) ¹⁾.

По полученіи этого письма я написалъ моему пріятелю, что не къ выставкѣ, а можетъ быть и къ святой недѣлѣ пріѣду къ нему въ гости и что пріѣду къ нему прямо на квартиру, какъ Штернбергъ пріѣзжалъ. Я написалъ это для того собственно, чтобы избавить его отъ неотвязчиваго мичмана. Я, правду сказать, опасался за его еще неустановившійся молодой характеръ. Чего добраго, какъ разъ можетъ сдѣлаться двойникомъ безпардоннаго мичмана; тогда прощай все: и гений, и искусство, и слава, и все очаровательное въ жизни. Все это уляжется, какъ въ могилѣ, на днѣ всепожирающей рюмочки. Примѣры эти къ несчастію весьма и весьма даже нерѣдки, въ особенности у насъ въ Россіи. И что за причина? Неужели одно пьяное общество можетъ умертвить всякій зародышъ добра въ молодомъ человѣкѣ? или тутъ есть еще что нибудь для насъ непонятное? А впрочемъ народная мудрость вывела одно заключеніе: скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я тебѣ скажу, кто ты таковъ. А Гоголь, вѣроятно, тоже не безъ основанія замѣтилъ, что русскій человѣкъ, коли хорошій мастеръ, то непременно и пьяница. Что бы это значило? Ничего больше, я полагаю, какъ недостатокъ всеобщей цивилизаціи. Такъ, на примѣръ, сельской или другой какой писарь въ кругу честныхъ безграмотныхъ мужичковъ все

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., февральск. кн., стр. 193—236.

равно, что Сократъ въ Афинахъ, а посмотрите, самое безнравственное, безприсыпное животное, потому именно, что онъ мастеръ своего дѣла, что онъ одинъ единственный грамотѣй между сотнями простодушныхъ мужичковъ, на счетъ которыхъ онъ ушивается и распутничаетъ, а они только удивляются его досужеству и никакъ не могутъ себѣ растолковать, что бы такое значило, что такой умнѣйшій человѣкъ и такой великій пьяница! А простакамъ и не въ домекъ, что онъ одинъ между ними мастеръ письменнаго или другого какого дѣла, что нѣтъ ему соперника, что давальцы его навсегда останутся ему вѣрны, потому что, кромѣ его, не къ кому обратиться. Онъ себѣ, спустя рукава, кое какъ дѣлаетъ свое дѣло и легкіе заработки пропиваетъ. Вотъ по моему одна единственная причина, что у насъ коли мастеръ своего дѣла, то непременно и горькій пьяница. А кромѣ этого замѣчено и между цивилизованными націями, что люди, выходящіе изъ круга обыкновенныхъ людей, одаренные высшими душевными качествами, всегда и вездѣ болѣе или менѣе были читателями, а нерѣдко и усердными поклонниками веселаго бога Бахуса. Это уже, должно быть, непременное свойство не-обыкновенныхъ людей.

Я лично и хорошо зналъ геніальнаго математика нашего О. (а математики вообще люди не увлекающіеся); съ нимъ мнѣ случилось нѣсколько разъ обѣдать вмѣстѣ. Онъ, кромѣ воды, ничего не пилъ за столомъ. Я и спросилъ его однажды:

— Неужели вы никогда вина не пьете?

— Въ Харьковѣ еще когда-то я выпилъ два погребка, да и забастовалъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ простодушно.

Не многіе однакожь кончаютъ двумя погребками, а непременно принимаются за третій, не рѣдко и за четвертый, и на этомъ-то роковомъ четвертомъ кончаютъ свою грустную карьеру, а нерѣдко и самую жизнь.

А онъ, т. е. мой художникъ, принадлежалъ къ категоріи людей страстныхъ, увлекающихся, съ воображеніемъ горячимъ, а это-то и есть злѣйшій врагъ жизни самостоятельной, положительной. Хотя я далеко не поклонникъ монотонной, трезвой аккуратности и вседневной однообразной воловьей дѣятельности, но не скажу, чтобы я былъ и открытій врагъ положительной аккуратности.

Вообще въ жизни средняя дорога есть лучшая дорога, но въ искусствѣ, въ наукѣ и вообще въ умственной дѣятельности средняя дорога ни къ чему, кромѣ безвременной могилы, не приводитъ.

Въ художникѣ моемъ хотѣлось бы мнѣ видѣть и моего великаго необыкновеннаго художника и самого обыкновеннаго человѣка въ домашней жизни; но эти два великія свойства рѣдко уживаются подъ одной кровлей. X

Сердечно желалъ бы я предвидѣть и предотвратить все вредно дѣйствующее на молодое воображеніе моего любимца, но какъ это сдѣлать, не знаю. Мичмана я рѣшительно боюсь, да и отъ сосѣдки нельзя ожидать ничего добраго; это ясно, какъ день. Теперь еще это могло бы кончиться разлукой и слезами, какъ обыкновенно кончается первая пламенная любовь, но при содѣйствіи тетушки, которая ему такъ понравилась съ перваго разу, кончится все это факеломъ Гименея, и, дай Богъ мнѣ ошибиться, развратомъ и нищетой.

Онъ мнѣ прямо не говоритъ, что онъ влюбленъ по уши въ свою ученицу, да и какой юноша прямо откроетъ эту священную тайну. По одному слову своей обожаемой онъ бросится въ огонь и въ воду, прежде чѣмъ выговорить ей словами свое нѣжное чувство. Таковъ юноша любящій искренно. А бываютъ ли юноши любящіе иначе?

Что бы хоть сколько нибудь отвлечь его отъ сосѣдокъ, съ умысломъ не упоминаю о нихъ ни слова. Я совѣтовалъ ему посѣщать, какъ можно, чаще Шмидта, Фицгума и Юахима, какъ людей необходимыхъ для его внутренняго образованія, навѣщать старика Кольмана, котораго добрые совѣты по части пейзажной живописи ему необходимы, и каждый Божій день, какъ храмъ искусства, посѣщать мастерскую Карла Павловича, и во время этихъ посѣщеній сдѣлать для меня акварелью копию съ «Бахчисарайскаго фонтана». А въ заключеніе описалъ ему всю важность предстоящей программы, для которой онъ долженъ посвятить всего себя и всѣ свои дни и ночи до самаго дня экзамена, т. е. до октября мѣсяца. Такой срокъ и такого рода занятіе мнѣ казались достаточными, чтобы хотя немного охладить первую любовь. Я писалъ ему, что если мнѣ нельзя будетъ на

все лѣто оставаться въ столицѣ, то къ осени я непременно опять приѣду собственно для его программы.

Письмо мое, какъ я и ожидалъ, имѣло свое доброе дѣйствіе, но только въ половину: программа ему удалась, а сосѣдка увы! Но зачѣмъ прежде времени поднимать завѣсу таинственной судьбы? Прочитаемъ еще одно и послѣднее его письмо.

Волею или неволею, не знаю, а знаю только то, что вы меня жестоко обманули, мой незабвенный благодѣтель. Я дожидаль васъ, какъ самаго дорогого моему сердцу гостя, а вы, Богъ вамъ судья... И зачѣмъ было обѣщать! А сколько было хлопотъ мнѣ съ моими жильцами? На силу выжилъ. Михайловъ, правда, сейчасъ же согласился, но неугомонный мичманъ дотянулъ таки до самой весны, т. е. до страстной недѣли и на разставаньи мы чуть было съ нимъ не поссорились: онъ непременно хотѣлъ остаться и на святую недѣлю, но я рѣшительно сказалъ ему, что я васъ ожидаю.

— Эка важная фигура вашъ родственникъ, въ трактирѣ можетъ поселиться,—сказалъ онъ, покручивая свои глупые усы.

Меня это взбѣсило, и я готовъ былъ уже надѣлать, Богъ знаетъ, какихъ дерзостей, да спасибо Михайловъ остановилъ меня. Я не знаю, что ему особенно понравилось въ нашей квартирѣ; вѣроятно только то, что она даровая, не нанятая. Зимой, бывало, Михайловъ по нѣсколько ночей дома не ночуетъ и днемъ изрѣдка заглянетъ и сейчасъ же уйдетъ, а онъ только и выйдетъ пообѣдать да выпить пьянымъ и опять лежить на диванѣ, или спать, или трубку курить; но послѣднее время онъ было уже и чемоданъ съ бѣльемъ притащилъ, и когда я совсѣмъ уже отказалъ отъ квартиры, такъ онъ все еще приходилъ нѣсколько разъ ночевать—просто безсовѣстный! И еще одна странность, до самого его выѣзда въ Николаевъ (онъ переведенъ въ Черноморскій флотъ) я его каждый день вечеромъ, возвращаясь изъ класса, встрѣчалъ или въ корридорѣ, или на лѣстницѣ, или у воротъ. Не знаю, кому онъ дѣлалъ вечерніе визиты. Но Богъ съ нимъ, слава Богу, что я отъ него избавился.

Какіе успѣхи сдѣлала въ продолженіи зимы моя ученица, просто чудо! Что если бы ее начать учить въ свое время, изъ нея могла бы быть просто ученая. И какая она сдѣлалась скромная, кроткая, просто прелесть! Дѣтской игривости и наивности и тѣни не осталось.

Правду сказать, мнѣ даже жаль, что грамотность, если это только грамотность, уничтожила въ ней эту милую дѣтскую рѣзвость. Я радъ, что хоть тѣнь той милой наивности осталась у меня на картинѣ. Картинка вышла очень миленькая; огненное освѣщеніе, правда не безъ труда, но удалось. Прево предлагаетъ мнѣ сто рублей серебромъ, на что я охотно соглашаюсь, только послѣ выставки. Мнѣ непременно хочется представить мою милую ученицу на судъ публики. Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ вы не обманули меня въ другой разъ и пріѣхали къ выставкѣ, а она въ нынѣшнемъ году особенно будетъ интересна: многіе художники, и наши, и иностранцы изъ-за границы, обѣщаютъ прислать свои произведенія, въ томъ числѣ баронъ Берне, Годень и Штейбень. Пріѣзжайте, ради самого Апполлона и девяти его прекрасныхъ сестрицъ!

До сихъ поръ моя программа идетъ тупо; не знаю, что дальше будетъ. Композиціей Карлъ Павловичъ доволенъ, больше ничего не могу вамъ о ней сказать. Съ будущей недѣли примусь въ плотную, а до сихъ поръ я ее какъ будто бѣгаю. Не знаю, что это значитъ? Ученица моя и та уже начинаетъ понукать меня. Ахъ, если-бъ я вамъ могъ рассказать, какъ мнѣ нравится это простое доброе семейство! Я у нихъ, какъ свой родной. Про тетушку и говорить нечего: она постоянно добрая и веселая. Угрюмый и молчаливый дядюшка—и тотъ иногда оставляетъ свои бумаги, садится съ нами около шумящаго самовара и изподтишка отпускаетъ шуточки, разумѣется, самыя не замысловатыя. Я иногда позволяю себѣ роскошь, разумѣется, когда лишняя копѣйка зазвенитъ въ карманѣ, угощаю ихъ ложей третьяго яруса въ Александринскомъ театрѣ, и тогда всеобщее удовольствіе безгранично, особенно если спектакль составленъ изъ водевилей; а ученица и модель моя нѣсколько дней послѣ такого спектакля и во снѣ, кажется, поетъ водевильные куплеты. Я люблю иля, лучше сказать, обожаю все прекрасное

какъ въ самомъ человѣкѣ, начиная съ его прекрасной наружности, такъ само, если не больше, и возвышенное, изящное произведеніе ума и рукъ человѣка. И въ восхищеніи отъ свѣтски образованной женщины и мущины тоже. У нихъ все, начиная отъ выраженій до движеній, приведено въ такую ровную стройную гармонию; у нихъ во всѣхъ пульсъ, кажется, бьется одинаково. Дуракъ и умница, флегма и сангвиникъ это рѣдкія явленія, да едва-ли они и существуютъ между ними, и это мнѣ безконечно нравится; не на долго однакожь это можетъ быть, потому что я родился и выросъ не между ними, а грошовымъ воспитаніемъ своимъ и подавно не могу равняться съ ними, и потому-то, не смотря на всю очаровательную прелесть ихъ жизни, мнѣ больше правится семейный бытъ простыхъ людей, такихъ, напримѣръ, какъ мои сосѣди. Между ними я совершенно спокоенъ, а тамъ все чего-то какъ будто боишься. Последнее время я и у Шмидтовъ чувствую себя не ловко, и не знаю, чтобы это значило. Бываю я у нихъ почти каждое воскресенье, но не засиживаюсь, какъ это прежде бывало. Можетъ быть это отъ того, что нѣтъ милого незабвеннаго Штернберга между нами. А кстати о Штернбергѣ. Я недавно получилъ отъ него письмо изъ Рима. Да и чудакъ же онъ препорядочный! Въмѣсто собственныхъ впечатлѣній, какія произвелъ на него вѣчный городъ, онъ рекомендуетъ мнѣ, и кого-же вы думаете? Дюпата и Перонеза! Вотъ чудакъ! Пишетъ, что у Лепри видѣлъ онъ великій соборъ художниковъ; въ томъ числѣ и Иванова, автора будущей картины: «Іоаннъ Предтеча проповѣдуетъ въ пустынѣ». Русскіе художники подтруниваютъ надъ нимъ изподтишка, говорятъ, что онъ совсѣмъ завязъ въ Понтійскихъ болотахъ и все таки не нашель такого живописнаго сухого пня съ открытыми корнями, который ему нуженъ для третьяго плана его картины, а нѣмцы вообще въ восторгѣ отъ Иванова. Еще встрѣтилъ онъ въ кафе Греко безмѣрно расфранченнаго Гоголя, рассказывающаго за обѣдомъ самыя сальныя малороссійскіе анекдоты. Но главное, что онъ встрѣтилъ при въѣздѣ въ вѣчный городъ, въ виду купола св. Петра и въ виду безсмертнаго великана Колизея, это качуча, граціозная, страстная, такая, какъ она есть въ самомъ народѣ, а не такая чопорная, на-румяненная, какъ ее видимъ на сценѣ. Вообрази себѣ, пишетъ онъ,

что знаменитая Тальони копія съ копіи того оригинала, который я видѣлъ бесплатно на римской улицѣ. Но для чего мнѣ дѣлать выписки, я вамъ пришлю его письмо въ оригиналѣ. Тамъ вы и про себя кое что не безынтересное прочитаете. Онъ, бѣдный, все еще вспоминаетъ о Тарновскихъ. Вы ее часто видите, скажите, счастлива-ли она съ своимъ эскулапомъ? Если счастлива, то не говорите ничего про нашего друга, не тревожьте пустымъ воспоминаніемъ ея тихаго семейнаго покоя; если же нѣтъ, то скажите ей, что другъ нашъ Штернбергъ, благороднѣйшее созданіе въ мірѣ, любитъ ее до сихъ поръ также искренно и нѣжно, какъ и прежде любилъ. Это усладитъ ея сердечную тоску. Какъ-бы человѣкъ ни страдалъ, какія бы ни терпѣлъ испытанія, но если онъ услышитъ одно привѣтливое сердечное слово, слово искренняго участія отъ далекаго неизмѣннаго друга, онъ забываетъ гнетущее его горе хоть не на долго, хоть на часъ, на минуту, онъ совершенно счастливъ, а минута полного счастья, говорятъ, замѣняетъ безконечныя годы самыхъ тяжелыхъ испытаній.

Прочитывая эти строки, вы улыбнетесь, мой обожаемый друже, и, чего добраго, подумаете, не терплю ли я какого нибудь испытанія, потому что такъ красно разсуждаю объ испытанія. Божусь вамъ, у меня никакого горя, а такъ что-то взгрустнулось. Я совершенно счастливъ, да и можетъ ли быть иначе, имѣя такихъ друзей, какъ вы и милый незабвенный Виля. Не многимъ изъ людей выпадаетъ такая сладкая участь, какъ выпала на мою долю, и если-бы не вы, пролетѣла-бы мимо меня слѣпая богиня; но вы ее остановили надъ заброшеннымъ бѣднымъ замарашкой. О, Боже мой, Боже мой! я такъ счастливъ, такъ безпредѣльно счастливъ, что мнѣ кажется, я захохоталъ отъ этой полноты счастья, захохоталъ и умру. Мнѣ непремѣнно нужно хоть какое нибудь горе, хоть ничтожное; а то сами посудите, что-бы я не задумалъ, чего бы я не пожелалъ, все мнѣ удастся. Всѣ меня любятъ, всѣ меня ласкаютъ, начиная съ нашего великаго маэстро, а его любви, кажется, достаточно для совершеннаго счастья.

Онъ часто заходитъ ко мнѣ на квартиру, иногда даже и обѣдаетъ у меня. Скажите, могъ-ли я тогда думать о такомъ счастьи, когда я въ первый разъ увидѣлъ его у васъ въ этой самой квартирѣ. Многіе и весьма многіе вельможи-царедворцы не удостоены

такого великаго счастья, какимъ я, неизвѣстный нищій, пользуюсь. Есть-ли на свѣтѣ такой человѣкъ, который не позавидоваль-бы мнѣ въ настоящее время?

На прошедшей недѣлѣ заходить онъ ко мнѣ въ классъ, взглянулъ на мой этюдъ, сдѣлалъ на скоро кое-какія замѣчанія и вызываетъ меня на пару словъ въ корридоръ. Я думалъ, что и онъ знаетъ какой секретъ, и что-же? Онъ предлагаетъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на дачу къ Уваровымъ обѣдать. Мнѣ не хотѣлось оставить классъ, и я началъ было отговариваться, но онъ мои резыны назвалъ школьничествомъ и неумѣстнымъ прилежаніемъ, замѣтивъ, что пропустить одинъ классъ ничего не значить.

— А главное, — прибавилъ онъ: я вамъ дорогою прочитаю такую лекцію, какой вы отъ профессора эстетики никогда не услышите.

Что я могъ сказать на это? Убралъ палитру и кисти, переодѣлся и поѣхалъ. Дорогой однакожь и помину не было объ эстетикѣ. За обѣдомъ, какъ обыкновенно, былъ веселый общій разговоръ, а послѣ обѣда уже началась лекція. Вотъ какъ было дѣло.

Въ гостиной за чашкой кофе старикъ Уваровъ завелъ рѣчь о томъ, какъ быстро летятъ часы и какъ мы не дорожимъ этими алмазными часами, особенно юноши, прибавилъ старикъ, глядя на сыновей своихъ.

— Да вотъ вамъ животрепещущій примѣръ, подхватилъ Карлъ Павловичъ, показывая на меня: онъ сегодня оставилъ классъ, чтобы только побаклушничать на дачѣ.

Меня, какъ кипяткомъ, обдало, а онъ, ничего не замѣчая, прочиталъ мнѣ такую лекцію о всепожирающемъ быстролетномъ времени, что я теперь только почувствовалъ и понялъ символическую статую Сатурна, пожирающаго дѣтей своихъ. Вся эта лекція была прочитана съ такой любовью, съ такой отцовской любовью, что я тутъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, заплакалъ, какъ ребенокъ, уличенный въ шалости.

Послѣ всего этого, скажите, чего мнѣ не достаетъ? Васъ, только одного вашего присутствія недостаетъ мнѣ. О, дождусь-ли я той радостной великой минуты, въ которую обниму васъ, моего родного, моего искренняго друга? А знаете что? Не напишите вы мнѣ, что прїѣдете ко мнѣ къ Святой, я непременно посѣтилъ бы васъ прошедшею зимой; но видно, святые на небѣ позавидовали

моему земному счастью и не допустили этого радостнаго свиданія.

Не смотря, однакожь, на всю полноту моего счастья, мнѣ иногда бываетъ такъ невыносимо грустно, что я не знаю, куда укрыться отъ этой гнетущей тоски. Въ эти страшно продолжительныя минуты одна только очаровательная ученица моя имѣетъ на меня благотворное вліяніе. И какъ-бы мнѣ хотѣлось тогда раскрыть ей мою страдающую душу, разлиться, растаять въ слезахъ передъ нею!... Но это оскорбитъ ея дѣвственную скромность, и я себѣ скорѣе лобъ разобью объ стѣну, чѣмъ позволю оскорбить какую-бы то ни было женщину, тѣмъ болѣе ее, ее прекрасную и пренепорочную отроковицу.

Я, кажется, писалъ вамъ прошедшей осенью о моемъ намѣреніи написать съ нея весталку въ *pendant* прилежной ученицѣ. Но зимою трудно было достать лиліи или бѣлой розы, а главное мнѣ мѣшала несносный мичманъ; теперь-же эти препятствія устранены, и я думаю между дѣломъ, т. е. между программю привести въ исполненіе задушевный мой проэктъ, и тѣмъ болѣе это возможно, что программа моя немногосложна, всего три фигуры: это Іосифъ толкуетъ сны своимъ союзникамъ виночерпію и хлѣбодару. Сюжетъ старый, избитый, а потому-то нужно хорошенько его обработать, т. е. сочинить. Механической работы тутъ не много, а впереди еще слишкомъ три мѣсяца времени. Вы мнѣ пишете о важности моей, быть можетъ, послѣдней программы и совѣтуете, какъ можно прилежнѣе изучать ее или, какъ вы говорите, проникнуться ею. Все это прекрасно, и я совершенно убѣжденъ въ необходимости всего этого. Но, единственный мой друже, я боюсь выговорить: весталка меня болѣе и постоянно занимаетъ. Программа это второй планъ весталки, и какъ я не стараюсь поставить ее на первый планъ, нѣтъ, не могу—уходить, и чтобы это значило, не знаю! Думаю прежде окончить весталку: она у меня уже давно начата. Окончу да и съ рукъ долой; тогда свободнѣе примусь за программу.

Программа! Я что то недоброе предчувствую съ моею программой. И откуда берется это роковое предчувствіе? Не отказаться ли мнѣ отъ нея до слѣдующаго года? Но потерять годъ времени... чѣмъ вознаградится эта потеря? Вѣрнымъ успѣхомъ? А кто поручится за этотъ успѣхъ? Не правда ли, я боленъ. Я дѣйствительно

немножко какъ будто бы рехнулся, я становлюсь похожимъ на «Метафизика» Хемницера. Бога ради, пріѣзжайте, возстановите мою падающую душу.

Какой я однако безсовѣстный эгоистъ! На какомъ основаніи я почти требую вашего визита? Во имя какой разумной идеи вы должны оставить ваши занятія, ваши обязанности и ѣхать за тысячу верстъ для того только, чтобы увидѣть какого-то полуидіота?

Прочь недостойное малодушіе! Ребячество, ничего больше, а я уже, слава Богу, допущенъ къ программѣ на первую золотую медаль! Я уже человѣкъ кончающій... Нѣтъ, нѣтъ, художникъ, начинающій свою, быть можетъ, великую карьеру. Мнѣ стыдно предъ вами, мнѣ стыдно самого себя. Если только не имѣете крайней надобности, то, Бога ради, не ѣздите въ столицу; не пріѣзжайте по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не окончу мою программу и мою задушевную весталку. А тогда если пріѣдете, т. е. къ выставкѣ, о! тогда моя радость, мое счастье будетъ безконечно. Еще одно, и странное и постоянное мое желаніе: мнѣ ужасно хочется, чтобы вы хоть мимоходомъ взглянули на модель моей весталки, т. е. на мою ученицу. Не правда ли, странное, смѣшное желаніе? Мнѣ хочется показать вамъ ее, какъ самое лучшее, прекраснѣйшее произведеніе божественной природы; и, о самолюбіе! какъ будто и я споспѣшествовалъ нравственному украшенію этого чуднаго созданія, т. е. выучилъ ее русской грамотѣ. Не правда ли, я безконечно самолюбивъ? А, кромѣ шутокъ, грамотность придала ей какую-то особенную прелесть. Одинъ маленькій недостатокъ въ ней, и это маленькое несовершенство недавно я замѣтилъ: какъ мнѣ кажется, она не охотно читаетъ. А тетенька ея давно уже перестала восхищаться своею грамотницей Пашей.

Послѣ праздниковъ далъ я ей прочитать Робинзона Крузо. Чтожъ бы вы думали? Она въ продолженіи мѣсяца едва-едва прочла до половины. Признаюсь вамъ, такое равнодушіе меня сильно огорчило, такъ огорчило, что я началъ уже раскаиваться, что и читать ее выучилъ. Разумѣется, я ей этого не сказалъ, а только подумалъ; она же какъ будто подслушала мою думу: на другой же день дочитала книгу и въ вечеру за чаемъ съ такимъ непритворнымъ увлеченіемъ и съ такими подробностями рассказала бессмертное твореніе Дефо своей равнодушной тетенькѣ, что я

готовъ былъ расцѣловать свою ученицу. Въ этомъ отношеніи я нахожу много общаго между ней и мною. На меня иногда находятъ такое деревянное равнодушіе, что я дѣлаюсь совершенно ни на что не способенъ, но со мною, слава Богу, эти припадки непродолжительны бывають. А она, и что для меня непонятно, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ меня неугомонный мичманъ, сдѣлалась какъ-то особенно скромнѣе, задумчивѣе и равнодушнѣе къ книгѣ. Неужели она?... Но я этого допустить не могу: мичманъ созданіе чисто антипатическое, жесткое и едва ли онъ можетъ заинтересовать женщину самой грубой организаціи. Нѣтъ, это мысль нелѣпая. Она задумывается и впадаетъ въ апатію отъ того, что ея возрастъ такой, какъ увѣряють насъ психологи.

Я вамъ надоѣдаю своею прекрасною моделью и ученицей! Вы чего добраго, пожалуй, подумаете, что я къ ней неравнодушенъ. Оно дѣйствительно на то похоже: она мнѣ чрезвычайно нравится, но нравится такъ, какъ что-то близкое, родное, нравится, какъ самая нѣжная сестра родная.

Но довольно о ней. А кромѣ ея въ настоящее время мнѣ и писать вамъ больше не очемъ. О программѣ теперъ писать еще нечего, она едва подмалевана, да и по окончаніи ея я вамъ писать не буду. Мнѣ хочется, чтобы вы о ней въ газетѣ прочитали, а больше всего мнѣ хочется, чтобы сами ее увидали. Я говорю съ такою самоувѣренностью, какъ будто уже все кончено, остается только медаль взять изъ рукъ президента и тушь на трубахъ прослушать.

Пріѣзжайте, мой незабвенный, мой сердечный другъ! Безъ васъ мой триумфъ не полный будетъ, потому не полный, что вы одинъ единственный виновникъ моего настоящаго и будущаго счастья.

Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Не обѣщаю вамъ писать скорѣ. Прощайте!

Р. С. Бѣдный Демскій и вскрытія Невы не дождался: умеръ, и умеръ, какъ истинный праведникъ, тихо, спокойно, какъ будто бы заснулъ. Въ больницѣ Маріи Магдалины мнѣ часто удавалось наблюдать за послѣдними минутами угасающей жизни человѣка, но такого спокойнаго, равнодушнаго разставанья съ жизнью я не видѣлъ. За нѣсколько часовъ передъ кончиной я сидѣлъ у его кровати и читалъ вслухъ какую то брошюру легкаго содержанія. Онъ слушалъ, закрывши глаза, и по временамъ едва замѣтно при-

поднимались у него углы рта, это было что-то въ родѣ улыбки. Чтеніе продолжалось не долго: онъ раскрылъ глаза и, обратя ихъ на меня, едва слышно проговорилъ:

— И охота же вамъ на такіе нустяки дорогое время тратить!

И переводя духъ, прибавилъ:

— Лучше бы рисовали что нибудь, хоть съ меня.

Со мной по обыкновенію была книжка или такъ называемый альбомъ и карандашъ. Я началъ очерчивать его сухой, рѣзкій профиль; онъ опять взглянулъ на меня и сказалъ, грустно улыбаясь:

— Не правда ли, спокойная модель?

Я продолжалъ рисовать. Тихонько растворилась дверь, и въ дверяхъ обернутое чѣмъ-то грязнымъ показалось грязное лицо квартирной хозяйки; но, увидя меня, она спряталась и дверь притворила. Демскій, не раскрывая глазъ, улыбнулся и далъ знать рукою, чтобы я наклонился къ нему. Я наклонился. Онъ долго молчалъ и наконецъ едва внятно, со вздрагиваньемъ проговорилъ:

— Заплатите ей, Бога ради, за квартиру. Дастъ Богъ, сквитаемся.

Со мною не было денегъ, и я тотчасъ пошелъ на квартиру. Дома меня, не момню, что-то задержало: тетушкинъ кофе или что-то въ этомъ родѣ, не помню. Пришелъ я къ Демскому уже передъ закатомъ солнца. Комнатка его была освѣщена ярко оранжевымъ свѣтомъ заходящаго солнца такъ ярко, что я долженъ былъ на нѣсколько минутъ глаза зажмурить. Когда я раскрылъ глаза и подошелъ къ кровати, то подъ одѣяломъ уже остался только трупъ Демскаго, въ такомъ точно положеніи, какъ я его оставилъ живымъ; улыбка на полъ-линіи не измѣнилась; глаза закрыты, какъ у спящаго. Такъ спокойно умираютъ только праведники, а Демскій принадлежалъ къ сонму праведниковъ. Я сложилъ ему на груди полуостывшія руки, поцѣловалъ его въ холодное чело и прикрылъ одѣяломъ; нашелъ хозяйку, отдалъ ей долгъ покойника, просилъ распорядиться похоронами на мой счетъ, а самъ пошелъ къ гробовщику. На третій день пригласилъ я священника изъ церкви св. Станислава, взялъ ломового извозчика и съ помощію дворника мы вынесли и поставили скромный гробъ на роспуски, и двинулись съ Демскимъ въ далекую дорогу. За гробомъ шелъ я, патеръ Посяда и маленькій причетникъ. Ни одна нищяя не сопутствовала намъ, а ихъ не мало встрѣчалось дорогою. Но эти бѣд-

ные тунеядцы, какъ голодныя собаки, носомъ чуютъ милостыню; отъ насъ онѣ не предвидѣли подачи и не ошиблись; ненавижу я этихъ отвратительныхъ промышленниковъ, спекулирующихъ именемъ Христовымъ. Съ кладбища пригласилъ я патера на квартиру покойника, не съ тѣмъ, чтобы тризну править, а затѣмъ, чтобы показать скромную библіотеку Демскаго. Вся библіотека заключалась въ небольшомъ едва сколоченномъ ящикѣ и состояла изъ 50 съ чѣмъ-то томовъ, большею частью историческаго и юридическаго содержанія, на языкахъ: греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Ученый патеръ весьма неравнодушно перелистывалъ греческихъ и римскихъ классиковъ весьма скромнаго изданія, а я откладывалъ книги только на французскомъ языкѣ. И странно, кромѣ Лелевеля, на польскомъ языкѣ только одинъ крошечный томикъ Мицкевича самую лубочнаго познанскаго изданія, больше ничего не было. Не ужели онѣ не любилъ своей родной литературы? Не можетъ быть. Когда библіотека была разобрана, я взялъ себѣ французскія книги, а всѣ остальные предложилъ ученому патеру. Добросовѣстный патеръ никакъ не соглашался приобрести такое сокровище совершенно даромъ и предложилъ на свой счетъ положить гранитную плиту надъ прахомъ Демскаго. Я съ своей стороны предложилъ половину издержекъ, и мы тутъ же опредѣлили величину и форму плиты и надпись сочинили. Надпись самая не хитрая: *Leonard Demsci mort. anno 18....* Покончивши все это и взявши всякій свою долю наслѣдства, мы разстались, какъ давнишніе пріятели. Странно однако жъ, неужели покойный Демскій не приближалъ къ себѣ и самъ не приблизился ни къ кому, кромѣ меня? Въ квартирѣ его я никогда никого не встрѣчалъ; но когда выходили мы съ нимъ на улицу, на улицѣ часто встрѣчались его знакомые и по пріятельски здоровались, а нѣкоторые даже пожимали ему руку. И все это были люди порядочные. И то правда, такъ называемый порядочный человѣкъ посѣтитъ ли труженика бѣдняка въ его мрачной лачугѣ? Грустно! Бѣдные порядочные люди!

Прощайте еще разъ. Не забывайте меня, мой незабвенный благодѣтель!

Изъ этого страннаго и пестраго письма я вычиталъ во первыхъ, что художникъ мой, какъ и слѣдуетъ быть истинному ху-

дожнику, въ высокой степени благородный и кроткій человекъ. Простые люди не могутъ такъ искренно, такъ безкорыстно пригъпляться къ такимъ горькимъ, всѣми покинутымъ бѣднякамъ, каковъ былъ покойникъ Демскій. Въ этой прекрасной, безкорыстной привязанности я ничего не вижу особеннаго, это обыкновенное слѣдствіе взаимнаго сочувствія всему великому и прекрасному въ наукѣ и въ человекѣ. По своей природѣ и до завѣщанію нашего божественнаго Учителя мы всѣ должны быть таковы. Но увы! весьма и весьма немногіе изъ насъ соблюли Его святую заповѣдь и сохранили свою божественную природу въ любви и цѣломудріи. Весьма немногіе! И потому-то намъ и кажется необыкновеннымъ чѣмъ-то человекъ, любящій безкорыстно, человекъ истинно благородный. Мы, какъ на комету, смогримъ на такого человекъ и, насмотрѣвшись до-сыта, боясь, чтобы наше грязное, себялюбивое существо не такъ рѣзко самимъ намъ бросалось въ глаза, начинаемъ и этого чистаго человекъ пачкать, сначала скрытой клеветой, потомъ явной, а когда и эта не взяла, обрекаемъ его на нищету и страданія. Это еще счастье, если запремъ его въ домъ умалишенныхъ, а то-просто вѣшаемъ, какъ самага гнуснаго злодѣя. Горькая, но увы, истина! Я однакожь не кстати зарапортовался. Второе, что я вычиталъ изъ нескладнаго письма моего возлюбленнаго художника—это то, что онъ, сердечный, самъ того не замѣчая, влюбился по уши въ свою хорошенькую вертлявую ученицу. Это въ порядкѣ вещей, это хорошо, это даже необходимо, тѣмъ болѣе художнику, а иначе закоптится сердце надъ академическими этюдами. Любовь есть животворящій огонь въ душѣ человекъ, и все, созданное человекомъ подъ вліяніемъ этого божественнаго чувства, отмѣчено печатью жизни и поэзіи. Все это прекрасно, но только вотъ что: эти, какъ называетъ ихъ Любельтъ, огненные души удивительно какъ неразборчивы въ дѣлѣ любви. И часто случается, что истинному и самому восторженному поклоннику красоты выпадаетъ на долю такой нравственно-безобразный идолъ, что только дымъ кухоннаго очага ему въ пору, а онъ, простота, курить предъ нимъ чистѣйшій фиміамъ. Очень и очень немногимъ этимъ огненнымъ душамъ сопутствовала гармонія. Отъ Сократа, Бергама и до нашихъ дней одна и та же безобразная нескладаца въ обыденной жизни. И къ большому горю, эти огненные души влюбляются со-

всѣмъ не по кавалерійски, а хуже всякаго самаго мизернаго пѣхотинца, т. е. на всю жизнь. Вотъ что для меня непонятно! И чего я боюсь въ моемъ художникѣ? Пожалуй и онъ закабалить, по примѣру всемірныхъ гениевъ, свою нѣжную воспримчивую душу какому нибудь сатанѣ въ юпкѣ. И хорошо еще, если онъ подобно Сократу и Пуссену, шуточкой отдѣляется отъ домашней сатаны и пойдетъ своею дорогою, а въ противномъ случаѣ прощай наука и искусство, прощай поэзія и все очаровательное въ жизни, прощай на вѣки! Сосудъ разбитъ, драгоценное муро пролито и съ грязью смѣшано, а лучезарный свѣтильникъ мирной артистической жизни погасъ отъ ядовитаго дыханія домашней мѣдяницы. О, если бы могли эти свѣточы міра обойтись безъ семейнаго счастья, какъ бы прекрасно было! Сколько великихъ произведеній не потонуло бы въ этомъ домашнемъ омутѣ и остались бы на землѣ въ назиданіе и наслажденіе человѣчеству. Но увы! и для генія вѣроятно, какъ и для нашего брата, домашній камень и семейный кружокъ необходимъ. Это вѣрно, потому что для души, чувствующей и любящей все возвышенно-прекрасное въ природѣ и въ искусствѣ, послѣ высокаго наслажденія этой обаятельной гармоніей необходимъ душевный отдыхъ; а сладкій этотъ успокоитель утомленнаго сердца можетъ существовать только въ кругу дѣтей и доброй любящей жены. Блаженъ, сократъ блаженъ тотъ человѣкъ и тотъ художникъ, чью такъ несправедливо называемую прозаическою жизнью осѣнила прекрасная муза гармоніи! Его блаженство, какъ Господнее, необъятно.

Въ наблюденіяхъ своихъ по дѣлу семейнаго счастья я вотъ что замѣтилъ. Замѣчаніе мое относится вообще къ людямъ, но особенно къ вдохновеннымъ поклонникамъ всего благого и прекраснаго въ природѣ; они то бѣдные и бываютъ тяжелою жертвою своего обожаемаго идола—красоты. И ихъ винить нельзя, потому что красота вообще, а красота женщины въ особенности дѣйствуетъ на нихъ всеокрушительно. Иначе и быть не можетъ, а это то и есть мутный всеотравляющій источникъ всего прекраснаго и великаго въ жизни.

Какъ такъ? закричатъ неистовые юноши: красавица, Богомъ созданная для того только, чтобъ усладить нашу исполненную слезъ и тревоженій жизнь! Правда, назначеніе ея отъ Бога такое,

да она то, или, лучше сказать, мы ухитрились измѣнить ея высокое божественное назначеніе и сдѣлали изъ нея бездушнаго, безжизненнаго идола. Въ ней одно чувство поглотило всѣ другія прекрасныя чувства: это эгоизмъ, порожденный сознаниемъ собственной всесокрушающей красоты. Мы еще въ дѣтствѣ дали ей почувствовать, что она будущая раздирательница и зажигательница сердець нашихъ. Правда, мы ей только намекнули; но она такъ это быстро смекнула, такъ глубоко поняла и почувствовала эту будущую силу, что съ того-же рокового дня сдѣлалась невинной кокеткой и домогильной поклонницей собственной красоты. Зеркало сдѣлалось единственнымъ спутникомъ ея жалкой одинокой жизни. Ее не можетъ переимѣнить никакое воспитаніе въ мірѣ. Такъ глубоко упало случайно брошенное нами зерно себялюбія и неизлечимаго кокетства.

Таковъ результатъ моихъ наблюденій надъ красавицами вообще, а надъ привилегированными красавицами въ особенности. Привилегированная красавица ничѣмъ не можетъ быть, кромѣ красавицы: ни любящей кроткой женой, ни доброй нѣжной матерью, ни даже пламенной любовницей. Она деревянная красавица и ничего больше; и было-бы глупо съ нашей стороны и требовать чего нибудь больше отъ дерева.

Вотъ почему я и совѣтую любоваться этими прекрасными статуями издали, но никакъ съ ними не сближаться, а тѣмъ болѣе не жениться, въ особенности художникамъ и вообще людямъ, посвятившимъ себя наукѣ или искусству. Если необходима красавица художнику для его любимаго искусства, для этого есть натурщицы, танцовщицы и прочія мастерицы цеховыя, а въ домѣ ему, какъ и простому смертному, необходима добрая любящая женщина, но никакъ не привилегированная красавица. Она, привилегированная красавица, на одно только мгновеніе освѣтитъ яркими, ослѣпительными лучами радости мирную обитель любимца Божія, а потомъ, какъ отъ мелькнувшаго метеора, такъ отъ этой мгновенной радости и слѣда не останется. Красавицѣ, какъ истинной актрисѣ, необходима толпа поклонниковъ, истинныхъ или ложныхъ, для нея все равно, какъ для древняго идола; были-бы поклонники, а безъ нихъ она, какъ и древній кумирь, прекрасная мраморная статуя и больше ничего.

Не всякое слово въ строку, говорить наша пословица; бывають-же исключенія и между красавицами: природа безконечно разнообразна. Я глубоко вѣрую въ это исключеніе, но вѣрю, какъ въ самое необыкновенное явленіе, потому-то я такъ остороженъ въ своемъ вѣрованіи, что, проживя уже между порядочными людьми слишкомъ полвѣка, такого чуднаго явленія еще ни разу не видѣлъ. А нельзя сказать, чтобы я принадлежалъ къ числу мизантроповъ или къ числу безпардонныхъ хуителей всего прекраснаго. Напротивъ, я самый неистовый поклонникъ прекраснаго, какъ въ самой природѣ, такъ и въ божественномъ искусствѣ.

Недавно со мною вотъ что случилось. Далеко, очень далеко отъ порядочнаго или цивилизованнаго общества, въ захолустьи, почти необитаемомъ, досталось мнѣ прозябать довольно не короткое время, и въ это самое захолустье залетѣла, только не случайно, свѣтская красавица; такую по крайней мѣрѣ она въ послѣдствіи сама себя называла. Вотъ я знакомлюсь; а я, нужно вамъ замѣтить, на знакомства не очень тугъ. Знакомлюсь, наблюдаю новую знакомку-красавицу, и о чудо изъ чудесъ! Ни тѣни сходства съ прежде видѣнными мною красавицами. Не одичалъ ли я въ этой пустынѣ? думаю себѣ. Нѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина: и умная, и скромная, и даже начитанная, и, что называется, ни тѣни кокетства. Мнѣ совѣстно самому стало за свою наблюдательность, и я всякую недовѣрчивость въ сторону и дѣлаюсь не то, что поклонникомъ, это ремесло мнѣ не далось, а дѣлаюсь добрымъ, искреннимъ пріятелемъ. Не знаю, за что, но и я ей понравился, и мы сдѣлались почти друзьями. Я не навосхищаюсь моимъ открытіемъ, такъ даже, что въ старомъ сердцѣ пошевелилось нѣчто больше обыкновенной простой привязанности, и чуть чуть было не сыгралъ роль водевильнаго стараго дурака. Случай спасъ, и самый обыкновенный случай. Однажды по утру,—я былъ принять ими въ домѣ, какъ свой, такъ, что они меня часто на утренній чай приглашали,—такъ однажды по утру я замѣтилъ у нея надъ самымъ затылкомъ въ мелкія косички заплетенные волосы. Мнѣ это открытіе не понравилось. Я прежде думалъ, что у нея естественно завиваются волосы на затылкѣ, а это вотъ что! И это-то самое открытіе остановило меня въ признаніи въ любви. Я снова сталъ простымъ добрымъ пріятелемъ. Почти ежедневно разговаривая о

литературѣ, музыкѣ и прочихъ искусствахъ съ образованной женщиной, совѣстно же сплетничать. Въ этихъ разговорахъ я замѣтилъ, и то уже на другой годъ, что она весьма поверхностна и о прекрасномъ въ искусствѣ или въ природѣ говорить довольно равнодушно. Это немного поколебало мою вѣру. Далѣе, нѣтъ на свѣтѣ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ такой книги, которой бы она не читала, и ни одной не помнигъ. Я спросилъ причину. Она сослалась на какую-то женскую болѣзнь, которая отшибла у нея память еще въ дѣвцахъ. Я простодушно повѣрилъ. Только замѣчаю, какіе нибудь пошленькіе стишки, читанные ею еще въ дѣвцахъ, она и теперь читаетъ наизусть. Послѣ этого мнѣ стало совѣстно говорить съ ней о литературѣ, а послѣ этого вскорѣ я замѣтилъ, что у нихъ ни одной книжки въ домѣ, кромѣ памятной на текущій годъ. По вечерамъ зимою они играли въ карты, если собиралась партія; но это, думалъ я, изъ приличія, а того и не замѣчалъ, что она была ужасно не въ духѣ, ежели ей не удавалось составить партію: у ней сейчасъ же начинала страшно голова болѣть. Ежели партія собиралась у мужа, то она, какъ ни въ чемъ не бывало, садилась около стола и смотрѣла въ карты игроковъ, какъ бы въ свои собственныя, и это милое занятіе часто продолжалось уже далеко за полночь. Я, какъ только начиналась эта бездушная сцена, сей часъ же выходилъ на улицу. Отвратительно видѣть молодую, прекрасную женщину за такимъ безчувственнымъ занятіемъ. Я тогда совершенно разочаровался, и она казалась мнѣ просто полипомъ или вѣрнѣе, настоящей привилегированной красавицей.

И еслибы продлилось ея уединеніе еще годъ, другой, въ этомъ темномъ углу безъ кровожадныхъ обожателей, т. е. безъ львовъ и онагровъ, я увѣренъ, что она бы одурѣла или сдѣлалась бы настоящей идиоткой. Состоянія полуидиотки она уже достигла, а я то, я то простофиля! Вообразилъ себѣ, что вотъ наконецъ открылъ Эльдорадо, а это Эльдорадо просто деревянная кукла, па которую я впоследствии не могъ смотрѣть безъ отвращенія.

Прочитывая эту грозную сентенцію красавицамъ, иной подумаетъ, что я второй Буонароти въ этомъ родѣ,—ничего не бывало! Такой же самый поклонникъ, какъ и любой изъ леопардовъ, и можетъ быть еще и неукротимѣе; а дѣло въ томъ, что люблю

открывать мои убѣжденія во всей ихъ наготѣ, не смотря на чинъ и званіе; притомъ же я это дѣлаю теперь собственно для друга моего, художника, а не съ намѣреніемъ печатать свое мнѣніе о красавицахъ. Боже меня сохрани отъ этой глупости! Да меня тогда сестра родная готова была бы повѣсить на первой осинѣ, какъ Іуду предателя.... Впрочемъ она не красавица: ее нечего опасаться.

Гдѣ же начало этого зла? А вотъ гдѣ начало: въ воспитаніи. Если нѣжныхъ родителей Богъ благословить красавицей дочкой, они сами начинаютъ ее портить, предпочитая ее другимъ дѣтямъ, а объ образованіи своей любимицы они вотъ что думаютъ и даже говорятъ: зачѣмъ напрасно убивать дитя надъ пустою книгою? Она и безъ книги и даже безъ приданаго сдѣлаетъ себѣ блестящую карьеру. И красавица дѣйствительно дѣлаетъ блестящую карьеру. Предсказаніе родителей сбылось, чего же больше? Это начало зла, а продолженіе,—я впрочемъ не увѣрю, а только предполагаю — продолженіе вотъ гдѣ.

Наше любезное славянское племя, хотя и причисляется къ семейству кавказскому, но наружностью своею немногимъ взяло передъ племенами финскимъ и монгольскимъ, слѣдовательно у насъ красавица явленіе весьма рѣдкое. И это рѣдкое явленіе, едва только изъ пеленокъ, мы начинаемъ его набивать своими пелѣными восторгами, себялюбіемъ и прочею дрянью и наконецъ дѣлаемъ изъ него деревянную куклу на шарнирахъ, на подобіе той, какую живописцы употребляютъ для драпировокъ.

Въ странахъ, которыя Богъ благословилъ порою прекрасныхъ женщинъ, тамъ онѣ должны быть обыкновенными женщинами, а обыкновенная женщина по моему есть самая лучшая женщина.

Къ чему-же это я развелъ такую длинную рацею о раздражительницахъ сердець человѣческихъ, въ томъ числѣ и моего? Кажется, въ назиданіе моему другу. Но я думаю, что это наставленіе будетъ для него совершенно лишнее, да и весталка его, сколько могъ я заключить изъ его описаній, едва-ли способна залѣзть поглубже въ сердце художника, который такъ прекрасно чувствуетъ и понимаетъ все возвышенно прекрасное въ природѣ, какъ мой пріятель. Это должна быть быстроглазая, курносенькая плутовка, въ

родѣ швеи или бойкой горничной, а подобные субъекты не рѣдкость, и онѣ совершенно безопасны.

А вотъ такіе субъекты, какъ ея шелковая тетушка, они тоже нерѣдки, но чрезвычайно опасны. Тетушка ея, хотя и сладко онѣ ее описываетъ, напоминаетъ мнѣ гоголевскую сваху, которая на вопросъ искателя невѣсты: оженить ли она его? отвѣчаетъ: «охъ, голубчикъ! да такъ ловко, что и не услышишь». Пріятель мой, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ гоголевскимъ героемъ, и въ этомъ отношеніи я за него почти не опасуюсь. Огонь первой любви хотя и жарче, но за то и короче. Но опять, какъ подумую, нельзя и не опасаться, потому что эти удивительные браки безъ «*услышанія*» очень часто случаются не только съ умными, но даже съ осторожными людьми, а въ другѣ моемъ я большой осторожности не предполагаю, это добродѣтель не художника. На всякій случай я написалъ ему письмо, разумѣется, не назидательное. Боже меня сохрани отъ этихъ назидательныхъ посланій! Я написалъ ему дружески, откровенно, чего я опасуюсь и чего онѣ долженъ опасаться; указалъ ему безцеремонно на милую тетеньку, какъ на самую главную и самую опасную западную. На письмо мое я не получилъ однакожь отвѣта, вѣроятно оно ему не понравилось. Худой знакъ, подумалъ я; а впрочемъ въ продолженіи лѣта онѣ былъ занятъ программой, такъ не мудрено, что могъ забыть о моемъ письмѣ. Но прошло лѣто, прошелъ сентябрь и октябрь мѣсяць, пріятель мой ни слова. Читаю въ «Пчелѣ» разборъ выставки, бойко написанный, должно быть, Кукольниковъ. «Весталку» моего друга превозносятъ до небесъ, а о программѣ ни слова.

Что бы это значило? Неужели она ему не удалась? Я написалъ ему еще письмо, прося его объяснить мнѣ свое упорное молчаніе, причемъ о программѣ и вообще о его занятіяхъ не упоминалъ ни слова, зная изъ опыта, какъ непріятно отвѣчать на пріятельскій вопросъ: каково идетъ работа? когда работа идетъ скверно. Черезъ два мѣсяца получилъ я на письмо мое отвѣтъ; отвѣтъ лаконическій и крайне безголловый. Онѣ какъ-бы стыдился или боялся высказать мнѣ откровенно то, что его терзало, а его что-то ужасно терзало. Между прочимъ онѣ въ письмѣ своемъ намекаетъ на какую-то неудачу (вѣроятно на программу, которая по его словамъ, чуть въ гробъ его не свела) и пишетъ, что если онѣ существуетъ

на свѣтѣ, то существованіемъ своимъ обязанъ добрымъ своимъ сосѣдямъ, которые въ немъ приняли самое живое, самое искреннее участіе, что онъ теперь почти ничего не работаетъ, страдаетъ и душевно и физически и не знаетъ, чѣмъ все это кончится.

На все это я смотрѣлъ, разумѣется, какъ на преувеличеніе. Это обыкновенно въ молодыхъ воспримчивыхъ натурахъ: они всегда дѣлаютъ изъ мухи слона. Мнѣ хотѣлось узнать что нибудь обстоятельнѣе о его положеніи; меня что-то беспокоило. Но какъ? отъ кого? Отъ самого его я толку не добьюсь. Я обратился къ Михайлову, прося его написать мнѣ все, что онъ знаетъ о моемъ другѣ. Обязательный Михайловъ не заставилъ долго ждать своего оригинальнаго и откровеннаго посланія. Вотъ что написалъ мнѣ онъ.

Другъ твой, братъ, дуракъ, да еще какой дуракъ! Отъ сотворенія міра не было еще такого необыкновеннаго дурака. Ему, видишь ли, не удалась программа, что же онъ сдѣлалъ съ отчаянія? Вотъ ужъ не отгадаешь: женился, ей Богу, женился! И знаешь на комъ? На своей весталкѣ, да еще на беременной. Вотъ потѣха: беременная весталка! И, какъ онъ самъ говоритъ, беременность именно и заставила его жениться. Но не думай, чтобы онъ самъ былъ причиною этого грѣха, ничего не бывало, это бесіи мичманъ напакостилъ; она сама созналась. Молодецъ мичманъ накуралесилъ да и уѣхалъ себѣ въ Николаевъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А твой-то великодушный дуракъ и бухъ, какъ куръ во щи. Куда, говоритъ, она теперь дѣнется? Кто ее пріютитъ теперь, бѣдную, когда родная тетка выгонитъ изъ дому? Взялъ да и пріютилъ. Ну, скажи самъ, видалъ ли ты подобнаго дурака на бѣломъ свѣтѣ? Вѣрно и не слыхалъ даже. Правду сказать, безпримѣрное великодушіе, или вѣрнѣе безпримѣрная глупость. Это все еще ничего, а вотъ что до безконечности смѣшно: онъ написалъ съ нею свою весталку беременной, да какъ написалъ! просто прелесть! Такой наивно невинной прелести я еще не видывалъ ни на картинѣ, ни въ природѣ. На выставкѣ толпа отъ нея не отходила. Она сдѣлала въ публикѣ такой шумъ, какой, помнишь, когда-то сдѣлала дѣвушка съ тамбурикомъ Тыранова. Превосходная вещь! Самъ Карлъ Павловичъ передъ нею много разъ останавливался, а это что нибудь да значить. Ее купилъ какой-то богатый вельможа

и хорошо заплатилъ. Копіи и литографіи съ нея—во всѣхъ лавкахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Однимъ словомъ, успѣхъ полный, а онъ дуракъ женился. На дняхъ я заходилъ къ нему и нашелъ въ немъ какую-то непріятную перемяну. Тетушка, кажется, его прибрала къ рукамъ. У Карла Палловича онъ никогда не бываетъ, вѣроятно, стыдится. Началъ онъ съ своей жены и не съ своего дитяти Мадонну съ предвѣчнымъ Младенцемъ и если онъ кончитъ такъ хорошо, какъ началъ, то это превзойдетъ «Весталку». Экспресія младенца и матери удивительно хороша. Какъ это ему не удалась программа, я удивляюсь! Не знаю, допустятъ ли его, какъ женатаго, на будущій годъ къ конкурсу; кажется, нѣтъ. Вотъ все, что могу тебѣ сообщить о твоёмъ безтолковомъ другѣ. Карлъ Павловичъ нашъ не совсѣмъ здоровъ; весною думаетъ начать работать въ Исакіевскомъ соборѣ.

Твой Михайловъ.

Невыразимая грусть овладѣла мною по прочтеніи этого простого пріятельскаго письма. Блестящую будущность моего друга, моего любимца я видѣлъ уже оконченною, оконченною на самомъ разсвѣтѣ лучезарной славы, но помочь горю уже было невозможно. Какъ человѣкъ, онъ поступилъ неблагоуразумно, но въ высокой степени благородно. Будь онъ простой живописецъ ремесленникъ, это событіе не имѣло бы на его занятія никакого вліянія, но на него, на художника, истинно пламеннаго, это можетъ имѣть самое гибельное вліяніе. Потерять надежду быть посланнымъ за границу на казенный счетъ, этого одного достаточно, чтобы уничтожить самую сильную энергію. На свой счетъ побывать за границей—объ этомъ ему теперь и думать нечего. Если усиленный трудъ и дать ему средства, то жена и дѣти отнимутъ у него эти бѣдныя средства прежде, нежели онъ подумаетъ о Римѣ и его безсмертныхъ чудесахъ. Итакъ,

Италія, счастливый край,
Куда въ волшебномъ упоеньи
Летитъ младое вдохновенье
Узрѣтъ мечтательный свой рай!....

этотъ счастливый, очаровательный край закрылся для моего друга навсегда. Развѣ какойнибудь необыкновенный случай рас-

кроетъ ему двери этого немечтательнаго рая; но эти случаи весьма и весьма даже рѣдки. У насъ перевелись тѣ истинные покровители, которые давали художнику деньги, чтобы онъ ѣхалъ за границу и учился. У насъ теперь если и рискнетъ какойнибудь богачъ на подобную роскошь, то изъ одного только дѣтскаго тщеславія; онъ беретъ художника съ собою вмѣстѣ за границу, платитъ ему жалованье, какъ наемному лакею и обращается съ нимъ, какъ съ лакеемъ: заставляетъ его рисовать отель, гдѣ онъ остановился, или морской берегъ, гдѣ жена его принимаетъ морскія ванны, и тому подобныя весьма нехудожественныя предметы, а простофили барабанятъ: вотъ истинный любитель и знатокъ изящнаго! художника съ собой возилъ за границу!—Бѣдный художникъ, что въ твоей кроткой душѣ совершается при этихъ неистовыхъ глупыхъ возгласахъ? Не завидую тебѣ, бѣдный поклонникъ прекраснаго въ природѣ и искусствѣ! Ты, какъ говорится, былъ въ Римѣ и папы не видалъ, а слава, что ты былъ за границей, тебѣ должна казаться жесточайшимъ упрекомъ. Нѣтъ, лучше съ котомкой идти за границу, нежели съ бариномъ ѣхать въ каретѣ, или вовсе отказаться видѣть «мечтательный свой рай», а пріютиться гдѣнибудь въ уголку своего прозаическаго отечества и втихомолку поклоняться божественному кумиру Аполлона. Глупо, удивительно какъ глупо распорядился своею будущностью мой пріятель. Вотъ уже недѣли двѣ, какъ я ежедневно прочитываю откровенное письмо Михайлова и все-таки не могу убѣдиться въ истинѣ этой непростительной глупости. До того не вѣрится, что мнѣ приходитъ иногда мысль побывать самому въ Петербургѣ и собственными глазами увидѣть эту отвратительную истину. Еслибы это было каникулярное время, я и не задумался бы; но къ несчастью теперь учебныя мѣсяцы, слѣдовательно отлучка если и возможна, то только двадцати-восьмидневная, а въ половину этихъ дней что я могу сдѣлать для него? Ровно ничего; увижу развѣ только то, чего бы не желалъ и во снѣ видѣть. Подумавши хорошенько и оправившись отъ перваго впечатлѣнія, я рѣшился ждать, что скажетъ старый Сатурнъ, а между тѣмъ завести постоянную переписку съ Михайловымъ. На его письма я потерялъ надежду, а надежда на письма Михайлова совершенно не сбылась. Расчитывая на Михайлова, я упустилъ изъ виду, что этотъ человѣкъ

менѣ всего способенъ къ постоянной перепискѣ, и если я получилъ отъ него отвѣтъ на мое письмо, и такъ скоро, какъ я не ожидалъ, то я долженъ былъ считать это осьмымъ чудомъ, и по одному письму никакъ не должно было расчитывать на постоянную переписку. Дѣлать нечего! Ошибся, да и кто же не ошибается? Сгоряча я написалъ ему нѣсколько писемъ и въ отвѣтъ не получилъ ни одного. Это меня не остановило, я еще, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чувствительнѣе. Въ отвѣтъ ни слова. Наконецъ я вышелъ изъ себя и написалъ ему грубое и самое недлинное письмо; это подѣйствовало на Михайлова, и онъ прислалъ мнѣ отвѣтъ такого содержанія.

Удивляюсь, какъ у тебя хватаетъ терпѣнія, времени и наконецъ бумаги на твои уморительныя, чтобы не сказать, глупныя письма. И о комъ ты пишешь? О дуракѣ. Стоигъ ли онъ того, чтобы о немъ думать, не только писать, да еще такія уморительныя письма, какъ ты пишешь. Плюнь ты на него, пропацій чловѣкъ, ничего больше; а чтобы тебя утѣшить, то я вотъ что еще прибавлю: онъ вмѣстѣ съ женою и мамашею, какъ онъ ее величаетъ, началъ тянуть проволоку, т. е. принялся за сивуху. Сначала онъ повторялъ все свою «Весталку» и повторялъ до того, что и на толкучемъ перестали брать его копіи, потомъ принялся раскрашивать литографіи для магазиновъ, а теперь не знаю, что онъ дѣлаетъ, вѣроятно пишетъ портреты по цѣлковому съ рыла. Его никто не видитъ, забился гдѣ-то въ двадцатую линію. Въ угоду твою я пошелъ его отыскивать на прошлой недѣлѣ, насилу нашелъ его квартиру у самага Смоленскаго кладбища. Самого его не засталъ дома; жена сказала, что на сеансъ ушелъ къ какому то чиновнику. Я полюбовался его неоконченной Мадонной, и знаешь ли, мнѣ какъ-то грустно стало: за что, подумаешь, пропалъ чловѣкъ? Не дождавшись его самага, я ушелъ и съ хозяйкой не простился: она мнѣ показалась отвратительной.

Карлъ Павловичъ, не смотря на болѣзнь, началъ работать въ Исакиевскомъ соборѣ. Доктора совѣтуютъ ему оставить работу до будущаго года и уѣхать на лѣто за границу, но ему не хочется расставаться съ начатой работой. Что ты не пріѣдешь хоть на короткое время въ Питеръ, хоть только взглянуть на чудеса нашего чудотворца Карла Павловича, да и своимъ бы дуракомъ по-

любовался. Ты, кажется, тоже женился, только не признаешься. Не пиши ко мнѣ, отвѣчать не буду. Прощай! Твой Михайловъ.

Боже мой! Неужели одна единственная причина, эта несчастная женитьба, могла такъ внезапно, такъ быстро уничтожить гениальнаго юношу? Другой причины не было? Печальная женитьба!

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я каникулъ. Наконецъ экзамены кончились, я взялъ отпускъ и маршъ въ Петербургъ. Карла Павловича я уже не засталъ въ Петербургѣ. Онъ, по совѣту врачей, оставилъ работу и уѣхалъ на островъ Мадеру. Съ большимъ трудомъ нашелъ я Михайлова. Этого оригиналъ никогда не имѣлъ своей постоянной квартиры, а жилъ, какъ птица небесная. Я встрѣтилъ его на улицѣ объ руку съ удалымъ мичманомъ, теперь уже лейтенангомъ. Не знаю, какимъ родомъ онъ очутился снова въ Петербургѣ. Я не могъ смотрѣть на этого человѣка. Поздоровавшись съ нимъ, я отвелъ его въ сторону и началъ спрашивать адресъ моего пріятеля. Михайловъ сначала захохоталъ а потомъ, едва удерживая смѣхъ, обратился къ мичману и сказалъ:

— Знаешь ли, чью квартиру онъ спрашиваетъ? Своего любимца N. N.

И Михайловъ снова захохоталъ. Мичманъ ему вторилъ, но не искренно. Михайловъ бѣсилъ меня своимъ неумѣстнымъ смѣхомъ, наконецъ онъ опомнился и сказалъ мнѣ:

— Другъ твой живетъ теперь въ самой теплой квартирѣ, на седмой вѣстѣ. Его, видишь ли, не допустили къ конкурсу, такъ онъ, недолго думавши, спятилъ съ ума, да и маршъ въ теплое мѣсто. Не знаю, живъ ли онъ теперь.

Я не простясь съ Михайловымъ, взялъ извозчика и отправился въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ. Меня къ больному не пустили, потому что онъ былъ въ припадкѣ бѣшенства. На другой день его увидѣлъ, и еслибъ не сказалъ мнѣ смотритель, что это такой художникъ, то я самъ-бы его никогда не узналъ: такъ странно измѣнило его безуміе. Онъ меня, разумѣется, тоже не узналъ принялъ меня за какого-то римлянина съ рисунка Пикелли, захохоталъ и отошелъ отъ рѣшотчатыхъ дверей. Боже мой, какое грустное явленіе—обезображенный безуміемъ человѣкъ! Я не могъ и нѣсколько минутъ пробыть зрителемъ этого печальнаго образа,

простился съ смотрителемъ и возвратился въ городъ; но несчастный другъ мой не давалъ мнѣ нигдѣ покоя, ни въ академіи, ни въ Эрмитажѣ, ни въ театрѣ, словомъ нигдѣ. Его страшный образъ вездѣ преслѣдовалъ меня и только ежедневное посѣщеніе больницы Всѣхъ Скорбящихъ мало по-малу уничтожило первое ужасное впечатлѣніе. Бѣшенство его съ каждымъ днемъ становилось слабѣе и слабѣе, за то и силы физическія быстро исчезали; наконецъ онъ не могъ уже подняться съ кровати, и я свободно могъ входить къ нему въ комнату. По временамъ онъ какъ будто приходилъ въ себя, но все еще меня не узнавалъ. Однажды пріѣхалъ я по утру рано; утренніе часы были для него легче. Засталъ я его совершенно спокойнаго, но такъ слабого, что онъ не могъ рукою пошевелить. Долго онъ смотрѣлъ на меня, какъ будто что-то припоминая. Послѣ долгаго задумчиваго, умнаго взгляда, онъ едва слышно произнесъ мое имя, и слезы ручьями хлынули изъ его просвѣтлѣвшихъ очей. Тихій плачъ перешелъ въ рыданіе, въ такое душу терзающее рыданіе, что я и не видалъ, и дай Господи не видать никогда такого страшно рыдающаго человѣка. Я хотѣлъ его оставить, но онъ знаками остановилъ меня. Я остался. Онъ протянулъ руку, я взялъ его за руку и сѣлъ около него. Рыданія мало по-малу утихли, капились одни крупныя слезы изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. Еще нѣсколько минутъ и онъ совершенно успокоился и задремалъ. Я потихоньку освободилъ свою руку и вышелъ изъ комнаты, въ полной надеждѣ на его выздоровленіе. На другой день, такъ-же рано по утру, пріѣзжаю я въ больницу и спрашиваю попавшагося мнѣ на встрѣчу сторожа: каковъ мой больной? И сторожь мнѣ отвѣтилъ: «больной вашъ, ваше благородіе, уже въ покойницкѣ; вчера какъ уснулъ по утру, такъ и не проснулся».

Послѣ похоронъ я оставался нѣсколько дней въ Петербургѣ, самъ не знаю, для чего. Въ одинъ изъ этихъ дней встрѣтился мнѣ Михайловъ. Послѣ разказа о томъ, какъ онъ провожалъ вчера мичмана въ Николаевъ и какъ они кутнули на средней ргatkѣ, рѣчь зашла о покойникѣ, его вдовѣ и наконецъ о его неоконченной Мадоннѣ. Я просилъ Михайлова проводить меня на квартиру вдовы, на что онъ охотно согласился, потому что ему самому хотѣлось еще разъ посмотрѣть на неоконченную Мадонну. Въ квартирѣ покойника мы ничего не встрѣтили, что бы свидѣтельствовало

о пребываніи здѣсь когда-то художника, кромѣ палитры съ засохшими красками, которая теперь замѣняла разбитое стекло. Я спросилъ о Мадоннѣ. Хозяйка не поняла меня. Михайловъ растолковалъ ей, чтобы она показала намъ ту картину, которую когда-то смотрѣлъ онъ у нихъ. Она ввела насъ въ другую комнату, и мы увидѣли Мвдонну, служившую заплатой старымъ ширмамъ. Я предложилъ хозяйкѣ десять рублей за картину, она охотно согласилась. Я свернулъ въ трубку свое драгоцѣнное приобрѣтеніе, и мы оставили утѣшенную десятью рублями вдову.

На другой день я простился съ моими знакомыми и, кажется, навсегда оставилъ сѣверную Пальмиру. Незабвенный Карлъ Великій уже умиралъ въ Римѣ.

4 октября,
1856 г.

Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ.

I.

Крѣпостное право должно было оставить по себѣ глубокой слѣдъ въ населеніи русскомъ, а съ другой стороны освобожденіе крестьянъ въ Россіи государственнымъ актомъ 1861 г. было однимъ изъ самыхъ важныхъ переворотовъ, какіе совершались въ исторіи этого населенія. Поэтому мы вправѣ были бы ожидать, что какъ крѣпостное право, такъ и отмѣна его должны были отразиться въ русской народной словесности многочисленными пѣснями. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Пѣсни о крѣпостномъ правѣ далеко не равномерно распространены среди трехъ русскихъ племенъ. Среди племени великорусскаго до сихъ поръ записано всего лишь нѣсколько пѣсенъ о крѣпостномъ правѣ¹⁾. Но изъ нихъ во многихъ вариантахъ записаны только двѣ, собственно не крестьянскія, а лакейскія: одна извѣстная пѣсня о холуѣ, который почуветь съ барской дочкой, а другая, которой варианты перемѣшиваются съ пѣснями солдатскими; въ ней лакей рассказываетъ, какъ его «били кнучомъ», за то, что онъ «любилъ дѣвушекъ путемъ», а все таки замѣчаетъ, что

Хорошо лакеямъ жить
Во господскомъ во дому:
Лакей пашеньки не пашеть,
Косы въ руки не беретъ и т. д.²⁾

1) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 193—4; Русск. Филол. Вѣстникъ, 1879 г., т. II, стр. 155; Русск. Старина, 1876 г., февраль—мартъ, стр. 489—491, 667—672.

2) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 183—184; Русская Старина, 1876 г., мартъ; ср. козацкій вариантъ томской губ. въ Этногр. сборн., т. VI, стр. 113—114.

Напротивъ того у малоруссовъ обращается и до сихъ поръ довольно большое количество пѣсенъ о крѣпостномъ правѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ «Основѣ», въ «Кіевлиннѣ», въ «Трудахъ экспедиціи» Чубинскаго, въ собраніи галицкихъ пѣсенъ г. Головацкаго и буковинскихъ г. Купчанка (въ Запискахъ юго-зап. отд. рус. геогр. общества) и др. Но этимъ не исчерпываются, конечно, всѣ украинскія пѣсни о крѣпостномъ правѣ, которыя всѣ протестующаго характера. Не столько, но все же не мало подобныхъ пѣсенъ находится у бѣлоруссовъ. Судя по печатнымъ ихъ образцамъ, представленнымъ въ собраніяхъ гг. Носовича и Шейна, значительная часть ихъ заимствована у малоруссовъ; но есть и вполне оригинальныя, которыя говорятъ противъ распространеннаго мнѣнія о пассивности бѣлоруссовъ.

Что касается до пѣсенъ объ упраздненіи крѣпостнаго права, то до сихъ поръ не опубликовано ни одной подобной великорусской, ни бѣлорусской. Малорусскихъ же извѣстно нѣсколько, хотя только одну изъ нихъ слѣдуетъ признать вполне народною, по ея распространенности. Происхожденіе этой пѣсни на столько кажется намъ интереснымъ и на столько неизвѣстно даже лицамъ специально занимающимся у насъ народной словесностію, не исключая даже и Н. И. Костомарова, который посвятилъ вариантамъ этой пѣсни нѣсколько страницъ въ своей монографіи «Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества» (Русская Мысль, 1880, кн. VII, 64—66), что мы считаемъ нужнымъ посвятить ей маленькое изслѣдованіе, основанное на нѣкоторыхъ рѣдкихъ печатныхъ, а также неизданныхъ рукописныхъ матеріалахъ.

Основу занимающей насъ пѣсни составляетъ образъ «зозули» (кукушки), которая возвѣщаетъ людямъ свободу, при чемъ въ эту канву влетается то насмѣшка надъ панами, то благодарность царю за освобожденіе, то картины отмѣннаго крѣпостнаго права и наступившей свободы труда, то наконецъ надежды на будущія льготы, въ родѣ отмѣны податей, то всѣ эти подробности вмѣстѣ. Варианты пѣсни такого рода замѣчены были въ разныхъ мѣстахъ правобережной Малороссіи, въ волынской и подольской губерніи, и проникли въ мѣстную (кіевскую) печать уже съ конца 60-хъ

годовъ. Но еще раньше того варианты этой пѣсни были напечатаны въ столичныхъ изданіяхъ, интересовавшихся малорусскою этнографіей: въ «Основѣ» 1862 г. (апрѣль и май) и въ «Чтеніяхъ въ моск. общ. исторіи и древностей россійскихъ», гдѣ былъ напечатанъ большой сборникъ г. Головацкаго «Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси», вышедшій и отдѣльнымъ изданіемъ, въ которомъ (т. III, 205—212) находимъ три варианта названной пѣсни: два, помѣченные, какъ галицкіе и одинъ, какъ угорско-русскій.

Такимъ образомъ оказывается, что распространяющаяся теперь въ извѣстной части Россіи пѣсня объ освобожденіи крестьянъ—не мѣстнаго, россійскаго происхожденія, а заграничнаго, австрійскаго. Но этого мало. Пѣсня эта вовсе и не «народнаго», устпаго, происхожденія, какъ въ этомъ увѣряли нашу публику галицкіе писатели, первые сообщившіе въ Россію (въ «Основѣ», въ статьяхъ «Русины въ 1848 г.» и «Объ отношеніяхъ галицкихъ русиновъ къ сосѣдямъ», а также въ названномъ сборникѣ г. Головацкаго) варианты этой пѣсни, а письменнаго и даже въ первоначальномъ своемъ видѣ не русскаго, а польскаго.

Благодаря любезности талантливаго галицкаго беллетриста г. Ив. Франка, мы имѣемъ въ рукахъ чрезвычайно рѣдкій листокъ, напечатанный въ 1848 г. въ Львовѣ, и въ немъ первый эмбрионъ занимающей насъ пѣсни. Составленъ онъ на малорусскомъ языкѣ, галицкой разновидности, а напечатанъ латинскими буквами, правописаніемъ близкимъ къ польскому. Воспроизводимъ этотъ листокъ съ дипломатическою точностію.

P I S Ń R A D O S T Y.

Pryłtyła łastiwońka de naszoho seła,
 Oy pryszła nam nowynońka, dla wsih nas weseła.
 Oy łetila łastiwońka ta po nad rikoju,
 Zmyłuwały sia laszeńke nad naczój bidoju.
 Zjichały sia ta di Lwowa, stały rozmowlaty:
 Zanychajmo na pańszczyńcu chłopiw wyhaniaty.
 Zanychajmo wyhaniaty, hodi toho bude,
 Bo i chłop ny towaryna, bo i chłopcy ludy.
 Rada w radu, rada w radu, treba sia zhodyty,

Chłopy ludy, jak i druhi, z ludmy treba żyty.
 Jeden, druhi, tretı każe—i wsyi przystały,
 Szczoby z chłopom w zhodi żyty, z chłopom sia bratały.
 Napysały do Cısara, nechaj o tim znaje,
 Czczo dla chłopiw Pan sia swojej pańszczyzny zrikaje.
 Pryłetiła łastiwonka ta do nas z wesnoju,
 Oj pryjichaw Pan zi Lwowa do nas z nowynoju.
 Oj pryjichaw, taj skazaw nam: pomahaj Bih ludy,
 Jak buwało—tak buwało,—teper dobre bude,
 Nema teper wże pańszczyzny, nema hałamana,
 Szczob chodyw koladuwaty po pid wikna z rana.
 Nema chłopa, nema popa—łesze wsi jednaki,
 Tak wsi хочem i tak wsiji żadajut Polaki.
 Jak susidy, jak bratia tra sia myłuwaty,
 Bo wsich jeden Oteć Pan Bich, jedna zemla maty:
 Oj łytiła łastiwonka wid seła do seła,
 Rozijszła sia nowynonka dla wsich nas weseła.
 Oj łytiła łastiwonka po nad berehamy,
 Naj Lachy budut zdorowi—trymajmo z Lachamy.
 Pryłetiła czuża ptycia, siła z hołubamy,
 Pozazdrostyw tiazkyj woroh zhodi meże namy.
 Zjichaw z cyrkulu komisar—taj nam publikuje,
 Szczo saw Cısar pańsku praciu dla chłopiw daruje.
 Oy perestań komısaru teje hołosyty,
 Bo my dawno wże ne chodym pańszczyzny robyty.
 Oj jest u nas prypowistka,—každy Rusyn znaje:
 «Ne pryrobyt, chto ne dbaje, ne dast, chto ne maje»
 Oy jest u nas jeszcze druha—prosty, Pane Boże,
 toj, kotroj daje bilsze, a nizely może.

A. L.

Na korzyść braci wracających z Kufszteinu, Sprilbergu z Zagranicy.

Drnkiem Piotra Pillera.

Для того, чтобъ сдѣлать эту «Пѣснь радости» исполнѣ понятно читателямъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ, при какихъ условіяхъ состоялось въ Галиціи въ 1848 г. освобожденіе крестьянъ, или лучше сказать отмѣна панщины, такъ какъ собственно крѣпостное рабство было тамъ отмѣнено еще въ XVIII в. мѣрами Маріи Терезіи и Іосифа II.

Еще передъ 1848 г. и правительство, тогда исполнѣ нѣмецкое, и извѣстная часть помѣщиковъ, поляковъ, пришли къ убѣжденію въ необходимости покончить съ этимъ остаткомъ феодализма; но дѣло затягивалось, какъ вслѣдствіе консерватизма правительства Меттерниха и сословнаго своекорыстія массы помѣщиковъ, такъ и вслѣдствіе политическаго соперничества. Даже та часть польскаго общества, которая желала отмѣны панщины, хотѣла-бы вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ эта отмѣна послужила среди крестьянъ средствомъ къ агитациі въ пользу возстановленія польскаго государства. Въ такомъ духѣ вела въ 40-е годы пропаганду демократическая польская партія среди крестьянъ, поляковъ и русиновъ, сочиняя при этомъ для послѣднихъ и пѣсни на ихъ языкѣ¹⁾. Но въ 1846 г. это польское національно-демократическое движеніе кончилось весьма трагически именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пропаганда и своего рода «хождение въ народъ» были наиболѣе дѣятельны; тамъ, при первой попыткѣ польскихъ революціонеровъ болѣе или менѣе шляхетскаго происхожденія привлечь крестьянъ къ возстанію противъ «цесаря и нѣмцевъ», крестьяне, преимущественно поляки западной Галиціи, перебили инсургентовъ, а за тѣмъ и многихъ помѣщиковъ. Правительство однакожь увидѣло необходимость сдѣлать что нибудь для крестьянъ, но ограничилось палліативами, въ родѣ отмѣны поставки «длинныхъ повозокъ» и «помощи» во время жатвы, т. е. добавочной къ тремъ днямъ панщины, дозволенія подавать жалобы

¹⁾ Болѣе другихъ замѣчательны такія малорусскія пѣсни, сложенные Цѣнглевичемъ и напечатанныя въ Nowogoscynskie Demokratycznem, 1842 г., стр. 298—304 и въ львовской „Зорѣ“ 1884 г. № 5. Цѣнглевичъ „ходилъ въ народъ“ въ 1837 г., агитируя и противъ цесаря („що нашъ не зидре, цесарь забере“, — говорится въ одной изъ его пѣсенъ). Пѣсенка его, которая оканчивается словами: „нс поженешъ насъ въ рекруты, бо мы маемъ косы кути“, есть переделка извѣстной: „Ой, оравъ мужикъ край дороги“.

на помѣщиковъ прямо въ крейсамтъ¹⁾. Въ концѣ 1846 года изданъ былъ законъ, позволявшій крестьянамъ замѣнять, по соглашенію съ помѣщиками, панщину деньгами, землей (земля крестьянская была отдѣлена отъ собственно помѣщицкой еще законами XVIII ст.) или инымъ способомъ. Конечно, никакихъ подобныхъ соглашеній не произошло и край былъ въ напряженномъ состояніи съ самаго 1846 г., какъ вдругъ въ мартѣ 1848 г. вспыхнула революція въ Вѣнѣ, и императоръ согласился созвать на іюль парламентъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ классовъ населенія имперіи. Одновременно произошли замѣшательства въ Венгріи. Всѣ эти событія не могли не отразиться и въ Галиціи. Въ краѣ появились польскіе эмигранты и политическіе арестанты, выпущенные изъ крѣпостей. Само собою разумѣется, что многіе изъ нихъ считали время благоприятнымъ для національнаго возстанія и предлагали начать его съ объявленія о прекращеніи панщины. Но въ то же время среди крестьянъ появились явные признаки желанія повторить сцены 1846 года, такъ что помѣщики спѣшили оставить деревни и перенестись въ города. Панщина стала фактически прекращаться и на очереди стала вопросъ, кто и на какихъ условіяхъ прекратить ее легально. 19 марта явились къ намѣстнику во Львовѣ, гр. Стадіону, депутаты отъ либеральной группы дворянъ и горожанъ съ прошеніемъ о томъ, чтобъ было дозволено учрежденіе національной гвардіи, которая, какъ сказалъ одинъ изъ депутатовъ, нужна противъ «бунтовски-настроенныхъ крестьянъ» и противъ «врага Польши, московскаго царя», а также и о томъ, чтобъ отмѣнена была панщина и замѣнена оброкомъ. Въ то же время во Львовѣ составилось польское политическое общество «Рада Народова», которое стало обсуждать, какъ вопросъ національный, такъ и вопросъ о панщинѣ. Краковскіе демократы предлагали подарить крестьянамъ панщину, но большая часть помѣщиковъ не согласилась на это и даже болѣе благожелательные для крестьянъ паны боялись,

¹⁾ Въ это время, вѣроятно, сочинена была какимъ либо полякомъ-демократомъ чрезвычайно рѣзкая малорусская пѣсня: «Крейсамтъ съ панамъ тримае, за нашу биду не знае»...., призывающая «хлопцывъ до сокиры» (Пѣсни Буковинскаго народу, въ II т. Запис. юго-зап. отд. рус. геогр. общ., стр. 556—557). Пѣсня эта и теперь распѣвается мѣстами въ Галиціи и Буковинѣ, преимущественно грамотными.

что крестьяне имъ не повѣрятъ, а захотятъ, чтобъ отмѣна панщины была подтверждена императорскимъ закономъ, а тогда, говорили они, вся благодарность крестьянъ обратится на императора, а не на Польшу. Но надо же было на что нибудь рѣшиться. Конечно, откровенное рѣшеніе въ духѣ предложеній краковскихъ депутатовъ было бы всего достойнѣе и даже выгоднѣе для пановъ-патріотовъ, но только 70—30 помѣщиковъ рѣшилось на это, да и тѣ, какъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ гр. Стадіонъ, бывшій тогда намѣстникомъ Галиціи, были большею частію помѣщики задолжавшіеся, которыхъ имѣнія уже не давали дохода. Эта ничтожная цифра всего лучше показываетъ тщегу увѣреній польскихъ помѣщиковъ въ томъ, что инициатива отмѣны панщины въ Галиціи принадлежитъ имъ и что они предполагали провести эту мѣру на болѣе выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ, чѣмъ это сдѣлало правительство, выравнивши будто-бы это доброе дѣло изъ рукъ поляковъ-помѣщиковъ. Даже послѣ, когда уже была объявлена отмѣна панщины, депутаты-поляки въ вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., не исключая и демократовъ, подали голоса, кромѣ одного, за выкупъ панщины. Въ критическую же минуту всѣ ихъ благожеланія ограничились вышесказаннымъ, да обращеніемъ комитета галицкаго сейма къ намѣстнику 6-го апрѣля съ требованіемъ, чтобъ дозволено было ему, комитету, объявить отмѣну панщины съ тѣмъ, чтобы сеймъ послѣ постановилъ условія этой отмѣны.

Между тѣмъ панщина фактически прекратилась и крестьяне стали составлять противъ панскихъ вооруженныхъ обществъ свои сельскія стражи, а въ тарновскомъ округѣ (въ польской части Галиціи), бывшемъ въ 1846 г. театромъ особенно жестокой рѣзни пановъ, дошло опять до столкновеній: крестьяне обезоруживали и арестовывали пановъ. Паны тарновскіе послали къ императору петицію объ упраздненіи панщины и вмѣстѣ объ обезпеченіи спокойствія въ краѣ, т. е. объ усмиреніи крестьянъ. Вотъ въ такое-то время гр. Стадіонъ посовѣтовалъ императорскому правительству объявить отъ себя отмѣну панщины. 17 апрѣля 1848 г. появился министерскій указъ о томъ, что съ $\frac{3}{15}$ мая панщины въ Галиціи не будетъ; объ условіяхъ же выкупа панщины, усадебъ и полей постановитъ-де имперскій парламентъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Стадіонъ посовѣтовалъ правительству опереться противъ польскаго

сепаратизма на національныя стремленія русиновъ, которыя не задолго предъ тѣмъ стали проявляться съ извѣстною энергіею: 19 апрѣля гр. Стадіонъ послалъ императору заявленіе съѣзда русинскихъ нотаблей, большею частію священниковъ, составившихъ общество «Руска Рада», о томъ, что «русины (по нѣмцки die Ruthenen)—особенная нація, отдѣльная какъ отъ русскихъ (die Russen), такъ и отъ поляковъ, и составляютъ часть націи малорусской (die Kleinrussen), вполне преданную Австріи¹⁾).

Такимъ образомъ австрійское правительство взяло въ свои руки крестьянское дѣло во всей Галиціи и національное движеніе русиновъ въ восточной ея части и направило то и другое противъ тогдашнихъ польскихъ стремленій. Польскимъ патріотамъ, даже демократамъ, осталось только кое-какъ защищать свои позиціи, покамѣстъ болѣе теоретически. Однимъ изъ проявленій этой защиты была *Pisń radosti*, которую мы воспроизвели выше и которая представляетъ крестьянамъ-малоруссамъ отмѣну панщины дѣломъ «ляшенькивъ» и подкалываетъ этимъ крестьянамъ братство съ ляхами противъ «чужой птицы, тяжкаго ворога, цесарского комиссара», который-де даритъ то, чего самъ не имѣетъ²⁾

Разумѣется, подобныя обращенія, довольно запоздалыя, не могли имѣть практическаго значенія: крестьяне, а тѣмъ болѣе духовенство галицко-русское, остались на сторонѣ цесаря и его комиссаровъ. Но тѣмъ не менѣе въ лигатурномъ отношеніи эта *Pisń radosti* не пропала даромъ, а послужила точкою отправленія для сложенія въ лагерѣ русиновъ пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины и при томъ пѣсенъ противныхъ панамъ, а въ дальнѣйшихъ редакціяхъ и вообще «ляхамъ».

¹⁾ Подробности объ этомъ всемъ см. въ интересной книжкѣ „Polnische Revolutionen-Erinnerungen aus Galicien. Prag. 1863., а также у Springer, Die neueste Geschichte Oesterreichs. II, въ Augsburger Allgem. Zeitung 1848; Beilage, № 166 (Записки гр. Стадіона) и 246 (заявленіе Руской Рады) въ „Основѣ“ 1862 г., 1V (Русины въ 1848 г.) и въ „Зорѣ“ 1880 г. (Русины въ 1848 г.).

²⁾ Пѣсня эта не была въ своемъ родѣ единственною. Г. Франко приводитъ въ „Зорѣ“ 1886 г. (стр. 272) еще одну—противъ „нѣмцевъ“ и Стадника (Стадіона) и общааетъ сдѣлать спеціальныи обзоръ этого сорта литературы 184—49 гг.

Судя по содержанию, *Pisn' radosti* появилась около 3 мая 1848 г. А уже через два мѣсяца, въ 8 № (4 іюля) «Зори Галицкой», перваго органа галицко-русскаго возрожденія, появилось слѣдующее:

«Красненькій то и сердце каждого русина радостно наповняющій появъ часу и сильный доводъ¹⁾, якъ высоко взнѣсь ся вже духъ народности русскои, коли недавно тому мало кто зъ мужѣвъ рускихъ писавъ по руски; а теперъ и невѣсты, котри перше може и слова руского не написали, письменностейъ руссковъ щире ся займають и по руски пишуть, а не ось то якѣ будь бакалюки, якъ то кажуть нѣ въ пять, ни въ десять, але можемъ сказати, краснѣ якъ на початокъ поэтичкѣи утворы. Отъ одна вже поваженька руска невѣста одъ часу, якъ ся левъ рускій пробудивѣ, займае ся поезіевъ русковъ, и то оточена своими внуками, при занятію господарскѣмъ, и написала вже зъ десять ковалкѣвъ въ дусѣ народнѣмъ; пробивае ся въ нихъ чувство утиску и недолѣ народу нашего. Умѣщаемо на той разъ въ Зори два наступающіи кавалки.

1. Прилетѣла зозуленька, тай стала ковати,
 Ой щось я вамъ, добрі люде, маю повѣдати:
 Якъ вже гаѣ зеленили, я до васъ вертала,
 Сѣла мѣ собѣ въ темнѣмъ лѣсѣ, трохи-мѣ спочивала;
 Ажъ ту разомъ щось збуднѣло, я ся споглянула—
 Якемъ диво обачила, ажемъ ся забула.
 А то паньщину свобода передъ собовъ гнала,
 Загнала ю въ лѣсы, дебри, щобы тамъ пропала...
 А за нею женуть паны, взяли ю просити:
 Вертай, вертай назадъ до насъ; нема зъ одки жити.
 Паньщина имъ заповѣла: що жъ я тому винна?
 Самѣсьте мя одправили, я вамъ була вѣрна.
 Не въ той способъ мы съ тобою хтѣли ся розстати,
 Мы судили, що тя колись зновъ будемъ витати.

¹⁾ Считаемо нужнымъ предупредить читателя, что названный галицкѣи журналъ, какъ большая часть писателей въ Галициѣ, употребляетъ правописание такъ называемое этимологическое, т. е. приближенное къ церковно-славянскому, со значками для отмѣнокъ фонетическихъ ѣ=і, ъ=і, ѡд=від, ѣ=і, и=ы (хотя не всегда), а потому острое и (і) отмѣчается ѡ.

Мы не вмѣемъ молотити, наши жѣнки жати,
 Мы не знали, що такъ тяжко на хлѣбъ працювати;
 До кавярнѣ нема зъ чимъ йти тай чортика грати—
 Бо въ кешени всяда пусто, ѡдкижь чого взяти?
 Зъ арендаря вже не можна бѣльше вытягати,
 Бо вже на боргъ хлопъ не хоче горѣлочки брати.

2. Ой ты Зоре Галицкая, якажесь намъ ясна:
 Такъ есь красно засвѣтила, ажъ паньщина згасла.
 Хоть такъ ясно засвѣтилась, не всѣ видять люди,
 Ой суть такі межи нами, що мають полуды.
 Ой ты, Зоре Галицкая, не свѣти нѣкому,
 Тѣлько нашѣй русской справѣ, якъ поїде до трону.
 П....а зъ К....

Берѣть прикладъ, красніи дѣвицѣ! Читайте и пишѣть и вы по рускѣ; вашѣ думки и пѣсенки обѣиме чувство пріязни и любви; але завше най будуть въ дусяхъ рускѣмъ».

Что первая пѣсня есть только передѣлка, конечно направленная противъ пановъ, вышеприведенной «Пѣсни радости», это, кажется, ясно изъ простаго сопоставленія. Что же касается второй, то это тоже передѣлка, но только уже народной пѣсни любовной.

Ой мисяцю, мисяченьку не свѣты никому,
 Тилькы мому мыленькому, якъ иде до дому и т. д.

Одинъ взглядъ на эту передѣлку, на ея партіонныя преокупации, выраженныя въ 3—4 стихахъ, намекающихъ на польско-русинское общество «Рускій Соборъ», которое поляки хотѣли противопоставить чисто русинской русской радѣ, предводители которой издавали «Зорю Галицкую», на ея послѣдніе стихи, намекающіе на представленіе меморандума центральному правительству, отнимаетъ всякую возможность предположенія простонародности автора этой передѣлки. Конечно, этимъ авторомъ не была никакая «невѣста», но кто либо изъ близкихъ редакціи «Зори» лицъ.

Спустя немного «зозуленька» пущена была опять въ ходъ по новому поводу: по случаю агитаціи въ пользу обществъ трезвости.

Въ той же «Зорѣ Галицкой» 1849 г., № 25 (16—28 марта) появилось стихотвореніе «Горѣлочка», въ началѣ котораго стоитъ:

Прилетѣла зозуленька, тай стала кувати,
 Ой! часъ люде горѣвчище пити перестати;
 Най ю вже пьють бѣси въ пеклѣ, турки та тагары (!!),
 Най ю пѣрвуть лыхи вѣтры, пѣбьютъ чорни хмары;
 Поки люди горѣвчище любили та й пили,
 Арендарѣ повбирани, якъ паны ходили.
 Будуть они по улицахъ теперь дрангѣемъ трясти,
 Якъ не схотятъ молотити, а жѣнки ихъ прясти.

Дальше слѣдуетъ описаніе гнусности пьянства, а въ концѣ уже не зозуленька, а рыбка излагаетъ дѣвчатамъ прелести трезвости:

Придивѣть-ся дѣвчатоньки, якъ я красно скачу,
 Якъ весело си гуляю, хотъ корчмы не бачу!

Впрочемъ, такъ какъ это новое стихотвореніе не имѣетъ, кромѣ какъ своимъ началомъ, ближайшаго отношенія къ нашему предмету, то мы и не будемъ далѣе на немъ останавливаться. Для насъ интересно теперь только начало послѣднаго стихотворенія, показывающее, какъ понравился галицко-русскимъ патріотамъ 1848—89 гг. приемъ польскаго автора *Pisni radosti*—заставить птицу возвѣщать извѣстныя политическія мѣры и идеи галицкимъ крестьянамъ.

Мы привели пѣсенку о зозуленькѣ, возвѣщающей свободу, въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ австро-русскихъ областяхъ духовными руководителями тамошняго населенія. Въ статьѣ «Русины въ 1848 году» (Основа 1862 г., стр. 6—7) сообщенъ галицкій вариантъ этой пѣсни, лишь нѣсколькими выраженіями отличающійся отъ напечатаннаго въ «Зорѣ Галицкой», а въ сборникѣ пѣсенъ г. Головацкаго (III, 211) напечатанъ вариантъ «изъ Угорской Руси», отличающійся слегка діалектически, да выпускомъ въ серединѣ одного стиха, вмѣсто котораго прибавлено въ концѣ отъ имени панозъ:

Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ намъ вже жити,
 Пришлось пропадати.

Въ упомянутой статьѣ «Основы» пѣсня о зозуленкѣ названа стихотвореніемъ, но нѣсколько выше «другое стихотвореніе»—обращеніе къ «Зорѣ Галицкой» представлено какъ привѣтствіе «народное». Характеръ, мало критическій, сборника г. Головацкаго не позволяетъ съ увѣренностію сказать, былъ-ли представляемый въ этомъ сборникѣ вариантъ, какъ и вариантъ статьи «Русины въ 1848 году», записанъ «изъ народныхъ устъ», каково бы ни было его первоначальное происхожденіе, или-же взять съ какой нибудь рукописи, или печатнаго популярнаго листка. Тоже самое надо сказать и о третьемъ вариантѣ, напечатанномъ у г. Головацкаго же въ томъ же томѣ, на стр. 205—210 (№ 75). Вариантъ этотъ, подъ которымъ не помѣчено мѣста, гдѣ онъ записанъ, сливается два «кавалки»,—«невѣсты» II—а зъ К. о панщинѣ и о «Зорѣ Галицкой», въ одну «Пѣсню о панщинѣ», а въ серединѣ между ними, а равно и между куплетами перваго «кавалка» даетъ новые куплеты, и, что всего интереснѣе, между ними находимъ куплетъ изъ *Pisni radosti* цѣликомъ, а другіе въ явной антитезѣ словамъ этой послѣдней.

Такъ непосредственно послѣ словъ пановъ къ панщинѣ о томъ, что они надѣялись (въ данномъ вариантѣ: «мы казали»), «що ще будемъ съ тобовъ ся витати», стоитъ куплетъ изъ *Pisni radosti*.

А вже нема того пана,
А ни ватамана,
Жебы ходивъ, колядовавъ
По-пидь викна зъ рана.

Это воспоминаніе о представителѣ стараго порядка даетъ поводъ къ дальнѣйшимъ куплетамъ, въ которыхъ рисуется, какъ прошлое, такъ и теперешнее положеніе пановъ. Мы приведемъ эти куплеты, допояняющіе вариантъ «Зори», между прочимъ потому, что они поясняютъ мѣста въ вариантахъ, записанныхъ въ Россіи, часто искаженные и не совсѣмъ понятныя.

Окомонивъ, ватаманивъ,
Уже скасовали,
Що на панщину гонили,
Викна выбивали.

Перше були штыри паны,
 А два ватаманы,
 Восимнадцать полёвыхъ,
 А единъ пидданий!
 Выйшла стара пани
 На затыльни двери:
 «Повернися, панцинонько,
 До насъ до вечери!
 Ой вернися, панцинонько,
 Вернися, вернися,
 Хоць на рочокъ, або на два,
 Та у насъ наймися!»
 Панщина имъ видповила:
 «Я за васъ не дбаю,
 То-то мь ся въ васъ доробила,
 Що нічо не маю».
 Ой пишовъ панъ молотити,
 Пани пидмитати:
 «Десь нашої панциноньки
 Теперь не видати!»

Дальше идутъ три куплета, опять сходные съ первымъ «кавалкомъ» «Зори Галицкой», а за тѣмъ являются на сцену комиссары, только совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ въ *Pisni radosti*:

Наихали комысари,
 Стали голосити:
 «О часъ бы вамъ, бидни хлопы,
 Панщинъ не робити!»
 Отъиздили комысари
 Тай наказували,
 Жебы хлопы предъ панами
 Шапокъ не здіймали.
 Хлопы йдутъ, люльки курять,
 Паны сидять, та й ся журять:
 «Де бь намъ гроши заробити,
 И тымъ хлопамъ заплатити;

И табаки понюхати,
 Жебы пана послухати,
 И горивки оковити,
 Щобъ на пана ще робити.

Дальше вариантъ возвращается опять къ «зозуленькѣ», а за тѣмъ вводитъ на сцену и другихъ птицъ, въ томъ числѣ и «ластивочку» и голубей польскаго первообраза:

Вылетѣла зозуленька,
 Сѣла зъ голубами:
 «Ой часъ бо вамъ, паны,
 Приставати съ нами!»
 Сѣла соби надъ водою
 Сыва посмитюха,
 Та й спивала панциноньки,
 А той ляшокъ слуха:
 «Ой жебы намъ, пане брате,
 Посмитюху вбити,
 Щобъ не вчила та пташина
 Зъ бидныхъ ляшкивъ кпिति (насмѣхаться)!
 Ой летѣла та сорока,
 Та й стала, скрегоче:
 «Чогось бо намъ вже панцины
 Робитись не хоче!»
 Вылетѣла ластивочка,
 Уже снигу мало:
 «Въ сами свята Великодни
 Панцины не стало».

Послѣ этого слѣдуютъ куплеты второго «кавалка» «Зори Галицкой»-

Въ составленіи этого варианта очевидно непосредственное вліяніе *Pisni radosti*. Является только вопросъ: встрѣтилась ли уже среди «народа» эта *pisnia* съ своимъ подражаніемъ, выпущеннымъ изъ «Зори Галицкой», или же это слитіе двухъ пѣсней сдѣлано было просто у письменнаго стола какогонибудь галицко-русскаго патріота? Окончательно рѣшить этотъ вопросъ могло бы только откровенное признаніе когонибудь изъ близкихъ къ тогдаш-

нимъ галицкимъ литературнымъ дѣламъ лицъ. Но мы бы подали голосъ скорѣе за второе, чѣмъ за первое предположеніе, уже въ виду растянутости послѣдняго варіанта и искусственности расположенія его частей.

Какъ бы то ни было, но какъ «кавалки» «Зори Галицкой», такъ и ихъ обработка, напечатанная въ сборникѣ г. Головацкаго подъ именемъ «Пѣсни о панщинѣ», были внесены въ народъ и стали тамъ распространяться посредствомъ устной передачи, такъ что теперь уже можно найти почти всѣ ихъ составныя части въ разныхъ комбинаціяхъ и редакціяхъ среди несомнѣнно устной народной словесности. Такъ несомнѣнно устнаго характера варіантъ № 76 упомянутаго отдѣла въ сборникѣ г. Головацкаго, помѣченный: «Изъ Жолковскаго уѣзда». Онъ почти во всемъ подобенъ первому «кавалку» «Зори Галицкой», кромѣ нѣкоторыхъ діалектическихъ отбѣнъ; только слово «паны» замѣнено словомъ «ляхи», да отброшены четыре стиха въ концѣ. Въ такомъ же родѣ рукописный варіантъ, доставленный изъ «Угорской Руси» г. Симономъ Ревтиемъ, интересныи, какъ образецъ усвоенія русинами закарпатскими пѣсни, которая распространялась среди галичанъ, жившихъ хотя при сходныхъ въ основѣ, но все таки отличныхъ въ подробностяхъ, условіяхъ. Въ видахъ сбереженія мѣста, мы приведемъ здѣсь только конецъ его: заключеніе ламентаций пановъ и обращеніе къ «Зорѣ Галицкой».

— «Въ кафегаусъ не пойдеме,
 Ни до корчмы пити,
 Въ кешеняхъ всягды пусто,
 Вутки (звидки, откуда) то-то взяти?»
 Ой, Зоре Галицкая,
 Зазори намъ ясно,
 Чтобы долго можно жити
 Тихо, чесно, красно.

Послѣдній куплетъ показываетъ, что за Карпаты пѣсня дошла въ редакціи, имѣющей связь съ тою, которая слила два «кавалки» «Зори Галицкой», только эта редакція не могла удержаться въ Венгріи въ той удлинненной формѣ, въ какой ее поддерживало

въ населеніи Галиціи постоянное вліяніе на массу крестьянъ грамотныхъ ихъ руководителей.

Изъ Галиціи мы имѣемъ нѣсколько неизданныхъ вариантовъ, несомнѣнно записанныхъ «изъ народныхъ устъ» чрезвычайно точными собирателями. Первый вариантъ пошелъ очевидно отъ сводной редакціи, что у г. Головацкаго (№ 75), хотя опять очень укороченный:

Ой летила визуля по надъ наши села¹⁾,
 Принесла намъ новиноньку для насъ всихъ веселу:
 Приехали комысари, взяли голосити:
 — «Не будете, добри люде, панщины робити».
 Ой летила ластивонька, куда снигивъ мало,
 Въ сами свята великодни панщины не стало.
 Приехали комысари и наказували,
 Жебы хлопы предъ панами шапокъ не здоймали.
 — Ты не вмѣшь косити, я не вмѣю прясти,
 Ой пидемо, бидни люде, слѣпѣ диды водити.
 А выйшла стара пани на затыльни двери:
 — Ой вернися, панцинонько, хочынь до вечери.
 — Не вернуся, не вернуся, я ти була вирна,
 Ой ты мене видправила, я тому не винна.

Въ слѣдующемъ вариантѣ, записанномъ г. М. Бучинскимъ въ с. Гринивцы, въ Подгорьи, аллегорическая зозуленька уже почти совсѣмъ атрофировалась и посвященные ей куплеты замѣнились картинами отмѣненнаго рабства и выраженіями благодарности и радости по поводу освобожденія:

Вылетила зозулечка зъ зеленого гаю,
 Та втикала панциночка изъ нашего краю.
 Еи паны атаманы хогили зловити.
 — «Та вернися, панциночко, съ чого будемъ жити?»
 Будуть паны та косити, а паньки вязати,
 Будуть знати вражи ляхи людей шановати.
 Видь полудня до полудня людей збигкувати.

¹⁾ Ради читателей въ Россіи мы сглаживаемъ тонкости горской, гуцульской, фонетикъ въ нашей транскрипціи этого и слѣдующаго вариантовъ.

Просить Бога, молодыци, тай коло крыныци,
 Що вамъ цисарь подарувавъ тяжки роботныци.
 Просить Бога, молодыци, та коло фигуры¹⁾,
 Що вамъ цисарь подарувавъ покладки (ляйца) тай куры.
 Якъ не видко умерлого, по світи не ходить,
 Такъ не видко панциночки, ниhto ій не робыть.
 Якъ не видко умерлого та й коло цвынгаря,
 Такъ не видко панциночки въ нашего цисаря.

Между новыми подробностями, какія появляются въ этомъ вариантѣ, интересна молитва за «цесаря» съ ея мотивами. Эту молитву мы встрѣтимъ далѣе въ россійскихъ вариантахъ, а потому тѣмъ болѣе должны остановиться на ея развитіи въ вариантахъ австрійскихъ, откуда она пошла въ Россію. Эта молитва прицѣпилась въ пѣсни о зозуленькѣ и панцинѣ изъ особой пѣсни о венгерскомъ возстаніи, которое совпало хронологически съ уничтоженіемъ панцины. Уже этого послѣдняго обстоятельства было достаточно для того, чтобъ въ умахъ крестьянъ, мало знакомыхъ съ мотивами политическихъ событій, оба явленія приведены были въ причинную связь между собою. Венгры—враги цесаря, отмѣнившаго панцину, явились сторонниками панцины. Къ тому же на сторонѣ венгровъ стали поляки, синонимъ «пановъ» для галицкихъ крестьянъ. Венгры, ляхи и паны слились въ одно въ умахъ этихъ послѣднихъ, особенно въ то время, когда сформировался при венгерской арміи польскій легіонъ и когда правительство цесаря приняло мѣры къ развитію крестьянской сторожи, уже и прежде, съ самаго начала смуты 1848 г. сложившейся почти самостоятельно. Теперь этой сторожѣ поручена была спеціально охрана карпатскихъ проходовъ отъ польскаго легіона въ Венгріи. Само собою разумѣется, что роялистическая агитація, къ которой пристали

1) „Фигурами“ называютъ въ Галиціи, какъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи, большіе кресты съ скульптурнымъ распятіемъ и относящимися къ нему эмблемами. Табѣя „фигуры“ ставили крестьяне во многихъ мѣстахъ въ память освобожденія, при чемъ аллегорически погребали подъ ними панцину, на что намекають и пѣсни. Иногда погребаемая панцина изображалась бутылкою водки, которая закапывалась въ землю въ знакъ того, что отнынѣ крестьяне уже не будутъ обязаы брать извѣстное количество водки изъ панскаго шинка.

принципіально священники, тогдашіе политическіе вожди галицкихъ русиновъ, поддерживала своеобразное отношеніе галицкихъ крестьянъ къ венгерско-польскому движенію, чѣмъ и объясняется особенно ревностный цезаризмъ этихъ крестьянъ не только противъ венгровъ, но даже и противъ итальянцевъ, которые въ то же время возставали, какъ извѣстно, въ Ломбардіи и Венеціи противъ цесаря. Такое настроеніе галицкихъ крестьянъ отразилось и въ народной словесности австрійскихъ малороссовъ довольно большимъ количествомъ пѣсень о тогдашнихъ военныхъ событіяхъ, которое представляетъ контрастъ весьма равнодушному отношенію къ военно-политическимъ событіямъ XIX в. малороссійской народной словесности, такъ чуткой къ нимъ въ XVII и даже XVIII вв.

Уже въ собраніи г. Головацкаго есть нѣсколько австро-малорусскихъ пѣсень о венгерскомъ движеніи 1848—49 гг., и, что замѣчательно, пѣсень этихъ гораздо больше галицкихъ, чѣмъ собственно венгерскихъ, по причинамъ, указаннымъ выше. Между этими мы остановимся на одной, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашему предмету. Вотъ начало ея:

А Господи милосердный,
 Якъ мы бидували,
 А поки мы та панщину
 Тяжко видбували.
 Славу Богу, же намъ гараздъ
 Теперь, се-си лита,
 А же бы нашъ цисарь здоровъ
 Та й живъ многи лита.
 Бога просимъ за Тисаря
 Шо часъ, шо години,
 Намъ панщину подаровавъ,
 А быхъ не робили;
 Бога просимъ за Тисаря
 Сараки-руснаки,
 На Тисаря нагнивався
 Венгеръ та Поляки и т. д.¹⁾

(Нар. Пѣсни Гал. Угор. Руси, т. II, стр. 460—461).

¹⁾ Далѣ идетъ дѣло о волненіяхъ среди поляковъ до самой Варшавы, о приходѣ въ Австрію „москаля вороними кнѣми“ и о побѣдѣ „венгга“ (т. е. венгровъ) надъ поляками въ этихъ вариантахъ Кошута, по имени) „пидъ Турка“.

По нѣкоторымъ признакамъ, особенно по концу пѣсни, котораго намъ нѣтъ здѣсь основанія приводить, можно думать, что и эта пѣсня въ первоначальной своей формѣ не устнаго, а письменнаго происхоженія. Но пѣсня эта вошла въ народъ и тамъ обтерлась отъ слишкомъ книжныхъ чертъ и значительно распространилась. У насъ есть нѣсколько вариантовъ ея, записанныхъ несомнѣнно изъ народныхъ устъ. Одинъ изъ нихъ прямо начинается съ молитвы за цесаря:

Бога просімъ за цесаря у святой матки,
 Що намъ цесарь подаровавъ панщину й лодатки¹⁾.
 Просімъ Бога за цесаря въ святой фігуры,
 Що намъ цесарь подарувавъ пражу, яйця й куры, и т. д.
 (Запис. Константина Бородайкевича, въ Роженѣ
 въ горахъ Коломыйскихъ въ 1872 г.).

Въ другомъ вариантѣ, котораго части тоже зашли въ Россію, въ началѣ опять является «возулечка», но скоро совсѣмъ затирается реальными образами и надеждами:

Вилетила возулечка зъ високой горы
 Та занесла панщиночку за Дунай у море.
 Та дай же ты, пане вйге, та до людей знати,
 Та най идугь на Середу панщину сховати.
 Та й панщину поховали, хрестъ на ню поклали.
 Якъ учули варіаты²⁾, ребне заплакали.
 Та не плачте, варіаты, сами-сь-те хотили:
 Мы робили по штыри дни, та й не малы виры;
 Теперь бо, пане брате, лишъ на свѣти жити—
 Цесарське заплатити, та й соби робити.
 Просіть Бога за цесаря, що часъ, що годыви,
 Подарувавъ панщиночку, що бы'мъ не робили.
 Подарувавъ панщиночку, оплатну худобу;
 Оплати грунтъ, халупу, сиди соби въ дому.

¹⁾ Обязательныя приношенія панамъ натурою, а не подати государственныя, какъ посяли пѣвцы въ Россіи.

²⁾ Подльск. *wariat*=сумасшедшій; такъ пѣсня честитъ пановъ.

Пáli карты видь цисаря, щобы ихъ читати,
 А въ тыхъ картахъ написано: села вартувати и т. д.
 (Запис. Александръ Стефановичъ, въ 1872 г. въ Корневѣ,
 коломыйскаго повѣта).

Остальная часть пѣсни посвящена венгерской войнѣ, а по-
 тому и не приводится здѣсь.

Еще болѣе передѣлалась въ реальномъ направленіи аллегориче-
 ская пѣсня о зозуленькѣ въ интересномъ вариантѣ, напечатан-
 номъ въ «Основѣ» въ 1862 г., № V, въ статьѣ «объ отношеніяхъ
 галицкихъ русиновъ къ сосѣдямъ». Мы приведемъ его здѣсь вполнѣ,
 такъ какъ почти всѣ его составныя части пошли на образованіе
 вариантовъ, вращающихся теперь въ Россіи.

Ой дай, Боже, здоровьечко нашему цареви,
 Та що зроблѣвъ полекшинья нашему краеви!
 Ой дай, Боже, здоровьечко та нашій царивни.
 Ой щожъ теперь тай мужики изъ панами ривни!
 Пише цисарь тай патенты межи свои люде:
 —«Ой молитесь пану Богу—панцины не буде»!
 Ой летила зозуленька зъ зеленого гаю,
 Утикала панцинонька изъ нашего краю;
 Ой якъ вона соби сила та й трошки спочила:
 Дивилася, якъ свобода панцину тиснула.
 Ой якъ вопа утикала, паны ю-ловили.
 —Ой вернися, панциночко, мы тебе любили.
 —Не вернуся, дурню пане, ничимъ вамъ не вишна;
 Було жъ мене шановати,—я вамъ була вирна;
 Було жъ мене шановати. мырь не збытковати.
 Вы не знали, якъ то гирко на хлибъ бидовати.
 Вы не вмилы бо й косити, ваши жинки жатч:
 Будеть ваша панцинонька въ поли зимовати.
 Минулыся тii вроки, да тii гайдуки,
 Що носили гарашники та й лискови букн!
 Минулося, що ти паны, що ти окомоны
 Заливали въ печи огонь жинкамъ коповками.
 Йде чоловікъ на панцину зъ цяпомъ молотити,
 Ой-я вони забігають, хотя(ть) ёго вбити (ударить)

Въ понедѣлокъ на панщину, въ вивторокъ панщина!
Вже ся теперь, пане брате, панщина скинчила!

Вышеприведенный вариантъ интересенъ между прочимъ тѣмъ, что здѣсь устное народное творчество наконецъ справилось довольно удовлетворительно съ однимъ весьма труднымъ для него мѣстомъ въ разговорѣ панщины съ панами, пущеннымъ въ оборотъ «Зорей Галицкой». Послѣдняя считалась съ претензіей помѣщиковъ на то, что будто они сами, а не цесарь, отмѣнили панщину, и отнеслась къ этой претензіи съ ироніей, заставивъ панщину говорить имъ, что сами, молъ, вы меня отправили, а я была вамъ вѣрна, на что паны отвѣчаютъ (для большаго ихъ посрамленія): мы не такъ желали съ тобой разстаться, мы думали, что вновь будемъ привѣтствовать тебя и т. п. (см. выше). Вся эта иронія оказалась слишкомъ сложною для устной народной словесности, а потому, какъ можно видѣть изъ вышеописаннаго, большая часть устныхъ вариантовъ удержала полно и даже разработала изъ этого разговора только слова о неумѣнн пановъ работать, а слова о томъ, что паны же сами отправили вѣрную имъ панщину, поставились въ этихъ вариантахъ не въ ироническомъ, а въ прямомъ смыслѣ, конечно въ противность намѣреніямъ редакторовъ «Галицкой Зори» и къ невыгодѣ ясности основной мысли пѣсни. Послѣдній вариантъ мотивируетъ отходъ панщины очень ловко: паны не берегли ее, излишнимъ пригѣсненіемъ крестьянъ, котораго картина за тѣмъ и рисуется по матеріалу, какой былъ уже готовъ въ пѣсняхъ о крѣпостномъ правѣ, одинаковыхъ въ Галиціи, какъ и въ Украинѣ, особенно на правомъ берегу Днѣпра¹⁾.

Кромѣ этого конца въ послѣднемъ вариантѣ интересно начало, гдѣ выражается благодарность царю и даже царевнѣ. Начало это встрѣчаемъ мы, какъ конецъ довольно спутанной пѣсни (съ употребленіемъ зозуленьки жъ), напечатанной въ «Галичанинѣ» (1862 г. кн. I, вып. II, стр. 19—20). о происхожденіи которой мы не рѣшаемся высказаться опредѣленно. Но каково бы ни было проис-

¹⁾ Въ такомъ же духѣ и буковинскій вариантъ говорить;
Було людей та й не бити, тай не катувати,
Було людамъ та й на лапахъ спопивъ не рубати.

хожденіе этого конца, ему суждено было распространиться въ народъ и войти въ составъ друтихъ варіантовъ въ Австріи¹⁾ и въ Россіи, а въ послѣдней развиться даже въ особую пѣсню.

Почти всѣ основные мотивы, какіе мы встрѣчали до сихъ поръ въ разбираемыхъ выше варіантахъ, слились довольно оригинальнымъ образомъ въ одномъ, но такъ, что преобладающимъ вышелъ мотивъ ироніи надъ панами, которые не умѣютъ работать. Варіантъ этотъ записанъ въ с. Воскресинцахъ, около Коломыи, и напечатанъ въ львовской «Зорѣ» 1886 г., стр. 214—215.

Ой летила зозулечка тай стала кувати,
 Якъ зачыла видъ панивъ панщина впадати.
 Выихавъ панъ та на мисто, посьигъ у кишению,
 Та выймае изъ кишени—порожнюю жменю.
 Посьигъ же винъ у другуу, витгыгае дудку.
 —А за що-жь си ту напیتی, мой гиренькій смутку!
 Бричку, кони продавати, робити наймати,
 А за що-жь си ту напیتی тай въ карты заграіи?
 Ой пیتی бь намистъ кавы борщикъ бураковый,
 Бидна-жь моя головонько, живити не здоровый!
 Ой коровы попродани, дїйницѣ вакуе,
 То-жь то мени безъ сметанки кава не смакуе.
 Пишли паны й мандатори цисаря просити:
 —Подаруй намъ панщиночку, нема зъ чого жити!
 Не вмїємо молотити, наши жѣнки жыти,
 Не знаємо, цисаріку, якъ на хлібъ робити.
 Не можемо мы сапати, наши жѣнки прысти,
 Хиба пѣдемъ по пѣдъ плоты концурьичкомъ²⁾ тристи.
 Ввійшовъ дидичъ до стѣдолы, зачывъ молотити,
 Та подавивъ мозольита тай ставъ голосити.
 Ой пѣшовъ ѓнъ до покою та взывъ соби лоу
 Та намастивъ мозольита..... Оттакъ дурный гою!

¹⁾ Между прочимъ, кромѣ вышенаприведеннаго,—въ буковинскомъ варіантѣ въ Зап. югозап. отд. Р. Геогр. Общества, 560, гдѣ благодарность выражается не только царю, царевнѣ, царевымъ дѣтямъ, но и „царевому роду, (бо) нема намъ уже панщины, нема и худобы“, т. е. скоту.

²⁾ Кѡнцурѣ—дохмотья; трясти кѡнцурѣмъ по пидъ плоты—просить милостыни.

Не боить си голый дощу, а ни тои бури,
 Засунувъ си въ чужи гръидки та мыче цыбули.
 Та якъ вѣйшовъ газда зъ хаты та вдаривъ коломъ:
 —На що, пане, того мычешь, коли-сь не половъ?
 —Дайте мнѣ фустиночки, голову завязати!
 Поки буду, вже не буду въ гръидки зазирати!
 Помолить си люде добри до свѣитои Дѣвы:
 Що ходивъ панъ на обцасахъ, теперъ на холиви.
 Помолить си люде добри до тои фігуры:
 Вже вамъ цѣсарь подарувавъ мотки, ейци, кури.
 Помолить си люде добри до тои каплицѣ:
 Утрадили паны ласку ой черезъ Кошыци! ¹⁾.

Мы исчерпали весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи печатный и рукописный матеріалъ, по которому можно видѣть, какъ спрявлялось устное творчество австрійскихъ малороссовъ съ внешнею въ его область довольно искусственною, хотя и претендующею на народность пѣсню о такомъ важномъ для народа явленіи, какъ освобожденіе отъ панщины. Мы видѣли, какъ это устное творчество усиливалось закрыть книжническія аллегоріи реальными образами настоящего и недавно прошедшаго, а также благодарностію представителю власти, отъ котораго, какъ увѣрили народъ ближайшіе его совѣтники, вышла инициатива благодѣтельной для народа мѣры. Оставляя теперъ австрійскихъ малороссовъ, чтобъ перейти къ россійскимъ, мы попросимъ у редакціи еще немножко мѣста, чтобъ воспроизвести еще одну неизданную галицкую пѣсню все о томъ же сюжетѣ, такъ какъ эта пѣсня имѣетъ много общаго съ нѣкоторыми вариантами пѣсни, разобранной выше, хотя не имѣетъ ничего общаго съ ея первоначальной аллегорической основой и развилась отъ нея вполне самостоятельно и вполне устнымъ образомъ. Мы дѣлаемъ это тѣмъ болѣе, что эта пѣсня не только даетъ намъ примѣръ вполне народнаго творчества австрійскихъ малороссовъ о важномъ событіи въ ихъ исторіи, но имѣетъ себѣ параллели и въ пѣсняхъ малороссовъ въ Россіи.

¹⁾ Кошицы (нѣмецк. Koschau)—городъ въ сѣв. Венгріи, гдѣ стоялъ польскій легіонъ.

ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.

Ой же хлопци не спивали, голосу не мали,
Болячки ихъ пидперали, що не додыхали.
Болячки ихъ пидперали, що не додыхали,
Черезъ тыждень на панщыни гаразду не знали:
Черезъ тыждень на панщыни, ще то-то не решта (не конецъ),
Ой въ недилю до полудня берутъ до арешту.

Ой въ недилю дуже рано до церковци дзона(ть),
Атаманы съ полёвыми до рахунку гоня(ть).

Прийшовъ же я та й до двора, взявъ си раховати,
А винь¹⁾ мени на одинъ день по три дни складати.
Я изъ нызька уклонився, та й взявъ го просити,
А винь мене ймивъ за чуперь, якъ мя зайде бити.

Прийшовъ я до дому, та ще не встыгъ систи.
А полёвый ѓде, кричить: давай конимъ ѓсти.
Прийшовъ я до дому, жинка си питае,
Чи багато, чоловиче, та й панщыны маемъ?
Ввійшовъ я до хаты, взявъ жинци казати,
А ватаманъ ѓде, кричить: коня запрягати!
Я закликавъ го до хаты, та й узявъ просити:
Най попоимъ трохи джуру²⁾, не можу ходити.

Прыхавъ я та й до двора, та й ставъ передъ браму,
А окомонъ ѓде, кричить, кляне мене въ маму.
Я и шапку юму скинувъ, здалека вклонився,
Винь нагайку изъ-пидъ плаща, та й мене набився!

Минулися то-ти часы, та й то-ти гайдуки,
Що носили та й за людьми лисковїи буки.
Минулися то-ти часы й то-ти атаманы,
Та й що они молодыцямъ огонь заливали.
Теперь паны головати, нема що робити,
Пишуть они до цисаря: нема видки жити,
Вже си люде збунтували, не хотя(ть) робити.
Мы не вмїемъ та й косити, наши жинки жати,
Мы не знали, що такъ тяжко на хлибъ працювати.
Сидить цисаръ та й у Видни, ничего не знае,

¹⁾ Пань или управляющій.

²⁾ Родъ похлебка изъ овсяной муки.

А гвардыя изъ полякивъ бити ся гадае.

Пишуть они до цисаря а всіяки листы:

— «Зроби право, нашъ монархо, бо будемъ ся бити».

Сидить цисарь коло стола, та й права читае,

А гвардыя изъ полякивъ нещистье кохае.

Пише цисарь до Москаля: що мени робити,

Що гвардыя изъ полякивъ та й хоче си бити?—

Ому Москаль видписуе: та якъ же си маешъ,

Чи велику на сердечку ой ты журу маешъ?

— Ой не того, каже, маю, що нема що ъсти—

Е що ъсти, е що пити, не прыймае трунокъ.

Пише цисарь до Москаля, просить на ратунокъ.

Ому Москаль видписуе: та я лѣти—пиду,

Нема мени Польщу¹⁾ бити, лише до обиду!

(Запис. Ал. Стефановичъ, въ Корневѣ, въ колум. пов. въ 1872 г.).

Не знаємъ, какъ рѣшитъ читатель, а намъ сейчасъ приведенная пѣсня кажется выше «возуленьки», не только по своему реализму, но и по своей художественной постройкѣ и даже, не смотря на нѣкоторыя наивности въ концѣ, по своему политическому смыслу. Но тѣмъ не менѣе «возуленька» успѣла распространиться гораздо болѣе, чѣмъ подобныя чисто народныя пѣсни. Почему это? Мы думаемъ потому, что *народныя пѣсни слагаются во время общаго возбужденія извѣстнымъ чувствомъ, но и при полной ясности для народа извѣстнаго факта или положенія дѣлъ*. Событія 1848 г. застали галицкое крестьянство въ расплохъ, и оно не сразу успѣло отдать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, а потому и не могло сразу сложить о немъ пѣсенъ. За крестьянство похлопотала грамотная интеллигенція и создала для него «возуленьку», а вмѣстѣ съ тѣмъ подложила подъ чувство довольства крестьянъ отмѣной панщины роялистическія идеи. Пѣсня о «возуленькѣ» распространилась, особенно благодаря усиленной пропагандѣ духовенства, но простонародье стало постепенно передѣлывать ее по своему и, какъ мы думаемъ, вовсе не къ худшему во всѣхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда къ 1849 г. общее положеніе дѣлъ выяснилось болѣе и передъ крестьянами, то они стали складывать и

¹⁾ Въ другихъ вар. „Венгра“.

вполнѣ самостоятельныя пѣсни, въ родѣ послѣдней вышеприведенной. Конечно, въ началѣ эти пѣсни складывались съ тѣми политическими идеями, какія подсказывало крестьянамъ наивное эмпирическое наблюденіе текущихъ событій и какія пропагандировала среди народа тогдашняя интеллигенція, духовенство. Мало по малу дальнѣйшій ходъ галицкой и вообще австрійской исторіи произвелъ измѣненіе и въ политическихъ идеяхъ галицкаго простонародья. Въ одномъ новомъ вариантѣ пѣсни о венгерско-польскомъ возстаніи, послѣ воспоминанія прежней бѣды отъ панщины и послѣ благодарности «цисарю» за «подарокъ» панщины, слѣдуютъ жалобы и на настоящее: на безземелье, на то, что, гдѣ прежде только волки выли (въ горахъ), тамъ теперь приходится бѣдствовать людскимъ дѣтямъ,—и вырывается восклицаніе:

А, Господи милосердный, якъ будемо жити,

Що бы коника й коровку при соби держити¹⁾.

(Запис. Нат. Окуневская въ Яворовѣ, коссовскаго уѣзда, въ 1883 г.).

Оптимизмъ пѣсенъ 1848—1849 гг. относительно цесарскихъ податей, послѣ отмѣны податковъ панамъ и панщины, въ новыхъ пѣсняхъ смѣняется жалобами на тяжесть налоговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ является, а въ рекрутскихъ пѣсняхъ и усиливается, враждебное, если не насмѣшливое, отношеніе къ самому цесарю, и между любимыми въ Галиціи «коломыйками» появляются напр. такія:

Ой на тоби, цисарику,

Та шапочка срибна!

Ты не знаешь, цисарику,

Яка то Русь бидна!

Бидна-жь вона, бидна,

Бо ляхи (или швабы-нѣмцы) зидрали,

А що було по корови

Та й жида забрали.

Жида берутъ по корови,

Цисаръ бере диты:

¹⁾ Оставляемъ гүцүльскую фонетику для рифмы.

Ой нема намъ, пане брате,
 Чо(го) въ Руси сидити ¹⁾).

Или:

Ой цисарю, цисарику, яке-жь ты ледацо:
 Берешъ людей, берешъ гроши, та й не знати за що ²⁾!

Но мы уже забѣжали впередъ вмѣстѣ съ дѣлами Галиціи. Возвратимся назадъ, хотя не въ Галицію, а въ Россію, положеніе которой въ 1861—1864 гг. сильно напоминаетъ положеніе Австріи въ 1848—1849, такъ какъ въ Россіи въ это время сошлись такія два явленія, какъ освобожденіе крестьянъ и польское революціонное движеніе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Два варіанта, запис. М. Бучинскимъ въ Королевкѣ и В. Волошнюкомъ въ Гринивцахъ, въ Подгорьи, въ 1872 и въ 1869 г.

²⁾ Запис. И. Франко, въ с. Кулневичахъ, самборск. п., въ 1883 г.

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Продолженіе) ¹⁾.

Каменецъ-Подольскій.

Въ смутныхъ ощущеніяхъ радости, грусти и любопытства я въѣхалъ въ Каменецъ въ 11 часовъ вечера 19 генваря 1833 года и остановился въ трактирѣ, который находится противъ ресурсоваго дома, гдѣ обыкновенно бываетъ благородное собраніе. Я принялъ рѣшительное намѣреніе сперва хорошенько выспаться, а потомъ предаться дня на два уединенію, чтобы успокоить и тѣло мое отъ утомленія, и душу мою отъ взволнованныхъ ее ощущеній.

Но это намѣреніе мое рушилось, какъ иногда разрушаются многія человѣческія предначертанія, гораздо важнѣйшія! Едва разсвѣло, какъ начали осаждать меня факторы; одна толпа этихъ нахаловъ смѣнялась другою; шумъ ихъ разбудилъ меня. Изъ нихъ нахальнѣе всѣхъ былъ Абрагамъ или Аврумъ, смуглый еврей, небольшого роста, съ черными волосами. Въ одно время, одни факторы предлагали мнѣ превосходную квартиру, другіе—иголки, иные развертывали предо мною чахлы съ заграничными сукнами, а иные женскіе чулки, шелковыя матеріи, разныя мыла, помады, гребни, щетки, конфекты; всего не перечтешь.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., февральск. кн., стр. 285—316.

— Убирайтесь!—сказаль я имъ, мнѣ ничего не нужно; прійдете послѣ, а теперъ дайте мнѣ покой.

Лишь только произнесъ я эти слова, какъ Аврумъ сталъ по своему распоряжаться: онъ вытолкаль изъ моей комнаты всѣхъ своихъ товарищей, а самъ, надѣлавши болѣе всѣхъ другихъ шуму, началъ обвинять своихъ товарищей въ невѣжливости, нахальствѣ и шумѣ. Оставшись одинъ со мною, онъ тотчасъ же подступилъ ко мнѣ съ своими распросами и свѣдѣніями.

— Ну, позвольте, господинъ, знать, зачѣмъ же вы пріѣхали? И кто вы будете, господинъ, и какъ васъ величать?

Я не отвѣчалъ. Ловкій факторъ перемѣнилъ тактику.

— А, знаете, господинъ, что я вамъ скажу? Быль я сейчасъ у директора гимназіи,—я тамъ свой человекъ. Ну, и какъ же онъ жалѣеть, что доселѣ нѣтъ инспектора. И мы всѣ жалѣемъ; съ часу на часъ ожидаемъ его, а онъ не ѣдетъ. Мы уже и квартиру для него приготовили, славную квартиру, гдѣ квартировалъ губерпскій маршалъ, графъ.....

Я не выдержалъ и машинально спросилъ:

— А далеко ли отсюда до этой квартиры и просторна ли она?

Эти вопросы измѣнили моему инкогнито.... Авруму только это и нужно было; онъ тотчасъ смекнулъ мое званіе и мгновенно улизнулъ изъ комнаты.

Черезъ полъ-часа Аврумъ, снова являсь ко мнѣ, уже скороговоркою и съ сіяющимъ лицомъ передавалъ мнѣ:

— Я, знаете, господинъ инспекторъ, заразъ до пана директора побѣжалъ и сказалъ ему, что господинъ инспекторъ уже пріѣхаль и чтобъ они уже не беспокоились. И какъ же панъ директоръ радъ! Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я заразъ до пана инспектора бѣжалъ и чтобъ панъ инспекторъ пожаловалъ къ нему.

Сказавши это, еврей вторично исчезъ отъ меня, а черезъ нѣсколько времени, вбѣжавъ въ попыхахъ ко мнѣ, снова повторилъ тоже желаніе директора, и прибавилъ:

— Только чтобы заразъ. Поскорѣе, сказалъ панъ директоръ.

Ого! подумалъ я. Это повторенное желаніе уже походить на приказаніе; видно, здѣсь не дремлютъ, дѣлая дѣла.

Одѣвшись въ форменную одежду харьковскаго учебнаго округа, я явился къ Ѳ. Я. Телешеву. Первая встрѣча была далеко не привѣтливая. Окинувъ меня холоднымъ начальническимъ взглядомъ, директоръ сухо проговорилъ:

— Что же это вы облеклись въ форму того округа, къ которому мы уже не принадлежимъ?

Я старался оправдать себя краткостію времени, незнаніемъ самой формы. Въмѣсто снисхожденія на меня посыпались укоризны.

— Вотъ и вы, продолжалъ директоръ, какъ и другіе русскіе чиновники, не сочли долгомъ прибыть въ Каменецъ къ 1-му генваря. Въдь въ этотъ день назначено было да и послѣдовало открытіе гимназій?—Ахъ, сколько труда и заботъ, присовокупилъ онъ, сколько безпокойства и страданій пришлось мнѣ одному перенести при этомъ торжествѣ!

Я объяснилъ директору причину моего медленнаго, совершенно отъ меня не зависѣвшаго, прибытія къ моей должности,— даже показалъ ему свидѣтельство, подписанное 6-го генваря директоромъ новгородсѣверской гимназій, на свободный проѣздъ мой до Каменца. Однако и очевидныя доказательства моей невинности не убѣдили его.

Мое положеніе становилось несноснымъ, и я недоумѣвалъ уже, чего мнѣ дальше ждать. Но вдругъ директоръ, откинувъ строгій тонъ начальника, съ необыкновеннымъ добродушіемъ самъ повелъ меня на казенную квартиру, объ устройствѣ которой онъ еще прежде прибытія моего много заботился. Это добродушіе и усердіе его примирили меня съ нимъ, и я успѣшилъ изъявить ему за то душевную мою благодарность.

Того-же дня явился я къ г. гражданскому губернатору, Ѳ. П. Лубяновскому и архіепископу Кириллу. Оба они приняли меня благосклонно. Надобно присовокупить, что попечитель округа, Филатьевъ, писалъ къ нимъ о насъ еще прежде, поручая насъ ихъ благосклонному вниманію, и просилъ не оставлять

нась, буде нужно, своимъ покровительствомъ и руководствомъ. Потомъ посѣтилъ я также латинскаго бискупа Мацѣевича и губернскаго дворянскаго предводителя, графа Пржездзѣцкаго.

На другой день я вступилъ въ исправленіе моей должности.

Изъ русскихъ чиновниковъ въ гимназіи были: директоръ Телешевъ, инспекторъ я, законоучитель православнаго вѣроисповѣданія протоіерей Гогоцкій, учителями: русской словесности Китченко, латинскаго языка Красковскій, русскаго языка и географіи Науменко и рисованія Булатовъ. Прочіе же преподаватели, именно: законоучитель латинскаго вѣроисповѣданія каноникъ Гловацкій, исторіи Паевскій, математики Ивановскій, латинскаго языка Стычинскій, нѣмецкаго Свирскій и французскаго Дюренъ, были туземцы. Слѣдовательно при воспитаніи юношества въ Каменцѣ, мы должны были идти къ цѣли ощупью, потому что почти половина чиновниковъ были туземцы, слабо знавшіе русскій языкъ и притомъ долгое время служившіе въ училищахъ прежняго порядка.

Учебныя пособія гимназіи составились изъ учебныхъ пособій, принадлежавшихъ бывшему каменецъ-подольскому училищу и дублетовъ училищъ въ Барѣ, Меджибожѣ и Немировѣ.

На первый разъ въ гимназіи открыто только четыре класса; учениковъ поступило 70 человѣкъ, изъ которыхъ едва пятую долю составляли православные, а прочіе были католики. Эти послѣдніе происхожденіемъ были изъ бѣднѣйшей шляхты. Отцы ихъ служили лакеями, дворниками, поварами; иные принадлежали къ ремесленному сословію.

Скоро я замѣтилъ, что дѣти воспріимчивы къ наукамъ, довольно развиты и находчивы въ отвѣтахъ; но внѣ классовъ они ужасные шалуны и способны на разныя продѣлки, которыя подмѣтили вѣроятно или у своихъ родителей, или у евреевъ. По этому, и въ классахъ и въ квартирахъ, съ великимъ терпѣніемъ пріучая ихъ къ правдѣ и благороднымъ поступкамъ, я старался всѣми мѣрами уничтожить въ нихъ ложь, воровство и вражду къ евреямъ, отъ которыхъ ежедневно получалъ нѣ-

сколько жалобъ о томъ, что они, ученики, или бьютъ стекла въ домахъ, или обижаютъ малолѣтнихъ евреевъ. Сперва употреблялъ я для того выговоры, лишенія мѣста въ классѣ, аресты; когда-жъ эти мѣры не были достаточны и не унимали учениковъ отъ своевольствъ, то въ такихъ крайнихъ случаяхъ употреблялъ и розги. Впрочемъ, послѣдней мѣры я всячески старался избѣгать, будучи всегда убѣжденъ, что нравственное внушеніе полезнѣе, прочнѣе. Кто-то еще до прибытія нашего въ Каменецъ оновѣстилъ туземцевъ, что мы варвары, тираны, и эта новость была причиною того, что во вновь открытую гимназію вошла ватага воспитанниковъ только изъ самаго низшаго сословія, родители же другихъ сословій присматривались къ намъ, забирали справки о нашихъ дѣйствіяхъ, дабы потомъ рѣшиться на что-нибудь. Такъ какъ дѣти, по прежней привычкѣ, собирались въ классъ очень рано, за часъ и болѣе предъ начатіемъ ученія, то я въ помощь моимъ товарищамъ употреблялъ этотъ ихъ досугъ къ тому, чтобъ пріучить ихъ къ правильному выговору словъ и свободному объясненію по-русски. Для того собиралъ ихъ въ общую залу и велѣлъ имъ, по очереди, рассказывать по-русски или свои уроки, или свои обыкновенныя происшествія, свободно, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Ошибки въ произношеніи словъ и въ выраженіяхъ мыслей немедленно были мною исправляемы. Такимъ образомъ, отъ совокупныхъ усилій русскихъ чиновниковъ дѣти въ самое короткое время оказали быстрые успѣхи въ практическомъ знаніи русскаго языка и объяснялись на немъ довольно свободно, а отъ успѣховъ въ языкѣ стали замѣтнѣе и успѣхи ихъ въ наукахъ. Надобно замѣтить, что директоръ еще до пріѣзда моего уничтожилъ обычай ежедневно водить дѣтей въ костелъ, считая эту мѣру излишнею, и не ввелъ общихъ квартиръ, по той причинѣ, что всѣ почти воспитанники состояли изъ дѣтей городскихъ жителей. Слѣдовательно, мой надзоръ за учащимися, живущими въ домахъ родителей, или родственниковъ, былъ очень затруднителенъ.

Среди неусыпныхъ нашихъ трудовъ и заботъ о надлежащемъ стройномъ ходѣ гимназіи насъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ полечитель кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке. Его превосходительство прибылъ къ намъ съ тѣмъ, чтобы ознакомиться съ гимназіею въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, для будущихъ своихъ намѣреній и дѣйствій. При этомъ онъ снабдилъ насъ многими словесными дозволеніями и наставленіями въ святомъ дѣлѣ воспитанія юношества. Мы прежде работали въ этомъ дѣлѣ оцую, подъ собственною отвѣтственностію; но руководство главнаго начальства развязало намъ руки и указало широкую дорогу къ достиженію цѣли, и мы дѣйствовали уже, не страшась никакихъ порицаній и препонъ.

При всей нашей добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, мы однако подмѣтили, что за нами былъ надзоръ отъ уволенныхъ въ заштатъ учителей бывшихъ школъ, и надзоръ пристрастный. Они получали отъ дѣтей свѣдѣнія о нашихъ дѣйствіяхъ и эти свѣдѣнія, конечно не вѣрныя, искаженныя, передавали въ публику въ самомъ искаженномъ, превратномъ видѣ. Въ отвѣтъ на ихъ лживыя слова и клеветы мы противопоставили имъ волю высшей власти, нашъ трудъ и болѣе чѣмъ точность, добросовѣстность и усердіе въ исполненіи нашихъ обязанностей. Правда наша затмила, уничтожила всѣ ихъ ухищренія; благопріятное мнѣніе общества осталось за нами. До 1-го мая дѣти оказали необыкновенные успѣхи и въ наукахъ, и въ русскомъ языкѣ.

И такъ, за нами осталось только устройство общихъ квартиръ; но эту мѣру мы рѣшились привести въ исполненіе лишь послѣ вакацій, когда ознакомимся лучше и съ обывателями города, и съ удобствомъ квартиръ, для помѣщенія въ нихъ учениковъ.

Въ теченіи этого времени я познакомился съ Каменцомъ, и считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, какъ о нынѣшнемъ его состояніи, такъ и о прежней его жизни.

Каменецъ Подольскій построенъ на скалѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ р. Смолчицъ. Надъ этою скалою господствуютъ кругомъ другія каменные горы, такъ что Смолчицъ течеть по узкой долинѣ, огражденной съ обѣихъ сторонъ отвѣсными скалами; омывая такимъ образомъ городъ вокругъ, рѣка течеть въ сосѣдствѣ этихъ скалъ по извилистой долинѣ дальше и впадаетъ въ Днѣстръ. Въѣздъ въ Каменецъ съ сѣверной стороны крутъ и очень труденъ, а съ южной, со стороны не большой крѣпости, по здѣшнему фортецы, облегченъ высокимъ мостомъ, сдѣланнымъ изъ кирпича. Этотъ мостъ построенъ королемъ польскимъ Баторіемъ для соединенія города съ замкомъ; но его называютъ почему-то турецкимъ мостомъ.

Изъ публичныхъ зданій въ Каменцѣ примѣчательны: православная и латинская каѳедры, кармелитскій, доминиканскій, армянскій и тринитарскій костелы, присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, семинарія и ратуша. Четвероугольная площадь, которой фасы застроены огромными частными домами въ нѣсколько ярусовъ, можетъ украсить любой городокъ. Въ прочихъ частяхъ города дома незначительны, улицы узки, извилисты, какъ это обыкновенно бываетъ во всѣхъ старыхъ городахъ, населенныхъ въ большинствѣ евреями, но вымощены дикимъ камнемъ и содержатся въ отличной чистотѣ. Воздухъ въ городѣ спертъ и удушливъ какъ отъ многлюдства жителей на маломъ пространствѣ, такъ отъ тѣноты улицъ и самаго положенія города въ углубленіи.

Къ городу принадлежатъ еще три фольварка, или предмѣстія: польскій, русскій и Карвасары.

Число жителей считалось въ мое время до 16 тысячъ, изъ которыхъ едва третью часть составляли христіане, а двѣ трети—евреи. Вся внутренняя торговля въ рукахъ евреевъ. Для оживленія мелкой торговли они выдумали бумажныя деньги, цѣною въ 1, 2, 3 и 5 грошей; это четверугольныя картонныя карточки, на которыхъ напечатано еврейскими буквами достоинство этихъ оригинальныхъ монетъ. Изъ русскихъ купцовъ торгуетъ здѣсь только одинъ домъ и торгуетъ, кажется, вы-

годно. Всякій день на базарной площади производится довольно значительный торгъ съѣстными припасами, кромѣ субботы; въ этотъ день трудно достать самое необходимое для стола.

Въ Каменцѣ много трактировъ, откуда холостые люди получаютъ кушанья—гораздо выгоднѣе и дешевле, такъ что не стоитъ обзаводиться въ домѣ кухней. Здѣсь также можно дешево купить хорошія сукна, шелковыя матеріи, голландскіе холсты; все это евреи получаютъ изъ Галиціи, откуда они пробираются путемъ, имъ однимъ извѣстнымъ. Полиція слаба унять эти незаконныя ухищренія, или вслѣдствіе малыхъ средствъ, или вслѣдствіе своекорыстія...

Каменецъ Подольскій, по мѣстоположенію своему, кажется, издревле предназначенъ охранять плодоносныя равнины Подоліи отъ вторженія народовъ, живущихъ грабежемъ. Геродотъ повѣствуетъ, что въ этихъ мѣстахъ жилаи скифы—хлѣбопашцы. Татары, овладѣвъ Червоною Русью, покорили всю Подолію, вмѣстѣ съ Каменцомъ; князь Гедиминъ въ 1321 году отторгнулъ этотъ городъ и присоединилъ его къ Литвѣ. Съ тѣхъ поръ Каменецъ былъ яблокомъ раздора между Польшею и Литвою; каждая изъ нихъ добивалась власти надъ этою твердынею, охранявшею прелестную Подолію. Во время этой борьбы, порою врывались въ Подолію татары и валахскіе господа, брали въ плѣнъ жителей ея и громили Каменецъ. Такія притѣсненія терпѣлъ этотъ городъ до самого царствованія короля польскаго Сигизмунда Августа, который въ 1569 году присоединилъ навсегда Каменецъ и Подолію къ своей коронѣ. Поляки, приглашая на престолъ Владислава IV, между многими условіями обязали его укрѣпить Каменецъ новыми окопами. Султанъ турецкій, въ 1633 году, не взирая на многочисленную рать свою, былъ разбитъ одинадцатью тысячами поляковъ подъ самымъ Каменцомъ и тѣмъ на долго лишился охоты дѣлать набѣги на Подолію.

Притѣсненія, которыя дѣлали поляки малороссійскимъ возакамъ, подвинули послѣднихъ на защиту своей независимости. Вслѣдствіе того Богданъ Хмельницкій старался, въ 1649 году, для опоры своихъ военныхъ дѣйствій овладѣть Камен-

цомъ, но упорная защита тогдашняго коменданта, Петра Потоцкаго, все мѣсячное усиліе Хмельницкаго сдѣлала тщетнымъ. Онъ вторично осадилъ этотъ городъ въ іюль 1652 года, чтобы обезпечить себя на случай борьбы съ молдавскимъ господаремъ, отъ котораго требовалъ дочери въ супружество своему сыну, Тимоѣю. Янъ Казиміръ, король польскій, поспѣшилъ на защиту Каменца; но, окруженный козаками подъ Жванцемъ, лежащемъ на Днѣстрѣ въ 18 верстахъ отъ Каменца, принужденъ былъ заключить постыдный миръ, которымъ обезпечивалась независимость козаковъ. Въ это время турки и татары, союзники Хмельницкаго, свирѣпствовали въ Подоліи и уводили жителей ея въ неволю. Магометъ IV взялъ обратно Каменецъ отъ Польши; жителямъ велѣлъ выйти изъ города, а взявъ ихъ помѣстилъ въ немъ гарнизонъ; храмы латинскіе превратилъ въ въ мечети. Минареть, нынѣ существующій возлѣ латинской каѳедры, есть памятникъ его владычества. Разсказывали старики, что въ это время онъ до того издѣвался надъ христіанскою религіею, что улицы мостилъ св. иконами. Это я почтомъ прочиталъ и въ исторіи. Наконецъ вся Подолія поступила во власть турокъ по Бучачскому миру, заключенному ими съ поляками 18-го октября 1672 года. Событіе это ускорило смерть короля Михаила Вишневецкаго. Тщетно освободитель Вѣны, Іоаннъ Собѣскій, старался вырвать Каменецъ изъ рукъ турокъ. Ни побѣды его, одержанныя надъ ними подъ стѣнами Хотина и Львова, ни угрозы вѣнскаго двора и римскаго папы не могли поколебать могущества турокъ въ Подоліи. Эти послѣдніе, подобно лютымъ звѣрямъ, свирѣпствовали въ окрестностяхъ Каменца, расхищали у подолянъ имущество, женъ и дѣтей, которыхъ скрывали на неприступныхъ скалахъ Каменца. Дабы унять турокъ отъ набѣговъ, Андрей Потоцкій велъ съ ними въ окрестностяхъ Каменца кровопролитную войну. Къ нему прибылъ на помощь съ дружиною сынъ Собѣскаго, Іаковъ. Совокупными силами напали они на турецкій гарнизонъ, запертый въ этомъ городѣ, но были отражены. Іаковъ, увидѣвъ, что гарнизонъ изобильно снабженъ военными и съѣстными припасами и замѣтивъ вражду и

несогласіе между коронными гетманами, снялъ осаду съ Каменца и возвратился съ войсками своими въ Варшаву. Огорченный этою неудачею, Собѣскій-отець, нанявъ войско на свой счетъ, рѣшился напасть въ распахъ на Каменецъ и вырвать его изъ рукъ турокъ; но это предпріятіе также не удалось ему. Курфирсть саксонскій, Августъ, при вступленіи на польскій престоль обязался Посполитой Рѣчи своимъ иждевеніемъ покорить Каменецъ польской коронѣ. Для того онъ послалъ къ этому городу 20 тысячъ саксонцевъ въ помощь польскому войску. Но усиленный татарами гарнизонъ упорно защищался. Войска, простоявъ долгое время въ окрестности Каменца, возвратились въ Польшу безъ успѣха и съ потерею въ людяхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Голицынъ, въ 1769 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подступалъ къ Каменцу и бомбидировалъ замокъ. Ядра и бомбы и до сихъ поръ торчатъ въ стѣнахъ замка. Но, оставивъ при немъ сильный отрядъ для блокады, онъ переправилъ свой обозъ и артилерію на канатахъ чрезъ горы и приступилъ 15 апрѣля къ Днѣстру противъ крѣпости Хотина. Въ дѣйствіяхъ Голицына противъ Хотина каменецкій гарнизонъ много вредилъ съ тылу. Вслѣдствіе этого князь приказалъ своей арміи отодвинуться отъ Днѣстра и когда турки погнались за ней, то онъ напалъ на нихъ 10 сентября и совершенно ихъ разбилъ. Каменецкій гарнизонъ, утраченный этою побѣдою, оставилъ городъ, разсѣялся по лѣсамъ и погибалъ въ волнахъ Днѣстра, который въ это время былъ въ полномъ разливѣ. Тогда князь легко завладѣлъ Каменцомъ.

Наконецъ Каменецъ поступилъ во власть Россіи навсегда, по ясскому миру, заключенному въ 1791 году 26 декабря между Россіею и Портою. Съ тѣхъ поръ Россія владѣеть спокойно симъ отъ природы крѣпкимъ городомъ.

Вотъ краткій очеркъ исторической жизни сего города; но начало основанія его, какъ обыкновенно выражаются, покрыто мракомъ неизвѣстности.

Кстати означу здѣсь, какия учебныя заведенія вошли въ составъ кіевскаго учебнаго округа. Это: 1) высшая нѣжинская

гимназія, что нынѣ лицей князя Безбородка, 2) кievская гимназія съ подольскимъ уѣзднымъ училищемъ, 3) подольская гимназія съ каменецкимъ приходскимъ училищемъ, 4) винницкая гимназія съ винницкимъ приходскимъ училищемъ, 5) волынская гимназія въ Житомирѣ съ житомирскимъ приходскимъ училищемъ, 6) луцкая гимназія съ луцкимъ приходскимъ училищемъ, 7) черниговская гимназія съ 16 уѣздными и 16 приходскими училищами, 8) новгородсѣверская гимназія съ уѣзднымъ и приходскимъ училищемъ и 9) полтавская гимназія съ 15 уѣздными и 15 приходскими училищами.

25 мая получилъ я отъ г. попечителя округа пакетъ на мое имя, съ надписью «по секрету». Такъ какъ этому секрету прошло уже много лѣтъ, при томъ этотъ секретъ уже приведенъ въ исполненіе, о немъ знаютъ уже почти всѣ волынскіе помѣщики и теперь онъ попалъ уже въ разрядъ давнихъ историческихъ событій по кievскому учебному вѣдомству, то я имѣю полное право сдѣлать его явнымъ.

Г. фонъ Брадке предписалъ мнѣ, по пріѣздѣ въ Каменецъ профессора кременецкаго лицея, А. Н. Мицкевича, сдѣлать съ нимъ совѣщаніе о томъ: 1) какъ удобнѣе и скорѣе осмотрѣть на мѣстахъ приходскія училища, закрытыя во время послѣднихъ польскихъ смуть, сперва въ волынской, потомъ въ подольской и кievской губерніяхъ, для чего данъ намъ подробный списокъ этихъ училищъ; 2) войти въ сношенія съ гг. фундаторами сихъ училищъ о приведеніи въ надлежащій порядокъ домовъ, въ которыхъ они помѣщались прежде, для открытія ихъ вновь; 3) совершить съ фундаторами законныя сдѣлки или объ отпускѣ денегъ, или объ отводѣ земель, для содержанія училищъ, на основаніи данныхъ ими обязательствъ; 4) привести въ извѣстность училищныя недоимки, которыя произошли отъ несвоевременной уплаты слѣдуемыхъ отъ фундаторовъ денегъ на содержаніе училищъ, а также самыя капиталы или фондуши на устройство и содержаніе училищъ, гдѣ таковыя еще не были открыты, и эту послѣднюю сумму обеспечить на свободномъ имѣніи фундаторовъ; 5) избрать мѣста, гдѣ-бы можно было

устроить училища для униатовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, конечно, гдѣ они живутъ въ значительномъ числѣ; 6) сдѣлать испытаніе тѣмъ учителямъ закрытыхъ школъ, которые пожелаютъ служить, и если окажутся способными, то сдѣлать о таковыхъ представленіе на благоусмотрѣніе его превосходительства. Въ этомъ предписаніи вмѣнялось мнѣ, какъ русскому, въ особенную обязанность заняться означенными дѣлами внимательно, съ патриотическимъ усердіемъ, и дозволялось отдѣльно, по секрету, представлять попечителю замѣтки о важныхъ событіяхъ, которыя могутъ случиться при мѣстныхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Самый проектъ попечителя объ открытіи приходскихъ училищъ, какъ сказано было въ предписаніи, первоначально одобренъ г. министромъ просвѣщенія и потомъ высочайше утвержденъ государемъ императоромъ.

Въ присланномъ мнѣ пакетѣ приложены были также открытые листы отъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора графа Левашова и отъ латинскихъ бискуповъ: Мацкевича и Пивницкаго, для содѣйствія намъ, буде нужно, отъ гражданскихъ чиновниковъ и латинскаго духовенства.

Скоро потомъ, а именно 7 іюня, прибылъ ко мнѣ въ Каменецъ Мицкевичъ. При первомъ-же нашемъ свиданіи, мы очень скоро и единодушно покончили наши совѣщанія и намѣренія по исполненію возложеннаго на насъ порученія, и именно слѣдующимъ образомъ: такъ какъ обстоятельства сего обширнаго и важнаго дѣла намъ обоимъ совершенно неизвѣстны, то слѣдуетъ намъ, не мѣшкая, отправиться въ Кременецъ, чтобы тамъ посоветоваться съ чиновниками, служившими въ эдугаціонной комиссіи, а потомъ уже приступить къ исполненію высочайшей воли.

При этомъ считаю приличнымъ замѣтить, что профессоръ Мицкевичъ есть родной братъ знаменитаго польскаго поэта; воспитывался онъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ получилъ ученую степень магистра по юридическому факультету; знаетъ основательно латинскій, нѣмецкій, французскій, русскій и польскій языки и въ дополненіе обладаетъ благороднѣйшею душою.

Эти качества души его и я извѣдалъ въ затрудненіяхъ и недугахъ моихъ, во время совмѣстнаго нашего путешествія по Волыни, и въ послѣдующіе годы. Его теплое, родственное участіе проявилось потомъ и на моемъ сынѣ, который, подъ его руководствомъ, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ. Эта память сердца моего да будетъ хотя слабою данью моей душевной къ нему благодарности!

Поѣздка въ Кременецъ.

И такъ, вслѣдствіе нашихъ совѣщаній, Мицкевичъ и я, 9 июня, въ 11 часовъ вечера, оставили Каменецъ-Подольскій. Не скрою при этомъ моего наслажденія: мнѣ въ первый разъ въ жизни моей довелось путешествовать въ іюнь мѣсяцѣ, въ мѣсяцѣ, столь роскошномъ растительностію и благоараствореніемъ воздуха, въ мѣсяцѣ столь трудномъ, тяжеломъ какъ для воспитателей, такъ и для воспитанниковъ. Какъ легко, пріятно подышать ароматнымъ, свѣжимъ воздухомъ послѣ спертый, зловонной каменецкой атмосферы! Всю ночь на пролетъ, безъ устали, мы проскакали на почтовыхъ лошадяхъ и уже въ Проскуровѣ рѣшились нѣсколько отдохнуть и согрѣться чаемъ отъ прохладнаго утра.

Верстахъ въ пяти отъ станціи Западницы, предъ нами открылась обширная, прелестная равнина, а въ срединѣ оной Старый-Константиновъ, орошаемый р. Стрый и принадлежащій графамъ Ржевускимъ. Въ Старомъ-Константиновѣ намъ рассказали, что когда-то на этой равнинѣ императоръ Александръ Благословенный дѣлалъ смотръ войскамъ своимъ и принялъ милостиво отъ графовъ Ржевускихъ великолѣпный балъ, сдѣланный для него и его сподвижниковъ. Въ Каменцѣ я часто встрѣчался съ графинею Ржевускою, гдѣ она проживала на наемной квартирѣ, скромно, довольствуясь достаточнымъ количествомъ денегъ, назначенныхъ ей отъ правительства; а имѣніе графовъ Ржевускихъ севестровано по причинѣ сильнаго участія владѣльцевъ онаго въ эпоху послѣднихъ смуть въ Царствѣ Польскомъ.

Въ Заславль мы прѣхали въ сумерки. Этотъ городъ принадлежитъ князьямъ Сангушкамъ, которые устроили въ немъ суконную фабрику и каретный заводъ, очень извѣстные въ тѣхъ мѣстахъ по отличной добротѣ предметовъ, на нихъ выдѣлывающихся. Тутъ случилось съ нами маленькое происшествіе, нѣсколько насъ побезпокойившее. На станціи дали намъ порядочныхъ лошадей; но ямщику захотѣлось везти насъ медленно, почти шагомъ, подѣ предлогомъ песчаной дороги и будто слабости лошадей. Товарищъ мой, истощивъ все мѣры понужденія, рѣшился наконецъ погрозить ему палкою. Ямщикъ, не дождавши еще исполненія этой угрозы, быстро спрыгнулъ съ козелъ экипажа и скрылся въ лѣсу. И такъ, мы остались въ лѣсу безъ кучера и въ темную ночь! Что оставалось намъ дѣлать? Не сидѣть же цѣлую ночь въ лѣсу напрасно, безъ всякой цѣли! Мицкевичъ приказалъ своему человѣку сѣсть на козлы и гнать лошадей до слѣдующей станціи, до которой еще считалось 8 верстъ. Боже мой! какъ вполостили мы станціоннаго смотрителя, когда прѣхали къ станціи безъ ямщика! Но чрезъ часъ явился и самъ ямщикъ, начались слѣдствіе, разборы, очныя ставки; изъ нихъ станціонный смотритель убѣдился, что самъ бѣглець очень не правъ.

Съ чувствомъ благоговѣйнымъ я приближался къ Острогу, городу, гдѣ во время уніи православіе долго боролось съ фанатизмомъ латинскаго духовенства, къ отчизнѣ князя Острожскаго, который такъ успѣшно поддерживалъ православіе и такъ справедливо заслужилъ титулъ святаго¹⁾. Славная рѣка Горынь орошаетъ и украшаетъ этотъ городъ. Въ немъ существуютъ развалины бывшихъ огромныхъ зданій, гдѣ когда-то жили православные епископы, гдѣ существовала во время уніи знаменитая типографія для церковныхъ книгъ, которые ревнители

¹⁾ Авторъ очевидно смѣшиваетъ преподобнаго Федора князя Острожскаго († 1438 г.), котораго мощи почиваютъ въ Дальнихъ пещерахъ кievской лавры, и князя Василя-Константина Острожскаго († 1608 г.), жившаго въ періодъ люблинской и брестской уніи и извѣстнаго горячею защитою православія и вообще широкою просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью въ пользу онаго. *Ред*

православія разсылали во множествѣ по Червонной Руси. Пожаръ, случившійся въ 1820 году, привелъ эти зданія въ ужасное разрушеніе. Вслѣдствіе того, владѣлецъ Острога, князь Яблоновскій, помѣстилъ и волынскаго пастыря, и волынскую семинарію въ Аннополѣ, отдавъ для этой цѣли и свой домъ, и все свои экономическія постройкі.

Солнце склонялось къ западу, вдалекѣ забѣлѣли зданія города Дубно. Овъ принадлежитъ князьямъ Любомірскимъ и до полѣднихъ смуть славился контрактами, на которые стекались многіе помѣщики и повеселиться, и для совершенія торговыхъ сдѣлокъ. Въ Дубнѣ недавно учрежденъ складъ воинскихъ потребностей. Здѣшній костель величественъ и прелестенъ.

Вотъ королевскій мостъ чрезъ рѣку Ивву, возлѣ котораго мятежный Дверницкій стоялъ лагеремъ, угрожая Кременцу! Уже и горы кременецкія болѣе и болѣе возвышались по мѣрѣ нашего къ нимъ приближенія! Вотъ и узкій проходъ, или, лучше сказать, ущелье въ трупцобу, огражденную высокими, почти отвѣсными скалами, въ которой солнце восходитъ двумя часами позже и заходитъ двумя часами ранѣе! Въ этой-то трупцобѣ построены Кременецъ, который во время существованія лица слылъ на Голыни Авинами.

Кременецъ.

Въ Кременцѣ мы застали попечителя учебнаго округа, прибывшаго сюда, чтобы разобрать споры и жалобы, возникшіе между лицеальнымъ вѣдомствомъ и посессоромъ лицеальныхъ недвижимыхъ имуществъ, и вмѣстѣ распорядиться перемѣщеніемъ лица въ Кіевъ, которое должно было исполниться непременно къ 25 іюля.

Являсь къ его превосходительству, мы сознались ему искренно, что не знаемъ, какъ приступить къ исполненію обширнаго дѣла, намъ порученнаго, и что по этой причинѣ мы рѣшились пріѣхать въ Кременецъ, чтобъ посоветоваться о томъ съ знающими и опытными людьми и заготовить потребными актами. Мѣру эту попечитель вполне одобрилъ и при томъ совѣтовалъ

намъ, согласно съ мнѣніемъ Бокщанина, управляющаго лицеемъ, посѣтить помѣщиковъ Подгороднянскаго и Борейку, которые долгое время была членами эдукаціонной комиссіи и неоднократно визитировали приходскія училища въ западныхъ провинціяхъ, а потому могли дать намъ опытное руководство къ полезному исполненію даннаго намъ порученія. Прощаясь съ нами, его превосходительство приказалъ, чтобы мы явились въ Кіевъ непременно къ 25 іюлю и обрадовали его основательными свѣдѣніями, по крайней мѣрѣ о тѣхъ училищахъ, которыя встрѣтятся намъ по пути къ Кіеву. Потомъ, отведя меня въ сторону, сказалъ тихо:

— На васъ надѣюсь, г. Сбитневъ. Вы русскій, вы понимаете важность этого щекотливаго дѣла. Будьте-же расторопны, осторожны; дѣлайте уступки, снисхожденія, только-бы сохранить эти фонды. Я не забуду вашего труда. Желаю вамъ успѣха.

И тотчасъ-же уѣхалъ въ Кіевъ.

И такъ, мы обратились за совѣтомъ къ правителю дѣлъ эдукаціонной комиссіи, Казачинскому, который, сверхъ того, снабдилъ насъ спискомъ приходскихъ училищъ, съ перечнемъ о каждомъ порознь, сколько каждое училище получаетъ доходовъ для своего содержанія и сколько на каждомъ фундаторѣ училища считается недоимки. Эти свѣдѣнія намъ показались поверхностными и притомъ составленными еще прежде, до закрытія училищъ, слѣдовательно въ это время уже не вѣрными.

— А чтобы вамъ имѣть подробныя свѣдѣнія объ этихъ училищахъ, добавилъ правитель, такъ извольте вамъ дѣла.

Сказавъ это, онъ раскрылъ шкафъ, нагроможденный связками бумагъ въ такомъ количествѣ, что трудно было-бы помѣстить ихъ и въ ломовую телѣгу.

— Здѣсь вы найдете, продолжалъ онъ, подлинныя обязательства фундаторовъ, всѣ расчеты о фондушахъ и всю переписку о каждой парафіальной школѣ порознь.

Нечего дѣлать! Мы занялись прочетомъ дѣлъ и составленіемъ выписокъ, въ родѣ докладныхъ записокъ, о такихъ училищахъ, которыя намъ должны встрѣтиться на пути къ Кіеву,

и сверхъ того о тѣхъ школахъ, которыя находятся за Кремендомъ, на границѣ Галиціи. Не стать же намъ возиться на дорогѣ съ громадною кучею бумагъ!...

Мы помѣстились на квартирѣ у профессора древней словесности Якубовича, человѣка ученаго, добраго и гостепріимнаго. Къ нему почти каждый день собирались его товарищи по лицу; оставаясь безъ всякихъ служебныхъ обязанностей, они любили потолковать о наукѣ и быломъ, и о томъ, о семь. Время, проведенное съ ними въ часы моего досуга, я всегда буду вспоминать съ полнымъ удовольствіемъ и благодарностію. Профессоръ физики Абламовичъ, долгое время путешествовавшій по Европѣ на счетъ виленскаго університета, рассказывалъ намъ, какъ очевидецъ, про революцію, бывшую въ Парижѣ 1836 года, про тамошніе физическіе кабинеты, также о шагѣ, который въ повѣйшее время сдѣлала любимая имъ наука; не однократно водилъ насъ въ лицеальный физическій кабинетъ, гдѣ для сюрприза дѣлалъ намъ многіе эксперименты. Въ этомъ кабинетѣ число предметовъ удовлетворительно и соотвѣтствуетъ настоящему состоянію науки. Профессоръ химіи Зѣновичъ, теплый любитель своего предмета, въ дружескихъ бесѣдахъ нашихъ развивалъ намъ быстрые успѣхи этой науки, часто съ жаромъ увлекался въ область системъ и новыхъ гипотезъ, которыя легко и удовлетворительно, по его мнѣнію, объясняютъ многія физическія явленія въ природѣ. Онъ-то неоднократно повторялъ намъ свое убѣжденіе, что кременецкія горы, идущія къ Дубну, произошли чрезъ посредство вулканическихъ силъ и образовали проваль, въ которомъ построенъ Кременецъ, и что этотъ проваль можетъ быть засыпанъ упомянутою цѣпью горъ наравнѣ съ горою королевы Боны, такъ что отъ нихъ ни пылинки не останется, съ прибавкою къ тому кучи камней, находящихся при въѣздѣ въ Кременецъ. Говорятъ, что онъ для вѣрности своего предположенія измѣрилъ и высоту и цѣпь горъ, простирающихся на вѣсколько верстъ... Профессора математики Гречина и Вижевскій сообщали намъ о новыхъ пріемахъ и открытіяхъ, сдѣланныхъ ими и другими математиками въ анализѣ,

которые усовершенствовали теорію этой важной отрасли наукъ. Бесѣды эти были и по вечерамъ, во время чая, и по очереднымъ обѣдамъ. Къ намъ иногда присоединялись отставные профессора, уже давно выслужившіе эмериттуру, т. е. пенсіонъ, сохранивъ и прежній свой костюмъ, и свои длинные волосы, рассыпавшіеся по плечамъ, и свою степенную важность, и свою трость. Бесѣда съ ними была также поучительна въ ученое, педагогическомъ и психологическомъ отношеніи. Для освѣженія отъ нестерпимаго жару иногда мы всѣ вмѣстѣ ходили купаться въ тинистой рѣкѣ Иквѣ, текущей мимо Кременца на полтора-верстномъ отъ него разстояніи. Порою, по утрамъ, обзрѣвали мы лицезальную библіотечку, богатую числомъ книгъ, библіотечку, составленную разными образами бывшимъ генеральнымъ визитаторомъ Ѳаддеемъ Чацкимъ. Въ этой библіотекѣ хранится бронзовый бюстъ и сердце Чацкого...

Тадеушъ Чацкій.

Чтобъ имѣть свѣдѣнія объ основаніи и развитіи учебныхъ заведеній въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, нужнымъ считаю предложить здѣсь краткое описаніе жизни Чацкого. Свѣдѣнія о немъ я собралъ изъ актовъ эдукаціонной комисіи, рассказовъ отставныхъ профессоровъ, живущихъ въ Кременцѣ и знавшихъ его лично, и занисокъ бывшего латинскаго законоучителя Осинскаго.

Тайный совѣтникъ и кавалеръ Бѣлаго Орла и св. Станислава 1-й степени, Тадеушъ Чацкій родился 28 іюля 1765 года, въ мѣстечкѣ Порыцкѣ, волынской губерніи, владимірскаго уѣзда. Съ первыхъ дней своего дѣтства онъ испытывалъ горести сиротства. Отецъ его, коронный подчашій Феликсъ, содержался въ Бродахъ подъ стражею за политическія мнѣнія свои, а мать отъ душевной скорби умерла. Въ этихъ несчастныхъ для него обстоятельствахъ, дядя увезъ его, вмѣстѣ съ братомъ, въ Данцигъ, гдѣ пробылъ съ ними около 4¹/₂ лѣтъ. Когда снята была опала съ отца его и дозволено было ему возвратиться въ свою вотчину, Порыцкѣ, тогда и дѣти его соединились съ нимъ.

Иезуитъ Фаустъ Гродзицкій обучалъ Тадеуша латинскому языку и геометріи, а для нѣмецкаго языка избранъ былъ гувернеромъ Мартышъ Вармипчичъ. Юный Чацкій успѣвалъ въ преподаваемыхъ ему предметахъ чрезвычайно быстро, читалъ прилежно латинскихъ классиковъ, помнилъ основательно и подробно все то, что прочиталъ, и сильно напитался духомъ и обычаями римлянъ. Онъ уклонялся отъ забавъ и рѣзвостей, свойственныхъ юношеству, былъ послушенъ въ старикамъ, тихъ и скромнъ. Получаемыя на свои дѣтскіе расходы карманныя деньги употреблялъ онъ благоразумно не по лѣтамъ, а именно: онъ отдавалъ ихъ учителю за обученіе сиротъ чтенію, письму и Закону Божію. Для этой цѣли онъ выпросилъ у отца своего домикъ въ Пoryцкѣ, помѣстилъ въ немъ школу и учителя и содержалъ ихъ на своемъ иждивеніи. Эта школа, въ часы его досуга, доставляла ему единственное развлеченіе и несказанное удовольствіе.

На девятнадцатомъ году своей жизни Тадеушъ опредѣлился на службу въ варшавскій коронный судъ, гдѣ пріобрѣлъ практическія свѣдѣнія въ юриспруденціи. Въ досужное время слушалъ лекціи по части исторіи и статистики у Нарушевича и Альбертранди; также покупалъ множество книгъ и рукописей, которыя и отсылалъ въ Poryцкѣ.

Горное искусство въ Польшѣ было въ небреженіи; король Станиславъ воскресилъ это дѣло, опредѣливъ въ горную комиссію Чацкаго. Чацкій предложилъ на сеймѣ 1784 года, чтобы послать за границу нѣсколько способныхъ людей для усовершенствованія въ горныхъ наукахъ, пробирномъ искусствѣ и минералогіи. Предложеніе это было принято. Вслѣдствіе сего были отправлены за границу Янъ Мирошевскій, Антонъ Біенковскій, Янъ Окрашевскій и другіе. За отличное устройство самой горной комиссіи Чацкій получилъ отъ короля орденъ св. Станислава 1-й степени.

Вскорѣ послѣ того король Станиславъ, узнавъ честность и безкорыстіе Чацкаго, въ 1786 году опредѣлилъ его подскарбіемъ въ финансовую комиссію. Въ этомъ званіи Чацкій объѣзжалъ польскую Украину, съ тѣмъ, чтобъ составить проэктъ улуч-

шенія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, которыя потребны для успѣшнаго движенія торговли; пожертвовалъ собственныхъ десять тысячъ червонцевъ для составленія подробной гидрографической карты воей Польши, умножилъ государственные доходы посредствомъ лотерейной игры, подалъ Посполитой Рѣчи проэктъ объ образованіи евреевъ, описалъ Краковъ и привелъ въ порядокъ и извѣстность рукописи, которыя до того хранились въ сырыхъ подвалахъ тамошнихъ монастырей.

Въ эпоху тарговицкой конфедерации, Чацкій долгое время проживалъ въ Краковѣ; этимъ онъ подалъ поводъ русскому правительству подозрѣвать его въ злоумышленіяхъ противъ короля и Россіи. Вслѣдствіе сего Порыцкъ и все его имѣніе конфисковано въ казну. Тогда Чацкій отправился въ Петербургъ, явился къ генералу Зубову(?) и просилъ представить его государю императору Павлу Петровичу. Затѣмъ наряжена была коммисія, подъ предсѣдательствомъ Зубова, которой Чацкій представилъ ясныя доказательства своей невинности, устраненія отъ всѣхъ партій, раздиравшихъ Польшу, свои занятія объ устройствѣ разореннаго своего имѣнія, свои труды по составленію ученыхъ записокъ, которыя онъ велъ, пользуясь книгами тамошней бібліотеки и совѣтами тамошнихъ профессоровъ академіи. Вотъ какая была цѣль пребыванія его въ Краковѣ... Коммисія признала его невиннымъ; императоръ Павелъ приказалъ возвратить ему конфискованное имущество, принялъ его милостиво, благосклонно и пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника, съ предложеніемъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ.

По случаю священнаго коронованія императора Павла I-го, 2 апрѣля 1797 года, Чацкій чрезъ князя Куракина повергнулъ монаршему престолу всеподданнѣйшую просьбу поляковъ, жившихъ на Волини, въ Подоліи и кіевскомъ намѣстничествѣ, въ которой испрашивалъ: 1) милостиваго забвенія прошедшаго тѣмъ полякамъ, которые политическими своими поступками заслужили кару законовъ; 2) перенесенія архива республики, подъ названіемъ «Метрика», въ которой хранятся документы о поль-

скомъ дворянствѣ и привиллегіи на ихъ имущество, въ западныя провинціи; 3) возобновленія присутственныхъ мѣстъ на правахъ польскихъ, которое желала произвести еще Екатерина Великая, но не успѣла по причинѣ смутъ и неурядицъ въ западныхъ провинціяхъ; 4) дозволенія дворянамъ упомянутыхъ провинцій выбирать изъ среды себя маршаловъ, судей, исправниковъ и другихъ чиновъ въ повѣтахъ и 5) производства всѣхъ судебныхъ дѣлъ на польскомъ языкѣ, для уничтоженія затрудненій, происходящихъ отъ незнація русскаго языка.

Этотъ всеподданнѣйшій докладъ Чацкаго императоръ Павелъ благоволилъ утвердить во всей силѣ. Тогда-то Костюшко былъ освобожденъ отъ строгаго заключенія въ петропавловской крѣпости; поляки, сосланные въ разныя времена за политическія свои мнѣнія въ Сибирь, были возвращены на родину; производство дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ и обученіе юношества въ школахъ началось на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ уничтожилось намѣреніе Екатерины II-й, желавшей при самомъ началѣ присоединенія этихъ провинцій къ Россіи, привить въ жителяхъ ихъ духъ господствующаго народа посредствомъ ученія и судопроизводства, чѣмъ, можетъ быть, устранились-бы смуты и кровопролитіе, которыя случились въ этихъ странахъ чрезъ 33 года.

По предложенію кievскаго военнаго губернатора, Чацкій составилъ проектъ улучшенія торговли на Волыни и въ Подоліи, богатыхъ естественными произведеніями, но громоздкими и неудобными для доставки къ торговому пункту. Этотъ проектъ состоялъ въ проведеніи шоссе изъ Волыни къ рѣкамъ Бугу и Днѣстру, въ учрежденіи гдѣ либо въ западныхъ провинціяхъ коммерческаго банка, въ расчищеніи рѣкъ такъ, чтобы онѣ могли сдѣлаться судоходными, и другихъ мѣрахъ. Мало того, онъ составилъ компанію съ Држевецкимъ, Подгородинскимъ и другими для закупки пшеницы въ южныхъ повѣтахъ Волыни и Подоліи, учредилъ контору компаніи въ Одессѣ и построилъ купеческій корабль для свозки пшеницы въ Триестъ, Марсель и италіанскіе

приморскіе города. Это предпріятіе его, не знаю почему, не удалось и лопнуло съ великимъ ущербомъ для компаніи.

Движимый дѣятельностію своего духа ¹⁾, Чацкій вознамѣрился усилить народное образованіе въ кievской, волынской и подольской губерніяхъ. Для того, сравнявъ воспитаніе юношества въ этихъ провинціяхъ подѣ правленіемъ польскихъ королей и подѣ властію русскихъ государей, изложилъ письменно причины запутанности въ этомъ важномъ дѣлѣ. Эти причины, по его мнѣнію, были слѣдующія: 1) уничтоженіе эдукаціонной комисіи, распорядившейся учебными заведеніями и ихъ фундаментами; 2) малочисленность школъ въ такомъ обширномъ и очень населенномъ краѣ; 3) запрещеніе преподавать польское и римское право и слабое преподаваніе латинскаго языка и 4) недостатокъ системы въ управленіи школами, съ тѣхъ поръ, какъ эти провинціи вошли въ составъ имперіи. Оттого, по выраженію Чацкаго, произошло невѣжество мѣщанъ, произведшее упадокъ городовъ и мѣстечекъ, и слабое движеніе польской словесности и исторіи, сокрытой въ заплеснѣлыхъ рукописяхъ, которыя не имѣли до сихъ поръ другихъ приютовъ, кромѣ темныхъ и сырыхъ подваловъ.

Записку свою по этому предмету Чацкій препроводилъ въ 1802 году къ бывшему министру просвѣщенія, графу Петру Васильевичу Завадовскому, который, по высочайшей волѣ государя императора Александра перваго, сдѣлалъ Чацкаго генеральнымъ визитаторомъ училищъ кievской, волынской и подольской губерній, съ чрезвычайнымъ уполномочіемъ открывать частныя пожертвованія на пользу училищъ и вновь устраивать школы въ мѣстахъ къ тому удобныхъ. Эту мѣру русскаго правительства тамошніе жители приняли съ великимъ восторгомъ.

¹⁾ Говоря о дѣятельности Чацкаго по поднятію и расширенію образованія въ юго-западномъ краѣ въ чисто польскомъ патріотическомъ духѣ, авторъ записокъ, призванный для посажденія тамъ-же образованія русскаго, и не подозрѣваетъ ни той ловкой анти-правительственной агитаціи, которую велъ Чацкій и руководимая имъ польская партія, ни той простоты и недалковидности, которыя проявили тогдашніе заправители нашей внутренней политики. *Ред.*

Чацкій въ скоромъ времени собралъ 415,455 злотыхъ 19 грошей (62,318 р. 33¹/₂ к. сер.) для устройства волынской гимназiи въ Кременцѣ.

Вскорѣ потомъ по зову Чацкаго, а именно 26-го октября 1803 года, собралось латинское духовенство въ Луцкѣ, подъ предѣдательствомъ бискупа Каспера Цѣцишевскаго. Это засѣданіе открылось рѣчью Чацкаго, въ которой краснорѣчиво, убѣдительно изложена потребность всякому поляку въ знаніи Закона Божія, рахунковъ или ариметики и родного языка. Вслѣдствіе того, Цѣцишевскій, съ единодушнаго согласія волынскаго духовенства, опредѣлилъ открыть при каждомъ костелѣ парафіальную школу, обязавъ каждаго пробоща содержать это учебное заведеніе изъ костельныхъ доходовъ.

При семъ считаю приличнымъ замѣтить, что упомянутое обязательство для латинскаго духовенства не есть новый налогъ; они должны были приступить къ этой мѣрѣ еще прежде, потому что по эрекціямъ, или завѣщаніямъ фундаторовъ костеловъ и монастырей, пробощи и настоятели оныхъ получали деньги, кромѣ для себя, еще и на содержаніе учителей и костельныхъ школъ.

Слѣдуя примѣру волынскаго духовенства, также по настоянію Чацкаго, каменецъ-подольскій бискупъ Янъ Дембовскій извѣстилъ Чацкаго, что и каменецъ-подольское духовенство постановило: взымать десятую часть изъ костельныхъ доходовъ на устройство парафіальныхъ школъ въ Подоліи и хранить эти деньги въ каменецкомъ капитулѣ впредь до востребованія и надлежащаго употребленія. Въ 1804 году этихъ суммъ уже было собрано 10,958 злотыхъ 18 грошей (1643 р. 79 к. сер.). Къ снмъ пожертвованіямъ приступило и кіевское латинское духовенство.

Волынское дворянство не только не отстало въ усердіи къ образованію своего края, но гораздо больше превзошло въ томъ и самое духовенство. О пожертвованіяхъ дворянства по каждой изъ трехъ губерній для устройства приходскихъ училищъ я въ свою очередь сообщу подробно.

Чацкій, собравъ всѣ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ дворянъ и духовенства, предположилъ открыть 85 приходскихъ училищъ на Волыни, 26 въ Подоліи и 15 въ кіевской губерніи.

Проектъ устава о приходскихъ училищахъ, составленный Чацкимъ, высочайше утвержденъ 31 августа 1807 года.

Для устройства повѣтовыхъ училищъ на степени гимназій Чацкій отправился во Владиміръ-Волинскій, Добровицы, Любарь, Овручъ, Житомиръ, Бердичевъ. Каневъ, Умань, Винницу и Барь, чтобы самому лично осмотрѣть зданія, принадлежащія тамошнимъ монастырямъ и ознакомиться съ настоятелями этихъ монастырей. При этомъ визитѣ онъ согласилъ тамошнихъ настоятелей къ ежегодному взносу, для содержанія повѣтовыхъ училищъ, слѣдующихъ суммъ, а именно для владимірскаго 6,900 злотыхъ, добровицкаго 1,900 злот., любарскаго 3,100 злот., овручскаго 900 злот., житомирскаго 1,350 руб. асс. и 375 злот., бердичевскаго 2,500 злот., каневскаго 6,500 злот., уманскаго 2,000 злот., винницкаго 6,787 злот. и барскаго 1,400 злот. Къ тому-же онъ нашелъ въ каждомъ монастырѣ и нѣсколько молодыхъ ученыхъ монаховъ, которые обязались преподавать въ своихъ училищахъ какую либо науку или *gratis*, или за весьма умѣренную плату.

Проектъ устава повѣтовыхъ училищъ, составленный Чацкимъ по совѣту извѣстнѣйшихъ въ то время ученыхъ мужей въ Польшѣ, получилъ высочайшее утвержденіе также въ 31 день августа 1807 года.

Окончивъ дѣла по этому предмету, онъ обратился къ патристическому чувству дворянъ кіевской и подольской губерній, приглашая ихъ къ пожертвованію на святое дѣло воспитанія юношества въ этихъ провинціяхъ. Вслѣдствіе этого умнаго, пламеннаго воззванія, кіевское дворянство пожертвовало одновременно по одному рублю ассигн. съ каждой ревизской души, что составило капиталъ 46,2000 р. ассигн. для устройства въ Кіевѣ гимназій на особыхъ правахъ и въ помощь другимъ училищамъ, а подольское дворянство внесло 15,000 руб. ассигн. для основанія въ Винницѣ гимназій и другихъ училищъ въ

Подолін. Сверхъ того, въ то-же время графъ Феликсъ Потоцкій обязался ежегодно уплачивать съ каждой ревизской души своихъ крестьянъ, находящихся въ кievской и подольской губерніяхъ, по 5 коп. ассигн. для содержанія училища въ Немировѣ.

Бывшій министръ просвѣщенія, графъ Завадовскій, получивъ донесенія о сихъ пожертвованіяхъ дворянъ, всеподданнѣйше доложилъ о томъ государю императору Александру I-му. Во-лынское, подольское и кievское дворянство получило за то монаршее благоволеніе, а съ этимъ вмѣстѣ и Чацкій получилъ особенный высочайшій рескриптъ, въ которомъ было изъявлено ему милостивое благоволеніе за неуспынные труды его по этому предмету.

Г. Ярковскій, бывшій префектъ волинскаго лица, съ восторгомъ, со слезами на глазахъ, повѣтствовалъ мнѣ о торжественномъ открытіи волинскаго лица въ Кременецѣ. Уставъ лица былъ высочайше утвержденъ еще 19 декабря 1803 года, а открытіе онаго послѣдовало 1-го октября 1805 года. Еще заблаговременно прибылъ въ Кременецъ Тадеушъ Чацкій, бойкій, мудрый, величавый Чацкій, для предварительнаго распоряженія и устройства этого народнаго торжества, а потомъ къ назначенному дню пріѣхали: бискупъ Цѣцишевскій съ викаріемъ Полимовскимъ и неизчетное число канониковъ и пробощей, волинскій губернаторъ, графъ Мнишекъ (?) изъ Вишневецъ, графъ Хоткевичъ изъ Млынова, князя Любомирскіе и великое число владѣльцевъ волинскихъ изъ Владиміра, Луцка, Острога и Стараго Константинова, словомъ: «изъ цaлаго свята». Когда собралась публика въ лицеальную залу, то Чацкій, взошедъ на кафедру, произнесъ рѣчь, исполненную богатыхъ мыслей о воспитаніи вообще, о пользѣ просвѣщенія, прославлялъ монарховъ русскихъ: Екатерину Вторую, Павла перваго и Александра перваго за милости ихъ къ полякамъ, тепло, сильно величалъ дворянство западныхъ губерній за любовь къ просвѣщенію, за ихъ жертвы на пользу онаго; съ живымъ вдохновеніемъ начерталъ счастливую судьбину будущихъ поколѣній въ этихъ провинціяхъ, ихъ благосостояніе, ихъ богатство, которыя, съ по-

моцію науки, извлекаются изъ нѣдръ плодоносныхъ равнинъ, изъ утесистыхъ горъ, дремучихъ лѣсовъ, кристалльныхъ водъ, прозрачной атмосферы. Графъ Завадовскій, получивъ отъ Чацкого эту рѣчь, благодарилъ его за то восхитительное удовольствіе, которое доставило ему чтеніе этой поэтической рѣчи, уподоблялъ Чацкого въ краснорѣчій Геродоту, когда-то повѣтствовавшему на Олимпійскихъ горахъ о происшествіяхъ въ Греціи. «Я, заключилъ свой рассказъ Ягровскій, по небытности на лицо директора лицея, Чеха, я, какъ префектъ лицея, принялъ отъ Чацкого, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, высочайшую грамоту и уставъ лицея....»

Въ лицей поступили преподаватели изъ виленскаго университета, краковской академіи и львовскаго университета, по выбору самаго Чацкого.

Чацкій озаботился умножить и въ огромномъ количествѣ умножилъ лицей учебными пособиями.

Во первыхъ онъ приобрѣлъ покупкой за 7,500 зол. червонцевъ у наслѣдниковъ послѣдняго короля польскаго Станислава богатую бібліотеку, состоявшую изъ 15,880 книгъ, подаренныхъ заславскою княгинею Санѣгиною, также множество книгъ, принесенныхъ въ даръ Яномъ Потоцкимъ, Миклашевскимъ и самимъ имъ, которыя онъ или выпрашивалъ у владѣльцевъ, настоятелей монастырей, или тайно похищалъ у тѣхъ, кто почему-нибудь не склонялся на его просьбу. Такимъ образомъ въ самое короткое время бібліотека кременецкаго лицея возрасла до 32,468 томовъ. Во вторыхъ умножилъ милицъ-кабинетъ монетами и медалями, которыя онъ купилъ у тѣхъ же наслѣдниковъ короля Станислава за 7,500 зол. червонцевъ. Въ непродолжительное время число монетъ и медалей въ лицей возросло до 20,000 номеровъ. Въ третьихъ выписалъ физическіе инструменты изъ Парижа, самаго лучшаго достоинства. Въ четвертыхъ составилъ минералогическій кабинетъ изъ пожертвованій князя Юсифа Понятовскаго, Сосновскаго, графа Мошинскаго, Валицкаго, петербургскаго купца Ситникова и извѣстнаго ксендза Колонтая, свирѣпаго врага русскихъ... Въ пятыхъ пригласилъ

изъ Кракова ботаника Шейдта, для устройства лицеальнаго ботаническаго сада. Въ шестыхъ, умножилъ доходы лицей пріобрѣтеніемъ кременецкаго староства, которое было до того въ пожизненномъ владѣніи у князя Сангушка. Императоръ Александръ, вслѣдствіе представленія бывшаго министра просвѣщенія графа Завадовскаго по этому предмету, благоволилъ Высочайше утвердить кременецкое староство за лицеемъ въ 13 день октября 1806 года. Въ седмыхъ Чацкій испросилъ дозволеніе оправить базилианскій монастырь, въ которомъ помѣстили вольнскій лицей удобно, прилично. Это помѣщеніе лицей послѣдовало также осенью 1807 года, и въ немъ лицей существовалъ до 1833 г., т. е. до времени своего перенесенія въ Кіевъ.

Король Станиславъ Понятовскій, на основаніи постановленія сейма 1770 года, изгналъ изъ Польши іезуитовъ, которые своимъ фанатизмомъ и пронырствомъ сильно содѣйствовали къ ослабленію королевства, а богатое ихъ имуществу опредѣлилъ употребить на воспитаніе юношества. Для завѣдыванія этими фондами, онъ учредилъ эдукаціонную комисію, въ вѣдомство вострой передавалъ и другіе эдукаціонные капиталы. По присоединеніи Волыни и Подолія къ Россіи, эта коллегія перестала существовать, чрезъ то одни капиталы были совершенно утрачены, другіе возросли до неоплатныхъ процентовъ, а нѣкоторые не были обезпечены никакимъ имуществомъ, слѣдовательно могли пропасть у частныхъ лицъ. Чацкій, желая собрать и сохрानить эти капиталы, не утруждая другихъ присутственныхъ мѣстъ, кромѣ исполнительвой власти, начерталъ проэктъ учрежденія двухъ эдукаціонныхъ комисій: одной въ Кременцѣ, а другой въ Вильнѣ. Эти комисіи дѣлятся на два отдѣленія: экономическое и судное. Управление комисіею поручается пяти или болѣе членамъ, выбраннымъ изъ дворянъ, извѣстныхъ своею образованностію и благонамѣренностію. Въ каждой комисіи должно быть по одному предсѣдателю и секретарю. Императоръ Александръ, 21 декабря 1807 года, вполнѣ утвердилъ этотъ проэктъ. Чацкій былъ избранъ предсѣдателемъ кременецкой эду-

каціонной комисіи, а членами оной графъ Олизаръ, Борейко, графъ Собанскій, графъ Хоткевичъ и графъ Плятеръ.

Чацкій отлично исполнилъ свою должность предсѣдателя: вновь открывалъ училищныя капиталы и какъ тѣ, такъ уже и прежде открытые—или взыскивалъ, или обезпечивалъ на недвижимыхъ имѣніяхъ. Наличныя суммы снова раздавалъ обывателямъ подъ залогъ, для приращенія процентами. Такимъ образомъ неподвижный эдукаціонный капиталъ скоро возросъ до 2,350,000 злотыхъ, или 332,500 руб. сер. Сверхъ того на всѣ обязательства фундаторовъ училищъ Чацкій сдѣлалъ акты и внесъ ихъ въ мѣстныя гражданскія палаты на утверженіе.

Его стараніемъ открыта гимназія въ Винницѣ 1810 года и преобразована кіевская въ 1812 году, 30 генваря, съ предоставленіемъ этой послѣдней особыхъ правъ.

Всѣмъ извѣстна преданность поляковъ бывшему императору Наполеону, который обольщалъ ихъ обѣщаніями возстановить Польшу. Молодые люди нетерпѣливо ожидали исполненія этихъ обѣщаній, а особливо кременецкіе воспитанники. Вслѣдствіе того, министръ просвѣщенія, въ 1807 году, предположилъ перенести кременецкій лицей въ Кіевъ, постановивъ причиною тому близость Кременца отъ границы и необходимость надежнаго надзора за духомъ воспитывающагося юношества. вмѣстѣ съ тѣмъ, военный губернаторъ, Голенищевъ-Кутузовъ, отъ 27 генваря 1807 года, предписалъ Чацкому отправиться въ Харьковъ и быть тамъ подъ надзоромъ университета. Въ Харьковѣ Чацкій узналъ, что осеннее его путешествіе по кіевской, волынской и подольской губерніяхъ возродило подозрѣніе у его недобрѣжелателей, которые описали его императору человѣкомъ опаснымъ, сильно поддерживающимъ въ воспитывающемся юношествѣ національность вредную для Россіи. Тамъ посѣщали его профессора университета: Стойновичъ, Рижскій и Тимковскій, входили съ нимъ въ ученыя и политическія бесѣды и плѣнялись его начитанностію, теплотою, благородными движеніями сердца, благоразуміемъ и убѣжденіями и искреннею преданностію учрежденіямъ правительства. Такъ прошло три недѣли. Никто не требовалъ

отъ него никакихъ объясненій, никто не излагалъ причинъ, навлекшихъ на него опалу. Считая себя совершенно невиннымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Чацкій послалъ всеподданнѣйшую жалобу государю императору, въ которой просилъ, какъ милости, строгаго, но скорога суда надъ собою. Вслѣдствіе сего императоръ потребовалъ его въ Петербургъ и повелѣлъ графу Кочубею, князю (?) и Новосильцеву разслѣдовать поступки его, которые въ доносѣ были изложены. Здѣсь Чацкій представилъ уважительныхъ свидѣтелей, доказавшихъ, что онъ мирный человѣкъ, всегда уклонялся отъ партій, раздиравшихъ Польшу, всегда въ задушевныхъ бесѣдахъ съ негодованіемъ отзывался о тѣхъ лицахъ, которые смущали поляковъ противъ русскаго правительства и что онъ весь свой досугъ, всѣ свои путешествія по провинціямъ, всю свою дѣятельность болѣе пяти лѣтъ употреблялъ для образованія новаго поколѣнія ко благу страны. Коммисія, убѣдясь очевидными доказательствами въ невинности Чацкаго, донесла о томъ государю императору, который повелѣлъ освободить его отъ суда, 20 іюля 1807 года, и дозволилъ ему возвратиться на мѣсто прежняго его жительства.

Чацкій, посѣщая часто бывшаго министра просвѣщенія графа Завадовскаго, употребилъ все свое вліяніе на него, чтобы только удержать лицей въ Кременцѣ, присовокупивъ къ тому, что лицей можетъ существовать только въ этомъ городѣ, потому что обыватели къ этому мѣсту привыкли, для этого именно мѣста опредѣлили фондуши и что въ другомъ мѣстѣ стѣны его будутъ пусты. Министръ рѣшился оставить лицей въ Кременцѣ. Сверхъ того, проживая въ Петербургѣ, Чацкій составилъ проэктъ учрежденія при волынскомъ лицей школѣ землемѣровъ, каковой проэктъ высочайше утвержденъ 27 іюля 1807 года. Съ этимъ уставомъ Чацкій возвратился на Волынь.

Въ эпоху, когда Наполеонъ приготавливалъ грозное свое шествіе на Россію, когда вызванъ уже былъ въ Парижъ Іосифъ Понятовскій, другъ Чацкаго, для содѣйствія этой цѣли, когда въ западныхъ провинціяхъ снова разлилась молва о скоромъ возобновеніи Польши, именно въ 1810 году, Чацкій снова воз-

будиль подозрѣніе правительства во враждебныхъ дѣйствіяхъ своихъ противъ Россіи. Его потребовали въ Житомиръ, гдѣ для того наряжена была коммисія. Этой коммисіи поручено сверхъ того еще разслѣдовать: 1) способъ преподаванія наукъ въ во-лынскомъ лицейѣ соотвѣтствуетъ ли видамъ правительства, 2) удобно ли помѣщается лицей въ Кременецъ и если не удобно, то гдѣ-бы лучше помѣстить оный и 3) эдукаціонные доходы достигаютъ ли своей цѣли. Чацкій объяснялся сильно, убѣдительно и отчетливо предъ этою коммисіею, и она совершенно его оправдала отъ ложныхъ доносовъ и нашла необходимою потребностію оставить лицей въ Кременецъ.

Неуспѣшные труды Чацкаго, понесенные имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ на поприщѣ воспитанія юношества и послѣднія горести приобрѣли ему глубокое уваженіе волянянъ, и они, соорудивъ на свой счетъ бронзовый бюстъ его, опредѣлили поставить оный въ лицейской библіотекѣ, имъ созданной и умноженной и сверхъ того въ память этого народнаго торжества выбили медаль.

Чацкій умеръ отъ нервной горячки, 8 февраля 1813 года, скоро послѣ того счастливаго для Россіи событія, когда въ ней не оставалось ни одного непріятельскаго воина. Тѣло его погребено въ Порыцкѣ, а сердце съ великимъ торжествомъ перенесено для храненія въ кременецкій лицей, въ ознаменованіе того, что всѣ его помыслы, всѣ его дѣйствія въ жизни были посвящены на приведеніе этого учебнаго заведенія въ цвѣтущее состояніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО.

(Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній).

Старшій сынъ славнаго гетмана Богдана Хмельницкаго Тимошей, по лѣтописному и народному названію Тимошъ, былъ любимцемъ отца и всего украинскаго козачества. Онъ обладалъ недюжинными способностями, воспитался въ лучшей тогда военной школѣ—Запорожьѣ, явилъ не мало опытовъ исполнительности и распорядительности, храбрости и отваги, ума и твердой воли. На него возлагались большія надежды; онъ былъ правой рукой отца и, не умри такъ не во время, могъ бы имѣть рѣшающее вліяніе на положеніе придунайскихъ княжествъ, съ судьбою которыхъ дальновидный политикъ того времени, его отецъ, хотѣлъ связать его судьбу. Живи онъ долѣе, кто знаетъ, иначе, быть можетъ, сложилась бы тогда исторія самой Украины. Само сватовство Тимошей, встрѣчавшее такъ много препонъ, его женитьба, недолгая брачная жизнь и трагическая смерть—все это влечетъ къ себѣ невольное любопытство и представляетъ не малый интересъ. Мы тѣмъ охотнѣе избираемъ эти событія для нашего разказа, что въ нихъ ярко отразилось тогдашнее политическое положеніе Малороссіи и ея отношенія къ сосѣдямъ вообще, въ частности къ княжествамъ дунайскимъ—Молдавіи и Валахіи.

Для ясности дѣла представимъ прежде въ общихъ чертахъ положеніе тогдашней Молдавіи, ея князя, будущаго свата Богданова, съ семействомъ и самаго Тимоша, героя разказа. Предваряю, что свѣдѣнія о Тимошѣ я беру у польскихъ авторовъ, которые вообще неблагоклонно относятся къ любимцу «батька Богдана» и украинскаго народа и не скупаются на темныя краски,

но за то даютъ массу подробностей, которыхъ не находимъ въ источникахъ южнорусскихъ и безъ которыхъ невозможно было-бы полное освѣщеніе событій и лицъ того далекаго времени.

I.

Въ первой половинѣ XVII-го вѣка Молдавія представляла собою типъ славянскаго государства, съ примѣсю византійско-болгарскихъ формъ, но съ преобладающимъ складомъ и характеромъ этого племени: вверху стояло боярство, большею частію выходцы изъ Галиціи, Польши, Болгаріи и Венгріи; за нимъ слѣдовали свободныя сословія: магилы, земляне и вообще посполство земли молдавской, съ огромнымъ процентомъ поселенцевъ славянскаго происхожденія, разсѣянныхъ въ массѣ потомковъ древнихъ даковъ; торговое сословіе составляли жидаы и армяне, а внизу этой соціальной лѣстницы стояли безправные цыгане. Господствующій языкъ страны былъ славянскій: на немъ писали, молились и говорили.

Кто-бы ни были жители Молдавіи до завоеванія Балканскаго полуострова турками: даки или румыны, половцы или команы, но съ этого періода культурное значеніе ихъ въ развитіи страны постепенно ослабѣваетъ, а въ замѣнъ его усиливаются и колонизація и культура славянъ¹⁾. Молдавія находилась на рубежѣ двухъ міровъ, христіанскаго и мусульманскаго, и эти міры, сталкиваясь.

¹⁾ Мнѣніе почтеннаго автора объ ослабленіи туземнаго элемента въ Румыніи послѣ нашествія турокъ кажется намъ не вполне точнымъ и нѣсколько преувеличеннымъ; напротивъ, въ это именно время румынская народность проявила наибольшую энергію какъ для защиты своей самостоятельности, такъ и для организаціи своего внутренняго быта. Въ это именно время мы встрѣчаемъ въ Валахіи замѣчательныхъ воеводъ устроителей и организаторовъ своего государства: Мирчу I (1383—1418 гг.) и Раду IV Великаго (1493—1566 гг.), а въ Молдавіи замѣчательнаго политика и законодателя Александра I Добраго (1401—1432 гг.) и славнаго Стефана Великаго (1458—1504 гг.), который въ теченіи 50 лѣтъ отражаетъ съ неистощимою энергіею громадныя силы турокъ, стоявшихъ тогда на высотѣ могущества (Магометъ II и Балзетъ II) и кромѣ того успѣваетъ наносить чувствительныя пораженія венграмъ (у Шкоца 1486 г.) и полякамъ (на Буковинѣ 1494 г.), пытавшимся воспользоваться его затруднительнымъ положеніемъ. Усиленіе славянской колонизаціи и культуры слѣдуетъ относить къ болѣе позднему времени.

Ред.

истребляли населеніе страны, а уцѣлѣвшую ея часть то и дѣло захватывала орда и продавала на азійскіе и афріканскіе рынки. Опустошенная; но плодородная и богатая страна не могла долго оставаться безлюдной: она привлекала главнымъ образомъ украинскаго хлопа, не мирившагося съ польскими порядками, желавшаго хоть минуту подышать свободой и воспользоваться роскошью страны, не обращая вниманія на то, что ея почва полита кровью и упитана тѣлами предшественниковъ. Туда сбѣгались подолянинъ и волынецъ, галичанинъ и мазуръ, кіевлянинъ и бѣлоруссъ и всякому было мѣсто.

Бувай здоровъ, Ляцькій краю!
 Вжежъ я тебе покидаю.
 Ой пиду я въ Волощину,
 И тамъ же я не загину:
 Въ Волощинѣ добри люде,
 И тамъ мени гараздъ буде.

Отношенія между населеніемъ Молдавіи и Польши всегда были родственныя и дружескія. Прощтрафится ли бояринъ передъ своимъ княземъ, онъ бѣжитъ въ Польшу и всегда находитъ пріютъ у вольполюбивой украинской шляхты. «Посольство земли молдавской» было въ Сѣчи, какъ у себя дома, и не разъ съ запорожцами «мигало мушкетными огнями передъ окнами сераля его милости султана». Освободится ли княжескій престоль въ Молдавіи, друзья-пріятели, либо поляки, либо козаки, съ истинно братской готовностью не только найдутъ кандидата на княжескій престоль въ осиротѣлой странѣ, но и на собственный коштъ утвердятъ его на немъ, разсчитывая въ будущемъ на щедрыя и богатыя милости отъ своего избранника. Такъ въ половинѣ XVI в. буйный и разорившійся панъ Альбрехтъ Ласскій, желая чѣмъ нибудь поправить свои дѣла, не задумывается съ компаніей сорвиголовъ посадить на княжество какого-то авантюриста Гераклида. Но Гераклидъ кажется боярамъ подозрительнымъ, потому что либеральничаетъ и вводитъ реформы; его выживляютъ изъ страны, и тотъ же Ласскій рекомендуетъ имъ Байду Вишневецкаго. Въ другой разъ приходитъ вѣсть въ польскій лагерь, расположившійся подъ Ярмолинцами (въ Подолии), что династія Драгошей въ Молдавіи пресѣклась. Скучающее воинство

занялось дѣлами Молдавіи и порѣшило одолжить сосѣднюю страну княземъ. Тамъ же, въ лагерѣ, была волошская хоругвь на службѣ у Польши, а начальствовалъ надъ нею Александръ Лопушнянъ. Онъ то и былъ избранникомъ польскихъ рыцарей. Сказано—сдѣлано. Гетманъ Синявскій огдѣлилъ достаточный отрядъ и послалъ съ нимъ кандидата для утвержденія его на молдавскомъ престолѣ. Сигизмундъ Августъ, находившійся тогда въ Пруссіи, услышавъ эту новость, только диву дался. Потомъ, когда Ивоня узурпировалъ власть въ Молдавіи, отнявши престолъ у Богдана, сына Александра Лопушняна, тогда цвѣтъ пограничнаго польскаго рыцарства заступился за наслѣдника своего кандидата и повелъ утверждать его въ правахъ, и вѣроятно утвердилъ бы, если бы Ивоня, по происхожденію русинъ, силачъ и красавецъ собой, обогатившійся торговлею въ Константинополь и купившій тамъ достоинство молдавскаго господаря, имѣя тогда еще фаворъ у Порты, не выпросилъ у нея большаго вспомогательнаго войска. Тотъ же Ивоня, въ послѣдствіи про штрафившись передъ своимъ сюзереномъ, долженъ былъ либо лишиться власти, либо объявить себя непокорнымъ вассаломъ. Онъ выбралъ послѣднее и сталъ приглашать добровольцевъ изъ Польши.

Ой мы волохи, мы христіяне,
 Да не милуютъ насъ бусурмане,
 Вы, козаченьки, за виру дбайте—
 Намъ, христіянамъ, на помичъ прибувайте!
 А козаченьки за виру дбають,
 Волохамъ христіянамъ помичъ посылають,
 Трублять въ трубы, въ сурьмы выгравають,
 Оченьками козаченькивъ зъ Украины провожають.

Долго и упорно онъ боролся съ громадными полчищами падишаха, не смотря на незначительность своихъ силъ, и вѣроятно вышелъ бы побѣдителемъ, если бы не измѣна его друга—гаріи-спурката Іереміа Чарнецкаго, подкупленнаго турками, которыхъ онъ пропустилъ черезъ Дунай, разставивъ при эгомъ ловушку своему господарю, извѣщая его, что турокъ только 15 тысячъ, когда ихъ на самомъ дѣлѣ было двѣсти. Ивоня ринулся на врага, рассчитывая еще на помощь Чарнецкаго, у котораго былъ 30-ти тысячный

корпусъ, но тотъ помощи ему не далъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его турки самого атаковали. Ивоня попалъ въ разставленныя сѣти, и конецъ его и его союзника былъ очень печалень.

Якъ того пана Ивана,
Що Свирчовского гетьмана,
Да якъ бусурмани піймали,
То голову ёму рубали.
Ой голову ёму рубали,
Да на бунчукъ вишали,
Да у сурьмы выгравали,
Зъ ёго глумовали.

Современникъ такъ рассказываетъ о смерти Ивони: «Капуджи паша, должно быть оскорбленный его рѣчью, не смотря на данное обѣщаніе пощадить жизнь плѣнника, если онъ добровольно сдастся, разсѣкъ ему лицо мечемъ. Раненаго Иваню схватили янычары и полумертвому отрубили голову. Потомъ тѣло его, привязавъ къ двумъ верблюдамъ, разорвали, бросая куски на сѣдненіе животнымъ. Голову наткнули на пику, а костями раздѣлились палачи. Кровью убитаго турки намазывали острія своихъ мечей и давали ее пить своимъ конямъ, прося Бога, чтобы онъ внушилъ и имъ, и ихъ конямъ такой же мужественный и рыцарскій духъ». Запорожцы до того проникнулись любовію къ своему союзнику Ивонѣ, что не только избрали своимъ атаманомъ его брата Ивана Подкову, но еще два раза водили его въ Молдавію на престоль и не ихъ вина, если онъ по своей довѣрчивости и добродушію, какъ тогда говорили, попалъ въ волчьи зубы (т. е. въ руки Баторія, гербъ котораго былъ три волчьихъ зуба). Вслѣдствіи Запорожье не отказалось отъ своей миссіи снабжать Молдавію князьями, потому что пыталось еще возвести на престоль брата предыдущихъ князей, а потомъ и сына одного изъ нихъ. Въ концѣ уже XVI-го вѣка Янъ Замоискій посадилъ на престоль Молдавіи Іеремію Могила, котораго дочь была потомъ въ замужествѣ за воеводой кіевскимъ Михаиломъ Вишневецкимъ, а сынъ, знаменитый Петръ Могила, сталъ кіевскимъ митрополитомъ и связалъ свою родину новыми духовными узами съ своею новою отчиною, которой отдалъ всю свою жизнь. Династія Могиль вошла въ родство и съ домами поль-

скихъ магнатовъ и укрѣпила связь своей страны съ Польшею и Украйною. Стефанъ Потоцкій и Самуиль Корецкій были женаты на Могилянкахъ. Послѣдній жестоко заплатился за преданность династїи Могиль, и вообще Польшѣ дорого обошлась эта фамилія, потому что она была увлечена ею въ войну съ Турціей, кончившуюся цецорскимъ поражениемъ; только хотинская битва смыла пятно безчестія за цецорское поражение, и то благодаря козакамъ и ихъ предводителю Сагайдачному.

Какъ видите, поляки и козаки хозяйничали въ Молдавіи, какъ у себя дома, и ничего нѣтъ удивительнаго, что они дали разростись въ ней такъ буйно славянскимъ элементамъ. Чтобъ ни говорили румынскіе историки, будто ихъ Румыніи никогда не была славянской землей, а факты говорятъ противное. Если до турецкаго владычества ее заселяли дако-команы, то во время нашествія мусульманъ значительная часть ихъ выселилась въ Карпаты, а другая въ Балканы. Въ свободныя мѣста постепенно сходились славяне, и хотя южныя степи отданы были турками татарамъ, но и здѣсь запорожцы владѣли оргѣвскимъ и лопушнянскимъ (теперешнимъ кишиневскимъ, приблизительно) цинутами на такомъ-же положеніи, какъ и придиѣпровскими степями. Можно даже думать, что они имѣли здѣсь свои паланки, такъ какъ и теперь въ оргѣвскомъ уѣздѣ, близъ Гиржавскаго монастыря, есть деревня, которая называется «Паланкой»¹⁾, а ея жители—чистокровныя украинцы, сохранившіе всѣ отличительныя черты своего племени, не смотря на окружающее ихъ сплошное молдавское населеніе, не сумѣвшее ихъ ассимилировать.

Религіозная связь Молдавіи съ Украйной была также тѣсна, какъ и національная. Молдавія всегда была страной православной и даже долго была въ зависимости въ церковномъ отношеніи отъ галицкихъ митрополитовъ. Львовъ не только печаталъ богослужебныя книги для Молдавіи, но даже лить колокола, писалъ иконы и пр., а Молдавія, въ свою очередь, отплачивая за услуги сосѣду,

¹⁾ *Паланка* слово турецкое, заимствованное запорожцами; оно означаетъ тоже, что древне-русское *градъ*, т. е. укрѣпленный городъ; городъ турецкій, обнесенный ровомъ, валомъ и палисадомъ, назывался паланка, а цитадель въ немъ *кале*.—*Ред.*

обучала пѣнію молодыхъ людей, готовящихся быть дьячками на Руси и Украинѣ.

Не только молдаване, но и ихъ господари принимали самое дѣятельное участіе въ знаменитомъ львовскомъ ставропигіальномъ братствѣ. Александръ Лопушнянъ, гордый и надменный, съ своими боярами не стыдится вписать свое имя рядомъ съ именами «славетныхъ» мѣщанъ города Львова, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ постройкѣ братской церкви во имя Успенія св. Богородицы, устраиваетъ «парастасы» для братства; ставитъ лишь условіе братчикамъ, «ижъ бы ляхове не пришли до церкви у нашемъ законѣ, того ся не годить, у стола могутъ сѣдѣти..... и за насъ Бога просити, а сами, ваши милости, пійте и ѣжте и насъ не забувайте». Вникните въ эти и дальнѣйшія его слова: какая близость, сердечность, простота отношеній! Господарь входитъ въ самыя мелочи братской жизни. «Знати даемо», пишетъ онъ братству, «ижъ милостивый Богъ дастъ и той храмъ Божій докончится и будетъ на мѣрѣ своей, а ваши милости смотрите, ижъ правило святыхъ отецъ кажетъ, што не подобаетъ мужамъ вкупѣ съ жонами и дѣвками у въ одномъ мѣстѣ стояти, але мужье ажъ бы стояли унутри церкви, а жоны и дѣвки у притворѣ передъ церковью». Или въ другомъ мѣстѣ такія наставленія читаетъ братчикамъ: «до церкви не ходите, такъ тежъ и звычайе христіанскихъ не выполняете, которыи огъ вѣка установлены, свѣчъ, проскуръ не даете, а хотъ который рѣдко проскуры пришлетъ, ино такъ велики, якъ яблоко, и тыхъ еще половину до дому несете; и опять попа ни за що маете, а ни въ доми свои у дни недѣльные и праздничныи для благословенія хлѣба не призываете, штобъ слушно мало быть, а звлаща у дни праздниковъ Господнихъ великихъ мѣли бы есте приносы чинити и вси у единомъ мѣстѣ быти, хвалячи Бога, съ чего бы и попъ споможеніе мети могъ и убогимъ бы давано, которыи не мають ничего, а теперь и попъ межи вами только перекупничествомъ живится: самъ идетъ до церкви, а попадя идетъ на рынокъ съ хлѣбомъ и цыбулею, такожъ у другого перекупивши, и што съ того приторгуеть, тѣмъ ся живять».—Могілы, не смотря на свое родство съ аристократическими домами въ Польшѣ и Украинѣ, вписывались также въ число членовъ львовскаго братства. Однимъ

словомъ: связь между Молдавіей и Польшей, точнѣе русскою частію послѣдней, была самая тѣсная и близкая.

Но эта связь и видимое преобладаніе въ странѣ славянскаго элемента и симпатій были не по вкусу Турціи; съ другой стороны они шли въ разрѣзъ съ пробуждавшимся движеніемъ кореннаго румынскаго населенія. Движеніе это увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ выселившіеся нѣкогда румыны, жившіе въ Карпатахъ подъ именемъ мультянь, а въ Балканахъ кудовлаховъ, тѣснимые трансильванскимъ княземъ Георгіемъ Ракоци, который старался навязать имъ Кальвиново ученіе и для скорѣйшаго успѣха своего намѣренія приказалъ перевести на ихъ языкъ священное писаніе и протестантскій катехизисъ, снова стали спускаться съ горъ въ гостепріимное княжество, гдѣ ихъ встрѣчали съ распростертыми объятіями. Въ жизни Молдавіи происходилъ кризисъ: внутри шла племенная борьба, рѣшался вопросъ о томъ, возьмется ли перевѣсъ славянскій элементъ или румынскій; извнѣ совершалась перемѣна въ порядкѣ полученія страною князей и усиленія ея вассальной подчиненности. Раньше Турція снисходительно смотрѣла на заигрыванія молдавскихъ князей съ сосѣдними государствами и сохраняла автономію страны; но послѣ того, какъ молдавское господарство стало замѣщаться всевозможными авантюристами, которыхъ сажали на престоль польская шляхта и козаки, наскучивъ частою ихъ смѣною и встрѣчая между ними непокорныхъ, война съ которыми обходилась дороже получаемаго съ княжества *гарача*, она уже не ограничивалась утвержденіемъ избраннаго боярами князя, но стала просто назначать князей въ Молдавію, выбирая въ это званіе людей, которые вели бы ея политику, — большею частію изъ эфирцевъ, албанцевъ и грековъ. При такихъ-то обстоятельствахъ и изъ числа такихъ избранныхъ Турціи на молдавскомъ господарствѣ является будущій тесть Тимоша Хмельницкаго. Василій Лупуль.

Албанецъ, а можетъ быть и арнауть, или, какъ иные думаютъ, сербъ либо сербо-албанецъ изъ Эпира, Василій Лупуль, попавъ въ Молдавію, умомъ, ловкостію и изворотливостію изъ невиднаго положенія достигъ высокихъ степеней въ княжествѣ. Ставъ «вистерникомъ», или министромъ финансовъ при господарѣ Граціани, онъ угодилъ въ тюрьму по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ и погибъ бы безслѣдно, если бы не ги-

бель самого Гаспара подъ Цецорой. Благополучно также пережилъ онъ всѣ послѣдующія княженія: Александра, Иліи, Стефана Тимисевича или Томши, Радо, Мирона Берновскаго, Александра Радо, опять Александра Иліи, опять Мирона Берновскаго и наконецъ Мойсея Могилы, хотя интриговальъ безпрестанно. Противъ Александра Иліи онъ поднялъ знамя возстанія, воспользовавшись народнымъ неудовольствіемъ противъ князя за то, что тотъ навелъ съ собою грековъ и вводитъ въ княжествѣ греческіе порядки, и Александръ Илія лишился престола. Мирона Берновскаго Лупуль оклеветаль передъ султаномъ, и бѣдный князь сложилъ свою голову въ Константинополѣ. Къ новому господарю Мойсею Могилѣ, родному брату кievскаго митрополита Петра, онъ вкрался въ такое довѣріе, что тотъ далъ ему званіе великаго дворника (генераль-губернатора) и послалъ въ Константинополь хлопотать по своимъ дѣламъ. Но великій дворникъ такъ ловко повелъ дѣло въ Константинополь, что вернулся домой воеводою и господаремъ земли молдавской. Достигнувъ края своихъ желаній, Лупуль сталъ хлопотать о Валахскомъ княжествѣ для своего сына. Но тутъ встрѣтилъ не менѣе ловкаго и сильнаго соперника, въ лицѣ готоваго князя Матвѣя Бессараба. Ни дружба со Стамбуломъ, ни деньги, разсыпаемыя тамъ, ни сѣти, ловко разставляемыя противнику, ничто не помогало: Бессарабъ съ равной ловкостью избѣгалъ разставляемыхъ ему сѣтей и даже формальное предложеніе Порты очистить престоль умѣлъ обойти. Чтобы подслужиться Турціи и погубить своего соперника, Лупуль помогъ туркамъ взять крѣпость Азовъ, которою овладѣли было козаки, и убѣдилъ Порту вызвать туда-же, какъ-бы на помощь, Бессараба, дабы тамъ, съ ея же согласія, расправиться съ нимъ, какъ съ ослушникомъ султанской воли. Но Бессарабъ, предчувствуя грозу, не явился и тѣмъ разстроилъ весь планъ Лупула. Послѣднему оставалось добиваться своей цѣли новой выслугой передъ Портой, а такой выслугой могло быть прежде и болѣе всего ослабленіе славянскаго элемента въ княжествѣ, всегда столь опаснаго для прочнаго владычества здѣсь турокъ. И вотъ Лупуль принялся за расторженіе той связи между молдаванами, поляками и козаками, которая существовала до него. «Новая исторія наша, восклицаетъ одинъ румынскій историкъ, началась не со взятія Константинополя, а со времени штурма, даннаго церковно-славянскому языку, и со времени, когда

мы начали учиться по-романски. Наша новая исторія начинается съ момента, когда Матвѣй Бессарабъ, въ преклонномъ уже возрастѣ, сдѣлался выраженіемъ романскаго народа, когда Василій Лупуль, въ цвѣтѣ лѣтъ, сталъ выраженіемъ другой независимой части румынской націи, и когда оба эти великіе воеводы, которыхъ султанъ послалъ сюда царствовать надъ румынами, стали соперничать другъ съ другомъ на поприщѣ интеллектуальной культуры».

Угождая Турціи, не пощадилъ Лупуль и церковной зависимости Молдавіи отъ славянскихъ іерарховъ. Извѣстно, что молдавская церковь вначалѣ зависѣла отъ галицкихъ митрополитовъ, а потомъ отъ охридскаго архіепископа, именовавшаго себя болгарскимъ патріархомъ. Турція давно стремилась къ тому, чтобы подчинить молдавскую церковь константинопольскому патріарху; но до сихъ поръ это какъ-то не удавалось. Лупуль провелъ эту мѣру и по особымъ еще личнымъ соображеніямъ. Ему вздумалось жениться на черкешенкѣ-мусульманкѣ: православный народъ поднялъ ропотъ противъ своего князя за эту женитьбу, турки въ свою очередь смотрѣли неблагосклонно на этотъ бракъ, потому что правовѣрная мусульманка должна была быть женой гяура, мѣстная же іерархія отказывала въ признаніи законности брака. Лупуль придумалъ въ высшей степени искусную сдѣлку: подчинясь константинопольскому патріарху, онъ получилъ отъ него разрѣшеніе на бракъ и тѣмъ заставилъ умолкнуть ропотъ у себя дома, а разорвавъ послѣднюю нить, связывавшую Молдавію съ славянствомъ, онъ тѣмъ самымъ примирялъ султана съ своей женитьбой. Помимо этого, за право женитьбы на мусульманкѣ онъ далъ султану «бакшишъ» 50,000 реаловъ и 280 кошельковъ патріарху за церковное разрѣшеніе на этотъ бракъ.

Съ подчиненіемъ молдавской церкви константинопольскому патріарху, и языкъ въ богослуженіи сталъ употребляться румынскій. Но такъ какъ другихъ богослужебныхъ книгъ на румынскомъ языкѣ не было, кромѣ тѣхъ, которыя принесли румыны изъ Трансильваніи, то книги эти, не смотря на то, что были проникнуты Кальвиновымъ ученіемъ, были введены въ общее употребленіе, хотя противъ этого протестовалъ сочавскій митрополитъ Варлаамъ.

Съ этихъ поръ славянскій поселенецъ княжества, лишенный правъ, обездоленный, долженъ былъ скрывать свою національность

и выдавать себя за румына, чтобы имѣть право пользоваться тѣми преимуществами, какія получилъ послѣдній, хотя самъ обладалъ несомнѣнно болѣе высокой культурой. Впрочемъ официальнымъ государственнымъ языкомъ въ Молдавіи до XVIII столѣтія оставался все еще языкъ славянскій, пока князья фанаріоты не замѣнили его греческимъ¹⁾.

Полная тревогъ и разочарованій и далеко не безгрѣшная жизнь Луцула привела его на путь раскаянія и онъ сталъ набожнымъ человѣкомъ: построилъ Трехсвятительскую церковь¹⁾ въ Яс-

1) Какъ памятникъ господства славянскаго языка въ Молдавіи, въ современномъ молдавскомъ языкѣ, которымъ говорятъ простолюдины, сохранилась масса близкихъ и понятныхъ намъ словъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Воевода—вода, господарь, бойеръ, ворникъ, постельщикъ, столярникъ, ключеръ, попы, невеста (невѣста), кумытру (кумъ), иконы, числа, букеле, словеле, читаторъ (чтецъ), лѣтописцуль, суа (сто), басне, стихуръ, повѣсти, преданіеле, карти (книги), гришала (грѣхи, ошибки), гласъ, образъ, плети (длинные волосы), разбой (война), войникъ (воинственный), витязь, раны, духъ, юбовникъ (любовникъ), тыргъ, ярмарокъ, свеклы, гыси, борщъ, прысбы, стылль (столбъ), свѣшникъ, стрѣшникъ (застрѣха), осы (осп), темницы, свицы (спицы), лопаты, грабли, плугъ, бразды, весли, цѣлины, бороны, сногъ, чоботи, перины, кожоухъ, сумань, сподницы, простиры, бичужка (бичъ, кнутъ), барда (топоръ), косы (косы), клешни, скобы, свердель (буравъ), жараникъ (жаръ), время, забавы, обычей, нетребникъ (негодный), вѣчникъ (вѣчный), иткусытъ (искусный), жидиторъ (зиждитель), страшникъ, образникъ (безобразный) и проч.

1) Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Анатолій Демидовъ, посѣтивъ Яссы, такъ описываетъ этотъ храмъ:

„Въ столицѣ Молдавіи мало церквей, и изъ существующихъ отличается красивая церковь, слишкомъ любопытный памятникъ, чтобы путешественникъ не помянулъ о немъ. По мѣстному обычаю, она окружена кельями монаховъ; построена во имя трехъ святителей: святаго Василія, святаго Іоанна Златоуста, этого восточнаго Боссюэта, и святаго Григорія Богослова. Церковь построена изъ превосходнаго камня; двѣ высокія башни возносятся надъ ней. Весь фронтонъ постройки, украшенный арабесками, верхъ совершенства лѣпной работы; узкія окна пропускаютъ слабый свѣтъ, который едва борется съ свѣтомъ свѣчей и лампъ, горящихъ днемъ и ночью подъ сводами церкви.

Церковь заложена воеводой Васиіемъ около 1622 года [?]. Внутри ея былъ придѣлъ весь вызолоченный, но три пожара и татарскія нападенія, не считая землетрясенія въ 1802 г., совершенно его разрушили. Трехсвятительская церковь, „Трифстители“, какъ ее называютъ въ Яссахъ, владѣла большими сокровищами, остатки которыхъ сохранились и донынѣ. Найкрасивѣйшимъ изъ такихъ остатковъ, безъ сомнѣнія, считается собраніе картинъ, вышитыхъ рукой княгини Тодоры, жены Василія, набожнаго создателя храма. Картины эти рѣдкой красоты, представляютъ въ натуральную величину самую

сахъ, завель при ней училище и типографію, выкупилъ мощи св. Параскевіи у турокъ за триста кошельковъ и перенесъ ихъ изъ Тырнова въ новопостроенную Трехсвятительскую церковь, гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ; построилъ монастырь—Галію и церкви въ Оргѣвѣ и Килии. Слава о его благочестивыхъ дѣлахъ выходила за предѣлы его княжества; но благочестивѣйшій царь московскій Алексѣй Михайловичъ очень заподозрилъ чистоту сихъ дѣлъ, когда архидіаконъ Алеппскій, сопровождавшій въ путешествіи антиохійскаго патріарха Макарія, рассказалъ ему, что Лупуль, крася свои сѣдые волосы, ходитъ въ церковь въ колпакѣ, чтобы не изобличить себя.

Молдавскіе историки первые годы княженія Лупула считаютъ счастливымъ временемъ для Молдавіи и утверждаютъ, что, благодаря миру, земля стала населяться и благосостояніе страны увеличиваться; но они-же говорятъ объ огромныхъ податяхъ и налогахъ и несмѣтныхъ сокровищахъ, которыя скопиль себѣ этотъ государь. Лѣтописецъ Іоаннъ Некульча прославляетъ Василія Лупула за то, что, по его ходатайству, Молдавія была освобождена на три года отъ взноса податей Турціи и что онъ ввелъ въ расходы своего дворца большую экономію: «одѣвался не въ соболы, а въ лисьи мѣха и тратилъ на содержаніе своего дома по два червонца въ

княгиню, талантливую художницу, которая сумѣла придать жизнь портретамъ, вышитымъ золотомъ, атласомъ и шелкомъ, сына ея старшаго и двадцати семи его дѣтей. Одѣяніе боярина, хранящееся тамъ-же, имѣетъ большее сходство съ венгерскимъ, нежели съ восточнымъ. Въ той богатой базиликѣ сохранился портретъ самого воеводы, но двадцать лѣтъ тому назадъ кѣмъ-то украденъ.

Цѣлую касту, завѣдивавшую церковнымъ казнохранилищемъ, обвинили за прощажу этого памятника, и въ даромъ, потому что обвиненіе было не безъ основанія, такъ какъ платье и шапка воеводы были вышиты дорогимъ жемчугомъ. Но если портретъ воеводы за свои богатые украшенія заплатился, то другой альфреско, представляющій воеводу молящимся, остался нетронутымъ. На портретѣ изображенъ тотъ моментъ, когда воевода преподноситъ въ лѣвой рукѣ оконченную церковь для посвященія патронамъ ея и святители съ высоты благословляютъ ее. Мало того, Василій, построивши храмъ Божій, всѣмъ разъ его украшалъ. Съ давнихъ поръ мощи святой Веранды, т. е. дослочнои Параскевы) находились въ рукахъ турокъ. Василій выкупилъ ихъ отъ невѣрныхъ и торжественно перевезъ въ христіанскую землю; самъ султанъ провожалъ ихъ до границы своей имперіи. Такова легенда, которую уясняютъ два изображенія надъ богатой ракой, въ которую положены мощи—предметъ общаго почитанія вѣрныхъ.—Anatole de-Demidoff. Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée.—Paris, 1854 г., стр. 162—164.

день». Но польскіе очевидцы, присутствовавшіе на свадьбѣ старшей дочери Лупула Маріи, были поражены роскошной жизнью молдавскаго князя, а ихъ то, кажется, трудно было удивить, потому что польскіе магнаты поражали своей роскошью всю Европу. По свидѣтельству одного изъ нихъ, присутствовавшаго на аудіенціи у Лупула, «магнифиценція господарская была достойна удивленія на немъ было платье такое же, какъ у турецкаго царя, и лучшаго, кажется, не было ни у одного монарха. Пошито оно было изъ альтенбаса (парчи), вышитаго золотыми цвѣтами, толщиною въ палець, подбито собольимъ мѣхомъ и застегивалось двумя брилльянтовыми застѣжками дорогой цѣны».

И счастливыя времена въ Молдавіи при Лупулѣ сомнительны, потому что тотъ-же Алеппскій архидіаконъ, похваляя набожность Василія, не оставляетъ безъ замѣчанія, что благочестивый и христіанскій воевода въ свое царствованіе казнилъ лютыми муками до четырнадцати тысячъ человѣкъ.

Василій Лупулъ считается еще и первымъ законодателемъ Молдавіи; но издаваемые имъ законы заимствованы изъ разныхъ источниковъ, несогласованы между собою и представляютъ собою смѣсь варварства съ идеями гуманными. Вотъ нѣкоторыя изъ статей этого сборника: «Кто покусится уворовать воловъ и, прогнавъ пастуха, оставитъ стадо безъ присмотра, выколотъ глаза. Вырубившему виноградныя лозы и фруктовыя деревья отрѣзать руки и взыскать съ него убытки. За двоеженство или двоемужество виновный сажается на осла голымъ и во время шествія по улицамъ подвергается бичеваніямъ. Цыганъ, цыганка или ихъ дѣти за первые три воровства гуся или другой живности не подвергаются наказанію; за воровство же предметовъ судятся, какъ воры. Кто по крайней бѣдности украдетъ не болѣе того, сколько нужно, чтобы поѣсть или одѣться, тотъ прощается. Судья скорѣе долженъ оставить свой постъ, нежели обвинить невиннаго по требованію власти. Кто подъ вліяніемъ страсти поцѣлуетъ встрѣтившуюся ему на дорогѣ дѣвушку, тотъ не наказывается».

Мы привели все, что могли собрать о будущемъ сватѣ Богдана, тестѣ его первенца; возвратимся къ его политикѣ.

Борьба Лупула съ Бессарабомъ не прекращалась. Усердная служба его султану не дала ожидаемыхъ результатовъ: Матвій

Бессарабъ сидѣлъ прочно на своемъ мѣстѣ и не думалъ уступать онаго наслѣднику Василія. Тогда послѣдній, по примѣру своихъ предшественниковъ, обратилъ свои взоры на Польшу, ожидая отъ нея помощи. Въ союзѣ съ Москвой и другими Польша готовилась въ то время къ крестовому походу противъ Турціи; король выдалъ запорожцамъ деньги на постройку чаекъ, нужныхъ для этого похода. Въ столь рискованномъ дѣлѣ важенъ былъ союзъ и молдавскаго господаря, а онъ имѣлъ свои виды и чтобы вѣрнѣе заручиться помощью Польши, рѣшилъ выдать старшую свою дочь Елену за Януша Радзивилла, литовскаго гетмана. Три года уже Радзивиллъ добивался руки дочери Лупула, но тогда Лупуль еще не рѣшался на это изъ опасенія Турціи, которая была такъ подозрительна къ бракамъ членовъ господарскаго семейства съ польскими магнатами; ходили притомъ слухи, будто самъ московскій царь желаетъ просить руки богатой княгини. Но Бессарабъ не давалъ покоя Лупулу, надеждъ на Турцію не было, а московскій царь не слалъ сватовъ, и Лупуль, стремясь сблизиться съ Польшею, въ январѣ 1644 г. далъ согласіе на бракъ своей дочери съ Радзивилломъ. Свадьба была очень пышная. Женихъ явился съ двумя тысячами свиты, господарь встрѣтилъ его за десять верстъ отъ Яссы, а при вѣздѣ жениха въ Яссы велѣлъ палить изъ пушекъ. Торжество длилось двѣ недѣли: вѣнчалъ самъ митрополитъ кіевскій Петръ Могила въ церкви Трехъ Святителей, встрѣченный съ великими почестями и пробывшій здѣсь семь дней.

Нечего описывать пышныхъ пировъ, богатаго платья молдавскихъ бояръ и польскихъ пановъ,—все это само собою разумѣется; но вотъ что особо поражало современниковъ на этомъ свадебномъ пиру. «Съ неимовѣрной быстротой являлись на площади громады зданія: замки, крѣпости, которые потомъ быстро обращались въ развалины огнемъ и мечемъ. Изъ развалинъ выходили великаны и вступали въ бой со львами и слонами и другими тварями, неизвѣстными въ природѣ. Другіе комедіанты съ низко остриженными волосами, оставивъ только одну длинную прядь ихъ, привязывали ея громадные мельничные жернова на своей головѣ или позволяли разбивать ихъ на своемъ тѣлѣ; наконецъ, пролѣзая въ отверстія жернова, комедіантъ крутился съ нимъ по сценѣ, какъ волчокъ, падая въ концѣ на колѣни передъ господаремъ, чтобы получить подачку».

Отпраздновавъ такъ пышно свадьбу своей дочери, Лупуль, подь вліяніемъ своего зятя, рѣшилъ прекратить миръ съ турками; но бояры воспротивились этому и онъ согласился подождать, пока поляки перейдутъ Дунай. Въ это именно время вспыхнуло въ Малороссіи всеобщее народное возстаніе; Польшѣ было уже не до войны съ Турціею. Рѣшеніе бояръ спасло Молдавію отъ страшной бѣды, грозившей ей со стороны Турціи; но на политическую арену, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Лупуломъ, выступалъ другой могучій дѣятель, съ которымъ ему надо было такъ или иначе ладить. То былъ грозный козацкій гетманъ, Зиновій Михайловичъ Богданъ-Хмельницкій, переворачивавшій вверхъ дномъ всю Польшу.

II.

Теперь Лупуль попалъ въ очень неловкое положеніе: на Турцію разсчитывать было нельзя, а скорѣе можно было опасаться ея, потому что она сильно подозрѣвала его; надежды на Польшу тоже рушились, потому что возстанія Украйны совѣмъ ее ослабили, и она сама еле дышала. Что оставалось Лупулу, скомпрометировавшему себя передъ Турціей и лишившемуся надежды на помощь своего новаго друга Польши, какъ не броситься въ объятія Богдана Хмельницкаго, военная слава котораго достигла теперь своего зенита? Г. Накко такъ разсказываетъ о сближеніи Лупула съ Хмельницкимъ: «Во время этого похода (подъ Львовъ и Збаражъ) къ Хмельницкому прибыли послы Василя Лупула съ просьбой помочь ему противъ Матвѣя Бессараба. Хмельницкій уклонился, однако, отъ вмѣшательства въ дѣла княжествъ, изъ опасенія вооружить противъ себя Турцію. Когда же Лупуль представилъ Хмельницкому требуемое имъ разрѣшеніе Порты, то онъ послалъ въ Молдавію сына своего Тимофея, съ помощью котораго Лупуль взялъ верхъ надъ своими противниками. Во время бытности своей въ Молдавіи Тимофѣй страстно влюбился въ дочь Василя Лупула Роксанду и требовалъ ея руки, но получилъ отказъ подь предлогомъ, что султанъ будетъ недоволенъ этимъ бракомъ».

Познакомлю теперь читателя съ женихомъ и невѣстой. О невѣстѣ много говорить не приходится; о ней осталось очень мало свѣдѣній; извѣстно только, что вторая дочь Лупула слыла красавицей и богатой невѣстой. Еще передъ свадьбой ея старшей

сестры отец ихъ послалъ въ Варшаву къ королю польскому Владиславу извѣщеніе о предстоящемъ бракосочетаніи своей дочери Елены съ кн. Радзивилломъ. Король, отвѣчая на любезность любезностью, въ свою очередь послалъ своего представителя для участія въ свадебномъ торжествѣ. Выборъ палъ, по просьбамъ родныхъ, на Петра Потоцкаго, брацлавскаго воеводича, снятынскаго старосту, сына будущаго короннаго гетмана Николая Потоцкаго и роднаго брата Степана, преждевременно погибшаго на Желтыхъ Водахъ. Выборъ былъ мотивированъ еще и тѣмъ, что молодой Потоцкій считался родственникомъ жениха и невѣсты. Его отецъ Николай былъ родной племянникъ Стефана Потоцкаго, женатаго на дочери Иереміи Могилы, бывшаго господаря Молдавіи, дочь Степана Потоцкаго могилянка—Марія вышла замужъ за Януша Радзивилла, который теперь послѣ ея смерти посваталъ дочь Лупула Елену. Родство же невѣсты съ Потоцкими чрезъ Могиль было Лупуломъ вымышлено изъ тщеславія: онъ почему-то находилъ, что жена его была въ родствѣ съ Могилами. Петръ Потоцкій, исполняя порученіе короля, самъ не забывалъ себя, и на свадьбѣ Радзивилла крѣпко приударилъ за младшей сестрой невѣсты. Но ему вдругъ сталъ на дорогѣ незнакомецъ, человекъ образованный, ловкій, смѣлый, плѣнявшій все общество при дворѣ Василия Лупула. Этотъ рыцарь, явившійся инкогнито, былъ никто иной, какъ Димитрій Вишневецкій, сынъ короннаго хорунжаго Януша, внукъ по прямой линіи Михаила Вишневецкаго, женатаго тоже на могилянкѣ—Регинѣ и правнукъ Димитрія Вишневецкаго—Байды; онъ то и плѣнилъ сердце молодой княжны Роксанды. Понятно, что Петру Потоцкому пришлось отойти на второй планъ. Рассказываютъ, что былъ еще третій претендентъ на руку молодой «домницы»—самъ гетманъ польный, черниговскій воевода Калиновскій, богатый помѣщикъ въ Покутьи и Подоліи, почтенный старецъ, давно уже овдовѣвшій. Трудно было Тимошу Хмельницкому тягаться съ такими блестящими, сановитыми и богатыми панами, но онъ съ отцемъ крѣпко вѣровали въ свою судьбу; еще такъ недавно въ корсунской битвѣ

Козаки ляхивъ доганяли,
 Пана Потоцкаго піймали,
 Якъ барана звязали,
 Та передъ Хмельницкаго гетьмана примчали.

Послѣ свадьбы Радзивилла претенденты на руку Роксанды были непріятно удивлены, узнавъ, что молодая княжна была взята изъ родительскаго дома, завезена въ Константинополь и посажена въ султанскій сераль, въ качествѣ заложницы, потому что новая политика ея отца вводила его въ подозрѣніе у Турціи и послѣдняя требовала гарантіи его вѣрности. Но разнеслись дурные слухи о жизни княжны въ сераль; говорили, что она, желая скорѣе вырваться оттуда, поступилась дѣвичьей честью. Турецкія извѣстія, правда, намеками, даютъ этому другое объясненіе: онѣ говорятъ, что агентъ Лупула продалъ Роксанду какому-то пану польскому или венгерскому за 20,000 піастровъ и что послѣ этой сдѣлки Роксанда уѣхала въ родительскій домъ. Здѣсь этотъ панъ предполагалъ обвѣнчаться съ ней, но Тимошъ съ своими домогательствами воспрепятствовалъ этому браку.

Вѣроятно, этотъ панъ былъ никто иной, какъ Петръ Потоцкій, потому что въ 1650 году мы застаемъ жену Василя Лупула съ дѣтьми въ Польшѣ въ гостяхъ у Радзивилла, родственника Потоцкаго. Тамъ около Роксанды увивался молодой Потоцкій и своимъ ухаживаньемъ только разжигалъ ревность Тимоша и заставлялъ его еще настойчивѣе добиваться руки княжны. Споръ изъ-за обладанія рукою красавицы дошелъ, говорятъ, до самаго султана, который, по словамъ одного польскаго историка, рѣшилъ не отдавать Роксанды ни поляку, ни козаку, а спрятать ее у себя въ сераль. Такимъ образомъ Роксанда попала въ другой разъ въ Константинополь.

Перейдемъ теперь къ Тимошу. Польскіе историки аттестуютъ его юношей дикимъ, неотесаннымъ, безъ знанія свѣта и обычая, «слотрикомъ» съ дурнымъ характеромъ. Вслѣдъ за ними и мало-русскіе лѣтописцы не лучше отзываются о немъ. Самуиль Величко говоритъ: «ободва сына Хмельницкаго, Тимошъ и Юрій, были палеводы своевольніе».

Что Тимошъ не былъ салоннымъ кавалеромъ, противъ этого не спору, я даже допускаю, что онъ любилъ въ товариществѣ выпить и со врагомъ не любилъ церемониться; но это было въ обычаѣ того времени. Развѣ польскіе военачальники и вообще паны въ этомъ отношеніи были лучше его? Самъ гетманъ Н. Потоцкій, по свѣдѣніямъ польскихъ писателей, развѣ не былъ и пьяницей и жестокимъ челоуѣкомъ? Нѣтъ ничего удивительнаго, что

у Тимоша не было знанія свѣта и обычаевъ съ точки зрѣнія польскихъ пановъ. Вѣдь его еще въ самой ранней молодости отецъ взялъ на Запорожьѣ, а тамъ цѣнилось другое знаніе свѣта и обычаевъ:

Въ насъ у Сичи то и норовъ, хто Отче нашъ знае,
 Якъ умывся, вставши вранци, то чарки шукае,
 Чи чарка то, чи ковшъ буде, не глядитъ перемины;
 Гладко пьють, якъ зъ лука бьють, до ночной тѣни.

Изъ Запорожья Тимошъ переѣхалъ въ Крымъ, въ столицу хана, въ среду совсѣмъ неблагопріятную для пріобрѣтенія свѣтскихъ приличій; потомъ лагерная жизнь до самой смерти... Гдѣ и отъ кого онъ могъ пріобрѣсти знаніе свѣта и обычаевъ? Наконецъ, его называютъ дуракомъ, лотрикомъ и «паливодой». Что онъ не былъ дуракъ, это лишне было бы доказывать; достаточно сослаться на тотъ фактъ, что, будь онъ глупъ, Хмельницкій не поручилъ бы ему, крайне юному, такого щекотливаго и важнаго порученія, какъ развѣдываніе новостей въ ханской столицѣ и расположеніе къ союзу съ отцомъ его не только крымцевъ, но и Порты, что Тимошъ выполнилъ блистательно. Укажемъ и другой фактъ: не его ли распорядительностію и энергіею держалась Сочава? Припомните, что Сочава сдалась только послѣ смерти Тимоша. Что онъ былъ «парубокъ моторный и хоть куды козакъ», это мы видимъ изъ трехъ его молдавскихъ походовъ; но чтобъ онъ былъ лотрикомъ и паливодой, этому мы нигдѣ не встрѣчаемъ подтвержденія. А ужъ будьте увѣрены, что если бы онъ былъ такимъ, современныя польскія извѣстія нагромоздили бы цѣлую кучу обвиняющихъ фактовъ, между тѣмъ они оставили только два такихъ факта: будто Тимошъ обжегъ бороду монаху и повѣсилъ мачиху. О первомъ не споримъ,—то могли быть «жарты» козацкіе подъ пьяную руку; но второй фактъ до сихъ поръ возбуждаетъ сомнѣнія. И вообще, могъ ли бы Тимошъ быть такимъ популярнымъ и любимымъ среди козачества, если бы онъ былъ «лотрикъ»; а отецъ довѣрилъ ли бы лотрику, хоть и сыну, исполненіе порученій высокой важности? Мнѣ думается, что онъ скорѣе былъ несчастенъ, чѣмъ «паливода» и «лотрикъ», что, какъ говорится, сама злодѣйка судьба была противъ него. Въ самомъ дѣлѣ, сколько энергіи и труда онъ потратилъ, пока добился

руки любимой женщины!.. И что-жь? даже добившись завѣтной мечты, долго ли онъ наслаждался своимъ счастьемъ? Но не буду забѣгать впередъ.

Послѣ извѣстной исторіи съ Чаплинскимъ, Хмельницкій, задумавъ поднять народъ противъ притѣснителей пановъ и уходя отъ ихъ преслѣдованія въ Сѣчь, взялъ съ собою туда и Тимоша, между прочимъ для того, чтобы дать ему возможность получить козацкую полировку и пріобрѣсти звычай низоваго братства. Изъ Сѣчи онъ отправился въ Крымъ просить у хана помощи, въ виду готовившейся борьбы съ Польшей, и снова взялъ съ собою сына; когда-жь добился помощи отъ хана, то оставилъ Тимоша въ Крыму на той же квартирѣ у армянина, гдѣ самъ жилъ съ нимъ до выѣзда, обязавъ хозяина квартиры «не безъ дискреціи обходиться съ своимъ гостемъ». Тимошу и его свитѣ выдавалось все содержаніе изъ ханскаго дворца; сверхъ того ханъ дозволилъ ему «являться передъ свое лицо и зъ мурзами крымскими обознаватися». Какъ ни тяжело было отцу оставлять сына заложникомъ въ рукахъ «тяжкого ворога міра христіанскаго, царя бусурманскаго», но онъ зналъ по личному опыту, какъ важно юношѣ знать языкъ и нравы народа, съ которымъ ему впослѣдствіи придется сталкиваться. Пока Тимошъ гостилъ у хана, атаманъ-батько

На жовтимъ писку пидбився,

У города Корсуня зъ ляхами посварився...

Только подъ Пилявой сынъ соединился съ отцемъ, приведя съ собой на помощь четыре тысячи татаръ подъ командой Карачей-мурзы. Здѣсь, какъ извѣстно, козакамъ досталась несмѣтная добыча. Добыча увеличивалась по мѣрѣ продолженія побѣдоноснаго похода Хмельницкаго; съ одного Львова было взято имъ сто тысячъ битыхъ талеровъ, семьдесятъ пять поставовъ сукна и пр., да и у бродскихъ евреевъ тоже пропасть полотна, сукна и кожь. «Въ Чигринѣ, по словамъ очевидца, было у Хмельницкаго запановано до 20 бочекъ серебра. Турецкихъ лошадей у него было на конюшнѣ 130, богатаго платья 24 сундука». И всю эту добычу онъ поручилъ сыну своему транспортировать, въ то опасное время, въ Переяславъ, давъ ему для этой цѣли отрядъ козаковъ. Тимошъ успѣшно исполнилъ порученіе отца и благополучно доставилъ сокровища по

назначенію. Изъ Переяслава Тимошъ съ отрядомъ козаковъ и ордой Тугая-бея отправился, какъ сказано было выше, на помощь Василию Лупулу, противъ Бессараба и хотя помогъ ему одолѣть противника, и, посватавшись на его дочери, получилъ «гарбузь».

Лупуль не особенно опасался послѣдствій этого отказа, онъ сидѣлъ дома тихо и внимательно слѣдилъ за событіями. Онъ зналъ, что Хмельницкій самъ, безъ разрѣшенія Турціи, не посмѣетъ мстить ея вассалу за отказъ въ рукѣ дочери, но боялся союзниковъ гетмана—крымскихъ татаръ, которыхъ онъ могъ легко подговорить «сплюндровать волошскую землю». Поэтому въ 1648 году, какъ только начали проникать слухи въ Молдавію о приближеніи орды на помощь Хмельницкому, онъ сейчасъ «послалъ ко всеѣмъ волошскимъ и греческимъ купцамъ, чтобъ они немедленно отступили за Прутъ, потому что уже орда крымская перешла Днѣпръ, только не знаетъ какимъ шляхомъ». А затѣмъ сталъ серьезно готовиться къ отпору, на случай еслибъ хищники пожелали посѣтить его страну, такъ что не на шутку испугалъ сосѣдей этими приготовлениями. «Лупуль господарь, говоритъ современникъ полякъ, собираетъ войска, очевидно, на насъ. Онъ далъ гетманское званіе и титулъ великаго дворника родному брату своему Петрочайку, а Чогалу прислалъ сюда въ Хотинъ буркулабомъ. Пословъ Хмѣль принималъ съ почетомъ, жидовъ и ляховъ впускать запретилъ». Не смотря на такое почетное принятіе Лупуломъ пословъ Хмельницкаго, послѣдній все таки не забывалъ обиды, нанесенной его первенцу отказомъ въ рукѣ дочери. Въ томъ же извѣстіи польскомъ говорится: «Хмѣль подумывалъ идти въ Молдавію, но Лупуль послалъ ему подарки и подговаривалъ идти на насъ. Помощь обѣщаль, если его изберутъ русскимъ княземъ, предлагая господарство Хмѣлю. Эти переговоры ведутся черезъ кievскихъ монаховъ, отъ которыхъ мы все это знаемъ. Патріархъ бѣжалъ въ Москву и тамъ подговариваетъ царя вступить въ союзъ съ Лупуломъ противъ насъ». Но послѣ зборовскихъ пактовъ опасенія Лупула оправдались: крымская и буджакская орды, союзники Хмельницкаго, возвращаясь изъ Польши, обремененные добычею, разграбили по дорогѣ Бессарабію. «Обиженные жители, по словамъ Накко, бросились тогда въ Яссы къ Василию съ жалобою на татаръ, говоря, что они грабятъ ихъ и уничтожаютъ посѣвы, и Василій приказалъ нѣ-

сколькимъ отрядамъ выступить немедленно для наказанія хищниковъ. Услышавъ кличъ, молдаване, «охотники до добычи», говоритъ Миронъ. бросились изъ городовъ и сель, каждый какъ могъ, верхомъ и пѣшкомъ, вмѣстѣ съ боярскими слугами и, настигнувъ татаръ при с. Братуленахъ, у Резины, внезапно напали на нихъ, когда они были спѣшившись, начали рубить на право и на лѣво и отобрали у нихъ добычу и плѣнныхъ. Такимъ же образомъ они раздѣлались съ татарами и въ Лопушнѣ. За то, когда татары достигли Буджака, то въ свою очередь послали жалобу крымскому хану, прося позволенія отомстить Василию».

Гетманъ, не мѣшаясь пока въ ссору своихъ союзниковъ съ сватомъ, выжидалъ событій, а теперь, упоенный первыми побѣдами надъ поляками, онъ торжественно вступалъ въ Кіевъ.

Гостившій въ ту пору въ Кіевѣ іерусалимскій патріархъ Пасій выѣхалъ изъ города на встрѣчу ему, вмѣстѣ съ кіевскимъ митрополитомъ, и посадилъ его на санихъ по правую руку отъ себя. Не смотря на зимнюю пору, народъ несмѣтными толпами повалилъ за городъ и привѣтствовалъ его въ полѣ; академія прославляла его рѣчами и восклицаніями: «ты нашъ Мойсей, освободившій народъ отъ неволи лядской, спаситель, Богомъ данный!»! Патріархъ величалъ его свѣтлѣйшимъ княземъ. Въ крѣпости и въ городѣ стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ. «Бестія торжествовалъ!»! со злостію замѣчаетъ полякъ современникъ и мѣшаетъ были съ небылицами, заканчивая тѣмъ, какъ патріархъ далъ Хмельницкому разрѣшеніе на бракъ съ Чаплинскою и послалъ ей подарки и три свѣчи, которыя сами загораются, чрезъ особаго посланца, монаха, которому будто-бы Тимошъ опалилъ бороду, напоивши его предвѣрительно водкой.

Между тѣмъ по жалобѣ татаръ на Лупула производилось разслѣдованіе и султанъ, рѣшивъ дѣло въ пользу татаръ, разрѣшилъ хану дать реваншъ Лупулу за избіеніе его орды. Ханъ отправилъ въ Молдавію 20,000 крымскихъ татаръ подъ начальствомъ Калги-султана, пригласивъ при этомъ и своего союзника Хмельницкаго. Теперь наступилъ для гетмана удобный моментъ отомстить за оскорбленіе сына и добиться у Лупула согласія на бракъ Роксанды съ Тимошемъ, а можетъ быть и захватить престоль молдавскій для союзника болѣе надежнаго, нежели Лупуль. Мечты Богдана въ эту

пору были самыя смѣлыя, планы самыя широкіе; но проникнуть въ его душу никто не могъ.

Якъ изъ низу изъ Днистра тихій витерь повивае,
 Богъ святой знае, Богъ святой ѣ видае,
 Що Хмельницькій думае-гадае;
 Та не могли знати ни сотники, ни полковники,
 Ни джуря козацькіи,
 Ни мужи громадськіи,
 Що нашъ панъ гетьманъ Хмельницькій,
 Батько Зиновъ Богдану Чигиринській,
 У городи Чигрини задумавъ вже ѣ загадавъ.

Свое неудовольствіе противъ Лупула Хмельницкій такъ выражалъ турецкому посланнику Османъ-агѣ въ Чигринѣ: «молдавскій господарь измѣнилъ его милости султану: онъ задерживалъ его письма и посылалъ въ Польшу». А потомъ прибавилъ: «поведу Мойсея Могилу на господарство, а султану готовъ отдать не только Польшу, но и Римъ». Имѣя разрѣшеніе султана на походъ въ Молдавію, Хмельницкій далъ татарамъ въ помощь 16,000 козаковъ. Во главѣ 30 тысячнаго отряда татаръ сталъ Калга-султанъ, а надъ козаками начальствовали: прилуцкій полковникъ Носачъ, полтавскій Пушкаренко и гарматный писарь Дорошенко, сынъ запорожскаго кошеваго Михаила Дорошенка и братъ извѣстнаго Петра. Верховное начальство надъ этими вождями было поручено Тимошу, а самъ гетьманъ съ Нуреддиномъ султаномъ составляли какъ бы резервъ и все время стоялъ подъ Ямполемъ въ наблюдательномъ положеніи, пока Тимошъ и Калга-султанъ «плюндровали» Молдавію. Незначительный по видимому походъ отпечатлѣлся въ народномъ представленіи въ ярко-опредѣленныхъ чертахъ.

Дванадцать паръ пушокъ впередъ себе одиславъ,
 А ще самъ зъ города Чигрина рушавъ,
 За нимъ козаки идуть,
 Якъ ярая пчола гудуть;
 Котрый козакъ не міе въ себе шабли булатной,
 Пищали семипьядной,
 Той козакъ кій на плечи забирае,

За гетьманомъ Хмельницкимъ у в'охотне вѣйско поспишае.
Оттогда жъ то, якъ до рички Днѣстра прибувавъ.
На три части козакивъ переправлявъ,
А ще до города Сороки прибувавъ,
Идъ городомъ Сорокою шанци копавъ,
У шанцахъ куренемъ стоявъ.

И дѣйствительно, союзныя войска раздѣлились на три отряда: у Ямполя, какъ уже замѣчено, остановился самъ гетманъ съ Нурединомъ, а остальные, раздѣлившись у Днѣстра на два отряда, переправились у Сорокъ и' Оргѣва и вступили въ Бессарабію. Первый отрядъ татарскій направился къ Сочавѣ, а козаки чрезъ Лопушну на Яссы. Ограбивъ и опустошивъ страну во всѣхъ направленіяхъ и угнавъ множество скота, лошадей и плѣнныхъ, въ томъ числѣ много бояръ и ихъ семействъ, оба отряда сошлись, наконецъ, недалеко отъ Яссъ. Калга-султанъ занялъ позицію на Цецорѣ, а козаки стали на Владникѣ въ Бессарабіи. Застигнутый въ располхъ, Василій не успѣлъ во время собрать свои войска и потому вынужденъ былъ бѣжать изъ Яссъ».

Жена Лупула съ дѣтьми и богатствомъ спряталась въ Сочавѣ, но, не находя себя въ этой крѣпости безопасной, убѣжала къ зятю своему Радзивиллу въ Польшу, а Лупуль съ своими придворными укрывался въ буковинскихъ лѣсахъ; ему нечего было и думать защищаться, потому что у него было не болѣе 6 тысячъ войска, а ожидать помощи было неоткуда. Хотя Потоцкій и стоялъ подъ Каменцемъ, но помочь ему не могъ, такъ какъ король строго воспретилъ ему вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи. Вся страна пылала Яссы, оставленные жителями, были разорены и сожжены козаками и татарами; осталось только нѣсколько лавочекъ, да церкви и монастыри, которыхъ козаки не хотѣли разорять. Лупуль ограничилъ свою дѣятельность тѣмъ, что разсадилъ развѣдчиковъ на высокихъ деревьяхъ въ лѣсу, въ которомъ скрывался, и приказалъ имъ каждую минуту доносить себѣ, въ какомъ мѣстѣ начинается пожаръ. Когда ужъ нечего было жечь и грабить, татары начали склоняться къ миру. Гетманъ чувствовалъ себя въ положеніи торжествовавшаго побѣдителя, могущаго требовать покорности отъ своего противника, такъ недостойно его обманувшаго и такъ грубо оскорбившаго.

А ще одь своихъ рукъ листы писавъ,
 До Василя молдавського пославъ,
 А въ листахъ приписувавъ:
 «Эй Василю молдавській,
 Господарю волоській!
 Що теперь будешъ думати й гадати:
 Чи будешъ зо мною биться,
 Чи мириться?
 Чи города свои волоськи уступати,
 Чи червинцями полумиски сповняти?
 Чи будешъ гетьмана Хмельницького благати?»
 Тогди жь Василій молдавській,
 Господарь волоській,
 Листы читае,
 Назадъ одсылае,
 А въ листахъ приписуе:
 «Пане гетьмане Хмельницкій,
 Батьку Зиновъ Богдану Чигриньскій!
 Не буду я зъ тобою ни биться,
 Ни мириться,
 Ни городивъ тоби своихъ волоськихъ уступати,
 Ни червинцями полумискивъ сповняти:
 Не лучше-бъ тоби покориться меншому,
 Не вужли мени тоби старшому?»

Переговоры о мирѣ шли не долго. Припертый къ стѣнѣ Лупуль прислалъ просто двухъ бояръ просить пощады. Хмельницкій формулировалъ свои условія коротко: оставаяя Лупулу спокойное обладаніе Молдавіей, онъ требовалъ только, чтобы воевода молдавскій выдалъ дочь свою за Тимоша чрезъ три мѣсяца, т. е. сейчасъ послѣ Рождества Христова 1650 г. Лупуль, заранѣе изъясвившій на это согласіе въ униженномъ письмѣ къ Хмельницкому, уплатилъ татарамъ контрибуціи 180 тыс. талеровъ, а 10 тыс. въ подарокъ гетману и обязался отдать въ залогъ четырехъ знатнѣйшихъ бояръ, въ томъ числѣ и своего племянника. Хмельницкаго онъ просилъ объ одномъ, чтобы женихъ, отправляясь на свадьбу, не вель съ собою козаковъ, а тѣмъ болѣе татаръ, что онъ могъ считать необходимымъ для собственной безопасности въ вынужденномъ бракѣ,

но явился бы къ браку лишь съ почетной свитой, при томъ по польски одѣтый и въ польской компаніи. О послѣднемъ писали современники поляки изъ Львова, прибавляя: «эта свадьба должна праздноваться съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сынъ Хмельницкаго пріѣхалъ на свадьбу съ польской шляхтой и нашей «политикой» (манерами), что ему, вѣроятно, удастся, такъ какъ при немъ есть много шляхты, которая будетъ учить его политикѣ». Чтобы Хмельницкій далъ на это свое согласіе, какъ увѣряли тѣже современники, въ томъ можно крѣпко сомнѣваться, зная его ненависть къ полякамъ и тогдашнее превосходство его въ войнѣ съ ними. Ему впрочемъ и не до того было въ ту пору: война, недавно законченная зборовскимъ трактатомъ, грозила вспыхнуть снова и конецъ ея предвидѣть было трудно. Какъ бы ни было, но относительно Молдавіи и женитьбы Тимоша дѣло казалось поконченнымъ, и козаки, «повернувъ о Покровѣ зъ Волохъ, упокоемъ сидѣли въ домахъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ. ¹⁾

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годѣ).

3-го іюля текущаго 1887 года исполнится ровно 100 лѣтъ съ того момента, когда покрытые славою кубанскихъ битвъ старшины бывшаго запорожскаго войска, впоследствии незабвенные дѣятели войска черноморскаго—Сидоръ Бѣлый, Антонъ Головатый, Захарій

¹⁾ Заглавіе печатаемыхъ Записокъ принадлежитъ ихъ автору, который самъ опредѣлилъ себя, отмѣтивъ на заглавномъ листѣ, что эти записки „Трудовъ“ войска черноморскаго № 2-го конно-козачьяго полка и орденовъ св. равно-апостольнаго князя Владиміра 4-й степени съ бантомъ и св. Анны 3-й степени съ бантомъ и 4-й съ надписью за храбрость кавалера, Александра Михайловича Туренка“.

Другихъ біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ записокъ мы не имѣемъ.

Записки печатаются съ экземпляра, принадлежавшаго самому автору. Это книга въ листъ желтоватой плотной бумаги, заключающая въ себѣ 226 страницъ и оправленная въ корешокъ. Вся она переписана, какъ видно изъ замѣтки въ концѣ, рукою войсковаго урядника Маркіана Складарскаго; но помѣщенные въ концѣ примѣчанія, которыя мы ставимъ въ соответственныхъ мѣстахъ подъ чертою, всѣ писаны рукою самаго Туренка. На заглавномъ листѣ, въ серединѣ, рукою писаря выведено: 1838 года; но былъ ли то годъ окончанія, или переписки всего труда, остается неизвѣстнымъ.

На оборотѣ бѣлаго, предшествующаго заглавному, листа рукою автора сдѣлана слѣдующая надпись:

„Изъ уваженія и любви къ Николаю Христофоровичу Донъ-Дистерло дарю эти записки. Октября 21 дня 1839 г.—Крѣпость Анапа.

А. Туренко“.

Намъ сообщены эти записки для печатанія уѣзднымъ казначеемъ г. Купянска А. В. Жуковымъ, при посредствѣ инспектора народныхъ школъ П. И. Иванова. Приносимъ имъ нашу искреннюю за это благодарность.—*Ред.*

Чепига и др. въ Кременчугѣ получили отъ проѣзжавшей по Мало-россиі императрицы Екатерины въ отвѣтъ на поднесенное ей прошеніе именной указъ на новое возрожденіе запорожскаго войска и временное поселеніе межъ р.р. Днѣстромъ и Бугомъ; послѣ чего въ слѣдующемъ году 14-го января возрожденному войску опредѣлено было занять нынѣшнюю Кубанскую Область, собственно Черноморію, по правому берегу р. Кубани. Итакъ 3-е іюля должно служить для черноморцевъ всегда днемъ воспоминанія своего рожденія. Призванные въ новой гражданской жизни козаки вполнѣ оправдали свое назначеніе—среди дикой природы, въ нездоровомъ климатѣ, на глазахъ у врага, ни чѣмъ не уступавшаго имъ въ храбрости и любви къ свободѣ и національной независимости. Съ «рушницею» въ одной рукѣ, въ другой съ плугомъ и косою, черноморцы несли знамя культуры и цивилизаціи; и какъ ни странно въ наше время подобное единеніе меча и плуга, но тогда это было такъ!

Лишь только козаки ступили на почву своего новаго отечества, они сейчасъ-же обставили свою жизнь тѣми святыми для народа атрибутами, среди коихъ жили они у себя на Днѣпрѣ. Въ годъ же переселенія Головатый на свой коштъ создалъ церковь въ Тамани; другая возникла на мѣстѣ теперешняго Ейска; немного спустя поднялъ свои главы громадный екатеринодарскій соборъ, созданный руками козаковъ и простоявшій чуть не сто лѣтъ; онъ кончилъ свое существованіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разрушенный при новыхъ гражданахъ Екатеринодара, которые, придя въ него послѣ того, какъ смолкли грома пушекъ, потрясавшихъ вершины козачей святыни, отнеслись къ нему вполнѣ индифферентно, и многоглавый свидѣтель разсвѣта русской жизни на Кавказѣ сникъ съ лица родной земли! Общая участь русскихъ историческихъ памятниковъ... Послѣ возникновенія войсковаго собора, новымъ устоємъ черноморцевъ на Кубани былъ войсковою монастырь, ведущій свое начало тоже съ конца прошлаго вѣка. Все это доказывало, что на кубанскомъ берегу стала ногою не дикая орда, пли народъ безъ задатковъ гражданственности, нѣтъ—это были тѣ живые корневые отрпыски, коими, какъ древесный организмъ, разрослось русское государство. Вскорѣ послѣ устройства церковей и духовной іерархіи, появились въ Черноморіи школы по куренямъ, благодаря памятной дѣятельности протоіерея Россинскаго; его-же дѣломъ была войсковая гимназія, явившаяся въ г. Екатеринодарѣ около 20-го года. Благодаря Россинскому, войско имѣло до 20 школъ и гимназію, и все это явилось въ 30 лѣтъ послѣ поселенія на

Кубани. Тотъ же Россійскій завель при церквяхъ въ станицахъ нѣчто въ родѣ лѣтописныхъ сборниковъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ основъ, на коихъ зиждется нынѣшнее черноморцевъ.

Черноморское козачество, принесшее съ собою все развитіе бывшаго днѣпровскаго козачества, подѣ влияніемъ своего удаленнаго положенія отъ русскаго народа, географически съ нимъ разобщенное, въ виду грознаго врага, волей неволей должно было сплотиться въ одну тѣсную семью, съ замѣтно развитымъ чувствомъ единенія, особенно въ первые опасные годы своего существованія.

Съ днѣпровскихъ же береговъ занесли казаки обычай, если такъ можно выразиться, или умѣнье отдавать отчетъ себѣ и потомству во всемъ совершенномъ.

Кухаренко былъ ученикъ запорожской школы; его труды остались лучшимъ памятникомъ быта въ первое время житья на Кубани. За нимъ, по важности историческихъ данныхъ, стоялъ до сихъ поръ Короленко; третьимъ черноморскимъ писателемъ былъ высокообразованный ученикъ новой школы, Попка; его трудъ носить болѣе беллетристическій характеръ; но по теплотѣ чувства, образности разсказа онъ просто неподражаемъ!—Въ послѣднее время особенно выдается своею дѣятельностью Фелпцынъ; его дѣятельность больше издательская; потомство оцѣнитъ его добросовѣстность, энергію и неподражаемую любовь къ своему дѣлу. Наконецъ въ среду поименованныхъ писателей теперь долженъ вступить еще Туренко, трудъ котораго, проблуждавъ по бѣлу свѣту 48 лѣтъ, теперь находитъ себѣ мѣсто въ печати. Туренко будетъ лучшимъ дополнителемъ сочиненія Короленка. Его трудъ носить чисто лѣтописный характеръ. Конечно, если говорить подробно, то можно бы было найти въ немъ много недомолвокъ, компромиссовъ, подѣ-часъ странностей; но, смотря на произведеніе его, какъ на историческій матеріалъ, мы всегда вынесемъ изъ чтенія его глубокую благодарность автору за его сообщенія. Нѣкоторые взгляды автора, тамъ, гдѣ онъ выходитъ изъ лѣтописной колеи, объясняются хорошо положеніемъ его и обстоятельствами; такъ онъ, приступивъ къ труду, пишетъ вообще о козачествѣ, при чемъ повторяетъ общее кодячее мнѣніе о немъ: въ началѣ онъ какъ-бы строгій критикъ козачества— оно у него не симпатично, разбойничаетъ, грабитъ и болѣе ничего; но вскорѣ за тѣмъ казаки—доблестные, храбрые и войско запорожское—«славное», и самъ Потемкинъ-Таврическій «подѣ своимъ начальствомъ желалъ имѣть сихъ храбрыхъ воиновъ».

Не забудемъ, что Туренко написалъ свой трудъ въ 1838 году или нѣсколько ранѣе. Вниманія заслуживаютъ также собственноручныя его замѣчанія въ концѣ труда, гдѣ имѣются извѣстія, не передаваемыя нигдѣ въ другихъ сочиненіяхъ и почерпнутыя авторомъ изъ разсказовъ своихъ сослуживцевъ-односумовъ. Такимъ образомъ историческая черноморская литература пополняется еще однимъ значительнымъ трудомъ, притомъ выходящимъ въ то время, когда войско, о которомъ онъ повѣствуетъ, можетъ закончить сто лѣтъ своего существованія и теперь въ спокойныя минуты помянуть всѣ буря и несчатья, коими полна каждая страница лѣтописи Туренка.

Происхожденіе козаковъ, обитавшихъ за днѣпровскими порогами, покрыто неизвѣстностью. Ученые писатели, основываясь на догадкахъ весьма темныхъ, полагаютъ достовѣрнѣйшимъ появленіе ихъ въ сихъ мѣстахъ около XV вѣка. Возникшіе во время войнъ сосѣдственныхъ государствъ запорожцы никогда не составляли народа отдѣльнаго; но число ихъ непрерывно увеличивалось выходцами изъ Россіи, Польши, Молдавіи, Валахін, Булгаріи, отъ татаръ и даже отъ европейскихъ державъ. Не имѣя никакого постояннаго учрежденія, они раздѣлялись на женатыхъ и холостыхъ: женатые поселились между Днѣпромъ и Бугомъ, а холостые на Хортицкомъ островѣ устроили первоначально свою Сѣчь ¹⁾, которую въ послѣдствіи времени,

¹⁾ Сѣчь запорожскихъ козаковъ подробно описываетъ г. Бантышъ-Каменскій въ своей Исторіи Малой Россіи, во 2 части, главѣ 25. Изъ дѣлъ же войсковаго архива видно, что Сѣчь Запорожская, или главный кошъ (станъ) козаковъ имѣлъ, кромѣ жилищъ жителей, постоянно въ ономъ обитавшихъ, еще 38 куреней (домовъ), кои занимали козаки, избранные на службу изъ куренныхъ слободъ и что куренные атаманы и каждый курень носилъ имя той слободы, атаманъ которой въ немъ жилъ. Все войско запорожское было поселено въ 38 куренныхъ слободахъ и прилежающихъ къ онымъ хуторамъ, по стени раздѣльныхъ, которыя получали названіе или отъ строителя, или отъ отчества перваго основателя онаго, или отъ верховнаго главы Сѣчи. Всѣ эти курени составляли Сѣчь. Начальникомъ Сѣчи былъ кошевой атаманъ, избираемый голосомъ старшинъ и народа, а въ помощники ему избирались изъ опытнѣйшихъ и грамотнѣйшихъ войсковый судья и войсковый писарь, и сіи три лица составляли правленіе запорожцевъ. Курени раздѣлялись на двое. Въ однихъ, по слободамъ и хуторамъ, жили козаки семейные, хозяева погоявцые, въ другихъ же бездомки (въ малороссійскомъ нарѣчій *сиромы*, т. е. холостые), которые вели жизнь оди-

смотря по обстоятельствамъ, произвольно перемѣняли. Никому не подвластные, они вели жизнь дикую, воинственную, свободно избирая атамановъ. Запорожцы, подъ предводительствомъ ихъ, сражались противу поляковъ, турокъ, татаръ, нападали даже на російскія владѣнія; вездѣ грабили, опустошали, уводили въ плѣнъ мирныхъ жителей и жестокими разбоями сдѣлались страшны для своихъ сосѣдей.

По присоединеніи къ Россіи всей Малороссійской Украинны (1653-го) государи російскіе старались всѣми средствами покорить ей мужественный народъ своему единодержавію. Неоднократно послы царскіе успѣвали исторгать у запорожцевъ клятву быть вѣрноподданными Россіи; но своевольные, мятежные, не долго сохраняли оную, снова буйствовали, снова занимались разбоями, набѣгами и не было возможности обуздать ихъ дикую волю. Наконецъ императрица Екатерина II рѣшилась покорить ихъ силою оружія и—счастливо исполнила. Въ 1775 году она повелѣла генераль-поручику Текелію занять ихъ Сѣчь многочисленными регулярными войсками и манифестомъ 3-го августа того года совершенно уничтожила оную.

Бывшимъ въ Сѣчи старшинамъ ¹⁾ запорожскимъ даны чины армейскіе и право избирать родъ службы, какой пожелаютъ; козаки служащіе, смотря по способностямъ, распределены въ регулярные полки, жители же селеній и хуторовъ обра-

покою и занимались болѣе грабежами, разбоями въ земляхъ имъ сосѣдственныхъ; во время войнъ между окружавшими ихъ царствами, они, собираясь шайками, нанимались служить тому, кто болѣе давалъ денегъ, или гдѣ надѣялись получить болѣе добычи. При такихъ своевольныхъ собраніяхъ бездомки выбирали себѣ въ предводители ватажка (атамана) изъ самыхъ отважнѣйшихъ.

¹⁾ Въ старшины запорожскіе назначались козаки испытанные въ храбрости, благоразумнѣйшіе; имъ въ военное время поручались въ командованіе отдѣльныя части козаковъ до 1,000 человекъ и болѣе, и тогда они назывались полковниками, въ мирное же время они употребляемы были отъ Коша по дѣламъ внутренняго управленія запорожцевъ. Но по возвращеніи въ дома свои они обращались въ прежнее состояніе, пользуясь однакожь всеобщимъ уваженіемъ и званіемъ товарищей. (Изъ дѣлъ войскового архива).

щены въ подушной окладъ и наименованы казенными носелянами. ¹⁾).

Такъ уничтожилось славное нѣкогда войско запорожское— и казалось, что съ сего времени самое имя запорожцевъ должно было совершенно уже исчезнуть. Но въ послѣдствіи политическія обстоятельства Россіи подали надежду запорожскимъ старшинамъ: Сидору Бѣлому, Захарію Чепѣгѣ, Антону Головатому ²⁾, и многимъ другимъ вновь возстановить войско; а путешествіе императрицы, весною 1787 года, въ южную Малороссію благопріятствовало имъ и ускорило исполненіе ихъ надеждъ.

Война съ Портою Оттоманскою, тогда открывшаяся, была причиною, что князь Потемкинъ-Таврическій,—сильный въ то время вельможа, не только не препятствовалъ старшинамъ запорожскимъ ходатайствовать о возстановленіи войска на прежнихъ правахъ, но напротивъ содѣйствовалъ имъ совѣтами и предстательствомъ своимъ у императрицы; ибо, зная изъ опытовъ, какъ запорожскіе козаки были полезны своимъ отчаяннымъ мужествомъ и вѣрною службою въ недавно минувшую войну съ турками, подъ командою фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, онъ и подъ своимъ начальствомъ желалъ имѣть сихъ храбрыхъ вонновъ.

Въ Кременчугѣ старшины запорожскіе подали императрицѣ прошеніе; ся величество, принявъ оное милостиво, благоволила утвердить возстановленіе войска, давъ о томъ именной указъ 3-го іюля того года и назначивъ для ихъ поселенія землю между рѣкъ Днѣстра и Буга. Въ слѣдующемъ же 1788 году указомъ 14 генваря опредѣлила, вмѣсто назначаемой земли, по-

¹⁾ По уничтоженіи и Сѣчи запорожской обращены въ казенные поселяне одни семейные козаки и весьма малая часть бездомковъ; всѣ же прочіе бездомки, не желая утратить своей дикой вольности, бѣжали въ Турцію.

²⁾ Старшины запорожскіе, по уничтоженіи Сѣчи, служили по дворянскимъ выборамъ съ чинами армейскими: Бѣлый, секундъ-маіоръ, екатеринославскимъ дворянскимъ предводителемъ; Головатый, секундъ-маіоръ, также капитаномъ-исправникомъ въ Новомосковскѣ, а Чепѣга капитаномъ жилъ въ отставкѣ. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

селить сіе вновь составленное войско запорожское въ Керченскомъ кутѣ или на Тамани ¹⁾).

При открытіи войны съ Турціею 1787 года запорожскіе козаки, подъ предводительствомъ своего кошевого атамана Сидора Бѣлаго ²⁾, собирались и выступили въ составъ дѣйствовавшей арміи. Они раздѣлились на двѣ части: одна, подъ начальствомъ Чепѣги, дѣйствовала на сухомъ пути, а съ другою самъ кошевый на лодкахъ присоединился къ главному флоту ³⁾. Въ продолженіи войны, возобновленные запорожцы своими мужественными подвигами старались оправдать высочайшую къ нимъ милость императрицы и покровительство знаменитаго ея полководца, и—оправдали. Ибо кромѣ наградъ излитыхъ монархинею и прочими военачальниками на старшинъ, чиновниковъ и козаковъ, кромѣ всѣхъ отличій, заслуженныхъ войскомъ на незабвенныхъ штурмахъ Очакова и Измаила, они въ сію войну взятіемъ острова Березани ⁴⁾ своею ничтожною гребною флотиліею показали искусство и способность дѣйствовать не на одномъ только сухомъ пути, но и на морѣ, за что приобрѣли имя вѣрныхъ черноморцевъ ⁵⁾, которое сохранили до сего времени.

¹⁾ Во время войны Россіи съ Портою Оттоманскою, по завоеваніи Бессарабин, вновь составленному войску запорожскому государыня Екатерина II повелѣла первоначально селиться между Бугомъ и Днѣстромъ, по берегу Чернаго моря, до бендерской дороги. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

²⁾ Первымъ кошевымъ атаманомъ назначенъ былъ, съ производствомъ въ подполковники, Сидоръ Бѣлый, войсковымъ судьей подполковникъ Головатый и войсковымъ писаремъ старшина Подлисецкій. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

³⁾ Первую часть собраннаго войска составляла конница, въ которую явились старшины Запорожья: Алексѣй Высочинъ, Иванъ Шамъ, Лукьянъ Тиховскій и Семень Письменный; а вторую пѣхота, назначенная для флотиліи, гдѣ были старшинами: Иванъ Курлянский, Мукій Гуликъ, Иванъ Порожня, Константинъ Кордовскій, Савва Бѣлый, Иванъ Чернышевъ, Давидъ Бѣлый и Лѣвъ Мокрый. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

⁴⁾ Островъ Березань и на ономъ турецкая крѣпость была взята запорожцами подъ предводительствомъ судьи Головатаго 7 ноября 1788 года. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

⁵⁾ Названіе *отрныкъ* черноморцы получили 3 генваря 1786 г., что видно изъ высочайшихъ рескриптовъ, грамотъ и ордеровъ князя Потемкина, хранящихся въ войсковомъ архивѣ.

Война съ Турцією кончилась со славою для Россіи, но съ окончаніемъ оной не стало войсковаго гетмана и покровителя черноморцевъ, князя Потемкина-Таврическаго ¹⁾). Горестна была возстановленному его ходатайствомъ войску такая потеря! Оно, не имѣя еще никакихъ положительныхъ правилъ къ своему существованію, весьма могло опасаться прежняго уничтоженія, тѣмъ болѣе, что по окончаніи войны оно сдѣлалось ненужнымъ. Однако вѣрная полезная служба Россіи, оказанная сими остатками запорожцевъ, обратила на нихъ особенное вниманіе государыни, и Великая, желая достаточно наградить сихъ вѣрныхъ слугъ, 30-го іюля 1792 года соизволила вручить посланному отъ войска въ Санктъ-Петербургъ съ просьбою депутату, войсковому судѣѣ полковнику Головатому ²⁾ высочайшую мило-

¹⁾ 1790 г. генваря 10, князь Потемкинъ-Таврическій возведенъ государыней императрицей въ званіе великаго гетмана екатеринославскихъ и черноморскихъ козачьихъ войскъ; но еще и до сего возведенія въ гетманы, Потемкинъ, любя запорожцевъ и желая поощрить ихъ къ службѣ, добровольно записался въ ихъ войско козакомъ, подъ именемъ *Грицька Нечосы*. Грицько—Григорій, а Нечоса, потому, что князь послѣ волосы непричесанными и потому, что въ Запорожьѣ было обыкновеніе переименовывать настоящее прозваніе соответственно качеству человѣка. Состоя по списку въ куренѣ васюринскомъ, Потемкинъ платилъ въ оный ежегодно жалованье на одного козака, который несъ за него на равнѣ съ прочими службу. Кромѣ сего, по примѣру князя, записались въ войско и другіе знатные чиновники, коимъ выданы тогда же отъ Коша аттестаты, а именно:

1-й двора ея императорскаго величества оберъ-шталмейстеру и кавалеру Льву Нарышкину, № 818.

2-й бригадиру Василию Голицыну, № 815.

3-й дивизионъ-квартирмейстеру Егору Маклашевскому, № 822.

4-й надворному совѣтнику Федору Квѣткѣ, № 817.

5-й капитану Іліи Квѣткѣ, № 819.

6-й прапорщику Лисовицкому, № 820.

и 7-й полковнику Михайлѣ Горновскому, № 816.

²⁾ Когда умеръ князь Потемкинъ, то съ смертію его пріостановилось какъ сформированіе, такъ и предположенное поселеніе между Днѣстромъ и Бугомъ нынѣшняго войска, такъ какъ всѣ дѣла были у одного князя-Потемкина, въ Санктпетербургѣ же мало кому извѣстно было о семъ войскѣ.

Войско отправило въ С.-Петербургъ депутатомъ полковника Головатаго для испрошенія войску утвердительныхъ грамотъ и опредѣлительнаго мѣсто-подворенія. Головатый, ходя отъ министра къ министру и не получая ничего удовлетворительнаго, по веселонаправію своему, будучи одаренъ природнымъ

стивую грамоту ¹⁾ слѣдующаго содержанія:

«Божію милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская».

«Вѣрнаго нашего войска черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему войску нашего императорскаго величества милостивое слово:

«Усердная и ревностная войска черноморскаго намъ служба, доказанная, въ теченіи благополучно оконченной съ Портою Оттоманскою войны, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе, отъ самаго того времени, какъ сіе войско по волѣ нашей покойнымъ генераломъ-фельдмаршаломъ Потемкинымъ-Таврическимъ учреждено, приобрѣло особенное наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ войска черноморскаго учрежденіемъ всегдашняго ихъ благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе состоящей въ области таврической островъ Фанагорію со всею землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани отъ устья ея къ устью Лабинскому и Редуту, такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ

умомъ и дальнеидностію, рѣчиствъ, смѣлъ и храбръ, проводилъ время болѣе въ остроумныхъ шуткахъ... Наконецъ предсталъ внезапно предъ государыню императрицу въ Лѣтнемъ саду, весь въ красномъ запорожскомъ платьѣ, вооруженный двумя пистолетами съ лядункою и саблею, облитымъ серебромъ и золотомъ, и съ обритою головою, упалъ на колѣни и съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнулъ: „Стой Мать!“ Потомъ съ душевнымъ благоговѣніемъ и слезами, наворачившимися на глаза, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Жизнедательнымъ державнаго велѣнія твоего словомъ перерожденный изъ неплотнаго бытія, вѣрный черноморскій Кошъ приѣмлетъ нынѣ дерзновеніе вознести благодарный гласъ свой святѣйшему величеству твоему и купно изглаголати благодарность сердець его. Прійми оную, яко едино къ тебѣ сохранныю, и буди намъ прибѣжище, покровъ, радованіе,—тай годи!“

Освѣдомившись отъ Головатаго лично обо всемъ, касающемся до войска, государыня императрица повелѣтъ сонзволала: „сдѣлать докладъ“.

(Слов. преданіе генерала Бурсака).

¹⁾ Выѣстѣ съ грамотами, императрица пожаловала войску серебрянное вызолоченное блюдо съ таковою же солонкою, хлѣбомъ и солью; большое бѣлое знамя, серебрянныя литавры, двѣ серебрянныя трубы и для церквы святыи потиръ со всѣмъ приборомъ, суто-вызолоченныя газетныя ризы со стихаремъ и со всѣмъ облаченіемъ. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

другой-же Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли, съ прочихъ-же сторонъ разграниченіе указали мы сдѣлать генераль-губернатору кавказскому и губернаторамъ екатеринославскому и таврическому чрезъ землемѣровъ, обще съ депутатами отъ войска донскаго и черноморскаго.

«Всѣ состоящія на помянутой нами пожалованной землѣ всякаго рода угодыя, на водахъ-же рыбныя ловли, остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска черноморскаго, исключая только мѣсть для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой при рѣкѣ Кубани съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которыя для вящшей войску и особливо на случай военной безопасности сооружены быть имѣють.

Войску черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

На производство жалованья кошевому атаману съ войсковыми старшинами, по положенной росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и на прочіе нужные по войску расходы повелѣли мы отпускать изъ казны нашей по двадцати тысячъ рублей въ годъ.

Желаемъ мы, чтобъ земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными отъ насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы предоставляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ, но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ для осужденія по законамъ отсылать къ губернатору таврическому.

Мы всемилостивѣйше позволяемъ войску черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ.

Всемилоствѣйше жалуемъ войску черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая такъ же употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя оному отъ покойнаго генерала фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго по волѣ нашей оставлены.

Губернатору таврическому указали мы доставлять войску черноморскому всѣ исходящія отъ насъ узаконенія, предлагать оному о нарядахъ на службу по назначенію военнаго начальства и

преподавать всѣ нужныя способствованія, а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія въ теченіи двухъ недѣль могутъ приключиться, для донесенія намъ.

Мы надѣемся, что войско черноморское, соотвѣтствуя монаршему нашему о немъ попеченію, потщится не только бдигельнымъ охраненіемъ границъ соблюсти имя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрное употребитъ стараніе заслужить названіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ внутреннимъ благоустройствомъ, трудолюбіемъ и распространеніемъ семейственнаго житія.

Дано въ Царскомъ Селѣ іюня 30 дня лѣта отъ рожденія Христова 1792, а государствованія нашего тридцать перваго.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатери́на.

РОСПИСЬ

жалованью ежегодному, полагаемому на войско черноморское козачье:

	Рублей
Кошевому атаману	1000
Войсковому судьи	800
Войсковому писарю	500
Войсковому есаулу	500
Протопопу	200
Попу	100
Діакону	80
На причетъ церковный	120
Куреннымъ атаманамъ каждому по 40 рублей	1600
Пушкарю и довыбу по 40 рублей.	80
Итого	4,980

Содержаніе артиллеріи и жалованья козакамъ, въ дѣйствительной службѣ находящимся, и на всѣ прочіе, по рассмотрѣнію войсковаго правительства, расходы

15,020

Всего 20,000

Войсковымъ старшинамъ, или полковникамъ, когда они виѣдѣнія войска черноморскаго на службу отряжены, каждому производить въ годъ по сту рублей.

Сотникамъ, есауламъ, квартирмистрамъ и прочимъ полковымъ старшинамъ, когда они на службу наряжены внѣ предѣловъ войска черноморскаго, каждому по пятидесяти рублевъ.

Козакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войсковые, производить жалованья въ годъ по двѣнадцати рублевъ и провіантъ указной, а коннымъ и фуражъ.

На подлѣнномъ подписано тако: Екатери́на.

Въ Царскомъ Селѣ іюня 30 дня 1792 года.

Въ слѣдующій день, т. е. 1-го іюля получилъ Головатый вторую грамоту:

Божію милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская.

Вѣрнаго нашего войска черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему войску нашего императорскаго величества милостивое слово.

Разсмотрѣвъ всеподданнѣйшія представленія, вступившія къ намъ отъ войска черноморскаго и отъ присланнаго отъ онаго войскаго судьи Головатаго съ прочими депутатами и удовлетворяя прошеніямъ, съ справедливостію согласнымъ, всемилостивѣйше мы повелѣли:

Первое. Губернатору таврическому имѣть попеченіе объ отысканіи и доставленіи старшинамъ и козакамъ войска черноморскаго справедливо и законно принадлежащаго имъ имѣнія, буде гдѣ оное въ прежнихъ ихъ жилищахъ задержано; равнымъ образомъ истребовать ему для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и козаковъ съ ихъ имуществомъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и Запорожьѣ и по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются тамъ противу воли ихъ, для чего отъ войска черноморскаго и нужно доставленіе къ губернатору таврическому имяннаго всѣхъ оныхъ списка, съ означеніемъ мѣстъ ихъ пребыванія.

Второе. На снабженіе переселяющихся въ новопожалованныя войску черноморскому въ Фанагорійскомъ уѣздѣ земли неимущихъ козаковъ, особливо вдовъ съ дѣтьми, потерявшихъ мужей своихъ на сраженіяхъ, отпустить тридцать тысячъ рублевъ.

Третье. Всѣхъ военно-служащихъ козаковъ въ новомъ ихъ поселеніи довольствовать пропитаніемъ по сентябрь мѣсяць будущато тысяча семь сотъ девяносто третьяго года.

Четвертое. Всѣмъ переселяющимся изъ новопріобрѣтенной между Днѣстра и Буга области въ Фанагорійскій уѣздъ старшинамъ и козакамъ дозволить продавать построенныя ими въ той области дома и прочія строенія и въ томъ имъ всякое способствованіе преподавать.

Пятое. При семъ переходѣ войска черноморскаго изъ состоящихъ на пути магазейновъ довольствоваться оное провіантомъ и въ переправахъ чрезъ рѣки всевозможное вспоможеніе чинить, въ отвѣтствіе чего и войско черноморское, во время прохода, да сохранить строгую дисциплину и да возбранить у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ російскихъ, какъ тогда, такъ и впредь, по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ, къ оному являющихся.

Шестое. Что касается до пожалованныхъ отъ покойнаго генерала фельдмаршала князя Потемкина - Таврическаго по сему войску въ штабъ и оберъ офицерскіе чины старшинъ, онымъ о выдачи патентовъ указали мы нашей военной коллегіи. Мы надѣемся, что войско черноморское, монаршею нашею милостію изысканное, употребить усильнѣйшее стараніе о скорѣйшемъ переселеніи своемъ на земли всемилостивѣйше ему отъ насъ пожалованныя и всемѣрно потщится ревностною и усердною службою учинить себя и въпредь достойнымъ нашего благоволенія. Дана въ Царскомъ Селѣ, іюля 1 дня, 1792 года.

На подлинномъ подписано тако: Екатерина.

Въ августѣ мѣсяцѣ войсковый судья Головатый прибылъ изъ С.-Петербурга къ войску съ сими грамотами и былъ принятъ счастливыми козаками, какъ радостный вѣстникъ милостей царицы матери ¹⁾.

¹⁾ Прибытіе Головатаго къ войску съ высочайшими грамотами было радостнѣйшимъ днемъ для всѣхъ запорожцевъ, днемъ новаго ихъ бытія и принятіе грамотъ въ Кошѣ ознаменовалось торжествомъ великолѣпнѣйшимъ. Пѣли благодарственные молебни Господу и молились о здравіи царицы матери; стрѣляли изъ пушекъ и ружей; давали пиры и, поздравляя другъ друга съ высокомонаршими милостями, знаки нелицемѣрной радости своею изъявляли пѣніемъ пѣсней, ими тогда же сложенной отъ полноты сердечныхъ чувствъ:

Ой годи намъ журитися, пора перестати;

Диждалися одъ царици за службу заплаты.

Дала хлибъ-силъ и грамоты за вирніи службы.

Отъ теперъ мы, миле братье, забудемъ вси нужды!

Но еще до получения грамотъ кошевый атаманъ Захарій Чепѣга отправилъ Чернымъ моремъ, подъ начальствомъ бригады Пустошкина, премьеръ-майора Савву Бѣлаго съ 4,000 старшинъ и козаковъ къ острову Фанагорійскому, на 51 лодѣ, для обозрѣнія и занятія высочайше дарованной земли. 21 августа Бѣлый прибылъ къ острову Фанагоріи. Онъ тогда же по распоряженію Пустошкина отрядилъ полковника, армія поручика Чернышева съ старшинами и козаками на 20-ти лодкахъ къ устью Кубани въ лиманы Кизильтажскій и Сукоровъ для наблюденія надъ черкесами и для сохраненія рыбныхъ ловлей. Сія часть флотиліи осталась тамъ зимовать, остальная же расположилась у крѣпости Фанагоріи, занималась перевозкою изъ Керчь-Еникаля провіанта и другихъ матеріаловъ, отпускаемыхъ по волѣ начальства на постройку куреней для козаковъ.

Въ слѣдъ за ними полковникъ Кордовскій съ двумя пѣшими полками и частію семействъ прибылъ сухимъ путемъ на сію землю и, ставъ при старомъ Темрюкѣ, учредилъ наблюдательный постъ и устроилъ курени на зиму.

Сентября же 3-го, кошевой атаманъ бригадиръ Чепѣга съ войсковымъ писаремъ Котляревскимъ, полковниками, старшинами и 300 конными козаками, по высочайшему повелѣнію, выступилъ отъ Днѣстра, оставя тамъ начальникомъ надъ поселенными семействами старшинъ и козаковъ войскового судью Головатого и перейдя рѣку Ею октября 24, остановился для зимовки на Ейской косѣ. Построивъ наскоро кое-какія землянки, установивъ церковь въ бывшемъ тамъ ханскомъ домѣ, онъ занялся учрежденіемъ отводныхъ карауловъ по рѣкѣ Чалбасахъ для

Въ Тамани жить, вирно служить, гряницю держати,
 Рыбу ловить, горилку цить, ще ѿ будемъ багати.
 Да ще-жь треба жовитися и хлиба робити,
 А хто приїде къ намъ зъ невирныхъ,—якъ ворога бити.
 Слава Богу и царици и покій гетману,
 Заличили въ сердцахъ нашихъ великую рану!
 Дякуймо-жь царици, молимося Богу,
 Що вона намъ показала на Тамань дорогу.

наблюденія надъ запорожцами, проживавшими по временамъ на сей землѣ для звѣриной охоты и рыбной ловли. Ему сопутствовалъ іеромонахъ Теофанъ.

Такимъ образомъ первоначально была занимаема высочайше пожалованная земля черноморскимъ войскомъ и взяты мѣры предосторожности противъ закубанскихъ сосѣдей.

Бдительность черноморцевъ въ сію зиму была не бесполезна. Они успѣли истребить 14 черкесъ и до 10 некрасовцевъ, жившихъ на Каракубанскомъ островѣ и покушавшихся на воровство, одного же некрасовца, взятаго въ плѣнъ, отправили къ таврическому гражданскому губернатору Жигулинну. Съ нашей стороны въ сихъ первыхъ дѣйствіяхъ убитыхъ и раненыхъ не было, въ плѣнъ же захвачены хорунжій Безкровный и одинъ козакъ, которые въ скорости оттуда бѣжали.

Перезимовавъ на Ейской косѣ, кошевой атаманъ съ войсковымъ правительствомъ и конницею 10-го маія 1793 года выступилъ къ рѣкѣ Кубани и, прибывъ къ устью Лабы, явился къ бывшему тогда командиру кавказскаго корпуса генералъ-аншефу Гудовичу, отъ коего получа повелѣніе идти внизъ по теченію Кубани и за 7 верстъ отъ воронежскаго редута занимать границу бордонами, двинулся и разставилъ лично посты въ слѣдующемъ порядкѣ и разстояніи каждаго изъ бордоновъ отъ Усть-Лабы:

- 1) Противъ темиргайцевъ: воронежскій въ разстояніи 18 и константиновскій 9 верстъ.
- 2) Противъ чечней: Александринъ въ 7-ми, павловскій и велико-марьянскій въ 8-ми верстахъ.
- 3) Противъ пшедухи: екатеринодарскій въ 7 и александровскій въ 6 верстахъ.
- 4) Елинскій и марьяновскій въ 7-ми, ново-екатериновскій въ 10, ольгинскій и славянскій въ 7-ми и протоцкій въ 8-ми верстахъ и
- 5) Противъ натухайцевъ: копыльскій въ 2-хъ, петровскій въ 20-ти, андреевскій въ 19-ти, георгіевскій въ 22-хъ, фанаторійскій въ 12-ти верстахъ.

На каждомъ изъ сихъ постовъ кошевый опредѣлилъ имѣть по 100 козаковъ при исправныхъ чиновникахъ и раздѣливъ всю линію на двѣ части, ввѣрилъ начальство надъ оными двумя полковникамъ; полковъ еще не было. Бывшіе въ войскѣ бездомки (сѣромы), болѣе пріобыкшіе къ военнымъ трудамъ, презиравшіе самую жизнь, алкавшіе однихъ битвъ и добычи, отличнѣйшіе стрѣлки, занявъ первую цѣпь надъ самою Кубанью въ топкихъ гнилыхъ болотахъ, заросшихъ густыми, непроходимыми камышами, и упражняясь тамъ почти безвыходно звѣриною охотою, служили большою помощію кордонной стражѣ. Сип безстрашные воины названы пластунами¹⁾. Нося всегда одежду легкую, сходственную съ черкескою, они отличаются необыкновеннымъ проворствомъ, скоростію въ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Ружье и подсохъ²⁾ единственное ихъ вооруженіе, а искусство въ стрѣльбѣ составляетъ всю ихъ славу. Вѣрный глазъ и твердая рука пластуна всегда гибельны неприятелю. Находясь непрерывно на виду у горцевъ, они совершенно свыклись со всеми ихъ хитростями и уловками: скрытно наблюдая за всеми дѣйствіями неприятеля, они предъугадываютъ его намѣренія, быстро извѣщаютъ объ оныхъ кордоны и притаясь въ густотѣ камышей у самой переправы злодѣевъ, первые встрѣчаютъ ихъ своимъ губительнымъ ружейнымъ огнемъ. До сего времени пластуны служатъ вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ охраненіемъ границы черноморской отъ внезапныхъ вторженій неприятельскихъ.

Кошевый атаманъ, при занятія мѣста для кордоновъ, желая самъ имѣть бдительнѣйшее наблюденіе за спокойствіемъ границы, призналъ удобнѣйшимъ расположиться съ войсковымъ правительствомъ и остальною конницею при Кубави въ Карасунскомъ кутѣ и 10 іюня сталъ въ ономъ лагеремъ.

1) Названіе пластуновъ заимствовано отъ малороссійскаго глагола *пластать*, то есть бродить по грязи, по болоту; ибо они, съ малолѣтства пристращаясь къ охотѣ, проводятъ всю жизнь въ топкихъ мѣстахъ, заросшихъ непроходимымъ тростникомъ, гдѣ обитаютъ одни дикіе звѣри.

2) Родъ копыя, нѣсколько короче обыкновеннаго.

Въ слѣдъ за сими распоряженіями по границѣ учреждены паланки ¹⁾,—первая въ Тамани, куда полковникомъ назначень премьеръ-маіоръ Савва Бѣлый, а вторая на рѣкѣ Еѣ, въ карантинномъ строеніи, подъ управленіемъ полковника Семена Письменнаго, коему въ помощь опредѣлень есауломъ поручикъ Уманецъ, а писаремъ прапорщикъ Герченко; въ вѣдомство сей послѣдней поступили рыболовные промыслы на приморскихъ косахъ, Ейской, Долгой и Комышеватой. Для соблюденія же порядка въ управленіи и отклоненія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, сіи чиновники получили отъ войсковаго правительства надлежащія наставленія.

Между тѣмъ войсковой судья Головатый, въ февралѣ мѣсяцѣ, заботился о приготовленіи къ переселенію сюда оставшихся на прежихъ жилищахъ между рѣками Буга и Днѣстра штабъ и оберъ-офицеровъ, старшинъ, козаковъ и семействъ ихъ; ходатайствовалъ у генералъ аншефа графа Суворова Римникскаго, просилъ губернаторовъ: екатеринославскаго, херсонскаго и таврическаго о безпрепятственномъ слѣдованіи переселенцевъ; предписалъ полковнику Тиховскому, киѣвурской и березанской паланкамъ такъ же готовиться къ походу съ подвѣдомственными имъ жителями. 18 марта онъ отправилъ съ секундъ-маіоромъ Шулъгою и капитаномъ Григоревскимъ первую колонну козаковъ съ семействами и всѣмъ имуществомъ, велѣвъ имъ, при слѣдованіи по пути, который будетъ признанъ удобнѣйшимъ, руководствоваться высочайшими грамотами. Слѣдованіе прочихъ предположено въ 20 колоннахъ, чрезъ Бугъ на Соколы, а чрезъ Днѣпръ на Бериславль. Начальниками колоннъ были назначены: полковникъ Бѣлый, бунчуковые товарищи: секундъ-маіоръ Бурносъ, капитанъ Танскій, Лисица, поручики: Мален-

¹⁾ Паланками назывались въ Запорожьѣ пограничные укрѣпленные посты, а послѣ нынѣшніе окружныя или земскія управленія.

скій, Дрига, Никипольскій, Брунько, Миргородскій, Куцкій, Иваненко, Верисъ, Сташковъ, Малый; поручики: Томначевскій, Семенко; прапорщики: Лозовый, Голубицкій, Щербина и полковый хорунжій Мазуренко. Колонны сіи разновременно приходили на эту землю и заселяли оную. Юля же 15-го и самъ войсковый судья съ остальнымъ войскомъ и всѣми тяжестями выступилъ отъ Днѣстра къ Фанагоріи и прибылъ въ оную 15-го августа. Его сопровождалъ войсковый протоіерей Романъ Порожня.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего кошевый атаманъ съ войсковымъ правительствомъ, войсковые старшины и атаманы, собравшись общимъ совѣтомъ, положили: въ воспоминаіе славнаго имени великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, матери благодѣтельницы войска, въ Карасунскомъ кутѣ противъ дубравы, называемой *Круликъ*, построить главный войсковый городъ *Екатеринодаръ*¹⁾ и въ немъ быть войсковому правительству и сорока куренямъ²⁾. По границѣ же, для скорѣйшаго снисканія съ закубанскими народами сосѣдственной дружбы и для прекращенія имъ свободной переправы чрезъ Кубань, устроить при кордонахъ военныя селенія и дать имъ названіе куреней по примѣру бывшихъ нѣкогда въ Сѣчи Запорожской, что тогда же исполнилось въ слѣдующемъ порядкѣ:

Поселено при кордонахъ жителей:

1) Планъ города былъ сдѣланъ присланнымъ отъ губернатора Жигулина инженеръ-прапорщикомъ Гетмановымъ.

2) Въ городѣ, по примѣру запорожскаго Коша, были устроены 40 куреней (домовъ) для жительства куренныхъ атамановъ и козаковъ, служащихъ и бездомовыхъ.

	Число дворовъ.	Число душъ.	
		Мужеска пола.	Женска пола.
Воронежскомъ	250	685	546
Константиновскомъ	195	480	406
Александровскомъ	107	316	269
Павловскомъ	109	320	275
Великомарьянскомъ	289	768	646
Въ городѣ Екатеринодарѣ	365	916	769
Александровскомъ	50	132	116
Елнскомъ	47	119	91
Елисаветинскомъ	39	93	62
Марьянскомъ	125	306	221
Ново-Екатериновскомъ	226	630	597
Ольгинскомъ	39	95	70
Славянскомъ	54	129	98
Протоцкомъ	43	97	81
Копыльскомъ	76	211	173
Петровскомъ	65	175	116
Андреевскомъ	77	184	110
Григорьевскомъ	112	313	267
Платоногорскомъ	119	350	293
Фанагорійскомъ	34	91	59
При рѣкѣ Еи у сладкаго лимана	95	300	259
При горькомъ Бурлацкомъ броду	115	362	271
У колодцевъ выше устья Сасыкъ-Еи	39	64	78
При устьи Кугу-Еи	57	161	102
Итого	2727	7308	5975

Сверхъ сего въ фанагорійскомъ округѣ построенъ городъ Тамань, въ коемъ поселено въ 129 дворахъ мужеска пола 516, женска 480 душъ. Но со стороны кавказскаго намѣстничества селеній вовсе не было, только старшины и козаки заводили тамъ хутора.

Приходившіе въ послѣдствіи времени изъ прежнихъ своихъ мѣсть старшины и козаки расселялись войсковымъ правительствомъ

симъ куренямъ, согласно желанію каждаго, и кромѣ того заводились новые курени, смотря по необходимости. Между тѣмъ войско просило позволенія строить храмы Божіе и назначенія въ оныя священниковъ и церковнослужителей. Государыня императрица соизволила 2-го генваря 1794 г. повелѣть святѣйшему синоду такую просьбу удовлетворить. Маія 1-го войсковые старшины, полковники, бунчуковые товарищи и атаманы, вникая въ положеніе престарѣлыхъ, раненыхъ въ сраженіяхъ и увѣчныхъ старшинъ и козаковъ, кои желали бы окончить жизнь на заслуженной ими землѣ при церквѣ Божіей, а нѣкоторые и поступить въ монашескій чинъ для своего успокоенія и пропитанія, согласились испросить разрѣшеніе у святѣйшаго правительствующаго синода построить на войсковой землѣ монашескую пустынь. Сіе было разрѣшено и первымъ архимандритомъ черноморской екатерино-лебежской пустыни поставленъ синодомъ іеромонахъ Теофанъ.

13-го іюля войсковый судья Головатый, по ревности къ православію, желая на собственной щетъ построить въ Тамани церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, представилъ планъ оной преосвященному Іову, епископу еодосійскому и маріупольскому и просилъ разрѣшенія на постройку. Преосвященный утвердилъ планъ и поставилъ туда священникомъ козака Павла Демешка.

Въ такомъ порядкѣ съ іюня 1792 года по 1794 г. до 25 тысячъ старшинъ и козаковъ, оставшихся отъ сильнаго нѣкогда войска запорожскаго, съ женами и дѣтьми переходили на сію землю и селились, сообразуясь съ обычаями своихъ предковъ, на виду у неприятеля, дабы безпрестанно имѣть надъ нимъ наблюденіе и удобнѣе предупредить всякое его злонамѣреніе.

Внутреннее управленіе и устройство сей горсти черноморцевъ остановилось въ то время на нуждахъ цѣлаго сословія и каждаго козака порознь. Старшины и старики въ общемъ совѣтѣ обдумывали средства къ улучшенію благосостоянія всѣхъ, а кошевый атаманъ своимъ рѣшеніемъ утверждалъ ихъ благія

предположенія и только въ случаяхъ важныхъ испрашивалъ разрѣшенія у начальства высшаго. Перемяна такового управленія сдѣлана правительствомъ уже въ послѣдствіи времени, о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, до того же черноморцы руководствовались одними только высочайшими грамотами, нѣкоторыми предписаніями начальства и правилами, собственно войсковымъ правительствомъ издаваемыми, какъ на примѣръ:

Вѣрнаго императорскаго войска черноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариству, полковымъ старшинамъ, курѣннымъ атаманамъ и всему войску.

Порядокъ общей пользы:

Божіимъ призрѣніемъ и всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, монаршимъ благоволеніемъ, блаженныя и вѣчно-достохвальныя памяти покойнымъ господиномъ генераль-фельдмаршаломъ, священныя римскія имперіи княземъ и великимъ гетманомъ, Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, при учрежденіи войска черноморскаго, мы, будучи избранными и утвержденными къ управленію имъ въ начальники, нынѣ вспоминая первобытное сего войска существованіе подъ названіемъ запорожцевъ и Божіимъ поущеніемъ онаго за разныя погрѣшности уничтоженіе, а потомъ неизреченною Его милостію и ея императорскаго величества матернимъ милосердіемъ, сверхъ заслугъ сего войска и нашихъ, нечаяннаго, новаго, почетнѣйшаго и полезнѣйшаго нынѣшняго состоянія сего войска и нашего учрежденія, съ утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія, къ благополучному пребыванію всемилостивѣйшее отъ ея императорскаго величества земли пожалованіе, по принесеніи Богу благодарственнаго моленія и ея императорскому величеству съ преданностію сердечной вѣрности благодаренія, постановляемъ отънынѣ на всегда: *первое*, по Божію и монаршему правосудію за достойное наказаніе въ страхъ и трепеть воображать, *а второе*, ощущая Божіе и монаршее благодѣяніе нынѣшнее на насъ и войско черноморское, яко неоцѣненный даръ свято почитать и сохранять, дабы сего войско не потеряло, по силѣ высочайшей ея императорскаго величества гра-

моты, въ 30-й день іюня 1792 года всемилостивѣйше войску жалованной, сообразуясь издавнаго отъ ея императорскаго величества учрежденія о управленіи губерній, устроить порядокъ нижеслѣдующій:

1-е. Да будетъ въ семь войскѣ войсковое правительство, на всегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи всероссійскихъ законовъ безъ и малѣйшей отмѣны, въ которомъ засѣдать должны: атаманъ кошевой, войсковый судья и войсковый писарь.

2-е. Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ, при рѣкѣ Кубани, въ Карасунскомъ кутѣ воздвигнуть градъ и, для вѣчнаго достопамятства нынѣшней жизнодательницы и благодѣтельницы нашей, всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, именовать его *Екатеринодаръ*.

3-е. По воинской дисциплинѣ, ради собранія войска, устроенія довлѣемаго порядка и прибѣжища бездомныхъ козаковъ, въ градѣ Екатеринодарѣ выстроить сорокъ куреней, подъ названіемъ симъ: Екатериновскій, Кисляковскій, Ивановскій, Конеловскій, Сергѣевскій, Динскій, Крылевскій, Каневскій, Батуринскій, Пошовичевскій, Васюринскій, Незамаивскій, Ирклевскій, Щербиновскій, Титоровскій, Шкуренскій, Коринивскій, Рогивскій, Корсунскій, Калниболотскій, Уманскій, Деревянковскій, Нижне-стеблевскій, Выше-стеблевскій, Джерелевскій, Переясловскій, Полтавскій, Мышастовскій, Минскій, Тymoшивскій, Величковскій, Леушковскій, Платиновскій, Дядьковскій, Брюховецкій, Ведмедовскій, Платнировскій, Пашковскій, Кушовскій и Березанскій, по плану, да и войско при границѣ поселить курѣнными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ.

4-е. Въ курени избирать атамановъ тѣхъ куреней войску изъ достойныхъ людей и перемѣнять ихъ другими каждаго года мѣсяца іюня 29 числа, то есть въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла и на вѣрность должности приводить ихъ къ присягѣ.

5-е. Курѣнные атаманы долженствуютъ въ куреняхъ безотлучное пребываніе всегда имѣя, по нарядамъ начальства на службу козаковъ чинить немедленное выстаченіе и случающіяся между ку-

рѣнными людьми маловажныя ссоры и драки разбирать голословно и примирять, съ доставленіемъ обиженной сторонѣ справедливаго удовольствія, а за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству.

6-е. Всѣ обрѣтающіеся у войска старшины безъ должности, какого-бы ранга ни были, и козаки, состоя подъ управленіемъ своего куреня, да повинуются атаману и товариству; напротивъ того и атаманы съ товариствомъ, отдавая заслугамъ справедливую признательность старшинъ и козаковъ, въ недавно кончившуюся турецкую войну за вѣру и отечество всероссійскаго престола, дѣйствительно лично служившихъ и кровь проливавшихъ, съ уваженіемъ пристойнымъ образомъ да почитаютъ.

7-е. Для заведенія и утвержденія во всей войсковой земли, къ долгоденственному спокойствію, благоустройнаго порядка, раздѣлить войсковую землю на пять округовъ и завести окружныя начальства, подъ названіемъ таковымъ: *первое*, при рѣкѣ Кубани между козачьимъ Еркою и Усть-лабинскою крѣпостію въ городѣ Екатеринодарѣ, *Екатеринодарское*; *второе* отъ Чернаго моря до Чернаго Ерка на Фанагорійскомъ островѣ, въ называемой Тамани, *Фанагорійское*; *третье*, отъ Ачуева вверхъ по Азовскому морю до рѣчки Чалбасъ, съ лѣвой стороны теченія рѣки Бейсуга, при устьѣ его, *Бейсугское*; *четвертое* отъ рѣки Чалбасъ до рѣки Еи при устьѣ ея, *Еійское* и *пятое* при границѣ отъ стороны Кавказскаго Намѣстничества, по размежеваніи земель, гдѣ засposобнѣ будетъ, *Григорьевское*.

8-е. Для управленія округами въ окружныя правленія опредѣлить по одному полковнику, писарю, асаулу и хорунжему и, на должность приведа къ присягѣ, велѣть имъ, исключая І-ю Екатеринодарскую округу, въ послѣднихъ четырехъ округахъ выстроить окружныя города, яко то: *Фанагорію*, *Бейсугъ*, *Еійской* и *Григорьевской*, а села всѣмъ поселить въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ назначено будетъ, переселяющимися изъ разныхъ мѣстъ сего войска людьми, и для печатанія при правленіяхъ письменныхъ дѣлъ подѣлать окружныя печати за гербами, по приличію округовъ собственными, яко то: на Екатеринодарской, такъ какъ на границѣ противу врага имени христіанскаго, козакъ водрузившій ратище въ землю и приложя къ нему, во мѣсто присѣшекъ, ружье, держа

лѣвою рукою ратище и ружье, а другою прикладъ, врага стрѣляющей; на Фанагорійской—по морю плавающая лодка, со всѣмъ воинскимъ приборомъ; на Бейсугской рыба; на Ейской козакъ, на границѣ единовѣрныхъ съ ружьемъ на караулѣ стоящій, а на Григорьевской, отъ пустаго степу, такъ какъ на отводномъ пикетѣ, козакъ, сидящій на конѣ, при всемъ воинскомъ приборѣ.

9-е. Окружныя правленія и командиры должны по посылаемымъ отъ аманана кошеваго и войсковаго правительства письменнымъ повелѣнїямъ чинить непремѣнное и немедленное исполненіе, безъ и малѣйшаго упущенія.

10-е. Окружныя правленія имѣютъ попеченія: о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ, а имѣющіеся лѣса и родючее дерево да сохранять отъ опустошенія вырубкою, скотомъ и пожаромъ въ цѣлости, къ общей войсковой пользѣ; такъ же между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать, обиженныхъ защищать, съ доставленіемъ справедливаго удовлетворенія, свирѣпыхъ укрощать и во всемъ имъ помогать, лѣнивыхъ побуждать къ трудолюбію, для распространенія семейственнаго житія холостыхъ къ женитьбѣ понуждать, не покоряющихся власти и не почитающихъ старѣйшинъ по мѣрѣ преступленія штрафовать, а содѣявшихъ важное преступленіе къ законному сужденію присылать въ войсковое правительство.

11-е. Окружныя правленія о благосостояніи въ той округѣ всѣхъ военныхъ жителей семидневныя, а о чрезвычайностяхъ въ тотъ же самой часъ имѣютъ присылать рапорты атаману кошевому и въ войсковое правительство, для донесенія главной командѣ.

12-е. Окружныя правленія должны имѣть приличное смотрѣніе, дабы всѣ жительствующие въ тѣхъ округахъ старшины и козаки, имѣя у себя на каждую мужеска пола душу военное орудіе, во всякой чистотѣ исправное, на случай наглаго военнаго времени, или воровскимъ образомъ на войсковыхъ жителей и проѣзжающихъ по сей землѣ постороннихъ россійскихъ людей непріятельскаго нападенія, имущественные конно, а не имущественные пѣшо, къ пораженію непріятеля были на всякой часъ въ готовности и чтобъ на войсковой землѣ за всякимъ дѣломъ ѣздить,

ходить, хлѣба пахать, рыбу ловить и скотъ на пастьбу гонить безъ военнаго орудія никто не дерзаль, а кто въ семь ослушнымъ окажется, на томъ-же мѣстѣ штрафовать.

13-е. Окружныя правленія да имѣють смотрѣніе по своимъ округамъ, чтобъ на рѣкахъ, болотахъ и гдѣ надобно, переправы мосты и гати были во всей исправности.

14-е. Окружныя правленія должны смотрѣть за жителями, чтобъ въ городахъ и селеніяхъ, по улицамъ и дворамъ сохранена была чистота и на случай пожара имѣли къ утушенію онаго воду и обыкновенные для пожара желѣзные инструменты.

15-е. Въ тѣхъ округахъ, ежели гдѣ появятся воры и разбойники, окружнаго правленія командиры должны съ подчиненными имъ старшинами и козаками стараться всѣхъ переловить и отослать къ законному сужденію, какъ и передержателей, въ войсковое правительство при рапортѣ.

16-е. Ежели въ какой округѣ на людяхъ появится заразительная болѣзнь, отъ чего Боже сохрани, окружныя правленія имѣють тотъ часъ зараженныхъ отъ здоровыхъ людей отдѣля, окружить карауломъ съ великою осторожностію, дабы зараженные изъ здоровыми отнюдь не совокуплялись, и съ подробнымъ поясненіемъ, откуда таково зло возымѣло начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, безъ и малѣйшаго замедленія, для донесенія о томъ главной командѣ.

17-е. При случаѣ въ тѣхъ округахъ скотскаго падежа, окружныя правленія, стараясь оное же истребить, чрезъ кого слѣдуетъ, увѣдавъ о томъ подробно, тотъ часъ рапортують атаману кошевому и войсковому правительству, и отдѣля скотъ больной отъ здороваго, содержать больной на особомъ закрытомъ пастьбищѣ, пока отъ заразы выздоровѣтъ, и съ палаго кожъ не снимать, а съ оными зарывать въ глубокія ямы; и какъ съ того мѣста никуда зараженнымъ не выѣзжать, такъ и въ оное съ стороны съ здоровымъ скотомъ въѣзжать запретить, покуда отъ заразы то мѣсто освободится.

18-е. Въ окружныхъ правленіяхъ чиновъ перемѣняетъ войсковое правительство другими каждаго года, іюня 29 числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла, а ежели съ ихъ первые явятся чрезъ тотъ годъ въ препорученности своей должности исполните-

лями довлѣмаго по законамъ порядочнаго служенія безспорны, то, о таковыхъ уважая, приѣстановлять ихъ при тѣхъ же должностяхъ и на дальнѣйшее время; а которыя окажутся въ непорядочномъ поведеніи и законамъ противныхъ преступленіяхъ, сихъ, не дожидаясь года, въ то самое время, когда увѣдано будетъ, перемѣняя другими, предавать законному сужденію и штрафу.

19-е. Сначала учрежденія вѣрнаго войска черноморскаго, старшинамъ и козакамъ, во всю не давно кончившуюся съ Портою Оттоманскою войну за вѣру, отечество и сію землю, дѣйствиительно лично служившимъ и тѣмъ важность приобрѣвшимъ, за ихъ труды и подвиги позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные свои дворы, а въ степи хутора и мельницы, заводить лѣса, сады, винограды, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы.

20-е. Въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождамъ, наставникамъ и попечителямъ, отъ общихъ сего войска благъ, позволяется при своихъ хуторахъ изъ сродственникововъ и вольно-желающихъ людей населить дворы и опредѣлить подъ оныя земли, по прилагаемой у сего штатной росписи.

21-е. Старшины населенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходятъ онимъ съ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, кромѣ долговъ, коими ежели кто будетъ обязанъ, не имѣетъ воли выйтить, дондеже долгъ хозяину не возвратитъ.

22-е. Козаковъ, какъ выше писано, во уваженіе ихъ службы и понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ, ни въ какія общественныя и войсковыя тягости по конецъ ихъ жизни не употребляютъ.

23-е. Вышеписаннымъ старшинамъ и козакамъ на вѣчно спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, виноградными и рыболовными заводами владѣніе выдать открытыя листы, съ тѣмъ, чтобъ до онаго, кромѣ хозяина и законнаго ихъ наслѣдія, ко владѣнію никто права не имѣлъ, да и землю не утѣснялъ.

24-е. Для военнаго времяа, а въ случаѣ и воровскимъ образомъ нападенія на военныхъ жителей, или постороннихъ російскихъ людей отъ закубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ, какъ служив-

шіе старшины съ поселенными людьми и козаками, такъ и не служившіе старшины и козаки, исключая только старыхъ, скальченыхъ и малолѣтковъ къ службѣ негодныхъ, словомъ сказать всѣ безъ изъятія должны служить со всѣмъ воинскимъ исправнымъ приборомъ къ поражению непріятели, имущественные конно, а не имущественные пѣшо, быть на каждой частъ во всей готовности.

25-е. Войсковый асаулъ долгъ имѣеть, по границѣ и внутри войсковой земли разѣзжая, смотрѣть за опредѣленными въ окружныя правленія чинами и кордонными старшинами, дабы всѣ повелѣнія атамана кошеваго и войсковаго правительства были выполняемы въ самой точности безъ и малѣйшей отгѣны, и ежели за кѣмъ будетъ имъ усмотрѣна какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству съ подробнымъ поясненіемъ его виновности; для чего отъ кошеваго давать ему о томъ на оное наставленіе.

Вышеписанный порядокъ, въ соотвѣтствованіе высочайшей ея императорскаго величества воли, мы, будучи обязаны усердіемъ и ревностію къ отечеству, а любовію ко всему нашему обществу, почитая для долговременнаго благосостоянія сего войска самонужнѣйшимъ началомъ и на войсковой землѣ возстановляя, надѣмся, что наше войсковое общество прійметъ сей въ кротости духа и воздавъ Богу за ея императорское величество благодарственныя молитвы, посвятить себя къ непремѣнному его исполненію на всегда. Благополучный городъ Екатериниподаръ. 1794 года генваря 1-го дня.

Подлѣнный подписали: атаманъ кошевый, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Чепѣга; войсковый судья, арміи полковникъ и кавалеръ Антонъ Головатый; войсковый писарь, арміи подполковникъ, Тимофей Когляревскій.

Земля, высочайше дарованная черноморскому войску и занятая имъ, какъ выше сказано, отдѣляется рѣкою Кубанью отъ разноплеменныхъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ черкесъ, которые, состоя въ подданствѣ турецкой имперіи, жили свободно и не имѣя никакихъ положительныхъ законовъ въ своемъ управленіи, подобно дикимъ, склонны къ хищничеству и разбоямъ. Сосѣдство такого народа было тягостно для черноморцевъ, еще не устроившихся на новомъ своемъ поселеніи. Недостатокъ во всѣхъ житейскихъ потребностяхъ, съ одной стороны, и опасность

сосѣдства съ хищниками, съ другой, препятствовали черноморцамъ съ успѣхомъ заниматься внутреннимъ благоустройствомъ. Первоначально должно было радѣть о укрѣпленіи границы по Кубани, нужно было помышлять о защитѣ семействъ своихъ,— и войсковое правительство дѣятельно, неумоимо заботилось о томъ. Черкесы внимательно наблюдали за всеми дѣйствіями, видѣли всѣ мѣры противъ нихъ предпринимаемыя и, какъ-бы боясь сихъ новыхъ мужественныхъ пришельцевъ, начали укрываться въ лѣса и горы, бросая прибрежныя свои жилища, на равнинахъ при Кубани разсыпанныя. Впрочемъ, можетъ быть, причиною сего страха была не одна бдительность черноморцевъ, но и то еще, что анапскій паша, по сношенію російскаго двора съ Портою Оттоманскою, имѣлъ тогда приказаніе и нарочитыя войска для удержанія своеволія черкесъ, которые долго были принуждаемы возвращать все похищаемое ими у черноморцевъ имущество; кромѣ того, по замѣчанію здѣшнихъ старожилыхъ, такъ надобно принять во вниманіе, что они въ то время хотя были равно хищны и жадны къ воровству, какъ теперь, но были менѣе воинственны, не собирались еще большими партіями, не нападали открытою силою.

Тогда же нѣкоторыя племена начали явно искать дружбы козаковъ и покровительства Россіи. Предводители пшедуховъ, султаны: Мурать-Мусать Кирей, Марсутъ-Кирей Исламъ Гиревъ; князья Лейтенъ, Албасъ, Батокъ и Батыръ-Гирей Аджеевы съ узденями сего народа, Уздемиромъ Шеретлуковымъ и Бедусомъ Исламовымъ; натухайскій бей Асланъ Гирей и чеченскіе князья Машеть, Бечугъ-Нотахонъ, Батъ-Мурза, Натхажъ, Махметъ Калабатъ и Хатукай Асланъ Гирей со множествомъ узденей и слугъ явились къ кошевому Чепѣгѣ, съ предложеніемъ мира и обѣщаніемъ пребыть въ подданствѣ Россіи. Чепѣга угощалъ, ласкалъ ихъ и, увѣривъ въ искренномъ своемъ къ нимъ дружелюбіи, разстался съ ними по пріятельски и донесъ о томъ таврическому губернатору Жигулину. Такія дружескія сношенія съ черкесами были весьма полезны для черноморцевъ; ибо и закубанцы, желая жить мирно и опасаясь нападенія съ

нашей стороны, въ продолженіи четырехъ лѣтъ доставляли козакамъ все нужное по хозяйству и во всемъ пособляли, сколько могли. Хлѣбъ всѣхъ родовъ въ зернѣ для посѣва, фруктовья дерева для разведенія садовъ и даже оружіе они сами привозили въ кордоны и отдавали козакамъ за самое ничтожное количество соли, а иногда и даромъ изъ дружбы. Наконецъ послѣдствіемъ сей дружбы было то, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ владѣтельный князь Батырь-Гирей убѣдительно сталъ просить войсковое правительство отправить его съ нѣсколькими дворянами къ высочайшему двору въ Санктъ-Петербургъ, чтобы лично представиться государынѣ императрицѣ и искать милостей ея и покровительства всѣмъ миролюбивымъ черкескимъ племенамъ. Кошевой атаманъ испрашивалъ на сіе разрѣшенія у высшаго начальства и, по предписанію къ нему губернатора Жигулина, февраля 21 отправилъ Батырь-Гирея при хорунжемъ Кравченкѣ въ Симферополь, оттуда же 5-го апрѣля, по волѣ графа Зубова, его препроводили ко двору.

Князь сей былъ такъ счастливъ, что успѣлъ въ своемъ предстательствѣ, и государыня императрица имяннымъ указомъ 3 мая 1794 г. повелѣла графу Зубову объявить натухайскимъ и пшедухскимъ князьямъ, ихъ мурзамъ и дворянамъ ея монаршее благоволеніе, съ увѣреніемъ, что они за спокойное пребываніе на Кубани и воздержаніе впредь подвластныхъ имъ народовъ отъ хищничества будутъ приняты подъ высочайшее покровительство; а въ случаѣ нападенія на нихъ враждебныхъ абазеховъ дано имъ позволеніе перегонять свои табуны для сбереженія на войсковую землю, съ платою умѣренной цѣны козакамъ, за оными наблюдающимъ. Благоволеніе великой императрицы къ симъ дикимъ племенамъ сдѣлало ихъ совершенно преданными Россіи и спокойствіе нашей границы казалось нерушимымъ.

Но обитатели горъ, непріязненные абазехи, завидуя мирнымъ батырь-гирейцамъ, удостоеннымъ высочайшаго вниманія, рѣшились мстить имъ. 1796 г. іюня 25 они, собравшись до 12,600, намѣревались сперва разорить аулы ихъ, а потомъ

вторгнуться въ границы войска для грабежа. Князь Батырь Гирей, свѣдавъ о семъ злоумышленіи абазеховъ, немедленно далъ знать о семъ кошевому Чепѣгѣ, прося у него помощи и защиты. Чепѣга для пользы общей и для спокойствія цѣлаго края не могъ отказать Батырь-Гирею въ его просьбѣ. Десять старшинъ, сто козаковъ и одно орудіе, ввѣривъ кордонному полковнику капитану Еремѣеву, отправилъ за Кубань, приказавъ ему присоединиться къ 3,000 собравшихся батырь-гирейцевъ и дѣйствовать совмѣстно противъ хищныхъ абазеховъ. Капитанъ Еремѣевъ отправился съ своимъ отрядомъ къ Батырь-Гирею, принялъ начальство и надъ черкесами и, ставъ лагеремъ между рѣкъ Супъ и Суксупсъ, ожидалъ послѣдствій.

20 іюня передовые наши караулы дали знать, что абазехи показались толпами и готовятся къ нападению. Храбрый Еремѣевъ не хотѣлъ ожидать онаго, но, посовѣтовавшись съ Батырь-Гиреемъ, рѣшился предупредить ихъ нечаяннымъ стремительнымъ натискомъ. Битва продолжалась болѣе 4 часовъ. Благодарныя распоряженія Еремѣева, личная храбрость князя Батырь-Гирея и вѣрныя картечные выстрѣлы изъ орудія рѣшили оную въ нашу пользу. Ни многочисленность абазеховъ, ни отчаянное ихъ мужество не могло спасти ихъ. Они обратили тылъ и были поражаемы на всякомъ шагу; 1,000 человекъ убитыхъ, до 2,000 раненыхъ, 300 взятыхъ въ плѣнъ и 800 отбитыхъ лошадей свидѣтельствовали о ихъ поражении и остались нашими трофеями, съ нашей же стороны раненъ прапорщикъ Блоха и 8 козаковъ; батырь-гирейцевъ ранено и убито до 200 человекъ; но съ ними вмѣстѣ, къ сожалѣнію, палъ и храбрый ихъ предводитель князь Батырь-Гирей.

Пораженіе абазеховъ и помощь, оказанная кошевымъ Чепѣгою батырь-гирейцамъ, возбудили мстительность всѣхъ горцевъ, и они предпринимали сдѣлать нападеніе на наши границы съ разныхъ сторонъ. Анапскій паша былъ о томъ увѣдомленъ войсковымъ правительствомъ, и онъ, по праву, ему представленному, вызвавъ въ Анапу двухъ абазехскихъ султановъ, главныхъ возмутителей, казнилъ ихъ смертію. Братья сихъ султа-

новъ рѣшились мстить пашѣ. Они, созвавъ до 20,000 горцевъ разграбили Пашинскій поселокъ, лежавшій у Кизильтажскаго лимана, захвативъ всѣхъ жителей онаго въ плѣнъ и еще не удовлетворяясь симъ, приступили наконецъ къ самой крѣпости съ намѣреніемъ разорить оную до основанія. Гарнизонъ, находясь въ осадѣ, нѣсколько дней терпѣлъ недостатокъ въ водѣ; но осада сія не могла быть продолжительна. Въ Анапу вскорѣ прибыло немаловажное подкрѣпленіе изъ Трапезонта и другихъ турецкихъ крѣпостей и черкесы, свѣдавъ о томъ и сами уже нуждаясь въ продовольствіи, по неимѣнію средствъ на долго запастись онымъ, принуждены были бѣжать отъ крѣпости. Паша по слѣдамъ ихъ пошелъ съ гарнизономъ своимъ въ горы и жестоко наказалъ виновныхъ злодѣевъ.

Стеченіе такихъ обстоятельствъ было началомъ недружелюбія къ намъ черкесъ и съ сего времени спокойствіе границы рушилось. Но между тѣмъ войсковое правительство заботилось о поселеніи жителей внутри земли, высочайше пожалованной, на мѣстахъ отведенныхъ по плану подъ селенія куренныя и распорядилось въ слѣдующемъ порядкѣ устроить 40 курѣнныхъ селеній, которыя и раздѣлены на обруги:

1) Щербиновское, гдѣ учреждено сыскное окружное правленіе, при рѣчкѣ Еѣ, у Чернаго Броду и гдѣ чрезъ рѣку Ею сдѣланъ мостъ. ¹⁾

2) Деревянковское, при рѣчкѣ Еи.

3) Минское, при рѣчкѣ Сасыкѣ.

4) Конеловское

5) Шкуринское

{ при рѣчкѣ Еи.

6) Кущовское при устьѣ рѣчки Кугуейви.

7) Кисляковское

8) Екатериновское

9) Незамаивское

{ при рѣчкѣ Еи.

10) Калниболотское, гдѣ Григорьевское окружное правленіе, при рѣчкѣ Еи.

¹⁾ Сыскное Ейское начальство переведено въ 1820 году изъ щербиновскаго куреня въ кущовскій.

11) Переяславское при рѣчкѣ Сасыкѣ, при раздорахъ, отъ границы верстъ за пятнадцать, кои разбиты тамъ, какъ и на нижеписанныхъ рѣчкахъ.

12) Уманское, при той же самой рѣчкѣ.

13) Криловское при рѣчкѣ Тихинькой, около старой дороги, съ лѣвой стороны.

14) Леушковское при рѣчкѣ Чальбасахъ съ правой стороны, пониже той же дороги за двѣ версты.

15) Ирклевское
16) Брюховецкое

{ при вершинѣ рѣчки Альбаша, при раздорахъ, на старой дорогѣ, Ирклевскому съ правой, а Брюховецкому съ лѣв. стороны.

17) Березанское
18) Батуринское

{ при рѣчкѣ Великомъ Бейсугу, Березанскому съ правой стороны, а Батуринскому съ лѣвой, верстъ 35 отъ кавказской границы; тутъ Бейсугское окружное правленіе.

19) Коренивское
20) Дядьковское

{ при рѣчкѣ Маломъ Бейсугу, Коренивскому съ правой, а Дядьковскому съ лѣвой стороны, отъ кавказской границы верстъ за 6.

21) Платнировское
22) Сергѣевское

{ при рѣчкѣ Кирпиляхъ, Платнировскому съ правой, а Сергѣевскому съ лѣвой стороны, отъ той же границы верстъ за восемь.

23) Васюринское, тутъ Екатеринодарское окружное правленіе состояло.

24) Корсунское

25) Пластуновское

26) Динское

27) Пашковское

28) Величковское

29) Тимошевское

30) Рогивское

{ Сія по надъ рѣкою Кубанью поселены.

{ И сіи по надъ рѣкою Кубанью поселены.

- 31) Поповичивское (за пять верстъ до урочища
 32) Мышастовское (Сачи.
 33) Ивановское (до Сухого Лиману.
 34) Нижне-стеблѣевское
 35) Полтавское, за 15 верстъ до вершины Сухой Ангелиги.

Сіи отъ Кубани отдвинуты по причинѣ низменныхъ тамъ мѣстъ на возвышенныя мѣста.

- 36) Джерелѣевское
 37) Каневское } Въ Куркахъ.
 38) Ведмедовское
 39) Титаровское, при Новогригорьевскомъ и Широчанскомъ постахъ.

40) Выше-стеблѣевское при Сухомъ Лиманѣ.

Въ войскѣ учреждено 5 окружныхъ правленій и членами въ оныхъ опредѣлены: *Екатеринодарскомъ*, полковникъ арміи капитанъ Василій Танскій, есаулъ Максимъ Килининъ, писарь Тарасъ Вынниковъ; *Бейсулскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Герасимъ Бухаренко, есаулъ Иванъ Сербинъ, хорунжій Максимъ Письменный, писаремъ Иванъ Мулява; *Ейскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Сагъ, есаулъ Николай Матяшевскій, писарь Иванъ Замолѣй; *Григорьевскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Иванъ Куликъ, есаулъ Иванъ Василенко, писарь Семень Нецерецкій; *Фанагорійскомъ* полковникъ арміи, секундъ-маіоръ Бурносъ, есаулъ Григорій Лозинскій, писарь Семень Аксентьевъ, хорунжій, Федоръ Брусенко. Въ слѣдъ за симъ устроенъ войсковый рыболовный заводъ при впаденіи рукава Кубани въ Азовское море и начальникомъ онаго назначенъ прапорщикъ Григорій Дубчакъ, писарь Яковъ Демидовичъ.

Разселяя такимъ образомъ жителей и обезопася границу кордонною линією, войсковое правительство опредѣлило старшаго есаула для наблюденія за порядкомъ арміи секундъ-маіора Лувьяна Тиховскаго, снабдивъ его инструкцією, въ слѣдующихъ пунктахъ:

1-е. Всѣ посылаемыя повелѣнія по сдѣланной порученности исполнять во всей точности безъ и малѣйшаго упущенія, и по сему обязанъ живущій въ вѣдомствѣ его быть послушнымъ; не исполни-

телей же закона и установленнаго порядка также и послушниковъ ради подлежащаго, при обстоятельныхъ рапортахъ, представлять начальству.

2-е. Маловажныя и уголовныя дѣла разбирать въ вѣдомствѣ сего войска случившіесь, не исключая и тѣхъ мѣстъ, гдѣ надъ войсковыми жителями и частные командиры опредѣлены, принимая обиженныхъ по просьбамъ ихъ подъ свое покровительство, а такъ же, гдѣ командиръ своего подчиненнаго обидѣлъ несправедливымъ судомъ, притѣсненіемъ и прочимъ тому подобнымъ, доставлять имъ по справедливости слѣдующее удовлетвореніе, виновныхъ старшихъ присылать съ просителями при своихъ обстоятельныхъ рапортахъ на рѣшеніе правительства, а рядовыхъ на томъ же мѣстѣ штрафовать по мѣрѣ вины ихъ; но какое, гдѣ и когда случится сдѣлать разбирательство и чѣмъ спорящіесь примирены, или обиженный удовольствованъ будетъ, долженствуетъ опредѣленной при немъ писарь для всякихъ справокъ записать кратко, но ясно въ книгу; о важномъ-же дѣлѣ, буде не подлежитъ его рѣшенію, вмѣстѣ тяжущимся развѣдаться въ правительствѣ, или ближнемъ окружномъ правленіи.

3-е. Всѣ состоящіе при Кубани на пограничной стражѣ кордонные старшины съ козаками и войсковыя селенія, начиная отъ Чернаго моря до Усть-лабинской крѣпости, отдаются въ полное его командованіе и распоряженіе, почему долженъ онъ наблюдать за оными, что по прежде даннымъ отъ правительства содержащимъ сію стражу г. полковникамъ и городничему повелѣно было, и имѣлъ бы строгую воинскую дисциплину, съ тѣмъ, чтобы у кордонныхъ козаковъ, а въ селеніяхъ у жителей на всякую мужескаго пола душу были исправныя ружья, пики и другія воинскія оружія, установка для безопасности въ кордонахъ денныя и ночныя по самымъ берегамъ Кубани отъ одного къ другому конные разъѣзды, въ городѣ же и селеніяхъ ночные обходы и велѣтъ, что ими съ противной стороны повсюду усмотрѣно будетъ, тотчасъ о томъ давать знать ему и своимъ командамъ; онъ, рассмотря оное, ежели подвержено будетъ какой опасности, или чрезвычайности, имѣетъ въ обстоятельствѣ правительству рапортовать.

4-е. Буде гдѣ появится въ вѣдомствѣ его скопище воровъ и разбойниковъ, о таковыхъ дать знать правительству, а самому отпра-

виться съ потребнымъ числомъ команды въ то мѣсто, стараться всѣхъ переловить; а за тѣмъ, по разпросѣ ихъ на мѣстѣ и оговоренныхъ участвовавшими, забравъ подъ караулъ, имѣніе всѣхъ ихъ описать безъ остатка, отдать, какихъ слѣдовать будетъ, подъ присмотръ, самыхъ же учинившихъ злое дѣло и на чемъ пойманы будутъ, все то доставлять правительству за крѣпкимъ карауломъ, для сужденія по законамъ, при рапортахъ.

5-е. Смотрѣть, дабы состоящіе въ вѣдомствѣ его лѣса огнюдъ, кромѣ нужной для строенія вырубки, отпущаемы не были, а мосты и дати были бы во всей исправности такъ, чтобы вездѣ въ проѣздахъ никто не могъ терпѣть неудобства и остановки.

6-е. Ежели случится полкамъ ея императорскаго величества, или командамъ вступить въ предѣлы, въ вѣдѣніи его состоящіе, смотрѣть за оными, чтобы во время ночлеговъ и растахъ не угнетали сего войска старшинъ и козаковъ излишнимъ выматательствомъ и дабы ни у кого ничего безденежно не брать и войсковые сѣнокосные луга въ лѣтнее время безъ отвода не смѣлъ бы никто занимать; а ежели сіе отъ кого воспослѣдуетъ, то требовать отъ полковаго, или при командѣ находящагося командира удовольствія, безъ котораго не давать потребныхъ квитанцій.

7-е. Когда появится въ вѣдомствѣ его на людяхъ (отъ чего Боже храни) заразительная болѣзнь, или прилипчивая горячка, тотчасъ отдѣливъ людей больныхъ отъ здоровыхъ, накрѣпко запретить имъ соединяться; для чего учредить пристойный караулъ и для взятія о предосторожности сосѣдственныхъ мѣстъ рапортовать начальству.

8-е. Ежели гдѣ появится въ вѣдомствѣ сего войска скотской падежъ, то, отдѣля больной скоть отъ здороваго, опредѣлить больному пастбище и не велѣть отлюдь соединять до настоящаго выздоровленія; а палой, не снимая кожъ, зарывать глубоко въ землю, о чемъ тогожь времени рапортовать для учиненія о невыздѣ туда по другимъ мѣстамъ публикаціи.

9-е. Имѣть попеченіе въ вѣдомствѣ его, дабы наблюдаема была по улицамъ и дворамъ чистота и предосторожность отъ пожара; а ежели гдѣ случится пожаръ, то обязанъ всякъ живущій съ опредѣленнымъ къ тому инструментомъ сгѣшнить на то мѣсто, гдѣ пожаръ случится, и всячески стараться утушить, для чего ка-

ковы должны быть инструменты и отъ кого оны исправить, даны будутъ ему въ свое время наставленія; одно начальное средство способствовать можетъ къ предохраненію отъ пожара, ежели всякъ хозяинъ въ домѣ изобиловать будетъ водою.

10-е. Дабы въ вѣдомствѣ его продажа всему производилась умѣренными цѣнами, вѣсы и мѣры были справедливыя, имѣть смотрѣніе; а у кого найдены будутъ при продажѣ чего либо вѣсы или мѣра фальшивыя, таковыхъ продавцовъ съ тѣми вѣсами и мѣрами брать подъ карауль и доставлять при рапортахъ въ правительство, а товары ихъ описавъ запечатать и до резолюціи не велѣть продавать.

11-е. Приблудный скотъ, ежели отъ кого объявленъ будетъ оной, описать масть и примѣты и опредѣля пристойное число козаковъ, отправить въ войсковое правительство для учиненія обномъ, гдѣ надлежитъ, публикаціи.

14-е. Дабы въ вѣдомствѣ его никто не принималъ бѣглыхъ и безпашпортныхъ, россійскихъ подданныхъ, людей, о томъ найстрожайше подтвердить, а ежели гдѣ таковыя бѣглыя окажутся, взявъ подъ карауль, отослать при рапортѣ въ войсковое правительство для отсылки, куда слѣдуетъ, а передержателей привлекать къ сужденію по законамъ.

13-е. О благосостояніи препорученности, о случившейся чрезвычайности, гдѣ будетъ находиться, чрезъ каждыя семь дней рапортовать безъ упущенія правительству.

Въ пункты для осторожности отъ покушеній непріязненныхъ сосѣдей, кошевый атаманъ куреннымъ атаманамъ куреней, поселенныхъ при рѣкѣ Кубани, предписалъ къ непремѣнному исполненію слѣдующее:

1-е. По полученіи приказа, собравъ вмѣстѣ войсковыхъ жителей, объявить, чтобы они, учредя изъ себя для осторожности очередь по числу дворовъ, отъ каждаго двора высылали по одному вооруженному караульному, которымъ, раздѣлясь на двѣ половины, чередоваться каждую ночь занятіемъ около онаго частыми караулами, а обходы и караулы повѣрять самымъ куреннымъ атаманамъ.

2-е. Когда караульные усмотрят шедшихъ ночью стремящихся къ воровству или къ другому какому злу закубанцевъ, таковыхъ изловля и ради подлежащаго прислать за крѣпкимъ карауломъ при рапортѣ къ нему; буде же изловить ихъ не будетъ способа и возможности, съ таковыми тогда поступать, какъ съ неприятелями.

4-е. Ежели же и за симъ воровство въ сихъ селеніяхъ или другое какое злоключеніе чрезъ неосторожность учинится, то за такое слабое и нерадивое смотрѣніе старшины той половины караульныхъ, на которой сіе зло произойдетъ, и за нанесеніе главной командѣ излишнихъ затрудненій, не минуетъ строжайшего по законамъ взыскація, а казаковъ чрезъ третьяго, въ строгій примѣръ другихъ, безъ пощады жестоко бить кіями ¹⁾).

Попечительность войсковаго атамана Чепѣги и судьи Головатаго о внутреннемъ устройствѣ сего края доставила имъ покровительство бывшаго генераль-фельдцехмейстера графа Зубова, а безпримѣрныя милости къ войску августѣйшей императрицы доказывали, сколь велико было его покровительство.

Щедрая монархиня, по его ходатайству, 1794 г. соизволила назначить 3,000 рублай на сооруженіе храма въ городѣ Екате-ринодарѣ, подарила для онаго богатѣйшую церковную утварь и ризы, повелѣла отпускать войску провіантъ отъ казны, по случаю дороговизны на оный отъ неурожая и недостаточныхъ здѣсь въ то время способовъ къ занятіямъ хлѣбопашествомъ и наконецъ строжайше указала возвратить войску всѣхъ людей, удержанныхъ притѣсненіями помѣщиковъ въ тѣхъ селеніяхъ малороссійскихъ губерній, гдѣ прежде жили черноморцы.

Вскорѣ послѣ сего государыня императрица благоволила назначить 2 пятисотные полка отъ войска, для дѣйствія противу поляковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Чепѣги. Графъ Зубовъ, сообщивъ Чепѣгѣ волю высочайшую, просилъ его письмомъ прибыть въ Санктъ-Петербургъ. Юня 16 Чепѣга, оставя по себѣ правителемъ войска войсковаго судью Голова-

¹⁾ Кіи были деревянные посохи и на концѣ одномъ наростъ.

того и выкомандировавъ полки въ походъ, подъ командою премьеръ-маіора Высочина, отправился въ Петербургъ.

По прибытіи въ столицу онъ явился къ графу Зубову и былъ имъ представленъ императрицѣ. Ея величество съ особенною благосклонностію приняла атамана черноморцевъ и отпуская его на войну, вручила ему хлѣбъ, соль и саблю, украшенную алмазами, сказавъ: «Бей, сынокъ, враговъ отечества!» При выѣздѣ изъ столицы, по высочайшему ея повелѣнію, онъ снабженъ отъ двора дорожною коляскою и прогонными деньгами.

2-го іюля Чепѣга явился къ генераль-фельдмаршалу графу Суворову Рымникскому въ м. Варновичахъ съ своими полками и вступилъ на военное поприще. Разбитіе козаками авангарда генерала Сѣраковскаго, занятіе Кобринна и отличныя дѣйствія ихъ при истребленіи непріятели подъ мѣстечкомъ Кобылкою доставили Чепѣгѣ генераль-маіорскій чинъ, за мужественные же подвиги, имъ оказанные при знаменитомъ штурмѣ Праги, награжденъ орденомъ св. равно-апостольнаго князя Владимира 2-й степени большаго креста.—Однимъ словомъ, въ сію войну съ Польшею, черноморскіе полки служили отлично и съ честію возвратились 23 декабря 1795 г. въ Екатеринодаръ.

Между тѣмъ, въ отсутствіе атамана изъ войска, войсковый судья Головатый неутомимо занимался водвореніемъ порядка въ управленіи и распространеніемъ благосостоянія жителей.

1794 г. іюля 1-го его стараніемъ отдана на откупъ масайскому купцу Яшнину продажа вина и другихъ напитковъ на войсковой землѣ; 4-го начали проводиться дороги отъ Екатеринодара до Ейской и Тамани и по онымъ учредились почтовые станціи: до ейскаго окружнаго правленія десять и до Тамани десять; на каждую изъ нихъ опредѣлено по шести паръ лошадей съ исправными повозками и ямщиками; 5-го устроены, по разрѣшенію преосвященнаго Іова, епископа еоодосійскаго и мариупольскаго, двѣ походныя церкви: св. архистратига Михаила въ Копылѣ и Преображенія Господня на Ейской; 18-го бывший

въ Тамани карантинъ по распоряженію губернатора переведенъ на Бугазъ.

Тогда же, по сношенію графа Гудовича съ Жигулинымъ, высланные депутаты кавказскаго намѣстничества: коллежскій со-вѣтникъ Томашевскій, секундъ-маіоръ Ехеридузевъ съ сельскими засѣдателями и уѣзднымъ землемѣромъ, таврической губерніи землемѣръ Колчигинъ съ тремя уѣздными землемѣрами, генералъ-поручикъ Бердяевъ и чиновники отъ войска: премьеръ-маіоръ Гуликъ, секундъ-маіоры: Котляревскій и Письменный занимались постановленіемъ границъ земли сего войска отъ кавказскаго намѣстничества и отъ земли войска донскаго, и границы утверждены, какъ нынѣ существуютъ.

1794 г. Несовершенное еще устройство жилищъ, недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ и непривычка къ здѣшнему климату, всегда непостоянному и сырому, породили въ семь году между жителями Екатеринодара и окрестныхъ селеній болѣзни заразительныя, смертоносныя. Головатый, принимая всевозможныя мѣры къ искорененію сего бѣдствія, просилъ таврическаго губернатора Жигулина, о высылкѣ медика въ войско (когого до сего никогда не было), и первымъ войсковымъ медикомъ назначенъ въ то время штабъ-лѣкарь Барвинскій, медикаменты же предписано покупать изъ еникальскаго полевой аптеки. Вскорѣ болѣзни и смертность прекратились.

1795 г. Февраля 20-го отданы рыболовныя заводы на южной косѣ на откупъ керченскимъ жителямъ; іюня 24 доставлены изъ Херсона въ Екатеринодаръ водою семь колоколовъ и въ Тамань одинъ для церквей; сентября 8 прислана изъ С.-Петербурга съ капитаномъ Язучевскимъ высочайше подаренная войску золотая церковная утварь: чаша, дискось, звѣзда, два копыя, двѣ ложки и два блюда, вѣсомъ въ 14 фунтъ 8 золотниковъ.

Лѣтомъ построенъ за Барасуномъ кирпичный войсковой заводъ, совершенно починена войсковая гребная флотилія, снабжена всѣмъ нужнымъ и для всегдашняго безопаснаго ея пре-

быванія устроена въ Бугазѣ удобная гавань тажъ же приведена къ окончанію постройка фанагорійской крѣпости, которая и занята тогда двумя баталіонами егерей, подъ командою полковника Куприна.

1796 г. Въ сіе время послѣдовалъ разрывъ съ Персією и государынѣ императрицѣ угодно было назначить снова 1,000 черноморцевъ для военныхъ дѣйствій противъ персіянъ. Графъ Зубовъ предписалъ кошевому исполнить волю ея величества. Чепѣга назначилъ войсковаго судью Головатаго начальникомъ двухъ пѣшихъ полковъ, долженствовавшихъ выступить въ походъ. Таврическій губернаторъ Жигулинъ желалъ лично присутствовать при выступленіи сихъ полковъ изъ Екатеринодара, но жестокія мятели и сильныя морозы совершенно затруднили сообщеніе съ Крымомъ и онъ, не могши удовлетворить своему желанію, благословилъ выступающихъ въ походъ иконою Спасителя, которую прислалъ съ нарочнымъ. 26 февраля Головатый, по отслушаніи молебствія, выступилъ съ полками. 15-го мая онъ поступилъ на передовыя транспортныя суда и, по теченію Волги спускаясь въ Каспійское море, 13 іюля прибылъ въ г. Баку. Тамъ явился онъ къ главнокомандующему графу Валеріану Александровичу Зубову, родному брату генералъ-фельдцейхмейстера и благодѣтеля черноморцевъ, которымъ былъ принятъ съ особеннымъ благоволеніемъ. Въ сію войну, какъ и въ прежнія, черноморцы своимъ мужествомъ, своею вѣрною неутомимою службою, приобрѣли лестное вниманіе начальства. Они дѣйствовали противу персіянъ на небольшихъ судахъ, отдѣльно отъ прочей флотиліи, и вездѣ одерживали надъ ними побѣду; весьма часто abordажемъ брали у нихъ лодки и вредили всѣмъ сообщеніямъ персіянъ. За такія дѣйствія Головатый произведенъ въ бригадиры. Но графъ Валеріанъ Александровичъ, всегда внимательный, благосклонный къ черноморцамъ, желалъ еще болѣе поощрить ихъ. Онъ просилъ Головатаго зачислить его и малолѣтняго сына его, Платона Валеріановича, въ войско и просьба сія тогда же удовлетворена. Онъ записанъ войсковымъ товарищемъ,

а сынъ его полковымъ есауломъ. Кромѣ сего и прочіе чиновники штаба его, по примѣру начальника, приняты въ войско товарищами.

Тѣмъ временемъ дружескія сношенія Черноморіи съ черкесами не преграждались. Но вкравшаяся неосторожность при такихъ сношеніяхъ была пагубна для черноморцевъ.

Въ исходѣ марта мѣсяца 1796 г. безпечные козаки, посланные капитаномъ Данильченкомъ въ черкескіе аулы для размѣна хлѣба на соль, внесли оттуда на нашу сторону моровую язву. Злое повѣтріе мгновенно разнеслось по всей землѣ. Города Екатеринодаръ, Тамань и курени: брюховецкій, ивановскій, ниже-стеблевскій, брыливскій, титаровскій, вышестеблевскій и многіе хутора подверглись ужасной гибели, и не было средствъ прекратить смертность, продолжавшуюся болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Наконецъ, едва 8 іюля сильными дѣйствіями и немовѣрною заботливостію Чепѣги съ присланнымъ на сей случай въ войско главнымъ докторомъ пограничныхъ краевъ, коллежскимъ совѣтникомъ Очаковымъ, таможеннымъ директоромъ Фонъ-Матіясъ и главнымъ начальникомъ таврическихъ карантинновъ надворнымъ совѣтникомъ Гофельдомъ, успѣли совершенно остановить заразу.

Августа 10-го, по прекращеніи оной, обозрѣвали Черноморію екатеринославскій, вознесенскій и таврическій вице-генералъ-губернаторъ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Тебекинъ. Они были приняты Чепѣгою, сообразно ихъ достоинствамъ; входили съ участіемъ въ положеніе сего края, всматривались во внутреннее благосостояніе жителей онаго и обѣщали войску свое покровительство, а при выѣздѣ пожелали, со всѣми чиновниками, ихъ сопровождавшими, записаться товарищами въ курень кисляковскій, на что имъ тогда же выданы отъ войсковаго правительства аттестаты.

14 сентября войсковые старшины и товарищество въ общемъ собраніи положило: отдачу на откупъ продажи вина на войсковой землѣ съ будущаго 1797 года уничтожить, а была бы такова вольная, со взносомъ въ войсковую сумму отъ каждаго ведра по одному рублю. Въ тотъ же день обществомъ признали полезнымъ для приращенія войсковыхъ доходовъ открыть на откупъ съ 1797 года ачувевскій черно-процоцкій рыболовный заводъ желающимъ явиться на торги.

Войсковое правительство внимательно наблюдая, что закубанскіе наши сосѣди, не смотря на мѣры кротости, употребляемыя при сношеніяхъ съ ними, начали день ото-дня усиливать свои покушенія къ прорыву на нашу сторону для грабежей, и желая, сколько возможно, оградить жителей безопасностію, командировало премьеръ-маіора Гулика осмотрѣть всю кордонную линію и поручило ему, гдѣ признаетъ нужнымъ, учредить новые пикеты надъ самымъ берегомъ Кубани, а въ мѣстахъ, удобныхъ для переправы, усилить кордоны стражею. Сообразно симъ распоряженіямъ, кордонная линія достаточно укрѣплена; ее раздѣлили по прежнему на двѣ части и командованіе каждой изъ оныхъ поручено полковникамъ. Козаковъ опредѣлено во всякій кордонъ по 25 конныхъ и по столько же пѣшихъ и положено всѣмъ служащимъ довольствоваться собственнымъ провіантомъ.

Тогда же сдѣлана перемѣна чиновниковъ въ окружныхъ правленіяхъ. Въ Екатеринодарѣ построенъ арсеналъ для храненія бывшей въ войскѣ артиллеріи. Въ куренѣ щербиновскомъ, по просьбѣ жителей, учреждено въ годъ три ярмонки: 1-я на Оуминой недѣли, 2-я 29-го іюня на праздникъ Петра и Павла и 3-я въ день Воздвиженія Честнаго Креста, 14-го сентября.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1796 г. Черноморія, вмѣстѣ съ сѣтующей Россією, оплакивала кончину блаженно-незабвенной памяти

государыни императрицы Екатерины великой, возстановительницы войска сего, матери благодѣтельницы онаго! Вскорѣ же за сею плачевною утратою черноморцы лишились первѣйшихъ своихъ начальниковъ. Войсковый атаманъ генералъ-маіоръ Чепѣга 14 генваря скончался въ Екатеринодарѣ, а 28 того же мѣсяца войсковый судья бригадиръ Головатый умеръ въ Персіи. Потери всегда чувствительная, но невозвратная для войска!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО КІЕВА.

Предлагаемая вниманію читателей замѣтки найдены мною въ старой рукописной книгѣ конца прошлаго столѣтія, одномъ изъ тѣхъ сборниковъ всякой всячины, которые во множествѣ обращались въ средѣ грамотныхъ людей XVII, XVIII и начала XIX столѣтій на юго-западѣ и сѣверо-западѣ Россіи, составляя настольную книгу нашихъ предковъ, которую они пополняли и просматривали въ часы досуга и давали другимъ для прочтенія, какъ теперь даются газеты и журналы. Находящійся у насъ сборникъ наполненъ самыми разнообразными выписками и записями, преимущественно духовно-нравственнаго характера, сдѣланными изъ такихъ же сборниковъ и быть можетъ отдѣльныхъ рукописей. Тутъ есть между прочимъ житіе Макарія Перенславскаго, написанное въ 1756 г. какимъ-то Ѳедоромъ силлабическими стихами въ 230 строфѣ съ акростихомъ; есть апокрифъ о жизни Іуды предателя, начинающій съ его дѣтства, и много другихъ подобныхъ статей. И рядомъ съ такими важными для тогдашняго средняго читателя произведеніями пріютились эти болѣе чѣмъ скромныя замѣтки едва грамотнаго чело-вѣка, никогда конечно не разсчитывавшаго, что онѣ попадутъ въ печать. Старинный скорописный почеркъ замѣтокъ и бумага ихъ, на которой выведенъ водянымъ знакомъ 1797 годъ, показываютъ, что онѣ писаны въ концѣ прошлаго столѣтія. Ихъ велъ какой-то богомолецъ, путешествовавшій изъ Смоленска въ Кіевъ на поклоненіе тамошней святыни. Поэтому храмы, святыни—главный сюжетъ его замѣтокъ, и объ нихъ онъ неопустительно упоминаетъ. Но цѣль замѣтокъ, по видимому, была другая: путешественникъ, чело-вѣкъ небогатый, или, по крайней мѣрѣ, расчетливый, записывалъ каждую копѣйку, деньгу, полшку, на что истратилъ ту или другую. Какъ-бы мимоходомъ онъ обозначаетъ производство и продукты проходимыхъ имъ мѣстностей, а главное ихъ цѣны, или же дѣлаетъ наблюденія въ качествѣ натура-

листа, въ родѣ того, напр., что въ Стародубѣ «легушки квохчатъ не по смоленски». Все это любопытно и забавно; но не въ этомъ главный интересъ замѣтокъ. Въ нихъ отразился во всей своей непосредственности, простотѣ и наивности русскій человѣкъ, какимъ онъ являетъ себя во время *хожденія*. Тутъ онъ весь на лицо—съ его религіознымъ настроеніемъ, будничными привычками, незатѣйливыми потребностями, своимъ особымъ кругозоромъ и даже волнующими подъ часъ его чувствами. Въ этомъ отношеніи помѣщаемыя замѣтки являются рѣдкимъ памятникомъ нашей письменной литературы.

Богомолецъ, видно, былъ свѣтскій человѣкъ, потому что брился, какъ это означено въ замѣткахъ. Ходилъ онъ не одинъ, а въ группѣ другихъ богомольцевъ; по крайней мѣрѣ въ запискахъ обозначаются еще три личности: Тить, Данило и отецъ Анатолій. Путешественники были смоленскіе, а записывающій, кромѣ того, хорошо былъ знакомъ съ мѣстностью смоленскаго уѣзднаго города Сычевска, какъ равно и со Смоленскомъ, съ которымъ и сравниваетъ встрѣчающагося на пути.

Писаны замѣтки отчасти чернилами, отчасти карандашемъ, и съ трудомъ разбираемы были. Приводимъ ихъ, какъ онѣ есть, цѣликомъ, съ удержаніемъ орфографіи подлинника.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Пошли въ субботу мая 29, въ вечерню. Отъ Смоленска на 15 верстѣ видель Стіопку, секретарскаго беглеца ¹⁾); послалъ назадъ.

Ночлегу отъ Смоленска жъ 17 верстѣ въ Дрѣжинѣ, на постоялѣ дворѣ. Тамъ хозяину, Никитѣ Иванову, объявилъ объ Стіопкѣ.

30-го воскресенье. Около Белоручья, вправѣ, недалече около Надолгомостья, змѣя было укусила въ завтракъ.

31-го. Село Стрыгино. Дьячекъ Иванъ Богдановскій 30 числа ²⁾), на заговены, дравшись, убилъ было до смерти свою своячину; отливали ее водою дьячиху. Отецъ Михайль говоритъ, что у него часто сіе бываетъ, а битая прикидывается міортвой.

¹⁾ Бѣглецы люди изъ дворовыхъ слугъ—обычная черта крѣпостной эпохи.

²⁾ Тогда наступалъ петровскій постъ, въ который и пришлось странствовать нашимъ путешественникамъ.

Рославль отъ Смоленска 119 версть. Село Гореново отъ Рославля 10 версть. Въ ономъ у священника Петра почевали. Сынъ онаго священника, діаконъ села Ладыжина, Иванъ тамъ былъ.

Тить у Рословлѣ свалился съ гребли (плотины).

Село Рудня отъ Рословля.... Село Ершичи отъ Рословля 31 верста.

Съ слѣдующаго пункта начинается финансовый счетъ. Порядокъ записокъ такой: сначала упоминаніе о селеніяхъ, а потомъ запись расходовъ, которая однако ведется не всегда послѣдовательно: затраченное раньше иногда вспоминается послѣ.

Съ Михайлою, попомъ Стрыгинскимъ	6 к.
У жидовъ съ попами за полниво, гдѣ господинъ стоитъ	8 к.
У Рословлѣ попу Михай	4 к.
Самъ за.	2 к.
Витушникъ за.	2 к.
На закуску	1 к.
Луку за.	2 к.
За квась	2 к.

Разрытое отъ Рословля 56 версть. Смоленская граница кончилась при рѣкѣ Ипати, отъ Рословля въ 76 верстахъ. До Мглина оттоль 26 версть, и тамъ шатерь на столбахъ.

На родинахъ въ Хмарѣ за себѣ и за Данилу 10 к.

Мглинъ имѣеть 3 церкви, а 4-ая на въездѣ Николаевская и все деревянныя, и строенія каменнаго нѣтъ. Грязно весьма, *мостовъ нѣтъ* ¹⁾. Горелку въ рынокѣ продають, словно квась и дають откусивать ²⁾. Дворъ будынокъ.—Отъ поповъ остались, не доходя до Мглина 15 версть.

Вышедши изъ Смоленска на нищихъ	2 к.
У Дрожжинѣ горѣлки за	4 к.
У жидовъ въ Разрытомъ	15 к.
Въ Мглинѣ въ будынкѣ на квась	2 к.
На табакъ	1½ к.

1) Сравненіе со Смоленскомъ, въ которомъ въ то время до 1812 года, низкія улицы города были устилаемы бревнами.

2) Для Смолянина и въ ту пору это была большая новость, ибо въ Смоленскѣ со времени Алексѣя Михайловича горѣлку продавали только въ 3 или 4 кабакахъ.

Мглинъ и Стародубъ новгородско-северскаго намѣстничества. Отъ Новгорода Мглинъ 150 верстъ, Стародубъ 90. *Легушки вощатъ не по смоленскій.*—Отъ Мглина 12 верстъ постоялой дворъ, при немъ погребень Загвосткинъ Максимъ; дворъ тотъ мглинскаго стряпчаго Косоча.

Въ косочьемъ дворѣ на горѣлку	5 к.
Оляшчу	3 к.
Въ нее горѣлки на	6 к.
Квасу	2 к.
Въ другомъ мѣстѣ квасу на	2 к.

Стародубскаго уѣзду село Бѣлогорець, церковь Покрова, отъ Мглина 20 верстъ.

На ночлегѣ, гдѣ два козака ночевали, горѣлки за 3 к.

Село Ряхово стародубскаго уезду, церковь Ильи пророка; отъ Мглина 40, а до Стародуба 20 верстъ. Село Осколково, до Стародуба 7 верстъ; храмъ архидіакона Стеана. Въ правой сторонѣ село Пятовскъ, храмъ Дмитрія Ростовскаго. Стародубъ—славный городъ, но грязень, а всего довольно, и добрые и личные въ немъ люди; разстояніемъ не меньше Смоленска; строеніе хотя хорошее, но каменнаго, кромѣ церквей, нѣту.

Въ Стародубѣ рыбы за	6 к.
Хлѣбъ	3 к.
Булка и колачъ тройной	3 к.
Рашки	1 к.
Горѣлки въ рынкѣ за	4 к.
Въ шинкѣ, где ночевали въ Стародубѣ за горелку, за варенье рыбы и за постой	7 к.

Село Нижнее, отъ Стародуба на 16 верстъ; 2 церкви: 1—Покровъ, 2—Рождество Богородицы.

Въ томъ селѣ въ богодѣльню денга, да на греблѣ безпалой денга жъ 1 к.

Село Курозново, церковь Воскресенія, уѣзду новомирскаго. Село Изтобки, церковь троепрестольная: Георгія, Луки и Троицы.

У жиды горѣлки за 15 верстъ до Рѣбскаго. 4 к.

У Рѣбскѣ, гдѣ ночевали, хозяйка дочку родила.

Въ Рѣбскѣ пироговъ тройныхъ за 4 к.

У жиды горѣлки за 6 к.

Робскъ отъ Стародуба 50 верстъ.

Въ Робскѣ, въ шинкѣ у козака, за табаки 3 к.

Отъ Робска село Балычаны, церковь архангела Михаила; такъ, какъ Сычевскъ Короваево. Село Бровничи, церковь Петра и Павла.

Въ немъ за варенье бѣлуги 1 к.

Село Соловьево, церковь николаевская.

Въ немъ у жидовъ, сидѣвши отдохая, горелки за. 5 к.

Село Куршановичи, церковь Благовѣщенія, рѣка Трубишъ, уѣзду новомирскаго. Село Хорошнее, епархіи новгородско-сѣверской, церковь Николая чудотворца. Въ немъ у жида рыбу доели ¹⁾).

Горѣлки за 4½ к.

Местечко Горекъ черниговскаго намѣстничества, уезду городницкаго. Отъ Горска Городня 24 версты.

Въ Горскѣ хлѣбъ 2 к.

Двѣ витушки тройныя и згибень, все по 1 к. 3 к.

У жида горѣлки за 4 к.

Рыбъ и за варение съ ухою и съ перцемъ. 4 к.

Село Жабичи, церковь Петра и Павла, 14 верстъ до Городни. Село Бутовка, церковь Покрова, 9 верстъ до Городни. Тамъ ночевали противъ 10 числа июня.

Въ Городнѣ хлѣба (1 булка по грошу) за. 4 к.

Горѣлки за 5 к.

Село Листвено 2 церкви: 1 каменная, 2 деревянная.

Подъ Черниговымъ за 12 верстъ у жида горѣлки за 5 к.

За вареніе рыбъ съ грибами и крупами 2 к.

Село Куликово. Село Седнево.—Въ Черниговѣ, въ домѣ Дзюгина, гдѣ ночевали, ввечеру новгородской губерніи дворянинъ Иванъ Кондратьевичъ Берчниковъ подчивалъ горѣлкою и просилъ кланяться отцу економу Дмитрію.

Въ Черниговѣ рыбъ за 2 к.

Квасу за. 1 к.

Поляницу 1 к.

Хлѣба 7 к.

¹⁾ Какъ выше обозначено, рыба эта (бѣлуга) куплена еще въ Стародубѣ за 6 копѣекъ; изъ нея три раза варили кушанье; слѣдовательно каждое такое кушанье всякій разъ обходилось для троихъ животныхъ только по 2 копейки.

Горѣлки въ рынкѣ	5 к.
Близъ Троицы ввечеру <i>отъ живота</i>	4 к.
Утромъ тамъ-же	4 к.
У жида Пенскѣ за	5 к.
За варение грибовъ ¹⁾	2 к.
Ввечеру за	6 к.
Въ Олишевкѣ въ церковь и на милостину	1 к.
Село.... Село.... ²⁾ Село Красное, церковь Параскевы Пятницы.	
Въ Олишевки двѣ церкви. Село Чемерь.	
Въ немъ горелки за.	6 к.
За варение грибовъ со пшеномъ	2 к.
На горѣлку тамъ	6 к.
Подъ Козелцомъ, за 15 верстъ, волкъ скотину несъ.—Село Хотки.—Село Лемеша отъ Козелца къ Смоленску на 13 верстъ.	
Въ Козелцѣ хлѣбъ	8 к.
Рыбку и за табакъ	2 к.
На квасъ	1 к.
Два колоча жолтинкихъ	4 к.
Въ церковь Николая чудотворца	1 к.
Горѣлки за	4 к.
За ночлеги	1 к.
Въ обѣдѣ горѣлки за	4 к.
Квасу за	2 к.
На пути въ шелашѣ на церковь Праскевы.	1 к.
Въ шелашѣ за холодецъ	1½ к.
За рыбку	1 к.
Село Владимирка. Село Дымарка.	
Нищему	¼ к.
За поленицу	1 к.
Въ Проворахъ селедей	3 к.
Ситная	2 к.
Горѣлки за	4 к.

¹⁾ Грибы, вѣроятно, сами собирали, идя дорогой.

²⁾ Прилучившееся болѣзненное состояніе путешественника не дозволило ему своевременно записать названія данныхъ селъ, а послѣ онъ, вѣроятно, не могъ вспомнить.

Въ Киевѣ церквѣй около 60. Церковь Успенія, двенадцатью святыми строенная, весьма хороша и украшенная; престоловъ въ ней..... Пещеры нижние и верхние ближние.

Михайловской золотоверхней монастырь, въ немъ мощи великомученицы Варвары безъ главы, по левой сторонѣ, противъ царскихъ вратъ, посреди церкви, подъ сѣнью въ рацѣ прекрасной. По правую сторону часть мощей святыхъ Понтелея, целителя зубовъ.—Софійской монастырь; въ немъ мощи митрополита киевскаго Макария по средней церкви его; а недалече по левой—части разныхъ святыхъ мощей. Въ софійскомъ монастырѣ, въ Софіе же престоловъ 18, а было 24, иныхъ 6 уничтожены, изъ нихъ одинъ вмѣсто жертвенника. Братской монастырь, гдѣ стояли, тамъ академия.—Петропавловскій монастырь; Дѣвичей противъ его на другой сторонѣ.

17 числа (іюня) въ четвергъ въ банѣ хотѣли париться, но покупались; а ключи отца Анатолия были украдены, но откинуты; а печатку, снятую у вора, послѣ по обыскѣ отобрали.

18 числа. Варварѣ мученицѣ на акаѣистъ и на свѣчи и въ Софійскомъ монастырѣ мощамъ Макария издержано денегъ: 1 р. 78к.

На квась въ Киевѣ	2 к.
Мыла и масла на	2 к.
Брылся	4 к.
Нищимъ	1 к.
На баню, хотя и не парились	5 к.
Василью повару на горѣлку	5 к.
Въ церковь на свѣчи	4 к.
Да въ кошелекъ	1 к.
На квась на радощахъ, что печатка нашлась	1 к.
Просвиры 4 к., пузырьки 7 к., на квась 2 к.	13 к.
На проскомидію съ просвирами общихъ	20 к.».

Замѣтки кончились. На обратномъ пути богомолецъ нашъ уже не велъ записи. Мы свели къ итогу его расходы. Оказывается, всего изведено 4 р. 93 копѣйки. Изъ нихъ въ Кіевѣ, составлявшемъ цѣль его путешествія, затрачено 2 р. 36 копѣекъ; а путь отъ Смоленска до Кіева обошелся ему, при полномъ довольствѣ, безъ выпрашиванія подаеній (напротивъ, онъ самъ подаетъ милостину), въ 2 рубля 57 копѣекъ, считая не на серебро, а на ассигнаціи.

Смоленскъ. 1887 г. 5 января.

Сообщилъ С. Писаревъ.

Бібліографія.

*Полтавскій адресь-календарь на 1887 г. Составленный под редакціею секретаря полтавск. губернскаго статистич. комитета
Д. А. Троцинскаго.*

Въ то время, какъ въ русской исторической наукѣ установлено положеніе, что дальнѣйшая ея разработка должна идти по частямъ, путемъ областнымъ, мѣстная областная исторія пополняется очень туго, дозами микроскопическими, и находитъ себѣ мѣсто въ такихъ изданіяхъ, гдѣ никакой исторіи по видимому совсѣмъ не полагалось-бы. Вотъ полтавскій адресь-календарь на нынѣшній годъ. Базалось-бы, какъ можетъ забрести исторія въ это чисто практическое и такъ сказать мимолетное изданіе. Но почтенные издатели нашли и тутъ для нея мѣсто.

«Кіевской Старинѣ», какъ органу мѣстному, но періодическому, надо выслѣживать и въ такихъ изданіяхъ историческія крохи и собирать ихъ въ одну общую массу, вмѣстѣ съ болѣе крупнымъ историческимъ матеріаломъ, по пословицѣ: «ловись рыбка велика ѿ маленька».

Въ названномъ календарѣ есть двѣ статьи, относящіяся къ мѣстной исторіи и одна къ мѣстной этнографіи. Названія ихъ слѣдующія: 1) Историческія свѣдѣнія о Полтавѣ и ея памятникахъ; 2) Полтава 1779 г. и 3) Полтавская старина. Всѣ три статьи составлены однимъ лицомъ, г. Сторожевскимъ. Первая изъ нихъ была напечатана еще въ 1882 г. въ «Справочно-адресной книгѣ г. Полтавы» на этотъ годъ. Теперь она перепечатана снова, притомъ безъ всякихъ измѣненій и дополненій, и сдѣлано-ли это, какъ отбѣзжающимъ артистомъ, по желанію публики, или по соображенію, что статья забыта и явится опять новинкой, или еще почему либо, остается неизвѣстнымъ. Быть

можетъ, авторъ, по скудости мѣстныхъ источниковъ, не нашель, чѣмъ пополнять свою статью, или онъ считаль ее на столько полною, что всякія дополненія дѣйствительно были-бы излишни? Но ни того, ни другого сказать нельзя. Стоило бы автору пересмотрѣть мѣстныя губернскаія вѣдомости до 60-хъ годовъ, а также «Памятную книжку полтавской губерніи», составленную г. Бодянскимъ, и онъ нашель-бы тамъ и здѣсь не мало такого, что могъ-бы съ пользою внести въ свой историческій очеркъ. А что этотъ очеркъ страдаетъ крайней неполнотою даже для невзыскательнаго провинціального читателя, въ этомъ убѣдиться не трудно. Не говоря о первой половинѣ XVII столѣтія, и для второй половины онаго и даже для всего XVIII вѣка въ «историческомъ очеркѣ» г. Сторожевскаго не находимъ необходимыхъ свѣдѣній. О возстаніи, напримѣръ, Мартина Пуцкаря онъ говоритъ какъ-бы мимоходомъ, посвящая этому историческому моменту всего 11 строкъ (стр. 88). Подробнѣе авторъ останавливается на описаніи полтавской битвы (39—43), но и здѣсь главное вниманіе обращается только на ходъ самаго сраженія. О составѣ населенія Полтавы за прежнее время, хотя-бы за XVIII в., нигдѣ не говорится ни слова; между тѣмъ данныя для этого, и весьма интересныя, лежали подъ рукою у автора историческаго очерка, именно въ архивѣ мѣстнаго губернскаго правленія, и отчасти уже были помѣщены въ Полт. Губ. Вѣдомостяхъ за 1861 г., въ № 3-мъ, подъ заглавіемъ: «Компуть всего полку полтавскаго 1718 г.» Находящіяся здѣсь цифровыя данныя не только опредѣляютъ количество населенія, но даютъ понятіе и о сословныхъ группахъ г. Полтавы прошлаго вѣка. Быть можетъ, эти-же данныя заставили-бы автора остановиться долѣе на значеніи Полтавы, какъ оплота отъ набѣговъ татаръ XVII в. и первой половины XVIII в., о чемъ авторъ упоминаетъ только мимоходомъ (стр. 38). Не будемъ останавливаться на другихъ пробѣлахъ историческаго очерка г. Полтавы, не имѣющаго особеннаго интереса даже для мѣстнаго обывателя. Замѣтимъ только, что перечень нѣсколькихъ фактовъ изъ виѣшней исторіи полтавскаго края, при не всегда удачной связи ихъ, а главное, при полномъ игнорированіи значенія этихъ фактовъ въ развитіи внутренней жизни мѣстнаго общества, представляется намъ совершенно излишнимъ и бесполезнымъ балластомъ.

Больше интереса представляетъ вторая статья: «Полтава 1799 г.», составляющая извлеченіе изъ дѣлъ архива городской полиціи. Но и здѣсь авторъ, по пословицѣ, больше «медомъ помазаль». Въ началѣ статьи онъ заявляетъ, что ему «удалось, какъ въ архивахъ, такъ и въ частныхъ домахъ, на аукціонахъ и т. п. случаяхъ отыскать (?) много старыхъ дѣлъ, книгъ полтавскаго суда, бумагъ и документовъ, начиная

съ первой половины прошлаго столѣтія (стр. 107) и что по этимъ матеріаламъ онъ предполагалъ рядомъ отрывковъ и монографій изобразить, хотя отчасти, мѣстный бытъ, общественныя отношенія, устройство (?), средства (?) и постепенное развитіе Полтавы отдаленныхъ временъ». Но... предположеніе автора не сбылось и собранный богатый матеріалъ былъ переданъ имъ же нынѣ покойному профессору кievскаго университета Кистяковскому. Но и проф. Кистяковскій не сдѣлалъ изъ переданныхъ ему бумагъ употребленія и уцѣляли ли они, неизвѣстно; въ рукахъ же г. Сторожевскаго остались архивныя бумаги лишь съ 1798 г.

Для статьи о Полтавѣ главнымъ матеріаломъ послужили рапорты городничаго кн. Шаховскаго ревизовавшему Полтаву кievскому военному губернатору Беклешову и рапортъ преемника Шаховскаго, Михаила Значко-Яворскаго. Въ статьѣ подробно описанъ городъ, какимъ онъ былъ тогда, съ его старыми валами, остатками бастионовъ и башенъ, съ его деревянными постройками, крытыми дранью и соломой. ~~Въ 1783~~ ~~домовъ~~ было 1283, всѣхъ жителей, мужчинъ и женщинъ, 7769. Изъ нихъ около 5½ тысячъ козаковъ и болѣе тысячи мѣщанъ. Дворянъ не было и 500 человекъ: переходъ въ благородное сословіе и прибавки ~~къ~~ фамиліи окончаніа ~~въ~~ тогда только-что входили въ моду. Въ описи подробно обозначены городскія зданія и учрежденія, ~~доходы~~ и оброчныя статьи города, лавки и базары; сообщаются данныя о доставляемыхъ городомъ ~~полевымъ~~, огородныхъ и садовыхъ продуктахъ, о ярмаркахъ и о поразительныхъ по дешевизнѣ рыночныхъ цѣнахъ.

Улицы не носили тогда опредѣленныхъ названій и изъ всѣхъ ихъ вымощена была одна. Только позднѣе, при Куракинѣ, сталъ застраиваться городъ. Къ той позднѣйшей эпохѣ относится умыленно-наивное, лукавое восклицаніе, вложенное Котляревскимъ въ уста одного изъ лицъ его безсмертной «Наталки»: «Вже-жъ городъ буде—лкѣ макъ цвите! Якъ бы покійни шведы, що згинули підъ Полтавою, повставали, то-бъ теперъ и не познали Полтавы!»

Иностранцевъ въ Полтавѣ было въ ту пору всего три: французъ и два нѣмца. На нихъ, по предписанію губернатора Миклашевскаго, устремлено было «недремленное око» городничаго. Французъ Жаке дѣйствительно поштался по Россіи,—былъ въ плѣну у Пугачева, оттуда бѣжалъ къ Михельсону и потомъ вынырнулъ какъ-то въ Полтавѣ. Нѣмецъ Менгесъ состоялъ при разорителѣ Сѣчи Текеліи. Пасторъ Веберъ существовалъ неизвѣстно для чего. Жаке и Менгесъ «занимались въ Полтавѣ обученіемъ и наставленіемъ благороднаго юношества въ наукахъ» и содержали два пансіона. Крѣмъ этихъ иноземныхъ разсад-

никовъ просвѣщеніи, въ 1799 г. была открыта «предположенная по положенію общества г. Полтавы 4-хъ классная школа».

Третья статья: «Старина Полтавская» представляет собою изложеніе трехъ дѣлъ, разбиравшихся въ полтавскомъ полковомъ судѣ первой половины XVIII в. Первое дѣло: «Евдохи Дацѣй, чаровничимъ дѣломъ бавячейся», относится къ 1710 г. и состояло въ слѣдующемъ.

У Евдохи Дацѣй было найдено четыре узелка «завязанныхъ чаровничихъ рѣчей» и «полторы палинички изъ житней муки». Дацѣй была вызвана въ судъ, гдѣ показала, что въ первомъ узелкѣ «заключается земля отъ гроба мертваго человѣка, взятая на особливомъ мѣстцу у гробовища». Земля была смѣшана съ бѣлымъ макомъ; по словамъ Дацѣй, достаточно было этой смѣсью «посыпать въ судѣ, щобъ право было тому человѣкови, который пришлоу поклониться суду»; во второмъ узелкѣ содержался «замурокъ (заморенный зародышъ яйца) курячій съ пучкомъ», употребляемый, какъ средство отъ лихорадки: «накурившись тымъ замуркомъ, заразы тряся покине»—объявила Дацѣй на судѣ. Въ третьемъ узелкѣ «чаровничихъ рѣчей» находился «спаленный на уголь мозокъ копечій зъ ничеными нитками»,—средство свести кого-либо съ ума, «щобъ зайшлоу въ голову», какъ говоритъ документъ. Въ четвертомъ узелкѣ было найдено «мыло съ покармомъ женскимъ»: смѣсь эту нужно было «росколотить съ пивомъ и въ каждую бочку высыпать, щобъ зо всѣхъ сторонъ люде до того двора шивкового сходились пить, минаючи иніе дворы, хочъ-бы найлѣпшій напитокъ гдѣ былъ». Относительно палиничекъ, найденныхъ у Дацѣй, она заявила, что приготовлены онѣ изъ житней муки съ святой водой, «якая святится въ церкви богоявленского святъ вечера» и давались ею (Дацѣй) при дурныхъ супружескихъ отношеніяхъ, «жебы зъ собою жили гараздъ». На судѣ въ качествѣ свидѣтельницы была спрошена и «мужа Дацѣйнаго мачиха»—Оришка, заявившая, что «тую Дацѣю о чарованнїи не просила». Послѣ допроса «судъ городовый полтавскій вынайшовъ въ Саксонѣ правъ магебургскихъ тотъ пунктъ: ежели бы кто кого очаровалъ, маеть быти огнемъ спаленъ» (126 стр.), но принявъ во вниманіе, что Дацѣй не успѣла „чаровничества“ привести въ исполненіе, а мачиха—Оришка, зная о чародѣйствѣ Евдохи, не „свѣдчила“, постановилъ наказать обѣихъ публично канчуками „нещадно, жебы болше такихъ поступковъ чинить завстяглися“.

Изложивъ содержаніе этого дѣла, г. Сторожевскій, между прочимъ, говоритъ: „изъ многочисленныхъ рѣшеній полковыхъ судовъ XVII и XVIII в. ясно можно видѣть, что употреблявшіеся въ Малороссіи кодексы, по своей средневѣковой суровости, не соответствовали уже тѣмъ

ідеаламъ народнаго сознанія, которые выработались къ тому времени общественною жизнію». Съ замѣчаніями автора можно согласиться только отчасти. Въ полковыхъ судахъ Малороссіи XVIII в. далеко не всегда и не вездѣ руководились правомъ обычнымъ. Все зависѣло отъ личности судей, а чего либо вполнѣ установившагося нельзя замѣтить.

Другое дѣло: «О ложномъ чудѣ» относится къ 1711 году. Особеннаго научнаго интереса оно не представляетъ; вотъ его суть. Въ Полтавѣ рзнесеи слухъ, что въ погребѣ мѣстнаго обывателя Рымаря *«щось говорить»*. Народъ толпами сходилъ слушать этотъ невѣдомый голосъ, убѣждавшій, напрімѣръ, одного жителя, чтобы онъ, «якъ доробить церковь», имѣлъ бы «доброе въ сердцю и добрые дѣла сотворялъ, и будетъ благодать мати». Судъ послалъ комиссію для изслѣдованія погреба. Оказалось, что слова, слышанныя изъ погреба, произносила Оришка, жена Рымаря. Вызванная въ судъ Оришка заявила, что сама «своими нечистыми устами говорила и прельщала людей для собиранія денегъ съ легковѣрныхъ». Судъ постановилъ: «тую блюзвѣрку Оришку подъ часъ торгу поблѣчне выбити на мосту».

Невольно какъ-то вспоминается при этомъ обошедшее недавно ~~та~~ газеты, а первоначально ливившееся въ «Кіевскомъ Словѣ» сообщеніе о необычайномъ явленіи, которое, по наблюденію кіевскаго вице-губернатора Баумгартена и профессора Прахова, имѣло мѣсто въ новостроющемся въ Кіевѣ Владимірскомъ соборѣ и состояло въ томъ, что на за-престольной стѣнѣ этого собора показывалось то самое изображеніе Божіей Матери, которое задумалъ художникъ Васнецовъ.

Наконецъ 3-е дѣло 1727 г.: «о Рѣшетилловскомъ упырѣ Гаврилѣ Ивановѣ Мовчаненкѣ» заключаетъ въ себѣ тоже не безынтересныя данныя для исторіи повѣрій южно-русскаго народа. Иванъ Мовчаненко, назвавшись упыремъ, въ с. Рѣшетилловкѣ заявилъ народу, что наступившее бездождіе прекратится тогда, когда будутъ утоплены четыре мѣстныя вѣдьмы, указываемыя имъ. Громада рѣшетилловская потребовала отъ сотника привести въ исполненіе предсказаніе Мовчана, но сотникъ поспѣшилъ объявить о начавшемся народномъ бунтѣ коменданту Полтавы. Комендантъ и полковникъ послали въ Рѣшетилловку унтеръ-офицера и бургомистра, которые и доставили въ судъ Мовчаненка и указанныхъ имъ четырехъ вѣдьмъ изъ мѣстныхъ обывательницъ. На судѣ «подъ батожымъ боемъ» упырь сознался, что «въ безуміи опорочилъ этихъ женъ и что въ новомѣсячьи припадаетъ ему въ голову замѣшаніе». Полтавскій полковой судъ отпустилъ женщинъ, освободилъ отъ наказанія и упыря, объявивъ «всему товариству и посполитству рѣшетилловскому не довѣрять вымышленному обманцику и не полнаго ума челоуѣку».

Какъ видить читатель, и эта статья, и предшествовавшая ей хотя представляють собою простое изложеніе сырыхъ матеріаловъ, но заключаютъ въ себѣ не мало интересныхъ данныхъ по южно-русской этнографіи. Спасибо любителямъ полтавской старины; но невольно подумаешь при этомъ о судьбѣ самыхъ памятниковъ этой старины. Сколько ихъ лежитъ втунѣ въ архивахъ полтавскаго губ. правленія, казенной палаты, окружнаго суда, консисторіи, дворянскаго депутатскаго собранія! И нѣтъ особаго надежнаго хранилища для нихъ, нѣтъ рукъ и средствъ для ихъ разработки. Есть архивныя комиссіи въ Саратовѣ, въ Рязани, въ Новочеркасскѣ проектируется музей, а нашъ югъ и не помышляетъ о семъ, ожидая вѣрно толчка свыше. Тѣмъ больше чести отдѣльнымъ личнымъ попыткамъ, къ какимъ принадлежитъ бесспорно и разсмотрѣнный нами трудъ гг. Стороженскаго и Трощинскаго.

Н. Н. Бакай.

Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1886 г. т. I—II.

Оба тома названнаго сборника очень объемисты и весьма разнообразны по своему составу. Въ первомъ томѣ помѣщено 20, во второмъ 7 статей, касающихся различныхъ сторонъ мѣстной, минувшей и современной, жизни. Мы не можемъ однако разсматривать этого сборника во всей полнотѣ и разнообразіи его содержанія. По специальной задачѣ нашего изданія, мы можемъ слѣдить въ немъ лишь то, что относится къ исторіи или этнографіи южнорусскаго или малорусскаго населенія той мѣстности; но статей съ такимъ содержаніемъ въ обоихъ томахъ сборника очень мало, или почти совсѣмъ нѣтъ. Лучшія статьи обоихъ томовъ посвящены преимущественно или даже исключительно городу Воронежу, трехсотлѣтній юбилей котораго праздновался, а такія статьи, какъ о землевладѣніи и семейныхъ раздѣлахъ въ крестьянскомъ классѣ, или этнографическіе очерки населенія воронежской губерніи, гдѣ можно бы найти что-либо по малорусской исторіи и этнографіи, крайне малы и слабы. Конечно, это не могло бы случиться при болѣе широкомъ взглядѣ мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей на задачи юбилейнаго сборника, такъ какъ территорія воронежская, отчасти и самый Воронежъ первоначально заселены черкасскими выходцами, да и въ настоящее время на 2,486,197 д. населенія губерніи приходится 1,200,000 малороссіянь; но мы должны довольствоваться тѣмъ, что даетъ для нашихъ

цѣлей сборникъ въ настоящемъ его составѣ, а даетъ онъ, какъ мы уже сказали, весьма немного.

Въ 1-й томъ сборника вошла статья неизвѣстнаго автора (N.) о малорусскомъ населеніи полтавской гусерніи, напечатанная первоначально въ Полтавскомъ Сборникѣ 1877 г. Странно, конечно, встрѣтить такую перепечатку въ юбилейномъ изданіи; но составители Воронежскаго Сборника объясняютъ такое заимствование съ одной стороны огромнымъ процентомъ малорусскаго населенія воронежской губерніи, а съ другой тѣмъ, что среди населенія полтавской губерніи лучше сохранились этнографическія особенности малорусскаго народа. Объясненіе это мало поправляетъ ошибку издателей, такъ какъ самая статья оказывается крайне жидкой и пустой. На 23 страницахъ разгонистой печати говорится о типѣ малороссовъ, ихъ характерѣ, положеніи женщины, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, обрядахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ, обо всемъ понемножку, съ примѣсю громкихъ фразъ, причемъ не видно ни малѣйшей личной наблюдательности или личнаго изученія народа. Перепечатка этой пустой статьи, хотя вышла изъ самыхъ лучшихъ побужденій, обнаружила однако почти полное незнакомство составителей сборника съ малорусскою этнографіей вообще и этнографіей воронежскихъ малороссовъ въ частности. А между тѣмъ украинское населеніе губерніи въ 1 мил. 200 тыс. человекъ вполне заслуживаетъ изученія, и въ связи съ остальнымъ украинскимъ народомъ, и отдѣльно, изученія этнографическаго, археологическаго и бытоваго.

Съ большимъ интересомъ можно остановиться на статьѣ, служащей украшеніемъ перваго тома; это историческій очеркъ города Воронежа, составленный Л. Б. Вейнбергомъ, членомъ-секретаремъ мѣстнаго статистическаго комитета. Представимъ вкратцѣ его содержаніе; въ немъ не мало любопытныхъ фактовъ изъ исторіи малорусскихъ поселенцевъ въ томъ краѣ и самомъ Воронежѣ.

Воронежъ построенъ въ 1585 г. по указу Ѳедора Іоанновича, одновременно съ г. Ливнамп, и главной цѣлью основанія этихъ двухъ городовъ было облегчить «передачу вѣстей про приходъ воинскихъ людей». Первымъ воеводой былъ Сабуровъ. Въ 1590 г. малорусскіе козаки изъ Канева въ количествѣ 600 человекъ напали на Воронежъ и разрушили его. Находясь на бойкомъ торговомъ пути, Воронежъ скоро оправился, обстроился; но въ смутное время Заруцкій его ограбилъ и разорилъ. Царь Михайлъ Ѳедоровичъ очень заботился о заселеніи воронежскаго края великороссами и малороссами. Очень уважал малорусское козачество за храбрость, Михайлъ Ѳедоровичъ надѣлилъ малороссовъ-переселенцевъ разными льготами и привилегіями. Черкасы мас-

сами двинулись въ плодородный воронежскій край, и въ четыре года основали три города: Усердь (1641 г.), Коротоякъ (1642 г.) и Ольшанскъ (1645 г.). При Алексѣѣ Михайловичѣ возникаютъ новые малорусскіе города: Усмань (1650 г.), Орловъ (1650 г.), Острогожскъ (1652 г.) и Землянскъ (1657 г.). Острогожскъ скоро такъ поднялся, что Воронежъ сталъ ему завидовать. Права и привилегіи черкасскія, въ особенности торгово-промышленныя, неблагопріятно повліяли на экономическую жизнь великороссовъ, и между первыми и послѣдними возникли неприязненныя отношенія. Въ особенности часто спорили воеводы съ черкасскими полковниками. Обвиненія всякаго рода и доносы шли въ Москву въ обилии отъ обѣихъ сторонъ: но правительство не обращало серьезнаго вниманія на эти доносы, такъ какъ знало, что они были вызваны преимущественно личными интересами начальныхъ людей. Правительство понимало, что близость привилегированныхъ черкасскихъ городовъ оказывала неблагопріятное вліяніе на экономическую жизнь Воронежа, но оно интересы всего края ставило выше интересовъ города Воронежа и весьма цѣнило военную доблесть и опытность малорусскихъ поселенцевъ, тѣмъ болѣе, что малорусскіе поселенцы были наиболѣе культурнымъ элементомъ въ краѣ. Въ Воронежѣ въ XVII ст., по словамъ г. Вейнберга, число грамотныхъ жителей было весьма велико, причемъ грамотность была распространена не только среди дворянъ и дѣтей боярскихъ, но также среди купцовъ и крестьянъ; наставниками были, вѣроятно, малороссы. Въ селѣ Ендовицѣ въ концѣ XVII ст. была школа для дѣтей козаковъ-черкасскія. Выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ былъ дячекъ мѣстной церкви. Грамота преподавалась по азбукамъ, составленнымъ грамотѣями. Малорусское населеніе давало не только испытанныхъ въ бояхъ воиновъ, не только наставниковъ грамоты, но также искусныхъ ремесленниковъ. Иностранецъ путешественникъ де-Бруннъ, посѣтившій воронежскій край въ 1702 г., говоритъ объ одной необыкновенной мельницѣ, построенной малорусскимъ мастеромъ, причемъ приложенъ рисунокъ съ нею. Мельница имѣла форму восьмиугольника. Внутри зданія помѣщались четыре мельницы, которыя дѣйствовали одновременно безъ крыльевъ и всякихъ другихъ наружныхъ приспособленій для примѣненія силы вѣтра. Но внутри этой главной мельничной постройки устроено семь парусовъ, похожихъ на обыкновенные барочные паруса, и само зданіе снабжено и закрывается снаружи большими окнами или дверями. При благопріятномъ вѣтрѣ открывали два или три окна съ той стороны, съ какой онъ дулъ. Черезъ эти окна врывался вѣтеръ, надувалъ паруса и такимъ образомъ приводилъ въ быстрое движеніе весь механизмъ. Эту мельницу осматривалъ Петръ Великій.

Населеніе города Воронежа состояло изъ разнородныхъ элементовъ, среди которыхъ элементъ малорусскій занималъ не послѣднее мѣсто.

Пребываніе Петра Великаго въ Воронежѣ и предпринятая имъ въ широкихъ размѣрахъ постройка кораблей на воронежской верфи чрезвычайно оживили этотъ захолустный городокъ и еще болѣе преобразили его разношерстный составъ. Громадные пустыри среди города и вдоль берега рѣки покрылись живописными домиками иноземцевъ. Быстро выросла нѣмецкая улица, на которой рядомъ съ легкой галлереей домика швейцарца высилась неуклюжая крыша флегматика голландца. Населеніе этой улицы весь день проводило на работѣ, на рѣбѣ, строя корабли. Шумъ былъ такой, что вся крупная рыба ушла изъ рѣки Воронежа въ Донъ. Въ началѣ XVIII ст. Воронежъ имѣлъ уже десять тысячъ жителей, одѣтыхъ во «французское» платье, обучающихся и лечащихся у врачей иностранцевъ, переписывающихся по «ординарной» почтѣ, охотниковъ до музыкальныхъ исполненій «виртуозовъ-черкасъ».

Воронежъ Петра Великаго сгорѣлъ почти до-тла въ 1748 г. Пожаръ истребилъ болѣе тысячи домовъ, въ томъ числѣ государевъ дворецъ, адмиралтейскій дворъ, дома Апраксина и Меньшикова. Городъ вскорѣ отстроился. Въ 1773 г. Воронежъ снова выгорѣлъ, и лишь съ этого времени приняты были нѣкоторыя гигиеническія и противопожарныя мѣры.

Съ шестидесятыхъ годовъ обнаружился упадокъ торговли и вообще экономической жизни Воронежа. Съ открытіемъ московско-курской и курско-харьковско-азовской желѣзныхъ дорогъ Воронежъ отодвинуть былъ въ сторону Харьковомъ и даже Ельцомъ.

Въ замѣну понесеннаго Воронежомъ ущерба въ матеріальномъ благосостояніи благосклонная къ нему судьба дала ему духовныя успѣхи. Въ текущемъ столѣтіи страницы исторіи г. Воронежа украсились цѣлымъ рядомъ именъ полезныхъ мѣстныхъ дѣятелей: Болховитинова, Второва, Хованскаго, Вейнберга и двумя именами всероссійской извѣстности, Кольцовымъ и Никитинымъ.

Въ второмъ томѣ лучшая статья Н. В. Воскресенскаго о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Это правдивая и фактическая лѣтопись просвѣтительной дѣятельности лучшихъ силъ мѣстной интеллигенціи.

Въ 1847—1849 годахъ редакторомъ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей состоялъ А. С. Аванасевъ, писавшій подъ псевдонимомъ Чужбинскій, авторъ извѣстной «Поѣздки» на югъ Россіи, по Днѣпру и Днѣстру. При Аванасевѣ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщались статьи для народнаго чтенія на русскомъ и малорусскомъ языкахъ.

Такъ, по случаю новаго года (1848 г.) редакторъ обратился къ малороссамъ съ такимъ привѣтствіемъ: «Поздоровляю васъ съ новымъ годомъ! Чи живеньки, здоровеньки? Чи добре бенкетували на святкахъ? Ну, брацци (!), щожъ робытимемо съ новаго году. Мынули святки, пора прійматись за роботу; годи сидыть позкладавши руки. А я кожненькій тыждень у суботу розказыватыму вамъ яку небудь приповисть: и старовыну згадаемъ, и казку найдемо, и баласы точытимемо, щобъ нескушно було у неділю, а у мене розказивъ багато, повнысенька торба—тільки слухайте». Редакторъ очевидно не владѣлъ малорусскимъ языкомъ и, чтобы скрыть свое незнаніе, прибѣгъ къ шуткамъ и пустословію. Но долго нельзя было держаться на этой шутовской почвѣ въ дѣлѣ серіозномъ, и съ іюля 1848 г. рассказы для народнаго чтенія прекратились.

Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ (1838—1848 г.) существованіи Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей не было помѣщено ни одной статьи по этнографіи. Въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 50 и 60-хъ годовъ помѣщено много этнографическихъ статей, при чемъ лучшія статьи написаны фонъ-Кремеромъ.

Въ статьѣ о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ находятся обширныя извлеченія изъ весьма любопытнаго этнографическаго альбома Второва и его статистико-этнографическихъ замѣчаній о населеніи воронежской губерніи. Разсматривал населеніе воронежской губерніи за 1854 г., Второвъ обрисовываетъ великоруссовъ, населяющихъ всѣ сѣверныя и восточныя уѣзды, и малоруссовъ, составляющихъ значительное большинство въ западныхъ и южныхъ уѣздахъ: «Малороссіане, говоритъ онъ, набожны и релігіозны, усердны къ церкви и строго исполняютъ церковныя установленія. Они охотно учатся грамотѣ. Много между ними есть самоучекъ-живописцевъ, такъ что почти всѣ иконостасы въ сельскихъ и многихъ городскихъ церквахъ воронежской губерніи писаны хохлами. Многіе также промышляютъ разными ремеслами; вообще они предприимчивы и склонны къ торговымъ занятіямъ. Малороссіане еще живо сохраняютъ въ памяти прежнее свое козачество... Въ случаяхъ злоупотребленій помѣщичьей власти, со стороны малоруссовъ встрѣчалось болѣе оппозиціи, чѣмъ со стороны крѣпостныхъ великоруссовъ... Малоруссы живутъ весьма опрятно, хаты у нихъ, даже у самыхъ бѣдныхъ, свѣтлыя, обмазанныя внутри и снаружи глиною и выбѣленные, а передъ хатами, выходящими лицомъ всегда на улицу, находятся палисадники съ мальвами, шафраномъ и другими цвѣтами; въ пищѣ малороссіане не любятъ себя ограничивать... Нравственность сохраняется въ чистотѣ... Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ малорусское населеніе сближается съ

великорусскимъ, болѣе ощутительное вліяніе оказываетъ первое на послѣднее; великороссіане живутъ тамъ опрятнѣе, въ бѣлыхъ хатахъ..., въ языкѣ малоруссы и великоруссы имѣютъ взаимное вліяніе другъ на друга, и перевѣсъ остается на сторонѣ великоруссовъ. Вступая въ браки, они перемѣшиваются, но при этомъ, если мать малороссіанка, то дочери въ языкѣ и одеждѣ удерживаютъ болѣе малорусскую національность, а сыновья походятъ болѣе на отца, и наоборотъ». Этнографическій альбомъ Второва содержитъ 49 рисунковъ, изъ которыхъ каждый содержитъ отъ 2 до 6 и болѣе типовъ. Эти рисунки изображаютъ крестьянъ 23 великорусскихъ, 6 малорусскихъ и 1 нѣмецкаго поселенія. Костюмы описаны весьма подробно.

Г. Воскресенскій слѣдитъ за содержаніемъ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей изъ года въ годъ, сообщаетъ біографіи редакторовъ и перечисляетъ главныя статьи по этнографіи, исторіи и статистикѣ. Въ приложеніи къ статьѣ о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ находятся біографическіе очерки знаменитыхъ людей, родившихся въ воронежской губерніи: митроп. кіевскаго Евгенія, А. В. Кольцова, Н. И. Костомарова и Н. А. Сѣверцова. Юбилейный сборникъ снабженъ нѣсколькими рисунками и портретами, мимоходомъ замѣтимъ, плохо исполненными.

Въ цѣломъ Воронежскій Юбилейный Сборникъ представляется весьма отраднымъ явленіемъ провинціальной жизни.

Н. С.

A. v. Schweiger Lerchéfeld, Zwischen Donau und Kaukasus. A. Hartleben's Verlag. Wien. Pest. Leipzig. 1886. (А. ф. Швейгеръ Лерхенфельдъ. Отъ Дуная до Кавказа).

Подъ приведеннымъ заглавіемъ вышло популярное сочиненіе со многими политипажами, картинами и картами, посвященное описанію странъ, прилегающихъ къ Черному морю, между которыми, понятно, нашла себѣ мѣсто и степная полоса юга Россіи. Если судить о сочиненіи Швейгеръ Лерхенфельда по одеждѣ, то надо пожалѣть, что подобнаго сочиненія о югѣ Россіи до сихъ поръ нѣтъ и въ нашей литературѣ: изобиліе и красота иллюстрацій, отличная бумага и хорошій шрифтъ закупаютъ въ пользу его книги; однако, при ближайшемъ ознакомленіи съ ней, обаяніе исчезаетъ.

Ближайшимъ образомъ къ югу Россіи относятся собственно двѣ главы: введеніе, представляющее общій обзоръ историко-географиче-

скаго содержанія, и специальная глава «Южная Россія (отъ Прута до Дона)». Въ обѣихъ говорится объ очень многомъ. Такъ, введеніе (1—52 стр.) трактуеть о путяхъ переселенія въ Европу кельтовъ, греко-италійцевъ, славянъ и финновъ, объ арійскомъ происхожденіи скивовъ, о достовѣрности Геродота, касается географическаго распредѣленія народовъ геродотовой скивіи, говорятъ о греческихъ колоніяхъ и ихъ торговыхъ сношеніяхъ со скивами, о движеніяхъ савроматовъ, гунновъ, болгаръ, аваръ и пр., занимается топографіей похода агронавтовъ, босфорскимъ царствомъ и т. д., кончая Петромъ Великимъ и его азовскими походами, и наконецъ столь же поверхностнымъ географическимъ обзоромъ.

Спеціальная глава о югѣ Россіи (97—136 стр.), при равныхъ претензіяхъ, не превосходитъ достоинствами вводную главу. Начинается она географическимъ обзоромъ степныхъ губерній, расположенныхъ между Прутомъ и Дономъ. Въ немъ мы находимъ удивительныя вещи. Такъ, напримѣръ, Днѣпръ впадаетъ близъ Одессы, въ одесскій заливъ (101 стр.), минимумъ зимней температуры 25°Ц., средняя лѣтняя температура равна средней лѣтней Мадеры, зимняя средней таковой же сѣверныхъ странъ Европы (102 стр.). Далѣе опять на сцену является исторія. О курганахъ говорится, что большая часть ихъ насыпана кочевыми народами для указанія границъ и дорогъ (111 стр.). Потомъ снова мчатся скѣпы, ихъ нагоняють мадьяры, болгары, готы и другіе «языки», свыше дванадцати—толпятся на небольшомъ пространствѣ трехъ страницъ (115—118 стр.), спугиваются, спшибаются и ложатся огромной, безпорядочной кучей. За симъ слѣдуетъ нѣчто, озаглавленное «Народная мозаика на югѣ Россіи»; это нѣчто посвящено вопросу о сравнительной этнической чистотѣ малоруссовъ и великоруссовъ, при чемъ авторъ держитъ себя вполне прилично, что надо зачесть въ большую похвалу ему: онъ признаеть нѣкоторую подмѣсь въ великоруссахъ финскаго, а въ малоруссахъ тюркскаго начала, но считаетъ ее мало существенною, а разстояніе между тѣми и другими менѣе, чѣмъ между Ober und Niederdeutschen. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ серьезно-деликатной бесѣды, авторъ съ неожиданной быстротой перескакиваетъ въ Запорожье; говоритъ немного о національности «козаковъ», приходя къ похвальному заключенію, что они тоже славяне, заявляетъ, что украинскіе козаки назывались сначала запорожцами, но что потомъ, съ начала XVI в., слово козакъ получало болѣе обширное значеніе, запорожцами же стали называть преимущественно дѣлтровскихъ островитянъ (122—123 стр.). Затѣмъ Швейгеръ Лерхен-

Фельдъ садятся на быстрого пегаса и мчится далѣе: вмѣстѣ съ козаками онъ воюетъ съ Польшей и Турціей, участвуетъ въ возстаніи Богдана Хмельницкаго и въ присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, вмѣшивается въ бунтъ Мазепы и на короткое время останавливается на эпохѣ Екатерины, для того, чтобы высказать нѣсколько глубоко-мысленныхъ замѣчаній относительно того, что хотя козаки были храбры, смѣлы и осмотрительны, но что эти добрыя качества затемнялись пагубными склонностями къ пьянству и къ игрѣ (къ какой?). Послѣ экскурса о козакахъ, слѣдуетъ новое нѣчто, названное авторомъ: «Къ исторіи Руси». Здѣсь идетъ рѣчь о вторженіяхъ норманновъ и о пришествіи Рюрика; вопросъ о Руси обойденъ темною фразою о томъ, что славяне стали называться русскими со времени Рюрика; далѣе говорится о сношеніяхъ Руси съ Византіей, вліяніе которой признается болѣе сильнымъ, чѣмъ норманское, и оцѣнивается слѣдующимъ образомъ: положительная сторона византійскаго вліянія та, что оно одолѣло азіатскій духъ и положило предѣлъ распространенію магометанства, отрицательная—застой подъ преобладаніемъ консервативныхъ богословскихъ взглядовъ (128—129 стр.). Потомъ мелькаютъ передъ читателемъ Святославъ, Владиміръ, Иванъ III, Иванъ VI и далѣе. Наконецъ, утомленное этой базарной пестротой предметовъ вниманіе на нѣсколько минутъ останавливается на обзорѣ современныхъ южно-русскихъ городовъ и прежде чѣмъ закрыть книжку, читатель еще почерпаетъ не лишеныя новизны свѣдѣнія, что въ Николаевѣ есть важный музей древностей крымскихъ и южно-русскихъ, а Елисаветградъ—спльно укрѣпленный городъ съ обширнымъ арсеналомъ (135 стр.).

Нѣсколько словъ о рисункахъ. Въ началѣ главы о югѣ Россіи изображенъ бородачъ съ длинными, спускающимися на плечи, волосами и съ кнутомъ въ рукѣ, это малорусскій кучеръ; на стр. 112 чудовищный «тарантасъ», небывалый и несуществующій на югѣ, мчится тройкой вдоль кривыхъ телеграфныхъ столбовъ, торчащихъ въ разныя стороны; на стр. 120 и 121 представлены малороссіянка и малоруссъ; послѣдній также съ бородой, но остриженъ въ скобку, одѣтъ въ долгополый кафтанъ, а въ рукахъ держитъ длинную трубку; на пейзажѣ, окружающемъ изображеніе, слѣва виднѣются двѣ сосны и тесовая крыша, а справа два тополя. Послѣднія два изображенія почерпнуты изъ соч. Гельвальда: «Естеств. исторія племенъ и народовъ» (стр. 792—793, II т. въ русск. перев.); но у того бородачъ сидитъ за чаемъ и представляетъ великоросса, у Швейгера онъ сошелъ за малоросса, благо, Швейгеръ не находитъ между ними большаго

ривлячія. Наконецъ, въ заключеніи главы, изображенъ монахъ съ подписью «попъ».

Сказаннаго считаемъ достаточнымъ для того, чтобы признать сочиненіе Швейгеръ-Лерхенфельда неудовлетворяющимъ самымъ несходительнымъ требованіямъ, предъявляемымъ популярному сочиненію по географіи и по исторіи. Въ недавнее время европейская литература и наука обратили самое серьезное вниманіе на Россію и представили рядъ солиднѣйшихъ трудовъ по ея изученію, весьма важныхъ или, по меньшей мѣрѣ, любопытныхъ и для русской читающей публики. Сочиненіе Швейгера показываетъ еще разъ, что интересъ къ Россіи на западѣ очень великъ, но что его можно эксплуатировать и такой негодной книжкой, скомпонованной на чисто коммерческихъ основаніяхъ; само собою разумѣется, что для русскихъ читателей она представляетъ только интересъ курьеза.

В. Я.

Харьковскій календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложение къ календарю). Изданіе Харьков. Губер. Стат. Ком. подъ редакціей дѣйств. члена-секретаря П. С. Ефименка. Цѣна 1 р. 20 к.

Прошлогодній Харьковскій календарь, изданный подъ редакціей П. С. Ефименка, не оставлялъ, казалось, желать ничего лучшаго; но календарь этого года далеко оставляетъ за собою прошлогодній. Не говори о внушительныхъ достоинствахъ изданія, довольно сказать о его объемѣ и цѣнѣ. За 1 руб. 20 коп. покупатель пріобрѣтаетъ 2 книги: Календарь въ 63 печ. листа мелкаго петита (болѣе 1000 страницъ) и Сборникъ въ 17 печатныхъ листовъ (278 стр.) также мелкаго петита. Что литературно-научныя статьи выдѣлены теперь въ особую книжку, названную Харьковскимъ Сборникомъ, къ этому нельзя не отнести сочувственно; безъ этого календарь, вслѣдствіе своей излишней тучности, былъ бы неудобенъ для справокъ; но иди въ этомъ направленіи, слѣдовало бы, намъ кажется, для удобства публики перенести въ сборникъ изъ календаря и статьи научнаго характера: отъ этого объемъ календаря нѣсколько уменьшился бы, а объемъ сборника увеличился. Изъ календаря текущаго года можно было бы безъ ущерба перенести въ сборникъ статьи по сельскому хозяйству.

Мы не будемъ перечислять статей, помѣщенныхъ въ календарь, и знакомить читателей съ разнообразнымъ содержаніемъ всего сборника,

а укажемъ только на тѣ статьи его, которыя имѣютъ связь съ задачами «Кіев. Старини», журнала, посвященнаго южно-русской старинѣ.

На первомъ мѣстѣ въ Харьковскомъ Сборникѣ стоятъ воспоминанія Ф. О. Рейнгардта о Харьковѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Для харьковцевъ это самая интересная и занимательная статья въ книгѣ. Авторъ статьи (донинѣ здравствующій отставной педагогъ 75 лѣтъ) обладаетъ поразительною феноменальною памятью и знаніемъ стариннаго Харькова: ему въ точности извѣстны, напр., всѣ каменные дома въ Харьковѣ 30-хъ годовъ; онъ прекрасно вообще знаетъ топографію стариннаго Харькова и тѣ перемѣны, которыя совершались въ немъ въ послѣдующее время; приводитъ любопытныя цифры цѣнъ того времени, имена и фамиліи купцовъ, жителей, содержателей магазиновъ, владѣльцевъ заводовъ, иностранныхъ ремесленниковъ и т. п. Чрезвычайна любопытна его характеристика домашней жизни и нравовъ разныхъ сословій тогдашняго общества; приведено при этомъ не мало и анекдотовъ.

Гораздо менѣе занимательны мемуары другаго харьковскаго уроженца о г. Харьковѣ и харьковской губерніи (съ 1788 по 1820), В. И. Ярославскаго. Они носятъ слишкомъ отрывочный характеръ. Впрочемъ эти недостатки относятся больше къ внѣшней сторонѣ записокъ. Но и въ нихъ мы найдемъ не мало любопытныхъ данныхъ о болѣе или менѣе выдающихся дѣятеляхъ того времени—Шидловскомъ, Комбурлѣѣ, архитекторѣ Палицынѣ и др., есть и нѣкоторыя интересныя бытовые подробности (объ экзаменѣ въ университетѣ для полученія чина коллежскаго ассесора).

Особенный интересъ представляетъ отрывокъ изъ воспоминаній о В. Н. Каразинѣ, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ харьковскій университетъ. Личность Каразина выступаетъ передъ нами въ несовсѣмъ привлекательномъ видѣ. Здѣсь между прочимъ разсказывается о томъ, что Каразинъ выхлопоталъ у государя признаніе законорожденной дочь помѣщика Надаржинскаго, для того, чтобы жениться на ней и взять ея богатое приданое.

В. Н. Каразину посвящена кромя того еще отдѣльная статья въ сборникѣ «В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручина», прот. Н. А. Лашенкова. Здѣсь приведены новыя¹⁾ и интересныя свѣдѣнія о Каразинѣ, какъ первомъ эмансипаторѣ изъ украинскнхъ помѣщиковъ I - й четверти настоящаго столѣтія. Вышедши въ отставку въ цвѣтѣ силъ (31 г.), Каразинъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи с. Кручинѣ и

¹⁾ Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ архива харьк. дух. консисторіи.

предпринялъ цѣлый рядъ филантропическихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта и просвѣщенію его крестьянъ. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ нужно поставить попытку его устроить бытъ духовенства своей церкви на совершенно новыхъ началахъ: «онъ составилъ запись, въ которой лично отъ себя назначилъ священнику очень достаточное содержаніе, поставивъ при этомъ правиломъ, чтобы священникъ ни подъ какимъ видомъ не бралъ съ прихожанъ платы за требы и отказался не только отъ занятія хлѣбопашествомъ, но и отъ владѣнія церковною землею». Запись эта была утверждена, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями (напр., пунктъ о церковной землѣ былъ совсѣмъ выброшенъ) и на практикѣ принесла большую пользу, м. б., главнымъ образомъ потому, что выборъ священника оказался очень удачнымъ. Другимъ предпріятіемъ Каразина было устройство *сельской думы*, въ которой участвовали выборные изъ крестьянъ для суда, раскладки податей и т. п. Наконецъ, въ третьихъ, В. Н. Каразинъ устроилъ въ своемъ имѣніи первую приходскую школу, о процвѣтаніи которой сильно заботился. Прот. Лащенковъ называетъ Каразина необыкновенно смѣлымъ вождемъ народа и, что важнѣе, въ его-же духъ и чувствъ». Что такое заключеніе о. Лащенкова преувеличено, доказывать это было-бы излишне. Попытки урегулировать отношенія между приходскими священниками и населеніемъ имѣли мѣсто въ Малороссіи еще въ XVIII ст., и существуетъ цѣлый рядъ договоровъ такого рода между священниками и сельскими громадами. Тоже самое нужно сказать о школахъ: онѣ существовали почти во всѣхъ значительныхъ мѣстечкахъ и селахъ Малой Россіи и Слоб. Украйны, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Румянцевская опись Малороссіи и перепись Хрущова; остается также подъ сомнѣніемъ, чтобы Каразинъ дѣйствовалъ именно въ духъ своего (т. е. малорусскаго) народа; скорѣе, пожалуй, можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ представителей либеральной эпохи имп. Александра I, чѣмъ и объясняются его филантропическія и освободительныя идеи и проекты. Но, какъ сынъ своего вѣка, онъ не чуждъ былъ и многихъ отрицательныхъ въ нравственномъ отношеніи чертъ.

Изъ другихъ историческихъ матеріаловъ въ «Сборникѣ» обращаетъ на себя наше вниманіе прекрасно составленная статья „Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ“. Матеріаломъ для нея послужило одно дѣло изъ харьковскаго историческаго архива (объ имѣніяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова). Можно пожелать, чтобы и на будущее время редація такъ обрабатывала сырые архивные матеріалы. Недостаетъ впрочемъ рисунковъ этихъ одеждъ и утвари. Въ замѣткѣ «Кое что о древностяхъ харьковской губерніи»

заключается нѣсколько извѣстій о находкахъ древнихъ монетъ и другихъ предметовъ въ предѣлахъ харьковской губерніи; 2 монеты, по опредѣленію проф. В. Б. Антоновича, времени Митридата и Марка Аврелія. Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены междупрочимъ біографіи В. Пассека и Соханской (Кохановской); эта послѣдняя написана особенно тепло и задушевно. Статья А. Д. Твердохлѣбова объ ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ даетъ мало новыхъ данныхъ. Среди матеріаловъ и мелкихъ замѣтокъ особенное вниманіе обращаетъ на себя статья: «Страница изъ исторіи благоустройства г. Харькова (1760—1765)». Это документъ, извлеченный изъ Харьк. Историческаго архива и проливающий много свѣта на состояніе нашего города во 2-й половинѣ XVIII ст. Здѣсь между прочимъ помѣщена жалованная грамота цари Алексѣя Михайловича харьковскимъ обывателямъ на устройство цеховъ—извѣстіе совершенно новое. Весьма интересно также «Хроно-географическое описаніе г. Харькова (1767 г.)». Наконецъ, въ отдѣлѣ бібліографіи помѣщены рецензіи на книги, касающіяся харьковской губерніи.

Мы перечислили только статьи и матеріалы, относящіеся къ мѣстной исторіи; но, кромѣ ихъ, есть еще работы статистическія, экономическія, этнографическія. Нельзя не подивиться умѣнью редактора «Сборника» привлечь къ участию въ немъ (замѣтьте—*безвозмездному*) такую массу сотрудниковъ.

Д. Чеп—ый.

В. Шенрокъ. Ученическіе годы Гоголя. Москва 1887 г.

Въ концѣ прошлаго года авторъ этой книги сдѣлалъ очень цѣнный вкладъ въ литературу о Гоголѣ, издавъ «Указатель» къ его письмамъ, заключающій въ себѣ объясненія инициаловъ и другихъ сокращеній въ изданіи Кулиша, лучшимъ до сихъ поръ и единственномъ, куда вошла переписка великаго писателя. Въ объяснительныхъ замѣткахъ г. Шенрокъ собралъ данныя объ отношеніяхъ Гоголя къ его корреспондентамъ и свидѣнія о нихъ самихъ. Все это значительно освѣщаетъ переписку и облегчаетъ пользованіе ею въ видахъ изслѣдованія. Задумавъ біографическій трудъ о Гоголѣ главнымъ образомъ на основаніи его писемъ, г. Шенрокъ очевидно желалъ уяснить житейскія отношенія поэта самому себѣ, и въ виду общаго интереса совершенно встати подблился своимъ трудомъ и съ публикой. Предъ нами теперь біографическія замѣтки о первомъ періодѣ жизни Гоголя, составляющія, нѣтъ сомнѣнія, только начало труда болѣе значительнаго.

Совершенно резонно составитель этой книги сѣтуетъ на поразительное равнодушіе общества къ Гоголю, выразившееся какъ въ отсутствіи попытокъ новой біографіи его, по накопившимся матеріаламъ, такъ и въ небрежности и неполнотѣ всѣхъ новыхъ изданій его сочиненій. Относительно біографіи, думаемъ мы, сказано **явленіе**, замѣчаемое почти всегда, когда какого нибудь литературнаго вопроса коснется рука мастера. >Записки о жизни Гоголя» Кулиша составлены съ такимъ талантомъ и проникновеніемъ въ духовную и житейскую натуру писателя, что повторять опытъ прежняго біографа во всемъ его объемѣ у многихъ, надо думать, не хватало рѣшимости. Со времени выхода книги Кулиша количество опубликованныхъ данныхъ о жизни Гоголя удвоилось, цѣлые отдѣлы книги могли бы быть написаны теперь почти заново. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ книга эта едва ли будетъ превзойдена когда нибудь, хотя бы ужъ потому, что носитъ на себѣ характеръ почти современнаго герою мемуара, что описанныя въ ней событія и явленія схвачены и запечатлѣны по первымъ горячимъ слѣдамъ. Изслѣдованіе г. Шенрока—одно изъ тѣхъ пріятныхъ литературныхъ явленій, гдѣ съ большимъ тактомъ, съ любовью и знаніемъ дѣла, не повторяются въ видѣ свода труды и наблюденія прежнихъ работниковъ на томъ же полѣ, а приискиваются свои пути разсмотрѣнія, новая группировка извѣстныхъ фактовъ и матеріалъ уже опубликованный подвергается новому методу анализа. Наши замѣчанія не будутъ осужденіемъ этого труда, а лишь указаніемъ тѣхъ пробѣловъ, которыя бросаются въ глаза сами собой и при отсутствіи которыхъ эта почтенная работа, думается намъ, несравненно выиграла бы въ рельефности и полнотѣ.

Основнымъ матеріаломъ книги служатъ гоголевскія письма. Въ одной изъ начальныхъ главъ г. Шенрокъ самъ обращаетъ вниманіе на то, что корреспонденція ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваема, какъ незыблемый матеріалъ для біографіи. На къ кому важность этого замѣчанія не относится въ такой степени, какъ къ Гоголю, который, по своей натурѣ художника, иногда умышленно, иногда истинно, незамѣтно для себя, становился на точку зрѣнія того лица, съ кѣмъ велъ рѣчь и какъ бы проникался его міросозерцаніемъ. Безъ всякаго стремленія къ лжи, но по художнической живости представленія, онъ вдругъ неожиданно надѣляетъ себя тѣми чертами, которыя, какъ онъ чувствуетъ, будутъ близки, схвачены и усвоены лицомъ, къ которому онъ обращается. Подтверженіемъ этого могутъ служить хотя бы тѣ примѣры «практичности», которыя отмѣчаетъ въ нѣкоторыхъ письмахъ Гоголя г. Шенрокъ. Эта воображаемая практичность на каждомъ

шагу опровергается въ корень поступками, которые подъ стать только отчаянному мечтателю, а о житейскомъ разчетѣ невозможно и говорить, въ виду благородства души поэта, умершаго нищимъ. Вторымъ капитальнымъ пробѣломъ работы г. Шенрока надо считать нѣкоторое изолированіе своего героя отъ условій мѣста и времени. Въ тѣни оставлены обстоятельства, факторы, лица, влиявшіе такъ или иначе на формирование характера и возрѣній писателя. Въ біографіи едва ли можно достигнуть желаемой правды и полноты, не послѣдовавъ тому методу Тэна, который (въ примѣненіи къ болѣе обширной сферѣ явленій) формулированъ имъ въ трехъ словахъ: *le climat, le milieu, la race*.

Племенные, расовыя черты натуры и характера Гоголя очень мало, только вскользь анализированы новымъ его біографомъ. Между тѣмъ въ этихъ чертахъ, въ исторически-сложившихся особенностяхъ той среды, къ которой по происхожденію всѣми корнями своими принадлежалъ Гоголь, лежитъ разгадка многого кажущагося неяснымъ въ его сложномъ характерѣ, въ его тончайшей духовной организаціи. Эти черты расы бросились въ глаза одному изъ новѣйшихъ критиковъ Гоголя, талантливому де-Вогюе, который очень удачно выдвинулъ ихъ въ своей блестящей характеристикѣ поэта. Въ столкновеніи, въ періодъ молодости. этой нѣжной натуры съ явленіями жизни чуждой и жесткой, оны видятъ разгадку того пессимизма, которымъ, какъ флеромъ, подернулось въ послѣдствіи творчество Гоголя. Отсутствие анализа среды и общества чувствуется у г. Шенрока также съ первыхъ главъ. Въ разсказѣ о дѣтскихъ годахъ Гоголя мы не видимъ той патріархальной, свѣтлой картины, которая воспитала молодое творчество поэта и дала ему удивляющія насъ до сихъ поръ, сіяющія, радужныя краски. Въ характеристикѣ семьи г. Шенрокъ оставилъ къ сожалѣнію безъ вниманія появлявшіеся одновременно маленькіе мемуары, дающія цѣнныя черты, въ родѣ напрямѣръ, отрывка изъ записокъ сестры Гоголя Е. В. Быковой, или писемъ матери Гоголя Марьи Ивановны, напечатанныхъ «Русской Стариной» (1882 г.). Глава объ ученіи въ Нѣжинѣ не даетъ почти никакихъ данныхъ ни для характеристики школы, гдѣ учился Гоголь, ни людей, которые его окружали, всѣхъ этихъ Орлаевъ, Шапалапскихъ, Бѣльевичей, которые давно потонули бы въ рѣкѣ забвенія, еслибъ мимо нихъ не прошла тѣнь поэта и не коснулась ихъ крыломъ. Очень богатый матеріалъ могла сообщить въ этомъ случаѣ книга г. Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ», составленная хотя по даннымъ официальнымъ, но менѣе всего приближающаяся къ типу официальныхъ книгъ. Петербургъ начала тридцатыхъ годовъ, служебный міръ, журналистика, знакомства Гоголя—все это необходимы, но

отсутствующія краски для фона, на которомъ рельефно выдѣлилась бы тщательно рисуемая изслѣдователемъ фигура поэта.

Необходимость расширить кругъ наблюденій въ глубь и въ ширь чувствуется всякій разъ въ біографіи такого дѣятеля, жизнь котораго уже извѣстна въ главныхъ чертахъ, но личность котораго желательно уяснить себѣ ярче и полнѣе. Эта потребность сказывается тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ дальше отодвигается отъ насъ время и общество, среди котораго жилъ человѣкъ, чѣмъ болѣе то и другое дѣлается намъ чуждымъ. Не приводя въ примѣръ излишне, можетъ быть, мелочныхъ изслѣдованій мольеристовъ и шекспиристовъ, укажемъ, какъ на образцы въ этомъ родѣ, на характеристики Тэна или на недавнія работы Де-Ломени о Мирабо и Бомарше.

Анализъ перваго періода творчества Гоголя, къ которому обращается г. Шенрокъ въ концѣ своей книги, могъ бы быть несомнѣнно обстоятельнѣе. Сюда могли бы быть введены не только разборъ произведеній Гоголя со стороны ихъ первоначальныхъ мотивовъ и вліяній, подъ какими онѣ создавались, но и исторія распространенія и приѣма ихъ въ обществѣ и печати. Сближеніе „Вечеровъ“ и „Миргорода“ съ данными народнаго малорусскаго творчества только намѣчено. Существуютъ между тѣмъ въ этой области пункты любопытнѣйшихъ совпаденій. Въ обнародованномъ въ печати этнографическомъ малорусскомъ матеріалѣ можно указать напр. двѣ легенды, служащія первообразомъ „Вія“¹⁾ и проч.

Замѣчанія эти грѣшатъ, можетъ быть, тѣмъ, что расширяютъ представленіе о цѣли, которой задавался авторъ разбираемой книги. Если цѣль его только анализъ писемъ Гоголя по эпохамъ его жизни, то нельзя проявить большей точности и обстоятельности, чѣмъ тѣ, которыя проявилъ г. Шенрокъ. И въ этихъ рамкахъ трудъ его, доведенный до конца, будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ въ литературѣ о Гоголѣ.

В. Г.

¹⁾ Малор. народн. пред. и рассказы, Кіевъ. 1874 г. стр. 71. Легенда „Видьма та видьмакъ“. „Труды“ Чубинскаго, т. I, (Вѣрованія и суевѣрія), стр. 200—Рассказъ о дьячкѣ и вѣдьмѣ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

Изъ исторіи одного при-сеймскаго села.

Случайно въ г. Курскѣ намъ удалось преобрѣсти часть библіотеки и нѣсколько рукописей, нигдѣ еще до сихъ поръ не напечатанныхъ и принадлежащихъ перу извѣстнаго мѣстнаго помѣщика, Д. А. Деменкова, бывшаго много лѣтъ гражданскимъ губернаторомъ г. Москвы. Деменковъ былъ, по рассказамъ, человѣкъ очень образованный; объ этомъ можно судить и по составу его библіотеки, состоящей почти исключительно изъ книгъ научнаго содержанія, и въ особенности по тѣмъ рукописямъ, которыя остались послѣ него. Рукописи его, имѣющіяся у насъ въ рукахъ, распадаются собственно на два отдѣла: 1) Путешествія (въ пензенскую губернію, костромскую, изъ Архангельска до Курска и т. д.) и автобіографическія замѣтки, и 2) мѣстная исторія и этнографія, изъ которыхъ послѣднею Деменковъ занимался съ особенной любовью. Описанія путешествій по сѣвернымъ и центральнымъ губерніямъ Россіи, конечно, не имѣютъ интереса для «Кіевской Старины»; другое дѣло рукописи по мѣстной исторіи и этнографіи, — этнографіи того именно края, гдѣ двѣ народности, великорусская и малорусская, взаимно соприкасаются между собою.

Имѣніе Деменкова, с. Кремьяное, находится въ за-сеймской, южной части льговскаго уѣзда (курской губ.), которая, если не вся цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ на три четверти населена

черкасами въ XVII столѣтіи. Мѣстность эта съ исторической и этнографической точки зрѣнія тѣмъ интереснѣе, что взаимное воздѣйствіе двухъ народностей здѣсь обнаруживается, можетъ быть, съ большей ясностію, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь нѣтъ ни одного поселка, который можно бы было назвать собственно чисто-малорусскимъ или чисто великорусскимъ; население представляетъ такую неопредѣленную этнографическую массу, что сплошь и рядомъ положительно нѣтъ никакой возможности разобрать, гдѣ кончается малороссъ и начинается великороссъ. Этнографическія данныя, собранныя Деменковымъ, даютъ въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ для опредѣленія взаимнаго воздѣйствія двухъ народностей, и мы, вѣроятно, въ скоромъ времени подѣлимся ими съ читателями «Кіевской Старины». А теперь покажемъ сдѣлаемъ коротенькое извлеченіе изъ одной исторической рукописи Деменкова, подъ названіемъ «Село Кремянное», гдѣ авторъ, частію на основаніи устныхъ преданій, частію на основаніи архивныхъ и церковныхъ данныхъ, подробно излагаетъ исторію своего села, исторію, какъ полагаемъ, далеко не безынтересную для всѣхъ, кто занимается изученіемъ южно-русскаго края. Считаемъ нужнымъ сказать здѣсь, что рукопись эта была написана Деменковымъ въ 1834—36 гг., какъ это намѣчено у него въ заголовкѣ.

Первое начало заселенію с. Кремяннаго положилъ нѣкій Козьма Полянскій, который, какъ значится по старымъ документамъ (изъ какихъ именно «документовъ» взяты эти свѣдѣнія, Деменковъ ничего не говоритъ объ этомъ), въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, въ 1639 году (7147), имѣлъ здѣсь жалованныхъ ему въ помѣстье за сторожевую службу 50 четвертей земли. Полянскій промѣнялъ въ скорости эту землю Лукьяну Викторову. Кто были эти Полянскій и Викторовъ, въ рукописи Деменкова объ этомъ не сказано, но, судя по общимъ историческимъ признакамъ, можно догадываться, что они принадлежали къ числу тѣхъ «боярскихъ дѣтей», которые посылались правительствомъ на южную «польскую» границу нести сторожевую службу и охранять предѣлы государства отъ внезапныхъ нашествій южныхъ хищниковъ—крымскихъ татаръ. Какъ бы то ни было, но этотъ вопросъ такъ и остается у Деменкова не разъясненнымъ.

Въ 1649 г. (7156) царь Алексѣй Михайловичъ пожаловаль здѣсь же, въ с. Кремянномъ, помѣстье рыльскому дворянину (?) Никифору Григорьевичу Деменкову въ 184 четвертей, въ число назначенныхъ ему «по окладу» 300 четвертей, часть которыхъ была отведена ему въ другомъ мѣстѣ. Немного спустя, именно въ 1653 году, къ Деменкову перешла и земля Лукьяна Викторова, удалившагося отсюда, какъ говоритъ авторъ въ Недригайловъ и сложившаго голову подъ Конотопомъ, гдѣ царскіе воеводы потерпѣли жестокое поряженіе отъ козачьихъ войскъ. Никифоръ Деменковъ заполучилъ землю эту, по особому прошенію, какъ «пустовую» и «нежилую».

Никифоръ Деменковъ привелъ съ собою на землю нѣсколько человѣкъ крѣпостныхъ крестьянъ и поселилъ ихъ въ с. Кремянномъ; но такъ какъ земли у него было много и его крѣпостные не могли обработать ее всю, вслѣдствіе чего значительная часть ея лежала впустѣ. то онъ «приласилъ на свою землю свободныхъ черкасъ изъ-за Днѣпра» и поселилъ ихъ частію въ с. Кремянномъ, частію на хут. Погребскомъ Колодезѣ (нынѣ деревня Погребки, въ 8 верстахъ отъ с. Кремяннаго). Черкасы эти, по объясненію Деменкова, поднялись съ своихъ мѣстъ и ушли сюда первоначально отъ польскихъ угнетеній; затѣмъ они выселялись сюда (т. е. въ южную часть львовскаго уѣзда) вслѣдствіе тѣхъ смуть, какимъ подвергалась Украина въ гетманство Богдана и Юрія Хмѣльницкихъ и Дорошенка. Со словъ стараго преданія, Деменковъ записалъ, что крупныхъ переселеній черкасъ, когда они приходили сюда большими партіями, было 6. Селились они здѣсь по большей части на помѣщичьихъ земляхъ. Владѣльцы сначала «припускали» ихъ къ землѣ даромъ, заботясь лишь о томъ, чтобы земля, имъ принадлежащая, не пустовала, а была воздѣлана и обработана; но когда увидѣли, что черкасовъ прибываетъ сюда все больше и больше, стали пускать ихъ на землю съ извѣстными ограниченіями и условіями. Главнѣйшимъ условіемъ поселенія на землѣ они стали ставить то, чтобы черкасы отдавали владѣльцу земли четвертый или пятый снопъ изъ урожая. Эта форма договора въ скорости перенесена была, нужно думать, и на тѣхъ черкасъ, которые поселились на земляхъ владѣльца въ прежнее время и безъ всякаго договора. Такимъ образомъ черкасы поселились на первыхъ порахъ на земляхъ владѣльческихъ въ качествѣ простыхъ арендато-

ровъ, но потомъ «въ непродолжительномъ времени, говорить Деменковъ, подпали они въ крѣпость тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ коихъ поселились». Какимъ образомъ произошло это закрѣпощеніе, объ этомъ авторъ, будучи самъ помѣщикомъ и имѣя цѣлый рядъ благородныхъ предковъ, скромно умалчиваетъ...

Переселеніе половины XVII стол. шло такъ интензивно, что, какъ видно изъ «описи» 1676 года, цитируемой Деменковымъ, въ с. Кремянномъ въ то время было уже 87 дворовъ и около 20 душъ муж. пола; изъ этого числа великороссіянъ считалось всего только 12 дворовъ, остальные же всѣ принадлежали къ малорусской народности. Въ настоящее время, прибавимъ мы отъ себя, въ с. Кремянномъ считается 214 дворовъ, но раздѣлить ихъ по народностямъ, или по крайней мѣрѣ *опредѣлить*, къ какой *вообще* народности они относятся по своему костюму, рѣчи и другимъ бытовымъ чертамъ, не рѣшился бы ни одинъ ученый и опытный этнографъ. Намъ самимъ случалось бывать въ с. Кремянномъ и другихъ селеніяхъ за-сеймской стороны льговскаго уѣзда и мы нарочно, путемъ опроса самихъ крестьянъ, хотѣли установить, кто изъ нихъ по происхожденію великороссъ, вели опросъ и по отдѣльнымъ семьямъ и по селеніямъ, и въ результатѣ всегда получали отвѣтъ приблизительно такого рода.

— А хто е зна! Бачишь самъ. Все топеръ кабы пидь одну мѣрку подошли...

«Все и топеръ» — развѣ есть у насъ такой языкъ, который бы допускалъ подобныя соединенія? А здѣсь, въ описываемой мѣстности, такія соединенія въ рѣчи не только пользуются полнымъ правомъ гражданства, но составляютъ общее, заурядное явленіе, потому что всѣ поголовно говорятъ такимъ невозможнымъ, варварскимъ жаргономъ... Но это конечно только къ слову.

Начиная съ 1649 года по 1676 г., въ теченіе 25 лѣтъ, Никифоръ Деменковъ былъ единственнымъ владѣльцемъ с. Кремянаго, но потомъ пришли наслѣдники Лукьяна Викторова и оттягали у него свою наслѣдственную землю. Затѣмъ появились и другіе владѣльцы, такъ что къ 1834 году, когда была написана исторія села, всѣхъ владѣльческихъ дворянскихъ родовъ въ селѣ было уже *одиннадцать*.

Церковь въ селѣ была выстроена въ 1680—1690 гг. на общія средства Деменкова и Викторовыхъ.

Переходя затѣмъ къ исторіи XVIII столѣтія, Деменковъ первѣе всего останавливается на Мазепѣ. Но здѣсь мы уже предоставимъ слово самому автору.

«Мазепа пользовался, какъ извѣстно изъ исторіи, неограниченной довѣренностью государя Петра I, который считалъ его своимъ другомъ и кромѣ крупецкой волости (въ путивльскомъ уѣздѣ) пожаловалъ ему столь же значительныя дачи въ рыльскомъ уѣздѣ. Но задумывая продать отечество свое Польшѣ (?) и быть владѣтельнымъ княземъ сѣверскимъ, онъ безпрестанно распространялъ свои и безъ того обширныя владѣнія, скупалъ разныя небольшія дачи отъ окрестныхъ владѣльцевъ, чтобы посредствомъ этихъ лоскутковъ имѣть возможность раздвигаться все болѣе и болѣе (при этомъ онъ скупалъ имѣнія только у русскихъ, а своихъ черкасъ не трогалъ). Напримѣръ: у Федора Трунова къ рѣчкѣ Крѣпнѣ и къ Общему Колодезю купилъ 40 четвертей, Петра Износкова въ пустоши Общаго Колодезя, гдѣ нынѣ с. Износково, 7 чет., отъ однодворца Максима Маслова между рѣчкой Крѣпной (?) 7 четв., отъ Афросиньи Масловой и Февроньи Копачевой, въ путивльскомъ уѣздѣ, межъ р. Крѣпной и Снагостьемъ, да въ Дикомъ полѣ къ Семи 20 четв., отъ Артюшкова къ Расподицкому болоту (?) 50 четвертей, Ильи Маслова межъ Крѣпной и Локней и къ Колодезю Погребскому да отъ разныхъ путивльскихъ и рыльскихъ помѣщиковъ 650 четв. Да въ Кремьянской дачѣ приобрѣлъ онъ отъ Ильи Маслова 30 четв. въ 1707 г., отъ Игната Коренева 20 четв. и 80 четв. отъ Осипа Злобина, и тогда же (17 февраля) посланецъ гетмана просилъ о справкѣ за нимъ поступныхъ земель отъ рыльскихъ помѣщиковъ: Слѣпушкина, Анисимова, Маслова, Артюшкова, Дерюгиныхъ, которыя по мѣстнымъ приказамъ за нимъ отказали. Въ томъ же 1707 году кремьянскіе помѣщики жаловались уже на гетмана рыльской канцеляріи, что онъ безъ всякаго права и крѣпостей отнялъ у нихъ Шептуховку съ принадлежащими къ погребенской ихъ дачѣ землями, о чемъ тогда и дѣло производилось.

«Послѣ смерти Мазепы все имѣніе его перешло къ любимцу Петра кн. Александру Даниловичу Меньшикову, при чемъ отказана ему и Шептуховка. Князь, какъ извѣстно, не любилъ уступать и дѣйствовалъ подобно своему предшественнику; также скупалъ дачки

у дворянъ и однодворцевъ, обрѣзывать сосѣдей. Такъ завладѣль онъ еще значительнымъ числомъ десятинъ земли, принадлежащихъ къ сс. Шептуховкѣ и Кремянному и дер. Погребкамъ. Кремянскіе владѣльцы, Викторовъ и Сафоновъ, неоднократно подавали на него просьбы рыльской канцеляріи (1728 г. генваря 17 и февраля 13), но эти жалобы, какъ и приносимыя на Мазепу, не имѣли никакого дѣйствія. По паденіи Меньшикова, все недвижимое имущество его 1720 г. приписано было къ комнатѣ государини Евдокии, а въ 1731 г., по кончинѣ ея. ко дворцу.

«Меньшиковъ, при жизни своей, для увеличенія своего имущества употреблялъ всѣ средства, не щадя даже лицъ, занимавшихъ мѣсто несравненно выше, нежели кремянскіе помѣщики. Такъ вице-адмиралъ графъ Ник. Фед. Головинъ въ просьбѣ своей къ правительствующему сенату 1732 г. объясняетъ, что въ бытность его въ Швеціи посланникомъ онъ потерпѣлъ великіе убытки и прежде того разоренъ былъ отъ нападенія кн. Меньшикова, во владѣніе коего, рыльского уѣзда въ село Ивановское съ деревнями, изъ собственныхъ и приданныхъ его деревень бѣжали болѣе 4,000 душъ крестьянъ, гдѣ живутъ и донинѣ, и что хотя по многимъ ето и жены его прошеніямъ и были посылаемы изъ Сената и Юстицъ Коллегіи указы къ губернаторамъ и воеводамъ, но правители и крепстьяне сопротивились имъ и присланныхъ били и выгоняли, онъ же за бѣглыхъ крестьянъ близъ тридцати лѣтъ платитъ, почему и просилъ село Ивановское съ деревнями пожаловать вѣчно ему и дѣтямъ его во владѣніе. И на этомъ прошеніи собственнаго ея императорскаго величества рукою подписано: *жалуемъ по его прошенію*. Тогда то все бывшее владѣніе кн. Меньшикова въ рыльскомъ, пугивльскомъ, льговскомъ и другихъ уѣздахъ отдано графу Головину, а по смерти его досталось дочери его Наталіи Николаевнѣ, супругѣ генераль-фельдмаршала и генераль губернатора ревельской губерніи, принца Петра Федоровича Фонъ-Голштейнъ-Бекъ.

«Но при новыхъ сосѣдяхъ не легче было селу Кремянному. Крестьяне с. Шептуховки годъ отъ году дѣлались дерзостнѣе, захватывали земли и покосы, рубили лѣса, свозили хлѣбъ съ полей, били жителей. Изъ сохранившихся бумагъ видно, что иногда, собравшись человекъ по 40 и болѣе, они, вооруженные копьями и дубинами, подъ предводительствомъ атамана своего, на подводахъ,

отправлялись на промысль. Въ одно время (1754 года, іюня 3-го) забрали они до 800 копенъ сѣна, въ другой разъ (1762 г., сентября 13-го) вырубили до 10,000 строеваго и дровянаго лѣса. Нападали на работающихъ въ полѣ, хватали ихъ и, увезя въ с. Шептуховку, били, мучили и запирали ихъ на дворѣ. Кремянскіе помѣщики безпрестанно жаловались на эти половецкіе набѣги рыльской вотчинной канцеляріи ¹⁾). Она немедленно посылала солдата объявить виновнымъ, чтобъ прибыли въ городъ къ отвѣту. Посланный не находилъ ихъ никогда дома и возвращался ни съ чѣмъ. Вызовы повторялись. Не многіе являлись въ судъ, давали подписки жить спокойнѣе и дѣйствовали по прежнему. Отъ директора и управляющихъ имѣніемъ графа Головина (Рейха и Птахинскаго) требовали крѣпостей на владѣніе с. Шептуховкою, ихъ не показывали; дѣла длились, длились и погребались въ архивѣ».

Дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя Деменковымъ о своемъ селѣ, уже не имѣютъ такого общаго интереса и потому мы ихъ здѣсь не приводимъ.

Н. Добротворскій.

Архивная справка по поводу „Записокъ И. М. Сбитнева“.

Въ «Кіевской Старинѣ» съ февральской книжки начаты печатаніемъ записки И. М. Сбитнева, имѣющія немаловажное значеніе для исторіи народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ въ ту именно пору, когда оно впервые поставлено на надлежащій путь. Въ самомъ почти началѣ этихъ записокъ читаемъ: «Въ 1830 г. зашумѣли буйныя головы въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ нашихъ западныхъ провинціяхъ... Тогда то наше правительство вознамѣрилось дать юношеству западныхъ губерній воспитаніе прочное, въ духѣ господствующаго народа и самодержавія. Для этой цѣли оно отправило осенью 1831 года въ кіевскую, подольскую и

¹⁾ „1736 года ноября 1-го, декабря 14 и 22-го числа о побоѣ крестьянъ; о томъ же 1754 г. іюля 3, 1755 г. августа 10 и 20-го, 1762 г. октября 3, 1765 г. апрѣля 29. Это явочныя, а сколько было неизвѣстныхъ!“—Дм. Д.

волинскую губернію попечителя харьковскаго учебнаго округа Филатьева и двухъ профессоровъ харьковскаго университета: Кронеберга и Архангельскаго. Первымъ занятіемъ ихъ было закрыть всѣ существующія въ нихъ училища, ознакомиться съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрать мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на особыхъ началахъ, чтобы онѣ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ правительства». Въ другомъ мѣстѣ записокъ Сбитневъ замѣчаетъ, что «Кронебергъ и Архангельскій отлично отзывались всегда объ учителяхъ школъ въ западныхъ провинціяхъ».

Приведенныя строки подали мнѣ мысль, что вся официальная переписка объ учебной реформѣ въ юго-западномъ краѣ 30-хъ годовъ, которой посвящены записки Сбитнева, должна находиться въ архивѣ харьковскаго университета. Наведя здѣсь справку, я нашелъ лишь указанія, что хотя командировка Филатьева, Кронеберга и Архангельскаго въ юго-западный край дала дѣйствительно богатый матеріалъ для ознакомленія правительства съ положеніемъ школьнаго дѣла въ краѣ и хотя въ результатѣ посѣщенія ими разныхъ просвѣтительныхъ центровъ края и изученія мѣстныхъ учебныхъ заведеній явилась масса «дѣлъ», которыя мало по-малу были сплавлены въ архивъ харьковскаго университета, но что потомъ, и именно въ 1833 году, всѣ эти дѣла отправлены отсюда попечителю кіевскаго учебнаго округа, по настоятельной его просьбѣ. Было нѣсколько отправокъ: 25-го февраля было отправлено 11 дѣлъ, 4-го марта 38, 9-го 38 д., 1-го 5 дѣлъ, 18-го того-же мѣсяца самая большая отправка—66 дѣлъ и 1-го апрѣля 16 дѣлъ, всего же разновременно передано изъ Харькова въ Кіевъ 167 дѣлъ. Въ настоящее время въ архивѣ харьковскаго университета хранятся только краткія описи дѣлъ, отправленныхъ въ Кіевъ. Соображая, какъ важно для занимающихся мѣстною исторіею знать, гдѣ и какія свѣдѣнія можно найти по изслѣдуемому предмету, я считаю нужнымъ, не ограничиваясь этою общею справкою, привести здѣсь и названія дѣлъ, наиболѣе относящихся къ затронутой записками Сбитнева реформѣ школьнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ въ 1831 г.

Здѣсь на первомъ планѣ представленія самого попечителя харьковскаго Филатьева министру народнаго просвѣщенія по начатію и выполненію предпринятой реформы. Именно:

29 сент. 1831 г., № 1333, о выѣздѣ Филатьева въ подольскую, кievскую и волынскую губерніи; 6 окт. того же года, № 1345, о городѣ Житомирѣ; 17 окт., № 1353, о прибытіи его въ Кременецъ и проч.; 15 окт., № 1355, о дѣйствіяхъ въ Кіевѣ и проч.; 15 окт., № 1375, продолженіе о кременецкомъ лицейѣ; 23 окт., № 1368, объ отправкѣ профессора Архангельскаго въ винницкую гимназію для исправленія директорской должности; 11 ноября, № 1386, о выѣздѣ Филатьева изъ Каменецъ-Подольска и проч.; 12 ноября, № 1388, объ отправкѣ профессора Архангельскаго въ Махновку для осмотра тамошняго училища; 16 ноября, № 1397, о прибытіи въ Умань; 19 декабря, № 1493, о кременецкомъ лицейѣ; 31 декаб., № 1542, объ училищахъ въ волынской губерніи.

Далѣе слѣдуютъ дѣла безъ обозначенія времени и №, именно:

О закрытіи волынскаго лицея, гимназіи въ Винницѣ и училищъ, содержимыхъ римско-католическими монахами, на 66 листахъ; объ училищахъ въ волынской, подольской и кievской губерніяхъ на 199 листахъ; о перемѣщеніи волынскаго лицея въ Кіевъ на 29 листахъ; о жалованьяхъ учителямъ закрытыхъ училищъ на 28 листахъ; объ ассигнованныхъ суммахъ на 1833 годъ на содержаніе училищъ и на другіе расходы изъ общихъ поіезуитскихъ доходовъ на 5 листахъ; объ усиленіи по высочайшему повелѣнію въ училищахъ кievской губерніи русскаго языка на 5 листахъ; объ упраздненіи по высочайшему повелѣнію приходскихъ училищъ въ кievской, волынской и подольской губерніяхъ на 12 листахъ; о наймѣ и построеніи дома для каменецъ-подольской гимназіи на 35 листахъ; объ учрежденіи по высочайшему повелѣнію кievскаго учебнаго округа на 5 листахъ; о частныхъ пансіонахъ въ г. Винницѣ на 2 листахъ; о заключенномъ съ графомъ Потоцкимъ договорѣ относительно содержанія въ его мѣстѣчкѣ Немировѣ уѣзднаго училища; распоряженія объ учителяхъ и другихъ чиновникахъ училищъ волынской и подольской губерній на 23 листахъ; объ удаленіи отъ должности ректора любарскаго базилянскаго монастыря Синицкаго и префекта Литинскаго на 9 листахъ; о наймѣ и построеніи домовъ для уѣздныхъ училищъ на 40 листахъ; о спорной землѣ принадлежащаго волынскому лицейю имѣнія Дунаево на 11 листахъ; о спорныхъ земляхъ волынскаго лицея съ графомъ Мнишкомъ на 8 листахъ; о продажѣ училищнаго зданія съ мѣстомъ въ

г. Житомирѣ на 12 листахъ; о поіезуитской коллегіи въ Житомирѣ на 18 листахъ; о приѣмѣ библиотеки и другихъ учебныхъ пособій изъ овручскаго базилианскаго монастыря на 33 листахъ; объ осмотрѣ полицмейстеромъ кременецкимъ Курнатовскимъ церкви волынскаго лица на 13 листахъ; о высочайшемъ утвержденіи состоящаго въ званіи камергера Скибицкаго почетнымъ попечителемъ житомирской гимназіи на 4 листахъ; о высочайшемъ утвержденіи помѣщика гайсинскаго уѣзда Іосифа Држевецкаго почетнымъ попечителемъ подольской гимназіи на 2 листахъ; о закрытіи нѣкоторыхъ училищъ въ кievской губерніи по случаю болѣзни холеры и потомъ о начатіи въ нихъ ученія на 10 листахъ; о ложномъ доносѣ на волынскій лицей на 12 листахъ; о мягежѣ, бывшемъ въ кievской, волынской и подольской губерніяхъ, и о лицахъ учебнаго вѣдомства причастныхъ оному; объ удаленіи по высочайшему повелѣнію директора подольской гимназіи Ковалевскаго, префекта Богатко и учителей и объ опредѣленіи Телешова ¹⁾ директоромъ подольской гимназіи на 30 листахъ; историческія записки объ учебныхъ заведеніяхъ кievской губерніи на 68 листахъ; объ училищахъ взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера на 7 листахъ; о бывшемъ слѣдствіи надъ учениками 3 класса винницкаго училища по извѣсту партикулярнаго учителя Ашарда на 10 листахъ; о библиотекѣ и кабинетахъ бывшаго при бердичевскомъ монастырѣ кармелитскаго училища на 49 листахъ и наконецъ о типографіи волынскаго лица на 19 листахъ.

Кромѣ того, въ описяхъ перечисляются многія дѣла о награжденіи учителей, выдачѣ имъ пенсій, о книжныхъ средствахъ волынскаго лица, о его фундушяхъ и др. т. п.

Въ «Дѣлѣ» подъ № 1703 находится отношеніе попечителя кievскаго учебнаго округа къ попечителю Флатьеву о перемѣщеніи въ юго-западный край учителей Сбитнева, Македонскаго и Красковскаго въ 1832 г. и объ отпускѣ имъ изъ суммъ новгородъ-сѣверской гимназіи прогнанныхъ 154 руб. 37 коп. ассигнаціями.

Н. Сумцовъ.

¹⁾ Упоминается въ „Запискахъ Сбитнева“.

Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни.

(Стихотворный памфлетъ въ актовыхъ книгахъ XVII ст.).

На страницахъ «Кіевской Старины» не разъ уже появлялись стихотворенія шутки и пародіи, извлеченныя изъ такихъ солидныхъ памятниковъ, въ коихъ, казалось бы, вовсе не должно быть мѣста для нихъ,—разумѣемъ актывыя книги старинныхъ судовъ правобережной Украйны. Какъ могло явиться въ нихъ столь странное и неумѣстное смѣшеніе забавнаго съ серьезнымъ, шуточныхъ упражненій пера рядомъ съ суровыми приговорами къ «диффамаци, банциі, туремному вязеню и караню на горлѣ»? Объясняется это отчасти племеннымъ характеромъ наполнявшихъ тогдашнія судебныя канцеляріи малороссіянъ, столь вообще склонныхъ къ привнесенію комическаго элемента въ самое серьезное дѣло, а болѣе всего недосмотромъ или благодушіемъ тогдашнихъ «реентовъ» судебныхъ и иныхъ канцелярій: декретъ, записанный вчера, становился не нужнымъ завтра, и къ нему не возвращались больше, а если и нападали случайно на неумѣстное упражненіе канцеляриста, то снисходительно относились къ промазамъ, свойственнымъ юному возрасту. Канцеляристы старинныхъ южно-русскихъ судовъ были, какъ видно, вообще народъ веселый, привыкшій разнообразить свою скучную службу разными забавными похождениями и вносившій элементъ забавы и развлеченія даже въ то самое дѣло, коимъ они занимались въ часы службы, въ стѣнахъ канцелярій. Чаще всего они забавлялись пародированіемъ стереотипныхъ юридическихъ формулъ, влагая въ нихъ какое-нибудь комическое содержаніе: наприм. составляли, съ точнымъ соблюденіемъ узаконенныхъ формъ и юридическихъ выраженій, «протестаціи» (жалобы) мышей на кота, вьюновъ на щукъ, «паней Оиты противко паней Ижицы» и т. под.; «интерцызы» (контракты) между волкомъ и козой; «квиты» (квитанціи) отъ сороки воронѣ; «пленипотенциі» (довѣренности) наприм. «отъ пана Кухлевича панови Выпивайкови на выпивку горѣлки»; «ростиси» (мировыя) между волкомъ и медѣдемъ, между шинкаремъ и пьяницей¹⁾; иногда писались «проте-

¹⁾ Для образца укажемъ на помѣщенный въ ноябрьской кн. «Кіев. Стар.» 1885 г. подобнаго характера шуточный документъ: „Зыскъ п. гроша на п. Калитѣ отриманный“.

стаціи» отъ имени кого-либо изъ канцеляристовъ «напротивко шинкарки Маруши о неданье карваша горѣлки на боргъ (въ долгъ), или же вручались «мандаты» кому-либо изъ товарищей по обвиненію въ томъ, что, не умѣя хорошо говорить по-польски, употребляетъ этотъ языкъ, или же что спитъ по цѣлымъ днямъ и съ похмѣлья портитъ казенную бумагу и т. под. И всѣ эти шалости старинные канцеляристы, не смущаясь, вносили, на память грядущимъ вѣкамъ, въ подлинныя актовыя книги, заводя ихъ подъ очередную номеръ и отмѣчая въ реестрѣ на ряду съ королевскими универсалами, сеймиковыми постановленіями и другими важными и серьезными актами. Подобныхъ шуточныхъ документовъ особенно много встрѣчается въ актовыхъ книгахъ XVII ст., меньше ихъ въ книгахъ XVIII в. и почти совсѣмъ нѣтъ въ книгахъ XVI ст.

Кромѣ шуточныхъ записей, такимъ же путемъ попадали въ актыя книги разнаго рода стихотворенія, отрывки изъ псалмовъ²⁾, церковныхъ пѣсней, афоризмы и разныя изреченія (нерѣдко изъ латинскихъ классиковъ) и вообще все, что почему-либо останавливало на себѣ вниманіе досужаго или любознательнаго канцеляриста.

Къ числу такихъ піесъ принадлежитъ и приводимое ниже польское стихотвореніе, внесенное въ луцкую гродскую книгу подъ 14-мъ августа 1696 г. (№ 2225, листъ 423 обор.) подъ заглавіемъ: *Descriptio omnium gentium a quodam nobili Poloni* (т. е. описаніе всѣхъ народовъ, составленное нѣкимъ польскимъ дворяниномъ). Отличительную особенность его составляетъ то, что въ основу его положенъ политическій и въ концѣ чисто племенной мотивъ,—домашній счетъ съ ненавистнымъ для поляка русиномъ. Является такимъ образомъ новый отгѣнокъ этой своеобразной досужей литературы, это взаимное пикированіе двухъ національностей, представители которыхъ, засѣдая нерѣдко за однимъ канцелярскимъ столомъ, не упускали случая обмѣняться и тутъ чувствами взаимной ненависти и озлобленія. А поляки, нужно замѣтить, были большіе мастера по части составленія политическихъ и иныхъ памфлетовъ и составляли ихъ въ столь легкой и забавной формѣ, что они быстро за-

²⁾ См., напр., такого рода отрывокъ стихотворнаго переложенія псалма на южно-русскій языкъ въ март. кн. „Кіев. Старины“ 1886 г.

учивались всѣми на память и благодаря тому распространялись по самымъ отдаленнымъ закоулкамъ. Названное стихотвореніе врядь ли было составлено кѣмъ либо изъ канцеляристовъ поляковъ; скорѣе оно вписано было, какъ ходячій памфлетъ, въ актовыя книги въ пику сослуживцамъ русинамъ и во всякомъ разѣ даетъ понятіе не только о томъ, въ какомъ свѣтѣ для поляка XVII ст. представлялись другіе европейскіе народы и какія черты онъ считалъ въ нихъ наиболѣе характерными, но и о томъ, какія чувства питалъ къ своему ближайшему сосѣду и заклятому врагу—русину.

Приводимъ текстъ этого стихотворенія, съ правописаніемъ подлинника, а затѣмъ и возможно близкій къ его смыслу, а не буквѣ переводъ:

Huszan wojuie, Włoch koktezuie,
 Zaś obźyrcowie są Francuzowie,
 A Niemiec piie, Dunczyk z ryb żyie.
 Mężni Polacy dobrzy junacy;
 Angelczykowie są żeglarzowie.
 Szwed gęś domowa, jedza gotowa,
 Zasię Szkotowie są doktorowie,
 Moskwiein głuchy szyie kozuchy;
 Litwin poluie, Czech obiecuie,
 Żyd wnet oszuka, bo zysku szuka.
 Wołoszynowie i Węgrzynowie
 Radzi zdradzaia, z rodu to maia.
 Hołendry smiele kupuia wiele,
 A zaś Persowie są stroyniczkwowie,
 Brzydcy Turkowie okrutnikowie,
 Tatarzyn wszywy, a Mazur żwawy,
 Ale y łzawy.
 Non cadit in duros
 Sapientia et patientia sancta Mazuros.

Испанецъ ходитъ въ походы, итальянецъ волочиться лишь умѣетъ, французъ обжирается, нѣмецъ пьетъ, датчанинъ рыбой живетъ, а поляки удалцы, добрые молодцы. Англичане все пла-

вають по водамъ, шведъ домашній гусь, готовая ѣда, а шотландцы доктора. Москвичъ глухъ, шьетъ кожухъ; литвинъ все для охоты забываетъ; чехъ все обѣщаетъ, еврей въ мигъ обчистить, онъ при- были ищетъ. Румыны и венгры рады всякаго предать, и у нихъ то въ натурѣ. Голландцы знай въ волю торгуютъ, персіанинъ любить рядиться, мерзкій турокъ свирѣпо надъ всѣми глумится. Та- таринъ вшивъ, а мазуръ удалъ, да слезливъ. Не далися грубымъ мазурамъ ни мудрость, ни терпѣніе святое.

Далѣе слѣдуютъ еще 7 строкъ того же стихотворенія, а про- тивъ нихъ отвѣтъ въ пять строкъ, писанный иною рукою; но въ текстѣ стихотворенія первыя три строки столь старательно пере- черкнуты, что нѣкоторыхъ словъ совсѣмъ нельзя прочесть. Приво- димъ однако, какъ есть, то и другое:

. snadnie
Wszystkich okradnie
. yz j ie
Różny kraj daie,
Jako Polskie mosty,
Tak Niemieckie posty.

Kier ci to pisai,
Boday że wisiał
Na szubienicy
Posrod ulicy
Tu w Lucku!

Переведемъ пока лишь отвѣтъ; онъ гласитъ слѣдующее:

«Дуракъ эго писалъ; висѣть бы ему на висѣлицѣ среди улицы, здѣсь въ Луцкѣ!»

Чѣмъ могло быть вызвано столь злое пожеланіе писавшему и чѣмъ объяснять то, что въ приведенномъ стихотвореніи такъ или иначе характеризованы почти всѣ европейскіе и даже нѣкоторые азіатскіе народы, а о ближайшихъ сосѣдяхъ поляковъ, *русинахъ*, ни словомъ не упомянуто? Неизбѣжно допустить, что конецъ стихо- творенія посвященъ былъ *русину*, съ ѣдкой и даже не печатной бранью. Тогда понятнымъ становится вполне благородное негодо- ваніе канцеляриста-*русина*, старательно вымазавшаго обидныя для своей народности строки въ стихотвореніи и выбравшаго, тоже стихами, дяха, былъ ли онъ авторъ, или переписчикъ. Въ семь случаѣ текстъ послѣднихъ строкъ памфлета могъ быть таковъ: «А русинъ коварно всѣхъ проведетъ: разную дрянъ разныя страны даютъ, какъ въ Польшѣ мосты, а въ нѣмцахъ посты». Словомъ

неизвѣстный памфлетистъ, кромѣ не печатныхъ какихъ-то словъ по адресу русиновъ, характерно прировнялъ ихъ къ тому, что было на его взглядъ самаго негоднаго въ польской странѣ и въ ненавистной ярому католику нѣмецкой вѣрѣ.

О. Л—й.

Изъ записной книжки.

Таинственная судьба такъ называемаго кирилло-меоодіевскаго кружка до сихъ поръ не выяснена. Пострадавшіе участники этой исторіи, по весьма понятнымъ причинамъ, не могли имѣть особеннаго расположенія вдаваться въ воспоминанія объ этой исторіи, да и относительно близкое разстояніе времени не благопріятствовало выясненію ея со стороны дѣйствующихъ лицъ. Говорятъ, что въ составленной Н. И. Костомаровымъ обширной автобіографіи подробно выяснено все дѣло; но автобіоографія эта, по всей вѣроятности, появится въ печати не скоро. Сколько извѣстно, Н. И. даже въ интимномъ кружкѣ не любилъ распространяться объ этомъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ передавалъ лишь нѣкоторые эпизоды, преимущественно тѣ, въ которыхъ такъ или иначе выражались свѣтлыя проявленія того времени. Сообщу нѣсколько его разказовъ, слышанныхъ мною отъ лица близкаго къ нему.

I.

Какъ извѣстно, доносъ на Костомарова и кирилло-меоодіевскій кружокъ сдѣланъ былъ студентомъ Петровымъ. Доносъ этотъ, по словамъ Н. И., первоначально явился въ формѣ анонимнаго письма на имя генераль-губернатора Бибикова. Бибиковъ приказалъ произвести негласное дознаніе, но такъ какъ дознаніемъ ничего особеннаго не было обнаружено, кромѣ собраній нѣсколькихъ лицъ и болѣе или менѣе свободныхъ между ними разговоровъ, то Бибиковъ ограничился только учрежденіемъ негласнаго надзора. Петровъ, не зная послѣдствій своего анонимнаго доноса, рискнулъ лично заявить о своемъ открытіи Бибикову. Но на этотъ разъ вышло хуже. Бибиковъ вообще не долюблялъ доносовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко цѣнилъ нравственныя отношенія, особенно обязательныя при извѣстномъ положеніи; лишь только Петровъ началъ

свой разсказъ, какъ Бибиковъ, догадавшись по анонимному письму, въ чемъ дѣло, нахмурилъ брови и строго оборвалъ его вопросомъ:

— Ты кто такой?

— Студентъ университета св. Владиміра, робко отвѣчалъ доноситель.

— А Костомаровъ кто такой?

— Профессоръ университета.

— И ты осмѣливаешься доносить на своего учителя, котораго ты должепъ почитать, какъ своего благодѣтеля? Вонъ мерзавецъ!— вскричалъ Бибиковъ и энергическимъ движеніемъ своей единственной руки повернулъ его къ передней.

У Петрова были свои тѣсныя обстоятельства, побуждавшія его выбыть изъ Кіева, и именно какъ-нибудь по волѣ начальства, и онъ рѣшился продолжать разъ начатое дѣло. Воспользовавшись отъѣздомъ Бибикова въ Петербургъ, онъ послалъ свой доносъ прямо туда и на этотъ разъ добился желаемого: немедленно назначено было строгое слѣдствіе, и Петровъ самъ былъ доставленъ въ Петербургъ, откуда болѣе не возвращался въ Кіевъ.

II.

Въ 1857 году, при возвращеніи Шевченка изъ ссылки, онъ по какимъ-то обстоятельствамъ задержанъ былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, причемъ впредь до особаго распоряженія надъ нимъ учрежденъ былъ строгій полицейскій надзоръ и домашній арестъ, съ воспрещеніемъ переписки и свиданія съ кѣмъ-бы то ни было безъ исключенія. Извѣстный московскій артистъ М. С. Щепкинъ, землякъ и большой пріятель Шевченка, узнавши о задержаніи его, отправился изъ Москвы въ Нижній, чтобы скорѣе увидѣться съ своимъ другомъ и по возможности похлопотать о немъ. Губернаторомъ въ Нижнемъ Новгородѣ былъ въ то время Муравьевъ, съ которымъ М. С. Щепкинъ былъ хорошо знакомъ; вотъ къ нему-то и обратился Щепкинъ за разрѣшеніемъ свиданія. Губернаторъ сначала отказывалъ, ссылаясь на строгость воспрещенія, но наконецъ согласился, съ тѣмъ однакоже, чтобы свиданіе это было въ его присутствіи. Ничего не вѣдая о предстоящемъ свиданіи, Шевченко ходилъ мрачный по комнатѣ, какъ вдругъ дверь открывается и

предъ нимъ его искренній другъ Щепкинъ. Друзья бросились другъ къ другу въ объятія и осыпая взаимными поцѣлуями, разрыдались, какъ дѣти. Сцена эга глубоко тронула Муравьева, челоуѣка вообще чрезвычайно добродушнаго и гуманнаго. Муравьевъ проследился, а еще мгновение—и онъ присоединился къ друзьямъ, цѣлуя со слезами умиленія то одного, то другаго. Въ это время Щепкинъ быстро освобождается отъ объятій, отскакиваетъ въ сторону и съ свойственнымъ ему комизмомъ обращается къ губернатору: «Ваше превосходительство! Что я вижу! Вы плачете? да вѣдь вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили!» Случай этотъ передавалъ Костомарову Шевченко, сообщая при этомъ, что губернаторъ Муравьевъ значительно облегчилъ его положеніе въ Нижнемъ Новгородѣ и не мало содѣйствовалъ ему въ скорѣйшемъ разрѣшеніи его дѣла. Впослѣдствіи же Н. И. слышалъ объ этомъ и отъ самого М. С. Щепкина.

М. Комаровъ.

Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березнѣ.

Въ черниговской губерніи есть городъ Березна; его не найдете ни въ какихъ російскихъ географіяхъ и отыщете развѣ въ спискахъ населенныхъ мѣстъ. Такъ вотъ въ этомъ-то городѣ, скажемъ, примѣняя пріемъ Шевченка, существовалъ, а можетъ быть и теперь существуетъ крестный ходъ. Въ сборникѣ документовъ Домницкаго монастыря и нашель переписку объ этомъ крестномъ ходѣ. Изъ нея видно, что уже въ исходѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія свидѣнія о началѣ и значеніи этого хода затерялись, и какъ ходъ идетъ въ Березну изъ Домницкаго монастыря, отстоящаго на 9 веретъ, то заинтересовался учрежденіемъ его архимандритъ домницкій Серафимъ и обратился по этому поводу съ письмомъ къ благочинному г. Березны, протоіерею Макарію Рындовскому, который и пояснилъ ему, послѣ долгихъ справокъ, происхожденіе и значеніе крестнаго хода. Оригиналенъ самый способъ переписки: архимандритъ написалъ свой запросъ на чистыхъ листахъ монастырскаго сборника и послалъ протоіерею Рындовскому самую книгу, прося написать въ ней отвѣтъ, „такъ какъ, замѣчаетъ онъ, отсюда никакъ не можетъ и никогда утратиться“.

Такъ какъ теперь колыми паче многимъ черниговскимъ обывателямъ, и уловательно и самимъ жителямъ г. Березны, неизвѣстно

происхожденіе и значеніе совершающагося тамъ 8-го сентября крестнаго хода, то почитаю не лишнимъ подать въ печать упомянутую давно наведенную о немъ справку. Вотъ эти два письма.

I.

Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій старецъ, отецъ протоіерей Макарій!

Всепокорнѣйше прошу васъ, почтеннѣйшаго отца и старца, доставить свѣденіе на щетъ крестнаго ходу изъ вашего города Березны въ сей домницкій монастырь: 1-е, съ котораго году онъ учреждень, 2-е, по какому случаю и нѣтъ ли въ подтвержденіе оному или письменнаго, или народнаго вѣрнѣйшаго преданія. Желательно, чтобы это учрежденіе предковъ, особенно случай, по которому учреждень оный, могъ, въ честь Божія Матери, сохраниться въ потомство и послѣ насъ. Благоволите отзывомъ вашимъ почтить обитель сію, достопочтеннѣйшій отецъ и старецъ, на оборотѣ сего—болѣе потому, что отсюда никакъ не можетъ и никогда утратиться.

Вашего высокопреподобія, достопочтеннѣйшаго старца, всепокорнѣйшій слуга и сомолитвенникъ, домницкій архимандритъ Серафимъ.

Августа 12-го дня 1838 года.

II.

Ваше высокопреподобіе, всепочтеннѣйшій господинъ, отецъ архимандритъ Серафимъ!

По письму вашего высокопреподобія ко мнѣ, отъ прошлаго августа 12 числа состояшемуся, касательно доставленія отъ меня свѣденія о крестномъ ходѣ изъ нашего города Березны въ вашъ домницкій монастырь, 8 сентября, 1-е, съ котораго года оный учреждень, 2-е, по какому случаю и нѣтъ ли въ подтвержденіе оному письменнаго или народнаго вѣрнѣйшаго преданія, симъ честь имѣю ваше высокопреподобіе освѣдомить:

По забратой мною вѣрнѣйшей справкѣ оказалось, что крестный ходъ изъ нашего города Березны въ вашъ домницкій монастырь, каждагодно 8-го сентября, то есть въ день престольнаго праздника въ немъ во имя Рождества Божіей Матери, всѣмъ города Березны духовенствомъ съ многочисленнымъ народомъ дѣлаемый, начало свое имѣеть съ 1772 года и установленъ по

случаю сему: когда въ 1771 году оказалась въ городѣ Березнѣ моровая язва и начала свирѣпствовать умерщвленіемъ каждадневно много народа; то городское духовенство и всѣ жители въ общемъ своемъ совѣтѣ положили упросить и упросили домницкой святой обители настоятеля съ братіею сдѣлать духовную процессію изъ монастыря къ городу Березнѣ съ чудотворнымъ образомъ Божіа Матери, по принесеніи коего къ городу образъ былъ встрѣченъ у заставы города духовенствомъ онаго и народомъ, гдѣ, по отпѣтіи молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, чудотворный образъ обнесенъ былъ вокругъ города, съ пѣніемъ акафиста Божіей Матери. А по окончаніи таковаго шествія повторно отпѣто было съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе и образъ обратно понесенъ въ святую обитель. По такомъ обхожденіи губительная язва примѣтно начала уменьшаться и въ томъ же 1771 году совершенно уничтожилась. Въ память чего и въ благовѣйную благодарность пречистой Дѣвѣ Богородицѣ за явное милосердіе ея ко всему народу города Березны, обще согласно положено ходитъ каждагодно изъ сего города въ домницкій монастырь, отстоящій отъ Березны въ 9 верстахъ, 8 сентября съ крестнымъ ходомъ, для поклоненія сему чудотворному образу, каковъ ходъ и начать 1772 года и совершается каждаго года. Чему, хотя не отыскано мною письменнаго документа, но старожилы нашего города Березны, бывшіе самовидцы и довольно свѣдомые о всемъ выше прописанномъ, единогласно то утверждаютъ.

Съ отличнымъ моимъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю пребыть навсегда вашего высокопреподобія всепокорнѣйшимъ слугою.

Благочинный заштатнаго города Березны, протоіерей Макарій
Рындовскій.

1838 года, сентября 30 дня.

В. К—шъ.

Маленькое поясненіе къ „Кобзарю“ Т. Г. Шевченка.

Всякое, даже малѣйшее указаніе, относящееся къ незабвенному нашему поэту Т. Г. Шевченку, особенно, если это указаніе относится къ уясненію непонятныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, должно быть дорого для всякаго украинца, любителя роднаго языка и литературы.

Одно изъ такихъ поясненій хочу, и я предложить вниманію читателей «Кіевской Старины».

Во всѣхъ изданіяхъ «Кобзаря» въ заключительной строфѣ стихотворенія «Хиба самому написать таке посланіе до себе» при словѣ *дулевина*¹⁾ поставленъ вопросительный знакъ (?), обозначающій, конечно, что смыслъ этого слова не ясенъ былъ для лицъ, редактировавшихъ всѣ изданія «Кобзаря». При чтеніи названнаго стихотворенія я тоже неоднократно останавливался на этомъ словѣ; казалось и мнѣ оно очень страннымъ, и я никакъ не могъ допустить, чтобы такой знатокъ живаго украинскаго языка, какимъ былъ Шевченко, могъ употребить слово, не существующее въ дѣйствительности.

Въ настоящее время, въ бытность мою въ ананьевскомъ уѣздѣ херсонской губерніи (въ с. Перешорахъ), мнѣ пришлось услышать это слово въ живой народной рѣчи отъ тамошняго владѣльца, который мнѣ и объяснилъ, что *дулевина* есть разновидность *стали*, которой мѣстные жители кузнецы различаютъ два сорта: *темлянка* — мягкая, употребляющаяся при обыкновенныхъ подѣлкахъ (якъ треба насталити сокиру, або що), и *дулевина* — твердая и хрупкая, сильно загартованная (закаленная) сталь, употребляемая исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда орудіе испытываетъ сильное треніе. Изъ дулевины, напр., дѣлается *зерно* — конецъ мельничнаго веретена и гнѣздо, въ которомъ оно вертится.

Такимъ образомъ фраза

«Въ дулевины себе закуй»

становится совершенно ясной и въ переводѣ на обще-русскій литературный языкъ значитъ: закуй себя въ непроницаемую броню (сильно закаленную сталь), что вполнѣ гармонируетъ и со смысломъ

1) Ничого, друже, не журися
Въ *дулевины* (?) себе закуй,
Гарненько Богу помолися,
А на громаду хочь напкюй—
Вона капуста головата.
А въ тимъ, якъ знаешь, пане брате:
Не дурень—самъ соби миркуй.

(*Кобзарь*, С.-Петербургъ, 1883 г., стр. 292).

всей заключительной строфы этого стихотворенія нашего незабвеннаго поэта.

Смѣю надѣяться, что настоящая замѣтка послужитъ къ разъясненію этого, сколько мнѣ извѣстно, единственнаго темнаго мѣста въ «Кобзарѣ».

А. Г.

Коротенькое воспоминаніе о Т. Гр. Шевченкѣ.

Я была очень маленькой, мнѣ не было еще и пяти лѣтъ, когда Шевченко умеръ; но я помню его очень живо.... Не много я знала его и объ немъ, но одно врѣзалось въ моей памяти: онъ любилъ дѣтей и дѣти его любили; какая-то непостижимая сила связывала его чистую высокую душу съ эгими непорочными существами. Передаю, что вспомнилось объ немъ изъ моего далекаго прошлаго, и пусть это слабое мое воспоминаніе ляжетъ новымъ вѣнкомъ на его одинокую полузабытую могилу.

Однажды вечеромъ (это было въ Петербургѣ), мы всѣ собрались въ нашей столовой, вокругъ чайнаго стола. Я была въ тревожномъ состояніи, ожидался одинъ нашъ знакомый, котораго и почему-то боялась и не долюбивала.... Раздался звонокъ, и я стремительно вскакиваю съ мѣста и прячусь лицомъ у отца въ колѣняхъ, невольно подражая извѣстной привычкѣ страуса...

Слышатся чьи-то тяжелые шаги; но вошедшій гость молчитъ, не подаетъ голоса, очевидно его предупредили...

— А подивись, *это* прыйшовъ! загадочно-весело говоритъ мнѣ отецъ.

Подозрѣвая предательскую западню, я не двигаюсь.

— Та то не той дядько, не бійсь, дурна!... подивись!...

Тотъ-же самый результатъ; я не поддаюсь.

Отецъ беретъ мою голову и насильно приподымаетъ. Я въ ужасѣ открываю крѣпко защуренные глаза и вижу—передо мной стоитъ здоровый, лысый «дядя» съ добродушнѣйшей улыбкой на кругломъ, полномъ лицѣ.

— Дядько Кобзарь! вскрикнула я и въ одно мгновеніе повисла у него на шеѣ.

Да, дѣти любили добродушнѣйшаго кобзаря.

Помнится еще другой случай. Мы переѣхали на дачу въ Стрѣльну, и Шевченко у насъ гостилъ. Однажды, забравши насъ дѣтей (меня, которую онъ называлъ: «мое маленьке», и сестру мою моложе меня годомъ, которую онъ называлъ: «мое вельке»), онъ отправился съ нами гулять на какую-то поляну. День былъ ясный, солнечный, золотистый, одинъ изъ тѣхъ радостныхъ, лѣтнихъ дней, которые могутъ быть только въ беззаботномъ дѣтствѣ и которые никогда потомъ не забываются.... Мы съ сестрой безъ устали бѣгали по душистой, пестрой левадѣ, собирая цѣлыми охапками цвѣты и таская ихъ въ перегонку «дядьку Кобзарю»....

Онъ сидѣлъ съ краю, на какомъ-то возвышеніи, должно быть скатѣ рва, и, склонивъ голову на руку, въ безмолвіи глядѣлъ въ даль....

О чемъ онъ думалъ, что дѣлалось въ его тоскующей душѣ, или какіе образы проносились въ могучемъ воображеніи, я конечно тогда не спрашивала себя; но вотъ и теперь, послѣ многихъ лѣтъ, я ясно, какъ живую, вижу передъ собой эту выдвинутую среди зеленого моря задумчивую фигуру, точно всю облитую золотистымъ солнцемъ!... Мы со смѣхомъ бросали ему на колѣни цвѣты, онъ поднималъ голову, тихо улыбался и гладилъ насъ рукой по стриженнымъ головкамъ.

Помнится еще такой-же ясный лѣтній день; мы бродили съ отцомъ по смоленскому кладбищу и все допрашивали его: «гдѣ-же могила дядька Кобзара?....»

Н. М. Кибальчичъ.

По поводу 25-ти лѣтія „Филологическихъ записокъ“.

31 декабря м. г. въ Воронежѣ состоялось скромное празднованіе 25-ти лѣтняго юбилея мѣстнаго изданія «Филологическихъ записокъ». Существованіе провинціального научнаго изданія 25-ти лѣтъ,, притомъ въ г. Воронежѣ, не имѣющемъ ни университета, ни лицея, ни духовной академіи, фактъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, разумѣется, редактору-издателю, бывшему преподавателю въ воронеж-

скомъ кадетскомъ корпусѣ, Алексѣю Андреевичу Хованскому. Нужно имѣть большую любовь къ наукѣ и большое трудолюбіе, чтобы 25 лѣтъ изъ года въ годъ вести научный журналъ, привлечь сотрудниковъ, перечитывать получаемый матеріалъ, слѣдить за корректурой, крайне трудной въ филологическихъ статьяхъ, слѣдить за ходомъ печатанія, брошюровки и разсылки, и все это при скудныхъ средствахъ матеріальныхъ, при весьма ограниченномъ числѣ подписчиковъ. А. А. Хованскій съ честью для себя и пользой для филологической науки велъ изданіе спеціального научнаго журнала, и нѣтъ сомнѣнія, что всякій, интересующійся успѣхами провинціальной жизни, пожелаетъ г. Хованскому еще многихъ и многихъ лѣтъ для дальнѣйшей почетной и полезной дѣятельности, а самому изданію пожелаетъ всяческаго успѣха, научнаго и денежнаго.

Цѣль этого періодическаго изданія— «развивать и объяснять разные филологическіе вопросы, быть ближайшимъ посредникомъ между преподавателями во всемъ томъ, что относится до изслѣдованія по филологіи, быть сборникомъ разныхъ филологическихъ статей и служить для преподавателей готовымъ матеріаломъ при преподаваніи русскаго языка и словесности въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Академикъ Я. К. Гротъ въ статьѣ «Изъ поѣздки въ Воронежъ», помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., говоритъ: «Съ ничтожными средствами г. Хованскій умѣлъ оказать русской филологіи существенную услугу сборникомъ, вмѣщающимъ въ себѣ уже множество полезныхъ и отчасти замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Кромѣ статей нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ (Аванасьева, Буслаева, Котляревскаго, Потебни и др.), въ «Филологическихъ запискахъ» явились первые опыты молодыхъ ученыхъ, обѣщающихъ стать достойными дѣятелями науки, напр. Чудинова, Желтова, Лавренка. Журналъ г. Хованскаго заслуживаетъ благодарность и поддержку всѣхъ любителей русскаго языка».

Немного страницъ въ «Филологическихъ запискахъ» посвящено малорусскому языку и словесности, но все таки въ нихъ есть кое-что и по этой части, напр. цѣныя статьи А. А. Потебни о нѣкоторыхъ особенностяхъ малорусскаго языка, одинъ весьма любопытный,

украинскій лѣчебникъ, открытый проф. Сырку, также весьма интересный народный апокрифъ о хожденіи Иисуса Христа по землѣ и объ адскихъ мученіяхъ и пр.

Редакція журнала обѣщаетъ выпустить въ непродолжительномъ времени указатель статей, помѣщенныхъ въ «Филологическихъ запискахъ» за все время ихъ существованія,

Н. С.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина“ выходитъ неизменно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *должны* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Марьинова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гянтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обязана редакция.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

1887 г. (VI годъ изданія.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой. выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣсть 8 руб. 50 к., за границу 11 руб.

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

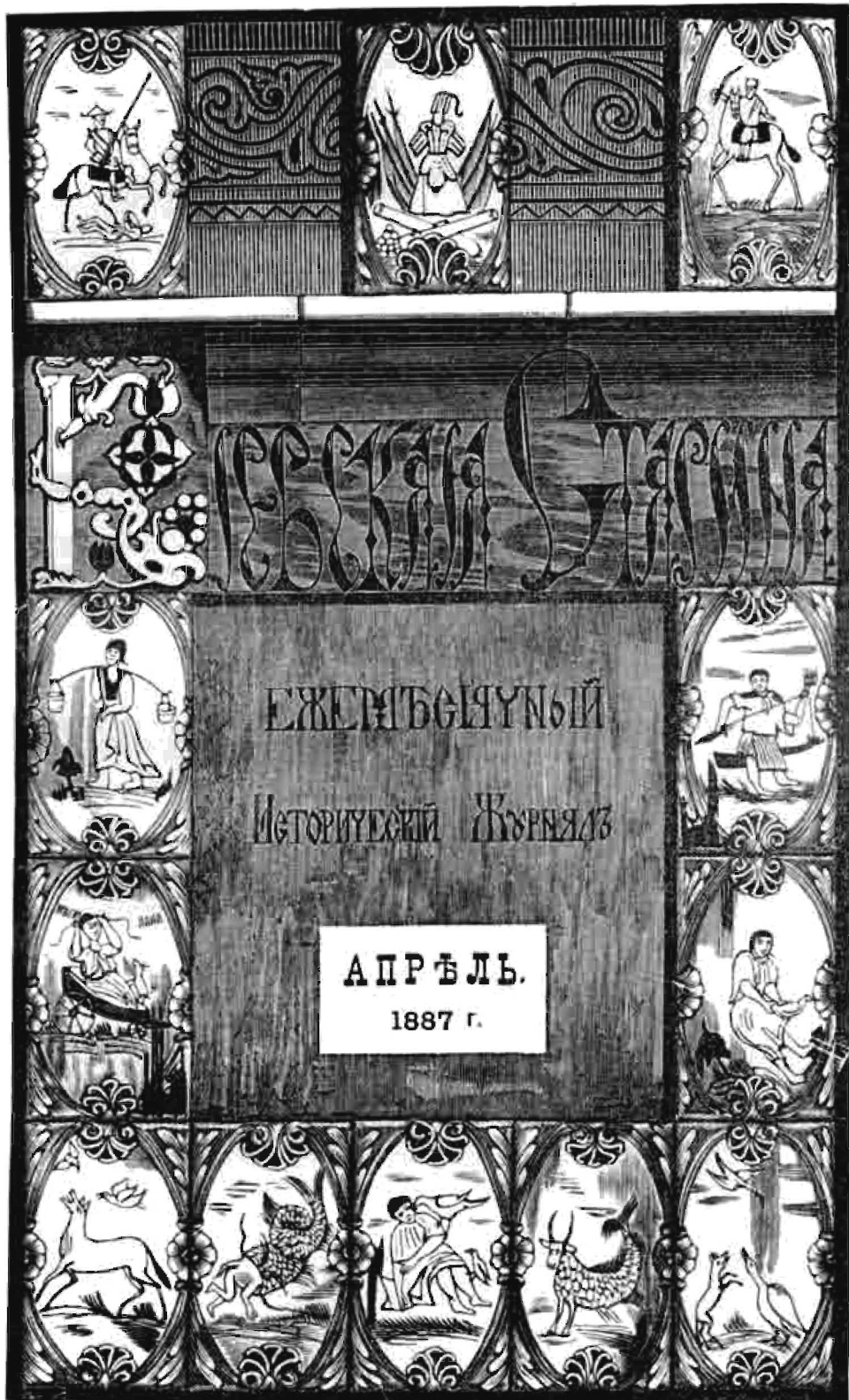
1) Записки гофмейстера Н. Д. Селецкого (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старообрѣтскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Печуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воевода кіевскій, съ портретомъ его. П. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Адресъ: *Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *В. Г. Лебединцевъ.*

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

АПРѢЛЬ.
1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1887 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VI. БАНИТАШКА	1
II. СВАДЬБА ТИМОНА ХМЕЛЬНИЦКАГО. (Эпизодъ изъ истори малорусско-молдавскихъ отношеній. (Окончаніе).—Сергѣя Венгрженевскаго	26
III. ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВѢЕВИЧА СВИТЧЕВА. (Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ повстанія 1831 г., русскихъ вѣкотъ, въ замѣтъ польскихихъ). (Окончаніе)	52
IV. РОДЪ ВИШНЕВСКИХЪ.—А. Лашневича.	73
V. ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА УКРАИНЫ КОНЦА XVII В. (I. Сожженіе вѣдьмы).—Н. Оглоблина.	92
VI. ИСТОРИЧЕСКИЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ. (Продолженіе).—А. М. Туренка	125
VII. ПАСЛѢДСТВЕННОЕ ПОЛКОВНИЧЕСТВО. (Нерѣшкѣ по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ). Сообщ. А. Твердохлѣбовъ.	152
VIII. ВИЗЮГРАФИЯ: а) Андрей Степановичъ Милорадовичъ, съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2-е. Черниговъ. 1887. —А. Л.—б) Складка Альманахъ, Р. В. 1877. № I. Состудилъ Вл. Александровъ. Харьковъ.—З.—в) Исторія кievской духовной академіи. Выпускъ 1-й, Періодъ до-могилненскій. С. Голубова. Кіевъ. 1886 года.—И. Каманинъ.—г) Дополненіе къ библиографическому указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Гр. Шевченка.—А. Комарова.	171
IX. ИЗВѢСТІИ И ЗАМѢТКИ: а) Объ имени свитателя петлѣнно почивающаго въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ.—Л.—б) Жалоба роженскаго духовенства на протоиерея Мартына Самойлова.—А. Востокова.—в) Изъ народныхъ вѣрозаній.—Сообщ. Юрій Олтаржевскій.—г) Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго старопіягальнаго братства.—И. Г.—д) Волынская полковнина XVII вѣка в си-орменскій обожатель.—Сообщ. А. А. Федотовъ-Чеховскій.—е) На пути въ Герусалимъ.—И.—ж) Старинные проповѣдническіе амвоны кievскихъ церквей	158
X. Приложение. Снимокъ въ краскахъ съ окерелья Домны Роксанды Хмельникой, хранящагося въ Спаской Палѣвской церкви м. Бѣлой Церкви.	

Продолжается подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кієвъ, 30-го марта 1887 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

А П Р Ъ Л Ъ .

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Жытом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Київъ. 30-го марта 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVII. 1887 г.

Январь, 1887 г.

- I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.
V. ХУДОЖНИКЪ. 1.
- II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ Г. ВЛАДИМИРЪ-
ВОЛЫНСКОМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.—Е. Дверниц-
наго. 36.
- III. РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННОГО О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ СЪ
НИМЪ ВО ВРЕМЯ «КОЛИВЩИНЫ», съ предисловіемъ Ѳ.
Рыльского 51.
- IV. ТУРЪ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.—Н. Ѳ. Сумцова. 65.
- V. НЕИЗДАННЫЙ РАЗСКАЗЪ Г. Ѳ. КВИТКИ (Основьяненка). 91.
- VI. СУДЬБА КРАСАВИЦЫ (Софія Глявои - Ветте - Потоцкая).
—*Разсказъ д-ра Антонія І. (Переводъ съ польскаго)* 99.
- VII. ИНСТРУКЦІЯ ГЕТМАНА ДАНИЛА АПОСТОЛА МАЛЮ-
РОССІЙСКИМЪ СУДАМЪ.—Сообщ. А. А. Федотовъ-Чеховскій. 139.
- VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по
екатеринославской губерніи. Томъ II. Бахмутскій уѣздъ.
Екатеринославъ. 1886 годъ.—б) Кустарные промыслы въ кур-
ской губерніи, сост. Н. А. Добротворскимъ. Курскъ. 1886 г.—
в) Крачунъ-Корочунъ Шухардта (*Archiv für slavische Philologie*.
1886 г.—Н. С.—г) Степь. Херсонскій беллетристичный збир-
никъ. 1886.—В. Я. 162.
- IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Картина В. Е. Маковского
«Мать и Дочь»,—Н. С.—б) Къ біографіи Г. Н. Теплова.—
А. Барсукова.—в) Рѣчь малороссійскаго генераль-губерна-
тора кн. Репнина къ дворянству черниговской и полтавской
губерній.—Сообщ. А. С. Лихкевичъ.—г) Бракоразводный

II

- казузь конца XVI. ст.—Сообщ. *А. А. Федотовъ-Чеховскій*.—
 д) Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи.—*В. Василенка*.—
 е) Коляды и щедривки.—ж) Къ портрету гетмана И. С. Мазепы. 197
- X. ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ гетмана И. С. Мазепы (*снимокъ съ современнаго стѣннаго изображенія въ великой церкви кіево-печерской лавры, съ факсимиле Мазепы*).
- XI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1887 г.

- I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. V. ХУДОЖНИКЪ. (*Продолженіе*) . . . , 193
- II. ГОРЛЕНКИ. (Очерки прилуцкой старины).—Князя *А. Дабини*. 237
- III. КОЗЕЛЕЦКАЯ РАДА 1663 ГОДА.—*А. Востокова*. 269
- IV. ЗАПИСКИ И. М. СБИТНЕВА. (Изъ времени учрежденія на Волини и Подоліи русскихъ школъ въ замѣнъ польскихъ, послѣ возстанія 1831 г.) 285
- V. ЗАПИСКА ПРЕОСВ. АНАТОЛІЯ, АРХІЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО (О сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края).—Сообщ. *К. Береза* 313
- VI. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи. Томъ II. (Статистико-экономическое описаніе елисаветградскаго уѣзда). Сост. статист. отдѣленіемъ при херсонск. губ. земск. управѣ. Съ двумя картами и 10 прилож.—Херсонъ. 1886.—*В. Я.*—б) Три пьесы Ив. Карого. Херсонъ. 1886 г.—*Г.*—в) Коротка исторія литературы рускои, Омельяпа Огоновскаго.—*Н. С.*—г) Виленскій календарь на 1887 годъ. Четвертый годъ изданія. Вильна. 1886.—*И. Малышевскіи*. 339
- VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гетманская усыпальница.—*Александра Ксензенка*.—б) Каштелянъ брацлавскій, Василій Загоровскій, въ полонѣ у татаръ.—Сообщ. *А. А. Федотовъ-Чеховскій*.—в) Къ родословной Полуботковъ.—*Д. Онацкаго*.—г) Вниманію археологовъ.—*Его же*.—д) Два акта для исторіи «руины» правобережной Украйны (1672—1682 г.г.).—Сообщ. *Ал. Лазаревскій*.—е) Еще о портретѣ И. С. Мазепы.—*Андрея Цимбалістова*.—ж) Справка о Г. Н. Тепловѣ.—*В. Г.*—з) Ненаучные приемы въ научномъ дѣлѣ.—*К. Цыбульскаго*.—и) Гдѣ находился кіевскій домъ Саввы Туптала сотника?—*Л. П.* 353
- VIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1887 г.

- I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. ХУДОЖНИКЪ. (*Окончаніе*). 385
- II. МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.—П. Кузьмичевскаго. 412
- III. ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВѢЕВИЧА СБИГНЕВА. (Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ). (*Продолженіе*). 459
- IV. СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО.—С. Венгрженовскаго. 469
- V. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ.—А. М. Туренка 494
- VI. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО КІЕВА конца XVIII ст.—Сообщ. С. Писаревъ 537
- VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Полтавскій адресъ-календарь на 1887 г. Составленный подъ редакціею секретаря полтав. губерн. стат. комитета Д. А. Трощинскаго.—Н. Н. Бакал.—б) Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. ворон. губ. стат. комитета. Воронежъ. 1886 г. т. I—II.—Н. С.—в) A. v. Schweiger Lerchenfeld. Zwischen und Kaukasus. Wien. Pest. Leipzig. 1886. (А. ф. Швейгеръ Лерхенфельдъ. Отъ Дуная до Кавказа).—В. Я.—г) Харьковскій календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложение къ календарю). Изд. харьков. губерн. стат. комит. подъ редакціей П. С. Ефименка.—Д. Чеп—аго.—д) В. Шенрокъ. Ученическіе годы Гоголя. Москва 1887 г.—В. Г. 545
- VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ исторіи одного при-сеймскаго села.—Н. Добротворскаго —б) Архивная справка по поводу «Записокъ И. М. Сбитнева».—Н. Сумцова.—в) Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни.—О. Л—го.—г) Изъ записной книжки.—М. Комарова.—д) Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березнѣ.—Сообщ. В. К—шъ.—е) Маленькое поясненіе къ «Кобзарю» Т. Г. Шевченка.—А. Г.—ж) Коротенькое воспоминавіе о Т. Г. Шевченкѣ.—Н. М. Кибальчичъ.—з) По поводу 25-ти лѣтія «Филологическихъ Записокъ».—Н. С. 565

Апрѣль, 1887 г.

- I. НЕИЗДАВАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.
VI. КАПИТАНША. 589
- II. МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕ-
СТЬЯНЪ. (*Окончаніе*).—П. Кузмичевского. 626
- IV. ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВѢВВИЧА СВИТНЕВА. (Изъ вре-
мени учрежденія на Вольни и Подоліи, послѣ возстанія 1831
г., русскихъ школъ, въ замѣсть польскихъ). (*Продолженіе*). 650
- V. КРЕСТЬЯНСКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ ГРАЙВОРОНСКОМЪ
УѢЗДѢ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ, въ 1861—62 г.г.—Н. Добро-
творскаго. 667
- VI. КАРТИНКИ СТАРИНЫ. (Кіевскій спектакль XVIII в.)—В. Г. 681
- VII. НА ШПАКОВОМЪ ШЛЯХУ. Разсказъ изъ быта Подоліи
начала XVIII вѣка.—Д-ра Антонія I. (*Переводъ съ польскаго*). 693
- VIII. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ.
(*Продолженіе*).—А. М. Туренка 721
- IX. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Труды VI археологическаго съѣзда въ
Одессѣ (1884 г.). Томъ I. Одесса, 1886 г.—В. Ястребова.—
б) Екатеринославское блуканіе (1777—1791). Александра
Егорова. Екатеринославъ. 1877.—Г. З.—в) Календарь чер-
ниговской губерніи на 1887 годъ. Сост. К. В. Корвинъ-
Піотровскій. Годъ второй.—Ф. Н.—г) А. А. Васильчиковъ.
Семейство Разумовскихъ, т. IV. Спб. 1887 г.—W. 747
- X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Опытъ истолкованія обычая
«понеделкуванья».—Н. Чернишева.—б) Русскіе диссиденты
въ Новороссіи.—А. А. Скальковскаго.—в) Письмо О. М. Бо-
дянскаго къ А. В. Шишацкому-Илличу.—Сообщ. В. К—инъ.
—г) Преданія о Лебединскомъ монастырѣ и селѣ Лебединѣ.—
М. Васильева.—д) Универсалъ гетмана Скоропадскаго о пере-
водѣ «книгъ правнихъ» на малорусскій языкъ.—Сообщ. Ал.
Лазаревскій.—е) По пирятинскому уѣзду.—Z.—ж) Какъ гото-
вилось екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ импер. Ека-
терины II.—Сообщ. Я. П. Новицкій.—з) Іосифъ Игнатій Кра-
шевскій.—W. 763

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

VI.

КАПИТАНЦА.

Въ 1845 году, въ томъ самомъ году, когда наводненіемъ до половины разрушило городъ Кременчугъ, а Крюковъ остался невредимъ, а въ Кіевѣ такъ даже къ Братскому монастырю вода поднялася, такъ въ этомъ критическомъ году, въ концѣ марта мѣсяца, выѣхалъ я изъ Москвы по тульскому, тогда только-что открытому шоссе. Ёхалъ я (замѣтите на почтовой перекладной телѣгѣ) двѣ недѣли до Тулы, да до Орла недѣлю, и того три недѣли. А что я вытерпѣлъ въ эти три недѣли, такъ этого никакое перо не въ силахъ описать. Одно только скажу вамъ, что я, не изъ описанія какого нибудь туриста, а изъ собственнаго опыта зная, что стоитъ тарелка щей и ломоть хлѣба на почтовой станціи и будучи такимъ образомъ практически знакомъ съ комфортомъ почтовыхъ станцій, на выѣздѣ изъ Москвы, нагрузилъ порядочную корзину всякимъ соленымъ и копченымъ добромъ—и что же? всю эту благодать я долженъ былъ бросить на второй станціи, т. е. въ городѣ Подольскѣ, потому что все это, да и самъ я, окунулись нѣсколько разъ въ грязной снѣжной водѣ. Благоразуміе требовало возвратиться въ Москву, но поди же ты, толкуй съ упрямою головою, ибо между нами будь сказано, я таки не отсталъ отъ своихъ земляковъ въ этой добродѣтели, т. е. въ упрямствѣ, что мы изъ вѣжливости называемъ силою воли. Итакъ отъ Подольска до Тулы пропутешествовалъ я на пицѣ св. Антонія, а отъ Тулы до Орла на той же самой пицѣ, потому что городъ Тула хотя и славится ружьями

и гармониками, но колбасной лавкой не может похвалиться; словомъ я въ Тулѣ, и то съ трудомъ, нашель соленого судака, привезеннаго съ береговъ синяго Дона, или съ береговъ Урала, или же съ береговъ матушки Волги. Съ такимъ-то провіантомъ доѣхаль я до города Орла. Остановился я было въ гостинницѣ, тутъ же около почтовой станціи, да на другой день, какъ пересчиталъ свою казну, такъ только ахнулъ! У меня всего на все было наличныхъ трехрублевая депозитка, да мелочи два четвертака, а изъ Москвы я взялъ съ собою ровно сто рублей серебромъ. Съ такую суммою какъ не доѣхать изъ Москвы до Кіева? А вотъ же случилось такъ, что я только до Орла доѣхаль, а тамъ, т. е. въ Орлѣ, и сѣлъ, какъ ракъ на мели. Призадумался я не на шутку, и послѣ сугубыхъ размышленій пошелъ искать постоялый дворъ. Опять горе—Ока и Орликъ затопили не только всѣ постоялыя дворы, но и большую часть самого города. Возвратился я въ свой номеръ еще грустнѣе, чѣмъ изъ него вышелъ; въ раздумьи сѣлъ у окна и смотрю на улицу, а по улицѣ плетется запряженная парю невзрачныхъ лошадокъ большая крытая телѣга, а около нея съ кнутикомъ въ рукѣ идетъ небольшого роста, пузатенькій, съ рыжей бородкой, мужичекъ. А, пріятель, думаю себѣ, тебя-то мнѣ и нужно! Я отворилъ окно и крикнулъ:

— Эй! мужичекъ! молодецъ!

Мужичекъ остановился, снялъ шапку и, посмотрѣвши на окно гостинницы, увидѣлъ меня и сказалъ:

— Ты, баринъ, кличешь?

— Я.

— А что тѣ надоть? спросилъ онъ.

— А вотъ что. Ты извощикъ?

— Вѣстимо, что извощикъ!

— А которой губерніи?

— Тугошней губерніи, баринъ, а уѣзда митровскаго.

— А не желать бы ты, любезный, на праздникъ дома побывать? (Это было на шестой недѣлѣ великаго поста).

— Какъ не желать, баринъ, вѣстимо, желаю; да какъ порожнемъ пустишься одинъ?

— А хочешь, я тебѣ сѣдока найду до Глухова?

— Какъ не хотѣть, да мнѣ, пожалуй, хотъ и до Москвы.

— Да ты знаешь ли, гдѣ Глуховъ?

— Какъ не знать,—за Митровскимъ. Мы и въ Кіевѣ бывали не разъ.

— Много ли же ты возьмешь?

— Съ пуда, что ли, баринъ?

— Пожалуй, хуть и съ пуда.

— По два съ полтиной, баринъ!

— Хорошо, согласенъ, только съ тѣмъ, чтобы деньги получить въ Глуховѣ.

— А задаточку, баринъ?

— Да тамъ же въ Глуховѣ и задаточку.

Мужичекъ почесалъ въ затылкѣ и, посмотрѣвъ на меня съ минутой, спросилъ:

— А когда ѣхать баринъ?

— Да, пожалуй, хоть и сейчасъ.

— Сейчасъ, баринъ, нельзя: маненько лошадокъ укормить надо.

— Да гдѣ же ты ихъ кормить станешь? Какъ тебя найти?

— Да здѣсь же на улицѣ; вишь постоянные дворы всѣ залило водою, гдѣ кормить станешь?

И, говоря это, онъ приворотилъ къ забору и началъ откладывать лошадокъ.

Я выпелъ къ нему на улицу, осмотрѣлъ телѣгу. Телѣга была помѣстительная, крытая веплошь, въ родѣ жидовской брычки.

— Какой же ты товаръ перевозишь въ этой посудинѣ? спросилъ я его.

— Да какой товаръ? Вотъ теперь хоть и вашу милость повезу, а сюда какую-то барыню привезъ изъ Митровска; къ дѣтушкамъ что ли пріѣхала, въ училищѣ какомъ-то, али корпусѣ, говорить; да унѣ и злющя же, Богъ съ ней, то и дѣло дерется съ дѣвкой.

— А какъ думаешь, выѣдемъ сегодня, или не выѣдемъ?

Мужикъ посмогѣлъ на солнце и сказалъ:

— Лучше, баринъ, переночуемъ.

— Пожалуй, переночуемъ.

И я отъ нечего дѣлать пошелъ шляться по городу.

Проходя мимо табачной лавочки, я увидѣлъ между выставленными на окнѣ съ разными изображеніями табачные картузы и гар-

монику. Не предвидѣлось мнѣ большаго разнообразія въ моемъ путешествіи: дай-ка, думаю, куплю гармонику; буду хоть дѣтей потѣшать на подворкахъ. Купилъ я гармонику и возвратился на квартиру; а на квартирѣ, отдохнувши послѣ прогулки, я задалъ себѣ такой вопросъ: а что если у моего пріятеля въ Глуховѣ, на котораго я надѣялся, какъ на каменную стѣну, не случится денегъ, что я тогда стану дѣлать? Правда, у меня въ Глуховѣ есть и другой пріятель, на котораго навѣрняка можно рассчитывать; онъ одной фарфоровой глины продаетъ тысячъ на сто въ продолженіи года, такъ какъ на него не понадѣяться? Но дѣло въ томъ, что онъ панъ на всю губу, какъ говорится. У него къ обѣду иначе выйти нельзя, какъ во фракѣ, а это то мнѣ и не правилось. Оно и въ самомъ дѣлѣ смѣшно жить въ деревнѣ и наряжаться каждый день,—чертъ знаетъ что! Хорошо еще, ежели похороны или свадьба, или другой какой семейный праздникъ, а такъ—это больше ничего, какъ нелѣпое подражаніе аглицкимъ лордамъ. Итакъ, по долгомъ размысленіи, я написалъ письмо въ Кіевъ и просилъ, чтобы послали мнѣ денегъ въ г. Глуховъ и адресовали на имя не того пріятеля, что продаетъ фарфоровую глину, а на имя сосѣда его ротмистра въ отставкѣ такого-то.

Устроивши все, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, я на другой день до восхода солнца погрузился въ фургонъ и благополучно прибылъ на постоялый дворъ, отстоящій отъ города Орла на двадцать пять верстъ. Здѣсь было бы очень кстати описать со всевозможными подробностями постоялый дворъ; но такъ какъ эту *tableau de genre* описывали уже многіе, не токмо прозою, но даже и стихами, то я и не дерзаю соперничать ни съ кѣмъ изъ этихъ досужихъ описателей, ни даже съ самимъ гомеровскимъ описаніемъ въ стихахъ постоялаго двора, напечатаннымъ, не помню, въ какомъ то журналѣ, гдѣ и сравнивается это описаніе съ Илиадою.

Въ г. Кромы мы прибыли ночью и до разсвѣта выѣхали, слѣдовательно о городѣ Кромахъ мнѣ тоже нечего сказать, развѣ только, что за тарелку постныхъ щей съ меня взяли полтину серебра, собственно за то, что я не поторговался прежде. Вотъ все, что могу сказать о городѣ Кромахъ.

Солнце уже довольно высоко поднялось, когда я проснулся въ своемъ фургонѣ. Проснувшись, я высунулъ голову посмотрѣть

на свѣтъ Божій и спросилъ у Ермолая (такъ звали моего извозчика), далеко ли до постоялаго двора.

— А вотъ спустимся за горку, тамъ будетъ и постоянный дворъ, отвѣчалъ Ермолай.

Я посмотрѣлъ вокругъ; думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ гдѣ нибудь увижу хоть маленькую горку; ничего не бывало,—равнина и однообразная равнина, перерѣзанная черною полосою почтовой дороги, утыканной кое-гдѣ ракитникомъ и пестрыми столбами, именуемыми верстами.

Незавидный, правду сказать, пейзажъ, а если принять въ соображеніе мое не быстрое путешествіе, то онъ покажется даже скучнымъ. Что будешь дѣлать? Читать нечего, думать не о чемъ (въ то время я повѣстей еще не сочинялъ). Вотъ я полежу, полежу въ фургонѣ, да и вылѣзу изъ него, пройду версту, другую пѣшкомъ да и опять въ фургонъ, поиграю на гармоникѣ, а Ермолай попляшетъ (онъ почти не садился на облучокъ), но постоянно шель себѣ съ кнутикомъ около лошадокъ и когда я наигрывалъ на гармоникѣ, то онъ принимался плясать, сначала тихо, потомъ быстрѣе, а когда приходилъ въ азартъ, то, обращаясь ко мнѣ, почти вскрикивалъ:

— Почище, баринъ, почище!

Я ему и почище заиграю, а онъ почище попляшетъ, а тамъ, глядишь, и постоянный дворъ.

Такъ то мы съ Ермолаемъ коротали и время, и дорогу до самой Эсмани (первая станція черниговской губерніи). Не успѣешь переѣхать границу орловской губерніи, какъ и декорація перемѣнилась: вмѣсто ракитника по сторонамъ дороги красуются высокія развѣсистыя вербы; въ первомъ селѣ черниговской губерніи уже бѣленькія хатки, соломою крытыя, съ дымарами, а не сѣрыя бревенчатыя избы; костюмъ, языкъ, фізіономіи—совершенно все другое. И вся эта перемѣна совершается на пространствѣ двадцати верствъ; въ продолженіе одного часа вы уже чувствуете себя какъ будто въ другой атмосферѣ, по крайней мѣрѣ я себя всегда такъ чувствовалъ, сколько разъ я не проѣзжалъ этой дорогою. Ъдучи изъ Кіева черезъ Черниговъ, хотя и чувствуешь себя по ту сторону Десны уже не въ Малороссіи, но тамъ все таки есть хоть небольшая интонація, а между Эсманью и Глуховомъ со-

вершено никакой. Проѣхавши версты двѣ или три отъ Эсмани, я увидѣлъ вправо, не далеко отъ дороги, уже не сѣрый бревенчатый съ крѣпкими воротами постоянный дворъ, а бѣлую подъ соломенной крышей между вербами корчму. Видъ этой первой корчмы напомнилъ мнѣ еще въ дѣтствѣ слышанную мною пѣсню, которая начинается такъ:

Ой у поли верба,
Пидь вербою корчма.

Засвѣтло можно было бы пріѣхать еще въ Глуховъ, но мнѣ такъ понравилась эта корчма, что я просилъ Ермолая остановиться въ ней и переночевать, на что онъ охотно согласился, потому что въ корчмѣ, какъ онъ говорилъ, все дешевле, нежели въ городѣ.

Поровнявшись съ самою корчмою, мы остановились, и я увидѣлъ человѣка, не обращавшаго на насъ совершенно никакого вниманія. Человѣкъ этотъ одѣтъ былъ довольно странно: въ сѣрой солдатской шинели, подпоясанный, вмѣсто пояса, свитымъ изъ соломы жгутомъ, въ черной бараньей шапкѣ и съ граблями въ рукахъ. Я вылѣзъ изъ телѣги и, подойдя къ нему, спросилъ:

— Что ты хозяинъ?

— А вже-жь хазяинъ, отвѣтилъ онъ, едва взглянувши на меня.

— Что у тебя сѣно есть?

— А вже-жь есть.

— И овесъ етъ?

— А вже-жь есть.

— А поужинать будетъ ли что?

— А вже-жь буде.

Послѣ этого говорившій со мною человѣкъ обратился къ моему извозчику и совѣмъ неласково сказалъ ему:

— Чого жъ ты тамъ стоишь, московська ворона, чому не заѣзжаешь!—и самъ пошелъ отворять ворота корчмы.

Мнѣ понравился мой оригинальный землякъ, какъ содержатель заѣзжаго дома на большой дорогѣ. Особенно послѣ орловскихъ дворниковъ, которые встрѣчаютъ тебя за полверсты, снимаютъ шапку, кланяются, божатся, что у нихъ все есть, кромѣ птичьяго

молока, а на повѣрку окажется только овесъ и гнилое сѣно, а поужинать или пообѣдать, особенно въ великомъ посту, и не думай; подадутъ тебѣ щей съ вонючимъ постнымъ масломъ, да и слупить полтину серебра, коли впередъ не поторгуешься. Пока не словоохотный хозяинъ отворялъ и затворялъ ворота своей корчмы, я пошелъ размять ноги, онѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнія.

Корчма была тщательнo выбѣлена и около оконъ обведено было желто-красноватой глиной; примыкающій къ корчмѣ сарай, или такъ называемая стодола тоже акуратно вымазана желтой глиной; вообще видъ корчмы показывалъ, что чрезъ нѣсколько дней будетъ у людей великій праздникъ. По другую сторону корчмы я увидѣлъ изгородь, примыкающую къ самому строенію, — небывалая вещь около корчмы. Я подошелъ поближе. За изгородью двѣ женщины копали гряды и одна изъ нихъ что-то рассказывала, а другая такъ звонко чистосердечно смѣялась, что я самъ невольно разсмѣялся. Та, которая рассказывала, была женщина уже не первой молодости, а которая смѣялась, только что разцвѣтшая чернобровая красавица и, казалось, была дочерью первой, а не подругою. Не успѣлъ я рассмотретьъ ихъ хорошенько и послушаться гармоническаго смѣху красавицы, какъ изъ-за угла корчмы показался самъ хозяинъ и позвалъ ихъ въ хату варить вечерю. Я и себѣ послѣдовалъ за ними въ хату. У дверей встрѣтился я съ хозяиномъ. Онъ мнѣ пожелалъ добраго здоровья и просилъ войти въ свѣтлицу. Я вошелъ въ просторную чисто выбѣленную хату, раздѣляющуюся во всю длину ея, какъ стѣною, кафельною печью (Бироновщина); около стѣны кругомъ стояли лавы, или скамейки, а между ними возвышался дубовый чисто вымытый столъ; на стѣнѣ въ углу висѣлъ образъ, украшенный свѣжею вербою и засохшею мятой и васильками.

Просимо садиться, сказалъ хозяинъ, снимая шапку; здесь мы сами живемо, прибавилъ онъ, а для такого народу у насъ есть другая хата.

— А что, хозяинъ, спросилъ я его, садясь на скамьѣ, можно у васъ достать водки?

— Чому не можно. Вамъ полкварти, чи всю квартиру? спросилъ онъ.

— Хоть полкварти на первый разъ.

— Добре, сказалъ онъ и вышелъ изъ хаты.

Вскорѣ возвратился онъ съ рюмкою и графиномъ, а за нимъ шла съ тарелкою и полотенцемъ въ рукахъ веселая огородница. Это была самая очаровательная брюнетка, шестнадцати или пятнадцати лѣтъ, стройная, гибкая, какъ молодая тополь; волосы ея, густые, блестящіе, были повязаны черной лентой и украшены свѣжимъ зеленымъ барвинкомъ.

Она накрыла край стола полотенцемъ, поставила тарелку съ какой-то соленой рыбой, положила на столъ два куска бѣлаго хлѣба и улыбнувшись удалилась изъ хаты. Проводивши глазами красавицу, я обратился къ хозяину.

— А что, землякъ! не выпить ли намъ по рюмкѣ водки?

— Чому не выпить? отвѣчалъ онъ и сѣлъ на скамейкѣ.

— Я выпилъ водки и хозяина попотчивалъ; не много погодя, я еще попотчивалъ его и спросилъ:

— Ты, кажется, хозяинъ, служилъ въ солдатахъ?

— Авжежъ служилъ.

— То-то ты такъ важно и по русски говоришь.

— О такъ пакъ! у владимірской губерніи квартировали шесть лѣтъ, та що-бъ не выучиться говорить по русски.

Добрякъ не замѣтилъ моей шутки, за то я ему налилъ еще рюмку водки.

— А что, я думаю, ходилъ и подъ француза?

Этотъ вопросъ я сдѣлалъ ему потому, что замѣтилъ у него голубую ленточку, нашитую на шинели.

— Авжежъ ходывъ! отвѣтилъ онъ.

— Не мало же ты ихъ проклятыхъ пересажалъ на штыкъ?

— А ни одного.

— Отчего же это такъ случилось? не безъ удивленія спросилъ я его.

— Я былъ музыкантомъ, отвѣчалъ хозяинъ.

Это меня еще больше удивило, потому что въ фізіономіи его и вообще въ приемахъ не замѣтно было ничего такого, что обличало-бы въ немъ виртуоза.

— На какомъ же ты инструментѣ игралъ? спросилъ я его.

— На барабанѣ, отвѣчалъ онъ, не измѣняя тону рѣчи.

И на этомъ звучномъ инструментѣ едва ли ты отличался, подумалъ я, глядя на его честный выразительный профіль, а онъ

сидѣлъ себѣ на скамьѣ и согнувшись болталъ ногами, какъ это дѣлають маленькія дѣти. Я рассчитывалъ, и довольно основательно, что услышу отъ него о какихъ нибудь богатырскихъ подвигахъ во время стычекъ, о какой нибудь частной продѣлкѣ, о которой нигдѣ ничего не прочитаешь, даже въ «Запискахъ русскаго офицера», а не тутъ то было: онъ былъ музыкангомъ и въ добавокъ не лгуномъ. Но я все еще не терялъ надежды вызвать его на рассказы, предложивши ему еще рюмку водки, на что онъ охотно согласился, и когда онъ полою шинели вытеръ свои бѣлые усы и крикнулъ, я спросилъ его какъ бы случайно.

— А въ нѣмецкихъ земляхъ и во Франціи таки довелось побывать?

— Довелось. У саміи Франціи два года квартировали.

— Какъ же ты разговаривалъ съ французами?

— По французски, отвѣчалъ онъ, не запинаясь и, не много погодя, продолжалъ.

— Я и по французскому. и по нѣмецкому умѣю. Еще въ десятомъ году, когда шли мы изъ-подъ турка, одинъ венгеръ выучилъ меня, царство ему небесное! Я, сказавши правду, по всякому умѣю, прибавилъ онъ самодовольно. Напримѣръ, стоимо мы лагеремъ таки подъ самымъ Парижемъ: тутъ и прусакъ, тутъ и цесарець, и агличанинъ, якъ той ракъ червонный, и синеполый шведъ, и Богъ его знае, откудова той шведъ прійшовъ! до самого Парижа его не видно було, а тутъ мовъ изъ земли выросъ. Отъ вони гуляють по лагерю та межъ собою по своему розмовляють. Отъ, говорятъ, дастъ Богъ, завтра вступимо въ Парижъ, а тамъ, комрадъ, и махень вейнъ, и закусымо, комрадъ, и мамзельхень либеръ, и всего въ волю. А я хожу собі межъ ними, усъ покручую да думаю: не хвалитесь, комрады, побачимъ, що съ того буде! Черезъ день, чи черезъ два, одили насъ, выстроили, перевели черезъ Парижъ церемоніальнымъ маршемъ, не дали и воды напиться; уже верстъ 20 за Парижемъ дали намъ духъ перевести. Отъ я пидхожу до цесарця та й говорю ему по цесарскому: а що, комрадъ, Парижъ важный, говорю, городъ, и вейну, и мамзельхень, всего, говорю, въ волю.

— Одеръ дейфель! говоритъ, чтобъ онъ имъ до тла выгоривъ!

— То то—говорю ему по цесарски—не хвалитися ~~було~~ на рать.

— А что, землякъ, есть какая нибудь разница между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ? спросилъ я его.

— Малюсть разницы! такъ что ежели умѣешь добре по ниемьски, то и съ французомъ можно поговорить; малюсть разницы, повторишь онъ, покручивая свои бѣлые усы.

Въ это время занавѣска въ ниши отдернулась, и вошла въ комнату со свѣчею въ рукахъ та самая женщина, которую я видѣлъ мелькомъ на огородѣ. Это была по городскому опрятно одѣтая, уже не молодая женщина, высокаго роста, съ живыми черными глубоко впалыми глазами и вообще пріятнымъ выразительнымъ лицомъ. Она поставила на столъ свѣчку, взглянула на моего собесѣдника и, ображаясь ко мнѣ, сказала чистымъ великороссійскимъ нарѣчіемъ:

— Не потчуйте его, сдѣлайте одолженіе, а то онъ вамъ и отдохнуть не дастъ.—Иди-ка ты лучше, ложись спать, сказала она, обращаясь къ нему.

— Мовчи ты, капитанша! ма.... отвѣтилъ ей мой собесѣдникъ и мунуту спустя, улыбнувшись, прибавилъ:

— Матери твой чарка горилки!

Женщина молча посмотрѣла на него и скрылась за занавѣской.

— Что это жена твоя! спросилъ я хозяина.

— Жена, отвѣтилъ онъ.

— Зачѣмъ-же ты ее зовешь капитаншею?

— Это я такъ, жаргуючи...., а по правди сказать, такъ вона и есть капитанша; да еще не простая, а лейбгвардейская, прибавилъ онъ, какъ-бы про себя, и такъ тихо и скоро, что я едва могъ слышать и понять.

Меня подстрекало разспросить у него, почему она капитанша, да еще и лейбгвардейка; но онъ такъ невесело опустилъ на грудь свои бѣлые усы, что мнѣ казался всякій вопросъ про капитаншу неумѣстнымъ и даже дерзкимъ.

Недолго мы сидѣли молча, изъ за занавѣски явилась опять та же женщина и поставила на столъ уху съ какой-то маленькой рыбки, очень вкусно приготовленную. Я поужиналъ, поблагодарилъ хозяевъ и пошелъ въ свой фургонъ спать. Долго я однакожь не могъ заснуть: мнѣ не давало спать слово капитанша; со мною

впрочемъ это часто случается, да я думаю и со всякимъ: на какомъ нибудь самомъ простомъ словѣ построишь цѣлую драматическую фантазію не хуже прославившагося въ этомъ фантастическомъ родѣ почтеннаго Н. К. Такъ случилось и теперь: слово капитанша раздѣлилось у меня уже на акты, сцены, явленія, и уже чуть-чуть не развязалась драма самой страшной катастрофой, какъ начали смеяться мои творческія вѣжды, и я заснулъ богатырскимъ сномъ.

Впродолженіе моего путешествія отъ Орла до этой интересной корчмы, я просыпался каждое утро въ дорогѣ. Догадливый Ермолай никогда не будилъ меня, да и не зачѣмъ было будить: я вручилъ ему мою трехрублевую депозитку еще въ Кромахъ, послѣ дорогихъ щей, и онъ всю дорогу разсчитывался за съѣденное и выпитое мною на каждомъ постояломъ дворѣ, а я себѣ спалъ сномъ праведника и просыпался всегда въ дорогѣ. Просыпаясь подъ стукъ колесъ и легкое качанье телѣги, я иногда снова засыпалъ и просыпался уже на постояломъ дворѣ. Послѣ неоконченной драмы на слово капитанша проснулся я на другой день уже не рано и къ немалому моему удивленію не чувствовалъ ни покачивания телѣги, ни холоднаго утренняго воздуха; прислушивался и не слышалъ ничего вокругъ себя, даже постукиванья колесъ.

Неужели мы уже проѣхали станцію? подумалъ я. Да нѣтъ, не можетъ быть! вѣдь мы должны бытъ теперь у пріятели моего въ деревнѣ около Глухова, а не на постояломъ дворѣ; да правда я ему вчера дорогу не разсказалъ, а онъ, дурень, не разбудилъ меня, когда изъ корчмы выѣхали. Рѣшивши такъ мудро сей вопросъ, я снова было задремалъ, но Ермолай, вѣроятно, подслушалъ мое рѣшеніе, подошелъ къ телѣгѣ и сказалъ:

— Баринъ! а баринъ!

— Что Ермолай? отозвался я.

— Вы спите? спросилъ онъ.

— Сплю, отвѣчалъ я.

— Пора вставать.

— Хорошо, встану; не случилось-ли чего нибудь?

— Ничего не случилось; слава Бѣгу, все обстоитъ благополучно.

— Такъ что-же? Ну, и обѣдай съ Богомъ!

— Какой тутъ обѣдъ, баринъ! у насъ нечѣмъ и за вчерашній ужинъ расплатиться: я деньги всѣ, и свои и ваши, израсходовалъ!

— Будто ничего не осталось?

— Ни копѣйки!

— Плохо, подумалъ я, и потомъ спросилъ Ермолая: а лошади у тебя сыты?

— Лошади сыты, дворникъ ничего не знаетъ, отпускаетъ все, что ни спросишь.

— Хорошо; поди-же, скажи ему, чтобы самоваръ нагрѣлъ, я сейчасъ приду.

Ермолай удалился.

Въ трактиръ въ Тулѣ приходитъ ко мнѣ какой-то не совсѣмъ трезвый человекъ и предлагаетъ новое одноствольное ружье за три рубли серебромъ. Я, чтобы отвязаться отъ него, посулилъ ему рубль; онъ вышелъ было за двери, не сказавши ни слова; немного погодя, опять вошелъ въ комнату, спросилъ меня, что я шучу съ нимъ или серьезно говорю. Я сказалъ, что серьезно. Онъ немного подумалъ и сказалъ: «а коли серьезно, такъ вотъ вамъ вещь, давайте деньги». Я отдалъ ему рубль, а ружье положилъ на столѣ, не посмотрѣвши даже на него хорошенько, какъ на вещь совершенно мнѣ не нужную. Могъ ли я предвидѣть тогда, что это ружье, почти насильно купленное, разыграетъ такую важную роль, какую я ему теперь назначилъ?

Вылѣзъ я изъ своей подвижной спальни, пошелъ къ колодцу, умылся, охорошилъ кое-какъ и вошелъ въ комнату. На столѣ уже стоялъ самоваръ, а вчерашняя капитанша вытерла чистымъ полотенцемъ большую чайную фарфоровую чашку. Я привѣтствовалъ ее съ добрымъ утромъ, на что она отвѣчала тѣмъ же.

— А гдѣ же вашъ хозяинъ? спросилъ я.

— А онъ рано еще уѣхалъ къ помѣщику, у котораго мы эту корчму нанимаемъ.

— А какъ прозываютъ этого помѣщика и далеко ли онъ отъ васъ живетъ?

— Отставной ротмистръ NN, а живетъ онъ почти около самаго города.

Да это и есть мой пріятель, моя единая надежда, подумалъ я и, обратясь къ хозяйкѣ, спросилъ, какъ она думаетъ, скоро ли ея хозяинъ возвратится назадъ.

— Я думаю скоро, если его не задержитъ Викторъ Александро-

вичъ: ему тамъ нечего долго дѣлать, отдать деньги и получить бочку водки. Да вамъ что его дожидать, вы и со мною можете разсчитаться.

Въ томъ то и дѣло, что не могу, подумаль я и вслухъ прибавиль:

— Мнѣ бы хотѣлось еще разъ съ нимъ повидаться и побесѣдовать: онъ долженъ быть добрый старикъ.

— Прекрасный человекъ! съ замѣтнымъ волненіемъ сказала она.

— Жаль, если я его не дождусь. А впрочемъ мнѣ торопиться некуда.— Не хотите ли со мною чашку чаю выпить?

— Благодарю васъ покорно! мы уже чай пили, говорила она съ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы.

Мнѣ чрезвычайно нравились въ этой простой женщинѣ: голосъ ея, ея простая и граціозная манера и самая безукоризненная чистота, начиная съ головного платка до башмака. Пока я придумываль средство, какъ-бы ее задержать въ комнатѣ, она сложила и положила на столъ полотенце, а сама скрылась за занавѣску.

Напившись чаю, я вышелъ на дворъ полюбоваться весеннимъ апрѣльскимъ утромъ, но это утро уже кануло въ вѣчность, а мѣсто его заступилъ апрѣльскій, теплый, прекрасный полдень. Я обошелъ кругомъ корчму и остановился у изгороди. За изгородью, какъ и вчера, копали гряды мои знакомки.

Я обратился съ вопросомъ къ старшей:

— Что это дочь ваша?

— Дочь! отвѣчала она, но какъ-то не смѣло.

— А какъ ее зовутъ?

— Елена.

— Елена, спросилъ я дѣвушку, умѣешь ли ты играть на гармоникѣ?

— Нѣтъ, не умѣю, отвѣчала она, запинаясь.

— А хочешь, я тебя выучу?

— А гдѣ же вы гармонику возьмете?

— Это не твое дѣло; ты хочешь ли только учиться?

— Хочу, выучите, сказала она, краснѣя.

Я вынесъ гармонику, и лекція началась

Ученица оказалась весьма понятною, чему мать ея замѣтно радовалась.

Мы такъ прилежно занялись гармоникою, что не замѣтили, какъ пріѣхалъ хозяинъ домой и какъ, подходя къ нимъ, крикнулъ:

— Отака повись! люды добри до плащавици знаменуються, а воны онъ що выробляють!

И подойдя ко мнѣ, онъ взялъ у меня изъ рукъ гармонику, повертѣлъ ее въ рукахъ и сказалъ:

- Славна штука! де вы іі купили?
- Въ Орлѣ, отвѣчалъ я.
- И дорого? спросилъ онъ, отдавая мнѣ гармонику.
- Рубль серебра заплатилъ.
- Гм... А ну, заграй и ты, Олено!

Я подалъ дѣвушкѣ гармонику, и она взяла на ней нѣсколько аккордовъ. Старикъ улыбнулся и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

- Чи не продажня у васъ оця музыка?
- Продать то я ея не проламъ, а когда хочетъ Елена, такъ я подарю ей эту музыку, а ты, старикъ, коли хочешъ, купи у меня ружье.

Старикъ задумался, а я продолжалъ:

- Ружье славное, настоящее тульское.
- А на чорта оно мнѣ ваше тульское ружье, когда я и стрѣлять не умію.

Я отозвалъ его въ сторону и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Онъ выслушалъ меня, усмѣхнулся и весело сказалъ:

- Олено, музыка наша! неси въ хату.
- Только слышите, прибавилъ я: я гармонику дарю, а не продаю.
- Добре, добре! весело говорилъ старикъ: просымо милости въ хату.—Идите и вы, хазяйки мои неченурни, прибавилъ онъ, обращаясь къ женщинамъ.

Женщины оставили свои гряды, и мы гурьбой отправились въ хату. Впереди важно выступалъ нашъ хозяинъ. Онъ былъ одѣтъ уже не по вчерашнему въ солдатскую шинель, а въ синемъ тонкаго сукна жупанѣ, препоясанъ краснымъ широкимъ поясомъ и въ черной смушевой высокой шапкѣ; въ этомъ нарядѣ онъ былъ похожъ на стариннаго малороссійскаго горожанина, или на зажиточнаго козака.

Мимоходомъ я шелнулъ Ермолаю, чтобы онъ закладывалъ лошадей; а войдя въ хату, я спросилъ хозяина, засталъ ли онъ дома Виктора Александровича. Онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ на самый обыкновенный вопросъ, что засталъ дома и что онъ собирается къ какому то сосѣду на праздникъ.

— Сказано, холостой человекъ, одинокій, прибавилъ хозяинъ: то ему и праздникъ не въ праздникъ. Всего у него наварено, напечено, наготовлено, и не съ кѣмъ пообѣдать.

— А вы, добродію, женаты, чи ни? спросилъ меня хозяинъ.

Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Женитесь, добродію, непременно женитесь, бо скучно буде старитися одинокому.

Пока мы разговаривали съ хозяиномъ, хозяйка накрывала на столъ, а Елена за занавѣской играла на гармоникѣ. Когда уже на столъ были поставлены водка и закуска, въ это время вошелъ въ комнату Ермолай и сказалъ, что лошади готовы. Я велѣлъ ему принести ружье, а тѣмъ временемъ распрашивалъ, какъ ближе проѣхать къ Виктору Александровичу. Хозяинъ, рассказавши мнѣ со всеѣми подробностями дорогу, предложилъ выпить рюмку водки и закусить на дорогу. Я отказался, ссылаясь на великую субботу, а въ сущности потому, что было еще рано. Хозяинъ отказался отъ моего ружья и предложилъ деньги за гармонику. Я, разумѣется, тоже отказался. Онъ и жена все еще упрасивали меня выпить и закусить на дорогу, прибавляя, что Богъ проститъ дорожному человеку и тому подобное; я однакожъ не поддавался ихъ доводамъ, простился въ ними, какъ съ старыми знакомыми, и поѣхалъ искать хуторъ Виктора Александровича.

Не доѣзжая версты двѣ до города Глухова, въ правой сторонѣ отъ большой дороги чернѣетъ небольшая березовая роща, а къ этой рощицѣ вѣется маленькая дорожка. Эта дорожка привела меня прямо къ усадьбѣ Виктора Александровича.

Усадьба или хуторъ Виктора Александровича скрывался, какъ за скромною занавѣсью, за той рощей. Когда мы приближались къ рощѣ, мнѣ послышался какой-то неопредѣленный шумъ. Шумъ усиливался по мѣрѣ нашего приближенія; еще немного, и я явственно могъ разслушать, что шумъ этотъ происходилъ отъ каскада падающей воды. И дѣйствительно я не ошибся. Между бѣлыми березовыми стволами кое-гдѣ просвѣчивала блестящая вода. По выѣздѣ изъ рощи передо мною открылся широкій прудъ и плотина, полузакрытая старыми огромными вербами; по ту сторону пруда, почти у самаго берега, выглядывали изъ-за деревьевъ бѣлыя хатки и отражались въ водѣ; между крестьянскими хатками бѣгла подъ почернѣвшей соломенной крышей, съ гнѣздомъ гайстра или аиста, большая, о четырехъ

окнахъ, панская хата или будынокъ, а передъ нею стоялъ огромный развѣсистый вязъ; за хуторомъ по косоугору раскинулся фруктовый садъ, окруженный старыми березами; на самомъ косоугорѣ на фонѣ голубаго неба рисовалась вѣтряная мельница о шести крылахъ, а влѣво отъ мельницы, за пологой линіей косоугора, на самомъ горизонтѣ въ фіолетовомъ туманѣ едва замѣтно рисовался городъ Глуховъ.

Между вербами вдоль плотины медленно прохаживался самъ хозяинъ этого скромнаго пейзажа въ смушевомъ тулупѣ, крытомъ сѣрымъ нѣмецкимъ сукномъ, подпоясанный краснымъ поясомъ и въ черной смушевой шапкѣ. Увидя мой фургоны, выдвигавшійся изъ рощи, онъ остановился и, заслонивъ рукою, какъ-бы козырькомъ, глаза отъ солнца, смотрѣлъ на мой неуклюжій экипажъ.

— Викторъ Александровичъ! закричалъ я ему, не показываясь изъ своей буды.

Онъ сталъ всматриваться еще внимательнѣе.

— Здоровы-ли вы, Викторъ Александровичъ! закричалъ я ему, все еще не показываясь.

— Да какая-же сатана кричитъ тамъ и не вылазитъ на свѣтъ Божій? отозвался онъ, какъ-бы сердясь.

— Это не сатана, а это я, Викторъ Александровичъ, говорилъ я, вылѣзая изъ телѣги.

— Такъ ты-бы такъ и говорилъ! а то кричитъ, кричитъ, а не показывается, проговорилъ онъ,—и мы обнявшись поцѣловались.

— Ай да молодець! восклицалъ онъ: ай да козакъ! Спасибо, спасибо, а я уже думалъ, что ты непременно обманешь. Думалъ ужъ было сегодня на ночь пуститься къ Семену Максимовичу праздникъ встрѣчать, а вотъ ты и пріѣхалъ. Спасибо, спасибо тебѣ, теперь не нужно и фракъ доставать.

— Ну, какъ вы поживаете? что подѣлываете, Викторъ Александровичъ?

— Да что подѣлываю! Вотъ другая недѣля, какъ поднятъ шлюзъ да и гуляю день и ночь на греблѣ, какъ собака на цѣпи. Богъ его знаетъ, откуда эта вода прибываетъ, такъ и поддаетъ, и поддаетъ! говорилъ онъ и, взявши меня подъ руку, прибавилъ:

— Ну, теперь просимо до хаты; а ты пріятель, сказалъ онъ, обращаясь къ Ермолаю, отправляйся прямо на конюшню, спроси тамъ кучера Артема и бери у него все, чего душа твоя пожелаетъ.

Панская хата, какъ снаружи, такъ и внутри, отличалась только своими размѣрами и ничѣмъ больше, да и самъ панъ, правду сказать, малымъ чѣмъ разнился отъ своихъ подданныхъ; развѣ только тѣмъ, что носилъ красную шелковую рубашку и черные плисовые шаровары, а по праздникамъ надѣвалъ фракъ и ѣздилъ обѣдать къ своему церемонному сосѣду, — больше ничѣмъ. Воспитывался онъ, правда, въ нѣжинскомъ лицѣѣ въ одно время съ незабвеннымъ нашимъ Гоголемъ; потомъ служилъ въ какихъ-то гусарахъ и служилъ съ такимъ успѣхомъ, что и тѣни въ немъ не осталось прежняго воспитанія. Онъ ужь лѣтъ пять какъ оставилъ службу, но и теперь не прочь былъ погусарить при удобномъ случаѣ и жаловался только на упадокъ физическихъ силъ, т. е. на головную боль послѣ попойки; но это, я думаю, происходило вслѣдствіе недостатка практики. Какъ настоящій бандуристъ, игралъ онъ на бандурѣ и въ часы досуга занимался сочиненіемъ чувствительныхъ малороссійскихъ романсовъ, изъ числа которыхъ одинъ положенъ на музыку извѣстнымъ нашимъ композиторомъ Глинкою; а чтобы сохранить самобытность въ литературѣ, не читалъ онъ ровно ничего, кромѣ басенъ Фэдра, переведенныхъ во время оно знаменитымъ Барковымъ, да еще кое-когда заглядывалъ въ «Царь или спасенный Новгородъ» Хераскова. Словомъ сказать, онъ совершенно оградилъ себя отъ всякаго подражанія на поприщѣ литературы. Для полноты его характера надо прибавить, что, ведя уединенную жизнь въ самыхъ привольныхъ мѣстахъ для охотника, онъ былъ заклятый врагъ охоты и охотниковъ называлъ не иначе, какъ живодерами и пса-рями.

Пріятель мой не отличался изящными манерами и привлекательной наружностью, но въ его смугломъ, изрытомъ оспою лицѣ было столько веселаго прямодушія, что нельзя было смотрѣть на него безъ удовольствія, оообенно когда онъ рассказывалъ какой нибудь малороссійскій анекдотъ, или передразнивалъ кого нибудь изъ своихъ сосѣдей: самой естественной мимикой владѣлъ онъ въ высшей степени.

Былъ онъ уже мущина не первой молодости, но нельзя было назвать его и старымъ холостякомъ, хотя онъ уже близился къ категоріи сихъ послѣднихъ. Онъ такъ освоился съ одиночествомъ, что о женитьбѣ ꙗ помину не было. На современное воспитаніе ба-

рышень вообще и сосѣдокъ въ особенности онъ смотрѣлъ по своему, т. е. косо и, судя по его оригинальному взгляду на предметы, нельзя было предполагать, чтобы онъ когда нибудь женился, а вышло иначе; не дальше, какъ чрезъ годъ послѣ моего свиданія съ нимъ, онъ женился и какъ въ литературѣ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, поступилъ самобытно.

Нужно прибавить, что среди своихъ «подданныхъ» онъ былъ, какъ отецъ среди семейства: бралъ отъ нихъ только то, что ему необходимо было для дневнаго существованія, прихотей-же не зналъ никакихъ и вообще его расходы были чрезвычайно ограничены; съ этой стороны онъ былъ достоинъ подражанія.

— Бабусю! крикнулъ хозяинъ, войдя въ хату.

На зовъ его вошла опрятная чистенькая старушка въ деревенскомъ платьѣ.

— Самоваръ! чаю! и прочее..... догадалась?

Старушка кивнула утвердительно головою и вышла изъ хаты.

— Какой-же ты добрый человѣкъ, если-бы ты зналъ, такъ просто я и сказать не умѣю! говорилъ онъ, обнимая и усаживая меня на дубовую широкую лаву или скамью.—Да этакого другаго человѣка и съ фонаремъ теперь не найдешь: дать слово и сдержать его! право не найдешь!

Я молча пожималъ ему руку и кивалъ головою. Пока мы мѣнялись любезностями, тѣмъ временемъ зашумѣлъ самоваръ на столѣ и опрятная бабуса вытирала стаканы, а хозяинъ, оставя меня, принялся раскупоривать бутылку, на ярлыкѣ которой красовались готическія буквы, изображавшія слово «коньякъ».

— Жаль, что не засталъ ты здѣсь стрѣлковаго батальона, говорилъ онъ, ставя на столъ раскупоренную бутылку: на прошлой недѣлѣ выступилъ только; а что за лихіе ребята, большею частію шведы! Чудо, что за народъ: воспитанные, образованные, а ужъ кутнуть или загнуть уголь, такъ просто, что твои гусары, особенно поручикъ Штремъ, просто гениальная голова.

Пока онъ воздавалъ похвалы поручику Штрему и компанія, бабуса налила въ стаканы чаю, и мы подошли къ столу. Послѣ перваго стакана чаю Викторъ Александровичъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Расскажи-же ты мнѣ про свое путешествіе: вѣдь ты человѣкъ наблюдательный; я думаю, много интереснаго подмѣтилъ.

— Самое интересное, сказалъ я, изъ всего моего путешествія— это ваша корчма около Эсмани, а особенно корчмарь, вашъ посессоръ.

— А, это Омелько Туманъ! Такъ вы таки познакомились съ нимъ?

— Я у него ночеваль, да еще въ добавокъ и въ долгъ.

— Какъ такъ въ долгъ?

Въ отвѣтъ я разсказаль ему исторію моихъ финансовъ.

— Плохо! замѣтилъ онъ разсѣяннo и, не много помолчавъ, сказалъ:

— А знаете-ли, этотъ старый инвалидъ, Омелько Туманъ презамѣчательный человѣкъ и въ добавокъ оригиналь совершенно въ мало-россійскомъ характерѣ. Онъ не разсказываль вамъ про свое знакомство съ Блюхеромъ, или какъ они чрезъ Парижъ промаршировали?

— Про Парижъ разсказываль, а про Блюхера нѣтъ.

— Какъ-же это такъ! вѣрно жена помѣшала.

Я подтвердилъ его догадку.

— И онъ вѣрно назвалъ ее капитаншею?

— Дѣйствительно такъ.

— Видишь, какъ я изучилъ моего арендаря или, какъ ты говоришь, посессора. Знай-же, что подъ этой грубой корою скрывается самая возвышенная, самая благородная душа. Жена его, которую онъ путя называетъ капитаншею, это его воспитанница съ самого нѣжнаго дѣтства. Я вамъ на досугѣ разскажу эту исторію; онъ со-служивецъ и однополчанинъ моего отца, и покойникъ мой безъ сердечнаго умиленія не могъ разсказывать его походовъ. А лучше всего я подарю тебѣ рукопись, написанную со словъ покойнаго батюшки; тамъ ты не найдешь ни одного слова фантазіи, нагая истина. Я думаль было напечатать ее, да послѣ раздумаль. Пожалуй, еще какой нибудь баронъ Брамбеусъ остриться на меня вздумаетъ или просто назоветъ ее пустой выдумкой, а это для меня пуще ножа остраго; а ты ее, пожалуй, напечатай, только подъ своимъ именемъ, чтобы я былъ въ сторонѣ. Я завтра-же ее тебѣ доставлю; она у меня гдѣ-то спрятана; я самъ не помню, надо спросить у бабуся: бабуся у меня всему хозяйка. А дочку его видѣлъ? прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Видѣлъ, сказалъ я.

— Что? не правда-ли красавица?

— Дѣйствительно красавица, и хоть она одѣта по крестьянски, но нисколько не похожа на крестьянку.

— На крестьянку! Гм..... она похожа на царевну, а не на крестьянку! А какъ ты думаешь, прибавилъ онъ, пристально глядя мнѣ въ глаза: можно-ли такому важному человѣку, какъ напримѣръ я, назвать ее своею женою, а?

— Почему-же и не такъ, сказалъ я: если она и во всемъ такъ прекрасна, какъ наружностью.

— Рѣшительно во всемъ, сказалъ онъ восторженно. Я сердечно радъ, что встрѣтилъ хоть одного человѣка однихъ мыслей со мною на счетъ истинной независимой семейной жизни, а то приличіе да приличіе, и вся жизнь основана на взаимномъ обманѣ, т. е. приличіи. Провалились они съ своимъ приличіемъ! прибавилъ онъ, допивая стаканъ чаю.

— Одно, что мнѣ въ ней показалось страннымъ, говорилъ я.

— А что такое?

— А то, что она для корчмы слишкомъ невинна; она, напри- мѣръ, до сегодняшняго дня не знала о существованіи гармоника— настоящая дикарка!

— Вотъ именно это мнѣ въ ней и нравится! Какъ-же это она сегодня сдѣлала такое великое открытіе? ужъ не съ вашей-ли помощью?

— Именно съ моею. Я подарилъ ей гармонику.

Радужный хозяинъ посмотрѣлъ на меня изъ подлобья и, покручивая усы, сказалъ:

— Чертъ васъ носить съ вашими гармониками! только добрыхъ людей развращаете. Ну, скажи на милость, къ лицу-ли ей, такой принцессѣ, твоя глупая гармоника? Вѣдь она ее обезобразитъ; это все равно, что орловскую увѣсистую бабу посадить за клавикорды Лихтенталя. Сегодня-же отберу и въ печку брошу!

— Бабусю! крикнулъ онъ.

Вошла бабуся.

— Пошлите въ корчму Максима, чтобы онъ принесъ мнѣ музыку..... или нѣтъ, не нужно: я самъ поѣду.

И хозяинъ поспѣшно надѣлъ шапку и, выходя изъ комнаты, сказалъ:

— Бабусю! найди та отдай имъ ту синюю бумагу, помнишь, что я недавно читалъ Ильѣ Карповичу?

— Помню, сказала бабуся. Хорошо, что вы сказали, а то я хотѣла ее сегодня употребить по хозяйству.

— И хорошо-бы сдѣлала. Отдай-же теперъ имъ, когда не успѣла въ дѣло употребить. Прощайте! сказала онт, обращаясь ко мнѣ и вышелъ, порядочно хлопнувъ дверью.

Мнѣ было какъ-то неловко, такъ неловко, что я думалъ было позвать Ермолая и велѣтъ вооружить колесницу, но раздумалъ, потому именно, что не на что было подняться; волею не волею я долженъ былъ извинить оригинальной и совершенно хуторянской выходкѣ моего Амфитрїона, а себя оправдывалъ тѣмъ, что и не такія выходки намъ частенько въ жизни приходится извинять и не только по службѣ, а такъ, какъ говорится, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ и даже безъ всякихъ обстоятельствъ. Пока я предавался такимъ великодушнымъ мыслямъ, бабуся принесла и положила передо мною на столъ довольно объемистый свертокъ синей бумаги, перевязанной розовой ленточкой, и молча начала убирать со стола стаканы. Закуривши сигару (я въ то время еще курилъ сигары), я развязалъ и развернулъ свертокъ, сѣлъ около стола на лавѣ съ умысломъ, не позволяя себѣ никакого комфорта или просто горизонтальнаго положенія, чтобы не сдѣлать въ своемъ родѣ не вѣжливости и не заснуть предъ лицомъ автора на первой-же страницѣ его скромнаго творенія.

Я принялся читать. Заглавіе было такое:

Капитанша или великодушный солдатъ. Разсказъ самовидца.

Даровавши миръ Европѣ, войска нами маршировали во свои; въ томъ числѣ маршировалъ и нашъ удалый пѣхотный полкъ №. Полковый адъютантъ нашъ былъ хватиче на всѣ руки: напри- мѣръ наша братья простота спустили все нѣмкамъ да француженкамъ, иной и родительское благословеніе хватилъ по боку сгоряча, а онъ себѣ втихомолочку копилъ денежку за денежкой, да разныя, какъ мы тогда называли, бездѣлушки собиралъ, а эти бездѣлушки были не что иное, какъ рѣдкости: золото и алмазъ—больше ничего! Между прочими рѣдкостями вывезъ онъ на родину и жокея французца или, какъ онъ еще его называлъ, пажа.

Ну, жокей или пажъ, это совершенно все равно, дѣло только въ томъ, что этотъ пажъ былъ удивительной красоты мальчикъ и стыдливъ, какъ самая непорочная дѣвица. Звали онъ его Альфредомъ или Альбертомъ, не помню хорошенько, а только знаю, что полковые музыканты называли его Володькой, а за музыкантами, признаться, и наша братія, офицію имѣющіе, тоже его Володькой называли: свое родное, знаете, какъ то къ сердцу ближе, особенно когда не побываешь на родинѣ годика два, три. Вѣрите-ли, когда мы вступили въ предѣлы Россіи, то первый постоялый дворъ, какъ онъ не грязенъ, мнѣ показался лучше всякаго французскаго отеля. Все это конечно предрасудокъ, но какъ для кого, а для меня этотъ самый предрасудокъ имѣетъ свою какую-то прелесть. Адъютантъ нашъ жилъ, какъ вообще живутъ скупцы, т. е. на замкѣ. У него бывали товарищи развѣ только за дѣломъ и то за весьма важнымъ дѣломъ, слѣдовательно его домашняя жизнь мало кому была видима; носились однакожь слухи, что онъ вмѣстѣ съ Володькой и чай пьетъ и ужинаетъ (обѣдалъ онъ каждый день у полковаго командира), но это были пока только слухи. Одинъ единственный человѣкъ, который ежедневно посѣщаль квартиру адъютанта—это барабанный староста. Онъ приходилъ къ нему не столько по обязанности, сколько для Володьки.

Барабанный староста этотъ былъ природный нашъ братъ хохль и оригиналь, какого мнѣ другого и встрѣчать не удавалось. Онъ вообразилъ себѣ, что лучше его не только во всемъ полку, во всемъ корпусѣ никто французскаго и нѣмецкаго языка не знаетъ, а когда спросишь-его, бывало, есть-ли какая разница между языками французскимъ и нѣмецкимъ, онъ пресерьезно отвѣтитъ.

— Малость! ежели кто добре знае французскій языкъ, то можетъ говорить и по нѣмецки.

И этотъ то чудакъ во время похода взялся выучить Володьку русскому языку; а онъ столько же зналъ русскій языкъ, сколько нашъ хуторянинъ, не выдавшій русской бороды никогда; хотя староста квартировалъ шесть лѣтъ во владимірской губерніи, но это ему мало помогло: онъ все таки остался настоящимъ хохломъ. Если бы Володька вздумалъ серьезно отъ него поучиться русскому языку, то былъ бы похожъ на того англичанина, съ которымъ вышелъ такой казусъ. Вздумалось ему выучиться по русски говорить; онъ,

чтобы достигнуть скорѣе своей цѣли, поселился на лѣто въ деревнѣ и договорился съ попомъ, чтобы тотъ его выучилъ къ зимѣ настоящему коренному русскому языку, а попъ его и выучилъ церковному нашему языку. Англичанинъ зимою возвращается въ столицу и въ модномъ салонѣ отпустилъ какое-то *бо мо* на церковномъ языкѣ. Барыня такъ и покатила со смѣху. Англичанинъ оторопѣлъ: онъ совсѣмъ не такого ожидалъ эффекта отъ своего *бо мо*; переконфузился, бѣднякъ, и не могъ понять, чтобы это значило, да послѣ уже ему растолковали.

Съ французикомъ Володькой могло случиться тоже самое, что и съ чудакомъ британцемъ. Однакожь этого не случилось, а случилось вотъ что: впродолженіи похода французикъ, не смотря на угрюмый и молчаливый нравъ барабанщика, такъ къ нему привязался, какъ только можетъ привязаться дитя къ матери. Чудныя вещи совершаются въ природѣ: на примѣръ Туманъ, барабанный староста (такъ онъ прозывался, и мы его такъ будемъ называть) былъ совершенно не въ французскомъ характерѣ человѣкъ, а полюбился вѣтренному французу, да еще какъ полюбился! просто какъ родной. Есть что-то тайное, незримое, намекающее намъ на наше будущее несчастье, но мы не въ силахъ понять эти нѣмые намеки, а потому и страдаемъ. Французу тоже его ангеломъ хранителемъ была подсказана эта симпатія къ человѣку простому, грубому, чуждому, казалось, всякаго возвышеннаго чувства; а вышло, что всѣ мы ошиблись, а французъ угадалъ.

Володя или французикъ, какъ я сказалъ, былъ скромный и даже застѣнчивый мальчикъ со всѣми, кромѣ Тумана, а съ нимъ онъ такія штуки выдѣлывалъ, какъ можетъ случалось вамъ видѣть играющаго молодого котенка съ старымъ котомъ. Что-бы ни сдѣлалъ молодой когенокъ, старый только глаза жмурить. Такъ и Туманъ: что бы не выдѣлывалъ съ нимъ Володи, онъ только смотреть на него и улыбается. Развѣ ужъ очень онъ ему падоѣсть своими шалостями, или просто отдохнуть не дастъ послѣ ротнаго ученя и покурить трубку на свободѣ, такъ онъ поворотится на другой бокъ и проговоритъ: «а шобъ ты ему опряглось»....., да не кончивши нехорошей фразы, остановится, перекрестится и скажетъ: «Господи! прости меня грѣшнаго, оно сирота да еще на чужинѣ, а я его лаю»,—и какъ бы уставши ни былъ, встанетъ, пойдетъ

достанетъ гдѣ нибудь творогу и прочаго и примется вареники лѣпить для своего Володи, чтобы тѣмъ хоть сколько нибудь загладить вину свою передъ нимъ. Адъютантъ хоть видимо и не поощрялъ, но въ тайнѣ былъ доволенъ взаимной ихъ привязанностью, да иначе и быть не могло. Володька что еще?—почти дитя, да еще между чужими людьми, долго ли избаловаться? Къ такому возрасту все льнетъ одинаково: и худое, и хорошее, а онъ былъ увѣренъ, что отъ Тумана пажъ не выучится ничему худому, потому что Туманъ во всемъ полку слылъ за человѣка самого аккуратнаго и самаго честнаго; а что онъ угрюмый, такъ это ничего; иной и ласково смотреть, а кусаетъ, какъ гѣна.

Вступивши въ предѣлы нашего возлюбленнаго отечества, оставились мы на зимнія квартиры. Володя началъ скучать и какъ-то чудно перемѣнился въ лицѣ. А что еще чуднѣе, такъ это то, что онъ своего широкаго плаща никогда не снималъ, такъ и спалъ въ плащѣ. И никогда уже не игралъ, какъ котенокъ, съ своимъ угрюмымъ другомъ, а упадетъ къ нему на грудь, да такъ и обольется слезами. Туманъ хотя всячески баловалъ и старался его развеселить, но мало успѣвалъ. Мы думали сначала, что это просто тоска по родинѣ, больше ничего, и что со временемъ пройдетъ; вышло иначе. Адъютантъ, взявши отпускъ, уѣхалъ съ родными повидаться, а Володѣ нанялъ въ мѣстечкѣ у жида квартиру и оставилъ его на попеченіи барабаннаго старосты. Мы этому тоже не могли надивиться. Отчего бы не взять мальчика съ собой! Онъ все бы такъ немного поразсѣялся. Мы приписали это скупости адъютанта, больше ничему.

Не знаю почему, но французенокъ этотъ насъ всѣхъ интересовалъ, въ особенности меня. Въ немъ было что-то привлекательное, симпатическое; и когда онъ остался безъ своего патрона и не показывался на улицѣ, то я какъ будто что то потерялъ и всякій разъ, когда увижу Тумана, спрашивалъ о французѣ. Туманъ сначала отвѣчалъ мнѣ, что Володя скучаетъ, а потомъ началъ отвѣчать, что Володя «не здужаетъ». Много разъ подмывало меня зайти провѣдать Володю да поговорить съ нимъ о его родномъ Парижѣ; можетъ быть, ему и легче бы стало. Такъ чтожъ вы будете дѣлать съ глупою фанаберією? Какъ дескать я, будучи офицеръ, пойду съ визитомъ къ какому нибудь, положимъ себѣ, хоть и французу

а все таки лакею. О воспитаніе! Съ отъявленнымъ чиновнымъ негодяемъ мы привѣтливо раскланиваемся на улицѣ, принимаемъ у себя въ домѣ съ самою обязательной улыбкой, предлагаемъ стулъ и первое мѣсто за семейнымъ столомъ и не боимся, что эта ядовитая тварь своимъ дыханіемъ заразить дѣтей нашихъ; а встрѣчается съ нами на улицѣ простой человѣкъ, нечиновный, который своимъ безкорыстіемъ и прямою, быть можетъ, намъ же оказывалъ услуги, да мы на него и не взглянемъ, а если и взглянемъ, то такъ благосклонно, что лучше бы и не взглядывали. И это у насъ называется приличіе! Мерзость, ничего больше! Мы хуже браминовъ: тотъ по крайней мѣрѣ издыхать будетъ, а у парія воды не попросить, что бы не быть ему ничѣмъ обязаннымъ. А мы!... впрочемъ на эту тему цѣлые томы написано, такъ не лучше-ли оставить, потому что я ничего новаго сказать не умѣю, да и замѣчено не разъ, что великіе теоретики не всегда бывають такіе же практики. Я это говорю въ отношеніи филантроповъ и моралистовъ; а чтобы не попасть въ эту же категорію, то я возвращаюсь къ французизу Володѣ.

Прошло мѣсяца два послѣ отъѣзда адъютанта; онъ въ полку не имѣлъ никакого близкаго или пріятеля, слѣдовательно мы объ немъ никакихъ извѣстій не имѣли. Квартировалъ я вмѣстѣ съ нашимъ штабъ-лекаремъ и сидимъ себѣ вдвоемъ въ вечеру да читаемъ какую-то французскую книгу, не помню, какую именно; только деньщикъ докладываетъ, что барабанный староста просить позволенія войти.

— Позови, говорю.

Туманъ вошелъ блѣдный и перепуганный.

— Что скажешь, Туманъ? спросилъ я.

— Къ ихъ высокоблагородію.

— Что же тебѣ нужно? спросилъ лекаръ.

— Володька умираетъ, ваше высокоблагородіе! Помогите! Только это не Володька, ваше высокоблагородіе, а женщина.

— Какъ женщина? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Такъ просто женщина и теперь страдаетъ родами.

Лекаръ наскоро одѣлся и ушелъ вслѣдъ за Туманомъ. Долго онъ не возвращался, или это, быть можетъ, такъ мнѣ показалось потому что я его съ нетерпѣніемъ ожидалъ; наконецъ онъ пришелъ.

— Ну, что! спросилъ я его.

— Ничего, разрѣшилась, отвѣчалъ онъ; младенецъ здоровъ, будетъ живъ, а она бѣдная сильно пострадала, едва ли выдержать.

По утру пришелъ Туманъ и объявилъ намъ, что она умерла вскорѣ послѣ ухода ихъ высокоблагородія.

— Дали знать о случившемся полковому командиру. Тотъ велѣлъ на другой день похоронить ее и предать это дѣло забвенію. Полковница хотѣла было взять дитя на воспитаніе, но Туманъ не уступилъ.

— Я предъ Богомъ буду отвѣчать за это дитя; мать, когда умерла, то цѣловала мои руки и все на дитя показывала, т. е. просила, чтобы не покидать ея дитя, и я не долженъ покидать его, говорилъ онъ; и такъ сдѣлалъ: съ помощью фактора въ тотъ же день нашель кормилицу, передалъ ей ребенка и заплалилъ деньги.

Хотѣлось намъ узнать, кто такая была покойница, но ничего не узнали: бумагъ никакихъ при ней не оказалось,—должно быть, или какая нибудь кочующая актриса, или просто изъ моднаго магазина субретка, Богъ ее знаетъ.

Теперь я думаю не совсѣмъ еще поздно будетъ познакомить васъ покороче съ моимъ неуклюжимъ героемъ; но лучше поздно, нежели никогда, говоритъ мудрая пословица.

Въ 1809 году запасныя войска наши были расположены частью въ Бессарабіи, частью въ херсонской губерніи, въ томъ числѣ и нашъ полкъ. Я тогда только что кончилъ курсъ наукъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ; меня едва обмундировать успѣли, какъ послали въ дѣйствующую армію, т. е. въ запасныя войска. Прибыль я въ полкъ, поступилъ въ роту; ротный командиръ и поручилъ мнѣ, между прочими занятіями, только что прибывшихъ въ роту съ полсотни рекрутъ обучить фронту. Въ числѣ рекрутъ былъ и Туманъ.

Едвали самая упрямая цыганская кляча перенесла столько побоевъ, сколько этотъ бѣдный рекрутъ, а дѣло впередъ не подвигалось ни на шагъ: наука парню не далась, шесть мѣсяцевъ прошло, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало; собою-жь онъ былъ видный, здоровый, молодой, безо всякаго качества, какъ говаривалъ капралъ, только съ норовомъ. А правду сказать, такъ мы сами сноровки не знали, какъ обращаться съ рекрутами, особенно съ

моими земляками. Владиславлевъ въ то время не издавалъ еще памятной книжки для штабъ и оберъ-офицеровъ, въ которой помѣщено весьма дѣльное наставленіе доктора N. на этотъ предметъ. Вскорѣ былъ заключенъ съ турками миръ, и нашему полку приказано было двигаться во внутрь Россіи. И такъ мы на Туманѣ только нацрасно хворость переломали. Наша рота двигалась вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ, слѣдовательно и съ полковой музыкой. Походомъ нашъ недобитый рекрутъ познакомился съ барабанщикомъ; тотъ и давай ему на дневкахъ открывать тайнства своего искусства. Что же вы думаете? Не дошли мы еще до назначеннаго мѣста, какъ нашъ Туманъ или, какъ солдаты его называли, медвѣдь, выбивалъ на барабанѣ зорю, да такъ искусно, что самъ учитель завидовалъ. Ротный командиръ видитъ, что медвѣдь не совсѣмъ безтолковъ, предложилъ ему быть форменнымъ барабанщикомъ. Туманъ охотно согласился и съ такимъ жаромъ и, можно сказать, увлеченіемъ предался своему любимому искусству, что когда подъ Бородинымъ убили у насъ барабаннаго старосту, то онъ занялъ его мѣсто. Что значить призваніе! Уразумѣй мы въ немъ это призваніе съ самаго начала и фура хворосту не пропала бы даромъ.

Послѣдующія событія въ служебной и частной жизни моего героя не такъ примѣчательны, чтобы ихъ стоило описывать; развѣ только рассказать о томъ, какъ онъ, если вѣрить его собственнымъ словамъ, познакомился съ Блюхеромъ, какъ Блюхеръ по нѣмецки предлагалъ ему стаканъ шнапсу и какъ Туманъ по нѣмецки же отъ шнапсу отказался и попросилъ у его высокопревосходительства стаканъ вейну, въ чемъ, разумѣется, ему не было отказано. Принимая въ соображеніе характеръ знаменитаго полководца, все это могло случиться такъ, какъ рассказывалъ Туманъ; но я какъ не былъ свидѣтелемъ этой сцены, то и не ручаюсь за истину этого курьезнаго происшествія.

Святое то времячко было для нашего брата военнаго человѣка! Бывало, какъ поставятъ полкъ на зимнія квартиры, такъ тутъ онъ и корни пустить: зимъ десять съ мѣста не сойдетъ, такъ что наша братія на половину переженится; что я говорю на половину?—всѣ переженятся, если только невѣсть въ околоткѣ хватить. Да, въ то время невѣсты не засиживались, какъ теперь. Да что теперь? Не успѣетъ полкъ, какъ говорится, мѣста нагрѣть, глядь, его турнуть

на другой конецъ Россіи; какая тутъ женитьба? Дай Богъ познакомиться какънибудь! А солдатъ тогда просто блаженствовалъ! Иной ловкій парень такъ уживетъся съ хозяевами, что просто дѣлается членомъ семейства, если не больше. Одно только что было больно не по нутру нашимъ солдатикамъ, это форма, т. е. обмундированіе. И дѣйствительно, страшно было смотрѣть, когда его бѣднаго одѣваютъ въ полную боевую аммуницію: два одѣваютъ третьяго, а когда одѣнуть и поставить на ноги, такъ ужъ стой; а ужъ если, Боже сохрани, споткнулся да упалъ, такъ ужъ такъ и лежи: самъ не встанешь; нужно опять два человѣка, чтобы поставить его на ноги. А ко всему этому прибавьте бѣлаго сукна шинели; это такая была обуза для солдата, что онъ бѣдный не зналъ, что съ нею дѣлать; вмѣсто того, чтобы защищаться отъ непогоды шинелью, онъ долженъ ее защищать. Въ настоящее время русскій солдатъ въ отношеніи обмундировки просто богдыханъ китайскій. Мундиръ только его немножко безобразить; ну, да и этотъ недостатокъ со временемъ замѣнять чѣмънибудь поблагопристойнѣе.

Кто про что, а солдатъ про амуничку; такъ и я: увлекся крагами да кутасами, а о главномъ то и забылъ. Вотъ какъ было.

По обычаю того времени, полкъ нашъ прозимовалъ въ однѣхъ и тѣхъ же квартирахъ восемь зимъ слишкомъ. Варочка (такъ называлъ Туманъ свою воспитанницу) росла не по днямъ, а по часамъ. И что это за прелестное дитя было! прѣсто совершенство дѣтской красоты. Вотъ уже пятый десятокъ коротаю, а не видаль еще другаго такого очаровательнаго дитяти. И ко всему этому тихое, скромное, совершенный ангель небесный. Оно если позволяло себѣ иногда дѣтскую рѣзвость, такъ только съ однимъ своимъ татомъ (такъ называла она угрюмаго Тумана); въ свою очередь и самая нѣжная мать не можетъ ласковѣе улыбаться своему дитяти, какъ угрюмый Туманъ улыбался, лаская свою кудрявую Варочку. Мнѣ часто случалось его видѣть, сидящаго подъ хатою на завалинѣ и ласкающаго на колѣняхъ свою Варочку. Мнѣ всегда эта сцена напоминала прекрасную гравюру, изображавшую усатаго рыцаря въ кольчугѣ съ прекраснымъ младенцемъ на рукахъ; дитя треплетъ его за усы, а онъ ему ласково улыбается. Точь въ точь Туманъ съ своею Варочкою. Счастливыи Туманъ! А правду сказать, онъ вполне заслуживалъ этого счастья.

Взявши на свое попеченіе дитя, онъ началъ съ того, что пересталъ курить трубку и пить водку. Хотя онъ не былъ никогда записнымъ пьяницею, но при случаѣ отъ добрыхъ людей не отставалъ. Отказавшись отъ единственныхъ прелестей солдата, онъ все-таки немного уэкономилъ для своей Варочки: простыми ломовыми трудами въ жидовскомъ мѣстечкѣ не много возьмешь; нужно было подумать о какомъ нибудь ремеслѣ. Вотъ онъ, понадумавшись хорошенько, принялся сапоги точать. Точаетъ онъ ихъ годъ, другой, а на третій приноситъ мнѣ показать опойковые сапоги собственнаго издѣлія, да какіе сапоги, я вамъ скажу! хоть столичному мастеру, такъ въ носъ бросятся. Я, признаться, не повѣрилъ его досужеству и велѣлъ ему сдѣлать для себя сапоги, онъ и сдѣлалъ. Посмотрю, еще лучше: на ногѣ сидитъ просто, какъ вылитый сапогъ. Я рекомендовалъ его товарищамъ. Туманъ ретиво принялся работать и не прошло году, какъ онъ уже работалъ на всѣхъ офицеровъ въ полку и даже на самого бригадира, который, какъ извѣстно, щеголялъ все еще въ парижскихъ сапогахъ и думалъ уже было заказывать въ Варшавѣ. Такъ вотъ какой изъ неуклюжаго и, какъ думали, глуповатаго Тумана вышелъ мастеръ! Правда, что рѣдко встрѣчаются въ русскомъ человѣкѣ двѣ эти добродѣтели, т. е. и мастерство и трезвость, однакожь встрѣчаются, и вотъ вамъ доказательство Туманъ. За то онъ жилъ, какъ иному офицеру дай Богъ такъ жить; квартира у него лучше квартиры офицерской (онъ нанималъ у шляхтича отдѣльную хатку въ саду; не помню, что платилъ). Нянька у него нанятая опрятная старушка, тоже чуть чуть не шляхтянка; себѣ онъ отказывалъ только въ винѣ и трубкѣ, а больше ни въ чемъ, а про Варочку и говорить нечего: выбѣжить бывало на улицу, что твоя куколка разрисованная, куда шляхетскія дѣти! просто замарашки передъ ней; а самъ Туманъ такъ только и показывался на ученьи,—нигдѣ больше его не увидишь: сидитъ себѣ и день и ночь за своими сапогами, да пѣсенки попѣваетъ.

Человѣкъ трудолюбивый, по моему, самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ, особенно если трудъ его имѣетъ такую возвышенную, такую благородную цѣль, какъ трудъ этого простого, этого безграмотнаго человѣка. Завидую и всегда буду завидовать тебѣ, счастливый благородный труженикъ.

Старушка, Варочкина нянька, между прочими добродѣтелями, была еще и грамотная, по польски, разумѣется, почему я заключаю, что она должна быть шляхетскаго роду; и когда Варочкѣ пошелъ пятый или шестой годъ, не помню хорошенько, помню только, что она уже говорила чисто и внятно и еще не много картавила, что выговору ея придавало особую прелесть,—старушка нянька на досугѣ принялась показывать грамоту Варочкѣ. Туману понравилось, что Варочка его будетъ читать, да еще и по польски, и удовольствіе свое онъ выразилъ тѣмъ, что на первой въ мѣстечкѣ ярмаркѣ купилъ шерстяной какого-то темнаго цвѣта платокъ, тулупъ и козловые сапоги, да сверхъ того подарилъ ей полкарбованца. Старушка была въ восторгѣ, и благодарностямъ ея конца не было. Сначала Туманъ было подумалъ, къ чему Варочкѣ грамота, что она за панна такая, но, посмотрѣвши на дѣтя, нашель, что она дѣйствительно панна и, махнувши рукою, сказали: «нехай соби учиться,—умитыме до ладу хогь Богу помолитися». А такъ какъ простодушный Туманъ не находилъ большой разницы между языками нѣмецкимъ и французскимъ, то такъ само между грамотой польской и русской: все равно, абы читала!—Однажды, это уже было вскорѣ предъ нашимъ выходомъ изъ благословеннаго мѣстечка, иду я по улицѣ мимо квартиры Тумана и вижу: Туманъ сидитъ подъ хатою на завалинѣ, въ своемъ пестромъ мундирѣ и съ барабаномъ между колѣнъ (должно быть, только что пришелъ съ ученья); передъ нимъ стоитъ Варочка и проситъ у него барабанные палки; онъ ей подалъ; она взяла палки, да какъ пріударить походить, такъ что твой барабанщикъ; я просто удивился; настоящая *Sórká Regimentu*, что въ прошломъ лѣтѣ польскіе актеры въ Ромнѣ представляли. Но нужно было видѣть самого Тумана: ни одинъ, я думаю, любитель музыки не слушалъ съ такою любовію симфонію Бетховена, съ какою онъ слушалъ и любовался своею Варочкой.

Это мнѣ напомнило другой эстампъ такой самой величины, да чуть ли и не одного мастера, на которомъ изображенъ рыцарь, тоже въ кольчугѣ, обучающій мальчика бить на барабанѣ. Только переменить костюмъ и будетъ та самая картина.

Впрочемъ уже минуло восемь лѣтъ, когда нашему полку приказано было двинуться по смоленской дорогѣ. Туманъ какъ-бы предвидѣлъ эту катастрофу, обзавелся лошадыю и повозкой, такъ

что когда приказали выступить въ походъ, наши братья въ три-дорога платили за паршивую лошаденку, и то трудно было достать; а Туманъ только улыбался, глядя на запыхавшихся факторовъ и на наши сборы. Кое какъ мы собрались и въ одно прекрасное утро полковой штабъ и моя рота выступили изъ благодатнаго мѣстечка. Проводы были пышные; да и какъ не быть имъ пышнымъ? Простоявши столько времени на одномъ мѣстѣ, многіе солдатики не только коханками, дѣтками обзавелись. Ну, да это картина не въ моемъ вкусѣ, и я не буду описывать вамъ ни слезъ, ни рыданій, ни судорожныхъ объятій; скажу только, что первый переходъ нашъ длился цѣлый день, и половина моей удалой роты ночевала на дорогѣ.

Мы двигались той самой дорогой, по которой такъ недавно промчался геній войны со всеѣми ужасами. Въ городахъ, особенно въ Борисовѣ и Красномъ, были видны еще слѣды войны, а въ селахъ какъ будто ничего не бывало; только и слѣду, что у мужичковъ въ баняхъ на каменкахъ замѣненъ былъ булыжникъ чугунными ядрами. Въ одномъ Смоленскѣ оставались еще цѣлыя улицы въ развалинахъ, а соборъ уже возобновлялся.

Въ Смоленскѣ скупился нашъ полкъ, и послѣ инспекторскаго смотра распустили насъ на зимнія квартиры. Такъ какъ я командовалъ гренадерскою ротою, то вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ остался въ Смоленскѣ, а прочія роты расположились въ окрестныхъ селахъ. Туманъ съ своею Варочкою тоже оставался въ Смоленскѣ.

Не смотря на то, что половина города была еще въ развалинахъ, дворянства къ зимѣ съѣхалось много, и мы на развалинахъ древняго Смоленска зиму провели шумно и весело. Маменьки, вѣроятно, рассчитывая на полковую холостежь, навезли невѣсть, да прехорошенькихъ. Но увѣ! рѣшительно некому было сватать: наша молодежь, какъ и прежде еще я имѣлъ честь докладывать, вся пережилась. Признаюсь, грѣшный человекъ, меня самого тогда подмывало повторить узы Гименей, да жаль стало Викторика; а ему эту зиму только пошелъ четвертый годочекъ, а въ этомъ возрастѣ для дѣтяти, я по себѣ знаю, что значить самая лучшая мачиха: а если, Боже сохрани, навяжется сатана, въ видѣ ангела неземнаго, тогда что дѣлать? Итакъ я подумалъ, подумалъ да и рукой махнулъ. Послѣ я слышалъ, что предметъ моихъ воздыханій сочетался бра-

комъ съ какимъ-то безносимъ богачемъ Энгельгадртомъ, и черезъ годъ онъ уѣхалъ за границу, а она за другую. Я только Богу помолился, когда услыхалъ такую интересную новость.

Квартиру я въ полуразрушенномъ Смоленскѣ успѣлъ захватить порядочную и недорогую. Была одна комната совершенно лишняя, я и предложилъ ее Туману съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ человѣкъ трезвый и аккуратный, присматривалъ за моимъ мизернымъ хозяйствомъ: и Варочкѣ его будетъ веселѣе, и Викторикъ мой безъ меня скучать не будетъ. Нянька и гувернантка у меня была прекрасная и грамотная женщина, и Варочка въ продолженіи зимы шутя выучилась русской грамотѣ, да и Викторика моего выучили азбучкѣ. Въ великомъ посту онъ уже пребойко читалъ по верхамъ, а Варочка каждый Божій день по утру и ввечеру читала вслухъ, въ присутствіи всѣхъ, утреннія и вечернія молитвы. Счастливый Туманъ плакалъ отъ умиленія, слушая, какъ Варочка читаетъ такія прекрасныя молитвы, о которыхъ онъ, человѣкъ темный, прежде и понятія не имѣлъ; особенно, когда она начнетъ читать «Помилуй мя Боже» и дойдетъ до стиха «сердце чисто созижди во мнѣ Боже», онъ положитъ земной поклонъ и сквозь слезы подѣлуется въ темя свою умную Варочку. За то нянька моя уже не нуждалась въ башмакахъ, у нея всегдѣ въ запасѣ было паръ шесть лишнихъ,—на случай походу, какъ говорилъ Туманъ, а Викторикъ мой каждое воскресенье щеголялъ въ новыхъ сапогахъ. Я скажу ему бывало: зачѣмъ ты, Туманъ, ему такъ часто сапоги перемѣняешь? — Рoste, ваше благородіе, то и перемѣняю. — Добрякъ увѣрялъ меня, что ребенокъ можетъ такъ вырасти въ продолженіи недѣли, что ему необходимо сапоги перемѣнять. Я разъ было попробовалъ взять какой-то матеріи на платице для Варочки, да и самъ не радъ былъ: Туманъ мой такъ расходился, что чуть было съ квартиры не сошелъ, насилу унялъ я его—такой чудакъ! Обижаете, говорить, ваше благородіе, да и баста. У васъ, говорить, самыхъ рoste дитына, а вы на чужихъ дитей тратитесь. Я человѣкъ рукомышленный, у мене завсегда буде, а вы де возьмете, якъ Богъ не дастъ здоровья; хорошо еще, якъ пенсіи дослужитесь, а то и такъ выпускають.

Въ продолженіи зимы я коротко узналъ этого простаго благороднаго и въ высшей степени безкорыстнаго человѣка.

Весною выступили мы из Смоленска по московской дорогѣ; за обозомъ моимъ и за людьми я поручилъ надзирать Туману и былъ совершенно спокоенъ. Въ городѣ всяко случается: не вездѣ для тебя все приготовлено; иной разъ и на тощакъ заснешь, что станешь дѣлать? Но въ этомъ походѣ я былъ, какъ у Бога за пазухой: бывало, не успѣешь придти на мѣсто, у Тумана уже все готово: и для меня и для дѣтей квартирка, и самоваръ кипить, и ужинъ готовится, и лошадямъ всего въ волю, и Богъ его знаетъ, какъ это онъ все успѣваетъ. А съ мужиками, не смотря на свое хохлацкое произношеніе, никто лучше его ладить не умѣлъ. Удивительный человѣкъ!

Въ Москвѣ скупилась вся наша дивизія, и бывшій тогда еще корпусный нашъ командиръ, покойникъ Сакенъ, послѣ инспекторскаго смотря, отдалъ приказъ по корпусу, чтобы всѣхъ неграмотныхъ унтеръ-офицеровъ обратить въ рядовые. Не знаю, что ему вздумалось покойнику. Изъ этого вышла такая безладица въ ротяхъ, что и Боже упаси. Особенно намъ, ротнымъ командирамъ, надѣлалъ онъ хлопотъ своимъ приказомъ. Безграмотныхъ унтеръ-офицеровъ дѣйствительно было много, но за то это были люди самыя расторопныя и трезвыя—двѣ ничѣмъ незамѣнимыя добродѣтели солдата. Такъ такихъ-то людей мы должны были замѣстить грамотными пьяницами и ворами. Тутъ-то я только узналъ, что значить такъ называемый грамотный русскій человѣкъ. Грамотѣи попадаютъ въ солдаты большею частью изъ помѣщичьихъ сельскихъ писарей. Мужички наши не даромъ говорятъ: «не буде добра и правды на земли, пока письменнымъ очи не повылазятъ». Только вслѣдствіе глубокаго презрѣнія къ этимъ грамотьямъ могла родиться подобная поговорка. Что бы подумалъ про моихъ земляковъ великій ревнитель народнаго образованія Ланкастеръ, когда бы онъ зналъ, что у насъ существуетъ такая варварская поговорка? Подумалъ бы, что земляки мои не люди, а пародія на людей, и былъ бы несправедливъ. Общая грамотность въ народѣ величайшее добро, но гдѣ на 100 душъ одинъ грамотный, тамъ она величайшее зло. Я ничего не знаю безнравственнѣе и отвратительнѣе сельскаго писаря: онъ первый грабитель бѣднаго мужика, лѣнтяй, пьяница, сосудъ всѣхъ мерзостей и первый развратитель простодушнаго мужика, потому что онъ святое письмо читаетъ.

Покойный Основьяненко въ своемъ «Шельменкѣ волостномъ писарѣ» только легкой очеркъ набросалъ этого отвратительнаго типа. И этакими то грамотѣями снабжаютъ помѣщики нашу славную армію! На вѣрное покойникъ Сакенъ не отдалъ бы такого приказа, если бы онъ хотъ недѣлю побылъ экономомъ въ помѣщичьемъ селѣ.

Со званіемъ барабаннаго старосты Туманъ соединялъ и скромное званіе унтеръ-офицера, гордился и дорожилъ этимъ званіемъ, какъ собственною личною заслугою. Но увы! какъ человекъ не грамотный, долженъ былъ спорить только что купленные въ Москвѣ дорогіе не мишуровые, а настоящіе серебрянные галуны. И ихъ пришлось спорить и бросить въ помойную яму, такъ, ни за что спорить, потому только, что онъ неграмотный разбойникъ. Глубоко было задѣто самолюбіе бѣднаго Тумана. Какъ развѣнчанный Наполеонъ, ходилъ онъ молча нѣсколько дней, не принимая пищи!

Нашему полку назначена была квартира въ Муромѣ, и мы собирались въ походъ; я просилъ его принять снова команду надъ моимъ мизернымъ хозяйствомъ.

— Возмѣть соби ундера, сказалъ онъ, едва удерживая слезы; а то рядовой вась дорогою окраде.

Я самъ чуть не заплакалъ и не въ силахъ былъ повторить моей просьбы.

Отпуская его, я былъ такъ неостороженъ, что предложилъ ему синенькую на водку. Зарыдалъ онъ, бѣднякъ, плюнулъ на мою ассигнацію и вышелъ изъ комнаты. На другой день привели его изъ Арбатской части въ полковой штабъ едва-едва движущагося. Когда спросили его, гдѣ онъ пропадалъ, онъ только могъ говорить: «водки! а то здохну!» Дали ему стаканъ водки и заперли въ пустую комнату. Я испугался за него, но, слава Богу, мой страхъ былъ напрасенъ; Туманъ благополучно отрезвился и больше не повторялъ утѣхи въ горѣ, только до самого Мурома шель молча, какъ помѣшанный. Въ Муромѣ вдругъ Туманъ пропалъ; я спрашиваю: гдѣ онъ? говорятъ въ госпиталѣ. Я пошелъ навѣстить его. Прихожу, отворяю дверь въ палату—и чтоже? Вотъ ужъ такой гравюры я не видалъ, да, я думаю, такой картины и на свѣтѣ нѣтъ. Самому великому художнику не представлялось такое прекрасное и оригинальное видѣніе: на койкѣ въ лазаретномъ халатѣ

и колпакъ сидить Туманъ, а на колѣняхъ у него сидить Варочка съ азбукою въ рукахъ и складываетъ вслухъ «тма мна», а за нею тихонько басомъ повторяетъ Туманъ. Увидя меня, онъ смѣшался и вставши отвѣгилъ на мое привѣтствіе, прибавивъ краснѣя.

— Варочка оце мени *Помылуй мя Боже* читала.

— Вотъ ужъ и *Помилуй мя Боже*, сказала Варочка наивно: вы еще и склады, Богъ знаетъ, какъ читаете.

— Цыть, дурне! сказала торопливо Туманъ, дергая ее за рукавъ.

Варочка сконфузилась, взглянула на меня, потомъ на него и съ упрекомъ сказала.

— Развѣ я не правду говорю? Думала завтра *азъ, ангель* показать, а теперъ и послѣ завтра не покажу, просидите вы у меня всю недѣлю на *тмъ, мнъ*.

И съ послѣднимъ словомъ она выбѣжала изъ палаты. Туманъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и съ досадою проговорилъ:

— Отъ тоби на!—И обратясь ко мнѣ прибавилъ:

— Воно бреше, ваше благородіе.

Я видѣлъ ясно, что воно не бреше, но показалъ видъ, что я не догадываюсь, въ чемъ дѣло, и спросилъ его.

— А что она постоянно при тебѣ находится?

— Нѣту, ваше благородіе! у фельдшерши находится, а до мене забижить на яку минуту, тай зновъ до фельдшерши.—Таке не посядаще! прибавилъ онъ, опуская глаза.

— Клевещешь, клевещешь, Туманъ! сказалъ я ему; я знаю, что ты дѣлаешь, да за чѣмъ же отъ меня скрывать? Развѣ худое дѣло учиться грамотѣ?

Туманъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и помолчавши сказалъ:

— Худое, ваше благородіе, очень худое! Скажите, чи бачили вы, шобъ дытя—блазень учило старого человека?

И бѣднякъ почти заплакалъ, а спустя минуту сталъ меня просить, чтобы я никому не говорилъ о его грамотѣ. Я далъ ему слово молчать и предложилъ ему денегъ, но онъ сказалъ, что у него свои еще тянутся. Простившись и пожелавъ ему успѣха, я вышелъ изъ палаты.

Алмазъ, а не человѣкъ, думалъ я, и не жалѣлъ даже, что этотъ алмазъ въ корѣ, такъ онъ мнѣ нравился въ своемъ естественномъ видѣ. Хотѣлъ было я сдѣлать сравненіе съ

червонцемъ, Крылова, да разсудилъ, что такія натуры, какъ Туманъ едва ли въ состояніи переродиться, т. е. переобразоваться.

Штабъ-лекаръ нашъ подсмотрѣлъ тайну Тумана и не выпи-сывалъ его изъ госпиталя, пока онъ самъ не попросился. Черезъ мѣсяць является ко мнѣ Туманъ съ улыбающимся видомъ (что было ему со всѣмъ не къ лицу), съ азбукою за обшлагомъ и просить меня, чтобы я послушалъ, какъ онъ читаетъ. Я послушалъ его: изрядно читаетъ и заповѣди, и все, что есть въ букварѣ. Я подаль ему уставъ о гарнизонной службѣ, онъ и уставъ читаетъ. Я въ тотъ же день отрекомендовалъ его адъютанту, а онъ бригадиру, и черезъ мѣсяць Туманъ нашилъ снова свои московскіе дорогіе галуны, переселился ко мнѣ на квартиру и снова принялъ въ свои руки мое хозяйство.

Случилось такъ, что въ тотъ самый день, когда Туманъ торжественно нашивалъ свои нефальшивые галуны, и мнѣ вышло по-вышеніе: я произведенъ былъ въ маіоры, а командиру перваго батальона вышла отставка, я и долженъ былъ принять отъ него батальонъ. Хотя я по прежнему остался одинокимъ, но хозяйство мое по неволѣ должно было увеличиться и такой человѣкъ, какъ Туманъ, былъ для меня необходимъ, а тѣмъ болѣе, что Викторика своего я отправилъ въ Нѣжинъ къ сестрицѣ, что-бы она приготовляла его для лица; слѣдовательно и Варочка, какъ дитя, для меня тоже была необходима, потому что я безъ Викторика страшно скучалъ, а она, точно ангелъ Божій, явилась въ моемъ домѣ.

Да, не обинуясь можно было уподобить ее ангелу Божію. Такой красоты неописанной я уже не увижу болѣе. А кротость? Истинно ангельская кротость! Ей уже было лѣтъ одиннадцать съ небольшимъ, и она мнѣ чрезвычайно живо напоминала покойную Володьку, т. е. свою несчастную мать. Улыбка, голост, глаза—все было, какъ у бѣдной матери; только у Варочки все это было смягчено кротостью и непорочностью. Хотѣлось мнѣ пріохотить ее къ книгамъ, но для ея возраста въ то время какія можно было книги достать! Издавался въ то время журналъ подъ названіемъ «Благонамѣренный». Я прочиталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе и, увлекшись такимъ благороднымъ названіемъ, выписалъ его собственно для Варочки, да какъ прочиталъ первую книжку,

такъ остальныхъ уже и не разрѣзывалъ,—такъ ихъ у меня въ ларѣ и мыши съѣли.

Во время пребыванія Тумана въ госпиталѣ, Варочка подружилась съ фельдшершею и теперь почти ежедневно ее посѣщала. Мнѣ эти визиты были не по сердцу, и я нѣсколько разъ говорилъ Туману, что эта дружба до добра не доведетъ; но онъ, Богъ его знаетъ, по чему, не обращалъ на мои слова вниманія. Я прибѣгнулъ было къ хитрости, т. е. задумалъ пріохотить ее къ чтенію и тѣмъ заставить сидѣть дома; но хитрость моя не удалась. А Варочка тѣмъ временемъ росла и хорошѣла.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ.

(ОКОНЧАНИЕ) ¹⁾.

II.

Какъ было уже сказано, до сихъ поръ не извѣстно ни одной народной пѣсни объ освобожденіи крестьянъ ни великорусской, ни бѣлорусской. Тоже слѣдуетъ сказать и о Малороссіи лѣваго берега Днѣпра и о Новороссіи. До сихъ поръ народныя пѣсни о «волѣ» подмѣчены только въ Малороссіи праваго берега Днѣпра. При этомъ характерно то обстоятельство, что и въ правобережной Малороссіи пѣсни о «волѣ» появились не въ 1861 г., не въ непосредственной связи съ актомъ 19 февраля этого года, а позже, въ связи съ польскимъ возстаніемъ и особенно въ связи съ вызванными этимъ возстаніемъ аграрными мѣрами 1863—1864 г.г.

Какъ ни странно могутъ показаться кому нибудь, кто знакомъ съ исторіей освобожденія крестьянъ только по оффиціальнымъ документамъ, всѣ эти обстоятельства, но, при ближайшемъ вниканіи въ дѣло, они являются вполнѣ натуральными. Масса крестьянъ во всей Россіи не была подготовлена къ объявленію положенія 19 февраля не только обстоятельною пропагандою, но даже самою поверхностною гласностію, а потому преобладающее чувство въ этой массѣ въ моментъ эманципаціи было недоумѣніе, если даже не недовѣріе и разочарованіе. Въ Малороссіи же крестьяне на столько сильно ожидали и послѣ 19 февраля 1861 г.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., мартов. кн., стр. 412—438.

«настоящей воли» и «слушного часу», что сама верховная власть сочла нужнымъ лично объявить представителямъ крестьянъ въ Кременчугѣ въ 1872 г., что «никакой другой воли не будетъ». Понятно, что при такомъ настроеніи народъ не создалъ пѣсень объ актѣ 1861 г. ни тотчасъ, ни даже послѣ. На правомъ берегу Днѣпра обстоятельства сложились нѣсколько иначе. Во первыхъ, тутъ крестьяне были нѣсколько болѣе приготовлены къ объявленію свободы еще инвентарными правилами 1847—1848 г. Во вторыхъ, и это главное, здѣсь аграрныя мѣры 1863—1864 г.,—прекращеніе сразу обязательной работы и повѣрка устарѣлыхъ грамотъ, произвели сразу же существенный переворотъ въ положеніи крестьянъ и при томъ къ явной ихъ выгодѣ, моральной и экономической. Въ третьихъ, здѣсь антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками осложнялся національными и религіозными различіями, а потому и самосознаніе крестьянъ проявлялось сильнѣе. Наконецъ, въ частности на появленіе здѣсь пѣсень о текущихъ политическихъ событіяхъ, въ томъ числѣ и объ эманципаціи, имѣло вліяніе присутствіе здѣсь элемента, довольно близкаго къ крестьянамъ и въ то же время въ извѣстной мѣрѣ литературнаго. Элементъ этотъ состоитъ изъ лицъ духовнаго сословія, которое на правомъ берегу Днѣпра, по разнымъ причинамъ, ближе къ крестьянству, чѣмъ на лѣвомъ, шляхтичей, писарей, однодворцевъ и т. п. Во всѣхъ этихъ низшихъ разночинцахъ на правомъ берегу Днѣпра еще не замерли преданія стариннаго малороссійскаго виршениканія, которыя поддерживались даже среди болѣе или менѣе ополяченныхъ ихъ словъ уніатскими воспоминаніями и примѣрами польско-малороссійскихъ поэтовъ, въ родѣ Падуры, пѣсни котораго довольно популярны среди мелко-шляхетскихъ и разночинскихъ элементовъ правобережнаго населенія безъ различія вѣроисповѣданія. Въ довершеніе на появленіе на правомъ берегу Днѣпра пѣсень объ эманципаціи крестьянъ долженъ былъ повліять примѣръ сосѣдней Галиціи, откуда, какъ увидимъ, перешли цѣликомъ варианты пѣсень галицкихъ.

На основаніи имѣющагося у насъ матеріала, мы можемъ указать только на одинъ вполне ясный слѣдъ существованія въ правобережной Украинѣ воспѣванія эманципаціи крестьянъ до 1863 г. Это вирша, переданная намъ, какъ пѣсня, записанная въ 1869 г.

г. Ал. Руданскимъ въ м. Миньковцахъ, ущицкаго уѣзда, подольской губерніи.

Мы воспроизводимъ здѣсь ее вполнѣ въ виду того, что она до сихъ поръ не замѣчена русскою печатью и что быть можетъ, ктонибудь послѣ насъ нападетъ на другіе ея варианты.

Велику радисть, важну новину
 Зъ Петербурга шлють на Украину; (2)
 Вона намъ принесла и розказала,
 Що польска пыха та вже пропала, (2)
 Що мужикъ,—слуга панській виковый,
 Царськимъ указомъ скинувъ оковы
 Зъ рукъ, зъ шии й зъ нижокъ мордуваныхъ,
 Видъ боли, праці кривью зальяныхъ,
 Що нашъ поміщукъ страшно богатий,
 Зъ Иваномъ, Карпомъ за панибрата,
 Що Иванъ и Карпо въ шапкахъ стояли
 И зъ економомъ въ нихъ розмовляли.
 — «Ой ты, Иване, Иване милый,
 Прбсю-жь я тебе та на хрестины,
 А ты Васылю, громадська думо,
 Въ мене самого будь, серце, кумомъ.
 Напрошу людей я на хрестины
 И для пріязни вдягну свитыну,
 Руську¹⁾ сорочку, поясъ червоний,
 Штаны въ халявы заткну юхтови».

На панську ласку Васыль ся вклонивъ
 И до громады отакъ промовивъ:
 — Ой подружились паны зъ хлопáми,
 Слава цареви ридному, слава!
 Александръ Вгорый въ насъ въ серцяхъ буде,
 Диль ёго святыхъ Богъ не забуде,
 Александръ Второй въ насъ въ серцяхъ буде,
 Для ёго зъ любовью кровь наша й груди!

По обстоятельствамъ эта вирша подходитъ къ 1862 году, когда, на канунѣ возстанія, многіе изъ польской шляхты начали

¹⁾ Украинскую, вышитую.

сближаться съ крестьянами, особенно съ вліятельными, и когда описываемыя въ виршѣ сцены братанія сословіи были сравнительно не рѣдки въ правобережной Украинѣ. По формѣ своей, вирша эта очень подходитъ къ стариннымъ малороссійскимъ виршамъ и уніатскимъ кантамъ и кантычкамъ, сбиваясь, какъ и эти послѣднія, на польскій ладъ въ удареніяхъ и стихосложеніи. Но интересно, что не смотря на эти признаки польскаго вліянія, не смотря даже на польскій, такъ сказать, импульсъ къ самому сюжету вирши, она оказалась совсѣмъ противоположною тогдашнимъ политическимъ стремленіямъ поляковъ, хотя и очень благодушною и довѣрчивою къ панскому классу, въ которомъ, какъ казалось слагателю вирши,—очевидно, зажиточному крестьянину, равнодушному къ ларгарной сторонѣ эманципаціи, «польская пыха» уже пропала, подъ вліяніемъ царскаго закона. Уже по этому мы сомнѣваемся, чтобъ вышеприведенная вирша получила широкое распространеніе. Во всякомъ же случаѣ, пока будетъ извѣстенъ только одинъ ея варіантъ, нельзя считать ее за настоящую народную пѣсню.

Можетъ быть, около того же времени, составилаь и пѣсня напечатанная въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г., іюль, 571—572 стр. Г. М. В., доставившій ее изъ «имѣющагося у него пѣсеннаго матеріала», называетъ ее «волынскою пѣснею», но, къ сожалѣнію, не называетъ даже мѣста, гдѣ она записана, между тѣмъ, какъ въ подобномъ случаѣ (совсѣмъ новой пѣсни, которой варіантъ является въ печати въ первый разъ) больше даже, чѣмъ въ другихъ, необходимо бы отмѣтить не только это, но и то, кто пѣлъ пѣсню, какого возраста и состоянія человѣкъ, грамотный ли, а равно и то, гдѣ онъ научился пѣснѣ, что о ней думаетъ самъ и т. п. Пѣсня эта

Несчастніи часы зійшлы,

Якъ зъ неволи хлопы вийшлы и т. д.

больше вспоминаетъ о бывшей неволѣ (особенно подробно о деморализаціи женщинъ въ панскомъ дворѣ), нежели о наступившей волѣ, о которой только и говоритъ въ концѣ.

Теперь, слава Богу, всюды тихо.

Минулося й не вернется те лихо.

Пѣсня говоритъ о неволѣ у «пана-ляха», но ни словомъ не упоминаетъ о польскомъ возстаніи 1863 г., почему и возможно предположеніе, что она составлена еще раньше этого времени, хотя это предположеніе еще нельзя считать вполне достовѣрнымъ: нѣсколько объективный, такъ сказать протокольный характеръ ея, можетъ говорить и въ пользу того, что она сложилась даже значительно позже самаго 1863 г., когда уже можно было съ нѣкоторымъ самообольщеніемъ вспоминать тяжкое прошлое. Во всякомъ случаѣ интересно, что собственно о волѣ и о томъ, какъ она пришла, пѣсня эта не говоритъ вовсе.

Большая часть до сихъ поръ записанныхъ на правомъ берегу Днѣпра пѣсень объ эманципаціи крестьянъ прямо связываетъ это событіе съ польскимъ возстаніемъ 1863 г. Нѣсколько изъ нихъ было напечатано: въ «Днѣ» 1864 г. № 9 (въ статьѣ г. Кокошкина «Три мѣсяца на Волыни»), въ «Кіевлянинѣ» 1869 г. №№ 64 и 95 и въ «Кіевской Старинѣ» 1866 г., июль, 572—573 стр. Мы отсылаемъ къ указаннымъ изданіямъ тѣхъ читателей, которые пожелали бы узнать полные тексты этихъ пѣсень, а здѣсь скажемъ только по нѣсколько словъ объ общемъ ихъ характерѣ.

Кромѣ одной, которая рисуешь страшную расправу крестьянъ съ поляками повстанцами у с. Солоніевки, радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи, и которая приводитъ только кратко мотивъ: «намъ зъ ляхами не жити», остальные три говорятъ болѣе или менѣе обстоятельно о крѣпостномъ правѣ, какъ о мотивѣ ненависти къ панамъ-полякамъ и недовѣрія къ нимъ даже тогда, когда они предагаютъ «золотыя грамоты». Двѣ изъ нихъ,—напечатанныя въ «Днѣ», выражаютъ горячія благодарности царю, который «вольность черни даровавъ, вражихъ ляшкивъ изунявъ». Одна пѣсня восклицаетъ:

Теперь, черне моя,
 Вамъ воленька одъ царя,
 Вамъ воленька одъ царя,
 Панамъ бити васъ нельзя.

Другая, которой начало сливаетъ приступъ извѣстной мало-россійской пѣсни объ осадѣ Почаева турками съ приступомъ великорусской солдатской пѣсни о шведской войнѣ 1741—43 г.г.,

съ тѣхъ поръ передѣлывающійся на всякую новую войну, очень сближается съ галицкими пѣснями въ слѣдующихъ словахъ:

Подякуймо царю, царю Александру;
 Винъ намъ вольность давъ,
 Що винъ поляченьковъ, превражихъ сыночковъ,
 На ланцугъ побравъ.
 Щобъ наша цариця и царськи диты
 До ста литъ жили;
 Вони поляченьками по всіхъ городочкахъ
 Тюрмы сповнили.
 Не журиться жъ, добри люде,
 Ще щось мае Богъ вамъ дать:
 Передъ поляками, чернь моя кохана,
 Шапки не ламать¹⁾.

Пѣсня, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ», довольно длинно повѣствуетъ, какъ въ «Цвитосци (заславск. уѣзд. голинск. губ.) межъ лисами зибрались мосци-паны воювати зъ москалями», описываетъ участіе въ возстаніи ксендза въ инфулѣ и потомъ круто сворачиваетъ на то, какъ «царь нашъ руській змилювався, за те дуже добре взявся, щобъ мужикамъ волю дати, изъ рукъ лядськихъ одибрати», и заключаетъ:

Александеръ теперь царь,
 Винъ те дило розибравъ,

¹⁾ Напомнимъ, что и въ благодушной виршѣ 1862 г. отиѣчается, какъ самое отрадное явленіе, что „Иванъ и Карпо передъ экономомъ въ шапкахъ стояли“, что въ галицкихъ пѣсняхъ „несниманіе шапокъ“ передъ панами играетъ важную роль. Еще въ старыхъ пѣсняхъ XVII—XVIII вопросъ о шапкѣ игралъ важную роль въ столкновеніяхъ малороссовъ и *ляховъ*.

Ой ходить ляхъ по рыночку,
 Шабельку стискае,
 За нимъ иде козаченько,
 Шапки не знимае.
 Ой кинувся ляхъ до шабли,
 А козакъ до друка:
 — Ой тутъ тоби, вражій ляше,
 Зъ душею розлука!

Що Иванъ та Степанъ
 Зъ теи жъ шопы, що и панъ.
 Винъ те дило розибравъ,
 Та и волю людямъ давъ!
 Нехай теперъ кожный знае,
 Нехай кожный споминае,
 Чи то въ хати, чи на поли,
 Чи то въ пради, чи у воли,
 Що винъ батька-царя мае.

Пѣсня эта отзывается семинарско-дьяковскою книжностію и, по всей вѣроятности, сочинена грамотѣемъ клерикальнаго воспитанія, но она, очевидно, получила нѣкоторое распространеніе. Не знаемъ еще, на сколько она распространена въ крестьянствѣ, но мы слышали, что семинаристы и бурсаки въ подольской и волынской губерніи поютъ слѣдующій варіантъ ея послѣднихъ словъ, какъ особую пѣсню:

Схаменитесь вы, паны,
 Поскидайте жушаны,
 Надивайте сѣряки,
 Бо не ваши мужики.
 Александеръ царь наставъ,
 Винъ те дило розибравъ,
 Що Иванъ и Степанъ,
 Съ теи-жъ глины, що и панъ¹⁾.

Еще одна пмѣющаяся у насъ пѣсня, записанная г. Ал. Руданскимъ въ м. Колюсикѣ, ушицкаго уѣзда, подольской губ., говорить о крѣпостномъ правѣ и эманципациі въ связи съ польскимъ возстаніемъ и очевидно сложилась непосредственно послѣ этого возстанія еще въ 1863 г. Эта пѣсня не была еще напечатана, а потому мы выпишемъ ее здѣсь всю:

Нема свята, ни недилы, а голосить въ церкви дзвинь,
 Мило гуде о пивночи, всихъ сзывае въ Божій димъ.
 Кажуть, есть щось видъ царя,
 Чи не крикнемъ ёму: ура!

¹⁾ Интересно, что и тутъ на первомъ планѣ высунута идея равенства.

Дзвинь гуде про нашу милу долю, всихъ кличе пидь
 святой хрестъ,
 Бо про нашу милу волю прыйшовъ царській манифестъ.

Молитесь за царя

И вси крикнемъ ёму: ура! ¹⁾

Въ шистьдесятъ першимъ року, а въ начали сентября
 Выйшли царськіи оброки, выйшовъ выкупъ видъ царя.
 Нагай панській на вискъ згинувъ, и гришнее тило
 Теперъ трохи видпочило, бо вже дуже насъ болило.
 Нашихъ хлопцивъ, ни дивокъ не буде вже панъ винчати,
 А якъ злучить Господь Богъ, не посміе розлучати.
 Стала панщина не тая: противъ нашей доброй воли
 Насъ недиленька святая не застане вже на поли.
 Теперъ наша душа властна, вже панъ њи не продасть
 И вражій ляхъ безнапрасно за собаку не видасть.

Паны цёго не злюбили, та взялися за палаши,

А мы пики поробили, та сказали: мы не ваши!

Вси помремъ за Русь святую, вона наша ридна мати,
 И за волю золотую, що хотять ляхи видибрати.

Молимося за царя

И вси крикнемъ ёму: ура!

По всему видно, что нескладная пѣсня эта не устнаго происхожденія. Это также семинарщина, только низшей пробы; на складъ ея имѣло, кажется, вліяніе стихотвореніе Падурѣ «Ruchawka. Piśń kozacza», написанное въ 1825 г. и распѣвавшееся среди польскихъ повстанцевъ на Украинѣ въ 1831 г. и съ тѣхъ поръ не забытое среди мелкой шляхты и официалистовъ на правомъ берегу Днѣпра.

Hej! kozacza, w dobryj czas!
 Wże holosyt' w cerkwi dzwin;
 Komu wilniśt' myła z was,
 Za worohom na zdohin!
 Hej! kozacze, na wraha,
 Hurraha! hurraha!

¹⁾ Повторяется послѣ вѣждыхъ двухъ стиховъ.

Что касается до содержания пѣсни, то въ ней особенно интересны слѣдующія два стиха:

Въ шістьдесятъ першимъ року, а въ начали сентября
Выйшли царскіи оброки, выйшовъ выкупъ одъ царя.

Цыфра «61-й рокъ» тутъ очевидно стоитъ неправильно вмѣсто 63-го. Поправка-ли это записывателя, или пѣвецъ, слыхавшій-же о законѣ 1861 года, слѣлалъ эту поправку, но въ обоихъ случаяхъ она находится въ противурѣчии съ дальнѣйшими важными словами. Манифестъ 19 февраля 1861 года дошелъ до Подоліи и объявленъ въ началѣ марта, а не сентября, въ сентябрѣ-же объявлялось, но не 1861 г., а въ 1863 г. распоряженіе о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и объ обязательномъ выкупѣ по сбавленнымъ оброкамъ, то, что второй изъ выписанныхъ стиховъ и называется «царскими оброками и выкупомъ отъ царя».

Если мы прибавимъ къ отмѣченнымъ еще одну пѣсню, напечатанную въ «Кіевлянинѣ» (1869 г., № 95) и которая начинается съ горькаго воспоминанія о томъ, что «мы зазнали одъ тыхъ панивъ-ляшкивъ», и оканчивается указаніемъ на перемѣну въ обращеніи пановъ, пѣсню, очевидно, сложенную уже послѣ объявленія аграрныхъ льготъ 1863 г., то мы закончимъ обзоръ всѣхъ пѣсень объ эманципаціи крестьянъ въ правобережной Украинѣ, извѣстныхъ намъ по одному варианту каждая. Повторяемъ, что уже по этому послѣднему обстоятельству трудно высказаться окончательно о степени народности этихъ пѣсень.

Покаместъ дѣйствительно народною, популярною пѣсню о великомъ переворотѣ въ жизни крестьянства въ Россіи слѣдуетъ признать только пѣсню о «зозуленькѣ» съ ея осложнениями, перенесенную изъ Австріи. Намъ извѣстно уже шесть ея вариантовъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ правобережной Украины: три печатныхъ (въ «Кіевлянинѣ» 1869 г. № 95, въ «Запискахъ юго-зап. отдѣла географич. общест., т. I, прилож. 54—59, и въ статьѣ г. Костомарова «Исторія козачества» и пр. «Русск. Мысль, 1880 г., июль, стр. 64—65) и три неизданныхъ.

Изъ этихъ вариантовъ напечатанный у г. Костомарова, очевидно, тотъ-же, который мы имѣемъ въ рукописи, въ сборникѣ г.

Сѣницкаго, записанный въ Гайсинѣ, подольск. губ., самый короткій и подходитъ вполнѣ къ жолковскому варианту г. Головацкаго, который въ свою очередь представляетъ наиболѣе безхитростное усвоеніе перваго «кавалка» «Зори галицкой». Вариантъ «Кіевлянина» подходитъ къ серединѣ обработки перваго образца, напечатаннаго у г. Головацкаго подъ № 75, только составныя части его сложены по своему и кромѣ того въ концѣ поставлена благодарность «Богу да своему цареви», въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ другихъ галицкихъ вариантахъ, съ тою только разницею, что здѣсь вмѣсто слова съ *панами* (на ривнѣ) сказано: съ *ляхами*. Вариантъ этотъ усиливается обставить тему російскими подробностями. Такъ онъ начинается со словъ:

Наихали *становыи*, стали говорить:

— «Не будете, люде добри, панщины робити!»

Наихалы *мировыи*, та й стали казати:

— «Не будете передъ панами шапокъ издѣмати»

и даже говорить, что панщина пропала *въ мисляхъ февралі*, но тѣмъ не менѣе російскій вариантъ не смогъ переварить подробностей австрійскихъ. Въ серединѣ въ немъ являются и *комиссары*, только совсѣмъ въ странномъ видѣ: они «збираються на тихее озерце!» совѣщаться, «чимъ бы мужика пиняти, шобъ вынати серце!» и наконецъ разсуждаютъ, какъ паны австрійскихъ вариантовъ, о своемъ положеніи при неумѣннѣ трудиться и рѣшаютъ: «хиба пидемо на шляхи учитися красти». Уже изъ этого видно, что російскій вариантъ хотя менѣе ловко сшигъ, чѣмъ австрійскіе, но еще злѣе относительно пановъ. Также зло вспоминаетъ онъ и экономовъ, говоря:

А въ нашего оконома нагай за плечима,

За ковниромъ купа в...й зъ чорными очима.

Вариантъ кіевскаго отдѣла географич. общества, записанный г. Н. Бѣлинскимъ въ м. Браиловѣ, винницкаго уѣзда, подольск. губ., отъ лярника, живущаго въ с. Овсяникахъ, литинск. уѣзда, под. губ., заподозрѣнъ г. Костомаровымъ, который отзывается о немъ такъ: «пѣсня эта, хотя и выдаваемая за чисто народную, при ближайшемъ разсмотрѣннѣ употребленныхъ въ ней пріемовъ оказывается амплификаціею мотивовъ, выражаемыхъ въ приведенныхъ

нами здѣсь пѣсняхъ (вар. г. Сѣницкаго и «Кіевлянина»), амплификацію, составленною какимъ-то досужимъ любителемъ и знатокомъ малорусской народной повѣи» (Р. М. 1880, июль, 66). Почтенный историкъ на этотъ разъ не правъ. Не говоря уже о томъ, что «досужіе любители», которые выдаютъ свои изданія за чисто народныя пѣсни (какъ это было съ нѣкоторыми даже извѣстными писателями въ 30—40-е годы, въ родѣ Срезневскаго, Максимовича и др.), не поступаюгъ такъ, какъ г. Бѣлинскій, который далъ полный адресъ своего лирника,—г. Костомаровъ не сказалъ бы приведеннаго выше суда, если бы не упустилъ изъ виду даже напечатанныхъ галицкихъ варіантовъ, которыхъ впрочемъ, на бѣду своего примѣчанія къ пѣснѣ, не зналъ и г. Бѣлинскій. Варіантъ послѣдняго заключаетъ въ себѣ множество элементовъ галицкихъ варіантовъ. Въ этомъ особенно можно убѣдиться, если прибавить къ печатнымъ галицкимъ варіантамъ тѣ рукописныя, съ которыми мы познакомили читателя выше. Допустить же, что самъ г. Бѣлинскій сдѣлалъ сводъ галицкихъ варіантовъ, не возможно, такъ какъ это бы значило предположить, что онъ имѣлъ въ рукахъ тѣ варіанты, которые только теперъ нами опубликовываются. Въ довершеніе подлинность варіанта г. Бѣлинскаго подтверждается еще двумя варіантами, которыхъ существованіе не могло быть извѣстно ни г. Бѣлинскому, ни его почтенному обвинителю, такъ какъ они находятся у насъ въ рукописяхъ. Это два варіанта записанныя въ Россіи по близости къ галицкой границѣ и представляющіе нѣчто среднее между изложенными выше галицкими варіантами и варіантомъ г. Бѣлинскаго. Первый изъ нихъ записанъ въ м. Сатановѣ на самой границѣ съ Австріей, но, къ сожалѣнію, достался намъ въ весьма неразборчивой рукописи. Онъ представляетъ очень неловкое усвоеніе галицкаго варіанта, близкаго къ № 75 г. Головацкаго. Птиць въ немъ также много: *зозуленька*, *посмитюха* и *дика качка*, которой нѣтъ въ галицкомъ варіантѣ, но которая вмѣстѣ съ *навою* является и въ «Кіевлянинѣ», представляющемъ въ этомъ отношеніи тоже «амплификацію». Съ непонятными для нашихъ крестьянъ комиссарами здѣсь вышла путаница еще большая, чѣмъ въ варіантѣ «Кіевлянина»:

А що були паны графы, теперъ комисары,

А що були комисары, теперъ екоманы.

Но за то съ обращеніемъ къ мѣсяцу справился сатановскій вариантъ даже лучше иныхъ своихъ галицкихъ собратьевъ:

Ты, мясяцю ясный, красный, не съвити никому,
Съвити царю Александру, якъ иде до трону ¹⁾.

Другой вариантъ записанъ г. Ал. Руданскимъ въ с. Калюсикѣ, ущицкаго уѣзда, подольск. губ., въ 1870 г. «на ярмаркѣ на св. Николая отъ лирника, который очень гордился своимъ знаніемъ и котораго толпа слушала съ невыразимымъ удовольствіемъ». Это гораздо болѣе умѣлое усвоеніе—сводъ галицкихъ вариантовъ съ мѣстными прибавками, тоже довольно умѣло вставленными. Впрочемъ и тутъ не обошлось безъ путаницы въ тѣхъ случаяхъ, когда мужику-лирнику пришлось справляться съ книжностями въ родѣ «полуды» на очахъ недостаточно пробудившихся русиновъ, или съ австрійскими комиссарами. Для большей прочности нашихъ финальныхъ выводовъ, а также для полной реабилитаціи варианта г. Бѣлинскаго, интереснаго во многихъ отношеніяхъ, политическомъ и литературномъ, мы выпишемъ здѣсь вариантъ г. Руданскаго цѣликомъ.

Ой летила зозуленька черезъ наши села,
Чогось наша громадонька смутна, невесела ²⁾

¹⁾ Подобнымъ образомъ передѣланъ совсѣмъ уже искусственный финалъ вышеприведеннаго 2-го „кавалка“ „Зори Галицкоя“ и въ нѣкоторыхъ галицкихъ пѣсняхъ. Тамъ поется: „Тильки съвити цесарику, якъ иде до трону“, но иногда въ послѣднихъ словъ является: „якъ ѣде зъ кордону!“

²⁾ Это начало, которое находится и въ сатановскомъ вариантѣ, не совсѣмъ умѣстно въ пѣснѣ о радостномъ событіи и весьма интересно въ литературномъ отношеніи, какъ своего рода атавизмъ. Такъ начинаются многія народныя пѣсни, напр.: „Кувала зозулечка видъ села до села, щось наша файна любка сумна, не весела“ (Зап. А. Стефановичъ въ с. Вильховци, въ колом. пов.); или пѣсня объ убійствѣ мужа женою: „Ой летила зозуленька зъ гаю до до села, чому жъ наша шивкарочка смутна не весела (у Головацкаго, т. III, стр. 19 и 20; ср. т. I, стр. 59 „Два голубы“ и т. II, стр. 602 „Съви пташки“). По образцу послѣдней пѣсни, повидимому, и сложена была наша пѣсня, чѣмъ, можетъ быть, объясняется и то, что мотивъ ея, какъ извѣщаетъ г-жа К. изъ Новоградъ-Волинска, грустный. Конечно галицкіе составители этой пѣсни передѣлали народное начало соотвѣтственно своему сюжету; но въ Россіи, вътѣ книжнаго вліянія, старое начало и всплыло на верхъ. Впрочемъ, по сообщенію г-жи К., въ новоградъ-волинскомъ уѣздѣ она слышала начало такъ: „Ой летила зозуленька черезъ наши села, та принесла повиноньку усимъ намъ веселу“, т. е. близко къ началу „Piśni Radosti“,

Ой летила зозуленька, зачала кувати:
 — «Схожайтеся, люде добри, щось маю казати;
 Ой маю я щось казати, маю говорити:
 Не будете, люде добри, панщини робити.
 Якъ настануть мировіи, ще й до того волостніи,
 Ой станугъ повидати, шобъ теперь передь панами
 шапокъ не знимати.»

Ой поихавъ панъ гъ село на панщину гнати:
 — Выйди, вийди, вражый сыну, маешъ кару взяти! —
 Ажъ никто сього пана слухати не хоче
 И на ёго гризни ричи смилыво ся регоче.
 Бо въ нашего окомана нагай за плечима,
 Въ него в.и по за комиръ зъ черными очима.
 Наши паны вже не багати, бо мають полуды;
 Видибрали панщиноньку, не слухають люде.

Ой летила черезъ село сыва посмигюха
 Та спивала панщиноньки, а ляшуга слуха:
 — «Ходимо, пане брате, тью птыцю вбити,
 Най ся вона перестане зъ биднихъ ляшкивъ кпиги».
 — «Ой кпилася, кпилася та й кпитися буду,
 Бо есть таки мыже вами, шо роблять облуду».

Ой летила дика качка, впала въ очерети,
 Ой тикала панщинонька лідь панивъ въ верети.
 Не сама вона втикала, іи громада гнала,
 Загнала іи въ пуци, въ негри, шобъ тамъ пропадала.

Ой якъ вийшла стара пани на затыльни двери ¹⁾:
 — «Ой вернися, панщинонько, хочъ намъ до вечери!»
 — «Не вернуса, не вернуса, бо я вамъ була вирна,
 Сами-жь то вы видиравили, я тому не винна».

— «Ой вернися, панщинонько, вернися, вернися.
 Ой хочъ на рикъ, хочъ на два въ панивъ наймися».—
 Ой ты зоро вечерня ²⁾, ой ты зоро ясна,

¹⁾ На эти двери выходитъ мать муже-убійцы шинкарки въ пѣснѣ указанной выше.

²⁾ Опять возвращеніе къ образцу народной поэзіи отъ галицкой книжности.

Ото-жь ты намъ засвѣтила, ажъ панщина згасла.

Въ нашимъ ссли штыри паны, а два окоманы,
Висимнадцять полѣвыхъ, а еденъ пидданный.

Ой зѣхались комисары *кармалюка* ¹⁾ грати;
Сюда-туда по кешеняхъ, нигде чога взяти ²⁾.

—Шо мы будемъ, пане брате, шо будемъ робити,
Шо не вміємъ, пане брате, ципомъ молотити?
Шо не вміємъ молотити, наши жинки прѣсти,
Ой ходимо до Шкалата ³⁾, навчимосѣ красти.
Шо не вміємо косити, наши жинки жати,
Ой ходимо на гору въ тополяхъ лежати.....

Ой летила посмитюха, середь села впала:
А мисяця сентября панщина пропала.
Вылетила ластивонька, мало снигу, впала,
Въ сами свѣта великодни панщина пропала ⁴⁾.

Летила зозуленька, сила на гилляци,
Выбачайте, добри люде, вже панщина въ с...и!

Ой въ нашего пана-графа малѣвани брамы,
Въ него в...и по-за комиръ дрыгають лапками.

Ой летила ряба птиця середь села впала,
Ажъ теперечки, голодранци, панщина пропала!

На многія лита нашому цареви,
Шо зробивъ увольненя нашому краеви;
На многія лита нашій и царыци,
Шо не ходять на панщину наши молодци;
На многія лита ще й царевимъ дитямъ,

¹⁾ Билліардъ, м. б. какъ пародія на гоньбу чпновниковъ за извѣстнымъ разбойникомъ 30-хъ годовъ Кармелюкомъ.

²⁾ Ср. выше въ закарпатскомъ вариантѣ, а также фиваль еще одного галицкаго варианта (запис. А. Стефановичемъ, въ Пешорахъ, въ колом. горахъ) изъ короткихъ, котораго мы не упомянули выше по его незначительности.

³⁾ Скалатъ— городъ Галиціи.

⁴⁾ Въ этихъ четырехъ стихахъ противурѣчиво сведены двѣ австрійскія даты: около Пасхи въ 1848 г. фактически прекратилась въ Галиціи панщина и издано было распоряженіе о ея отмѣнѣ въ Галиціи (см. выше), а въ сентябрѣ того же года изданъ былъ общій австрійскій законъ объ отмѣнѣ всякой барщины. Мѣсяць послѣдней даты совпадаетъ съ закономъ 3 сентября 1863 г. для юго-западнаго края.

Шо позволивъ добрымъ людямъ въ корчми посидити.
 Ой будемо заробляти, на боже давати,
 Шо не ходять окоманы по-пидь наши хаты.
 Нихто-жь теперь мужика, нихто-жь вже не збудить,
 Хиба ёму въ головахъ дитина загрубить.

На панщину хожу, хожу,
 Нигде въ съвити не догожу;
 Хожу въ зими, хожу въ лити,
 Не догожу нигде въ съвити! ¹⁾
 Ото, хлопци, наши злыдни:
 За едень день ²⁾ робивъ три дни
 Робивъ три дни, наробився,
 Прийшовъ вечерь, ше й набився.
 Молотивъ я въ понеделокъ
 Молотивъ я и въ вивторокъ,
 Обмолотивъ я въ вивторокъ,
 Лышилося снопивъ зъ сорокъ.
 А въ середу докичивъ:
 День панщины видробивъ.

А теперь я до полудня бью соломѹ,
 А зъ полудня йду до дому.
 Оттакъ ципомъ помахаю,
 А все видъ ляха сорокивця маю.
 Теперь моя жинка паня,
 Шо не пряде митка зранья.
 Серпомъ гонить, юркомъ душить,
 Заплатити ий панъ мусить.
 Наши хлопци празникують,
 Бо въ ляшуги гроши чують.

Ой ходить панъ по сели
 Та збирае косари:
 — «Ходить, хлопци, косити,
 Буду платити

¹⁾ Подобное же воспоминаніе о панщинѣ см. въ „Кіевлянинѣ“, 1869 г., № 95, 375, въ пѣснѣ о польскомъ возстаніи 1863 г.

²⁾ Пропущенный противъ инвентарнаго положенія.

Й дамъ горилки оковити».

Ой ходитъ панъ по нивоньци,

Мае клопять въ голивоньци:

Дрибни снопы, копивъ мало,

А въ кешени легко стало.....

Помолиться, люде, Богу до святой Матки,

Подарувавъ царъ панщину,—подаруе и податки.

Помолиться, молодыци, до святой фигуры,

Шо подарувавъ вамъ царъ яйца, митки, куры...

Вариантъ г. Бѣлинскаго, какъ сказано было, очень близокъ къ вышеприведенному. То же расположеніе, та же географія (Шкалатъ въ той же роли), тѣ же по большей части выраженія; но только онъ гораздо распространеннѣе. Птиць еще больше; прибавлена еще и гадюка, какъ символъ горькой для пановъ вѣсти,— и каждое существо привлекаетъ за собою связанные съ нимъ образцы въ народной словесности. Но особенность варианта составляетъ горячность фантазіи его первыхъ слагателей, которая побуждаетъ ихъ прибавлять все новыя подробности уже готовыхъ мотивовъ, особенно тамъ, гдѣ приходится рисовать панщину и пановъ, къ которымъ данный вариантъ относится еще злѣе, чѣмъ другіе. Это озлобленіе побудило включить въ этотъ вариантъ часть особенной пѣсенки, которая, кажется, сложена была въ Галиціи еще въ первой четверти текущаго столѣтія, когда тамъ введена была рекрутчина, конечно, сначала только для крестьянъ. Вотъ эта пѣсенка, оканчивающаяся проклятіемъ.

Ой тикали два ледени (молодцы) по гори садами,

А за ними два капралы зъ довгими шаблями.

—«Не тикайте, лединики, дайте ся имити;

У цисаря добра служба, лышень бы служити».

— У цисаря добра служба, та й добра заплата:

Не одному воячкови головочка стята.

Ой стята, стята, та й не похована,

За нашего цисарика, за нашего пана.

Бо-дай паны панували, бо-дай паны жили,
 Бо-дай паны въ самимъ Видни тачками возили!
 (Запис. Н. Окупевская, въ Ягоровѣ, въ 1883 г.)¹⁾

Послѣднее проклятiе развилось въ отдѣльную злбную пѣсенку, вѣроятно около 1848 г.

Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
 Въ веретки ся зодягали, въ насъ хлиба просили.
 Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
 Бо-дай панки при дорози каминчики били.
 Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
 Бо-дай панки въ Тернополи кайданы носили.
 Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
 Бо-дай панки въ Тернополи песики водили.

(Запис. въ 1872 г. П. Бѣлинскій въ тернопольск. пов.).

Въ Галиціи потомъ пѣсенка эта передѣлалась и на жидовѣ,—
 новыхъ пановѣ, у овсяниковскаго же лирника она явилась въ та-
 комъ видѣ:

Дай, Боже, щобъ паны жили: на рукахъ, на ногахъ
кайданы носили,
 Щобъ вони проживали: въ мисти Камѣянци рынокъ за-
митаи!

Въ озлобленіи на пановѣ вариантъ г. Бѣлинскаго передѣлываетъ образы своихъ предшественниковъ, выражающіе недоумѣніе пановѣ, какъ они будутъ жить, не приученные къ крестьянской работѣ, на фантазію о томъ, какъ паны и мужики помѣнялись ролями:

Силы хлопци коло стола *марьяша* грати,
 Пислали своихъ панивѣ до стосивѣ рубати и т. д.

Подобныхъ подробностей нѣтъ въ галицкихъ вариантахъ, хотя вариантъ г. Бѣлинскаго въ цѣломъ, конечно, сложенъ еще въ Га-

¹⁾ Вариантъ конца отсюда же:

Бо-дай паны панували, бо-дай паны жили,
 Бо-дай тоби, цесарьку, мы вже не служили.
 Бо-дай паны панували, бо-дай паны жили,
 Бо-дай пана молодого на воячка взяли!

лиціи. Лирникъ, который диктовалъ его нашему собирателю, самъ признавался, что научился этой пѣсни *отъ нея*. Выше приведенная вставка, картина домашнихъ крестьянскихъ судовъ, которые замѣнили панскую расправу, да воспоминаніе о трехдневной барщинѣ, вм. однодневной,—вотъ и всѣ, російскія прибавки къ австрійской основѣ. Характеристична впрочемъ незначительная по смыслу передѣлка стиха о «податкахъ», которую мы уже встрѣчали и въ другихъ російскихъ вариантахъ, но которая выражена въ вариантѣ овсянниковскаго лирника особенно ясно:

Молитесь, хлопцы, Богу до святой Матки,
Подарувавъ царь панщину, *подаруе ще й податки.*

Между тѣмъ, какъ овсянниковскій вариантъ почти резюмируетъ все наиболѣе характерное изъ всѣхъ, какъ австрійскихъ, такъ и російскихъ разновидностей пѣсни о зозуленкѣ и волѣ, такъ что становится уже обременителенъ для обыкновенной крестьянской памяти и доступнымъ только для спеціалиста-лирника, еще одинъ неизданный вариантъ, который мы имѣемъ отъ г-жи П. Поплавской (запис. въ с. Уланцѣ, около Томашполя, ямпольскаго уѣзда, подольской губ. въ 1882 г.) показываетъ новое направленіе въ обработкѣ этой все таки книжной темы въ устной народной словесности: изъ многихъ мотивовъ разросшихся вариантовъ взять одинъ, наиболѣе простой и обработанъ въ отдѣльную, короткую народную пѣсню. Вотъ она:

Дай-же, Боже, здоровья нашему царевни,
Що намъ зробивъ вольность, нашему краевни.
Дай-же, Боже, здоровья нашей царивни,
Що зробила зъ мужика, що зъ панами ривний.
Дай-же, Боже, здоровья ще царевымъ дитямъ,
Що намъ вильно заробляги, де самому хотити.
Дай-же, Боже, заробиги, та й на боже дати,
Що не ходять осавулы по-пидь наши хаты.
Ой, у поли могилочка зъ витромъ говорила,
Ой у той могилочци панщина зогнила!

Этотъ конецъ, схватившій изъ длиннаго описанія аллегорическаго погребенія панщины галицкими крестьянами только одинъ

образъ могилы и вспомнившій по поводу этого слова старый пѣсенный образъ степной могилы, которая говорить съ вѣтромъ, по нашему мнѣнію, прекрасно замыкаетъ эту пѣсенку, бросая на нее тѣнь народности и въ тоже время изящества.

Вотъ и всѣ извѣстныя намъ до сихъ поръ пѣсни и варианты опытовъ поэтическаго воспроизведенія великаго событія освобожденія крестьянъ на русскихъ земляхъ въ двухъ имперіяхъ, символически изображаемыхъ двуглавыми орлами. Послѣ сказаннаго, безспорно, что наиболѣе распространенная изъ этихъ пѣсень, возникла въ имперіи австрійской и уже оттуда распространилась въ Россіи, пока только въ одной, сравнительно не широкой мѣстности. Мы уже показывали на самыхъ россійскихъ вариантахъ ея, что она связалась въ Россіи, подобно другимъ пѣснямъ того-же рода, не съ 1861 г., а съ 1863 годомъ. Но кромѣ указаній самой пѣсни, есть и постороннія свидѣтельскія показанія о времени появленія этой пѣсни въ Россіи и о ея движеніи по «юго-зпаднему краю».

Первое указаніе на появленіе пѣсни о зозуленькѣ на Волыни относится къ 1864 г. («День», №№ 9 и 21); но, къ сожалѣнію, корреспондентъ московской газеты не далъ полнаго текста встрѣтившейся ему волынской редакціи пѣсни. Тоже слѣдуетъ сказать и о сообщеніи г. Блаженка въ «Волынскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (перепечатано въ «Кіевлянинѣ» 1869 г., № 36) о новыхъ пѣсняхъ «про панщину», появившихся въ острожскомъ уѣздѣ, волынск. губ., по словамъ самихъ мѣстныхъ крестьянъ въ декабрѣ 1868 года. «Прохожій изъ Старо-Константинова, говоритъ г. Блаженко, пропѣлъ первую изъ нихъ въ гульчанской корчмѣ (с. Гульча) и не могъ отвязаться отъ крестьянъ, пока не выучилъ ихъ, и такъ пѣсня распространилась далѣе: гульчанцы научили сосѣдей урвенцевъ и такъ далѣе, такъ что въ настоящее время пѣсни эти поются во всемъ острожскомъ, дубенскомъ и староконстантиновскомъ уѣздѣ». Дѣло идетъ, очевидно, о зозуленькѣ. Мы имѣемъ сообщеніе о томъ, что пѣсня эта поется уже и въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ лирниками¹⁾. Подольскіе варианты, лирницкіе и простой, мы при-

¹⁾ Намъ говорили также, что пѣсню эту пѣли уже около 1866 г. колядники одного села въ радомысльскомъ уѣздѣ.

вели выше,—при чемъ лирникъ г-на Руданскаго въ 1870 г. гордился своимъ знаніемъ пѣсни, очевидно, какъ новостью. Пошла ли уже эта пѣсня дальше на востокъ, дошла ли она хоть до Днѣпра,—пока печатныхъ указаній нѣтъ. Но судя по тому интересу, съ какимъ ее, по всѣмъ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, слушаютъ крестьяне на Волыни и Подоли, можно думать, что движеніе ея не остановится на этихъ мѣстностяхъ.

Отголосокъ ея замѣченъ уже и въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ къ нему прицѣпилось начало весьма распространенной на Украинѣ прекрасной пѣсни о крѣпостномъ правѣ, очевидно, сложенной въ концѣ XVIII вѣка, тотчасъ по раздѣлѣ Польши. Вотъ для сравненія, этотъ отголосокъ:

Була, була Польца,
 Та стала Украина ¹⁾,
 Не заступитъ сынъ за батька,
 А батько за сына.
 Пишовъ батько изъ косою,
 А сынъ съ бороною;
 Пишла мати за лень жати,
 А дочка до гною.
 Ой ковала возуленька,
 Ковала, ковала,
 Якъ панщина даремщина
 Отъ панивъ втикала.
 Утикала панцинонька,
 Ажъ гору тряслися,
 А за нею экононьки.
 «Панцино, вернися»!
 — Не вернуся, не вернуся,
 Бо нема до кого,
 Було хлопа шановати,
 Якъ здоровья свого.
 Догоняли панциноньку
 У Калиновимъ мости:

1) Въ текстѣ приводимаго списка стоитъ: *Россел*, но это очевидно измѣненіе первоисточника, на что указываетъ рима.

«Ой, вернися, панцинонько,
 Хочь до насъ у гости»!
 — Не вернуса, не вернуса,
 Бо, нема до кого,
 Теперь мене подавайте
 Хочь до мирового!
 Подякуймо царю й Богу,
 И нашій царыци:
 Закопали панциноньку
 На пруській граныци.
 Подякуймо царю й Богу
 И нашій царинни,
 Що зривняли панивъ, ляхивъ
 И усихъ заривнѣ¹⁾).

Подъ этой пѣсней подписано г. Шеловымъ: «Записаль слушатель виленскаго учительскаго института М. Середа», но гдѣ записана пѣсня, не сказано. Въ языкѣ этого варіанта нѣтъ ничего бѣлорускаго, слѣдовательно онъ записанъ, по всей вѣроятности, отъ малоросса гродненской губерніи и еще не успѣлъ обѣлоруситься.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ указать для сравненія съ малорусскими пѣснями, которыя намъ кажутся виршами, объ эманципаціи крестьянъ, извѣстныя уже вирши, записанныя въ Бѣлоруссіи и Великороссіи.

Изъ первой г. Шейнъ сообщаетъ довольно длинную виршу *Разговоръ Данилы и Сытпана про волю*. Разговоръ этотъ, въ которомъ главное мѣсто занимаютъ сопоставленія картинъ крѣпостнаго права и воли, *еще ожидаемой* отъ царя, напоминаетъ по своему духу и идеямъ вышеприведенныя украинскія пѣсни, между прочимъ и въ томъ, что и здѣсь большое значеніе придается предстоящему гражданскому и свѣтскому равенству мужиковъ съ панами:

¹⁾ Пѣсня эта помѣщена въ „Русской Старинѣ“ за 1886 г., мартов. кн., стр. 673, но въ невозможной, якобы мѣстной, транскрипціи, которую мы, ради прекраснаго содержанія пѣсни и для удобства чтенія, замѣнили здѣсь общеукраинскою. Цѣлыя пѣсни о панцинѣ съ такимъ началомъ напечатаны: въ „Основѣ“, 1862 г., т. IV, стр. 107 и у Костомарова, въ его трудѣ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, стр. 868—869. Мы имѣемъ еще три рукописныхъ варіанта.

Но цяперъ на свѣцѣ усе иначея строяць:
 Уже не серяги да сюрдуть кроюць,
 Треснуць яны, лопнуць, а на ихъ ня будзе,
 Бо уже рѣчи стали у цара и у судзѣ,
 Кабы мужыкъ быу воленъ, а царъ яго папомъ,
 И ня смѣвъ бы николи зваць панъ его хамумъ.
 Будзиць тоя, браце, дожджомъ, мой Сыцѣпане,
 Што панъ на насъ скажиць: «мой коханы пане!»
 Мы на ихъ не глянимъ и шапки не снимемъ,
 Хоть близка насъ будзиць, не скланіувнись минемъ.

и т. п.

(Русская Старина, 1886, III. 675.).

Сообщая эту интереснѣйшую виршу, г. Шейнъ замѣчаетъ: «Послѣднее стихотвореніе одно изъ немалочисленныхъ произведеній новѣйшей народной или популярной бѣлорусской музы. Стихотвореніе это распространено во многихъ спискахъ, особенно въ минской губерніи. Замѣчательно, что лучший списокъ написанъ польскими литератами—доказательство, что стихи распространены между крестьянъ римско-католическаго вѣроисповѣданія». Послѣднее обстоятельство можетъ показаться удивительнымъ для тѣхъ, кто раздѣляетъ ходячія понятія о католическомъ и православномъ населеніи западныхъ губерній. Но кто знаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, тотъ не удивится и предположенію о томъ, что и самая вирша эта сочинена въ средѣ крестьянъ католическихъ, болѣе образованныхъ въ томъ краѣ, при первыхъ еще вѣстяхъ о предстоящей волѣ, въ 1857—58 году. Это предположеніе подтверждается и слѣдующими стихами вирши:

Ать ксандрозу, ать жидоу усѣ людзи чуюць,
 Що вольносьць намъ бѣднымъ дасць царъ безъ откладу.

Въ Великороссіи еще не замѣтно ни пѣсень, ни виршей, специально посвященныхъ освобожденію крестьянъ. Факта этого только коснулся, въ ряду другихъ, простонародный стихотворецъ сатирикъ Яковлевъ, богородскаго уѣзда, московской губерніи, описанный г. Михневичемъ. «Наблюдая указанные нами факты деморализаціи промышленнаго крестьянина, его страстишку къ франтовству и модничанью, къ трактиру, гульбѣ и проч., говоритъ г.

Михневичъ, нашъ доморощенный Ювеналь усмотрѣлъ корень всему злу въ волѣ:

Какъ крестьяне волю получили,
То себя больше къ пьянству приучали;
Нынѣ крестьяне живутъ, не робѣютъ,
А себѣ добра не прочать, не радѣютъ,
Кто для себя добываетъ,
И то все на вино пропиваетъ¹⁾).

П. Кузмичевскій.

¹⁾ Вл. Михневичъ, Истор. Этюды русской жизни, стр. 413. Статья „Извѣщеніе народнаго пѣснотворчества“.

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Продолженіе) ¹⁾.

Краткія свѣдѣнія о школахъ въ западныхъ провинціяхъ, бывшихъ до преобразованія.

Эти же занятія мои дѣлами кременецкой эдукаціонной комисіи познакомили меня нѣсколько съ учебными заведеніями, существовавшими въ кievской, волынской и подольской губерніяхъ, въ томъ состояніи, въ какомъ они были до закрытія ихъ въ 1831 году.

Эти учебныя заведенія были слѣдующія:

А. Въ кievской губерніи.

1) Кievская гимназія на особыхъ правахъ. Въ ней сверхъ наукъ, которыя преподавались обыкновенно во всѣхъ гимназіяхъ, были еще введены русское право, римское право и греческій языкъ. Воспитаникъ, по окончаніи гимназіи, получалъ чинъ 14 класса. Для содержанія этой гимназіи суммы отпускались изъ казны, преподаватели были присылаемы изъ педагогическаго института и харьковскаго университета.

¹⁾ См. „Кievская Старина“ 1887 г., мартовск. кн., стр. 439—463.

2) Подольское уѣздное училище, въ которомъ преподавались науки, введенныя во всѣ русскія уѣздныя училища. Содержаніе получало изъ казны.

3) Каневское повѣтовое училище о шести классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи базилианъ. Въ этомъ училищѣ часть преподавателей была изъ монаховъ базилианскихъ, часть выписывалась изъ виленскаго университета.

4) Уманское повѣтовое училище, также о 6 классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи базилианъ.

Предметы въ этихъ училищахъ преподавались такіе, какіе обыкновенно введены въ гимназіяхъ; но были еще особенные учителя для латинскаго языка, Закона Божія и польской словесности.

Сверхъ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній существовало пятнадцать приходскихъ училищъ.

Б. Въ волынской губерніи.

5) Кременецкій лицей или волынская гимназія. Этотъ лицей состоялъ изъ семи классовъ; въ первыхъ четырехъ классахъ преподавались предметы, какъ въ семинаріяхъ, а въ послѣднихъ трехъ курсахъ науки преподавались въ такой почти степени, какъ въ университетахъ. Преподаватель долженъ имѣть степень доктора, или, по крайней мѣрѣ, магистра. Они присылались по большей части изъ виленскаго университета. Лицей этотъ содержался изъ собственныхъ доходовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, и доходовъ изъ кременецкаго староства.

6) Клеванское повѣтовое училище, о 6 классахъ, на степени гимназіи, помѣщалось въ замкѣ, подаренномъ для сего князьями Любомірскими. Суммы для содержанія его отпускались изъ казны.

7) Межирецкое повѣтовое училище, также о 6 классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи пiаровъ.

8) Овручское повѣтовое училище было о четырехъ классахъ; но въ послѣднемъ классѣ преподавались три года гимна-

зическіе предметы для тѣхъ воспитанниковъ, которые желали потомъ поступить въ университетъ. Это училище содержалось иждивеніемъ базилианъ.

9) Бердичевское повѣтовое училище, о четырехъ только классахъ, содержалось иждивеніемъ кармелитовъ.

Сверхъ того были на Волыни слѣдующія городскія училища: въ г. Житомирѣ, мѣстечкѣ Полонномъ, Коднѣ, Бердичевѣ, Новоградъ - Волынскѣ, Корцѣ, Острогѣ, Овручѣ, Велединкѣ, Заславлѣ, Старомъ-Константиновѣ, Теофиполѣ, Кременцѣ, Катербургѣ, Вишневцѣ, Алексинѣ, Почаевѣ, Радзивиловѣ, Боремлѣ, Млыновѣ, Дубнахъ, Доростаѣ, въ большомъ и маломъ, Луцкѣ, Мизочѣ, Локачахъ, Несвижѣ, Торчинѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Седлицѣ, Гороховѣ, Порыцкѣ, Сельцѣ, Устилугѣ, Ковлѣ, Турійскѣ, Мѣльницахъ, Голобахъ, Ратномъ, Коблинѣ, Любарѣ, Чудномъ, Колгахъ, Любомлѣ, Ровнѣ, Клевани, Олыкѣ, Деражномъ, Степани, Бережинцахъ, Шпаковѣ, Казиміровѣ, Горынь-городѣ, Заблоцѣ, Буковцѣ и Трояновѣ.

Большая часть изъ этихъ училищъ содержались на счетъ владѣльцевъ помѣщиковъ, а остальные на иждивеніи латинскаго духовенства. Владѣльцы для этого опредѣляли: 1) домъ о двухъ комнатахъ и при немъ огородъ въ два морга, 2) сѣнокосъ въ два морга, 3) пахатной земли—въ иныхъ по 10, въ другихъ по 20, а въ иныхъ по 30 морговъ; сверхъ того 4) учителя получали деньгами 600 злотыхъ, 5) въ награду прилежнымъ учителямъ 5 р. 40 к. сереб., 6) за каждую переменную владѣльца вотчиною платится цѣна 50 корцевъ ржи, 7) изгородь огорода, первую обработку полей и засѣвъ также бралъ на себя фундакторъ и 8) въ добавокъ, два кормленыхъ кабана и двѣ фастки масла.

В. Въ подольской губерніи.

10) Винницкая гимназія. Получала содержаніе изъ казны.

11) Меджибожское повѣтовое училище. Помѣщалось въ замкѣ князя Адама Черторижскаго и получало содержаніе отъ казны.

12) Каменецъ-Подольское повѣтовое училище. Получало содержаніе отъ казны.

13) Барское повѣтовое училище. Содержалось на иждивеніи тринитаровъ.

Всѣ три послѣднія училища были о 6 классахъ; въ нихъ преподавались науки въ такомъ же объемѣ, какъ въ гимназіяхъ.

Сверхъ того существовало еще 29 приходскихъ школъ, содержимыхъ по большей части латинскимъ духовенствомъ.

Окладъ жалованья чиновникамъ былъ слѣдующій.

Въ кременецкомъ лицѣѣ: директору 1,000 р. сер.

Въ винницкой гимназіи: директору 800 р. сер., префекту и преподавателямъ наукъ по 400 р. сер.

Въ повѣтовыхъ школахъ: штатному смотрителю 400 р. с., учителямъ по 300 р. сер.

Въ приходскихъ училищахъ жалованье учителю не превосходило 150 р. сер., если онъ самъ не хотѣлъ заниматься обработкой назначенныхъ ему земель.

Учебныя книги для кievской гимназіи присылались изъ департамента министерства просвѣщенія и харьковскаго университета; а для прочихъ учебныхъ заведеній, по требованію, высылалъ комисіонеръ виленскаго университета, Глюксбергъ. Всѣ книги были на польскомъ языкѣ. Каждый классъ имѣлъ свою книгу, и онѣ назывались: книга для перваго класса, книга для втораго класса, книга для третьяго класса и т. д. Въ книгѣ для перваго класса изложена часть науки, которая должна быть пройдена непременно въ этомъ классѣ, въ книгѣ для втораго класса было продолженіе той же науки, а въ книгѣ для третьяго класса слѣдовало продолженіе науки съ того пункта, на которомъ она оканчивалась въ книгѣ, предназначенной для втораго класса, и т. д. Эти книги печатались на сѣрой бумагѣ. Цѣна имъ назначалась очень малая: отъ 6 грошей до 2-хъ злотыхъ, не дороже. Виленское училищное начальство очень заботилось о томъ, чтобы не перемѣнять учебниковъ и тѣмъ не вводить воспитанниковъ въ разореніе отъ частыхъ покупокъ. Учи-

теля для руководства въ преподаваніи всеобщей исторіи имѣли исторію Кайданова, переведенную на польскій языкъ. Она всегда находилась на каѳедрѣ развернутою и, кажется, только и имѣла это назначеніе—лежать на каѳедрѣ, потому что преподаватели руководствовались другими учебниками по этой части. Тоже можно сказать и о русской исторіи.

Воспитанники по нѣскольку человекъ помѣщались на избранныхъ префектомъ квартирахъ, подъ надзоромъ или старшихъ учениковъ или окончившихъ прежде ученіе. Даже дѣти, живущіе въ томъ городѣ, гдѣ было училище, имѣли дозорца, надзирателя. Каждый дозорца имѣлъ переплетенную книгу, въ которой прописывались имена воспитанниковъ, ихъ лѣта, въ какомъ классѣ кто находился, какія у него книги, вещи, сколько у него денегъ, сколько издержалъ воспитанникъ денегъ и сколько у него осталось на лицѣ. Въ этой книгѣ ежедневно отмѣчались успѣхи воспитанниковъ въ наукахъ и ихъ поведеніе. Префектъ почти ежедневно посѣщаль квартиры воспитанниковъ, а по утрамъ получаль донесенія о нихъ отъ дозорцевъ. При посѣщеніи онъ пересматриваль книгу, въ которую собственноручно записываль свои замѣчанія о воспитанникахъ, ихъ вещахъ, состояніи квартиры, чиста ли она, тепла, или холодна, и всѣ свои расправы, которыя онъ учинилъ. Расправы съ воспитанниками на квартирѣ были обыкновенно розги; эту экзекуцію всегда исполняль цензоръ, ученикъ атлетическаго роста и силы. По окончаніи годичнаго курса, дозорцы передавали эти книги префекту для храненія, а въ началѣ курса имъ выдавались новыя. Сверхъ того префектъ имѣль особеннаго довѣреннаго человека, шпіона, изъ постороннихъ лицъ, иногда изъ простаго сословія, даже изъ жидовъ. Эти тайные дозорцы, подъ благовиднымъ предлогомъ, посѣщали хозяина квартиры, или воспитанниковъ, ловко стороною развѣдывали о поведеніи дозорцевъ и воспитанниковъ и секретно доносили о томъ префекту.

Дѣти достаточныхъ родителей помѣщались при монастыряхъ, въ отдѣльныхъ комнатахъ, называемыхъ конвиктами, подъ надзоромъ монаховъ, или жилали на квартирахъ учитель-

скихъ съ платежемъ денегъ по условію. И тѣмъ и другимъ платили значительныя деньги. Дѣти бѣднѣйшихъ родителей и круглыя сироты помѣщались даромъ на общихъ квартирахъ.

Каждый классъ имѣлъ свое знамя, которое выносилось только во время торжественныхъ случаевъ, а именно: во время праздника Божіе Тѣло, или во время маювки, т. е. майскаго гулянья. Этихъ гуляній было непремѣнно три: 1, 15 и 30-го мая. Горе училищному начальству отъ родителей, если оно не выполнитъ этихъ трехъ гуляній съ ихъ дѣтьми!

Между преподавателями находилось много съ хорошимъ образованіемъ. Въ гимназію опредѣлялись магистры, даже доктора, а въ уѣздныя училища кандидаты. Нѣсколько изъ преподавателей кременецкаго лицея впоследствии заняли кафедръ въ виленскомъ университетѣ. Извѣстный Лелевель былъ сперва учителемъ въ кременецкомъ лицей. Всѣ преподаватели пользовались хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ и принимались даже въ домахъ аристократовъ, или магнатовъ, какъ тамъ обыкновенно выражаются, съ отличнымъ уваженіемъ.

Преподаватели и воспитанники имѣли *мундуръ*, форменную одежду, высочайше утвержденную для виленскаго учебнаго округа. Но мѣстное училищное начальство не стѣсняло бѣдныхъ воспитанниковъ; имъ дозволялось являться въ училище и въ партикулярной одеждѣ.

Дешевизна въ учебныхъ пособіяхъ, квартирахъ и содержаніи, свобода въ одеждѣ, а особливо любовь поляковъ къ образованію вообще, привлекали воспитанниковъ въ учебныя заведенія, которыя были многолюдны.—Въ Межирѣчи, Каневѣ, Винницѣ считалось ежегодно до 300 учениковъ и болѣе, а въ кременецкомъ лицей число воспитанниковъ доходило до 1000.

Преподаватели, даже и тѣ, которые служили въ училищахъ, содержимыхъ духовенствомъ, могли получать чины, еслибъ того желали они сами. Но тѣ и другіе не любили ранговъ, чиновъ, боясь подвергнуться общественной насмѣшкѣ. Я зналъ многихъ преподавателей, которые служили по двадцати лѣтъ, состарѣлись, получили даже полный пенсіонъ и не имѣли чи-

новъ. Отъ нихъ-то я узналъ, что бывшій попечитель виленскаго учебнаго округа, князь Чарторижскій, сильно, могущественно поддерживалъ эту нелюбовь къ чинамъ. «На что вамъ чины? вы шляхтичъ, вы ученый человекъ; это выше всѣхъ чиновъ!» Такъ обыкновенно отвѣчалъ Чарторижскій тѣмъ преподавателямъ, которые просили его о представленіяхъ къ чинамъ.

Всѣ училища посѣщаемы были визитаторами, которые присылались, въ разныя времена, изъ виленскаго университета; но по большей части, по распоряженію виленскаго университета, эти училища визитировались или предѣвателемъ, или членами едукационной комиссіи. По дѣламъ комиссіи видно, что Чацкій, графъ Плятеръ и Подгородинскій часто посѣщали училища въ качествѣ визитаторовъ.

Во всѣхъ училищахъ введенъ былъ обычай каждый день предъ начатіемъ ученія водить учениковъ въ костель для выслушанія тихой мши, т. е. когда не играетъ органъ и вседъ шепчетъ про себя весь составъ литургіи. Это обыкновеніе было, по мнѣнію моему, очень хорошо, потому что оно приучало дѣтей молитвою начинать дневные труды.

Въ заключеніе, не могу утаить, что въ давнія времена въ этихъ училищахъ сильно поддерживалась національность польская: скрывали отъ воспитанниковъ и движеніе образованности въ Россіи, и могущество ея подъ властію мудрыхъ самодержцевъ, и развитіе въ ней промышленности, и благотворныя дѣйствія и учрежденія правительства, ведущія имперію къ цвѣтущему состоянію; но за то умѣли возвеличить передъ ними, при всякомъ случаѣ, и прелесть края польскаго, и высокую образованность поляковъ, ихъ великую заслугу въ успѣхахъ изящной словесности; съ теплотою прославляли мужество, непобѣдимость польскихъ воиновъ, добродѣтели поляковъ, ихъ врожденное дарованіе ко всему, и тому подобное. Оттого юноши не любили Россію, но обожали Польшу; однимъ словомъ, Россія была для учениковъ terra incognita, но за то Польша была извѣстна со всѣми подробностями, и въ прошедшія, и въ насто-

яція времена, и они не сомнѣвались въ исполненіи ихъ будущей судьбины, на основаніи тѣхъ понятій, которыя заранѣе имъ внушались. Не удивительно, если напитанные такими внушеніями юноши и въ возмужалыхъ лѣтахъ были глухи къ призыву русскаго правительства на служеніе общему отечеству— Россіи! Молодые люди съ большимъ состояніемъ оставались въ домахъ, хозяйничали, охотились, иногда путешествовали по Европѣ съ ученою цѣлью и безъ цѣли; люди съ среднимъ состояніемъ также хозяйничали, также охотились, но путешествовали не далѣе Львова и Варшавы, чтобъ только сказали о нихъ, что они путешествовали; а бѣдная шляхта служила у тѣхъ и другихъ, сперва лакеями, кучерами, писарями, далѣе дворецкими, потомъ если повезетъ необыкновенное счастье, то достигали выгодной должности комиссара, т. е. управляющаго имѣніемъ, а тамъ чрезъ нѣсколько времени дѣлались поссессорами, то есть брали во временное владѣніе деревни у богатыхъ, а наконецъ дѣлались настоящими владѣльцами и достигали иногда почетнаго титула: *hrabia*, т. е. графа, пожалованнаго имъ отъ околodka, а иногда отъ цѣлаго уѣзда. Изъ этой шляхты были дѣльцы, занимались адвокатствомъ,—самымъ прибыльнымъ ремесломъ и служили по выборамъ дворянства.

Дѣвицы съ порядочнымъ состояніемъ получали воспитаніе преимущественно въ женскихъ монастыряхъ у визитовъ, гдѣ внушали имъ страхъ Божій, строгое благочестіе, высокую нравственность, любовь къ дѣятельности, опрятности; за тѣмъ, по выпускѣ изъ монастыря, они узнавали въ домахъ все то, что нужно имъ для общественной жизни. Эти монастырскія училища визитировались только бискупомъ или уполномоченнымъ отъ него. Бѣдныя шляхтянки воспитывались или въ домахъ своихъ родителей, или у родственниковъ своихъ, или въ парафіальныхъ школахъ; потомъ дѣлались прислужницами и компаніонками въ богатыхъ домахъ. Всѣ польки вообще набожны, высокой нравственности, умѣютъ одѣваться къ лицу, привѣтливы, ловки въ обращеніи, а потому прелестны; притомъ большія хозяйки и, по обычаю, большія патріотки и ласпотки къ домамъ сво-

ихъ, но деспотствуютъ силою женской дипломатиі: кротостію, красотою и прелестью. Объ исключеніяхъ я не стану говорить ни слова.

Кіевъ, 25 іюля.

Окончивъ наши выписки, столько, сколько нужно на первый разъ, товарищъ мой и я рѣшились отправиться въ путь прямо на Вишневецъ. Лишь только поднялись мы на гору, то казалось, что мы приблизились къ земному полюсу градусовъ на пять: такъ и пахнуло на насъ свѣжимъ воздухомъ, оживившимъ наши силы, чрезвычайно истощенныя тропическою теплою глубокаго ущелья кременецкаго. Въ Вишневецъ мы остановились въ домѣ тамошняго пробоща. Оправившись нѣсколько послѣ дороги, мы, въ сопровожденіи этого духовнаго лица, отправились въ замокъ графа Мнишка, но его, къ несчастію, не застали въ домѣ. Насъ встрѣтилъ управляющій его имѣніемъ, который заблаговременно былъ уполномоченъ владѣльцемъ исполнять всѣ наши требованія. Вслѣдствіе того, мы отправились осматрѣть училищный домъ, находившійся противъ замка и приведенный въ отличный порядокъ. Въ расчетъ недоимки за прежнее время и въ отпускѣ 150 р. с. на содержаніе учителя не только не произошло спора, но еще охотно исполнилъ онъ и другія наши предложенія, которыя клонились къ лучшему благосостоянію училища. Актъ былъ написанъ и подписанъ, какъ слѣдуетъ. Слава Богу! подумалъ я. Первый приступъ къ нашему дѣлу исполненъ удачно, а хорошее начало есть половина дѣла, говоритъ пословица.

Здѣсь къ стати открыть истину. Всѣ фундатеры училищъ, кромѣ духовенства, вслѣдствіе своихъ обязательствъ, поставили непремѣннымъ условіемъ, что пожертвованія ихъ прекращаются съ тѣхъ поръ, какъ скоро училища будутъ закрыты. И такъ, мы имѣли большое основаніе обрадоваться первому нашему успѣху.

Управляющій простеръ свою къ намъ привѣтливость еще далѣе. Онъ отправилъ гонца въ Алексинцы съ тѣмъ, чтобъ все

было приготовлено къ нашему прїѣзду, для того, говорилъ онъ, дабы мы не имѣли ни въ чемъ остановки. А, кажется, цѣль его была другая: онъ извѣстилъ тамошняго управляющаго о томъ, что мы говорили и дѣлали въ Вишневецѣ. Могу ли умолчать о томъ, съ какимъ вниманіемъ я осматривалъ замокъ, прекрасный паркъ, его вѣковыя липы, подъ которыми, можетъ быть, ложный царевичъ, Димитрій, за два вѣка передъ этимъ очарованный ловкою дочерью Мнишка, Мариною, любовался прелестнымъ положеніемъ Вишневца и мечталъ съ нею о царствованіи своемъ надъ Московіею!

Дѣйствительно, въ Алексинцахъ намъ не было никакой задержки: мы въ три часа покончили съ тамошнимъ управляющимъ всѣ дѣла наши по училищу на такомъ же основаніи, какъ и въ Вишневецѣ. Почему, не мѣшкая ни мало, мы отправились въ Почаевъ, мѣстечко знаменитое тамошнимъ монастыремъ, гдѣ наша пріютъ чудотворная икона Матери Божіей и гдѣ указываютъ на слѣдъ стопы ея, напечатлѣнный на камнѣ, слѣдъ, изъ котораго безпрестанно струится кристалльная вода. Говорятъ, что этотъ монастырь былъ очень богатъ церковною утварью тогда, когда онъ былъ подъ властію базилианъ. Какъ скоро они узнали, что этотъ монастырь предназначается въ каѳедру православнаго архіепископа, то, расхитивъ драгоцѣнные камни, золотые и серебряные сосуды, скрыли ихъ такъ, что никакихъ слѣдовъ не оставили. Первою моею обязанностію почелъ я посѣтить и принять благословеніе отъ архіепископа Иннокентія, который недавно основалъ здѣсь свою каѳедру, перенесши жилище свое изъ Аннополя. Преосвященный распрашивалъ меня объ основаніи, на которомъ будутъ открыты приходскія школы и чьему надзору они должны быть поручены. Я тогда могъ ему сообщить только то, что мнѣ ничего не извѣстно, ибо я боялся откровеннымъ сознаніемъ сдѣлать огласку, которая могла повредить полезному окончанію нашего дѣла. Затѣмъ я познакомился съ намѣстникомъ монастыря архимандритомъ Антоніемъ; ему самому угодно было показать мнѣ достопримѣчательности монастыря и присутствовать при молитвен-

номъ обрядѣ, посредствомъ котораго при гробѣ угодника Божія Іова изгоняли тяжкій недугъ у какаго-то человѣка. Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что этотъ умный, кроткій и ученый Антоній, бывшій незадолго предъ этимъ законоучителемъ въ кременецкомъ лицейѣ, будетъ со временемъ возведенъ на первый святительскій престолъ въ имперіи. Во время легкой закуски были только онъ, я и дочь его, жена деревенскаго священника кіевской губерніи. И онъ, сознаваясь въ недостаточномъ своемъ состояніи, съ душевною скорбію принужденъ былъ отказать ей въ такомъ денежномъ пособіи, какаго она съ плачемъ требовала. Дочь моя любезная! я далъ тебѣ столько, сколько могъ; не требуй отъ меня большаго! Я самъ ничего не имѣю. Клянусь Богомъ! таковы были послѣднія слова его. Послѣ нихъ я немедленно простился съ нимъ. Мнѣ грустно стало.

Изъ Почаева мы снова возвратились въ Кременецъ, чтобы составить рапортъ къ г. попечителю учебнаго округа о первыхъ нашихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ по предмету устройства школъ. Этотъ нашъ возвратъ былъ по низменной равнинѣ, лежащей на сѣверной сторонѣ кременецкихъ горъ. Роскошь растительности и частыя встрѣчи съ прудами и быстрыми ручьями, обсаженными тополями и вербами, а можетъ быть и особенное настроеніе духа, представляли мнѣ эту равнину живымъ образомъ рая, въ которомъ, казалось, разрушеніе не могло коснуться человѣческаго организма.

Чрезъ три дня, а именно 26 іюня, мы снова вырвались изъ ущелья, называемаго Кременцомъ, и направили наше странствованіе прямо въ Дубны, куда прибыли на закатѣ палящаго солнца. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ день былъ зноенъ невыносимо. На другой день, утромъ, мы посѣтили тамошняго почтеннаго пробоща, который по предмету дубенской школы съ перваго нашего слова на все согласился и все сдѣлалъ. И такъ, не мѣшкая, учинили мы наѣздъ къ графу Ходькевичу, котораго въ тамошнихъ окрестныхъ мѣстахъ именуютъ еще графомъ млыновскимъ, вѣроятно потому, что онъ живетъ въ м. Млыновѣ, и еще потому, что въ дубенскомъ уѣздѣ есть другой

графъ Ходькевичъ, который также имѣеть другое придаточное прозваніе, если не ошибаюсь, графа варковичскаго. По небытности въ домѣ самаго владѣльца, насъ принялъ сынъ его, молодой человекъ, съ отличнымъ образовапіемъ. Онъ намъ между прочимъ объявилъ, что онъ былъ уже предувѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ, а потому заблаговременно привелъ училищный домъ въ порядокъ и станетъ отпускать содержаніе учителю, на основаніи условія, *хоть заразы*. Намъ осталось только благодарить его за вниманіе и привѣтливость. Этотъ молодой графъ—большой любитель химіи и имѣеть порядочную коллекцію книгъ по этому предмету. По этому, вся наша бесѣда вертѣлась около этой науки, и надобно правду сказать, бесѣда его была очень занимательна.—Такъ какъ деревня Доростай, принадлежит тому же владѣльцу, то и тамъ насъ не задержали. Оттуда мы отправились въ Луцкъ, городъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ болотами, извѣстный въ отечественной исторіи тѣмъ, что въ немъ за 2¹/₂ вѣка тому назадъ бывали частыя соборы духовенства, православнаго и латинскаго, для совѣщанія о предметахъ вѣры.

Здѣсь мы должны были остановиться на нѣсколько дней за тѣмъ, чтобъ составить второй рапортъ къ г. попечителю о нашихъ занятіяхъ.

Въ Луцкѣ я представился латинскому преосвященному, бискупу Пивницкому, которому лично принесъ глубокую, душевную мою благодарность за циркулярную его инструкцію къ подвѣдомому ему духовенству. Въслѣдствіе этой инструкціи, пробощи костеловъ оказали намъ радушное гостепріимство, а главное: снабдили насъ, со всею искренностію, мѣстными свѣдѣніями объ училищахъ и владѣльцахъ.

Потомъ посѣтилъ я директора гимназіи, И. Г. Кулжинскаго, который ловко и дѣльно боролся съ лицами, преданными съ патріотическимъ фанатизмомъ прежнимъ школамъ, и неуспынными трудами старался ослаблять въ нихъ предубѣжденія къ училищамъ, устроеннымъ на новыхъ началахъ. Правда, эта борьба была для него не легка, особливо въ Луцкѣ, въ центрѣ

высшей власти латинскаго духовенства, гдѣ такъ много молодыхъ ученыхъ канониковъ, получившихъ образованіе въ виленскомъ университетѣ, «первѣйшемъ въ цѣломъ свѣтѣ университетѣ», по выраженію поляковъ. Въ интимныхъ нашихъ беседахъ мы сознались однако, что только время и терпѣніе, эти вѣрные союзники во всѣхъ человѣческихъ предпріятіяхъ, помогутъ намъ въ головахъ нѣкоторыхъ сословій привить начала русской жизни.

Въ Луцкѣ можно ли оставить безъ вниманія великолѣпный костель и архивъ рукописей, ожидающій заботливаго и ученаго разбора!

Изъ Луцка отправились мы въ Локачи, Несвижь, Торговицу, потомъ чрезъ Доростай въ Олыку, мѣстечко, принадлежащее князьямъ Радзивиллямъ. Здѣшній костель великолѣпенъ и надѣленъ огромными фундушами. Пробоцъ онаго имѣетъ званіе инфулата, потому что носитъ инфулу и пользуется правами бискупа при священодѣйствіи. За двѣсти лѣтъ тому назадъ, епископъ Заіерскій, въ бытность свою инфулатомъ олыкскимъ, завѣщалъ 70,000 злотыхъ, обезпечивъ эту сумму на имѣніи князя Радзивилла, съ тѣмъ, чтобы основать въ этомъ мѣстечкѣ семинарію и училище для всякихъ сословій. Вслѣдствіе этого завѣщанія князь Радзивилль, эрекціею 1638 года 15 апрѣля, основалъ духовно-свѣтское училище въ Олыкѣ, въ которое опредѣлили пять учителей: двухъ изъ духовнаго званія, а трехъ свѣтскихъ; они получали содержаніе изъ процентовъ означеннаго капитала. Изъ тѣхъ капиталовъ содержалось еще 8 такъ называемыхъ анголѣтовъ, т. е. готовившихся къ священному сану семинаристовъ. Потомъ олыкскій инфулатъ, Сухинскій, эрекціею (завѣщаніемъ) 1657 года 10 апрѣля записалъ 17,305 злотыхъ для содержанія при немъ 7 семинаристовъ, подъ названіемъ фіалетковъ. Наконецъ ксендзь Козеровскій въ 1762 году 20 августа пожертвовалъ въ пользу училища 3,000 злотыхъ.

Не взирая на такой значительный фундушъ, училище существовало въ разныхъ формахъ и мало достигало своей цѣли, а иногда и вовсе не существовало. Проценты изъ означенныхъ

суммъ, кажется, употреблялись на другіе предметы, извѣстные только олыкскимъ инфулатамъ. Чацкій во время своего визита, въ 1803 году, сдѣлалъ распоряженіе и условіе объ устройствѣ отдѣльнаго свѣтскаго училища съ двумя учителями. Это училище кой-какъ существовало съ тѣхъ поръ, а съ 1824 года и вовсе его не было. Это обстоятельство озаботило г. министра просвѣщенія, графа Сергія Семеновича Уварова, и это дѣло передано намъ для разслѣдованія.

Прибывши въ Олыку, мы обратились къ инфулату Осиѣнскому, мужу ученому, острословному, который передъ тѣмъ былъ законоучителемъ въ Кременецкомъ лицѣѣ. Онъ принялъ насъ ласково, и мы сдѣлали съ нимъ расчетъ училищныхъ недоимокъ безъ всякаго ропота съ его стороны и постановили новыя условія о будущемъ существованіи школы,—единодушно, спокойно.

Отсюда мы отправились въ Клевань, гдѣ остановились въ замкѣ, который князь Любомірскій отдалъ для помѣщенія дворянскаго уѣзднаго училища. Училище это должно было открыться въ началѣ наступающаго академическаго года.

По изустному преданію мы узнали, что князья Олыкскіе и Клеванскіе во время существованія Польши держались иногда разныхъ партій на сеймѣ. Вслѣдствіе того существовали между ними распри, окончивавшіяся по большей части кровопролитною битвою. Замки наполнялись мелкою шляхтою, которая во время вылазокъ нападала на поселенія мирныхъ жителей, грабила имущество ихъ, умерщвляла ихъ, сожигала дома и хлѣбъ на поляхъ ихъ. И это убійство, этотъ грабежъ, эти смуты, производимыя во имя свободы, славили какъ счастливое, блаженное время!...

Въ Клевани мы составили третье денесеніе г. попечителю кіевскаго учебнаго округа по предмету устройства училищъ, осмотрѣнныхъ нами по пути отъ Луцка.

Изъ Клевани мы отправились въ Ровно, городъ, принадлежащій князьямъ Любомірскимъ. Князь принялъ насъ въ загородномъ домѣ своемъ привѣтливо и угостилъ прекраснымъ за-

втракомъ. Потомъ показывалъ намъ огромную оранжерею, устроенную не далеко отъ его прекраснаго дома, который построенъ въ срединѣ города. При этомъ спрашивалъ у насъ мнѣнія, не можетъ ли помѣститься гимназія въ этомъ зданіи, разумѣется съ тѣмъ, что въ немъ будутъ сдѣланы напередъ потребныя переделки. Тогда я ему искренно объявилъ, что хотя это зданіе двухъ-этажное и каменное, но оно такъ узко, что въ немъ при всѣхъ возможныхъ внутреннихъ перестройкахъ гимназія помѣститься не можетъ. Потомъ совѣтывалъ ему достать планъ и фасадъ, которые недавно Высочайше утверждены вообще для зданій гимназическихъ, и, по разсмотрѣніи разсчитать, выгодно-ли будетъ ему построить такое зданіе, послѣ чего онъ уже можетъ обратиться съ своимъ предложеніемъ къ г. попечителю. Князь, подумавъ нѣсколько, сказалъ, что онъ по первой почтѣ напишетъ къ г. попечителю письмо, въ которомъ изъяснитъ желаніе построить въ Ровно такое зданіе, какое пожелаетъ училищное начальство, съ условіемъ помѣстить въ немъ лучшую гимназію, которая теперь тѣснится въ маломъ и неопрятномъ домѣ. А мы обѣщали ему, что, прибывши въ Кіевъ, при явкѣ къ его превосходительству, переговоримъ съ нимъ о томъ подробнѣе. Вотъ начало основанія гимназіи въ Ровно, а окончаніе оной послѣдовало, кажется, чрезъ четыре года потомъ.

Успѣхи наши по устройству школъ были быстры въ Шчановѣ, Острогѣ, Аннополѣ, Корцѣ, Новоградѣ Волынскомъ, Полонномъ и Межирѣчи, потому что не было никакихъ препонъ со стороны владѣльцевъ и еще потому, что мы сами искусились въ этомъ дѣлѣ совершенно. При томъ на всѣ обстоятельства по этому предмету мы имѣли уже готовыя формы.

Такъ-какъ до 25 іюля намъ осталось нѣсколько лишнихъ дней, то мы рѣшились отдохнуть въ Житомирѣ и въ то же время приготовить четвертое донесеніе къ г. попечителю о нашихъ дѣйствіяхъ.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что житомирская гимназія вошла въ свое дѣло смиренно и успѣшно; она не встрѣтила никакого упорства отъ фанатизма къ прежнему порядку; притомъ директоръ гимназіи, Бокщанинъ, какъ туземецъ, немедленно ввелъ въ учебное заведеніе, ему ввѣренное, всѣ обстановки и обыкновенія, пріятныя и обывателямъ. Вслѣдствіе того число воспитанниковъ въ первое полугодіе простиралось до 250 человѣкъ. Помѣщеніе гимназіи было впрочемъ очень-незавидно, даже не благовидно.

Путь нашъ отъ Житомира до Кіева не имѣлъ никакихъ служебныхъ остановокъ, а потому мы живо промчались чрезъ Радомысль, крѣпко неопрятный городъ, и не опомнились, какъ очутились на послѣдней станціи предъ Кіевомъ, въ Бѣлгородкѣ. Поднявшись на гору, мы увидѣли сперва печерскую колокольню, а потомъ и величавый Кіевъ и его великолѣпные храмы, которыхъ куполы, казалось, горѣли отъ лучей заходящаго солнца. Путь этотъ мы совершили почти въ одни сутки.

При этомъ по неволѣ вспомнилось мнѣ, какимъ гоненіямъ, терзаніямъ подвергалась нѣкогда православная церковь въ странѣ, теперь мною пройденной,—въ странѣ, въ которой она прежде имѣла покойный пріютъ! Глубокія ея раны, при всѣхъ заботахъ правительства нашего, при всей ревности пастырей, еще и теперь не совершенно залѣчены. Молитвенные дома наши, отъ которыхъ въ давнія времена отстали вельможи и зажиточные обыватели, стали бѣднѣть, ветшать: они построены на отдаленныхъ отъ сель мѣстахъ, часто едва приступныхъ, а въ то же время латинскіе костелы, великолѣпно сооруженные, съ извѣстными украшеніями, оглашаемые мелодією звучныхъ органовъ, высились гордо на лучшихъ площадяхъ. Латинское духовенство пировало и пируетъ, владѣя и значительными доходами изъ недвижимыхъ имѣній, и процентами изъ капиталовъ, пожертвованныхъ фундаторами костеловъ; а наши кроткіе священники едва-едва могутъ прокормить себя и семейство свое доходами

изъ скромныхъ усадебъ и мірскихъ подаяній. очень скудныхъ. Тѣ самонадѣянно вступаютъ въ пышные замки магнатовъ и, владѣя ихъ совѣстію, веселятся съ ними и получаютъ сверхъ того все то, что имъ нужно для пріятной, одинокой жизни; а нашимъ священникамъ едва доступны дома владѣльцевъ, и то развѣ только въ дѣловыхъ случаяхъ. Я видѣлъ нашихъ священниковъ, съ набожнымъ чувствомъ вступавшихъ въ костелы, какъ храмы христіанскіе, и молившихся Творцу Всевышнему; но ничто не заставитъ ксендза войти въ православную церковь, которую они называютъ мужицкою, потому что въ ней собирается только простой народъ. Часто я былъ свидѣтелемъ набожныхъ чувствованій православныхъ изъ простаго народа, которые въ костелахъ молятся усердно, даже благоговѣйно повергаются долу и, переплетаясь руками одинъ съ другимъ, недвижимо выслушиваютъ цѣлую мшу, но католикъ рѣдко посѣтитъ нашу церковь, и то лишь въ случаяхъ необходимыхъ...

На другой день по прибытіи въ Кіевъ мы явились къ г. попечителю округа съ нѣкоторымъ смущеніемъ и сильнымъ любопытствомъ, какъ онъ приметъ и наши дѣйствія, и наши отчеты по устройству училищъ. Его превосходительство при первой встрѣчѣ объявилъ намъ свою благодарность и нѣсколько разъ повторилъ: «я очень, очень доволенъ вами; отчеты ваши совершенно удовлетворительны; о томъ я говорилъ уже генераль-губернатору, о томъ я писалъ и дальше». Потомъ приказалъ намъ принять совершенный покой послѣ такихъ непрерывныхъ странствованій и заботъ, впредь до востребованія его.

Здѣсь я снова увидѣлся съ профессорами бывшаго кременецкаго лицея, прибывшими въ Кіевъ вмѣстѣ съ учебными пособіями онаго и помогавшими г. Божцанину въ путевыхъ работахъ по этому предмету. Эти учебныя пособія были сложены въ длинномъ каменномъ домѣ, нарочно для того нанятомъ на Печерскѣ.

Послѣ того, какъ я былъ обласканъ г. попечителемъ, подъ вліяніемъ этого отраднаго состоянія души моею, мнѣ блеснула

мысль, вмѣсто того, чтобъ пожить въ Кіевѣ, испросить у него дозволеніе отправиться на самое короткое время въ Новгородсѣверскъ для устройства перемѣщенія моего семейства въ Каменецъ-Подольскій. Я обратился о томъ къ его превосходительству съ просьбою, присовокупивъ къ тому и долговременную разлуку мою съ семействомъ, и неопытность семейства для такой далекой поѣздки. Г. попечитель милостиво и охотно изъявилъ на то свое согласіе.

•

(Окончаніе слѣдуетъ).

Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, въ 1861—62 гг.

Совершенно правъ г. Ефименко, говоря въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1886 г., что намъ, людямъ, живущимъ въ послѣдней четверти XIX столѣтія, нужно торопиться собирать среди самого народа изустный матеріаль о народныхъ движеніяхъ вообще и въ особенности о народныхъ движеніяхъ, вызванныхъ крестьянской реформой 1861 года, такъ какъ очевидцевъ этаго великаго момента съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, и недалеко, вѣроятно, то время, когда рассказы о «волѣ» будутъ передаваться намъ уже изъ вторыхъ рукъ, устами новаго молодого поколѣнія, которое будетъ говорить обо всемъ «со словъ стариковъ» и «по слухамъ», вслѣдствіе чего утратится всякая свѣжесть драгоцѣнныхъ рассказовъ и, что особенно печально въ интересахъ исторіи, они, эти рассказы, утратятъ значительную часть своей достовѣрности и такъ изукрасятся вымыслами фантазіи, что будутъ представлять не историческій матеріаль для воспроизведенія великой картины крестьянскаго освобожденія, а скорѣе матеріаль этнографическій, въ смыслѣ характеристики того поколѣнія, которое украситъ ихъ цвѣтами своей фантазіи и будетъ рассказывать ихъ «по своему», пропуская черезъ призму собственнаго сознанія. Да, необходимо скорѣе, какъ можно скорѣе собирать и записывать всѣ рассказы объ этомъ времени, сохраняющіеся еще въ памяти непосредственныхъ участниковъ этихъ движеній, кто-бы ни были эти послѣдніе, крестьяне-ли, помѣщики или священники.

Если мы не постараемся сдѣлать этого, то исторія будетъ вправѣ бросить намъ упрекъ въ преступномъ равнодушіи къ од-

ному изъ самыхъ выдающихся моментовъ въ жизни нашего народа; если о какой нибудь войнѣ 1877—78 гг., не имѣвшей никакого рѣшающаго значенія въ нашей внутренней жизни, написаны цѣлыя книги воспоминаній, анекдотовъ, даже пѣсенъ, книги, которыя могли-бы, по своему количеству, составить порядочную библіотечку, то по исторіи крестьянскаго освобожденія, съ котораго начинается новая эра крестьянской жизни, мы должны были-бы имѣть теперь уже цѣлую литературу, а между тѣмъ что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Нѣсколько толстыхъ томовъ главнѣйшихъ официальныхъ матеріаловъ (изд. Стрельбицкаго) и двѣ-три жиденькія монографіи, изъ которыхъ лучшая (проф. Иванюкова) выдается только мастерской систематизаціей и группировкой матеріаловъ, не затрогивая и даже не намѣчая многихъ сторонъ этого въ высшей степени интереснаго момента. Если прибавить къ этому еще нѣсколько мелкихъ сообщеній, разсѣянныхъ въ историческихъ журналахъ и составленныхъ большею частью на основаніи официальныхъ документовъ, то передъ нами будетъ и вся литература объ освобожденіи. Изустныя-же преданія объ этой интересной эпохѣ еще почти совершенно не затронуты. Намъ могутъ возразить, что изустныя преданія вообще отличаются односторонностію, а тѣмъ болѣе односторонни и пристрастны они должны быть въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ моментъ освобожденія наша страна переживала весьма острый кризисъ, вызванный рознью интересовъ крестьянскаго и дворянскаго сословія; кромѣ этого намъ могутъ указать на официальные документы, которые хранятся въ архивахъ, какъ на источники, по которымъ можно будетъ возстановить полную и истинную картину эпохи освобожденія. Что говорить, архивные матеріалы вещь прекрасная и вполне необходимая для исторіи; вѣрно и то, что изустныя преданія, отъ кого-бы они ни были почерпнуты, могутъ быть пристрастны и тенденціозны. Но одинъ архивный матеріалъ, уже по своей извѣстной сухости и лаконичности, не дастъ возможности сдѣлать болѣе или менѣе правильныхъ выводовъ относительно той эпохи и нарисовать полную драматизма картину крестьянскаго освобожденія, тѣмъ болѣе, что въ этихъ документахъ сплошь и рядомъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ и при томъ наиболѣе характерныхъ подробностей, которыя съ изумительной отчетливостію передаются свидѣтелями-очевидцами. Занимаясь архивными изысканіями,

мы не раз наталкиваемся на подобнаго рода явленія..... Вотъ почему, вмѣстѣ съ почтеннымъ П. Ефименкомъ, мы настаиваемъ на необходимости собранія устныхъ сказаній объ эпохѣ освобожденія и при томъ настаиваемъ на возможно скорѣйшемъ собраніи ихъ. такъ какъ время, уже унесшее многое, конечно не замедлитъ стертъ въ крестьянской средѣ и послѣднюю память объ этомъ событіи. Пусть эти рассказы будутъ тенденціозны и односторонни, —бѣда небольшая: исторія провѣритъ ихъ при помощи официальныхъ архивныхъ документовъ и, откинувши все субъективное и тенденціозное, возьметъ изъ нихъ лишь то, что не будетъ противорѣчить истинѣ и что можетъ служить дополненіемъ и освѣщеніемъ протокольныхъ официальныхъ данныхъ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и заключается все великое значеніе подобныхъ народныхъ рассказовъ для исторіи.

Откликаясь на призывъ г. Ефименка и «Кіевской Старины», обѣщавшей давать мѣсто на своихъ страницахъ для подобныхъ народныхъ рассказовъ о времени освобожденія крестьянъ, мы приводимъ здѣсь два такихъ рассказа, записанные нами въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, во время производства мѣстныхъ изслѣдованій, которыми мы занимались здѣсь по порученію курскаго губернскаго земства. Рассказы эти были записаны нами частію со словъ крестьянъ, частію со словъ мѣстнаго духовенства и вообще всѣхъ, кто во время оно были живыми свидѣтелями происходившихъ тогда событий и помнятъ всѣ обстоятельства, ихъ сопровождавшія.

Первый рассказъ нашъ относится къ Борисовской вотчинѣ графа Шереметева, состоявшей изъ слободы Борисовки съ прилегающими къ ней хуторами (эти послѣдніе составляютъ въ настоящее время 2 особыя волости: Стригуновскую и Высоковскую) и слободы Краснаго Кутка. По X ревизіи, въ этой графской вотчинѣ числилось 21,300 душъ обоюго пола, въ настоящее-же время, по послѣдней земской переписи, здѣсь считается уже около 31,000 душъ.

Слобода Борисовка представляетъ одинъ изъ наиболѣе населенныхъ крестьянскихъ центровъ на югѣ курской губерніи. Здѣсь, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, считается около 16,000 душъ обоюго пола. Слобода эта издавна служила главнымъ торговымъ рынкомъ для всего грайворонскаго уѣзда. Сюда привозили прежде, до введенія курско-харьковской желѣзной дороги, хлѣбъ со всего грай-

воронскаго уѣзда. Здѣсь во время двухъ осеннихъ ярмарокъ, Крестовоздвиженской и Михайловской, происходили, да и теперь происходятъ еще миллионныя торговые обороты. Въ настоящее время въ Борисовкѣ нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, десятка 3—4 каменныхъ домовъ, множество торговыхъ лавокъ и питейныхъ заведеній (послѣднихъ считается здѣсь 37), вплотную оцѣпляющихъ широкую базарную площадь; наконецъ, здѣсь есть почтовая и даже телеграфная станція; все это, конечно, скорѣе напоминаетъ городъ, чѣмъ простую слободу, населенную исключительно крестьянами-земледѣльцами. •

Не мудрено, что населеніе этой слободы издавна отличалось своею культурностію и образованностію. Такою-же культурностію отличается и населеніе хуторовъ прилегающихъ къ Борисовкѣ, потому что здѣшніе крестьяне есть не болѣе, какъ выселенцы изъ Борисовки, и выселенцы сравнительно очень недавніе.

Когда послѣ «воли» объявлена была по вотчинѣ «уставная грамота», сущность которой заключалась въ томъ, что крестьяне до выхода на выкупъ, должны отбывать въ барской экономіи трехдневку, то здѣшнее населеніе начало роптать. До освобожденія борисовцы не работали на барщинѣ и всѣ находились на оброкѣ, занимаясь по домашности разнаго рода кустарными производствами и отхожими промыслами. И вдругъ теперь, когда имъ и манифестъ прочитанъ въ церкви относительно «воли», когда они думали, что совершенно избавились отъ помѣщичьей власти, теперь ихъ заставляютъ ходить на барщину и ставятъ такимъ образомъ въ большую зависимость отъ помѣщиковъ, чѣмъ стояли они до сихъ поръ. Это показалось борисовскимъ крестьянамъ величайшей несправедливостію. «Это все отъ помѣщиковъ», рѣшили они: «царь насъ освободилъ, а они опять насъ закабалить подъ себя хотятъ»....

Къ тому-же, по «уставной грамотѣ» борисовцевъ выпускали съ «неполнымъ надѣломъ», не какъ другихъ: въ надѣлъ имъ было отведено всего по 2 дес. на ревизскую душу, тогда какъ высшій размѣръ надѣла для грайворонскаго уѣзда, по мѣстному положенію, равнялся 2³/₄ десят. Борисовцы послали къ управляющему своихъ уполномоченныхъ, выборныхъ отъ міра, и просили его нарѣзать имъ надѣлъ по высшему размѣру, но управляющій, основываясь на общемъ положеніи, отвѣтилъ, что сдѣлать этого никакъ

нельзя, такъ какъ крестьяне до положенія владѣли неполнымъ надѣломъ и потому теперь не могутъ требовать прирѣзки. Борисовскіе же грамотѣи толковали положеніе по своему и были въ полной увѣренности, что эта прирѣзка необходимо должна быть. Они сначала заподозрили было управляющаго въ томъ, что онъ нарочно прижимаетъ ихъ, съ цѣлью самому воспользоваться частію крестьянскаго надѣла. Но когда управляющій показалъ собственноручную подпись графа подъ уставною грамотою, то они стали винить барина своего и всѣхъ вообще помѣщиковъ, которые де-скатъ «не хотятъ съ чернымъ народомъ раздѣлаться по совѣсти». Лѣтомъ, около Успеньева дня, крестьяне собрались какъ-то на общій вотчинный сходъ, гдѣ принимали участіе не только одни борисовцы, но и населеніе всѣхъ окружныхъ хуторовъ, кромѣ с. Краснаго Кутка, у котораго была особая «расправа» и который имѣлъ право самостоятельнаго схода. Послѣ долгихъ преній на сходѣ рѣшено было: если экономія не прирѣжетъ земли—не платитъ оброка и не ходитъ на барщину.

Объ этомъ узналъ мѣстный грайворонскій исправникъ, Булгаковъ, и приѣзжалъ увѣщевать крестьянъ «покориться законнымъ требованіямъ властей и помѣщика». Собиралъ онъ сходъ два раза, разъяснялъ, грозилъ, увѣщевалъ—все было напрасно; крестьяне упорно стояли на своемъ и отказывались подписывать уставную грамоту, требуя прирѣзки земли, въ противномъ случаѣ отказывались платить какіе-бы то ни было налоги. Дѣло было серьезное. Исправникъ не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйствовать на свой страхъ, какъ это бывало въ мелкихъ деревняхъ съ незначительнымъ населеніемъ, и далъ знать объ этомъ гдѣ «губернію».

Волненіе шереметевскихъ крестьянъ не утихало и осенью, и зимой 1861 г.; напротивъ, съ каждымъ днемъ оно принимало все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года случилось здѣсь одно происшествіе, которое еще болѣе усилило возбужденіе борисовскихъ крестьянъ. Пришелъ въ Борисовку какой то загадочный странникъ и говорилъ всѣмъ крестьянамъ:

— «Стойте и держитесь крѣпко *за вѣру и правду*. Не слушайте дворянъ. Идетъ царь Михаилъ; онъ былъ заключенъ до сего времени за 2 желѣзными дверями и 6 замками, а теперь вышелъ на свободу. Идетъ онъ не одинъ, съ нимъ большое воинство, и хочетъ

онъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ. Подѣржитесь только не много; онъ придетъ въ скорости».....

И показывалъ будто-бы странникъ крестьянамъ золотую книгу, а въ этой книгѣ было сказано, что всю землю царь Михаилъ отдаетъ крестьянамъ во владѣніе, а помѣщикамъ не оставляетъ ничего.

Странника этого видѣли многіе. Намъ передавали о немъ люди, сами съ нимъ лично бесѣдовавшіе. Говорятъ, онъ былъ уже очень старъ, весь сѣдой, ноги его едва держали; одѣтъ онъ былъ въ поношенный подрясникъ; на головѣ черная скуфейка, какъ у послушника. Странникъ говорилъ свой рѣчи и въ частныхъ домахъ, и на рынкѣ, останавливаясь вездѣ, гдѣ толпилась куча народа. Сколько времени онъ пробылъ въ Борисовкѣ—неизвѣстно.

Посѣщеніе странника и его возмутительныя рѣчи возымѣли дѣйствіе. 7-го апрѣля борисовцы собрались всѣ вмѣстѣ на общій сходъ со всѣхъ четырехъ сотенъ, чтобы еще разъ «помиркувати», какъ и что предпринять имъ. Посланы были гонцы на хутора, чтобы созвать весь народъ на вотчинную сходку. Сдѣлано это было «не по закону», помимо вотчиннаго правленія, которое одно могло собирать общіе вотчинные сходки. Распорядились этимъ «старики», которымъ за это впоследствии и досталось не мало...

— Что станетъ дѣлать Борисовка, на томъ станемъ и мы, толковали хуторяне и валомъ валили въ Борисовку.

Всѣ улицы въ слободѣ были запружены народомъ.

Толковали цѣлый день; однако ни къ чему опредѣленному не пришли и рѣшили собраться на слѣдующее утро.

На другой день узнали, что пріѣхалъ царскій чиновникъ «изъ губерніи».

— Ну, вотъ, значить, онъ намъ настоящій царскій указъ привезъ, обрадовались крестьяне. То намъ все обыжную, неправильную волю показывали, а теперь увидимъ настоящую.

Всѣ повалили къ «расправѣ» (волостному правленію), гдѣ остановился дѣйствительно прибывшій въ Борисовку чиновникъ. Это былъ Мосоловъ, чиновникъ особыхъ порученій при курскомъ губернаторѣ; но прибылъ онъ не одинъ, съ нимъ было 4 эскадрона гусаръ.

Мосоловъ пріѣхалъ въ Борисовку ночью; самъ онъ съ офицеромъ помѣстился до утра въ расправѣ, а солдатъ оставилъ на улицѣ.

Рано утромъ Мосоловъ былъ уже на ногахъ и ожидалъ крестьянъ.

Когда крестьяне подошли къ расправѣ, онъ, въ сопровожденіи старшины, становаго и цѣлаго отряда сотскихъ, вышелъ на крыльцо и сталъ объяснять крестьянамъ, что они должны подписать «уставную грамоту» и платить оброкъ, потому что въ противномъ случаѣ всѣ подвергнутся строгому наказанію, какъ не повиனுющіеся законнымъ властямъ.

— Подумайте хорошенько, братцы, закончилъ Мосоловъ, что вы затѣваете. Добромъ это для васъ не кончится, если будете продолжать упорствовать. Разойдитесь сейчасъ же по домамъ, а ужю, въ вечеру, васъ соберутъ по сотнямъ и вы будете подписывать грамоту... Да смотрите, чтобы каждый домохозяинъ при этомъ внесъ оброкъ, который состоитъ за нимъ. Безъ этого я не уѣду... А теперъ разойдитесь пока, да обдумайте хорошенько.

— Не станемъ мы расходиться, отвѣчали коноводы изъ толпы. Не зачѣмъ... Мы только на Бога надѣмся, да на царя. Отдай намъ сейчасъ истинный царскій указъ—мы сію минуту разойдемся по домамъ, не дашь—не тронемся съ мѣста.

Мосоловъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Видимое дѣло, убѣждать крестьянъ было напрасно: сколько ихъ не убѣждай, они не послушаютъ, но ему также не хотѣлось употребить въ дѣло и вооруженную силу.

— Кто въ Бога вѣритъ и на царя надѣется, громко сказалъ онъ, пусть станеть на колѣни и сложить крестъ по православному.

Никто въ толпѣ не шелохнулся. Тогда онъ снова повторилъ свой призывъ. Очень немногіе, не болѣе 20—30 человекъ изъ 7 ми-тысячной толпы стали на колѣни и подняли руку, сложивъ пальцами крестное знаменіе. Большинство же осталось на ногахъ, полагая, что если они исполнять приказаніе чиновника, то это будетъ значить, что они согласны на принятіе уставной грамоты.

Мосоловъ распорядился отдѣлить, какъ аглицевъ отъ козлицъ, всѣхъ, кто сталъ на колѣни и затѣмъ приказалъ гусарамъ окружить со всѣхъ сторонъ остальныхъ. Тотчасъ же это было приведено въ исполненіе. Появились на сценѣ розги и началась расправа съ непокорными. Сѣкли всѣхъ подь рядъ, не разбирая, какъ передаютъ крестьяне. «Секуція» продолжалась съ утра до ночи, въ 3 или 4 мѣстахъ разомъ; однако, не смотря на это,

далеко не всѣ побывали подъ розгами. При разказѣ объ этой секуціи, крестьяне не обходятся конечно безъ преувеличеній; разказываютъ напр., что когда пучекъ розокъ сверху обламывался, то били «ощупками», что нѣкоторые при этомъ «заходились», и т. д. Трудно, даже совсѣмъ невозможно провѣрить, въ какой мѣрѣ эти разказы справедливы...

Такъ какъ цѣпь гусарь была не сплошная, а съ небольшими промежутками, то нѣкоторые борисовцы пытались «утикать» изъ этого круга. Такихъ гусары догоняли и сопротивлявшихся били по головѣ, спинѣ, рукамъ, по чему попало. Инымъ удалось уйти. Одинъ крестьянинъ разказывалъ намъ, что онъ «20 верстъ въ ту пору безъ оглядки пробѣжалъ, только тѣмъ и спасся»...

Мосоловъ стоялъ почти все время на крыльцѣ и смотрѣлъ на расправу съ крестьянами. Нѣкоторые крестьяне, лежа подъ розгами, всячески ругали и «паскудили» Мосолова—такихъ онъ приказывалъ класть подъ розги по два раза: вотъ тутъ-то и случалось, что попавшіе подъ розги «заходились» и не скоро приходили въ чувство.... Такимъ путемъ иные получили по 250—300 ударовъ. По два же раза клали подъ розги и тѣхъ, которые распоряжались собираніемъ самовольнаго вотчиннаго схода. Послѣ этой расправы борисовцы не стали противиться, и на другой-же день всѣ 4 «сотни», на которыя раздѣлено село, подписали уставную грамоту.

Не можемъ не привести здѣсь еще одного эпизода, который разказывали намъ крестьяне. Во время экзекуціи, Мосолову донесли о томъ, что недавно, былъ здѣсь, въ слободѣ, старецъ-странникъ, говорившій возмутительныя рѣчи. Правленскія власти выразили даже предположеніе, что странникъ этотъ, можетъ быть, и до сихъ поръ находится въ Борисовкѣ. Мосоловъ обратился къ крестьянамъ, спрашивая, не видѣли-ли они странника, не останавливался-ли онъ у кого на ночлегъ. Крестьяне всѣ дали по этому поводу отрицательный, уклончивый отвѣтъ: знать, дескать, не знаемъ и видомъ не видали такого.

Опасаясь, что «странникъ» этотъ, разъ онъ остался въ селѣ, опять можетъ насказать крестьянамъ разныхъ разностей и произвести новую смуту, Мосоловъ приказалъ разставить «бекеты» (изъ сотскихъ и десятскихъ) по всѣмъ дорогамъ, которыя вели въ Борисовку и велѣлъ приводить къ себѣ всѣхъ «странныхъ людей»

безъ разбора. Въ теченіе одного дня изловлено было до 50 человекъ странниковъ, изъ которыхъ больше половины было нищихъ. Мосоловъ допрашивалъ всѣхъ: кто онъ, откуда, требовалъ паспорта и если такового не оказывалось, то приказывалъ сѣчь и сажать въ холодную, а когда здѣсь мѣста не хватило, ихъ стали запирать просто въ сарай. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Мосолова ихъ всѣхъ выпустили на свободу.

Послѣ этого стали отыскивать среди борисовцевъ «зачинщиковъ» мятежа, т. е. грамотѣевъ, читавшихъ и разъяснявшихъ народу общее положеніе. Семь человекъ, особенно усердно агитировавшихъ противъ податей и барщины и въ томъ числѣ три старика, распоряжавшихся относительно созыва вотчиннаго схода, были привлечены къ слѣдствію, какъ народные возмутители. Всѣ они были сосланы въ Сибирь, въ тобольскую и томскую губерніи. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ Шестопаловъ, воротился оттуда по «милостивѣйшему манифесту», въ 1876 или 1877 г. Участъ остальныхъ неизвѣстна.

Мосоловъ уѣхалъ изъ Борисовки черезъ три дня послѣ экзекуціи, какъ только всѣ крестьяне подписали уставную грамоту. Онъ взялъ съ собою только одинъ эскадронъ гусарь, остальные-же остались въ Борисовкѣ и жили здѣсь еще недѣли три послѣ него. Объ ихъ пребываніи здѣсь борисовцы рассказывали много весьма некрасивыхъ вещей; таскали они сѣно и овесъ, куръ, утокъ и поросятъ, раздавали подзатыльники и зуботычины мужикамъ, не обходилось безъ подлаживаній къ молодежи и т. д. Жители Борисовки были такъ напуганы ими, что боялись выходить изъ домовъ. уѣзжали потихоньку въ ночное время изъ Борисовки въ сосѣдніе лѣса. Вѣрно-ли все это—сказать мудрено; но вотъ напр., какой интересный анекдотъ передавали намъ, между прочимъ въ селѣ Борисовкѣ по поводу гусарь. Если этотъ анекдотъ и не вѣренъ, если онъ не показываетъ дѣйствительныхъ отношеній гусарь къ крестьянамъ, то по крайней мѣрѣ весьма ярко характеризуетъ взглядъ этихъ послѣднихъ на гусарь.

Идетъ солдатъ по улицѣ; видитъ—мужикъ сидитъ на землѣ, лапотъ ковыряетъ. Солдату захотѣлось побаловаться; вотъ онъ и говоритъ крестьянину:

— Слушай, другъ любезный. Положу я тебѣ пучокъ соломы на голову; если ты хоть одну соломинку изъ него на землю уронишь, пока я въ кабакѣ шкаликъ водки выпью, не сносить тебѣ головы.

Положилъ мужику пукъ соломы на голову, а самъ пошелъ въ кабакъ; вмѣсто шкалика хватилъ тамъ цѣлый полштофъ и позабылъ про мужика.

Въ сумерки вышелъ изъ кабака; идетъ домой; видитъ—мужикъ все сидитъ на землѣ и держитъ на вѣсу въ одной рукѣ кочедыкъ, въ другой лапотъ, а солома у него на головѣ: онъ, бѣдный, сидѣлъ тамъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и пошевелиться боялся, чтобы не сронить соломинки; такъ и застылъ въ томъ положеніи, въ какомъ его оставилъ солдатъ, идя въ кабакъ.

Увидѣвши его теперь, солдатъ засмѣялся.

— Ты еще, говорить, все сидишь? Поди домой, я только пошутить....

Si non e vero, e ben trovato.

Экзекуція оставила въ народѣ по себѣ твердую память. Борисовцы помнятъ ее во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; они даже время измѣряютъ этимъ событіямъ. Секуція сдѣлалась для борисовцевъ своего рода эрой. Спрашиваете вы, напримѣръ, борисовскаго крестьянина: «когда ты купилъ усадьбу?»—«Черезъ два года послѣ секуціи», отвѣчаютъ вамъ. «Когда сына поженилъ?»—«На другой годъ послѣ секуціи». И такъ далѣе.

Въ с. Красномъ Куткѣ, въ той-же вотчинѣ гр. Шереметева, движеніе носило такой-же характеръ, какъ и въ Борисовкѣ. Здѣсь крестьяне также отказались подписать уставную грамоту и перестали платить подати и повинности, какъ только это рѣшено было въ Борисовкѣ.

Когда долетали сюда темные слухи о томъ, какъ въ другихъ мѣстахъ расправляются съ непокорными крестьянами, то кутковцы храбрились сначала и говорили, что они въ случаѣ надобности даже и противъ солдатъ пойдутъ, въ колья ихъ примутъ, а все таки «правды» добьются и податей платить не будутъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не «ублагодворятъ» землею. Но когда услышали они о томъ, что солдаты уже появились въ Борисовкѣ, въ 5 верстахъ, и производятъ тамъ общую «секуцію», то на всѣхъ напалъ паниче-

скій ужасъ и они поразбѣжались по сосѣднимъ вольнымъ деревнямъ, гдѣ жили однодворцы—четвертники и крестьяне государственные, экономическіе. Нѣкоторые убѣжали въ лѣсъ, захвативъ съ собою наиболѣе цѣнныя вещи изъ своего имущества. Остались дома только тѣ, кто не хотѣлъ «противиться начальству», кто не отказывался платить подати и внести ихъ своевременно въ вотчинное управленіе. Такихъ домохозяевъ набралось всего 16 изъ общаго числа 150.

Мосоловъ, покончивши свое дѣло въ Борисовкѣ, пріѣхалъ сюда въ сопровожденіи одного эскадрона гусаръ (остальные, какъ мы выше упоминали, остались въ Борисовкѣ). Онъ тотчасъ-же, разумѣется, собралъ сходъ изъ оставшихся домохозяевъ и сталъ допрашивать ихъ, куда дѣвались остальные крестьяне. Узнавъ-же, что они попрятались по лѣсамъ и разбѣжались по сосѣднимъ деревнямъ къ однодворцамъ, онъ разослалъ сотскихъ и десятскихъ звать ихъ въ Кутокъ и при этомъ обѣщалъ, что наказанія имъ никакого не будетъ, лишь-бы только вернулись. Въ случаѣ, если они не явятся домой черезъ три дня, имъ не будетъ нарѣзано земли по «новому положенію».

Черезъ два дня всѣ бѣглецы были уже дома. Мосоловъ все это время жилъ въ Красномъ Куткѣ и подъ рукою развѣдывалъ о зачинщикахъ и коноводахъ настоящаго движенія.

На третій день утромъ онъ собралъ сходъ и велѣлъ наказывать розгами четырехъ зачинщиковъ. Одинъ обвинялся въ томъ, что самовольно созвалъ сходку въ мартѣ мѣсяцѣ, безъ заявленія объ этомъ сельскимъ властямъ; двое другихъ—въ томъ, что возбуждали крестьянъ къ бунту, говорили имъ, что по положенію нужно у помѣщиковъ отнять всю землю въ пользу крестьянъ; четвертый-же былъ наказанъ за то, что убѣждалъ крестьянъ увозить свое имущество въ лѣсъ, говоря: придутъ де солдаты, набросятся на вашу «худобу» и всю ее растащатъ.....

Относительно всѣхъ другихъ крестьянъ, убѣжавшихъ изъ Кутка при приближеніи солдатъ, Мосоловъ исполнилъ свое обѣщаніе и оставилъ ихъ безъ наказанія. Да, впрочемъ, этого и не нужно было дѣлать, такъ какъ всѣ они, напуганные расправой въ Борисовкѣ, безъ малѣйшаго колебанія выразили готовность под-

писать уставную грамоту и тотчасъ-же полностью внесли просроченный оброкъ.

Въ вотчинѣ кн. Хорвата грайворонскаго уѣзда, въ сл. Головчиной, д. Антоновкѣ и Тополяхъ, крѣстьяне не хотѣли принимать уставную грамоту, такъ какъ имъ не нравилось, что тамъ было, между прочимъ, прописано, что они должны ходить на панщину еженедѣльно 3 раза: 2 дня мужчина и 1 женщина.

— Страдали, страдали, говорили крѣстьяне, да еще и теперь подиробъ на барина-то. Нѣтъ, ужъ это дудки.....

Князь Хорватъ, узнавъ объ этомъ отъ своего управляющаго, немедленно-же далъ знать о «бунтѣ» въ городъ исправнику Булгакову; тотъ прискакалъ сію-же минуту, собралъ въ сл. Головчиной крѣстьянъ на сходъ и сталъ ихъ спрашивать.

— Чего, братцы, хотите, зачѣмъ бунтуете?

Крѣстьяне, предчувствуя бѣду, хотѣли отдѣлаться молчаніемъ. Стоять всѣ передъ исправникомъ безъ шапокъ и никто ни слова.

Исправникъ понялъ, къ чему они клонятся и безъ дальнихъ околичностей потребовалъ грамоту, велѣлъ вынести столъ на крыльцо волостнаго правленія и заявилъ сначала тихо, мирно, «не брались», рассказываютъ крѣстьяне.

— Ну вотъ теперь ребята съ Богомъ подходите, кто у васъ грамотный, подписывайте. Не бойтесь, при мнѣ васъ никто не обидитъ. Подходите.

Мужики молчали, топтались на одномъ мѣстѣ, переминаясь съ ноги на ногу, но никто изъ нихъ къ столу не подходилъ.

Исправникъ и еще разъ попробовалъ убѣждать крѣстьянъ подписаться подъ грамотой, разъяснялъ имъ, что самъ царь, де-сказать, требуетъ отъ васъ этой подписи и что онъ царскій слуга, ручается, что крѣстьянамъ никакого худа отъ этого не выйдетъ. Но эти убѣжденія и разъясненія нисколько не помогали дѣлу. Крѣстьяне молчали, но къ подписи не шли. Тогда исправникъ сошелъ съ крыльца, взялъ перваго попавшагося мужика за плечо и спросилъ:

— Ты умѣешь писать?

— Нѣтъ, не обучены, отвѣтилъ мужикъ.

Другого—тоже самое, тотъ же отвѣтъ; третьяго, четвертаго, всѣ отозвались, что грамотѣ не знаютъ, не обучались.

— Такъ промежь васъ и нѣтъ ни одного грамотнаго, спросиль улыбаясь исправникъ.

— Такъ и нѣтъ, отвѣтили ему изъ толпы, и подписывать вашу грамоту некому.

Это конечно неправда и исправникъ отлично зналъ, что въ культурномъ и многочисленномъ селѣ грамотныхъ среди крестьянъ много.

— Эй, не дурите, братцы, сказалъ исправникъ: худо будетъ.

Но братцы по прежнему стояли, какъ вкопанные, и молчали. Исправникъ приказалъ подать розогъ.

— Такъ не хотите подписывать? Въ послѣдній разъ васъ спрашиваю, обратился онъ къ толпѣ.

Гробовое молчаніе.

— Кладите вотъ этого, перваго, указалъ исправникъ на крестьянина, стоявшаго къ нему ближе всѣхъ другихъ.

— Батюшка, отецъ родной! взмолился крестьянинъ; пощади. Ей-Богу, не обучень, не разумѣю грамотѣ.

Однако его разложили..... Дали 10 ударовъ.

— Довольно, отставъ! крикнулъ исправникъ. Берись за другого.

Было подвергнуто экзекуціи 4 человѣка; но крестьяне все таки не сдавались и грамоты подписать не хотѣли.

Исправникъ плюнулъ и уѣхалъ, ничего не добившись.

Въ деревняхъ Антоновкѣ и Тополяхъ сходъ также стоялъ предъ исправникомъ безмолвно, слушая его разъясненія и угрозы, но подписать уставную грамоту никто не рѣшался. Крестьянѣ здѣшніе твердили исправнику только о томъ, что они—какъ головчанцы».

— Коли Головча подпишетъ, то и мы подпишемъ. Головча у насъ всему голова¹⁾.

Исправникъ и разговаривать не сталъ здѣсь, махнулъ рукою на непослушныхъ крестьянъ и уѣхалъ домой въ городъ, чтобы сейчасъ отпрапортовать въ губернію о «бунтѣ» хорватовскихъ крестьянъ и описалъ при этомъ подробно все, что случилось, не скупясь разумѣется на краски.

¹⁾ Головча—самый большой и населенный пунктъ въ имѣніяхъ князя Хорвата; здѣсь считается въ настоящее время около 400 дворовъ.

Въ апрѣлѣ пріѣхалъ сюда изъ Борисовки чиновникъ особыхъ порученій, тотъ же Мосоловъ и съ нимъ эскадронъ гусаръ.

На этотъ разъ крестьяне оказались сговорчивѣе. Пріѣздъ ли губернскаго чиновника съ отрядомъ внушительнаго вида, или что другое на нихъ подѣйствовало, но только они съ перваго же слова согласились подписать грамоту. Казалось бы, и дѣлу конецъ; но пріѣхавшее начальство сочло все-таки полезнымъ для «примѣра другимъ» наказать розгами главныхъ зачинщиковъ. Зачинщики указаны были барскимъ управителемъ; ихъ оказалось въ Головчѣ 5 человѣкъ, въ Антоновкѣ 2 и въ Тополяхъ 8 человѣкъ, и всѣ они подвергнуты «секуціи», конечно, не такой, чтобы могла служить эрой...

Н. Добротворскій.

КАРТИНКИ СТАРИНЫ.

Кіевскій спектакль начала XVІІІ в.

I.

Весенній день восьмага мая 1708 года кончался въ Кіевѣ.

На горахъ верхняго города еще горѣли солнечные лучи; надъ Подоломъ, отъ горъ, потянулись тѣни. Уличная суета, передъ наступленіемъ ночи, становилась торопливѣе. Козаки, въ жупанахъ, въ кармазинахъ, скакали на гору небольшимъ отрядомъ. Торговцы и мѣщане нижняго города убирали товаръ на базарахъ, укладывая его въ сундуки или на ручныя тачки, купцы собирались закрывать лавки. Гдѣ то, подъ окнами, слышалось пѣніе школьникова—*миркачей*. Часы на зданіи магистрата пробили шесть ударовъ и въ нишѣ, гдѣ они стояли, показалась и исчезла процессія двѣнадцати апостоловъ.

На валу, что шель по гребню горъ верхняго города, перекликались часто разставленные часовые. На легкомъ, розоватомъ вечернемъ небѣ вырисовывались главы церквей и пушки укрѣпленій. Старая деревянная церковка на андреевскомъ холмѣ, стоявшая въ линіи валовъ, блестяла крестомъ издалека. Послѣ жаркаго дня, наступила та прохлада майскаго вечера, когда цвѣты благоухаютъ сильнѣе, когда отъ молодой травы и кустарниковъ, отъ недавно распустившихся тополей, одѣтыхъ еще нѣжной и клейкой листвою, отъ цвѣтущихъ яблонь и вишенъ льется животворный, упоительный аромать. Стоявшія наискось къ Двѣпру улицы стараго Подола изобиловали садами и палисадниками. Заботливыя хозяйки поливали

передъ вечеромъ огородныя грядки и цвѣточныя клумбы, гдѣ цвѣли нарцисы и раскидистыя пивоніи и гдѣ начинала ужъ разстилаться огородная зелень.

На площади передъ Братствомъ было особенное оживленіе. Любимое дѣтище стараго Кіева—коллегіумъ, недавно названный академіей, въ тотъ день справлялъ ежегодное торжество. Передъ разѣздомъ студентовъ, по окончаніи годовыхъ испытаній, устраивалось театральное представленіе, котораго ожидали и къ которому готовились давно. На этотъ разъ профессоръ пѣтики Лаврентій Горка, ставилъ въ первый разъ свою пьесу.

И бурсаки, и приходящіе студенты, сновали и толпились въ академическомъ дворѣ. Длинные китайковыя и шелковыя студенческія киреи, кафтаны, застегнутые до верху на металлическія пуговицы, смѣшивались съ жупанами горожанъ, съ скользившими въ толпѣ черными тѣнями монаховъ. Мелькавшія то тутъ, то тамъ стройныя фигуры усатыхъ академистовъ, искреннее оживленіе на ихъ молодыхъ, здоровыхъ лицахъ, яркіе цвѣта сапогъ и одежды, звонкіе голоса, оживлявшіе эту суету, все вмѣстѣ представляло оживленную, радостную картину.

На небѣ зажглась первая звѣзда, показался серпъ мѣсяца. Огоньки замелькали тутъ и тамъ въ домахъ Подола. У заставъ, у чегырехъ пловучихъ мостовъ надъ Днѣпромъ скопились возы, ѣдущіе въ городъ и уѣзжающіе изъ него. Гдѣ то за рѣкой на лугахъ разгорался яркимъ пламенемъ костеръ... Прекращена переправа по Днѣпру на всю ночь... Послѣдніе всадники вѣхали въ Кіевъ, послѣдній воловь возъ потянулся къ броварскимъ лѣсамъ; спитъ хозяинъ на возу, волю лѣниво плетутся у самой лѣсной опушки, топчя копытами траву, среди которой пріютился свѣжій, росистый ландышъ.

Къ братской оградѣ народъ прибывалъ въ экипажахъ и пѣшіи. Большой двухъ-этажный каменный корпусъ, построенный Мазепой, уже свѣгился огнями. Тамъ «на конгрегація», въ залѣ торжественныхъ собраній устроена была сцена, туда и стремился народъ. Далеко не всѣ изъ студентовъ могли попасть въ самую залу: ихъ такъ много, свыше 1000, было въ то блестящее для академіи время. Зрителями на спектакль допускались, разумѣется, только старшіе. Изъ младшихъ, въ число счастливецевъ, попали лишь уча-

ствующіе въ самой пьесѣ, гдѣ было множество хоровъ и «воинствъ». Непопавшіе въ залу толпились у оконъ, глядя пока на стѣснившуюся въ залѣ публику и прочитывая издали искусно разрисованную, огромную афишу, гдѣ возвѣщалось, что «на позоръ христіанскому роду» благородными сынами россійскими показана будетъ сегодня трагедо-комедія «Іосифъ Патріарха».

Нѣкоторые изъ горожанъ, родственниковъ студентовъ и почетныхъ лицъ, наполнявшихъ залу, бывали уже на академическихъ представленіяхъ. Но многіе не видѣли ничего подобнаго никогда и крайне интересовались предстоящимъ зрѣлищемъ. Искусственно привитая, пока еще только школьная забава,—театръ не проникъ еще въ южно-русское общество и только что начиналъ пускать корни у этого народа селянъ и воиновъ. Великій Могила, стремясь къ европейскому просвѣщенію, завелъ въ созданной имъ школѣ театръ по образцу нѣмецкихъ университетовъ и польскихъ школъ. Латинскія и польскія мистеріи и моралите и игрались сперва, пока появился свой репертуаръ и свои писатели. Къ концу XVII вѣка и началу XVIII дѣло драмы оживилось. Талантливыя попытки Прокоповича привлекли къ ней вниманіе, въ интермедіяхъ стали мелькать типы ежедневной, окружающей жизни и толпа удивилась, увидѣвъ на сценѣ самую себя, личности ей знакомыя, любимыя или ненавидимыя ею. Начитанный, образованный Горка написалъ свою пьесу въ ту пору подъема духа. Сквозь схоластическія формы въ ней пробивается сильно лиризмъ, есть попытки рисовать типы. Строгая и возвышенная библейская драма оживлялась двумя, вставленными въ нее, фарсами.

II.

Восковыя свѣчи рампы, вправленные въ вогнутые металлическіе подсвѣчники, мелькаютъ отъ проносящагося по залѣ вѣтерка. Во избѣжаніе жары открыли всѣ окна и съ надвору вѣтегъ запахомъ цвѣтущей сирени и яблонь, несетъ отъ Днѣпра вечерней прохладой. За кулисами суета приготовленій, нервное нетерпѣніе, комическія сцены. Страшно заgrimированная «Зависть» разговариваетъ съ «Фараономъ», въ бумажной тіарѣ, неприступный красавецъ «Іосифъ» дружески обнимаетъ миловидную «жену Пентефрія», изображаемую на сей вечеръ его товарищемъ, сыномъ полковника

съ Лѣвобережья. Какъ водится всегда и вездѣ, какъ водилось и въ академіи въ прошломъ вѣкѣ, актеры сквозь щели занавѣси смотрятъ въ залу на страшную для нихъ многоголовую публику.

Они видятъ въ первомъ ряду, рядомъ съ префектомъ, кievскаго полковника, войга, того полковника съ Лѣвобережья, сынъ котораго играетъ Пентефріеву жену, нѣсколько сотниковъ изъ соседней Черниговщины, много горожанъ и сплошною стѣною столпившуюся массу смѣющихся, оживленныхъ товарищей. Молодой, стройный Іосифъ, совсѣмъ одѣтый и загримированный, подходитъ къ занавѣси и впивается глазами въ толпу. Лицо его зажглось румянцемъ удовольствія и прекрасныя, строгія очи улыбнулись. Въ тѣсныхъ рядахъ публики, прижавшись къ матери, сидитъ юная подольская красавица.... Онъ знаетъ, ради кого она явилась сюда.

Самъ авторъ пьесы и учитель—за кулисами руководить послѣдними приготовленіями, осматриваетъ наскоро гримировку многочисленныхъ аллегорическихъ лицъ. Пьеса тщательно репетировалась и приготовлялась. Къ спектаклю ожидался самъ гетманъ; но онъ проѣхалъ на дняхъ изъ Батурина въ Бѣлую Церковь, озабоченный и мрачный, остановившись въ Кіевѣ лишь на нѣсколько часовъ, занятый повидимому теперь болѣе всего разбирающимся въ Витебскѣ дѣломъ Кочубея.

Всѣ приготовленія кончены, подымается занавѣсъ. Неприхотливая декорація домашней живописи изображаетъ фантастическую улицу древне-египетскаго города.

Идетъ нѣчто въ родѣ пролога. Другъ Іосифа, пріѣхавшій въ Египеть, радуется, рассказывая о его счастливой судьбѣ и, уходя со сцены, въ концѣ длиннаго монолога, наталкивается на отвратительную фигуру «Зависти», неожиданно выльзшую изъ за кулисы. Эта братоубійственная, скверная сила, преслѣдующая бѣднаго юношу, проклинаетъ Іосифа и клянется его погубить. «Зависть» зываетъ къ помощи и сцена вдругъ покрывается страшными уродами, бѣсами и гарпіями. Они грозятъ Іосифу, обѣщая въ концѣ погубить его душу и тѣло, «разсѣчь на малыя части, распилить пилою смерти, отдать его на съѣденіе звѣрямъ!» Зависть кричитъ, что убить одно тѣло—недостаточно, надо убить и душу.

Свѣчи притушены. На сценѣ, подъ шипѣнье гадовъ, воцаряется мракъ. Вдругъ волны свѣта, отъ выставленныхъ вокругъ сноповъ свѣчей, заливаютъ сцену. Прекрасное видѣніе «Божіей защиты» разгоняетъ адское сборище и предсказываетъ судьбу Юсифа, который, хотъ и претерпитъ искушенія, оковы, тюрьму и бѣды, но будетъ посаженъ на царскомъ престолѣ:

Будетъ и въ темницѣ,
И въ бѣдѣ велицѣ
Жити;
И вражду сокрушить,
И смерти разрушить
Сѣти:

Вся бо та погибнуть люгѣ и сила прелестна!

На послѣднихъ строкахъ этой пѣсни о непостоянствѣ міра и о побѣдѣ правды, съ послѣднимъ, стройнымъ аккордомъ мелодіи, опускается занавѣсъ.

Актъ первый:—«протазисъ». Египетская комната съ изображеніями сфинксовъ, съ іероглифическими надписями и колоннами. Жена Пентефрія, въ пурпуровой, обшитой золотомъ одеждѣ, «сквернымъ желаніемъ бѣснуется». Предъ ней, изъ трапа, предстаетъ вдругъ, въ бѣлой одеждѣ, «совѣсть» и хочетъ отрезвить ее. Но «Велможа» не внемлетъ своей совѣсти, велитъ слугамъ связать ее и повергнуть въ темницу. Діалогъ идетъ стремительно, съ возрастающей страстью:

Велможа. Кій се срамъ или студъ
Чого сердце желаетъ?

Совѣсть. Студъ есть велій.

Велможа. . . . отнюдъ

Того не познаю.

Совѣсть. Познай, бо глубока

Любовь глубока гнѣвъ творить: друга жестока
Имаши.

Велможа. . . . Жестокъ есть, не левъ лва не убіетъ
И ниже пардъ на парда когда свирѣпѣетъ.

Совѣсть. Но отецъ ты убіетъ.

Велможа. Отецъ мя измлада

Воспита во сластехъ, не погубить мя, чада
Своего.

Совѣсть. Мати згубить тя.

Вельможа. Всякая мати

За своимъ ищадіемъ готова подъяти
Язви. И како схоцетъ дщерь свою згубити,
За ню же готова есть душу положити?

Совѣсть. Но желаннаго отнюдь не познаешь.

Вельможа. Чему не познаю?

Совѣсть. Жестокъ есть.

Вельможа. Жестокому сему

Любовь преодолѣть!

Совѣсть. Избѣжить.

Вельможа. Но аще

И за море побѣгнетъ, азъ ему, гоняще,
Одолѣю!...

Появившаяся «Прелестъ» хвалить вельможу «за то, что она не послушалась своей совѣсти и идетъ улавливать Юсифа».

Сцена мѣняется. «Слонце ясне лучи свои простираетъ». «Дѣлатели», идущіе въ дальнее поле, ожидаютъ приказаній Юсифа. Онъ сходитъ къ нимъ съ высокаго крыльца. «Красятся вертограды зъ вѣтвями», на поляхъ стоитъ еще не убранная въ стоги пшеница. Идите и работайте! Господинъ дастъ всякому мзду достойну». Эта часть людей пойдетъ къ стадамъ. Оставьте на лугахъ тощій скоть, пусть поправляется, и пригоните сюда лучшей. Торговые корабли и рыбацьи лодки пусть ѣдутъ по своему дѣлу!» Люди идутъ, а онъ молится Богу своихъ праотцевъ, прося направить его и сохранить честнымъ и полезнымъ въ чужой землѣ, среди чужихъ людей и вѣры. Во время молитвъ предъ нимъ предстаетъ «Прелестъ» и лестью и обѣщаніями желаетъ преклонить его къ себѣ. Но онъ прогоняетъ ее, скорбя о своемъ одиночествѣ, объ отсутствіи души, которая могла-бы поддержать его на правомъ пути.

Кто ми днесъ подасть крилѣ, яко голубинѣ,

Да бихъ излетѣлъ скоро отъ снѣди звѣрянѣ?!

«Прелестъ» летить объявить «Вельможѣ» о непреклонности Юсифа. Хоръ «малыхъ младенцевъ» вослѣвуетъ Юсифово мужество и непоколебимость, сравнивая искушеніе Юсифа съ искушеніемъ Христа въ пустынѣ.

Въ красивыхъ сочетаніяхъ голосовъ заключается хоръ:

Красень есть кринь удолній и слонце есть красно:
 Той бо красить вся поля, а то свѣтитъ ясно.
 Но душа Иосифа, въ чистотѣ едина,
 Яснѣйша отъ слонца, краснѣйша отъ крина!....

Медленно падаетъ занавѣсъ, отодвинутая на этотъ разъ на столько, что между нею и рампою остается пространство въ нѣсколько саженой. Кой-кто изъ «поважныхъ особъ» покидаетъ свои мѣста и идетъ «розминаться», а молодая публика, утомленная торжественной серьезностью драмы, остается смотрѣть веселую интермедію, которая и разыгрывается передъ опущенной занавѣсью на авансценѣ.

III.

Изъ боковой кулисы стремительно выкатывается на сцену возъ, на которомъ стоитъ огромная деревянная клѣтка. Въ клѣткѣ сидитъ мужикъ, а возлѣ воза кружатся, какъ изъ земли выросшіе, панъ и жидъ. Кучка народу въ разнообразныхъ костюмахъ изображаетъ базарную толпу. Жидъ носить за плечами коробку съ продажнымъ хламомъ, состоящимъ изъ онучекъ, одной черной и другой зеленой, изъ лоскутковъ кожи, мѣховъ, да отрѣзковъ разноцвѣтныхъ суконъ; у жида люлька, чубукъ, кисеть съ табакомъ, въ рукахъ посохъ. Панъ въ кунтушѣ, съ длинными усищами, массивный и сытый, хорошо олицетворяемый дюжимъ академистомъ. Между жидомъ и паномъ идетъ торгъ: панъ продаетъ жиду мужика и кончаетъ сдѣлку на сто золотыхъ. Жидъ боится, чтобъ мужикъ не разломалъ клѣтки и не убилъ его ночью. Онъ проситъ пана связать мужика. Но вотъ слышенъ топотъ. Съ пѣсню вылетаетъ на сцену запорожець. Сіяющій яркими красками одѣждъ, шумливый и бравый, онъ однимъ взмахомъ соломенной булавы, которую держитъ въ рукахъ, разбиваетъ клѣтку и освобождаетъ мужика, а пана и жида бьетъ булавою и запрягаетъ вмѣстѣ въ ярмо.

Появленіе запорожца встрѣчается дружнымъ восторгомъ публики, а освобожденіе мужика—цѣлой бурей радостныхъ криковъ.

Короткій антрактъ и драма продолжается. На сцену выходятъ «Тайновидецъ» и рассказываетъ о покушеніи жены Пентефрія на Иосифа. Въ этомъ рассказѣ рѣзко выступаетъ авторъ монахъ:

. нѣсть въ мѣрѣ лести
 Большой паче женская. Не можетъ изнести
 Горшаго лукавства весь мѣръ, яко тое!

Студенческая публика лукаво улыбається, а полковникъ изъ перваго рода ехидно подмигиваетъ знакомой горожанкѣ.

Отверженная жена Пентефрія мучится оскорбленіемъ и злобой. «Плѣбникъ, вѣчный рабъ, цѣною купленный,» погордился ею. «Презрѣль ми рабъ лстивій, смѣется зъ любви моей! О лютѣ мнѣ бѣдной, посмѣянной!» Одна отрада ея въ мести, неумолимой, жестокой:

Судъ приметъ безъ милости, азъ ему устрою!
 Изобью ему тѣло, не будетъ въ немъ силы,
 Кости ему изочту, расторгну вся жили.

Предшествуемый «Вѣстникомъ», явился Пентефрій и, видя слезы жены, спрашиваетъ о причинѣ. Въ горячемъ монологѣ она изливаетъ ему злобу на «отрока онаго еврейскаго»: поругался надо мной, «ему же въ длани вручилъ еси весь домъ нашъ». Съ женскимъ лукавствомъ она ласкается къ мужу и проситъ быть заступникомъ оскорбленной ея чести.

О свѣте мой солнечный, свѣте круга мирна!
 Тебе азъ поставляю свидѣтеля вирна.

Монологъ Пентефрія передъ связаннымъ и скованнымъ Іосифомъ дышетъ гнѣвомъ. Въ немъ искусно намѣчено развитіе этого чувства. Пентефрія мучитъ болѣе всего то, что его обманулъ человекъ, котораго онъ любилъ и которому благодѣтельствовалъ. Хоръ добродѣтелей рыдаетъ надъ Іосифомъ, уводимымъ въ темницу. Строфы хора продолжаютъ параллель и сравниваютъ темницу Іосифа съ сошествіемъ во адъ Христа.

Обычныя дѣленія старой драмы: «эпитазісъ» и «катастазісъ», соотвѣтствующія актамъ, чередуясь одно за другимъ, движутъ пьесу къ заключительной «катастрофѣ». Сцена изображаетъ дворъ Фараона, мучимаго злыми предзнаменованіями и сисящагося разъяснить, съ помощью мудрецовъ и звѣздочетовъ, свои загадочные сны. Лстивые сенаторы, раболѣпные придворные, по обыкновенію, увѣряютъ, что такому могучему владыкѣ заботиться не о чемъ и что «все обстоитъ благополучно». «Мудрецы» плетутъ какую-то кани-

тель. Царь прогоняетъ ихъ. А Иосифъ, скованный, сидитъ въ темницѣ и темная «Вражда», не довольствуясь его бѣдами, распалаетъ гнѣвъ Пентефрія, чтобъ добиться смерти юноши. Гонецъ отъ Фараона останавливаетъ исполненіе казни, въ то время, какъ Иосифа уже вывели изъ темницы.

Хоръ, заключающій этотъ актъ, сопровождается танцами. «Младенцы аравидстїи, скачуще, въ своемъ ликованіи являютъ, яко скорби и печали не только убогихъ и богатыхъ, но и царей превисокихъ, во дни и въ нощи, во снѣ и на явѣ, многовидно смущаютъ и мучатъ».

«По танцу—интермедія.»

На этотъ разъ игралась шутка одного изъ академистовъ. Самъ профессоръ предоставилъ составить ингермедію ученикамъ. Авторомъ первой былъ Довгалевакскій, вторую соорудилъ веселый Танскій, оба юные автора были и исполнителями въ своихъ сценкахъ.

IV.

Опять на сценѣ козакъ. Онъ выходитъ гулять по свѣту и встрѣчаетъ красивую дивчину.

— Добры-день, сердце! говоритъ онъ ей.

Дѣвка задумалась и говоритъ матери:

— Козакъ сказавъ «сердце!» Певно-жъ хоче сватать, а у мене ни що не готово!

Козакъ услышалъ и говоритъ:

— Гарна дивчина, та только яка жъ дурна!—Ну, пусть же будетъ такъ: пойду блукать по свѣту; если найду кого глупѣе, то вернусь сватать эту дѣвку, а какъ не найду, то не вернуся.

Первая встрѣча: дѣвка за веревку тащитъ корову. «Корова» (курьезно обшитый мѣхомъ академистъ) упирается и не хочетъ идти.

— Куда ты ее тащишь?

— Та що-жъ, отвѣчаетъ та, батько вмеръ, та казавъ корову дати на церкву, то я и хочу теперь ии туда выгнуги.

— А бодай тебе!... Ты возьми продай корову, а гроши до церквѣ и отдай.

— Отъ спасыби тобі! Оставайся жъ зо мною, будешъ по всякъ часъ радити мене.

Задумался козакъ—можно ли быть глупѣе? Потомъ вставъ, говоритъ: нѣтъ, надо идти еще дальше.

Идегъ... Вдовѣ «майстры» сдѣлали зимою въ хатѣ возъ. Прошла весна, вдова выбивается изъ силъ, никакъ не вытащить воза изъ хаты на дворъ.

Козакъ беретъ, разбираетъ возъ, выносить изъ хаты и складываетъ опять на дворъ.

— Голубчику, козаче, останься, научай мене, що и якъ чинити! Нѣтъ, думаетъ себѣ козакъ, пойду еще дальше.

Пошелъ.... Женщина вынесла на дворъ курицу и такъ ее за что-то бьетъ.

— Що ты робишь?

— А отъ бачишь, курка не дае ц...и курчатамъ, то я и за те бью.

— Яка-жъ ты дурна! Возьми пшона та дай имъ, то вони самы будутъ ѣсти!

Изумленный размѣромъ и обиліемъ женской глупоты, козакъ, при гомерическомъ хохотѣ публики, рѣшаетъ весь вѣкъ свой остаться бурлакомъ.

Живая правда обыденныхъ сценъ смѣняется заключительнымъ актомъ траги-комедіи.

До Фараона дошелъ слухъ о мудрости Іосифа. Напрасно окружающіе сановники стараются отклонить его отъ страннаго юноши, который «не учився нигдѣ, смиренный, простой, бездѣльный, нищій.» Они повторяютъ излюбленный аргументъ высшихъ сословій всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ:

. . . . нѣсть бо тое прилично,

Дабы рабскій постигаль разумъ, что обично

Постизають мудрецы . . .

Но сынъ козака изъ Стаекъ, авторъ пьесы, устами Фараона глумится надъ ихъ хитрыми умничаніями и обличаетъ ихъ затаенный, лукавый эгоизмъ. «Убогій и бѣдный» можетъ обладать великими духовными дарами, носить въ себѣ «божественную благодать», о какой и не снилось богатымъ и сильнымъ. Слава и богатство, поддерживаютъ царя одинъ изъ сенаторовъ, только мѣшаютъ мудрости. Онѣ опутываютъ чловѣка сѣтями условныхъ понятій, развиваютъ эгоизмъ, заслоняютъ отъ него лице правды. Истинную, нелицепріятную правду и премудрость «обычно имѣютъ убози».. Золотыя слова эти едва ли могли быть сказаны въ Египтѣ, но

въ обществѣ, не знавшемъ сословныхъ различій и чуждомъ духа касты, они могли быть встрѣчены только сочувствіемъ.

Чудесное истолкованіе сна ведетъ Іосифа на вершину славы. Громкія пѣсни прославляютъ его мудрость, его возводятъ на высокій правительскій тронъ, среди сцены запруженной народомъ, поющимъ въ честь его звучный, торжественный гимнъ.

Публика, утомленная длиннымъ спектаклемъ и жарой, начинаетъ расходиться. Майская ночь тепла и дышетъ запахомъ цвѣтовъ. Днѣпръ серебрится лентой подъ блѣднымъ лучемъ мѣсяца. На улицахъ Подола и на окрестныхъ горахъ погасли вечерніе огни. Несутся откуда-то пѣсни. «Іосифъ» провожаетъ свою красавицу на Глыбочицу и въ первый разъ шепчетъ ей о томъ, какъ ее любить.

Ясно и безоблачно было утро слѣдующаго дня; многіе изъ академистовъ разъѣзжались по домамъ. Академическій дворъ, залитый лучами солнца, представлялъ оживленную картину. Товарищи, передъ отъѣздомъ, прощались другъ съ другомъ, прощались съ учителями. Кончившіе ученіе покидали академію навсегда. По городамъ и мѣстечкамъ лѣваго и праваго берега, по отдаленнымъ степнымъ хуторамъ, растекались питомцы «Аполлоновыхъ житницъ», какъ звали академію ея главари. Для многихъ изъ нихъ кончились годы беззаботной юности и начиналась самостоятельная жизнь.

У префекта толковали о вчерашнемъ вечерѣ, хвалили пьесу, хвалили актеровъ. Лѣвобережный полковникъ, пріѣхавшій за сыномъ, отдавалъ должное академической наукѣ въ хорѣ этихъ похвалъ, но втайнѣ, въ практической своей головѣ, держалъ не ясно формулированную еще мысль объ удаленности этой науки, которой обучался и сынъ его, отъ жизни, отъ всего ея строя, отъ ея нуждъ. Въ кружкѣ духовныхъ говорили о новыхъ требованіяхъ Петра, о неудовольствіи, какому подвергся съ нѣкоторыхъ поръ всѣми любимый Кроковскій. Горка обмѣнивался съ Прокоповичемъ замѣчаніями о непрочности великихъ почестей, вспоминая любимца своего Горація, съ его теоріею простой и независимой жизни. Онъ цитировалъ строчку одной изъ его одъ въ своемъ переводѣ, гдѣ говорилось, какъ удары судьбы направляются на то, что осмѣливается на свѣтѣ выдаваться:

Частѣе кедри зиблетъ вѣтръ суровый,
Тяжчае падуть возвишенни крovy,

Обично біють на холми високи
Громы жестоки! ¹⁾

Прокоповичъ слушалъ съ улыбкой, но въ глазахъ его, сіявшихъ умомъ, можно было прочесть, какъ мало раздѣляетъ онъ въ этомъ случаѣ мнѣніе своего товарища.

Двое изъ вчерашнихъ актеровъ подѣзжали на добрыхъ коняхъ къ днѣпровской переправѣ. «Іосифъ» убѣждалъ изъ Кіева, товарищъ его, сынъ полковника, провожалъ его. Лицо «Іосифа» дышало спокойнымъ счастьемъ. Онъ рассказывалъ пріятелю, какъ объяснялся съ родными своей невѣсты, какъ получилъ ея согласіе и какъ осенью будетъ слать къ ней сватовъ. Онъ увезетъ ее изъ Кіева въ свой дальній, миргородскій, осѣненный вербами хуторъ. Тамъ укроется онъ и отъ науки, и отъ военной грозы. «Жена Пен-тефрія» пожалъ плечами и объявилъ, что переговоривъ съ отцомъ онъ тоже бросаетъ Кіевъ и уѣзжаетъ на Запорожье.

В. Г

¹⁾ Horatii Carminum, Liber II, carm. X.
Saepius ventis agitatur ingens
Pinus, et celsae graviore casu
Decidunt turres, feruntque summos
Fulgura montes.

НА ШПАКОВОМЪ ШЛЯХУ.

Разсказъ изъ быта Подоли начала XVIII вѣка¹⁾.

(Переводъ съ польскаго)

Талантливый и трудолюбивый польскій историкъ-беллетристъ, д-ръ Антоній I., и настоящимъ своимъ разсказомъ, какъ и раньше помѣщеннымъ нами его разсказомъ о Кармелюкѣ (см. «Кіев. Стар.» 1886 г., мартъ, стр. 495—560) дѣлаетъ, по его собственному выраженію, „неблагодарную“ попытку низвести еще одного изъ народныхъ нашихъ героевъ, козацкаго предводителя начала XVIII в. Шпака, въ рядъ простыхъ разбойниковъ, обыкновенныхъ бунтовщиковъ. Попытка, по самой природѣ вещей, оказалась безплодною; но отъ нея остается не мало новыхъ данныхъ о малоизвѣстномъ въ нашей исторіи времени и лицѣ,—данныхъ, искусною рукою добытыхъ и талантливо сгруппированныхъ. Герой разсказа, Ѳедоръ Шпакъ, былъ однимъ изъ второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ предводителей народнаго возстанія въ Подоли того времени, когда разоренная въ конецъ и не разъ договорами сосѣдей обрекаемая на вѣчное заустѣніе правобережная Украина энергіею Палия, по инициативѣ короля Яна Собѣскаго, преслѣдовавшаго впрочемъ другія цѣли, еще разъ воскресила убиваемое систематически козачество и, освободившись отъ ига турецкаго, свергала вновь налагаемое на нее ярмо польское. Простой осадчій въ колонизуемой вновь, послѣ ухода турокъ, Подоли, по фамиліи Билоцкій или Билецкій, по прозванію Шпакъ, стихійною силою втягивается въ народное возстаніе, формируетъ отряды, достигаетъ званія полковника, мститъ, грабитъ, разоряетъ, устраиваетъ,

¹⁾ Opowidania d-ra Antonia I, serya czwarta, I. Warszawa. 1884.

быть можетъ, при этомъ свои дѣлишки, ловко избѣгаетъ преслѣдованій, платится, быть можетъ, головой и оставляетъ имя свое въ народныхъ пѣсняхъ и въ названіи дороги, по которой ходилъ. Такой или иной, но онъ участникъ той борьбы за идею свободы, которая свѣтлой зарей проходитъ чрезъ всю исторію южно-русскаго народа и составляетъ его высшее отличительное качество. Этой именно стороною своей жизни и дѣятельности вошелъ и Шпакъ въ народную память и исторію, и не вычеркнуть его отсюда никакимъ строгимъ изслѣдователямъ и не измѣнить того облика, съ какимъ онъ занялъ здѣсь свое скромное мѣсто. Для этого надо было бы самую идею, которой онъ былъ естественнымъ носителемъ, исключать изъ цикла идей украшающихъ человѣчество. И Хмельницкаго объявляли хлопомъ бунтовщикомъ, и весь народъ южно-русскій необузданнымъ, дикимъ быдломъ, и Запорожье гнѣздомъ дикаго и грубаго разгула, хотя они были и останутся единственнымъ свѣточемъ свободы среди окружавшей тьмы рабства и невыразимо дикаго деспотизма. Авторъ въ героѣ своего разсказа Шпакѣ отыскиваетъ темныя пятна... Что намъ до того? Ихъ такъ много въ жизни „великихъ“ древняго и новаго міра и несравненно больше въ жизни тѣхъ колонизаторовъ и культуръ-трегеровъ, которые, въ числѣ другихъ составшихъ, ловили и Шпака, вырѣзывали непокорное населеніе цѣлыхъ городовъ, мѣстечекъ и сель и попадали въ комическое по истинѣ положеніе, не зная, чѣмъ и какъ воздѣлывать свои нивы, откуда извлекать доходы. Богатые, властные, гордившіеся образованностію, гуманностію, они не знали, какъ организовать колонизируемый вновь богатый край къ взаимной выгодѣ своей и призываемыхъ ими на «слободы»; неудивительно, что предводители простаго народа, не даваясь панамъ въ ярмо, подобно имъ, жили, грабили, вѣшали, убивали. И Шпакъ дѣлалъ тоже, что воевода Потоцкій и инквизиторъ Сенявскій, но онъ служилъ иной идеѣ и оставилъ имя въ памяти народной.

Да, неблагоприятную задачу поставилъ себѣ почтенный авторъ; но онъ даетъ намъ данныя, пригодныя для нашей мало разработанной исторіи, способныя, можетъ быть, и въ правду, предостеречь кого либо отъ увлеченія, и мы съ признательностію пользуемся его трудомъ и поимѣаемъ его интересный по многому другому разсказъ. — *Ред.*

I.

Путешественникъ, ѣдущій по желѣзной дорогѣ съ сѣвера на югъ Подоли, не догадывается о томъ, что онъ ѣдетъ по дорогѣ, съ давнихъ временъ проложенной и обильно политою кровью на-

шихъ предковъ: здѣсь пролегалъ одинъ изъ татарскихъ «шляховъ» или путей, такъ называемый Кучманскій, главное направленіе котораго было къ Бару. Начинаясь онъ у Куяльницкихъ яровъ, раскинутыхъ по берегу Чернаго моря, и въ прибрежныхъ степяхъ распадался на тысячи дорожекъ; потомъ въ окрестностяхъ нынѣшней Балты, у рѣчекъ Кодымы и Кучманя, эти дорожки соединялись въ одинъ шляхъ, который тянулся дальше вдоль плоскогорья, служащаго водораздѣломъ подольскихъ водъ,—съ одной стороны притоковъ Днѣстра, съ другой—притоковъ Буга. Инженеры татарскіе, если только татары имѣли инженеровъ, назадъ тому еще четыре вѣка признали за самое лучшее вторгаться въ непріятельскія земли этой именно дорогой; и желѣзнодорожные инженеры выбрали эту мѣстность, какъ самую удобную для проложенія пути локомотивамъ. Здѣсь точная наука участвовала въ изысканіяхъ направленія пути, тамъ опытъ, а можетъ быть только инстинктъ, нашелъ эту дорогу, но во всякомъ случаѣ нужно удивляться практичности татаръ: путь шелъ по гористымъ возвышенностямъ, и хищники, разъ ставши на нихъ, имѣли кругомъ горизонтъ открытымъ, легко могли замѣтить не только непріятеля, но всѣ заселенія, обновившіяся послѣ послѣдняго ихъ посѣщенія; вода имъ также не дѣлала препятствій, хотя ея было изобильно внизу дороги, съ одной и съ другой стороны; въ сосѣдствѣ же водъ были плодоносные луга, а слѣдовательно и обильный кормъ лошадямъ. Эту-то дорогу татаръ или, точнѣе, дорогу, идущую почти параллельно съ утоптанной хищниками, народъ въ началѣ прошлаго столѣтія называлъ «Шпаковымъ шляхомъ» и это названіе удержалъ до сихъ поръ. Почему,—этого теперешній крестьянинъ не можетъ себѣ объяснить; достаточно ему и того, что объ этомъ онъ съ дѣтства слыхалъ отъ отца, отецъ отъ дѣда и т. д. Съ теченіемъ времени съ этимъ названіемъ соединилось нѣсколько легендъ, туманныхъ, теряющихся съ каждымъ часомъ: быть можетъ, какой нибудь народный рапсоудъ пѣлъ думу о богатырѣ Шпаковаго шляха... Гдѣ собственно этотъ шляхъ начинается, гдѣ онъ пропадаетъ, объ этомъ не можетъ вамъ сказать самый лучшій знатокъ. Одни, какъ Руликовскій, утверждаютъ, что онъ бралъ начало возлѣ Липовца, шелъ черезъ Красное и Брацавъ къ Балтѣ и къ Ольвіополю, наконецъ у переправы черезъ Днѣпръ возлѣ Никитина Рога совсѣмъ пропадалъ.

Другіе говорятъ, что дальше Брацлавщины онъ не простирался: начинался въ окрестностяхъ Немирова, а возлѣ Балги незамѣтно пропадалъ. Отличалась ли эта дорога какими нибудь особенными знаками, бѣльшимъ или меньшимъ удобствомъ, большей или меньшей безопасностью и была ли она кратчайшимъ путемъ между двумя данными пунктами, этого мы не сумѣемъ сказать; однако каждый селянинъ зналъ, куда направлялся Шпаковъ шляхъ и на вопросъ, какъ найудобнѣе и наилучше добраться изъ окрестностей Немирова къ херсонскимъ степямъ, отвѣчала, что нужно ѣхать такъ и такъ, а тамъ когда выѣдешь на Шпаковъ шляхъ, такъ онъ ужь вѣрно приведетъ тебя въ тѣ безлюдные края.

Кто же былъ тотъ Шпакъ, названіе котораго народъ удержалъ въ памяти до настоящей поры? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, расскажем о событіяхъ, совершавшихся въ началѣ прошлаго столѣтія въ двухъ пограничныхъ провинціяхъ—Подоліи и Брацлавщинѣ. Это не будетъ исторія, выписанная изъ печатныхъ книжекъ, но составленная изъ мелкихъ, летучихъ замѣтокъ, рассыпанныхъ по современнымъ актамъ. Въ сочиненіяхъ, посвященныхъ нашему прошлому, говорится вообще, что въ началѣ XVIII столѣтія по Карловицкому трактату пограничныя земли возвращены были Рѣчи Посполитой, что прибывшіе сюда прежніе землевладѣльцы застали здѣсь пустыню и что вмѣстѣ съ заселеніемъ края начались здѣсь казацкія смуты, которыя послужили не малымъ препятствіемъ къ экономическому развитію плодотворной страны. Книжка говоритъ правду, но очень кратко; впрочемъ иначе и быть не можетъ: еслибы пришлось рассказывать день за день всѣ судьбы провинцій, входившихъ въ составъ давней Польши, то нужно было бы написать тысячи огромныхъ фолиантовъ. Желаніе наше ограничивается скромной рамкой: взявъ основаніемъ выше сказанное, дополнимъ его нѣсколькими чертами и обрисуемъ данную эпоху. Повторяемъ, что мы черпали матеріалъ не изъ фантазіроманиста, а изъ мѣстныхъ памятниковъ. Стряхнувши пыль съ старыхъ бумагъ и освободивши рассказы отъ обильной, закорузлой латыни, мы даемъ въ болѣе исправленномъ изданіи то, что занесъ на бумагу гродскій или земскій писарь,

либо магистратскій канцеляристъ. Вотъ наша заслуга, на которую мы заявляемъ немного правъ. Послѣ этого «исповѣданія вѣры» приступаемъ къ дѣлу.

Второе присоединеніе Подолія и Брацлавщины къ Польшѣ случилось въ слишкомъ смутную эпоху. Августъ II, желая крѣпче утвердиться на престолѣ и удержать въ краѣ свои саксонскія войска, всѣ силы обратилъ на Лифляндію, слѣдствіемъ чего было то, что въ Польшу стягивались рати голодныхъ шведовъ. Съ другой стороны раздоры Сапѣговъ на Литвѣ заняли вниманіе всего военнаго люда.

Эвакуація Каменца совершилась безъ особеннаго торжества. Назадъ тому двадцать слишкомъ лѣтъ утрата его оплакана была по всей Польшѣ, и повѣстники трогали до слезъ набожную толпу яркимъ описаніемъ господства невѣрныхъ въ только-что захваченной крѣпости, теперь же освобожденіе этой крѣпости отъ тяжелаго гнета почти не вызвало радости: нѣсколько комиссаровъ, нѣсколько сенаторовъ и духовныхъ, горсть войска, два-три представителя шляхты—вотъ и всѣ прибывшіе въ Каменецъ къ этому времени.

Турки печально двинулись къ Босфору, оставивши, какъ слѣдъ по себѣ, «липковъ»-грабителей, поселившихся по сосѣдству съ Каменцемъ за Днѣстромъ. Но это сосѣдство было не такъ опасно; гораздо грознѣе были полчища Палѣя, расположенныя по Днѣпру. Палѣю еще раньше приказано было уничтожить полки, распустить дружины; но онъ этого не исполнилъ, что вполне естественно: онъ могъ уступить только силѣ, а когда этой силы не видѣлъ, то смѣялся надъ универсалами гетмановъ. Дѣятельность его не ограничивалась однимъ мѣстомъ, а все болѣе и болѣе расширялась; къ его организаціи присоединялись цѣлыя земли, только-что присоединенныя къ Рѣчи Посполитой. Новые шляхетные пришельцы Подолія думали, что, избавившись отъ мусульманъ, они вполне безопасны; между тѣмъ нашлись новые претенденты на эту землю и на этотъ народъ, охотно поддающійся имъ, такъ какъ они обѣщали ему больше свободы и были одной съ нимъ вѣры, если не одного происхожденія.

Двѣ враждебныя стороны смотрѣли другъ на друга и вымѣряли свои силы. Разсчетъ оказался не очень благопріятнымъ для только-что

прибывшихъ изъ глубины Польши: на дѣломъ прѣстранствѣ двухъ воеводствъ было въ ихъ рукахъ нѣсколько малыхъ крѣпостей, очень слабо укрѣпленныхъ. Каменецъ, считавшій сясамымъ сильнымъ городомъ, на самомъ-же дѣлѣ бѣдный, слабый, разрушенный, съ развалившимися зданіями, могъ дать подь оружіе едва 500—600 людей во главѣ коменданта Кошкеля. Немировъ, ключъ по-бугской позиціи, какъ называли его тогдашніе стратеги, считалъ у себя нѣсколько не вполне устроенныхъ хоругвей; столько-же было въ Меджибожѣ, на содержаніи Сенявскаго, и въ Барѣ, принадлежавшемъ Любомирскому. Винницу защищали нѣсколько десятковъ драгунъ, которыхъ держалъ у себя мѣстный староста. Были еще крѣпостцы—Бѣлая Церковь, охраняемая особымъ комендантомъ, содержавшимся на жалованьи Рѣчи-Посполитой, и Бердичевъ подь опекой владѣльца,—обѣ въ кievскомъ воеводствѣ. Вотъ и все. Иного войска нигдѣ не было. Оставалось посполитое рушеніе, но на него было мало надежды: позже въ 1702 г., не смотря на приказы и угрозы, собралось въ Подоліи еле-еле 400 душъ, хотя всѣ жители стали подь оружіе, по крайней мѣрѣ, всѣ до единаго записались въ каменецкихъ градскихъ книгахъ. Въ окрестностяхъ Винницы было хуже: здѣсь нельзя было насчитать и сотни гербовныхъ поселенцевъ; они вмѣсто того, чтобы объявить Палѣю войну, сочли за лучшее послать къ нему Фащевскаго съ просьбой, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ притѣсненія не козаковъ, а обыкновенныхъ разбойниковъ, пользующихся слабостью охраны города. Эти разбойники безнаказанно проживали въ сосѣдствѣ города и занимались разбоемъ по дорогахъ.—Удивительно и тѣмъ не менѣе вѣрно, что насколько Винница славилась своимъ миролюбіемъ и даже насквозь проникнута была польскимъ духомъ, на столько сосѣдній съ ней Немировъ былъ охотникъ до бунтовъ и съ удовольствіемъ принималъ у себя гайдамакъ и «левенцевъ». Идѣйствительно, онъ представлялъ изъ себя истинное гнѣздо бунтовщиковъ. Исторія этого мѣстечка во второй половинѣ XVII вѣка и въ первой четверти XVIII в. полна буйствъ и крови. Немировъ былъ столицей княжества Сарматскаго и резиденціей Юрія Хмельницкаго, господствовавшаго въ этомъ княжествѣ. Въ Немировѣ «господароваль» и Дука, съ которымъ пришло въ Немировъ много молдаванъ, любившихъ также разбой. Разогналъ ихъ Собѣскій, далъ имъ предводителей отъ себя и, когда началъ организовать польское козачество въ кі-

евскомъ Полѣсьѣ, не забылъ и о Немировѣ: оставилъ здѣсь «наказнаго атамана», или иначе сказать, атамана *in partibus*: этотъ атаманъ во время мира сидѣлъ, сложа руки, а въ случаѣ войны къ нему стягивались полки польской вольницы и шли съ нимъ помогать войску Рѣчи-Посполитой въ частыхъ походахъ Яна III въ Валахію. Вообще, Немировъ имѣлъ большое значеніе; это «ключъ Побужья», говорилъ о немъ король; «ключъ Побужья», повторялъ великій гетманъ коронный, а за королемъ и гетманомъ повторяли всѣ. И козаки въ концѣ концовъ сознали это: должна же быть здѣсь сила, думали они, если ляхи такъ о немъ заботятся. И вотъ, когда начались волненія, поднятыя Палѣемъ, полковникъ Абазынъ со своимъ отрядомъ засѣлъ въ Брацлавѣ и только высматривалъ, какъ-бы захватить Немировъ. Кажется, въ этой мѣстности Абазынъ былъ единственнымъ ватажкомъ, съ которымъ полякамъ нужно было тягаться; это былъ молдованинъ, служившій у Дука, смѣльчакъ, разбойникъ, какихъ мало, не признающій никакой власти, кромѣ Палѣевой, и то, когда она грозила ему висѣлицей.

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ 1702 года въ мѣстности, которая будетъ служить мѣстомъ дѣйствія дальнѣйшаго нашего разсказа.

II.

Но если государственныя чины Рѣчи-Посполитой старались удержать Немировъ на степени оборонительнаго пункта, если Абазынъ измышлялъ средства захватить его, то было еще третье лицо, радѣющее также о мѣстечкѣ и о прилегающихъ къ нему земляхъ. Этотъ третій былъ Іосифъ Потоцкій, владѣлецъ Станиславова, Бродъ, княжества Збаражскаго и Юзефова, недавно вошедшій въ составъ сената, какъ воевода кievскій. Онъ, занявши эту мѣстность, оставленную недавно турками, сталъ запрашивать народъ въ свои пограничныя владѣнія на «слободы», выгодныя для новыхъ колонистовъ.

Въ числѣ первыхъ пришельцевъ былъ Федоръ Билоцкій; онъ занялъ большой кусокъ земли подъ мѣстечкомъ, на краю лѣса, гдѣ были развалины «дѣвчяго скита», т. е. женскаго монастыря. Мѣстность прекраеная, но не привлекало къ себѣ охотниковъ селиться: и поля было здѣсь много, и вода въ близости, и

свобода пользованія лѣсомъ на постройки и ежедневныя потребности, но именно этотъ лѣсъ, густо заросшій, много лѣтъ не тронутый, имѣлъ недобрую славу, онъ былъ пристанищемъ гультаевъ, которые здѣсь, въ развалинахъ скита, по цѣлымъ недѣлямъ гуляли, придумывая новые разбойничьи походы.

Билоцкій «осадчій»,—такъ называли колонистовъ, основывавшихъ слободы,—скоро и хорошо захозяйничалъ на выбранномъ урочищѣ. Хата его напоминала собою домикъ шляхтича, былъ даже «ганокъ» (крыльцо), поставленный на тонкихъ колонкахъ; въ окнахъ стеклянные шибы; внутри, рядомъ съ кухней съ приземистой печью, была «изба гостинная», за ней «комора», а дальше «изба шатная»; въ углу каждой комнаты висѣли иконы въ позолоченныхъ рамахъ, закрытыя занавѣсками; на стѣнахъ было развѣшено разнаго рода оружіе. Подъ навѣсомъ висѣла сбруя, украшенная серебрянными пуговками.

Хозяйство было видное значительное; нѣсколько «наймитовъ» трудилось на полѣ осадчаго, но самъ хозяинъ больше любилъ военныя, чѣмъ тихія сельскія занятія. Откуда онъ прибылъ, никто его объ этомъ не спрашивалъ, а если-бы и спросилъ, то, конечно, немного бы отъ него выведалъ. Хорошъ-бы былъ управитель имѣніями, если-бы требовалъ отъ своихъ колонистовъ свидѣтельствъ объ ихъ происхожденіи: при малѣйшей такой попыткѣ съ его стороны, всѣ бы ушли съ его земель. Билоцкій, очевидно, человѣкъ бывалый, козакъ или челядинецъ какого нибудь богатаго пана; онъ умѣлъ жить съ простымъ народомъ, часто помогалъ ему деньгами и добрымъ совѣтомъ и скоро пріобрѣлъ уваженіе среди распущеннаго крестьянства.

Мѣстное управленіе, поставленное отъ дѣдича, наблюдало за Билоцкимъ, подозрѣвало его въ дурныхъ намѣреніяхъ, но молчало, молчало и потому, что къ Билоцкому часто пріѣзжали полковникъ Абазынь, засѣвшій въ сосѣднемъ Брацлавѣ, часто навѣдывались къ нему какіе-то подозрительные люди, а иногда являлись волохи, и всегда ночью пріѣзжали, и ночью уѣзжали. Вообще движеніе въ усадьбѣ подъ лѣсомъ было большое; дорога къ одинокому хутору была утерта, какъ будто къ какому-нибудь двору помѣщика; трава на сосѣднихъ лугахъ была вытоптана конскими копытами. Драгуны, высылаемые изъ Немирова въ ту сторону для развѣдокъ, встрѣчали иногда даже татарь.

Обо всемъ этомъ было донесено комиссару Краевскому, но тотъ не обратилъ на это вниманія, потому что зналъ, что для успѣха колонизаціи нужно было предоставить больше свободы колонистамъ и не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Эта колонизація и ея надлежащее веденіе такъ вскружила головы землевладѣльцамъ, что дальше ея они уже ничего не видѣли и думали, что колонистъ, будь онъ раньше бродяга и разбойникъ, если только поселится на «слободѣ», то привяжется къ сельской работѣ и сдѣлается хорошимъ хозяиномъ. Правда, подчасъ не обходилось безъ висѣлицы, но къ ней прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, при явныхъ и не опровержимыхъ доказательствахъ совершенія злодѣянія.

Такъ стояли дѣла, когда Самусь, сподвижникъ Палѣя, неожиданно напалъ на Немировъ. А раньше этого уже было извѣстно, что онъ взялъ Бердичевъ и ограбилъ тамъ Потоцкаго, старосту хмельницкаго, взявши у него около милліона золотыхъ движимостію и наличными. Въ нѣсколько часовъ Самусь порѣшилъ съ Немировомъ, окруженнымъ земляными валами и частоколомъ и защищаемымъ нѣсколькими десятками драгунъ, такъ какъ надворная милиція, состоявшая изъ тамошнихъ жителей, сразу перешла на сторону окружающихъ городъ. Занявши городъ, онъ сейчасъ-же уничтожилъ польскую организацію, недавно здѣсь привитую. Помогалъ ему при взятіи города Абазынъ, а вмѣстѣ съ Абазыномъ явился новый, до толѣ неизвѣстный предводитель, во главѣ дружины въ триста душъ, составленной изъ мѣстныхъ селянъ; называлъ онъ себя, по козацкому обычаю того времени, Шпакомъ, а въ дѣйствительности это былъ Федоръ Билоцкій, осадчій изъ хутора, построеннаго подъ Немировскимъ лѣсомъ. Во время грабежа онъ велъ себя странно. Больница Самушъ и Абазына убивала жолнеровъ, потѣшалась надъ панами и ксендзами; одному, на примѣръ, изъ іезуитовъ ксендзѣ Цапкевичу, содрали кожу съ бороды, потомъ разсѣкли его на части и тащили куски тѣла по улицамъ; губернаторъ (управитель имѣніемъ), намѣстникъ хоругви пали подъ обухами бродягъ. Побѣдители жгли всѣ бумаги, чтобы уничтожить всякіе слѣды прежнихъ условій и обязательствъ, грабили имущества, а въ концѣ концовъ разрушали дома, предавая ихъ огню, и при заревѣ пожара пьяная толпа дико распѣвала пѣсни, какъ бы гимнъ своего триумфа. На послѣдокъ, начали потѣшаться одинъ надъ другимъ: сильнѣйшій бросалъ сла-

бѣйшаго въ пламя: импровизованный мученикъ старался вылѣзть изъ пламени, а зрители съ дикимъ хохотомъ толкали его пиками гь огонь. Конечно, эта потѣха продѣлывалась главнымъ образомъ надъ шляхтою и жидами, но доставалось и русинамъ чистой крови. Шпакъ вель себя совсѣмъ иначе; онъ и грабилъ,—какъ счастливыи побѣдитель, онъ даже имѣлъ на то право,—и убивалъ, но убивалъ только старыхъ и увѣчныхъ, а все, что было моложе, сильнѣе, здоровѣе, находило у него снисхожденіе, особенно красивыя женщины. Тутъ уже онъ не различалъ народности: и полька, и единоплеменная, лишь бы имѣла чистое, пріятное лицо, длинныя косы, могла быть увѣрена, что не уйдетъ отъ предательской опеки Федора Шпака. И удивительно, не только не уходили отъ этого плѣна, напротивъ, среди ужасныхъ сценъ убійствъ, къ нему прибѣгали, какъ къ якорю спасенія. И торжествующій предводитель подь конецъ утомительнаго дня возвращался къ себѣ на хуторъ подь лѣсъ во главѣ большаго табора плѣнныхъ, а за ними тянулись возы съ запасами продовольствія, съ болѣе или менѣе цѣннымъ скарбомъ, съ награбленной одежей.

Холодная и темная ноябрьская ночь прикрыла таборъ мракомъ. Вѣтеръ несъ клубы дыма изъ мѣстечка, превратившагося въ одинъ огненный столбъ, зіяющій красными языками. Стоны терзаемыхъ, пѣсни и крики побѣдителей—все это наводило такой ужасъ на толпу, гонимую въ какой-то странный плѣнъ, что плѣнники шли покойно, боясь только, чтобы ихъ не возвратили снова туда, откуда вывели и гдѣ большая часть близкихъ и дорогихъ ихъ сердцу почилы навсегда подь топорами Самусевыхъ и Абазыновыхъ головорѣзовъ.

Плѣнники послѣ такого тяжелаго и ужаснаго дня провели ночь на небольшомъ дворѣ хутора, лежавшаго близъ лѣса; счастливейшіе изъ нихъ успѣли занять мѣста въ сараѣ и у стоговъ сѣна. Шпакъ разставилъ со всѣхъ сторонъ карауль. Караульные были, конечно, недовольны тѣмъ, что они должны мерзнуть въ открытомъ полѣ въ то время, когда ихъ товарищи грѣются и гуляютъ при огромномъ кострѣ, разведенномъ въ мѣстечкѣ; но нечего было дѣлать, новый ихъ предводитель, пока еще скромный осадчій, умѣлъ внушить имъ къ себѣ уваженіе и повиновеніе.

— Что онъ станетъ дѣлать съ этимъ живымъ мясомъ?—думалъ не одинъ изъ плѣнныхъ и не могъ разгадать. Ужъ не запалъ ли гдѣ нибудь татарскій загонъ? Но о татарахъ давно уже нѣтъ слуху.

На другой день Шпакъ объявилъ далекій походъ и приказалъ готовиться къ нему, прибавляя, что въ походъ заберетъ съ собой и плѣнныхъ. И дѣйствительно въ сумерки слѣдующаго дня онъ двинулся таборомъ. Шли полями, проходили черезъ лѣса, между Брацлавомъ и Краснымъ, возлѣ Шпикова, между Тимановкой и Мясовкой, близъ нынѣшней Кодымы и Крутыхъ, словомъ двигались на полдень. Тѣ немногіе, которые встрѣчали эту толпу, никакъ не могли понять, что гонить ее въ улусы татарскіе. Не татары вѣдь, а христіане, но по варварски поступаютъ, ведутъ въ ясырь столько молодыхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ..... Пусть Юрасъ Хмельницкій, котораго народъ до сихъ поръ клянеть въ пѣсняхъ, продалъ всю Украину крымскимъ варварамъ; но тогда они сами являлись сюда и забирали невольниковъ; теперъ совсѣмъ на оборотъ: величающій себя защитникомъ воли козацкой и свободы народной промышляетъ, какъ скотомъ, тѣми, которые стремились къ свободѣ.

Остановки въ пути были короткія, роздыхи минутные; огня разводили мало, опасаясь привлечь чье либо вниманіе. Правда, край былъ опустѣлый, коронныхъ войскъ нигдѣ, но кто знаетъ, какой нибудь панокъ изъ Побережья не пожелаетъ ли попробовать счастья и не устроить ли засады. Въ это время уже входила въ моду охота на торговцевъ живымъ мясомъ, а Шпакъ также, преобразившись изъ ватажка въ купца, шелъ съ живымъ товаромъ.

Во время путешествія съ плѣнниками обходились внимательно, милостиво; въ избыткѣ давали имъ пищу; позволяли надѣть теплую одежду; для ослабѣвшихъ нашлись даже возы. Долго ли продолжалось путешествіе, не знаемъ; но съ первыми снѣгами Шпакъ переправился уже черезъ Ягорлыкъ, называемый татарами Кайнаромъ, и сталъ таборомъ подъ Дубоссарами. Это былъ первый на пути городъ ханства, столица округа, или чыфлика, принадлежащаго крымскимъ владѣльцамъ. Въ то время тамъ былъ начальникомъ немолодой уже армянинъ. Когда новоприбывшій купецъ разбилъ на полянѣ свои палатки, начальникъ города явился туда, осмотрѣлъ плѣнниковъ глазомъ знатока, оцѣнилъ товаръ со стороны силы, сложенія и красоты, что-то поговорилъ въ сторонѣ съ предводителемъ

лемъ и возвратился въ свояси, взявши съ собой, какъ подарокъ, крѣпкаго немировскаго поселянина. Къ вечеру прибыли къ обозу «мажи», наполненныя хлѣбомъ изъ кукурузы; пригнали нѣсколько барановъ. Ватажекъ самъ раздѣлялъ съѣстные припасы; женщинамъ приказалъ надѣть покрывала на лицо, помѣстилъ ихъ въ сарай, наскоро сбитый изъ досокъ, и сталъ спокойно поджидать купцовъ, очевидно хорошо знакомый съ дѣлами такого рода.

Сейчасъ разошлась вѣсть по Буджаку и княжеству Оргѣвскому, что доставленъ въ Дубоссары транспортъ невольниковъ-мужчинъ, способныхъ къ работѣ, и женщинъ, годныхъ не только въ невольницы, но и въ гаремныя одалиски, и все это съ Легистану, гдѣ женщины бѣлы, имѣютъ глаза голубые, кожу мягкую и нѣжную, волосы, мягкіе, какъ ленъ, сплетенные въ длинныя косы, что высоко цѣнилось на Востокѣ. Собралось много любопытныхъ и между ними не мало покупателей; было въ томъ числѣ нѣсколько мурзь татарскихъ и посланецъ паши бендерскаго, который хотѣлъ освѣжить свой гаремъ новыми экземплярами, а если-бы нашлась красавица, то думалъ послать ее великому визирю въ Царьградъ, гдѣ такіе подарки всегда съ благодарностью принимались сановниками высокой Порты, засѣдающими въ диванѣ.

Когда плѣнники убѣдились въ томъ, что ихъ-христіанъ продаетъ въ бусурманскую неволю христіанинъ-же, то поднялся ужасный плачь и крикъ. Женщины больше всего протестовали, такъ что покупатели насильно, чуть не на арканахъ, уводили ихъ съ собой. Особенно-же одна, самая красивая изъ всѣхъ, при видѣ которой мурзы чмокали губами, а «факторъ» паши предлагалъ большія деньги, громко въ лицо проклинала Шпака; но онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ гаремный евнухъ стаскивалъ съ нея одежду и ловко ощупывалъ красивыя плечи, грудь, локти, какъ проводилъ по бедрамъ черной, шерсткою рукой... Дѣвушка вырывалась, кричала, но это не вело ни къ чему; слуга турецкаго владѣтеля, привыкшій къ протестамъ такого рода, продолжалъ спокойно осмотрѣть, какъ человѣкъ, не имѣющій представленія о любви и даже влеченія, возбуждаемаго обыкновенной страстью, и велъ себя, какъ настоящій покупатель-барышникъ, который не хочетъ показать, что товаръ ему понравился, хотя мимо воли въ его очахъ свѣтилось удовольствіе, вызванное тою мыслию, что его господинъ, которому онъ

усердно служить, хорошо вознаградить его за подобную покупку.

Осмотрѣли евнуха или протесты женщины обратили вниманіе ватажка, но онъ сталъ присматриваться къ невольницѣ.

— Чья ты? спросилъ онъ.

— Твоего сосѣда, такого-же осадчаго, какъ и ты, прибывшаго недавно къ Немирову.

— Не продается! громко сказалъ Шпакъ, отстраняя отъ плѣнницы посланца паши.

Понурое лицо послѣдняго вытянулось отъ удивленія; онъ подумалъ, что продавецъ хочетъ больше денегъ.

— Прибавляю еще къ тому, что я обѣщаль, сказалъ онъ: хотѣлъ-бы я ляшкой пополнить гаремъ моего господина; да и ты такимъ подаркомъ пріобрѣтешь для себя навсегда его покровительство.

— Не продается! повторилъ Билоцкій: не продается, даже если-бы ты давалъ за нее сто разъ столько.

Дѣвушка хотя и не знала, о чемъ они говорили, но поняла, что произошло что-то особенное. Человѣкъ съ смуглымъ лицомъ отошелъ въ гнѣвъ, а ватажекъ возвратился къ ней и сказалъ:

— Успокойся, возвратишься домой.

Между тѣмъ таборъ мало по-малу уменьшался. Молодые парни годные къ тяжелой работѣ, пошли въ Левантъ; евреи остались въ Крыму, новые ихъ владѣльцы были увѣрены, что рано или поздно они получаютъ хорошій окукъ за этотъ товаръ; женщины лучшія по виду отправлены въ Стамбулъ; худшія-же и постарѣе остались служанками въ татарскихъ улусахъ.

Шпакъ сосчиталъ деньги, оказалась немалая сумма; львиную часть оставилъ онъ себѣ, остальное роздалъ дружинѣ. Но что дѣлать съ дѣвушкой, которая передъ тѣмъ такъ неугомонно кричала, а теперь молчаливо и грустно глядитъ? О женитьбѣ Шпакъ доселѣ и не помышлялъ; теперь-же эта мысль явилась у него сама собой, и онъ, не откладывая на долго, тутъ же предложилъ плѣнницѣ совмѣстную жизнь; не колеблясь ни минуты, она дала свое согласіе: изъ невольницы стать женою ватажка—и то уже было для ней счастье. И въ Дубоссарахъ отпраздновали свадьбу среди дикой толпы татаръ и обусурманенныхъ армянъ.

Медовые мѣсяцы приходилось новобрачнымъ провести въ пути. Но какимъ путемъ возвращаться? Идти прежней дорогой было не безопасно. Шпакъ не подозрѣвалъ, что народъ уже тогда сталъ называть эту дорогу Шпаковымъ шляхомъ.

III.

Въ половинѣ декабря значительно уменьшившійся отрядъ немировскаго осадчаго перешелъ Ягорлыкъ и сталъ на границахъ Рѣчи-Посполитой. Билоцкій рѣшилъ держаться побережья Днѣстра. Въ этой мѣстности колонизація началась недавно, но шла бойко; села, расположенныя по берегу стараго Тираса, были многочисленны и полны движенія. Большая часть колонистовъ были молдоване; обыкновенно оставляли родину сильно провинившіеся въ чемъ нибудь предъ закономъ, въ Подоліи же они селились при самыхъ выгодныхъ условіяхъ: не нужно было имъ разрывать связи съ оставшимися на мѣстѣ, такъ какъ ихъ радѣла только рѣка; не требовалось удовольствія о прежней ихъ жизни, — никто о томъ не спрашивалъ, не предстояло имъ и особеннаго труда, какъ не отсидѣвшимъ еще срока «слободы»; наконецъ зачѣмъ и трудъ, когда можно было и безъ него обойтись, когда «липки», расположившіеся въ бессарабской степи, особенно же козаки такъ заманчиво увлекали ихъ къ грабежу? А грабежъ всегда сходилъ съ рукъ безнаказанно. Онъ получилъ даже здѣсь видъ какого-то удивительнаго правоваго порядка, особенно съ того времени, когда Сѣмашко, пасынокъ Палѣя, явился на Поднѣстровье и объяснилъ осадчимъ, что они только здѣсь паны и должны соединиться въ дружины для освобожденія края отъ шляхетскаго гнета. Сѣма упало на добрую и плодотворную почву: Побережье поднялось и было полно отрядами, состоящими большею частью изъ волоховъ, а предводителей было, какъ маку: Мидопака, бунчучный Григорій, сотникъ Аксентій, Дабижа, Дерикалика, Рынгачъ, Микуличъ, Солтанъ, Малокитскій — «наибольшій измѣнникъ господаря и тамошняго краю», Дубина, Дервяненко и много, много иныхъ. Все это были обыкновенные разбойники, имѣвшіе въ виду только себя; дружины ихъ не превышали 20—30 человекъ, но тѣмъ не менѣе причиняли большой вредъ землевладѣльцамъ, очень не многочисленнымъ въ этой сторонѣ; особенно допекали они «державцамъ» и «оффиціалистамъ» знатныхъ пановъ. Извѣстно, что

цѣлое почти Побережье принадлежало Яну-Александру Конецпольскому, воеводѣ сѣрадскому; онъ, какъ одинъ въ родѣ, считалъ, что для него много и тѣхъ имѣній, что были въ Червонной Руси, поэтому и не думалъ о пустопорожнихъ украинскихъ владѣніяхъ, отдавалъ ихъ въ «державцамъ», отважнымъ смѣльчакамъ, и не требовалъ отъ нихъ никакой платы, а только ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они въ извѣстный срокъ колонизовали всю временно занятую ими землю. Печальна была судьба этихъ піонеровъ польской цивилизаціи въ пограничныхъ земляхъ: жившійся въ далекія полуденныя земли, среди непріязненной толпы простого народа, они утѣшали себя надеждой, что тамъ, въ правительственныхъ сферахъ, поймутъ ихъ незавидное положеніе, что Рѣчь-Посполитая пришлетъ имъ вооруженные отряды для поддержанія ихъ правъ; но дѣлалось на оборотъ: Рѣчь-Посполитая ихъ приглашала въ ряды своихъ отрядовъ для поддержанія династичныхъ мечтаній Августа II. Конечно, оставить свои пелища они не могли, но и обороняться отъ своевольныхъ разбойничьихъ отрядовъ также не были въ состояніи, потому и ждали на мѣстѣ, что имъ судьба припошлетъ.

А между тѣмъ кругомъ образовывались новые козацкіе полки: Шаргородскій, Могилевскій и т. д. Организациа козацкая все болѣе и болѣе созрѣвала: изъ мелкихъ предводителей дѣлались полковники, изъ полковниковъ—даже богатыри.

Намъ попались въ руки небольшіе мемуары одного изъ такихъ гербовныхъ колонизаторовъ, запершагося въ укрѣпленіяхъ, возведенныхъ на скорую руку, далеко на Побережьи, за Днѣстровыми порогами. Этотъ документъ производитъ при чтеніи тяжелое впечатлѣніе: гордый волынскій шляхтичъ Ледоховскій поднялъ флагъ Рѣчи-Посполитой на хворостяной башенькѣ, похожей скорѣе на хлѣвъ, и обороняетъ ее отъ нападений «хлоповъ-разгультяевъ»; постепенно отказывается онъ отъ полевого хозяйства, потому что своевольныя толпы прогоняютъ его оттуда; на его долю остается огородъ, но и тотъ мало приноситъ ему пользы; вотъ онъ запирается во дворѣ, обнесенномъ наскоро рвомъ и частоколомъ, находитъ нѣсколько вѣрныхъ себѣ людей и съ оружіемъ въ рукахъ ожидаетъ непрощенныхъ гостей. «Ивась-кучеръ», расположившійся на крышѣ башеньки, высматриваетъ прибытія помощи—войска королевскаго: Ледоховскому думалось, что цѣлый край долженъ по-

спѣшнѣе для его освобожденія, и эта надежда не оставляла его до конца. Въ началѣ онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ новость, принесенную арендаремъ Срулемъ, будто тотъ видѣлъ по близости хоругвь его милости пана кievскаго (Юсифа Потоцкаго), и все ждетъ; но Ивась ему нѣсколько разъ въ день рапортуетъ, что ничего не видно на горизонтѣ, и Ледоховскій пишетъ въ своемъ дневникѣ день за днемъ зловѣщее «item»..... Наконецъ дождался, но не поляковъ, а козаковъ, которые уничтожили все до основанія.

И такъ Шпакъ выбралъ для себя дорогу по побережью Днѣстра. Онъ имѣлъ подъ своей властью 200 человекъ, титуловалъ себя то запорожскимъ полковникомъ, то полковникомъ его царскаго величества, то наконецъ полковникомъ его королевской милости, смотря потому, какъ ему было выгоднѣе въ извѣстную минуту; всѣмъ этимъ онъ поддерживалъ свой престижъ передъ своими мелкими товарищами-разбойниками, поднимался въ ихъ глазахъ и своими сношеніями съ Самусемъ, и своимъ давнимъ знакомствомъ съ Абазыномъ, и наконецъ своимъ участіемъ во взятіи Немирова. Причину своего путешествія онъ объяснялъ дипломатической миссіей къ крымскому хану; поэтому его вездѣ принимали съ почетомъ. Только присутствіе «бабы» смущало нѣкоторыхъ; но видя, какъ эта баба ловко держалась на конѣ и какой воинственный видъ она имѣла, всѣ съ удивленіемъ только посматривали на нее; съ удивленіемъ смотрѣлъ и мужъ, счастливый тѣмъ, что она такъ хорошо приспособилась къ его наклонностямъ.

Быстро прошелъ Билоцкій пространство въ нѣсколько десятковъ миль; попадающимся ему на пути крестьянамъ твердилъ, что они вольны, что ихъ воли желаетъ и король, и царь, и Палѣй, что противятся ей только паны и что слѣдовательно съ панами нужно воевать. Въ Могилевѣ немного подозрительно принялъ его Скорычъ, называвшій себя также полковникомъ, но и онъ поддался нашептываніямъ своевольной толпы, отвѣчавшимъ его собственнымъ стремленіямъ. Отважный ватажокъ не встрѣчалъ уже нигдѣ отпора; немногочисленная шляхта не ставала ему на дорогѣ; напротивъ, запиралась въ дворахъ, обнесенныхъ наскоро оградой, и была готова дорого продать свою жизнь. Шпакъ однако ихъ не трогалъ, не хотѣлъ на мелочь тратить времени; ему хотѣлось ограбить лучше устроенныя и болѣе богатая имѣнія, а къ

такимъ причислялись имѣнія Студеницкія, принадлежавшія воеводѣ Іосифу Потоцкому. И дѣйствительно Шпакъ добился своего; увеличивши свой отрядъ вдвое, онъ въ бѣшеномъ порывѣ бросился къ Копычинцамъ, лежащимъ уже за Збручемъ, чтобы, какъ онъ выражался, «покарать Баворовскаго, притѣсняющаго своихъ подданныхъ». Расправа была короткая: все пустилъ съ огнемъ и въ началѣ 1703 г. явился подъ стѣнами Каменца. Не бывалая дерзость,—не правда ли? И тѣмъ не менѣе она возбудила тревогу въ малочисленномъ населеніи пограничной крѣпости. Но и Шпакъ испугался своей отваги и сочинилъ письмо къ генералу Кошкелю, начальнику гарнизона,—письмо довольно оригинальное. Въ немъ онъ и покбрень и дервокъ вмѣстѣ.

«Объявляю, говоритъ, письмомъ вашей милости, пану добродѣю моему, что я пришелъ сюда съ войскомъ, какъ мнѣ поручено,—не самъ по себѣ, не для своевольства пришелъ, но по приказанію найяснѣйшаго его милости короля и добродѣя нашего. Явно-жъ всѣмъ намъ стало, что ихъ милости паны-дѣдичи съ своими подданными не какъ съ подданными поступаютъ, а какъ съ бунтовщиками. Мы однако никакихъ бунтовщиковъ въ свое войско не принимаемъ: по милости Божьей и королевской есть у насъ и свое войско, но кто хочетъ добровольно идти въ ряды наши, пусть идетъ, и я того принимаю».

Письмо это было похоже на насмѣшку; Кошкель такъ и поглялъ, хотя и приказалъ внести его въ мѣстные актовыя книги. Подумывалъ онъ уничтожить отрядъ бунтовщика, но имѣлъ слишкомъ мало войска и, кромѣ того, не былъ увѣренъ, будетъ ли спокойно населеніе города, состоящее большею частію изъ малороссіянъ. Шпакъ, пользуясь слабостью противника, расположился обозомъ на поляхъ гуминецкихъ, въ окопахъ Конецпольскаго: зима была умѣренная; народъ доставлялъ продовольствіе и фуражъ, и Шпакъ съ компаніей весело проводили время, хотя и подъ открытымъ небомъ. О немъ-то неизвѣстный корреспондентъ сообщалъ тогда изъ Львова: «изъ Сатанова и Меджибожа пишутъ, что тамъ этой «чалайстры» есть около 3000; села, мѣстечка разоряютъ, ульи изъ пасѣкъ, спрятанные на зиму, выбиваютъ и, что только можно, уничтожаютъ, а если попадется полякъ или жидъ, убиваютъ. Подъ Каменцемъ были; тамъ не сдѣлали никакой пакости, только ѣли, пили и коней кормили».

Но это веселье неприятно было прервано вѣстью о вступлении на пограничье коронныхъ войскъ, — и дѣйствительно, давно ожидаемая помощь явилась. Во главѣ ихъ былъ Сенявскій; онъ занялъ Меджибожь и направился къ Немирову. Въ помощь ему прибыли Любомірскій, Янушъ Вишневецкій и грозный владѣтель мѣстечка Немирова, Юсифъ Потоцкій. Въ мигъ овладѣли они Немировымъ, по пятамъ козаковъ двинулись къ Брацлаву и взяли Ладыжинъ. Самусь во время ушелъ къ Богуславу, Абазынь же попалъ въ руки гетмана, который велѣлъ казнить его въ Каменцѣ (а не Либавѣ, какъ ошибочно утверждаетъ Отвиновскій). Грозный Пилявитъ «собственныхъ подданныхъ изъ немировскихъ и константиновскихъ владѣній не щадилъ, повелѣвши нѣсколько тысячъ ихъ казнить». Затѣмъ пошло въ дѣло клейменіе, т. е. отрѣзываніе носовъ, ушей, отрѣченіе одной руки и одной ноги и пр. Воевода кievскій держался правила Стефана Чарнецкаго, что бунтовщиковъ нужно смирять грозой. Было ли это благовременно, вопросъ иной, рѣшая который, мы зашли бы далеко.

Испуганные козаки стремглавъ сбѣжали на Поднѣстровье, чтобы оттуда пробраться въ мультанскую (валахскую) землю. За ними все Побережье, какъ одинъ человекъ, ушло въ бессарабскую степь. И Шпакъ очутился тамъ же съ своей женой и хотя тигуловалъ себя полковникомъ его королевской милости, но не имѣлъ смѣлости встрѣтиться съ гетманомъ его королевской милости и предпочиталъ уступать ему дорогу.

Край былъ успокоенъ, но за то опустѣлъ такъ, какъ часто бывало во время турецкаго владычества.

Что тутъ дѣлать?

Въ началѣ марта шляхта сбѣжалась въ Каменецъ, чтобы посоветоваться. Снова не хватало рукъ рабочихъ; не много ихъ было и прежде, при томъ едва ли и половиной тѣхъ, которые были, можно было пользоваться, а теперь совсѣмъ никого не было. Около 70 селъ, расположенныхъ по берегу Тираса, совершенно опустѣли; въ верхнихъ еще кой-гдѣ были старые поселяне, но въ нижнихъ, отъ Ушицы до Могилева, не было живой души. Шляхта знала, что бѣглецы вмѣстѣ съ своими предводителями нашли себѣ пріютъ за Днѣстромъ, и потому рѣшила послать депутатовъ къ его господарской милости. Эту миссію приняли на себя поручикъ Самуиль Поплинскій и хорунжіи повѣтовой хоругви Юсифъ Васи-

левскій. Данная депутатамъ инструкція составлена была очень искусно: сначала они должны были упомянуть о тридцатилѣтней почти дружбѣ, потомъ о той радости, какая наполняетъ сердца землянь при мысли о такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ господаремъ, а дальше должна была идти рѣчь о печальныхъ событіяхъ того времени. Это приступъ, потомъ шли частности, или претензіи: первое мѣсто занимали пропавшіе волю. Не думайте однако, что ихъ много угнано было на берегъ мультанскій, — всего только девять. О такой мелочи, при всеобщей тревогѣ, можно было и забыть; но какъ же тутъ забыть, когда пара этихъ благородныхъ четвероногихъ принадлежала каштеляну краковскому и генералу земель подольскихъ (Мартину Контскому), а семь воеводѣ кievскому (Посифу Потоцкому), — вѣдь обижать сенаторовъ нельзя. Слѣдоваль затѣмъ списокъ бунтовщиковъ — осадчихъ, которые увели съ собой изъ воеводства простой народъ. Понятно, что между ними Шпакъ занимаетъ самое видное мѣсто: «осадчій Билоцкій, — говорилось о немъ въ инструкціи, — который, набравши въ Немировѣ не мало христіанъ и евреевъ подданныхъ, продавалъ татарамъ въ Дубоссарахъ, а потомъ подъ именемъ Шпака взбунтовалъ все Поднѣстровье, начиная отъ Ягорлыка до самаго Китайгорода».

Делегаты направились въ Сучаву, гдѣ въ то время имѣлъ временную резиденцію господарь Константинъ Дука, сынъ того Дуки, который трижды возвращался на мультанскій престолъ, а въ промежуткахъ управлялъ по султанскому повелѣнію Немировомъ. Этотъ Константинъ Дука былъ человѣкъ чрезвычайно вѣжливый; съ своими подданными обращался съ такой трогательною деликатностью, что однажды, какъ передаетъ его біографъ, своему кучеру, который въ чемъ-то провинился, сказалъ съ пріятной улыбкой: «потрудись панъ, пойти къ «перкелабу» и попросить его отъ меня, чтобы онъ отсчиталъ тебѣ пятьдесятъ палокъ».

Можно себѣ представить, съ какими почестями принялъ онъ пословъ подольскихъ; не заставилъ даже долго ждать отвѣта. Но что изъ этого? Въ отвѣтѣ, написанномъ даже хорошей латынью, онъ со всей любезностью докладывалъ, что о волахъ ничего не знаетъ, изъ списка же осадчихъ ясно видить, что половина тамъ поименованныхъ вовсе не находятся въ границахъ его государства, иначе онъ слыхалъ бы что нибудь о нихъ; другая же меньшая половина дѣйствительно жила въ Подоліи, но тогда, когда ею владѣли турки; съ

выходомъ же изъ Подоліи оттоманъ, и они перешли въ Молдавію и здѣсь пользуются вниманіемъ господара, какъ самыя вѣрныя подданные и во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренные люди.

Послы возвратились ни съ чѣмъ. Волненіе между подольской шляхтой было большое; опять съѣхались въ Каменецъ на сеймикъ и рѣшили ограничить сроки «слободъ». Но и это мало помогло; напротивъ, еще болѣе повредило, потому что невыполненіе даннаго слова дало поводъ къ новымъ бунтамъ.

О Шпакѣ господарь ничего не упоминалъ, какъ будто его вовсе не было въ границахъ его земли, мало того, онъ приказалъ дать знать Шпаку, чтобы тотъ былъ на сторожѣ. Поэтому полковникъ отправился въ Дубоссары къ своимъ пріятелямъ; здѣсь помѣстилъ жену въ безопасномъ мѣстѣ, а самъ отъ времени до времени дѣлалъ набѣги въ околицы Немирова и Брацлава тѣмъ самымъ шляхомъ, который носилъ его имя и каждый разъ, возвращаясь, велъ съ собой нѣсколько плѣнниковъ—молодыхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ. Хотя это ремесло не шло къ лицу полковника, но что же дѣлать,—нужно же чѣмъ-нибудь жить, а деморализованное общество на столько утратило понятіе о томъ, что хорошо и что дурно, что смотрѣло равнодушно на этотъ торгъ людьми.. Нашлись даже поставщики и факторы, и не только изъ евреевъ, но даже изъ своихъ, которые проникали въ глубь края, чтобы помогать промышленному ватажку.

Одинъ разъ Билоцкій чуть не заплатилъ жизнію. Отдыхалъ онъ съ нѣсколькими товарищами въ Барскихъ лѣсахъ и, должно быть, поджидалъ транспорта плѣнниковъ, обѣщанныхъ ему однимъ изъ соучастниковъ его. Выборъ мѣста былъ не особенно удаченъ; недалеко былъ Баръ, державшійся немного лучше другихъ мѣстечекъ, а комендантъ замка Скипоръ имѣлъ послушную милицію и былъ извѣстенъ своей энергіей и суровостью. Пойманнаго разбойника онъ сейчасъ-же вѣшалъ на валахъ и держалъ повѣшеннаго до тѣхъ поръ, пока трупъ не разлагался, если только не заступалъ его мѣсто новый преступникъ. Непріятное это было сосѣдство для Шпака, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему необходимо было ждать здѣсь, чтобы не идти съ пустыми руками домой. При такихъ обстоятельствахъ встрѣчается ему крестьянинъ—молодой, но хромой и безобразный. Увидѣвъ чужихъ людей, крестьянинъ началъ уходить, но его легко поймали и начали допрашивать; хромоногій говорилъ обо

всемъ, что видѣлъ и чего не видѣлъ. Между прочимъ онъ сознался, что пылаеть страстью къ Гандзѣ Максимовой, но что къ нему Гандзя не благоволитъ, потому что отецъ ея богатый, имѣеть не далеко хуторъ и служить сотникомъ въ милиціи замка, дѣвушка-же красивѣе утренней зари.

Для Шпака достаточно было этихъ признаній, чтобы воспользоваться ими для своей корысти. Что онъ предпринялъ, не важно, а важно то, что онъ выкралъ дѣвушку и, уже не медля ни минуты, полегѣлъ съ ней за Ягорлыкъ. Старый Максимъ чуть не сошелъ съ ума отъ горя; во главѣ нѣсколькихъ сотъ дворянскихъ козаковъ кинулся слѣдить негодяя; часто ему во время погони представлялось, что онъ слышитъ крикъ своей несчастной единственной дочери. Но все было напрасно, она пропала. Единственной цѣлью его жизни стало потомъ отбивать уводимыхъ въ ясырь невольниковъ. Онъ поджидаль ихъ въ пущахъ; предводители-барышники, уводившіе ихъ, если не гибли отъ пули, то вѣшалиеь на ближайшемъ деревѣ.

Все это заставило Шпака переѣхать въ концѣ концовъ свое ремесло; но со сторонниками Палѣя онъ не разрываль сношеній, потому что считаль себя за представителя степнаго козачества. Потомъ, когда измѣнились обстоятельства, онъ опять явился въ окрестностяхъ Немирова и осѣлъ на хуторѣ подъ лѣсомъ вмѣстѣ съ женой и двумя сыновьями, которыми подарила его полковница. Мѣстный губернаторъ (управляющій) какъ будто забылъ прежніе подвиги Билоцкаго, привѣтствовалъ его и спокойно выслушаль его обѣщанія жить хорошо, такъ какъ хотѣлъ одного только, чтобы земли не лежали пустыми и чтобы какъ можно болѣе было рабочихъ рукъ. Интересъ владѣльцевъ и государства уступилъ мѣсто интересу личному.

Колонизація росла, а съ ней вмѣстѣ разрасталась и новыя желанія воли и доли козацкой.

IV.

Нужно сказать, что обстоятельства сложились для Шпака какъ нельзя лучше. Въ Немировѣ хотя и было войско, но, какъ обыкновенно водилось, небольшое, недостаточное. Народъ волновался, не могъ забыть владѣльцу замка кровавой расправы, бывшей два года

назадъ; одна благопріятная минута и скопившійся горючій матеріалъ долженъ былъ вспыхнуть.

Поводъ къ новому возстанію во владѣніяхъ кievскато воеводы былъ слѣдующій. Еще во время перваго бунта въ Немировѣ, надворный козакъ владѣльца Олекса убилъ сторонника Палѣя Борисенка, присланнаго сюда Палѣемъ для организаціи возстанія; убивши, онъ голову бунтовщика, какъ *corpns delicti*, представилъ во дворъ. Понятно, что такое геройство послужило къ возвышенію Олексы: онъ былъ сдѣланъ сотникомъ дворской милиціи, отправлявшей гарнизонную службу въ мѣстечкѣ. Но не долго онъ пользовался такою честью. По прошествіи нѣкотораго времени нашелся мститель—братъ убитаго, Грыцько Борисенко, также сотникъ въ Погребичахъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Палѣя. Этотъ послѣдній, желая поднять возстаніе не только въ цѣломъ правобережьи Днѣпра, но и во всей Украинѣ, Подоліи до самаго Сана, воспользовался жаждой мести и, чтобы ее усилить, часто твердилъ Грыцьку:

— Олекса теперь пануетъ въ Немировѣ, связался съ ляхами, а пануетъ потому, что убилъ твоего брата, а ты смотришь на это равнодушно.

И вотъ Грыцько во главѣ своей сотни направился къ столицѣ Юрія Хмельницкаго. Не доходя мѣстечка, онъ разослалъ подкомандныхъ по окрестнымъ селеніямъ съ приказомъ, чтобы они въ назначенный день собрали какъ можно больше народу. Самъ-же проникъ въ Немировъ, хотя сторожа была кругомъ, повидался съ бывшими здѣсь сторонниками Палѣя, къ которымъ имѣлъ отъ него порученіе, именно Наливайкомъ изъ Кернасовки и Иваномъ асауломъ, пробрался и къ Шпаку, который тихо сидѣлъ себѣ на хуторѣ подъ лѣсомъ, такъ какъ у него болѣла жена и сыновья не могли обойтись безъ его присмотра.

Въ назначенный день Олекса палъ посреди рынка подъ ножомъ Борисенка.

Это было началомъ новаго возстанія. Громады изъ Немирова, Ковалевки и Прилуки, собравшись на ярмаркѣ, начали совѣщаться. Помнили они суровую кару владѣльца мѣстечка и теперь стали обдумывать дѣло хладнокровнѣе. Прежде всего рѣшили не выпустить изъ рукъ Борисенка, а потомъ стали подумывать о томъ, не

представить-ли его во дворъ, гдѣ сотня Олексы вмѣстѣ съ губернаторомъ приготовилась уже къ защитѣ.

Случайное обстоятельство повернуло рѣшеніе толпы въ иную сторону, какъ это часто бываетъ при народныхъ бунтахъ.

Какъ разъ во время совѣщаній Ёхаль чрезъ рынокъ на плохенькой лошади какой-то шляхтичъ, Пырха. Ёхаль онъ, не догадываясь, что, какъ ночная мошка, лѣзетъ прямо на огонь: ему казалось дѣломъ обыкновеннымъ, что въ ярмарокъ такъ много на рынкѣ хлопства. Хлопы обратили вниманіе на Пырху: не видный, а крикливый, знатъ издалека возвращается,—думаютъ и не уступаютъ дороги. Пырха стегнулъ не одного нагайкой; наконецъ сталъ грозить, что пожалуется Олексѣ.

— Молчи, закричалъ ему одинъ, другой, скажи лучше, кто ты такой? Смотрите, ляшокъ между нами!

Пырха догадался, что тутъ не шутки, что самъ можетъ поплатиться головой: не теряя храбрости, онъ кричить, что пріѣхалъ въ Немировъ съ письмомъ отъ короля.

— Съ письмомъ? закричали близко стоявшіе. Показывай, читай.

Шляхтичъ повернулся на сѣдлѣ, вынулъ изъ-подъ подушки какую-то бумагу и сталъ читать:

— Любомирскіе, Потоцкіе, Сенявскіе поднимаютъ бунты противъ короля; теперь они подъ Сенявой и идутъ на васъ. Идите жъ и, какъ можете, разгоняйте ихъ и направляйте къ королю.

Толпа болѣе не слушала; вся хлынула къ Борисенку.

— Идемъ подъ Сеняву,—кричали,—самъ король приказываетъ гнать ляховъ.

Пырха воспользовался этимъ моментомъ и успѣлъ улизнуть.

Крестьяне были наскоро организованы Наливайкомъ и подъ его командой двинулись впередъ; на дорогѣ встрѣтили хоругвь Станислава Падлевскаго и разбили ее. Предводитель хоругви, тяжело раненый, нѣсколько «товарищей» и касса въ 15,000 золотыхъ достались въ руки побѣдителей. Триумфъ былъ большой, но не продолжительный: отрядъ Падлевскаго былъ передовымъ въ войскѣ Сенявскаго. Сенявскій скоро настигъ толпу бунтовщиковъ и разогналъ ихъ; Борисенко былъ схваченъ и повѣшенъ.

Разсказали мы эту исторію потому, что она нужна намъ для уясненія дальнѣйшихъ дѣйствій Федора Билоцкаго. Онъ счумѣлъ воспользо-

зоваться происшедшимъ волненіемъ и какъ только войско Рѣчи Посполитой потянулось въ глубь Польши, а въ мѣстечкахъ остались незначительные гарнизоны, онъ сейчасъ вышелъ изъ своего убижища. Знакомыхъ въ окрестностяхъ было у него много, охотниковъ козаковать нашлось также не мало; поэтому въ теченіи какого-нибудь десятка дней онъ успѣлъ организовать отрядъ въ 600 человѣкъ. И сдѣлать это было не трудно, подобное явленіе на Украинѣ было самымъ обыкновеннымъ, особенно легко удавалось это человѣку сколько-нибудь популярному.

Поднялся Шпакъ и «надѣлалъ людямъ много бѣдъ и руинъ». Такъ лаконически говорятъ акты о тогдашнихъ нападеніяхъ Шпака.

Гарнизонъ немировскій былъ на столько слабъ, что не могъ бороться съ полковникомъ, человѣкомъ, не разбирающимъ въ средствахъ, имѣющимъ самыя близкія сношенія съ разсыпаннымъ по цѣлому краю «гультайствомъ». Новый предводитель, единственный изъ козацкой старшины на всю Брацлавщину, осматривался вокругъ и не зналъ, что предпринять. Горизонтъ для дѣйствій показался ему тѣснымъ, поле дѣятельности малымъ; идти на востокъ не имѣлъ охоты, тамъ все покончили полки Палѣя, наконецъ и Мазепа вступилъ въ кievское воеводство (въ іюль 1704 г.) во главѣ козацкихъ дружинъ, хорошо устроенныхъ и дѣйствующихъ подъ контролемъ царскаго войска, которымъ предводительствовали князь Голицынъ; встрѣчаться съ ними не безопасно. Имѣлъ Шпакъ предъ собою южную часть брацлавскаго воеводства, совсѣмъ разоренную и покрытую руинами; передъ нимъ открыта была и Подоля, немного оправившаяся въ продолженіи двухъ мирныхъ отчасти лѣтъ. И вотъ Шпакъ, перейдя черезъ шляхъ, названный его именемъ, очутился въ летичевскомъ повѣтѣ и здѣсь свелъ какіе-то давніе свои счета, начавъ съ того, что совершенно ограбилъ имѣнія двухъ пановъ—Станислава Зелянскаго и Мазловскаго, самихъ же ихъ подкомандные Шпака, «связавши въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, мучили и убили».

Великій страхъ напалъ на пановъ Подоліи; обратились они за помощью къ королю, и король прислалъ универсалъ; князь Голицынъ съ своей стороны также прислалъ универсалъ. Въ обоихъ универсалахъ рекомендовали Шпаку умѣренность, признавали въ его ватагѣ

какъ бы воющую сторону, что ужъ слишкомъ; приглашали его на боевую линію для совмѣстнаго дѣйствія противъ шведовъ.

Приглашеніе Голицына ватажокъ принялъ и даже поцѣловаль, а предложеніе его королевской милости отвергъ.

Противъ разбойника поднято было наконецъ посполитое руженіе; одновременно были посланы послы къ королю и къ Мазепѣ, стоявшему у Паволочи. Увидѣлъ Шпакъ, что ему можетъ быть плохо: запуганный народъ не слушался уже его агентовъ, паны слѣдили каждый шагъ послѣдняго полковника козацкой вольницы. Шпакъ распустилъ своихъ подначальныхъ и выселился изъ Немирова навсегда; жена его съ сыновьями также скрылись, ибо и ей угрожала опасность. Такъ прошелъ годъ. На Украинѣ между тѣмъ произошли важныя перемѣны: Палѣй попалъ въ темницу, его сподвижники притихли, а Мазепа двинулся уже къ Волини; по просьбѣ подольской шляхты онъ вызвалъ Шпака къ своему обозу и тамъ задержалъ его. .

Съ той поры Шпакъ исчезаетъ вовсе съ историческаго горизонта, о немъ уже нигдѣ не находимъ упоминанія.

V.

Выше мы говорили, что Билоцкій имѣлъ двухъ сыновей: Ивана и Захара. Сынъ ли полковника, или иной какой Иванъ Шпакъ, былъ извѣстенъ, какъ гайдамака и, по утверженію Руликовскаго, далъ названіе шляху. Но изъ вышеизложеннаго мы знаемъ, что эту печальную славу заслужилъ Федоръ, и такого же мнѣнія и г. Антоновичъ, основательный знатокъ мѣстной исторіи. Конечно, мы не можемъ отвергать того, что въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ могли проказничать на этой дорогѣ и два Шпака. Между гультайствомъ существовалъ свой привилегированный классъ, династичность своего рода; традиціи у него значили много, человѣкъ съ извѣстнымъ именемъ скорѣе всего находилъ себѣ сторонниковъ. Такъ могло стать и, вѣроятно же всего, случилось и съ молодыми Шпаками. Выселились они когда-то въ Заднѣпровье; по смерти отца ихъ постигла тяжелая доля сиротъ, тѣмъ болѣе тяжелая, что дѣтство сохранило имъ воспоминаніе о жизни въ довольствѣ и о славѣ отца; придя въ возрастъ, они потянулись, быть можетъ вмѣстѣ съ овдовѣлой своей матерью, въ Брацлавщину, но тутъ

застали новые порядки. Козаковъ не осталось и слѣда; панщина вездѣ изъ конца въ конецъ края, сколько глазъ окинуть можетъ; для запорожскихъ юнаковъ и гайдамакъ чужь не въ каждомъ селѣ висѣлицы; менѣ виновные, или болѣе счастливые изъ нихъ съ выбритыми лбами тяжело работали въ рвахъ каменецкой или бердичевской крѣпости, высыпали плотину въ окрестностяхъ барской крѣпостцы, таскали камни на постройку тарнорудскаго костела, а самые счастливые подъ стражей городскихъ «пахолковъ» исполняли обязанности этихъ пахолковъ..... Незавидная доля, особенно для человѣка, привыкшаго къ вольной козацкой жизни; оставались для него или панщина, или свободная жизнь разбойника, и онъ выбиралъ послѣднюю. Нужды нѣтъ, что рано или поздно придется заплатить головой; нѣсколько лѣтъ свободы тоже чего нибудь стоятъ.

И вотъ двадцатилѣтній Иванъ началъ буйствовать на шпакговомъ шляху: грабилъ проѣзжающихъ, нападалъ на панскіе дворы, не щадилъ жидовъ, и такъ буйствовалъ онъ на очень большомъ пространствѣ, и какъ администрація тогдашняя дѣйствовала слабо, то и унять расходившагося разбойника не было возможности. Съ теченіемъ времени Шпакъ приобрѣлъ даже славу: особенно заботился онъ о чумакахъ, обороняя ихъ въ херсонскихъ степяхъ отъ разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «комышниковъ». За это чумаки его полюбили и разнесли славу о немъ по корчмамъ и по селамъ, лежащимъ на шляху, а слѣпой лирникъ, въ угоду чумакамъ и народу, слагалъ про него пѣсни: въ нихъ говорилось объ удалствѣ этого молодца, о его удивительныхъ подвѣлахъ, о дорогѣ, носящей его названіе, по сторонамъ которой онъ прятался, то въ ярахъ куяльницкихъ, то въ дремучихъ лѣсахъ, то въ густыхъ степныхъ травахъ, по глубокимъ балкамъ, болотистымъ лугамъ,—пустыннымъ, рѣдко кѣмъ посѣщаемымъ. Ряды своихъ сподвижниковъ Шпакъ пополнялъ большею частію въ бессарабскихъ степяхъ потомками липковъ и левенцевъ; доставляли ему товарищей и милиціи дворскія, доставляли часто и села, въ которыхъ укрывалась молодежь, любившая бурлаковать.

Удача сдѣлала разбойника смѣлымъ, сталъ онъ показываться въ окрестностяхъ многолюдныхъ мѣстечекъ, вторгался даже въ мѣстности, занятыя войскомъ,—и за свою смѣлость заплатилъ жизнью: «какъ разбойникъ, пойманный на большой дорогѣ, въ 1730 г. онъ былъ осужденъ винницкимъ магдебургскимъ судомъ

на смерть». И умеръ не по козацки, не на висѣлицѣ, не на «палѣ», отдалъ голову свою подѣ мечь «ката».

Захаръ пошелъ по слѣдамъ Ивана. Послѣ смерти Августа II-го повторились бунты крестьянъ, дѣйствовавшихъ подѣ охраной союзныхъ войскъ. Вартанъ изъ Шаргорода (Садокъ ошибочно называетъ его Берлумомъ), начальникъ надворной милиціи Любомірскаго, сталъ во главѣ своевольныхъ отрядовъ, назвавъ себя наказнымъ полковникомъ; на его призывъ стеклось нѣсколько тысячъ народа, въ числѣ ихъ былъ и Захаръ Шпакъ со своей гайдамацкой дружиной.

«Реестры взбунтовавшихся хлоповъ» попали въ руки польскихъ военачальниковъ вмѣстѣ съ самими плѣнниками. Эти послѣдніе добровольно сознались, какъ они присягали на «вѣру императрицѣ», какъ имъ приказано было разглашать во всѣ стороны, что вольница ихъ составлена исключительно изъ волоховъ и сербовъ, тогда какъ въ дѣйствительности она состояла «изъ замковыхъ козаковъ уманскихъ, бершадскихъ, комаргородскихъ», а подѣ названіемъ волоховъ шли всѣ мѣстные бунтовщики. Войско Вартана дѣлилось на нѣсколько отрядовъ, начальникомъ надѣ однимъ изъ нихъ былъ капитанъ Киѣа, а подѣ начальствомъ послѣдняго былъ десятникомъ Захаръ Шпакъ. Не знаемъ, достигъ ли онъ болѣе виднаго положенія, или погибъ тогда-же, гдѣ нибудь на дубовомъ суку, пойманный жолнерами воеводы уманскаго, который съ горячностью юноши очищаль край отъ бушевавшей саранчи.

По усмиреніи этого хлопскаго бунта наступила тридцатилѣтняя тишина; гайдамачество нисходитъ до мелкихъ размѣровъ; выдающіеся его представители исчезаютъ съ исторической арены. Исчезъ и родъ Шпаковъ, а шляхъ, который онъ надѣлил своимъ названіемъ, существуетъ доселѣ; рѣже и рѣже тянутся по немъ чумацкіе возы, и уже не къ Черному морю, а къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Мѣстная традиція меркнетъ, все сглаживаетъ и нивилируетъ этотъ стремительный бѣгъ цивилизаціи, который, какъ огненный змѣй, летитъ по бесконечно-блещущей линіи, оставляя за собой мало свѣта, но на столько дыму, чтобы туманомъ мрака и забвенія закрыть давнія дѣла, то славныя, то кровавыя и поворныя.

Но все это еще не основание тому, чтобы записывать подвиги обыкновеннаго разбойника: у насъ были иныя побужденія выступить въ этотъ разъ на поле изысканій, бесплодное и неблагодарное. Люди непріязненной намъ стороны систематически трудятся надъ отыскиваніемъ богатырей, которые достойно воевали противъ идеи полонизма, навязанной пограничнымъ туземцамъ; какое-нибудь имя, закрѣпленное легендой или пѣснью народной, чрезъ это уже самое попадаетъ въ искусственно созданный пантеонъ. И по необходимости приходится сомнѣвающемуся изслѣдователю самому доискиваться правды, и не его вина, если, разсмотрѣвши внимательно, онъ находитъ въ прославленномъ защитникѣ свободы народной самаго обыкновеннаго бунтовщика и преступника, имѣвшаго въ виду только свою собственную пользу ¹⁾).

¹⁾ Источники: Акты о козакахъ, Киевъ, 1868 г., ч. III, т. II, стр. 520, 521, 567, 643, 647, 685, 686 (Предислов., стр. 176). Акты о гайдамакахъ, ч. IV, т. III, Киевъ, 1880 г., стр. 71—78. Накко, Исторія Бессарабіи. Одесса, 1878 г., т. II, стр. 321. Rulikowski, Dawne drogi i szlaki na prawym brzegu Dniepru i ich znaczenie historyczne (Atencum. 1878, X, 84). Załuski, Epistolae histor. familiar. III. 294. Otwinowski, Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, стр. 42. Kossakowski, Monografie, II, { 183. Русская Старина 1882 г., т. II, стр. 546. Pamiętnik dziejów polskich S. Barączca. Lwów, 1855 г., стр. 262.

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ.¹⁾

*(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной
земль по 1831 годъ).*

(Продолженіе).

По смерти Чепѣги, бывший въ войскѣ войсковымъ писаремъ подполковникъ Котляревскій до разрѣшенія начальства принялъ должность правителя онаго.

При священнѣйшей коронаціи возшедшаго на всероссійскій престолъ государя императора Павла I-го повелѣно: быть въ церемоніи черноморскому войсковому атаману и шести чиновникамъ отъ войска въ видѣ депутатовъ. Котляревскій, по не имѣнію атамана, какъ управитель войска, съ старшинами секундъ-майорами: Петромъ Бурносомъ, Федоромъ Бурсакомъ, Захаріемъ Малымъ, капитанами Сагомъ, Кухаренкомъ и есауломъ Жолѣ, отправился въ Москву, откуда по высочайшему соизволенію возвратился въ войско войсковымъ атаманомъ.

Котляревскій по прибытіи изъ Москвы вступилъ въ управленіе своей должности и начало его правленія ознаменовалось внутренними смутами.

Возвратившіеся изъ персидскаго похода полки произвели возмущеніе. Недовольные умершимъ начальникомъ своимъ бригадиромъ Головатымъ, они вспомнили буйное, дикое Запо-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1887 г., мартовск. кн., стр. 494—536.

рожье и вздумали не просить, но силою требовать удовлетворенія въ обидахъ. Превозгласивъ своими предводителями отважнѣйшихъ смѣльчаковъ: *Дикуну, Шмальку и Собакаря*, они отравились испровергнуть весь порядокъ управленія и, разсѣвая мятежь въ народѣ, день ото дня умножали число своихъ соумышленниковъ. Напрасно атаманъ Котляревскій и войсковое правительство, то благоразумными убѣжденіями, то угрозами наказанія, желали вразумить бессмысленныхъ мятежниковъ. Они никого не слушали. Повиновеніе совершенно исчезло: дерзкіе своевольцы буйствовали, требовали вольности запорожской, искали уничтоженія войсковаго правительства, смерти атамана, всѣхъ своихъ начальниковъ и благомыслящихъ старшинъ. Наконецъ, убѣжденные прибывшимъ въ Екатеринодаръ для усмиренія мятежа полковникомъ Пузыревскимъ, они согласились отправить депутатовъ къ государю императору въ Петербургъ и тамъ испрашивать удовлетворенія въ обидахъ, возвращенія утерянныхъ правъ,—воли Запорожья. Главные возмутители: *Дикунъ, Шмалько и Собакарь* отправились депутатами и спокойствіе въ войскѣ возстановилось.

По прибытіи въ столицу сихъ мятежниковъ, государь повелѣлъ взять ихъ подъ стражу и судить военнымъ судомъ, вмѣстѣ съ прочими ихъ сообщниками, оставшимися въ войскѣ. Военный судъ изслѣдовалъ въ точности всѣ причины и обстоятельства сего возмущенія и, основываясь на законахъ, рѣшилъ строго наказать всѣхъ виновныхъ. Но государь императоръ Павелъ I-й, снисходя на невѣжество ихъ и дикость нравовъ, отвергъ строгій приговоръ суда и, наказавъ только однихъ главнѣйшихъ возмутителей, прочимъ благоволилъ даровать прощеніе. Таковая милость монарха привела преступниковъ къ душевному раскаянію и вѣрная полезная служба ихъ впоследствии времени загладила преступленія.

Но возмущеніе сіе сдѣлалось поноснымъ для чести всѣхъ черноморцевъ, ибо послѣдствіемъ онаго было то, что государь императоръ 8-го генваря 1798 года высочайше повелѣтъ соиз-

волилъ черноморскому козацкому войску впредь не именоваться вѣрнымъ.

Атаманъ Котляревскій, немедленно по отправленіи 14 мятежниковъ въ Петербургъ, поручивъ правленіе войскомъ войсковымъ старшинамъ Гулику и Кордовскому, выѣхалъ туда же. Находясь въ столицѣ до 1799 года, онъ по высочайшему соизволенію былъ произведенъ 16 октября 1797 года въ полковника, а 1798 г. октября 30-го въ генераль-маіоры. По возвращеніи Котляревскаго въ Екатеринодаръ полученъ (13-го февраля 1799 года) высочайшій рескриптъ, въ коемъ повелѣно: «не дѣлать никакихъ перемѣнъ въ войскѣ, а оставить въ томъ же точно положеніи, какъ было при восшествіи его величества на всероссійскій престолъ.

Между тѣмъ при внутреннихъ смутахъ Черноморіи и кубанскіе хищники не оставались праздными: они усилили свои нападенія и прорывы ихъ на нашу сторону день отъ дня дѣлались чаще. Въ теченіи 1797 года, производя постоянно каждый мѣсяцъ по нѣсколько вторженій въ наши предѣлы, черкесы успѣли нанести жителямъ уронъ не маловажный: убили козаковъ 7, взяли въ плѣнъ 16, уворовали рогатаго скота 235 штукъ и лошадей 105. Хотя впоследствии времени, по сношенію генерала Михельсона съ анапскимъ пашею, сіи похищенія черкесами возвращены, но безнаказанность нападенія содѣлывала ихъ болѣе дерзкими и какъ бы поощряла къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ.

Впрочемъ произведя грабежи у черноморцевъ, они не щадили и своихъ единовѣрцевъ, намъ преданныхъ и мирно живущихъ надъ Кубанью. Враждебные абазехи непрерывными нападеніями и разореніемъ прибрежныхъ ауловъ довели до того владѣльцевъ шедухскаго племени, Явбука Гирея и сансугскаго султана Али Шеретлу Оглу, что они, опасаясь лишиться послѣдняго имущества, а можетъ быть и свободы, и не имѣя средствъ ни противиться злодѣямъ, ни отвратить ихъ нападеній, убѣдительно просили Котляревскаго принять ихъ со всѣми полвластными имъ народами. числомъ болѣе 2 000 человекъ. не

включая женскаго пола, въ подданство Россіи и позволить переселиться на войсковую землю.

Котляревскій, принимая въ соображеніе пользу, могущую произойти отъ сего переселенія мирныхъ закубанцевъ, представилъ о томъ на разрѣшеніе военнаго губернатора графа Коховскаго, который донесъ государю императору. Его величество всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе сихъ владѣльцевъ въ подданство и покровительство Россіи и повелѣлъ для поселенія ихъ отвести въ Черноморіи достаточное количество земли, на мѣстахъ не заселенныхъ козаками. Исполняя волю высочайшую, Котляревскій съ общаго совѣта въ войсковомъ правительствѣ и по согласію султана Али Шеретлугъ Оглу назначилъ ему и подданнымъ его землю при устьѣ рѣки Ангилики, въ 60 верстахъ отъ Кубани, позволяя пользоваться имъ всеми угодьями рыболовной ловли и хлѣбопашества на равнѣ съ козаками, тамъ жившими.

1799 г. Явбукъ же Гирей, не находя выгодною для своего поселенія землю, занятую султаномъ Али, просилъ Котляревскаго позволить ему селиться съ своими подданными въ мѣстахъ лѣсистыхъ по правому берегу Кубани. По представленію о томъ государю императору, послѣдовало милостивое разрѣшеніе, и Явбукъ со всеми своими подданными поселился надъ Кубанью. Къ нему тогда же присоединились изъ-за Кубани прибрежные владѣльцы темиргойскій Безрукъ-бей, Арсланъ Гирей, бей джанайскій, Мисофъ-бей и нагайскій султанъ Шаханъ-Гирей, со своими семействами и врестьянами.

Но и таковая милость была пагубна для Черноморіи. Явбукъ-Гирей не долго оказывалъ преданность къ Россіи; раскаяніе и тоска по дикой родинѣ склонила его къ бѣгству. Онъ 30-го сентября съ 200 душъ обоего пола обратно переправился за Кубань, и дабы избѣгнуть гнѣва анапскаго паши за переселеніе на нашу сторону, увѣрилъ его, что черноморцы силою заставили его переселиться. Паша, повѣривъ измѣннику, требовалъ отъ Котляревскаго и остальныхъ 1380 душъ его подданныхъ, которые не хотѣли вмѣстѣ съ ними измѣнить Россіи.

Котляревскій по распоряженію начальства выпустилъ всѣхъ, пожелавшихъ возвратиться за Кубань. Люди сіи, по переходѣ за Кубань, забывъ оказанное имъ покровительство, сдѣлались нашими злѣйшими врагами. Зная съ точностію кордонную линію, они долго служили проводниками хищникамъ въ ихъ набѣгахъ на пограничныя черноморскія селенія и производили лютые грабежи. Кромѣ же сего зла войско потеряло безъ возврата слишкомъ 8,000 руб., употребленныхъ на ихъ продовольствіе во время жительства ихъ на сей землѣ.

Въ отвращеніе на предбудущее время подобныхъ побѣговъ переселяющихся къ намъ закубанцевъ, государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ Котляревскому всѣхъ, которые пожелаютъ приходить изъ-за Кубани, поселять далѣе отъ границы, тамъ, гдѣ онъ самъ изберетъ мѣсто и чтобы они по переселеніи имѣли продовольствіе собственное.

1799 г. Вскорѣ за симъ его величество соизволилъ на учрежденіе мѣновыхъ дворовъ по границѣ, для продажи горцамъ соли и для другихъ сношеній съ ними, съ строжайшимъ наблюденіемъ карантинныхъ правилъ, для чего и опредѣлены карантинные чиновники.

Первый мѣновый дворъ учрежденъ въ Екатеринодарѣ, второй у Гудовиченой переправы и третій при урочищѣ Кургахъ. Тогда же разрѣшено устроить при границѣ въ Бугазѣ, у Суворовскаго лимана, удобную гавань для черноморской учебной флотиліи.

1799 г. Генераль-маіоръ Котляревскій, удрученный старостию и болѣзнями, пожелалъ увольненія отъ службы и избравъ на мѣсто свое, съ совѣта общаго, атаманомъ войска подполковника Бурсака, повергнулъ на милостивое усмотрѣніе государя императора. Декабря 22 1800 г. его величество соизволилъ милостиво утвердить таковое избраніе и 17 генваря Бурсакъ вступилъ въ должность.

Соображаясь съ дѣйствіями своихъ предмѣстниковъ съ начала занятія границъ черноморцами и принимая во вниманіе минувшія обстоятельства, разновременно служившія къ измѣ-

ненію духа здѣшнихъ жителей, къ переменѣ ихъ отношеній съ черкесами и къ усиленію хищничества сихъ послѣднихъ, Бурсакъ первоначально занялся установленіемъ порядка на кордонной линіи и 26 генваря издалъ особенныя правила, къ руководству начальникамъ постовъ, о недремленномъ содержаніи границы.

Потомъ 1-го февраля онъ учредилъ конвойную команду изъ 25 отборнѣйшихъ козаковъ, которые, находясь непрерывно при немъ, должны были быть во всегдашней готовности къ движенію повсюду, куда его воля укажетъ; 2-го марта сформировалъ *подвижный пяти-сотный* полкъ въ подкрѣпленіе пограничныхъ карауловъ, а болѣе для отраженія нечаянныхъ нападений черкесъ; и тогда раздѣлилъ кордонную линію на три части, давъ каждой особаго начальника благонадежнаго, испытаннаго. Для лучшаго же наблюденія за всѣми покушеніями злодѣевъ назначены два байдака для непревынныхъ разъѣздовъ по Кубани; а города и селенія, вблизи границы расположенныя, ограждены окопами, укрѣплены бараулами и устроены на выѣздахъ бдительныя заставы.

Черкесы внимательно наблюдали наши дѣйствія и замѣтивъ такія распоряженія по границѣ, приняли съ своей стороны дѣятельнѣйшія мѣры къ отысканію удобства производить по прежнему свои злодѣйскія вторженія въ наши предѣлы; устроили разъѣзды и, раздѣлясь на многія шайки, подъ главнымъ начальствомъ измѣнника Явбука Гирея, стремились къ грабежамъ. Осторожность наша и военныя хитрости были внимательно замѣчаемы закубанцами; они ими пользовались и становились день ото дня хитрѣе и непримиримѣе.

Атаманъ Бурсакъ, видя, что мѣры, предпринимаемыя имъ къ удержанію гибельныхъ набѣговъ закубанцевъ, весьма недостаточны, рѣшился просить разрѣшенія сдѣлать противъ нихъ экспедицію и наказать злодѣевъ въ самыхъ ихъ жилищахъ. Государь императоръ, давъ соизволеніе на сіе предположеніе Бурсака, повелѣлъ генералу Михельсону привести оное въ исполненіе. Михельсонъ отрядилъ генералъ-маіора Драшкевича съ

14-мъ и 15-мъ егерскими полками и назначивъ его начальникомъ отряда, долженствовавшего дѣйствовать за Кубанью, предписалъ Бурсаку присоединиться къ нему съ козаками и состоять въ полномъ его распоряженіи.

5-го іюня 1800 г. отрядъ нашъ переправился за Кубань. Бурсакъ съ конными козаками былъ командированъ впередъ и первый завязалъ дѣло съ черкесами, собравшимися, чтобы остановить наши дѣйствія. Подкрѣпляемый генераломъ Драшкевичемъ съ пѣхотой, онъ сбиль непріятеля съ занятыхъ имъ вѣрнѣйшихъ позицій, смѣшалъ его, обратилъ въ бѣгство и преслѣдовалъ до самыхъ горъ. Отчаянное мужество черкесъ, къ защитѣ жилищъ своихъ употребленное, было бесполезно. Отрядъ нашъ атаковалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, прогналъ въ ущелья горъ, зажегъ три аула владѣльцевъ Арсланъ Гирей и брата его Девлета, взялъ въ плѣнъ 20 человекъ, рогатаго скота 1500 штукъ, 4,000 овецъ, нѣсколько лошадей, множество разной домашней рухляди и благополучно возвратился въ свои предѣлы. Съ другой стороны въ тоже время капитанъ Когинякъ съ козаками былъ посланъ для наказанія самаго измѣнника Явбука Гирей. Онъ такъ же счастливо окончилъ экспедицію, на всѣхъ пунктахъ поразилъ злодѣйскія шайки, прогнавъ ихъ въ горы, и предавши огню аулъ султана Магмета, захватилъ въ ономъ 500 штукъ рогатаго скота, 2,000 овецъ и большое количество разныхъ вещей.

По возвращеніи обоихъ отрядовъ, общимъ совѣтомъ начальниковъ положено было всѣ вещи и рухлядь, взятая въ аулахъ непріятельскихъ, продать съ публичнаго торгу. Вырученныя за оныя деньги до 2,000 руб. розданы въ поддержаніе козакамъ, лишившимся лошадей во время битвы, бѣднымъ вдовамъ, потерпѣвшимъ разореніе отъ хищниковъ и лишившихся въ сраженіяхъ мужей своихъ. Весь отбитой у черкесъ скотъ повелѣлъ государь императоръ раздѣлить войскамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи. Закубанцы, бывъ обезкуражены такимъ пораженіемъ, принуждены были искать мира и дружелюбія у черноморцевъ чрезъ посредничество анапскаго паши; возвратили

весь зарабленный ими разновременно скоть, заплатили за всё похищенія, въ пограничныхъ нашихъ селеніяхъ сдѣланныя и обѣщали жить мирно въ своихъ границахъ, съ условіемъ, что бы и наши не дѣлали никакихъ покушеній на ихъ жилища.

Татары же, жившіе за Кубанью своими поселками, 25 августа пожелали перейти на нашу сторону и по высочайшему на то соизволенію поселены до 50 семействъ на сѣверовосточной косѣ Азовскаго моря; курѣнь ихъ названъ Аддою.

Октября 12 его величество повелѣлъ генераль лейтенанту Киряеву быть присутствующимъ въ войсковой канцеляріи.

Въ началѣ 1801 года, при спокойствіи границы, черноморцы были обрадованы милостію императора Павла 1-го, высочайше утвердившаго грамоту вѣчно-блаженной памяти государыни Екатерины Великой во всей ея силѣ, данную войску сему при начальномъ основаніи онаго, слѣдующаго содержанія.

Божіею поспѣшествующею милостію мы Павелъ 1-й императоръ и самодержецъ всеросійскій, московскій, кіевскій и проч. и проч., и проч.

Вѣрнаго нашего черноморскаго войска атаману, старшинамъ и всему войску наше императорское милостивое слово.

Пріемля съ монаршимъ нашимъ благоволеніемъ службу вѣрно-подданнаго намъ черноморскаго войска, видѣли мы съ особеннымъ удовольствіемъ нашимъ вѣрность, усердіе и отличную храбрость, оказанныя симъ войскомъ въ теченіе бывшей послѣдней войны съ Портою Оттаманскою, и нынѣ же съ таковою похвальною ревностію продолжающаго намъ службу свою, Мы, благоволиительно желая изъяснить войску сему Нашу Императорскую благопризнательность и милостиво оказать щедроты и возданіе за вѣрность и службу ихъ, жалуемъ и подтверждаемъ въ вѣчномъ владѣніи ихъ населяемый симъ войскомъ островъ Тамань во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые положены данною имъ въ 1792-мъ году іюня 30 грамотою и учиненнымъ отъ губернаторскаго начальства разграниченіемъ. Сію императорскую милость нашу распространяемъ мы на слѣдующихъ постановленіяхъ:

Первое. Всѣ состоящія на сей пожалованной имъ землѣ всякаго рода угодыя, на водахъ же рыбныя ловли, да пребудуть въ точномъ и полномъ владѣннн и распоряженнн войска черноморскаго, исключая только мѣста для крѣпостей, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на тѣхъ земляхъ для безопасности построены быть имѣють.

Второе. Войску черноморскому благовольтельно ввѣряемъ бдѣннн и охраненнн пограничное отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

Третье. Всемилостивѣйше позволяемъ и подтверждаемъ войску черноморскому право пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на земляхъ войску принадлежащихъ.

Четвертое. Войско черноморское получаетъ отъ насъ повелѣннн чрезъ военное начальство, какъ объ устройствѣ сего войска, такъ и о нарядахъ на службу, которые обявано исполнять съ точностнн и поспѣшностнн, свойственными вѣрноподданнмъ нашимъ; при томъ же правительство войсковое о благосостояннн войска и обо всѣхъ важныхъ происшествннхъ, какнн тамъ случаться могутъ, имѣеть по часту доносить намъ, по гражданской же части быть въ вѣдѣннн нашего сената.

Пятое. Простирая монаршее наше попеченнн о благѣ вѣрнаго намъ черноморскаго койска, соизвольтемъ, чтобъ и управленнн дѣль, до онаго относящихся, воспрннло лучшнн образъ и для того всемилостивѣйше повелѣваемъ учредить въ немъ войсковую канцелярнн на слѣдующемъ основаннн: 1-е въ войсковой канцелярнн присутствовать отъ войска черноморскаго атаману, двумъ членамъ и сверхъ того особамъ, каковыхъ мы заблагоразсудимъ назначить; 2) отъ сей канцелярнн зависить должное наблюденнн въ подчиненныхъ мѣстахъ благоустройства и правосуднн и рѣшеннн всѣхъ дѣль; 3) учредить зависящнн отъ той канцелярнн экспедицнн: первую для дѣль криминальныхъ, вторую для гражданскихъ и тяжebныхъ, третью для казенныхъ, четвертую для межевыхъ, пятую для полицнн и шестую сыскное начальство, соотвѣтствующее земскому суду, и во всѣхъ снхъ экспедицннхъ быть отъ черноморскаго войска пристойному числу чиновъ; 4) экспедицнн снн, производя дѣла, приговоры свои по оннмъ должны вносить на утвержденнн войсковою канцелярнн и опредѣленной отъ насъ въ оную довѣренной

особѣ и доколѣ утверждены не будутъ, исполнять своихъ положеній не должны; 5) войсковая канцелярія и подчиненныя ей экспедиціи какъ теченіе дѣлъ, такъ и земское управленіе должны производить на основаніи общихъ узаконеній всероссійской имперіи; 6) дѣла по гражданской части на апелляцію вносить въ сенатъ, а по военной относиться въ военную коллегію, сообразно чему и уголовныя вносить на ревизію по роду ихъ и принадлежности до того или другаго правительства, но отсылая прежде приговоры свои на разсмотрѣніе довѣренной отъ насъ особѣ; 7) въ судейскія должности опредѣлять погодно, избирая въ сіе званіе способныхъ и благонадежныхъ людей; 8) канцелярію и ея экспедиціи снабдить и впредь снабждать по распоряженію войсковой канцеляріи канцелярскими служителями въ такомъ числѣ, какое для успѣшнаго производства дѣлъ потребно; 9) для сохраненія правосудія и доставленія каждому скорѣйшаго по дѣламъ на законномъ основаніи удовлетворенія всемилостивѣйше дозволяемъ при войсковой канцеляріи быть прокурору.

Шестое. Желая распространить торговлю и промыслы и въ черноморскомъ войскѣ и преподавать оному средства, всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ присвоенныя, всемилостивѣйше дозволяемъ каждому изъ сего войска съ позволенія войсковой канцеляріи записываться въ гильдіи и мѣщане, на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній и согласно съ дарованными отъ насъ каждому состоянію преимуществами, свободно производить торги и промыслы, какъ во всей нашей имперіи, такъ и внѣ оной, для суда же и расправы записавшихся въ купечество и мѣщанство учреждать повсюду ратгаузы на томъ основаніи, какъ оныя учреждены и содержатся во всѣхъ россійскихъ торговыхъ мѣстахъ, поступая въ порядкѣ переноса сихъ дѣлъ на апелляцію и ревизію по предъидущему пятому пункту.

Седьмое. Атаману съ войсковыми старшинами и присутствующими въ войсковой канцеляріи на жалованье, такъ же на употребляемые къ содержанію карауловъ отряды и на прочіе по войску нужные расходы предоставляемъ на всегда пользоваться отпускаемою изъ казны нашей денежною суммою по двадцати тысячъ рублей ежегодно.

Восьмое. Всемилостивѣйше дозволяемъ войску черноморскому, въ означеніе службы его престолу нашему, употреблять данныя имъ отъ насъ знамена, булавы, перначи и войсковую печать, каковая въ войскѣ нашемъ положена.

Впрочемъ мы надѣмся, что войско черноморское, ощущая монаршее наше о немъ попеченіе и покровительство, потщится навсегда не только имѣть бдительное сохраненіе границъ и отправлять съ ревностію и храбростію службу, каковыя на него отъ насъ возлагаются, но и всемѣрно продолжать будетъ стараніе о внутренномъ благоустройствѣ, тишинѣ, трудолюбіи и распространеніи семейственнаго житія, и чрезъ то удостоится вѣщаго нашего благоволенія и щедротъ.

Дано въ михайловскоиъ замкѣ, мѣсяца февраля шестаго на десять дня, лѣта отъ рождества Христова тысяча восемь сотъ перваго, царствованія нашего въ пятое лѣто; высшаго же магистрства нашего въ третье.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако:

Павелъ.

Графъ Ростопчинъ.

27 марта возвѣщено въ Екатеринодарѣ о возшествіи на все-россійскій престолъ всеавгустѣйшаго государя императора Александра I, а мая 23 высочайшимъ указомъ его величества повелѣно генераль лейтенанту Киряеву, за присвоеніе не принадлежащей ему власти, не присутствовать въ войсковой канцеляріи и вмѣсто его назначенъ генераль отъ инфантеріи Дашковъ.

1802 г. Неутомимая бдительность Бурсака къ сохраненію спокойствія границы, разъѣзды байдаками по Кубани и недремлемость кордонной стражи служили помѣхой открытымъ набѣгамъ закубанцевъ въ наши пограничныя селенія; они, питая вражду и давая притворное обѣщаніе жить мирно, умышляли въ то же время новыя злодѣйства; главнѣйшимъ препятствіемъ ихъ предпріятіямъ они почитали разъѣзды по Кубани и вознамѣрились вредить байдакамъ: скрывая злое намѣреніе, терпѣли, выжидали удобнаго случая и не упустили имъ воспользоваться.

Въ это время войсковое правительство предписало артиллеріи хорунжему Венгеру на одномъ байдакѣ, состоявшемъ подъ командою прапорщика Жвачки, перевезть въ Екатеринодаръ хранившійся

въ Бугазѣ порохъ и свинець. Хорунжіи Венгеръ, нагрузя на байдакъ 200 пудъ пороху и столько же свинду и не предвидя никакой опасности, плыль по теченію вверхъ по Кубани къ Екатеринодару. Черкесы, наблюдавшіе движеніе байдака, собравшись въ значительныхъ силахъ, внезапно напали на оный у Каракубанскаго острова. Тщетно мужественные защитники байдака, 2 офицера и 28 козаковъ, усиливались отбиться; злодѣи прозрѣли ихъ малочисленность, стремительнымъ нападеніемъ овладѣли байдакомъ, убили обоихъ офицеровъ и одиннадцать козаковъ, съ прочими людьми, съ 3-хъ фунтовою пушкою, съ порохомъ и свинцомъ и другимъ имуществомъ, взяли оный въ плѣнъ.

Злодѣяніе сіе не оставлено безъ наказанія. Государь императоръ, получивъ объ ономъ донесеніе, повелѣлъ военному генералъ губернатору Михельсону требовать удовлетворенія отъ анапскаго паши и въ случаѣ отказа соизволилъ разрѣшить сдѣлать противъ закубанцевъ экспедицію и жестоко наказать ихъ. Присутствовавшій въ войсковой канцеляріи генералъ отъ инфантеріи Дашковъ сносился по сему случаю съ анапскимъ пашею, настоятельно требовалъ удовлетворенія всѣхъ убытковъ, понесенныхъ черноморцами отъ хищничества закубанцевъ; но паша отказался удовлетворять претензію, не предпринялъ никакихъ мѣръ къ укрощенію, и экспедиція назначена. 14 и 15 егерскіе полки изготовились; Бурсакъ, собравъ черноморцевъ конныхъ 2,275, пѣшихъ 3,858 человекъ и принявъ всѣ средства къ обезпеченію переправы чрезъ Кубань и продовольствія сихъ войскъ, поступилъ подъ начальство шефа 14 егерскаго полка полковника Штетера.

29 маія 1802 г. отрядъ переправился чрезъ Кубань при Ольгинскомъ посту. Полковникъ Штетеръ, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о жилищахъ злодѣевъ, участвовавшихъ въ отбитіи байдака, командировалъ впередъ Бурсака съ конными и пѣшими козаками, а самъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся въ слѣдъ за нимъ.

Бурсакъ, пройдя всю ночь, на разсвѣтѣ 30 числа приблизился тихо къ владѣніямъ князя Баджука и, приказавъ пѣшимъ не отставать, съ конницею кинулся въ аулы. Внезапное рѣшительное нападеніе сіе произведено съ успѣхомъ: черкесы, не ожидавшіе онаго, пришли въ чрезвычайное замѣшательство. Напрасно

300 полунагихъ наѣздниковъ старались защитить свои жилища и прикрыть бѣгство семействъ своихъ съ имуществомъ въ лѣса и горы. Бурсакъ мгновенно смялъ ихъ, истребивъ на мѣстѣ до 200 человекъ; онъ отрѣзалъ отъ лѣса бѣгущихъ и захватилъ въ плѣнъ самаго князя Баджука съ его семействомъ и другими владѣльцами обоего пола до 25 душъ, а узденей и прочихъ черкесъ съ семействами до 600 душъ; отбилъ рогатаго скота 1,158 штукъ, овецъ 2,500 и часть лошадей. При семъ же отнято изъ числа похищеннаго у насъ злодѣями пороху 30 пудъ, свинцу 70 пудъ и множество желѣза въ ломѣ изъ байдака. Уронъ съ нашей стороны былъ весьма маловаженъ: убито козаковъ 4, ранено старшинъ 2 и козаковъ 13.

Окончивъ такимъ образомъ экспедицію, отрядъ нашъ, отправясь на сію сторону, выдерживалъ карантинный терминъ при Ольгинскомъ посту, а плѣнные черкесы отправлены въ екатеринодарскую карантинную заставу.

Государь императоръ, усматривая изъ всеподданнѣйшихъ донесеній столь успѣшное дѣйствіе нашихъ войскъ противъ закубанцевъ, всемилостивѣйше благоволилъ наградить атамана Бурсака чиномъ полковника, а султана Али Шеретлу Оглу, вѣрно, съ особеннымъ самоотверженіемъ дѣйствовавшаго противъ своихъ единовѣрцевъ, въ подполковники; но и прочіе, оказавшіеся достойными, не лишены также высоко-монаршихъ милостей. Взятый скотъ, овецъ и лошадей повелѣно раздать войскамъ, бывшимъ въ дѣйствіи. Плѣнныхъ черкесъ предположено размѣнять на нашихъ, разновременно захваченныхъ злодѣями; въ послѣдствіи времени, по представленію военнаго губернатора Михельсона, всѣхъ оставшихся отъ размѣна плѣнныхъ закубанцевъ, позволено раздавать на поруки штабъ и оберъ-офицерамъ черноморскаго войска цѣлыми семействами, изъ коихъ нѣкоторые, привыкнувъ къ образу жизни козаковъ, къ ихъ нравамъ и обычаямъ, пожелали на всегда остаться здѣсь, крестились и, вступивъ въ службу, были стражами нашей границы, храбрыми воинами.

1802 г. Государственная военная коллегія, рассматривая переданные въ оную всеподданнѣйшіе рапорты генерала отъ кавалеріи Михельсона и прежде присутствовавшаго въ войсковой канцеляріи генераль-лейтенанта Киряева и, соображая съ свѣдѣніями,

собранными оною, о войскѣ черноморскихъ козаковъ, положила произвести въ ономъ разныя перемѣны, и слѣдующее ея мнѣніе утверждено государемъ императоромъ.

1-е. Принявъ за основаніе количество состоящихъ нынѣ въ войскѣ черноморскомъ способныхъ къ службѣ чиновниковъ и козаковъ и уважая при томъ дарованное имъ по высочайшей грамотѣ дозволеніе записываться въ купцы и мѣщане, равно домашнія упражненія по возрождающемуся еще, такъ сказать, хозяйству и въ то же время исправленія внутренней службы по войску, имѣющему бдѣніе о сохраненіи границъ отъ злодѣйствующихъ сосѣдей, а не менѣе и возможность къ приведенію себя въ требуемое родомъ ихъ службы состояніе, которое достаточнымъ впредь до усмотрѣнія быть почитается, положить нынѣ въ ономъ могущихъ въ случаѣ надобности употребиться на походную службу 10 конныхъ и 10 пѣшихъ пяти-сотныхъ полковъ, удѣляя изъ числа сихъ послѣднихъ для службы на судахъ и при артиллерійскихъ орудіяхъ, какъ сего надобность и обстоятельства потребуютъ.

2-е. Каждому полку состоять по примѣру донскаго, какъ конному, такъ и пѣшему, изъ одного полковника, 5-ти полковыхъ есауловъ, 5-ти сотниковъ, 5-ти хорунжихъ, 1-го квартирмистра, 1 писаря и 483 козаковъ, всѣхъ чиновъ 501 человекъ, а по сему количеству полковъ опредѣлить и комплектъ штабъ и оберъ-офицеровъ и именно: полковниковъ 20, полковыхъ есауловъ 100, сотниковъ 100, хорунжихъ 100, квартирмистровъ 20; изъ коихъ всѣ тѣ, которые не на походной службѣ обрѣтаться будутъ, равно и состоящіе нынѣ противъ сего числа сверхъкомплектными, употреблены быть могутъ на исправленіе внутренней по войску службы.

3-е. Чины имѣть войсковымъ старшинамъ и полковникамъ маіорскіе, полковымъ есауламъ ротмистрскіе, сотникамъ поручичьи, хорунжимъ корнетскіе, а квартирмистрамъ равняться съ квартирмистрами регулярныхъ войскъ.

4-е. Всѣхъ находящихся въ войскѣ, не имѣющихъ еще армейскихъ ранговъ, способныхъ и неспособныхъ чиновниковъ 350 человекъ, выключая выбывшихъ изъ того числа разными случаями, утвердить въ сообразность вышеизъявленному чинами оберъ-офицерскими армейскими, оставляя имъ прежнее войсковое званіе; по-

ручиковъ въ войскѣ служащихъ всемилостивѣйше пожаловать полковыми есаулами, а подпоручиковъ сотниками, прапорщикамъ же остаться въ чинахъ хорунжихъ, имѣя предъ тѣми хорунжими, кои нынѣ въ чинахъ утвердятся, старшинство.

5-е. Объявленіе по сему чиновъ, въ которомъ черноморскаго войска чиновники утверждаются, сохраняя прежнія ихъ наименованія или производятся, препоручить инспектору войскъ, который бы, истребовавъ объ нихъ списки, предписалъ черноморской войсковой канцеляріи, кому именно какой чинъ объявить, и таковыя же списки о всѣхъ утвержденныхъ въ чинахъ и о произведенныхъ изъ поручиковъ въ есаулы, а изъ подпоручиковъ въ сотники, равномѣрно какъ и вообще о всѣхъ чиновникахъ войска черноморскаго, всеподданнѣйше представить государю императору и въ государственную военную коллегію, дабы списочное ихъ состояніе, съ различіемъ способныхъ и неспособныхъ, приведено было въ довлѣемую извѣстность.

6-е. Что принадлежитъ до недостающаго числа, по количеству полковъ, полковниковъ, то за помѣщеніемъ на сіи вакансіи находящихся теперь въ войскѣ штабъ-офицеровъ, представить на достальныя мѣста къ произведенію изъ старшихъ, но достойныхъ и заслуженныхъ капитановъ и полковыхъ есауловъ, атаману и войсковой канцеляріи чрезъ инспектора государю императору.

7-е. Впредъ ни въ какіе офицерскіе чины по войску никому не производить; а о тѣхъ, кои слѣдовать будутъ къ произведенію, не иначе, какъ на вакансіи въ положенной выше комплектъ, по удостоенію атамана съ войсковою канцеляріею, всеподданнѣйше представить государю императору чрезъ инспектора, а въ военное время чрезъ командующаго генерала арміею или корпусомъ войскъ, гдѣ черноморскіе козацкіе полки находятся будутъ, по удостоенію походнаго атамана или полковниковъ.

8-е. При таковыхъ представленіяхъ наблюдать не одно только старшинство, но способность къ службѣ и достоинство, а въ военное время наблюдать наипаче отличную храбрость и расторопность, въ дѣлѣ съ непріателемъ оказанныя; тѣмъ не меньше однакъ, когда въ представленіи офицеровъ къ повышенію кто изъ старшихъ за слабое исправленіе службы, неспособность или за какой либо порокъ обходимъ будетъ, тогда въ ономъ же представ-

леніи доносить, для чего именно не удостоивается; къ произведенію же сверхъ комплекта никому никогда не представлять.

9-е. На службу наряжать офицеровъ войсковому атаману обще съ войсковою канцелярією по ихъ разсмотрѣнію изъ состоящихъ по спискамъ; но еслибы впредь, когда войско черноморское въ состояніи будетъ больше выкомандировать на службу полковъ, нежели то число, для какого теперь въ комплектъ офицеровъ полагается, случился въ оныхъ недостатокъ; то опредѣлять тогда въ полки офицерами за урядъ изъ способныхъ и заслуживающихъ сію довѣренность урядниковъ, или по ихъ названію сотенныхъ есауловъ и козаковъ; и для того изъ сихъ за урядъ служащихъ, кои въ званіи и должности ихъ желаемую исправность и въ дѣлѣ съ непріятелемъ отличное мужество и расторопность окажутъ, преимущественно представлять на открывающіяся вакансіи къ произвожденію по порядку въ хорунжіе, а чрезъ чинъ никого отнюдь не представлять, дабы прочіе, дѣйствительно въ офицерскихъ чинахъ вмѣстѣ служащіе, чрезъ то обиды чувствовать не могли.

10-е. Вообще при нарядахъ полковъ и командъ, офицеровъ и козаковъ на службу войсковому атаману и войсковой канцеляріи руководствоваться совершеннымъ безпристрастіемъ, наблюдая безобидное однихъ съ другими уравненіе и очередь, какъ того самый долгъ присяги требуетъ; за всякой же вопреки сему поступокъ не минуемо повинны да будутъ дать отвѣтъ.

11-е. Когда надобность и обстоятельства востребуютъ командировать изъ сего войска конные, или пѣшіе полки на службу внутрь имперіи, или за предѣлы оной, то съ того времени, когда они находятся будутъ далѣе ста верстъ отъ тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ полкъ собравшись весь выступилъ, получать по самое возвращеніе въ границы земель войска черноморскаго слѣдующее содержаніе: при конныхъ полкахъ штабъ и оберъ офицерамъ денежное жалованье съ денщичьямъ и раціонами по послѣдне состоявшемуся штату армейскихъ гусарскихъ полковъ, каждому по своему чину, полковому же писарю жалованья въ годъ по тридцати рублей и указанную дачу провіанта; коннымъ козакамъ денежнаго жалованья въ годъ по 12 рублей, а провіантъ прогнву солдатскихъ дачъ, и какъ писарю, такъ и козакамъ производить на зимніе мѣсяцы фуражъ, полагая по климатамъ отъ 6 до 8 мѣсяцевъ, каж-

дому на двѣ лошади, изъ коихъ на одну натурою, а на другую деньгами по цѣнамъ, за какія въ тѣхъ мѣстахъ фуражъ при покупкѣ его въ казну обходится. При цѣпшихъ же полкахъ штабъ и оберъ офицерамъ жалованье съ денщичьимъ и раціонами по послѣдне состоявшемуся штату полевыхъ пѣхотныхъ полковъ, но денщиковъ въ натурѣ никому не давать, писарю такъ же въ годъ жалованья 30 рублей съ солдатскою дачею провіанта, козакамъ пѣшихъ полковъ равное же жалованье съ козаками конными, то есть въ годъ по 12 руб. и указную дачу противу рядоваго провіанта; а дабы они имѣли на чемъ поднять въ походѣ провіантъ и экипажъ свой, то, когда не на судахъ употреблены будутъ, производить на каждую сотню на десять лошадей фуражъ, овесъ и сѣно, натурою, или деньгами, по тѣмъ цѣнамъ, по коимъ онъ покупкою въ казну обходится, такъ же какъ выше сказано, по климатамъ. Сверхъ сего на лошадей подъ артиллерію и снаряды при сихъ полкахъ въ походѣ во время войны, быть имѣющіе, ограничивая число ихъ, полагаемыхъ на сіе употребленіе при прочихъ равныхъ калибровъ орудіяхъ, отпускать на зимніе мѣсяцы, по климатамъ же, фуражъ натурою, или деньгами, какъ выше сказано; и въ случаѣ когда сколько изъ оныхъ убито или отбито будетъ непріателемъ, или же падеть отъ форсированныхъ маршей, выдавать изъ казны за нихъ на узаконенномъ основаніи и порядкѣ деньги, по цѣнамъ, въ штабахъ полевыхъ пѣхотныхъ полковъ подъемной лошади положеннымъ.

12-е. Когда въ случаѣ открытой войны войско сіе употребится къ дѣйствіямъ противу непріятеля, хотя бы они по положенію жилищъ своихъ по границѣ и близко отъ оныхъ отряжены были, то производить имъ равномѣрное вышеписанному содержаніе съ самаго того времени, какъ скоро они будутъ посажены на суда, пойдутъ отъ береговъ въ море, или выступятъ по сей же причинѣ съ сборныхъ мѣстъ за границу, не взирая на опредѣленное выше сего разстояніе, до возвращенія ихъ къ войсковымъ предѣламъ; не распространяется сіе однакожъ на употребляемыхъ для стражи по границѣ противу сопредѣльныхъ имъ хищныхъ народовъ, для частныхъ экспедицій, для репрессальевъ и наказанія злодѣевъ, въ пользу войсковыхъ жителей производимыхъ, и для развѣздовъ около своихъ береговъ, принадлежащихъ къ кордонной ихъ стражѣ.

Указъ государственной военной коллегіи по сему предмету послѣдовалъ войсковой канцеляріи 18 ноября 1802-го года.

Войсковый атаманъ Бурсакъ обще съ войсковою канцеляріею, приведя въ точное исполненіе сіе мнѣніе государственной военной коллегіи 16 апрѣля 1803 г., занялся укомплектованіемъ двадцати пятисотныхъ полковъ и назначилъ командирами въ оныя испытанныхъ штабъ-офицеровъ.

Въ сіе время послѣдовало исполненіе и прочихъ учрежденій по войсковому правленію, означенныхъ въ указѣ 26 марта 1802 года, правительствующимъ сенатомъ данномъ, а именно:

По войску черноморскому:

Первое. Составить войсковое правительство съ такимъ же числомъ присутствующихъ, какъ въ донскомъ войскѣ полагается, то есть: присутствовать въ оной, подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, двумъ членамъ непремѣннымъ и четыремъ ассесорамъ по выбору, смѣняя сихъ послѣднихъ чрезъ каждые три года; впрочемъ не возбраняеть въ званія сіи выбирать и опредѣлять такъ же изъ отставныхъ, которые, не будучи болѣе способны въ военную службу, могутъ, по приобрѣтенной ими опытности, съ болшею еще пользою быть судьями, но съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ воинскимъ зависѣть отъ инспектора крымской инспекціи, а по части гражданской состоять въ вѣдомствѣ тамошняго губернскаго начальства и особенно управляющаго губерніею.

Второе. Затѣмъ присутствіе особаго генерала такъ же отмѣнить, оставя въ канцеляріи прокурора седьмаго класса, которому состоять въ вѣдомствѣ губернскаго прокурора.

Третье. По совершенно нездоровому мѣстоположенію г. Екатеринодара, войсковую канцелярію перевести въ Тамань, предоставляя однакожь жителямъ Екатеринодара полную свободу оставаться на мѣстѣ, или по возможности, выгодѣ и удобства, такъ же переселиться въ Тамань.

Четвертое. Составленіе штата для войсковой канцеляріи поручить генералу Дашкову, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ мнѣніе свое правительствующему сенату для внесенія къ Намъ на утвержденіе.

Но переводъ войсковои канцеляріи изъ Екатеринодара въ Тамань государемъ императоромъ высочайше отиѣненъ по просьбѣ войска, находившаго въ семъ перемѣщеніи большія неудобства, по причинѣ отдаленности Тамани отъ центра границы и отъ прочихъ селеній сей земли, равно и штатъ не утверждень.

Послѣ таковыхъ перемѣнъ въ устройствѣ войска всеавгустѣйшій императоръ Александръ I-й благоволилъ пожаловать оному всемилостивѣйшую грамоту слѣдующаго содержания:

Божіею милостію мы Александръ первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч. и проч. и проч.

Вѣрнаго нашего черноморскаго войска атаману, старшинамъ и всему войску наше императорское милостивое слово:

Во уваженіе на службу вѣрноподданнаго намъ черноморскаго войска, съ ревностію и усердіемъ продолжаемую, за благо признали мы симъ подтвердить пожалованныя ему въ 30 день іюня 1792 г. и въ 16 февраля 1801 года грамоты, съ нижеслѣдующими постановленіями.

Первое. Населяемый симъ войскомъ островъ Тамань да будетъ въ вѣчномъ и неотъемленномъ владѣніи онаго во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые по учиненному разграниченію ему предоставлены, и въ слѣдствіе того всѣ состояція на сей землѣ всякаго рода угодыя, на водахъ же рыбныя ловли, должны на всегда остаться въ точномъ и полномъ распоряженіи войска, исключая токмо мѣста для крѣпостей, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на землѣ сей для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе. Войску черноморскому вѣряется по прежнему бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ. Мы надѣмся при семъ, что войско сіе, бывъ сильно отразить во всякое время сихъ непріятелей, не позволить себѣ принимать извнутри Россіи никакихъ людей подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ибо подобныя переходы противны общему порядку и благоустройству государства.

Третье. Всемилостивѣйше позволяемъ и утверждаемъ войску черноморскому право пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на земляхъ войску принадлежащихъ. При сихъ даруемыхъ войску выгодахъ долженствуетъ оно всѣ по земству повинности, наипаче же содержаніе казармъ и отопливаніе

и освѣщеніе находящихся и впредь тамъ быть могущихъ армейскихъ полковъ, исправлять всегда безмолвно, какъ того общественная польза требуетъ.

Четвертое. Войско черноморское получаетъ отъ насъ повелѣніи чрезъ военное начальство, какъ объ устройствѣ онаго, такъ и о нарядахъ на службу, которыя и обязано исполнять съ точностію и поспѣшностію.

Пятое. Войсковому правительству быть на томъ точно основаниі, какъ въ указѣ нашемъ, въ 25 день февраля 1802 года изданномъ, постановлено: по дѣламъ войсковымъ должно оно зависѣть отъ инспектора крымской инспекціи, а по части гражданской состоять въ вѣдомствѣ таврическаго губернскаго начальства и особенно управляющаго губерніею.

Шестое. Всемилостивѣйше дозволяемъ и подтверждаемъ каждому изъ сего войска, съ вѣдома войсковаго начальства, записываться въ гильдіи и мѣщане, на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній, для свободнаго отправленія торговъ и промысловъ, какъ во всей имперіи нашей, такъ и внѣ оной.

Седмое. Для учрежденныхъ въ войскѣ черноморскомъ, по указу отъ 13-го ноября 1802 года, двадцати полковъ, къ даннымъ отъ покойнаго родителя нашего, государя императора Павла Петровича, 14-ти знаменамъ, всемилостивѣйше жалуемъ и при семь доставляемъ войску еще 6 знаменъ, подтверждая и употребленіе булавы, перначей и войсковой печати.

Въ прочемъ увѣрены мы, что войско наше черноморское, пользуясь подтвержденными ему нынѣ правами, по колику они могутъ быть съ общими государственными постановленіями согласны, не престанетъ съ обычною ему къ намъ ревностію продолжать быть навсегда храбрымъ и ревностнымъ къ службѣ, соблюдая внутреннее благоустройство и тишину, и распространеніемъ семейственнаго житія вѣщшее пріобрѣтая отъ насъ къ себѣ благоволеніе.

Дано въ Санктпетербургѣ мая тридцать перваго дня тысяча восемь сотъ третьяго года.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Александръ.

Государственный канцлеръ Александръ Воронцовъ.

Сентября 7-го государственная военная коллегія, по высочайшей волѣ, указомъ повелѣла въ пятисотные черноморскіе полки добавить еще по 50 козаковъ и установила имѣть чиновниковъ въ комплектѣ полно: полковника 1, есауловъ 5, сотниковъ 5, хорунжихъ 5, квартирмистра 1, писаря 1 и урядниковъ 10, коимъ во время службы производить жалованье старшимъ 58 руб., а младшимъ 17 руб. ассигнаціями, и сіе положеніе распространено на всѣ иррегулярныя войска.

Кромѣ сего для наблюденія и объѣзда береговъ Чернаго моря, прилежащихъ къ сей землѣ, высочайше повелѣно адмиралу Мордвинову дать войску изъ Таганрога вновь выстроенныхъ десять лодокъ со всѣмъ вооруженіемъ; лодки сіи доставлены въ Бугазъ капитаномъ-лейтенантомъ де-Голетомъ. Старую-же гребную флотилію, состоявшую въ войскѣ, предписано было изломать и построить изъ оной нѣсколько байдаковъ для разъѣздовъ по Кубани и для перевозки провіанта козакамъ, на кордонной службѣ состоящимъ, что исполнено атаманомъ Бурсакомъ не прежде 30 апрѣля 1804 года.

Въ семь-же 1803-мъ году, по представленію военного генералъ-губернатора Михельсона, посѣтившаго Черноморію. снята съ черноморцевъ повинность снабжать регулярныя войска, здѣсь квартировавшія, собственнымъ отопливаніемъ, ибо сія тягость, несенная козаками съ начала прибытія въ Черноморію тѣхъ полковъ, найдена не только обременительною, но даже совершенно разоряющею жителей, всегда находящихся на стражѣ границы опасной. И съ сего времени регулярныя войска, какъ употребляемыя для однихъ экспедицій, а потому свободныя отъ службы, заготовляли отопливаніе собственными средствами.

Генералъ Михельсонъ, бывши въ Черноморіи, обозрѣвалъ всѣ части устройства въ войскѣ, всѣ отрасли промышленности жителей и найдя во всемъ строгій порядокъ и благодѣтельное попеченіе войсковаго правительства о благосостояніи края, всеподаннѣйше доносилъ о томъ государю императору, который, въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 9 октября изъявивъ особенное монаршее благоволеніе къ отличному усердію войсковаго атамана

Бурсака, всемилостивѣйше наградилъ его орденомъ св. Анны 2 класса.

9-го сентября бдительные черноморцы замѣтили шайбу закубанцевъ, напавшихъ на купеческое турецкое судно, сѣвшее на мель въ Бугазскомъ заливѣ, не вдалекѣ отъ нашего берега, бросились въ каюки и поспѣшими на помощь туркамъ; они сразились съ хищниками, обратили ихъ съ большимъ урономъ въ бѣгство и спасли судно. Анапскій паша въ благодарность за столь полезную помощь прислалъ въ подарокъ храброму начальнику спасителей судна, поручику Паливодѣ дорогую лисью шубу, пару пистолетовъ, оправленныхъ въ серебро и вызолоченныхъ, и отличное ружье, и вещи сіи съ дозволенія атамана Бурсака Паливода принялъ.

Въ теченіи 1803 года закубанцы, уstraшенные сдѣланными противъ нихъ экспедиціями, показывая миролюбивое расположеніе къ Черноморіи, не тревожили границъ нашихъ. Но Бурсакъ не переставалъ наблюдать за ними, былъ остороженъ при всѣхъ переговорахъ съ владѣльцами разныхъ племенъ, ежедневно пріѣзжавшими на екатеринодарскую пристань и ласково принимая всѣ ихъ увѣренія въ дружелюбіи къ намъ, въ преданности ихъ Россіи, посредствомъ вѣрнаго помощника своего султана Али. перешедшаго изъ-за Кубани въ Россію еще въ 1799 году и благодѣтельствованнаго правительствомъ возвышеніемъ въ чинъ подполковника, внимательно старался разгадывать ихъ скрытые коварные замыслы.

Такая благоразумная осторожность, всегда необходимая противу хитрыхъ хищниковъ, не скрылась отъ ихъ проницательности. Они, желая отвратить отъ себя всякое подозрѣніе, тогда же оставили набѣги свои на Черноморію и толпами многочисленными обратились къ кавказской линіи. Тамъ начальствовалъ въ то время генераль-лейтенантъ Глазенапъ. Онъ съ малочисленными своими войсками не могъ ни отражать набѣговъ непріятеля, ни наказывать его и черкесы безпрепятственно свирѣпствовали на линіи. Въ короткое время они успѣли нанести величайшій вредъ тамошнимъ обитателямъ, угнали въ горы

большую часть ногайцевъ, издавна подданныхъ Россіи, жившихъ вблизи границъ. Генераль Глазенапъ вынужденнымъ нашелся требовать въ подкрѣпленіе своихъ войскъ нѣсколько донскихъ козачьихъ полковъ. а между тѣмъ, сообщая Бурсаку о столь сильной опасности кавказской кордонной линіи, предлагалъ ему, для отвлеченія отъ оной нападенія горцевъ, сдѣлать диверсію за Кубань съ черноморскими полками.

Атаманъ Бурсакъ, имѣя высочайшее повелѣніе государя императора не производить дѣйствій за Кубанью, не могъ безъ разрѣшенія начальствовавшего въ Крыму генерала отъ инфантеріи Розенберга исполнить предложеніе Глазенапа; представивъ же о томъ, получилъ предписаніе блюсти спокойствіе одной своей границы. Но еще до полученія Бурсакомъ сего разрѣшенія донскіе полки прибыли на линію и набѣги черкесъ умалились. Главнѣйшія скопища злодѣевъ совершенно разсѣялись, остались только небольшія шайки, чтобы тревожить кордоны: прочіе же, переселясь къ сапсугамъ, при наступленіи зимы, въ январѣ 1804 года открыли дѣйствія противу Черноморіи.

1804 г. съ января по іюль мѣсяць непріатели значительными толпами нападали на границы наши; кордонная стража упогребляла всѣ усилія къ отраженію, но не всегда имѣла въ томъ успѣхъ. При случившихся въ это время жаркихъ перестрѣлкахъ, злодѣи убили двухъ офицеровъ, козаковъ 22, захватили въ плѣнъ жителей обоого пола 10 человекъ и угнали разнаго скота до 100 штукъ.

Атаманъ Бурсакъ, желая отмстить хищникамъ за такіе разбои, испрашивалъ у генерала Розенберга разрѣшенія сдѣлать экспедицію. Государь императоръ, по представленію о томъ Розенберга, высочайше повелѣтъ соизволилъ наказать закубанцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказано генералу Глазенапу въ одно время съ Бурсакомъ дѣйствовать противъ нихъ отъ стороны кавказской линіи. Вскорѣ 10 черноморскихъ полковъ подъ начальствомъ самаго Бурсака и баталіонъ 12 егерскаго полка съ полковникомъ Сабанѣевымъ выступили за Кубань. Генераль-лейтенантъ Глазенапъ тогда-же открылъ свои дѣйствія.

Между тѣмъ, какъ Глазенапъ двумя отрядами стремился наказать племя бесленеевское, обитавшее по рѣкамъ Урупъ, Тагагъ, большомъ и маломъ Зеленчугахъ, Бурсакъ, раздѣливъ свои войска на три колонны, третьяго декабря перешелъ рѣки Шепшь и Афишь и разными направленіями вторгнулся во владѣнія сапсуговъ. Нападенія его на аулы были быстры, рѣшительны; отчаянное сопротивленіе черкесъ не могло остановить ихъ. Мужественные козаки жестоко мстили хищникамъ за ихъ коварства и за смерть своихъ товарищей, павшихъ при защитѣ границы. Убійства продолжались по 14-е число; разоривъ до основанія со всѣми продовольственными заготовленіями нѣскольکو ауловъ, въ коихъ заключалось болѣе тысячи домовъ, отрядъ возвратился къ Кубани. Уронъ непріятеля былъ значителенъ: взято въ плѣнъ четыре наѣздника, убито обоого пола до 700 душъ, ранено 1,000 человѣкъ, лошадей убито 200, рогатаго скота угнано до 2,000 и овецъ 3,000, значительное имущество, найденное въ аулахъ, взято нашими войсками. Потеря съ нашей стороны была: убитыхъ оберъ-офицеровъ 3 и козаковъ 60, раненныхъ 40 человѣкъ.

Государь императоръ за столь удачную экспедицію противу горцевъ удостоилъ высочайшаго благоволенія своего атамана Бурсака и монаршими милостями повелѣлъ наградить отличнѣйшихъ и храбрыхъ его сподвижниковъ.

Миролюбивыя прибрежныя племена закубанскія, искренно радуясь гибели ненавистныхъ для нихъ сапсуговъ, прислали въ Екатеринодаръ своихъ мурзь и дворянъ благодарить Бурсака и раздѣлить вмѣстѣ съ нашими воинами радость счастливой побѣды.

Взятый въ добычу у сапсуговъ скотъ Бурсакъ приказалъ раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ одна тогда же поступила на войска, участвовавшія въ экспедиціи, а другая роздана бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, болѣе потерпѣвшимъ при набѣгахъ закубанцевъ, и въ пользу госпиталей и лазаретовъ.

1805 года Черноморія отдохнула отъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей и жители ревностно занимались домашнимъ благоустройствомъ, вспомошествоваемые попеченіями войсковаго правительства.

Самые злѣйшіе наши непріатели сапсуги, бывъ жестоко наказаны за свои злодѣянія, чрезъ посредство анапскаго паши, просили въ это время мира и клялись не тревожить нашей границы, если непріязненные противъ нихъ дѣйствія будутъ прекращены. Атаманъ Бурсакъ не только обѣщалъ имъ не разорять ихъ владѣній, но даже рѣшился позволить имъ по прежнему вести торговля сношенія съ Черноморіею на мѣновыхъ дворахъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они возвратили нашихъ плѣнныхъ и бѣглецовъ. Они согласились на сіе условіе и въ скоромъ времени привели на екатеринодарскій мѣновый дворъ двухъ дезертировъ и 12 человекъ плѣнныхъ разнаго званія. Ревностная и полезная служба государству атамана Бурсака удостоилась особеннаго высочайшаго вниманія государя императора и въ семь году при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ его величества онъ имѣлъ счастье получить орденъ св. Анны 2-го класса, алмазами украшенный.

1806 г. Въ майѣ мѣсяцѣ 1806 года владѣлецъ племени пшедуховъ Бать-мурза, бывший въ покорности Россіи съ 1801 года, вздумалъ возмущать какъ своихъ подданныхъ, такъ и другихъ сосѣдственныхъ ему владѣльцевъ къ возобновенію набѣговъ на Черноморію. Причиной этому былъ ложный слухъ, распространившійся между горцами, будто бы съ нашей границы откомандированы всѣ войска противу французовъ и мы совершенно уже безсильны отражать ихъ нападенія. Но таковое заблужденіе горцевъ было кратковременно, и хотя при двухъ удачныхъ набѣгахъ они успѣли угнать съ нашей стороны 60 лошадей и 7 воловъ, однакожь увидя, что за сіе воровство Бурсакъ началъ сильно готовиться наказать ихъ, они тотъ часъ возвратили всѣхъ лошадей и воловъ и присягой обязались не дѣлать болѣе никакихъ враждебныхъ покушеній. Бать-мурза тогда же раскаялся и присягнулъ въ вѣрности.

Такимъ образомъ спокойствіе въ войскѣ снова водворилось. Государь императоръ, по засвидѣтельствованіи Дюка-де-Ришелье за отличной порядокъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, найденный имъ при вступленіи своемъ въ начальствованіе симъ

краемъ и благоустройство войска сего, въ высочайшемъ рескриптѣ своемъ удостоилъ монаршего благоволенія атамана Бурсака и въ то же время соизволилъ все милостивѣйше наградить золотыми часами его помощниковъ: непремѣнныхъ членовъ войсковой канцеляріи—подполковниковъ Чепѣгу и Кордовскаго, ассесоровъ войсковыхъ—полковниковъ Гелдыша, Вараву и Волкорѣза и секретаря есаула Мудраго.

Стараніями Бурсака въ семь году учреждено въ Еватори-нодарѣ войсковое училище, съ одобренія попечителя императорскаго харьковскаго университета, тайнаго совѣтника, графа Потоцкаго. Смотрителемъ онаго назначенъ войсковой протоіерей Кириллъ Россинскій, умный, ревностный помощникъ атамана въ развитіи въ семь краѣ просвѣщенія.

26 ноября генераль лейтенантъ Дюкъ-де-Ришелье, выступя изъ Одессы со своею дивизіею въ компанію противу французъ, поручилъ генераль лейтенанту Пустошкину требовать изъ Черноморіи 2 конные полки въ Крымъ для занятія разѣздовъ по берегамъ Чернаго моря. По измѣнившимся въ послѣдствіи обстоятельствамъ Пустошкинъ предписалъ Бурсаку командировать туда одинъ только полкъ, который, съ войсковымъ полковникомъ Ляхомъ, прибылъ въ Карасубазаръ 6 февраля 1807 года, гдѣ и находился по ноябрь мѣсяць, а послѣ былъ обращенъ въ войско.

1806 годъ, кромѣ сего, ознаменованъ переселеніемъ въ Россію изъ-за Кубани, по высочайшему повелѣнію, татаръ, изъ коихъ одна часть пошла на жительство въ Крымъ, а другая поселена въ предѣлахъ Черноморіи, таманской округи, на сѣверо-восточной косѣ Азовскаго моря. Черкесы же, пожелавшіе перейти къ намъ, помѣщены въ еваториновдарскомъ округѣ при куренѣ Гривинскомъ на рѣчкѣ Ангилікѣ; они въ послѣдствіи времени, желая вѣрно служить Россіи, добровольно поступали въ черноморскіе полки и, раздѣляя съ козаками по братски всѣ труды и опасности, съ одинаковымъ усердіемъ охраняли наши границы отъ набѣговъ своихъ единовѣрцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

*Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ I.
Одесса. 1886 г.*

Не такъ давно то время, когда подъ именемъ археолога разумѣли у насъ собирателя-антиквара, а на самую археологію смотрѣли, какъ на особаго рода чудачество, безвредное, но непростительное для чело-вѣка, обладающаго всѣми своими способностями. Предубѣжденіе про-тивъ археологіи коренилось въ той изолированности и частичности, ко-торыми отличались у насъ занятія этою отраслю историческихъ знаній до учрежденія археологическихъ обществъ, а потомъ періодическихъ съѣздовъ въ разныхъ городахъ Россіи. Разрозненныя дотогдѣ усилія и труды отдѣльныхъ лицъ при посредствѣ обществъ и съѣздовъ вошли во взаимныя соотношенія, а оттого мѣстные вопросы и интересы получили обще-научную почву и болѣе широкое обоснованіе. Въ обобщеніи и популяризаціи археологическихъ данныхъ особенно важное значеніе имѣли археологическіе съѣзды, привлекавшіе многочисленныхъ ученыхъ со всѣхъ концовъ Россіи, сближавшіе ихъ путемъ личнаго знакомства и совмѣстнаго обсужденія вопросовъ общихъ для нихъ занятій. а вмѣстѣ съ тѣмъ выводившіе на широкую дорогу знанія работниковъ туземныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ обязанныхъ сидѣть на корню.

Съ этой точки зрѣнія мы и должны разсматривать труды послѣд-няго по времени одесскаго съѣзда, первый томъ которыхъ такъ скоро сравнительно вышелъ изъ печати.

Изданіе это посвящено памяти устроителя съѣздовъ гр. А. С. Ува-рова и открывается портретомъ и обстоятельной біографіей его, состав-ленной Д. Н. Анучинымъ.

Затѣмъ слѣдуютъ матеріалы для исторіи сѣзда и характеристика бывшей при немъ выставки, изъ предметовъ которой выдѣлены: славянское четвероевангеліе XV—XVI в. изъ елисаветградской покровской единовѣрческой церкви, украшенное множествомъ драгоценныхъ миниатюръ, и бронзовая ручка съ древней вазы VI или V вв. до Р. Х., найденной въ курганѣ близъ с. Мартоноши елисаветгр. уѣзда. Далѣе слѣдуетъ черезчуръ, быть можетъ, коротенькая «замѣтка» объ экскурсіи, состоявшейся послѣ сѣзда и имѣвшей цѣлью осмотръ Севастополя, развалинъ Херсонеса и пещерныхъ городовъ Крымъ.

Послѣ этой вводной части помѣщено 18 рефератовъ, читанныхъ на сѣздѣ; въ первый томъ вошли статьи почти исключительно пріѣзжихъ археологовъ и большая часть посвящена древностямъ первобытнымъ. Нѣкоторые рефераты появились въ печати въ болѣе полномъ видѣ и тщательнѣе отдѣланными, а нѣкоторые трудно и узнать.

Болѣе къ антропологіи, чѣмъ къ археологіи, относится стоящее на первомъ мѣстѣ изслѣдованіе Д. Н. Анучина по древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, представляющее результатъ краниологическихъ и остеологическихъ измѣреній немногихъ извѣстныхъ, завѣдомо-древнихъ скелетовъ животныхъ. Въ концѣ своего труда авторъ обращается съ просьбой хранить и доставлять ему кости животныхъ, вырытыя изъ древнихъ могилъ.

Его-же рефератъ «О нѣкоторыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Сибири» посвященъ каменнымъ орудіямъ, представляющимъ изображеніе рыбъ. Подобные имъ предметы находимы были и въ сѣверной Америкѣ. Выводъ тотъ, что доисторическія культуры Сибири и сѣверной Америки находились въ общеніи и что американская оказывала вліяніе на сибирскую.

Г. О. Оссовскій въ «Опытѣ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ Россіи», указывая на малопримѣнимость для Россіи такой классификаціи, установленной французскими учеными, предлагаетъ свою, на основаніи данныхъ, полученныхъ раскопками пещеръ въ кѣлецкой губерніи и въ окрестностяхъ Кракова. Полагаемъ, что съ классификаціей г. Оссовскаго по мѣстнымъ признакамъ и съ мѣстными топографическими обозначеніями можетъ случиться такая-же бѣда, при болѣе широкомъ примѣненіи, каковая случилась съ французскою.

Кн. П. А. Путятинъ, въ статьѣ объ «орнаментациі древняго гончарства», сближая ее съ рѣзами на «биркахъ», ставитъ вопросъ о происхожденіи алфавита изъ цифровыхъ знаковъ.

Трудъ В. Б. Антоновича «о скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губ.» богатъ столько-же мѣстнымъ, сколько и об-

щимъ интересомъ. Имъ изслѣдованы пещеры у Нѣчина, у Кривчика, у Нагорянъ и во многихъ изъ нихъ найдены и изучены издѣлія каменнаго вѣка; для исторіи-же собственно русской народности важнѣе открытіе у с. Бужи замѣчательнаго горельефа, изображающаго человѣческую фигуру, по типу выполненія похожую на «каменную бабу», стоящую на колѣняхъ и держащую въ рукахъ чашу, какъ-бы совершая возліяніе предъ изображеніемъ шѣгуха, помѣщеннымъ на деревѣ; позади фигуры находится изображеніе оленя, по видимоу не живого, а скульптурнаго, потому что подъ ногами его представленъ пьедесталь. На основаніи міеологическихъ сближеній и историко-художественныхъ данныхъ, горельефъ этотъ относится къ до-христіанской эпохѣ и изображаетъ сцену изъ славянскаго языческаго культа.

Чрезвычайной тщательностью отличается почтенный по результатамъ трудъ начинающаго археолога, Е. Н. Мельникъ: «Слѣды мегалитическихъ сооружений въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи». До послѣдняго времени мегалиты были найдены въ разныхъ мѣстностяхъ Азіи, Африки, западной Европы, также въ Крыму и на Кавказѣ, но территорія собственно Россіи и центральной Европы представляла бѣлое пятно на картѣ мегалитическихъ памятниковъ. Между тѣмъ, если держаться теоріи переселенія изъ Азіи народовъ, принесшихъ въ Европу культуру неолитическаго періода, то указанный пробѣлъ представляется болѣе, чѣмъ страннымъ. Г-жа Мельникъ первая констатировала и изучила на югѣ Россіи двѣ группы мегалитическихъ памятниковъ. Одна группа открыта въ александрійскомъ уѣздѣ херсон. губ., въ системѣ р. Ингульца, гдѣ найдено нѣсколько дольменовъ разныхъ типовъ, извѣстныхъ въ европейской археологіи подъ названіями трилитовъ, ментровъ, кромлеховъ и двойныхъ дольменовъ, кромѣ одного, представляющаго экземпляръ, въ наукѣ не имѣющій аналогіи. Особенность александрійскихъ дольменовъ та, что они поставлены на твердой скальной поверхности и потому не могли служить надгробіями, подобно другимъ, ранѣе изслѣдованнымъ. Другая группа мегалитовъ найдена въ бассейнѣ Днѣстра, въ подольской губерніи, и представляетъ рядъ такъ называемыхъ чашечныхъ камней и изображеній на скалахъ. Изображенія эти суть своего рода іероглифы, и настанетъ и для нихъ, можетъ быть, время, когда будутъ читать ихъ, подобно египетскимъ; въ настоящее-же время слѣдуетъ благодарить г-жу Мельникъ и за ту попытку классификаціи знаковъ изображеній и за тѣ сближенія и аналогіи, которыя сдѣланы ею.

Весьма важенъ для южно-русскаго археолога, столько-же, какъ и для каждаго археолога вообще, рефератъ А. О. Лихачева «Скиѣскіе эле-

менты въ чудскихъ древностяхъ казанской губерніи». Извѣстно, что терминъ «чудскія» древности, примѣняемый преимущественно къ нѣкоторымъ археологическимъ памятникамъ Сибири, не имѣетъ смысла этнографическаго, т. е. не обозначаетъ принадлежности ихъ народу чуди или финнамъ. Извѣстно также, что и вопросъ о народности геродотовыхъ скивовъ и другихъ, одновременныхъ съ ними, обитателей Россіи вопросъ доселѣ темный. Ученый референтъ дѣлаетъ въ высшей степени интересныя сближенія древностей казанской губерніи съ древностями скивскими съ одной стороны и сибирскими съ другой, что приводитъ его къ заключенію о существованіи сношеній у приуральскихъ народовъ съ черноморскими скивами. „Если эти факты, говоритъ г. Лихачевъ, нельзя относить ко временамъ Геродота, то все таки они могутъ восходить къ первымъ вѣкамъ христіанской эры и служить доказательствомъ сношеній приуральскихъ народовъ съ Киммерійскимъ Воспоромъ, вѣроятно, ранѣе 375 года, когда гунны, вторгнувшись въ предѣлы Воспорскаго царства, совершенно его уничтожили“.

Докладъ Д. Я. Самоквасова «Могильныя древности александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи» предлагаетъ фактическое изложеніе обильныхъ раскопокъ, произведенныхъ имъ ниже двѣпровскихъ пороговъ, надъ р. Конкою. Исслѣдованныя могилы референтъ дѣлитъ на четыре типа: 1) древнѣйшія могилы характеризуются „утробнымъ положеніемъ покойника и могильною обстановкою, состоящею только изъ предметовъ глиняныхъ, каменныхъ, костяныхъ, мѣдныхъ и различнаго цвѣта красокъ“; 2) могилы эпохи скивской; 3) могилы съ остатками трупосожженія съ обстановкою, которую впервые встрѣтилъ въ своей практикѣ г. Самоквасовъ, относимыя имъ къ эпохѣ промежуточной между скивскою и славянскою, или, употребляя его выраженіе, „ко времени господства сарматовъ въ области Приднѣпровья“; 4) могилы, эпоха которыхъ опредѣляется точно двумя монетами, найденными въ нихъ и относимыми ко времени золото-ордынскихъ хановъ Узбека и Джанибека.

Небольшой рефератъ Н. А. Бранденбурга посвященъ специальному вопросу о фибулахъ, находимыхъ въ могилахъ сѣверной Россіи. Референтъ относитъ нѣкоторыя изъ фибулъ къ предметамъ туземнаго производства, признавая скандинавское вліяніе.

Р. А. Пределъ, отправленный предварительнымъ комитетомъ съѣзда на о. Березань, на розыски доисторическихъ памятниковъ древностей, таковыхъ не нашель, и докладъ его представляетъ скорѣе дѣловой отчетъ, чѣмъ научное изслѣдованіе.

Гр. А. А. Бобринскій представилъ докладъ „О курганахъ близъ м. Смѣла кievской губерніи по раскопкамъ 1881—1884 г.“. Авторъ относитъ обследованные имъ 16 кургановъ къ тремъ эпохамъ: 1) каменный вѣкъ, съ признаками, аналогичными съ обстановкой могилъ перваго типа, изслѣдованныхъ г. Самоквасовымъ, 2) бронзовый вѣкъ и 3) вѣкъ желѣзный. Изслѣдованіе отличается осторожностью, тщательностію и разносторонностію; обращено вниманіе на кости людскія и принадлежащія животнымъ.

Рефератъ Д. Н. Анучина «О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей» отличается, какъ и всё впрочемъ труды почтеннаго профессора, широкой начитанностію, точнымъ наблюденіемъ и изслѣдованіемъ научныхъ фактовъ и ясностію формулировки заключеній. Референтъ имѣлъ въ виду, во первыхъ, мечъ, найденный на Кавказѣ, сближаемый имъ съ микенскимъ, въ предположеніи, что первообразъ такихъ мечей слѣдуетъ искать въ сходныхъ формахъ бронзовыхъ мечей, употреблявшихся въ передней Азіи; затѣмъ останавливается на мечехъ скиѣскихъ, одинъ типъ которыхъ сближаетъ съ мѣдными кинжалами Сибири, не находя для него никакихъ другихъ аналогій ни въ Западной Европѣ, ни въ могилахъ славянской эпохи. Мечи славянской эпохи, попадающіеся рѣдко, а на сѣверѣ Россіи не попадающіеся совсѣмъ, напоминаютъ формы, по замѣчанію г. Анучина, западно-европейскихъ мечей; дѣлая такое сближеніе, референтъ прослѣживаетъ формы мечей на Западѣ и потомъ переходитъ къ саблѣ, которая скоро вытѣснила мечи въ Россіи и была заимствована, повидимому, у хазаръ, печенѣговъ, татаръ и другихъ восточныхъ народовъ.

В. В. Сусловъ, читавшій на съѣздѣ интереснѣйшій рефератъ о древнихъ деревянныхъ колокольняхъ, напечаталъ въ „Трудахъ“ собственно другой рефератъ: «О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи», въ которомъ планъ перваго реферата расширенъ, отъ чего собственно колокольни много потеряли.

Далѣе слѣдуютъ небольшія сообщенія: гр. И. И. Толстаго „О знаменіи первыхъ нашихъ христіанскихъ великихъ князей“ по монетамъ Владиміра, Свѣтополка и Ярослава, и Ю. Б. Иверсена „О монетныхъ кладкахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ“; въ послѣднемъ выдѣлены вновь открытыя монеты суздальскихъ князей.

Изслѣдованіе Г. А. Воскресенскаго «Характеристическія черты древнихъ редакцій славянскаго перевода Евангелія, по рукописямъ XI—XV вв.» имѣетъ цѣлью, путемъ сличенія древнихъ текстовъ, открыть первоначальный текстъ славянскаго перевода Евангелія, какъ известно, не дошедшій до насъ.

Небольшое сообщеніе І. І. Первольфа имѣеть предметомъ «Червоно-русскій переводъ Вислицкаго статута». Вслѣдъ за присоединеніемъ Червоной и Подольской Руси къ Польшѣ въ XIV в., стали вводиться тамъ польскіе порядки и польское право; послѣднее вводилось въ томъ видѣ, какъ оно было введено Казиміромъ въ Вислицѣ, на латинскомъ языкѣ, который вытѣснялъ русскій языкъ изъ публичной жизни; но это происходило медленно и потому явился русскій переводъ Вислицкаго статута, въ которомъ польскіе порядки явились въ русской одеждѣ. Одна рукопись этого перевода хранится въ Румянцевскомъ музеѣ и издана, другая находилась до 1827 г. въ Супрасльскомъ монастырѣ, входя въ составъ сборника разныхъ статей, была описана и издана въ отрывкахъ и неисправно, а потомъ исчезла. «Если найдется эта Супрасльская рукопись, говоритъ референтъ, можно будетъ на разные вопросы отвѣтить болѣе положительнымъ образомъ».

Въ заключеніе—куръезъ. Въ концѣ книги помѣщенъ рефератъ И. А. Износкова, подъ заглавіемъ: «Можно-ли по одинаковымъ названіямъ населенныхъ мѣстъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, судить о колонизаціи этихъ частей?». Какой вопросъ! Конечно, можно, и не только можно, но и должно, и не по названіямъ населенныхъ мѣстъ только, но всѣхъ вообще урочищъ; мало того, мысль эта давно служить общимъ мѣстомъ въ историческихъ работахъ. Но г. Износковъ дѣлаеть свой особый вкладъ: онъ открылъ для всероссійской науки.... профессора казанской духовной академіи Некрасова и половину своего жидкаго сообщенія занялъ подробнымъ изложеніемъ его замѣчательной рѣчи о направленіи движенія славянъ по отношенію къ Черному морю,—рѣчи, произнесенной еще 8 ноября 1879 г. на актѣ въ этой академіи. Познакомимъ читателей вкратцѣ съ прелестями «филологической» аргументаціи казанскаго профессора. Возьмемъ мѣсто изъ начала рѣчи: «изъ городовъ древней Колхиды извѣстны *За* и *Фазисъ*: изъ рѣкъ также *Фазисъ*. Городъ и рѣка *Фазисъ* будутъ означать: честь, слава, это тоже, что древнее (?) *ван*—читать, хвалить, а также *ванд*, откуда древнее названіе славянъ—венеты, анты, винды. *За*—нашъ Землянскъ или Землячевъ (воронежской губ.)». Изъ середины: „Названіе *Кій*—стародавнее; городъ *Брусса*,.... получившій свое названіе отъ древней Прузы или Пруссіады, сама (самъ?) еще древнѣе называлась (—лся) *Кій*; также называлась и рѣка, при которой стоялъ городъ, а заливъ, въ который впадала эта рѣка, назывался *κλαυός* (по нашему *Кіевскій*)».... и т. д. Изъ конца: въ орловской губерніи есть городъ *Кромъ*; г. Некрасовъ, производя это названіе отъ слова *кромъ* (закромъ) въ древнемъ смыслѣ мыса, косы, говоритъ: «такого-же происхожденія наз-

ванія греческаго города Кромы, о которомъ упоминаеть Павзаній въ перечисленіи городовъ Аркадіи, и древняго венецкаго города Кромна, о которомъ упоминаеть Гомеръ“. Названіе города Коломна, по мнѣнію г. Некрасова, «есть тоже, что Гомеровская Кромна»... и т. д. въ томъ-же родѣ. И къ такой филологической эквилибристикѣ благоговѣйный референтъ относится только, какъ къ смѣлой попыткѣ! Плохая услуга и г-ну Некрасову, и наукѣ!

Съ внѣшней стороны «Труды» изданы отлично, изобилуютъ прекрасными фототипіями и рисунками въ текстѣ. Слѣдуетъ только пожалѣть, что къ рефератамъ проф. Самоквасова и гр. Бобринскаго не приложено ни одного листа рисунковъ (тогда какъ, напр., сообщеніе г. Оссовскаго превзбыточествуетъ ими), а буквенныя обозначенія на рисункахъ въ рефератѣ г-жи Мельникъ не всегда соотвѣтствуютъ тексту.

В. Ястребовъ.

*Екатеринославское блуканіе (1777—1791). Александра Егорова.
Екатеринославъ. 1887 г.*

Брошюрка эта недавно появилась въ екатеринославскихъ книжныхъ магазинахъ и невольно вызываетъ на то, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Не велика эта брошюра, всего въ 20 страницъ, но далеко не лишена интереса, по крайней мѣрѣ мѣстнаго. Названіе ея точно выражаетъ и ея содержаніе; она излагаетъ вкратцѣ исторію передвиженія гор. Екатеринослава съ одного мѣста на другое прежде, нежели онъ прикрѣпленъ былъ къ нынѣшнему своему мѣсту положенія, по волѣ свѣтлѣйшаго кн. Потемкина. Исторія эта извѣстна, но воспоминаніе о ней въ живомъ изложеніи и ко дню празднованія столѣтія основанія города далеко не лишнее. Память о старинѣ такъ легко у насъ изглаживается, а изданій, способствующихъ воскрешенію и поддержанію воспоминаній о старинѣ, о предкахъ, такъ мало у насъ вообще, что нельзя не благодарить за всякое въ этомъ родѣ даніе. Помимо этого, мы привѣтствуемъ брошюру г. Егорова и какъ весеннюю ласточку, общающую намъ, быть можетъ, повлечь за собою, если и не обиліе, то хоть нѣсколько мѣстныхъ изданій въ нынѣшнемъ знаменательномъ для насъ годѣ. Объ изданіи историческаго очерка г. Екатеринослава городскою думою и особо «переписи» населенія нашего города, въ видѣ систематически обработаннаго сборника, уже объявлено и постановлено екатеринославскою городскою думою.

Авось, и статистическій нашъ комитетъ, безмолвствующій уже многіе годы, подарить насъ «Памятною книжкою», хотъ подобною издавннй имъ на 1875 г., или, еще лучше, подобною двумъ «памятнымъ книжкамъ», изданнымъ имъ на 1867 г. и составляющимъ нынѣ библиографическую рѣдкость.

Разсказывая просто, но обстоятельно о всѣхъ перипетіяхъ въ строительствѣ и самомъ названіи г. Екатеринослава, пока наконецъ съ декабря 1802 г., по повелѣнію императора Александра I, онъ не былъ окончательно оставленъ на нынѣшнемъ мѣстѣ и съ нынѣшнимъ своимъ именемъ, авторъ брошюры приводитъ воспоминанія и о нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ «засельниковъ» мѣстности, нынѣ занимаемой Екатеринославоиъ. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ имя полковаго эсаула Лазаря Глобы, знаменитаго садовода того времени, оставившаго городу въ наслѣдство два превосходныхъ сада, извѣстныхъ подъ именами «Потемкинскаго», на горѣ, возлѣ бывшаго дворца Потемкина, и «Городскаго», внизу, недалеко отъ вокзала Екатерининской желѣзной дороги и еще ближе къ зданіямъ бывшихъ суконныхъ фабрикъ, основанныхъ также по мысли Потемкина. Широки были замыслы кн. Потемкина относительно постройки Екатеринослава. По планамъ его, утвержденнымъ указами Екатерины II, городъ долженъ былъ занимать пространство отъ р. Дихира до р. Мокрой Суры, а въ другомъ направленіи въ него входили нынѣшнія села Новые и Старые Кайдаки, какъ форштаты; это пространство верстъ 15 въ длину и верстъ 10 въ ширину, т. е. 105 кв. верстъ. Предполагалось устроить здѣсь 12 фабрикъ, университетъ, академію художествъ, консерваторію; каедральный соборъ имѣлъ быть 12-ти престольный и, какъ говаривалъ Потемкинъ, на аршинчикъ повыше римскаго собора апостола Петра. Словомъ, свѣтлѣйшій кн. Потемкинъ предполагалъ создать здѣсь нѣчто въ родѣ южной, украинской столицы въ затѣніе даже, быть можетъ, сѣвернымъ столицамъ, и только смерть его, а затѣиъ и смерть Екатерины, 6 ноября 1796 г., приостановили построение «втораго Рима», или и вторыхъ Аѳонъ, какъ того желалось Потемкину. Богатства края опредѣлены были свѣтлѣйшимъ весьма прозорливо, и будь осуществлена въ то время постройка Екатеринослава по плану и размѣрамъ Потемкина, криворожская руда и бахмутскія желѣзныя руды и соленыя залежи давно были бы разрабатываемы, весь край давно бы заселили и обогатили; и, какъ знать, не повліяло ли бы такое приближеніе русской столицы къ Черному морю на вопросы внѣшней политики! Быть можетъ, и самаго восточнаго вопроса или вовсе не было бы теперь, или по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ нынѣ онъ стоитъ.

Авторъ брошюры, относясь съ теплымъ воспоминаніемъ къ мѣстной старинѣ, шлетъ справедливый упрекъ г. Екатеринославу за небрежность въ отношеніи памятника запорожцу, полковому есаулу Глобѣ, кѣмъ-то поставленному въ разведенномъ имъ, нынѣшнемъ городскомъ, саду. Небрежность, разумѣется, не извинительная; но, скажемъ отъ себя, слѣдовало бы городу помянуть добромъ и кн. Потемкина, такъ много замышлявшаго для пользы края вообще и нынѣшняго Екатеринослава въ особенности. Повторяемъ, брошюра, собственно говоря, не много даетъ свѣдѣній о Екатеринославѣ и могла бы дать ихъ гораздо больше, еслибы авторъ обратился хоть къ такимъ изданіямъ, какъ «Исторія Екатерины II» Брикнера, Исторія Россіи Соловьева и пр.; но она все таки имѣетъ свою цѣну, какъ напоминаніе о мѣстной старинѣ, которая совсѣмъ забывается современниками.

Въ послѣднемъ отношеніи Екатеринославъ могъ бы дать весьма обильный матеріалъ для розысканій и изслѣдованій. Не говоря уже объ архивахъ административныхъ учреждений, каковы: губернское правленіе, казенная палата, консисторія, городскія учрежденія, даже архивы судебныхъ учреждений, каковы стародавніе суды, палаты, ратуши и магистраты, какъ уясняютъ изслѣдованія Багалѣи и Сумцова, могли бы раскрыть весьма многое изъ прошлой жизни всего новороссійскаго края. Дѣло о «разбойныхъ черкасахъ и запорожцахъ» могло бы многое выяснить въ исторіи уклада населенія страны, во-очію (въ показаніяхъ самыхъ этихъ черкасъ при разныхъ допросахъ) представить тѣ мысли, желанія и стремленія, какими двигались изъ края въ край какъ послѣдніе остатки Запорожской Сѣчи, такъ и массы вновь нахлынувшихъ поселенцевъ, а равно и руководителей мѣстнаго народнаго движенія. Учрежденіе въ Екатеринославѣ мѣстной архивной комисіи является дѣломъ крайней необходимости. Напомнимъ здѣсь, въ подтвержденіе этой необходимости, хоть то богатство бумагъ о Запорожѣ, какое нашель здѣсь г. Скальковскій, авторъ «Исторіи Новой Сѣчи», въ связкахъ «дѣлъ Запорожскаго Коша», о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду. Бумаги нашихъ мѣстныхъ архивовъ побывали во многихъ рукахъ; многіе, какъ извѣстно, въ особенности рылись въ архивѣ екатеринославскаго губернскаго правленія. Вопросъ: въ цѣлости ли сохранились всѣ эти, безцѣнные по своему историческому значенію, связки дѣлъ и бумагъ, или ихъ забиралъ и не возвращалъ, въ цѣлости или по частямъ, всякій, кто хотѣлъ? Кто слѣдилъ за ихъ «неустратностью» и цѣлостью? Мы имѣемъ основаніе думать, что бумаги эти сохранились до нашихъ дней далеко «не въ цѣлости»; и жаль будетъ, если этотъ богатый кладъ погибнетъ для науки и потомства. Только

учена архивная комиссія могла бы собрать все это богатство, сгруппировать и издать его. Мы думаемъ, что и на г. Скальковскомъ лежить нравственный долгъ издать *цѣликомъ, дословно весь тотъ матеріалъ*, который ему удалось добыть «въ дѣлахъ Запорожскаго Коша». Извлеченія, какія онъ даетъ намъ въ своей «Исторіи Новой Сѣчи», не могутъ удовлетворить насъ вполне, не могутъ замѣнить и восполнить *подлинныхъ* слоезъ важнаго историческаго памятника, словъ, которыя всякій получилъ бы возможность знать и понимать такъ или иначе. Екатеринославцы въ особенности были бы благодарны г. Скальковскому за такое изданіе, и мы позволимъ себѣ обратитъ къ нему нашу объ этомъ просьбу печатно.

Г. 3.

Екатеринославт,
2 марта 1887 г.

Календарь черниговской губерніи на 1887 годъ. Сост. К. В. Корвинъ-Піотровскій. Годъ второй. 1016 стр., ц. 1 р. 60 к.

Къ двумъ мѣстнымъ календарямъ на настоящей годъ, харьковскому и полтавскому, рассмотрѣннымъ въ предыдущей книгѣ нашего журнала, прибавимъ третій—черниговскій. Представляя собою внушительную книгу въ тысячу съ лишнимъ страницъ, этотъ календарь свидѣтельствуетъ тѣмъ о почтенномъ усердіи составителя его, члена-секретаря мѣстнаго статистическаго комитета, г. Корвинъ-Піотровскаго. Разбору нашему не подлежитъ большая часть этой толстой книги, но по поводу ея толстоты нельзя удержаться отъ одного замѣчанія. Книга стоитъ 1 р. 60 к. Конечно, это дешево для тома въ 63 печатныхъ листа; но съ другой стороны если *календарь* стоитъ 1 р. 60 к., кому-же охота платить столько ежегодно *за календарь*? Редакціи календаря лучше знать свои издательскіе ресурсы, но все таки въ интересахъ распространенія въ мѣстномъ населеніи тѣхъ полезныхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ черниговскомъ календарѣ вообще и въ историческомъ его отдѣлѣ въ частности, нельзя не пожелать большей практичности этому почтенному изданію.

Какъ въ харьковскомъ и полтавскомъ, такъ и въ черниговскомъ календарѣ, есть особый отдѣлъ *историческій* (265 стр.), посвященный мѣстной исторіи и этнографіи. Хотя содержаніе этого отдѣла не можетъ стать въ параллель съ историческимъ содержаніемъ харьковскаго календаря,—тотъ вѣдь издается въ университетскомъ городѣ, ну, боль-

пому кораблю большое и плаванье,—но и черниговцы, къ чести ихъ, вносятъ все таки лепту въ сокровищницу родной исторіи.

Историческій отдѣлъ начинается хронологическими перечнями «русскихъ великихъ князей, царей и императоровъ», *черниговскихъ* князей и епископовъ, полковниковъ время гетманщины, воеводъ и стольниковъ, а также малороссійскихъ гетмановъ (въ числѣ ихъ и Павелъ Полуботокъ), генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и проч. Всѣ перечни составлены вполне прилично, въ научномъ смыслѣ. Вотъ только «списокъ *русскихъ великихъ князей*»... Князья эти жили: «въ Новгородѣ (Рюрикъ)», «въ Кіевѣ», «въ Кіевѣ и Владимірѣ», «во Владимірѣ, но жили и въ другихъ мѣстахъ», наконецъ «въ Москвѣ». Пора-бы оставить этотъ каразинскій порядокъ; современный взглядъ науки на удѣльный періодъ давно осудилъ его... Тутъ-же другая неловкость—«хронологія достопамятнѣйшихъ событий края». «Хронологія» эта имѣетъ такую форму (отрывокъ со стр. 478):

Отъ покоренія великимъ княземъ литовскимъ Гедиминомъ всей южной Руси	567 (годъ)
» присоединенія Чернигова и другихъ русскихъ городовъ, отпавшихъ отъ Литвы при Іоаннѣ III Васильевичѣ	393 »
» нападенія князей Константина Острожскаго и Михаила Вишневецкаго на Черниговъ	308 »
» учрежденія постоянной черниговской епархіи	234 »
» управленія Чернигова россійскими воеводами	229 »
» опустошенія моровой язвой черниговскаго воеводства	176 »
» великихъ пожаровъ, бывшихъ въ Черниговѣ	169 »

и т. д. Авторъ этой, какъ-бы сказать, хронологіи на изнанку вынулъ изъ виду, что факты черниговской исторіи не міровой извѣстности, чтобы стоило открывать новые пункты зрѣнія на нихъ; мелкое же неизвѣстное событіе читающая публика можетъ воспринять только по тому способу, которому учили ее, т. е. принимая за эру Рождество Христово. Каждая новая дата по общепринятому численію вызываетъ въ представленіи читателя, по мѣрѣ его историческаго вѣдѣнія, ту обстановку, среди которой ему нужно помѣстить новый фактъ... И любителей юбилеевъ авторъ лишилъ удовольствія упражняться въ правилахъ вычитанія.

Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи историческихъ и одинъ набросокъ по доисторической археологіи края. Первая статья относится къ драгоценному памятнику старины, черниговскому каѳедральному собору Спаса-

Преображенія, чуть ли не древнѣйшему зданію во всей Россіи. Статья обработана основательно и написана довольно живо, благодаря приему автора ея—мѣшать описаніе съ историческимъ повѣствованіемъ. Основаніе храма приписывается князю Мстиславу Владиміровичу. Въ первоначальной лѣтописи подъ 1034 годомъ говорится: «Мстиславъ изыде на ловы и разболѣся и умре; и положиша и въ церкви святаго Спаса, юже создалъ самъ; бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко и на конѣ стоячи рукою досячи». «Такъ какъ древніе князья, говоритъ авторъ, строили храмы въ память особенныхъ событій, а изъ жизни Мстиславовой въ Черниговѣ лѣтопись отмѣчаетъ два важныя событія—войну съ Ярославомъ, окончившуюся миромъ 1026 г. и войну Мстислава и Ярослава съ ляхами 1031 г., сопровождавшюся возвращеніемъ къ Россіи червенскихъ городовъ.., то основаніе черниговскаго собора можно относить къ 1026 или къ 1031 г. Смотря же на то, что соборъ возведенъ былъ къ 1034 г. не выше двухъ саженой отъ земли, должны мы признать за болѣе вѣроятное, что основанъ онъ въ 1031 г.». Соборъ опустошаемъ былъ нѣсколько разъ пожарами, напр. въ 1239, 1611 и 1750 г.г. Тѣмъ не менѣе до настоящаго времени сохранился въ цѣлости весь корпусъ зданія, кромѣ куполовъ. Даже 8 дорогихъ мраморныхъ колоннъ до сего времени поддерживаютъ своды хоровъ внутри храма. Соборная ризница не отличается богатствомъ, такъ какъ частые разгромы Чернигова непріятелями и домашнія хищенія лишили церковь вкладовъ древнихъ князей. Самая старая книга въ ризницѣ—евангеліе львовской печати 1636 года, «наданное» въ 1639 году райцею черниговскимъ Корниліемъ Талѣрчимъ.

Слѣдующая статья принадлежитъ знатоку и почитателю мѣстной старины, А. И. Ханенку. Это историко-біографическій очеркъ о пресвященномъ Ѳеодосіи углицкомъ, преемникѣ Лазаря Барановича по черниговской кафедрѣ, мѣстно-чтимомъ святителѣ, изданный прежде отдѣльной книжкой. Въ очеркѣ собрано все, что только могъ найти въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ опытный изслѣдователь. Чрезвычайно интересны письма Ѳеодосія къ разнымъ лицамъ, помѣщенные въ концѣ очерка. Въ нихъ ясно отражается любящая душа этого святаго человѣка.

Археологическій набросокъ («Городки и курганы») составленъ покойнымъ Н. А. Константиновичемъ и, судя по общему заглавію: «Историческіе памятники черниговской губерніи», долженъ былъ составлять первую главу въ болѣе обширномъ очеркѣ. Набросокъ не представляетъ ничего новаго: списокъ городищъ взятъ у Самоквасова, а о курганахъ кое-что повторено авторомъ изъ собственнаго реферата на 3-мъ архе-

ологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ, помѣщеннаго въ трудахъ этого сѣзда. Статя написана популярно, какъ и должно быть въ изданіи, рассчитанномъ на возможно большее распространіе.

Въ концѣ отдѣла, подѣ рубрикой: «Къ исторіи края», напечатаны, въ видѣ матеріала, письма разныхъ лицъ къ Андрею Степановичу Милорадовичу, генераль-поручнику и первому правителю открытаго въ 1782 году черниговскаго намѣстничества. Письма сообщены редакціи почетнымъ членомъ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, графомъ Г. А. Милорадовичемъ. Намъ кажется, что эти письма весьма мало прибавляютъ къ мѣстной исторіи. Хотя писаны они чуть-ли не всѣми свѣтилами екатерининскаго времени, но большая часть изъ нихъ состоитъ изъ полуофициальныхъ просьбъ и вѣжливыхъ приказовъ о поставкѣ лошадей для авторовъ писемъ, или объ отводѣ имъ помѣщенія въ Черниговѣ.

Нельзя, наконецъ, пропустить этнографическаго очерка, подѣ нѣсколькимъ странимъ заглавіемъ: «Внутренній и внѣшній бытъ мѣстнаго населенія черниговской губерніи». Очеркъ—компиляція изъ разныхъ статей въ „Черниговск. Губ. Вѣдомостяхъ“ и устарѣвшаго для пастоящаго времени описанія черниговской губерніи Домонтовича. Незвѣстный авторъ этой компиляціи скользнулъ дѣйствительно по всему «внутреннему и внѣшнему быту» жителей черниговщины. Хотя онъ и отдѣлилъ другъ отъ друга евреевъ, нѣжинскихъ грековъ (о которыхъ, кстати сказать, теперь сохранилось только пріятное воспоминавіе), раскольниковъ-великороссовъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, но съ двумя послѣдними племенами въ черниговской губерніи нельзя легко управиться. Такъ называемая Сѣверщина есть такой этнографическій уголокъ, въ которомъ, чтобъ не повторять общихъ избитыхъ фразъ, нужно каждый лоскутъ земли брать съ бою. Конечно, это дѣло будущихъ изслѣдованій, но нельзя говорить о «внутреннемъ и внѣшнемъ бытѣ» Сѣверщины докторальнымъ тономъ.

Въ началѣ книги приложенъ фотографическій снимокъ черниговскаго собора.

Ө. Н.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. IV. Спб. 1887 г.

Четвертымъ томомъ, вышедшимъ нынѣ, г. Васильчиковъ заканчиваетъ повидимому замѣчательный свой трудъ, начатый печатаньемъ лѣтъ десять назадъ. Первая книга этого сочиненія, посвященная двумъ первымъ Разумовскимъ, «временщику» Алексѣю и гетману Кириллу, успѣла стать необходимымъ достояніемъ всякаго собранія книгъ по южно-русской старинѣ. Не будучи научно разработанной исторіей послѣдняго гетманства, очеркъ г. Васильчикова представляетъ для такой исторіи первостепенный матеріалъ, неоцѣнимый въ особенности для изученія характеровъ и частной жизни выводимыхъ лицъ. Авторъ, кромѣ государственныхъ архивовъ, воспользовался частными архивами всѣхъ близкихъ роду Разумовскихъ фамилій и ввелъ въ свой трудъ архивный матеріалъ, частную переписку, рассказы современниковъ и преданія въ такомъ объемѣ, который приближаетъ его работу то къ типу мемуаровъ, то къ характеру прекрасно разработаннаго сборника документовъ. Если отъ этого страдаетъ стройность и «строгость» изслѣдованія, то необыкновенно ярко выступаютъ стороны, рисующія «духъ вѣка», а подлинныя письма, замѣтки и дѣловые документы всецѣло вводятъ читателя въ кругъ интересовъ и житейской обстановки лицъ рода Разумовскихъ, что и было, по собственному признанію автора, одной изъ главныхъ его цѣлей.

Въ послѣдовательномъ рядѣ томовъ г. Васильчиковъ рассмотрѣлъ судьбу сыновей Кирилла Разумовскаго, въ связи съ общимъ ходомъ историческихъ событій. Второй томъ заключаетъ въ себѣ біографіи старшаго сына гетмана, Алексѣя Кирилловича, надменнаго и желчнаго аристократа и массона, смѣнившаго Завадовскаго на постѣ министра народнаго просвѣщенія, и четырехъ его младшихъ братьевъ. Томы третій и четвертый изображаютъ личность и жизнь шестого изъ сыновей гетмана—графа Андрея Кирилловича, русскаго посла въ Вѣнѣ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, одного изъ творцовъ священнаго союза, стяжавшаго къ концу дипломатической карьеры титулы князя и «свѣтлѣйшаго».

Старшій изъ второго поколѣнія Разумовскихъ оставилъ только женское потомство; Андрей Кирилловичъ не оставилъ его совсѣмъ, а братья его—Петръ, Левъ и Иванъ, передавши отчасти свои громадныя состоянія «воспитанникамъ» и «воспитанницамъ», не могли передать имъ своего имени. Сохранилось потомство только одного изъ сыновей гетмана—графа Григорія Кирилловича. Этотъ сынъ былъ менѣе всѣхъ любимъ гетманомъ и судьба его была самая бурная. Женив-

пшсь въ молодости на французской эмигранткѣ де-Мольсень, онъ вскорѣ бросилъ свою жену, возненавидѣлъ почему-то ее на всю жизнь. При жизни первой супруги, онъ женился въ Германіи во второй разъ на баронессѣ Шенкѣ-де-Кастель. Первая супруга оспаривала законность этого брака, отъ котораго у Разумовскаго было трое дѣтей. Бракъ этотъ не былъ признанъ въ Россіи и хотя дѣтямъ Григорія Кирилловича дано было дворянство и право носить фамилію Разумовскихъ, но графское достоинство на нихъ не перешло. Убитый смертью жены и неудачнымъ исходомъ процесса, Разумовскій покинулъ навсегда Россію, принялъ австрійское подданство и протестанство. Внуку его Камиллу Разумовскій, саксенъ-кобургъ-готскій подданный и лютеранинъ, и является теперь послѣднимъ представителемъ этого, блестящаго нѣкогда рода.

Заключительный томъ труда г. Васильчикова обнимаетъ собою первыя пятнадцать лѣтъ настоящаго столѣтія и представляетъ цѣнный вкладъ какъ въ русскую историческую литературу, такъ и въ литературу европейской дипломатической исторіи. Событія того времени отъ посольства Новосильцева въ Лондонъ съ проэктомъ «вѣчнаго мира», до вѣнскаго конгресса и парижскаго мира, съ нескончаемымъ рядомъ войнъ по срединѣ, разсмотрѣны здѣсь какъ съ внѣшней, такъ и съ интимной, анекдотической стороны. Личность Андрея Разумовскаго, англомана и ненавистника Бонапарта, утонченнаго аристократа, выдѣлявшася даже въ тогдашней аристократической Вѣнѣ, чрезвычайно характерна въ своемъ космополитическомъ изяществѣ.

Почти невозможнымъ кажется воспоминаніе о томъ, что отецъ этого пышнаго вельможи занималъ во дни юности мало аристократическій постъ пастуха въ с. Лемешахъ. Родовыми чертами у Андрея Кирилловича остались только страсть къ изящнымъ искусствамъ и музыкѣ. Въ страсти къ искусствамъ и коллекціонированью всѣ Разумовскіе сходились, впрочемъ, съ другимъ вельможами-южанами того времени, каковы Безбородко, Завадовскій, Трощинскій. Любовь къ музыкѣ вѣнскій посоль унаслѣдовалъ отъ отца и дяди Алексѣя. Онъ самъ былъ превосходнымъ исполнителемъ; связанный дружбой съ Гайдномъ и Бетховеномъ, онъ обратилъ вниманіе послѣдняго на красоту народныхъ мелодій страны, которая была колыбелью его рода. Трп квартета Бетховена (Op. 59. Streichquartete), посвященные

Андрею Разумовскому, написаны на темы сообщенных Бетховену Разумовскимъ малороссійскихъ пѣсень. Въ его жизни это, кажется, единственная черта прямой связи съ родиной его предковъ, если не считать, конечно, той связи, которая обуславливалась пользованіемъ влчными малороссійскими мѣстами, какъ Батуринь и Ропскъ, прожитыми и проданными къ концу его жизни.

W.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

Опытъ истолкованія обычая „понедѣлкуванья“.

Жизнь народная хранитъ въ своихъ нѣдрахъ не мало остатковъ глубочайшей старины, то въ видѣ обрядовъ съ ясною древнѣйшею основой, то въ видѣ обычаевъ, по видимому не столь древнихъ, но въ дѣйствительности тоже принадлежащихъ отдаленнѣйшей эпохѣ. Можно намѣтить двоякій генезисъ этихъ остатковъ старины. Прадавніе обычаи, нѣкогда имѣвшіе реальное жизненное значеніе, могутъ утратить его съ теченіемъ времени, превратиться въ простой символъ, въ дѣйствіе, смыслъ котораго или затѣривается народной памятью, или-же вырастаетъ на почвѣ недавнихъ, ближайшихъ къ намъ по времени жизненныхъ отношеній. Такъ слугается *обрядовая* сторона народной жизни.

Но существуетъ и другой генезисъ стародавнихъ обычаевъ. Народная жизнь подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ можетъ сохранить извѣстный обычай съ давнихъ временъ, преслѣдуя помощію его инныя цѣли, чѣмъ тѣ, кои имѣлись въ виду при первоначальномъ его установленіи. Тогда обычай, хотя и теряетъ нѣсколько первоначальный характеръ сообразно съ измѣнившимися цѣлями, однако не превращается въ простой символъ, а продолжаетъ сохранять жизненное реальное значеніе.

Если принадлежность глубокой старины обычаевъ, превратившихся въ символы, представляется за-частую очевидною, благо-

даря архаичности, которая, такъ сказать, вбѣгъ отъ этихъ символовъ, то не всегда тоже самое можно сказать относительно обычаевъ, являющихся генизисъ втораго рода. Здѣсь принадлежность даннаго обычая прадавней старинѣ не такъ ясна и именно не ясна потому, что обычай удержалъ свое жизненное значеніе, лишь приравнившись къ новымъ цѣлямъ, которыя и представляются на первый взглядъ первоначальными мотивами его возникновенія. Однако и въ этомъ случаѣ, при болѣе внимательномъ ознакомленіи съ обычаемъ, мы можемъ возстановить его въ первоначальной формѣ, различить первоначальныя причины его возникновенія и такимъ образомъ отнести его къ памятникамъ давнепрошедшей жизни даннаго народа.

Къ числу такихъ обычаевъ на нашъ взглядъ относится и замѣчательный обычай «понедилкуванья», о которомъ было сообщено г. Василенкомъ въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ. Ничто въ этомъ обычая по видимому не позволяетъ отыскивать корни его въ отдаленнѣйшей эпохѣ существованія малорусскаго народа. А между тѣмъ къ немъ есть три важныя черты, заставляющія глубоко задуматься надъ прошлымъ обычая. Эти три черты съ полною основательностью отмѣчены г. Василенкомъ, а именно: 1) что «понедилкуванье» не приурочивается, подобно чествованію пятницъ и четверговъ, къ какимъ-либо праздникамъ или постамъ, а совершается самостоятельно и притомъ безъ очереди, т. е. каждый понедѣльникъ, 2) что оно практикуется только среди женщинъ и притомъ исключительно замужнихъ и, наконецъ, 3) что особенно достойно замѣчанія, право «понедилкувать» входить особою статьею въ предбрачный договоръ.

На основаніи этихъ трехъ характерныхъ чертъ разсматриваемаго обычая мы считаемъ возможнымъ отнести возникновеніе его къ отдаленнѣйшей эпохѣ первоначальнаго устроенія опредѣленныхъ брачныхъ отношеній моногамическаго типа.

Трудами Баховена, Моргана, Леббока, а въ повѣйшее время Поста и Жиро-Телона съ достаточной твердостью установленъ фактъ существованія въ первобытныя эпохи жизни человѣчества брачнаго состоянія, при которомъ всѣ женщины даннаго племени считались состоящими въ бракѣ со всѣми мужчинами того-же племени, при которомъ человѣчество не выработало еще понятія о

кровосмѣшеніи и не проявляло еще стремленія къ индивидуализаціи брачныхъ отношеній. Нѣкоторые изслѣдователи даютъ этому состоянію наименованіе «общиннаго (Лэббокъ) или «коммунистическаго» (Ж. Телонъ) брака. Не имѣя въ виду касаться исторіи брака вообще, мы ограничимся лишь упоминаніемъ того, что эпоха перехода отъ очерченнаго состоянія брачныхъ отношеній къ брачнымъ отношеніямъ моногамическаго типа, т. е. отмѣченныхъ индивидуальностью и большей опредѣленностью, даетъ начало цѣлому ряду крайне оригинальныхъ обычаевъ, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ мы обратимъ вниманіе лишь на обычай, основанный на идеѣ такъ наз. «искупленія за бракъ» (*expiation du mariage*).

«Хотя наше возмущенное чувство, говорятъ Ж. Телонъ, съ величайшимъ трудомъ понимаетъ логику варварскаго міра, однако многочисленные факты никоимъ образомъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что люди первобытныхъ эпохъ выводили право супружества на цѣломудріе изъ предшествовавшаго ему примѣненія женщины къ ея естественной функціи¹⁾. Это была въ нѣкоторомъ родѣ плата и гарантія строгости будущей семейной жизни, которая допускалась лишь подъ условіемъ уголовнаго взысканія: въ сущности же, это была дань, уплачиваемая общинѣ, права которой нарушались. Разъ уплативши эту дань, женщиною получали право сохранять полнѣйшее воздержаніе»²⁾... Къ этому, такъ сказать, правовому мотиву присоединялся мотивъ религіозный: бракъ съ индивидуальнымъ характеромъ почитался нарушеніемъ религіозной заповѣди и требовалъ искупленія передъ божествомъ, косяго законъ оный попиралъ своею исключительностью. Въ глазахъ древняго человѣка «природа надѣлила женщину всѣми прелестями вовсе не для того, чтобы она завяла въ объятіяхъ одного лица: законъ матеріи отвергаетъ всѣ ограниченія, ненавидитъ какія-бы то ни было оковы, и на каждую исключительность смотритъ какъ на прегрѣшеніе передъ божествомъ»³⁾. Затѣмъ древнее установленіе, какимъ является

1) Каковой почиталось брачное общеніе женщины со всеми мужчинами племени. — *Прим. авт.*

2) A. Giraud. Tealon. Les origines du mariage et de la famille. Genève. 1884, pp. 29 и 30.

3) Bachofen. Das Mutterrecht. Stuth. 1861, в. XIX.

гетеристическій бракъ, какъ завѣтъ предковъ, получило религіозное освященіе въ глазахъ потомковъ (Вилькенъ), и изъ всѣхъ этихъ элементовъ создалась идея искупленія за бракъ, давшая начало всѣмъ тѣмъ обычаямъ, въ которыхъ строгое цѣломудріе замужней женщины сочетается съ отсутствіемъ всякаго цѣломудрія и полной свободой половыхъ отношеній дѣвушки, а равно въ которыхъ самый бракъ является связаннымъ съ гетеристическими элементами. Къ числу послѣдняго рода обычаевъ, кромѣ такъ называемаго (впрочемъ едва-ли удачно) права первой ночи, мѣны женъ и т. п., относится и замѣчательный обычай, остроумно названный Лёббоккомъ «бракомъ на три четверти»¹⁾. Этотъ обычай особенно ярко выступаетъ въ жизни гассанидскихъ арабовъ, племени, живущаго на Бѣломъ Нилѣ. «Арабы Ассанайеха, по словамъ Петерика, заключаютъ свои браки на столько-то дней въ недѣлю, обыкновенно на четыре; но при этомъ, во время предварительныхъ переговоровъ, мать невесты протестуетъ заранѣе прогивъ «принужденія ея дочери къ строгому соблюденію той вѣрности, которой требуютъ брачныя узы, болѣе чѣмъ въ продолженіи двухъ дней въ недѣлю»; сообразно съ такими обычаями, со стороны мужчинъ явилось должное приспособленіе въ чувствахъ: такой мужъ не только дозволяетъ своей женѣ, въ теченіи выговоренныхъ дней, пренебрегать всѣми супружескими обязанностями, но даже смотритъ на связи ея съ другими мужчинами, какъ на комплиментъ своему собственному вкусу»²⁾. Дни недѣли, въ которые жена обязана сохранять цѣломудріе, опредѣляются количествомъ головъ скота, уплачиваемыхъ женихомъ, и составляютъ статью брачнаго договора. Остальными-же днями жена имѣетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію³⁾.

Такимъ-же бракомъ «на три четверти», т. е. заключеннымъ всего лишь на извѣстныя дни недѣли, мы считаемъ и первообразъ «понедѣлкуванья», тотъ первоначальный обычай, изъ котораго путемъ долгаго процесса выработался современный обычай празднованія понедѣльника сначала въ его бориспольской формѣ, а затѣмъ

¹⁾ Лёббокъ. Начало цивилизаціи, С.-п.б., 1876 г., стр. 58.

²⁾ Р. Спенсеръ. Основанія социологіи, Сиб., 1877 г., стр. 612.

³⁾ G. Teulon, op. cit. p. 46 и 47.

и въ формѣ распространеннаго повсюду въ Малороссіи обычнаго «понедѣлкуванья».

То, что извѣстно намъ о древнѣйшемъ состояніи славянскаго брака, не только не препятствуетъ принятію такой гипотезы, но дѣлаетъ ее весьма правдоподобной.

Что въ жизни славянскаго племени была эпоха, въ которую брачныя отношенія носили характеръ очерченнаго выше общиннаго брака, можно было предполагать уже изъ преданій, занесенныхъ въ хроники; такимъ является напр. преданіе чешскаго народа, записанное Козьмой Пражскимъ. И дѣйствительно, ближайшее изученіе славянской старины подтвердило такое предположеніе. Г. Ковалевскій въ вышедшемъ въ минувшемъ 1886 году сочиненіи по первобытному праву, сдѣлавъ систематическій обзоръ относящихся сюда фактовъ архаической старины славянъ и въ частности малороссіянъ, находитъ «возможнымъ считать стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ житей низшей ступеню ихъ общественнаго развитія»¹⁾. Собранные г. Ковалевскимъ факты не относятся только непосредственно къ эпохѣ коммунизма житей у славянъ, въ числѣ ихъ вмѣются и факты, подтверждающіе, такъ сказать, косвенно существованіе такой эпохи и принадлежащіе указанному выше періоду перехода отъ коммунизма въ брачныя отношеніяхъ къ индивидуализаціи ихъ. Въ числу такихъ слѣдовъ первоначальнаго коммунизма г. Ковалевскій, вследъ за Сумцовымъ²⁾, относитъ украинскія вечерниці и великорусскія посидѣлки, а равнымъ образомъ причисляетъ къ нимъ и нѣкоторые свадебные обряды³⁾. Съ своей стороны мы можемъ указать, наприм., на извѣстіе арабскаго географа Аль-Бекри XI в., свидѣтельствующее, что у славянъ, подобно многимъ народамъ стараго и новаго свѣта, строгое цѣломудріе замуженныхъ женщинъ сочеталось нѣкогда съ свободой половыхъ отношеній дѣвушки, явленіе столь характерное для той

¹⁾ М. Ковалевскій. Первобытное право. М. 1886 г., выд. II, стр. 2.

²⁾ Кстати, пользуясь случаемъ, исправляемъ ошибку въ ссылкѣ г. Ковалевскаго. Статья о вечерницахъ г. Сумцова была помѣщена не въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, а въ „Кіевской Старинѣ“ за мартъ 1886 г., подъ названіемъ „Досвѣтки и посидѣлки“.—*Примеч. авт.*

³⁾ М. Ковалевскій. *Op. cit.*, стр. 6.

эпохи живого господства идеи искупленія за бракъ, какой представляется эпоха перехода отъ брачныхъ отношеній коммунистическаго типа къ таковымъ-же отношеніямъ типа моногамическаго⁴⁾.

Такимъ образомъ имѣя несомнѣнные факты, указывающіе на существованіе въ жизни славянъ переходной эпохи, мы едва-ли сдѣлаемъ особенно смѣлое предположеніе, отыскивая въ этой эпохѣ и первообразъ разсматриваемаго нами обычая «понедѣлкуванья»; а между тѣмъ принятіе такой гипотезы дѣлаетъ для насъ совершенно понятными три указанныя выше характерныя черты этого обычая, т. е. празднованіе понедѣльника *безъ очереди*, участіе въ этомъ празднованіи лишь *замужнихъ* женщинъ и, наконецъ, выговариваніе права на «понедѣлкуванье» въ *брачномъ договорѣ*.

Но если первообразъ «понедѣлкуванья» есть своего рода бракъ «на три четверти» и получилъ начало въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому, то каковъ былъ тотъ вѣроятный путь, которымъ первоначальный обычай перешелъ въ свою современную форму? Имѣтъ сомнѣнія, что послѣ того, какъ брачныя отношенія *окончательно* сложились по типу моногамическому, требовавшему со стороны женщины полнаго супружескаго цѣломудрія, обычай, который мы считаемъ первоначальной формой «понедѣлкуванья», т. е. бракъ «на три четверти», могъ удержаться лишь при условіи совершеннаго исчезновенія изъ него эротиче-

⁴⁾ Вотъ это извѣстіе Аль-Бекри: „женщины ихъ (славяне), когда выйдутъ замужъ, не прелюбодѣствуютъ, а когда дѣвица кого полюбитъ, то она къ нему отправляется и у него удовлетворяетъ свою страсть. А когда мужчина женится и найдетъ свою жену дѣвственною, онъ ей говоритъ: если-бы было у тебя что-нибудь хорошее, то мужчины полюбили-бы тебя и ты избрала-бы себѣ кого-нибудь, который-бы тебя лишилъ невинности—и прогоняетъ ее и отрывается отъ нея“.—А. Куникъ и бар. В. Розенъ. Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. СПб. 1878, стр. 66.—Чтобы судить о томъ, насколько можно довѣрять этому извѣстію Аль-Бекри, считаемъ нелишнимъ привести слѣдующее, помѣщенное у Спенсера, свидѣтельство о чиччасакхъ древней Центральной Америки: „они не только были равнодушны къ дѣвственности своихъ невѣстъ, но даже, когда невѣста оказывалась дѣвственницею, считали ее несчастливцею, не имѣвшей въ жизни удачи и не умѣвшей ни разу внушить любви мужчине; а потому они не любили такой жены и смотрѣли на нее, какъ на ничего не стоящую дрянь“.—Спенсеръ. Op. cit., стр. 672.

скаго элемента, или-же видоизмѣненія этого элемента въ простой обрядъ, не оскорбляющій чувства супруга, какъ видоизмѣнились, напримѣръ, упоминаемый Діодоромъ Сицилійскимъ¹⁾ балеарскій обычай принадлежности дѣвства невѣсты друзьямъ жениха въ свадебный обрядъ, предоставляющій брату жениха (французская свадьба) или поѣзжанамъ (лауенбургская свадьба) право на первый поцѣлуй невѣсты, или дружкѣ право на первый съ невѣстою танецъ (швабская свадьба).

Повидимому развитіе разсматриваемаго нами обычая пошло по первому пути, т. е. по пути совершеннаго исчезновенія эротическаго элемента (по крайней мѣрѣ въ современномъ «понедѣлнѣ» нельзя открыть и малѣйшихъ слѣдовъ этого элемента), и если-бы первоначальный обычай содержалъ въ себѣ *только* эротическій элементъ, то съ исчезновеніемъ этого послѣдняго онъ и самъ долженъ былъ-бы исчезнуть изъ жизни. Но въ немъ помимо элемента эротическаго былъ и другой, тѣсно связанный съ нимъ элементъ, благодаря которому и самъ обычай могъ удержаться до настоящаго времени. Этотъ элементъ—*трудоваго*.

Какъ извѣстно, у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, мужчина, приобрѣтая себѣ жену, приобрѣталъ въ ней не только предметъ для удовлетворенія своей страсти, но и извѣстную рабочую силу, плоды труда которой принадлежали ему, господину и владыкѣ. Но попятно, что въ тѣ дни, въ которые женщина по предбрачному договору освобождалась отъ своихъ супружескихъ обязанностей, она освобождалась вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своихъ обязанностей, какъ рабочаго. Выговоренными въ брачномъ договорѣ днями жена распоряжалась по своему усмотрѣнію (Ж. Телонъ). Эта сторона «брака на три четверти» на нашъ взглядъ является чрезвычайно важной стороной его и благодаря-то именно ей самый обычай, совершенно утерявъ эротическій элементъ, могъ тѣмъ не менѣе удержаться въ жизни до настоящаго времени. У дикихъ народовъ жена обыкновенно становится трудовымъ воломъ, на котораго возлагаются ея господиномъ самыя тяжелыя работы не только по домашнему хозяйству, но и внѣ домашней сферы.

¹⁾ Diodor. 5, 18. cit. у Bachofen'a, op. cit, p. 12.

Такимъ-же воломъ, правда, быть можетъ въ нѣсколько меньшей степени, женщина продолжала, да, пожалуй, и продолжаетъ быть и до сего времени. Естественно поэтому, что право жены на свободу отъ труда въ теченіи извѣстныхъ дней въ недѣль было въ глазахъ женщинъ чрезвычайно важнымъ правомъ, которое желательно было сохранить во чтобы то ни стало. Древній обычай брака «на три четверти» представлялъ для этого удобное средство по способности своей приравняться къ интересамъ подавленной трудомъ жены, и жизнь его удержала. Право на свободу отъ брачныхъ обязанностей, составлявшее существенную черту прежняго обычая, какъ несомнѣстимое уже съ понятіемъ о строгомъ супружескомъ цѣломудріи, вытѣсняется усиленнымъ развитіемъ другой стороны того-же обычая, трудовой, пока наконецъ не исчезаетъ совершенно, замѣнившись правомъ на свободу отъ труда. Древній обычай удержалъ свое жизненное реальное значеніе, приравнившись къ новымъ цѣлямъ и сообразно съ ними измѣнивши свой первоначальный характеръ: эротическій элементъ отпалъ, а къ замѣнъ его выдвинулся элементъ экономическій. Такова бориспольская форма «шопедилкуванья».

Однако съ теченіемъ времени и эта форма неизменно должна была потерпѣть измѣненія. Право на свободу отъ труда, столь полезное для интересовъ женщинъ, наносило несомнѣнный ущербъ семейному хозяйству, почему подъ давленіемъ экономической необходимости и по мѣрѣ того, какъ семья получала характеръ равноправнаго союза мужа и жены, одинаково заинтересованныхъ въ преуспѣяніи семейнаго хозяйства, упомянутое право должно было потерпѣть ограниченіе какъ во времени, такъ и въ объемѣ: ⁴⁾ количество дней, въ которые жена освобождалась отъ труда, уменьшаясь, дошло до одного въ недѣлю, а право на свободу отъ труда вообще, столь полное еще въ бориспольскомъ обычаѣ, постепенно сужалось, пока не превратилось наконецъ въ обыкновеніе воз-

⁴⁾ Уже и въ Бориспольѣ, по словамъ г. Василенка, въ послѣдніе десять лѣтъ нѣкоторыя рачительныя хозяйки сами добровольно работаютъ по повѣдѣнкамъ.

держиваться въ понедѣльникъ лишь отъ извѣстнаго вида труда. Такой именно характеръ и имѣеть въ настоящее время «понедилкувань» въ остальной Малороссіи.

Н. Чернышевъ.

Русскіе диссиденты въ Новороссіи.

Въ давно минушіе сороковые годы приходилось мнѣ много странствовать по новороссійскому краю и исколесить его въ разныхъ направленіяхъ, исполняя разные служебныя порученія. Отъ того времени остались у меня разные наброски и замѣтки, между прочимъ и о нашихъ диссидентахъ или раскольникахъ въ Новороссіи. Пересмотрѣвъ снова и кое въ чемъ исправивъ и дополнивъ эти мимолетныя наброски далекой молодости, на склонѣ лѣтъ моихъ дѣлюсь ими съ читающею публикою и если она найдетъ въ нихъ нѣчто неизвѣстное, буду радъ, что и это небольшое не канетъ въ бездну забвенія.

Усталой старческой памяти не воскресить уже живыхъ впечатлѣній молодости, а дрожащее перо безсильно передать и то, что сохранилось еще въ ней и могло бы оживить мою рѣчь. Прійми, великодушный читатель, эти немногія строки, которыя сохранила для твоего любопытства любознательная нѣкогда молодость.

Новороссійскія степи, въ теченіи XVIII и 1-й трети IX столѣтій, представляли зрѣлище весьма сходное съ положеніемъ Сѣверо-американскихъ штатовъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Именно, онѣ были убѣжищемъ, вольнымъ или невольнымъ, для многихъ эмигрантовъ, искавшихъ почти также, какъ и пуритане въ Америкѣ, спокойнаго исповѣданія своей вѣры и клочка земли для своего прочнаго благоустройства. Въ особенности это относится къ нашимъ русскимъ «диссидентамъ», раскольникамъ разныхъ толковъ, которыхъ въ теченіи полутора столѣтія поселены или поселились въ нашемъ краѣ цѣлыя тысячи.

Въ періодъ 1731—1756 годовъ, т. е. начала прочнаго занятія сѣверныхъ частей Новороссіи, мы находимъ уже тамъ слободы русскихъ старообрядцевъ, въ небольшихъ усадьбахъ, раскинутыхъ на весьма большомъ пространствѣ, преимущественно по берегамъ Днѣпра. Въ это время русское правительство нашло на

окраинахъ Новороссіи двѣ общины старообрядцевъ. Одна изъ нихъ поселилась на берегу таманскаго залива, близъ Керчи, а частію даже на Крымскомъ полуостровѣ; это были донскіе козаки, бѣжавшіе съ Дону во время Булавинскаго мятежа и предавшіеся «подъ руку Турціи», точнѣ крымскихъ хановъ и были также извѣстны подъ именемъ «Игнатъ козаковъ», или Некрасовцевъ, которые въ послѣдствіи, при занятіи русскими войсками крымскаго ханства, перешли въ Болгарію и поселились близъ Баба-даги¹⁾. Другая община старообрядцевъ поселилась на берегахъ Днѣпра, выше пороговъ, гдѣ они основали Крюковъ, Крыловъ, Цыбулевъ, а послѣ Бешку (нынѣшнюю Александрію хер. губ.).

Но съ 1750-хъ годовъ началось уже правильное переселеніе старовѣровъ въ Новороссійскія степи, не только съ соизволенія, но и по формальному вызову самаго правительства. Манифестами 16 марта 1734 года и 4 сентября 1755 года старообрядцы, бѣжавшіе при Петрѣ В. и Аннѣ Іоановнѣ въ Молдавію и Польшу, прощены и приглашены на поселеніе и службу въ Новороссію. Откликаясь на такой призывъ, они явились въ значительномъ числѣ и поселились между 1750 и 1760 годами сперва въ форштатѣ крѣпости св. Елисаветы, а послѣ въ разныхъ мѣстахъ нынѣшняго елисаветградскаго уѣзда, по границѣ Запорожья, гдѣ основали многолюдныя и богатыя селенія: *Злынку*, *Лысую-Гору*, *Песчаный бродъ*, *Клишцы*. Къ нимъ присоединились въ послѣдствіи другіе раскольники, вышедшіе изъ черниговскихъ (стародубскихъ) слободъ, а также вызванные изъ Молдавіи и Бессарабіи графомъ Румянцевымъ, во время войны 1769—1776 г.г., и основали въ разныхъ мѣстахъ нынѣшней херсонской губерніи свои селенія: *Плоское*, *Ананьевъ* (нынѣ уѣздный городъ херсонской губерніи), *Калиновку*, *Золотаревку* и другія. Эти раскольничьи общины были весьма замѣчательны по своему скорому развитію и отличались не только хорошимъ сельскимъ хозяйствомъ, но и торговою дѣятельностію. Раскольники первые вели въ это время пограничную торговлю съ Молдавіею и татарскими аулами, и на свою ярмарку въ крѣпости св. Елисаветы (Елисаветградъ) привлекали своихъ сосѣдей и противниковъ: запорожцевъ, турокъ и поляковъ. Они построили прекрасныя церкви, небольшія

¹⁾ Объ этихъ „Некрасовцахъ“ помѣстили мы небольшую монографію въ журналѣ Министерства Вн. Дѣлъ 1844 года... VIII, стр. 61—82.

училища и даже завели типографію въ Клинцахъ для печатанія церковныхъ книгъ.

По вѣдомости, составленной въ новороссійской губернской канцеляріи въ 1773 г., раскольниковъ въ Кременчугѣ и въ елисаветградской провинціи показано 12,650 душъ об. п., а въ 1774 г., если вѣрить Гильденштедту, они составляли большую часть жителей Елисаветграда¹⁾. Елисаветградское духовное правленіе въ 1777 г. доносило епархіальному архіерею Евгенію, что раскольники выстроили здѣсь «огромную часовню, превышающую благолѣпнымъ строеніемъ всѣ здѣшнія городскія церкви, со взнесеніемъ на одну крестовъ, на позорище всему городу, съ немалымъ при томъ числомъ колоколовъ...» что «при оной своей часовнѣ сокрываютъ бѣглецовъ поповъ и монаховъ, кои попы, какъ сами собою, такъ и чрезъ своихъ единомышленниковъ, кредитомъ денегъ и другими довѣренностями и ухищреніями прельщаютъ простой народъ и отъ церкви Божіей принимаютъ къ часовнѣ»²⁾.... Такимъ образомъ, ново-поселенные раскольники нашли себѣ сильныхъ противниковъ въ представителяхъ мѣстнаго духовенства. Но, по новости дѣла, правительство терпѣло раскольниковъ и не принимало мѣръ стѣсненія; все ограничивалось мѣрами духовными. Такъ, первый херсонскій архіерей Евгеній Булгарисъ поручилъ увѣщевать раскольниковъ и склонять ихъ къ воссоединенію съ православною церковью елисаветградскому священнику Димитрію Смолодовичу, который и обратился въ православіе до ста душъ въ теченіи 1777—1779 г.³⁾ Преемникъ преосвященнаго Евгенія, архіепископъ Никифоръ Θεотоки продолжалъ начатое дѣло. Ему принадлежитъ краснорѣчивое «посланіе» къ старообрядцамъ (1780 г.); сверхъ того, архипастырь и лично посѣщалъ мѣста, населенныя раскольниками и, съ содѣйствіемъ упомянутаго священника Димитрія, увѣщевалъ елисаветградскихъ старообрядцевъ прійти подъ его благословеніе, снабдивъ ихъ, что «онъ дозволитъ изъ той часовни церковь освятить и, кого пожелаютъ, изъ своихъ поставить ямъ священника, по старопечатнымъ книгамъ служить дозволитъ и всякія христіанскія potreбы отправлять тому священнику по старо-

¹⁾ Reisen d. Rusland, т. II, стр. 176.

²⁾ Свящ. Н. Певодчиковъ, Евгеній Булгарисъ. Одесса, 1875 г., стр. 42—43.

³⁾ Тамъ же, стр. 46—47.

обрядчеству.» Старообрядецъ-авторъ частнаго письма, изъ котораго почерпаемъ эти свѣдѣнія, передаетъ и о результатѣ этого увѣщанія: «И такія рѣчи отъ имени его преосвященства говорилъ елисаветскій священникъ Дмитрій троекратно, точію всѣ молчали, а на третьемъ возгласеніи изъ среди подали голосъ, что они не желаютъ». «И сего жъ іюля мѣсяца (1780), продолжаетъ авторъ письма, оной архіепископъ Никифоръ пріѣхавъ въ слободу Знаменку и похитилъ тамошнихъ многихъ жителей, ибо они отъ него приняли священника, и освятили имъ церковь»¹⁾).

При водвореніи на сѣверной окраинѣ степей сербовъ, раскольники, прежде поселившіеся на тѣхъ мѣстахъ, вошли въ составъ ново-казачьяго слободскаго полка и поселены отъ Синюхи до Днѣпра, за чертой, первоначально назначенной для поселенія, на самомъ рубежѣ Запорожья. Для нихъ опредѣленъ особымъ начальникомъ ротмистръ Поповъ, которому приказано было надѣлять ихъ дачами, селить и записывать въ земледѣльцы или мѣщане. Они получили хорошія земли, пособія деньгами и лѣсомъ и пользовались свободою по части ношенія бородъ и свойственнаго имъ костюма. Петербургскій академикъ Гильденштедтъ писалъ о нихъ: «они вполнѣ сохранили господствующіе въ Великороссіи обычаи въ одеждѣ и въ постройкахъ, равно и языкъ; впрочемъ, многіи вывели дымовыя трубы въ горницахъ по малороссійски». Въ хозяйствѣ они также слѣдовали дѣдовскимъ обычаямъ и пахали земли сохами, что однако же оказалось неудобнымъ, ибо соха легко ломалась въ твердой мѣстной почвѣ. Ученый путешественникъ даетъ очень лестный отзывъ о раскольникахъ:» трудолюбіемъ, умеренностію и склонностію къ порядку они рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ обитателей этой провинціи»—говоритъ онъ²⁾).

Вообще, въ глазахъ какъ начальства края, такъ и правительства, раскольники должны были представлять самый надежный матеріалъ для колонизаціи новороссійскаго края. Отраженіемъ такого взгляда на нихъ можетъ служить благопріятный отзывъ посланнаго изъ Петербурга академика Гильденштедта. Много разъ

1) Посланіе архіеп. Никифора и выдержка изъ приведеннаго частнаго письма напечатаны въ Хронол. обозрѣніи новор. кр., т. I, прилож. № 6.

2) *Reisen d. Russland*, т. II, стр. 142 и 171.

упоминая о нападеніяхъ запорожцевъ на поселенія пикинернаго (бывшаго ново-казачьяго) полка, объ уводѣ людей для заселенія слободъ, ими самими основываемыхъ по границѣ елисаветградской провинціи, отзываясь вообще о запорожцахъ, какъ о разбойникахъ, о жителяхъ великорусской слободы (единственной—не раскольниковъ) Покровской (правовѣрной) говоритъ онъ слѣдующее: «отъ запорожцевъ здѣшніе жители не знаютъ безпокойства, хотя живутъ совсѣмъ на границѣ,—доказательство, что запорожцы не охотно вступаютъ въ какія либо сношенія съ москалями, какъ называютъ они великороссовъ, и что волохи и малороссы переходятъ къ запорожцамъ больше по склонности, чѣмъ по принужденію»¹⁾). Общій смыслъ этихъ словъ позволяетъ отнести этотъ отзывъ ко всѣмъ вообще великороссамъ колонистамъ, а большинство изъ нихъ здѣсь были раскольники.

Поселенные на границѣ съ Запорожьемъ и не вдалекѣ отъ владѣній ногайскихъ татаръ, они должны были постоянно быть на сторожѣ отъ тѣхъ и отъ другихъ и служили надежнымъ аванпостомъ для тѣхъ самыхъ сербовъ, на которыхъ возлагалось столько напрасныхъ и дорого стоившихъ правительству надеждъ.

Но благосклонное отношеніе къ елисаветградскимъ раскольникамъ продолжалось до уничтоженія самостоятельности Запорожья и до присоединенія Крыма. Эти два событія послужили поворотнымъ пунктомъ въ отношеніи къ новороссійскимъ раскольникамъ и въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ, какъ колонистовъ.

Въ іюлѣ 1783 г. московскіе стародубовскіе старообрядцы прислали къ Потемкину, какъ генераль губернатору здѣшняго края, и въ сенатъ просьбу о «дозволеніи имъ выселиться цѣлыми обществами, построить церкви для служенія въ нихъ по старопечатнымъ книгамъ и даже имѣть своего собственнаго епископа». Потемкинъ, отказывая въ послѣднемъ желаніи, испросилъ Высочайшее дозволеніе на водвореніе ихъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ «въ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи», то есть въ Крыму, заселеніе коего теперь выдвинулось на первый планъ; по этому случаю, отъ имени государыни и своего, онъ писалъ весьма любопытныя грамоты на имя «выборнаго отъ знаменскихъ старообрядцевъ Мартьяна, въ ко-

¹⁾ Указ. сочин., стр. 182.

торыхъ говорится, что имъ «дается земли довольное число, такъ чтобы оной было достаточно не только для нихъ, но и для поповъ приходящихъ; воздвигнутся имъ церкви или монастырь казеннымъ издвигеніемъ; дома также будутъ имъ построены отъ казны и дастся льгота отъ податей на нѣсколько лѣтъ»¹⁾. Этими льготами Потемкинъ имѣлъ въ виду привлечь во вновь завоеванную Тавриду всѣхъ раскольниковъ имперіи. Но блестящія ожиданія оправдались плохо: изъ черниговской губерніи выселилось лишь до 60 семей; знаменскіе раскольнички вовсе не хотѣли переселяться, не внемля никакимъ посуламъ. «Князю угодно было назначить имъ къ поселенію мѣсто противъ Николая, гдѣ теперь стоитъ Малая Знаменка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ путешествіи государинѣ изъ никопольскаго дворца показать селеніе въ мѣстахъ, дотолѣ необитаемыхъ; но знаменскіе не хотѣли тамъ селиться»²⁾.

На таврическомъ полуостровѣ старообрядцы заселили села: *Большую и Малую Знаменку, Бѣлозерку* и другія.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно съ 1802 г. началось переселеніе новыхъ «диссидентовъ», а именно духоборцевъ, о которыхъ будемъ говорить ниже съ нѣкоторою подробностію. Въ 1811—12 г. послѣдовало водвореніе въ измаильскомъ округѣ Бессарабіи упомянутыхъ выше Некрасовцевъ, продолжавшееся до 1830 года; они устроились въ предмѣстьи крѣпости Измаила Тучковъ и въ четырехъ усадбахъ, въ которыхъ въ 50-хъ годахъ считалось уже ихъ до 2,000 душъ обоюго пола.

Послѣдній выходъ въ новороссійскія степи русскихъ диссидентовъ произошелъ уже въ 1820-хъ годахъ. Это были *молокане*, называющіе себя, какъ и духоборцы, «духовными христіанами». Правительство выселило ихъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи, преимущественно изъ тамбовской и астраханской губерній. Распоряженіе о водвореніи ихъ въ здѣшнемъ краѣ по Высочайшей волѣ послѣдовало въ маѣ 1820 и въ апрѣлѣ 1821 года. Они поселены

1) Изъ грамоты Потемкина отъ 3 апрѣля и 27 августа 1785 г.—См. наше Хронологическое обозрѣніе Исторіи Новороссійскаго края, т. I, стр. 171, 280—281.

2) Изъ современнаго письма священника с. Знаменки херсонск. губ. Карпа Маркіанова; оно опубликовано мною въ XI т. „Кіевской Старини“, стр. 531—538.

на земляхъ отведенныхъ для ногайскихъ татаръ, выведенныхъ изъ Бессарабіи, но ими не вполне занятыхъ. Съ 1822 по 1825 г. они основали на лѣвомъ берегу р. Молочной селенія Васильевку, Новоспасское и Астраханку, названную въ память губерніи, откуда молокане были выведены. Къ нимъ присоединились и тѣ молокане, которые было водворились сами въ томъ же уѣздѣ, при татарскихъ урочищахъ: Юзь-Кай и Сары-гезъ. Въ 1830 годахъ ихъ было уже болѣе 1,500 душъ обоого пола, а въ концѣ 1860-хъ считалось по официальнымъ спискамъ до 4,540 душъ об. п.¹⁾ По показанію мѣстнаго начальства, они отличались «прекрасною нравственностію, трудолюбіемъ и замѣчательнымъ единодушіемъ, что составляетъ главную причину успѣха ихъ въ хозяйственномъ быту. Овцеводство особенно доведено было у нихъ до совершенства». Но правительство, опасаясь ихъ пропаганды, ограничило ихъ пребываніе въ краѣ двумя условіями: 1) воспрещеніемъ называть свои усадьбы именами святыхъ, а также именами учителей, чтимыхъ этими сектантами и 2) не удаляться за черту земель, имъ отведенныхъ, болѣе 30 верстъ. Впрочемъ къ молоканамъ правительство относилось довольно снисходительно, особенно послѣ посѣщенія ихъ усадьбъ ученымъ ревизоромъ Кеппеномъ въ 1838 г.²⁾

Теперь обратимся къ духоборцамъ. Въ наши степи духоборцы перешли на жительство на основаніи слѣдующаго соизволенія юнаго императора Александра I. «Внявъ прошенію отъ духоборцевъ, въ слободской украинской губерніи обитающихъ, и получивъ таковое же отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ чъ новороссійской губерніи³⁾ живущихъ, о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и водвореніи сколько можно отдаленно отъ прочихъ, я призналъ за благо, сколько по уваженію претерпѣннаго ими людьми разоренія, сколько и по тому предположенію, что таковое отдѣленіе считаю я надежнѣйшимъ средствомъ къ погашенію ихъ ереси и къ пресѣченію вліянія ея на другихъ, переселить ихъ въ новороссійскую губернію, въ маріупольскій уѣздъ (нынѣ мели-

¹⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ таврической губерніи. Спб. 1865 г., стр. XXXIX.

²⁾ Въ 1879 г. молоканъ въ таврич. губ. считалось 3,864 д. обоого пола.

³⁾ По волѣ имп. Павла 3 губерніи: херсонская, екатеринославская и таврическая названы были въ 1796 году „Новороссійскія губерніи“.

топольскій и бердянскій), на обильныхъ поляхъ, лежащихъ по теченію рѣчки Молочной»¹⁾).

Сперва явились изъ екатеринославской губерніи 30 семействъ духоборцевъ и устроили свои поселки на правой сторонѣ рѣки Молочной; это было началомъ селенія «Терпѣніе», впоследствии главной усадьбы ихъ общества. При постоянномъ наплывѣ послѣдователей этой секты основались 4 другія селенія по теченію той же рѣки. При переходѣ ихъ въ таврическія степи считалось ихъ не болѣе 700 душъ об. пола, а въ 1830 году уже официально показывались болѣе 1,430 душъ.

Правительство отвело имъ въ полную собственность 27,800 десят. земли, съ правомъ пользоваться участками ногайскихъ земель, съ платою по 7 к. за десятину, и сверхъ того предоставило имъ пятилѣтнюю льготу отъ податей и повинностей.

Въ теченіи 40 лѣтняго существованія въ указанной мѣстности, духоборцы устроили вполнѣ девять обширныхъ и многолюдныхъ селеній, въ которыхъ въ 1841 году считалось 4,505 д. об. пола.

Пять изъ этихъ усадебъ находилось по теченію рѣки Молочныхъ водъ, а четыре близъ Молочнаго озера или лимана.

Въ какомъ положеніи, въ отношеніи хозяйства, находилось духоборческое общество въ 1830-хъ годахъ, можно судить по словамъ незабвеннаго М. С. Воронцова, отмѣченныхъ имъ по рукописи 1 части моей «Статистики Новороссійскаго края» въ 1832 году: «Большая часть духоборцевъ люди зажиточные и даже богатые, имѣютъ обширное скотоводство и улучшенное овцеводство. Они по своему домашнему быту и по хозяйственнымъ обзаведеніямъ принадлежатъ къ лучшимъ поселянамъ государства и могутъ даже служить примѣромъ хозяйственныхъ ихъ устройствъ».

Духоборцы не любили распространяться о своемъ вѣроученіи съ посторонними. Когда, по желанію преосвященнаго Гавріила, образованные священники просили ихъ, въ дружескихъ бесѣдахъ съ старообрядцами, изложить хотя вкратцѣ свое ученіе, они отвѣчали: «мы духомъ бодрствуемъ, духомъ Бога прославляемъ, отъ духа мечь беремъ и духомъ врага, т. е. грѣхъ побѣждаемъ».

¹⁾ Именной указъ 1802 г., января 25 новоросс. губернатору Миклашевскому.

Въ первые годы переселенія духоборцевъ на таврическія степи былъ у нихъ чѣмъ-то въ родѣ духовнаго и свѣтскаго старшины отставной капраль Капустинъ, одинъ изъ выдающихся учителей духоборчества, жившій прежде съ такою же общиною на остр. Эзелѣ, а послѣ въ харьковской губерніи. Отличаясь большимъ умомъ и даромъ слова и обладая красивой наружностью, Капустинъ господствовалъ надъ всѣми безусловно, подобно анабаптистскому пророку Іоанну Лейденскому въ Мюнстерѣ. Баронъ Гакстгаузенъ, посѣтившій въ 1843 г. Терпѣніе, описывая домъ, принадлежавшій Капустину, говоритъ: «Домъ состоялъ изъ двухъ этажей; небольшая галлерей сбоку вела ~~на~~ вверхъ. На эту галлерей Капустинъ выходилъ въ опредѣленные дни къ народу, собиравшемуся внизу на дворѣ. Тогда всѣ падали на колѣни и молились ему. Иногда онъ садился въ одной изъ залъ верхняго этажа, въ одну дверь входили мужчины, въ другую женщины цѣлой процессіей, цѣловали его руки и принимали благословеніе»¹⁾. Капустинъ устроилъ молитвенные дома, сперва въ основанномъ имъ селеніи «Терпѣніе», а послѣ въ Еремовкѣ и Горѣломѣ. Близъ молитвеннаго дома, въ первомъ селеніи, построилъ нѣсколько домиковъ для сиротъ и бездомныхъ людей и для ихъ содержанія завелъ общественное скотоводство и мельницу на рѣкѣ Молочной. Въ земледѣльческомъ хозяйствѣ духоборцы ввели общинную обработку всѣхъ полей съ равнымъ раздѣломъ продуктовъ. На случай неурожая заведены были ими запасные общественные магазины хлѣба. Но главными занятіями сектантовъ были скотоводство, особенно—овцеводство (они разводили и мериносовъ), а также извозничество.

Духоборцы, какъ полагаютъ, не признавали въ принципѣ не только духовной, но и свѣтской власти, между тѣмъ они исправно платили подати и аренду за снимаемыя земли, давали рекрутъ и подводы; въ числѣ переселившихся на Кавказъ находимъ отставныхъ солдатъ изъ ихъ общества и даже кантонистовъ.

Они старательно соображали свою жизнь съ обычаями окружавшаго ихъ православнаго общества: праздновали Рождество Христово, Пасху и сошествіе св. Духа, праздновали также масляницу остановкою работъ и угощеніемъ, но никакого духовнаго зна-

¹⁾ Исслѣдов. внутр. отношеній народн. жизни, т. I, стр. 28?

ченія не придавали этимъ праздникамъ. Къ этому надо добавить что духоборцы энергично преслѣдовали пьянство и воровство въ своей средѣ. Такимъ образомъ, независимо отъ вѣроученія, духоборцы были мирными и уживчивыми колонистами.

Но настали и для нихъ тяжкіе годы. Пока они жили, селились и богатѣли въ пустыняхъ Тавриды, не имѣя другихъ сосѣдей, кромѣ подобныхъ себѣ сектантовъ-менонитовъ и ногайцевъ, которыхъ турки считали мусульманскими вольнодумцами, — никакихъ жалобъ, нареканій или доносовъ на нихъ не было. Но съ усиленіемъ русскаго водворенія около Ногайска и близь основаннаго вновь Бердянскаго порта, явились у духоборцевъ соперники и даже завистники. Многіе удивлялись ихъ богатству и благосостоянію, приписывая это не труду и воздержной ихъ жизни, а помощи нечистой силы. Первое нападеніе сдѣлалъ какой-то Ефименко, предлагавшій управленію государственныхъ имуществъ отобрать у духоборцевъ тѣ земли, которыя имъ даны на основаніи царскихъ милостей 1802 года съ платою по 20 коп. ассигнаціями за десятину, и сдать ему съ платою по 60 коп. и даже по 1 руб. ассигн. за десятину. Когда предложеніе это не было принято, онъ и ему подобные начали доказывать вредъ отъ пребыванія такихъ «безбожниковъ», какъ духоборцы, среди православнаго русскаго народа. Такого же взгляда держались и многіе представители мѣстной администраціи. Такъ, въ 1816 году херсонскій военный губернаторъ Ланжеронъ сдѣлалъ представленіе о выселеніи духоборцевъ изъ таврической губерніи, вслѣдствіе «развратной ихъ жизни, зловредныхъ для общества правилъ и желанія разсѣвать ихъ между другими». Но правительство отвергло это предположеніе: «не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять надлежитъ (говорилъ Высочайшій указъ), но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти»¹⁾.

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, какъ санс- школы императора Александра I по части вѣротерпимости, сдѣлалъ усердно воссоединенія духоборцевъ съ православной церковью, но

1) Полн. собр. Зак., т. XXXIII № 26, стр. 550.

не одобрялъ вовсе принудительныхъ къ тому мѣръ. Даже императоръ Николай I выразилъ лишь желаніе о приведеніи этихъ сектантовъ къ безпрекословному исполненію всѣхъ гражданскихъ обязанностей и къ сближенію ихъ *по возможности* съ православною церковью (22 февраля 1838 г.)

Съ этою цѣлью неоднократно были направляемы образованныя духовныя лица для сношеній и бесѣдъ съ духоборцами, но сектанты не вступали даже въ серьезные съ ними споры, извиняясь совершеннымъ незнаніемъ ни священнаго писанія, ни твореній отцевъ Церкви, отвергали только названіе «раскольниковъ», такъ какъ, по ихъ словамъ, ни они, ни праотцы ихъ къ церкви православной «не принадлежали» и никогда слѣдственно отъ нея «не отступали».

Вскорѣ однако среди самой секты обнаружались такія явленія, съ которыми правительство не могло помириться.

Со смертію Капустина, энтузіазмъ, отличавшій первые шаги секты, исчезъ, вмѣстѣ съ живымъ вліяніемъ его личности, которымъ и держался въ напряженномъ состояніи. Симптомами ослабленія и упадка его явились во первыхъ какія то «мистеріи» (по выраженію бар. Гакстгаузена), вѣроятно, радѣнія, въ родѣ хлыстовскихъ; говорили, по крайней мѣрѣ, что «мистеріи» эти сопровождались оргіями, въ которыхъ принимали участіе 30 «старшанъ»; во вторыхъ, явилась среди сектантовъ нетерпимость къ отступникамъ, результатомъ которой было учрежденіе ими страшнаго, истинно инквизиціоннаго судилища. Выраженіе: «кто отречется отъ своего Бога, да погибнетъ отъ меча», получило буквальное толкованіе. Домъ засѣданія суда назывался *рай и мука*; мѣсто казни было на островѣ при устьѣ Молочной. Уже по одному подозрѣнію въ измѣнѣ или въ переходѣ къ православію подвергали пычкѣ и смерти. Въ продолженіи двухъ лѣтъ пропало, большей частью безслѣдно, до 400 чел. Последнее разслѣдованіе со стороны правительства (по словамъ бар. Гакстгаузена) дало ужасные результаты; найдено нѣсколько заживо похороненныхъ, многіе были изуродованы»¹⁾.

¹⁾ Харламовъ, Духоборцы, „Русская Мысль“, 1884 г., № 12, стр. 113.

Въ концѣ 1828 года отношенія правительства къ духоборцамъ такъ обострились, что имъ предложено было на выборъ: или соединиться съ православною церковью, или выселиться изъ Крыма на земли болѣе отдаленныя, напримѣръ въ Закавказскія провинціи. Послѣднее предположеніе имѣло въ виду пресѣчь возможность уклоненія отъ военной службы. Предложеніе Ермолова о выселеніи духоборцевъ въ Закавказье принято въ комитетѣ министровъ на двухъ основаніяхъ: во первыхъ духоборцы будутъ поставлены въ постоянную необходимость защищаться противъ горцевъ; во вторыхъ, такое ихъ употребленіе удержитъ другихъ отъ поступленія въ секту ¹⁾. Только ничтожное меньшинство поколебалось, остальные всѣ согласились на переселеніе, которое началось въ 1841 году и продолжалось до 1845 г. Передъ отходомъ ихъ правительство уплатило имъ цѣнность усадебныхъ строеній, а они, съ своей стороны, внесли вполнѣ слѣдующія съ нихъ подати. Такимъ образомъ таврическія степи лишились болѣе 4,000 лучшихъ хлѣбопашцевъ, а земли ихъ отданы другимъ русскимъ переселенцамъ. Въ девяти упомянутыхъ нами селеніяхъ считается теперь болѣе 9,000 душъ об. пола, болшею частію великороссійскихъ поселянъ. Говорятъ, что тѣ духоборцы, которые раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, возвратились назадъ изъ своихъ закавказскихъ сельъ, водворены на прежнихъ ихъ мѣстахъ; но сколько ихъ было, намъ неизвѣстно.

А. А. Скальковскій.

Письмо О. М. Бодянского къ А. В. Шишацкому-Илличу.

Послѣ покойнаго редактора неофициальной части «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Шишацкаго-Иллича, осталась богатая бібліотека, довольно большое собраніе старинныхъ малорусскихъ рукописей, масса писемъ. Почти все это (какъ это часто у насъ случается) безслѣдно исчезло. Уцѣлѣла часть дѣловой переписки и одна тетрадь его дневника.

¹⁾ Изслѣд. внутр. отношеній, т. I, стр. 275.

Шишацкому-Илличу удалось привлечь къ сотрудничеству въ «Вѣдомостяхъ» почти всѣ наличныя малорусскія литературныя и ученныя силы того времени; г.г. Кулишъ, Лазаревскій, Ефименко, Глѣбовъ и т. д. принимали въ нихъ довольно живое участіе. Большинство сотрудниковъ находилось въ довольно оживленной перепискѣ съ редакторомъ. Въ этой перепискѣ дѣловые счета и переговоры очень часто чередуются съ соображеніями и пзліаніями чисто личнаго свойства.

Помѣщаемое ниже письмо Бодянского взято нами изъ остатковъ этой дѣловой переписки. Бѣольшая часть его представляетъ мало интересныя переговоры о полученіи Губ. Вѣдомостей, номеровъ «Чтеній» и т. д. Интересенъ конецъ письма, весьма характерный для Бодянскаго: онъ-то и побудилъ насъ предать тисненію все письмо.

Милостивый государь, Александръ Васильевичъ.

Письмо ваше отъ 7-го прошлаго мѣсяца и при немъ три книги «протоколовъ 1686, 1688 и 1689 года», равно какъ «Черниговскія Губернскія Вѣдомости» за 1855—56 гг., да текущаго 26 №№, къ которымъ по сіе время прибыло еще 4 (27—30), получила. Принося вамъ мою искреннюю благодарность за то и другое, скажу, что года 1857 Губернскихъ Вѣдомостей не дослано, хотя и стоитъ онъ въ вашемъ письмѣ въ числѣ отправленныхъ; равно мѣрно въ 1855 году не доставлено 2 и 52, а въ 1856 также двухъ, 26 и 51 №№.

Протоколы въ свое время непременно будутъ помѣщены въ «Чтеніяхъ» нашего историческаго общества, а потомъ немедленно подлинники возвратятъ по принадлежности. Во взаимность посылаю вамъ при семъ двѣ книжки «Чтеній» и нѣсколько оттисковъ изъ прежнихъ статей о Малороссіи; болѣе не отыскалось пока подъ рукою. Жалко, что болѣе 30 оттисковъ, посланныхъ мною для редакціи Черниговскихъ Вѣдомостей во время завѣдыванія имъ г. Ростовцева ¹⁾, теперь нѣтъ въ ней.

Продолженіе «Чтеній» будете получать исправно, по мѣрѣ выходенія каждой книги. Я полагалъ бы нужнымъ, для большаго ознакомленія съ ними, печатать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ со-

¹⁾ Предшественника Шишацкаго-Иллича.

держаніе каждой нововышедшей книги «Чтеній», по крайней мѣрѣ въ Губернскихъ Малороссійскихъ Вѣдомостяхъ, да вѣдаютъ православыя малороссы, что и на Москвѣ есть люди, которые кое-что подѣлываютъ для ихъ стороны. Если между своими не будетъ взаимности, то отъ кого-же прикажете ждать ее? Ужели отъ чужихъ! Общество наше не нуждается въ томъ, чтобы о немъ трубили тамъ и сямъ, ни для своей извѣстности, ни для сбыта своихъ изданій. Но, думаю, нужно знать тѣмъ, къѣмъ занимается оно, что именно сдѣлано имъ для нихъ. Не такъ ли?

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности вашего, милостивый государь, покорнѣйшаго слуги, О. Бодянского. Августа 17-го дня 1858 г.

Сообщ. В. К—шъ.

Преданія о Лебединскомъ монастырѣ и селѣ Лебединѣ.

Въ сѣверо-западномъ углу чигиринскаго уѣзда лежитъ большое село Лебединъ, а при немъ нѣсколько столѣтій существовалъ, нынѣ уже «зруйнованный», Георгіевскій мужской монастырь, замѣненный съ конца прошлаго столѣтія монастыремъ женскимъ, извѣстнымъ также подъ названіемъ лебединскаго. Лебединъ представляетъ собою одно изъ типичнѣйшихъ украинскихъ сель; онъ буквально утонулъ «въ садкахъ», «кохається» въ морѣ зелени; лишь стройныя, четырехкрылыя «витряки» гордо и открыто высятся по-надъ селомъ. Восточный и южный края села упираются и сползаютъ въ балки, которыя служатъ верховьями рѣчки Туріи. Когда-то эти балки изобиловали водой, на нихъ было расположено до десятка водяныхъ мельницъ; теперь отъ прежняго обилія водъ осталось лишь два ставка: *Лозовый*, расположенный въ селѣ, у подножія бывшаго монастыря, и *Тартакъ* или *Чернецій* ставокъ, лежащій за селомъ по направленію къ селу Журавкѣ, у «Чернечого хутора».

Населенія въ Лебединѣ насчитываютъ болѣе пяти тысячъ душъ. Глубокій черноземъ и сосѣдство сахарнаго завода, могущаго доставить заработокъ, отнюдь не вынуждающій ухода хозяина изъ села, являются причиной относительной зажиточности крестьянъ. Земледѣліе и работа на заводѣ суть единственныя формы труда мѣстнаго населенія; богатѣйшіе сады, которые, при рациональной культурѣ

ихъ, могли-бы явиться источникомъ обильныхъ доходовъ крестьянъ, совсѣмъ не эксплуатируются; то же приходится сказать и относительно пчеловодства—лишь одинъ хозяинъ занимается исключительно пасѣкой.

Въ селѣ есть двѣ церкви: «мурована», сооруженная въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и деревянная, построенная недавно, уже въ 80-хъ годахъ, на мѣстѣ бывшаго монастыря; есть сельская школа, проектируется съ этого года и церковно-приходская.

Лебединъ, въ смыслѣ населеннаго пункта, существовалъ уже въ XVI ст. и былъ однимъ изъ видныхъ пунктовъ на границѣ съ татарскими степями; тутъ была пасѣка Богдана Хмельницкаго, тутъ осеялъ слободы Александръ Дука, господарь молдавскій, посланный сюда султаномъ во время господства здѣсь и въ Подоліи турокъ. Въ народѣ о возникновеніи этого пункта не осталось опредѣленныхъ преданій, по крайней мѣрѣ эти преданія не идутъ далѣе «Гайдамачины», которая, какъ извѣстно, заслонила въ памяти народной событія и лица предшествовавшихъ эпохъ. Пунктомъ, отъ котораго начался Лебединъ, считается, по преданію, мѣстность бывшаго мужскаго монастыря, такъ называемое прежде урочище Чичково; здѣсь поселился, по словамъ однихъ, «розбійникъ», по выраженію другихъ «гайдамака» Лебедь, отъ него-то и пошло названіе «Лебединъ».

— Та Богъ ёго святой знае, отвѣчалъ мнѣ на вопросъ о происхожденіи сего названія «старецъ» Каленикъ; кажутъ люди, що не паче-бъ тутъ живъ колись розбійникъ Лебедь, хутиръ, чи що, тутъ ёго бувъ.....

— Тутъ бувъ скрызъ сылный лисъ, говорилъ семидесятилѣтній Бодайко; якъ разъ по-надъ самымъ яркомъ стояла колись кампличка; інъ построивъ Лебедь; бувъ такий гайдамака, звияжець....., набравъ гайдамакъ, тай сидивъ отъ якъ хутиръ! Потимъ, якъ винъ вже умеръ—Богъ ёго знае..... на тому мисти церкву зробили Покрову, багато пройшло!.....

Въ 1872 году, во время холеры, крестьянинъ Дубовый въ своемъ огородѣ копалъ яму для умершаго ребенка; при рытѣ найдены были, между прочими металлическими вещицами, много металлическихъ наконечниковъ стрѣлъ. Находка была сдѣлана подъ однимъ изъ множества холмиковъ, разбросанныхъ по всей усадьбѣ

Дубоваго и его сосѣда. По поводу этой находки мнѣ случилось слышать слѣдующее: когда еще на мѣстѣ Лебедина стоялъ хуторъ Лебеда, набѣжали татары съ криками «Галла! галла!» Хуторъ Лебеда, скрытый въ лѣсахъ, не былъ ими замѣченъ.

— А Лебедь мавъ (десъ уже взявъ) рушныцю, а тоди тильки стрилами стріяляли. Ну, треба дати имъ откоша, каже; та якъ пальнувъ, такъ и покотивъ найстаршого. Такъ ото ёго оттутъ и закопали.

— Дуже старе це місце—старице видъ Кіева, добавилъ разсказчикъ.

Какъ на мѣстѣ «камплички» выросъ монастырь и когда это случилось, народъ не помнитъ. Въ «Очакивську зиму» сгорѣлъ монастырь; огонь истребилъ монастырскій архивъ и все, что могло сказать о прошломъ этого безспорно историческаго мѣста. Послѣ пожара, какъ говорятъ, въ монашеской кельѣ была сооружена временная «церковця», хворостяная, укрытая очеретомъ, но это мѣсто лежало выше того, на которомъ стояла «кампличка» Лебеда, а потомъ монастырская церковь: послѣ были выстроены двѣ церкви—каменная и деревянная, которыя и представляли монастырь въ послѣднее время его существованія, т. е. до 40-хъ гг.

Крестьяне старики изъ разсказовъ своихъ стариковъ знаютъ кое-что о заселеніи Лебедина, быть можетъ даже томъ, которое произошло послѣ «руины»; но народное преданіе придвигаетъ его, по всей видимости, ко временамъ послѣ «Коливщины», принимая это заселеніе за первоначальное.

— Потимъ, прибавлялъ Бодайко, уже якъ приписка вийшла, начали сходитись люди, займали земли, скільки хотили; щепили садки, сажали жывци; зъ усихъ бокивъ люди такъ и посыпались; мій дидъ изъ Золотоноши.

Старыхъ поселенцевъ, которыхъ застали уже новше, насчитываютъ дворовъ девять; остальное населеніе состоитъ изъ пришлыхъ.

— Зъ той поры якъ ставъ Лебединъ, тай Лебединъ, тай Лебединъ!... заключилъ Бодайко.

Воспоминанія о набѣгахъ татаръ циркулируютъ въ большомъ количествѣ среди населенія Лебедина. Къ сожалѣнію, они такъ сказать вывѣтрились и отличаются значительнымъ однообразіемъ: подробности перезабыты, остались едва общія мѣста. Вотъ для примѣра одинъ изъ разсказовъ этого рода.

«Набигла орда; люди зарубали пляхъ на Колонтаивъ (дорога къ селу Матусову). А винъ (татаринъ) якъ ускочивъ сюда, та найшовъ сотського, та каже: господинъ сотскій, женить, каже, людей до Шполы (сосѣднее мѣстечко); кажить, що орда звидтиля (зъ Колонтаива) иде. Сотскій звычайне злякався, та давай по селу кричать, люди и кинулись до Шполы. А тамъ тилько хто выскочить зъ-за горы, заразъ ёго на арканъ» и т. д.

По словамъ старика Токара, сообщившаго это преданіе, это было въ послѣдній набѣгъ татаръ на Лебединъ и свидѣтелемъ этого событія была его мать.

Съ памятью о монастырѣ въ народѣ связаны воспоминанія о Малхисидекѣ Значко-Яворскомъ, какъ игуменѣ лебединскаго монастыря. Странно, что такое преданіе распространено и въ другихъ мѣстахъ, хотя на самомъ дѣлѣ знаменитый въ своемъ родѣ Мелхиседекъ никогда не былъ игуменомъ этого монастыря. Поводомъ къ сему послужило, конечно, близкое сосѣдство мотронинскаго монастыря, въ которомъ игуменствовали Мелхиседекъ, а равно и то, что онъ былъ «правителемъ» всѣхъ украинскихъ церквей и монастырей, а слѣд. и лебединскаго, и могъ въ немъ часто бывать по близкому сосѣдству. Хотя документально доказано, что съ конца 1766 г. Мелхиседекъ не былъ въ своемъ монастырѣ до и послѣ возстанія 1768 г., но, вырвавшись изъ уніатской тюрьмы въ Городкѣ на Волыни, проживалъ въ Переяславѣ и предъ самымъ возстаніемъ писалъ оттуда увѣщательныя посланія къ украинскому народу, всячески отклоняя его отъ бунта и кровопролитія, но инициативу «Колывщины» преданіе приписываетъ ему и этимъ повторяетъ обвиненіе, пущенное польскою стороною, дошедшее чрезъ нашего посла въ Польшѣ кн. Волконскаго до Екатерины и бывшее причиною перемѣщенія Мелхиседека «пристойнымъ образомъ за Днѣпръ». Лебединское преданіе говоритъ, что когда гайдамаки прибыли въ лебединскій монастырь и потребовали, чтобы Мелхиседекъ освятилъ «кинжалы», послѣдній отказался исполнить это требованіе. «Тоди старшій межъ ними каже: а, коли ты боишься царської кары, то не побойшся нашої—на киль ёго!» Мелхиседекъ сталъ увѣщевать. Раздались крики: «такъ и ты бузувирь, такъ и ты за жидивъ та ляхивъ!» И «старшій» сталъ перечислять всѣ безчеловѣчія и безчинства, какія совершали тогда надъ народомъ поляки и жидаы. Мелхиседекъ уступилъ будто-бы и освятилъ ножи.

Теперь отъ Георгіевскаго лебединскаго монастыря не осталось ничего, кромѣ удивительно прочной «бамы», сооруженной еще въ прошломъ столѣтіи; на верхней перекладинѣ оной вырѣзанъ четырехконечный крестъ, а рядомъ надпись: «1770 года сооруженно за игуменства іеромонаха Филофея Контаесовскаго». Недавно еще были надгробныя плиты на кладбищѣ, расположенномъ здѣсь же въ роскошномъ саду, но теперь мнѣ уже не удалось ихъ найти.

Михаилъ Васильевъ.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ „книгъ правнихъ“ на малорусскій языкъ.

Покойный нашъ профессоръ, А. О. Кляшкоровскій, издавшій въ 1879 г. въ Кіевѣ огромную рукопись, подъ заглавіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», въ своемъ предисловіи къ этому изданію (стр. 5—9) начало свода и перевода «правнихъ книгъ», т. е. тѣхъ кодексовъ и сборниковъ, которыми руководствовались малороссійскіе суды, относитъ къ гетманству Данила Апостола и царствованію Петра II. Таково и общепринятое у насъ мнѣніе по сему предмету.

Приводимый ниже универсалъ гетмана Скоропадскаго отъ 16 мая 1721 г. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что дѣло перевода, если не свода дѣйствовавшихъ въ Малороссіи законовъ начато еще въ царствованіе Петра I-го, за годъ до смерти гетмана Скоропадскаго и безъ сомнѣнія по его ходатайству. Кромѣ этого новаго, совершенно неизвѣстнаго факта, въ универсалѣ обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, гдѣ гетманъ говоритъ: «Зайшовъ... указъ... правніе книги на наше русское виложити нарѣчіе», тогда какъ указомъ 1728 года требовалось перевести эти книги «на великороссійскій языкъ». Къ сожалѣнію, самаго указа нѣтъ и намъ неизвѣстны его мотивы. О нихъ можно впрочемъ догадываться. На малороссійскіе суды сыпались укоры во взяточничествѣ и пристрастіи, доходившіе до государя и пмъ предьявляемые гетману. Гетманъ заступался за суды; но не могъ онъ не видѣть, что главнѣйшею причиною злоупотребленій въ нихъ служили противорѣчіе законовъ, рѣдкость ихъ источниковъ и недоступность ихъ по языку. Отсюда необходимость перевода и свода. Универсалъ называетъ избранныхъ переводчиковъ, указываетъ нѣкоторыя

предоставленныя имъ средства. Было ли что сдѣлано во исполненіе «премоцнѣйшаго указа», — не знаемъ. Памятниковъ первоначальныхъ по этому трудовъ не дошло до насъ; не указываетъ ихъ и «правная» коммисія 1730 г., но быть можетъ они гдѣ либо сохраняются и со временемъ объявятся. Будемъ пока довольствоваться универсаломъ. По титулѣ гласить онъ слѣдующее:

«Всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, особливе пану полковникови гадяцкому, зъ старшиною его полковою и сотниками, симъ нашимъ объявляемъ унѣверсаломъ, ижъ зайшолъ насъ пре-моцнѣйшій царского священнѣйшого величества, государя нашего всемилостивѣйшого указъ таковой, дабысмо повелѣли правніе книги, зъ которихъ зде въ Малороссіи всякіе справи судими бывають, а именно Саксона, Статутъ великого князства литовского и Порядокъ, зъ полского діалекту на наше руское выложить нарѣчіе; якое монаршое мы исполняючи повелѣніе, назначаемъ на исправленіе того дѣла п.п. Александра Ситенского, писара полкового гадяцкого и Захарія Роцаковского, знатного товариша войскового, которіе повинни неотложно книгу правную Саксона, разобравши по секстерне, перекладати на здѣшнее нарѣчіе. У помощь зась для писаня опредѣляемъ писцовъ Андрѣя Пѣщанского и Григорія Балясного, бывшихъ при судіи енералномъ, такожъ писара городского опошнянского. А болше, если того будетъ указовать потреба, позволяемъ имъ же п.п. Ситенскому и Роцаковскому, когда могутъ въ томъ гадяцкомъ полку зъ годнихъ до переписки усмотрѣвши въ школахъ, чили где инде, употребити. А переложивши скилка секстерновъ, заразъ оніе сюда, къ намъ, оніе прислати повинни. Въ чомъ абы имъ п.п. Ситенскому и Роцаковскому, где надлежа-тиметь, свѣдчана была неотмовная помощь, особливе въ зисканю писцовъ, пилно рейментарско упоминаемъ и приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ, мая 16, року 1721.

А на пречитаніе тихъ писцовъ и на папѣръь вираженному въ семь нашемъ указѣ дѣлу потребныхъ, мѣетъ панъ господарь га-дяцкій зъ нашей покуховнихъ, до скарбу войскового вибираючихся, по слушности и по потребѣ приказать выдавати, повелѣваемъ.

Звишенозанный гетманъ рукою власною».

Собщ. Ал. Лазаревскій.

По пирятинскому уѣзду.

(Кое-что изъ прежней жизни лѣвобережнаго священства).

Лѣтомъ минувшаго года пришлось мнѣ осмотрѣть до 20 церквей пирятинскаго уѣзда полтавской губерніи. Мною руководило при этомъ желаніе ознакомиться въ сельскихъ храмахъ съ остатками церковной старины, въ видѣ священныхъ предметовъ, рукописей и пр. Увы, этихъ предметовъ такъ мало, что и говорить было бы не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось собрать кое-какія свѣдѣнія о положеніи здѣсь сельскаго священника въ прошломъ столѣтіи и мнѣ кажется, что они не лишены интереса для всякаго русскаго человѣка, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, почему и дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

Жизнь сельскаго священника здѣсь въ прошломъ столѣтіи мало чѣмъ разнилась отъ жизни сельскаго обывателя, простолюдина. Сельскій священникъ того отдаленнаго уже отъ насъ времени былъ лишь старшій межъ равными; происходя не рѣдко изъ той же среды и будучи избранъ сельскою общиной, онъ связанъ былъ съ нею многими узами и такъ или иначе зависѣлъ отъ нея. Сельскаго священника прихожане знали не только, какъ исполнителя таинствъ и требъ, какъ наставника и учителя, но и какъ члена своей семьи, участвовавшаго въ горѣ и радостяхъ своихъ пасомыхъ, въ ихъ нуждахъ и заботахъ, въ ихъ даже сходахъ, въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Сельскій священникъ того времени былъ въ семьѣ своего прихожанина, такъ сказать, своимъ челоукомъ, не брезгалъ его хлѣбомъ-солью, иногда и пирушкой, а съ почетнѣйшими водилъ и самъ хлѣбъ-соль и принималъ ихъ у себя, какъ гостей; вѣдалъ подъ часъ домашнія и сосѣдскія ихъ дѣла, былъ ихъ судьей и миротворцемъ. Столько же почти близкимъ и своимъ былъ онъ и въ кружкѣ сельскаго дворянства, успѣвшаго порвать связи съ народомъ уже въ прошломъ вѣкѣ. Вотъ что рассказывалъ мнѣ на послѣднюю тему священникъ.

Запросто бывало любила въ праздникъ общественный или семейный сходиться у священника С., жившаго въ с. М—цахъ, мѣстная аристократія. Послѣ службы Божіей (а тогда, прибавилъ разказчикъ, всѣ ганы считали своимъ долгомъ быть каждое воскресенье въ церкви, пѣли на клиросѣ и чуть ли не по очереди чи-

тывали Апостоль и «Вѣрю») всѣ шли къ свему отцу духовному на «Отче нашъ», какъ говорилось тогда, а иногда и на обѣдъ. По обѣдѣ направлялись въ «кимнату», по срединѣ которой на «доливкѣ» разстилался солидныхъ размѣровъ домашней работы «килымъ» или коверъ; тутъ гости и усаживались въ кругъ, поджавъ ноги. Появлялась варенуха, сливянка или терновка и гости «балакали», а не то играли въ «трилисника». Случалось, что подвыпившій гость начиналъ за «трилисникомъ» шумѣть. Тогда хозяинъ дома обращался къ шумѣвшему съ такимъ приблизительно внушеніемъ:

— Ты бо (имярекъ) схаменись, бо якъ скрутимо джуга, то довго будешъ чухати спину.

И иной разъ несговорчивому панку и дѣйствительно приходилось съ похмѣлья «чухать спину»...

Полтавско-пирятинскій сельскій священникъ прошлаго столѣтія былъ въ собственномъ смыслѣ учителемъ своихъ прихожанъ и ихъ дѣтей; онъ училъ и въ церкви, и въ школѣ. Въ церкви читалъ и толковалъ своимъ прихожанамъ молитвы, заставляя затверживать ихъ наизусть, читалъ и объяснялъ даже катихизисъ, объявлялъ праздники, какіе слѣдовали на недѣлѣ, обличалъ случившіяся въ селѣ безчинства, конечно, не въ формѣ проповѣдей. Въ школѣ грамоту и также молитвы изучали подростки подъ руководствомъ опять таки священника. При сельскихъ церквахъ пирятинскаго уѣзда въ XVIII ст. существовали школы, устроеныя на счетъ громады и церкви, а въ нихъ учили члены причта. Изъ уцѣлѣвшихъ документовъ, хранящихся при библиотекахъ нѣ которыхъ церквей пирятинскаго уѣзда, видно, что школы существовали: въ с. Малютинцахъ въ 1770 г., въ с. Кейбаловкѣ, гдѣ въ 1828 г. отъ школы остался одинъ «плецъ», въ с. Повстинѣ и др. Повстинскую школу постигла та же участь, что и кейбаловскую: по описи 1828 г. церкви с. Повстина видно, что мѣсто, гдѣ прежде стояла школа, въ этомъ году было пустопорожнее и отмѣчено, какъ *безполезное* для церкви. Не этимъ ли, позднѣе, по особымъ причинамъ, сложившимся взглядомъ сельскихъ священниковъ на школу объясняется регрессъ въ грамотности, какой напр. случился въ богодуховскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, гдѣ въ 1752 г. 1 грамотный приходился на 1,191 душу муж. п., а въ 1885 г. 1 грамотный на 1,793 души муж. пола?

Сельскіе пастыри той мѣстности и времени, о которыхъ у насъ рѣчь, получали образованіе въ черниговской славяно-латинской школѣ, переяславскомъ семинаріумѣ, кievской академіи и харьковскомъ коллегіумѣ. Извѣстный своею ученостію харьковскій коллегіумъ и кievская академія, вмѣщавшія 1140—1230 питомцевъ, особенно привлекали къ себѣ алчущихъ и жаждущихъ умнаго свѣта. Въ данномъ случаѣ для насъ важно то, что учившіеся даже въ академіи шли въ сельскіе священники и конечно могли быть хорошими учителями, наставниками, руководителями сельской жизни.

Чѣмъ же платило сельское общество такъ много значившему для него лицу, котораго при томъ само избирало себѣ пастыремъ? Какія средства давало оно ему для существованія?

Въ церковныхъ описяхъ 1827 г., какія мы имѣли возможность видѣть почти во всѣхъ посѣщенныхъ нами церквахъ, при перечнѣ священниковъ, бывшихъ въ извѣстномъ селѣ въ прошломъ вѣкѣ, о каждомъ говорится: «... пользовался отъ прихожанъ добротнымъ даяніемъ». Такимъ образомъ, основою обезпеченія сельскаго пастыря въ XVIII в. были прежде всего добротныя даянія прихожанъ. Но эти даянія оформлены были письменными договорами обѣихъ сторонъ, пастыря и его прихожанъ, заключавшимися при выборахъ священника сельскимъ обществомъ, громадой. Въ числѣ добротныхъ даяній въ такихъ договорахъ первое мѣсто занимали земли, которыя отводили прихожане въ пользованіе причта. Онѣ выдѣлялись главнымъ образомъ изъ общественныхъ земель и угодій; кромѣ пахатныхъ и сѣнокосныхъ полей были и такъ называемыя угодья: рыболовные пруды, луга, гаи, лѣса. Надѣлы производились вновь со ссылкой на пятую заповѣдь и уваженіе къ священнику, иногда же на указъ, не только въ концѣ прошлаго, но и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Намъ пришлось видѣть дарственную запись козаковъ с. Харьковецъ на землю, въ количествѣ 31 дес., въ пользу причта, въ 1828 г. Мы отмѣчаемъ эту запись потому, что козаки (48 чел.) надѣляютъ землю причту *въ одномъ кускѣ*. Быть можетъ, эта запись можетъ указать на слѣды общиннаго владѣнія, существовавшаго въ лѣвобережной Украинѣ еще въ текущемъ столѣтіи. Выдѣлялись прихожанами, но уже исключительно для одного священника, грунты, гдѣ и строились для священниковъ жилища помѣщенія. Правда, такое обезпеченіе было не обязательно и священ-

ники жили иногда на квартирахъ, нанимаемыхъ ими самими, иногда-же, пользуясь добрымъ сердцемъ своихъ прихожанъ, запросто впрашивались въ чью-либо избу и тамъ жили.

Въ договорахъ точно обозначалась плата, какая условливалась при выборахъ, за совершеніе каждой требы. Таксы такого рода существовали рядомъ съ официальными, какія устанавливались царскими, синодальными и консисторскими указами. Онѣ многочисленны и разнообразны. Для образца приведемъ росписку 1768 г. ставленника Василя Андріевскаго, данную жителямъ с. Талалаевки, роменскаго уѣзда; по ней онъ обязывался взимать: за крещеніе младенца 3 к., за вѣнчаніе первобрачныхъ 10 к., вѣнчающихся вторымъ и третьимъ бракомъ 20 к., за «сводины» 5 к., за вѣнчаніе чужихъ прихожанъ не болѣе 1 руб.; за малый похорошъ 5 к., за большой 10 к., за освященіе дома 20 к., за поминальную обѣдню 10 к., за сорокоусть 2 руб., за молебень 10 к., панихиду 10 к.

Сверхъ денежной платы за требоисправленія, священникъ имѣлъ право сбора хлѣба съ прихожанъ, право такъ называемой *роковщины*. Размѣръ роковщины также обозначался въ договорахъ: отъ имѣющаго до 3 воловъ брали зерна полъчетверика государственной мѣры, до 4 воловъ или плугъ—одинъ четверикъ. Зерно принималось священникомъ то, какое выдавалъ прихожанинъ.

Собственность священниковъ, родовая и благопріобрѣтенная (путемъ наслѣдства, купли и приданное) въ видѣ грунтовъ съ постройками, домашнимъ скарбомъ и пр., играли нерѣдко болѣе значительную роль въ обеспеченіи священника, особенно его семьи, чѣмъ добротныя даванія прихожанъ.

Прошло много лѣтъ отъ того времени, котораго мы коснулись; но теперешнее положеніе священниковъ пирятинскаго уѣзда относительно матеріальнаго обезпеченія мало въ чемъ измѣнилось: 8 изъ 16 священниковъ, не имѣя никакой собственности, должны исключительно существовать на средства, получаемыя отъ прихожанъ, довольствуясь тѣмъ-же архаическимъ вознагражденіемъ за свой трудъ. Въ этой формѣ и скудной мѣрѣ вознагражденія за трудъ священника, намъ кажется, заключается источникъ и нареканій на поборы отъ священниковъ и самыхъ поборовъ, несоответствующихъ ни сану, ни положенію пастыря, причина неудовле-

творительныхъ отношеній пасомыхъ къ пастырю и обратно, относительной бѣдности духовенства и уклоненія лучшихъ силъ онаго отъ будущей пастырской миссіи. «Доброхотныя даянія» не обуславливаются теперь добровольными соглашеніями, но т. ск. практикой, которая для каждаго почти прихода своя, и это тѣмъ хуже для обѣихъ сторонъ. Плата за требы въ общемъ значительно возвысилась, но она и на половину не удовлетворяетъ нужды священника и его семьи. Теперь въ мѣстности, о которой говоримъ, за требы взимаютъ приблизительно такъ: за крещеніе 10 коп., за вѣнчаніе 8 р., за похоронъ малаго 30 к., за похоронъ взрослоаго 50 к., за молебень отъ 50 к. до 1 р. Водосвятіе, освященіе полей, скота, избъ и т. п. по личному соглашенію. Въ недавнее еще время существовала здѣсь предковская «роковщина», но она видоизмѣнилась такимъ образомъ, что, вмѣсто прежняго сбора зерна отъ имущаго рабочій скотъ, теперь каждый дворъ высылалъ ежегодно къ священнику рабочаго (косаря, или вязальника) безъ платы на одинъ день. Въ нѣкоторыхъ селахъ удержался также обычай убирать хлѣбъ или сѣно священнику *толокой*, для которой избираются всѣмъ памятные дни: Прокопа (8-го іюля), Гавріила (13-го іюля), Іліи (20-го іюля), Палія (Сантелеимона, 27-го іюля) и др. Существовалъ не такъ давно, но теперь уже совсѣмъ вывелся обычай «льнованія», состоявшій въ томъ, что «матушка», при участіи опытной молодежи, пріѣзжала на домъ къ болѣе зажиточнымъ прихожанкамъ и, послѣ употребленія привезеннаго ею-же угощенія, получала ленъ, коноплю и пр.

Архаическая форма вознагражденія за трудъ священника, скажемъ въ заключеніе, чужъ ли не главная причина ослабленія единенія между сельскимъ пастыремъ и его прихожанами. На это указывалъ намъ одинъ изъ старожилонъ-священниковъ названной нами мѣстности. «Тамъ, говорилъ онъ, гдѣ священникъ не имѣетъ никакой собственности и во всемъ глядитъ въ руки прихожанъ, отношенія ихъ большею частію если не враждебны, то холодны и далеки; напротивъ, у священниковъ, имѣющихъ собственныя достаточныя средства, отношенія къ прихожанамъ и обратно далеко искреннѣе».

2.

Какъ готовилось екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ импер. Екатерины II.

9-го мая сего года Екатеринославъ будетъ праздновать столѣтіе своего существованія. Одновременно съ этимъ во многихъ просвѣщенныхъ уголкахъ Украйны и Новороссіи вспомнятъ о путешествіи на югъ. совершенномъ въ 1787 году Екатериною II.

Это путешествіе надолго взволновало нашъ югъ, не опомнившійся еще отъ произведенной въ немъ всесторонней ломки: разгрома Запорожья, переустройства гражданскаго и соціального, введенія новыхъ властей, призыва новыхъ поселенцевъ. Все предшествовавшее лѣто и осень, во всю слѣдующую зиму, особенно же ранней весной шли по всему пути на широкую руку приготовленія къ встрѣчѣ «Державной»: строились временные дворцы, разбивались роскошныя палатки и шатры, выстраивались цѣлыя слободы на берегу Днѣпра, въ виду дворцевъ, стягивались экипажи и лошади, заготавливались всевозможные припасы, чистились города и села по пути, чинились и устраивались вновь мостовыя, выравнивались улицы и дороги, вылавливались нищіе, пьяницы и бродяги и высылались внутрь края, либо накрѣпко заключались на мѣстѣ. Словомъ, уничтожалось и сносилось, устранялось и скрывалось все ветхое, неприглядное, нечистое и бѣдное и нарочито создавалось и выставлялось то, что могло веселить взоръ и свидѣтельствовать о геніѣ и необычайныхъ заботахъ Потемкина о благѣ края, яко бы имъ призваннаго къ жизни, доголѣ же безлюднаго и дикаго.

Въ генварѣ 1787 г. Екатерина прибыла въ Кіевъ и здѣсь прожила зиму: посѣщала церкви и монастыри, молилась и лишь изрѣдка веселилась. Одно загадочное происшествіе нарушило здѣсь ея покой: вѣковая обитель Межигорская, вторая лавра кіевская, метрополія Запорожья, истреблена пожаромъ въ ночь передъ тѣмъ днемъ, въ который императрица хотѣла посѣтить ее. Но съ этимъ оканчивались заботы Потемкина о ломкѣ здѣсь стараго строя церковнаго, объ уничтоженіи обителей, бывшихъ представительницами иной жизни, объ изглаженіи всего, съ чѣмъ связана была еще память о старыхъ порядкахъ и ненавистномъ ему Запорожьѣ. 22-го

апрѣля Екатерина съ блестящей свитой отплыла отъ Кіева внизъ по Днѣпру на галерахъ, разукрашенныхъ флагами, направляясь въ волшебнo созданную Потемкинымъ Тавриду. Въ Каневѣ ее встрѣтили два вѣнценосные сосѣда. Праздненство закончилось фейерверкомъ, да мимоходомъ «старый грѣшникъ» увлекъ за собою чистокровную украинку, выданную потомъ въ замужество за сенатора, а либеральный Фалькенштейнъ чрезъ Коховскаго далъ подобный заказъ на далекіе лезгинскіе улусы. Вправо отъ Канева и самый Каневъ считались еще Польшей. Въ дальнѣйшемъ плаваніи Екатерина посѣтила Кременчугъ и села нынѣшней екатеринославской губерніи: Романково, Новше Кайдаки и наконецъ пустынную запорожскую слободу Половицу, гдѣ положила камень въ основаніе Преображенскаго собора, а вмѣстѣ и города Екатеринослава. Опасные пороги она объѣхала сухимъ путемъ, но съ надгорій днѣпровскихъ глядѣла, какъ ея галера съ частью свиты опускалась въ вѣчно бушующій *Ненасытецъ*, и, закрывъ глаза платкомъ, плакала. Лоцманъ Полторацкій получилъ щедрую награду, а царица въ экипажѣ поѣхала необитаемой степью чрезъ Никополь и Бериславъ до Херсона. Посѣщенія Тавріи и Крымъ. Шествіе уподоблялось триумфу; грандіозныя затраты создавали волшебство; но закулисная сторона открывала много непригляднаго: безумную прихоть тщеславнаго баловня судьбы, гнетъ, насилие и грубый обманъ ея исполнителей. Новоосаженные, съ помощію посуловъ и угрозъ, поселяне, вынколенные и выстроенные для торжественной встрѣчи, съ недоумѣніемъ смотрѣли на появлявшіяся въ ихъ избахъ на мгновенье самовары, чайные приборы, жареныхъ поросятъ, а сопутствовавшій, въ числѣ другихъ, Екатеринѣ графъ Сегюръ, незамѣтно оторвавъ въ одной избѣ хвостъ отъ жаренаго поросенка, легко приставилъ его въ другой.

Утомленная продолжительнымъ и шумнымъ путешествіемъ, Екатерина направилась въ обратный путь чрезъ Харьковъ, а отъ устроенной Потемкинымъ грандіозной церемоніи не осталось, кажется, иного слѣда, кромѣ сомнительной славы его, какъ колонизатора Новороссіи, которую онъ перестраивалъ на манеръ расхвалишагося юнаго наслѣдника несмѣтныхъ богатствъ, разрушающаго до основанія прочное, но скромное жилище своихъ предковъ, даже

не осмотрѣвъ его путемъ, и на развалинахъ его воздыгающаго прихотливыя, дорого стоющія, но недолговѣчныя палаты.

Среди причудливыхъ затѣй главнаго устроителя этого путешествія, въ громадной массѣ вызванныхъ имъ циркуляровъ, ордеровъ, предписаній и всего болѣе частныхъ писемъ, едва примѣтить можно скромную резолюцію екатеринославскаго архіерея, данную имъ въ ожиданіи того же высочайшаго путешествія, 20 генваря 1787 года. Она найдена нами въ архивѣ покровскаго собора, въ г. Александровскѣ, екатеринославской губерніи, и направлена къ устроенію и соблюденію наилучшаго порядка въ церквахъ и духовенствѣ тѣхъ мѣстъ, которыя могли бы удостоиться во время пути Высочайшаго посѣщенія. За годъ почти до начала путешествія, какъ говорится въ резолюціи, именно 18 іюня 1786 г., прислано было изъ святѣйшаго синода росписаніе разныхъ городовъ и сель, чрезъ которые имѣло послѣдовать въ генварѣ слѣдующаго года высочайшее ея императорскаго величества шествіе, съ предложеніемъ, конечно, епархіальнымъ архіереямъ сдѣлать соотвѣтственныя въ свое время распоряженія относительно высочайшей встрѣчи. Тогдашній екатеринославскій архіепископъ Амвросій съ первымъ, надо думать, извѣстіемъ о прибытіи императрицы въ Кіевъ успѣшилъ дать отъ себя инструкцію относительно необходимыхъ по духовной части приготовленій. Приготовленія несложныя, ничего почти не стоющія, требовавшія лишь нѣкотораго усердія и времени; но и на нихъ лежитъ печать общей заботы о томъ, чтобы отъ взоровъ Высокой путешественницы устранено было все носившее характеръ будничной жизни и обстановки, хотя бы съ подмѣномъ или заимствованіемъ. Вотъ эта резолюція-инструкція.

«Консисторіи предписать, кому надлежитъ, слѣдующее:

1) Благочиннымъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, самимъ протопопамъ осмотрѣть не только показанныя въ приложенномъ реестрѣ, но и между оными стоящія церкви и наблюдать: 1) чтобы всходы въ оныя и лѣсницы были исправны и надежны; 2) ветхости были починены; 3) полы были тверды и вымыты; 4) пыль и паутина были обметены; 5) дорога изъ церкви усыпана была пескомъ и травою; изъ церкви по краямъ около стѣнъ полъ усыпанъ травою; также около градъ дровъ, бревенъ и никакой нечистоты не было и она была

исправлена; 6) гдѣ ризы худы, взять лучше изъ другихъ церквей, также кресты, кадилы, лампы; 7) гдѣ священники не надежны—быть самому благочинному или другому по его наряду.

II) При въѣздѣ ея императорскаго величества, при церквяхъ звонить, доколь взойдетъ въ покой.

III) При выѣздѣ звонить же.

IV) Выходить изъ церкви при въѣздѣ съ крестомъ, кадилами и лампадою и стоять въ святыхъ воротахъ ограды, къ каретѣ жъ не подходить, развѣ остановленіемъ кареты противу церкви дастся знакъ, тогда подойти священнику, съ однимъ крестомъ, одному.

V) Гдѣ два или три священника, быть всѣмъ въ ризахъ.

VI) Гдѣ діакона нѣтъ, нарядить отъ другой церкви діакона порядочнаго.

VII) По всѣмъ уѣздамъ, по которымъ будетъ шествіе ея императорскаго величества, всѣхъ священно и церковно-служителей обязать подѣ опасеніемъ строжайшаго штрафа подписками, чтобы ни они, ни жены, ни сродники ихъ не осмѣливались ни подѣ какимъ видомъ ея императорское величество просьбами своими утруждать и чтобы никто ко дворцу въ близости не подходилъ, предѣ окнами не стоялъ, отчего и прихожанъ своихъ также удерживать.

VIII) Обязать же подписками, чтобы всѣ были трезвы и порядочны, чего и благочиннымъ накрѣпко смотрѣть, а пьянствующихъ на то время, гдѣ будетъ высочайшее шествіе, разослать для содержанія въ монастыри или въ отдаленнѣйшія мѣста; если же кто усмотрѣнъ будетъ пьянымъ или непорядочнымъ, то и благочинный и священникъ той церкви штрафованы будутъ.

IX) Гдѣ будетъ шествіе высочайшее поутру, священникамъ быть готовыми къ служенію литургіи, которую и не начинать до двѣнадцати часовъ, и съ утра изготовить проскомидію и прочесть часы, если-жъ гдѣ не будетъ слушать ея величество литургіи, то изготовленные дары употребить, или литургіи не служить.

X) Нарядить изъ священно и церковно-служителей для чтенія и пѣнія искусныхъ до четырехъ человекъ—отъ другихъ церквей и чтобы были въ суконномъ пристойномъ платьѣ, въ сапогахъ, вымыли руки и лице и причесали волосы».

Сообщ. Я. П. Новицкій.

Іосифъ-Игнатій Крашевскій.

Кончина ветерана польской литературы, умершаго въ Женевѣ прошлаго 7 марта, на 75 году отъ рожденія, встрѣчена европейской и русской печатью какъ крупная литературная потеря. Для литературы и журналистики польской эго потеря незамѣнимая и скорбь, которой приникнуть общій хоръ похвалъ, возданныхъ Крашевскому польскою печатью, находитъ себѣ полное объясненіе въ дѣятельности покойнаго писателя. Онъ не покидалъ пера въ теченіи 57 лѣтъ и оставилъ около 500 книгъ разнообразѣйшихъ сочиненій, не считая безчисленныхъ статей и замѣтокъ. Въ значительной степени его усиліями создана читающая польская публика и три поколѣнія были его читателями. «Онъ шелъ рука объ руку со своимъ временемъ, пишетъ о немъ *Gazeta Polska*, и потому не остался въ тылу за другими; онъ всегда былъ современнымъ и не сдѣлался живымъ анахронизмомъ, замѣняя каждое устарѣвшее сочиненіе-прежней эпохи новымъ, дышащимъ жизненностью текущей минуты... Онъ держалъ перо на пульсѣ общества». «Орачъ, плугъ котораго прошелъ по разнороднымъ нивамъ искусства,» Крашевскій былъ романистомъ, и сатирикомъ, драматургомъ, изслѣдователемъ старины, эстетикомъ, филологомъ, журналистомъ и даже рисовальщикомъ и музыкантомъ. «Былъ онъ, какъ выражается образно о его неутомимой дѣятельности *Wiek*, расточительнымъ богачемъ, разбрасывающимъ на обѣ стороны сокровища духа, и алчнымъ скупцемъ, жалѣвшимъ минуты спокойствія и отдыха... для себя». Единогласные въ оцѣнкѣ вліянія и производительности покойнаго романиста, органы польской печати расходятся нѣсколько въ оцѣнкѣ размѣровъ его дарованія. Для такой оцѣнки нужно, конечно болѣе спокойное состояніе духа, которое не мирится съ взволнованнымъ скорбью чувствомъ. Органъ позитивистовъ *Przegląd Tygodniowy* относится довольно сурово къ сошедшему въ могилу романтику, но, конечно, и онъ воздастъ должное его литературнымъ заслугамъ.

Изъ многолѣтней и неистощимой производительности Крашевскаго считаемъ долгомъ отмѣтить произведенія, посвященные нашему краю. Какъ беллетристъ, онъ примыкалъ отчасти, въ особенности въ періодъ многолѣтняго своего житья на Волыни, къ такъ назы-

ваемой украинской школѣ польскихъ писателей, чуждаясь ея фантастическо-романтическихъ и ограничиваясь *obuczajowemi powieściami*, повѣстями изъ панскаго и народнаго быта. Прекрасною страницей въ его дѣятельности останутся также описательные, историческіе и этнографическіе этюды мѣстностей Волыни, Полѣсья, Подолія и Новороссіи, написанные живо, съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ нему и чуждые тенденціи.

Въ своихъ польско-украинскихъ повѣстяхъ Крашевскій нерѣдко стоитъ искренно на сторонѣ малороссійскаго простонародья и не становится слѣпымъ предъ грѣхами его угнетателей, потому только, что эти угнетатели соплеменники писателя.

Отношенія его къ мѣстному крестьянскому классу, при ихъ гуманности, носятъ конечно извѣстный условный оттѣнокъ. Рабство вещь позорная и злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ тоже. Но виноваты преимущественно не помѣщики, то живущіе за границей, то ушедшіе совсѣмъ въ научныя специальности, а посредники между мужикомъ и помѣщикомъ—экономы. Противъ развитія мѣстной литературы и языка возразить ничего нельзя, но какъ не предпочесть имъ богатую и обширную культуру соплеменнаго народа? За всѣмъ тѣмъ въ украинскихъ повѣстяхъ Крашевскаго много правды и искренности. О его практическомъ отношеніи къ крестьянскому вопросу говорятъ статьи его въ эпоху освобожденія крестьянъ, доказывавшія необходимость обезпеченія ихъ земельнымъ надѣломъ.

Ostap Bondarczuk i Jaryna, романы служащіе одинъ продолженіемъ другого, принадлежатъ къ извѣстнѣйшимъ изъ украинскаго цикла произведеній Крашевскаго. Крестьянскій мальчикъ оказалъ услугу пану въ открытіи клада, за это панъ даетъ ему воспитаніе. Бондарчукъ возвращается изъ-за границы докторомъ иностраннаго университета, здѣсь на родинѣ попадаетъ въ отношенія соперничества къ сыну своего воспитателя. Они оба любятъ одну pannу, которая отдаетъ предпочтеніе чловѣку своего круга: Бондарчукъ, съ досады, женится на крестьянкѣ, которую не любитъ. Заключительная часть романа занята обрисовкой борьбы чувствъ великодушія и сердечныхъ стремленій изображенныхъ лицъ.

Olana—лучшая изъ повѣстей Крашевскаго изъ украинской жизни. Молодой панъ, въ глубокомъ волынскомъ Полѣсьи, влюбляется въ замужную крестьянскую женщину и любимъ ею. Эти отношенія

рождаютъ драму въ семьѣ героини повѣсти. Мужъ Уляны, съ горя, поджигаетъ панскій домъ, заложивши предварительно выходъ камнями. Пойманный и судимый, онъ отравляется въ тюрьмѣ ядомъ, который приноситъ ему тетка крестьянка. Уляна поселяется въ панскомъ дворѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ панъ бросаетъ ее и женится. Уляна вѣшается съ отчаянія.

Отношенія пана къ Улянѣ выступаютъ у автора не въ обычномъ видѣ «крѣпостныхъ» романовъ. Въ нихъ много идеальнаго элемента и истинной любви. Это не заставляетъ однако писателя видѣть въ своемъ героѣ рыцаря идеаловъ. Во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни и характера панъ остается съ кругомъ возрѣвнѣи и привычекъ, свойственныхъ рабовладѣльческому классу. Онъ прекрасно пользуется своимъ правомъ помѣщика, чтобъ удалять отъ Уляны мужа, сначала подъ предлогомъ работъ и посылокъ, а потомъ и совсѣмъ ужъ откровенно. Во время суда надъ крестьяниномъ, ему не приходитъ и въ голову, что расправа, учиненная мужемъ Уляны, вызвана нарушеніемъ элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ и что во всемъ этомъ дѣлѣ виновнѣе всѣхъ онъ самъ.

Въ романѣ *Latarnia Czarnocięska* (Волшебный фонарь) встрѣчается эпизодъ, который слѣдуетъ признать одною изъ самыхъ сильныхъ и искреннихъ вещей изъ всего, что писалъ Крашевскій о малорусскомъ мужикѣ. Это разсказъ одного изъ вводныхъ лицъ романа, *Historja Savki*, о томъ, какъ на его глазахъ въ панскомъ дворѣ былъ застѣченъ крестьянинъ.

Трехтомный историческій романъ изъ временъ Сигизмунда III *Ostatnia z riazqt Sluckich* повѣствуетъ о бракѣ этой послѣдней представительницы рода Олельковичей съ княземъ Соломерецкимъ. Героиня этого романа еще разъ выводится въ одномъ изъ небольшихъ очерковъ писателя, описывающимъ осаду Дубна.

Прекрасная книга *Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy*, вышедшая вторымъ изданіемъ въ Парижѣ съ изящными рисунками самого автора, даетъ очерки жизни, прошлаго и быта народа названныхъ мѣстностей, оживленные искуснымъ карандашомъ романитта. Другое, трехтомное сочиненіе въ томъ-же родѣ, *Wspomnienia Odessy, Jedyssanu i Budzaku* («члена одесскаго общества исторіи и древностей, Крашевскаго»), есть журналъ его путешествія по Подоліи, Новороссіи и Бессарабіи. На ряду съ замѣтками наблюдателя, тутъ раз-

сѣяно множество историческихъ воспоминаній, этнографическихъ отмѣтокъ, набросковъ жизни и людей того времени (епископъ Гавріиль, Воронцовъ, Нарышкинъ и др.) и прекрасныхъ характеристикъ степной природы края. Два послѣднія сочиненія не утратили и понынѣ своего интереса и переводъ ихъ въ цѣломъ или въ извлеченіи былъ-бы крайне желателенъ.

Въ издававшемся Крашевскимъ въ Вильнѣ «Атенеумѣ» помѣщалось не мало статей о Южной Россіи, иногда фантастическихъ, какъ работы печальной памяти этнографа Изопольскаго, но большею частью писанныхъ съ знаніемъ дѣла.

Къ заграничному періоду дѣятельности писателя относится еще повѣсть, начальныя главы которой имѣютъ мѣстомъ дѣйствія Каневъ, во время извѣстной встрѣчи въ этомъ городѣ Екатерины II съ Понятовскимъ. Героиня-крестьянка, подысканная лицомъ изъ свиты короля, какъ мимолетная забава ему во время остановки въ скучной глуши, въ Варшавѣ становится женою сенатора, получающаго за то каштелянскій дипломъ и орденъ. Этотъ сенаторъ такъ попалъ на свое призваніе, что предлагалъ потомъ тому же Понятовскому и вторую свою жену за званіе воеводы. Паденіе высшихъ классовъ польскаго общества въ ту эпоху нарисовано здѣсь Крашевскимъ безпощадно строгою кистью.

Думаемъ, что не будетъ лучшей похвалы скончавшемуся писателю, какъ сказать, что онъ имѣлъ силу духа и мужество быть правдивымъ. Въ взаимной справедливости залогъ любви и мира родственныхъ народностей и слава тому, кто умѣлъ служить ей.

W.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина“ выходитъ неизменно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *должны* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглобина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Марьинова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гянтера и Малецкого въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обязана редакция.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

1887 г. (VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) 1887 г.

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой. выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, выходящи въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроника, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 выхожденъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣсть 8 руб. 50 к., за границу 11 руб.

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

1) Записки гофмейстера Н. Д. Селецкого (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосѣвскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Печуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воєвода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Адресъ: *Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Г. Лебединцевъ.**